This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

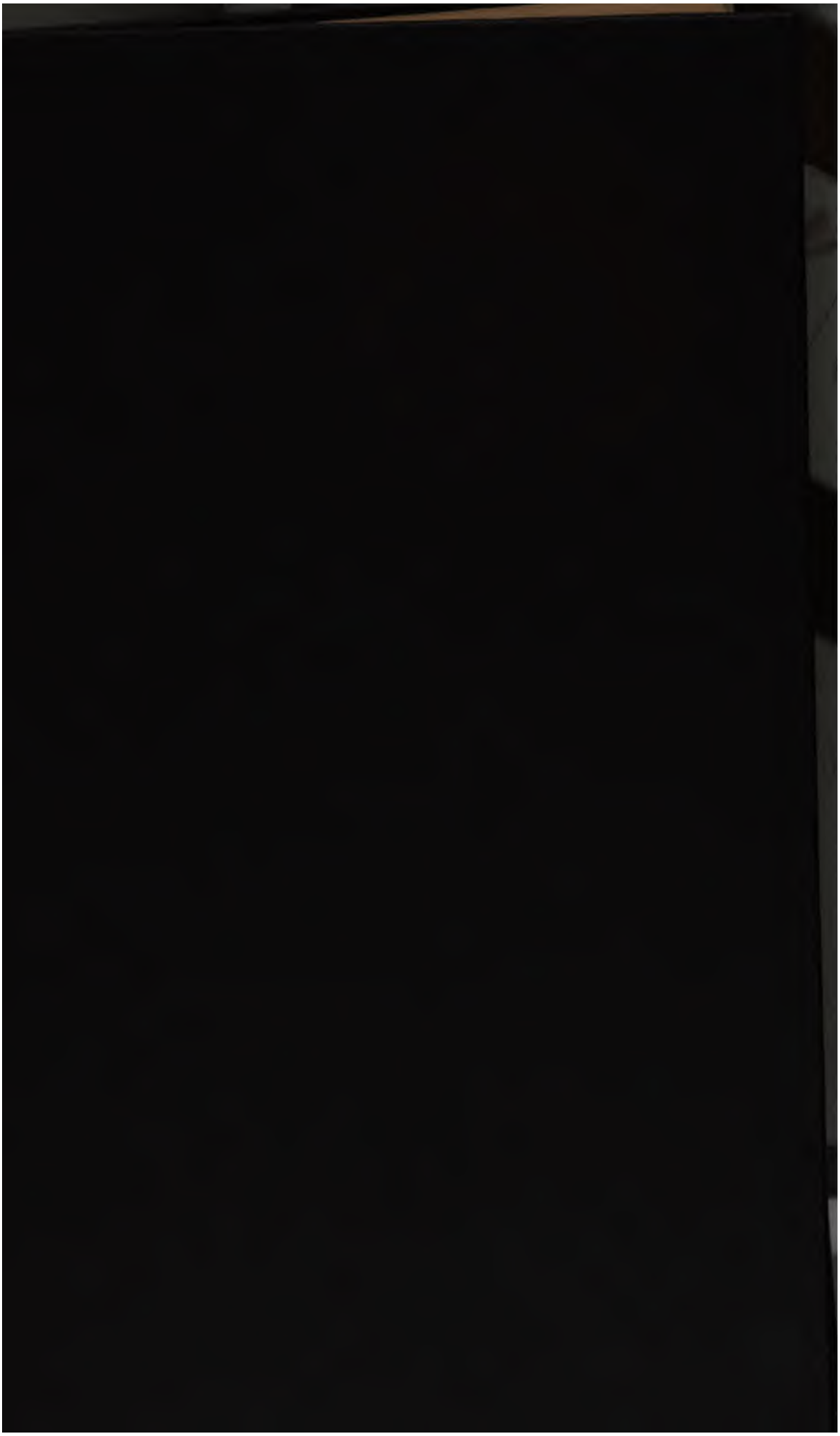
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СЕМДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1890

[illegible]

БУМАГИ

ГРАФА АРСЕНІЯ АНДРЕЕВИЧА

ЗАКРЕВСКАГО.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Біографическая замѣтка о жизни графа Арсенія Андреевича Закревскаго, составленная княземъ Д. В. Друцкимъ-Соколинскимъ. . . . . I—XVI

I. Письма князя Петра Михайловича Волконскаго къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815–1852 гг.

№ стр.

1. 28-го іюля 1815 г., въ 9 часовъ вечера. Парижъ . . 1
2. 29-го сентября 1816 г. Варшава. 1
3. 15-го марта 1818 г. Варшава 2
4. 27-го марта 1818 г. Варшава 3
5. 14-го апрѣля 1818 г. Варшава. 3
6. 4-го мая 1818 г. Одесса 5
7. 18-го мая 1818 г. Симферополь 5
8. 24-го октября 1818 г. Ахенъ 7
9. 12 го ноября 1818 г. Франкфуртъ на Майнѣ 8
10. 21-го августа 1819 г. Кирка Пихаіоки 9
11. 8-го сентября 1819 г.. 10
12. 6-го января 1820 г. С.-Петербургъ. 10
13. 12-го января 1820 г. С.-Петербургъ 12
14. 31-го января 1820 г. С.-Петербургъ 13
15. 15-го іюля 1820 г. Тверь. 13
16. 31-го іюля 1820 г. Чугуевъ 14
17. 17-го августа 1820 г. Варшава. 15
18. 2-го сентября 1820 г. Варшава. 17
19. 11-го сентября 1820 г. Варшава 19
20. 29-го октября 1820 г. Троппау 20
21. 4-го ноября 1820 г. Троппау 22
22. 8-го ноября 1820 г. Троппау 24
23. 10-го (22-го) ноября 1820 г. Троппау. 25
24. 20-го ноября 1820 г. Троппау 26
25. 4-го (16-го) декабря 1820 г. Троппау 27
26. 12 (24-го) декабря 1820 г. Троппау 30
27. 15 (27) декабря 1820 г. Троппау. 33

№		стр.
28.	21-го декабря 1820 г. Вѣна	33
29.	31-го декабря 1820 г. Лайбахъ	35
30.	6-го (18-го) января 1821 г. Лайбахъ	36
31.	12-го (24-го) января 1821 г. Лайбахъ	38
32.	15-го (27-го) января 1821 г. Лайбахъ	40
33.	22-го января 1821 г. Лайбахъ	41
34.	30-го января 1821 г. Лайбахъ	42
35.	6 (18) февраля 1821 г. Лайбахъ	45
	7-го февраля	46
	Приложеніе. Письмо ген.-м. И. Андржейковича А. А. Закревскому 9-го января 1821 г. С.-Петербургъ	47
36.	7-го февраля 1821 г.	48
	8-го февраля	48
37.	15-го (27-го) февраля 1821 г. Лайбахъ	49
38.	23-го февраля (7-го марта) 1821 г. Лайбахъ	51
39.	2-го (14-го) марта 1821 г. Лайбахъ	53
40.	8-го (20-го) марта 1821 г. Лайбахъ	55
41.	17-го (29-го) марта 1821 г. Лайбахъ	58
42.	24-го марта (5-го апрѣля) 1821 г. Лайбахъ	59
43.	8-го (20-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ	61
44.	15-го (27-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ	62
45.	17-го (29-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ	63
46.	23-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ	64
47.	27-го апрѣля (9-го мая) 1821 г. Лайбахъ	65
48.	29-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ	66
49.	15-го мая 1821 г. Брестъ-Литовскъ	67
50.	17-го мая 1821 г. Новый Свержень	—
51.	23-го мая 1821 г. Луга	68
52.	10-го октября 1821 г. Царское Село	—
53.	8-го (20-го) октября 1822 г. Верона	69
54.	15-го (27-го) ноября 1822 г. Верона	70
55.	16-го (28-го) ноября 1822 г. Верона	71
56.	18-го ноября 1822 г. Верона	72
57.	23-го ноября (5-го декабря) 1822 г. Верона	73
58.	1-го (13-го) декабря 1822 г. Верона	74
59.	7-го (19-го) декабря 1822 г. Венеція	75
60.	9-го (21-го) декабря 1822 г. Венеція	—
61.	6-го января 1823 г.	76
62.	3-го января 1823 г. Варшава	77
63.	10-го (22-го) августа 1823 г. Ахенъ	78
64.	23-го сентября (4-го октября) 1823 г. Парижъ	79
65.	3-го (15-го) октября 1823 г. Парижъ	80
66.	3-го (15-го) ноября 1823 г. Парижъ	81
67.	18-го (30-го) ноября 1823 г. Парижъ	83
68.	15-го (27-го) декабря 1823 г. Парижъ	84

№ стр.
69. 17-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ 85
70. 28-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ 86
71. 24-го мая 1824 г. С.-Петербургъ. 87
72. 25-го іюня 1824 г., с. Суханово . . . . . —
73. 29-го іюня 1824 г., с. Суханово 88
74. 11-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ 89
75. 13-го (25-го) марта 1825 г. Парижъ 90
76. 14-го (26-го) іюня 1825 г. Парижъ. 91
77. 14-го августа 1825 г. С.-Петербургъ 93
78. 1-го сентября 1825 г. С.-Петербургъ 94
79. 8-го октября 1825 г. Таганрогъ . . . . . —
80. 21-го ноября 1825 г. Таганрогъ 95
81. 7-го января 1826 г. Таганрогъ 97
82. 8-го сентября 1830 г.. 98
83. 5-го апрѣля 1835 г. С.-Петербургъ 99
84. 10-го іюня 1848 г. Петергофъ . . . . . —
85. 26-го іюня 1848 г. Петергофъ 100
86. 24-го іюля 1848 г. Петергофъ 101
87. 12-го августа 1848 г. Петергофъ 102
88. 1-го іюля 1849 г. Петергофъ. 103
89. 20-го августа 1849 г. Петергофъ. 104
90. 8-го сентября 1849 г. Петергофъ. 105
91. 12-го декабря 1850 г. С.-Петербургъ 106
92. 9-го августа 1851 г. Петергофъ 107
93. 1-го іюля 1852 г. Петергофъ. 108

II. Письма Арсенія Андреевича (впослѣдствіи графа) Закревскаго къ князю Петру Михайловичу Волконскому.

1820—1830 гг.

94. 19-го октября 1820 г. С.-Петербургъ 109
95. 21-го октября 1820 г. С.-Петербургъ 110
96. 26-го октября 1820 г. С.-Петербургъ . . . . . —
97. 2-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ 111
98. 5-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ 112
99. 19-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ . . . . . —
100. 3-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ 119
101. 10-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ 121
102. 17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ 123
103. 17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ 124
104. 24-го декабря 1320 г. С.-Петербургъ 128
105. 31-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ 129
106. 7-го января 1821 г. С.-Петербургъ 132
107. 14-го января 1821 г. С.-Петербургъ 133

№ стр.
[illegible]. 21-го января 1821 г. С.-Петербургъ 135
[illegible]. 26-го января 1821 г. С.-Петербургъ 138
[illegible]. 4-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ 140
[illegible]. 8-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ 142
12. 11-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ 143
13. 18-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ 144
14. 25-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ 146
115. 4-го марта 1821 г. С.-Петербургъ 148
116. 25-го марта 1821 г. С.-Петербургъ 150
117. 1-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ 154
118. 8-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ 155
119. 15-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ 157
120. 27-го октября 1822 г. С.-Петербургъ 159
121. 3-го ноября 1822 г. С.-Петербургъ 161
122. 1-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ. 162
123. 8-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ. 164
124 29-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ 167
125. 2-го января 1823 г. С.-Петербургъ 168
126. 24-го ноября 1823 г. С.-Петербургъ 170
127. 4-го декабря 1823 г. С.-Петербургъ 172
128. 14-го декабря 1823 г. С.-Петербургъ 174
129. 20-го января 1824 г. С.-Петербургъ 176
130. 4-го мая 1824 г. Гельсингфорсъ 178
131. 17-го (29-го) ноября 1824 г. Гельсингфорсъ 179
132. 22-го іюля 1825 г. Гельсингфорсъ 181
133. 12-го (24-го) сентября 1825 г. Гельсингфорсъ 182
134. 10-го декабря 1825 г. Гельсингфорсъ 183
135. 14-го февраля 1826 г. С.-Петербургъ 185
136. 3-го октября 1830 г. Саратовъ 186

III. Письма Алексѣя Петровича Ермолова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1828 гг.

137. 1812 г., безъ мѣсяца и числа 188
138. 28-го мая 1815 г. Виндзгеймъ 189
139. 19-го іюля 1815 г. . . . . —
140. 14-го ноября 1815 г. Варшава 191
141. 3-го января 1816 г. Орелъ 192
142. 28-го февраля 1816 г. Орелъ 193
143. 24-го марта 1816 г. Орелъ 195
144. 18-го ноября 1816 г. Тифлисъ . . . . . —
145. 4-го января 1817 г. Тифлисъ. 200
146. 9-го января 1817 г. Тифлисъ 202

№		стр.
147.	26-го января 1817 г. Тифлисъ	208
148.	19-го февраля 1817 г. Тифлисъ	212
149.	22-го февраля 1817 г.	215
150.	24-го февраля 1817 г.	217
151.	28-го февраля 1817 г.	218
152.	21-го марта 1817 г. Тифлисъ	222
153.	9-го апрѣля 1817 г. Тифлисъ	228
154.	12-го—17-го апрѣля 1817 г. Тифлисъ	231
155.	25-го апрѣля 1817 г. Сел. Караклиса, близъ персидской границы.	238
156.	15-го августа 1817 г. Султаніэ.	240
157.	15-го августа 1817 г. Султаніэ.	241
158.	25-го сентября 1817 г. Нахичевань въ Персіи	243
159.	22-го октября 1817 г. Тифлисъ.	244
160.	5-го ноября 1817 г. Тифлисъ	251
161.	30-го ноября 1817 г. Тифлисъ	253
162.	27-го января 1818 г. Тифлисъ	262
163.	12-го февраля 1818 г. Тифлисъ	263
164.	10-го марта 1818 г. Тифлисъ	264
165.	26-го марта 1818 г. Тифлисъ	272
166.	17-го апрѣля 1818 г. Моздокъ	273
167.	13-го мая 1818 года	277
168.	31-го мая 1818 г. лагерь на р. Сунжѣ	286
169.	9-го іюля 1818 г., лагерь на Сунжѣ	290
170.	10-го августа 1818 г., лагерь на Сунжѣ	297
171.	17-го августа 1818 г. Лагерь на Сунжѣ.	304
172.	30-го декабря 1818 г.	309
173.	« » февраля 1819 г. Тифлисъ	318
174.	20-го мая 1819 г. Тифлисъ	323
175.	1-го іюня 1819 г. Тифлисъ	329
176.	2-го іюня 1819 г. Тифлисъ	333
177.	27-го іюня 1819 г. Моздокъ	334
178.	6-го августа 1819 г. Лагерь при Андреѣ	338
179.	28-го августа 1819 г. Кр. Внезапная	343
180.	10-го сентября 1819 г. Андрей	347
181.	30-го сентября 1819 г. Кр. Внезапная	351
182.	11-го ноября 1819 г. У переправы чрезъ Сулакъ.	357
183.	20-го декабря 1820 г. Тифлисъ	360
184.	3-го февраля 1821 г. Орелъ	361
185.	3-го апрѣля 1821 г.	362
186.	7-го апрѣля 1821 г.	363
187.	11-го апрѣля 1821 г. м. Орша	—
188.	15-го апрѣля 1821 г. Брестъ-Литовскій	364
189.	16-го апрѣля 1821 г.	366

№		стр.
190.	22-го апрѣля 1821 г. Вишау. 4 мили отъ Брюна и гораздо ближе отъ Аустерлица	—
191.	27-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ	367
192.	5-го мая 1821 г. Вѣна	—
193.	27-го мая 1821 г. Варшава	368
194.	1-го іюня 1821 г. Варшава	—
195.	8-го октября 1821 г. Орелъ	369
196.	14-го октября 1821 г. Орелъ	370
197.	15-го октября 1821 г. Орелъ	372
198.	15-го октября 1841 г.	373
199.	16-го октября 1821 г. Орелъ	375
200.	9-го ноября 1821 г. Ставрополь	376
201.	21-го ноября 1821 г. Георгіевскъ	—
202.	6-го января 1822 г. Тифлисъ	379
203.	29-го января 1822 г.	383
204.	11-го января 1822 г. Тифлисъ	384
205.	23-го февраля 1822 г. Тифлисъ	386
206.	12-го марта 1822 г. Тифлисъ	389
207.	29-го апрѣля 1822 г. Тифлисъ	390
208.	8-го октября 1822 г. Тифлисъ	392
209.	« » ноября 1822 г. Тифлисъ	394
210.	« » ноября 1822 г.	400
211.	15-го декабря 1822 г. Тифлисъ	402
212.	2-го марта 1823 г. Тифлисъ	407
213.	10-го марта 1823 г. Тифлисъ	415
214.	8-го іюня 1823 г. Тифлисъ	417
215.	12-го января 1824 г. въ Дагестанѣ	421
216.	23-го января 1824 г. въ Дагестанѣ	426
217.	30-го мая 1824 г. Тифлисъ	429
218.	8-го марта 1824 г. Георгіевскъ	434
219.	10-го декабря 1824 г. Тифлисъ	435
220.	20-го января 1825 г. Тифлисъ	437
221.	12-го іюля 1825 г. Тифлисъ	439
222.	13-го декабря 1825 г. Кавказская линія	441
223.	12-го января 1826 г. Кавказская линія	442
224.	25-го февраля 1826 г. Кр. Грозная	443
225.	31-го марта 1826 г. Кавказская линія	444
226.	30-го мая 1826 г. Станица Червленная	446
227.	19-го іюня 1826 г. Екатеривоградъ	447
228.	13-го іюля 1827 г.	448
	Приложеніе. Копія съ письма Ермолова къ графу Дибичу отъ 13-го іюля 1827 года	450
229.	6-го августа 1827 г. Орелъ	451
230.	« » октября 1827 г. Орелъ	454

№ стр.
231. 19-го декабря 1827 г. Орелъ . . . . . 45[illegible]
232. 10-го марта 1828 г. Москва . . . . . 45[illegible]

IV. Письма графа Θеодора Васильевича Растопчина къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1824 гг.

233. 1812 г. безъ мѣсяца и числа 460
234. 21-го ноября 1812 г. Москва . . . . . —
235. 16-го января 1813 г. Москва 461
236. 17-го марта 1813 г. Москва . . . . . —
237. 30-го марта 1813 г. Москва 462
238. 19-го іюня 1813 г. Москва . . . . . —
239. 3-го іюля 1813 г. Москва 463
240. 13-го іюня 1813 г. Москва 464
241. 31-го января 1814 г. Москва . . . . . —
242. 28-го апрѣля 1814 г. Москва 465
243. 29-го декабря 1816 г. Парижъ 466
244. 1-го января 1817 г. Парижъ 467
245. 5-го (17-го) іюля 1818 г. Парижъ 468
246. 12-го (24-го) сентября 1818 г. Парижъ 469
247. 7-го марта 1819 г. Парижъ 470
248. 20-го іюля (1-го августа) 1820 г. Парижъ 471
249. 3-го января 1824 г. Москва 472

V. Письма графа (впослѣдствіи князя) Михаила Семеновича Воронцова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому

1812—1826 гг.

250. 19-го мая 1821 г. Луцкъ . . . . . [illegible]
251. 10-го іюля 1821 г. На маршѣ близъ [illegible] . . . . . [illegible]
252. Безъ мѣсяца и числа 1812 г. . . . . [illegible]
253. 22-го сентября 1812 г. [illegible] . . . . . [illegible]
254. 14-го октября 1812 г. . . . . [illegible]
255. 17-го октября 1812 г. . . . . [illegible]
256. 17-го (29-го) февраля [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]
257. 4-го (16-го) сентября [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]
258. 5-го (17-го) ноября [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]
259. 4-го (16-го) января [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]
260. 6-го (18-го) февраля [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]
261. 21-го іюня [illegible] . . . . . [illegible]
262. 2-го (14-го) декабря [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]
263. 4-го (16-го) мая [illegible] г. Мобежъ . . . . . [illegible]

№ стр.
[illegible] 493
[illegible] 496
[illegible] 498
[illegible] —
[illegible] 500
[illegible] 501
[illegible] 504
[illegible] —
[illegible] 505
[illegible] 506

III. Письма Дениса Васильевича Давыдова къ Арсенію Андреевичу впослѣдствіи графу Закревскому.

1813—1831 гг.

[illegible] 508
[illegible] 509
[illegible] —
[illegible] 510
[illegible] —
[illegible] 511
[illegible] 512
[illegible] —
[illegible] 513
[illegible] 514
[illegible] 515
[illegible] 516
[illegible] 517
Приложенія: I. Письмо барона К. Ф. Толя—Д. В. Давыдову [illegible] г. № 6. С.-Петербургъ —
II. Письмо Дениса Васильевича Давыдова барону Карлу Федоровичу Толю. Безъ мѣста и числа. —
[illegible] 518
[illegible] 520
[illegible] —
[illegible] 521
[illegible] 522
[illegible] 524
[illegible] —
[illegible] 526
[illegible] 527
[illegible] 528
[illegible] —

№ стр.
298. 28-го іюля 1821 г. 529
299. 15-го августа 1821 г. . . . . —
300. 30-го августа 1821 г. 530
301. 26-го декабря 1821 г. 531
302. 27-го февраля 1822 г. Москва . . . . . —
303. 16-го марта 1822 г. Москва 532
304. 2-го апрѣля 1822 г. Москва 533
305. 13-го ноября 1822 г. Москва. 534
306. 6-го марта 1824 г. 535
307. 23-го іюня 1824 г. Москва. 536
308. 10-го декабря 1825 г. 537
309. 23-го декабря 1825 г. Москва 538
310. 9-го января 1826 г. . . . . —
311. 16-го февраля 1826 г. 539
312. 26-го марта 1826 г. 540
313. 30-го марта 1826 г. 541
314. Понедѣльникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенія. Получено 23-го апрѣля 1826 г. . . . . —
315. 5-го января 1827 г. 542
316. 8-го января 1827 г. Москва 547
317. 10-го августа 1827 г. Москва 548
318. 4-го октября 1827 г. Москва. 550
319. 10-го ноября 1827 г. Москва 551
Приложеніе. Отношеніе генералъ-адъютанта Паскевича Д. В. Давыдову 3-го сентября 1827 г. 552
320. 6-го августа 1828 г. С. Мышецкое возлѣ Москвы .. . 553
321. 13-го іюля 1829 г. с. Шукша 554
322. 23-го сентября 1829 г. Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, с. Маза 557
323. 16-го октября 1829 г. Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, село Маза 559
324. 17-го іюля 1831 г. м. Куровъ 560
325. 13-го ноября 1831 г. Москва. 562

VII. Письма Ивана Васильевича Сабанѣева къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1828 гг.

326. 20-го іюля 1815 г. Нанси 564
327. 4-го августа 1815 г. Нанси 565
328. 7-го августа 1815 г. Нанси 566
329. 2-го (14-го) сентября 1815 г. Orbaix . . . . . —
330. 16-го января 1816 г. Дубно 567
331. 18-го февраля 1816 г. Орелъ. . . . . —

№		стр.
332.	13-го октября 1816 г. Бендеры	568
333.	3-го ноября 1816 г. Ольвіополь	569
334.	27-го ноября 1816 г. Бендеры	—
335.	15-го декабря 1816 г. Бендеры	571
336.	3-го февраля 1817 г. Бендеры	—
337.	13-го февраля 1817 г. Бендеры	572
338.	27-го марта 1817 г. Бендеры	573
339.	15-го августа 1817 г. Тирасполь	575
340.	7-го іюля 1819 г. Одесса	576
341.	14-го февраля 1821 г. Тирасполь	577
342.	22-го апрѣля 1821 г. Одесса	580
343.	18-го мая 1821 г. Одесса	—
344.	13-го іюля 1821 г. Кишиневъ	581
345.	10-го августа 1821 г.	582
346.	5-го ноября 1821 г. Тирасполь	583
347.	12-го марта 1822 г. Тирасполь	586
348.	18-го марта 1822 г. Тирасполь	587
349.	19-го іюня 1822 г.	—
350.	18-го ноября 1822 г. Тирасполь	588
351.	19-го января 1823 г.	589
352.	16-го февраля 1823 г. Тульчинъ	590
353.	20-го марта 1823 г. Тирасполь	—
354.	19-го августа 1824 г. Тульчинъ	591
355.	15-го сентября 1824 г. Браиловъ	593
356.	31-го октября 1824 г.	—
357.	28-го ноября 1824 г. Тирасполь	594
358.	31-го декабря 1824 г.	595
359.	19-го іюня 1826 г. Карлсбадъ	596
360.	14-го іюля 1826 г. Карлсбадъ	597
361.	28-го октября 1826 г. Тирасполь	598
362.	9-го февраля 1827 г. Тирасполь	599
363.	10-го мая 1827 г. Кавк. мин. воды	600
364.	26-го августа 1827 г. Одесса	601
365.	24-го января 1828 г. Одесса	602
366.	5-го (17-го) августа 1828 г. Карлсбадъ	603

—

Алфавитный указатель собственныхъ именъ, упомянутыхъ въ текстѣ | 605

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
24	31	Чадаевымъ	Чаадаевымъ
153	8	Кремковскій	Кремповскій
163	24	Княжинъ	Княжнинъ
362	31	Ожеровскій	Ожаровскій.
474	3	1812—1825	1812—1826

Въ началѣ 1889 года князь Друцкой-Соколинскій поднесъ Его Императорскому Величеству фамильныя бумаги, оставшіяся послѣ смерти графа Арсенія Андреевича Закревскаго.

Государю Императору угодно было возложить разсмотрѣніе этихъ бумагъ на предсѣдателя Императорскаго русскаго историческаго общества, А. А. Половцова, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ интересъ и не появлялись еще въ печати, были помѣщены на страницахъ Сборника.

Согласно сему издается нынѣ подъ редакціею члена общества Н. Ѳ. Дубровина настоящій томъ бумагъ графа Закревскаго.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

о жизни графа Арсенія Андреевича Закревскаго,

составленная княземъ Д. В. Друцкимъ-Соколинскимъ.

Въ сентябрѣ 1864 года покойный графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій передалъ мнѣ въ Италіи, въ нашемъ имѣніи Гальчето (въ 4 верстахъ отъ города Прато въ Тосканѣ), цѣлый сундукъ писемъ и бумагъ всякаго рода, которыя накопились у него за всю его жизнь. Предполагалось весною 1865 года, когда графъ вернется въ Гальчето, что я займусь, по его указаніямъ и съ помощью имѣющихся документовъ, писаніемъ его записокъ, такъ сказать, подъ его диктовку. Предположенію этому не суждено было осуществиться. Въ ноябрѣ 1864 года графъ переѣхалъ во Флоренцію и тамъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ скончался.

Графъ Закревскій происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода. Родился онъ 13 сентября 1786 года, Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи Берниковѣ. Дѣдъ его, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ арміи подполковникомъ, былъ женатъ на Аннѣ Ильинишнѣ Лутковской; отецъ, отставной поручикъ Андрей Ивановичъ, былъ женатъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Солнцевой. Послѣ смерти графа, въ 1865 году, родовое имѣніе его было подарено наслѣдницами, женою и дочерью, его племянникамъ, дѣтямъ единственнаго брата, Ивана Андреевича Закревскаго.

Въ 1795 году девятилѣтній Арсеній Закревскій поступилъ въ Шкловскій кадетскій корпусъ, перемѣщенный потомъ въ г. Гродно. 19-го ноября 1802 года онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ, расположенный тогда въ западныхъ губерніяхъ. По разсказамъ графа, онъ еще засталъ въ арміи старинную форму; носилъ букли, пудру и въ строю имѣлъ эспантонъ въ рукахъ. Начало его службы было тяжелое; приходилось жить въ грязной, кур

ной литовской избѣ и питаться исключительно яйцами. Помню, разъ въ Ивановскомъ онъ самъ изготовилъ яичницу такъ, какъ онъ ее дѣлалъ въ началѣ своей службы, и могу засвидѣтельствовать что это блюдо было очень вкусно.

Мирная стоянка въ курныхъ избахъ продолжалась недолго; скоро подпоручикъ (произведенъ въ 1804 г.) Закревскій вступилъ въ боевую жизнь. Первое сраженіе, въ которомъ онъ участвовалъ, было 10-го ноября 1805 г. при вытѣсненіи непріятеля изъ мѣстечка Раузница, а десять дней спустя, 20-го ноября, онъ принималъ участіе въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, за каковую и получилъ Анну 3-й, что нынѣ 4-й степени.

Шефомъ Архангелогородскаго полка передъ кампаніей 1805—1807 годовъ былъ молодой графъ Николай Михайловичъ Каменскій 2-й, сынъ извѣстнаго екатерининскаго фельдмаршала. По Высочайшему повелѣнію шефы полковъ обязаны были находиться при своихъ полкахъ и ими дѣйствительно командовать. Во время отступленія тотчасъ послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, шефъ полка замѣтилъ хладнокровіе, находчивость и распорядительность подпоручика Закревскаго, результатомъ чего было назначеніе его въ томъ же году баталіоннымъ адъютантомъ; въ слѣдующемъ (8 іюля) 1806 году онъ былъ уже полковымъ. Близкое знакомство шефа съ молодымъ офицеромъ рѣшило участь послѣдняго. Когда графъ Каменскій былъ произведенъ въ бригадные командиры, то Закревскій былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ (14 апрѣля 1807 года), и это званіе при своемъ начальникѣ сохранилъ во все время до самой смерти графа Каменскаго, т. е. до 1811 года.

Кампанія 1805—1807 г. была особенно тяжелая по военнымъ дѣйствіямъ въ зиму 1806 — 1807 годовъ. Закревскій участвовалъ во всѣхъ трудныхъ походахъ этой зимней кампаніи и былъ въ двухдневномъ большомъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 г.), за что пожалованъ золотымъ знакомъ отличія, въ память сей битвы установленномъ, а затѣмъ былъ въ составѣ того отряда, который былъ посаженъ 26-го апрѣля 1807 г. въ Пиллау на англійскіе корабли и перевезенъ къ Данцигу. За сраженіе при крѣпости Вейксельмюнде онъ былъ награжденъ прусскимъ орденомъ Pour le mérite. 8-го іюля 1807 года бригада графа Каменскаго возвратилась въ Россію, но не надолго: 23-го февраля 1808 года она была уже въ Финляндіи при осадѣ и взятіи Свеаборга.

Въ финляндскую кампанію 1808 — 1809 гг., оконченную графомъ Каменскимъ уже въ качествѣ главнокомандующаго, Закревскій, оставаясь его адъютантомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ его

канцеляріи. Съ 1808 года начинаются тѣ письменные документы, которые хранятся въ нашемъ архивѣ. За 1808—1811 года они интересны какъ относящіеся до дѣятельности графа Каменскаго, такъ какъ исключительно содержатъ его распоряженія, писанныя рукою А. Закревскаго. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ біографіи графа Николая Михайловича, жизнь котораго представляетъ своего рода романическую изъ ряда вонъ выходящую окраску. Молодой, красивый, блестящій человѣкъ дѣлается главнокомандующимъ арміей, ведетъ дѣло успѣшно при трудныхъ обстоятельствахъ, одерживаетъ славныя побѣды и вдругъ умираетъ какъ-то таинственно. Ученикъ Суворова (графъ Каменскій участвовалъ въ славной италіанской кампаніи 1799 года), онъ угасаетъ, не высказавшись вполнѣ, если такъ можно выразиться, и во всякомъ случаѣ не осуществивъ тѣхъ надеждъ, которыя возбуждалъ, и именно въ такое время, когда это осуществленіе было всего болѣе необходимо для Россіи. Графъ Закревскій до конца своей жизни боготворилъ своего перваго начальника; по его словамъ, графъ Каменскій былъ геніальный полководецъ, которому не было равнаго между генералами той эпической эпохи нашей исторіи. Онъ всегда положительно увѣрялъ, что таково было мнѣніе Наполеона I, которое тотъ высказывалъ какъ во время любезностей тильзитскаго свиданія, такъ впослѣдствіи, въ Парижѣ, неоднократно, послѣ финляндской кампаніи. Графъ Закревскій не разъ мнѣ повторялъ это мнѣніе Наполеона и всегда въ тѣхъ же одинаковыхъ выраженіяхъ, а потому привожу его здѣсь.

Въ 1808 году, 22-хъ лѣтъ, капитанъ Закревскій (произведенъ въ этотъ чинъ 12 декабря 1808 г., за отличіе при сраженіи у Оровайса) былъ начальникомъ канцеляріи главнокомандующаго русской арміи въ Финляндіи. За сраженія при Сарвикѣ, Кауртанѣ и Сальме, происходившія съ 18-го по 21-е августа, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. За сраженіе съ 7 по 9 августа 1809 г., въ предѣлахъ шведскаго королевства, въ Вестерботніи при Зеерарѣ и у гавани Ратанъ, за особое отличіе онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость».

Вскорѣ послѣ окончанія военныхъ дѣйствій въ Финляндіи графъ Каменскій 2-й былъ назначенъ главнокомандующимъ русской арміей въ Молдавіи. При новомъ назначеніи своего начальника А. А. Закревскій сохранилъ при немъ свое прежнее мѣсто управляющаго его канцеляріей и сопровождалъ его изъ Петербурга въ армію. По дорогѣ они заѣхали къ отцу графа Каменскаго, жившему тогда постоянно въ деревнѣ. Старикъ фельдмаршалъ принялъ ихъ радушно, но съ нѣкоторымъ це-

ремоннымъ достоинствомъ, часто встрѣчавшимся тогда у людей XVIII вѣка, даже въ семейныхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, во время краткаго пребыванія сына, онъ поручилъ молодому главнокомандующему повѣрить подворную опись села, въ которомъ жилъ. Побѣдитель шведовъ повиновался безпрекословно отцовскому приказанію и, въ сопровожденіи своего адъютанта, обходя всѣ избы, собственноручно сдѣлалъ необходимыя отмѣтки на описи.

Въ 1810 году за отличіе въ сраженіи при Шумлѣ Закревскій былъ произведенъ въ маіоры (28 іюля). Никогда прежде не получившій ни малѣйшей царапины, не смотря на то что не разъ бывалъ въ жаркомъ бою, тутъ при штурмѣ Рущука онъ былъ контуженъ дважды въ лѣвую руку и въ лѣвую же ногу; но не смотря на это остался при исполненіи своихъ обязанностей. За это, а также за отличіе въ Батинской битвѣ, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

Въ 1811 году графъ Каменскій скончался. Смерть загадочная, странная, необъяснимая обыкновенными причинами. Молодой еще человѣкъ, съ небольшимъ тридцати лѣтъ, здоровый, крѣпкій, перенесшій не мало лишеній, закаленный, вдругъ при лучшихъ условіяхъ жизни, безъ всякой болѣзни, слабѣетъ и въ короткое время угасаетъ. Не разъ Закревскій высказывалъ мнѣ категорически, что графъ Каменскій былъ отравленъ. Передаю вслѣдствіе сего вкратцѣ его слова.

Въ Бухарестѣ графъ Каменскій счелъ необходимымъ сдѣлать визитъ представителю Франціи, съ которой мы тогда наружно были еще въ тѣсной дружбѣ. Окруженный конвоемъ и блестящей свитой отправился онъ къ французскому консулу. Пріемъ былъ чрезвычайно почетный, чашку чаю главнокомандующему подала съ глубокимъ поклономъ сама жена консула. Не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ онъ выпилъ эту чашку, какъ съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ вынужденъ былъ поспѣшно удалиться. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого визита графъ Каменскій на столько ослабѣлъ, что отказался отъ командованія арміей и въ сопровожденіи Закревскаго уѣхалъ въ Одессу, гдѣ на его рукахъ и скончался.

Не задолго передъ своей смертью онъ передалъ Закревскому собственноручное письмо Государю Императору съ приказаніемъ тотчасъ по его кончинѣ передать это письмо лично по назначенію. Арсеній Андреевичъ въ точности исполнилъ послѣднее приказаніе своего начальника. Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ вообще очень любезно, особенно бывшимъ тогда военнымъ министромъ, Барклаемъ де Толли, знав-

шимъ его по финляндской кампаніи. Безъ всякихъ его просьбъ ему было обѣщано скорое назначеніе; но время уходило и ни о какомъ назначеніи не было слышно. Проживъ въ Петербургѣ болѣе мѣсяца безъ дѣла, одинокій и нравственно разбитый только-что перенесенной утратой, въ которой онъ видѣлъ потерю всей своей будущности, Закревскій счелъ себя забытымъ и пришелъ къ убѣжденію, что ему ничего другого не остается какъ бросить службу и навсегда уѣхать въ деревню. Со всегдашней своей рѣшительностью онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Отвѣтомъ на это прошеніе было назначеніе его адъютантомъ къ военному министру (12-го декабря 1811 года), а 30 января 1812 года онъ былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ изъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка въ лейбъ-гвардіи Преображенскій и съ оставленіемъ въ прежней должности. 13-го февраля того же года онъ былъ произведенъ въ полковники, а 21-го марта Высочайшимъ указомъ даннымъ Правительствующему Сенату назначенъ директоромъ особенной канцеляріи при военномъ министрѣ.

Съ этимъ назначеніемъ начинается, такъ сказать, вторая часть служебной карьеры А. А. Закревскаго. Сдѣлавшись приближеннымъ человѣкомъ той исторической личности, которой вскорѣ предстояло играть выдающуюся роль въ столь важныхъ событіяхъ, молодой полковникъ пріобрѣталъ возможность выказать вполнѣ свои способности. Обстоятельства дѣйствительно слагались выгодно для него; но однимъ счастливымъ сочетаніемъ обстоятельствъ невозможно объяснить дальнѣйшую карьеру Закревскаго. Было же, вѣроятно, что-нибудь и другое, помимо счастья, которое помогло ему не только удержаться въ достигнутомъ положеніи, но идти далѣе и выше.

Весной 1812 года Закревскій сопровождалъ Барклая-де-Толли въ западную армію, коей тотъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, и ему выпала печальная обязанность объявить Государю Императору Александру Павловичу о переходѣ войскъ Наполеона черезъ русскую границу. Затѣмъ, какъ директоръ канцеляріи главнокомандующаго, онъ участвовалъ въ двухдневномъ бою подъ Смоленскомъ (4-го и 5-го августа), въ дѣлѣ подъ Гедеоновымъ и Бредихинымъ (7-го августа) и, наконецъ, въ славномъ для русскаго оружія сраженіи подъ Бородинымъ (24-го и 26-го августа). За послѣднее онъ былъ нагрѣжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Наканунѣ бородинскаго сраженія, Барклай-де-Толли, графъ Кутайсовъ и полковникъ Закревскій ночевали вмѣстѣ, въ одной крестьянской избѣ. По словамъ послѣдняго, Барклай былъ очень грустенъ, чуть не

всю ночь писалъ и только къ утру, запечатавъ и положивъ въ карманъ написанное, — немного подремалъ. Графъ Кутайсовъ, столь любимый всей арміей, которая считала его однимъ изъ лучшихъ, боевыхъ, молодыхъ генераловъ, былъ, напротивъ, веселъ, разговорчивъ, шутливъ, нисколько не предвидя предстоящаго ему на завтра печальнаго конца. Во время самаго сраженія Барклай, очевидно, искалъ смерти и не разъ Закревскій чуть не силой выводилъ его изъ убійственнаго огня, которому онъ подвергался безъ всякаго основанія, совершенно даромъ; однако, оба остались невредимы.

Послѣ извѣстнаго историческаго совѣщанія въ Филяхъ, А. А. Закревскій вмѣстѣ съ докторомъ Баталинымъ сопровождалъ Барклая-де-Толли объѣзднымъ путемъ въ его новгородское имѣніе. Здѣсь во Владимірской губерніи на одной изъ почтовыхъ станцій случилось съ ними обстоятельство, которое не имѣло печальнаго исхода, только благодаря энергіи Закревскаго. Барклай во время всего путешествія былъ угрюмъ, молчаливъ и казался совершенно безучастнымъ ко всему тому, что вокругъ него происходило. Онъ машинально, такъ сказать, повиновался своему адъютанту, который всѣмъ распоряжался. На этой станціи вслѣдствіе-ли праздничнаго дня, или по другой причинѣ, народъ былъ въ сборѣ; когда узнали кто ѣдетъ, толпа собралась вокругъ станціоннаго дома и послышались зловѣщіе крики. Народъ не хотѣлъ выпускать измѣнника, а собирался удержать его. Къ счастію, лошади были уже запряжены; съ саблей въ рукахъ Закревскій проложилъ дорогу своему начальнику и заставилъ ямщика ѣхать.

По пріѣздѣ къ себѣ въ имѣніе, Барклай-де-Толли отдалъ своему адъютанту письмо съ порученіемъ лично отдать его Государю Императору Александру Павловичу. Во второй разъ, почти ровно черезъ годъ, въ жизни Закревскаго передача письма играетъ важную, рѣшающую роль. Государь былъ милостивъ къ нему; лично поздравилъ его флигель-адъютантомъ (Высочайшій приказъ 3-го декабря 1812 г.) и высказалъ ему желаніе, чтобы онъ завтра же на выходѣ явился въ мундирѣ своей новой должности.

Графу несказанно хотѣлось исполнить волю Государя, а еще болѣе вѣроятно, поскорѣе надѣть блестящій флигель-адъютанскій мундиръ; но никто изъ извѣстныхъ, лучшихъ въ то время, въ Петербургѣ портныхъ не брался его сшить. Тогда графъ рѣшился обратиться къ портному Государя, старику раскольнику, очень своеобразнаго и независимаго характера, который отъ незнакомыхъ ему и особенно отъ молодыхъ офицеровъ не принималъ заказовъ. Выслушавъ просьбу,

онъ улыбнулся и сказалъ ему: «Хорошо, будь спокоенъ, завтра все будетъ готово, но знай, не для тебя это дѣлаю, а въ память бывшаго твоего начальника, графа Каменскаго, который славно поработалъ матушкѣ Россіи».

Отдыхъ, которому, по милостивому выраженію Государя Императора, могъ предаваться молодой полковникъ флигель-адъютантъ Закревскій въ Петербургѣ,—продолжался не долго. Историческія событія шли тогда быстро, и 20-го апрѣля 1813 года онъ уже принималъ участіе въ сраженіи подъ Люценомъ, Бауценомъ (8-го и 9-го мая), подъ Дрезденомъ (12-го — 15-го мая) и Кульмомъ (17-го и 18-го мая). За отличіе въ сихъ дѣйствіяхъ 15-го сентября 1813 г. Закревскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а на другой день лейпцигскаго сраженія, 8-го октября того же года, былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ Его Императорскому Величеству.

Въ 27 лѣтъ быть генералъ-адъютантомъ въ то время, когда ихъ было всего семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и Великаго Князя Константина Павловича—это было рѣдкое явленіе, особенно исключительное, если принять въ соображеніе, что новопожалованный молодой незнатный дворянинъ былъ пришлецомъ въ петербургскихъ правящихъ сферахъ. Тотчасъ послѣ своего новаго назначенія Закревскій лично получилъ слѣдующее порученіе отъ самого Государя Императора. Я столько разъ слышалъ отъ покойнаго объ этой эпохѣ его жизни и всегда одинаково, что приводимыя мною ниже слова Государя безусловно вѣрны, или точнѣе сказать, безусловно тѣ, которыя слышалъ отъ А. А. Закревскаго. Главнокомандующимъ тогда русской арміей въ Германіи былъ Барклай-де-Толли.

«Я не хочу»,—сказалъ Государь Закревскому,—«затруднять главнокомандующаго письменными рапортами и личными объясненіями, посему назначаю васъ состоять при немъ, и мнѣ ежедневно, а то и чаще,—если необходимо, сообщать все, что главнокомандующій сочтетъ нужнымъ доводить до моего свѣдѣнія. Въ походѣ не всегда можно писать какъ слѣдуетъ,—пишите мнѣ хоть на клочкѣ бумаги, карандашомъ. Если же и писать вамъ будетъ некогда,—присылайте мнѣ словесныя сообщенія. Для сего назначаю состоять при васъ двухъ моихъ флигель-адъютантовъ».

Одинъ изъ сихъ назначенныхъ флигель-адъютантовъ былъ графъ Браницкій; имя другаго не помню. Съ 9-го октября 1813 года и до вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ Закревскій былъ связующимъ звеномъ между Государемъ Императоромъ и главнокомандующимъ.

Часто въ это время ему удавалось улаживать и устранять многія недоразумѣнія, неизбѣжныя при военныхъ дѣйствіяхъ, производимыхъ союзными войсками, такъ сказать, на глазахъ Государей, слѣдовавшихъ за своими арміями. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. принималъ дѣятельное участіе въ этихъ дѣйствіяхъ, сопровождая всюду своего бывшаго начальника. За сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ 13-го и подъ Парижемъ 18-го марта онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени.

29-го мая 1815 года ему было Высочайше поручено сформированіе главнаго штаба Его Императорскаго Величества, къ чему онъ и приступилъ въ Гейдельбергѣ. Вторичный походъ во Францію пріостановилъ это формированіе; но фактически онъ былъ дежурнымъ генераломъ, сопровождалъ Государя Императора въ продолженіе всего похода и за тщательное исполненіе новыхъ обязанностей получилъ брилліантовые знаки къ ордену св. Анны 1-й степени.

12-го декабря 1815 года Закревскій былъ окончательно назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба. Этимъ назначеніемъ заканчивается боевая его дѣятельность и начинается чисто административная. Вѣдѣнію дежурнаго генерала подлежали инспекторскій и аудиторіатскій департаменты, всѣ военно-сиротскія отдѣленія въ Россіи и военная типографія.

Дѣятельность его въ административной сферѣ, если не самостоятельной вполнѣ, то во всякомъ случаѣ видной, заслужила безусловно Высочайшее одобреніе. Доказательствомъ тому служитъ тотъ важный фактъ, что, не смотря на открытую вражду со всесильнымъ тогда графомъ Аракчеевымъ, онъ оставался въ должности дежурнаго генерала весьма продолжительное время. А. А. Закревскій очень тяготился своей кабинетной бумажной службой и не безъ причины. Онъ страдалъ тогда жестокими, головными болями и не разъ хлопоталъ черезъ начальника штаба князя П. М. Волконскаго о перемѣнѣ этой службы; но перемѣна эта послѣдовала не скоро. 30-го августа 1821 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 30-го августа 1823 года былъ назначенъ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса. Позднѣе, Арсеній Андреевичъ неоднократно получалъ явныя доказательства тому, что оставилъ по себѣ добрую память въ Финляндіи и пользовался тамъ всеобщей любовью. Самъ онъ очень любилъ эту страну и всегда отзывался съ похвалой о трудолюбіи ея народа. Когда только могъ, онъ всегда носилъ мундиръ Финскаго стрѣлковаго баталіона, котораго былъ творцомъ и мундиръ котораго ему былъ пожалованъ. Одно только сожалѣніе высказывалъ онъ

всегда, что обстоятельства помѣшали ему присоединить совершенно Финляндію къ Россіи. Въ 1825 году при восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, Закревскій привелъ Сенатъ, должностныхъ лицъ и все населеніе Финляндіи къ присягѣ, по общей формѣ, какъ во всей Россіи, и тѣмъ фактически считалъ уничтоженнымъ обособленное положеніе этой страны. Но Государь впослѣдствіи, не смотря на всѣ настоянія его, подтвердилъ основанія Абоскаго мира и тѣмъ возвратилъ самостоятельность Финляндіи. Графъ подчинился, какъ всегда, распоряженію самодержавной власти; но до конца своей жизни горячо доказывалъ, что еслибы было поддержано его распоряженіе, даже пожертвовавъ имъ лично, можно бы было достигнуть полнаго сліянія Финляндіи съ Россіей.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, во Флоренціи, я познакомился съ жившимъ тамъ тогда декабристомъ Поджіо, который не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, высказывалъ свою горячую благодарность Закревскому за его вниманіе къ нему и къ его товарищамъ въ ихъ печальномъ положеніи въ то время какъ онъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи. Оставаясь точнымъ исполнителемъ закона, А. А. съумѣлъ избѣгнуть излишней придирчивости и доставлялъ заключеннымъ всѣ тѣ облегченія, которыя были возможны.

Въ управленіи Финляндіей А. Закревскій внесъ много личнаго вмѣшательства и ежегодно объѣзжалъ всю страну для ознакомленія съ мѣстными нуждами, для наблюденія за дѣятельностью администраціи и для смотра войскъ. Его труды были оцѣнены по достоинству въ лестномъ для него Высочайшемъ рескриптѣ отъ 23-го декабря 1824 года. Послѣднею милостью Императора Александра Павловича была пожалованная Закревскому 1-го января 1825 года табакерка съ портретомъ, украшеннымъ алмазами въ знакъ Монаршаго благоволенія и признательности за особенное участіе въ похвальномъ поступкѣ Финляндскаго Сената и обитателей Финляндіи въ пожертвованіи 300 т. р. ассигнаціями для пособія жителямъ Петербурга, потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября 1824 года.

Императоръ Николай Павловичъ относился къ службѣ Закревскаго не менѣе милостиво, и 25-го декабря 1825 г. пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго. Затѣмъ Высочайшими указами Правительствующему Сенату 6-го декабря 1826 года Закревскій былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, а 19-го апрѣля 1828 г.—министромъ внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ званія Финляндскаго Генералъ-Губернатора и командира отдѣльнаго Финляндскаго корпуса.

21-го апрѣля 1829 года Закревскій былъ произведенъ въ гене-

ралы отъ инфантеріи; 20-го апрѣля 1830 года ему были пожалованы алмазные знаки Св. Александра Невскаго; а 2-го (14-го) августа того же года, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ въ Гельсингфорсѣ, онъ былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское Великаго Княжества Финляндскаго достоинство. Его Величество, какъ сказано въ рескриптѣ, «оказываетъ сей знакъ Монаршаго благоволенія тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ Финляндскимъ Сенатомъ: соединить его Закревскаго тѣснѣйшими узами съ согражданами финляндской націи и считать его въ числѣ ея сочленовъ». Финляндскій Сенатъ, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ, испросивъ черезъ статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ Высочайшее позволеніе предстать передъ Государемъ Императоромъ, поднесъ Его Величеству адресъ, въ коемъ ходатайствовалъ о возведеніи генералъ-губернатора Закревскаго въ достоинство графа Великаго Княжества Финляндскаго.

19-го ноября 1831 года графъ Закревскій, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ въ отставку. Странное совпаденіе чиселъ: онъ вступилъ на службу также 19-го ноября. Обыкновенно отставку графа Закревскаго приписываютъ крутымъ мѣрамъ, принятымъ имъ противъ холеры. Дѣйствительно, эти мѣры были причиной неудовольствія противъ него общества, публики, а никакъ не Государя. Карантинныя мѣры, въ цѣлесообразность которыхъ глубоко вѣрилъ графъ, были одобрены Государемъ. Правда, что онѣ не достигли своей цѣли; правда также, что на мѣстахъ очень часто онѣ примѣнялись не только отяготительно для народонаселенія, но неразумно, и даже корыстно; но плохое, превратное исполненіе мѣстными дѣятелями той или другой мѣры еще не доказываетъ непригодность ея.

Открывшаяся въ половинѣ іюня 1830 года въ сопредѣльныхъ съ Персіей нашихъ областяхъ холера быстро перешла Кавказскія горы и распространилась по губерніямъ Астраханской, Оренбургской, Саратовской и по землѣ войска Донскаго. Государь Императоръ призналъ необходимымъ, чтобы всѣ способы къ борьбѣ съ этой болѣзнью исходили отъ одной власти, отъ одного лица, облеченнаго широкими полномочіями. Такимъ лицомъ былъ избранъ графъ Закревскій, и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 4-го сентября 1830 г. ему было поручено принимать на мѣстѣ всѣ тѣ рѣшительныя мѣры, какія только потребуютъ обстоятельства и надобность. Всѣмъ воинскимъ начальникамъ было повелѣно исполнять требованія графа Закревскаго въ точности. На время его отсутствія изъ Петербурга управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было возложено на члена Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго тай-

наго совѣтника Энгеля; но по должностямъ Финляндскаго генералъ-губернатора и командира Финляндскаго корпуса графу было повелѣно не прерывать своихъ занятій.

Графъ Закревскій 10-го сентября 1831 года выѣхалъ изъ Петербурга и лично находился въ разныхъ зараженныхъ холерою мѣстахъ въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской, Саратовской, Казанской, Нижегородской, Тамбовской и Тульской; въ другихъ же дѣйствовалъ посредствомъ высшихъ чиновниковъ, прикомандированныхъ къ нему. Всюду какъ лично, такъ и черезъ довѣренныхъ лицъ онъ съ неутомимой энергіей приводилъ въ исполненіе ту программу, которая была одобрена верховнымъ правительствомъ, и тѣ мѣры, которыя признавались спасительными и необходимыми. Когда холера прекратилась во внутреннихъ губерніяхъ, входившихъ въ раіонъ, предоставленный его власти, и только въ нѣкоторыхъ, немногихъ мѣстахъ болѣзнь оставалась еще въ слабой степени, онъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, направился въ обратный путь. По выдержаніи двухнедѣльнаго карантина въ г. Вышнемъ-Волочкѣ графъ Закревскій 1-го февраля 1831 г. возвратился и 9-го того же мѣсяца вступилъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 5-го марта того же 1831 года ему была выражена Монаршая благодарность за пламенное усердіе къ общему благу по прекращенію холеры и за то, «что, наблюдая съ непоколебимой твердостью за строгимъ исполненіемъ своихъ спасительныхъ распоряженій, онъ достигъ ихъ цѣли, и мѣрами благоразумной предосторожности, приведенными въ дѣйствіе со всевозможнымъ соблюденіемъ частныхъ пользъ и выгодъ мѣстныхъ жителей, большая часть Имперіи совершенно сохранена отъ опасности ей угрожавшей».

Къ несчастію, врагъ далеко былъ не побѣжденъ. Дѣйствительно, въ восточной части Россіи холера не возобновлялась; но она появилась въ Москвѣ и оттуда проникла въ Петербургъ. Для борьбы съ нею въ столицѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, въ которомъ графъ Закревскій принималъ только участіе; предсѣдательствовалъ же въ немъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ.

Лишь только холера стала ослабѣвать въ столицѣ, графъ Закревскій 11-го іюля 1831 года, по Высочайшему повелѣнію, выѣхалъ въ Финляндію и тамъ принималъ всѣ нужныя мѣры къ успокоенію жителей и прекращенію общественнаго бѣдствія. Когда болѣзнь исчезла, онъ 28-го сентября 1831 г. возвратился въ Петербургъ, а 19-го ноября того же года уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

у него прежнія, близкія, хорошія отношенія съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который всегда относился къ нему особенно милостиво. Государь Императоръ также выказывалъ ему вниманіе и удостоивалъ его неоднократно разговоромъ о болѣе важныхъ государственныхъ вопросахъ. Безъ всякой просьбы графа, 20-го апрѣля 1843 года, дочь его была пожалована во фрейлины Двора Ея Величества, что несказанно обрадовало отца. Въ частныхъ бесѣдахъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ послѣдній постоянно убѣждалъ графа снова вступить на службу; но онъ всегда уклонялся и продолжалъ свою скромную, частную жизнь зимою въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ.

Считая себя принадлежащимъ къ другому времени, ряды представителей котораго все болѣе рѣдѣли, графу Закревскому положительно не хотѣлось вступать на службу, но когда Государь Императоръ самъ лично высказалъ ему свое желаніе, онъ повиновался Самодержавной волѣ и 6-го мая 1848 года былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству, а 1-го ноября 1848 г. назначенъ членомъ Государст. Совѣта. Какъ генералъ-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность.

Графъ Закревскій, какъ московскій генералъ-губернаторъ, получилъ всѣ высшія награды, доступныя человѣку на службѣ въ Россіи, какъ-то: орденъ св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра 1-й степени и въ коронацію Государя Императора Александра Николаевича портретъ Ихъ Величествъ. 16-го апрѣля 1859 года онъ былъ уволенъ отъ должности съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена государственнаго совѣта.

Необходимо разсказать какъ проходилъ день у графа Закревскаго. Вставалъ онъ всегда въ шесть часовъ утра и тотчасъ занимался прежде всего дѣлами по имѣніямъ, домашнимъ хозяйствомъ и казеннымъ домомъ, въ которомъ жилъ. Въ восемь часовъ утра, выходилъ онъ въ халатѣ изъ кабинета въ пріемную, и съ полчаса гулялъ по комнатамъ; затѣмъ окончательно одѣвался и начиналась служебная дѣятельность. Въ девять часовъ утра являлся дежурный адъютантъ; въ десять дежурные чиновники особыхъ порученій, военный и гражданскій. Около трехъ часовъ по полудни оканчивались служебные доклады, пріемъ разныхъ лицъ и графъ отпускалъ дежурныхъ чиновниковъ, а самъ уѣзжалъ съ адъютантомъ что либо осмотрѣть или такъ только проѣхаться. Дежурный канцелярскій чиновникъ не отпускался никогда. Возвращался графъ обыкновенно къ обѣду и послѣ отдыхалъ не болѣе

часу; когда онъ снова занимался въ кабинетѣ, еще до восьми часовъ вечера, намъ, дежурнымъ чиновникамъ удавалось иногда доложить входящія бумаги; а то приходилось это дѣлать очень поздно, въ самомъ концѣ вечера. Не окончивъ же хоть какую нибудь бумаженку графъ не уходилъ спать и насъ, дежурныхъ, и адъютанта и канцелярскаго чиновника, не отпускалъ. Вечеръ назначался преимущественно на занятія съ управляющимъ канцеляріей и секретаремъ, а также на спеціальные особенно важные доклады. Начальники отдѣленій канцеляріи докладывали по утрамъ только. Пріемъ разныхъ лицъ происходилъ и вечеромъ, но нѣсколько менѣе чѣмъ утромъ. Пріемъ просителей былъ безусловно открытъ всегда для всѣхъ, если просьба имѣла сколько нибудь спѣшный или важный характеръ. Къ разряду просьбъ, принимаемыхъ во всякое время, принадлежали тѣ, которыя подавались, большею частью словесно,—дворовыми, потерпѣвшими отъ своихъ помѣщиковъ. Графъ вообще высоко ставилъ значеніе дворянства; но онъ строго, неумолимо преслѣдовалъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Избитый своимъ бариномъ кучеръ, поваръ, дворникъ и вообще дворовый или крестьянинъ смѣло являлся къ генералъ-губернатору. Обыкновенно, выслушавъ такого субъекта, графъ приказывалъ его посадить въ Тверскую часть. Производилось негласное дознаніе, и если жалоба подтверждалась, то черезъ день другой по ея принесеніи, вызывался скорый на руку баринъ. Появлялся начальникъ секретнаго отдѣленія канцеляріи Василій Дмитріевичъ Шлыковъ, который вступалъ съ вызваннымъ лицомъ въ разговоръ гдѣ нибудь въ уголку пріемной; затѣмъ они оба отправлялись въ кабинетъ графа; кое-что потомъ писали, иногда снова возвращались въ кабинетъ; а въ концѣ концовъ очень часто избитый дворовый выходилъ изъ Тверской части съ вольной въ рукахъ или съ билетомъ на свободное проживаніе.

Въ іюлѣ 1852 года былъ я назначенъ исправлять должность секретаря графа съ обязанностью сопровождать его въ с. Ивановское *), гдѣ онъ проводилъ лѣтомъ часть своего времени.

Въ Ивановскомъ графъ много гулялъ пѣшкомъ и замѣчательно былъ неутомимъ. Часа два походить по полямъ и подъ жгучимъ, лѣтнимъ солнцемъ было обычнымъ дѣломъ, чуть не каждый день. Часто въ этихъ прогулкахъ его сопровождали пріѣзжавшіе изъ Москвы и многіе изъ нихъ уставали до того, что по возвращеніи съ прогулки, удалялись

*) Ивановское, Подольскаго уѣзда, отъ г. Подольска въ двухъ верстахъ, отъ Москвы въ 35, нынѣ принадлежащее графинѣ Келлеръ, урожденной графини Бобринской.

на нѣсколько часовъ въ отведенныя имъ комнаты; онъ же немедленно садился за свой письменный столъ и тотчасъ принимался выслушивать докладъ, диктовать письма и занимался тѣми особенными дѣлами, которыя онъ откладывалъ для личнаго, спокойнаго въ деревнѣ разсмотрѣнія.

Два раза въ день, по казачьей почтѣ, привозились изъ Москвы въ Ивановское всѣ входящія и исходящія бумаги, докладываніе которыхъ лежало на обязанности секретаря.

Надо припомнить, что кругъ дѣятельности московскаго генералъ-губернатора былъ въ то время гораздо обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Достаточно сказать, что всѣ рѣшенія Московской уголовной палаты тогда утверждались генералъ-губернаторомъ и имъ же вносились, въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, въ Сенатъ. Въ уголовномъ отдѣленіи канцеляріи ежедневно составлялись записки изъ подлинныхъ дѣлъ уголовной палаты и изготовлялась резолюція на подлинномъ приговорѣ палаты, которую онъ подписывалъ. Все городское и земское хозяйство, слѣдственная часть, управленіе войсками, расположенными въ Москвѣ и въ Московской губерніи, однимъ словомъ все по части администраціи столицы восходило до него и отъ него получало распоряженія.

Секретарство мое продолжалось не долго: въ августѣ возвратился изъ отпуска оффиціальный секретарь графа и вступилъ въ отправленіе своей должности. Установившіеся же въ Ивановскомъ хорошія отношенія мои съ семействомъ графа закончились тѣмъ, что 6-го февраля 1859 года я женился на его дочери, по первому мужу графини Нессельроде.

Въ апрѣлѣ того же года графъ Закревскій былъ уволенъ отъ должности Московскаго генералъ-губернатора, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена Государственнаго совѣта. Уѣхавъ за-границу и поселившись во Франціи, онъ прожилъ не долго. 10-го января 1865 года у него оказалась незначительная простуда: кашель, насморкъ и небольшое разстройство желудка. Хотя болѣзнь такого рода не внушала ни малѣйшаго опасенія, тѣмъ не менѣе въ виду его лѣтъ, при которыхъ всякое болѣзненное явленіе имѣетъ серьезное значеніе, докторъ совѣтывалъ ему остаться хоть до полудня въ постели; но онъ энергически протестовалъ и съ общаго согласія мы рѣшили, что дѣйствительно, при его характерѣ, подвижности и любви къ дѣятельности ему лучше встать. Онъ очень обрадовался этому рѣшенію и утромъ 11-го января всталъ съ постели. Пока онъ стоя одѣвался, сидѣвшая близъ него дочь, шутила съ нимъ и графъ расхохотался. Вдругъ смѣхъ

оборвался и онъ тихо опустился на землю; голова его упала на колѣни дочери и не смотря на всѣ медицинскія пособія графъ скончался въ 8 часовъ утра 11-го января 1865 года. Похороненъ онъ въ семейномъ склепѣ въ Гальчето, въ древней католической церкви, обращенной нынѣ въ Православную часовню. Тамъ же похоронена его жена († 6 декабря 1879 г.) и дочь († 29 марта 1884 г.).

I. Письма князя Петра Михайловича Волконскаго къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1852 гг.

1.

28-го іюля 1815 г., въ 9 часовъ вечера. Парижъ.

Арсеній Андреевичъ, увѣдомьте, пожалуйста, отъ чего по сіе время не присланы полковые командиры на гаубтвахту? Кончится я думаю уже тѣмъ, что меня самого пошлютъ, ибо безпрестанно спрашиваетъ объ нихъ, и прикажите послать къ генералу Ермолову, чтобы онъ завтра по утру пріѣхалъ во дворецъ самъ для объясненія, почему не исполнено по сіе время Его повелѣніе.

Генералъ-адъютантъ *Князь Волконскій.*

2.

29-го сентября 1816 г. Варшава.

Письмо ваше, любезный Арсеній Андреевичъ, отъ 20-го сентября, получилъ; радуюсь, что вы благополучно прибыли въ С.-Петербургъ, и весьма сему завидую, ибо нѣтъ силъ отъ скуки, въ которой мы живемъ; къ тому же я схватилъ простуду и лежу какъ въ кельѣ съ подвязанною щекою. Благодаря Бога есть надежда, что въ будущій четвергъ, то есть 5-го числа, рано по утру отсюда вырвемся, и 13-го къ вечеру будемъ въ Гатчину, гдѣ надѣюсь васъ 14-го увидѣть. Приказы понемногу спускаю, а больше ничего, и все возвращу въ томъ положеніи, какъ отъ васъ въ Москвѣ получилъ. Ученій и смотровъ здѣсь нѣтъ конца; надобно однако отдать справедливость Цесаревичу, что онъ насъ перещеголялъ, войска удивительно выправлены, одѣты,

равенство отмѣнное во всѣхъ частяхъ, примѣчаніе въ офицерахъ, начальникахъ удивительное и старанія много. Армейскіе полки такъ же хороши, какъ и гвардейскіе, чего у насъ никакъ нѣтъ. Мы видѣли наши бригады весьма плохія, а особливо 24 дивизіи. Гарнизонные баталіоны и инвалиды въ жалкомъ положеніи во многихъ мѣстахъ, но однако не всѣ.

Прошу болѣе бумагъ ко мнѣ не присылать, ибо класть уже нѣтъ мѣста. Затѣмъ пожелавъ вамъ всего хорошаго, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію навсегда имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Князь Петръ Волконскій.

P. S. Жомини и здѣсь не даетъ мнѣ отдыха, мучитъ теперь квартирою во дворцѣ, однако велѣно отказать, о чемъ уже и пишу къ нему, но думаю симъ не отдѣлаюсь.

Фельдъегерямъ прикажите уже ѣхать изъ Петербурга на Ригу, Митаву, Ковну, а тамъ гдѣ изготовлены будутъ лошади для насъ.

3.

15-го марта 1818 г. Варшава.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше. Увѣренъ и никогда не сомнѣвался, что въ дѣлахъ остановки не будетъ; желательно, чтобы ко мнѣ не попадали *въ омутъ*. Сегодня было открытіе сейма весьма великолѣпно и множество рѣчей хорошо говоренныхъ. Вчера на меня надѣли Бѣлаго орла, а на Кривляку (гр. Нессельроде?) и на гр. Потоцкаго св. Станислава. Отъ брата Михайлы (графа Воронцова) присланъ адъютантъ его Франкъ, послѣ указа о ремонтѣ съ письмомъ въ собственныя руки, въ которомъ жалуется, что уже мѣсяцевъ 6 какъ замѣчаетъ онъ, что будто на него нападаютъ, что ему служить нельзя; однимъ словомъ, не понимаю, кто на него нападаетъ, въ чемъ ему отказываютъ, и ко мнѣ пишетъ тоже своеручно. На его письмо Государь хочетъ ему самъ отвѣчать, но боюсь, чтобы не было круто.

Прощайте, любезный другъ, желаю чтобы предположеніе ваше совершилось по намѣренію вашему, и ежели я въ чемъ могу вамъ быть полезенъ въ семъ случаѣ, то прошу безъ церемоніи мнѣ объяснить и быть увѣреннымъ, что всегда готовъ оказывать вамъ мои услуги, ибо люблю васъ душевно.

4.

27-го марта 1818 г. Варшава.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 20-го марта, которое получилъ вмѣстѣ съ копіею письма брата Алексѣя (Ермолова) и другимъ на мое имя отъ него, которыя меня весьма потѣшили. Каховскаго приказано перевесть въ гвардію съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику штаба Вельяминову, ежели у него еще нѣтъ адъютанта, а ежели есть, такъ къ ген.-лейт. Вельяминову. Мы такъ развеселились на разводахъ, что я сижу дома отъ простуды въ ухѣ, и боюсь чтобы пророчество ваше объ омутѣ не сбылось, ибо по сіе время онъ въ томъ положеніи, какъ сюда привезенъ и напротивъ еще прибавляется.

Сеймъ идетъ хорошо, спорятъ въ камерахъ много и умно; границъ не прибавится у пихъ, а у насъ не убавится, не безпокойтесь.

Мнѣ сказывали сегодня, что изъ Москвы пишутъ, будто Потемкинъ тестя своего прогналъ, и будто жена Бахметьева, на имя коей имѣніе было покупаемо, имѣніе все за собою оставила, а мужу опредѣлила въ пенсіонъ по 10 тыс. руб. въ годъ. Увѣдомьте меня правда-ли. Хотя я знаю каковъ Бахметьевъ, но весьма сожалѣю, ежели Потемкинъ въ чемъ нибудь тутъ замѣшался, чего, признаюсь, я отъ него никогда не ожидалъ, ибо сіе было бы не деликатно съ его стороны; Бахметьевъ каковъ не есть, но все отецъ его жены; по моему въ такихъ обстоятельствахъ всегда лучше самому терпѣть.

Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, будьте здоровы и пожалуйста поменѣе присылайте бумагъ, особенно около 16-го апрѣля и во всю дорогу, ибо читать некогда и класть некуда.

5.

14-го апрѣля 1818 г. Варшава.

Во-первыхъ, позвольте, любезный Арсеній Андреевичъ, поздравить васъ съ праздникомъ св. Пасхи и отъ искренняго сердца васъ поцѣловать.

Кучи присылаемыхъ отъ васъ бумагъ, равно и съ другихъ сторонъ стекающіяся ко мнѣ, такъ меня замучили, что по сіе время не

успѣлъ отвѣчать на нѣсколько вашихъ ко мнѣ писемъ. Бумаги ваши кажется всѣ спускаю, а теперь прошу ко мнѣ какъ можно менѣе присылать; развѣ тѣ, кои по данной власти рѣшаются. Изъ *омута* въ Калишѣ вытащилъ два дѣла аудиторіатскія, между коими наконецъ сжилъ съ рукъ извѣстнаго Железняка, шесть еще беру съ собою, а остальныя всѣ отослалъ въ С.-Петербургъ въ канцелярію до моего пріѣзда, право негдѣ класть, и увѣренъ, что въ томъ же бы положеніи возвратились. Изъ инженерныхъ по старшинству въ Калишѣ сбылъ съ рукъ также двугодовое, хотя съ нѣкоторыми еще крючками, но уже на мази. Сожалѣю весьма о болѣзни Левашова и Желтухина; я самъ не могу оправиться отъ простуды въ ухѣ, которую думаю поѣздкою въ Калишъ подбавилъ. Теперь уставилось тепло и даже жарко, надѣюсь простудѣ моей будетъ лучше.

Завтра закрывается сеймъ съ тою же церемоніей, какая была при открытіи, а послѣ завтра парадъ всѣмъ войскамъ, коихъ привели изъ окрестностей довольно. Гурьевъ лишь расплачивайся серебряными рублями. 18-го числа весьма рано отсюда выѣзжаемъ. Въ Калишѣ также читалъ всѣ бумаги по ремонтамъ брата Михайлы (графа Воронцова), которыя повелѣно немедленно пополнить на счетъ полковыхъ командировъ, остановя все ихъ содержаніе. Братъ Михайла вѣрно взбѣсится вновь, но что̀ было мнѣ дѣлать. Государь всѣ бумаги слово отъ слова читалъ, а также и отъ Дибича на сей счетъ полученныя. Я къ брату Михайлѣ писалъ прежде сего еще, и не знаю право за что онъ на меня негодуетъ, моя совѣсть какъ предъ всѣми, такъ и предъ нимъ чиста. Адъютантъ его тогда же уѣхалъ, но не къ нему, а въ мѣста гдѣ покупаются ремонты. Государь еще къ нему не отвѣчалъ, и боюсь чтобы не надулъ. Изъ сего письма усмотрите, что и я начинаю придерживаться къ Усачеву, ибо писано довольно мелко и строки часты. Фельдъегерей направляйте къ намъ уже прямымъ трактомъ, отсюда ихъ довольно будетъ разослано въ разныя мѣста, въ чужіе края и съ нашими товарищами; Ожаровскій ѣдетъ къ австрійскому Императору, Чернышевъ — въ Швецію и Данію, Орловъ — въ Берлинъ, Остерманъ — въ Калугу; съ первыми двумя посылаются также фельдъегери. Списковъ генеральскихъ присылайте по одному экземпляру до Москвы, а туда привезите другой экземпляръ. Пришлите, пожалуйста, всѣ послѣдніе строевые рапорты отъ всѣхъ армій и корпусовъ. Затѣмъ пожелавъ вамъ добраго здоровья и по возможности веселія, навсегда остаюсь и проч.

Кривляка совсѣмъ промотался; уже занимаетъ деньги.

6.

4-го мая 1818 г. Одесса.

Чувствительно благодарю васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, за поздравленіе ваше какъ съ праздникомъ, такъ и съ днемъ моего рожденія, который провелъ я въ бессарабскихъ степяхъ. Извините, что замѣшкалъ отвѣтомъ, но право не отъ меня, а отъ переѣздовъ и отъ пилителей, отъ коихъ какъ отъ блохъ, мѣста не могу найти; заѣли до смерти. Смотры и маневры обоихъ корпусовъ, слава Богу, кончились благополучно, кромѣ нѣкоторыхъ однакожь замѣчаній, которыя весьма справедливы. Сего утра послѣдовало увольненіе гр. Беннигсена въ отпускъ за границу и отъ командованія арміею, и назначеніе на его мѣсто гр. Витгенштейна; о чемъ посылаю приказъ вчерашнимъ числомъ и указъ въ Сенатъ. Отсюда же посланъ орденъ св. Андрея Дюку-де-Ришелье за устроеніе Одессы. И въ самомъ дѣлѣ, городъ очень хорошій для столь малаго времени, но требуетъ еще много дѣла для усовершенствованія. Гр. Ланжерону дана аренда и разныя награжденія чиновникамъ по его представленію, какъ-то: крестами и подарками по положенію нашему . . . . . и проч. и всѣ, слава Богу, довольны. Я отпросился не ѣздить на поселенія въ Вознесенскъ, дабы тѣмъ воспользоваться побыть еще два дня съ дѣтьми и выѣду прямо въ Николаевъ, гдѣ опять соединюсь. Погода стояла все холодная, но со вчерашняго дня лучше. О смерти Барклая мы никакого слуха не имѣемъ и полагаю несправедливо, ибо навѣрно мы бы имѣли о томъ нарочнаго. Театръ здѣсь очень хорошъ и мы имъ пользуемся по вечерамъ. Письмо брата Алексѣя (Ермолова) презабавное, но меня удивляетъ, что онъ ни слова не пишетъ касательно о своемъ производствѣ, о чемъ уже раза два меня спрашивалъ Государь.

Пожалуйста немного бумагъ присылайте. Прощайте, до свиданія въ Москвѣ и будьте здоровы.

Киселевъ отправленъ въ Берлинъ къ королю отсюда.

7.

18-го мая 1818 г. Симферополь.

За письма ваши, любезный Арсеній Андреевичъ, премного благодарю, не отвѣчалъ по сіе время, потому что полуденный берегъ насъ

замучилъ; со всѣмъ тѣмъ вояжъ весьма пріятный и мѣста прекрасныя, но нѣтъ дня, ни мѣста, гдѣ бы не терзала меня внутренняя стража своими безпорядками, за которые достается все мнѣ. Господа начальники здѣшніе раскомандировываютъ изъ армій, баталіоновъ и командъ людей во всѣ мѣста, куда только понадобится, и отъ того въ Тирасполѣ на лицо штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 2, а рядовыхъ 3; всѣ же прочіе въ раскомандировкахъ и по нѣскольку мѣсяцевъ въ Ѳеодосіи, въ Керчи, въ Ениколѣ и въ Севастополѣ; взято по нѣскольку человѣкъ въ полицію, въ таможню. Сіи послѣдніе ходятъ въ мундирахъ 806 года. Можете себѣ представить каковы? Все сіе заставило меня подтвердить приказомъ, чтобы отнюдь изъ гарнизонныхъ баталіоновъ людей никуда не отдавать, не отчислять, равно и изъ инвалидовъ и слѣдовать въ точности положенію о внутренней стражѣ. О чемъ прошу отъ себя подтвердить Инспекторскому Департаменту, чтобы отнюдь впредь никуда и никому не давать людей въ противность положенію. Сверхъ всего, полки 9-й дивизіи въ отлично худомъ положеніи на счетъ ученія и гарнизонной службы, ни одинъ парада не далъ порядочнаго, хотя ген.-м. Турчаниновъ вѣкъ служилъ въ гвардіи, но кажется совершенно все забылъ; а что за коменданты, плацъ-маіоры, плацъ-адъютанты, то и говорить нечего: набьютъ полную пазуху рапортами и суютъ кому ни попало, а не смотрятъ такъ-ли стоятъ караулы и часовые. Нужно бы весьма напечатать инструкцію комендантамъ на счетъ исправности карауловъ и часовыхъ и какъ имъ стоять должно. О семъ можно почерпнуть изъ напечатанной Цесаревичемъ книжки о гарнизонной службѣ для польскихъ войскъ, въ которой все сіе находится, ибо устава о семъ дожидаться еще долго, а между тѣмъ всѣ меня будутъ бранить за неисправность карауловъ. Прикажите составить изъ сей книжки проектъ таковой инструкціи; если вы не можете достать такой книжки у кого нибудь въ Петербургѣ, то поищите ее въ моей собственной библіотекѣ въ верхнихъ комнатахъ, въ шкапахъ заключающихъ тамъ россійскія книги, но прошу не потерять. Благодарю за книжку законовъ. Кажется Быковъ начинаетъ отличаться; одно лишь нужно подтвердить, чтобы во всѣхъ приказахъ моихъ, циркулярахъ и указахъ печатныхъ непремѣнно выставляли число мѣсяца, какое въ оригиналѣ было, дабы знать какого числа оный послѣдовалъ. О Беннигсенѣ вы уже знаете, что онъ уволенъ за границу и что Витгенштейнъ на его мѣстѣ. Простуда моя прошла совсѣмъ, но желчи много отъ внутренней стражи. Скоро буду отправлять фельдъегерей чрезъ Москву; увѣдомьте, когда

вы выѣзжаете туда. Пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья прошу быть увѣрену въ моей къ вамъ преданности.

Я нѣсколько разъ писалъ къ архитектору Стасову о весьма нужныхъ комнатахъ въ Зимнемъ Дворцѣ и отъ него отвѣта не получено; прошу справиться дошли-ли до него мои письма, которыя всѣ были отправлены чрезъ дежурство.

8.

24-го октября 1818 г. Ахенъ.

Съ самаго отъѣзда нашего изъ С.-Петербурга не имѣлъ я ни малѣйшаго отъ васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, извѣстія. По бумагамъ и отъ фельдъегерей знаю, что вы въ Москвѣ, но неизвѣстенъ женаты-ли вы уже и скоро-ли возвратитесь въ С.-Петербургъ. Ежели уже все кончено, то отъ искренняго сердца васъ поздравляю и желаю всякаго благополучія.

О себѣ скажу вамъ, что мы здѣсь живемъ довольно скучно, спускаемъ по маленьку бумаги сколько можно, а теперь прошу поудержаться присылкою, кромѣ самыхъ нужныхъ и не терпящихъ времени, ибо около 3-го или 4-го ноября мы отсюда выѣдемъ въ Брюссель, а оттуда поѣдемъ въ Веймаръ, потомъ въ Бруксалъ, Штутгардтъ, Мюнхенъ и въ Вѣну. Направленіе фельдъегерей до Веймара будетъ то же, а потомъ уже тамъ оставлю я имъ записку куда сворачивать, а послѣ уже нужно будетъ ихъ посылать прямо на Вѣну, по тому тракту, по коему мы назадъ поѣдемъ. Я полагаю, что мы будемъ въ Вѣнѣ въ послѣднихъ числахъ ноября или въ первыхъ числахъ декабря; по сему и разочтите такъ, чтобы съ половины ноября или съ 11-го числа уже посылать фельдъегерей на Вѣну и Мюнхенъ, ежели тамъ не застрянутъ.

Въ корпусѣ гр. Воронцова нашли мы отмѣнно много порядка, въ строю были очень опрятны и прошли довольно хорошо, но есть нѣсколько полковъ посредственныхъ. Въ кавалеріи лошади и люди мало работаны по одиночкѣ, но вмѣстѣ хороши. Объясненія у насъ съ братомъ Михайлою были большія и наконецъ увѣрился онъ, что я ничего противу него не имѣлъ и не имѣю и все происходило за трехъ французовъ, коимъ не прислали мы подарковъ; но теперь, слава Богу, все кончено и простились кажется друзьями. Я писалъ къ Муханову о высылкѣ намъ на встрѣчу саней и къ Княжнину повелѣ-

ніе, чтобы нарядилъ исправнаго и знающаго нѣмецкій языкъ фельдъегеря, полагая что вы еще въ Москвѣ. Пожалуйста выберите толковаго. На сихъ дняхъ проѣхала здѣсь Императрица Марія Ѳеодоровна въ Брюссель и очень хорошо выдерживаетъ свое путешествіе, особенно графиня Ливенъ. Мы были въ Парижѣ, но не болѣе 6-ти часовъ, только отобѣдали, такъ что я почти ничего не видалъ, кромѣ мадамъ-Шабо, къ которой зашелъ посмотрѣть нѣтъ-ли новостей и не найдя ничего ушелъ. Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, желаю скорѣе съ вами видѣться и признаюсь, что мнѣ уже наскучило разъѣзжать, пора бы въ Суханово*), о чемъ прошу Орлову сказать и отъ меня поклониться; также Васильчикову и Киселеву.

9.

12-го ноября 1818 г. Франкфуртъ на Майнѣ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 20-го октября, а не за присланные доклады, коихъ покорнѣйше прошу поменѣе присылать, аудиторіатскихъ совсѣмъ ненадобно, ибо у меня и прежнихъ еще довольно и не легко сходятъ съ рукъ. Корпусъ гр. Воронцова уже на походѣ и передніе 10-го числа сего мѣсяца прошли уже чрезъ Ахенъ. За присланную книжку законовъ благодарю. Мы, славу Богу, благополучно сюда вчера пріѣхали и завтра ѣдемъ въ Карлсруэ. За нѣсколько дней предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Ахена въ Брюссель, открыли мы заговоръ, сдѣланный нѣкоторымъ числомъ французскихъ изгнанныхъ изъ Франціи офицеровъ, которые съ помощію нѣсколькихъ контрабандистовъ хотѣли схватить насъ на дорогѣ и приставя пистолетъ ко лбу, заставить Государя подписать декларацію въ пользу Бонапарте и его сына, и даже хотѣли увезти Государя въ Бургундію въ какой либо городъ; моя же участь вѣроятно была бы быть убиту. Изъ числа сихъ заговорщиковъ уже взяты нѣсколько человѣкъ, въ числѣ коихъ нѣкто Пиже, зачинщикъ же всего Лабордъ, бывшій адъютантъ Вандама, прочихъ стараются еще отыскивать. Хотя Государь по обыкновенію своему принялъ все сіе весьма легко и за пустыя выдумки, не менѣе того были взяты всевозможныя мѣры во время проѣзда нашего для безопасности, и такъ сокрыты были удачно, что Государь и не догадался и одному мнѣ

*) Подмосковное имѣніе князя П. М. Волконскаго.

были оныя извѣстны, какъ ѣхавши въ Брюссель, такъ и на обратномъ пути, и во все время пребыванія въ Брюсселѣ. Вотъ каковы французскія головы; признаюсь, что я весьма радъ, что мы отъ нихъ уѣхали. Я пишу къ вамъ нарочно о семъ, чтобы въ Петербургѣ не перепугались, читая въ газетахъ о семъ происшествіи, которое уже напечатано въ разныхъ здѣсь газетахъ и можетъ дойдетъ прежде сего письма.

Фельдъегерей посылайте уже на Вѣну по маршруту, который къ вамъ отъ кн. Меньшикова посланъ и пришлите ко мнѣ онаго нѣсколько экземпляровъ отпечатанныхъ съ первымъ фельдъегеремъ, дабы насъ застали еще въ Вѣнѣ. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей и быть увѣрену въ истинной моей къ вамъ преданности.

10.

21-го августа 1819 г. Кирка Пихаіоки.

Прилагаемое у сего собственноручное письмо Его Величества къ Цесаревичу отправьте тотчасъ по полученіи съ нарочнымъ фельдъегеремъ въ Варшаву.

Экспедиція наша въ Каяну продлила вояжъ нашъ однимъ днемъ по случаю противнаго и крѣпкаго вѣтра на озерѣ близъ Каяны, и чуть было не утонули, а теперь отсюда удерживаетъ насъ огонь—лѣса горятъ по самой дорогѣ, по которой намъ ѣхать; послалъ сейчасъ офицера осмотрѣть можемъ-ли проѣхать, ибо пріѣхавшій отъ пожара чиновникъ сказываетъ, что нѣтъ никакого проѣзда. Фельдъегеря сего къ вамъ посылаю по другой дорогѣ чрезъ Куопіо. Съ фельдъегеремъ, котораго отправите къ намъ 27-го числа, пожалуйста бумагъ лишнихъ не присылайте. Я было очень занемогъ послѣ Каянской экспедиціи, такъ что принужденъ былъ оставаться нѣсколько часовъ назади, а потомъ отправясь въ Улеоборгъ два раза былъ опрокинутъ, но весьма счастливо отдѣлался, ушибъ только слегка грудь, которая нѣсколько еще побаливаетъ, впрочемъ здоровъ. Надѣюсь Кривляка въ Петербургѣ, я думаю привезъ изъ деревни кучу денегъ, пожалуйста посмотрите, чтобы не промотался, а только можно позволить ему перемѣнить мерзкій затрапезный диванъ подлѣ кабинета его въ канцеляріи и даже мебель и въ гостинной. Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, будьте здоровы. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Какихъ дураковъ гр. Штейнгель напихалъ въ города въ плацъ-маіоры. Это ужасно!

11.

Получено 8-го сентября 1819 г.

На случай прибытія гр. Витгенштейна въ С.-Петербургъ, Государь приказалъ, чтобы всего гарнизона штабъ и оберъ-офицеры на другой день явились во всей формѣ къ нему.

Дорога ужаснѣйшая, совсѣмъ тѣмъ мы пріѣхали въ 11 часовъ ѣзды сюда, хотя и изломали всѣ рессоры, а сегодня обѣщаютъ дорогу еще хуже.

Спишитесь съ Киселевымъ на сколько времени гр. Витгенштейнъ сюда будетъ и одинъ или съ женою?

Ежели онъ будетъ одинъ, то Высочайше повелѣно помѣстить его въ шепелевскомъ дворцѣ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ жилъ генералъ Сакенъ, о чемъ объявить тогда гофмаршалу Нарышкину, равно чтобъ была услуга, экипажъ и столъ, какъ было Сакену. Ежели же онъ будетъ съ женою, то нанять домъ особый въ городѣ.

Учившемуся здѣсь сего дня сводному учебному Гренадерскому полку отдано благоволеніе, которое я объявилъ и выдалъ по рублю на человѣка изъ суммъ у меня находящихся, но нужно выдать за фунтъ говядины и по чаркѣ вина на человѣка, о чемъ сдѣлайте нужное распоряженіе, для чего прилагаю при семъ строевую записку.

Напрасно прислали бумаги къ докладу; право некуда класть и читать нѣтъ времени.

12.

6-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше отъ 29-го декабря, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, получилъ, чувствительно благодарю, и съ новымъ годомъ васъ отъ искренняго сердца поздравляю, желая всѣхъ возможныхъ благъ, а болѣе всего здоровье, равномѣрно и Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, которой сверхъ того желаю, чтобы взятыя (ею) въ Москву 54 платья сдѣлались въ теченіе года узки по нѣкоторой причинѣ и отнюдь въ то время не смотрѣть на Башуцкаго и на Княжнина, съ коимъ мы частехонько побраниваемся чрезъ Бибикова. На прошедшей недѣли въ такой былъ дистракціи, что прислалъ ко мнѣ къ подписанію бумагу, подписавъ свое имя на моемъ

мѣстѣ, а мнѣ оставилъ свое, равно и справки различныя неполныя доставляетъ, и бумагъ довольно перемарываю.

Сегодня назначенъ въ Москву военнымъ генералъ-губернаторомъ кн. Дмит. Васил. Голицынъ, надѣюсь городъ будетъ доволенъ.

Не худо бы Шульгину поближе посмотрѣть за больными женщинами и по осмотрѣ зараженныхъ положить въ больницу.

Когда экзерциргаузъ будетъ поправленъ, то загляните въ оный, какъ на ученьи, такъ и на разводѣ.

Эссенъ посѣщеніями своими меня не оставляетъ по своему обыкновенію, и порядочно пилитъ, уже ему дали рескриптъ благоволительный за экономію земель, надѣюсь симъ отъ него отдѣлаюсь. Въ добавокъ къ нему, на мою шею былъ и Чубаровъ, недоставало только Маркова къ довершенію моего отчаянія. Какъ бы не сглазить, дѣла мои идутъ всѣ хорошо, и какъ вы видите и смертельные спустилъ.

По рапорту полученному отъ Полторацкаго задамъ порядочную баню, начиная съ Комаровскаго и Арсеньева.

Въ веселостяхъ у насъ нѣтъ недостатка: въ новый годъ былъ преславный маскарадъ у двора, вошедшихъ (входныхъ?) билетовъ было 18,328, кромѣ тѣхъ кои безъ билетовъ были: вы можете судить о просторѣ. Третьяго дня опять былъ балъ у Императрицы. Сегодня парада не было за стужею, которой теперь 26 градусовъ. 8-го числа у гр. Остермана маскарадъ. Братъ Михайла пріѣхалъ и непремѣнно хочетъ идти прочь, имѣлъ экспликацію съ самимъ, который по обыкновенію . . . . . славно, потомъ и меня пилилъ, хочетъ чтобы отдали войскамъ его бывшимъ благоволеніе теперь, что хорошо себя здѣсь вели по прошествіи года, и чтобы, хотя не теперь, но чтобы зналъ когда его произведутъ.

Волкову прошу отъ меня поклонъ сказать. Кривляка былъ болѣнъ горломъ, но теперь здоровъ, а у меня все чирьи еще продолжаются, то есть уже четвертый.

Прощайте, будьте здоровы и веселитесь, но къ сроку прошу непремѣнно явиться, хотя и всѣ платья не переносятся.

Мое усердное почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ прошу изъявить.

Весь вашъ К. *Петръ Волконскій.*

Сейчасъ получилъ и второе письмо ваше отъ 1-го января, благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ.

13.

12-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу увѣдомить васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, что по желанію вашему Его Величество приказать изволилъ опредѣлить въ пажи племянниковъ вашихъ, кн. Оболенскаго и Шалашникова. Радуюсь, что вы здоровы, и говорятъ что въ Москвѣ очень веселятся, балы и маскарады безпрестанные, что и здѣсь не урѣживаемъ: на сихъ днихъ былъ преславнѣйшій маскарадъ у гр. Остермана. Сейчасъ запилилъ меня до смерти Эссенъ, мочи нѣтъ, кажется все для него сдѣлалъ, что можно, а всякій день вырываетъ что нибудь новое. Въ Гвардейскомъ штабѣ случилась весьма непріятная исторія, чувствительная для меня болѣе потому, что въ семъ корпусѣ никогда ничего подобнаго не бывало. Штабсъ-капитанъ Мейендорфъ вздумалъ объясняться съ Бенкендорфомъ о запискѣ присланной отъ Казначеева, требующей квартирмейстерскихъ офицеровъ къ должности, въ которой написано было къ одному изъ офицеровъ *предлагаю*. Слово сіе имъ показалось обидное, хотя Казначеевъ могъ и долженъ былъ написать въ запискѣ *приказываю явиться*. Я принужденъ былъ Мейендорфа отдать подъ судъ, посадивъ въ казематъ. Признаюсь такъ меня разсердилъ Мейендорфъ, когда допрашивалъ я его, что едва могъ удерживаться, чтобы дать ему все проговорить. Сипягинъ много причиною сему своими бывшими собраніями, въ коихъ они позволяли себѣ судить старшихъ, и тому подобное, вотъ къ чему сіе ихъ привело. Бибиковъ бумагами меня замучилъ, нѣтъ минуты свободной, я имъ доволенъ, а въ департаментѣ справки все еще дѣлаютъ слегка, что часто замѣчаю Княжнину. Пожалуйста, ради Бога, не просрочивайте. Великій Князь Константинъ Павловичъ пилитъ также по дѣлу аудиторіатскому о приговорахъ, нужно сіе скорѣй разрѣшить. Графъ Аракчеевъ присылалъ также запросъ по мнѣнію Государственнаго Совѣта объ одномъ неспособномъ безъ языка воспитанникѣ, на чемъ Инспекторскій Департаментъ основывалъ, чтобы его, какъ выключеннаго еще при Горчаковѣ, записать въ мѣщанство. По дѣлу я нашелъ, что о семъ спрашивалъ Сенатъ у департамента мнѣніе, на которое вы рапортами къ военному министру согласились, съ чего и принужденъ я былъ послать копію, боюсь не сдѣлали бы намъ за сіе какого замѣчанія, хотя впрочемъ другаго дѣлать было нечего.

У графа Аракчеева также былъ маскарадъ, Депрерадовичъ и Пе-

тровъ говорятъ отличались въ мазуркѣ, а каммергеръ Кокошкинъ, одѣтый бурмистромъ изъ деревень около Грузина лежащихъ, сказываютъ бросился въ ноги графу и благодарилъ за милостивое съ крестьянами обхожденіе, представляя въ рубище одѣтыхъ всю фамилію Клейнмихелей, говоря сколько онъ имъ сдѣлалъ добра; не знаю правда-ли, а всѣ такъ говорятъ. Пожелавъ вамъ добраго здоровья и Аграфенѣ Федоровнѣ мое усердное почтеніе, пребуду навсегда весь вашъ.

К. Петръ Волконскій.

14.

31-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Премного благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письма ваши, но сожалѣю, что отъ баловъ и маскарадовъ московскихъ не можете порядочно отдохнуть и употребить отпускъ въ пользу для здоровья вашего. И здѣсь замучили насъ балами и маскарадами, признаюсь силъ нѣтъ. Къ тому же Бибиковъ пилитъ меня ежедневно по нѣсколько часовъ, и ежели выищется хотя минута свободная, то по наставленію вашему, какъ коршунъ, налетаетъ Эссенъ, а за нимъ не урѣживаетъ и Гогель, право голова кругомъ идетъ. Вчера поутру былъ я въ Инспекторскомъ Департаментѣ и тамъ занимался дѣлами, нашелъ все въ порядкѣ и чистотѣ. Княжнина засталъ больного въ сюртукѣ, а чиновники во фракахъ. Пожурилъ немного начальниковъ отдѣленій за неполныя справки иногда дѣлаемыя, впрочемъ все хорошо. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего возвращенія, ради Бога не просрочивайте, право нѣтъ силъ. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе, и скажите, что я за нее вчера насмотрѣлся на Княжнина и на Башуцкаго. Прощайте, будьте здоровы и скорѣе пріѣзжайте.

Весь вашъ К. *Петръ Волконскій.*

15.

15-го іюля 1820 г. Тверь.

Мы слава Богу благополучно сюда доѣхали, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, и смотрѣли 1-ю уланскую дивизію, которой маневръ былъ хорошо произведенъ. Военно-Сиротское отдѣленіе отлично содержано, и ученики хорошо на экзаменѣ отвѣчали. Генералъ-маіору Гладкому за сіе

данъ Владиміръ 2-й, Трефурту—Анна 2-й съ алмазами, смотрителю перстень, учителямъ чины и Государь былъ очень доволенъ. Завтра ѣдемъ поутру въ Москву, не знаю какъ попасть въ Суханово, признаюсь больно будетъ не быть тамъ. Прощайте, будьте здоровы, Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. Приказы всѣ спустилъ.

Весь вашъ К. *П. Волконскій.*

16.

31-го іюля 1820 г. Чугуевъ.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 23 іюля. Сожалѣю весьма, что Аграфена Федоровна все нездорова, видно не акуратно принимаетъ прописываемыя лекарства, которыя хотя и непріятны, но начавши оные принимать надлежитъ употреблять ихъ съ большою точностію, безъ того мало приносятъ пользы. желаю искренно, чтобы здоровье ее поправилось.

Приказъ Ермолова читалъ и вижу, что Мадатовъ не перестаетъ покрывать себя славою; онъ его вновь рекомендуетъ, но не знаю еще что дадутъ, ибо не имѣлъ время читать его представленіе Государю.

Касательно надписей въ камерахъ присутственныхъ я бы желалъ, чтобы оныхъ до моего пріѣзда не прибивать, равно и таблицъ. О дровахъ я писалъ и къ Селявину, чтобы хорошенько расчелся, дабы не было недостатка, и чтобы послѣ не прикупать по дорогой цѣнѣ, лучше имѣть нѣсколько лишнихъ дровъ въ запасѣ.

Въ Курскѣ кирасирскій смотръ былъ отличный, не дурны были также смотры и въ Козловѣ и Воронежѣ, также и здѣсь довольно хороши полки, но гораздо слабѣе прочихъ, ибо занимаются полевыми работами. Кантонисты здѣсь отличные и школа взаимнаго обученія идетъ очень хорошо, школою управляетъ изъ моихъ кантонистовъ изъ депо.

Мѣстоположеніе Чугуева прекрасное, но городъ болѣе похожъ на деревню. Сегодня послѣ обѣда ѣдемъ въ Харьковъ, гдѣ ожидаетъ насъ балъ. Въ Курскѣ былъ балъ отличный, зала была построена нарочно, и прекрасно наполнена хорошими лицами.

Пожалуйста почаще заглядывайте въ новый нашъ домъ, дабы строеніемъ не мѣшкали, и чтобы все хорошо отдѣлывалось. Инструкцію прочитавъ подписалъ, при семъ возвращаю для приведенія въ исполненіе, что теперь нужно и возможно. Пожарные инструменты были у насъ прежде, но не думаю, чтобы оныхъ было достаточно, то прикажите Селя-

вину хорошенько ихъ вмѣстѣ съ Юшковичемъ осмотрѣть и заказать, сдѣлать вновь тѣ, коихъ не достаетъ. Въ казармахъ у сторожей и писарей я бы желалъ чтобъ были кровати, какъ у моихъ кантонистовъ, хорошенько выкрашены зеленою краскою и съ надписями. Полы выкрашены и не лучше-ли бы ихъ сдѣлать каменные изъ лещади или по рецепту, который я доставилъ изъ Варшавы, изъ глины и росписать. Хотя каменные полы для зимы холодны, но думаю отъ большаго числа живущихъ не такъ будетъ холодно, но за то гораздо чище; о семъ переговорите напередъ съ г. Росси. Кухни для нихъ также лучше сдѣлать въ особенныхъ комнатахъ и не въ жилыхъ, и нельзя ли также сдѣлать ихъ паровыя. Увѣдомьте меня что̀ дѣлается съ паровыми кухнями въ Военно-Сиротскомъ отдѣленіи и когда будутъ готовы. Въ новомъ архивѣ начали ли бить сваи и для газа дѣлаютъ-ли устроеніе, равно и проводятъ-ли для сего трубы?

Жары необычайныя стоятъ, и силъ нѣтъ переносить, а смотры и балы замучили, я точно какъ разваренный, особенно въ дорогѣ; солнце печетъ ужаснымъ манеромъ, лицо какъ у араповъ и безпрестанно лупится.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, будьте здоровы и не душите меня бумагами.

К. *Волконскій.*

Чернышеву дали Александровскую ленту за усмиреніе и Вахрушевъ произведенъ.

17.

17-го августа 1820 г. Варшава.

Не знаю почему пеняете вы, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, что мы мало занимаемся вашими бумагами, напротивъ того я почти всѣ уже къ вамъ обратилъ, особенно тѣ, кои отъ моего рѣшенія зависятъ, и теперь рѣшился не дожидая посылки фельдъегеря отправить всѣ бумаги по эстафетѣ, ибо легко можетъ продлиться отправленіе отсюда фельдъегеря.

Изъ приказовъ, грамотъ и указовъ капитулу усмотрите, что Государь весьма былъ доволенъ всѣми смотрами, и дѣйствительно были весьма хорошіе полки, маневры же всѣ вездѣ были удачны. У Бороздина только слишкомъ были растянуты и въ настоящемъ дѣлѣ онъ бы очень

потерпѣлъ. У гр. Витта кантонисты познаніями своими меня удивили въ различныхъ частяхъ, право многихъ дворянъ за поясъ бы заткнули, надобно отдать справедливость успѣху сему ген.-м. Храповицкому, который видно самъ имѣетъ большія познанія и охотникъ до упражненія и имѣетъ легкій способъ преподавать уроки. Поселенія идутъ очень хорошо, деревни отстраиваются и содержатся въ удивительной чистотѣ и порядкѣ, изъ кантонистовъ выйдутъ удивительные не только солдаты или унтеръ-офицеры, но и отличные офицеры, и многихъ кадетъ и даже и другихъ перещеголяютъ познаніями и ловкостію. Во 2-й арміи видѣли мы проѣздомъ С.-Петербургскій драгунскій полкъ весьма посредственный, хорошъ только лошадьми, чисто вычищенными, а впрочемъ въ ѣздѣ еще требуетъ много работы. Въ Умани видѣли 3-ю бригаду 19-й дивизіи порядочную и нѣкоторыя роты въ караулѣ по дорогѣ довольно хорошія. На будущій годъ Государь обѣщалъ пріѣхать смотрѣть 2-ю армію.

Бывъ въ Вознесенскѣ имѣлъ я случай видѣть дѣтей своихъ, которые пріѣхали ко мнѣ изъ Одессы съ женою, и къ крайнему сожалѣнію видѣлъ, что они потеряли весьма много времени въ лицеи въ наукахъ, и гораздо менѣе знаютъ нежели кантонисты гр. Витта, кои изъ мужиковъ; не могу вамъ изъяснить сколько сіе меня огорчило. Отдавъ ихъ въ полное распоряженіе женѣ, по неимѣнію времени заниматься, желаю, чтобы пребываніемъ въ чужихъ краяхъ пріобрѣли они нужныя познанія, и перемѣнили бы заключеніе мое на ихъ счетъ. Признаюсь, что отправленіе въ Парижъ меня весьма страшитъ, по безпрестаннымъ тамъ раздорамъ. Сегодня еще пишу къ женѣ, чтобы пріостановилась отправленіемъ ихъ, ибо вчера получены здѣсь чрезъ курьера весьма дурныя извѣстія изъ Парижа,—вновь открытъ по счастію заговоръ противу короля и всей фамиліи, между военными, которые хотѣли короля со всей фамиліею вывезть за границу. назвать королемъ Бонапарта сына, а регентомъ Евгенію Богарне. Къ счастію открыто оное было до исполненія, и 35 человѣкъ арестовано изъ офицеровъ, между коими есть и два офицера изъ королевской гвардіи, но какъ заговоръ сей имѣлъ связь съ другими провинціями Франціи, то еще неизвѣстно какой возьметъ оное оборотъ. Въ Парижѣ все было спокойно и даже солдаты сами выдали зачинщиковъ заговора. Все сіе заставляетъ сомнѣваться, чтобы покой остался на долго во Франціи, и не только въ оной, но и въ другихъ государствахъ, ибо и въ Италіи идетъ все не хорошо.

Признаюсь, что мы живемъ въ весьма трудномъ вѣкѣ, и нельзя понять чего хотятъ сіи злодѣи. Процессъ королевы въ Англіи также не дѣлаетъ чести ни ей, ни королевству, и также думаю хорошо кончиться не можетъ. Какъ и у насъ въ числѣ молодежи, особенно петербургской, есть

чрезвычайно много вскруженныхъ головъ, то я писалъ сегодня къ Васильчикову, чтобы онъ имѣлъ за ними неослабный надзоръ, и васъ прошу приложить всемѣрное наблюденіе за всѣми ихъ поступками, и особенными собраніями ихъ между собою. Нужно бы завесть довѣренныхъ людей, кои бы старались быть вхожи въ таковыя собранія, дабы болѣе имѣть свѣдѣніе объ оныхъ, и предупредить могущее случиться какое либо зло.

Крайне сожалѣю, любезный другъ, что вы все страдаете головною болью, ради Бога не пренебрегайте симъ и употребляйте все что нужно для излеченія; надѣюсь, что морскія бани помогутъ Аграфенѣ Федоровнѣ, не знаю только въ Ораніенбаумѣ или Петергофѣ могутъ-ли приносить большую пользу, ибо вода еще не довольно солона. Прошу ей мое почтеніе засвидѣтельствовать.

Благодарю васъ покорнѣйше за исправное теченіе дѣлъ, и ни мало не сомнѣвался никогда, чтобы могло быть какое либо затрудненіе, зная ваше трудолюбіе и отличнѣйшее усердіе, безъ чего дѣла идти никакъ не могутъ. Здѣсь мы видѣли два развода отличные по обыкновенію, а послѣзавтра будетъ большой смотръ всей арміи, а потомъ нѣсколько ученій разнаго рода, кои продолжатся до открытія сейма. Духъ здѣшнихъ жителей сколько слышно очень хорошъ, въ семьѣ не безъ урода, есть и здѣсь собаки, которые лаютъ; но лишь бы не кусались, а то по пословицѣ собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ. Радуюсь очень, что строеніе наше идетъ успѣшно, желаю чтобы оное было отличное, особенно по деньгамъ на оное употребляемымъ.

Ермолова представленія почти всѣ утверждены, кромѣ еще о Мадатовѣ не вышло. По желанію Ермолова корпусъ велѣно называть Кавказскимъ, а не Грузинскимъ, но въ приказѣ не велѣно объявлять, а сообщить циркулярно, ему же самому будетъ благоволительный рескриптъ за всѣ его распоряженія.

Прошу всѣмъ нашимъ товарищамъ кланяться, и пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья пребуду навсегда

Весь вашъ кн. *П. Волконскій.*

Кривляка заволочился здѣсь.

18.

2-го сентября 1820 г. Варшава.

За письма ваши чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и сердечно сожалѣю, что здоровье ваше и Агра-

фены Федоровны худо поправляется, искренно желаю, чтобы вы оба были здоровы и счастливы. О деньгахъ для Прусскаго принца уже всѣ разрѣшены, касательно Эссена забылъ прежде спросить, и думаю, что теперь сіе письмо получите уже по его отъѣздѣ. Эссену до границы необходимо должно ѣхать съ принцемъ.

Войсками мы были довольны какъ видите, о Киселевѣ оставлено до будущаго смотра арміи, ибо нынѣ видѣли только три полка. Касательно молодежи петербургской нахожу, что домашнія ихъ собранія опаснѣе и гораздо бы лучше было, ежели бы они болѣе были въ публикѣ, нежели запершись между собою дѣлали превратные о всемъ толки. Кажется дѣло господъ полковыхъ командировъ за симъ поближе смотрѣть, и обращать вниманіе на домашнее занятіе ихъ подчиненныхъ, а не однимъ только ученіемъ фронта и разводами заниматься. На счетъ дома Главнаго Штаба я писалъ мнѣніе мое Селявину о размѣщеніи нижнихъ чиновъ, которое повторять было бы долго. то прикажите, чтобъ онъ показалъ вамъ мою записку, и постарайтесь любезный другъ такъ устроить, чтобы несчастные нижніе чины могли жить хорошо и опрятно, отъ чего и болѣзней будетъ мало. Ежели Скоти худо гдѣ росписалъ комнаты, то прикажите г-ну Росси заставить его оныя переписать, а денегъ во всякомъ случаѣ всѣхъ до моего пріѣзда ему не выдавать. Кухонь особыхъ на Кусовниковомъ дворѣ нельзя строить, ибо и безъ того некуда дровъ будетъ ставить. Братъ Михайло (гр. Воронцовъ) былъ съ женою своею и тещею въ Вознесенскѣ, оттуда поѣхалъ въ Одессу, а на сихъ дняхъ писалъ ко мнѣ и прислъ заграничнаго паспорта, который послалъ я ему въ Бѣлую Церковь, откуда отправляется онъ въ чужіе края. Кажется былъ доволенъ пріемомъ ему въ Вознесенскѣ сдѣланнымъ и никакихъ вновь проектовъ не предлагалъ. Очень желаю знать, что Ермоловъ напишетъ на прежній его проектъ. 30-го августа для именинъ Его Величества намѣстникъ открылъ вновь отдѣланный великолѣпно свой домъ преславнымъ баломъ, а вчера было открытіе сейма. Прилагаю при семъ экземпляръ рѣчи Его Величества. Послѣ того маршалъ сейма Рембелинскій давалъ въ ратушѣ обѣдъ всему сейму, а сегодня начались засѣданія.

Касательно свиданія Государей оно будетъ послѣ сейма въ городѣ *Троппау* въ австрійской Силезіи, куда мы отправимся 4-го октября и тамъ будемъ 8-го. Фельдъегерямъ прикажите продолжать ѣздить чрезъ Брестъ и Варшаву, до тѣхъ поръ какъ увѣдомлю васъ о перемѣнѣ направленія по случаю нашего возвращенія, боюсь только, чтобы далѣе куда либо *не пошли*, до сихъ поръ ничего нельзя положительнаго сказать. Пожалуйста оставьте сіе единственно про себя, и не знаемъ долго-

ли можетъ продлиться свиданіе. Дипломаты думаютъ по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ, а можетъ и болѣе, лишь бы только хорошо кончить. Прощайте, любезный другъ, повторяю желаніе мое, чтобы здоровье ваше поправилось. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. Отъ брата Алексѣя (Ермолова) получилъ презабавное письмо на счетъ Дренякина.

Прошу кланяться Васильчикову и Алешѣ Орлову, а Михайла шалитъ своимъ языкомъ, надо будетъ мнѣ крѣпко его побранить.

19.

11-го сентября 1820 г. Варшава.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 3-го числа, и весьма сожалѣю, что здоровье ваше худо поправляется, пожалуйста берегитесь и не слишкомъ онымъ пренебрегайте. На счетъ офицеровъ Измайловскаго полка, рѣшившихся оставить полкъ по негодованію на командира, нахожу, что таковыхъ отнюдь не нужно оставлять въ службѣ, ежели не умѣютъ повиноваться и цѣнить службою пусть идутъ, хотя всѣ, мѣста ихъ могутъ быть заняты другими, и не надобно показывать того что ими дорожатъ, ибо они и не стоятъ того. Офицеръ не умѣющій повиноваться никогда самъ хорошимъ начальникомъ быть не можетъ, слѣдовательно для службы не есть потеря. Ежели Мартыновъ худо съ офицерами обошелся, то дѣло бригаднаго и дивизіоннаго замѣтить таковой поступокъ, а не подчиненнымъ разсуждать о дѣяніяхъ начальника по службѣ, особенно ежели они не касаются чести офицерской. Вотъ на сей счетъ мое мнѣніе.

Очень желаю знать, какъ будете вы довольны вашими воспитанниками Дидота, и будетъ ли отъ нихъ прокъ.

Касательно перемѣщенія назначенныхъ частей въ новый домъ теперь опредѣлительно не могу вамъ еще сказать, долго ли продлится пребываніе наше за границею. До моего же возвращенія я не хочу, чтобы занимали домъ, ибо желаю его видѣть напередъ въ какомъ видѣ онъ отдѣланъ будетъ; все надѣюсь не позже ноября половины или исхода, а можетъ быть и ранѣе мы возвратимся. Къ флигель-адъютанту Эссену я посылаю отсюда повелѣніе, чтобы провожалъ до Берлина принца.

Сожалѣю крайне, что вы недовольны Военно-сиротскимъ отдѣленіемъ, и увѣренъ что обративъ на него вниманіе ваше вы поставите его на ту степень, въ которой долженъ быть оный.

Ежели Захаржевскій не началъ еще дѣлать паровыхъ печей въ кухняхъ у инвалидовъ, по образцу присланному изъ Варшавы, то прикажите ему пріостановиться, ибо выходитъ, что онѣ не такъ удобны, какъ предполагали: 1-е въ дровахъ нѣтъ никакой экономіи, и 2-е пища не столь хорошо уваривается какъ въ обыкновенныхъ артельныхъ котлахъ: а какъ у г-на Вильсона кухни паровыя лучше, то нельзя-ли брать съ него примѣра, и показавъ ему присланныя изъ Варшавы, съ нимъ посовѣтоваться о недостаткѣ оныхъ.

Отъѣздъ нашъ отсюда послѣдуетъ 4-го октября въ Троппау, куда мы будемъ 8-го октября, почему прикажите снабжать фельдъегерей прогонами съ 1-го октября до Троппау, чрезъ Варшаву, на Петрикау и Ченстоховъ и въ обратный путь до Петербурга. Государь былъ очень недоволенъ по рапорту Михаила Павловича о недостаткѣ снарядовъ въ Грузіи, велѣлъ замѣтить Миллеру и строгій выговоръ Гогелю за упущеніе. Я сіе предвидѣлъ, но помочь нечѣмъ. Теперь подобнаго еще ожидать надобно по представленію Михаила Павловича о назначеніи Талызина въ Грузію. Какъ послѣ того, что было съ Талызинымъ, который найденъ негоднымъ командовать бригадою, представляютъ его въ начальники? Оправданія представляемыя Талызинымъ весьма слабы, противъ того гдѣ онъ. Яшвиль самъ говоритъ, что артиллерія его или лошади найдены худы, слѣдовательно тутъ уже не личность Игнатьева дѣйствуетъ. Не худо бы погонять и Перена, что онъ не предостерегаетъ въ подобныхъ случаяхъ Его Высочество. Графъ Аракчеевъ ѣдетъ послѣ завтра отсюда въ Петербургъ, признаюсь мнѣ очень завидно, не повѣрите какъ скучно, хотя почти всякій день вечеринки и балы, но какъ я не танцую и не играю, то меня оные не веселятъ: за то рано ложусь спать и рано встаю, на охоту хожу изрѣдка, но неудачно, потому что нѣтъ совсѣмъ дичи. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и пожелать ей добраго здоровья. Погода у насъ изрядная, но однако не холодная. Прощайте.

20.

29 октября 1820 г. Троппау.

За письмо ваше, любезный Арсеній Андреевичъ, благодарю, и увѣдомляю, что по сіе время обратный путь нашъ назначается чрезъ Варшаву, Брестъ, Минскъ, Витебскъ и Порховъ. Вамъ маршрутъ приказалъ [illegible] Меншикову къ вамъ послать, но ни ночлеговъ, ни времени

нашего отъѣзда еще неизвѣстно. Дипломаты обѣщаютъ окончить чрезъ три недѣли, но мало къ нимъ имѣю вѣры, и боюсь, чтобы не продлилось долѣе.

Хотя Его Высочеству Михаилу Павловичу не полюбилась ваша табель, но пришлите мнѣ ее взглянуть, равномѣрно постарайтесь достать и ту, которою онъ довольствуется, дабы видѣть въ чемъ она состоитъ.

Касательно дѣлъ аудиторскихъ напрасно думаете, что ихъ позабываю, напротивъ того право часто о нихъ твержу и напоминаю; въ Варшавѣ сеймъ мѣшалъ ими заняться, а здѣсь дипломатическія дѣла. На счетъ же разжалованныхъ, о коихъ гр. Толстой и Гельфрейхъ представляли и по коимъ было отказано съ замѣчаніями, нахожу весьма справедливымъ, ибо люди признанные въ воровствѣ, въ смертоубійствѣ и другихъ подобныхъ неистовыхъ поступкахъ и по суду разжалованные безъ выслуги, не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ, и должны наказаніе свое нести въ полной мѣрѣ, потому что много есть такихъ, кои наказаніе считаютъ ни во что, говоря «*ну разжалуютъ въ солдаты, а тамъ чрезъ годъ или два простятъ*». Къ тому, мнѣ весьма извѣстно, какъ сіи разжалованные служатъ; я знаю что ни одинъ настоящей должности рядоваго не несетъ, а только званіе, и живетъ или у баталіоннаго или ротнаго командира, какъ бы провесть годъ или два, а тамъ и выплакиваетъ у начальства прощенія. Повѣрьте мнѣ, къ такому роду людей никогда никакой жалости имѣть нельзя, и не должно, впрочемъ всякій судитъ по своему, можетъ быть я и ошибаюсь, но думаю, что симъ способомъ много бы зла прекратилось, ежели усмотрѣть что подпавъ подъ наказаніе болѣе уже не выслужишься, или по крайней мѣрѣ не скоро. Что относится до тѣхъ, кои за дурное поведеніе, не заключающее вышесказанныхъ пороковъ, поступаютъ добровольно въ рядовые изъ офицеровъ и прослужа годъ времени представляютъ, о таковыхъ никогда не отказывалось, ежели только подробно объясненъ проступокъ прежній. Слѣдовательно, напрасно полагаете удерживать подобные доклады до возвращенія и можете присылать къ докладу. О рекрутахъ въ то же время разрѣшено ваше представленіе, и къ вамъ отослано. Весьма сожалѣю о болѣзни Петра Ивановича, и желаю, чтобы онъ выздоравливалъ скорѣе, я увѣренъ что онъ неосторожно покушалъ славной своей солонинки. Исторія между Бенкендорфомъ и Пирхомъ никуда не годится, и съ вами весьма согласенъ, что никакой переписки заводить не должно было, а вмѣсто отвѣта Бенкендорфу бы слѣдовало призвать Пирха и добрымъ манеромъ вымыть за то голову, чтобы лучше

понималъ что ему говорятъ, а переписокъ подобныхъ съ начальниками не осмѣливался заводить, а ежели не знаетъ власти начальника штаба, какъ говорится, то дать ему желтую книжку въ руки, чѣмъ бы и прекратилось все сужденіе молодежи неопытной. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. У насъ скука ужасная. Рядоваго Бланкова и товарища держите особо до разрѣшенія.

21.

4-го ноября 1820 г. Троппау.

Извѣстіе о приключеніи, случившемся въ Семеновскомъ полку, меня такъ поразило, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что не нахожу словъ къ изъясненію чувствъ, какія произвело сіе неслыханное въ арміи нашей происшествіе. Для меня еще больнѣе, потому что я началъ и продолжалъ службу свою въ семъ полку и всегда имѣлъ къ нему особенную привязанность. Изъ всего дѣла вижу, что несчастіе сего полка произошло отъ того, что Бенкендорфъ потерялся при первомъ допросѣ..... Не менѣе того удивляетъ меня, что Васильчиковъ самъ при первомъ началѣ не поѣхалъ въ полкъ, и вамъ ничего не далъ о семъ знать, вы нашъ дежурный генералъ въ правѣ были тотчасъ туда ѣхать и увѣренъ, что при первомъ допросѣ кончили бы дѣло иначе, и полкъ бы остался цѣлъ. Когда же дѣло сіе такъ было испорчено, то конечно нечего было болѣе дѣлать какъ поступить тѣмъ образомъ, какъ впослѣдствіи сдѣлано, но полку уже существовать нельзя. Зачѣмъ Васильчиковъ, ни Бенкендорфъ во время его отсутствія, знавъ о неистовомъ обхожденіи Шварца, терпѣли оное, и не доносили о томъ, неужели думали они, что Государь, узнавъ о таковыхъ поступкахъ, оставилъ бы Шварца въ полку; я васъ увѣряю, что въ ту же бы минуту онъ былъ бы преданъ суду, и другой бы командиръ былъ назначенъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ я вамъ писалъ, что нужно имѣть свѣдѣнія что въ полкахъ происходитъ: еслибы о семъ знали, то сего бы не случилось.

Вы говорите офицеры показывали мало твердости, сіе справедливо весьма, но я почти увѣренъ, что они съ намѣреніемъ не мѣшались, дабы избавиться Шварца. Потомъ, что за порядокъ службы, что полковой командиръ водилъ къ себѣ людей на ученье безъ офицеровъ, и безъ ротнаго командира: какимъ образомъ могъ Шварцъ требовать отъ ротныхъ командировъ и отъ офицеровъ, чтобы они поступали по тѣмъ правиламъ въ ученьи, какъ ему сіе было надобно, когда они никогда

при томъ не находились, и слѣдственно не знали, что у нихъ въ ротахъ дѣлается. Сверхъ того, сколько было запрещеній, чтобы солдатскихъ денегъ ни на что не употреблять, а въ семъ полку оказывается, что Шварцъ заставлялъ ихъ дѣлать многіе расходы изъ собственныхъ ихъ денегъ, о чемъ и послана была отъ меня къ Васильчикову давно записка, по жалобѣ явившагося одного рядоваго въ Спб. Ордонансгаузъ, что принуждаютъ его употреблять собственныя деньги, чтобы строго о семъ изслѣдовалъ; но я никакого извѣстія о томъ не получилъ отъ него и по сіе время, прошу его о томъ понудить. Когда рота была отослана въ крѣпость, зачѣмъ было посылать полкъ въ караулъ и не назначить другого, пока слѣдствіе не было окончено. Слѣдствіе какъ сказываютъ первоначальное производили, допрашивая всѣхъ вмѣстѣ, а не поодиночкѣ, можно бы господина корпуснаго оберъ-аудитора бывшаго при ономъ за сіе отдать самого подъ судъ, и я до него доберусь, прошу прислать мнѣ его имя. Его было дѣло напомнить какъ оное производить, ежели того производители не знали, однимъ словомъ полкъ погибъ отъ ошибокъ. Сказываютъ, что будто и военный судъ въ крѣпости началъ допрашивать цѣлыми взводами, симъ способомъ, думаю, немного можно узнать, и какой человѣкъ на товарища своего явно будетъ доказывать, порознь же можетъ быть многое бы открылъ. Къ тому же, допрошенныхъ не нужно оставлять съ тѣми, кои еще не были допрошены, никто не торопитъ судъ, но должно требовать, чтобы онъ произведенъ былъ въ установленномъ порядкѣ и безъ малѣйшихъ упущеній, ибо участь многихъ людей отъ сего зависитъ. Пожалуйста обратите на сіе ваше вниманіе и посмотрите, чтобы не было упущеній. Составъ полка уничтоженъ Высочайшимъ приказомъ, который къ вамъ посылаю, и притомъ назначеніе людей по дивизіямъ. Пожалуйста распорядитесь, чтобы въ продовольствіи въ пути не было недостатка, и чтобы штабъ- и оберъ-офицеры шли съ ними въ тѣ дивизіи, кто изъ нихъ куда назначенъ. При донесеніи мнѣ объ исполненіи доставьте мнѣ маршрутъ ихъ съ числами когда выступятъ, и гдѣ котораго числа будутъ находиться; роздыхи сдѣлать чрезъ два и три дня, но однако избѣжать дѣлать роздыхи близъ С.-Петербурга. Въ такомъ случаѣ можно сдѣлать роздыхи за два перехода до Петербурга, и за три или четыре послѣ Петербурга. Зачѣмъ 2-й баталіонъ послали водою въ Свеаборгъ въ столь позднее время, кажется достаточно бы было его высадить въ Систербекѣ или въ Выборгѣ и оттуда вести сухимъ путемъ въ Свеаборгъ или въ Нарву. Судя по сему и по послѣднему вашему рапорту полагаю, что онъ не дошелъ водою до Свеаборга, ибо легко могъ бы еще

понесть какія либо несчастія на морѣ. О семъ также меня увѣдомьте гдѣ его высадили? Какъ всѣ люди въ полку были хороши собою, то сходно съ повелѣніемъ, чтобы для размѣщенія въ армейскіе полки сихъ людей выбирать изъ всѣхъ ротъ, лучше думаю поручить выборъ предписаннаго числа для каждой дивизіи, самому дивизіонному начальнику той дивизіи куда они прибывать будутъ, равномѣрно онъ же самъ долженъ будетъ раздѣлять ихъ по равному числу въ каждый полкъ, стараясь также, чтобы не было много съ одной роты въ полку, но съ разныхъ. Я слышу, что будто и въ Саперномъ баталіонѣ жалѣютъ о Сазоновѣ и недовольны Геруа, то пожалуйста о семъ поразвѣдайте, и также о лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ и меня увѣдомьте.

Объ отъѣздѣ нашемъ отсюда ничего еще рѣшительнаго сказать не могу, полагаю, что еще продержать насъ около мѣсяца. Какъ скоро, что положительное узнаю, то не замедлю васъ увѣдомить. Скука здѣсь ужаснѣйшая, къ коей несчастная исторія Семеновскаго полка придала еще уныніе; можете по сему судить о нашемъ пріятномъ положеніи. Къ тому же и погода стоитъ весьма дурная: то дождь, то снѣгъ, отъ каковой сырости мы всѣ почти больны и нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ болѣнъ чѣмъ нибудь.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, а вамъ желаю здоровье и прошу меня не забывать.

Прошу васъ оставить сіе письмо единственно для васъ однихъ.

22.

8-го ноября 1820 г. Троппау.

Письмо ваше отъ 26-го октября *) получилъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и спѣшу на оное отвѣтствовать, что по неизвѣстности, когда послѣдуетъ наше возвращеніе, по важности здѣшнихъ дѣлъ, нельзя оныя не окончить. Почему Его Величество и не хотѣлъ далѣе оставлять безъ рѣшенія столь неслыханнаго въ арміи нашей поступка, каковъ произошелъ въ Семеновскомъ полку. Сначала Государь дожидался дополнительныхъ извѣстій съ Чадаевымъ, получивъ же оныя, тотчасъ рѣшился на уничтоженіе прежняго состава полка, менѣе чего и сдѣлать нельзя было, ибо никакой довѣренности уже нельзя имѣть было къ сему полку послѣ подобнаго происшествія. Сіе послужитъ урокомъ надѣюсь,

*) См. ниже письма А. А. Жіркевича князю П. М. Волконскому.

какъ нижнимъ чинамъ, такъ особенно и *молодымъ начальникамъ*, какъ съ людьми должно обращаться, и что безъ чинопочитанія и повиновенія военная служба не можетъ существовать. Если достали подкинутую бумагу, то пришлите мнѣ.—Здѣсь такъ скучно, что описать вамъ не могу, къ тому же погода стоитъ дурная, и выдти нельзя, грязь престрашная, что и верхомъ нельзя ѣздить, ждемъ морозу, чтобы погулять на воздухѣ, безъ того похоже на тюрьму. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. Прощайте, будьте здоровы, и чтобы у васъ все было тихо и смирно.

Король прусскій завтра уже возвращается въ Берлинъ, окончивъ свои дѣла.

23.

10-го (22-го) ноября 1820 г. Троппау.

Какъ назначенный къ отправленію нѣсколько дней тому назадъ фельдъегерь Ранцевичъ еще не отправленъ, и зачѣмъ вы его посылаете онъ чуть живъ сюда пріѣхалъ, ему бы надобно другое мѣсто, я приказалъ на случай съ нимъ послать другого, не равно занеможетъ опять дорогою, и пользуюсь еще чтобы вамъ писать нѣсколько строкъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ.—Я читалъ подкинутую бумагу, которую уже ко мнѣ не присылайте, признаюсь не могъ вообразить столь ужасной мерзости; что и доказываетъ что такого же рода вѣрно было что нибудь употреблено и для Семеновскаго полка. Повторяю вамъ еще, вотъ для чего я всегда желалъ, чтобы имѣть свѣдѣніе и наблюденіе, что въ полкахъ дѣлается, какъ между офицерами, такъ и между нижними чинами. Вы видите теперь ясно, въ какомъ несчастномъ вѣкѣ мы живемъ, что нигдѣ и ни въ чемъ увѣрену быть нельзя.

Дѣла здѣшнія требуютъ перемѣщенія конгресса, и потому вмѣсто приближенія къ вамъ мы болѣе удаляемся и дней чрезъ 10 поѣдемъ чрезъ Вѣну въ *Лайбахъ* въ Иллиріи, гдѣ не знаю сколько времени пробудемъ. Почему по полученіи сего снабжайте фельдъегерей прогонами до Тріеста или Венеціи, сіе назначаю я на случай, ежели бы мы изъ *Лайбаха* выѣхали, и чтобы у сихъ въ прогонахъ недостатка не было. Тому который отправится послѣ завтра отъ васъ, то есть 12-го ноября, я прикажу въ Варшавѣ добавить до Вѣны, а тамъ дадутъ ему до *Лайбаха*. Вы не повѣрите, какъ сіе неожиданное перемѣщеніе меня разстроиваетъ въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, которыя управляются со-

вершенно однимъ Богомъ, жена въ Парижѣ, я Богъ вѣдаетъ куда попаду и на сколько времени. На деньги считалъ въ С.-Петербургѣ, и изъ тѣхъ еще по милости Обрѣскова, котораго пожалуйста отъ меня поблагодарите какъ увидите, за удивительную исправность его таможенныхъ надо мною только, а не надъ жидами, которые провозятъ на милліоны безъ пошлинъ, а съ меня за то что некуда намъ класть лишнихъ вещей старыхъ, которыхъ отослалъ въ Петербургъ какъ-то: старые мундиры, эполеты и аксельбанты заставили заплатить вдвое того, что они новые стоили. Не повѣрите какъ меня сіе взбѣсило и признаюсь лучше бы Григорій ихъ вовсе уступилъ таможеннымъ, нежели платить такую цѣну, напрасно и Плаксинъ отсылалъ посылку сію въ таможню. Теперь уже буду здѣсь раздаривать старыя вещи, чѣмъ туда посылать. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и насъ не забывайте.

24.

20-го ноября 1820 г. Троппау.

Письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 2-го и 5-го сего мѣсяца получилъ, благодарю за оныя, и радуюсь, что у васъ слава Богу идетъ все тихо. Нужно непремѣнно отыскать сочинителя найденной въ Преображенскомъ полку бумаги у унтеръ-офицера, дабы прекратить всѣ подобныя мерзости. Какъ возвращеніе наше отсюда еще не рѣшено по здѣшнимъ обстоятельствамъ конгресса, то Его Величество и не хотѣлъ удерживаться рѣшеніемъ о Семеновскомъ полку, которое вы полагаю получили уже нѣсколько дней тому назадъ; судъ же пусть идетъ своимъ чередомъ и по окончаніи съ виновными будетъ поступлено по законамъ. Приказъ же по арміи полагаю подѣйствуетъ надъ прочими. Я бы весьма желалъ, чтобы вы какимъ нибудь образомъ учредили, чтобы мы имѣли свѣдѣнія что въ полкахъ дѣлается, такъ чтобы сіе никому не было извѣстно именно для подобныхъ случаевъ. Прилагаемое при семъ повелѣніе Кіевскаго отдѣленія смотрителю пошлите съ первымъ курьеромъ, который поѣдетъ въ армію, ему писано также о таблицахъ для чтенія въ школѣ взаимнаго обученія, коихъ смысломъ Государь недоволенъ и повелѣваетъ ему отобравъ всѣ экземпляры прислать оные къ вамъ, а на мѣсто ихъ пошлите имъ тѣ, кои у васъ печатаются для поселенныхъ войскъ, я и къ Тельшевскому писалъ, чтобы онъ прислалъ къ вамъ требованіе сколько таковыхъ ему надобно? Ѳедору Петровичу Уварову наскучило здѣсь жить и по случаю смерти

брата своего, имѣя дѣла въ С.-Петербургѣ, отпросился къ вамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество поручастъ ему объяснить подробно причины удерживающія Государя здѣсь, онъ завтра поутру отсюда ѣдетъ. Не могу вамъ изъяснить здѣшней скуки, Уваровъ лично вамъ объяснитъ оную; право, какъ въ тюрьмѣ, и ему завидую. При отправленіи изъ С.-Петербурга въ армейскіе полки оставшихся людей Семеновскаго полка, не забудьте отправить всѣхъ вообще оставшихся подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ, также съ баталіонами, предписавъ дивизіоннымъ командирамъ (что), при выборѣ людей, унтеръ-офицеровъ должны (они) оставлять при дивизіи въ С.-Петербургѣ же, чтобы никого кромѣ въ лазаретѣ лежащихъ не оставлять, но и съ тѣми поступать, какъ сказано было въ моемъ повелѣніи. Прощайте, будьте здоровы и веселы. Аграфенѣ Федоровнѣ усердное почтеніе прошу засвидѣтельствовать.

25.

4-го (16-го) декабря 1820 г. Троппау.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, за откровенное письмо ваше отъ 19-го ноября, и по той же откровенности не могу не сказать моего мнѣнія на нѣкоторыя изложенія онаго, истинно по дружбѣ и съ тѣмъ, чтобы вы на меня не сердились. *Во-первыхъ*, вы говорите, что по образованію дежурства вы не имѣете права вмѣшиваться въ дѣла отдѣльныхъ корпусовъ. На сіе скажу вамъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ, ежели бы и дѣйствительно нельзя было вамъ вмѣшиваться, то, кажется, непремѣнно надобно было вступиться, дабы чего худшаго не произошло. Къ тому же скажу вамъ, что Его Величество совсѣмъ иначе понимаетъ сіе и тогда какъ я къ вамъ о семъ писалъ, то было по словамъ Его Величества, и нынѣ повторяю, что ваше званіе не то что дежурный генералъ при арміи; вы, находясь при Его Величествѣ, имѣете уже подъ собою армейскихъ дежурныхъ генераловъ, а тѣмъ еще болѣе и корпусныхъ отдѣльныхъ командировъ,—вотъ собственныя слова Государя. *Во-вторыхъ*, касательно офицеровъ Семеновскаго полка нельзя было оныхъ никакъ здѣсь различить въ проступкѣ, ибо отъ Васильчикова былъ присланъ общій списокъ, гдѣ ничего совсѣмъ особеннаго не было упомянуто, и конечно, по моему мнѣнію, многіе офицеры заслуживали быть выписанными тѣми же чинами. Васильчиковъ и нынѣ проситъ о подпрапорщикахъ, что я предчувствовалъ и къ вамъ писалъ, чтобы ихъ непремѣнно выслать съ ба-

таліонами. Онъ считаетъ ихъ ни къ чему непричастными; сіе можетъ быть и правда, но по разнымъ ихъ болтаніямъ заслуживаютъ они, по моему мнѣнію, какъ ребятишки, чтобы ихъ хорошенько высѣчь розгами, какъ школьниковъ, дабы и духъ вольнодумства въ нихъ искоренить. Каковы будутъ молодцы, ежели щенки сіи въ сихъ званіяхъ осмѣливаются осуждать главныхъ своихъ начальниковъ, чего отъ нихъ можно ожидать? И потому прошу приказать имѣть у васъ въ канцеляріи особенный имъ всѣмъ списокъ куда поступятъ, дабы впослѣдствіи, какъ нибудь, они куда не вышли, и къ дежурнымъ генераламъ писать, чтобы безъ спроса ихъ къ производству не представлять, а полковымъ командирамъ, чтобы держали ихъ въ рукахъ и строго наблюдали за поведеніемъ и нравственностію ихъ. *Въ-третьихъ*, вы говорите, что много бы надобно было занять крѣпостей для того, чтобы разсадить по одиночкѣ подсудимыхъ, но какъ въ числѣ подсудимыхъ главные зачинщики къ лейбъ-ротѣ, и къ тому еще въ стрѣлковомъ взводѣ, которыхъ и всего не болѣе 100 человѣкъ, а полагаю на лицо было и менѣе, то столько мѣстъ особыхъ можно найти, и думаю ежели бы въ крѣпости мѣста не достало, то можно нѣкоторыхъ посадить въ Адмиралтейство, или даже отдѣлить особую казарму Семеновскаго же полка, приставя къ оной караулъ, дабы никого къ нимъ не пускать. Сіе даже есть мнѣніе Его Величества, но отдѣлить весьма нужно, безъ того, кажется, судъ немного отыщетъ. Сегодня посылаю я къ Васильчикову записку отъ графа Кочубея, доставленную о разговорахъ солдатскихъ женъ. Государю угодно, чтобъ на оную обращено было особенное вниманіе военнаго суда, о чемъ приказалъ мнѣ и васъ увѣдомить, дабы вы съ своей стороны взяли сіе въ уваженіе. Весьма статься можетъ, что фельдфебель Брагинъ всю исторію сію самъ затѣялъ; его бы должно покруче допросить. Пожалуйста увѣдомьте меня, что по сему откроется, и также постараться бы хорошенько поразспросить солдатокъ, чрезъ которыхъ можно многое открыть, ибо нельзя, чтобы мужья съ ними предъ симъ когда либо чего не говорили.

Кавалергардское производство на вакансіи остановлено впредь до повелѣнія, потому что Васильчиковъ ихъ сужденіями также недоволенъ; я уже ему напредь сего писалъ, и нынѣ повторяю, чтобы обо всѣхъ судящихъ своихъ начальниковъ или правительство сообщалъ бы мнѣ имена для выписки тѣми же чинами, а между тѣмъ я думаю много подѣйствуетъ и остановка производства. Мнѣ все что-то сдается, что фельдфебель Брагинъ завелъ всю исторію: нельзя-ли, приведя его къ допросу, приказать Ивашову рѣшительно на него крикнуть что от-

крыто, что онъ самъ былъ зачинщикъ исторіи и что онъ уговаривалъ солдатъ, чтобы стояли дружнѣе, и что онъ ихъ не выдастъ, можетъ быть и не признается-ли, иногда сіе удается съ такими людьми, которые запираются, а затѣмъ увидятъ что будутъ отвѣчать.

Изъ 36-ти дѣлъ аудиторіатскихъ посылаю къ вамъ рѣшенныхъ 20, затѣмъ надѣюсь и остальныя скоро прислать. Ежели у васъ еще есть, то присылайте, равно пришлите ко мнѣ экстрактъ дѣламъ, какія у васъ есть, къ докладу Государю, и которыя вы откладываете и сюда не присылаете, дабы можно было нѣкоторыя сюда потребовать. Завтра отправляю я въ Вѣну верховыхъ нашихъ лошадей, куда и сами скоро поѣдемъ, оттуда же и далѣе, почему прикажите пожалуйста снабжать фельдъегерей достаточными прогонами, а ежели бы у нихъ не доставало, то могутъ брать въ Вѣнѣ въ посольствѣ, о чемъ отъ меня будетъ сдѣлано распоряженіе. Вы не повѣрите, какъ я сожалѣю, что мы не къ вамъ ѣдемъ, а въ противную сторону, особенно же по столь худой погодѣ и ужаснѣйшимъ въ этой сторонѣ дорогамъ. Сегодня здѣсь выпалъ снѣгъ и теперь продолжаетъ идти, и сіе болѣе испортитъ дорогу особенно въ горахъ. Великій Князь Николай Павловичъ сего вечера отправляется обратно въ Берлинъ.

Теперь подивитесь новому чуду: Кривляка вчерась далъ здѣсь балъ и очень хорошій; не знаю, что̀ съ нимъ сдѣлалось? Доказательство вамъ, что видно скучно, коли онъ рѣшился дѣлать такіе расходы. Для освѣщенія залы, ежели такъ комнату назвать можно, купилъ онъ за нѣсколько гульденовъ дощечекъ съ жестяными подсвѣчниками, служившими на похоронахъ нашего домохозяина, который недавно умеръ, а чтобы ихъ не узнали, то Кривляка купилъ въ аптекѣ серебряной бумажки и ею оклеилъ дощечки, прибивъ гвоздиками мишурную серебряную бахраму для бо̀льшаго украшенія. Для питья дамамъ взялъ изъ аптеки лимоннаго хрусталя, изъ коего сдѣлалъ лимонаду и безпрестанно онымъ подчивалъ. Балъ былъ превеселый, только подъ конецъ, говорятъ, ужасно воняло по̀томъ, потому что здѣшнія дамы не очень чистоплотны и видно худо моются; танцовали до втораго часа, даже и Вилламовъ съ Брискорномъ отличались. Совсѣмъ тѣмъ, право, на меня отчаяніе находитъ отъ скуки, и отъ того что ѣдемъ не домой. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и сообщить какъ Кривляка веселитъ здѣшнюю публику. Затѣмъ прощайте и будьте здоровы, любезный другъ, Богъ знаетъ когда увидимся.

Весь вашъ *К. Волконскій.*

[illegible] и [illegible] прошу поклонъ отъ меня сказать; [illegible] въ Вѣну [illegible] вмѣстѣ побѣгать за черными [illegible] того нѣтъ.

26.

12/24 декабря 1820 г. Троппау.

[illegible] ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 26 ноября, [illegible] получено. Я весьма радъ, что вы здоровы и что у васъ все [illegible], чего навсегда желаю отъ искренняго сердца. Отъѣздъ нашъ отсюда [illegible] по несчастію въ Лайбахъ, а не къ вамъ, что меня [illegible] огорчаетъ, прилагаю для свѣдѣнія вашего нашъ маршрутъ. Долго ли тамъ пробудемъ, и куда оттуда поѣдемъ одному Богу извѣстно, ибо обстоятельства безпрестанно перемѣняются. Я весьма опасаюсь, что сіе завлечетъ насъ въ Италію, на что будетъ потребно много и времени: [illegible] по крайней мѣрѣ хорошо окончить предпріятія. Неаполитанскій король будетъ въ Лайбахъ по сдѣланному ему отъ державъ приглашенію, но что изъ того [illegible] еще неизвѣстно, между тѣмъ отъѣздъ его оттуда производитъ въ Неаполѣ въ каморахъ большой шумъ и перемѣну министровъ. Король ѣдетъ изъ Неаполя до Ливорно водою, а оттуда прямо въ Лайбахъ.

Мы въ Вѣнѣ остановимся весьма мало, какъ усмотрите изъ маршрута. Морозы здѣсь стоятъ [illegible], сегодня было около 10 градусовъ, но снѣгу мало и на саняхъ нельзя ѣхать, что дѣлаетъ дорогу весьма неприятною, особенно въ горахъ куда мы ѣдемъ. Фельдъегерей изъ Петербурга препровождаю [illegible] чрезъ Варшаву, для того, что они [illegible] отъ [illegible] и [illegible] же туда отвозятъ.

О [illegible] Семеновскаго полка посылаю вамъ указъ, на [illegible] послѣдовавшій, который я прошу привести въ исполненіе. [illegible] никакого дѣла нѣтъ, [illegible] вступаютъ цѣли[illegible] [illegible] амуницію. Пол[illegible] [illegible] Государь самъ изволитъ [illegible]. Весьма [illegible]тельно, что [illegible] заслуживаютъ до[illegible] [illegible]. Мнѣ кажется Великій [illegible] къ вамъ хорошо расположенъ. [illegible] предостеречь . . . . .

На счетъ учрежденныхъ въ полкахъ кабаковъ, я съ вами совершенно согласенъ, что сіе произвело большое зло, которое однако происходитъ единственно отъ того, что никто въ полкахъ своего дѣла не дѣлаетъ, и не входятъ никогда въ совершенный смыслъ постановленій. Заведеніе сіе учреждено было съ тѣмъ, чтобы солдаты не шатались по улицамъ пьяные, и для того приказано было держать вино въ ротахъ; но сколько вина; сіе совершенно зависитъ отъ расторопнаго ротнаго командира, котораго дѣло есть смотрѣть, чтобы каждый день поутру, каждый артельщикъ для своей артели бралъ вина изъ кабака по билету въ роту не болѣе отнюдь, какъ по двѣ чарки на человѣка для обѣда и ужина, осматривая напередъ каждое утро самъ въ каждой артели, все-ли вино взятое наканунѣ вышло; ежели есть остатокъ, то можетъ число уменьшить, тогда никогда корчемства не будетъ. А какъ никто за симъ въ ротѣ не смотритъ, и позволяютъ брать въ роты вина безъ всякаго на то опредѣленія, дабы облегчить ходьбою артельщиковъ, забывая, что кабаки окружаютъ почти всѣ полки, слѣдовательно, ежели бы и не достало положеннаго числа чарокъ, то недалеко бы имъ было и вновь сходить за виномъ; мнѣ кажется, что сей способъ есть одинъ, который можетъ удерживать людей отъ пьянства по кабакамъ и корчемства въ ротахъ, но нужно для сего, чтобы ротный командиръ и фельдфебели дѣлали свое дѣло, равно и баталіонные командиры за симъ наблюдали.

Касательно подкинутой бумаги я ее видѣлъ и читалъ; не знаю, что можетъ быть хуже того что въ ней заключается; весьма бы нужно отыскать сочинителя, съ которымъ нѣтъ никакого грѣха, и должно бы поступить по § 7 дѣйствующихъ армій «Полеваго Уложенія». Присланную записку и допросы нижнихъ чиновъ къ вамъ обращаю съ тѣмъ, что Его Величество весьма недоволенъ сдѣланнымъ надъ ними Мыловымъ допросомъ, повелѣваетъ вамъ вновь произвесть слѣдствіе, назначивъ для сего кого нибудь изъ аудиторіата, или изъ хорошихъ аудиторовъ въ гвардіи состоящихъ. На счетъ посылки флигель-адъютантовъ я бы желалъ, чтобы вы сего не дѣлали, развѣ въ такомъ случаѣ, когда совершенно уже некого будетъ послать, и то съ самымъ большимъ разборомъ. Мои адъютанты ничего не дѣлаютъ; я бы желалъ, чтобы вы ихъ употребляли и чтобы они привыкали заниматься дѣломъ для ихъ же собственной пользы. Новость въ совѣтѣ происшедшая не дѣлаетъ никому изъ сихъ господъ чести, и конечно слѣдуетъ сіе знать, что вѣроятно и не останется безъ того.

На счетъ генераловъ и полковыхъ командировъ вы говорите, что

желательно, чтобы они удержались отъ нѣкоторыхъ разглашеній и забыли бы личности.—что сіе значитъ растолкуйте мнѣ? И будьте увѣрены, что между нами совершенно останется, но я бы желалъ имѣть поясненіе, неужели и между ими есть такіе неистовцы? Чувствительно благодарю васъ, что поговорили Обрескову о моихъ бѣдахъ съ таможенными, сіе очень подѣйствовало кажется, а теперь уже прошу васъ покорнѣйше потрудиться поблагодарить отъ меня Михаила Алексѣевича за столь милостивое снисхожденіе, и право справедливое.

Кривляка сейчасъ отправился въ Вѣну къ матери своей, и кряхтитъ, что отъ балу разорился.

Съ наступающими праздниками и Новымъ годомъ васъ, любезный другъ, отъ искренняго сердца поздравляю, равномѣрно и Аграфену Федоровну; желаю вамъ обоимъ совершеннаго здоровья и всякаго благополучія, а сверхъ того давно бы пора и прибавленіе семейства.

Дай Богъ, чтобы мы скорѣй возвратились къ вамъ и хотя бы годъ посидѣли; право, наскучило таскаться и вѣкъ свой жить по цыгански. Надѣюсь дѣла наши не накопляются, сколько могу отсюда къ вамъ обращаю. Подулъ было хорошій вѣтеръ на аудиторскія и 20 снесло вихремъ, но къ несчастію затихла погода. Говорятъ, въ Лайбахѣ все горы, и вѣтры весьма сильные, надѣюсь набѣжитъ опять шквалъ и остальныя снесетъ, какъ-то мнѣ будетъ раздѣлываться съ патентами; по дружбѣ вашей вы меня ими не забывали, а теперь я думаю и порядочный возъ накопился, ежели бы не трудно было ихъ возить, то и сюда можно бы понемногу присылать, но вѣрнѣе однако дома оставлять, надѣюсь оттерплюсь коли живъ ворочусь. Скоро внутренняя стража наша перещеголяетъ армію отличіями: умилосердитесь, уймите ее отъ отличій, даже иногда и неизвѣстныхъ, а симъ убавится и лишнихъ бумагъ, которыхъ довольно и безъ ея отличій.

Къ формированію Семеновскаго полка прикажите тотчасъ приступить, и думаю симъ средствомъ онъ даже въ нѣсколько дней поспѣть можетъ. Ежели Васильчиковъ по письму Государя не назначитъ полковаго командира, то до назначенія онаго можетъ старшій изъ трехъ выбранныхъ штабъ-офицеровъ занять мѣсто для формированія. Въ указѣ сказано: выбрать по три человѣка изъ 1-го и 2-го Карабинернаго полка, сіе разумѣется только по три съ полка, не съ роты. Бѣдный Степель (Стессель?) какъ будетъ плакать, я думаю и Берхману грустно будетъ разстаться съ своими людьми, признаюсь большой подрывъ, но все имъ чести много. Прощайте, любезный другъ, пожалѣйте о мнѣ, несчастномъ, котораго потащутъ нѣмцы по горамъ, того и гляди

чтобы голову не сломили; то-ли бы дѣло въ санкахъ въ Петербургъ какъ славно бы полетѣли.

Весь вашъ К. *Петръ Волконскій.*

Княжнину прошу кланяться и съ новымъ годомъ поздравить, онъ, я думаю, готовитъ къ святкамъ свой театръ.

27.

15 (27) декабря 1820 г. Троппау.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 3-го декабря, получилъ. Чувствительно благодарю и искренно сожалѣю о вашемъ нездоровьи; ради Бога берегите себя и старайтесь дѣлать побольше движенія; сіе гораздо болѣе поможетъ вамъ нежели кровопусканіе. Мы завтра ѣдемъ отсюда въ Лайбахъ, какъ я уже къ вамъ писалъ по маршруту мною къ вамъ посланному. Погода стоитъ очень холодная, но снѣгу мало. При семъ препровождаю къ вамъ рапортъ ген.-адъют. Васильчикова о нижнихъ чинахъ, бывшихъ въ Шлиссельбургѣ въ дополненіе къ посланной о семъ къ вамъ запискѣ, чтобы дѣло сіе вновь переизслѣдовать, и людей прежде не выписывать въ армію. О комплектованіи Семеновскаго полка посланъ къ вамъ указъ, изъ коего увидите, что ни одного офицера изъ гвардіи не берутъ, а сегодня посылаю грамату Семеновскому полку на передачу знаменъ новымъ людямъ сего полка. Полагаю, что оное произведетъ хорошее дѣйствіе не только надъ новыми людьми, но и надъ старыми, которую нужно чтобы Васильчиковъ не печатавъ распустилъ по прочимъ полкамъ въ копіи. Прощайте, любезный другъ, повторяю вамъ желаніе мое, чтобъ вы всегда были здоровы и прошу не забывать насъ, бѣдныхъ заключенныхъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ приношу истинное мое почтеніе, и также желаю ей болѣе здоровья, *и нѣкоторой* пріятной болѣзни, только чуръ, на кривлякъ и горбатыхъ не смотрѣть.

28.

21-го декабря 1820 г. Вѣна.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, не успѣлъ отвѣчать о фонъ-Визинѣ или лучше сказать за-

былъ, какъ между тѣмъ въ рапортѣ о проѣзжающихъ показанъ онъ былъ прибывшимъ въ С.-Петербургъ, и загнутъ былъ уголъ съ тѣмъ, чтобы узнать зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Какъ же вы ко мнѣ писали, что намѣреніе его есть по болѣзни просить губернаторскаго мѣста, то и сдѣлалъ я сей отвѣтъ, на что Государь изволилъ отозваться, что полагаетъ его весьма способнымъ къ сей должности, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ мнѣ, что онъ извѣстенъ за весьма большаго массона, о чемъ и сожалѣетъ, и поручаетъ вамъ имѣть во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ особенный за нимъ надзоръ. О мѣстѣ же ничего рѣшительнаго не сказалъ, почему и полагаю лучше бы ему о семъ обратиться съ просьбою къ гр. Кочубею, который можетъ сдѣлать представленіе особенно, ежели г-нъ Ашъ оставляетъ свое мѣсто.

Мы сюда пріѣхали 18-го къ обѣду, и чуть было въ самыхъ воротахъ городскихъ на поворотѣ съ моста насъ не опрокинули, самъ Богъ спасъ, коляска ударилась о ворота и была отброшена въ другую сторону, и не понимаю какъ не упала; ежели бы сіе случилось, то намъ бы худо было отъ противной каменной стѣны воротъ. Не знаю что и дѣлать съ нѣмцами, такъ глупы, что способу нѣтъ, какъ хочешь имъ толкуй ничего не понимаютъ, и думаютъ, что возя Россійскаго Императора надобно скакать сломя голову; теперь же за Вѣною говорятъ еще хуже, и ужасно гористо, а отъ морозовъ и снѣга очень скользятъ экипажи, отчего легко можно быть въ канавѣ, но надѣюсь на милость Божію. Завтра поутру ѣдемъ отсюда по марштруту въ Лайбахъ, куда король Неаполитанскій будетъ 25 декабря (4 января). Сегодня потѣшился я въ Пратерѣ на охотѣ фазановъ, оберъ-егермейстеръ извинялся что мало убили, всего было убито болѣе 500 штукъ, по ихъ это ничего, а по нашему ужасно. Признаюсь, жаль въ Вѣнѣ быть на столь короткое время, а особенно послѣ Троппау и имѣя въ предметѣ Лайбахъ, который еще хуже Троппау.

Больныхъ бывшаго Семеновскаго полка Государь велѣлъ перевести всѣхъ въ Сухопутный госпиталь, разумѣется кромѣ трудныхъ, и тѣхъ коимъ переѣздъ не будетъ вреденъ, ибо они должны уже быть причислены къ Сводному пѣхотному баталіону и по мѣрѣ выздоровленія отправляться въ тѣ дивизіи, куда прочіе тѣхъ баталіоновъ люди отправлены, что и привести тотчасъ въ исполненіе. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ совершеннаго здоровья и прошу меня не забывать.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу мое почтеніе засвидѣтельствовать.

Ѣхавши изъ Троппау въ горахъ была столь сильная мятель и мо-

розъ, что деньщикъ Вилламова замерзъ совсѣмъ на козлахъ, правда и отъ того, что неосторожно выпилъ горячаго вина.

29.

31-го декабря 1820 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 10-го декабря, получилъ, чувствительно благодарю васъ какъ за оное, такъ и за отчеты по дѣламъ департаментовъ вамъ ввѣренныхъ, изъ коихъ усматриваю успѣшное теченіе дѣлъ и отличную исправность, за каковыя покорнѣйше васъ прошу принять мою наичувствительнѣйшую признательность, и признаюсь что горжусь, имѣя въ васъ столь усерднаго и отличнаго сотрудника. Представленія ваши всѣ утверждены съ самою малою перемѣною. Его Величество весьма былъ доволенъ отчетомъ и всѣхъ наградилъ, кромѣ что приказалъ дать чины вмѣсто орденовъ тѣмъ, кто ниже чина титулярнаго совѣтника, что и впредь при представленіяхъ повелѣлъ наблюдать. Хотя число чиновниковъ Государь изволилъ найти обширнымъ, но во уваженіе вашего представленія удостоилъ своею милостію, впредь же надо будетъ не столь много вдругъ представлять. О поступкѣ князя Мещерскаго я пишу къ Васильчикову, чтобы подробнѣе удостовѣрился и формально бы меня увѣдомилъ, тогда можно будетъ его выписать вонъ, ибо сего отнюдь терпѣть не должно, и какъ могло ему придти сіе въ голову?

На счетъ привезенныхъ Тургеневымъ таблицъ я васъ разрѣшаю особенною бумагою.

О нижнихъ чинахъ гвардейскихъ, бывшихъ въ Шлиссельбургской крѣпости, вы уже должны были получить мое повелѣніе, изъ коего увидите, что Его Величество недоволенъ былъ слѣдствіемъ Мылова и приказалъ вновь переслѣдовать. Объ отпускѣ шести тысячъ на С.-Петербургское военное сиротское отдѣленіе васъ разрѣшилъ, и ни мало не сомнѣваюсь, что вы приведете оное въ должный и даже отличный порядокъ, потому что сіе отдѣленіе должно быть образцовымъ для прочихъ по всѣмъ частямъ, какъ въ наукахъ, такъ и содержаніи воспитанниковъ и дома.

Не понимаю, отчего жалуетесь, что мы мало отсылаемъ къ вамъ бумагъ, до сихъ поръ у меня всѣ рѣшены, кромѣ безсмертныхъ (?), которыя съ Петербурга вожу съ собою, и аудиторскихъ, которыя надѣюсь при первомъ удобномъ случаѣ пойдутъ въ ходъ.

Пожалуйста, любезный другъ, увѣдомьте меня совсѣмъ-ли отдѣлался нашъ домъ штаба, и хорошо-ли, то-есть отвѣтствуетъ-ли своему назначенію. Селявинъ весьма боится освѣщенія газомъ и по сихъ поръ не имѣю еще отъ него положительнаго донесенія окончено-ли устройство онаго и дѣлали-ли пробу. Князь Меньшиковъ видѣлъ въ Вѣнѣ во вновь устроенной политехнической школѣ освѣщеніе ее масломъ на томъ же основаніи какъ и наше, и говоритъ, что весьма хорошо и никакой нѣтъ опасности; онъ тамъ же видѣлъ отопленіе того же дома парами также отлично и удивительно выгодно; на обратномъ пути я самъ побываю тамъ, постараюсь достать планы. Хорошее надобно вездѣ перенимать. Балашовъ и Воиновъ долго насъ прождутъ, ибо не думаю, чтобъ мы могли скоро воротиться, хотя наши дипломаты обѣщаютъ, что будто въ концѣ января мы можемъ ѣхать обратно, чего нетерпѣливо желаю; но ежели поѣдемъ въ Италію, тогда сомнѣваюсь, чтобы прежде апрѣля могли быть назадъ. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и поздравить съ новымъ годомъ, съ коимъ и васъ поздравляю, желаю совершеннаго здоровья и скорѣе васъ видѣть. Лайбахъ получше Троппау, но скука та же. Тепла 10 градусовъ, окна открыты, но дождя много. Насъ не забывайте.

Кривляка зажился въ Вѣнѣ, и только вчера сюда пріѣхалъ.

30.

6-го (18-го) января 1821 г. Лайбахъ.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ за письма ваши отъ 17-го декабря, изъ которыхъ о большомъ письмѣ объяснимся лишь по возвращеніи, а на другое спѣшу отвѣчать. Производство остановленное Кавалергардскаго полка. Его Величество повелѣть изволилъ внести въ приказъ, что и прикажите исполнить. Посылаю сегодня указъ министру финансовъ объ отпускѣ на извѣстное мнѣ употребленіе сорока тысячъ рублей, и отношеніе коимъ прошу его отпустить сію сумму подъ росписку Гошота, а васъ прошу тотчасъ вручить лично Ларіону Васильевичу Васильчикову, безъ всякой формальной бумаги. Касательно суда надъ нижними чинами Его Величество весьма недоволенъ, и уже писалъ давно Васильчикову, чтобы онымъ отнюдь не торопиться, и даже, если коммиссія сія военнаго суда ни-

чего не откроетъ, то Его Величество разрѣшилъ Васильчикову, закрывъ оную, нарядить совсѣмъ новую для раскрытія истины, и дойти до источника причины происшествія. Мнѣніе ваше на счетъ сообщенія полковымъ командирамъ апробовано, и я уже объявляю о томъ главнокомандующему. О формированіи полка вы уже все получили, и полагаю по полученіи письма сего полкъ новый уже будетъ готовъ, ибо съ нимъ немного дѣла, только переодѣть. Аудиторіатскія дѣла постараюсь всѣ окончить лишь только свободное время у Государя будетъ.

О времени отсутствія нашего ничего еще рѣшительнаго, къ сожалѣнію, сказать не могу, а усердно желаю, чтобы скорѣе кончилось, дабы къ вамъ возвратиться, хотя климатъ весьма пріятный, но съ хорошею шубою и добрыми печами нечего бояться холода. Впрочемъ кромѣ климата скука преужасная и до такой степени, что, право, по вечерамъ отчаяніе на всѣхъ насъ находитъ. За то ложимся рано спать, и боюсь, какъ къ вамъ возвратимся, что будемъ зѣвать, тогда какъ вы только на балъ собираться будете. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что здоровье ваше худо поправляется, пожалуйста посовѣтуйтесь съ г. Рейманомъ, онъ человѣкъ преискусный; я писалъ къ тетушкѣ, чтобы она ему отъ меня поговорила, чтобы онъ къ вамъ съѣздилъ, онъ можетъ быть полезенъ и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Предъ окончаніемъ сего письма имѣлъ я случай объясняться еще съ Его Величествомъ на счетъ производимаго суда. Государь изволитъ полагать, что ежели ничего не будетъ открыто и Васильчиковъ не рѣшится назначить другую коммисію суда, тогда какъ дѣло поступитъ въ аудиторіатъ, вы можете обще съ аудиторіатомъ, найдя недостаточнымъ производство суда, возвратить дѣло съ назначеніемъ совсѣмъ другой коммисіи, избравъ въ презусы Желтухина или Удома, также и ассессоровъ другихъ и вновь дѣло пересмотрѣть, дабы непремѣнно найти источникъ, отчего приключеніе сіе случилось. Въ семъ дѣлѣ всѣ личности и уваженія должны идти въ сторону, а надобно дойти непремѣнно до истины, и чтобы господа судьи соблюдали долгъ присяги, не дѣлая ни для кого никакихъ снисхожденій. При семъ случаѣ, признаюсь, я жалѣю объ Усачевѣ, онъ бы уже не спустилъ никому и дѣло бы сдѣлалъ. Прощайте, любезный другъ, желаю искренно поправленія вашего здоровья и скорѣе съ вами увидиться.

31.

12-го (24-го) января 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше отъ 24-го декабря благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и посылаю къ вамъ съ нарочнымъ разрѣшеніе на записку вашу по дѣлу о нижнихъ чинахъ Семеновскаго полка, изъ которой усмотрите, что Его Величество разрѣшаетъ отправленіемъ невинныхъ въ полки 3-го корпуса, прямо не останавливая въ Порховѣ, по разсмотрѣніи однако дѣла въ аудиторіатѣ; а буде кто изъ нихъ, хотя только поименованъ будетъ въ дѣлѣ, то таковыхъ отослать въ Шлиссельбургскую крѣпость, дабы въ случаѣ, ежели Государь не будетъ доволенъ производствомъ суда и прикажетъ нарядить новый, чтобы люди сіи были близко для разныхъ вопросовъ или справокъ. При отправленіи же ихъ изъ крѣпости, для всякой осторожности высылайте ихъ небольшими партіями, и не пускайте въ городъ, а ранѣе утромъ со свѣтомъ проводить, какъ на запискѣ означено, чрезъ Охту. Наказаніе же виновнымъ не прежде приводить въ исполненіе, какъ когда дѣло будетъ Высочайше конфирмовано. Его Величество изволитъ полагать, что наказаніе сіе произвесть въ новомъ Семеновскомъ полку, дабы оное могло послужить примѣромъ для оныхъ. Касательно тѣхъ, кои будутъ наказываться плетьми на Конной, то нужно взять обыкновенно употребляемыя на то мѣры съ большею предосторожностію, и также полагаю не нужно наказаніе сіе производить вдругъ въ одинъ день, ежели преступниковъ будетъ много, а въ нѣсколько дней.

Подпрапорщиковъ росписанныхъ по разнымъ полкамъ Его Величество приказалъ произвесть въ тѣ же полки въ прапорщики, о чемъ и отдано сегодня въ приказѣ. О формированіи полка вы уже давно должны были получить и полагаю полкъ уже сформированъ.

При семъ прилагаю двѣ записки отъ графа Милорадовича полученныя: одна донось на Семеновскаго каптенармуса Бобровскаго, а другая допросъ съ него снятый, съ отмѣткою что по немъ исполнить вамъ Государь поручаетъ. Признаюсь вамъ, мнѣ весьма не понравилось въ отвѣтѣ Бобровскаго, что онъ показываетъ, что ходилъ въ крѣпость переодѣтымъ: чего же смотрѣли караульные, симъ способомъ могли проврадываться и другіе, можетъ быть и съ наущеніями или наставленіями, какъ нижніе чины должны поступать, и должны отвѣчать, сіе весьма важно, и отнюдь изъ вида не выпускать, и добираться, какъ можно

подробнѣе, какъ сіе произошло, и какъ караульные допускали къ арестантамъ постороннихъ людей.

Предъ Ермоловымъ виноватъ что не отвѣчалъ, но Государю тогда неугодно было перевесть въ гвардію двоюроднаго брата его; постараюсь вновь попробовать попросить. Очень радъ, что мальчики бывшіе въ Парижѣ удались, желаю чтобъ переплетчики ваши также получше бы переплетали книги; не худо бы ихъ отдать поучить къ лучшему переплетчику, потому что послѣдняя присланная отъ васъ книжка собранія Законовъ весьма худо переплетена и почти не раскрывается, хотя Быковъ и въ брилліантахъ.

Рядовыхъ Московскаго пѣхотнаго полка, Бланкова и Алекринскаго. Государь приказалъ отослать въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія подъ арестомъ, но однако безъ притѣсненія, и чтобы отнюдь не имѣли сообщенія, какъ между собою, такъ и съ содержащимися въ сей крѣпости другими арестантами, о чемъ лично для свѣдѣнія на словахъ скажите графу Кочубею, дабы онъ зналъ гдѣ они находятся въ случаѣ надобности.

Письмо Ермолова къ вамъ обратно посылаю и весьма буду сожалѣть, ежели онъ пріѣдетъ безъ насъ въ Петербургъ, и не дождавшись уѣдетъ; ибо я не вижу уже здѣшнимъ дѣламъ конца, и никакъ не знаю когда мы воротимся: по теперешнему ходу дѣлъ дай Богъ чтобы къ лѣту могли воротиться. Признаюсь, отчаяніе беретъ. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что здоровье ваше такъ худо поправляется, и отъ всего сердца желаю, чтобы было лучше; пожалуйста посовѣтуйтесь съ докторомъ Рейманомъ, я увѣренъ, что онъ вамъ поможетъ. Бумагъ отъ васъ было ужасно много прислано съ Лащевскимъ, который ужасно дурно ѣхалъ, долѣе всѣхъ: я его покаталъ немного за то. Большую часть бумагъ къ вамъ посылаю съ симъ фельдъегеремъ, который ѣдетъ нарочнымъ въ главную квартиру 1-й арміи, по случаю вывода войскъ изъ Черниговской губерніи по неурожаю, почему ежели Императрица будетъ спрашивать писемъ, то скажите, что онъ пріѣхалъ изъ главной квартиры, куда былъ посланъ съ бумагами, другой же очередной отправится въ концѣ недѣли. Прощайте, будьте пуще всего здоровы и веселы, не по нашему, у насъ только и хорошаго, что погода и устрицовъ тьма уже пріѣлись, всякій день свѣжія изъ Тріеста, равно и разная морская рыба, а больше ничего, скука ужасная. Аграфенѣ Федоровнѣ мое преусердное почтеніе прошу сказать.

Орлову поклонъ и прочимъ товарищамъ.

32.

15-го (27-го) января 1821 г. Лайбахъ.

Любезный другъ, Арсеній Андреевичъ. Съ симъ курьеромъ посылаю вамъ еще нѣсколько оконченныхъ дѣлъ аудиторіатскихъ и указы Капитулу съ грамотами, между коими одну для Запольскаго Государь не подписалъ, ибо онъ уже давно умеръ. Грамоты на знамена и штандарты не подносилъ, потому что желаю знать, когда которымъ полкамъ оные уже выданы, что и прошу отмѣтить на спискѣ. Почему Преображенскому и Семеновскому равно и гренадерскимъ полкамъ 1-й Гренадерской дивизіи оныхъ нѣтъ, тогда какъ знамена точно имъ были пожалованы, и еще недавно разрѣшено освятить знамена полку графа Аракчеева, коему и грамота была нѣдавно подписана. Я очень помню, что при Сипягинѣ еще знамена для гренадерскихъ полковъ были изготовлены, и не находятся ли въ гвардейскомъ штабѣ? Сипягинъ мнѣ сказывалъ, что только остановилось затѣмъ, что Его Величество хотѣлъ самъ назначить время для освященія, и съ тѣхъ поръ я о нихъ ничего не слыхалъ, пожалуйста по справкѣ о семъ меня увѣдомьте.

Представленія генерала Ермолова всѣ утверждены, и самому ему пожалованъ Владиміръ 1-й степени, на который и грамота здѣсь будетъ подписана; племянника его, квартирмейстерской части прапорщика Ермолова, повелѣно перевесть въ гвардейскій штабъ, о чемъ помѣщу здѣсь въ приказѣ. Надѣюсь, что Ермоловъ будетъ доволенъ, и ему нельзя жаловаться, чтобы представленія его были безуспѣшны или долго у насъ залеживались. Я очень радъ, что Его Величество и ему самому отдалъ должную справедливость, которую, конечно, онъ заслуживаетъ. Я удивляюсь, что онъ князя Дадіана по § 7-му дѣйствующей арміи не отдѣлалъ, и теперь привелъ въ нѣкоторое затрудненіе, о которомъ у него же велѣно спросить мнѣнія. Очень желаю видѣть Ермолова въ С.-Петербургѣ, но ужасно боюсь, чтобы здѣшнія дѣла не продержали насъ здѣсь еще весьма долго. Отошлите, пожалуйста, по первой оказіи письмо на имя Киселева. Здѣсь нѣсколько дней стало опять холоднѣе и морозы были до 6 и 7 градусовъ по утру, но къ обѣду всегда градуса 3 и 4 тепла и солнце очень грѣетъ, вотъ все что есть здѣсь хорошаго, впрочемъ, скука ужасная. Надняхъ ожидаютъ для увеселенія итальянскую оперу, которая, надѣюсь, хотя немного развлечетъ нашу скуку и мо-

пастырскую жизнь. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы, и не забывайте насъ, грѣшныхъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе прошу засвидѣтельствовать.

33.

22-го января 1821 г. Лайбахъ.

Схватилъ на сихъ дняхъ простудную лихорадку, которая меня очень ослабила и производитъ ужасную боль въ головѣ, такъ что едва писать могу, и потому, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, на сей разъ много писать не могу, а благодарю за письма ваши отъ 31-го декабря и отъ 7-го января, которыя отлично въ 13 дней привезъ Паркачовъ и за то произведенъ въ прапорщики. Прилагаю при семъ записку отъ одного отставнаго штабсъ-капитана князя Друцкаго, пожалуйста прикажите справиться, ежели ничего дурнаго по службѣ его не было, то попросите отъ меня товарищей нашихъ о помѣщеніи его по желанію его, а тогда меня увѣдомьте. Я надѣюсь, они мнѣ въ семъ не откажутъ.

Весьма радъ, что формированіе полка идетъ хорошо, но мнѣ кажется не слишкомъ-ли уже разборчивы въ выборѣ нижнихъ чиновъ, потому что такъ мало выбрали съ баталіоновъ. Скажите, зачѣмъ безпрестанно требуете вы и даете отпуски бывшимъ семеновскимъ офицерамъ, тогда какъ сіе было запрещено. Государь очень за сіе сердится и находитъ, что таковое снисхожденіе совсѣмъ неумѣстно, особенно вопреки повелѣнія. Вы слишкомъ добры, я нахожу, что симъ шалунамъ доставляете удовольствіе въ непріятность себѣ. Командиромъ Семеновскаго полка Государь назначилъ Удома, я очень радъ за добраго и почтеннаго старика, и увѣренъ, что полкъ будетъ содержать исправно. Прошу отъ меня его поздравить. Прежнихъ офицеровъ семеновскихъ въ армію переведенныхъ, буде изъ нихъ еще кто въ Петербургѣ есть, прикажите тотчасъ выслать къ своимъ мѣстамъ, не внимая никакимъ отговоркамъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы, Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

Весь вашъ князь *П. Волконскій*.

34.

30-го января 1821 г. Лайбахъ.

Лихорадка моя меня не покидаетъ и такъ ослабила, что едва шатаюсь, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; благодарю васъ за письмо ваше отъ 14-го января и весьма сожалѣю, что мы совсѣмъ захирѣли, видно старость приходитъ, особливо ко мнѣ. Вы не повѣрите, какъ я постарѣлъ. вы удивитесь какъ меня увидите.

На счетъ статскихъ болтуновъ, желательно бы знать, кто они таковы. то можно бы было ихъ добрымъ манеромъ и поунимать, чтобы не въ свои дѣла не вмѣшивались.

Касательно отказа графа Милорадовича я нахожу, что въ семъ случаѣ онъ весьма справедливо поступилъ, и на его мѣстѣ я то же бы сдѣлалъ, потому что никакой нужды не было перемѣнять очереди, которая могла произвести неудовольствіе, коего особенно въ теперешнемъ положеніи надо стараться сколь можно избѣгать. Сверхъ того, Государь изволилъ самъ Васильчикову писать, чтобы полкъ вступилъ въ караулъ въ свою очередь, а къ тому же, нельзя ему было идти въ караулъ не получивъ знаменъ. Я нахожу также, что Васильчиковъ напрасно вошелъ о семъ въ переписку, не объяснясь прежде на словахъ съ графомъ Милорадовичемъ, тогда бы избѣжалъ всѣхъ сихъ непріятностей.

Хорошо сдѣлали, что послали нарочнаго фельдъегеря къ партіоннымъ офицерамъ, идущимъ съ людьми 3-го баталіона. Стыдно, что они до того довели, когда имъ при отправленіи было приказано имѣть за людьми наблюденіе. Я уже писалъ къ главнокомандующему, чтобы за сими людьми имѣть надзоръ и чтобы полковые командиры тотчасъ мнѣ доносили, ежели что замѣтятъ, или изъ разговоровъ что либо откроютъ на счетъ происшествія. Хорошо что увѣдомили меня, зачѣмъ требовали вы офицеровъ. безъ того Государь думалъ что для отпуска. Въ допросѣ измайловскаго писаря хотя много пустяковъ, но однако есть вещи довольно странныя и которыя прикажите строго розыскать, какимъ образомъ фельдфебель роты Его Величества приходилъ изъ крѣпости въ партикулярномъ платьѣ въ гости къ фельдфебелю измайловской роты Его Высочества. Писаря же сего отправить въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ 3-го корпуса, и увѣдомьте меня, кто сей человѣкъ Валѣевъ, къ которому ходилъ писарь бумаги переписывать, сіе тоже не должно бы позволять, и въ нашу службу крѣпко запрещалось, чтобы писаря ходили на сторону писать.

Все сіе доказываетъ, что служба въ гвардіи идетъ только для однихъ парадовъ, но настоящей службы совсѣмъ нѣтъ, и не думаютъ объ ней, все полагаютъ бездѣлицею, а того не знаютъ, что отъ сихъ-то бездѣлицъ происходятъ всѣ бѣды.

О возвращеніи нашемъ еще ничего сказать не могу, потому что никто не можетъ онаго рѣшить, пока дѣла неаполитанскія не кончатся, которыя, кажется, берутъ весьма хорошій оборотъ. Австрійцы уже перешли рѣку По и идутъ къ Неаполю; кажется сопротивленій никакихъ не будетъ. Король неаполитанскій на сихъ дняхъ отправляется уже въ Римъ, почему и надѣемся, что можетъ быть въ половинѣ или концѣ февраля можемъ мы отсюда вырваться; но какъ дѣла сіи безпрестанно мѣняются, то и нельзя ничего сказать положительнаго. Изъ Парижа получено извѣстіе, что занесли боченокъ съ порохомъ на маленькую лѣстницу королевскую, и въ 4 часа послѣ обѣда оный взорвало, безъ всякаго однако вреда, кромѣ выбило нѣсколько стеколъ и вышибло двери; чрезъ часъ послѣ, другой былъ взрывъ въ Луврѣ, также мало значущій. Все сіе доказываетъ, сколько тамъ злыхъ людей, которые никакъ не могутъ быть спокойны, и желаютъ какимъ нибудь только способомъ производить общее безпокойство. Въ Испаніи дѣла также идутъ ужасно плохо, однимъ словомъ, мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что каждый день должно ожидать чего чрезвычайнаго. Секретныя общества иллюминатовъ ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, имъ ничего нѣтъ невозможнаго и ничего у нихъ нѣтъ святаго, только и мыслятъ уничтоженіе всѣхъ властей и произведенія общихъ безпокойствій. Число ихъ такъ велико, что и у насъ очень много, и даже въ войскѣ и въ разныхъ должностяхъ, почему и нужно обращать всевозможное вниманіе къ открытію таковыхъ изверговъ для удаленія ихъ.

Скажите отъ чего на «Русскомъ Инвалидѣ» съ № 7 отмѣненъ гербъ, для выиграніа ли мѣста, или для чего другого? Изданіе ваше россійскихъ узаконеній прекрасно, какъ бумага, литеры и переплетъ, но нахожу, что оттиски не всѣ равны: иные черны, другіе слабы, сверхъ того еще жаль, что оглавленіе во 2-й части, хотя и по алфавиту, но не совсѣмъ по азбучному порядку. Эта неосторожность была сочинителя. Не худо бы къ сему переплетчику дать поучиться нашихъ переплетчиковъ на нѣкоторое время. Прилагаю при семъ записку московскаго военнаго генералъ-губернатора о выбывшемъ изъ подъ ареста отставленномъ отъ службы 6-го класса Гусевѣ. Увѣдомьте меня какъ онъ отставленъ, съ тѣмъ-ли, чтобы никуда не опредѣлять или просто; ибо мнѣ извѣстно, что онъ недоволенъ рѣшеніемъ дѣла, и дѣлаетъ разные происки, чтобы

вашемъ ко мнѣ на сіе не отвѣчайте; ибо онъ часто читаетъ ваши письма ко мнѣ. Прощайте, любезный другъ, желаю отъ искренняго сердца, чтобъ головныя ваши боли васъ покинули и чтобы здоровье ваше совсѣмъ поправилось.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Весь вашъ *Князь П. Волконскій.*

35.

6 (18) февраля 1821 г. Лайбахъ.

Весьма благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 21-го января. По бумагѣ вашей о Сѣвскомъ полку Его Величество приказалъ мнѣ послать нарочнаго фельдъегеря въ главную квартиру съ запросомъ не было ли какихъ неудовольствій отъ нижнихъ чиновъ сего полка на командира, что подало поводъ распустить такіе слухи. Гр. Ожаровскій получилъ изъ Петербурга также письмо отъ адъютанта своего Варинецкаго, который пишетъ, что будто Елецкій полкъ взбунтовался и убилъ шефа своего въ Митавѣ, что и доказываетъ пустые слухи, ибо Елецкій полкъ никогда не былъ въ Митавѣ, но видно въ Петербургѣ есть охотники выпускать злые слухи, почему Государь и приказалъ мнѣ писать къ гр. Милорадовичу, съ симъ же фельдъегеремъ, чтобы стараться добраться отъ одного до другаго, разсказывающихъ сіи вѣсти, кто первый оную выпустилъ о томъ и донести именно. Вѣроятно, графъ Милорадовичъ вамъ о семъ сдѣлаетъ запросъ, ибо я пишу къ нему, что отъ васъ дошло донесеніе, и что Ожаровскаго адъютантъ пишетъ о семъ сюда, помогите ему въ семъ изслѣдованіи и постарайтесь открыть перваго выдумщика. О Корсаковѣ отъ Васильчикова не получилъ еще представленія въ армію, а совѣтую ему настоятельно сего требовать, ибо по свѣдѣніямъ, какія я имѣю на счетъ Корсакова, они совсѣмъ не съ выгодной для него стороны, и такого шалуна въ Петербургѣ терпѣть не нужно. Ежели получите о немъ представленіе, то напишите его въ одинъ изъ полковъ 3-го пѣхотнаго корпуса, выбравъ полковника построже. На мѣсто уволеннаго отъ службы командира гвардейскихъ жандармовъ выберите хорошаго и надежнаго офицера изъ стариковъ лейбъ-кирасирскихъ полковъ, буде есть изъ старыхъ штабсъ-ротмистровъ, которые давно служатъ и были въ войнѣ, хорошаго поведенія. Отставку генералъ-маіора Крейца Государь приказалъ остановить, и напередъ списаться съ Дибичемъ, что уже я

сдѣлалъ. Объ адъютантѣ князя Трубецкаго я формально къ вамъ пишу. Ежели онъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, то зачѣмъ имѣть его на службѣ, на мѣсто же его въ адъютанты Государю неугодно, чтобы имѣли адъютантовъ тѣ, кои ничѣмъ не командуютъ, то есть, чтобы брали вновь, почему и представленіе князя Трубецкаго осталось безъ исполненія. Объ Андржейковичѣ не успѣлъ еще доложить, можетъ быть завтра доложу: но напередъ знаю, что велятъ отставить, и дѣльно. Какъ нынѣ все перебаловалось, всѣ хотятъ чиновъ, но съ тѣмъ, чтобы жить въ Петербургѣ или Москвѣ и ничего не дѣлать: въ старое время кому достанется въ полковники и дадутъ полкъ, то удивительно какая была радость: нынѣ даютъ генеральскій чинъ и бригаду и того не хотятъ.

Моя лихорадка, благодаря Бога, совсѣмъ прошла и третьяго дня я ходилъ уже пѣшкомъ гулять болѣе 10 верстъ, а вчера былъ на охотѣ и убилъ двѣ дикія козы. Погода стоитъ претеплая, какъ у насъ въ маѣ мѣсяцѣ, только и хорошаго, безъ того скука ужасная. Дѣла неаполитанскія идутъ не очень хорошо, они хотятъ защищаться, что и произведетъ войну, за успѣхъ которой отвѣчать не всегда можно, хотя австрійцевъ и много и должно надѣяться, что они побьютъ неаполитанцевъ, но все возьметъ болѣе времени, нежели бы занятіе Неаполя просто безъ обороны.—Сіе задержитъ насъ, вѣроятно, болѣе нежели предполагали, что, признаюсь, весьма непріятно, но дѣлать нечего, нельзя такъ оставить начатыя дѣла. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что ваше здоровье худо поправляется и съ нетерпѣніемъ ожидаю письма доктора Реймана, отъ котораго ничего не получилъ съ послѣднимъ курьеромъ; онъ человѣкъ весьма искусный, и я увѣренъ, что и вамъ принесетъ пользу. Переписку вашу съ Лаптевымъ Государь также приказалъ послать къ главнокомандующему, для замѣчанія зачѣмъ не исполнено въ точности повелѣніе, данное о распредѣленіи нижнихъ чиновъ, о чемъ я и прежде сего уже писалъ къ Дибичу, по донесенію его о таковомъ размѣщеніи въ двѣ роты, а не во всѣ вообще, но отвѣта еще не имѣю, и не могъ получить онаго, ибо недавно только писалъ. Пришлите ко мнѣ службу Нарвскаго пѣхотнаго полка маіора Макка 2-го, откуда и когда онъ поступилъ къ намъ въ службу, и по чьему представленію.

7-го февраля.

Не окончивъ вчера письма сего, на случай ежели что понадобится прибавить, увѣдомляю, что я предузналъ объ участи Андржейковича.

Государь очень прогнѣвался и велѣлъ тотчасъ его уволить безъ всего, прибавя, что долженъ бы былъ думать о дѣлахъ прежде. Въ генеральскомъ же мундирѣ россійской арміи повѣреннымъ по дѣламъ частнымъ быть не можетъ. Объ увольненіи его сего дня и въ приказъ внесено; пожалуйста, ему объявите, что онъ самъ тому причиною, и письмо его къ вамъ при семъ прилагаю. Прощайте, любезный другъ, отъ искренняго сердца желаю поправленіе вашего здоровья. Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе. Прошу меня не забыть и быть увѣрену въ моей къ вамъ истинной дружбѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо генералъ-маіора Ивана Андржейковича А. А. Закревскому.

9 января 1821 г. С.-Петербургъ.

Государю Императору благоугодно было произвести меня въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ въ 3-ей Гренадерской дивизіи.—Сколь не лестны для меня таковое назначеніе и милость Его Императорскаго Величества, нельзя, однако, мнѣ скрыть предъ вашимъ превосходительствомъ, что въ теперешнее время не могу я совершенно предаться полному чувству радости по обстоятельствамъ, которыя вынуждаютъ меня прибѣгнуть къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою моею.

Будучи всѣми успѣхами по службѣ моей одолженъ особенному покровительству графа Леонтія Леонтьевича Беннигсена, и считая его всегда первымъ моимъ благодѣтелемъ, за счастіе я себѣ поставляю, за отсутствіемъ его за границу, быть въ Россіи исполнителемъ всѣхъ его приказаній, по дѣламъ, по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ встрѣчающимся, а тѣмъ болѣе въ нынѣшнее время, когда онъ, лишась зрѣнія, никакимъ образомъ болѣе не можетъ ни дѣлъ своихъ производить, ни наблюдать за исправнымъ теченіемъ оныхъ; почему сестра моя и ея дѣти, а также и всѣ домашнія дѣла графа Леонтія Леонтьевича лежатъ непосредственно на моемъ попеченіи, и я съ должною благодарностію и почтеніемъ, за счастіе считаю оказывать ему мои услуги.—Командованіе же назначенною мнѣ бригадою, отдаля меня отъ столицы и мѣстъ, гдѣ наблюденіе мое за дѣлами графа нужно, вовсе лишаетъ меня способовъ оказывать ему услуги и съ ними вмѣстѣ и душевную мою приверженость.—Почему и прошу я покорнѣйше вашего превосходительства войти въ теперешнее мое положеніе, почтить меня ходатайствомъ вашимъ у Монаршаго Престола, дабы года на два времени Высочайше позволено мнѣ было состоять по арміи, по истеченіи каковаго срока съ новыми чувствами вѣрноподданнической любви и усердія вступлю я въ исполненіе всякой должности, которую угодно будетъ Его Императорскому Величеству мнѣ назначить.

Письмо мое по сему предмету къ его сіятельству князю Петру Михайловичу Волконскому имѣю я честь приложить при семъ и вѣрить благосклонному участію вашего превосходительства.

36.

7-го февраля 1821 г.

Въ рапортѣ о проѣзжающихъ отъ 19-го января показанъ прибывшимъ въ С.-Петербургъ для постройки въ полкъ киверовъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Малиннпъ. Его Величеству угодно, чтобы вы лично его узнали, и не онъ-ли выпустилъ такой слухъ о полку своемъ, или неизвѣстно-ли ему чего нибудь, или нѣтъ-ли съ нимъ нижнихъ чиновъ. кои подобные слухи въ пьянствѣ могли распустить, и меня обо всемъ увѣдомьте.

Также прочитавъ письмо свое усмотрѣлъ, что выпустилъ я вопросъ, который хотѣлъ вамъ сдѣлать, на нѣкоторое выраженіе ваше, что *«вышнія власти стараются по прежнему затруднять дѣйствіе мѣръ приличныхъ обстоятельствамъ, и зло постепенно распространяется»*, что сіе значитъ? кто сіи вышнія власти, дѣлающія затрудненія? скажите мнѣ откровенно.

Киселевъ ко мнѣ пишетъ и проситъ прислать что нибудъ положительнаго о стрѣлковомъ ученьи. Скажите мнѣ, неужели по сіе время не разослана по полкамъ книжка о стрѣлковомъ ученьи, которая еще при началѣ лѣта отдана въ печать, и я знаю, что планы уже давно готовы и отпечатаны; поторопите симъ и тотчасъ разошлите ее по нѣскольку экземпляровъ, не дожидаясь всѣхъ 6 тысячъ, какъ предполагалось. и меня увѣдомьте отъ чего сіе замѣшкалось; пришлите также одинъ экземпляръ или два ко мнѣ. Затѣмъ прощайте.

8-го февраля.

Вы пишете также, что вамъ не понравились лица семеновскихъ музыкантовъ, во время какъ читали грамоту о знаменахъ. Его Величеству угодно, чтобы вы о семъ переговоря съ Васильчиковымъ положили имѣть за ними строгое наблюденіе, и буде что либо малѣйшее будетъ замѣчено, то подъ видомъ дурнаго. поведенія тотчасъ выписывать въ армейскіе полки, не жалѣя что тѣмъ хоръ разстроится, а на мѣста выбывающихъ тотчасъ опредѣлять изъ учебнаго Карабинернаго полка; о распоряженіи какое по сему сдѣлаете меня увѣдомьте.

Сею почью для рѣдкости выпалъ здѣсь вдругъ пребольшой снѣгъ, который, вѣроятно, тотчасъ и растаетъ, ибо теперь солнце и тепла уже 5 градусовъ, а къ обѣду вѣрно будетъ 10 градусовъ.

37.

15-го (27-го) февраля 1821 г. Лайбахъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 28-го января. Касательно суда надъ нижними чинами Семеновскаго полка, надѣюсь, что вы по разсмотрѣніи онаго въ Аудиторіатѣ, ежели оный не найдетъ никакого упущенія со стороны коммисіи, пришлете его на конфирмацію Его Величества, какъ о томъ уже было мною къ вамъ писано, и не приведете въ исполненіе сентенціи суда иначе, какъ по возвращеніи онаго съ Высочайшею конфирмаціею. Буде же Аудиторіатъ найдетъ упущеніе суда, или что оный недостаточно велъ оный и признаетъ за нужное передѣлать оный съ замѣчаніями или выговорами презусу и членамъ, то Его Величество разрѣшаетъ васъ для выиграніе времени въ семъ случаѣ объявить Высочайшую волю о поступленіи согласно съ мнѣніемъ Аудиторіата, и утверждаетъ выборъ вашъ въ презусы генералъ-лейтенанта Демидова. Буде Аудиторіатъ признаетъ нужнымъ назначить другую коммисію суда, къ сему нужно и ассесоровъ выбрать лучшихъ, оставя изъ тѣхъ, коихъ признаете хорошими. Посылку Жуковскаго Его Величество апробуетъ, и буду ожидать вашего донесенія, что имъ будетъ найдено.

О московской исторіи получилъ я то же самое отъ Дибича. Его Величество утверждаетъ распоряженіе главнокомандующаго, который нашелъ, что князь Хованскій слабо поступилъ, ибо должно бы отдать сихъ рядовыхъ подъ судъ, что генералъ Сакенъ и приказалъ сдѣлать.

За записку объ осмотрѣ дома васъ благодарю; я сегодня говорилъ Его Величеству на счетъ штата сторожей, и что я полагаю вмѣсто оныхъ не лучше-ли имѣть гвардейскую подвижную инвалидную роту, на сіе Его Величество изволилъ отозваться, чтобы напередъ счесть, что̀ будетъ стоить содержаніе во всемъ инвалидная рота, и число предполагаемыхъ сторожей, имѣя при нихъ трехъ офицеровъ изъ классныхъ чиновъ.

Сынъ Петра Ивановича назначенъ адъютантомъ по желанію его къ ген.-лейт. Левенштерну.

Отправленныя отъ Оленина бумаги по дѣламъ Государственнаго Совѣта уже окончены всѣ и обращены къ Оленину, почему и можете у него справиться о дѣлѣ Ефименкова, ибо Государь не изволитъ помнить именно о немъ, только сказалъ, что всѣ окончены и отосланы.

О возвращеніи нашемъ еще ничего рѣшительнаго сказать не могу ибо и сами не знаемъ, потому что неаполитанцы располагаются частію

[illegible] что не [illegible] желаемъ, что должно открыться [illegible] скоро не пошли. между нами, я [illegible] можемъ быть. Весьма со[illegible] что ваше здоровье все въ одномъ положеніи. [illegible] что вы совсѣмъ никакого движенія не [illegible] вашей болѣзни: ежели же вы бу[illegible] то непремѣнно боли сіи прой[illegible] пожалуйста, дѣлать болѣе движенія и у[illegible] гулянье, что и я намѣренъ сдѣлать по [illegible] всего. Дѣла же не слишкомъ поте[illegible] будутъ исполнены. разумѣется [illegible] совсѣмъ перемѣнить систему моихъ за[illegible] уже побуждаетъ.

[illegible] слухъ о Сѣвскомъ полку я писалъ по [illegible] къ гр. [illegible], но Его Величество по[illegible] чтобы непремѣнно былъ отысканъ, [illegible] прислать ко мнѣ.

[illegible] слухи есть, но въ послѣднемъ его [illegible] ничего не упоминаетъ, хотя прежде всегда былъ [illegible] что и теперь поступитъ равнымъ

[illegible] что [illegible] здоровьемъ, но онъ уже назначенъ [illegible] письму и по желанію Васильчикова [illegible].

[illegible] возвращаю съ тѣмъ. [illegible] то есть судить виновныхъ [illegible] приговора наперёдъ пришлите [illegible] а прочихъ отпишите какъ предно[illegible] суду.

[illegible] вмѣсто *секретно* [illegible] это видно по [illegible] за Москвою рѣкою [illegible]

[illegible] Прощайте, по[illegible] и будьте увѣрены въ [illegible]

[illegible] почтеніе.

[illegible] изъ Парижа отъ жены

моей полученную съ шелкомъ, которую прикажите отправить съ первымъ курьеромъ въ Тульчинъ графинѣ Витгенштейновой.

Письмо къ Паулуччи прикажите послать по почтѣ.

Я бы желалъ, чтобы вы мнѣ назвали именно тѣхъ, кои болѣе всѣхъ говорятъ пустые вздоры и выпускаютъ разные толки противу правительства; вы можете быть увѣрены, что сіе останется между нами. Не менѣе того я буду по крайней мѣрѣ уже знать съ кѣмъ имѣю дѣло, и какъ съ таковыми людьми обходиться, говоря же вообще о всѣхъ, сіе мало можетъ принести пользы, и зло искоренить нельзя будетъ совершенно, которое по несчастію весьма распространяется. Почему и должно стараться сколь возможно захватить оное при началѣ, не давая злу сему усиливаться, а для того нужно знать именно сихъ злыхъ людей. По моему мнѣнію, лучше, чтобы потерпѣло нѣсколько человѣкъ злыхъ, нежели тысячи добрыхъ и невинныхъ. Я слышу уже, что многіе вступаются за Корсакова, что за растегнутый мундиръ выгоняютъ; всѣхъ бы сихъ защитниковъ слѣдовало бы наказать подобно Корсакову, ибо можно-ли до большей степени забыться какъ сдѣлалъ Корсаковъ и гдѣ еще—во дворцѣ? Кто мнѣ отвѣчаетъ, что послѣ того иной и штаны растегнетъ и все надобно терпѣть. Васильчиковъ ко мнѣ пишетъ, что Корсаковъ прошеніе ко мнѣ посылаетъ, но я его не получилъ; ежели до васъ дошло, то внесите въ приказъ къ увольненію и безъ всего. Скажите мнѣ отчего старшій адъютантъ Бибиковъ просится прочь; мнѣ, признаюсь, его жаль, онъ бы современемъ весьма могъ быть полезенъ, и скажите, пожалуйста, откровенно? Прощайте, ежели увидите кн. Алекс. Николаевича Голицына, то скажите ему отъ меня, чтобы приказалъ выслать почтоваго чиновника Максимова въ Брестъ-Литовскъ для устройства, но лошадей, однако, на почтахъ не выставлять до тѣхъ поръ, пока я не увѣдомлю чрезъ нарочнаго. Я полагаю весьма бы полезно, ежели (бы) князь уполномочилъ устройствомъ сего Максимова, онъ человѣкъ проворный и знаетъ, что для насъ надобно; уже нѣсколько разъ съ нами ѣзжалъ.

38.

23-го февраля (7-го марта) 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше отъ 4-го февраля, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, благодарю, и при семъ возвращаю записку вашу о наказаніи нижнихъ чиновъ 1-го баталіона бывшаго Семеновскаго полка, на ко-

торую Его Величество изволилъ изъявить Свое согласіе; но все наказаніе не прежде приводить въ исполненіе какъ по Высочайше утвержденной конфирмаціи суда.

По дѣлу Бобровскаго я нахожу большую неосторожность въ томъ, что къ арестантамъ допускали фурштатскихъ людей, въ чемъ, по моему мнѣнію, виноваты, какъ комендантъ, такъ и плацъ-маіоръ крѣпости, тѣмъ болѣе, что вами было объявлено о взятіи всѣхъ мѣръ осторожности. Не менѣе того нужно бы розыскать какъ сіе было, часовые должны быть извѣстны, ибо записываются въ караулѣ въ книгу по именамъ, одно что затруднительно, то, что Бобровскій былъ переодѣтъ; но ежели часовые стояли внутри казематъ, то могли слышать его разговоръ и лично его видѣть. Успокойтесь на счетъ любовницы вашей Быкова, я пошутилъ, знаю вашу удивительную къ нему страсть, и, конечно, отдаю ему справедливость въ усердіи его къ приведенію типографіи въ такое состояніе, которая вамъ нынѣ приноситъ доходу, говорятъ, до 80 тысячъ. Надѣюсь, что отъ экономіи сего дохода новая типографія будетъ отлично убрана, и что вы ничего для нее и для департамента вашего не пожалѣете, только смотрите меня не перещеголяйте.

Чернышевъ былъ посланъ въ Мюнхенъ, и на обратномъ пути съ горы спускаясь былъ опрокинутъ и имѣлъ несчастіе переломить лѣвую ключевую кость въ плечѣ за 25 миль отсюда; его нѣсколько дней тамошніе лекаря мучили, и ничего не сдѣлали до пріѣзда Виллье, который вправивъ руку привезъ его вчера вечеромъ сюда. Бѣдный очень страдаетъ, и думаю недѣли три пройдетъ пока совсѣмъ оправится. Я слава Богу здоровъ, но весьма для меня прискорбно подозрѣніе приложеннаго секретнаго письма, о чемъ ежели будете оффиціально отвѣчать на мое повелѣніе, то на сіе отвѣчайте особой запиской сверхъ оффиціальнаго рапорта и не въ письмѣ ко мнѣ; я увѣренъ, что ничего похожаго нѣтъ, а между тѣмъ требуютъ, чтобы было строго розыскано, почему и желаю, чтобы была доказана вся точность. Надѣюсь, что мы теперь не долго уже здѣсь останемся, ожидаемъ извѣстій изъ Италіи отъ австрійской арміи, по успѣхѣ коей думаю будемъ располагать отъѣздъ нашъ. Прощайте, любезный другъ, дай Богъ, чтобы здоровье ваше поправилось. Мы на сей недѣлѣ говѣемъ, прошу меня простить во грѣхахъ буде признаете, а съ моей стороны право ни единаго нѣтъ, особливо противу васъ, ибо почитаю и люблю васъ искренно.

Весь вашъ Князь *П. Волконскій.*

Ежели братъ Алексѣй пріѣхалъ, пожалуйста скажите ему мое почтеніе, и надѣюсь, что насъ дождется.

39.

2-го (14-го) марта 1821 г. Лайбахъ.

За два письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, премного васъ благодарю: одно отъ 8-го, а другое отъ 11-го февраля, и душевно сожалѣю, что вы такъ огорчились замѣчаніемъ на счетъ отпускныхъ семеновскихъ офицеровъ, о чемъ доводилъ я до свѣдѣнія Его Величества. Государь изволилъ отозваться, что ежели и не дано было при началѣ повелѣнія не отпускать, то происшествіе самое сего полка заставляло и безъ повелѣнія не давать отпусковъ, что и теперь наблюдать, и нужно будетъ сообщить главнокомандующему, ибо по нынѣшнимъ рапортамъ вновь усмотрѣно, что пріѣхалъ полковникъ Обресковъ, котораго также выслать безотговорочно, и узнать, кто его отпустилъ. Я не понимаю, какъ симъ господамъ самимъ не стыдно послѣ показываться и проситься въ отпускъ.

Весьма желаю видѣть Алексѣя Петровича Ермолова и съ нимъ побесѣдовать; радуюсь, что привезенныя имъ дѣла до насъ не касаются и что нами доволенъ. По прилагаемой при семъ запискѣ *) прошу приказать сдѣлать подробныя справки и ко мнѣ прислать. Вчера получены извѣстія изъ австрійской арміи, изъ Италіи, что неаполитанскій генералъ Пепе атаковалъ авангардъ генерала Вальмодена у Ріетти и былъ австрійцами разбитъ и преслѣдуемъ до Чивита-Дукале; на-дняхъ ожидаемъ другихъ извѣстій о сраженіи между главными силами неаполитанскими, собравшимися у Сентъ-Джермано; дай Богъ австрійцамъ успѣха и чтобы скорѣе заняли Неаполь, дабы мы могли отсюда ѣхать домой. Всѣ сіи дни здѣсь было ужасно тепло, а вчера пресильная гроза и ударилъ громъ въ городѣ, но безъ вреда. Извините, что не досмотрѣвши, что поллиста у перваго были оторваны началъ свое письмо, переписывать же нѣтъ времени. Пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья, любезный другъ, съ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть, а между тѣмъ, прошу не забывать вамъ преданнаго.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу мое усердное почтеніе засвидѣтельствовать.

---

*) Записки при письмѣ не оказалось.

3-го марта.

По окончаніи письма моего, получилъ весьма непріятныя извѣстія изъ Турина, гдѣ піемонтскія войска взбунтовались и хотятъ непремѣнно идти противу австрійцевъ, въ Сѣверной Италіи находящихся, что я предвидѣлъ, бывъ еще въ Троппау и говорилъ нашимъ дипломатамъ. А какъ въ сѣверной части Италіи австрійцевъ, по несчастію, не терпятъ, то и надобно ожидать весьма для нихъ худыхъ послѣдствій отъ сего происшедшихъ, у нихъ же войскъ тамъ недостаточно, чтобы удерживать піемонтцевъ и жителей Италіи. Теперь посылаютъ за остальными войсками въ Австрію, Богемію, Венгрію и Галицію, но когда они придутъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ и нашей помощи. Сегодня посылаю повелѣніе къ Цесаревичу о немедленномъ выступленіи литовскаго корпуса, 24-й, 25-й и литовской уланской дивизій, къ графу Витгенштейну, также о командированіи Рудзевича съ 17-ю, 18-ю и 3-ю драгунскими дивизіями какъ ближе расположенныхъ; всѣ должны тотчасъ идти въ 2-хъ баталіонахъ. Къ Сакену посылаю, чтобы 3-й пѣхотный и 4-й резервный кавалерійскій корпуса также шли вслѣдъ за тѣми двумя, что все и составитъ **3-ю армію**. 4-й пѣхотный и 5-й кавалерійскій корпуса перейдутъ на мѣсто литовскаго, 2-я пѣхотная на мѣсто 4-й гренадерской подвинется къ Могилеву; 1-й пѣхотный въ Митаву къ границѣ; гвардія съ будущимъ курьеромъ, думаю, также получитъ повелѣніе выступить къ Витебску, смотря по извѣстіямъ, какія еще имѣть будемъ изъ Италіи. Что меня теперь крайне безпокоитъ, то уничтоженіе обозовъ и не сформированіе еще вездѣ фурштатовъ; движеніе, безъ сомнѣнія, будетъ произведено, но будетъ дорого стоить, и Гурьевъ не долженъ жалѣть денегъ, ежели у него есть оныя въ запасѣ. Къ Алексѣю Петровичу (Ермолову), хотя было и писалъ, чтобы насъ ожидалъ, но по теперешнимъ обстоятельствамъ его Государь желаетъ видѣть здѣсь для нѣкоторыхъ соображеній, о чемъ и посылается ему рескриптъ.

Секретно, *а между нами сказать думаю будетъ главнокомандующій сей 3-й арміи, о чемъ ему скажите; но ради Бога, чтобы ни онъ, ни отъ васъ о семъ его назначеніи никто не зналъ и по пріѣздѣ его сюда, чтобы не подалъ вида что знаетъ;* я на тотъ случай извѣщаю его, чтобы взялъ для себя какія-нибудь мѣры. Что же изъ насъ будетъ, ничего не можемъ вамъ сказать. Мерзкія сіи дѣла помѣшали вновь нашему возвращенію, которое должно было быть скоро, теперь же никакъ опредѣлить не можно: кончатъ-ли австрійцы одни до прибытія нашихъ войскъ или загорится еще гдѣ-нибудь; всего

опаснѣе теперь Франція, но и за Германію отвѣчать мало можно. Признаюсь вамъ вѣкъ ужаснѣйшій. У меня здѣсь такъ мало теперь чиновниковъ, то-есть всего два, и потому прошу васъ о присылкѣ Бибикова, ежели же худо пойдетъ, то можетъ быть и за самихъ васъ примусь, держитесь въ готовности на всякій случай. Пожалуйста о назначеніи Ермолова ни слова.

Генералъ-маіоръ Селявинъ пришлетъ вамъ ящикъ съ разными картами, которыя требую изъ депо картъ будто для себя, но онѣ назначаются для Алексѣя Петровича, которыя и прикажите взять тому фельдъегерю, котораго назначите къ Ермолову для сопровожденія его сюда, съ тѣмъ, что я ихъ уже сдамъ здѣсь лично. Сейчасъ получены извѣстія изъ Турина, что революція усилилась и король, сложивъ съ себя достоинство свое въ пользу брата своего, уѣхалъ въ Ниццу. Чѣмъ все сіе кончится одному Богу извѣстно, но только весьма все дурно и опасно для всѣхъ сосѣдей. Боже сохрани, ежели во Франціи что еще теперь откроется, то и конца нельзя будетъ предвидѣть.

Къ Ермолову въ начальники штаба назначается изъ 5-го корпуса Нейдгардъ, а въ генералъ-квартирмейстеры Шубертъ: не знаю будетъ-ли ими доволенъ, но кажется оба очень хороши; дежурнаго (генерала) самъ изберетъ.

40.

8-го (20-го) марта 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 18-го февраля, премного благодарю, и посылаю при семъ печатное извѣстіе, полученное изъ Рима о неаполитанскихъ дѣлахъ, которыя, кажется, приходятъ къ концу, и надобно ожидать, что произведутъ большое вліяніе и на Пьемонтскую революцію, гдѣ, по счастію, есть еще въ нѣкоторой части войскъ хорошій духъ. Въ городахъ Генуѣ и Наваррѣ гарнизонъ держится еще противъ бунтовщиковъ; желательно весьма, чтобы австрійцы скорѣе могли отдѣлить часть войскъ изъ Неаполя въ сѣверную часть Италіи, гдѣ у нихъ опыхъ не весьма много, дабы тѣмъ удержать пьемонтцевъ, ежели бы они вздумали начать наступательныя дѣйствія противу австрійцевъ. Хотя сіи послѣдніе вновь много ведутъ войскъ въ Италію, что должны они были сдѣлать гораздо ранѣе, но по обыкновенному ихъ распоряженію всегда думаютъ о томъ поздно и отъ того всегда бываютъ въ неудачѣ. Дай Богъ, чтобы они одни могли окончить дѣла пье-

монтскія, и чтобъ наше вооруженіе и походъ былъ только дѣйствіемъ угрозы, хотя онъ довольно дорого будетъ намъ стоить издержками, но лучше издержать нѣсколько денегъ, нежели потерять людей или время, ежели бы въ случаѣ нужды понадобились войска.

Съ сими извѣстіями отправляется отсюда графъ Ожаровскій, которому выдано отсюда 500 червонцевъ и 1,000 руб. ассигнаціями *) и вмѣстѣ съ тѣмъ везетъ и повелѣніе о выступленіи гвардіи на присоединеніе къ 1-й арміи, что увидите изъ оффиціальныхъ бумагъ къ вамъ посылаемыхъ. Ежели Богъ дастъ, что дѣла здѣсь кончатся и безъ нашихъ войскъ, не менѣе того пребываніе наше за границею должно продлиться до совершеннаго оныхъ окончанія; когда же оное послѣдуетъ одному Богу извѣстно. Я увѣренъ, что выступленіе гвардіи произведетъ большое уныніе въ С.-Петербургѣ, но нечего дѣлать, лучше быть въ готовности, нежели быть взяту врасплохъ, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, что̀ будетъ дѣлать Франція по дѣламъ Пьемонта. Я писалъ къ Васильчикову, чтобы онъ приказалъ купить у васъ для гвардіи нѣсколько экземпляровъ Свода Законовъ, заставлялъ бы походомъ на роздыхахъ читать не только нижнимъ чинамъ, но и офицерамъ артикулы о чинопочитаніи, о дуэляхъ и о неисполняющихъ повелѣнія начальниковъ. Я увѣренъ, что большая часть не только офицеровъ, но и генераловъ, многихъ законовъ сихъ не знаютъ, и нахожу въ семъ сочиненіи большую пользу, дѣлающую вамъ большую честь. Сверхъ того, прошу васъ сдѣлать одолженіе послать въ подарокъ экземпляровъ шесть въ Москву къ ген.-маіору Муравьеву для училища колоновожатыхъ, съ тѣмъ, чтобы имъ оные читать, а я буду требовать отъ него, чтобы колоновожатые знали оные наизусть, особенно о чинопочитаніи и послушаніи, и внесли бы оныя въ часть экзамена.

Скажите, что Веселицкому такъ хочется быть по квартирмейстерской части, тогда какъ и безъ того онъ состоитъ по ученой части въ артиллеріи; между нами сказать, мнѣ не весьма нравятся ихъ дѣла по нѣкоторой части по Оренбургу. О Карповѣ по желанію вашему сдѣлалъ. По слухамъ о Сѣвскомъ полку хотя я давно писалъ къ маркизу Паулуччи, но еще не имѣю отвѣта, и вѣроятно получу тотъ же самый; сообщилъ тѣмъ вновь нынѣ Государь приказалъ мнѣ послать къ нему рапортъ его адъютанта къ вамъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно было

*) О выданныхъ прогонныхъ для того говорю, чтобы и назадъ не болѣе давать, ежели еще здѣсь будемъ, а ежели ближе, то по разсчету дать, потому что ему хотѣлось и отсюда имѣть вдвое сего, что и такъ достаточно.

отыскано, кто именно первый распустилъ столь нелѣпый слухъ. Поручика Симборскаго повелѣно судить арестованнаго, и признаюсь, надобно унимать сихъ шалуновъ; какое право имѣютъ выживать старшихъ? Другого вида нѣтъ какъ вакансія, и что за сборища? Дѣло сдѣлали, что тотчасъ арестовали и впредь прошу такъ поступать. Я нахожу, что Васильчиковъ не хорошо сдѣлалъ, что тотчасъ не арестовалъ Преображенскаго полка Болховскаго, убившаго на дуэлѣ Рубцова, равномѣрно и секундантовъ, которые всегда какъ-то остаются въ сторонѣ, тогда какъ законами подлежатъ равному наказанію съ прочими. Болховской же говорятъ въ тотъ же день былъ гдѣ-то въ концертѣ, и хвастался какъ будто славнымъ дѣломъ, что убилъ человѣка за..... Весьма радъ, что Миша мой Орловъ женится; надѣюсь, что послѣ того остепенится, я его очень люблю, и сожалѣю, что вѣтренностью своею и легкомысліемъ онъ много дѣлаетъ себѣ вреда, тогда какъ у него душа и сердце предобрыя и благородныя чувства, но язычокъ проклятый не можетъ удержать, воображая, что все что онъ говоритъ есть свято, и что всѣ должны быть съ нимъ одного мнѣнія. Весьма сожалѣю о бѣдномъ Удомѣ, и по описанію его болѣзни сомнѣваюсь, чтобы могъ долго прожить; жаль его, добрый и честный человѣкъ. Каковъ вамъ покажется молодецъ безрукій князь Ипсилантій: вмѣсто чтобъ ѣхать къ водамъ, пустился въ Яссы, куда прибывъ съ какими-то своими товарищами взбунтовалъ Молдавію, и оттуда прислалъ сюда курьера съ письмомъ къ Государю, въ которомъ извѣщаетъ, что Молдавія и Валахія взбунтовались, что Владимиреско занялъ Краіово, и что онъ получилъ изъ Греціи болѣе нежели 600 тыс. подписей разныхъ лицъ, кои его зовутъ въ Грецію начальствовать войсками противу турокъ, почему и проситъ увольненія отъ службы, и чтобы мы содѣйствовали своею арміею на изгнаніе турокъ. Государь приказалъ начать съ того, чтобы исключить его изъ списковъ, и никакъ въ его дѣло никто мѣшаться не хочетъ. Брата же его, адъютанта Раевскаго, коего онъ также проситъ прислать къ себѣ, не велѣно пускать въ отпускъ, хотя и было уже въ приказѣ, то прикажите уничтожить, а я писалъ къ главнокомандующему и къ Раевскому прямо, чтобы его не пускать; но увѣдомьте меня, куда дѣвали еще одного брата его, бывшаго также въ кавалергардахъ. Пришлите, пожалуйста, мнѣ послѣдніе, какіе у васъ есть, мѣсячные рапорты, особенно гвардейскаго корпуса, ибо у меня еще отъ ноября мѣсяца. Гвардіи стыднѣе всѣхъ такъ поздно присылать свои рапорты, стоя въ Петербургѣ. Прощайте, любезный другъ, дай Богъ намъ

скорѣе увидѣтся въ Петербургѣ, а не здѣсь, и желаю вамъ здоровья, я слава Богу теперь здоровъ.

Весь вашъ К. *П. Волконскій.*

Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

41.

17-го (29-го) марта 1821 г. Лайбахъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 25-го февраля, которое получилъ исправно вмѣстѣ съ приложеніями, изъ коихъ допросъ рядоваго Степанова и рапортъ Мылова препровождаю по Высочайшему повелѣнію къ графу Милорадовичу для ближайшаго изслѣдованія истины, и чтобы донесъ потомъ Его Величеству; притомъ ему же сообщаю, что Государь замѣчаетъ изъ многихъ записокъ отъ полиціи получаемыхъ, что люди, коимъ поручается вывѣдывать у нижнихъ чиновъ, большею частью дѣлаютъ имъ вопросы, о коихъ они никакого понятія не имѣли, и вводятъ нижнихъ чиновъ въ разсужденія совсѣмъ имъ не приличныя, и можетъ быть, своими вопросами и разговорами даютъ имъ мысли, о коихъ можетъ быть солдаты никогда бы и не думали. Бомбардира Васильева повелѣно судить, но чтобы Васильчиковъ съ нимъ прежде суда еще поговорилъ, почему и нужно будетъ приказать привезти его съ фельдъегеремъ, когда Васильчиковъ его потребуетъ. Каждый разъ впредь прикажите наблюдать, чтобы при подобныхъ допросахъ нижнихъ чиновъ спрашивать у нихъ, были-ли они въ бывшей большой школѣ взаимнаго обученія въ С.-Петербургѣ. Прочія бумаги отъ васъ доставленныя, при семъ возвращаю съ помѣткою. На вопросъ мой, сдѣланный вамъ, любезный другъ, о *вышнихъ властяхъ*, вы мнѣ недовольно удовлетворительно отвѣчаете и заставляете угадывать, почему полагаете, что я могу ихъ по сему узнать. Легко можетъ быть, что я совсѣмъ о другихъ буду думать, притомъ же вы можете быть увѣрены, что сіе осталось бы совершенно между нами.

Дѣла неаполитанскія, слава Богу, совсѣмъ кончены, войско неаполитанское совсѣмъ разбѣжалось, оставалась одна гвардія, которая вся обратилась къ власти короля и соединилась съ австрійцами, которые должны были 11-го (23-го) марта вступить уже въ Неаполь, гдѣ и будутъ ожидать пріѣзда короля, который еще находится во Флоренціи. О пьемонтскихъ дѣлахъ получаемъ почти всякій день извѣстія, иной день

весьма хорошія, а иногда и не очень выгодныя, но кажется, что и сіи по полученіи ими извѣстій объ окончаніи дѣлъ въ Неаполѣ поправятся. Остается только желать, дабы во Франціи осталось все спокойно, тогда можно надѣяться, что и мы возвратимся, и что всѣ наши военныя дѣйствія остановятся, чего, признаюсь, душевно желаю, ибо они довольно дорого намъ будутъ стоить.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю пріѣзда Ермолова, который, надѣюсь, насъ позабавитъ своими разсказами восточными. Здѣсь прошелъ слухъ, что будто и онъ собирается жениться на Пашковой, но какъ вы мнѣ о семъ ни слова не пишите, то я не совсѣмъ вѣрю. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и не забывайте того, который васъ весьма много любитъ и почитаетъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе.

42.

24-го марта (5-го апрѣля) 1821 г. Лайбахъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письма ваши отъ 4-го и 11-го марта, и весьма сожалѣю, что удовольствіе ваше о возвращеніи нашемъ совсѣмъ перемѣнится, по полученіи совсѣмъ противныхъ тому извѣстій съ послѣдующими фельдъегерями. Признаюсь вамъ, мнѣ сіе самому весьма прискорбно, но что̀ дѣлать, дѣла нынѣшняго вѣка столь мудрены и смутны, что ежедневно перемѣняются. Однако, по полученнымъ вновь изъ Пьемонта извѣстіямъ, есть большая надежда къ хорошему окончанію оныхъ, чему весьма много подѣйствовало повелѣніе наше о выступленіи войскъ нашихъ, которымъ число подробно составленной отъ меня вѣдомости было послано къ министру нашему въ Туринъ, графу Моцениго, который искуснымъ своимъ распоряженіемъ довелъ до того, что самые злые бунтовщики смирились и послали депутацію къ королю въ Модену, гдѣ онъ находится, съ предложеніемъ совершенной ихъ покорности и прошеніемъ прощенія. Самъ Моцениго сюда долженъ быть чрезъ два дня съ окончательными свѣдѣніями. Дай Боже, чтобы сіи дѣла такъ прекратились, и чтобы Франція осталась спокойна, тогда, полагаю, мы не замедлимъ возвратиться и вернемъ выступающія наши войска.

Киселевъ отъ меня о женитьбѣ своей секретничаетъ, хотя еще сегодня получилъ отъ него письмо, но князь Сергій меня о семъ увѣ-

доляетъ, и признаюсь, я Киселеву попреку, и не думалъ, что онъ такъ мало имѣетъ ко мнѣ довѣренности. О перемѣнѣ Удома теперь думать нечего, надобно ожидать времени. Стыдно начальникамъ заступаться за подчиненныхъ, забывающихся до такой степени, какъ сіе сдѣлалъ Борсабовъ: долгъ начальника былъ сдѣлать совсѣмъ противное, и тотчасъ бы его арестовать, для примѣра другимъ. Я радъ, что вы довольны Бибиковымъ, я было опасался, нѣтъ-ли какого неудовольствія съ вашей стороны, и мнѣ бы было жаль, ибо онъ молодой человѣкъ со способностями и обѣщаетъ много, надѣюсь милость Его Величества, ему оказанная, удержитъ его въ службѣ, тѣмъ болѣе еще, что я его требую сюда. Андрѣйковича Государь по милости своей и по раскаянію его въ письмѣ ко мнѣ простилъ и принялъ въ службу, но не бригадиромъ, что потерялъ онъ отъ своей неосмотрительности, и что можетъ для него быть урокомъ, а равно и для прочихъ. Не повѣрите, какъ мнѣ больно было слышать объ исторіи, происшедшей за столомъ у Императрицы между генералами. Какой примѣръ господа сіи даютъ молодымъ офицерамъ, и можно-ли до такой степени забыть уваженіе, которое обязаны они хранить къ особѣ той, куда были приглашены, и можно-ли послѣ того куда либо приглашать людей, имѣющихъ такое воспитаніе.

Больныхъ числомъ по вѣдомости нижу весьма велико, но сіе кажется ежегодно бываетъ весною: нужно будетъ имѣть въ виду ораніенбаумскіе госпитали, буде бы имѣть много понадобилось, но за выступленіемъ гвардіи изъ С.-Петербурга должно и числу больныхъ прибывающихъ прекратиться.

Не напоминайте мнѣ о дѣлахъ аудиторіатскихъ, они приводятъ меня въ отчаяніе, и не думайте, чтобы я о нихъ не помышлялъ и не хлопоталъ, къ несчастію злѣйшія дѣла много тому причиною. Прикажите, пожалуйста, взять подробную справку и ко мнѣ доставьте, а о нѣкоемъ господинѣ Имберѣ, живущемъ въ Кронштадтѣ, о которомъ одинъ разъ уже упоминалось, по дѣлу о частой поѣздкѣ въ Кронштадтъ офицера графа Салтыкова, что было усмотрѣно изъ рапортовъ о проѣзжающихъ и кажется былъ отъ Васильчикова отвѣтъ, въ которомъ упоминалось объ Имберѣ. Я бы желалъ знать, не братъ-ли онъ тому, который находится оберъ-аудиторомъ при князѣ Репнинѣ. Изъ письма вашего отъ 11-го марта усматриваю, что фельдъегерь отсюда отправленный замѣшкалъ отъ того, что три дня былъ задержанъ въ Карлахъ отъ льда, какъ о семъ меня увѣдомляетъ Цесаревичъ. Я былъ увѣренъ, что тотчасъ же изъ С.-Петербурга лейбъ-кучеровъ произ-

ведетъ ожиданіе нашего возвращенія и дѣйствительно, ежели бы не пьемонтскія дѣла, то мы бы теперь были уже близъ Варшавы.

Ежели принцъ поѣдетъ въ Москву, то распорядитесь съ Эссеномъ и прочими по прежнему примѣру. Радуюсь слышать, что и у васъ весенняя погода, а у насъ уже лѣтняя, но деревья еще не распустились.

Какъ письмо сіе придетъ къ вамъ къ святой недѣлѣ, то поздравляю васъ, любезный другъ, отъ искреннѣйшаго сердца съ симъ праздникомъ и сердечно сожалѣю, что лично не могу васъ поцѣловать и сказать «*Христосъ воскресе*», но прошу принять заочно, съ желаніемъ истиннымъ вамъ добраго здоровья. Прошу у Аграфены Федоровнѣ за меня ручку поцѣловать и поздравить ее съ праздникомъ. На будущей недѣлѣ, то есть въ концѣ, надѣюсь и брата Алексѣя (Ермолова) здѣсь видѣть, уже приготовилъ ему и квартиру по сосѣдству, то-то будетъ разсказовъ и увѣреній, весьма любопытно его слышать и видѣть. Прощайте, будьте здоровы и веселитесь, и больше ходите пѣшкомъ для вашего здоровья.

Весь вашъ К. *П. Волконскій.*

43.

8-го (20-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 18-го марта, въ которомъ извѣщаете, что отправленный отъ насъ фельдъегерь поздно пріѣхалъ, бывъ задержанъ въ Варшавѣ Вислою; точно такъ полагаю гдѣ нибудь задержанъ отъ васъ отправленный отъ 25-го марта, который и по сейчасъ еще не прибылъ. Я полагаю въ Суражѣ не задержала-ли его Двина? Также никого еще нѣтъ изъ тѣхъ, кои требованы были изъ С.-Петербурга, кромѣ Аверина, который вчера пріѣхалъ изъ Дерпта, а Дибичъ болѣе недѣли уже какъ здѣсь; всякій часъ ожидаю генерала Ермолова и надѣюсь, что путешествіе его кончится только однимъ нашимъ свиданіемъ, и что привеземъ его назадъ съ собою, ибо, благодаря Бога, дѣла пьемонтскія идутъ какъ нельзя лучше, и ежели чего посторонняго не случится, то можно будетъ, полагаю, и безъ насъ обойтись, и мы можемъ въ скоромъ времени къ вамъ возвратиться. Признаюсь, съ большимъ нетерпѣніемъ сего ожидаю, какъ равномѣрно и разрѣшенія объ остановленіи движенія войскъ за границу, ибо ужаснѣйшія издержки должны были сдѣлать для при-

готовленія къ выступленію. Не менѣе того, по теперешнимъ обсто
тельствамъ все нужно будетъ нѣкоторое время имѣть войска на гр
ницѣ сближенныя, что также требуетъ большихъ издержекъ, но
не столько, ежели бы выступили совсѣмъ за границу. Прилагаем
при семъ посылку на имя тетушки прошу къ ней отослать вмѣстѣ
письмомъ. Посылка сія адресована нарочно на ваше имя, дабы не
палась въ таможню, ибо заключаетъ самую бездѣлицу отъ жены м
изъ Парижа посылаемую. Погода у насъ совсѣмъ лѣтняя, такъ что
фракѣ уже жарко гулять въ полдень. Поздравляю васъ, любезный дру
съ причащеніемъ Святыхъ Таинъ. желаю чтобы оныя доставили ва
совершенное здоровье; касательно просимаго прощенія, то навѣрное
имѣете, ибо ни въ чемъ, конечно, не грѣшны противу меня, въ чем
увѣренъ. Вторично поздравляю васъ съ праздникомъ Пасхи, рав
мѣрно и Аграфену Федоровну, и прошу быть увѣрену въ моей къ ва
искренней любви.

А. Я. Княжнина прошу поздравить также съ праздникомъ.

Сдѣлайте одолженіе, прикажите доставить письмо къ ген.-маі
Новицкому, ибо я не знаю, гдѣ онъ теперь находится.

44.

15-го (27-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 25
марта получилъ, за которое васъ премного благодарю, а вмѣстѣ
тѣмъ спѣшу отвѣтствовать, что напрасно полагаете, чтобы васъ
были въ С.-Петербургѣ. Когда бы нужда востребовала настоящая, я
тотчасъ васъ увѣдомилъ и вытребовалъ, а какъ изъ всѣхъ здѣшни
обстоятельствъ должно было ожидать болѣе одной демонстраціи, то
чѣмъ было васъ сюда везти, и тѣмъ останавливать ходъ дѣлъ. Сла
Богу, здѣшнія дѣла взяли весьма счастливый оборотъ, почему и ост
новленъ походъ войскъ нашихъ за границу; но какъ совершенно нел
еще увѣриться, что пожаръ сей совсѣмъ погасъ, то и нужны мѣ
большой осторожности и готовности, на могущія случиться какія ли
происшествія, для сего и сближаются нѣкоторые корпуса къ грани
равно и гвардія примыкаетъ къ 1-й арміи. Можетъ быть чрезъ н
сколько мѣсяцевъ мѣры сіи будутъ и не нужны, но теперь необходим

Перемѣнившіяся обстоятельства подаютъ надежду намъ отп
виться отсюда въ Россію; ожидаемъ на-дняхъ извѣстій еще изъ П

монта, послѣ которыхъ полагаю можемъ выѣхать изъ Лайбаха 26-го или 27-го апрѣля. Въ Варшавѣ остановимся только сутки, почему и полагаю, что къ 15-му или 16-му мая можемъ быть у васъ. Вы не повѣрите, съ какимъ нетерпѣніемъ я сего ожидаю. На будущей недѣлѣ надѣюсь послать фельдъегеря для заготовленія лошадей, съ коимъ пришлю къ вамъ и маршрутъ. Пожалуйста, кромѣ приказовъ и нѣкоторыхъ неважныхъ дѣлъ болѣе сюда не присылайте; ибо я не знаю что мнѣ дѣлать и съ тѣми, кои еще у меня не окончены, особенно аудиторскія. Семеновское бы дѣло нужно очень прислать и кончить до пріѣзда, но не знаю, успѣете-ли сіе сдѣлать. Генералы, флигель-адъютанты, также и мои, могутъ спокойно оставаться въ С.-Петербургѣ. Ермоловъ и Канкринъ и даже Бибиковъ еще по сіе время не пріѣхали, что заставляетъ думать происходитъ отъ дурныхъ дорогъ. Дай Богъ, чтобы для насъ они просохли и поправились; судя по здѣшней погодѣ, надобно надѣяться, что будутъ хороши. Фельдъегерей продолжайте посылать по той же дорогѣ на Варшаву, и оттуда чрезъ Троппау, ибо теперь они ѣздятъ по приказанію Цесаревича чрезъ Краковъ, о чемъ я и Его увѣдомлю.

Прощайте, любезный другъ, желаю найти васъ въ добромъ здоровьѣ, и лично увѣряю васъ въ истинной моей къ вамъ дружбѣ.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу мое усердное почтеніе засвидѣтельствовать.

45.

17-го (29-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, отъ 1-го апрѣля, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, получилъ до отправленія еще фельдъегеря отсюда; благодарю васъ за оное, и напрасно мнѣ пеняете въ скупости фельдъегерей: ежели бы отъ меня зависѣло, то конечно бы регулярно оныхъ отправлялъ. Лукеенко отъ того долго ѣхалъ, что Ожаровскій его задержалъ, и Богъ знаетъ для чего, вотъ почему вы и были долго безъ извѣстій. Ермоловъ еще не прибылъ, а сегодня поутру пріѣхалъ Кремповскій, завтра полагаю будетъ и Канкринъ, всѣ они теперь прокатились понапрасно, и прогулка ихъ стоитъ много червонцевъ, но нечего было дѣлать инаго. Весьма жалѣю, любезный другъ, что вы сами лично не побранили хорошенько Скалона, не за свое дѣло взявшагося; пожалуйста, ежели впредь безъ меня что замѣтите за квартирмейстерами, то какъ дежур-

него генерала разрѣшаю вамъ ихъ хорошенько проучивать. Скажите зачѣмъ поѣхалъ въ Бѣлую Церковь адъютантъ графа Воронцова и при немъ состоящій графъ Бутурлинъ, и съ чьего позволенія? Жаль старика Чаплица, на мѣсто коего дивизіоннымъ начальникомъ назначенъ ген.-адъют. Чернышевъ, а полковымъ командиромъ Андреевскій. Приказъ Юзефовича чрезмѣрно плодовитъ, видно много времени остается сочинить такіе пустяки, и также у тѣхъ, коимъ читать оный должно. Государь не очень доволенъ дѣломъ Карасева, находитъ недостаточнымъ, потому что осталось разногласіе между обоими, и не дошли до того, чтобы который либо признался, ибо по существу дѣла непремѣнно который нибудь изъ двухъ долженъ быть виноватъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и не забывайте меня.

Нейдгардъ завтра ѣдетъ отсюда обратно въ Москву, а послѣзавтра отправится думаю и Шуберъ.

46.

23-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Весьма много благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 8-го апрѣля вчера полученное; радуюсь весьма, что вы здоровы, и пожалуйста не безпокойтесь и не думайте, чтобы я васъ забылъ въ столицѣ, когда бы мнѣ была нужда васъ здѣсь имѣть. Я почти былъ увѣренъ, что всѣ сіи послѣднія дѣла обойдутся безъ насъ, то-есть послѣ хорошаго хода дѣлъ неаполитанскихъ. Не понимаю, какъ забылъ я запечатать письмо, съ Лукененкою посланное, и какъ онъ мнѣ не возвратилъ его, видѣвъ, что оно не запечатано. Благодаря Бога, дѣла здѣсь приходятъ къ концу; завтра надѣюсь Поццо-ди-Борго будетъ сюда изъ Рима, и завтра же получимъ извѣстіе, гдѣ находится эрцъ-герцогъ палатинъ, то-есть въ Вѣнѣ или въ Венгріи, такъ и путь нашъ отсюда направимъ на Вѣну, буде онъ тамъ; въ противномъ случаѣ на Венгрію, и думаю въ теченіе будущей недѣли отправимся. По полученіи извѣстія объ эрцъ-герцогѣ, тотчасъ отправлю фельдъегерей для заготовленія намъ лошадей, и тогда вамъ пришлю маршрутъ съ означеніемъ ночлеговъ. Изъ Венгріи мы всѣ поѣдемъ на Варшаву, почему фельдъегери всѣ должны ѣхать на Варшаву, а оттуда уже будутъ получать направленіе на дорогу, по какой поѣдемъ. Отъ Ермолова получилъ письмо изъ Минска, пишетъ что принужденъ былъ бросить коляску и ѣдетъ на перекладной, лишь бы только до насъ до-

браться. Фельдъегерь, вчера изъ Варшавы отъ Цесаревича пріѣхавшій, сказывалъ, что видѣлъ въ понедѣльникъ въ Краковѣ Стабуша, который въ тотъ же день ждалъ туда Ермолова къ обѣду, почему и полагаю, что онъ завтра будетъ сюда. Благодарю васъ за отправленіе Свода Законовъ къ ген.-маіору Муравьеву, и дѣйствительно бы хорошо завести сіе при экзаменахъ юнкерскихъ, о чемъ переговорите съ Васильчиковымъ, Михаиломъ Павловичемъ и Оппермановъ; для инженерныхъ, также бы не худо сіе было. Происшествіе въ Финляндскомъ полку также не хорошо, и доказываетъ, что Палицынъ мало своимъ дѣломъ занимается. Скажите зачѣмъ остановилось дѣло семеновское 1-го баталіона; прежде вы все торопили, чтобы скорѣе окончить, а теперь утихло, какъ бы его не было; нужно бы очень его окончить до нашего пріѣзда, но теперь не знаю успѣемъ-ли. Сейчасъ и Государь у меня объ ономъ спрашивалъ. О солдатскихъ женахъ разрѣшено отправить, какъ въ поселенные баталіоны привозили и денегъ имъ болѣе не выдавать. Сейчасъ пріѣхалъ изъ Рима Поццо-ди-Борго, надѣюсь теперь ничто насъ уже не задержитъ.

47.

27-го апрѣля (9-го мая) 1821 г. Лайбахъ.

Наконецъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, рѣшительно могу васъ увѣдомить, что мы ѣдемъ отсюда 1-го числа мая и будемъ слѣдовать по прилагаемому маршруту, изъ коего усмотрите, что будемъ въ Царское Село 23-го числа мая, ежели гдѣ на дорогѣ не задержатъ насъ; можетъ быть смотры нѣкоторыхъ полковъ гвардіи. Не повѣрите, сколько я радъ вырваться отсюда, но ради Бога пожалѣйте меня, и не вдругъ на меня наваливайте ужасныя кучи несносныхъ бумагъ, дайте хотя нѣсколько дней отдыха съ пріѣзда. Ермоловъ вчера сюда пріѣхалъ. Я нахожу, что онъ ужасно потолстѣлъ, а онъ нашелъ что я очень постарѣлъ. Говорилъ съ нимъ много о разныхъ вещахъ весьма любопытныхъ, особенно про его край. Государь изволилъ принять его очень хорошо и былъ очень радъ его видѣть. Послѣ насъ тотчасъ онъ отправится отсюда въ С.-Петербургъ, остановится, я полагаю, въ Вѣнѣ и Варшавѣ по нѣсколько дней. Какъ эрцъ-герцогъ палатинъ въ Оффенѣ, то мы ѣдемъ чрезъ Венгрію, земля прекрасная, но дороги не очень хороши — по нашему; только горъ ужасно много и очень большія. Дай Богъ намъ благополучно изъ всего сего выбраться. О фельдъегеряхъ

въ ея болѣзни. Пожалуйста, бумагъ уже не посылайте, потому что нѣкогда ими дорогою заниматься. Съ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть, а между тѣмъ, прошу быть увѣреннымъ въ моей къ вамъ истинной дружбѣ.

49.

15-го мая 1821 г. Брестъ-Литовскъ.

Наконецъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, мы на своей границѣ, и бывъ удержаны сутки лишнія въ Варшавѣ, пріѣдемъ въ Царское Село однимъ днемъ позже, то-есть 24-го. Благодарю васъ за ваши письма, на кои теперь отвѣчать не имѣю времени, а переговоримъ на словахъ. Васильчиковъ весьма худо расположился дожидать Его Величество въ С.-Петербургѣ, тогда какъ приличнѣе, и должно ему быть, въ головѣ войскъ; о чемъ и пишу къ нему съ симъ курьеромъ. Прикажите письмо ему тотчасъ доставить, дабы онъ успѣлъ выѣхать къ намъ, хотя за станцію впередъ войскъ, для разныхъ объясненій. Я пишу къ нему также, чтобы тотчасъ отправить Розена и Потемкина къ своимъ новымъ назначеніямъ, равно и тѣхъ, кои на ихъ мѣста назначены. Прощайте, болѣе писать нѣкогда, всю ночь ѣхали, я такъ усталъ, что насилу хожу, вотъ каково состариться, къ тому же, жаръ несносный. Нетерпѣливо желаю васъ видѣть.

50.

17-го мая 1821 г. Новый Свержень.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 13-мая, и весьма мало пишу оттого, что очень усталъ, а завтра опять рано надобно ѣхать. На прошедшемъ ночлегѣ видѣлъ Киселева, которому Его Величество пожаловалъ Анну 1-го класса, и онъ кажется былъ очень доволенъ и признался въ женитьбѣ. Какъ мы вѣроятно поздно пріѣдемъ 24-го въ Царское Село, то лучше оставайтесь въ Петербургѣ, куда я буду 25-го, и тамъ увидимся. Фельдъегерей пришлите въ Гатчину на дежурство двухъ. Прощайте, будьте здоровы.

51.

23-го мая 1821 г. Луга.

Хотя я и просилъ васъ дожидаться меня въ С.-Петербургѣ, но какъ мы завтра рано отсюда выѣзжаемъ, и будемъ къ обѣду въ Гатчину, откуда послѣ обѣда я пріѣду въ Царское Село, то и прошу васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, пріѣхать завтра послѣ обѣда въ Царское Село, но пожалуйста безъ бумагъ, а развѣ только одинъ приказъ привезите, потому что я ужасно усталъ отъ дороги и отъ смотровъ гвардіи вчера и сегодня. Все что мы видѣли, было въ отличномъ видѣ и Его Величество былъ отмѣнно доволенъ. Семеновскій полкъ показался въ превосходномъ видѣ, и по мнѣ, есть первый изъ всѣхъ и лучше прежняго полка. Артиллеріею 1-й гренадерской дивизіи я былъ недоволенъ, тѣмъ, что г-нъ Пребешингъ (?) хотѣлъ блеснуть покупкою всѣхъ лошадей, которыя еще не объѣзжаны, и потому, вмѣсто церемоніальнаго марша прошелъ въ разсыпную и чуть было не передавилъ людей; то же было немного и во 2-й гвардейской артиллерійской бригадѣ. Скажите, зачѣмъ не отправляете вы по сіе время солдатскихъ женъ бывшаго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка? Пожалуйста распорядитесь скорымъ отправленіемъ оныхъ, также, что сдѣлано съ дочерьми семеновскихъ солдатъ бывшихъ въ дѣвичьей школѣ, остались-ли въ оной, или нѣтъ, ежели остались, то гдѣ и у кого живутъ? И подъ чьимъ надзоромъ? Прощайте, любезный другъ, до завтра.

Весь вашъ князь *П. Волконскій.*

52.

[illegible]-го октября 1821 г. Царское Село.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше, отъ 30-го сентября, и весьма сожалѣю о несчастіи, постигшемъ семейство ваше. Пожалуйста берегите здоровье ваше, и хоть медики много даютъ вамъ лѣкарства; но ежели нужно, то должно имъ повиноваться, ибо лучше (при началѣ) захватить болѣзнь, нежели дать ей усилиться. Весьма сожалѣю также, что обстоятельства сіи не позволили вамъ побывать въ Сухановѣ, о которомъ мнѣ всегда пріятно извѣстіе, и куда право пора мнѣ переселиться, также для поправленія здоровья, которое ежедневно ослабѣваетъ отъ сидячей жизни и множества бумагъ, ко-

торыхъ часть большая, по несчастью, все еще лежитъ въ портфелѣ и ящикахъ безъ разрѣшенія; не знаю что и дѣлать иначе, какъ ѣхать, какъ можно скорѣе въ Суханово. Я всякій день теперь ожидаю пріѣзда тетушки, которая, по письму ея, должна была отправиться около 6-го числа. Вчера былъ въ департаментѣ, который все въ томъ отличномъ видѣ, какъ и прежде, также и въ казармахъ писарей, у которыхъ очень хорошо; на будущій годъ лѣтомъ нужно будетъ выкрасить у нихъ полы. По моей части также все уже окончено и довольно хорошо вышло, по крайней мѣрѣ, не стыдно будетъ сдавать преемнику. Одно могутъ попрекнуть, что немного роскошно, но какъ я не кладу себѣ въ карманъ экономическихъ денегъ, а полагаю, лучше ихъ употреблять на украшеніе дома, то, думаю, нельзя будетъ причесть сего въ худую сторону.

Аграфенѣ Феодоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Когда здоровье ваше вамъ позволитъ, пожалуйста заѣзжайте къ ген.-маіору Муравьеву и загляните, каково идетъ въ училищѣ колоновожатыхъ; также стороною развѣдайте и на счетъ нравственности ихъ, потому что, къ несчастію, здѣсь распустили слухъ не весьма благопріятный, но какъ злыхъ и завистныхъ людей вездѣ много, то я худо вѣрю, имѣя опыты тому противные, со всѣмъ тѣмъ, однако, лучше удостовѣриться, нѣтъ-ли чего либо подобнаго? Прощайте, любезный другъ, отъ искренняго сердца желаю вамъ совершеннаго здоровья, и прошу быть увѣрену въ моей къ вамъ любви.

53.

8-го (20-го) октября 1822 г. Верона.

Мы пріѣхали сюда 4-го числа благополучно и по весьма благопріятной погодѣ, проѣхавъ чрезъ Зальцбургъ и Тироль, мѣста чудеснѣйшія своею красотою и жителями. Здѣшній городъ довольно великъ, но весьма запачканъ, окружности же прекрасныя, климатъ удивительный, тепло какъ среди лѣта, всякій день ѣдимъ мороженое изъ свѣжей земляники и розы вновь цвѣтутъ, вдали же верхи горъ покрыты уже снѣгомъ. Я, слава Богу, здоровъ, кромѣ безконечныхъ моихъ чирьевъ, кои никакъ меня не покидаютъ, и теперь отъ одного хромаю, но надѣюсь скоро пройдетъ.

Вчера получилъ письмо ваше, отъ 20-го сентября, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, изъ Радзивилова; надѣюсь, что вы уже въ С.-Петер-

бургѣ. Письмо ваше сего же дня отправлю во Флоренцію къ Аграфенѣ Федоровнѣ, которая, бывъ въ Венеціи, неосторожно покушала устрицъ, и была немного нездорова, какъ и всѣ наши, кто только ѣлъ устрицы былъ болѣнъ; они, говорятъ, теперь здѣсь нездоровы, почему я и запретилъ ихъ здѣсь подавать. Однако вы не безпокойтесь на счетъ Аграфены Федоровны, болѣзнь ея не важная, и еще можетъ быть полезная..... Мои васъ благодарятъ за напамятованіе, они сюда прибыли въ одинъ день съ нами, только чрезъ Венецію, гдѣ пробыли нѣсколько дней, равно и въ Падуѣ и Венеціи. О времени пребыванія нашего здѣсь ничего еще сказать не могу, потому что еще конференціи не начались, а что узнаю, то впредь напишу. Присылкою небольшаго числа бумагъ изъ С.-Петербурга я весьма доволенъ, и надѣюсь, что отъ сего однако въ дѣлахъ нѣтъ остановки. Одно меня сокрушаетъ, признаюсь, аудиторіатскія дѣла, не знаю какъ ихъ сбыть, такъ туги. Увѣдомьте меня, любезный другъ, въ какомъ положеніи нашли нашъ штабъ, не опустили-ли безъ насъ, и каковъ архивъ, который, полагаю, долженъ быть скоро оконченъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и пишите, что у васъ есть новаго и все-ли хорошо идетъ.

Весь вашъ князь *Петръ Волконскій*.

54.

15-го (27-го) ноября 1822 г. Верона.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 27-го октября, получилъ и очень благодарю. Я докладывалъ Его Величеству рапортъ вашъ о приказѣ 2-й арміи, по которому Государь приказалъ мнѣ писать графу Витгенштейну, графу Милорадовичу и графу Кочубею, дабы стараться непремѣнно открыть сочинителя и узнать, у кого перваго оный въ городѣ появился, о чемъ я и писалъ уже ко всѣмъ.

Очень радъ, что архивъ нашъ удался, и съ вами согласенъ не переводить въ оный до будущаго лѣта старый архивъ, развѣ бы несносные рапорты губернаторскіе, которые мнѣ всегда наводятъ тошноту отъ одного на нихъ взгляда, и которымъ бы туда и дорога. Съ аудиторіатскими докладами не знаю что право и дѣлать, они меня въ отчаяніе приводятъ, а пособить нельзя.

Приложенное письмо на имя тетушки и съ пакетомъ, прошу васъ къ ней доставить.

Въ прошедшее воскресенье, 12-го числа, былъ здѣсь такой праздникъ, какого нигдѣ никакъ видѣть нельзя: въ древнемъ римскомъ открытомъ театрѣ, весьма хорошо сохраненномъ, данъ былъ праздникъ. Погода была прекрасная и теплая, собраніе народа въ семъ театрѣ было болѣе 55 тысячъ человѣкъ, потому что съ одними билетами взошло 52 тысячи, видъ былъ единственный и удивительный; афишку о семъ праздникѣ для любопытства при семъ посылаю. Иллюминація въ городѣ была хороша, но ничего отличнаго; мы видаемъ весьма часто лучше.

О скульпторѣ Орловскомъ, до полученія вашего письма, писалъ уже, по Высочайшему повелѣнію, въ отвѣтъ на Оленина представленіе, чтобы его непремѣнно прислать сюда, дабы я могъ его отослать въ Римъ къ Торвальдсену, почему надѣюсь, что князь Голицынъ его не задержитъ, а вы можете предложить ему послать его съ однимъ изъ фельдъегерей. Обѣщаютъ, что мы недѣли черезъ двѣ, или много три, отсюда уѣдемъ, но какъ мы поѣдемъ еще въ Венецію, и для свиданія съ виртембергскимъ королемъ въ Баварію, а съ Великой Княгинею Маріей Павловною въ Богемію, то не думаю, чтобы возможно было пріѣхать къ новому году, а развѣ къ половинѣ января. Прощайте, будьте здоровы, и не забывайте любящаго васъ.

55.

16-го (28-го) ноября 1822 г. Верона.

Не забудьте, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, прислать мнѣ новую книжку памятную на будущій 1823 годъ. Хотя я и писалъ къ вамъ вчера, что мы возвратимся по моему разсчету не прежде половины января, но сіе оставьте про себя, ибо можетъ быть и ранѣе пріѣдемъ; къ тому же, онъ не любитъ, когда разсказываютъ въ городѣ о его прибытіи, особенно когда дойдетъ до вдовствующей, та къ нему пишетъ и спрашиваетъ, почему и прошу васъ, когда и у тетушки моей будете, сказать то же, что хотя я и писалъ къ ней, что прежде не думаю ее видѣть, но что я нарочно сіе написалъ, дабы сдѣлать сюрпризъ, но чтобы не разсказывала. Сегодня погода начала портиться, идетъ мелкій дождь, но тепла 9 градусовъ, тогда какъ у васъ я думаю столько мороза. Прощайте, желаю вамъ совершеннаго здоровья.

Весь вашъ князь *П. В.*

56.

18-го ноября 1822 г. Верона.

Сію минуту получилъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, письмо ваше, отъ 3-го ноября, за которое васъ благодарю, и спѣшу отвѣчать на оное только вкратцѣ. Касательно предписанія графа Витгенштейна, Гельфрейху въ 1816 или 1817 году, пишете, что достали копію, но откуда и отъ кого, ничего не говорите, ибо симъ способомъ, полагаю, можете добраться, кто его выпустилъ въ публику подъ видомъ приказа.

При семъ посылаю рѣшеніе о Янушевичѣ, котораго велѣно содержать въ шлиссельбургской крѣпости до нашего пріѣзда. По бумагамъ графа Кочубея усматриваю, что онъ тотъ самый, который былъ присланъ уже въ С.-Петербургъ отъ маркиза Паулуччи подъ именемъ Усова и котораго тогда велѣно было препроводить для допроса къ графу Кочубею. По всему видно, что онъ большой плутъ и котораго не худо будетъ подержать у Плуталова. Алекринскаго велѣно отправить въ Оренбургскій корпусъ. Вы пишете, что Михайловскій замокъ хорошо передѣланъ; не мудрено, сколько денегъ дано, тогда какъ наши украшенія Его Величеству ничего не стоятъ, и все изъ собственной экономіи сдѣлано, но, пожалуйста, не говорите его высочеству.

Весьма бы желательно, чтобы страсть къ сочиненію приказовъ прекратилась, ибо весьма часто оные унижаются и теряютъ настоящую цѣну отъ худой редакціи и отъ частаго оныхъ изданія. На все надобна мѣра и время, безъ того, никакого дѣйствія хорошаго производить не будутъ. Не знаю что мнѣ дѣлать съ докладами аудиторіатскими, не идутъ съ рукъ никакъ, а что болѣе еще меня мучаетъ, то военная смѣта; никакого рѣшенія получить нельзя, и потому не могу увѣдомить и министра финансовъ, который между тѣмъ меня понуждаетъ, ибо дѣйствительно конецъ года приходитъ, и мы ничего не рѣшили, почему и вижу, что не намѣрены дѣлать никакой убавки, и что министръ финансовъ долженъ будетъ опять намъ приготовить ту же сумму, какъ въ семъ году. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте вамъ преданнаго.

57.

23-го ноября (5-го декабря) 1822 г. Верона.

При семъ препровождаю къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, выписку изъ нашего маршрута изъ Вероны въ Варшаву, куда мы пріѣдемъ только къ новому году, ибо въ Митенвальдѣ, что въ Баваріи, будетъ свиданіе съ виртембергскимъ королемъ, а потомъ въ Богеміи, въ Пильзенѣ, съ великою княгинею Маріею Павловною. Въ Варшавѣ полагаю пробудемъ съ недѣлю, а къ вамъ, по моему разсчету, прежде 20-го января врядъ можемъ-ли быть. Фельдъегерямъ прикажите продолжать ѣздить все чрезъ Варшаву, откуда уже должны ѣхать по тракту, въ нашемъ маршрутѣ означенному, то-есть съ Кракова, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ въ Богеміи и Галиціи, о чемъ еще подробнѣе прикажите имъ узнавать въ Варшавѣ. Дѣла аудиторіатскія совсѣмъ нейдутъ, не знаю что и дѣлать, а хуже всего смѣта, что право меня въ отчаяніе приводитъ, пусть графъ Гурьевъ дѣлаетъ какъ знаетъ; но изъ всего усматриваю, что по военной части уменьшеніе не будетъ. Погода уже нѣсколько дней испортилась, безпрестанно дожди, но все тепло; дай Богъ, чтобы во время нашего путешествія поправилась, безъ того, намъ очень будетъ худо возвращаться, надѣюсь, что около Варшавы встрѣтимъ уже зиму и снѣгъ, тогда будетъ покойнѣе ѣхать въ саняхъ и безопаснѣе.

Изъ дѣлъ усматриваю я, что наша типографія задерживаетъ въ печати весьма долго нѣкоторыя положенія, какъ то было съ «Положеніемъ о понтонахъ», почему прикажите пожалуйста строго, чтобы впредь сего не было, и чтобы всѣ казенныя бумаги, безъ малѣйшаго отлагательства, печатались. Сіе происходитъ отъ того, что много занимаются постороннимъ печатаніемъ. Но и сему теперь помочь можно, отдѣлить нѣсколько станковъ, другіе же должны всегда печатать казенныя бумаги; увѣдомьте также, печатается-ли у насъ «Инвалидъ» на нѣмецкомъ языкѣ? Я сіе спрашиваю для того, что прусскій король получаетъ «Инвалидъ», но по-русски и заставляетъ оный для приказовъ переводить на нѣмецкій языкъ, а какъ я помню, что оный печатался у насъ по-нѣмецки, то и совѣтовалъ я генералу Вицлебену выписывать оный лучше на нѣмецкомъ языкѣ. Прощайте, будьте здоровы, съ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть, но какъ взгляну на карту, сколько намъ ѣхать и страдать, то морозъ по кожѣ деретъ еще и безъ мороза.

58.

1-го (13-го) декабря 1822 г. Верона.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 10-го ноября, получилъ со всѣми къ оному приложеніями. Весьма порадовался, читая біографію Федора Петровича (Уварова), по которой теперь узналъ всѣ его военные подвиги, и вижу, что не даромъ находится при немъ по особымъ порученіямъ Смирновъ, потому что полагаю, должно быть, сія біографія его сочиненія. Боюсь только, чтобы не обратилась она въ насмѣшку, и признаюсь, на мѣстѣ Уварова, я бы не позволилъ сего печатать. Не худо также и объясненіе Реметьева, неужели такого рода бумаги можно пускать въ дѣло. О Гельманѣ представленіе Государь не изволилъ разрѣшить, оставивъ до возвращенія въ С.-Петербургъ, потому что неугодно болѣе никого отчислять по арміи, потому что теперь весьма ввелось въ обычай, когда кѣмъ недовольны, то вмѣсто чтобы совсѣмъ уволить, представляютъ къ отчисленію по арміи, и часто еще и съ жалованьемъ. Какое же отличіе тѣмъ, кои дѣйствительно за ранами, или точно по болѣзни, не позволяющей никакъ служить во фронтѣ, просятъ объ отчисленіи и смѣшиваются съ совершенными тунеядцами. По возвращеніи, Государь хочетъ пересмотрѣть вновь списокъ сихъ отличныхъ чиновниковъ, дабы избавиться многихъ, и положить преграду, чтобы впредь уже никого не отчислять; ежели болѣнъ, то можетъ идти въ отставку, и потомъ по выздоровленіи хорошій можетъ быть принятъ по прежнему на службу, а худому отказывать. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, будетъ разница между хорошими и дурными.

Мы послѣ завтра, то-есть, въ воскресенье 3-го (15-го) декабря, ѣдемъ въ Венецію, и пробывъ тамъ до 10-го (22-го), поѣдемъ по маршруту, къ вамъ съ прошедшимъ фельдъегеремъ посланному. Жена и дочь моя благодарятъ, что ихъ помните; сегодня отправились уже напередъ въ Венецію. Курьера, котораго мы взяли въ Вѣнѣ отъ графа Головкина, можетъ быть вы помните, его зовутъ Николай Пикаръ, Государь приказалъ опредѣлить въ фельдъегери; человѣкъ очень расторопный, знаетъ всѣ языки, и графъ Головкинъ весьма его хвалилъ за вѣрность во все время его при немъ нахожденія; о семъ я пришлю къ вамъ оффиціальное повелѣніе и самого его. Прощайте, желаю вамъ добраго здоровья.

Вчера сардинскій король пожаловалъ мнѣ свой орденъ Анунціады, а прочимъ генералъ-адъютантамъ св. Мориса.

59.

7-го (19-го) декабря 1822 г. Венеція.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше, отъ 17-го ноября, и весьма сожалѣю, что здоровье ваше такъ худо; пожалуйста берегитесь и старайтесь дѣлать побольше движенія, и будьте осторожны въ пищѣ, можетъ не отъ того-ли происходятъ сіи обмороки.

Предписаніе графа Витгенштейна къ Гельфрейху при семъ возвращаю, которое удержите у себя до возвращенія нашего въ С.-Петербургъ. За «Благонамѣренный» васъ благодарю, и все остаюсь въ сомнѣніи, что былъ писанъ Смирновымъ, ибо много нахожу сходнаго съ тѣмъ, что часто слыхалъ о подвигахъ при Бородинѣ отъ самого Уварова, который съ своей стороны мнѣ также прислалъ копію съ того, что пишетъ къ Измайлову. Признаюсь, все сіе не хорошо, особливо помѣщеніе приказовъ. О Палицынѣ поговоримъ по возвращеніи нашемъ. Письмо при семъ прошу отослать къ Петру Ивановичу и очень сожалѣю о его болѣзни.

Мы съ 4-го числа уже здѣсь, въѣздъ нашъ былъ прекрасный. Венеція приводитъ меня въ восхищеніе и удивленіе своею красою, положеніемъ мѣста, зданіями и отличными картинами, изъ коихъ очень желалъ бы имѣть хотя часть для эрмитажа. Погода намъ также благопріятствуетъ, хотя немного свѣжа, но все думаю разница съ вашею. 10-го числа мы отсюда выѣзжаемъ по маршруту. Признаюсь, сожалѣю, что здѣсь остаемся столь короткое время, потому что нѣтъ возможности всего осмотрѣть. Пожелавъ вамъ поправленія вашего здоровья, поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и прошу о продолженіи дружбы вашей, къ тому, который васъ искренно любитъ.

60.

9-го (21-го) декабря 1822 г. Венеція.

Письмо ваше, отъ 24-го ноября, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, получилъ, и очень сожалѣю, что болѣзнь ваша все продолжается; право меня сіе крайне безпокоитъ, и отъ всего сердца желаю совершеннаго выздоровленія, хотя для новаго года, съ-коимъ васъ искренно поздравляю. Весьма для меня пріятно, что вы довольны вашими де-

[illegible] помощ-
[illegible] подчиненные
[illegible] хорошо. Мнѣ
[illegible] и трудамъ
[illegible] отъ меня зави-
[illegible] будетъ болѣе
[illegible] лично
[illegible] между тѣмъ,
[illegible] прошу сдѣлать
[illegible] буду просить,
[illegible] не желалъ,
[illegible] правы они,
[illegible]

[illegible] расстроилась и
[illegible] можно было
[illegible] всѣмъ,
[illegible] на са-
[illegible] ло-
[illegible]
[illegible] волосокъ,
[illegible] не за-
[illegible] послѣ

[illegible] г.

[illegible] мы бу-
[illegible] матушка къ
[illegible] будетъ, а онъ
[illegible] я сказалъ
[illegible] можетъ не
[illegible] къ 25-му
[illegible] и чтобы не
[illegible] что приго-
[illegible] не донесъ
[illegible] знать, но онъ
[illegible] мы всегда

сами себя любимъ обманывать. 19-го числа въ пятницу пошлите, какъ по обыкновенію, къ намъ фельдъегеря съ дневными рапортами и письмами, но ко мнѣ бумагъ ничего не присылайте. Выписку маршрута оставьте собственно для себя, а ежели будутъ спрашивать, то всѣмъ говорите, что будемъ 25-го числа не прежде. Прощайте, будьте здоровы.

62.

3-го января 1823 г. Варшава.

Два письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, одно отъ 15-го, а другое отъ 22-го декабря, получилъ и чувствительно благодарю. При семъ прилагаю выписку изъ нашего маршрута, по которому мы къ вамъ будемъ 20-го января; но пожалуйста по пріѣздѣ дайте мнѣ отдохнуть съ бумагами дня два. Притомъ, я бы желалъ, чтобы ходъ оныхъ не перемѣнялся, а точно такъ, какъ теперь идетъ въ мое отсутствіе, кромѣ тѣхъ, кои должны идти къ моему подписанію; тѣхъ же, кои должны вноситься въ приказъ къ производству на вакансіи, переводы, отставки, выключки, ко мнѣ не присылать иначе, какъ нынѣ, съ приказами на утвержденіе, и также тѣхъ, кои къ свѣдѣнію не присылать. Вы пишете, что были въ Петергофѣ у Вистенгаузена, чтобы видѣть паровую кухню, то совѣтую, прежде нежели заводить, хорошенько посмотрѣть, ибо Вистенгаузенъ большой прожектеръ.

Боюсь я крѣпко за нашего старика Петра Ивановича, что-то часто онъ сталъ болѣнъ становиться, дай Богъ, чтобы онъ пожилъ, добрый человѣкъ.

Письмо Сабанѣева къ вамъ возвращаю, и по пріѣздѣ лично объяснюсь. Киселевъ здѣсь съ женою и свояченицею, утверждаетъ, что всѣ происшедшія у нихъ исторіи ничего не значатъ, и что опасаться нечего. Киселевъ потолстѣлъ и очень здоровъ, завтра будемъ съ нимъ толковать о ихъ арміи. Наконецъ аудиторіатскія дѣла пошли въ ходъ: съ послѣднимъ фельдъегеремъ послалъ вамъ два, и дѣлъ шесть Государь взялъ къ себѣ, обѣщавъ прочитать дорогою на ночлегахъ, между коими и дѣло Вадковскаго, которое желалъ бы, чтобъ скорѣе кончилось. Здѣсь нашли мы уже настоящую зиму, и надѣюсь поѣдемъ отсюда на саняхъ, которыя сегодня сюда пріѣхали изъ Бреста, но остальныя еще не бывали. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и не забывайте любящаго васъ.

P. S. Къ 19-му числу пришлите къ вечеру на дежурство фельдъ-

егерей въ Царское Село, чтобы никто туда не пріѣзжалъ, ибо мы будемъ поздно къ вечеру, и съ дороги устанемъ, то дайте отдохнуть. Сейчасъ, говорятъ, пріѣхалъ изъ Петербурга фельдъегерь Вороновъ.

Не нужно совсѣмъ присылать въ Царское Село на дежурство фельдъегерей, ибо Государю сего неугодно.

63.

10-го (22-го) августа 1823 г. Ахенъ.

Возвращая вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, письмо Киселева съ приложенною копіею, крайне сожалѣю о семъ несчастномъ происшествіи, котораго бы въ званіи Киселева, и по дѣлу до службы касающемуся, должно стараться избѣгать, сколько возможно, потому что послѣ сего, кому охота быть начальникомъ, ежели всякій подчиненный будетъ требовать объясненіе за дѣло по службѣ. Я весьма радъ за Киселева, что сіе такъ кончилось, и что судьба наказала виновнаго; но ежели Мордвиновъ остался живъ, то слѣдовало бы его примѣрно наказать. Мнѣ кажется, послѣ письма Мордвинова для пользы службы, Киселевъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы обѣщавъ ему сатисфакцію, требовалъ бы непремѣнно, чтобъ Мордвиновъ оставилъ напередъ службу, что конечно бы онъ и исполнилъ, ежели уже предпринялъ намѣреніе драться. Сіе мнѣ кажется ничѣмъ честь Киселева не оскорбило бы, но порядокъ службы сохранился бы, а теперь вы увидите, что изъ сего выйдетъ. Вы меня совершенно поразили извѣстіемъ о лопнувшемъ резервуарѣ, потому что я никакого извѣстія не имѣю, которое вѣроятно въ Парижѣ, куда недавно пріѣхавшій курьеръ говорятъ привезъ много на мое имя пакетовъ. Зачѣмъ вы мнѣ ничего не сказали, не произвелъ-ли разрывъ сей какого несчастія и не повредилъ-ли архивъ или типографію, я никакъ сего понять не могу, и полагаю не иначе, какъ заснули въ присмотрѣ и не наблюдали моего приказанія въ точности, касательно наполненія. Я здѣсь видѣлъ газометръ въ 10 разъ болѣе моего, и уже нѣсколько лѣтъ существуетъ и ни малѣйшаго вреда никогда не случилось, потому что ключъ отъ онаго у хозяина, а я увѣренъ, что нашъ не запирали, и часоваго не ставили, что уже и мною было одинъ разъ замѣчено, и крѣпко тогда же всѣмъ досталось. Къ тому же, тутъ есть проходъ къ живущимъ печатникамъ, которые, легко случиться можетъ, нечаянно прошли съ огнемъ мимо и газъ могъ вспыхнуть. Признаюсь, что всего больнѣе то, что у насъ вѣкъ свой

надобно стоять самому на часахъ, дабы порядокъ наблюдался, и никто своимъ дѣломъ, или весьма мало такихъ, кои бы занимались какъ слѣдуетъ, а наградъ всѣ хотятъ. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что ваше здоровье не столь хорошо, какъ было здѣсь, что и доказываетъ, что слѣдовало бы вамъ оставаться еще здѣсь, и потомъ побывать немного въ Спа, тогда бы вы совершенно были здоровы, и намъ пріятнѣе бы было раздѣлить ужасную скуку вмѣстѣ. О себѣ скажу вамъ, что бани мнѣ очень помогаютъ, со вчерашняго дня началъ уже брать паровыя ванны, которыхъ докторъ говоритъ нужно 7 или 8, потомъ, отдохнувъ дня два, поѣду въ Парижъ, гдѣ мѣсяца чрезъ два или три увижу, могу-ли возвратиться зимою въ Россію, и къ вамъ оттуда напишу. Я на сихъ дняхъ къ вамъ писалъ о непріятности, случившейся со мною на прежней квартирѣ, отъ хозяина, и сегодня получилъ отъ Алопеуса, что велѣно сдѣлать большое головомытіе президенту и хозяина проучить за его грубость. Прощайте, любезнѣйшій другъ, отъ искренняго сердца желаю, чтобы здоровье ваше поправилось, какъ было здѣсь, и право очень, очень сожалѣю, что васъ отсюда отпустили, чему причиною Вольскій, и для него бы лучше было волочиться бы за знакомыми, и за вновь пріѣхавшими, между коими появилось много хорошенькихъ. Продолжите дружбу вашу и будьте увѣрены въ моей навсегда.

64.

23-го сентября (4-го октября) 1823 г. Парижъ.

Вчера по почтѣ получилъ я, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, приказъ 30-го августа, который меня совершенно поразилъ вашимъ назначеніемъ въ Финляндію. Такое удаленіе изъ столь важнаго мѣста, которое вы занимали безъ малѣйшаго предваренія о томъ главнаго начальника, ясно мнѣ доказываетъ, что всячески ищутъ и желаютъ и его избавиться; но вы спросите меня за что?... Право не знаю, можетъ быть, за лишнее усердіе, Богу одному извѣстно; по крайней мѣрѣ, отойду съ чистою совѣстью со всѣхъ сторонъ и безъ упрековъ. Съ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ васъ извѣстія и истолкованіе сей непонятной для меня загадки. Мое здоровье все въ одномъ положеніи, чирья меня замучили, а извѣстіе сіе, навѣрное, усугубитъ еще мою болѣзнь. Я вамъ описать не могу никакъ чувство, каковое произвело во мнѣ сіе извѣстіе. Теперь уже, любезный другъ, не знаю,

когда и гдѣ мы съ вами увидимся, но какъ бы то ни было, будьте увѣрены, что дружба моя къ вамъ останется навсегда неизмѣнна. Я слышалъ, что у васъ, неподалеку отъ Суханова, есть помѣстье, то можетъ быть Богъ приведетъ насъ и тамъ съѣхаться и гулять безъ торопливости, какъ то было въ Карлсбадѣ и въ Ахенѣ, занимаясь совершенно однимъ хозяйствомъ и удовольствіями деревенской жизни. Между тѣмъ, я здѣсь собираю разные планы для садовъ и различныхъ строеній, которыми будемъ тамъ заниматься, и подъ старость утѣшаться своими трудами. Прощайте, любезнѣйшій другъ, пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья, прошу не забывать того, который вамъ душою и сердцемъ преданъ. Пишите ко мнѣ почаще.

65.

3-го (15-го) октября 1823 г. Парижъ.

Хотя и писалъ я къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, на прошедшей недѣлѣ по почтѣ, но теперь пользуюсь отъѣздомъ фельдъегеря Грибова, и вновь повторяю, сколько меня поразило неожиданное назначеніе васъ въ Финляндію. Ежели сіе будетъ согласно съ желаніемъ вашимъ, то будетъ для меня немного полегче, совсѣмъ тѣмъ, меня удивляетъ, какъ вы будете управляться, не зная языка; потеря же васъ въ штабѣ неизъяснима. Сіе назначеніе еще болѣе рѣшаетъ меня вовсе удалиться, ибо вижу, что нѣтъ ко мнѣ ни малѣйшаго уваженія послѣ всѣхъ моихъ трудовъ, которые совершенно разстроили мое здоровье до такой степени, что никакъ по сіе время не могу оправиться, хотя употреблялъ къ сему, какъ вамъ извѣстно, всевозможные способы, но тщетно, потому что чирья мучаютъ безпрестанно, лишь одинъ пройдетъ, то чрезъ два дня другой приходитъ, и теперь продолжаю здѣсь пить минеральныя воды и брать барежскія ванны съ душами, а на весну посылаютъ меня опять къ водамъ, въ южную часть Франціи или Италіи. Все сіе заставило меня писать къ Дибичу довольно откровенно, чтобы увѣдомилъ, что значитъ и какъ послѣдовало ваше назначеніе? Желаю сердечно, чтобы преемники ваши успѣшнѣе дѣйствовали насъ, и улучшили бы часть нами начатую. Не получая отъ васъ давно писемъ, я совершенно въ недоумѣніи, что съ вами дѣлается, и приняли-ли вы новое назначеніе? Я веду жизнь весьма тихую и спокойную, хожу много, для движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятнѣе нежели въ Ахенѣ, ибо, во-первыхъ, съ своею семьею, а во-

вторыхъ, въ большомъ и столь любопытномъ городѣ, хотя оный никакого дѣйствія надо мною не дѣлаетъ, противу прежняго. Дѣтьми своими я очень доволенъ. Жена и Алина вамъ кланяются, равно и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой и отъ меня прошу засвидѣтельствовать почтеніе. Я думаю, для нея Гельсингфорсъ не столь пріятенъ будетъ, какъ Римъ или Флоренція.

Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ почаще, чрезъ Булгакова, или по оказіи, ибо навѣрное наши письма распечатываютъ на почтѣ; хотя Булгаковъ намъ и пріятель, но обязанность его и вѣроятно приказанія, сіе дѣлать заставляютъ. Впрочемъ, у кого совѣсть чиста, тотъ покоенъ, и ничего не боится. Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, Государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя (Аракчеева), коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ, нѣтъ возможности, по непонятному ослѣпленію его къ нему; между тѣмъ, растеряетъ много честныхъ людей, и возстановится прежнее лихоимство и безпорядокъ въ ходѣ дѣлъ. Прошу о продолженіи вашей ко мнѣ дружбы и быть увѣрену въ моей.

66.

3-го (15-го) ноября 1823 г. Парижъ.

Сейчасъ лишь только получилъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, письмо ваше изъ Москвы отъ 11-го октября, за которое благодарю васъ премного, потому что не зналъ, къ чему приписать ваше молчаніе, не получая ни строчки съ самаго Пирмонта. Поздравляю васъ сердечно съ прибытіемъ супруги вашей, которой прошу засвидѣтельствовать мое совершенное почтеніе, также отъ жены и дочери: онѣ весьма ее благодарятъ за память. Видя изъ письма вашего, что вы приняли новое назначеніе ваше, желаю отъ искренняго сердца вамъ успѣховъ и счастья, ибо вы знаете, сколько я васъ люблю, но не могу притомъ скрыть предъ вами моего удивленія, какимъ образомъ могутъ идти дѣла хорошо, когда языкъ земли вамъ неизвѣстенъ. Правда, что переписка идетъ на россійскомъ языкѣ, то-есть бумаги, получаемыя изъ городовъ и провинцій, переводятся по-русски; но кто можетъ отвѣчать, что переводъ вѣрно сдѣланъ, и что отвѣтъ вами данный, точно изъясненъ въ томъ смыслѣ, какъ вами сказанъ. Мы видимъ часто, что и на нашемъ языкѣ выражаютъ мысли наши иначе, иногда по недоразумѣнію, а иногда съ умысла, и что безпрестанно нужно имѣть

наблюденіе неусыпное за чиновниками, дабы не сдѣлали какой погрѣшности, или просто сказать и плутню. Можетъ быть въ Финляндіи все придумано лучше нашего, дабы сего не случалось, но вы сами знаете, каково шло при Штейнгелѣ, который имѣлъ ту выгоду, что зналъ языкъ. Изъ всего сего вижу я не что иное, какъ то, чтобы разстроить все нами заведенное и удалить наши надоѣвшія лица. Желаю г-ну Дибичу съ Потаповымъ успѣховъ болѣе нашихъ. Вы пишете и просите, чтобы я возвратился, но зачѣмъ? чтобы совершенно себя убить, ибо до сихъ поръ не могу поправить своего здоровья; къ тому же, весьма непріятно видѣть, что всѣ мои труды пропали совершенно. Устройство, которое стоило мнѣ здоровья, все разрушено, надобно снова знакомиться съ чиновниками, работать какъ лошадь, не имѣя довѣренности, ни къ военному министру, ни къ дежурному генералу, на коихъ лежитъ основаніе всего штаба, заниматься каждою бездѣлицею самому, къ тому же еще быть задавлену побочными дѣлами и не имѣть нисколько времени для себя. Вы признаетесь, что никому не можетъ быть пріятна сія жизнь. Вы говорите, что Государь и соотечественники увидятъ, сколько я жертвую собою. Я весьма сожалѣю, ежели въ 27 лѣтъ, что я былъ при Его Величествѣ, сего еще не замѣтили, ибо кажется, во все сіе время довольно было случаевъ, гдѣ я жертвовалъ жизнію и здоровьемъ, не говоря уже о состояніи, о которомъ никогда и не помышлялъ. Теперь же нахожу даже безчестнымъ занимать мѣсто такое, котораго труды здоровье мое не позволяетъ мнѣ переносить. Пусть тѣ, кои моложе, онымъ занимаются, а мнѣ пора подумать и о дѣтяхъ, которыя весьма будутъ вправѣ мнѣ упрекать, что не думалъ о будущемъ ихъ состояніи. Получивъ нѣкоторое облегченіе, надобно ѣхать зарыться въ деревню и изыскивать способы уплатить долги, женою сдѣланные для воспитанія дѣтей, а не для прихотей, ибо и симъ мнѣ упрекнуть нельзя, потому что къ стыду званія моего, жилъ не такъ роскошно, какъ можетъ быть мѣсто сіе требовало, хотя, впрочемъ, скромность предпочтительнѣе роскоши, и не есть порокъ, но однако же, всему есть мѣра, и званіе мое требовало бы иногда видѣть и свѣтъ; но принужденъ былъ себѣ въ томъ отказывать, дабы не увеличить долги. И такъ, любезный другъ, весьма сожалѣю, что не могу исполнить вашего желанія, особенно еще теперь, потому что все еще продолжаю лечиться, и безпрестанно почти замученъ чирьями. Пожалуйста, пишите ко мнѣ чаще, и увѣдомляйте, что у насъ дѣлается, потому что я здѣсь какъ въ Америкѣ, совершенно всѣми забытъ, кромѣ Булгакова. Бригадиръ вамъ кланяется, онъ былъ также нездоровъ, но теперь лучше. Про-

щайте, любезнѣйшій другъ, дай Богъ вамъ всякаго благополучія, совершеннаго здоровья и счастія, чего отъ всей души желаетъ вамъ преданный искренно навсегда

Князь *П. В.*

67.

18-го (30-го) ноября 1823 г. Парижъ.

Послѣ письма вашего, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, изъ Москвы, ничего отъ васъ не имѣю, но знаю, чрезъ Булгакова, что теперь вы уже должны быть въ Финляндіи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю оттуда вашего извѣстія, какъ о здоровьѣ вашемъ, такъ и о занятіяхъ въ новомъ мѣстѣ; желаю отъ искренняго сердца, чтобы первое не разстроилось отъ упражненій вашихъ въ новомъ вашемъ назначеніи. Мое здоровье, благодаря Бога, примѣтно начинаетъ поправляться, и ежели (все) такъ будетъ продолжаться, то можетъ легко быть, что я отсюда выѣду въ началѣ декабря; но какъ вамъ извѣстно, что я по ночамъ не ѣзжу и не вижу даже большой нужды торопиться, особенно, ежели хотятъ еще меня имѣть на каторгѣ, то и не могу быть дома прежде января мѣсяца, ибо полагаю остановиться въ Вѣнѣ на нѣсколько дней, и также въ Варшавѣ. Признаюсь, что хотя праздная жизнь меня не веселитъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасаюсь, какъ только вздумаю о томъ, что̀ мнѣ предстоитъ, особливо съ новыми лицами, коихъ мало знаю, и никакой довѣренности не имѣю; почему и долженъ буду заниматься самъ почти всѣми мелочами. Вы знаете сами, каково сіе легко; я увѣренъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мое здоровье опять придетъ въ прежнее худое положеніе, и никакой другой пользы отъ сего не получу, а еще къ тому, полагаю, будутъ вымѣщать за отсутствіе. Все сіе, признаюсь, заставляетъ меня колебаться, изъ доброй воли кабалить себя по пустому. Легко можетъ быть еще, что узнавъ о моемъ возвращеніи, захотятъ предупредить и меня какимъ либо новымъ назначеніемъ, о коемъ уже слухи и здѣсь распускаютъ. Что мнѣ всего прискорбнѣе, любезный другъ, что насъ разлучили съ вами, и тѣмъ разстроили такую часть, которая кажется одна изъ важнѣйшихъ по государству, и шла такъ, какъ желать бы можно и для прочихъ частей. Всего больнѣе то, что у насъ со всѣмъ желаніемъ быть полезнымъ нельзя въ томъ успѣть, и что всегда найдутся мерзкія и завистливыя твари, которыя разными происками откроютъ способъ все разстроить и даже уничтожить. Александръ Львовичъ Нарышкинъ, на сихъ дняхъ

прибылъ сюда, и въ лучшемъ духѣ, нежели поѣхалъ отъ насъ, веселъ и кажется доволенъ Парижемъ, который мнѣ уже наскучилъ. Прощайте, любезный другъ, приношу мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ; мои всѣ вамъ кланяются, желаю вамъ совершеннаго здоровья и не забывать искренно васъ любящаго.

Бригадиръ здоровъ, сегодня вмѣстѣ обѣдаемъ съ Нарышкинымъ.

68.

15-го (27-го) декабря 1823 г. Парижъ.

Письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 17-го и 24-го ноября, получилъ, чувствительно благодарю за всѣ изъясненія чувствъ вашихъ ко мнѣ, въ коихъ никогда не сомнѣвался, прошу васъ о продолженіи столь неоцѣненной для меня дружбы, которая всего дороже, ибо на семъ свѣтѣ друзья весьма рѣдки, что я знаю изъ опытовъ. Я здѣсь остался долѣе, нежели полагалъ, потому что поджидалъ петербургскаго курьера, котораго здѣсь ожидали со дня на день, и такимъ образомъ, промѣшкалъ цѣлую недѣлю. Къ тому же, хотѣлось видѣть Поццо-ди-Борго, который также третьяго дня возвратился изъ Мадрида. Отвѣтъ Дибича на мое письмо очень мало успокоилъ и весьма, какъ говоритъ Ермоловъ, восточный и іезуитскій; впрочемъ, время все окажетъ. Желаю имъ всѣмъ счастья и успѣховъ, лишь бы меня оставили въ совершенномъ покоѣ жить и умереть въ Сухановѣ, гдѣ коекакъ могу проволочить остатокъ своихъ дней съ друзьями, что всего пріятнѣе на свѣтѣ, нежели всѣ почести и суеты мірскія. Изъ записки Селявина вижу, что Толю дали еще 10 тысячъ на подъемъ жены его, дай Богъ имъ всѣмъ болѣе, и что онъ совсѣмъ остается въ арміи; почему и заключаю, что Дибичъ останется на теперешнемъ мѣстѣ, а меня вѣроятно уволятъ. Здоровье мое, хотя и поправилось, но еще не совершенно, и чтобы не думали, что я здѣсь живу для веселья, рѣшился возвратиться. Ежели же меня уволятъ вовсе, то можетъ быть, будущимъ лѣтомъ поѣду опять куда либо къ водамъ, потому что здоровье всего дороже, и безразсудно терять оное понапрасно безъ всякой пользы. Будьте спокойны на счетъ Шатилова, я увѣренъ, что онъ по способностямъ своимъ сдѣлаетъ свою дорогу, хотя бы и меня тутъ не было; я всегда прочилъ его на сіе мѣсто, и очень радъ, что его назначили, по крайней мѣрѣ, знаетъ ходъ дѣлъ, чиновниковъ, и самъ имѣетъ способность и дѣятельность. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое

совершенное почтеніе, равно и отъ жены и дочери. Онѣ остаются здѣсь еще до марта, дабы возвратиться по хорошему пути, и знать, куда имъ пріѣхать по обстоятельствамъ. Плановъ для Суханова у меня достаточно заготовлено, и могу съ вами подѣлиться. Прощайте, любезный другъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья, поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ, прошу меня продолжать любить и быть увѣрену въ моей истинной къ вамъ привязанности и дружбѣ.

Я завтра поутру отсюда ѣду чрезъ Вѣну, бригадиръ провожаетъ меня до перваго ночлега. Княгиня Суворова здѣсь идетъ замужъ, за князя Василія Сергѣевича Голицына, вотъ и наши вамъ новости. Сію минуту пріѣхалъ Ломоносовъ и привезъ ваше письмо, за которое премного благодарю.

69.

17-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 13-го апрѣля, которому я былъ очень радъ, потому что не получая долго отъ васъ извѣстія, ни отвѣта на мое письмо, начиналъ безпокоиться на счетъ вашего здоровья. Весьма признателенъ вамъ за участіе, которое во мнѣ принимаете. Поступокъ отличный!!! а еще болѣе тѣмъ, что мнѣ ни слова не говорили, ни предъ приказомъ, ни послѣ онаго и до сего времени! Что подумаютъ обо мнѣ во всей арміи? Одно, что меня утѣшаетъ, что меня довольно знаютъ и конечно въ худую сторону не оборотятъ моего изгнанія. Ожидаю теперь окончанія дѣлъ своихъ, какъ по продажѣ моего имѣнія, такъ и вступленія въ управленіе имѣнія отъ тетушки; окончивъ оное формальными актами, буду проситься ѣхать для принятія имѣнія на мѣстѣ, въ чемъ, кажется, мнѣ отказать нельзя, ибо службой дѣла мои не поправились, а напротивъ того, разстроились до самой высшей степени; къ тому же и въ службѣ моей теперь нужды нѣтъ. Подличать же меня никакъ заставить нельзя, и потому надѣюсь въ маѣ быть въ Сухановѣ, гдѣ, полагаю, съѣдусь и съ своими, которые съ недѣлю какъ уже въ дорогѣ. Тетушка васъ благодаритъ, что ее помните; приношу мое усердное почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ и продолженія дружбы вашей къ тому, который васъ искренно любитъ отъ всей души.

70.

28-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 16-го апрѣля, изъ коего вижу, что вамъ хлопотъ много и чувствую, сколь должно быть непріятно, когда теченіе дѣлъ идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало; особенно, зная вашъ нравъ и порядокъ, который вы привыкли видѣть уже нѣсколько лѣтъ въ мѣстѣ трудами вашими устроенномъ; остается переносить все съ терпѣніемъ и достигать желаемаго. Мнѣ весьма жаль, любезный другъ, что вы отпечатали отчетъ вашъ по дежурству: устройство и ходъ дѣлъ были самымъ вѣрнымъ доказательствомъ вашего усердія; теперь же отчетъ сей ходитъ по рукамъ и производитъ разнаго рода толки, которые бы можно было избѣгнуть. Вы со мною согласитесь, что свѣтъ не перемѣнишь, и что мы надобны и хороши тогда, какъ въ насъ нужду имѣютъ; когда же сіе прошло, то весьма много такихъ, кои въ васъ искали, говорятъ про васъ совсѣмъ иначе и даже во многомъ осуждаютъ. Правда, что такого рода люди презрительны; не менѣе того, по несчастію ихъ на свѣтѣ больше, слѣдовательно лучше быть осторожнѣе и не давать имъ никакого способа къ сужденію, вотъ мои мысли; извините, что такъ говорю, но любя и почитая васъ, почелъ долгомъ сообщить вамъ свое мнѣніе откровенно и по-дружески. Къ тому еще слышалъ я, что будто бы вы иначе исполнили данное повелѣніе объ отправленіи нѣкоторыхъ войскъ сюда, и что за сіе сдѣлано вамъ замѣчаніе; не могу вамъ изъяснить, какъ для меня сіе было прискорбно, и прошу васъ, любезный другъ, быть осторожнѣе, и не давать никакого случая, къ коему бы могли придраться, чтобы дѣлать какія либо замѣчанія. Мое здоровье изрядное, но не совсѣмъ, и нужно еще въ хорошую погоду пить соки; намѣренъ въ будущемъ мѣсяцѣ проситься ..... *) по окончаніи домашнихъ дѣлъ моихъ, кои не приведены еще къ концу, за нѣкоторыми справками по судебнымъ мѣстамъ. Тетушка благодаритъ васъ за напамятованіе и вамъ кланяется, равно и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой и отъ меня прошу сказать мое почтеніе; сердечно радъ, что ее здоровье лучше. Вчера я былъ посаженнымъ отцомъ у Бутурлина, а сегодня у своего племянника, Кожина. На сихъ дняхъ Левашовъ помолвленъ съ Додо Пашковой и кажется всѣ довольны. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ

*) Здѣсь въ подлинникѣ нѣсколько словъ вырвано.

добраго здоровья и всякаго благополучія, продолжая дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

71.

24-го мая 1824 г. С.-Петербургъ.

Извините, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что замедлилъ отвѣтить на два письма ваши, за которыя васъ премного благодарю и радуюсь сердечно, что слухи о замѣчаніи, о коемъ я къ вамъ писалъ, оказались ложны; но изъ сего видите, какъ есть много людей недоброжелательныхъ. Объ отчетѣ также слышанъ я, что будто рѣчь была въ комитетѣ и что хотѣли положить правиломъ, чтобы впредь отнюдь оныхъ не печатать безъ разрѣшенія начальства; но можетъ быть и сіи слухи несправедливы? Третьяго дня былъ въ Царскомъ Селѣ, просился я въ отпускъ и получилъ оный безъ всякаго замѣчанія, ибо представилъ причины, кои заставляютъ меня просить объ ономъ, по случаю домашнихъ обстоятельствъ, находящихся въ весьма затруднительномъ положеніи, и на будущей недѣлѣ обвѣнчавъ Левашева и княжну Оболенскую за графа Толстова, у коихъ я посаженымъ отцемъ, отправлюсь съ тетушкой въ Суханово, отсюда поѣду по деревнямъ. Вчера получилъ письмо отъ жены изъ Радзивилова; она и Алина, слава Богу, здоровы и теперь уже въ Одессѣ, откуда будутъ въ Суханово, а въ іюлѣ пріѣдутъ въ С.-Петербургъ. Какъ торопиться некуда, то буду въ Сухановѣ заниматься хозяйствомъ и различными украшеніями сего мѣста, дабы подъ старость хотя пожить весело для себя и для друзей. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе. Пожелавъ вамъ здоровья, прошу продолжать дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

72.

25-го іюня 1824 г., с. Суханово.

Вчера была недѣля какъ я здѣсь, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; живу совершенно какъ въ раю, никуда не тороплюсь, отвѣтственности никакой, дѣлаю что хочу, занимаюсь цѣлый день разными работами по дому, въ саду, отдѣлываю дорогу въ паркѣ, пишу инструкціи управляющимъ, хожу и верхомъ ѣзжу весьма много;—однимъ

словомъ, недовольно нахожу времени для занятій и, конечно, никогда праздненъ не буду. Часто вспоминаю о васъ, и какъ скоро удосужусь, то поѣду въ вашу подмосковную посмотрѣть. Признаюсь, удерживаютъ меня также весьма много всѣ здѣшнія дороги; я съ рода не видывалъ такихъ, каковы со всѣхъ сторонъ вокругъ Москвы; нельзя себѣ вообразить до какой степени онѣ дурны: я сюда изъ Москвы пріѣхалъ верхомъ и то мѣстами было трудно проѣхать. Правда, что безпрерывные дожди тому также много причиною, вездѣ были большія наводненія, много плотинъ и мельницъ посорвано, надѣлавъ симъ весьма много убытка, а у насъ въ саду только перепортило много дорогъ, которыя теперь привожу въ порядокъ. Сдѣлайте одолженіе, любезный другъ, пришлите мнѣ по возможности къ первымъ числамъ августа на сѣмена четверь хорошей вазовской ржи и также овса, называемаго многоплоднымъ. Еще совѣтывалъ бы вамъ одного изъ вашихъ собственныхъ людей, который потолковѣе, приказать выучить какъ въ Финляндіи дѣлаютъ дороги. Мнѣ въ Петербургѣ далъ подполковникъ Лихардовъ описаніе, какъ ихъ тамъ дѣлаютъ, но совсѣмъ тѣмъ гораздо бы лучше было, ежели бы былъ здѣсь въ краю такой человѣкъ, который бы самъ въ Финляндіи симъ занимался, а для здѣшнихъ мѣстъ сіе весьма нужно. Здѣсь мнѣ говорили, что затруднительно имѣть хряща, но я его отыскалъ очень много, и у нихъ подъ глазами теперь выкапываю и вывожу на дороги. Здоровье мое, благодаря Бога, поправляется и сею жизнію надѣюсь совсѣмъ поправить. Въ Москвѣ принятъ я былъ отмѣнно публикою, и ежели бы не уѣхалъ сюда, то я думаю замучили бы обѣдами. Жена моя еще не пріѣхала, но полагаю теперь уже въ дорогѣ и чрезъ нѣдѣлю должна быть здѣсь. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу (передать?) мое почтеніе и желаю вамъ отъ всей души совершеннаго здоровья; сожалѣю, что мы не вмѣстѣ проводимъ время. Князь Меншиковъ очень похудѣлъ и уѣхалъ въ Крымъ, а бригадира еще нѣтъ, ожидаютъ каждый день. Прощайте, прошу продолжать дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

73.

29-го іюня 1824 г. Суханово.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Вазы отъ 13-го іюня и за поздравленіе; сердечно сожалѣю, что не получили моего письма, которое я писалъ

предъ отъѣздомъ; надѣюсь, что предъ симъ отсюда уже писанное и посланное чрезъ Булгакова дойдетъ до васъ вѣрнѣе. Мнѣ весьма прискорбно, что вы хотя минуту могли подумать, что я къ вамъ перемѣнился. Повѣрьте, любезный другъ, что я не изъ тѣхъ людей, кои такъ легко могутъ мѣняться: когда я кого истинно полюблю, какъ васъ, то уже сіе навсегда. Теперь скажу вамъ о себѣ, что я, благодаря Бога и тетушку, которая для меня все сдѣлала, живу весьма спокойно и счастливо, какъ съ роду еще не живалъ, только здоровье мое не совсѣмъ еще хорошо, боюсь не отъ большаго-ли уже насилія къ упражненіямъ, потому что я почти цѣлый день въ ходьбѣ и движеніи по хозяйственнымъ дѣламъ, кои меня точно такъ занимаютъ, какъ бывало казенныя; одно утѣшеніе, что нѣтъ той отвѣтственности и никто никуда не торопитъ, а вы знаете какъ я сіе ненавижу. Бригадира все еще здѣсь нѣтъ, также и жена моя еще не пріѣхала; ожидалъ было сегодня, но видно дурныя дороги ее гдѣ-либо задержали. Тетушка свидѣтельствуетъ вамъ и Аграфенѣ Федоровнѣ свое почтеніе, которое прошу ей сказать и отъ меня. Затѣмъ прошу о продолженіи дружбы вашей къ тому, который васъ искренно любитъ и уважаетъ навсегда.

74.

11-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

Извините, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что замедлилъ отвѣтомъ на пріятное письмо ваше ко мнѣ отъ 21-го октября, за которое благодарю васъ премного и чувствительно сожалѣю, что здоровье ваше все плохо поправляется, а мы всѣ здѣсь находимся еще въ унынiи отъ ужаснѣйшаго бѣдствія, бывшаго 7-го числа сего мѣсяца отъ наводненія столь внезапнаго, что едва могли спасаться; весьма еще счастливо что случилось днемъ, а не ночью. Вода по всѣмъ улицамъ была гораздо выше роста человѣческаго. Нижніе этажи и погреба всѣ были наполнены водою; въ Коломнѣ, въ Галерномъ портѣ и по Петергофской дорогѣ снесло совсѣмъ очень много домовъ и жителей погибло очень много. На одномъ чугунномъ заводѣ у Кларка 145 человѣкъ! Мосты всѣ на Невѣ и многіе на каналахъ посорвало; барокъ и разныхъ судовъ разнесло по всѣмъ улицамъ премножество. Однимъ словомъ, картина была преужасная видѣть утопающихъ и не имѣть средства подать помощи по малости судовъ и по сильному шторму. Вода прибывала съ удивительною скоростію до двухъ часовъ пополудни,

потомъ начала сбывать и въ 9 часовъ вечера сбыла уже со многихъ улицъ. Только на другой день было можно судить о всѣхъ несчастіяхъ, происшедшихъ отъ сего бѣдствія. Кронштадтъ и Петергофъ весьма много потерпѣли; изъ другихъ же мѣстъ еще нѣтъ свѣдѣній. Можетъ быть и вы въ томъ же положеніи находились; съ нетерпѣніемъ ожидать буду и отъ васъ извѣстія. Государь изволилъ учредить для пособія потерпѣвшимъ отъ наводненія особенный комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина и пожаловалъ милліонъ рублей на предварительное вспоможеніе.

По пріѣздѣ Его Величества изъ вояжа, угодно было ему, чтобы я опять принялъ тѣ же дѣла и безъ всякаго титла, а между тѣмъ на сихъ дняхъ назначилъ меня ѣхать въ Парижъ посломъ съ поздравленіемъ короля, что я принялъ съ большою благодарностію, потому что случай сей дозволяетъ мнѣ удовольствіе видѣть еще разъ дѣтей своихъ и даже взять старшаго оттуда для опредѣленія на службу по иностранной части. Къ этому же именно сказано, что торопиться некуда, а мнѣ то и надобно. И такъ, любезный другъ, дней чрезъ 10 или 12 я опять пущусь въ путь; желаю только, чтобы оный, хотя немного установился, дабы можно было спокойнѣе ѣхать. Давайте коммисіи въ Парижѣ. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе, и также нѣтъ-ли коммисій. Жена и дочь моя вамъ и ей кланяются. Тетушкины дѣла идутъ очень худо, доходовъ ни отъ куда не присылаютъ, а долги ежедневно открываю вновь, такъ что не знаю что мнѣ и дѣлать, одна надежда на любезнаго нашего Булгакова, что̀ пособитъ въ семъ горѣ, особливо по случаю моего отсутствія. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ добраго здоровья и благополучія и прошу меня не забывать душевно васъ почитающаго.

75.

13-го (25-го) марта 1825 г. Парижъ.

Пріятное письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 16-го февраля изъ Петербурга получилъ, и чувствительно благодарю. До полученія онаго извѣстенъ уже я былъ о намѣреніи вашемъ оставить службу и о рескриптѣ вамъ данномъ; желаю сердечно, чтобы финляндскій климатъ не дѣйствовалъ на ваше здоровье и не препятствовалъ вамъ продолжать службу, въ которой вы столь полезны.

Мое здоровье, слава Богу, хорошо и на покоѣ надѣюсь совсѣмъ

поправиться. Знакомыхъ здѣсь нашелъ много и всѣми вообще принятъ хорошо и съ уваженіемъ. Домъ взялъ очень хорошій и устроилъ какъ по званію моему слѣдуетъ. На сихъ дняхъ давалъ большой обѣдъ всѣмъ посламъ, министрамъ и главнымъ здѣшнимъ чинамъ. Все было весьма удачно и отлично. Дѣтей своихъ вижу въ свободные отъ классовъ дни и доволенъ ими, надѣюсь будутъ хорошими людьми и добрыми слугами Государю.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе и поблагодарить за довѣренность избраніемъ меня своимъ коммиссіонеромъ; прошу, чтобы всегда располагала мною какъ угодно. Часть порученій ея исполнилъ и при семъ посылаю при особой запискѣ. Касательно чепцовъ изъ цвѣтнаго флера остановился, потому что таковыхъ здѣсь не носятъ и не дѣлаютъ; развѣ непремѣнно она сего пожелаетъ, то прошу написать и тогда ихъ нарочно закажу, и прибавить съ цвѣтами-ли, или безъ цвѣтовъ. До тѣхъ же поръ рѣшился взять наудачу у славнаго г. Гербо самомоднѣйшіе и нарядньйшіе два чепца; надѣюсь, что понравятся, потому что берутъ ихъ на расхватъ, такъ что пока выбиралъ оные, то шесть другихъ купили. Также прошу увѣдомить нужны-ли послѣ сего еще два блондовые чепчика. Чулокъ шелковыхъ посылаю самыхъ лучшихъ дюжину, а другихъ рѣшился взять модныхъ, каковыхъ у насъ мало еще знаютъ, *en fil d'écosse*— ежели за симъ еще нужно будетъ чулокъ, то прошу увѣдомить и какихъ именно. Деньги же заплаченныя за сіи вещи прошу отдать Константину Яковлевичу Булгакову.

Поздравляю васъ, любезный другъ, съ наступающимъ праздникомъ Св. Пасхи, желаю весело въ добромъ здоровьѣ проводить оный и продолжать дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

Есть-ли слухи о братѣ Алексѣѣ, здоровъ-ли и что дѣлаетъ?

76.

14-го (26-го) іюня 1825 г. Парижъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 24-го апрѣля (6-го мая) изъ Гельсингфорса получилъ, чувствительно благодарю и очень радъ, что угодилъ исполненіемъ коммиссій Аграфенѣ Федоровнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почте-

ніе. Деньги отъ Булгакова исправно получилъ. Я ему чрезмѣрно обязанъ за труды его по моимъ дѣламъ: безъ него мнѣ весьма бы было трудно по множеству долговъ и безпорядка въ дѣлахъ. Здоровье мое изрядно, однако изрѣдка показываются чирья, почему и располагаю на возвратномъ пути воспользоваться еще нѣсколькими ваннами въ Баденъ-Баденѣ, а оттуда поѣду чрезъ Вирцбургъ, Карлсбадъ, гдѣ также остановлюсь нѣсколько дней, чтобъ видѣться съ Цесаревичемъ, который сказываютъ туда ѣдетъ для княгини Ловичевой, потомъ чрезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, куда буду не прежде 10-го августа нашего стиля, потому что слѣдую своему правилу: куда торопиться? Крайне сожалѣю, любезный другъ, что здоровье ваше плохо, и что ваши занятія имѣютъ такое вліяніе на здоровье; желаю, однако, чтобы оное совершенно возстановилось. О бывшей коронаціи ничего къ вамъ не пишу, потому что вамъ все сіе извѣстно изъ газетъ. Церемонія была весьма великолѣпна и праздниковъ много, но сіи меня не удивляютъ, потому что не могутъ никакъ равняться съ нашими. Къ тому же чрезвычайные жары весьма непріятны для столь многолюдныхъ собраній и я никакъ не сожалѣю оставить Парижъ, который начинаетъ уже мнѣ надоѣдать.

Я располагаю отправиться отсюда 18-го (30-го) сего мѣсяца и беру съ собою старшаго сына для начатія службы въ Россіи. Денегъ издержалъ довольно, но, однако, не чрезмѣрно, жилъ какъ должно по моему званію, но не бросалъ понапрасну и даже удивилъ многихъ умѣренною издержкою, которая для меня, однако, кажется значительною, потому что употреблена изъ казенныхъ денегъ, издержка коихъ для меня всегда непріятна, дабы не навлечь нареканій отъ людей, особенно ко мнѣ недоброжелательныхъ, но въ семъ случаѣ поневолѣ не могъ дѣлать иначе.

Искренно благодарю васъ и Аграфену Федоровну за поздравленіе съ моимъ рожденіемъ и за ваши мнѣ желанія.

Слышу, что дворъ собирается провести зиму въ Москвѣ; сіе извѣстіе меня утѣшаетъ, потому что могу опять пожить въ Сухановѣ и заняться строеніями и садами.

Душевно желаю, чтобы путешествіе ваше по Финляндіи кончили благополучно и пріятно. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и сохраняйте дружбу (вашу) къ тому, который васъ любитъ и почитаетъ душевно.

77.

14-го августа 1825 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 22-го іюля получилъ по пріѣздѣ моемъ сюда 11-го сего мѣсяца и чувствительно васъ за оное благодарю. Сожалѣю только, что здоровье ваше худо поправляется и что труды ваши разстроиваютъ его болѣе.

Ѣхавъ сюда услышалъ я дорогою, что Государь намѣревается ѣхать внутрь Россіи; я сдѣлалъ было для себя проектъ съѣздить и пожить во время его отсутствія въ Сухановѣ, но не тутъ-то было, всѣ мои проекты упали какъ въ воду, ибо по пріѣздѣ моемъ сюда узналъ, что здоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны требуетъ лучшаго климата для зимы и что для сего доктора избрали ей для зимы въ жилище Таганрогъ, куда Государь изволитъ ѣхать 1-го сентября напередъ для обозрѣнія сего мѣста и устройства жилища для Императрицы, которая отправится туда 3-го сентября, а я назначенъ для ея сопровожденія во все время тамъ ея пребыванія. Признаюсь вамъ, любезный другъ, что я сего никакъ не ожидалъ, и едва только пріѣхалъ, какъ уже опять долженъ отправиться за двѣ тысячи верстъ, покинуть все семейство и разстроенныя дѣла, жить въ уединеніи, почти какъ въ ссылкѣ, имѣя весьма большую отвѣтственность, особенно по болѣзненному состоянію Императрицы. Случай сей столь деликатенъ, что я почелъ невозможнымъ отказаться отъ сего предложенія и тѣмъ показать еще болѣе мою преданность и привязанность къ особѣ Его Величества, хотя сіе меня весьма разстроиваетъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ и лишаюсь быть въ семействѣ, особенно въ такое время, когда лѣта дочери требуютъ ея устройства и вступленіе въ службу сына, долженъ все оставить и ѣхать въ пустыню за двѣ тысячи верстъ. Дай Богъ только, чтобы путешествіе сіе было въ пользу для здоровья Ея Величества. Признаюсь, не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ совершеннаго здоровья. Богъ знаетъ, гдѣ и когда съ вами увидимся, между тѣмъ, пожалѣйте о мнѣ пустынникѣ и продолжайте дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе. Я привезъ для нея чепчикъ изъ Парижа, который болѣе года лежалъ въ канцеляріи посольства; я отдалъ его Булгакову для доставленія къ вамъ.

78.

1-го сентября 1825 г. С.-Петербургъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 27-го августа, и не хотѣлъ оставить Петербурга безъ того, чтобъ вамъ еще не написать нѣсколько строкъ. По письму вашему къ Булгакову я имѣлъ случай напомнить Царю о вашемъ желаніи, которое принято было очень хорошо и обѣщано было объясниться съ матушкою, но послѣ того мнѣ ничего не сказано, а завтра постараюсь развѣдать у Вилламова и чрезъ Булгакова извѣщу, что узнаю. Государь сего утра въ 3 часа уѣхалъ въ Таганрогъ отсюда, а мы ѣдемъ послѣ завтра изъ Царскаго Села. Дай Богъ, чтобы погода постояла хорошая и чтобы благополучно окончить путешествіе. Я совсѣмъ не радъ ночевать у Змѣя (Аракчеева), котораго по счастію тамъ не будетъ, а здѣсь видѣлъ его только издали; дай Богъ, чтобы намъ никогда съ нимъ нигдѣ не сходиться. У брата Алексѣя (Ермолова) были бѣды съ Лисаневичемъ и Грековымъ, коихъ по неосторожности Лисаневича аксайцы обоихъ зарѣзали на переговорахъ. Я воображаю себѣ брата Алексѣя въ какомъ онъ былъ положеніи, когда о семъ узналъ. Братъ Михайла (графъ Воронцовъ) говорятъ очень болѣнъ и даже доктора боятся за него, что ѣдетъ въ Англію, а не въ Италію.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ добраго здоровья и не забывайте таганрогскаго пустынника вамъ душою и сердцемъ преданнаго.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое всеусерднѣйшее почтеніе. Мои всѣ вамъ и ей кланяются.

79.

8-го октября 1825 г. Таганрогъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Гельсингфорса отъ 12-го сентября и весьма сожалѣю, что желаніе ваше не исполнилось, и что меня надули, хотя сіе не совсѣмъ деликатно и можно бы кажется было уважить наши съ вами прежніе труды; но, къ сожалѣнію, не всѣ такъ чувствуютъ.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ мы здѣсь живемъ, какъ въ монастырѣ. Въ климатѣ нѣтъ ни малѣйшей разницы съ петербургскимъ, также

холодно, сыро; сверхъ того грязь преужасная, что поневолѣ должно сидѣть дома. Къ тому же дома постройкою не отличаются и вотъ уже болѣе недѣли какъ я живу у Вилліе, потому что у меня чуть не сдѣлался пожаръ отъ худыхъ печей, которыя теперь вновь перекладываютъ. Скука смертельная, одна отрада, въ ясные дни хожу на охоту, а по вечерамъ бываю у брата Михайлы, который здѣсь съ женою, и хотя онъ уже въ Англію не поѣдетъ, но все оставитъ насъ на нѣсколько мѣсяцевъ, бывъ обязанъ ѣхать въ Одессу и Кишиневъ, тогда уже мы совершенно будемъ какъ въ монастырѣ. Здоровье брата Михайлы, кажется, лучше, но все еще весьма худъ. Съ графинею по вечерамъ играемъ въ вистъ, чего я съ роду никогда не дѣлалъ, равно и она только здѣсь начала играть. Можете себѣ представить каковы мы сошлись игроки; лучшій изъ насъ Лонгиновъ, потомъ братъ Михайла, все по крайней мѣрѣ видимъ хоть человѣческія лица и говоримъ; но что будетъ какъ они уѣдутъ? Государь 11-го числа ѣдетъ въ Новочеркаскъ на 4 дня и 15-го возвратится; потомъ собирается съѣздить также на нѣсколько дней въ Крымъ, ежели погода будетъ хороша. Здоровье Императрицы идетъ хорошо, покой въ которомъ она находится приноситъ кажется ей пользу. Дай Богъ, чтобъ она совершенно поправилась и чтобъ мы могли скорѣй избавиться сего прекраснаго края.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу сказать мое усердное почтеніе.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ искренно добраго здоровья и прошу не забывать таганрогскаго пустынника, васъ истинно любящаго.

80.

21-го ноября 1825 г. Таганрогъ.

Ужаснѣйшее бѣдствіе насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отнимаетъ у меня силы къ изъясненію скорби и сокрушенія мною ощущаемыхъ. 19-го ноября по утру, въ 10-ть часовъ и 50 минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ по случаю кончины обожаемаго Монарха нашего Государя Александра Павловича, послѣ 13-ти-дневной желчной и потомъ обратившейся въ нервическую горячку.

Никому столь не было извѣстно, любезный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ нимъ; легко можете себѣ представить въ какомъ положеніи я нахожусь. Увѣренъ, что и вы равномѣрно печаль сію чувствуете въ той же силѣ,

бывъ столько ему преданы. Во все время болѣзни Государевой я не покидалъ его, ухаживалъ за нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны, и къ несчастію моему всѣ мои труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на насъ гнѣвъ свой, лишивъ насъ столь драгоцѣннаго Монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ его могъ оказать ему послѣдній долгъ.

Теперь бывъ здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу Имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностію доставать самыя необходимыя вещи по сему случаю нужныя, за всякой бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ, распоряжать всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребные для церемоніи, и признаюсь, что ежели бы меня здѣсь не было, не знаю какъ бы сіе пошло, ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала Государя и за нимъ ухаживала, при кончинѣ оказала удивительную твердость. Печаль Свою, по слабому Ея здоровью, переноситъ благодаря Бога хорошо, не знаю что будетъ впослѣдствіи. Я такъ ослабѣлъ, бывъ 13 дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь; имѣю сверхъ того на рукахъ Императрицу и устроеніе церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Императора Константина Павловича, за коимъ послалъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю чѣмъ все кончится и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ отечеству прослуженіемъ тремъ царствованіямъ, можно кажется и удалиться, дабы, по крайней мѣрѣ, имѣть время заняться собственными дѣлами, кои весьма въ худомъ положеніи, ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать объ оныхъ покойнаго Императора, онъ же самъ никогда не обращалъ на сіе вниманія, слѣдовательно, я остался безъ всего. Теперь не знаю еще на что рѣшится Императрица, которую оставить одну въ семъ положеніи нахожу что грѣшно, но быть удалену отъ своего семейства, при столь худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшился положиться на Бога, который меня никогда не покидалъ, надѣюсь и въ семъ несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю въ какомъ унынiи должна быть столица, особенно Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Я боюсь какъ за нее, такъ и за Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая сколько не крѣпится, но страдаетъ ужасно, отъ удара ея постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событіе несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ мо-

имъ сюда, чувствуя и здѣсь ужаснѣйшую тоску и грусть непомѣрную, кои относилъ всегда на счетъ скуки и недостатка въ обществѣ и никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе. Проклятый змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею *) и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни Государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду-ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и Государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ-ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ и неужели совѣсть его не убьетъ, но хотя бы сіе и случилось, не воротить уже несчастія постигшаго Россію и всѣхъ насъ истинно преданныхъ Государю. Благодарю васъ за письмо ваше отъ 31-го октября, и весьма сожалѣю о вашемъ нездоровьѣ, пора вамъ приняться за леченіе, теперь болѣе нежели когда можемъ надѣяться, что удастся намъ пожить въ сосѣдствѣ и заниматься хозяйствомъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе

Прощайте, любезный другъ, что-то съ нами будетъ!!! Желаю вамъ здоровья и прошу быть увѣрену въ совершенной моей къ вамъ дружбѣ.

81.

7-го января 1826 г. Таганрогъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 10-го декабря изъ Гельсингфорса получилъ, чувствительно благодарю, и очень понимаю въ какомъ ужасномъ положеніи должны были находиться, получивъ извѣстіе о бѣдствіи насъ постигшемъ. Меня оно такъ разстроило, что здоровье мое едва начинаетъ поправляться. Грусть и скука здѣшней жизни также не мало тому причиною. По счастію, что жена съ дочерью сюда пріѣхали, безъ нихъ, я думаю, что я бы сошелъ съума, съ печали и тоски. Мы живемъ совершенно какъ въ деревнѣ. По вечерамъ приходитъ къ намъ Лонгиновъ вмѣстѣ горевать. Погода стоитъ холодная съ метелями, и гололедица никакъ не позволяетъ выходить изъ дома, хотя

*) Извѣстное происшествіе съ Настасьею Минкиной.

для моціона. Здоровье Императрицы весьма слабо, и потому не позволяетъ никакъ думать объ отъѣздѣ въ сію погоду, но какъ скоро можно будетъ пуститься въ путь, то поѣдемъ къ Москвѣ, гдѣ Императрица имѣетъ намѣреніе поселиться въ какой-нибудь подмосковной; что для меня непротивно, ибо сближаетъ меня съ Сухановымъ и моими собственными дѣлами, которыя находятся въ весьма худомъ положеніи, о чемъ можетъ вамъ сказать общій нашъ другъ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, и ежели бы не онъ, то я думаю, что я давно бы отступился отъ всего. Теперь по необходимости долженъ еще продолжать тянуть, ибо нахожу неприличнымъ и невозможнымъ покинуть несчастную вдову, которую покойникъ мнѣ поручилъ, и которая столь ко мнѣ милостива. Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ С.-Петербурга, что вамъ дали орденъ Св. Александра Невскаго. Не могу описать, любезный другъ, сколько сіе извѣстіе меня обрадовало, примите искренное мое поздравленіе; я надѣюсь, что Государь Императоръ, зная лично усердную службу вашу, не оставитъ никогда отдавать вамъ полную справедливость, и не позволитъ злымъ людямъ вредить тѣмъ, кои служатъ ему вѣрно и безъ всякихъ видовъ.

Змѣй, говорятъ, сидитъ въ своей конурѣ и дѣлами уже не занимается, въ чемъ я ни мало не сомнѣвался, ибо весьма бы странно было, и даже полагаю неприлично оставить такого изверга послѣ гнуснѣйшаго его поступка противу покойнаго Государя, который непрестанно его отличалъ своею довѣренностію, о чемъ я всегда соболѣзновалъ, ибо зналъ сего . . . . . недостойнаго пользоваться таковымъ отличіемъ. Время еще болѣе покажетъ всѣ его непстовыя и противозаконныя дѣла. Поздравляю васъ также, любезный другъ, и съ новымъ годомъ, желаю съ онымъ здоровья, которое всего нужнѣе. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе, и также прошу и ее поздравить съ новымъ годомъ и съ вашимъ орденомъ, съ чѣмъ васъ равномѣрно поздравляютъ жена моя и дочь.

Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ и не забывайте любящаго васъ искренно.

82.

Получено 8-го сентября 1830 г.

Любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, отыскавъ сейчасъ привезенный мною изъ Парижа уксусъ предохранительный отъ разныхъ

прилипчивыхъ болѣзней, коимъ должно натирать немного руки, курить въ комнатахъ и поливать или прыскать по полу, посылаю вамъ, мой любезнѣйшій другъ; прошу употреблять оный и сердечно желаю, чтобы оный предохранилъ васъ отъ всѣхъ болѣзней и въ особенности отъ проклятой холеры. Я показывалъ оный сейчасъ Бушу, который полагаетъ, что можетъ принести пользу. Прощайте, желаю благополучнаго пути и скорѣе здоровымъ къ намъ возвратиться.

Весь вашъ кн. *П. Волконскій.*

83.

5-го апрѣля 1835 г. С.-Петербургъ.

Христосъ Воскресе! Любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, отъ искренняго сердца поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ Св. Пасхи, и желаю всѣхъ благъ, а болѣе всего здоровья, которое нахожу всего дороже и пріятнѣе.

Увѣренъ будучи въ дружбѣ вашей, надѣюсь не поскучаете прочитать при семъ прилагаемый отчетъ мой по департаменту удѣловъ, который довольно удовлетворителенъ и не плодовитъ. Если видаетесь съ любезнѣйшимъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, то покажите его и ему, можетъ полюбопытствуетъ пробѣжать оный, и сказать вамъ свое мнѣніе, которое прошу мнѣ сообщить вмѣстѣ съ вашимъ. Теперь у меня прибавилось хлопотъ съ присоединеніемъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ Симбирской губерніи въ удѣлъ. Дай Богъ, чтобы удалось поставить и ихъ наравнѣ съ прочими удѣльными той губерніи крестьянами. Ежели не будетъ какихъ мерзостей отъ земскихъ чиновниковъ и отъ выгнанныхъ изъ службы негодяевъ, то съ помощію Божіею не отчаиваюсь успѣть въ нѣсколько лѣтъ поставить ихъ на желаемую ногу. Прощайте, любезный другъ, прошу принять увѣреніе въ истинной и нелицемѣрной и постоянной моей къ вамъ дружбѣ.

84.

10-го іюня 1848 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Ивановскаго, отъ 5-го сего іюня, и за увѣдомленіе о свадьбѣ Чебышева (желаю имъ счастія и благополучія),

равно и о путешествіи тетушки. Здоровье ее хорошо и благополучно доѣхала до Москвы, о чемъ она ко мнѣ писала уже оттуда, теперь ожидаю изъ Суханова.

Третьяго дня въ Петербургѣ было два случая холеры въ нижнемъ классѣ; приказано брать мѣры осторожности въ пищѣ и устройства въ госпиталяхъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ сей болѣзни. Здоровье мое, благодаря Бога, хорошо. Погода стоитъ свѣжая съ холоднымъ вѣтромъ.

Заграничныя извѣстія все худыя. Въ Берлинѣ вновь было возмущеніе 2-го іюня, изломали рѣшотки около дворца, ворвались въ арсеналъ, взяли 3,000 ружей, подрались съ національною гвардіею. Въ Прагѣ дрались богемцы съ нѣмцами, убили командующаго войсками кн. Вендишгреца на своемъ балконѣ; послѣ войска вышли за городъ и бомбардировали оный; какъ сіи извѣстія получены по телеграфу, то неизвѣстно чѣмъ кончилось. Хорошаго ожидать нечего. У Радецкаго въ Ломбардіи также дѣла идутъ худо, хотя и занялъ онъ Виченцію, но потерялъ Пескіеру. Въ Даніи война продолжается и другъ друга щиплютъ по днямъ. Прощайте, любезнѣйшій другъ, желаю отъ искренняго сердца вамъ совершеннаго здоровья при вашихъ многочисленныхъ занятіяхъ и успѣха въ вашихъ трудахъ и будьте увѣрены въ моей всегдашней преданной дружбѣ.

P. S. Алексѣю Петровичу Ермолову мое истинное почтеніе.

85.

26-го іюня 1848 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Москвы, отъ 20-го іюня, и за книжку о мѣрахъ отъ холеры, которая весьма сильно свирѣпствуетъ въ Петербургѣ и здѣсь; но кажется начинаетъ слабѣть, потому что многіе изъ заболѣвающихъ начинаютъ выздоравливать и смертность противъ заболѣвающихъ уменьшается. Благодарю васъ за извѣстіе о тетушки, которая очень перепугалась смертію ея повара, но пишетъ что здоровье ее хорошо и бережется.

Мои здѣсь всѣ, благодаря Бога, здоровы и я также; беру всѣ мѣры осторожности. Желаю и вамъ, любезнѣйшій другъ, совершеннаго здоровья при всѣхъ вашихъ упражненіяхъ и хлопотахъ по запутаннымъ дѣламъ. Зная ваши усердіе и дѣятельность, увѣренъ, что все приведете въ должный порядокъ.

Вчера пожалованъ военному министру портретъ Его Величества: Шульгинъ произведенъ въ чинъ, а кіевскому Бибикову св. Александра. Не знаю за что!

Заграничныя извѣстія день ото дня хуже. Въ Парижѣ дрались нѣсколько дней, сами не знаютъ за что и за кого; много убитыхъ и раненыхъ. Генералъ Кавеньякъ всѣмъ завѣдывалъ, одержалъ поверхность надъ бунтовщиками и назначенъ президентомъ республики народнымъ собраніемъ, но на долго ли?

Въ Германіи также весьма худо; въ Штутгартѣ войска стали также бунтовать! Въ Берлинѣ и Вѣнѣ ничего хорошаго, живутъ со дня на день. Богъ знаетъ чѣмъ и когда все кончится. Графиню я не вижу, потому что не ѣзжу въ городъ, и сюда не позволяютъ пріѣзжать, почему и своихъ никого давно не видалъ. Прощайте, любезнѣйшій другъ, прошу Бога, чтобы сохранялъ васъ всегда въ добромъ здоровьи, и примите увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

P. S. Алексѣю Петровичу мое искреннее почтеніе.

86.

24-го іюля 1848 г. Петергофъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Москвы отъ 21-го іюля и за увѣдомленіе о представленіи кн. Абамелика; я надѣюсь, что онъ оправдаетъ вашъ выборъ и мою рекомендацію.

Благодаря Бога, холера въ Петербургѣ и здѣсь убавляется и смертность уменьшается, въ особенности если подается помощь при появленіи ея у больнаго; но какъ вы говорите весьма трудно переувѣрить нашъ народъ. Здѣсь надняхъ занемогъ одинъ изъ плотниковъ на строеніи; по приводѣ его немедля въ больницу, никакъ не хотѣлъ принимать лекарствъ, говоря доктору: *выпей самъ, такъ я послѣ выпью*, и сжалъ зубы не слушая никого, хотя тутъ же возлѣ него лежалъ больной его товарищъ выздоравливающій, который какъ его не увѣщевалъ, не успѣлъ его уговорить и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, полагая что доктора ихъ отравляютъ. Здоровье Императорской Фамиліи, слава Богу, хорошо и мое также, берегусь простуды и пищу употребляю самую умѣренную; мало выѣзжаю, тѣмъ болѣе, что и погода не позволяетъ много выѣзжать — почти всякій день дождь идетъ по нѣ-

сколько разъ въ день, и тепла не болѣе 14 градусовъ, а по вечерамъ очень свѣжо.

Благодарю васъ искренно, любезнѣйшій другъ, за посѣщеніе тетушки и за празднованія меня въ Сухановѣ. Весьма сожалѣю о вашихъ заботахъ, берегите ваше здоровье и менѣе сердитесь. Хотя сіе и трудно, что знаю по себѣ и по вашей дѣятельности по службѣ и что вы не любите безпорядковъ, но что дѣлать съ москвичами, они не привыкли къ дѣятельности и любятъ праздность и веселіе. Я всегда говорю, что они служатъ только изъ наградъ, и тогда только, какъ узнаютъ, что ѣдетъ въ Москву Государь. Какъ же скоро онъ выѣдетъ за заставу, то перекрестясь говорятъ: *славу Богу, уѣхалъ*, и тотчасъ мундиръ и штаны долой, надѣваютъ халатъ и закуриваютъ сигарки, растянувшись на диванѣ. Вотъ вся ихъ служба, къ которой мы съ вами не привыкли и потому не можетъ нравиться: но на сіе смотрѣть не надобно; я увѣренъ, что вы все сіе приведете въ порядокъ.

Изъ заграницы извѣстія все неблагопріятныя, кромѣ полученныхъ извѣстій изъ Вѣны, откуда пишутъ, что австрійскій фельдмаршалъ гр. Радецкій разбилъ порядочно піемонтцевъ предъ Сераною и принудилъ ихъ отступать за Минчіо въ большомъ безпорядкѣ, взялъ нѣсколько орудій и довольное число плѣнныхъ, и если воспользуется симъ успѣхомъ, то можетъ еще разбить отдѣльный отрядъ, посланный сардинскимъ королемъ къ обложенію крѣпости Мантуи; но на сіе потребна рѣшимость, которой, какъ вы знаете, у австрійцевъ невсегда бываетъ.

Алексѣю Петровичу приношу мое искреннее почтеніе и сожалѣю о его нездоровьѣ.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, отъ всей души желаю вамъ совершеннаго здоровья и успѣховъ во всѣхъ вашихъ трудахъ, и прошу принять увѣреніе въ искренней моей къ вамъ дружбѣ навсегда.

87.

12-го августа 1848 г. Петергофъ.

Поспѣшаю, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, вновь поблагодарить за избраніе въ адъютанты кн. Абамелика, который назначенъ къ вамъ приказомъ сего 10-го августа; надѣюсь, что онъ будетъ стараться оправдать мою рекомендацію.

Благодаря Бога, болѣзнь у насъ уменьшается, дай Боже, чтобы совсѣмъ прекратилась во всей Россіи.

Мое здоровье, благодаря Бога, довольно хорошо, вчера и третьяго дня былъ въ Ропшѣ на маневрахъ, а послѣ завтра поѣду въ Красное Село, гдѣ въ воскресенье назначается смотръ всего корпуса гвардіи и гренадеровъ, а въ понедѣльникъ въ Петербургъ, для осмотра комнатъ въ Зимнемъ Дворцѣ, приготовляемыхъ для свадьбы, которая назначается въ Александровъ день, то есть, 30-го августа; а 1-го или 2-го сентября дворъ переѣзжаетъ въ Царское Село.

Здѣсь погода стоитъ не постоянная, холодная и почти всякій день дождь мѣшаетъ уборкѣ хлѣба, который въ губерніяхъ, по донесеніямъ, весьма не хорошъ.

По газетамъ извѣстно вамъ, что старикъ фельдмаршалъ Радецкій побилъ сильно піемонтцевъ, выгналъ изъ Ломбардіи и занялъ Миланъ. Государь послалъ ему, съ генералъ-маіоромъ Ефимовичемъ, орденъ св. Георгія 1-й степени. Онъ свое дѣло сдѣлалъ отлично. Дай Богъ, чтобы успѣлъ возстановить нарушенный вольнодумцами порядокъ, и тѣмъ показалъ бы другимъ, какъ должно съ ними поступать.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, искренно желаю вамъ совершеннаго здоровья и прошу быть увѣрену въ истинной моей всегдашней дружбѣ.

P. S. Прошу прилагаемое письмо приказать доставить къ тетушкѣ.

88.

1-го іюля 1849 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 26-го іюня изъ Москвы и за поздравленіе съ именинами со всѣми желаніями вашими.

Благодарю васъ также, что не оставляете тетушку своими посѣщеніями; она была нездорова желчью, но я полагаю, не отъ неосторожности-ли въ пищѣ?

Хорошо дѣлаете, что пользуетесь водами; но только съ употребленіемъ ихъ сердиться не должно.

Понимаю весьма, что трудно вамъ теперь отлучаться въ такое смутное время, которое требуетъ внимательнаго присмотра за шалунами, которые становятся болѣе нежели шалуны. Государь вчера послѣ обѣда сюрпризомъ прибылъ сюда въ тележкѣ по-фельдъегерски, потому что коляска его изломалась за 200 верстъ отсюда. Слава Богу здоровъ, но 9-го іюля возвращается въ Варшаву. Сказываетъ, что дѣла въ арміи

идутъ хорошо, что венгерцы бѣгутъ, лишь только казаки наши появляются, и оставляютъ города и позиціи безъ боя. Армія наша идетъ на Пештъ, который, по полученнымъ сегодня послѣ обѣда извѣстіямъ, венгерцы оставили и соединяются всѣ у Коморна. Я опасаюсь, чтобы они до прихода нашей арміи не напали на австрійцевъ, которыхъ близъ *Раба* выкупила наша артиллерія дивизіи ген.-адъютанта Панютина.

Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревною отправляются послѣ завтра въ Ревель, откуда наслѣдникъ отправится прямо къ своей командѣ въ Гродно. По отсутствіи Его Высочества и Государя, управленіе здѣсь всѣми дѣлами возлагается на особенную секретную коммиссію, подъ моимъ предсѣдательствомъ и членами: кн. Чернышевымъ—по военной части и гр. Блудовымъ—по гражданской. Помоги Богъ мнѣ на старости и по слабости силъ управиться, ибо и безъ того я довольно замученъ и пора бы все оставить.

Холера здѣсь ежедневно прибавляется, вчера всего больныхъ было болѣе 200 человѣкъ, а въ арміи до 5 тысячъ, умерло болѣе 1,400 человѣкъ—стоитъ большаго сраженія. Желательно бы, что война сія скорѣе кончилась.

Прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и поздравить ее съ прошедшими именинами. Желаю вамъ, любезнѣйшій другъ, совершеннаго здоровья, и прошу принять увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

P. S. Алексѣю Петровичу мое усердное почтеніе.

89.

20-го августа 1849 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Ивановскаго отъ 14-го августа, и сердечно радуюсь, что воды вамъ принесли пользу; но послѣ нихъ надобно нѣсколько времени отдыха; зная же вашу дѣятельность, я опасаюсь, чтобъ вы не забыли леченія и не принялись слишкомъ за дѣла, кои не всегда пріятны и тѣмъ хорошее дѣйствіе водъ уменьшится.

Благодаря Бога, дѣла наши кончились славно и какъ нельзя было ожидать. Великъ россійскій Богъ, а кн. Варшавскій счастливъ; войска наши возвращаются всѣ домой на прежнія мѣста, равно и гвардія.

Я ожидаю Государя сюда сегодня или завтра, и очень буду радъ сдать ему всѣ дѣла, которыми довольно мучаюсь.

Вамъ, полагаю, извѣстно несчастное приключеніе съ добрымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, у котораго параличомъ отняло движеніе всей правой стороны и языка, съ большимъ трудомъ произноситъ слова. По сегодняшнимъ извѣстіямъ, по телеграфу полученнымъ, здоровье Его Высочества въ одномъ положеніи и не выходитъ изъ опасности, что весьма огорчаетъ Государя. Я его очень жалѣю, потому что онъ всегда былъ ко мнѣ милостивъ, и еще за день до сего приключенія писалъ ко мнѣ весьма милостиво.

Гвардія и гренадерскій корпусъ поручены на время болѣзни Его Высочества Цесаревичу, а прочія всѣ дѣла, по кадетскимъ корпусамъ, по артиллеріи и по инженерному корпусу военному министру, которому довольно дѣла и безъ того.

Сынъ мой, кн. Дмитрій, мнѣ сказывалъ, что онъ къ вамъ писалъ о кончинѣ графини Нессельроде отъ апоплексическаго удара на водахъ въ Гастейнѣ. Графъ очень огорченъ. Кн. Варшавскій получилъ отъ австрійскаго императора орденъ Маріи Терезіи 1-го класса. Холера въ Петербургѣ понемногу начала уменьшаться; но у васъ и въ другихъ разныхъ губерніяхъ вновь показалась. Божіе наказаніе и Богъ знаетъ избавимся-ли ее когда?

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и принять увѣреніе въ истинной моей дружбѣ и преданности.

90.

8-го сентября 1849 г. Петергофъ.

Искренно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Москвы отъ 2-го сентября, и съ вами сердечно раздѣляю горесть отъ потери добрѣйшаго великаго князя Михаила Павловича, который всегда осыпалъ насъ съ вами милостію и добрымъ расположеніемъ. За день до случившагося съ нимъ приключенія писалъ ко мнѣ премилостивое письмо. Государь весьма разстроенъ и огорченъ сею жестокою потерею брата и истиннаго друга. Хотя съ пріѣздомъ Его Величества я немного облегченъ, но все довольно остается мученія, которое портитъ и уноситъ здоровье; пора, любезный другъ, все оставить и удалиться отъ всѣхъ дѣлъ. Теперь есть кѣмъ замѣнить. Прослуживъ 57 лѣтъ, могу смѣло сказать, безпорочно и безъ упреку

можно кажется отойтить, и чего мнѣ ждать? Лучше заранѣе отойтить. Охотниковъ на мое мѣсто много.

Примите, любезнѣйшій другъ, мое искреннее поздравленіе съ будущимъ днемъ вашего рожденія и желаніе вамъ совершеннаго здоровья, которое всего дороже на семъ свѣтѣ и не принимать такъ къ сердцу воровъ, которыхъ, къ несчастью, столь много разводится, что надобно съ ними поступать по § 7 желтой книжки, для убавленія ихъ числа.

Я сегодня былъ у великой княгини Елены Павловны, которая вчера пріѣхала въ Павловское, съ великою княжною Екатериною Михаиловною; обѣ въ ужасномъ огорченіи. Тѣло покойнаго великаго князя Михаила Павловича привезутъ прямо въ Чесму, 15-го сего сентября, оттуда 16-го повезутъ съ церемоніею въ крѣпость, гдѣ 17-го сентября будетъ погребено. Сегодня былъ здѣсь у меня графъ Нессельроде, который весьма огорченъ потерею жены своей, ожидалъ вчера прибытія тѣла ея, но въ Пруссіи какъ-то опоздало къ отплытію парохода, отчего будетъ позже нѣсколько дней.

Прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и поздравить съ вашимъ рожденіемъ.

Алексѣю Петровичу Ермолову также мое почтеніе.

Холера, благодаря Бога, здѣсь уменьшается. Дай Богъ, чтобы скорѣе прекратилась и не возвращалась.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, будьте здоровы и увѣрены въ моей истинной дружбѣ и отличномъ почтеніи.

91.

12-го декабря 1850 г. С.-Петербургъ.

Получивъ сегодня письмо ваше, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, съ поздравленіемъ производства моего въ генералъ-фельдмаршалы, прошу принять мою наичувствительнѣйшую благодарность, равно и графиню Аграфену Федоровну, за участіе принимаемое по сему случаю.

Признаюсь вамъ, я сего никакъ не ожидалъ и полагалъ, что карьера моя кончилась, какъ вдругъ 5-го числа декабря за фамильнымъ обѣдомъ (къ которому я имѣлъ счастіе быть приглашенъ), во время подачи шампанскаго, Государь, вставъ изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «*позвольте ваша свѣтлость поздравить васъ генералъ-фельд-*

маршаломъ». Меня сіе такъ поразило, что слезы потекли изъ глазъ, принося Его Величеству мою благодарность. Императрица въ слезахъ подошла меня поздравлять, цѣлуя меня нѣсколько разъ, равно и вся Высочайшая фамилія послѣдовала Ея Величеству; таковая милость ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Послѣ обѣда въ гостинной комнатѣ, Государь Императоръ пожаловалъ мнѣ фельдмаршальскіе эполеты, приказавъ тутъ же ихъ надѣть, а 10-го декабря при рескриптѣ препроводилъ мнѣ и фельдмаршальскій жезлъ.

Не могу, любезнѣйшій другъ, умолчать вамъ сколь для меня пріятно, что по разнесшемуся слуху по всему городу, всѣ приняли сіе съ большою радостію и со всѣхъ сторонъ пріѣзжали поздравлять.

Вторично благодарю васъ, любезнѣйшій другъ, и за желаніе мнѣ здоровья, которое всего нужнѣе и прошу принять увѣреніе въ искренней моей всегдашней дружбѣ.

92.

9-го августа 1851 г. Петергофъ.

Любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, поспѣшаю увѣдомить васъ, что Высочайшая фамилія вся, кромѣ великаго князя Константина Николаевича и его супруги, но съ принцами и свитами, отправляется изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ 19-го августа, въ 4 часа пополудни, для чего вся фамилія и принцы пріѣдутъ 18-го числа въ вечеру на желѣзную дорогу и будутъ ночевать въ вагонахъ, дабы съ разсвѣтомъ въ 4 часа отправиться въ путь. Обѣдать предполагаютъ на станціи въ Твери и прибыть въ Москву къ вечеру того же дня.

Вся свита отправится изъ Петербурга въ 7 часовъ и прибудетъ въ Москву тремя часами позже.

Я приказалъ князю Четвертинскому, чтобы къ вечеру 19-го числа онъ былъ самъ на станціи желѣзной дороги въ Москвѣ со всѣми экипажами, какъ для Высочайшей фамиліи, такъ и для принцевъ и для сопровождающихъ по списку особъ и чтобы экипажи стояли у дома станціи по порядку и старшинству, дабы не было суеты. Я прошу васъ, любезнѣйшій другъ, приказать поставить карету для меня назначенную и съ лакеемъ немного впереди, дабы я могъ уѣхать впередъ во дворецъ, для принятія Ихъ Величествъ. Графъ Клейнмихель увѣряетъ, что все будетъ готово. 15-го сего августа будетъ освященіе желѣзной дороги,

послѣ котораго начнется отправленіе войскъ, назначенныхъ въ Москву, потомъ придворныхъ служителей, экипажей и лошадей.

Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно и сердечно радуюсь увидѣться съ вами. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и принять увѣреніе въ истинной моей всегдашней дружбѣ.

93.

1-го іюля 1852 г. Петергофъ.

Приношу мою чувствительнѣйшую благодарность, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за дружеское письмо ваше отъ 27-го іюня и за поздравленіе съ днемъ моихъ именинъ и за всѣ желанія ваши къ моему выздоровленію, равно и за присылку г. медика Осиповскаго, который посѣщалъ меня здѣсь нѣсколько разъ, видѣлъ состояніе моей болѣзни, подробно можетъ вамъ объяснить въ какомъ находится положеніи. Всѣ медики вообще находятъ, что идетъ хорошо; но я, признаюсь, вижу мало хорошаго, потому что страдаю отъ боли почти ежедневно, особенно по ночамъ боль отнимаетъ сонъ, отъ чего и силы ослабѣваютъ. Прежде зимою могъ ходить и даже выѣзжать, теперь же никакъ не могу ступать на больную ногу: первый суставъ пальца уже потерялъ, и, безъ сомнѣнія, отойдетъ и второй. Дай Богъ, чтобы на этомъ остановилось и далѣе не распространялось. Сегодня были всѣ медики въ одно время и остались, кажется, недовольны г. Буяльскимъ, который только что порѣзалъ и не медля уѣхалъ безъ всякаго объясненія и совѣта съ прочими; таковой поступокъ ихъ разсердилъ; но какое же для меня страждущаго, однимъ словомъ, я не знаю, что мнѣ дѣлать и на кого положиться, кромѣ единственно на Бога.

Безсоновъ вручилъ мнѣ отъ васъ гравированный вашъ портретъ, который нахожу довольно сходнымъ и чувствительно благодарю.

Графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое [illegible] почтеніе и Лидинкѣ также.

Повторяю, любезнѣйшій другъ, мою благодарность за всѣ дружескія ваши желанія; прошу принять увѣреніе въ моей неизмѣнной къ вамъ дружбѣ.

II. Письма Арсенія Андреевича (впослѣдствіи графа) Закревскаго къ князю Петру Михайловичу Волконскому.

1820—1830 гг.

94.

19-го октября 1820 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, всѣхъ здѣсь огорчило, но долженъ вамъ сказать, что сему не иная есть причина, какъ совершенное остервененіе противу полковника Шварца, и другихъ побочныхъ причинъ совершенно никакихъ нѣтъ, развѣ военный судъ, назначенный надъ первымъ баталіономъ, не откроетъ-ли чего. Генералъ Васильчиковъ подробно донесетъ съ адъютантомъ своимъ завтра или послѣ завтра о бывшемъ происшествіи. Сей случай, кажется, не имѣетъ никакой связи съ другими полками гвардіи, не менѣе того корпусный командиръ обратитъ особенное вниманіе на всѣ полки, дабы знать все совершенно, что въ оныхъ происходитъ. Знаю, почтеннѣйшій князь, что вы съ Государемъ примите сей случай съ большимъ неудовольствіемъ и весьма справедливо. Но дѣлать нечего, и мѣра взятая съ симъ полкомъ была необходимая, жаль, что при непослушаніи сего полка вчерашняго числа много было нижнихъ чиновъ пьяныхъ, а офицеры не столь были тверды съ нижними чинами, какъ служба въ такихъ случаяхъ требовала. Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

Вы можете вообразить, какіе идутъ толки въ городѣ!

неляхъ, а чтобы мундиры и прочее шилось въ полкахъ, тогда избавились бы переписки о рекрутской одеждѣ дурно сшитой и лишнихъ издержекъ.

Замѣтилъ изъ письма вашего, что Троппау васъ не веселитъ и вы не знаете еще когда къ намъ возвратитесь. Дай Богъ, чтобы все кончилось у васъ хорошо. Бутурлинъ и Шепингъ ѣздили въ Тульчинъ прогуляться и провести время съ Потоцкими, вотъ главная причина ихъ туда поѣздки; занятія у нихъ никакого нѣтъ и во время вояжа Государя симъ воспользовались. Кажется, оба они влюблены въ Потоцкихъ. Волкову писалъ, дабы немедленно прислалъ къ вамъ донесеніе на счетъ таблицъ взаимнаго обученія. Рядовой Бланковъ содержится у меня подъ присмотромъ въ сводномъ баталіонѣ впредь до повелѣнія вашего, о чемъ прежде вамъ уже доносилъ.

Грушенька свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и благодаритъ за память.

Графъ Милорадовичъ требовалъ отъ меня фельдъегеря для отправленія къ Государю съ донесеніемъ, который сего дня и отправляется. Здѣсь много различныхъ толковъ на счетъ бывшаго происшествія въ Семеновскомъ полку, о чемъ доносятъ Государю Милорадовичъ и Васильчиковъ; но долгомъ поставляю васъ увѣдомить, что всякое рѣшеніе, какое Государю угодно будетъ сдѣлать по сему дѣлу, должно оставить до вашего сюда возвращенія, а спѣшить симъ не должно. Сегодня слышалъ поутру, что подкинута какая-то пасквиль ужаснѣйшая на улицѣ, но не могъ еще оной найти, дабы прочитать; завтра ѣду къ Горголи спросить о справедливости сихъ слуховъ. Не оставьте меня увѣдомить въ свое время, когда предполагаете сюда быть и по какому тракту поѣдете.

Будьте, почтеннѣйшій князь, здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

97.

2-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ.

По требованію графа Милорадовича посылаю сегодня къ вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, фельдъегеря съ бумагами отъ него отправленными. Военный судъ надъ 1-мъ баталіономъ Семеновскаго полка продолжается и не прежде долженъ кончиться какъ къ пріѣзду вашему, тогда уже и рѣшите участь всего полка, но прежде на сіе Государю никакъ рѣшаться не слѣдуетъ.

Лазаретъ устроенный въ крѣпости отличный и по сіе время поступило больныхъ 15 человѣкъ и большая часть изъ нихъ въ венерической.

Слуховъ здѣсь различныхъ много, но это ничто иное какъ привычка что-нибудь говорить. Войска Петербургскаго гарнизона исполняютъ свои обязанности хорошо и тихо.

Надняхъ посылаю во всѣ губерніи, съ которыхъ берутся рекруты, фельдъегерей съ распоряженіями о распредѣленіи оныхъ.

Не забудьте меня увѣдомить заблаговременно по какому тракту будете сюда возвращаться.

Будьте здоровы и покойны, чего желаетъ вамъ душевно преданный.

98.

5-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ.

По требованію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича отправлены мною въ Шлиссельбургскую крѣпость съ особыми фельдъегерями, 3-го числа, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1-го баталіона 1-й роты рядовой Дорофей Абрамовъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка 2-го баталіона 5-й роты фельдфебель Кармановъ, 4-го числа лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка роты Его Величества кантенармусъ Петръ Федоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано мною коменданту Плуталову содержать ихъ въ казематахъ порознь и подъ строжайшимъ присмотромъ, такъ чтобы они не имѣли ни съ кѣмъ сношенія и не могли знать, что въ одной крѣпости содержатся. Вчерашняго числа отправленъ туда отъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора чиновникъ для снятія съ сихъ арестантовъ допроса, и съ нимъ депутатомъ съ военной стороны старшій адъютантъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка капитанъ Русановъ. О причинахъ же почему люди сіи отправлены въ крѣпость, графъ Милорадовичъ доноситъ съ симъ фельдъегеремъ подробно Его Величеству. Долгомъ поставляю все сіе довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

99.

19-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ.

Получивъ откровенное письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 4-го ноября, съ равною откровенностію долгомъ счи-

таю подробно на оное отвѣтствовать. Не удивляюсь, что извѣстіе о приключившемся въ Семеновскомъ полку васъ поразило; подобнаго происшествія до сихъ поръ въ россійской арміи не случалось, и конечно, всякій русскій долженъ съ негодованіемъ смотрѣть на оное, тѣмъ болѣе, что сіе случилось въ гвардіи, въ одномъ изъ первыхъ полковъ, гдѣ самъ Государь шефомъ и который долженъ служить примѣромъ для арміи, такъ, какъ кромѣ древности полка, предполагается, что въ ономъ противъ армейскихъ отличнѣе и солдаты и офицеры. По моему мнѣнію, сіи послѣдніе болѣе всего виновны, потому что не показали должной твердости и рѣшимости начальника, которою могли утушить пожаръ при самомъ его началѣ, но еще болѣе потому, что въ семъ полку, какъ мнѣ кажется, было мало дисциплины и офицеры можетъ быть позволяли себѣ иногда передъ фронтомъ показывать неуваженіе и неудовольствіе къ своему полковому командиру, чрезъ что подавали солдату самый дурной примѣръ неуваженія къ начальству, и вотъ главная причина, почему они не умѣли заставить солдатъ повиноваться въ семъ случаѣ. Я не оправдываю и полковыхъ командировъ въ гвардіи: они излишнею деликатностію своею, мнѣ кажется, распустили офицеровъ до того, что они не имѣютъ вовсе уваженія къ начальству. Каждый гвардейскій офицеръ (съ послѣдняго прапорщика начиная) почитаетъ себя въ правѣ разсуждать о всякомъ распоряженіи начальства, осуждать оное и сдѣлавъ свои заключенія по оному развозить по городу съ своими примѣчаніями; по моему мнѣнію, должно бы г.г. генераламъ болѣе обратить вниманія на таковыхъ болтуновъ и изобличенныхъ уже, или болѣе замѣченныхъ наказывать примѣрно выпискою въ армію тѣмъ же чиномъ и объявленіемъ поступка ихъ по всей гвардіи, равно какъ и наказанія за оный понесеннаго. Сіе тѣмъ болѣе полагаю я нужнымъ, что духъ нынѣ царствующій въ Европѣ сильно поражаетъ слабые ихъ умы и заражаетъ ихъ; они напитавшись онымъ первою обязанностію себѣ поставляютъ опорочивать всѣ распоряженія и дѣйствія начальниковъ и объ ономъ говорить во всѣхъ собраніяхъ.

Увѣренъ, что сіе происшествіе васъ еще болѣе трогаетъ, потому что вы сами въ этомъ полку служили; мы всѣ вообще невольно привязываемся болѣе къ мѣсту перваго служенія нашего, что весьма натурально, ибо первое служеніе даетъ всякому дорогу къ службѣ и обыкновенно бываетъ въ молодыхъ лѣтахъ, о коихъ всегда вспоминать пріятно. Но, впрочемъ, будьте увѣрены, почтеннѣйшій князь, что происшествіе, въ Семеновскомъ полку бывшее, совершенно не имѣетъ никакихъ побочныхъ причинъ, какъ только единственно ненависть къ Шварцу.

[illegible] первомъ допросѣ:
[illegible] онъ не знаетъ
[illegible] по-русски
[illegible] должно гово-
[illegible] ваться. Болѣе
[illegible] съ собою
[illegible] лицѣ великаго
[illegible] Они же
[illegible] и приказывали
[illegible] же не слу-
[illegible] они могутъ
[illegible] показываютъ осте-
[illegible] Васильчиковъ самъ
[illegible] въ правѣ
[illegible] который есть
[illegible] бывъ изб-
[illegible] способнымъ къ
[illegible] ему показать
[illegible] здоровье его не
[illegible] онъ мнѣ далъ
[illegible] былъ туда по-
[illegible] ближайшій князь,
[illegible] такого права не
[illegible] Васильчиковъ
[illegible] постановленіями пре-
[illegible] относиться
[illegible] и я не могъ
[illegible] распоряженія.
[illegible] то это со-
[illegible] тому, что бывъ
[illegible] совѣты или
[illegible] совершенно принять
[illegible] сказать если-бъ онъ
[illegible] генерала, образованіемъ
[illegible] предоставляютъ мнѣ власти вмѣ-
[illegible] и всѣ совѣты, которые могъ
[illegible] которые я себѣ въ обя-
[illegible] человѣкъ, присягавшій въ вѣр-
[illegible] не могшій хладнокровно видѣть

таковое неслыханное происшествіе, и какъ человѣкъ, желающій общей пользы и любящій Васильчикова. Вы не ошиблись, что я конечно бы тотчасъ поѣхалъ въ полкъ при первомъ началѣ, если-бъ мнѣ дали знать; но все-таки по описаннымъ мною причинамъ, а не по носимому мною званію. Коль скоро я узналъ, что полкъ вышелъ изъ казармъ, то въ то же время отправился въ гвардейскій штабъ, гдѣ были собраны всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса и на дорогѣ уже встрѣтилъ адъютанта Васильчикова, приглашавшаго меня туда. Распоряженія, которыя сдѣланы и которыя вы находите весьма приличными, были въ то время почти всѣми собравшимися въ штабъ генералами одобрены, но къ удивленію моему вскорѣ послѣ приведенія сего въ исполненіе, сіи же самые генералы, или большая часть изъ нихъ, начали опорачивать, дѣлать свои разсужденія по сему предмету, и съ своими замѣчаніями на счетъ корпуснаго командира и его поступка въ семъ случаѣ распускать по городу нелѣпые толки. Это никакъ несообразно съ носимымъ ими званіемъ, и тѣмъ болѣе дѣлаетъ вредъ, что публика, не зная совершенно сего дѣла, основываясь на разглашеніяхъ отъ такихъ лицъ происходящихъ, приняла оныя и начала много болтать на счетъ сего, согласно таковымъ разглашеніямъ и разумѣется, по привычкѣ, съ немалыми прибавленіями.

Приказъ по арміи отданный удивилъ весь гвардейскій корпусъ и доказалъ имъ благородную твердость Государя, и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость его, что онъ, не взирая, что дѣло шло о любимомъ полку, не могъ оставить безъ должнаго наказанія за безпорядокъ, который долженъ быть всегда чуждъ военному сословію. Это непремѣнно сдѣлаетъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Прочихъ полковъ генералы и офицеры во время сего происшествія оказали свое малодушіе. Нѣкоторые семеновскіе офицеры, которые находились при полку во время происшествія, по моему мнѣнію, не довольно наказаны: переводъ въ армію съ обыкновенными преимуществами не долженъ быть почтенъ за наказаніе, между тѣмъ какъ, я полагаю, они главнѣйшею причиною сего происшествія.

Я думаю и почти увѣренъ, что ни Васильчиковъ, ни Бенкендорфъ не знали о неистовомъ обхожденіи Шварца; они знали только, что его не терпятъ въ полку, но до какой степени и какое изъ этого можетъ произойти послѣдствіе, конечно, никакъ не предполагали. Причина же ненависти къ нему подчиненныхъ началась съ самаго дня назначенія его командиромъ полка. Я полагаю неприличнымъ теперь о нихъ здѣсь

треблять собственныя деньги, Васильчиковъ послалъ уже къ вамъ донесеніе, которое отправлено съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ.

Напрасно обвиняете вы корпуснаго оберъ-аудитора за то, что при производствѣ первоначальнаго слѣдствія допрашивали роту вмѣстѣ, а не по одиночкѣ: онъ въ этомъ не виноватъ. Бенкендорфъ для сего изслѣдованія поѣхалъ въ Семеновскія казармы, куда, по приказанію корпуснаго командира, отправился и оберъ-аудиторъ. По прибытіи его Бенкендорфъ объявилъ ему о случившемся, приказалъ допрашивать роту по одиночкѣ, но едва успѣлъ онъ допросить двухъ или трехъ человѣкъ, какъ приказано ему отобрать показаніе отъ рядоваго той же роты, содержавшагося на полковой гаубтвахтѣ, который наканунѣ былъ наказанъ и по исполненіи онаго немедленно явиться въ штабъ. Слѣдственно оберъ-аудиторъ тутъ ничего не могъ сдѣлать и ни въ чемъ не виноватъ. Притомъ же имѣвши производителемъ слѣдствія непосредственнаго своего начальника, онъ не могъ учить его, тѣмъ болѣе, что начальникъ штаба, по званію своему удостоенный довѣрія высшаго начальства, долженъ уже быть человѣкъ опытный, прозорливый, знающій службу, порядокъ дѣла и слѣдовательно немогущій ничего упустить изъ виду. Имя сего оберъ-аудитора Волковъ.

При производствѣ суда въ крѣпости также допрашивали сперва по одиночкѣ, а потомъ вмѣстѣ и капральствами. Они всѣ прежде еще кажется сговорились ничего не открывать и при всѣхъ допросахъ всѣ показываютъ совершенно одно и тоже. Они до такой степени тверды, что нѣсколько человѣкъ 1-й фузелерной роты, которые показали было, что баталіонъ прежде весь сговорился и которые немедленно были разсажены порознь, коль скоро вторично были призваны къ уличенію другихъ, то объявили, что никогда того не говорили и что не помнятъ даже, чтобъ были призваны къ допросу прежде. Всѣ сіи люди порознь сидѣвшіе сдѣлали одинъ и тотъ же отвѣтъ при вторичномъ допросѣ. Послѣ сего кажется нельзя ожидать, чтобъ была какая либо возможность открыть что-либо чрезъ судъ сей. Допрошенные должны бы были быть отдѣлены отъ тѣхъ, кои не были еще у допроса, но по тѣснотѣ крѣпости сего сдѣлать невозможно. Конечно, было бы гораздо удобнѣе и полезнѣе разсадить ихъ по казематамъ каждаго порознь, но для сего нужно бы было занять очень много крѣпостей, и таковое распоряженіе продолжило бы судъ на безконечное время. Я обращаю на сей судъ особенное вниманіе и для лучшаго производства онаго назначилъ отличнаго оберъ-аудитора, состоящаго при корпусѣ внутренней стражи,

[illegible] способностямъ, честности и знанію [illegible] подчиненности.

[illegible] ваше [illegible] видѣть всѣ [illegible] распоряженія, [illegible] касательно же распредѣленія [illegible] въ точности такъ, какъ вы ко мнѣ писали.

[illegible] отправленіи 2-й батальонъ водою въ Свеаборгъ [illegible] для того, что 2-й батальонъ найденъ [illegible] и слѣдовательно долженъ [illegible] мѣста кромѣ Свеаборга [illegible]. Такъ какъ сія крѣпость окружена водою со всѣхъ сторонъ, [illegible] батальонъ сей не можетъ имѣть ни съ кѣмъ [illegible]ненія. [illegible] особенной, такъ [illegible] увѣдомилъ, что можно [illegible] Свеаборга. [illegible] прибыли уже благополучно [illegible] въ Свеаборгъ, какъ вы [illegible] изъ моего послѣдняго донесенія.

[illegible] о Сазоновѣ [illegible] перваго [illegible] а послѣдняго [illegible] о жестокости Стюрлера, [illegible] теперь [illegible] ничего [illegible].

[illegible] Государя [illegible] на всѣхъ [illegible] впечатлѣніе и пере[illegible] рѣшительными [illegible] справедливостью Государя. [illegible] даже и недовольныхъ теперь [illegible] это произвело дѣйствіе. [illegible] просить сей приказъ, [illegible] горячимъ увѣдомленіемъ, что [illegible] съ нетерпѣніемъ васъ ожидаю [illegible] такого рода случаи сча[illegible] концу. Крайне сожалѣю, что [illegible] похвастать, чтобъ [illegible].

[illegible] равною откровенностію, [illegible] между нами и не было [illegible].

100.

3-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 20-го ноября, вчера мною полученное. Съ прискорбіемъ изъ онаго вижу, что обстоятельства конгресса такъ нерѣшительны, что до сихъ поръ неизвѣстно, когда будетъ ваше возвращеніе къ намъ, коего я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю. Сочинитель бумаги, найденной у унтеръ-офицера Преображенскаго полка, открытъ: это флейщикъ того же полка; о чемъ я уже и доносилъ вамъ съ послѣднимъ фельдъегеремъ. Судъ надъ 1-мъ баталіономъ Семеновскаго полка продолжается; равнымъ образомъ и надъ Шварцомъ уже учрежденъ. Что касается до желанія вашего, чтобы я учредилъ отъ себя военную полицію, то я сего сдѣлать никакъ не могу, не имѣя ни средствъ къ оному, ни людей, которыхъ бы можно употребить на оное. Я писалъ уже вамъ, что, по моему мнѣнію, всего удобнѣе внушить полковымъ командирамъ, чтобы каждый старался завести оную въ своемъ полку; ибо они имѣютъ болѣе къ тому средствъ. При томъ же, если они будутъ имѣть свѣдѣніе о томъ, что въ полку происходитъ, то собственныя ихъ выгоды заставятъ ихъ доносить обо всемъ начальству, дабы оно взяло мѣры къ прекращенію всякаго неустройства, имъ самимъ во вредъ послужить могущаго.

Предписаніе ваше къ смотрителю Кіевскаго военно-сиротскаго отдѣленія отправлено будетъ съ первымъ курьеромъ, который будетъ посланъ въ армію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я и самъ предпишу ему, чтобы онъ при доставленіи ко мнѣ таблицъ увѣдомилъ меня сколько ему таковыхъ нужно; тогда я немедленно отправлю къ нему требуемое количество изъ числа напечатанныхъ для военныхъ поселеній. Я опасаюсь, чтобы генералъ Раевскій не обидѣлся, что предписаніе ваше дано Тельшевскому мимо его, такъ какъ ему поручено имѣть особенное попеченіе о семъ отдѣленіи и котораго Тельшевскій отъ него скрыть не можетъ и не скроетъ.

Нетерпѣливо ожидаю прибытія Ф. П. Уварова, чтобы имѣть подробное свѣдѣніе о вашемъ препровожденіи времени, которое по письмамъ вашимъ должно быть такъ скучно.

По полученіи высочайшаго повелѣнія о Семеновскомъ полку всѣ офицеры и нижніе чины нами отправлены уже по назначенію. Здѣсь же оставлены ротные командиры 1-го баталіона до тѣхъ поръ, пока будетъ

продолжаться судъ надъ нижними чинами сего баталіона, такъ какъ можетъ быть по дѣлу и отъ нихъ нужны будутъ какія-либо свѣдѣнія. Полковникъ Казнаковъ оставленъ здѣсь для приведенія въ ясность артельныхъ денегъ и въ порядокъ аммуниціи и прочаго. Офицеры же 1-го баталіона частію уже мною отправлены къ полкамъ, а остальные въ непродолжительномъ времени также отправятся. Сверхъ того оставлены подпрапорщики впредь до разрѣшенія на представленіе Васильчикова къ вамъ посланное, что они не могли имѣть въ семъ происшествіи никакого участія, а между тѣмъ, потерпятъ жестокое наказаніе, будучи переведены въ армію тѣми же чинами, такъ какъ большая часть изъ нихъ довольно долгое время служатъ въ настоящемъ званіи. При семъ долгомъ считаю сообщить вновь мое мнѣніе, что я полагаю весьма полезно бы было поспѣшить сформированіемъ вновь Семеновскаго полка, потому что большая часть офицеровъ и генераловъ гвардейскихъ предполагаютъ, что Государь имѣетъ намѣреніе простить наказанныхъ и возвратить ихъ въ полкъ, что отъ того оный и не формируется вновь. Нижніе же чины гвардейскихъ полковъ полагаютъ это вѣрнымъ; между тѣмъ, какъ скорое формированіе полка увѣрило ихъ въ противномъ и прекратило бы всѣ недоумѣнія и различные толки по сему предмету продолжающіеся. Для снабженія онаго офицерами избрать изъ каждой дивизіи извѣстное число отличнѣйшихъ офицеровъ, по заслугамъ военнымъ, по знанію фронтовой службы и по поведенію. Изъ гвардейскихъ же полковъ не назначать въ оный ни одного офицера, ибо вся гвардія, можно сказать, наполнена слишкомъ молодыми и недовольно служившими офицерами, которые не могутъ дать надлежащаго духа повиновенія сему полку, который можетъ современемъ доведенъ быть сими еще неизбалованными и неимѣющими никакой протекціи офицерами до того, что можетъ служить примѣромъ прочимъ полкамъ гвардейскимъ въ порядкѣ и военной дисциплинѣ столь необходимо нужной теперь въ гвардіи.

Сюда прибылъ состоящій по арміи генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ, который по разстроенному здоровью своему не можетъ продолжать военной службы и желаетъ быть опредѣленнымъ въ губернаторы. Онъ всегда служилъ отлично и по способностямъ своимъ можетъ быть отличный губернаторъ, тѣмъ болѣе, что получилъ хорошее воспитаніе и имѣетъ достаточное состояніе. Весьма полезно бы было, сходно его желанію, помѣстить его въ Смоленскъ, гдѣ съ давняго времени не отлично управляетъ губерніею баронъ Ашъ, чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ при начатіи кампаніи 1812 года, и который, кажется, наконецъ и самъ желаетъ оставить сію должность.

О причинахъ почему остановлено производство жалованья генералу Брозину, я требую свѣдѣнія, по полученіи коего не замедлю къ вамъ оное доставить. Памятная книжка на 1821 годъ будетъ перепечатана по вашему желанію съ нѣкоторыми прибавленіями и по изготовленіи оную къ вамъ доставлю.

Здоровье мое съ нѣкотораго времени чувствительно разстроилось. Почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца меня мучили головныя бо́ли. Медики не могли ихъ прекратить лекарствами, которыми долго меня мучили, рѣшились, наконецъ, пустить мнѣ кровь изъ руки; третьяго дня сіе было исполнено, но облегченіе чувствую весьма небольшое. Не страшитесь однако же, почтеннѣйшій князь, за дѣла наши: они идутъ своимъ порядкомъ и отъ болѣзни моей не потерпятъ ни малѣйшаго упущенія, покуда не истощатся совершенно силы мои. Аграфена Федоровна чувствительнѣйше благодаритъ васъ за то, что ее помните: она также все больна, страдаетъ грудною болью и мучается лекарствами.

101.

10-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Здѣсь съ давняго времени носились слухи, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, что нѣкоторые офицеры гвардейскихъ полковъ дѣлаютъ подписку, чтобы просить Государя о прощеніи Семеновскаго полка. Слухи сіи хотя скоро прекратились, но съ нѣкотораго времени они опять возобновились. До сихъ поръ однако же, не взирая на всѣ старанія, ничего не открыто, кромѣ что лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка князь Мещерскій ходилъ приглашать къ таковой подпискѣ въ Кавалергардскій полкъ; о чемъ Васильчиковъ вамъ подробно пишетъ. Онъ обращаетъ на сіе особенное вниманіе и, конечно, ничего не упуститъ къ принятію нужныхъ мѣръ въ семъ случаѣ.

Старшій адъютантъ Тургеневъ, посланный въ Москву для закупки таблицъ, употребляемыхъ въ тамошнемъ военно-сиро́тскомъ отдѣленіи, возвратился и объ исполненіи сего порученія посылаю особое донесеніе вашему сіятельству.

Нижніе чины гвардейскихъ полковъ, содержавшіеся въ Шлиссельбургской крѣпости и оказавшіеся невинными распредѣлены мною въ полки 4-й и 5-й пѣхо́тныхъ дивизій, полагая, что въ прежніе возвратить ихъ не слѣдуетъ и неприлично, какъ я уже къ вамъ и прежде писалъ.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Судъ надъ бывшимъ 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка приводится къ окончанію и дѣло должно въ непродолжительномъ времени поступить на ревизію къ корпусному командиру, а отъ него въ аудиторіатъ, гдѣ я прикажу заняться онымъ немедленно. Когда представится докладъ на Высочайшее утвержденіе, то нужно разрѣшить его скорѣе, дабы привести конфирмацію въ исполненіе прежде вашего сюда возвращенія, ибо Государю непріятно будетъ тотчасъ по пріѣздѣ приступить къ наказанію.

По суду, сколько видѣть можно, нѣтъ надежды, чтобъ могли открыть истинную причину и первыхъ виновниковъ начала случившагося происшествія въ семъ полку. Посему я полагаю полезно бы было поручить командирамъ армейскихъ полковъ, въ кои распредѣлены нижніе чины и офицеры, имѣть за ними неослабное наблюденіе и стараться, хотя современемъ, отъ нихъ сіе вывѣдать; можетъ быть они, почувствовавъ сдѣланное имъ наказаніе и придя въ раскаяніе, рѣшатся обнаружить какимъ образомъ все случилось, съ какого времени былъ сдѣланъ заговоръ и кто были главныя лица, склонившія ихъ на такое преступленіе. Обо всемъ же что будетъ ими открыто, чтобы доносили прямо вашему сіятельству. Сіе полагаю я лучшимъ способомъ къ открытію зачинщиковъ, которыхъ безъ всякой жалости справедливо будетъ наказать примѣрнымъ образомъ, не смотря къ какому бы состоянію они не принадлежали, ибо это люди вредные для общества и истинные враги отечества; навѣрное полагать можно, что они окажутся не изъ числа нижнихъ чиновъ сего полка. Если и ваше сіятельство найдете сіе полезнымъ, то я полагаю, что нужно отнестись о семъ къ главнокомандующему, дабы онъ далъ секретныя предписанія полковымъ командирамъ о точномъ исполненіи сего предположенія.

У насъ теперь все спокойно и благополучно, но разные толки и ложные слухи продолжаются. Столицы всегда оными бываютъ изобильны, между тѣмъ военные болтуны, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка во всѣхъ чинахъ, ихъ поддерживаютъ. Однако же, обращаемъ вниманіе и, конечно, не упустимъ ничего изъ виду, дабы предупредить могущее случиться происшествіе. Прибытіе Уварова дало случай къ новымъ толкамъ. Всѣ увѣряютъ, что онъ присланъ сюда для того,

чтобы объявить волю Государя о прощеніи Семеновскаго полка и что въ скоромъ времени его возвратятъ сюда по прежнему. Сіе подтверждаетъ мое мнѣніе, изложенное въ письмѣ къ вашему сіятельству отъ 3-го декабря, что полезно было бы поспѣшить сформированіемъ Семеновскаго полка. Коль скоро оный будетъ въ Петербургѣ, то прекратятся всѣ нелѣпые толки на счетъ прощенія прежняго полка, тогда какъ теперь въ ономъ увѣрены не только нижніе чины, но офицеры и даже генералы, а публика слѣдуетъ уже ихъ мнѣнію. Я полагаю, что если по скорому сформированію полка будутъ въ немъ люди и не отличные, то таковые по пріѣздѣ Государя могутъ быть перемѣнены другими, если Его Величеству оные не понравятся, а между тѣмъ къ его возвращенію полкъ бы былъ совсѣмъ готовъ. Изъ разговоровъ съ генералъ-маіоромъ Удомомъ я могъ замѣтить, что еслибъ Государю угодно было назначить его командиромъ Семеновскаго полка, то онъ съ удовольствіемъ принялъ бы на себя сіе званіе, о чемъ я долгомъ счелъ вамъ сказать для свѣдѣнія.

Кантонисты бывшаго Семеновскаго полка, имѣющіе свыше 10 лѣтъ, отправляются мною завтрашняго числа въ назначенныя отдѣленія.

Не излишнимъ считаю увѣдомить васъ о случившемся 12-го числа: графъ Кочубей по возвращеніи изъ дворца, былъ дома встрѣченъ у крыльца толпою крестьянъ, коихъ было человѣкъ до ста. Это рабочіе, которые пришли къ нему съ жалобою, что не получаютъ слѣдующей имъ по контракту платы за ихъ работу; кажется, по работамъ путей сообщенія. Такового примѣра никогда не случалось въ Петербургѣ, а въ теперешнемъ положеніи дѣлъ сіе можетъ произвести сильное впечатлѣніе.

Мое здоровье все плохо поправляется и Грушинька также все нездорова; она свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе.

103.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Сейчасъ пріѣхалъ къ намъ фельдъегерь Лацынскій, отправленный изъ Троппау 5-го числа, и привезъ мнѣ откровенное письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Приношу вамъ за оное чувствительнѣйшую благодарность и съ таковою же откровенностію спѣшу на оное отвѣтствовать. Напрасно предлагаете мнѣ не сердиться за покорнѣйшее изложеніе вашего мнѣнія на нѣкоторые пункты моего письма:

я, напротивъ того, вамъ за оное истинно благодаренъ, ибо сіе доказываетъ мнѣ доброе ваше ко мнѣ расположеніе, на коемъ основываясь, долгомъ считаю сдѣлать мое опроверженіе на сіи пункты.

Во-первыхъ. Вы пишете, что мое званіе не то что дежурный генералъ при арміи; что я, находясь при Его Величествѣ, имѣю уже подъ собою армейскихъ дежурныхъ генераловъ, а тѣмъ еще болѣе и корпусныхъ отдѣльныхъ командировъ, и что это слова собственныя Государя. Права, преимущества и обязанности каждаго чиновника опредѣляются законами, которые объявляются для свѣдѣнія каждаго. Права и обязанности присвоенныя моему званію опредѣлены образованіемъ дежурства, но въ семъ образованіи мнѣ ни мало не присвоены тѣ права, о коихъ вы пишете; слѣдственно, я никакъ не могъ самъ собою ихъ себѣ присвоить, тѣмъ болѣе, что мнѣ не было извѣстно и мнѣніе Государя на счетъ сего. Дежурные генералы въ арміи мнѣ не подчинены: я съ ними сношусь какъ съ равными себѣ и подчиненности отъ нихъ требовать не имѣю права, тѣмъ еще менѣе отъ командировъ отдѣльныхъ корпусовъ, которыхъ права опредѣлены Высочайше утвержденными постановленіями, объявленными по всему военному вѣдомству. Какимъ образомъ могъ бы я учить Васильчикова и распоряжать внутреннимъ его управленіемъ? Онъ просто могъ бы мнѣ приказать удалиться и не вмѣшиваться не въ свои дѣла; мнѣ нечего бы было ему отвѣчать, ибо дежурному генералу нигдѣ не предоставлено сего права. Теперь, даже зная волю Государя, я не могу сего предпринять; ибо кромѣ меня никто объ ономъ неизвѣстенъ. Еслибъ я сіе сдѣлалъ, Васильчиковъ потребуетъ отъ меня объясненія, почему я осмѣлился присвоить себѣ такія права и преимущества, и мнѣ убѣдить его нечѣмъ. Если Государю угодно предоставить званію дежурнаго генерала при Его Величествѣ подобныя права, то должно сдѣлать о семъ прибавленіе къ образованію дежурства и оное объявить по военному вѣдомству. Тогда только дежурный генералъ будетъ онымъ руководствоваться. Впрочемъ, вамъ извѣстно изъ письма моего отъ 19-го ноября, что я не былъ хладнокровнымъ зрителемъ извѣстнаго происшествія, что я, какъ вѣрный подданный Государя, предложилъ по совѣсти мои мнѣнія Васильчикову, и по своему уразумѣнію подавалъ ему совѣты, которые онъ совершенно былъ въ правѣ принять, или отвергнуть по своей волѣ, такъ какъ и всякій подобный ему отдѣльный корпусный командиръ.

Во-вторыхъ. На счетъ подпрапорщиковъ бывшихъ Семеновскаго полка. Они были оставлены потому, что Васильчиковъ дѣлалъ представленіе о производствѣ ихъ, но теперь, по приказанію вашему, не-

медленно ихъ отправлю въ полки; куда же они назначены будутъ, донесу вамъ съ первымъ фельдъегеремъ. Равнымъ образомъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы ихъ не представляли къ производству безъ особаго разрѣшенія вашего и наблюдали бы за ихъ поведеніемъ и нравственностію. Списокъ имъ всѣмъ съ означеніемъ кто куда поступилъ, будетъ по желанію вашему содержаться въ моей канцеляріи и таковой же отправлю для храненія въ канцелярію вашего сіятельства.

Въ-третьихъ. На счетъ мнѣнія вашего разсадить подсудимыхъ, кромѣ крѣпости, еще въ Адмиралтейство и въ одной казармѣ Семеновскаго полка, почитаю я неудобоисполнительнымъ, потому что будучи разсажены по разнымъ мѣстамъ, они необходимо должны имѣть сообщеніе съ разными полками, содержащими при нихъ караулы, и духъ возмущенія или неповиновенія, который они питаютъ, могутъ они распространить и между всѣми полками; при томъ же, содержась въ казармѣ, трудно удержать, чтобъ они не имѣли совершенно никакого сообщенія съ посторонними разнаго рода людьми, тогда какъ теперь, находясь въ одной крѣпости, несравненно удобнѣе и легче прекратить сообщеніе ихъ съ другими. Вотъ что заставило на это рѣшиться.

Въ-четвертыхъ. Касательно женъ солдатскихъ, то хотя на нихъ обращено послѣ происшествія особое вниманіе, но до сихъ поръ сколько ни употребляли стараній, ничего не могли открыть чрезъ нихъ къ обнаруженію истины.

Въ-пятыхъ. Что же касается до желанія вашего, чтобы я внушилъ Левашову, дабы онъ, приведя фельдфебеля Брагина къ допросу, рѣшительно на него крикнулъ и увѣрилъ, что уже открыто, что онъ былъ зачинщикомъ всей исторіи, то сіе полагаю я неприличнымъ, потому что производство суда, коего онъ презусомъ, должно поступить на ревизію ко мнѣ въ аудиторіатъ, и онъ легко можетъ подумать, что я это для того говорю, чтобы сдѣлать ему по сему суду непріятности. Впрочемъ, я объясню ему ваше желаніе на счетъ сего. Признаюсь вамъ, однакожь, что я никакъ не полагаю, чтобы фельдфебель Брагинъ могъ быть душою таковаго заговора: мнѣ кажется главною пружиною онаго должны быть люди не изъ нижнихъ чиновъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ надежды, чтобы судъ могъ открыть сихъ людей, какъ я уже писалъ къ вамъ въ первомъ моемъ письмѣ отъ сего числа.

Въ-шестыхъ. Я полагаю, что вы напрасно остановили производство Кавалергардскаго полка: офицеры онаго не болѣе заслуживаютъ таковаго наказанія, нежели офицеры другихъ полковъ. Во всѣхъ полкахъ гвардейскихъ болтуновъ достаточно и эта мѣра не послужитъ къ

ихъ исправленію. Вамъ угодно, чтобы Васильчиковъ сообщалъ вамъ имена всѣхъ судящихъ своихъ начальниковъ, или правительство для выписки ихъ въ армію тѣми же чинами? По моему мнѣнію, трудно ему сіе исполнить, потому что онъ получаетъ о семъ свѣдѣніе партикулярно и отъ людей, которые не могутъ, или не захотятъ доказать справедливость таковаго обвиненія. Если бы онъ имѣлъ способъ кого уличать въ ономъ, то вѣрно представилъ бы о наказаніи ихъ; ибо таковые офицеры въ гвардіи и даже въ арміи терпимы быть не могутъ. Наказаніе же по однимъ словамъ безъ всякаго доказательства было бы, я думаю, совершенно несправедливо и послужило бы не къ исправленію другихъ, а болѣе къ раздраженію умовъ, котораго, мнѣ кажется, до возвращенія вашего теперь избѣгать должно. Къ тому же мнѣ кажется, что наказаніе въ семъ случаѣ должно бы было начать не съ офицеровъ, а съ генераловъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за присылку 20-ти дѣлъ аудиторіатскихъ: поспѣшите возвратить и остальныя съ Высочайшимъ разрѣшеніемъ. Съ тѣхъ поръ какъ вы меня увѣдомили, что изъ Троппау поѣдете далѣе, я сталъ отправлять къ вамъ всѣ доклады, которые я остановилъ до вашего возвращенія. Съ сегодняшнимъ фельдъегеремъ посылаю остальные и впредь до увѣдомленія вашего оставлять бумагъ здѣсь не буду. Васъ же покорнѣйше прошу оныя не задерживать, а возвращать поскорѣе съ разрѣшеніями.

Вы не можете себѣ представить какъ вы меня огорчили увѣдомленіемъ, что ѣдете далѣе, а неизвѣстно когда возвратитесь. По прежнему моему увѣдомленію посылаемые къ вамъ фельдъегеря снабжаются прогонами до Венеціи и обратно.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за описаніе чуда, случившагося въ Троппау. Рѣшительность Кривляки дать балъ должна всѣхъ удивить болѣе нежели какое-либо чрезвычайное политическое происшествіе, ибо въ нынѣшнія времена всего ожидать можно; но такой расточительности отъ скупости Кривляки никто не ожидаетъ. Еслибъ не вы мнѣ это написали, то я съ трудомъ бы оному повѣрилъ. Я думаю онъ очень благодаренъ смерти хозяина вашего дома, доставившей ему освѣщеніе для бала за сходную цѣну. Грушинька моя очень смѣялась сему описанію, и свидѣтельствуя вамъ искреннее почтеніе, благодаритъ васъ за сообщеніе такой неожиданной новости.

Письмо свое кончаю искреннимъ желаніемъ, чтобъ вы были здоровы, благополучны, веселы и поскорѣе къ намъ возвращались.

Не будьте скупы на фельдъегерей и посылайте къ намъ таковыхъ, хотя въ недѣлю одного. Отдаленность ваша насъ страшитъ.

104.

24-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, бывшіе семеновскіе подпрапорщики всѣ распредѣлены по полкамъ и кто куда именно назначенъ, посылаю вамъ при особомъ донесеніи списокъ.

Инвалидная полурота при Семеновскомъ полку бывшая, также вся распредѣлена, на мѣсто же оной формируется новая полурота, что увидите изъ особаго моего донесенія.

Долгомъ поставляю повторить вамъ, что необходимо нужно и должно поспѣшить сформированіемъ Семеновскаго полка. Медленность въ семъ случаѣ можетъ произвесть дурныя послѣдствія. Безпрестанные толки на счетъ прощенія стараго полка усиливаются и это, дѣлаясь всеобщимъ мнѣніемъ, распространяетъ между солдатами и всѣми сословіями мысль, что можно не повиноваться и получить послѣ прощеніе; если случится (чего Боже избави) еще что нибудь подобное, то медленность сія будетъ единственно тому причиною. Буде полкъ, по скорому сформированію, будетъ и не отличный, то его всегда исправить можно и людей, въ теченіе нѣкотораго времени, можно перемѣнить всѣхъ до одного человѣка. Теперь нужна не красота полка, а нужно чтобъ существовалъ полкъ, дабы прекратить всякіе вредные толки на счетъ возвращенія прежнихъ людей и истребить мысль сію въ генералахъ, офицерахъ и солдатахъ другихъ гвардейскихъ полковъ, равно какъ и въ публикѣ.

Съ симъ фельдъегеремъ посылаю вамъ особыя записки: 1) о нижнихъ чинахъ 1-го баталіона, на которую прошу покорнѣйше поспѣшить прислать ко мнѣ разрѣшеніе съ нарочнымъ фельдъегеремъ безъ отлагательства; 2) о посланномъ графомъ Милорадовичемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость бывшаго Семеновскаго полка капитенармусѣ Бобровскомъ, для свѣдѣнія вашего. Прилагаю при семъ письмо Ермолова, коимъ онъ проситъ о переводѣ въ гвардію двоюроднаго брата; онъ уже просилъ васъ о немъ, но не получилъ отвѣта; изъ письма видно, что его это очень огорчаетъ. Удовлетвореніемъ таковой просьбы вы его утѣшите; оскорбленіе же сего человѣка, вредно для службы, тѣмъ болѣе, что Государь рѣдко отказываетъ въ сей милости людямъ, не могущимъ идти въ сравненіе съ Ермоловымъ. Письмо его по прочтеніи прошу возвратить ко мнѣ обратно. Препровождаю также выписку изъ письма его, мною третьяго дня полученнаго о братѣ Михайлѣ (графѣ

Воронцовѣ). Ермоловъ, по данному ему прежде позволенію, въ концѣ сего мѣсяца выѣзжаетъ изъ Тифлиса сюда и заѣдетъ въ Астрахань, для осмотра ввѣренныхъ ему тамъ частей и прибудетъ въ Петербургъ въ концѣ января или началѣ февраля мѣсяца.

Мальчики, бывшіе въ ученіи въ Парижѣ у Дидота, занимаются въ нашей типографіи вырѣзываніемъ пунсоновъ: они очень тамъ успѣли и нимало не испортились въ нравственности; я очень доволенъ какъ работою, такъ и поведеніемъ ихъ и прилежаніемъ. Они по истинѣ заслуживаютъ вниманія. Работу ихъ покажу вамъ по возвращеніи сюда и нимало не жалѣю издержекъ на нихъ употребленныхъ.

Мое здоровье дурно поправляется, хотя и выѣзжаю понемногу, но рѣдкій день проходитъ, чтобъ я не страдалъ головною болью. Грушинька все также нездорова; она свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Сердечно желаю, чтобы вы къ намъ скорѣе возвратились.

Поспѣшите также разрѣшить меня на счетъ Московскаго пѣхотнаго полка рядовыхъ Бланкова и Алекринскаго, привезенныхъ по требованію графа Кочубея; первый изъ нихъ имѣетъ весьма строптивый нравъ.

105.

31-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письма ваши отъ 12-го и 15-го декабря; вы чрезвычайно огорчили меня увѣдомленіемъ о рѣшительномъ отъѣздѣ вашемъ въ Лайбахъ и о неизвѣстности, сколько времени продолжится ваше пребываніе за границею. Дай Богъ, чтобъ всѣ предпріятія ваши кончились по желанію вашему, и чтобъ вы, не имѣя надобности ѣхать въ Италію, поскорѣе къ намъ возвратились. Можетъ быть, пріѣздъ къ вамъ короля неаполитанскаго ускоритъ успѣхъ вашихъ предпріятій.

Указъ о комплектованіи Семеновскаго полка полученъ и по оному сдѣланы всѣ надлежащія съ моей стороны распоряженія. По приказанію вашему, я не премину употребить возможный надзоръ за симъ комплектованіемъ и давать всѣ способы отъ меня зависящіе. Васильчиковъ призналъ для службы нужнымъ и полезнымъ, поручить комплектованіе сего полка, до назначенія полковаго командира, генералу Желтухину, какъ человѣку опытному, усердному и на котораго, во всякомъ случаѣ, положиться можно. Великій князь, съ которымъ я послѣ сего назначенія

по желанію Васильчикова говорилъ, хотя и успокоенъ съ той стороны, что Желтухинъ сформируетъ полкъ основательно и ему во всемъ угодитъ, но въ разговорѣ о семъ, замѣтилъ я порывы слишкомъ скорые. При семъ объявилъ мнѣ, что Государь писалъ къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, что онъ хорошо сформируетъ полкъ и потому я не преминулъ поставить ему на видъ, сколько онъ новъ по сей части, гдѣ надо знать много мелочей, ему вовсе неизвѣстныхъ. Почему же именно Васильчиковъ не поручилъ комплектовать сей полкъ старшему штабъ-офицеру, пришедшему съ гренадерскимъ баталіономъ, онъ вамъ подробно и основательно пишетъ. Какъ въ этомъ разговорѣ, такъ и во всякомъ, я никогда не льстилъ великому князю, но говорилъ какъ чувствовалъ и понималъ вещи и вѣрно совѣты мои соотвѣтствовали и пользамъ службы и пользамъ его личнымъ. По наклонности его къ порядку и всему хорошему, во многомъ онъ исполнялъ мои совѣты; но какъ говорятъ и совѣтуютъ ему многіе молодые люди его окружающіе, то не смѣю думать, чтобъ совѣты мои всегда были предпочитаемы.

На счетъ кабаковъ въ полкахъ, я совершенно согласенъ съ вами, что они вредны отъ того только, что начальники не такъ поступаютъ въ семъ случаѣ какъ слѣдуетъ; но какъ трудно и почти невозможно заставить всѣхъ дѣлать то, что должно или по неразумѣнію, или по безпечности начальниковъ, то полезнѣе было бы отмѣнить сіе учрежденіе, какъ я уже къ вамъ о семъ и писалъ.

Записку и допросы нижнимъ чинамъ, содержавшимся въ Шлиссельбургской крѣпости, я получилъ и исполню по ней сходно съ Высочайшею волею.

Я писалъ къ вамъ, что буду употреблять флигель-адъютантовъ въ крайнемъ только случаѣ и съ величайшею разборчивостью. Теперь же не надѣюсь и вовсе имѣть въ нихъ надобности, ибо адъютанты мои возвратились изъ командировокъ.

На счетъ генераловъ, нескромныхъ, конечно, вы извѣстны обстоятельно изъ другихъ свѣдѣній, да и генералъ Васильчиковъ вѣроятно вамъ объ нихъ пишетъ, и потому позвольте мнѣ поговорить объ этомъ съ вами при свиданіи.

Что касается до отличій по внутренней стражѣ, то я согласенъ съ вами, что они чрезмѣрно велики, но стараясь ихъ умалить, можно произвесть зло худшее, тогда вовсе никакихъ не будетъ, да и не въ правѣ я не довѣрять корпусному командиру и останавливать его представленія. Въ вашей волѣ разрѣшать ихъ по вашему усмотрѣнію.

Командиры гренадерскихъ полковъ дѣйствитедьно плачутъ о своихъ

баталіонахъ, за то утѣшатся мыслію, что они заслужили особенное вниманіе Государя и удостоились поступить въ гвардію.

Всѣ дѣла, которыя требуютъ вашего разрѣшенія, я не удерживая посылаю къ вамъ. Желательно весьма, чтобъ попутный вѣтеръ подулъ скорѣе на дѣла аудиторіатскія и принесъ ихъ сюда съ Высочайшими конфирмаціями, или разрѣшеніями. О патентахъ не безпокойтесь. Ихъ не такъ много накопилось, чтобъ могли васъ слишкомъ обременить, а потому и посылать къ вамъ не буду.

Изъ разговора съ княгинею Екатериною Алексѣевною замѣтилъ я, что она огорчается тѣмъ, что письма ваши получаетъ на другой день послѣ пріѣзда фельдъегеря. Какъ это вѣроятно происходитъ отъ того, что вы ихъ посылаете чрезъ вашу канцелярію, то неугодно-ли вамъ присылать ихъ въ моемъ конвертѣ, чтобъ въ ту же минуту доставить ихъ къ княгинѣ.

Начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, числящійся по артиллеріи генералъ-маіоръ Веселицкій, по примѣру другихъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ, желаетъ переведенъ быть въ квартирмейстерскую часть. Удовлетвореніе просьбы его зависитъ отъ усмотрѣнія вашего. Княжнинъ благодаритъ васъ, что его вспомнили. Онъ занятъ столько дѣлами, что ему не до театральныхъ сочиненій, которыми онъ давно уже не занимается.

Съ граматою на передачу знаменъ новымъ людямъ Семеновскаго полка поступлено будетъ въ точности какъ предписано; а какъ она должна быть читана по окончаніи комплектованія, то какое дѣйствіе произведетъ сія грамата на людей, я не премину увѣдомить васъ въ свое время.

Искренно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за поздравленіе съ наступившими праздниками и взаимно поздравляя васъ, отъ души желаю, чтобъ вы встрѣтили и провели ихъ въ совершенномъ здоровьѣ, при исполненіи всѣхъ вашихъ желаній.

Нельзя не жалѣть о бѣдномъ Кривлякѣ, котораго знаменитый балъ, въ Троппау имъ данный, безъ сомнѣнія, разорилъ совершенно.

Здоровье мое все плохо поправляется, сколько я о томъ не забочусь.

Виновные же преданы военному суду. О семъ посылаю также ос
донесеніе.

Вмѣстѣ съ симъ посылаю къ вашему сіятельству представл
о награжденіи чиновниковъ по ввѣреннымъ мнѣ департаментам
убѣдительнѣйше прошу исходатайствовать къ новому году проси
имъ награды. Изъ прилагаемаго перечневаго списка вы изволите
дѣть, что число ихъ не велико: я избралъ самыхъ достойнѣйшихъ
новниковъ, которые по способностямъ своимъ, усердію и необыкно
ному трудолюбію по истинѣ заслуживаютъ Монаршаго вознагражд
для дальнѣйшаго поощренія ихъ къ службѣ. Для пользы самой слу
испрашиваю я сіи награды, ибо безъ поощренія чиновники сіи о
вятъ занимаемыя ими мѣста. Потерять хорошихъ чиновниковъ ле
но замѣнить ихъ трудно. Потеря же ихъ должна необходимо зат
нить успѣшное производство многочисленныхъ дѣлъ нашихъ. Утв
деніе испрашиваемыхъ мною наградъ симъ чиновникамъ почту я
бенною милостію ко мнѣ Государя. Равнымъ образомъ прошу ра
шить выдачу, по особому моему представленію, шесть тысячъ рубле
поправку и обзаведеніе военно-сиротскаго отдѣленія, которое наш
не въ томъ видѣ какъ желалъ. На устройство его необходимо ну
большія издержки, на которыя суммъ экономическихъ въ отдѣлен
почти вовсе не имѣю.

Вчерашняго числа прибыли отъ васъ два фельдъегеря, кото
привезли бумагъ очень мало. Нетерпѣливо желаю, чтобъ фельдъе
перестали пріѣзжать, а чтобъ вы сами къ намъ возвратились.

Мое здоровье очень плохо поправляется. Не взирая на кров
сканіе и на множество принятыхъ мною лекарствъ, я все не могу
здоровѣть и разстаться съ несносными своими головными болями.

У насъ теперь все тихо и благополучно. Дай Богъ, чтобъ и у в
все шло по вашему желанію, и чтобъ совершенный во всемъ усп
ускорилъ ваше возвращеніе.

Надняхъ пріѣхали сюда генералы Балашовъ и Воиновъ и
даютъ къ 12-му числу Аракчеева. Уварова же и по сіе время н
не взирая, что давно отъ васъ уѣхалъ.

102.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Судъ надъ бывшимъ 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка приводится къ окончанію и дѣло должно въ непродолжительномъ времени поступить на ревизію къ корпусному командиру, а отъ него въ аудиторіатъ, гдѣ я прикажу заняться онымъ немедленно. Когда представится докладъ на Высочайшее утвержденіе, то нужно разрѣшить его скорѣе, дабы привести конфирмацію въ исполненіе прежде вашего сюда возвращенія, ибо Государю непріятно будетъ тотчасъ по пріѣздѣ приступить къ наказанію.

По суду, сколько видѣть можно, нѣтъ надежды, чтобъ могли открыть истинную причину и первыхъ виновниковъ начала случившагося происшествія въ семъ полку. Посему я полагаю полезно бы было поручить командирамъ армейскихъ полковъ, въ кои распредѣлены нижніе чины и офицеры, имѣть за ними неослабное наблюденіе и стараться, хотя современемъ, отъ нихъ сіе вывѣдать; можетъ быть они, почувствовавъ сдѣланное имъ наказаніе и придя въ раскаяніе, рѣшатся обнаружить какимъ образомъ все случилось, съ какого времени былъ сдѣланъ заговоръ и кто были главныя лица, склонившія ихъ на такое преступленіе. Обо всемъ же что будетъ ими открыто, чтобы доносили прямо вашему сіятельству. Сіе полагаю я лучшимъ способомъ къ открытію зачинщиковъ, которыхъ безъ всякой жалости справедливо будетъ наказать примѣрнымъ образомъ, не смотря къ какому бы состоянію они не принадлежали, ибо это люди вредные для общества и истинные враги отечества; навѣрное полагать можно, что они окажутся не изъ числа нижнихъ чиновъ сего полка. Если и ваше сіятельство найдете сіе полезнымъ, то я полагаю, что нужно отнестись о семъ къ главнокомандующему, дабы онъ далъ секретныя предписанія полковымъ командирамъ о точномъ исполненіи сего предположенія.

У насъ теперь все спокойно и благополучно, но разные толки и ложные слухи продолжаются. Столицы всегда оными бываютъ изобильны, между тѣмъ военные болтуны, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка во всѣхъ чинахъ, ихъ поддерживаютъ. Однако же, обращаемъ вниманіе и, конечно, не упустимъ ничего изъ виду, дабы предупредить могущее случиться происшествіе. Прибытіе Уварова дало случай къ новымъ толкамъ. Всѣ увѣряютъ, что онъ присланъ сюда для того,

я, напротивъ того, вамъ за оное истинно благодаренъ, ибо сіе доказываетъ мнѣ доброе ваше ко мнѣ расположеніе, на коемъ основываясь, долгомъ считаю сдѣлать мое опроверженіе на сіи пункты.

Во-первыхъ. Вы пишете, что мое званіе не то что дежурный генералъ при арміи; что я, находясь при Его Величествѣ, имѣю уже подъ собою армейскихъ дежурныхъ генераловъ, а тѣмъ еще болѣе и корпусныхъ отдѣльныхъ командировъ, и что это слова собственныя Государя. Права, преимущества и обязанности каждаго чиновника опредѣляются законами, которые объявляются для свѣдѣнія каждаго. Права и обязанности присвоенныя моему званію опредѣлены образованіемъ дежурства, но въ семъ образованіи мнѣ ни мало не присвоены тѣ права, о коихъ вы пишете; слѣдственно, я никакъ не могъ самъ собою ихъ себѣ присвоить, тѣмъ болѣе, что мнѣ не было извѣстно и мнѣніе Государя на счетъ сего. Дежурные генералы въ арміи мнѣ не подчинены: я съ ними сношусь какъ съ равными себѣ и подчиненности отъ нихъ требовать не имѣю права, тѣмъ еще менѣе отъ командировъ отдѣльныхъ корпусовъ, которыхъ права опредѣлены Высочайше утвержденными постановленіями, объявленными по всему военному вѣдомству. Какимъ образомъ могъ бы я учить Васильчикова и распоряжать внутреннимъ его управленіемъ? Онъ просто могъ бы мнѣ приказать удалиться и не вмѣшиваться не въ свои дѣла; мнѣ нечего бы было ему отвѣчать, ибо дежурному генералу нигдѣ не предоставлено сего права. Теперь, даже зная волю Государя, я не могу сего предпринять; ибо кромѣ меня никто объ ономъ неизвѣстенъ. Еслибъ я сіе сдѣлалъ, Васильчиковъ потребуетъ отъ меня объясненія, почему я осмѣлился присвоить себѣ такія права и преимущества, и мнѣ убѣдить его нечѣмъ. Если Государю угодно предоставить званію дежурнаго генерала при Его Величествѣ подобныя права, то должно сдѣлать о семъ прибавленіе къ образованію дежурства и оное объявить по военному вѣдомству. Тогда только дежурный генералъ будетъ онымъ руководствоваться. Впрочемъ, вамъ извѣстно изъ письма моего отъ 19-го ноября, что я не былъ хладнокровнымъ зрителемъ извѣстнаго происшествія, что я, какъ вѣрный подданный Государя, предложилъ по совѣсти мои мнѣнія Васильчикову, и по своему уразумѣнію подавалъ ему совѣты, которые онъ совершенно былъ въ правѣ принять, или отвергнуть по своей волѣ, такъ какъ и всякій подобный ему отдѣльный корпусный командиръ.

Во-вторыхъ. На счетъ подпрапорщиковъ бывшихъ Семеновскаго полка. Они были оставлены потому, что Васильчиковъ дѣлалъ представленіе о производствѣ ихъ, но теперь, по приказанію вашему, не-

медленно ихъ отправлю въ полки; куда же они назначены будутъ, донесу вамъ съ первымъ фельдъегеремъ. Равнымъ образомъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы ихъ не представляли къ производству безъ особаго разрѣшенія вашего и наблюдали бы за ихъ поведеніемъ и нравственностію. Списокъ имъ всѣмъ съ означеніемъ кто куда поступилъ, будетъ по желанію вашему содержаться въ моей канцеляріи и таковой же отправлю для храненія въ канцелярію вашего сіятельства.

Въ-третьихъ. На счетъ мнѣнія вашего разсадить подсудимыхъ, кромѣ крѣпости, еще въ Адмиралтейство и въ одной казармѣ Семеновскаго полка, почитаю я неудобоисполнительнымъ, потому что будучи разсажены по разнымъ мѣстамъ, они необходимо должны имѣть сообщеніе съ разными полками, содержащими при нихъ караулы, и духъ возмущенія или неповиновенія, который они питаютъ, могутъ они распространить и между всѣми полками; при томъ же, содержась въ казармѣ, трудно удержать, чтобъ они не имѣли совершенно никакого сообщенія съ посторонними разнаго рода людьми, тогда какъ теперь, находясь въ одной крѣпости, несравненно удобнѣе и легче прекратить сообщеніе ихъ съ другими. Вотъ что заставило на это рѣшиться.

Въ-четвертыхъ. Касательно женъ солдатскихъ, то хотя на нихъ обращено послѣ происшествія особое вниманіе, но до сихъ поръ сколько ни употребляли стараній, ничего не могли открыть чрезъ нихъ къ обнаруженію истины.

Въ-пятыхъ. Что же касается до желанія вашего, чтобы я внушилъ Левашову, дабы онъ, приведя фельдфебеля Брагина къ допросу, рѣшительно на него крикнулъ и увѣрилъ, что уже открыто, что онъ былъ зачинщикомъ всей исторіи, то сіе полагаю я неприличнымъ, потому что производство суда, коего онъ презусомъ, должно поступить на ревизію ко мнѣ въ аудиторіатъ, и онъ легко можетъ подумать, что я это для того говорю, чтобы сдѣлать ему по сему суду непріятности. Впрочемъ, я объясню ему ваше желаніе на счетъ сего. Признаюсь вамъ, однакожь, что я никакъ не полагаю, чтобы фельдфебель Брагинъ могъ быть душою таковаго заговора: мнѣ кажется главною пружиною онаго должны быть люди не изъ нижнихъ чиновъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ надежды, чтобы судъ могъ открыть сихъ людей, какъ я уже писалъ къ вамъ въ первомъ моемъ письмѣ отъ сего числа.

Въ-шестыхъ. Я полагаю, что вы напрасно остановили производство Кавалергардскаго полка: офицеры онаго не болѣе заслуживаютъ таковаго наказанія, нежели офицеры другихъ полковъ. Во всѣхъ полкахъ гвардейскихъ болтуновъ достаточно и эта мѣра не послужитъ къ

ихъ исправленію. Вамъ угодно, чтобы Васильчиковъ сообщалъ вамъ имена всѣхъ судящихъ своихъ начальниковъ, или правительство для выписки ихъ въ армію тѣми же чинами? По моему мнѣнію, трудно ему сіе исполнить, потому что онъ получаетъ о семъ свѣдѣніе партикулярно и отъ людей, которые не могутъ, или не захотятъ доказать справедливость таковаго обвиненія. Если бы онъ имѣлъ способъ кого уличать въ ономъ, то вѣрно представилъ бы о наказаніи ихъ; ибо таковые офицеры въ гвардіи и даже въ арміи терпимы быть не могутъ. Наказаніе же по однимъ словамъ безъ всякаго доказательства было бы, я думаю, совершенно несправедливо и послужило бы не къ исправленію другихъ, а болѣе къ раздраженію умовъ, котораго, мнѣ кажется, до возвращенія вашего теперь избѣгать должно. Къ тому же мнѣ кажется, что наказаніе въ семъ случаѣ должно бы было начать не съ офицеровъ, а съ генераловъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за присылку 20-ти дѣлъ аудиторіатскихъ: поспѣшите возвратить и остальныя съ Высочайшимъ разрѣшеніемъ. Съ тѣхъ поръ какъ вы меня увѣдомили, что изъ Троппау поѣдете далѣе, я сталъ отправлять къ вамъ всѣ доклады, которые я остановилъ до вашего возвращенія. Съ сегодняшнимъ фельдъегеремъ посылаю остальные и впредь до увѣдомленія вашего оставлять бумагъ здѣсь не буду. Васъ же покорнѣйше прошу оныя не задерживать, а возвращать поскорѣе съ разрѣшеніями.

Вы не можете себѣ представить какъ вы меня огорчили увѣдомленіемъ, что ѣдете далѣе, а неизвѣстно когда возвратитесь. По прежнему моему увѣдомленію посылаемые къ вамъ фельдъегеря снабжаются прогонами до Венеціи и обратно.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за описаніе чуда, случившагося въ Троппау. Рѣшительность Кривляки дать балъ должна всѣхъ удивить болѣе нежели какое-либо чрезвычайное политическое происшествіе, ибо въ нынѣшнія времена всего ожидать можно; но такой расточительности отъ скупости Кривляки никто не ожидаетъ. Еслибъ не вы мнѣ это написали, то я съ трудомъ бы оному повѣрилъ. Я думаю онъ очень благодаренъ смерти хозяина вашего дома, доставившей ему освѣщеніе для бала за сходную цѣну. Грушинька моя очень смѣялась сему описанію, и свидѣтельствуя вамъ искреннее почтеніе, благодаритъ васъ за сообщеніе такой неожиданной новости.

Письмо свое кончаю искреннимъ желаніемъ, чтобъ вы были здоровы, благополучны, веселы и поскорѣе къ намъ возвращались.

Не будьте скупы на фельдъегерей и посылайте къ намъ таковыхъ, хотя въ недѣлю одного. Отдаленность ваша насъ страшитъ.

104.

24-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Достойнѣйшій князь Петръ Михайловичъ, бывшіе семеновскіе подпрапорщики всѣ распредѣлены по полкамъ и кто куда именно назначенъ, посылаю вамъ при особомъ донесеніи списокъ.

Инвалидная полурота при Семеновскомъ полку бывшая, также вся распредѣлена, на мѣсто же оной формируется новая полурота, что увидите изъ особаго моего донесенія.

Долгомъ поставляю повторить вамъ, что необходимо нужно и должно поспѣшить сформированіемъ Семеновскаго полка. Медленность въ семъ случаѣ можетъ произвесть дурныя послѣдствія. Безпрестанные толки на счетъ прощенія стараго полка усиливаются и это, дѣлаясь всеобщимъ мнѣніемъ, распространяетъ между солдатами и всѣми сословіями мысль, что можно не повиноваться и получить послѣ прощеніе; если случится (чего Боже избави) еще что нибудь подобное, то медленность сія будетъ единственно тому причиною. Буде полкъ, по скорому сформированію, будетъ и не отличный, то его всегда исправить можно и людей, въ теченіе нѣкотораго времени, можно перемѣнить всѣхъ до одного человѣка. Теперь нужна не красота полка, а нужно чтобъ существовалъ полкъ, дабы прекратить всякіе вредные толки на счетъ возвращенія прежнихъ людей и истребить мысль сію въ генералахъ, офицерахъ и солдатахъ другихъ гвардейскихъ полковъ, равно какъ и въ публикѣ.

Съ симъ фельдъегеремъ посылаю вамъ особыя записки: 1) о нижнихъ чинахъ 1-го баталіона, на которую прошу покорнѣйше поспѣшить прислать ко мнѣ разрѣшеніе съ нарочнымъ фельдъегеремъ безъ отлагательства; 2) о посланномъ графомъ Милорадовичемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость бывшаго Семеновскаго полка капитанарнусѣ Бобровскомъ, для свѣдѣнія вашего. Прилагаю при семъ письмо Ермолова, коимъ онъ проситъ о переводѣ въ гвардію двоюроднаго брата; онъ уже просилъ васъ о немъ, но не получилъ отвѣта; изъ письма видно, что его это очень огорчаетъ. Удовлетвореніемъ таковой просьбы вы его утѣшите; оскорбленіе же сего человѣка, вредно для службы, тѣмъ болѣе, что Государь рѣдко отказываетъ въ сей милости людямъ, не могущимъ идти въ сравненіе съ Ермоловымъ. Письмо его по прочтеніи прошу возвратить ко мнѣ обратно. Препровождаю также выписку изъ письма его, мною третьяго дня полученнаго о братѣ Михайлѣ (графѣ

Воронцовѣ). Ермоловъ, по данному ему прежде позволенію, въ концѣ сего мѣсяца выѣзжаетъ изъ Тифлиса сюда и заѣдетъ въ Астрахань, для осмотра ввѣренныхъ ему тамъ частей и прибудетъ въ Петербургъ въ концѣ января или началѣ февраля мѣсяца.

Мальчики, бывшіе въ ученіи въ Парижѣ у Дидота, занимаются въ нашей типографіи вырѣзываніемъ пунсоновъ: они очень тамъ успѣли и нимало не испортились въ нравственности; я очень доволенъ какъ работою, такъ и поведеніемъ ихъ и прилежаніемъ. Они по истинѣ заслуживаютъ вниманія. Работу ихъ покажу вамъ по возвращеніи сюда и нимало не жалѣю издержекъ на нихъ употребленныхъ.

Мое здоровье дурно поправляется, хотя и выѣзжаю понемногу, но рѣдкій день проходитъ, чтобъ я не страдалъ головною болью. Грушинька все также нездорова; она свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Сердечно желаю, чтобы вы къ намъ скорѣе возвратились.

Поспѣшите также разрѣшить меня на счетъ Московскаго пѣхотнаго полка рядовыхъ Бланкова и Алекринскаго, привезенныхъ по требованію графа Кочубея; первый изъ нихъ имѣетъ весьма строптивый нравъ.

105.

31-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письма ваши отъ 12-го и 15-го декабря; вы чрезвычайно огорчили меня увѣдомленіемъ о рѣшительномъ отъѣздѣ вашемъ въ Лайбахъ и о неизвѣстности, сколько времени продолжится ваше пребываніе за границею. Дай Богъ, чтобъ всѣ предпріятія ваши кончились по желанію вашему, и чтобъ вы, не имѣя надобности ѣхать въ Италію, поскорѣе къ намъ возвратились. Можетъ быть, пріѣздъ къ вамъ короля неаполитанскаго ускоритъ успѣхъ вашихъ предпріятій.

Указъ о комплектованіи Семеновскаго полка полученъ и по оному сдѣланы всѣ надлежащія съ моей стороны распоряженія. По приказанію вашему, я не премину употребить возможный надзоръ за симъ комплектованіемъ и давать всѣ способы отъ меня зависящіе. Васильчиковъ призналъ для службы нужнымъ и полезнымъ, поручить комплектованіе сего полка, до назначенія полковаго командира, генералу Желтухину, какъ человѣку опытному, усердному и на котораго, во всякомъ случаѣ, положиться можно. Великій князь, съ которымъ я послѣ сего назначенія

по желанію Васильчикова говорилъ, хотя и успокоенъ съ той стороны что Желтухинъ сформируетъ полкъ основательно и ему во всемъ уг дитъ, но въ разговорѣ о семъ, замѣтилъ я порывы слишкомъ скоры При семъ объявилъ мнѣ, что Государь писалъ къ Императрицѣ Мар Феодоровнѣ, что онъ хорошо сформируетъ полкъ и потому я не преминул поставить ему на видъ, сколько онъ новъ по сей части, гдѣ надо зна много мелочей, ему вовсе неизвѣстныхъ. Почему же именно Васильч ковъ не поручилъ комплектовать сей полкъ старшему штабъ-офицер пришедшему съ гренадерскимъ баталіономъ, онъ вамъ подробно и основ тельно пишетъ. Какъ въ этомъ разговорѣ, такъ и во всякомъ, я никог не льстилъ великому князю, но говорилъ какъ чувствовалъ и понима вещи и вѣрно совѣты мои соотвѣтствовали и пользамъ службы и пол замъ его личнымъ. По наклонности его къ порядку и всему хорошему, многомъ онъ исполнялъ мои совѣты; но какъ говорятъ и совѣтуютъ ем многіе молодые люди его окружающіе, то не смѣю думать, чтобъ совѣт мои всегда были предпочитаемы.

На счетъ кабаковъ въ полкахъ, я совершенно согласенъ съ вам что они вредны отъ того только, что начальники не такъ поступаютъ в семъ случаѣ какъ слѣдуетъ; но какъ трудно и почти невозможно заст вить всѣхъ дѣлать то, что должно или по неразумѣнію, или по безпе ности начальниковъ, то полезнѣе было бы отмѣнить сіе учрежденіе, ка я уже къ вамъ о семъ и писалъ.

Записку и допросы нижнимъ чинамъ, содержавшимся въ Шли сельбургской крѣпости, я получилъ и исполню по ней сходно съ Вы сочайшею волею.

Я писалъ къ вамъ, что буду употреблять флигель-адъютантовъ в крайнемъ только случаѣ и съ величайшею разборчивостью. Теперь же надѣюсь и вовсе имѣть въ нихъ надобности, ибо адъютанты мои во вратились изъ командировокъ.

На счетъ генераловъ, нескромныхъ, конечно, вы извѣстны обсто тельно изъ другихъ свѣдѣній, да и генералъ Васильчиковъ вѣроятно вам объ нихъ пишетъ, и потому позвольте мнѣ поговорить объ этомъ съ вам при свиданіи.

Что касается до отличій по внутренней стражѣ, то я согласенъ с вами, что они чрезмѣрно велики, но стараясь ихъ умалить, можно прои весть зло худшее, тогда вовсе никакихъ не будетъ, да и не въ правѣ не довѣрять корпусному командиру и останавливать его представлені Въ вашей волѣ разрѣшать ихъ по вашему усмотрѣнію.

Командиры гренадерскихъ полковъ дѣйствитедьно плачутъ о своих

баталіонахъ, за то утѣшатся мыслію, что они заслужили особенное вниманіе Государя и удостоились поступить въ гвардію.

Всѣ дѣла, которыя требуютъ вашего разрѣшенія, я не удерживая посылаю къ вамъ. Желательно весьма, чтобъ попутный вѣтеръ подулъ скорѣе на дѣла аудиторіатскія и принесъ ихъ сюда съ Высочайшими конфирмаціями, или разрѣшеніями. О патентахъ не безпокойтесь. Ихъ не такъ много накопилось, чтобъ могли васъ слишкомъ обременить, а потому и посылать къ вамъ не буду.

Изъ разговора съ княгинею Екатериною Алексѣевною замѣтилъ я, что она огорчается тѣмъ, что письма ваши получаетъ на другой день послѣ пріѣзда фельдъегеря. Какъ это вѣроятно происходитъ отъ того, что вы ихъ посылаете чрезъ вашу канцелярію, то неугодно-ли вамъ присылать ихъ въ моемъ конвертѣ, чтобъ въ ту же минуту доставить ихъ къ княгинѣ.

Начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, числящійся по артиллеріи генералъ-маіоръ Веселицкій, по примѣру другихъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ, желаетъ переведенъ быть въ квартирмейстерскую часть. Удовлетвореніе просьбы его зависитъ отъ усмотрѣнія вашего. Княжнинъ благодаритъ васъ, что его вспомнили. Онъ занятъ столько дѣлами, что ему не до театральныхъ сочиненій, которыми онъ давно уже не занимается.

Съ граматою на передачу знаменъ новымъ людямъ Семеновскаго полка поступлено будетъ въ точности какъ предписано; а какъ она должна быть читана по окончаніи комплектованія, то какое дѣйствіе произведетъ сія грамата на людей, я не премину увѣдомить васъ въ свое время.

Искренно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за поздравленіе съ наступившими праздниками и взаимно поздравляя васъ, отъ души желаю, чтобъ вы встрѣтили и провели ихъ въ совершенномъ здоровьѣ, при исполненіи всѣхъ вашихъ желаній.

Нельзя не жалѣть о бѣдномъ Кривлякѣ, котораго знаменитый балъ, въ Троппау имъ данный, безъ сомнѣнія, разорилъ совершенно.

Здоровье мое все плохо поправляется, сколько я о томъ не забочусь.

106.

7-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Третьяго дня прибылъ отъ васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, фельдъегерь уже изъ-за Вѣны 15 миль и привезъ мнѣ письмо ваше отъ 21-го декабря. О фонъ-Визинѣ писалъ я къ вамъ только какъ о военномъ генералѣ, дабы вы знали о намѣреніи его на случай, если Государь, получа представленіе отъ графа Кочубея, которому фонъ-Визинъ объявилъ свое желаніе, спроситъ васъ о семъ генералѣ. Что онъ масонъ я этого вовсе не зналъ; людей сего рода я самъ не жалую. Впрочемъ онъ здѣсь пробылъ короткое время и уже отсюда уѣхалъ.

Жалѣю очень, что вояжъ вашъ сопряженъ съ такими опасностями отъ дурной дороги и глупыхъ кучеровъ. Слава Богу, что вы благополучно отдѣлались въ городскихъ воротахъ въ Вѣнѣ. Случай этотъ вѣрно заставитъ васъ взять всѣ предосторожности, чтобъ подобнаго съ вами не встрѣтилось, особливо въ горахъ; признаюсь, описаніе дорогъ очень меня на счетъ васъ безпокоитъ. Охота въ пратерѣ должна быть очень пріятна, она сколько нибудь развлекла васъ послѣ скучной жизни въ Троппау. Какое ужасное побоище бѣдныхъ фазановъ!

До полученія еще повелѣнія вашего приказалъ я всѣхъ больныхъ бывшаго Семеновскаго полка перевесть въ артиллерійскій госпиталь; а какъ Государю угодно, чтобъ они помѣщены были въ сухопутные госпитали, то и сіе сходно воли Его Величества немедленно исполнено. По мѣрѣ же выздоровленія сихъ людей я отправлю ихъ по прежнему вашему повелѣнію тотчасъ въ тѣ полки, куда поступили ихъ баталіоны.

Вчера во время выхода было уже человѣкъ 15 новыхъ семеновскихъ офицеровъ. Я нарочно пораньше пріѣхалъ во дворецъ, чтобъ лучше замѣтить, какое они произведутъ впечатлѣніе въ гвардейскихъ офицерахъ, между коими былъ прежде разговоръ, что нельзя ожидать, чтобъ офицеры новаго состава Семеновскаго полка были такіе, какимъ должно быть въ гвардіи. Я замѣтилъ, что внезапное появленіе сихъ офицеровъ произвело во многихъ удивленіе и любопытство ихъ видѣть, и конечно теперь будетъ причиною прекращенія разныхъ неосновательныхъ толковъ. Всѣ сіи офицеры отлично были одѣты и всѣмъ соотвѣтствовали навшему на нихъ выбору; стоя возлѣ преображенскихъ они разговаривали только между собою, другихъ же гвардейскихъ полковъ офицеры разговоровъ съ ними очень мало имѣли.

13-го числа надѣемся дать въ 1-е отдѣленіе разводъ Семеновскаго полка; тогда еще болѣе сдѣлается впечатлѣнія какъ въ иностранцахъ, такъ и въ нашихъ болтунахъ, которые приносятъ ужаснѣйшій вредъ службѣ. 11-го числа генералъ Васильчиковъ полагаетъ прочитать высочайшую грамату Семеновскому полку отъ васъ присланную и тогда экземпляры оной, сходно вашему желанію, распустятся по полкамъ здѣшняго гарнизона. Надѣюсь, что Семеновскій полкъ можетъ служить со временемъ примѣромъ всей гвардіи въ дисциплинѣ и военномъ порядкѣ, безъ коихъ существованіе войскъ бываетъ всегда нетвердое и ненадежное.

Препровождаю при семъ записку Желтухина на счетъ комплектованія Семеновскаго полка. Отъ васъ зависитъ уважить его мнѣніе. Впрочемъ, могу васъ удостовѣрить, что комплектованіе сего полка идетъ быстро и въ должномъ порядкѣ.

По требованію генерала Васильчикова я прошу у военнаго министра 20 тысячъ рублей для Семеновскаго полка и о возвратѣ оныхъ ему прошу сдѣлать распоряженіе, и полагаю не худо поспѣшить разрѣшеніемъ о выдачѣ Васильчикову просимыхъ съ прошедшимъ фельдъегеремъ денегъ, которыя теперь очень нужны на всякія мелочи.

5-го числа Федоръ Петровичъ отправился къ вамъ чрезъ Кіевъ. Онъ разскажетъ вамъ много о здѣшнихъ дѣлахъ, бывъ нѣкоторое время личнымъ всего свидѣтелемъ.

107.

14-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Прибывшій сюда изъ Вышняго-Волочка генералъ-маіоръ Васильчиковъ невыгодно отзывается на счетъ 3-го баталіона бывшаго состава Семеновскаго полка. Онъ сказывалъ мнѣ, собственно для моего свѣдѣнія, что при распредѣленіи имъ сего баталіона многіе были пьяны и не такъ смирно стояли во фронтѣ, какъ бы отъ солдата ожидать слѣдовало. Это заставило меня послать нарочнаго фельдъегеря съ предписаніями партіоннымъ офицерамъ, чтобъ они имѣли строжайшій надзоръ за своими командами, съ тѣмъ, что всякій случившійся въ командахъ ихъ безпорядокъ совершенно останется на ихъ личной отвѣтственности. О каждомъ же чрезвычайномъ случаѣ доносили бы мнѣ тотчасъ по эстафетѣ, для принятія съ моей стороны должныхъ мѣръ. По сему весьма

нужно, какъ я уже вамъ и прежде писалъ, поручить командирамъ армейскихъ полковъ имѣть за ними неослабное наблюденіе.

Коммиссія, учрежденная надъ Шварцомъ, требуетъ для спроса баталіоннаго и ротныхъ командировъ; офицерамъ симъ прилагаю списокъ. Изъ нихъ не принадлежавшихъ къ 1-му баталіону требую я сюда и оставлю здѣсь столько времени, сколько нужно будетъ по дѣлу.

Хотя я писалъ къ вамъ, что 13-го числа надѣемся дать разводъ Семеновскаго полка, что въ особенности было нужно для иностраннаго дипломатическаго корпуса; но теперь долженъ увѣдомить, что графъ Милорадовичъ, по причинамъ весьма кажется недостаточнымъ, отклонилъ исполненіе сего. Вѣроятно о семъ пишетъ вамъ Васильчиковъ.

Къ прискорбію моему долженъ сказать вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, что духъ единомыслія, который при началѣ семеновскаго происшествія одушевлялъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, кои и по власти и по званію ближе знали подробности онаго, исчезъ совершенно. Лица, которыхъ мнѣнія имѣютъ большой вѣсъ въ публикѣ и вліяніе на умы, говорятъ противъ нѣкоторыхъ распоряженій корпуснаго командира. Въ семъ участвуютъ и статскіе, неимѣющіе понятія о томъ, что̀ значитъ военное непослушаніе и какія мѣры приличны въ подобныхъ случаяхъ. Желалъ бы я видѣть сіи умствующія головы на мѣстѣ Васильчикова и посмотрѣть ихъ распоряженія. Не нужно вамъ говорить сколько вредно такое разномысліе, особливо въ отсутствіе Государя, и что оно, внушая неуваженіе къ власти корпуснаго командира, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пагубное впечатлѣніе въ войскахъ и въ публикѣ, коимъ не можетъ не быть извѣстно, что всѣ дѣйствія корпуснаго командира сообразаются или съ намѣреніемъ Государя или даже съ предварительною Его волею. Кромѣ весьма дурныхъ слѣдствій, особенно для службы, другаго отъ сихъ невмѣстныхъ разговоровъ ожидать нельзя. Признаюсь вамъ, что я ничего такъ не желаю теперь какъ скораго вашего пріѣзда, ибо никогда не было столько нужно присутствіе здѣсь Государя, какъ теперь, и потому прошу васъ, почтеннѣйшій князь, стараться по окончаніи заграницею дѣлъ вашихъ поспѣшить сюда пріѣздомъ. Одно появленіе Государя здѣсь зажметъ ротъ многимъ и всему дастъ иной видъ, а между тѣмъ дай Богъ, чтобъ все у насъ было благополучно.

Формированіе Семеновскаго полка по особенному усердію Желтухина идетъ хорошо; 17-го числа Васильчиковъ въ Михайловскомъ экзерцигаузѣ будетъ читать полку грамату, а 20-го полкъ пойдетъ въ караулъ.

Разные толки и безразсудныя сужденія слишкомъ противу прежняго распространяются.

Препровождаю къ вамъ допросъ, снятый съ писаря Измайловскаго полка Степанова; оный посылается къ вамъ и отъ графа Милорадовича. Отъ васъ зависитъ дать дѣлу сему какой угодно ходъ или оное оставить; съ моей же стороны скажу вамъ, что если входить въ подробное розысканіе такихъ нелѣпыхъ разговоровъ, то, судя по множеству ихъ, розыски будутъ безпрестанные; полиція и другіе чиновники будутъ ими обременены, а пользы никакой, ибо всѣ подобные разговоры, какъ изъ опыта уже знаемъ, основаны на пустыхъ случаяхъ и разсказахъ. Между тѣмъ до разрѣшенія вашего приказалъ я писаря Степанова содержать на гаубтвахтѣ, а о фельдфебелѣ роты Его Величества говорилъ Васильчикову, чтобъ за нимъ имѣли неослабное наблюденіе. Впрочемъ, могу васъ увѣрить, что ничего не упускается изъ виду и на все обращается вниманіе.

Мое здоровье плохо, вчера цѣлый день пролежалъ и совершенно не знаю когда мои головныя боли пройдутъ. Грушинька свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и желаетъ всякаго веселья.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы и помните вашего душевно преданнаго.

108.

21-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 31-го декабря. Радуюсь душевно, что отчетами, по департаментамъ мнѣ ввѣреннымъ, могъ я доставить вамъ удовольствіе. Милость же Государя, оказанную мнѣ награжденіемъ представленныхъ отъ меня чиновниковъ, пріемля съ искреннѣйшею признательностью, прошу васъ, почтеннѣйшій князь, повергнуть оную къ стопамъ Его Величества. Запрещеніе представлять къ орденамъ ниже 9-го класса, исполню на будущее время въ точности. Что же касается до сокращенія числа представляемыхъ къ награжденію чиновниковъ, то я всякій разъ въ выборѣ ихъ по возможности ограничиваюсь, и только однихъ самыхъ достойныхъ представляю: число ихъ, въ сравненіи со всѣми вообще чиновниками въ департаментахъ служащими, всегда не велико, лишить же награды и поощренія людей отличныхъ воспрещаетъ

самая польза службы, которую въ сихъ случаяхъ имѣю главнѣйшею цѣлью.

Нельзя удивляться, что князю Мещерскому пришла въ голову такая глупость, когда подобные вздоры занимаютъ и тѣхъ, кто гораздо его старше.

Чувствительно васъ благодарю за разрѣшеніе отпуска 6 тысячъ рублей для здѣшняго Военно-Сиротскаго отдѣленія. Я употреблю всѣ способы, чтобъ довести сіе отдѣленіе до той степени устройства, въ какомъ оно быть должно, то-есть, чтобъ служило образцомъ для прочихъ. Конечно, давно бы оному слѣдовало быть таковымъ, но вамъ извѣстно, какія причины препятствовали мнѣ заняться имъ прежде; теперь же дѣлается оно постепенно лучшимъ противъ прежняго, что вы изволите замѣтить по пріѣздѣ вашемъ, и какъ всего вдругъ исправить невозможно, то хотя исподволь, но съ возможною поспѣшностью надѣюсь довести оное до желаемаго устройства.

О маломъ количествѣ возвращаемыхъ отъ васъ бумагъ писалъ я къ вамъ тогда, когда еще не получалъ отъ васъ присланныхъ послѣ того въ большомъ количествѣ, но теперь получа ихъ, много вамъ благодаренъ за скорое ихъ разрѣшеніе; не худо такимъ же манеромъ поступить и съ аудиторіатскими докладами, дабы подсудимые знали, что ихъ участью занимаются.

О домѣ Главнаго Штаба ничего вамъ сказать не могу, ибо не успѣлъ еще осмотрѣть его какъ слѣдуетъ; по осмотрѣ же донесу вамъ обо всемъ обстоятельно.

Прилагаю при семъ копіи съ двухъ бумагъ, посланныхъ отъ меня къ дивизіонному начальнику 1-й пѣхотной дивизіи и къ командующему Сѣвскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Дай Богъ, чтобъ свѣдѣнія, на коихъ оныя основаны, оказались несправедливы. Что по донесеніямъ окажется, не премину васъ увѣдомить подробно.

Забылъ написать вамъ, съ послѣднимъ фельдъегеремъ, что 13-го числа во дворцѣ, на балѣ, лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Корсаковъ за ужиномъ позволилъ себѣ имѣть мундиръ совсѣмъ разстегнутый, за каковой поступокъ Васильчиковъ велѣлъ ему подать въ армію.

Семеновскій полкъ видѣлъ я нѣсколько разъ, онъ комплектуется хорошо и во всемъ основательно. 18-го числа даны оному знамена и читана Васильчиковымъ грамата: лица были у всѣхъ довольныя, но лица музыкантовъ мнѣ не понравились. Послѣ прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо корпуснаго командира; 1-й и 2-й баталіоны

прошли хорошо, но 3-й во всемъ отъ другихъ отсталъ. Желтухинъ обратитъ на сей баталіонъ особенное вниманіе. Грамата распущена по полкамъ, по вашему желанію. Первые два дня, сужденія военныхъ, не исключая нѣкоторыхъ и генераловъ, по привычкѣ были слишкомъ неприличныя, но мало по малу начинаютъ утихать и перестаютъ уже думать, что прежніе люди сего полка возвратятся. Вообще нынѣшнія вздорныя и вредныя сужденія безпрестанно продолжаются. Единомыслія, которое бы должно всѣхъ направлять къ одной благонамѣренной цѣли, не существуетъ. Вышнія власти стараются по-прежнему затруднять дѣйствіе мѣръ, приличныхъ обстоятельствамъ и зло постепенно распространяется. Вотъ что производитъ отсутствіе Государя въ нынѣшнемъ случаѣ! Повторяю еще вамъ, почтеннѣйшій князь, что скорое возвращеніе ваше сюда необходимо. Дай Богъ, чтобъ вы не ѣздили въ Италію, а вмѣсто того къ намъ бы возвратились.

Усерднѣйше благодарю васъ за попеченіе о моемъ здоровьѣ. По желанію вашему былъ у меня Рейманъ; онъ пишетъ вамъ о томъ, какъ объявила мнѣ ваша тетушка; но не смотря на способы, какіе употребляю по возможности къ поправленію здоровья, все положеніе его плохо.

Намъ остается завидовать климату, въ которомъ вы теперь находитесь. У насъ хотя также послѣ порядочныхъ морозовъ настала умѣренная стужа, а третьяго дня даже шелъ и дождикъ, но кто открылъ бы окошки подобно вамъ, тотъ бы дорого заплатилъ за подражаніе въ семъ случаѣ лайбахскимъ жителямъ.

Вчерашнимъ разводомъ Семеновскаго полка были всѣ довольны и даже болтливые люди; но комендантъ, когда офицеры къ нему являлись, сдѣлалъ неприличный вздоръ, можетъ быть и безъ умыслу, о чемъ вѣрно пишетъ вамъ Васильчиковъ.

Ген.-маіоръ Крейцъ прислалъ просьбу въ отставку, почему и внесенъ въ приказъ, съ симъ фельдъегеремъ посылаемый; проситъ приложенное письмо доставить къ вамъ.

Полученныя мною, какъ на имя ваше и мое письма отъ ген.-маіора Андржейковича, при семъ на ваше разсмотрѣніе препроводить честь имѣю.

Князь Трубецкой, по болѣзни адъютанта своего графа Віельгорскаго, проситъ меня причислить его въ полкъ и испросить ему у васъ до излеченія болѣзни отпускъ, о чемъ посылаю докладную записку.

Сейчасъ возвратился фельдъегерь изъ Пскова и присланный отвѣтъ на мое отношеніе отъ Лаптева посылаю при особомъ донесеніи.

109.

[illegible] января 1821 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннейшій князь Петръ Михайловичъ, отъ [illegible] января я получилъ и приношу за оное мою наичувствительнѣйшую благодарность. Производство кавалергардское внесено въ сей же приказъ, который къ вамъ сегодня посылаю. 40 тысячъ министръ финансовъ [illegible] [illegible] и я оныя безъ всякой формальной [illegible] лично [illegible] Засѣдателю(?). Касательно суда надъ нижними чинами [illegible] [illegible] полка, я исполню все, что отъ [illegible] зависѣть, чтобъ, согласно съ Высочайшею волею, сколько можно [illegible] дойти до истинной причины происшествія; но къ сему не прежде [illegible] приступить, какъ къ то время, когда дѣло поступить уже въ Аудиторіатъ. [illegible] однакожъ нужнымъ предварить васъ, что когда Аудиторіатъ [illegible] [illegible] и можетъ быть сдѣлаетъ по оному замѣчанія съ [illegible] презусу и ассесорамъ, то чтобъ выиграть [illegible], я напишу на докладной запискѣ Аудиторіата: Высочайше повелѣно исполнять по мнѣнію Аудиторіата.

Неудовлетворительный отвѣтъ генерала [illegible] заставилъ меня послать во [illegible] подъ видомъ отпуска подполковника Жуковскаго, для точнѣйшаго узнанія, что тамъ происходило; онъ, безъ сомнѣнія, исполнитъ сіе порученіе съ успѣхомъ. По возвращеніи его не премину [illegible] [illegible] васъ увѣдомить.

Въ множествѣ [illegible] рода нелѣпыхъ слуховъ, ежедневно здѣсь [illegible], узналъ я, что будто одинъ караулъ въ Москвѣ, учинивъ неповиновеніе, оставилъ свой постъ. Это заставило меня послать [illegible] къ коменданту [illegible] и какой полученъ отъ него отвѣтъ, [illegible] въ [illegible], вмѣстѣ съ копіею моего къ нему предписанія.

[illegible] и [illegible] случаи показываютъ, что множество есть такихъ [illegible] и [illegible] людей, которые стараются увеличивать [illegible] [illegible]. Въ нынѣшнее время расположены къ сему въ [illegible] [illegible] [illegible] и всѣ сословія, и потому судите сами, чего [illegible] [illegible] [illegible] со стороны правительства послабленіи.

[illegible] [illegible], вами комплектуемомъ, бываютъ такіе вздорные [illegible], что вы представить себѣ не можете, а потому должно [illegible] [illegible] [illegible] отношеніяхъ поддержать сходно Высочайшей волѣ.

[illegible] васъ за обѣщаніе кончить скорѣе дѣла аудиторіатскія, [illegible] [illegible] васъ [illegible].

По желанію вашему, я осматривалъ домъ Главнаго Штаба, и что замѣтилъ, прилагаю при семъ записку.

Съ симъ фельдъегеремъ посылается приказъ о назначеніи Меллера-Закомельскаго, сына Петра Ивановича, въ адъютанты къ генералу Левенштерну. Отецъ проситъ васъ уважить сіе представленіе для совершеннаго его успокоенія.

Съ фельдъегеремъ, отправленнымъ отсюда 14-го числа сего мѣсяца, статсъ-секретарь Оленинъ послалъ въ конвертѣ на ваше имя пакеты къ Государю, въ которыхъ представляются на утвержденіе рѣшенныя въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла, въ томъ числѣ, дѣло о духовномъ завѣщаніи коллежскаго совѣтника Ефименкова, на котораго дочери женатъ правитель канцеляріи моей Ноинскій. Если вы можете содѣйствовать, чтобъ Государь скорѣе утвердилъ единогласное рѣшеніе совѣта по этому дѣлу и возвратилъ бы его сюда къ исполненію, то тѣмъ чувствительнѣйше меня бы обязали, по особенному участію, которое я принимаю въ Ноинскомъ, какъ въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ чиновникѣ.

Съ каждымъ фельдъегеремъ ожидаю отъ васъ увѣдомленія о времени возвращенія сюда и всякій разъ ошибаюсь. Вы, какъ вижу, наслаждаетесь жизнію въ Лайбахѣ,—прекрасный климатъ, ложитесь рано спать — все это содѣйствуетъ, конечно, много укрѣпленію вашего здоровья, котораго отъ души вамъ желаю. Съ моимъ же здоровьемъ дѣлается противное. Оно все въ одинаковомъ дурномъ положеніи. Совѣтами г. Реймана, на счетъ образа жизни, не могу я, къ сожалѣнію, теперь воспользоваться.

Получивъ донесеніе на счетъ слуха о Сѣвскомъ пѣхотномъ полку, въ оригиналѣ къ вамъ оное препровождаю. Я показывалъ его графамъ Кочубею и Милорадовичу, и просилъ стараться отыскать вреднаго изобрѣтателя сей новости, а сегодня разсказалъ объ этомъ донесеніи во дворцѣ тѣмъ, которые больше занимались симъ слухомъ и объ ономъ говорили. Нельзя не заключить, что сей и подобные слухи распускаются для того, чтобъ сдѣлать пагубное внушеніе здѣшнему гарнизону; впрочемъ желаю, чтобъ я въ этомъ предположеніи ошибся. Вы не воображаете, съ какимъ удовольствіемъ разсказываютъ здѣсь подобныя сему новости, за то хорошимъ и полезнымъ мало занимаются.

Великій князь Николай Павловичъ пріѣхалъ изъ Берлина и поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

Паша Киселевъ, говорятъ, точно женится на Софьи Потоцкой, о

чемъ здѣсь сказываютъ ея родственники. Пишу къ нему, чтобъ достовѣрно меня о семъ увѣдомилъ.

Если Васильчиковъ по разсмотрѣніи дѣла не рѣшится возвратить оное для пополненія, или нарядить новую коммиссію, но Аудиторіатъ найдетъ сіе необходимымъ, тогда полагаю назначить въ презусы генералъ-лейтенанта Демидова; Желтухина же отвлекать нельзя отъ теперешнихъ занятій, а Удома нахожу для сего слабымъ и больнымъ.

Сегодня былъ разводъ Семеновскаго полка 3-го баталіона, довольно изрядный, но люди были одѣты хорошо.

110.

4-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, чувствительнѣйшую благодарность за два письма ваши, одно отъ 12-го (24-го), а другое отъ 15-го (27-го) января.

Въ исполненіи Высочайшей воли, послѣдовавшей на докладную записку мою о нижнихъ чинахъ бывшаго 1-го баталіона Семеновскаго полка, я встрѣтилъ затрудненіе и посылаю вмѣстѣ съ симъ на разрѣшеніе особую записку. Что же касается до наряда новой коммисіи, если Аудиторіатъ найдетъ сіе нужнымъ для переслѣдованія дѣла о сихъ людяхъ, то въ письмѣ моемъ отъ 28-го января я подробно о семъ предметѣ васъ увѣдомилъ и въ точности по оному исполню.

Производство Семеновскихъ подпрапорщиковъ многимъ доставило большую радость.

Исполненіемъ Высочайшей резолюціи о каптенармусѣ Бобровскомъ я до времени удержался, ибо многія обстоятельства, кои сею резолюціею велѣно изслѣдовать, уже розысканы и объяснены въ запискѣ моей, отосланной къ вамъ 31-го декабря вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, а потому буду ожидать разрѣшенія на сію записку. Изъ дѣла о Бобровскомъ вы увидите, что онъ ходилъ въ крѣпость переодѣтый въ фурштадтскій мундиръ, а потому нельзя удивляться, что онъ былъ туда впущенъ, ибо не могъ быть сочтенъ за посторонняго, когда чины фурштадтскаго баталіона возили туда и теперь возятъ хлѣбъ для содержащихся нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка; по сей причинѣ, кажется, излишнимъ будетъ добираться кто были караульные, которыхъ нельзя признать въ семъ случаѣ виновными. Впрочемъ, при самомъ началѣ просилъ я графа Милорадовича о взятіи мѣръ, чтобъ посторонніе не имѣли

сообщенія съ содержащимися въ Петропавловской крѣпости нижними чинами; копію съ сего моего донесенія при семъ прилагаю. Смотрѣніе за симъ непосредственно лежитъ на отвѣтственности коменданта крѣпости.

Рядоваго Московскаго пѣхотнаго полка Бланкова въ Шлиссельбургскую крѣпость отправилъ; другой его товарищъ, рядовой Алекринскій, будетъ посланъ туда по выздоровленіи, ибо теперь за болѣзнію находится въ Сухопутномъ госпиталѣ. Объ обоихъ сдѣлано отъ меня надлежащее предписаніе г. Плуталову, а гдѣ рядовые сіи будутъ находиться, объявилъ я графу Кочубею.

Переплетчики военной типографіи дѣйствительно еще не таковы, какими быть должны. Хотя къ приготовленію ихъ всѣ нужныя мѣры приняты, но одинъ изъ нихъ, отданный въ ученье къ лучшему мастеру, не удался, а тѣмъ, коп послѣ отданы, не вышли еще контракты. При всемъ томъ весьма жалѣю, что худо переплетенная книжка Собранія Законовъ подала вамъ случай попрекнуть Быкова брилліантами. Вамъ извѣстно, что̀ была типографія и что̀ она теперь. Перемѣна эта послѣдовала при Быковѣ, его неусыпною дѣятельностью, и смѣю увѣрить, что другаго на его мѣсто не скоро сыскать можно.

Большое количество бумагъ отправилъ я съ Лощевскимъ потому, что прежде многія оставались до вашего пріѣзда, передъ отправленіемъ же Лощевскаго получилъ я разрѣшеніе посылать къ вамъ всѣ, и потому вдругъ ихъ и отправилъ. Лощевскаго и я замѣчаю съ нѣкотораго времени не такъ расторопнымъ какъ онъ былъ прежде.

О граматахъ на знамена и штандарты пришлю вамъ особое донесеніе съ первымъ фельдъегеремъ.

Ермоловъ скоро сюда будетъ и вѣрно дождется пріѣзда Государя, если грузинскія его дѣла позволятъ. Онъ особенно будетъ благодаренъ вамъ за переводъ въ гвардію племянника его. Съ княземъ Дадіаномъ никакъ не могъ онъ поступить по § 7-му учрежденій дѣйствующей арміи, ибо онъ права на то не имѣетъ, и тѣмъ менѣе, что сей офицеръ принадлежитъ къ гвардейскому корпусу; впрочемъ, будьте увѣрены, что требуемое вами мнѣніе онъ пришлетъ сообразно поступкамъ Дадіана.

По предписанію вашему отъ 12-го января № 2-й о Столяровѣ и Левицкомъ производится изысканіе по личному моему объясненію съ графомъ Милорадовичемъ, но еще ничего не открыто.

Прилагаю записку о бывшей 28-го числа января дуэли Преображенскаго полка у поручика Болховскаго лейбъ-гвардіи Уланскаго полка съ корнетомъ Рубцовымъ, въ коей послѣдній убитъ на мѣстѣ. Васильчиковъ доноситъ вамъ также о семъ происшествіи.

о семъ не было, и въ предписаніи вашемъ отъ 4-го ноября № 2000, гдѣ подробно изложены всѣ распоряженія на счетъ отправленія людей и офицеровъ сего полка, ничего о томъ не сказано, а только отъ меня писано было Васильчикову отъ 17-го ноября № 4872, чтобъ во время слѣдованія командъ ни подъ какимъ видомъ офицеровъ въ Петербургъ не пускать и о семъ распоряженіи моемъ донесъ вамъ рапортомъ отъ 19-го ноября № 4902. Впослѣдствіи хотя и приступилъ я къ отпуску нѣкоторыхъ офицеровъ въ Петербургъ на день и не болѣе какъ на три дня, но отнюдь не для того, чтобъ доставить имъ удовольствіе, а единственно потому, что необходима была личная ихъ здѣсь бытность для разсчета съ артелями и весьма немногихъ для распоряженія оставшимся здѣсь ихъ имуществомъ въ томъ уваженіи, что они отправлены отсюда внезапно и въ бытность ихъ здѣсь имѣлъ за ними особенное наблюденіе. О семъ доносилъ я вамъ запискою отъ 19-го ноября, на коей вы отмѣтили резолюцію *напрасно;* и какъ прежде, такъ и послѣ кромѣ резолюціи на сей запискѣ другаго повелѣнія на сей счетъ я не имѣлъ. Но по полученіи мною обратно сей записки всѣ уже пріѣзжавшіе сюда офицеры были отсюда высланы, кромѣ принадлежащихъ къ 1-му баталіону и вытребованныхъ послѣ, кои всѣ нужны по дѣлу, какъ я писалъ къ вамъ въ письмѣ отъ 14-го января. Но теперь всѣхъ вышлю кромѣ нужныхъ офицеровъ для коммиссіи военнаго суда.

По объявленіи приказа о назначеніи Удома командиромъ Семеновскаго полка былъ я у него и засталъ его весьма слабымъ. Онъ объявилъ, что дня черезъ четыре надѣется выѣхать, по судя по его слабости сомнѣваюсь, чтобъ онъ такъ скоро выздоровѣлъ.

Сегодня смотрѣлъ я кондукторскую школу вѣдомства великаго князя Николая Павловича и нашелъ оную въ отличномъ устройствѣ какъ на счетъ преподаванія наукъ, такъ содержанія и помѣщенія воспитанниковъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

Соломка сего дня къ вамъ отправляется.

112.

11-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Послѣ письма моего, писаннаго къ вамъ съ Соломкою, не имѣю ничего особеннаго сообщить вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Рядовой Московскаго пѣхотнаго полка Алекринскій, о которомъ я

по моему вѣдомству при самомъ началѣ образованія дежурства, и не только ходить по домамъ для переписки, но и вообще переписывать партикулярныя бумаги не велѣно и за этимъ по моей части строго наблюдаю.

По послѣднему письму вашему я уже и надежду потерялъ о скоромъ вашемъ возвращеніи. Хотя слухи и разсказы нѣсколько поутихли и сужденія высшихъ классовъ поуменьшились, но все еще много бываетъ различныхъ вредныхъ толковъ, которые привесть въ ничтожество можетъ одно присутствіе Государя. Не смѣю рѣшительно сказать суть-ли они и у насъ дѣйствіемъ неблагонамѣренныхъ секретныхъ обществъ, подобно какъ и въ другихъ государствахъ, или только пустое болтанье праздныхъ и легковѣрныхъ, но то вѣрно, что еслибъ кто-либо замѣченъ былъ мною по моему вѣдомству принадлежащимъ къ какому либо изъ подобныхъ обществъ, то не ожидая разрѣшенія я принялъ бы на счетъ его такія мѣры, какія только по нынѣшнимъ обстоятельствамъ могуть быть приличны.

По происшествіямъ въ Парижѣ и въ Гишпаніи, которыя видны отчасти и изъ газетъ, рано или поздно должно ожидать ужасной развязки; дай Богъ, чтобъ мы до ее не дожили.

Гербъ на Русскомъ Инвалидѣ съ 7-го нумера по 10-й не выставленъ единственно для того, чтобъ выиграть мѣсто для напечатанія скопившихся вдругъ разныхъ статей. Причина эта оговорена и въ самыхъ сихъ вѣдомостяхъ № 8.

Весьма радуюсь, что изданіе книги сводъ узаконеній вамъ понравилось. Неравенство въ оттискахъ, конечно, есть недостатокъ, но и въ самыхъ лучшихъ типографіяхъ, даже и въ Дидотовой, не всегда могутъ его избѣгнуть. Несоблюденіе точности въ алфавитѣ есть неосторожность, впрочемъ незначущая. О переплетчикахъ я уже писалъ къ вамъ и надѣюсь, что со временемъ и по сей части будете вы довольны нашею типографіею

О Гусевѣ посылаю къ вамъ заключеніе Аудиторіата и Государственнаго Совѣта. По пріѣздѣ его сюда исполню на счетъ его ваше приказаніе.

О поступкѣ Бибикова посылаю особое донесеніе. При подачѣ Арсеньевымъ прошенія въ отставку я дѣйствительно объявилъ ему, чтобъ просилъ по командѣ; но въ то время не было еще у меня въ виду повелѣнія, что отъ офицеровъ прежняго Семеновскаго полка запрещено принимать подобныя прошенія, да еслибъ и зналъ о семъ повелѣніи, то и тогда не могъ бы дать ему другаго отвѣта, чтобы не обнаружить здѣсь предъ нимъ и его товарищами, что таковое повелѣніе существуетъ. Впро-

чемъ вы подробно увидите изъ докладной записки мною о семъ къ вамъ посланной.

Я писалъ къ вамъ о желаніи генералъ-маіора Веселицкаго считаться по квартирмейстерской части. Повторяю о семъ мою у васъ просьбу въ надеждѣ, что вы не встрѣтите затрудненія удовлетворить ее, между прочимъ, и въ томъ уваженіи, что и другіе начальники штабовъ пользуются симъ преимуществомъ.

Хотя, какъ вамъ извѣстно изъ моего донесенія, слухи о Сѣвскомъ полку оказались совершенно ложными, но желая сколько можно дойти до истины отъ кого они вышли, я собралъ свѣдѣнія по доставленной ко мнѣ объ нихъ отъ графа Кочубея записки и подлинныя посему предмету бумаги препровождаю къ вамъ при особомъ моемъ донесеніи. Рапортъ генералъ-маіора Бистрома о поручикѣ Симборскомъ при семъ на разсмотрѣніе ваше посылаю, а до полученія онаго посадилъ его на гаубтвахту.

Препровождаю при семъ къ вамъ письмо Михаила Орлова, который увѣдомляетъ васъ, что женится на дочери генерала Раевскаго.

Иванъ Федоровичъ Удомъ очень болѣнъ и выздоровленіе его кажется сомнительно.

114.

25-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу отвѣтствовать вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, на письмо ваше отъ 6-го февраля.

О Сѣвскомъ полку отправилъ я къ вамъ при письмѣ отъ 28-го января послѣднія бумаги. Безъ сомнѣнія, весьма бы полезно было отыскать перваго выдумщика такой новости, но это зависитъ отъ полиціи и я, какъ и въ письмѣ моемъ отъ 28-го января васъ увѣдомлялъ, просилъ о томъ графовъ Кочубея и Милорадовича. Находящагося здѣсь Сѣвскаго полка штабсъ-капитана Малинина я подробно спрашивалъ и для лучшаго удостовѣренія приказалъ ему подать рапортъ, который въ подлинникѣ къ вамъ препровождаю; нижнихъ же чиновъ никого при немъ не находится. Впрочемъ и не вѣроятно, чтобъ сами офицеры выдумали про свой полкъ такую исторію, которая бы къ ихъ же предосужденію относилась. Слухъ о Елецкомъ полку, сообщенный адъютантомъ Ожаровскаго, по всему кажется есть одинъ и тотъ же съ слухомъ о полку Сѣвскомъ, перемѣна же названія полка легко могла по-

слѣдовать при передачѣ сей новости отъ одного другому. Полиціи дѣло дойти до источника, и въ этомъ случаѣ въ моемъ же содѣйствіи можетъ встрѣтиться надобность тогда только, когда розыскъ коснется до военныхъ и тогда я не премину исполнить мою обязанность.

Полковникъ Корсаковъ подалъ прошеніе въ отставку и какъ приказъ объ немъ уже къ вамъ отправленъ, то отъ васъ зависѣть будетъ написать его вмѣсто отставки въ полки 3-го пѣхотнаго корпуса. На мѣсто командира гвардейскихъ жандармовъ постараюсь сыскать офицера, но не предполагаю исполнить сего въ скорости, потому что изъ кавалерійскихъ офицеровъ мало имѣю знакомыхъ или особенно мнѣ извѣстныхъ. Но о выборѣ таковаго я писалъ прежде къ Васильчикову.

О графѣ Віельгорскомъ доношу вамъ формально

Андржейковичу объявилъ я отставку и причину оной. Дѣйствительно, теперь думаютъ о службѣ совсѣмъ иначе нежели думали прежде: теперь всякій добивается какъ бы получить почести и отличія и ничего не дѣлать. Мѣра, принимаемая на сей счетъ Государемъ, есть самая лучшая и постоянное наблюденіе ея можетъ отбить охоту у многихъ уклоняться отъ службы.

Формуляръ о службѣ Нарвскаго пѣхотнаго полка маіора Макка при семъ препровождаю. Онъ поступилъ въ нашу службу изъ польскихъ дворянъ и въ 1808 году іюня 11-го, по предписанію генералъ-лейтенанта князя Голицына 5-го, опредѣленъ унтеръ-офицеромъ въ Навагинскій мушкетерскій полкъ.

На вопросъ вашъ кто именно *вышнія власти* и проч. я ничего въ объясненіе сказать болѣе не могу, если вы изъ самыхъ сихъ словъ не можете догадаться. Впрочемъ я уже писалъ къ вамъ, что о подобныхъ моихъ замѣчаніяхъ предоставляю себѣ только лично съ вами объясниться.

О семеновскихъ музыкантахъ я тогда же объяснялся съ Васильчиковымъ и отъ него поручено было Желтухину, а потомъ Удому имѣть за ними строгій надзоръ. Теперь вторично говорилъ я съ Васильчиковымъ, и если что-либо и малѣйшее замѣчено будетъ въ сихъ чинахъ, то въ тоже время выписываемы будутъ подъ предлогомъ дурнаго поведенія въ армію, а на ихъ мѣсто назначу изъ учебнаго карабинернаго полка.

По содержанію письма вашего отъ 30-го января, посылаю къ вамъ допросъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка роты Его Величества фельдфебеля Навалихина и отзывъ коменданта Сукина, о приходившемъ изъ крѣпости бывшаго Семеновскаго полка фельдфебелѣ Брагинѣ.

Къ сему присовокупляю какъ прежнее, такъ и вторичное показаніе писаря Степанова и рапортъ слѣдственнаго пристава Мылова. Кто по симъ послѣднимъ двумъ бумагамъ правъ и кто виновенъ утвердительно сказать не могу, а предоставляю вашему разсмотрѣнію. А какъ въ письмѣ отъ 30-го января *велѣли вы узнать,* кто такой и чиновникъ Валяевъ, въ показаніи писаря Степанова упоминаемый, то доставленный объ немъ отъ Абакумова формуляръ также къ вамъ посылаю.

Препровождаю къ вамъ копію съ записки полиціи о бомбардирѣ Васильевѣ вмѣстѣ съ снятымъ съ него допросомъ при депутатѣ съ военной стороны. Васильева впредь до разрѣшенія вашего отправилъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Разсылка экземпляровъ о стрѣлковомъ ученьи замедлилась отъ вольныхъ переплетчиковъ, которымъ отданы оные были по невозможности своихъ успѣть переплесть въ скорости; но теперь тысяча экземпляровъ уже готова и на будущей недѣли можетъ быть разослана. Два экземпляра сей книжки при семъ посылаю.

Считаю нужнымъ предварить васъ, что московскій комендантъ Волковъ все страдаетъ отъ болѣзни. Ему отдыхъ необходимъ.

Душевно радуюсь, что вы освободились отъ своей болѣзни, это доказывается и еще болѣе тѣмъ, что вы могли даже быть на охотѣ. Но вы приводите меня въ отчаяніе извѣстіемъ о намѣреніи вашемъ ожидать окончанія дѣлъ неаполитанскихъ. Соображая извѣстную медленность австрійцевъ, я предвижу впередъ, что война эта продлится и васъ скоро не увижу. Впрочемъ, начатое Государемъ должно кончить какъ прилично Его величію. Истинно благодарю васъ за участіе въ моемъ здоровьи, но оно все въ одинаковомъ положеніи.

Письмо Раевскаго при семъ посылаю.

115.

4-го марта 1821 г. С.-Петербургъ.

Наконецъ изъ письма вашего, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 15-го (27-го) февраля, увидѣлъ я къ большому моему удовольствію, что возвращеніе ваше сюда приближается; а съ первымъ фельдъегеремъ надѣюсь имѣть отъ васъ увѣдомленіе и о самомъ днѣ вашего выѣзда, каковаго извѣстія съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Съ дѣломъ о нижнихъ чинахъ бывшаго Семеновскаго полка поступаю въ точности, какъ вы ко мнѣ пишете, равно какъ и съ дѣ-

ломъ о флейщикѣ Васильевѣ и рядовомъ Маторовѣ, которое поступило уже въ Аудиторіатъ.

Сравнительный счетъ, что̀ будетъ стоить гвардейская подвижная инвалидная рота и число сторожей, предполагаемыхъ для дома Главнаго Штаба, по составленіи не премину къ вамъ доставить.

Киселевъ дѣйствительно женится на Потоцкой, я получилъ отъ него о томъ письмо; надѣюсь, что онъ и васъ о томъ уже увѣдомилъ.

Вы изволите писать, что Удомъ назначенъ командиромъ между прочимъ и по моему письму къ вамъ; позвольте сказать, почтеннѣйшій князь, что въ письмѣ моемъ отъ 17-го декабря писалъ я къ вамъ о желаніи самого Удома получить это мѣсто, какъ я замѣтилъ изъ его разговора; впрочемъ, какъ прежде писалъ, такъ и теперь считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что онъ все слабъ и не выѣзжаетъ, если же и выѣдетъ, то не полагаю, чтобъ надолго.

Какъ всякая шалость находитъ защитниковъ, то и за Корсакова многіе вступались; жалко только, что въ числѣ ихъ были самые его начальники.

Бибикова я спрашивалъ о причинѣ, по коей онъ идетъ въ отставку; онъ сказалъ мнѣ, что его побуждаютъ къ тому единственно разстроенныя домашнія дѣла, для коихъ долженъ онъ непремѣнно прожить три года въ деревнѣ, о чемъ онъ писалъ и къ вамъ. Впрочемъ, я имъ столько же доволенъ, какъ и вы.

Съ княземъ Голицынымъ я говорилъ и онъ вчера еще послалъ чиновника Максимова въ Брестъ-Литовскій.

Андржейковичъ истинно раскаивается въ своемъ поступкѣ, поставляя причиною то единственно, что онъ по долгу признательности къ графу Беннигсену хотѣлъ кончить его порученіе; но теперь со слезами признавался мнѣ, что онъ сдѣлалъ это весьма необдуманно и проситъ опредѣлить его куда угодно будетъ Государю. Письмо его о семъ къ вамъ препровождаю.

Судъ надъ Шварцомъ конченъ и отправленъ по командѣ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія и Орловъ уволенъ на 28 дней въ Москву.

27-го января во дворцѣ за обѣдомъ у Императрицы Елисаветы Алексѣевны между генералами Толемъ и графомъ Орловымъ-Денисовымъ произошла ссора. По нездоровью моему я этотъ разъ во дворцѣ не обѣдалъ, а потому не знаю подробностей сей ссоры, но Васильчиковъ пишетъ къ вамъ о семъ обстоятельно.

Больныхъ въ здѣшнихъ госпиталяхъ необыкновенно прибавляется, такъ что если это продолжится, то я скоро буду въ затрудненіи куда

Къ сему присовокупляю какъ прежнее, такъ и вторичное показаніе писаря Степанова и рапортъ слѣдственнаго пристава Мылова. Кто по симъ послѣднимъ двумъ бумагамъ правъ и кто виновенъ утвердительно сказать не могу, а предоставляю вашему разсмотрѣнію. А какъ въ письмѣ отъ 30-го января *велѣли вы узнать,* кто такой и чиновникъ Валяевъ, въ показаніи писаря Степанова упоминаемый, то доставленный объ немъ отъ Абакумова формуляръ также къ вамъ посылаю.

Препровождаю къ вамъ копію съ записки полиціи о бомбардирѣ Васильевѣ вмѣстѣ съ снятымъ съ него допросомъ при депутатѣ съ военной стороны. Васильева впредь до разрѣшенія вашего отправилъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Разсылка экземпляровъ о стрѣлковомъ ученьи замедлилась отъ вольныхъ переплетчиковъ, которымъ отданы оные были по невозможности своихъ успѣть переплесть въ скорости; но теперь тысяча экземпляровъ уже готова и на будущей недѣли можетъ быть разослана. Два экземпляра сей книжки при семъ посылаю.

Считаю нужнымъ предварить васъ, что московскій комендантъ Волковъ все страдаетъ отъ болѣзни. Ему отдыхъ необходимъ.

Душевно радуюсь, что вы освободились отъ своей болѣзни, это доказывается и еще болѣе тѣмъ, что вы могли даже быть на охотѣ. Но вы приводите меня въ отчаяніе извѣстіемъ о намѣреніи вашемъ ожидать окончанія дѣлъ неаполитанскихъ. Соображая извѣстную медленность австрійцевъ, я предвижу впередъ, что война эта продлится и васъ скоро не увижу. Впрочемъ, начатое Государемъ должно кончить какъ прилично Его величію. Истинно благодарю васъ за участіе въ моемъ здоровьи, но оно все въ одинаковомъ положеніи.

Письмо Раевскаго при семъ посылаю.

115.

4-го марта 1821 г. С.-Петербургъ.

Наконецъ изъ письма вашего, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 15-го (27-го) февраля, увидѣлъ я къ большому моему удовольствію, что возвращеніе ваше сюда приближается; а съ первымъ фельдъегеремъ надѣюсь имѣть отъ васъ увѣдомленіе и о
вашего выѣзда, каковаго извѣстія съ нетерпѣніемъ о

Съ дѣломъ о нижнихъ чинахъ бывшаго Семе
ступлю въ точности, какъ вы ко мнѣ пишете, р

ломъ о флейщикѣ Васильевѣ и рядовомъ Матвеѣ, которые поступили уже въ Аудиторіатъ.

Сравнительный счетъ, что будетъ стоить [illegible] инвалидная рота и число сторожей, предполагаемыхъ для [illegible] наго Штаба, по составленіи не премину къ вамъ доставить.

Киселевъ дѣйствительно женится на Потоцкой. [illegible] него о томъ письмо; надѣюсь, что онъ и васъ о томъ уже уведомилъ.

Вы изволите писать, что Удомъ назначенъ [illegible] прочимъ и по моему письму къ вамъ; позвольте сказать, [illegible] шій князь, что въ письмѣ моемъ отъ 17-го декабря писалъ я [illegible] о желаніи самого Удома получить это мѣсто, какъ я заключилъ изъ его разговора; впрочемъ, какъ прежде писалъ, такъ и теперь считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что онъ все слабъ и не выѣзжаетъ, если и выѣдетъ, то не полагаю, чтобъ надолго.

Какъ всякая шалость находитъ защитниковъ, то и за Бороздина многіе вступались; жалко только, что въ числѣ ихъ были самые его начальники.

Бибикова я спрашивалъ о причинѣ, по какой онъ просилъ объ отставку; онъ сказалъ мнѣ, что его побуждаютъ къ тому совершенно разстроенныя домашнія дѣла, для коихъ долженъ онъ непремѣнно прожить три года въ деревнѣ, о чемъ онъ писалъ и къ вамъ. Впрочемъ, я имъ столько же доволенъ, какъ и вы.

Съ княземъ Голицынымъ я говорилъ и онъ [illegible] чиновника Максимова въ Брестъ-Литовскій.

Андржейковичъ истинно раскаивается въ своемъ [illegible] ставляя причиною то единственно, что онъ по долгу [illegible] графу Беннигсену хотѣлъ кончить его [illegible] признавался мнѣ, что онъ сдѣлалъ это весьма [illegible] опредѣлить его куда угодно будетъ Государь. [illegible] вамъ препровождаю.

Судъ надъ Шварцомъ конченъ и отправленъ на [illegible] нѣйшаго разсмотрѣнія и Орловъ уволенъ на 28 [illegible]

27-го января во дворцѣ за обѣдомъ у [illegible] Алексѣевны между генералами Толемъ и [illegible] произошла ссора. По нездоровью [illegible] лъ, а потому не зна[illegible] шетъ къ вамъ о семъ.

Больныхъ въ [illegible] такъ что если это

ихъ дѣвать. Сравнительную о числѣ ихъ вѣдомость за январь и февраль посылаю.

Аудиторскія дѣла опять начали у васъ гостить долго; убѣдительнѣйше прошу васъ поспѣшить ихъ окончаніемъ и присылкою сюда.

Посылку въ Тульчинъ къ графинѣ Витгенштейновой отправлю съ первымъ фельдъегеремъ, съ послѣднимъ же къ отправленію не поспѣла.

Письмо къ Паулуччи отправлено по почтѣ.

Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за участіе ваше въ моемъ здоровьѣ. Согласенъ весьма съ Рейманомъ, что движеніе могло бы мнѣ помочь, но не въ нынѣшнее время. Надняхъ выдержалъ я вновь жестокую головную боль, которая, впрочемъ, и почти всякій день не оставляетъ меня совсѣмъ.

116.

25-го марта 1821 г. С.-Петербургъ.

Письма ваши, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 2-го и 3-го марта, получилъ я 19-го числа въ день вшествія нашего въ Парижъ; дай Богъ, чтобъ это было счастливымъ предзнаменованіемъ.

О недаваніи никакихъ отпусковъ штабъ и оберъ-офицерамъ бывшаго Семеновскаго полка я сообщу Высочайшую волю г. главнокомандующему 1-ю арміею. Обресковъ былъ уволенъ сюда корпуснымъ командиромъ, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ подлиннаго его паспорта. Пріѣхалъ сюда 4-го февраля, а выѣхалъ 3-го числа сего мѣсяца.

При командирѣ 5-го корпуса графѣ Толстомъ находится адъютантомъ на лицо Кавалергардскаго полка поручикъ графъ Шереметевъ, тотъ самый, котораго мать въ замужествѣ за бывшимъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Ивашкинымъ. Тому нѣсколько мѣсяцевъ и я получилъ свѣдѣніе, что онъ пропалъ безъ вѣсти и тогда же писалъ о семъ партикулярно въ Москву, но меня увѣдомили, что онъ проигравшись въ карты и боясь матери, уѣхалъ самовольно въ Серпуховъ, гдѣ пробывши три дня возвратился назадъ. Обстоятельство сіе счелъ я весьма маловажнымъ, чтобъ доводить оное до свѣдѣнія вашего.

Какое производилось въ инспекторскомъ департаментѣ дѣло о безпорядкахъ по харьковскому Военно-Сиротскому отдѣленію, съ онаго выписку при семъ прилагаю. Свѣдѣній же, изъ коихъ бы видно было, что изъ сего отдѣленія назначаются 8 человѣкъ учителей въ рядовые за ложный доносъ на смотрителя, никакихъ я не получалъ, кромѣ того

только, что въ началѣ сего мѣсяца по представленію командира харьковскаго баталіона подполковника Беренгорштa разжалованы были три учителя, но не за ложный доносъ, а за дурное и развратное поведеніе.

О служившемъ въ квартирмейстерской части подпоручикѣ Зубковѣ препровождаю формуляръ.

Благодарю васъ покорнѣйше за реляцію о дѣйствіяхъ австрійцевъ. Желаю имъ всевозможныхъ успѣховъ.

По извѣстіямъ вашимъ о происшествіяхъ въ Туринѣ весьма ясно чего ожидать слѣдуетъ. Бунтовщики могутъ дѣйствовать въ тылъ австрійцамъ, коихъ войска, посланныя къ Неаполю, едва ли достаточны будутъ уничтожить и неаполитанскую армію. Заключеніе ваше на счетъ ненадежнаго положенія Франціи и даже Германіи не подлежитъ сомнѣнію. Тожь можно сказать и объ англичанахъ, которые, по своей торговой разсчетливости, не преминутъ воспользоваться распространяющимися безпокойствами. Прибавьте къ этому происшествіе, вамъ конечно уже извѣстное, о безпокойствахъ въ Молдавіи и Валахіи: будутъ ли равнодушно смотрѣть на это турки? Нельзя надѣяться и на нашихъ сосѣдей шведовъ, ожидающихъ случая возвратить Финляндію. Словомъ, большихъ происшествій ожидать должно и благоразумная предусмотрительность требуетъ брать заблаговременно мѣры.

Основываясь на семъ и имѣя въ виду, что армейскимъ полкамъ и даже гвардіи предназначено двинуться, я полагаю, что границы турецкія не должны быть слабы числомъ войскъ на всякій случай. Здѣшняя же столица и по положенію своему и по тому, что она болѣе иностранный нежели россійскій городъ, должна занять особенно ваше вниманіе. Множество здѣшнихъ разскащиковъ, между коими есть, безъ сомнѣнія, и злонамѣренные, требуютъ, чтобъ начальникъ въ городѣ былъ человѣкъ дѣятельный, рѣшительный и съ особенною властію; постарайтесь разспрашивать пріѣзжающихъ къ вамъ отсюда ѣдущихъ, къ коимъ имѣете вѣру и вы убѣдитесь до какой степени распространяются здѣсь вредные толки. Команду же надъ войсками, которыя здѣсь оставите, должно ввѣрить отличному генералу, который бы дѣйствовалъ въ случаѣ нужды рѣшительно, не спрашивая разрѣшенія. Надо весьма подумать о составѣ арміи и финансахъ. Въ арміи теперь большею частію молодые неопытные офицеры, весьма мало осталось тѣхъ, кои служили послѣднюю кампанію. По отставкамъ вижу, что и теперь безпрестанно выходятъ изъ службы штабъ и оберъ-офицеры отличные и потому нужно теперь же остановить всѣ просьбы, поданныя прежде 1-го января въ отставку, вымаравъ изъ приказовъ какіе у васъ теперь есть

а я просьбы сіи возвращу къ главнокомандующимъ и къ отдѣльнымъ корпуснымъ командирамъ съ донесеніемъ, что теперь не то время, чтобъ идти въ отставку и тѣмъ нѣсколько остановить выходъ хорошихъ офицеровъ. При томъ не худо открыть свободное опредѣленіе въ службу тѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, кои служили прошедшую кампанію и уволены не за пороки. Остановить по всѣмъ частямъ ассигнованіе суммъ на такіе предметы, кои терпятъ время, чтобъ дать возможность Гурьеву изворачиваться, ибо онъ крехтитъ. Уничтоженіе полковыхъ обозовъ и несформированіе еще фурштатовъ потребуетъ экстраординарныхъ большихъ суммъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о себѣ. Положеніе европейскихъ дѣлъ, движеніе арміи и гвардіи очевидно показываютъ, что я скоро останусь здѣсь съ одними пустыми текущими дѣлами. Вы знаете, почтеннѣйшій князь, что во время нѣсколькихъ кампаній я всегда служилъ на ряду съ другими. Весьма не желаю и считаю для себя унизительнымъ быть въ настоящее время княземъ Гагаринымъ, занимаясь въ столицѣ письменными дѣлами во время военное. При томъ же думаю, что въ настоящее время я гораздо вамъ буду полезнѣе при васъ нежели здѣсь. Если же полагаете, что отъѣздъ мой отсюда произведетъ запутанность въ дѣлахъ, то на этотъ счетъ будьте покойны. По выступленіи войскъ за границу всякій легко исполнитъ здѣсь мою должность. Впрочемъ, я устрою такимъ образомъ, что дѣла пойдутъ точно такъ, какъ бы я здѣсь самъ находился, а развѣ только умножится нѣсколько количество нерѣшенныхъ текущихъ дѣлъ, что не заслуживаетъ особеннаго вниманія, и если бы это случилось, то поправить послѣ не будетъ затрудненія. И такъ, почтеннѣйшій князь, я увѣренъ, что вы не будете отлагать за меня приняться и я жду съ нетерпѣніемъ приказанія вашего къ вамъ отправиться. Приготовленіемъ я уже занялся; оно меня ни мало не задержитъ; число чиновниковъ возьму только нужное. Походный нашъ обозъ, сдѣланный для дежурства, очень теперь пригодится.

Гурьевъ при разговорѣ со мною сказывалъ мнѣ, что весьма бы полезно было, чтобъ полки при выступленіи за границу не брали туда съ собою артельныхъ и другихъ денегъ ассигнаціями, а размѣняли бы ихъ въ Россіи на звонкую монету; или взять у нихъ ассигнаціи въ казну до возвращенія полковъ въ Россію. Сію мѣру признаетъ онъ нужною для того, чтобъ не надѣлали за границею фальшивыхъ нашихъ ассигнацій, какъ въ прежнія кампаніи было. Обстоятельство сіе предоставляю вашему разсмотрѣнію.

Генералъ и флигель-адъютанты, а равно и ваши адъютанты, услы-

шавъ о движеніи войскъ, приступаютъ ко мнѣ, чтобъ имъ объявилъ, нѣтъ-ли какого имъ назначенія; а потому я довожу сіе до вашего свѣдѣнія на тотъ предметъ, чтобъ вы разрѣшили меня, что имъ отвѣчать.

Ермоловъ для объясненія съ Государемъ о дѣлахъ грузинскихъ уѣхалъ къ вамъ вчера.

Ящикъ, доставленный отъ Селявина, отправленъ съ фельдъегеремъ при немъ находящимся.

Бибиковъ на дняхъ къ вамъ отправляется, Кремковскій тоже; они снабжены отъ меня прогонами въ одинъ путь.

По полученіи здѣсь указовъ о движеніи войскъ, на другой же день говорили о семъ въ городѣ, вѣроятно по перепискѣ иностранныхъ министровъ и купеческихъ конторъ. О назначеніи Ермолова также извѣстно въ городѣ, хотя слуховъ о семъ меньше. Великій князь Михаилъ Павловичъ сказывалъ, что о назначеніи Алексѣя Петровича писалъ Цесаревичъ къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Михаилъ Павловичъ спрашивалъ о семъ Ермолова и меня, но отъ обоихъ насъ получилъ отвѣтъ, что мы ничего о семъ не знаемъ.

Всѣхъ находящихся здѣсь изъ разныхъ армейскихъ полковъ въ отпуску штабъ и оберъ-офицеровъ, не смотря на то, что сроки ихъ отпускамъ не кончились, высылаю я къ ихъ командамъ. Когда же получено будетъ повелѣніе о выступленіи гвардіи, то напишу всѣмъ комендантамъ о высылкѣ къ полкамъ и гвардейскихъ офицеровъ, не смотря также на то, что отпуски ихъ не кончились.

Прибывшіе на укомплектованіе гвардіи люди, впредь до возвращенія Государя, прикомандированы были къ гренадерскимъ полкамъ императора австрійскаго, короля прусскаго и наслѣдника принца прусскаго; а какъ оставленіе ихъ при сихъ полкахъ обременило бы оные при движеніи корпуса, то я совѣтовалъ Васильчикову распредѣлить сихъ людей въ гвардейскіе полки, что онъ и приводитъ въ исполненіе.

Посылаю къ вамъ особое донесеніе на счетъ рекрутъ кавказскаго корпуса.

Согласно желанію вашему говорилъ я Ермолову о назначеніи генералъ-маіоровъ: Нейдгарта— начальникомъ штаба, а Шуберта —генералъ-квартирмейстромъ. Но онъ полагаетъ, что Шубертъ не могъ пріобрѣсть въ одномъ корпусѣ бывшемъ во Франціи такихъ познаній, которыя бы могли сдѣлать его способнымъ къ сей должности. Нейдгарта же считаетъ онъ болѣе способнымъ къ занятію мѣста генералъ-квартирмейстра, тѣмъ болѣе, что онъ по сей части употребленъ уже былъ въ послѣднюю кампанію покойнымъ главнокомандующимъ. Дежурнымъ генераломъ на-

значаетъ онъ генералъ-маіора Головина, а о начальникѣ штаба хотѣлъ лично съ вами объясниться.

117.

1-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ.

Послѣ фельдъегеря, пріѣхавшаго 19-го числа сего мѣсяца, другаго отъ васъ не пріѣзжало. Вы можете себѣ представить, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, какъ непріятно оставаться такъ долго въ невѣдѣніи о томъ, что у васъ происходитъ, особливо въ настоящее время. При томъ же это самое даетъ пищу разнымъ пустымъ толкамъ и слухамъ. Посему я вновь прошу васъ, почтеннѣйшій князь, не скупиться фельдъегерями, а отправлять ихъ сюда ежедневно, буде нѣтъ особенной причины, по которой нельзя сего сдѣлать.

Ермоловъ, готовый уже садиться въ коляску, вдругъ занемогъ лихорадкой и долженъ былъ нѣсколько еще дней здѣсь остаться, чтобъ не занемочь хуже въ дорогѣ. Но завтра непремѣнно уѣзжаетъ.

Успѣхи австрійскихъ войскъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ болѣе не занимаютъ здѣшнюю публику, а обратили вниманіе на происшествія піемонтскія и молдавскія. Послѣднія болѣе всего занимаютъ разсказчиковъ и весьма многіе одобряютъ поступокъ Ипсилантія, совершенно, мнѣ кажется, противный нашей политикѣ.

25-го числа сего (прошлаго?) мѣсяца общество благородныхъ давало концертъ въ пользу двухъ семействъ бѣдныхъ. Офицеры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Капнистъ и квартирмейстерской части Скалонъ развозили сами по домамъ билеты. Хотя бы это было и къ знакомымъ, то и тогда, полагаю, поступокъ ихъ былъ бы неприличенъ въ нашемъ понятіи о чести и званіи офицера, а тѣмъ хуже, если они ѣздили по незнакомымъ, изъ которыхъ могли нѣкоторые высылать деньги и съ лакеями. Узнавши объ этомъ, я тогда же сказывалъ Васильчикову и Селявину.

28-го числа сего мѣсяца Чаликовъ померъ. Не замедлите назначеніемъ полковаго и дивизіоннаго командира.

Посылаю для свѣдѣнія вашего приказъ Юзефовича по дивизіи отданный.

118.

8-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ.

Графъ Ожаровскій пріѣхалъ сюда 3-го числа сего мѣсяца, а чрезъ два часа послѣ него прибылъ и Паркачовъ, отправленный отъ васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, 20-го марта. За два привезенныя ими письма ваши, отъ 8-го и 17-го марта, чувствительнѣйше вамъ благодарю; первое изъ нихъ доставленное подпоручикомъ Лукьяненкомъ, ѣхавшимъ съ Ожаровскимъ, было не запечатано, а только вложено въ конвертъ, который при семъ посылаю.

Выступленіе гвардіи произведетъ дѣйствительно въ здѣшней столицѣ уныніе, которая не прежде выступитъ 25-го числа.

Судя по извѣстіямъ отъ васъ сообщеннымъ, піемонтцы послѣ занятія Неаполя, вѣроятно, не окажутъ большаго сопротивленія. Теперь надо смотрѣть только на Францію, останется-ли она въ покоѣ и не приметъ-ли участія въ дѣлахъ Піемонта.

Секретъ вашъ о Ермоловѣ прежде еще его выѣзда сдѣлался здѣсь извѣстнымъ изъ берлинскихъ газетъ, изъ которыхъ выписку при семъ посылаю. Онъ уѣхалъ къ вамъ 2-го числа, но судя по дурной погодѣ и по тому, что онъ еще не совсѣмъ здоровъ, полагаю, что пріѣдетъ къ вамъ не прежде какъ въ концѣ сего мѣсяца. О женитьбѣ его на Пашковой и здѣсь пронесся слухъ, тогда какъ ни онъ, ни со стороны Пашковыхъ о семъ не помышляли. Если же бы было что-либо похожее, то я тогда же бы васъ увѣдомилъ. Изъ словъ Ермолова замѣтилъ я, что ему бы пріятно было, когда бы Государь изволилъ сдѣлать камеръ-юнкеромъ зятя его Павлова, котораго формуляръ на всякій случай при семъ къ вамъ посылаю. Я увѣренъ, что вы, почтеннѣйшій князь, охотно употребите о семъ ваше ходатайство.

Согласно желанію вашему отправилъ я шесть экземпляровъ Свода Законовъ въ Москву къ генералъ-маіору Муравьеву. Предположеніе ваше, чтобъ колоновожатые учились военнымъ законамъ столь общеполезно, что не худо бы включить ихъ въ программу экзамена дворянъ, опредѣляющихся въ гвардію юнкерами, а также и по артиллеріи.

Веселицкій желаетъ носить мундиръ квартирмейстерскій какъ приличный его званію, и смѣю удостовѣрить васъ, что его не унизитъ. Что же касается до дурныхъ дѣлъ по Оренбургу, то онъ въ нихъ ни мало не участвуетъ, занимаясь единственно обязанностію своею по званію начальника штаба. Пріѣхавшій недавно оттуда статскій совѣтникъ Тим-

арміи, изъ которой всѣ важнѣйшія донесенія будутъ поступать къ вамъ прямо и отъ васъ непосредственно будетъ дѣлаться разрѣшеніе, занятіи мои здѣсь ограничатся самыми незаслуживающими вниманія бумагами. Вы, почтеннѣйшій князь, сами согласитесь, что оставаться при нихъ въ настоящее время, которое нельзя не назвать военнымъ, тѣмъ для меня чувствительнѣе, что другіе подумаютъ, что я оставаясь здѣсь доселѣ и вовсе употребленъ не буду въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. И потому мыслю, что дойдетъ-ли дѣло до военныхъ дѣйствій или нѣтъ, я въ обоихъ случаяхъ полезнѣе вамъ буду при васъ, нежели здѣсь, и тѣмъ полезнѣе, чѣмъ скорѣе меня вытребуете.

Представляю сего числа на разрѣшеніе ваше, какъ предполагаю поступать съ женами бывшаго Семеновскаго полка здѣсь остававшимися послѣ отправленія мужей ихъ по назначенію.

119.

15-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ.

Изъ письма вашего, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 24-го марта, съ большимъ удовольствіемъ вижу, что дѣла уже идутъ не къ войнѣ, а къ миру. Съ окончаніемъ дѣлъ піемонтскихъ вѣроятно пріѣхалъ уже къ вамъ Гр. Моцениго, а за симъ не думаю уже, чтобъ во Франціи возникли безпокойства въ нынѣшнее время. Что же будетъ впредь отвѣчать нельзя, да и за самый Неаполь и Туринъ никто не поручится, не смотря на приглашеніе, дѣлаемое отъ народа королямъ, которые, конечно, не безъ внутренняго опасенія возвратятся въ свои столицы.

Удивляюсь, что Киселевъ скрываетъ отъ васъ о своей женитьбѣ, теперь уже довольно гласной.

Больныхъ дѣйствительно всякій годъ прибавляется въ госпиталяхъ къ веснѣ, но въ нынѣшній годъ прибавилось ихъ болѣе прежнихъ лѣтъ, а сіе и побудило меня послать къ вамъ объ нихъ вѣдомость. Впрочемъ, ораніенбаумскій госпиталь имѣлъ я всегда въ виду и всѣ распоряженія на счетъ его мною давно сдѣланы. Теперь прибыль больныхъ уменьшается, а съ выступленіемъ гвардіи и съ наступленіемъ сухаго теплаго времени, еще ихъ будетъ менѣе.

Объ Имбергѣ не премину доставить вамъ свѣдѣніе.

Принцъ Мекленбургскій ѣдетъ въ Москву 19-го числа сего мѣсяца.

Эссенъ провожаетъ его до границы. Я сдѣлалъ всѣ нужныя по сему случаю распоряженіи и вытребовалъ отъ министра финансовъ деньги.

Братъ Алексѣй (Ермоловъ) не такъ скоро къ вамъ будетъ; ѣдетъ онъ тихо отъ болѣзни, которая не совсѣмъ еще его оставила и отъ дурной дороги. Назначеніе ему квартиры близко васъ доставитъ вамъ частое удовольствіе слышать его разсказы весьма забавные и интересные.

Гвардія начинаетъ выступать съ 26-го числа.

Васильчиковъ доноситъ вамъ подробно о происшествіи, случившемся на дняхъ въ Преображенскомъ полку. Согласитесь, почтеннѣйшій князь, что въ гвардіи какъ дурно командуютъ полковые командиры, не зная совершенно обходиться съ своими подчиненными и не умѣя ихъ держать какъ слѣдуетъ, по какой-то неумѣстно употребляемой деликатности! Поведеніе подчиненныхъ зависитъ отъ поведенія и справедливой строгости начальниковъ. Воображаю, какъ непріятно будетъ Государю получить таковыя извѣстія, особенно въ нынѣшнее время, и безъ сомнѣнія, нельзя на нихъ смотрѣть равнодушно. Происшествіе это, а также и прежде случившееся Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, подало поводъ къ распространенію вновь нелѣпыхъ слуховъ. Подобные непріятные случаи, встрѣчающіеся уже довольно часто въ гвардіи, требуютъ, какъ я думаю, обратить особенное вниманіе на полковыхъ командировъ, которые, не бывъ въ состояніи снискать уваженія и почтенія своихъ подчиненныхъ, еще можетъ быть развращаютъ ихъ своими нелѣпыми разговорами. Должно прекратить зло это въ самомъ началѣ. Поздно уже будетъ принимать мѣры, когда отъ сего произойдетъ что либо важное. Имѣйте это въ виду, почтеннѣйшій князь. Отъ офицеровъ молодыхъ, неопытныхъ, вѣтренныхъ, не умѣющихъ уважать начальство и думать и заботиться о своихъ подчиненныхъ, всего дурнаго ожидайте. Они не могутъ быть гвардейскими офицерами: недостаточно того для службы, особливо теперь, что они добры и любезны.—нужно чтобъ умѣли исполнять свои обязанности и заставлять подчиненныхъ уважать себя. Долгъ мой есть сказать вамъ это, почтеннѣйшій князь, отъ васъ же зависитъ поступать по благоусмотрѣнію.

По дѣлу Смоленскому, отосланному по порядку въ Государственный Совѣтъ, прилагаю копію съ заключенія Аудиторіата. Я читалъ его княгинѣ, вашей тетушкѣ.

Здѣшній почтъ-директоръ Булгаковъ проситъ объ опредѣленіи въ пажескій корпусъ племянника его, сына роднаго его брата, дѣйствительнаго статскаго совѣтника; сему малолѣтнему имя Константинъ; отъ роду имѣетъ 8 лѣтъ. Почтъ-директоръ Булгаковъ человѣкъ весьма хорошій,

служилъ и служитъ отлично, и потому если не для его брата, то для его самого, прошу васъ, почтеннѣйшій князь, испросить сію милость Государя. Къ сей просьбѣ побуждаетъ меня и то еще, что Булгаковъ по званію своему большія дѣлаетъ услуги и пособія для дежурства, которое въ противномъ случаѣ весьма бы затруднялось при пересылкѣ бумагъ и книгъ. Нельзя не быть за это благодарнымъ: не всѣ дѣлаютъ для насъ то, что Булгаковъ, какъ, напримѣръ, таможни.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, со всею искренностію за поздравленіе съ праздникомъ; Грушинька благодаритъ васъ равномѣрно; уже съ недѣлю она въ постелѣ отъ первической лихорадки, которая привела ее въ большую слабость. Грушинька свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

120.

27 октября 1822 г. Петербургъ.

Въ октябрѣ увѣдомилъ васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, что для удостовѣренія дѣйствительно-ли отданъ былъ по 2-й арміи приказъ, который здѣсь по городу ходитъ, послалъ въ Тульчинъ эстафету. Нынѣ съ возвращеніемъ оной получилъ донесеніе отъ дежурнаго генерала 2-й арміи, которое при семъ въ оригиналѣ къ вамъ посылаю. Отвѣтъ сей я немедленно сообщилъ графамъ Кочубею и Милорадовичу, для отысканія гнуснаго сочинителя сего приказа.

Вчера осматривалъ новый и отличный нашъ архивъ, который приводится къ окончанію, и я думаю черезъ мѣсяцъ совсѣмъ будетъ отдѣланъ. Я нашелъ, что строеніе сіе, будучи отдѣлываемо осенью и штукатурено весьма поздно, набрало въ себя столько сырости, что зимою нѣтъ способа перевесть въ оный дѣлъ. Если теперь вздумаете переводить архивъ сей, то почти навѣрное положить можно, что къ веснѣ половина бумагъ перегніетъ отъ сырости. По моему мнѣнію, прежде іюня будущаго года дѣлъ перевозить невозможно. Всю же зиму должно топить архивъ какъ возможно болѣе и тогда можно надѣяться, что сіе зданіе будетъ сухо и сохранитъ дѣла какъ слѣдуетъ.

Присемъ долгомъ считаю напомнить вамъ на счетъ Семеновскаго дѣла. Постарайтесь о скорѣйшемъ окончаніи онаго, чѣмъ многихъ успокоите. Вамъ извѣстно, что у меня хранятся по оному нѣкоторые портфѣли и пакеты, принадлежащіе частнымъ лицамъ, да и въ Витебскѣ таковые же оставлены судомъ, въ коихъ есть документы, касающіеся до

собственности сихъ лицъ и другія частныя бумаги, которыя не могу возвратить до окончанія дѣла сходно Высочайшей волѣ и которыя, между тѣмъ, для нихъ весьма нужны.

Въ бытность мою въ Вѣнѣ просилъ васъ о скульпторѣ Орловскомъ, получившемъ отпускную отъ Шатилова. Воля Государя была, чтобъ его отправить въ Италію, и вы сами имъ интересовались и говорили, что писали къ кн. Голицыну передъ вашимъ отъѣздомъ объ отправленіи его. По прибытіи моемъ сюда, вытребовалъ изъ вашей канцеляріи все дѣло о немъ производившееся и изъ отвѣта князя Голицына (съ коего копію присемъ прилагаю) увидѣлъ, что ни онъ, ни президентъ академіи не желаютъ его отправлять и откладываютъ сіе отправленіе на будущее, весьма неопредѣленное время. Между тѣмъ, молодой художникъ теряетъ напрасно время, ибо въ нашей академіи онъ успѣховъ сдѣлать не можетъ, потому что учители, видя въ немъ пришельца, а не ихъ воспитанника, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на его работу; и сверхъ того, онъ самъ, видя таковое къ нему равнодушіе и даже недоброжелательство, теряетъ духъ совершенно, лишаясь надежды быть отправленнымъ въ Италію и видя что здѣсь усовершенствовать себя не можетъ. Даже самъ Мартосъ, по словамъ его, недоброжелательствуетъ ему болѣе и нимало не занимается его работою, обижаясь тѣмъ, что многіе, хваля сдѣланный для биржи бюстъ Государя, приписываютъ оный искусству Орловскаго.

Справедливость требуетъ, чтобы вы, почтеннѣйшій князь, исторгли его изъ нашей академіи и тѣмъ не дали бы погаснуть родившемуся въ семъ молодомъ художникѣ таланту. Вы сами изволили писать Шатилову, что Государю угодно было купить у него сего человѣка, съ тѣмъ чтобы отправить его въ Италію для усовершенствованія. Это одно заставило его дать ему отпускную, ибо онъ прежде хотѣлъ отправить его туда на свой счетъ. За что же теперь, сдѣлавшись вольнымъ, Орловскій лишается той выгоды, которая ему предстояла во время бытности его крѣпостнымъ человѣкомъ? Сверхъ того, какъ изъ бумаги Оленина вы увидите, онъ жалованья никакого не получаетъ, а содержитъ себя собственными трудами. Какіе же онъ можетъ дѣлать успѣхи въ ученіи, когда долженъ вмѣсто ученія работать для того, чтобы содержать себя? Спасите его, прикажите рѣшительно его отправить съ фельдъегеремъ, къ намъ отправляющимся, дабы лишить академію возможности увертываться и почтите меня увѣдомленіемъ, что въ пользу его сдѣлаете. Теперь же, пока сами будете въ Италіи, время самое удобное отдать его на руки хорошему художнику по вашему усмотрѣнію.

Тетушка ваша третьяго дня пріѣхала сюда и славу Богу здорова; письмо ея при семъ посылаю. Княгинѣ и княжнѣ прошу сказать мое почтеніе.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будте здоровы, веселы, кончайте скорѣе дѣла въ Веронѣ и возвращайтесь къ намъ и не забывайте вамъ душевно преданнаго.

121.

3-го ноября 1822 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ искреннѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 8-го октября. Описаніе мѣстъ, которыя вы проѣзжали и въ коихъ теперь находитесь, такъ привлекательно, что завидно думать отъ чего столько прелестей разсыпано природою въ другихъ мѣстахъ и отъ чего такая бѣдность въ оныхъ въ нашемъ краю. Вы кушаете мороженое и любуетесь разцвѣтающими розами, а мы кутаемся въ шубы и отъ непогоды не смѣемъ показаться на улицу.

Вы меня весьма утѣшили увѣдомленіемъ, что вы здоровы. Отъ искренняго сердца желаю, чтобъ вы были освобождены и отъ чирьевъ вашихъ, которые хотя и не могутъ почесться болѣзнію, но не менѣе того весьма безпокойны.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за отправленіе моего письма къ Аграфенѣ Федоровнѣ и за увѣдомленіе о ней.

Любопытно знать, какъ идутъ ваши конференціи въ Веронѣ и скоро-ли онѣ возвратятъ васъ къ намъ. Нетерпѣливо сего ожидаю. Старайтесь, почтеннѣйшій князь, сбывать наши дѣла аудиторіатскія: ихъ такъ много теперь уже у васъ накопилось и такъ давно не высылали оныхъ съ Высочайшими резолюціями. Между тѣмъ, сколько человѣкъ томятся въ ожиданіи рѣшенія своей участи! Штабъ нашъ нашелъ въ томъ же порядкѣ, какъ онъ былъ и прежде; а объ архивѣ я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ.

По желанію его высочества Николая Павловича ѣздилъ въ Михайловскій замокъ смотрѣть новое помѣщеніе въ ономъ Инженернаго Управленія. Долженъ признаться, что устройство какъ департамента, такъ и инженерной школы и прочихъ частей мнѣ очень понравилось. Все отдѣлано богатою рукою и со вкусомъ, и притомъ удобности также не упущены изъ виду.

Приказы корпуснаго командира, которые и къ вамъ, конечно, доставляются, занимаютъ здѣсь весь городъ и до того прославились своею странностію, что многіе любопытные готовы платить хоть по 10 руб. за листокъ, чтобы только имѣть ихъ. Вотъ какъ дорого цѣнятъ твореніе нашего Федора Петровича (Уварова) и признаться вамъ долженъ, что отъ сихъ сочиненій никто кромѣ службы не терпитъ.

Вчера досталъ копію съ предписанія, даннаго на имя генерала Гельфрейха въ 816 или 17-мъ году въ бытность еще графа Витгенштейна командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Оное совершенно сходно съ извѣстнымъ вамъ приказомъ, какъ вы сами изволите увидѣть изъ прилагаемой копіи. По сему сообщилъ г. Гельфрейху немедленно увѣдомить меня дѣйствительно-ли было дано ему таковое предписаніе и прислать мнѣ оное въ подлинникѣ, а по полученіи немедленно оное отправлю къ вамъ. Впрочемъ, если приказъ сей и не иное что какъ сіе предписаніе, то всѣ весьма непріятно видѣть, что есть люди, желающіе унизить званіе главнокомандующаго; ибо съ сею цѣлію только можно было распустить, что таковое предписаніе было главнокомандующимъ объявлено приказомъ по всей арміи.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, возьмите на себя трудъ засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ и княжнѣ Александрѣ Петровнѣ; будьте здоровы, веселы. Возвращайтесь къ намъ скорѣе и не забывайте душевно преданнаго вамъ.

122.

1-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 7-го (19-го) ноября. О причинѣ командировки Жуковскаго въ Ревель прилагаю особую записку, изъ коей усмотрите, что описанныя въ доносѣ злоупотребленія оказались по слѣдствію его вовсе неосновательными. Сходно Высочайшей волѣ мнѣ вами объявленной, я сдѣлалъ сношенія съ княземъ Голицынымъ и Дивовымъ, чтобъ ни приказы военныхъ начальниковъ, ни другія какія-либо распоряженія по военной части безъ моего увѣдомленія не были помѣщаемы, ни въ газетахъ русскихъ или иностранныхъ подъ вѣдомствомъ ихъ издаваемыхъ, ни въ періодическихъ изданіяхъ, какъ то было уже въ 3-хъ книжкахъ журнала «Благонамѣренный», которыя я къ вамъ отправилъ; кажется, что за сими распоря-

женіями можете уже быть покойны, что публика не будетъ имѣть случая видѣть изъ газетъ отличныя творенія и должна будетъ стараться доставать самые приказы для корпусовъ печатаемые, чтобы ими любоваться. Иностранцы же вовсе будутъ лишены сего удовольствія, такъ какъ они оные только изъ газетъ почерпали. Во время вашего и моего пребыванія за границею, одинъ изъ приказовъ Уварова былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Инвалидѣ»; я истребовалъ отъ директора типографіи объясненіе, на чемъ основываясь онъ его напечаталъ и оное въ оригиналѣ при семъ къ вамъ препровождаю на разсмотрѣніе. На будущее же время сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ и въ «Инвалидъ» таковыхъ помѣщаемо не было безъ особаго моего приказанія.

29-го ноября было въ присутствіи корпуснаго командира ученье одного эскадрона Конной Гвардіи; я ходилъ смотрѣть оное и нашелъ, что лошади въ ономъ эскадронѣ славныя и хорошо выѣзжаны—тутъ видѣлъ я скачку такую, каковой на ученьѣ при Государѣ видѣть не случалось. Полковые командиры отъ сего въ отчаяніи и увѣряютъ, что если это продолжится долго, то всѣ лошади въ полкахъ будутъ разбиты.

Алексѣй Орловъ, хотя и уволенъ по Высочайшему приказу въ отпускъ, но не желаетъ онымъ воспользоваться до возвращенія Государя, дабы въ точности исполнять волю корпуснаго командира, и я нахожу, что для пользы службы онъ это хорошо дѣлаетъ.

Въ день Святаго Георгія былъ храмовой праздникъ въ нашей церкви Главнаго Штаба; всѣ генералы къ штабу принадлежащіе, какъ-то: Толь, Княжинъ, Селявинъ, Хатовъ, всѣ старшіе адъютанты, офицеры квартирмейстерской части, чиновники наши и писаря были у обѣдни. Пѣвчіе наши сдѣлали большіе успѣхи, такъ что уже ихъ слушать не больно ушамъ.

Для облегченія доклада вашего Государю по дѣламъ аудиторіатскимъ, которыхъ накопилось довольно, я думаю было бы удобно дѣлать изъ нихъ еще особыя выписки, каковымъ форму при семъ прилагаю на ваше усмотрѣніе. Если вы найдете ее удобною и могущею ускорить рѣшеніе сихъ дѣлъ, то неугодно ли будетъ приказать въ вашей канцеляріи сдѣлать согласно съ оною записку по тѣмъ дѣламъ, которыя уже у васъ находятся. На будущее же время я буду таковыя къ вамъ представлять вмѣстѣ съ докладами, на Высочайшую конфирмацію подносимыми.

О Янушевичѣ была дѣйствительно переписка два года тому назадъ, еще до отданія его въ рекруты, о чемъ особую записку вамъ представляю.

При семъ не могу умолчать, чтобъ не сообщить вамъ новость: до сихъ поръ графы Милорадовичъ и Сакенъ, не знаю по какимъ причинамъ, оказывали такое нерасположеніе другъ къ другу, что нигдѣ почти не съѣзжались въ публикѣ и даже не кланялись одинъ другому, что никакъ, по мнѣнію моему, не прилично въ ихъ званіяхъ, чѣмъ давали молодежи весьма дурной примѣръ и вмѣстѣ подавали случай не хорошо говорить на ихъ счетъ. Съ нѣкотораго же времени къ удовольствію всѣ замѣтили въ нихъ ужасную перемѣну, и они уже вездѣ другъ другу оказываютъ большую вѣжливость.

Вчера получилъ отъ графа Витгенштейна пакетъ на ваше имя съ объясненіемъ на счетъ мнимаго приказа, будто бы имъ отданнаго по 2-й арміи, который при семъ препровождаю, равно какъ и письмо его ко мнѣ по сему предмету. Старику Петру Ивановичу, благодаря Бога, становится гораздо лучше. Присланныя отъ васъ письма всѣ по адресамъ доставилъ исправно.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы и возвращайтесь къ намъ скорѣе. Иностранныя газеты обѣщаютъ намъ скоро удовольствіе съ вами увидѣться, но вы о семъ ничего не пишите. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ и княжнѣ и не забывайте душевно вамъ преданнаго.

123.

8-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письма ваши отъ 15-го, 16-го и 18-го ноября съ послѣднимъ фельдъегеромъ отъ васъ присланныя. Сердечно былъ радъ видѣть изъ оныхъ, что вы здоровы и опредѣляете уже время вашего къ намъ возвращенія. Весьма бы желательно для насъ было, чтобъ вы оное еще поускорили и встрѣтили бы новый годъ вмѣстѣ съ нами. Очень вамъ благодаренъ за присылку афишъ о вашихъ увеселеніяхъ; праздникъ въ древнемъ римскомъ театрѣ долженъ быть прелестный, тѣмъ болѣе что и погода къ оному благопріятствовала. Любопытно было видѣть 55 тысячъ человѣкъ въ одномъ мѣстѣ соединенныхъ; кромѣ Италіи сего нигдѣ почти увидѣть невозможно.

Вы можете быть покойны, почтеннѣйшій князь, на мой счетъ, что о вашемъ возвращеніи я никому говорить не стану, но, между тѣмъ, нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что и безъ того во всемъ городѣ

извѣстно время вашего возвращенія и всѣ о немъ говорятъ, основываясь на иностранныхъ газетахъ, описывающихъ когда всѣ изъ конгресса разъѣдутся и куда поѣдутъ. Тетушкѣ вашей, по вашему желанію, сказалъ о настоящемъ времени, къ коему должна она васъ ожидать.

Увидѣвши изъ вашего письма, что на передѣлку Михайловскаго замка отпущено много денегъ (что мнѣ не было извѣстно), я не удивляюсь болѣе, что онъ такъ хорошо устроенъ. Чего деньгами нельзя сдѣлать? Его, дѣйствительно, не должно сравнивать съ нашимъ штабомъ, собственными экономическими крохами украшеннымъ; но не менѣе того пріятно видѣть, что и деньги употреблены съ пользою, а не брошены безъ всякаго толку, какъ то нерѣдко случается по разнымъ частямъ.

Страсть къ сочиненію приказовъ едва-ли можетъ когда прекратиться, пока будетъ дана къ тому свобода (горбатаго исправитъ одна могила, говоритъ пословица). Я спрашивалъ у князя Голицына, на чемъ основывалась академія наукъ помѣщать въ издаваемыхъ ею вѣдомостяхъ приказы и полученный отъ него отвѣтъ при семъ посылаю.

Неутѣшительно слышать отъ васъ, что наши аудиторіатскія дѣла никакъ не идутъ съ рукъ: ихъ уже такъ много накопилось, что послѣ не будете знать, что съ ними и дѣлать; а между тѣмъ, сколько несчастныхъ томятся въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи! Я думаю, что и министръ финансовъ не слишкомъ вамъ благодаренъ за неразрѣшеніе до сихъ поръ военной смѣты; это должно его чрезвычайно затруднять въ его планахъ. Скульпторъ Орловскій получилъ, наконецъ, отправленіе отъ академіи, и я, согласно вашему разрѣшенію, отправилъ его съ послѣднимъ фельдъегеремъ; не знаю довезетъ-ли онъ его, ибо онъ слабаго сложенія, и едва-ли будетъ въ состояніи выдержать фельдъегерскую скачку.

Я призывалъ Сеславина и объявилъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему 45 тысячъ и повелѣніе принять въ службу съ состояніемъ по кавалеріи. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ проситъ о принятіи его по кавалеріи съ причисленіемъ въ свиту Его Величества, и если сего сдѣлано не будетъ, то проситъ не отдавать въ приказѣ о его опредѣленіи и даже не посылать вашего отношенія къ министру финансовъ; что онъ на семъ основаніи готовъ отказаться и отъ пожалованныхъ денегъ, не взирая на разстроенное его положеніе, и наконецъ, настоятельно проситъ, чтобы ничего рѣшительнаго на его счетъ не дѣлали до возвращенія Государя, котораго онъ хочетъ лично просить о семъ. Опасаясь, чтобы онъ будучи принятъ противъ его желанія по кавалеріи не сдѣлалъ какихъ-нибудь непріятностей, по возвращеніи вашемъ,

я рѣшился удержать отношеніе впредь до вашего разрѣшенія, и также вымарать его изъ приказа. Если же сіе неугодно будетъ Государю, то вы внесете его вторично въ первый приказъ, какой въ то время утверждать будете и увѣдомите меня объ отправленіи отношенія къ министру финансовъ.

Надняхъ прибылъ сюда Шепшинъ; не взирая на боль въ ногѣ, вступаетъ въ командованіе полка и принимаетъ уже его отъ Палицына на законномъ основаніи. Съ симъ фельдъегеремъ посылается къ вамъ представленіе объ увольненіи полковника Слатвинскаго. Онъ дѣйствительно очень болѣнъ, ему надобно лечиться, и если его не уволите въ отпускъ до излеченія съ полнымъ содержаніемъ имъ нынѣ получаемымъ, то онъ по крайней бѣдности своей не имѣетъ способа пользоваться отпускомъ, и въ такомъ случаѣ проситъ уволить его вовсе отъ службы, какъ вы сами увидите изъ письма его ко мнѣ, которое при семъ для свѣдѣнія вашего препровождаю. Жаль его, славный офицеръ. Ермоловъ въ письмѣ ко мнѣ проситъ моего ходатайства о двоюродномъ братѣ его. Вы, конечно, сами не откажетесь сдѣлать пріятность Ермолову, и потому письмо его въ оригиналѣ препровождаю. Не оставьте меня увѣдомить, что̀ мнѣ ему отвѣчать на оное, причемъ возвратите и прилагаемое письмо его. Равнымъ образомъ препровождаю къ вамъ полученное мною письмо отъ Сабанѣева, поспѣшите разрѣшить меня, что̀ я долженъ ему писать и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо возвратите.

Четвертаго дня лишился я одного отличнаго чиновника изъ моей канцеляріи, переводчика Пальмена, 25-ти лѣтъ, умеръ отъ чахотки. Вообразите, что въ моей канцеляріи эта болѣзнь безпрестанно избираетъ себѣ жертвы. Это пятый уже чиновникъ отъ нее погибнувшій, изъ малаго числа чиновниковъ у меня въ канцеляріи служащихъ. Двое умерло въ службѣ, двое вскорѣ по увольненіи и теперь одинъ служитъ еще, но также страдаетъ чахоткою и близкій кандидатъ къ смерти. Изъ сего можете сами видѣть, почтеннѣйшій князь, что не легка служба, и что она заслуживаетъ обращать на себя вниманіе начальниковъ.

Мое здоровье, благодаря Бога, становится получше и я уже нѣкоторое время не страдаю головными болями; хорошо бы было, еслибы это продолжалось, но не смѣю надѣяться на такое благополучіе.

Письма ваши къ тетушкѣ я доставилъ тотчасъ по полученіи.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, кончайте скорѣе ваши вояжи, доставьте намъ скорѣе удовольствіе васъ видѣть и до тѣхъ поръ не забывайте душевно преданнаго вамъ.

124.

29 декабря 1822 г. С.-Петербургъ.

Два почтеннѣйшихъ письма вашихъ, отъ 1-го и 7-го декабря, я имѣлъ удовольствіе получить, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, и приношу за оныя чувствительнѣйшую благодарность. Опасенія ваши, чтобы біографія Уварова, въ журналѣ напечатанная, не обратилась въ насмѣшку, весьма справедливы. Всѣмъ кажется она слишкомъ смѣшна и потому много раскупаютъ сей журналъ, тѣмъ болѣе, что въ ономъ помѣщено и толкованіе приказовъ имъ отдаваемыхъ. Оно, кажется, будто служитъ скромнымъ признаніемъ, что приказы до того безтолковы, что безъ поясненія никто понять ихъ не можетъ.

Предположеніе Государя прекратить на будущее время отчисленіе офицеровъ по арміи весьма основательно, ибо теперь по сей части дѣйствительно вкралось большое злоупотребленіе. Многіе штабъ-офицеры не хотятъ имѣть труда заниматься службою въ мирное время, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ сохранить старшинство, дабы въ военное время получить команду, для сего переводятся по арміи, и такимъ образомъ, пользуются трудами тѣхъ, которые отъ службы не уклонялись. Это, конечно, не совсѣмъ справедливо. Сверхъ того дѣйствительно случается, что переводятъ по арміи такихъ, которымъ начальство видитъ себя принужденнымъ отказать отъ команды.

Взятый вами курьеръ Пикаръ, согласно вашему приказанію, по прибытіи въ Петербургъ будетъ немедленно употребленъ на фельдъегерскую службу.

Письмо ваше къ Петру Ивановичу я доставилъ и оно его очень утѣшило. Здоровье его начало поправляться и теперь есть надежда къ выздоровленію.

Изъ послѣдняго письма вашего видно, что Венеція вамъ очень понравилась: вы, кажется, готовы бы были и отдалить хоть немного ваше возвращеніе. Впрочемъ, не мудрено желать осмотрѣть съ большою подробностію такой великолѣпный городъ, единственный въ мірѣ. Я полагаю, что одно должно быть непріятно видѣть—это противоположность между величествомъ и богатствомъ старинныхъ зданій и теперешнею бѣдностію жителей.

Генералъ Уваровъ началъ дѣлать смотры инспекторскіе полкамъ гвардейскаго корпуса.

Поздравляю васъ, почтеннѣйшій князь, съ новымъ годомъ, отъ всей

души желаю, чтобы вы его провели въ полномъ удовольствіи, и чтобы онъ надѣлилъ васъ всѣми благами, какихъ сами пожелать можете. Не замедливайте возвращенія вашего къ намъ и присылайте скорѣе маршрутъ отъ Варшавы до Петербурга и не забывайте душевно вамъ преданнаго.

125.

2-го января 1823 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше отъ 9-го (21-го) декабря вчера я получилъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, и приношу мою благодарность за лестные ваши на мой счетъ отзывы. Между тѣмъ не могу скрыть отъ васъ, по извѣстной моей къ вамъ всегдашней откровенности, что для меня весьма прискорбно видѣть, что вамъ неугодно было уважить сдѣланныя мною представленія о наградѣ чиновниковъ подъ начальствомъ моимъ служащихъ. Изъ онаго я долженъ заключить, что вы не увѣрены точно-ли представляемые мною заслуживаютъ быть награжденными, и потому не рѣшились доложить объ ономъ Государю Императору, или что вы находите представленіе мое не заслуживающимъ уваженія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ предполагается недовѣріе и неуваженіе начальника къ лицу представляющему. Въ семъ положеніи невозможно идти службѣ съ пользою: я лишаюсь средствъ заставлять чиновниковъ убивать себя въ трудахъ, ибо они ясно видятъ, что я ничѣмъ не могу вознаградить безконечныхъ и тягостныхъ трудовъ ихъ. По роду службы будучи заняты всякій день съ утра до вечера и слѣдственно не имѣя возможности ничѣмъ другимъ заняться, не могутъ они быть поощряемы однимъ скуднымъ жалованьемъ, едва насущное пропитаніе имъ доставляющимъ; побочныхъ же выгодъ изъ сей службы извлечь никакихъ не могутъ, хотя бы даже и желали. Что же заставляло ихъ дорожить сею службою? Конечно, ничто другое какъ одна увѣренность, что труды ихъ не останутся безъ награды. Нынѣ же не имѣя способа доставить имъ оной, я не считаю себя въ правѣ и требовать отъ нихъ, чтобъ они убивали себя для службы и даже безполезна была бы всякая въ семъ случаѣ съ моей стороны строгость. Какъ въ семъ положеніи дѣла идти хорошо не могутъ, то я чувствую, что при таковомъ недовѣріи ко мнѣ, я самъ не могу болѣе съ пользою продолжать службы, и потому сталъ бы совершенно напрасно убивать и малый остатокъ моего здоровья. Убѣдясь въ такой невозможности исправлять съ успѣхомъ занимаемую

мною должность, я обязанностію считаю предварить васъ о семъ, почтеннѣйшій князь, дабы вы поспѣшили пріискать для занятія оной человѣка, къ коему вы могли бы имѣть довѣренность и который умѣлъ бы лучше меня угодить вамъ и облегчить труды ваши. Я льщу себя надеждою, что и въ семъ случаѣ никто не упрекнетъ меня въ недостаткѣ усердія къ службѣ; ибо для ея же пользы теперь ее оставляю. Прежде когда я полагалъ себя для оной полезнымъ, я по желанію Его Величества не затруднился оставить жену свою одну больную за границею, самъ не укрѣпившись еще въ силахъ поспѣшилъ сюда добивать занятіями свое здоровье. Слѣдственно, какъ усердный слуга моего Государя, я исполнилъ свои обязанности, и теперь не краснѣя могу просить отдохновенія, увѣренъ будучи, что всѣ товарищи и сослуживцы мои, видѣвшіе мои труды, отдадутъ мнѣ всегда справедливость и засвидѣтельствуютъ, что я всѣмъ жертвовалъ службѣ; что занятія ея предпочиталъ я и удовольствіямъ, и покою, и домашнимъ дѣламъ своимъ и даже здоровью. Я не почиталъ сего въ тягость, ибо полагалъ себя полезнымъ, теперь же видя противное нахожу безразсуднымъ убивать себя безъ всякой пользы.

Государь Императоръ во время присутствія своего въ Вѣнѣ по просьбѣ моей изволилъ мнѣ лично обѣщать уволить меня весною за границу въ отпускъ. Основываясь на всемилостивѣйшемъ обѣщаніи Его Величества, я увѣренъ, что и теперь мнѣ не будетъ отказано въ отпускѣ, необходимо нужнымъ для поправленія моего совершенно разстроеннаго здоровья. Почему и прошу васъ, почтеннѣйшій князь, во уваженіе семилѣтней службы моей подъ вашимъ начальствомъ, исходатайствовать мнѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ до излеченія болѣзни отпускъ за границу съ увольненіемъ вовсе отъ занимаемой мною должности дежурнаго генерала, чѣмъ чувствительнѣйше меня обяжете. Отъ всей души желаю, чтобъ избранный вами на сіе мѣсто могъ пользовался бо̀льшимъ отъ васъ довѣріемъ и уваженіемъ, и чрезъ то могъ бы съ бо̀льшею пользою и пріятностью исправлять трудную свою должность.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, повторяю покорнѣйшую мою просьбу объ исходатайствованіи мнѣ просимаго мною увольненія, и въ ожиданіи скораго на сіе разрѣшенія, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

126.

24-го ноября 1823 г. С.-Петербургъ.

Не нахожу словъ благодарить васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за пріятнѣйшія для меня письма ваши, отъ 14-го, 23-го сентября и 3-го октября, которыя всѣ исправно я получилъ въ Москвѣ. Примите искреннѣйшую благодарность за участіе, которое вы мнѣ оказываете, по случаю новаго моего назначенія. Участіе сіе будетъ для меня незабвенно: оно будетъ для меня всегдашнимъ воспоминаніемъ, сколь пріятно служить подъ начальствомъ вашимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ мнѣ всегда доказательствомъ дружбы вашей, которая для меня столь безцѣнна. Еще благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за лестный вашъ отзывъ на счетъ моей службы въ штабѣ: я очень чувствую, что благорасположеніе ко мнѣ увеличивало въ глазахъ вашихъ мои способности, но не менѣе того, смѣло сказать могу, что въ усердіи къ службѣ я не дамъ никому преимущества предъ собою. Можетъ быть, конечно, я его простиралъ слишкомъ далеко, можетъ быть, оно и послужило поводомъ настоянію нѣмцевъ къ новому моему назначенію. За то я чистъ совѣстью, спокоенъ духомъ, и могу не краснѣя оставить всякую должность, не давши никому повода сдѣлать мнѣ малѣйшаго упрека.

Вы спрашиваете на счетъ моего назначенія истолкованія сей непонятной загадки. Я и самъ вамъ онаго дать не могу, ибо она для меня также неизъяснима. Единственною причиною сему, полагаю, желаніе Дибича, безъ васъ удалить меня отъ штаба, о чемъ писалъ къ вамъ изъ Москвы, послѣ свиданія моего съ Государемъ въ Брестъ-Литовскомъ. Впрочемъ, я и теперь доказалъ свою покорность: принялъ новое назначеніе и послѣ 12-го декабря ѣду въ Гельсингфорсъ, хотя признаюсь вамъ, что прискобно принять на себя должность, въ которой чувствую, что не могу принесть никакой пользы своему отечеству.

По пріѣздѣ моемъ сюда, меня утѣшили старые мои подчиненные, они всѣ какъ дѣти, пришли ко мнѣ прощаться и благодарить меня: полицемѣрная благодарность сихъ людей служитъ за труды мои истинною наградою, которой никто уже отнять у меня не можетъ; но не могу скрыть отъ васъ, почтеннѣйшій князь, что грустно мнѣ съ ними разставаться и еще болѣе видѣть ихъ поступившими подъ начальство людей, вовсе ихъ не знающихъ и слѣдственно немогущихъ цѣнить ихъ

по прежнимъ заслугамъ. Утѣшаюсь только однимъ, что Шатилова сдѣлали исправляющимъ должность вице-директора инспекторскаго департамента. Онъ знаетъ всѣхъ чиновниковъ, знаетъ какого я былъ о каждомъ изъ нихъ мнѣнія, знаетъ бывшій ходъ дѣлъ при мнѣ, и потому удержитъ всѣхъ на своихъ мѣстахъ, а всего болѣе, сохранитъ въ дѣлахъ тотъ порядокъ, который мы съ вами ввели, и въ достоинствѣ коего удостовѣрились уже по опыту. Вы знаете, сколько я въ немъ бралъ всегда участія, и теперь въ полномъ увѣреніи, что онъ, получивъ столь лестное мѣсто, не взирая на всю трудность онаго, оправдаетъ меня совершенно и докажетъ, что не слѣпое пристрастіе заставляло меня ходатайствовать о немъ какъ о достойномъ и уваженія заслуживающемъ чиновникѣ. Прошу васъ, почтеннѣйшій князь, въ случаѣ возвращенія вашего сюда, не оставить его покровительствомъ вашимъ и быть увѣреннымъ, что всякое благорасположеніе ему оказанное, почту я личнымъ для меня одолженіемъ.

О теперешнемъ состояніи нашего дежурства не стану вамъ говорить; о Потаповѣ не скажу также ни слова, ибо его вовсе почти не знаю.

Вы твердите въ письмахъ вашихъ, почтеннѣйшій князь, объ удаленіи вовсе отъ службы: я же по сердечному участію въ васъ принимаемому, смѣю думать на счетъ васъ совершенно иначе: я полагаю, что для пользы службы, для утѣшенія душевно васъ любящихъ и для васъ самихъ, вы не только обязаны непремѣнно возвратиться сюда и по прежнему вступить въ вашу должность, но даже должны исполнить сіе сколь можно поспѣшнѣе. Сею рѣшимостью вы оправдаете себя предъ отечествомъ, возстановите упадшій духъ подчиненныхъ вашихъ, докажете, что вы для пользы общей жертвуете и здоровьемъ своимъ, и тѣмъ положите предѣлъ всѣмъ нелѣпымъ слухамъ, змѣиной злобой распущеннымъ не только здѣсь, но и по всей Европѣ. Назначеніе Кривляки въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно, произвело также не малое въ васъ удивленіе, но и это не должно васъ удерживать: вы должны возвратиться непремѣнно.

Здоровье мое поправилось было какъ нельзя лучше, но внезапное мое назначеніе взволновало желчь и снова его поразстроило. Грушенька моя очень поправилась и пополнѣла. Она очень благодаритъ, какъ васъ, такъ княгиню и княжну за воспоминаніе о ней и сердечнѣйше кланяется; прошу васъ и отъ меня сказать имъ искреннѣйшее почтеніе. Мы десятый день уже въ Петербургѣ. Время летитъ такъ быстро, что непримѣтнымъ образомъ приближается отъѣздъ въ Финляндію. Должно

признаться, что действительно непріятно сравненіе между Гельсингфорсомъ и Италіею, но дѣлать нечего: должно покориться судьбѣ своей.

Прискорбно слышать отъ васъ и отъ видѣвшаго васъ, что здоровье ваше все плохо: пора бы вамъ разстаться съ болѣзнями. Послушайтесь меня, почтеннѣйшій князь, киньте ваши чирья и возвращайтесь скорѣе къ прежнему мѣсту. Оживите пріѣздомъ вашимъ осиротѣвшее дежурство и не отдавайте его на съѣденіе нѣмцамъ; докажите чрезъ то соотечественникамъ, что вы всему предпочитаете матушку Россію и болѣе всего желаете добра русскимъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы, счастливы и сохраните ко мнѣ дружбу вашу. Я же съ своей стороны смѣю васъ увѣрить, что я никогда не забуду времени служенія моего подъ начальствомъ вашимъ и дружбы, вами мнѣ оказываемой и что я по гробъ свой пребуду сердцемъ и душою вамъ преданный.

P. S. Вы пеняете, что я ничего не пишу къ вамъ. Я однако же, тотчасъ по полученіи извѣстія о моемъ назначеніи, писалъ къ вамъ изъ Варшавы по почтѣ, послѣ того еще писалъ изъ Москвы. Слѣдственно, не моя вина, если вы не получаете моихъ писемъ: видно имъ не позволено доходить къ вамъ. Не забудьте, почтеннѣйшій князь, подѣлиться со мною планами для садовъ и разныхъ деревенскихъ строеній, коими вы запаслись для Суханова; я можетъ быть не замедлю имѣть въ нихъ надобность.

Сдѣлайте одолженіе, пришлите ко мнѣ копію съ отвѣта къ вамъ Дибича, на счетъ послѣдовавшаго моего назначенія и по какимъ причинамъ сіе сдѣлано.

127.

4-го декабря 1823 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября я имѣлъ удовольствіе получить, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Примите искреннѣйшую мою благодарность за неоставленіе меня вашими письмами; они будутъ мнѣ всегда особеннымъ утѣшеніемъ, ибо служатъ доказательствомъ дружескаго ко мнѣ расположенія, которое я получилъ въ награду 8-ми-лѣтняго и пріятнѣйшаго подъ начальствомъ вашимъ служенія.

Не удивляйтесь такъ много, что я рѣшился принять возложенную на меня должность: я сіе сдѣлалъ для того, чтобы всѣмъ показать

покорность мою Государю и готовность служить вездѣ, куда захотятъ меня употребить. Но я и самъ чувствую, что въ семъ мѣстѣ я пользы принесть не могу, а труда мнѣ будетъ много. Незнаніе языка будетъ поставлять мнѣ преграды на каждомъ шагу, коль скоро примусь за улучшеніе сего края и за истребленіе вкоренившихся уже злоупотребленій; я это предвидѣлъ съ первой минуты, все объяснялъ откровенно Государю, но Его Величеству непремѣнно угодно было, чтобъ я принялъ сіе званіе. Повинуюсь — и ѣду въ Гельсингфорсъ, а тамъ увижу, что мнѣ надобно дѣлать.

На счетъ вашъ, почтеннѣйшій князь, позвольте мнѣ не быть согласнымъ съ вашими мнѣніями. Воля ваша, вы не правы, когда не хотите возвратиться къ вашей должности. Теперь на васъ устремлены всѣ глаза,—всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вашего возвращенія и появленія въ настоящемъ вашемъ званіи, съ блескомъ вами носимымъ. Не одни военные сего желаютъ и ожидаютъ. Вспомните, что за сей шагъ вы должны дать отвѣтъ отечеству, что отказъ вашъ отъ возвращенія истребитъ все доброе, вами съ такими трудами заведенное, и предастъ все на съѣденіе нѣмцамъ, нелюбящимъ ничего служащаго къ пользѣ нашей матушки Россіи. Чтобъ любить Россію, надобно имѣть чувства настоящаго русскаго, а для сего родиться русскимъ. Пришлецы же сего возвышеннаго чувства любви къ отечеству имѣть не могутъ. Бога ради возвращайтесь, почтеннѣйшій князь; теперь еще не все испорчено: съ небольшими трудами и малыми перемѣнами все по прежнему устроить можете. Еще чиновники не разбѣжались, благонамѣренность старается ихъ удерживать; слѣдственно, прежній порядокъ водворить не трудно. Но спѣшите, а не то все найдете кверху дномъ и тогда помочь будетъ невозможно. Новость дежурнаго генерала, не должна васъ останавливать: вы найдете способъ сему помочь; а въ случаѣ надобности для пользы службы и удалить его. Неспособности Татищева вамъ извѣстны, слѣдовательно, вы такъ и дѣйствовать будете, не смотря что онъ поддержанъ злодѣемъ (Аракчеевымъ). Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ копію съ отвѣта Дибича на ваше письмо къ нему, въ которомъ спрашиваете рѣшительнаго увѣдомленія о причинѣ всѣхъ случившихся перемѣнъ. Я весьма любопытенъ его видѣть.

Вы спрашиваете, что здѣсь дѣлается: право ничего особеннаго и новостей интересныхъ вовсе нѣтъ. На-дняхъ пріѣхалъ сюда принцъ Оранскій. 5-го числа будетъ муропомазаніе принцессы Шарлотты, 6-го будетъ обрученіе, а 9-го января и свадьба. 1-го числа скоропостижно умеръ графъ Шуваловъ, генералъ-адъютантъ.

Грушенька моя, какъ вамъ, такъ и княгинѣ усердно кланяется: она вчера занемогла не на шутку, такъ что я принужденъ былъ ночью посылать за Рейманомъ, но сегодня, благодаря Бога, лучше.

Мнѣ очень досадно, что вы не получили моего письма изъ Варшавы, которое послалъ коменданта къ вамъ доставить.

Не понимаю и не вѣрю, что вы были такъ откровенны Бутурлину и поручили доложить ваше желаніе Государю, о которомъ теперь говорить не могу.

Вчера мнѣ говорили, что вы возвращаетесь сюда и вступите въ должность, и вамъ Государь даетъ помощникомъ Дибича, на что сей весьма согласенъ. Справедливы-ли сіи слухи или нѣтъ, не знаю.

Вы заботясь о дѣтяхъ, собственно для нихъ должны скорѣе сюда возвратиться и вступить въ отправленіе своей должности. Давши имъ дорогу и уладивши все какъ вамъ хочется, всегда можете удалиться по вашему желанію и препятствій противъ воли вашей никакихъ быть не можетъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы и веселы. Отъ всего сердца желаю, чтобъ это письмо не застало васъ болѣе за границею, или по крайней мѣрѣ, чтобъ оно было послѣднее. Прошу васъ сказать мое искреннее почтеніе княгинѣ и княжнѣ, и умоляю, не лишить меня дружескаго вашего расположенія и быть увѣреннымъ, что вамъ сердцемъ и душою преданъ.

128.

14-го декабря 1823 г. С.-Петербургъ.

Отъ искреннѣйшаго сердца поздравляю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, съ полученіемъ ордена св. Андрея, награды столь давно вами заслуженной. Не стану васъ увѣрять, сколь я былъ обрадованъ, узнавши объ оной; вы меня знаете, увѣрены въ сердечной моей къ вамъ привязанности, и потому сами не должны сомнѣваться въ чувствахъ моихъ при семъ пріятномъ событіи. Всего болѣе однако же поздравляю васъ со всеобщею радостію, которую произвела сія награда ваша; не было человѣка во дворцѣ, никакого званія, который бы не изъявлялъ радости и не разсказывалъ другъ другу съ особеннымъ удовольствіемъ, что вамъ дали такую награду, которая одна еще болѣе оживила и безъ того уже 12-е число. Всеобщая радость сія еще болѣе увеличилась, когда къ вечеру разнеслась новость, что вы возвращаетесь

къ прежней должности и что о семъ получено отъ васъ въ тотъ день извѣстіе. Вотъ вамъ, почтеннѣйшій князь, истинная награда за огромные труды ваши, которой у васъ никто отнять не можетъ, а немногіе могутъ оною похвастать. Болѣе сей награды добиваться нечего, и многимъ пожертвовать можно, чтобы достичь оной и поддержать ее. Тутъ уже цѣлое отечество изъявляетъ вамъ благодарность за ваши труды и за добро, которое вы дѣлали, а не нѣсколько человѣкъ. Какъ же вамъ не отблагодарить его за справедливость, которую оно отдаетъ вамъ? И чѣмъ же можете вы сіе сдѣлать какъ не принеся себя на жертву ему и не вступить опять въ должность, съ такимъ блескомъ вами носимую?

Приношу вамъ чувствительную благодарность, почтеннѣйшій князь, за пріятнѣйшее для меня письмо ваше отъ 18-го (30-го) ноября и за участіе во мнѣ принимаемое. Будьте увѣрены, что я и то и другое вполнѣ цѣнить умѣю. Отъ всего сердца радуюсь поправленію вашего здоровья и скорому возвращенію въ С.-Петербургъ. Я теперь буду всѣми силами стараться пробыть здѣсь до вашего возвращенія и не ѣздить въ свою Сибирь. Сколь много былъ бы я вамъ благодаренъ, еслибы вы доставили мнѣ удовольствіе непремѣнно васъ увидѣть и для того поспѣшили бы скорѣе пріѣхать, не заживаясь ни въ Вѣнѣ, ни въ Варшавѣ. Много бы имѣли мы поговорить между собою, собственно до васъ касающагося. Признаюсь вамъ, что для меня назначеніе мое неожиданное болѣе всего тѣмъ грустно, что разлучаетъ съ вами. Вѣрно никогда болѣе не буду я служить съ такимъ удовольствіемъ, съ каковымъ служилъ столько времени подъ лестнымъ начальствомъ вашимъ. Хоть я и удаленъ отсюда, но не менѣе того радуюсь вашему пріѣзду для пользы общей, для пользы оставляемыхъ мною чиновниковъ, столь много мною любимыхъ за ихъ усердную службу. Я увѣренъ, что вы по прежнему будете имъ не начальникомъ, а отцомъ, они до сихъ поръ всѣ тѣ же, до сихъ поръ ихъ еще не разогнали и слухъ о вашемъ прибытіи прикуетъ всѣхъ къ своимъ мѣстамъ. Они всѣ столько къ вамъ привязаны, что не взирая на полученныя отъ новаго начальства награды, они всѣ въ восхищеніе приведены извѣстіемъ о вашемъ пріѣздѣ. Для инспекторскаго департамента не поскупились 12-го числа: 21 человѣку дали награжденія. Аудиторіатскій департаментъ не былъ столько счастливъ; всего 5 человѣкъ награждены. Я представляясь Государю, выпросилъ награжденія за прежнюю усердную при мнѣ службу Шатилову и Ноинскому; имъ дали 3-го Владиміра; я почелъ себя въ правѣ сіе сдѣлать, потому что въ отношеніи къ нимъ я не былъ щедръ въ наградахъ, а они трудовъ не жалѣли. При томъ же хотя они служатъ съ тѣмъ же

[illegible] не умѣя забѣгать сторонними дорогами едва-ли бы [illegible] отъ нѣмцевъ. Не стану вамъ описывать о всѣхъ [illegible] ибо полагаю, что вамъ ихъ сообщатъ изъ вашей [illegible] съ тотъ день доставилъ многимъ радость, между [illegible] немногіе полагали быть такъ обрадованными. Не по[illegible] производства въ полные генералы и что съ ними [illegible] Михайла (графъ Воронцовъ) надутъ и остался [illegible].

[illegible] сотрудниковъ вашихъ по пріѣздѣ все узнаете [illegible] должно съ ними поступать, а равно и раболѣп[illegible] къ змѣю (Аракчееву), безъ соизволенія котораго [illegible] чего при васъ быть не можетъ и не должно.

[illegible] новости и потому вѣчно занятъ проектами на по[illegible] прошу васъ не быть ему во всемъ откровенну, на что имѣю [illegible] которыя объясню лично вамъ.

[illegible] на меня, что Путяту взялъ къ себѣ въ адъютанты, [illegible] вашего разрѣшенія. Нѣмцу за порядокъ по штабу дана съ [illegible] бриллiантовая богатая табакерка.

[illegible] почтеннѣйшій князь, не распространяю письма моего [illegible] скораго и пріятнѣйшаго для меня свиданія съ вами. Будьте [illegible] счастливы и пріѣзжайте скорѣе; между тѣмъ, не ли[illegible] вашего расположенія душевно вамъ преданнаго.

129.

20-го января 1824 г. С.-Петербургъ.

[illegible] васъ, наконецъ, на родимой сторонѣ, почтеннѣйшій [illegible] Петръ Михайловичъ, и поздравляю съ вашимъ возвращеніемъ. [illegible] васъ съ нетерпѣніемъ здѣсь ожидаютъ и безпокоятся о [illegible] вашемъ. Примите искреннѣйшую благодарность за [illegible] и пріятнѣйшее для меня письмо ваше отъ 15-го декабря, [illegible] и за изъясненныя въ ономъ чувства дружбы ко мнѣ, ко[illegible] что я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ.

[illegible] на сихъ самыхъ изъясненіяхъ, я почелъ себя въ [illegible] писать вамъ прежде вашего пріѣзда сюда и по предан[illegible] къ вамъ изложить вкратцѣ мое мнѣніе на счетъ вашего [illegible] съ Государемъ. Не взыщите за таковую откровенность [illegible] одному желанію добра общаго и вамъ въ

особенности. Я полагаю, почтеннѣйшій князь, что вы при первомъ свиданіи должны вооружиться необходимою твердостію и съ самаго перваго раза объявить, что вы рѣшились еще жертвовать собою и вступить въ свою должность во всемъ ея пространствѣ, что вы видѣвши на опытѣ сколько Онъ васъ любитъ и цѣнитъ (если и въ отсутствіе не забылъ отдать вамъ, наконецъ, должной справедливости), изъ благодарности рѣшились еще служить, не взирая на плохое поправленіе вашего здоровья, и, такъ сказать, пожертвовать своимъ здоровьемъ, которое уже разстроили огромныя занятія по службѣ, а еще болѣе всѣ непріятности вами перенесенныя, а довершилъ его, наконецъ, послѣдній случай съ Татищевымъ, который вы должны пересказать отъ слова до слова что было. Вамъ непремѣнно нужно съ перваго раза высказать или, лучше сказать, исчислить Ему все что онъ противъ васъ сдѣлалъ и потомъ заключить, что вы хотите Ему доказать свою любовь и преданность, и не взирая на все вступить въ должность и управлять ею на прежнемъ основаніи. Вы должны это сдѣлать, почтеннѣйшій князь, вы должны помнить, что теперь все отечество наше устремило на васъ глаза свои и ждетъ вашего возвращенія какъ эпохи въ своей исторіи. Вспомните, что вы, отступившись отъ дѣла теперь, предадите все въ пасть змѣю (Аракчееву) и ползающимъ вокругъ его нѣмцамъ. Вы одни ему противостоите и потому вы должны съ рѣшительностію и твердостію сдѣлать первый шагъ въ дверь кабинета царскаго.

Вспомните также и то, что въ цѣлой Европѣ будетъ извѣстно, какъ вы поступите при возвращеніи вашемъ; я думаю, вы не забыли всѣхъ нелѣпостей, какія были печатаны на вашъ счетъ въ иностранныхъ газетахъ, и которыя были для васъ непріятны; вы ихъ всѣ опровергните однимъ разомъ, когда вступите опять въ прежнюю должность. Если же вамъ вздумаютъ предлагать другое званіе, то воля ваша, почтеннѣйшій князь, вы не должны его принимать, подъ какимъ бы оно пышнымъ наименованіемъ не представлялось. Блистательнѣе мѣста въ существѣ своемъ вы не можете уже имѣть, ибо вы занимали всегда первое мѣсто по всей военной и даже первое по гражданской части: и фельдмаршалъ дѣлалъ свои представленія черезъ васъ же. Какое другое званіе съ этимъ сравнится, и въ какомъ другомъ можете вы быть столько полезны! Для поддержанія собственной своей чести и для блага всѣхъ вы не должны принимать другаго мѣста, а вступить непремѣнно въ прежнюю должность во всемъ ея блескѣ.

Не посѣтуйте на меня, что я говорю вамъ съ такою откровенностію; я люблю васъ, люблю и отечество свое. Я русскій! то могу-ли

говорить другимъ языкомъ? Здѣсь не личность заставляетъ меня изъясниться, ибо я уже къ штабу не принадлежу болѣе и слѣдственно лично ничего не выигрываю; но польза общая и привязанность къ вамъ— вотъ причины, заставляющія меня такъ говорить съ вами.

О новостяхъ здѣшнихъ писать нечего: черезъ нѣсколько часовъ по прочтеніи письма сего вы сами будете уже здѣсь и все узнаете. Послѣдняя какая была—это распоряженіе, сдѣланное съ Военно-Сиротскими отдѣленіями. Они всѣ уже вышли изъ подъ вѣдомства инспекторскаго департамента и переданы змѣю въ распоряженіе, что увидите изъ прилагаемаго «Инвалида». Оно для штаба служитъ нѣкоторымъ облегченіемъ для дѣлъ, но жаль отдѣленій здѣшняго и московскаго. Они были приведены въ отличное устройство и, вѣроятно, упадутъ при теперешнемъ все доброе истребляющемъ начальствѣ. Сверхъ того, изъ здѣшняго отдѣленія инспекторскій и аудиторіатскій департаменты всегда заимствовались писарями, а квартирмейстерская часть топографами; теперь же все это прекратится; Змѣй не дастъ ни одного мальчика и велѣлъ уже возвратить въ отдѣленіе тѣхъ, которые были въ командировкѣ въ сихъ департаментахъ. Большою бы пользою было для штаба возвратить это отдѣленіе въ прежнее вѣдомство.

Государь возвратился сюда изъ Царскаго Села 12-го числа больнымъ и съ тѣхъ поръ все еще въ постелѣ, хотя и становится лучше, какъ насъ увѣряютъ лекарскіе бюллетени.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего возвращенія и минуты свиданія съ вами! Пріѣзжайте скорѣе и съ лучшимъ здоровьемъ для предстоящихъ трудовъ необходимымъ. Не переставайте любить меня и быть увѣреннымъ въ чувствахъ всегдашней къ вамъ привязанности и дружбы.

130.

4-го мая 1824 г. Гельсингфорсъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, искреннѣйшую благодарность за извѣстія, сообщенныя мнѣ въ письмѣ отъ 28-го апрѣля. Отчетъ мой по управленію дежурствомъ я напечаталъ здѣсь въ 50-ти экземплярахъ не съ другими намѣреніями, какъ чтобы снабдить онымъ однихъ моихъ хорошо знакомыхъ на знакъ памяти. Ежели есть люди, которые находятъ въ немъ стоющее охужденія, это меня не безпокоитъ. Мало-ли такихъ низкихъ душъ, которыя сегодня

подличаютъ, а завтра дерутъ голову вверхъ. Но что я трудился къ лучшему устройству ввѣренной мнѣ части, сіе извѣстно болѣе вамъ, какъ начальнику моему, и многимъ другимъ благонамѣреннымъ особамъ; а сего для меня уже и довольно, чтобы презирать пересуды пустомелей.

На счетъ замѣчанія скажу вамъ, что я не получилъ никакого. По случаю требованія отсюда въ Петербургъ одной бригады, я представлялъ, не угодно-ли здѣсь оставить бывшіе вторые баталіоны для содержанія карауловъ, дабы для оныхъ не придвигать прочихъ войскъ издалека. На сіе не согласились; въ томъ состоитъ и все дѣло.

Когда вы рѣшитесь проситься въ отпускъ, то сдѣлайте мнѣ, почтеннѣйшій князь, одолженіе, увѣдомьте о разговорѣ, быть у васъ могущемъ. Вы знаете, что все до васъ касающееся я принимаю съ живѣйшимъ участіемъ.

Я увѣренъ, что сельскія занятія и покойная жизнь совершенно поправятъ разстроенное ваше здоровье. Грушенька вамъ и тетушкѣ свидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе.

У васъ все свадьбы, а Левашева помолвка на Пашковой не думаю. чтобы была пріятна Васильчикову, послѣ бывшихъ съ нимъ происшествій.

10-го числа отправляюсь для осмотра войскъ и губерній и съ нетерпѣніемъ ожидаю декабря мѣсяца. дабы исполнить желаемое. Прошу сказать мое нижайшее почтеніе тетушкѣ и пожелать ей здоровья.

Будьте, почтеннѣйшій князь, здоровы и сколько можно веселы и помните душевно вамъ преданнаго и почитающаго васъ.

PS. Письма ваши для доставленія ко мнѣ ввѣрьте Шатилову, который знаетъ путь исправнѣйшаго ко мнѣ доставленія.

131.

17-го (29-го) ноября 1824 г. Гельсингфорсъ.

Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 11-го числа мною полученное. Описаніе ваше претерпѣннаго Петербургомъ бѣдствія и многія другія подобныя извѣстія, полученныя мною вмѣстѣ съ вашимъ отъ добраго нашего Булгакова и другихъ моихъ знакомыхъ, меня поразили; нельзя читать ихъ безъ чувства глубокой горести. Не смотря на скорую помощь, поданную Государемъ, вѣроятно число несчастныхъ терпящихъ нужду велико. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать дальнѣйшихъ свѣдѣній, надѣясь, что наставшая зима предупредитъ заразительныя болѣзни—неминуемое послѣдствіе

таковыхъ наводненій. Любопытно бы знать, какія мѣры будутъ приняты временно учрежденными военными губернаторами къ размѣщенію лишенныхъ убѣжища и ихъ продовольствію? Кажется, въ этомъ случаѣ дѣятельность не только необходима, но повелѣвается даже и человѣколюбіемъ. Буря, постигшая Петербургъ, была кажется общая на водахъ Финскаго залива и свирѣпствовала по всѣмъ берегамъ его. По полученнымъ донесеніямъ отъ ландсгевдинговъ вижу, что въ Выборгѣ, Роченсальмѣ, Або и здѣсь наводненіе причинило нѣсколько частныхъ убытковъ: мосты вездѣ были сорваны; въ первыхъ двухъ изъ сихъ городовъ, частію повреждены укрѣпленія и нѣкоторыя строенія; жители хотя и подвержены были мгновенно опасности, но, къ счастію, одинъ только человѣкъ сдѣлался жертвою этаго неотвратимаго бѣдствія; вообще гористое здѣшнее мѣстоположеніе должно было необходимо служить отпоромъ водѣ и противоставить преграды наводненію.

Радуюсь душевно, почтеннѣйшій князь, что обстоятельства благопріятствуютъ желаніямъ вашимъ, доставляя вамъ снова случай увидѣть дѣтей вашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удалиться отъ мѣста, гдѣ вы безпрестанно окружены толпою лицъ не для того созданныхъ, чтобъ радоваться смотря на нихъ, и не смотря на сердечное лишеніе мое не найти васъ болѣе въ Петербургѣ, въ случаѣ пріѣзда моего туда, я душевно желаю, чтобъ поѣздка ваша продлилась и чтобъ хотя нѣсколько счастливыхъ минутъ выкупили бы большое число неудовольствій, такъ часто посѣщающихъ. Аграфена Федоровна и я благодаримъ васъ за предложеніе доставить намъ кой что либо изъ Парижа, кажется на сію минуту ничего нѣтъ; если же что впередъ повстрѣчается, то буду утруждать васъ писавши къ вамъ въ Парижъ. Душевно сожалѣю, что домашнія дѣла ваши идутъ плохо; отсутствіе ваше изъ Петербурга точно не поможетъ онымъ; къ тому же я знаю по опыту, какъ трудно распутывать оные, когда они запущены отъ безпорядочнаго и слабаго управленія. Чтожь касается до Булгакова, то вѣрно этотъ добрый и никогда неизмѣняющій другъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобъ васъ успокоить.

Аграфена Федоровна и я сердечно благодаримъ княгиню и княжну за ихъ о насъ воспоминаніе. Потрудитесь, князь, увѣрить ихъ въ душевной нашей къ нимъ привязанности. Сожалѣю, что не прощаюсь съ вами лично и не могу пожелать вамъ изустно добраго пути.

Тетушкѣ прошу сказать наше почтеніе, которая вѣрно неравнодушно васъ отпускаетъ.

132.

22-го іюля 1825 г. Гельсингфорсъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, изъ Парижа, отъ 14-го (26-го) минувшаго іюня, я получилъ въ Фридрихсгамѣ, за которое приношу вамъ искреннѣйшую благодарность. Весьма радуюсь скорому возвращенію вашему въ Петербургъ; тогда я чаще буду имѣть случай изъяснять вамъ сердечныя мои чувства, кои при теперешней скучной моей жизни доставляютъ неизъяснимую отраду.

Душевно сожалѣю, что прежняя болѣзнь ваша опять начинаетъ показываться, къ прекращенію коей весьма необходимо воспользоваться вамъ нѣсколькими ваннами на обратномъ пути, какъ вы предположили, дабы при семъ удобномъ случаѣ сколько возможно запастись здоровьемъ.

Я ни мало не удивляюсь, что парижская шумная жизнь вамъ надоѣла и что всѣ тамошнія празднества для васъ не въ диковинку; объ умѣренныхъ вашихъ въ сей вояжъ издержкахъ, хотя бы вы, почтеннѣйшій князь, и ни слова мнѣ не сказали, но я вѣрнѣе другихъ знаю, что онѣ сдѣланы по самой необходимости и безъ малѣйшаго излишества. Кому ближе моего извѣстны строгія ваши правила и примѣрная разсчетливость въ сбереженіи казеннаго интереса?

На счетъ переѣзда двора въ Москву, никто вѣрнаго не знаетъ, но если сіе сбудется, то таковой случай вѣрно доставитъ вамъ удовольствіе пожить въ Сухановѣ и заняться хозяйственнымъ распоряженіемъ; какъ бы и я желалъ воспользоваться симъ же, но не знаю, скоро-ли могу вырваться изъ здѣшняго края, въ коемъ гораздо болѣе прежняго чувствую разные припадки и въ особенности головную боль. Вотъ уже кончилъ первый и большой вояжъ мой нынѣшняго лѣта по Финляндіи, продолжавшійся 70 дней и былъ въ Торнео, а въ началѣ августа остается только объѣздить Абосскую губернію.

Весьма хорошо сдѣлали, что везете старшаго сына съ собою; пора уже ему начать службу. Дай Богъ, чтобъ онъ слѣдовалъ по стопамъ вашимъ и былъ столько же добродѣтеленъ и полезенъ отечеству.

Аграфена Федоровна благодаритъ васъ, почтеннѣйшій князь, за память объ ней и взаимно свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

За симъ, мнѣ остается только пожелать, чтобъ вы, счастливо окончивъ обратный путь, возвратились въ Россію въ совершенномъ здоровьи и наслаждались сколько можно удовольствіями покойной жизни, если это только возможно.

133.

12-го (24-го) сентября 1825 г. Гельсингфорсъ.

Пріятнѣйшее для меня письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 1-го числа, я получилъ, и приношу за оное мою чувствительнѣйшую благодарность. Желаю душевно, чтобы вояжу вашему благопріятствовала хорошая погода до самаго Таганрога, гдѣ вы останетесь пустынникомъ довольно долгое время. Но дай Богъ, чтобы ваше и окончательное путешествіе кончилось благополучно и сходно съ вашимъ желаніемъ, потому что обязанность на васъ лежащая очень деликатна и отъ которой отказаться вамъ не было никакой возможности.

Ночлегъ у Змѣи (Аракчеева) вамъ не нравится, но вы тѣмъ довольны, что его въ Чугуевѣ не увидите, и конечно съ людьми такого свойства гораздо лучше никогда не видаться; но вамъ, живши въ Петербургѣ, избѣжать сего не только трудно, но даже невозможно, но впрочемъ, взять за правило и видѣвши Змѣя показывать, что его совсѣмъ не замѣчаете, единственно для того, чтобы видѣвши сію рожу не сердиться и не портить понапрасно кровь. Вотъ какой я теперь держусь системы, видѣвши сего гнуснаго человѣка.

Братъ Алексѣй (Ермоловъ) очень недоволенъ происшествіемъ у него случившимся, и я воображаю, какъ онъ нахмурилъ брови и наморщилъ лобъ и тотчасъ собрался идти за сіе отмщать; тутъ-то будетъ порядочная потѣха и пощады никому никакой не будетъ, особенно когда онъ придетъ въ ярость и бѣшенство. Но за то и рескриптъ по сему предмету къ нему посланный, весьма непріятный, который болѣе его взбѣситъ, нежели горцы предъ нимъ находящіеся. Но братъ Михайло (гр. Воронцовъ) видно и въ болѣзненномъ состояніи перетонилъ, что дошелъ до такого состоянія при всѣхъ получаемыхъ нѣжностяхъ.

Простите мнѣ, почтеннѣйшій князь, что я не имѣлъ столько духу, почитая, уважая и любя васъ, писать прямо къ вамъ о моемъ желаніи, но рѣшился писать къ Булгакову и поручилъ передать оное вамъ, если найдетъ онъ то возможнымъ и вамъ незатруднительнымъ. Но вы, при первомъ его о семъ разговорѣ, приняли съ такимъ удовольствіемъ, какъ я всегда ожидалъ и немедленно нашли случай сказать Государю, который никакъ не рѣшился отказать вамъ прямо и принялъ это предложеніе хорошо, дабы васъ не огорчить. Но какъ онъ не слишкомъ ко мнѣ хорошо расположенъ, что и вамъ небезъизвѣстно, то и будетъ ему

теперь служить отговоркою, что передъ отъѣздомъ въ хлопотахъ забылъ. Но признаться вамъ долженъ, мнѣ теперь то досадно, что вамъ это будетъ непріятно и по милости моей ввелъ васъ въ сіи хлопоты. Впрочемъ, для меня все равно, что жена моя имѣетъ сей орденъ или нѣтъ, особенно когда таковой орденъ въ 1822 году даже привезли съ собою въ Вѣну, дабы дать 30-го августа женѣ Ожаровскаго. Но когда рѣшился просить о семъ, то никого болѣе не могъ какъ васъ и быть обязану даже и въ семъ случаѣ вамъ одному. Не менѣе того, я также вамъ очень благодаренъ, почтеннѣйшій князь, какъ бы жена моя сей орденъ получила, ибо вы приняли такъ охотно сіе предложеніе и съ большимъ удовольствіемъ взялись просить, что ясно указываетъ мнѣ всегдашнее ваше ко мнѣ расположеніе и доброжелательство, которыя въ полной мѣрѣ цѣнить умѣю.

134.

10-го декабря 1825 г. Гельсингфорсъ.

Почтеннѣйшій и достойнѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Могъ-ли я когда-либо представить себѣ, что доживу до столь ужасной роковой вѣсти, которая, поразивъ внезапно какъ громовымъ ударомъ, содѣлалась еще разительнѣе при полученіи въ одно же почти время горестнаго вашего письма отъ 21-го ноября. Съ какимъ терзаніемъ сердца, я оное перечитывалъ, не въ силахъ изъяснить вамъ. Легко можете вообразить, по собственнымъ своимъ чувствамъ, что въ первыя минуты, по полученіи сей вѣсти партикулярно, я недоумѣвалъ и съ боязненнымъ страхомъ останавливался на мысли: неужели въ правду мы лишились нашего добраго и благодѣтельнаго Государя! Но не долго оставался я въ сей мнимой надеждѣ; вскорѣ другая оффиціальная эстафета, ночью на 30-е число прибывшая, довершила сей жестокій ударъ. Живо чувствую, сколь сильно были поражены вы, почтеннѣйшій князь, ужаснѣйшимъ симъ бѣдствіемъ и сколь много страдали при одрѣ Августѣйшаго больнаго; но вы оставите въ воспоминаніи, что постепенно видѣли ходъ его болѣзни, приготовлялись по предчувствію сердца къ ужасной истинѣ и въ глубокой горести своей умоляли Всевышняго о ниспосланіи больному облегченія. А мы, несчастные, вдругъ и неожиданно должны были испытать сей роковой ударъ постигшей насъ горестной судьбы! Этого ужаса изъяснить невозможно. Я и по сю пору недоумѣваю, какъ могло сіе случиться? Развѣ мало еще испыталъ онъ бур-

ныхъ непогодъ въ разныхъ климатахъ? Сколь судьбы Вышняго неисповѣдимы и непостижимы для смертныхъ! Съ какимъ убійственнымъ страданіемъ переноситъ сію скорбь добрая наша Государыня Елисавета Алексѣевна, и сколько ей потребно силы, при видѣ сей ужасной картины? Сохрани Богъ ея жизнь для утѣшенія россіянъ въ невозвратимой потерѣ. Я не постигаю, почтеннѣйшій князь, сколько вы имѣете еще твердости и силъ, что можете заниматься безпрерывно разными распоряженіями и при всемъ томъ, находите еще минуты извѣщать вамъ преданныхъ? Молю Бога, чтобъ онъ сохранилъ ваше здоровье и укрѣпилъ васъ къ перенесенію сего несчастія, которое на всю жизнь вашу останется неизгладимымъ изъ чувствительнаго вашего сердца. Да и кто можетъ забыть сію потерю? Весьма вѣрю, почтеннѣйшій князь, что по случаю сего горестнаго событія домашнія дѣла ваши еще болѣе разстроятся, но не убѣдитесь-ли вы сами, что это обречены вы испытывать по власти нашего Создателя. Развѣ не по Его святой волѣ ввѣрено вамъ попеченіе о здоровьѣ доброй нашей Государыни и теперь-ли время думать о собственныхъ дѣлахъ, когда страдаетъ все отечество? Великая душа ваша, конечно, перенесетъ сіе бремя безъ роптанія; за то, какое вы будете имѣть утѣшеніе въ маститой старости и сколь завидна будетъ тогда ваша участь?

Слишкомъ жестоко убѣжденъ я вашимъ предчувствіемъ о пресмыкающемся Змѣѣ (Аракчеевѣ), который успѣлъ отравить своимъ ядомъ и посльднія минуты своего благодѣтеля. Припомните и мое объ немъ мнѣніе; оно сбылось теперь разительно. Не даромъ и я чувствовалъ всегда ужасную къ нему антипатію. Еслибъ вы знали, сколь несносно теперь его существованіе въ глазахъ соотечественниковъ? Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно почти его ненавидятъ — и какъ чудовища пугаются. Онъ самъ теперь раскрылъ гнусный свой характеръ тѣмъ, что когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ нору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился онъ своего благодѣтеля, имѣлъ столько духу, что выползъ изъ западни и принялся по прежнему за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка, не трудно угадать, какія низкія чувства у сего выродка ехидны.

О себѣ я ничего не могу сказать вамъ въ утѣшеніе. Здоровье мое постепенно умаляется, для поправленія коего хотя я и испросилъ уже чрезъ Дибича Высочайшее разрѣшеніе отправиться на зиму въ Петербургъ, но по теперешнимъ горестнымъ обстоятельствамъ долженъ еще оставаться здѣсь на нѣсколько времени, доколѣ не приведутъ къ при-

сятѣ весь ввѣренный мнѣ край, что, надѣюсь, чрезъ двѣ недѣли будетъ кончено и потомъ уже пущусь туда къ новому году, а можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, рѣшусь испросить на сіе и дозволеніе новаго Императора.

По частнымъ извѣстіямъ изъ С.-Петербурга знаю только, что ожидаютъ туда Государя Константина Павловича съ часу на часъ, но навѣрное о семъ никто не знаетъ. 3-го числа возвратился изъ Варшавы Великій Князь Михаилъ Павловичъ и опять уѣхалъ обратно къ Государю 5-го числа.

Въ заключеніе сего, объ одномъ прошу васъ, почтеннѣйшій князь, не лишайте меня вашимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровьѣ, которое можете вѣрить сколь для меня драгоцѣнно. Аграфена Федоровна свидѣтельствуетъ вамъ искреннѣйшее свое почтеніе и благодаритъ за воспоминаніе объ ней. И такъ, прекратя сіе увѣреніемъ въ безпредѣльныхъ чувствахъ совершеннаго уваженія, остаюсь на всю жизнь мою душевно вамъ преданный и всегда благодарный.

135.

14-го февраля 1826 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 7-го числа сего января, я получилъ, за которое и приношу вамъ искреннѣйшую мою благодарность. Я весьма чувствую, что ниспосланное Россіи несчастіе для васъ болѣе прочихъ было убійственно, и не мудрено, что здоровье ваше сильно разстроено. Дай Богъ, чтобы оное совершенно возстановилось, и чтобы вы обрѣли утѣшеніе въ жизни преклонныхъ лѣтъ. Я не дивлюсь, что скука у васъ должна быть несносная, и весьма вѣрю, что пріѣздъ княгини и княжны облегчаетъ пустынное ваше пребываніе въ Таганрогѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовался вашей вѣсти, что Императрица намѣрена поселиться въ какой-нибудь подмосковной. Душевно желаю, чтобы сіе исполнилось въ непродолжительномъ времени. Случай сей доставитъ вамъ совершенную возможность заняться собственными дѣлами, кои неминуемо сего требуютъ; а меня утѣшаетъ тѣмъ, что можетъ быть дастъ Богъ и мнѣ наслаждаться неизъяснимымъ удовольствіемъ, чтобы быть вмѣстѣ съ вами чаще и утѣшаться пріятнымъ воспоминаніемъ протекшаго времени, которое я дѣлилъ вмѣстѣ съ вами. Поздравленіе ваше съ полученною мною наградою пріемлю я съ особеннымъ удовольствіемъ, за что

и примите искреннѣйшую благодарность, каковую прошу покорнѣйше объявить княгинѣ и княжнѣ; а что васъ сія награда моя порадовала, въ томъ я весьма увѣренъ, и тѣмъ пріятнѣе для меня ощущать оную, когда удостовѣренъ въ принимаемомъ участіи близкихъ моему сердцу.

О Змѣѣ (Аракчеевѣ) по слухамъ знаю, что онъ при началѣ весны намѣренъ ѣхать въ Карлсбадъ; но вѣрно не для того, чтобы отогрѣть свое ядовитое замерзшее жало, а чтобъ скрыть себя отъ отечества, которое смотритъ теперь на него какъ на чудовище. Но гдѣ онъ укроется отъ терзанія своего сердца? И можетъ-ли имѣть столько духу, чтобъ возвратиться скоро на зыблемое свое логовище?

31-го января я прибылъ въ Петербургъ, а Аграфена Федоровна съ 18-го декабря находится уже здѣсь для поправленія здоровья, которое примѣтно умаляется, а потому я и приношу вамъ отъ имени ея благодарность, за воспоминаніе объ ней, равномѣрно княгинѣ и княжнѣ, коимъ присоединяю и отъ себя душевное мое почтеніе при желаніи добраго здоровья и благоденствія.

136.

3-го октября 1830 г. Саратовъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Подареннымъ вами мнѣ, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, уксусомъ я теперь ежедневно, при прочихъ предохранительныхъ средствахъ, опрыскиваю мой платокъ, натираю руки и нахожу составъ сей полезнымъ.

Г. Перовскій, бывъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ холера свирѣпствовала, конечно, извѣстилъ васъ подробно какъ о сей болѣзни, такъ и о мѣрахъ, кои противъ нея употребляемы были мѣстными начальствами. Видѣвшись съ г. Перовскимъ въ Москвѣ, я ему сказывалъ о принимаемыхъ мною къ подавленію холеры распоряженіяхъ. Но ежели вы найдете досугъ прочесть подробности сихъ распоряженій, то на такой случай посылаю къ вамъ по одному печатному экземпляру изданныхъ мною доселѣ циркуляровъ.

Холера быстро разнеслась по той причинѣ, что въ началѣ появленія ея въ Астрахани, а скоро потомъ и въ Саратовѣ, не токмо карантинныя, но даже и полицейскія мѣры не были приведены въ исполненіе. Теперь она всюду ловима будучи на каждомъ шагу своемъ, дѣлается менѣе пагубна и находитъ себѣ менѣе жертвъ. Однако, достигнуть сего нельзя было иначе, какъ оцѣпленіемъ постигнутыхъ холе-

рою мѣстъ и учрежденіемъ карантинныхъ заставъ въ одной губерніи отъ другой. Средства сіи, конечно, тягостны, и безъ сомнѣнія найдутся люди неблагомыслящіе, которые бранять меня; но я не уважаю ихъ ропота, заботясь единственно о благѣ общемъ и объ исполненіи моего долга, ибо уже на самомъ дѣлѣ дознано, что гдѣ благоразумные помѣщики оцѣпляли свои деревни и никого въ нихъ не впускали и изъ оныхъ никому не позволяли отлучаться, тамъ не было ни больныхъ, ни умершихъ отъ холеры, хотя эта эпидемія въ то же время и существовала въ сосѣдственныхъ мѣстахъ.

Благопріятная погода прекратилась здѣсь въ Саратовѣ 29-го минувшаго сентября и наступили дни дождливые. Однако, дѣйствіе холеры въ уѣздахъ Саратовской губерніи весьма примѣтно ослабѣваетъ, и потому я послѣ-завтра отправляюсь чрезъ Симбирскъ въ Казань, сколько по причинѣ распространившейся тамъ холерической болѣзни, а не менѣе, что распоряженіями мѣстнаго начальства я не очень доволенъ.

III. Письма Алексѣя Петровича Ермолова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1828 гг.

137.

1812 г., безъ мѣсяца и числа.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Не могу забыть отъѣзда вашего и признаюсь, что вы такъ искусно избрали время уѣхать, что, конечно, никогда болѣе жалѣть васъ невозможно, какъ въ нашихъ обстоятельствахъ. Правда, что мы замѣстили Михаила Богдановича (Барклая-де Толли) лучшимъ генераломъ, то-есть Богомъ, ибо кажется одинъ уже онъ мѣшается въ дѣла наши, а прочіе всѣ ни о чемъ не заботятся. Мы не знаемъ, что изъ насъ будетъ, никто ни о чемъ не думаетъ и кажется трусость гнусная есть одно наше свойство. Жаль мнѣ чрезвычайно, что за медленностію генераловъ не успѣлъ я доставить свѣдѣній и реляціи о дѣлѣ 7-го августа. Хотѣлось мнѣ, чтобы сіе обработано было вами и чтобы Михаилъ Богдановичъ кончилъ дѣла, которыя происходили въ его командованіе, ибо не было дѣла, котораго бы должны были мы стыдиться. Теперь это пойдетъ чрезъ П. П. Коновницына, который кричитъ, что его дивизія болѣе всѣхъ служила, что ничего никому не дано, что о немъ самомъ ни слова не сказано. Послѣ того можете вообразить, что наши дѣла не въ лучшемъ представлены будутъ видѣ.

Я не бываю въ главной квартирѣ, не хожу къ князю не бывши званъ, но сколько ни рѣдко бываю, успѣлъ замѣтить, что Коновницынъ великая баба въ его должности. Безтолочь страшная во всѣхъ частяхъ, а канцелярія раздѣлена на 555 частей или отдѣленій, департаментовъ и прочее. Пишешь о произведенномъ офицерѣ. Это поручикъ Каргопольскаго драгунскаго полка Кастеляновъ, произведенный въ штабсъ-капи-

таны за исправное исполненіе возложенныхъ на него порученій. О немъ есть у васъ мое представленіе вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ, не помню съ кѣмъ.

Прощай! вѣрь дружбѣ моей и почтенію

душевно любящій *Ермоловъ*.

138.

28-го мая 1815 г. Виндзгеймъ.

Поздравляю съ назначеніемъ въ дежурные генералы. По способности и трудолюбію твоему, мѣсто прекрасное и Государь еще болѣе увидитъ усердіе твое. Люди дѣловые нужны и выборъ похвальный! Ты, какъ созданіе чрезвычайно порядочное, во всемъ успѣешь. Простите, ваше дежурное превосходительство, что по старой пріязни называю васъ *ты*. Оставьте мнѣ прежнюю привычку любить васъ. Я здоровъ, избралъ себѣ пребываніе въ Виндзгеймѣ и ничего въ жизни не видалъ скучнѣйшаго. Въ городѣ, какъ въ степи, а вонь и духота въ барышахъ. Корпусъ мой разрушился. Одна бригада гусаръ и казаки пошли въ авангардъ графа Ламберта и ему приказано по мѣрѣ нужды брать у меня и другія войска. Я остался при 9-й дивизіи, изъ которой одинъ полкъ уже откомандированъ и съ бригадою гусаръ; вскорѣ ожидаю, что и еще возьмутъ что-нибудь, ибо собственно по составу авангарда будетъ то необходимо. Мнѣ жаль, что Государь не видалъ войскъ, пришедшихъ со мною. Теперь по отдохновеніи еще лучше гораздо сдѣлались. Ему вѣрно было бы пріятно видѣть, а мнѣ сказать ему, что исправность принадлежитъ усердію товарищей моихъ, которыми я имѣлъ счастіе быть любимъ. До прибытія гренадеръ или какъ Богъ дастъ, я въ командѣ у Ланжерона, котораго еще я не видалъ. Бутлера, если только безъ него обойдусь я въ гренадерскомъ корпусѣ, тотчасъ пришлю къ тебѣ, и радъ и благодарю тебя душевно. Если кого еще открою, сообщу, я знаю, что ты не забудешь трудовъ ихъ. Прощай.

139.

Получено 19-го іюля 1815 г.

Вчера писалъ къ тебѣ съ твоимъ курьеромъ, но поспѣшность его не дала мнѣ довольно времени. Теперь прошу тебя какъ друга, хотя

М—пу (Мазепу *) непремѣнно предупредить меня нарочнымъ, что изъ насъ сдѣлаютъ:

1) Расположится-ли дивизія навсегда въ окрестностяхъ Парижа, или когда соберется должна будетъ вступить въ казармы и тамъ имѣть будетъ пребываніе.

2) Не расположится-ли которая либо часть дивизіи въ городѣ, а прочая останется въ окрестностяхъ. Какъ въ обоихъ случаяхъ учредится продовольствіе дивизіи, ибо не думаю я, чтобы деревни имѣли достаточныя для продовольствія средства; тѣмъ болѣе, что число деревень не столько велико и онѣ всеконечно снабжать должны столицу различными припасами по близости ихъ расположенія. Увѣдомь, любезнѣйшій *Ма—па*, неужели тоже назначено продовольствіе солдату какъ въ прошломъ году и неужели не будетъ хотя малѣйшаго пособія бѣднымъ армейскимъ офицерамъ. Я думаю, что Государю угодно будетъ дать время собраться дивизіи, чтобы она вмѣстѣ вошла въ городъ. О семъ прошу заблаговременно предувѣдомить. Мнѣ весьма хочется съ тобою повидаться и обо всемъ переговорить. Я постараюсь прибыть съ головою колонны и пріѣду къ тебѣ. Высланный тобою на встрѣчу можетъ меня проводить къ тебѣ.

Я посылаю оберъ-квартирмейстера Иванова и прошу дать ему полное наставленіе, которое вы заблагоразсудите. Прошу васъ не докладывать Государю о второй дивизіи *Паскевича* **) до моего пріѣзда. Вы увидите, что это необходимо нужно, ибо я знаю всѣ обстоятельства, до дивизіи относящіяся и буду умѣть объяснить ихъ выгоднымъ образомъ для *Паскевича*. Также умедлите представленіемъ фельдмаршала о переводѣ полковника *Слюняева* изъ Фанагорійскаго полка. Тутъ есть немного со стороны генерала Рота непозволительнаго. Я, увидѣвшись, съ вами переговорю.

Помогите, любезный Арсеній Андреевичъ, чтобы дали мнѣ и моимъ товарищамъ въ Парижѣ квартиры. Безъ пособія вашего нашего брата русскаго затолкаютъ!!!

---

*) Подъ этимъ именемъ А. А. Закревскій былъ извѣстенъ между товарищами и друзьями.

**) Курсивомъ набрано какъ здѣсь, такъ и далѣе все подчеркнутое самимъ Ермоловымъ.

140.

14-го ноября 1815 г. Варшава.

Я получилъ, какъ тебѣ извѣстно, отпускъ и теперь пирую въ Варшавѣ. Съ одного праздника на другой. Городъ въ блистательномъ видѣ. Народа милліонъ, женщины чудесныя. Государь здѣсь боготворимъ, и если захочетъ, то душу возьметъ у каждаго. Я довелъ до *Познани* корпусъ мой, ибо до границъ царства хотѣлось видѣть, что съ нимъ будетъ. Прошелъ всѣ прелестныя мѣста Германіи, гдѣ вѣрность солдата поколебаться можетъ и къ радости моей видѣлъ, что побѣги нынѣшняго года совершенно незначащіе и пятой доли прошлогоднихъ не составляютъ. Слава Богу! Помню замѣчаніе твое, что во второй дивизіи лучше обращеніе. Справедливо! Завтра хочу пуститься далѣе. Надобно навѣстить стариковъ моихъ. Болѣзнь моя продолжается, но ничего не значитъ. Но возобновляется та, которая такъ долго мучила меня въ Краковѣ. Пока еще до водъ кавказскихъ, боюсь зимы. Срѣжетъ, злодѣйка. Никакъ невозможно избѣжать поѣздки на воды.

Поклонись моимъ знакомымъ, а паче Петру Федоровичу Желтухину. Я къ нему писалъ изъ Лейпцига съ княземъ Гагаринымъ. Просилъ его увѣдомить, заплатилъ-ли ему Мамоновъ долгъ мой и сколько я ему остался должнымъ. Мнѣ кажется, Петръ Федоровичъ хочетъ доказать, что онъ столько же снисходительный заимодавецъ, какъ добрый пріятель. Однако же сдѣлай дружбу, уговори его написать ко мнѣ обо всемъ обстоятельно. Теперь у меня милліоны и никогда лучше заплатить не буду я въ состояніи.

Посылаю, любезный Арсеній, рапортъ къ военному министру, которымъ испрашиваю о присылкѣ Александровскаго брилліантоваго ордена. Узнай обстоятельно, по дружбѣ прошу, точно-ли я его имѣю. Мучитъ сомнѣніе, какъ сердце говоритъ, что обманываюсь. Избави Боже! Пропали сокровища и милліоны. Ежели можешь, то пришли къ новому году въ Орелъ, въ глуши подумаютъ значущимъ меня человѣкомъ или по крайней мѣрѣ, порядочнымъ. Въ Орлѣ, любезной родинѣ моей, я стану умничать и пускать пыль. Безъ брилліантовъ вѣрить знатности не станутъ. Не сдѣлай безъ обновъ къ празднику! Я прилагаю всю возможную нѣжность, чтобы подвигнуть военнаго министра. Неужели не смягчится? Прощай, будь здоровъ и счастливъ.

PS. Прилагаю при семъ письмо Кутузова къ женѣ его. Сдѣлай одолженіе, прикажи доставить его вѣрнѣе. Онъ пишетъ объ отправленіи

книгъ моихъ и сокровищъ, въ Петербургѣ безполезно сгнивающихъ. Мнѣ онѣ нужны. Я со всѣхъ странъ свѣта собираю разсѣянныя мои богатства.

Если нужна довѣренность на полученіе ордена, прошу за меня подписать.

141.

3-го января 1816 г. Орелъ.

Пріѣхавъ въ Орелъ нашелъ я первое письмо ваше, потомъ вскорѣ получилъ и второе, когда доставили вы мнѣ алмазные знаки. Ваше превосходительство скорымъ просьбы моей исполненіемъ доказали, что не забываете старыхъ вашихъ знакомыхъ.

Прошу замѣтить какъ пишутъ къ особамъ значущимъ, какъ напримѣръ дежурному генералу Государя. Но я лучше стану по просту писать къ старому пріятелю и скажу отъ души, любезный и почтенный Арсеній, благодарю тебя за исполненіе моего порученія. Я заслѣпилъ глаза здѣсь алмазами; что за прекраснѣйшій народъ живетъ въ провинціяхъ! Я какъ пріѣхавши налѣпилъ три свои звѣзды, такъ и думаютъ, что я Богъ знаетъ что за человѣкъ. На силу въ 10 дней могъ увѣрить, что я ничего не значу, и то божиться надобно было и святыхъ подымать. Я подорву кредитъ нашей братіи, которые здѣсь пыль въ глаза пускаютъ. Надобно что нибудь дѣлать; а это не безполезно.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностію. Спасибо Царю за добрый выборъ. Не робѣй! Ты сладишь. Говори другимъ, а я тебя знаю. Все будетъ исправно. Искусный *М—па* (Мазепа) обращеніемъ своимъ всѣхъ пріохотитъ заниматься и дѣло будетъ въ порядкѣ. Ты еще можешь поучить другихъ. Изъ газетъ видѣлъ я обширность должности твоей, но съ твоимъ трудолюбіемъ, точностію и усердіемъ къ Государю Богъ тебѣ поможетъ. Не измѣни, любезный другъ, прежнему твоему доброму со всѣми обхожденію. Гордыхъ бранятъ и бранятъ сильно. Ты меня разумѣешь. . . . . *).
Я живу покойно, но уже въ 10 дней праздность мнѣ наскучила. Много впереди времени, не отчаиваюсь привыкнуть къ новому роду моей жизни. Долго, любезнѣйшій другъ, тебя не увижу, что крайне мнѣ жаль. Въ

*) Точки въ подлинникѣ.

Петербургъ не поѣду, боюсь дороговизны! Ожидаю нетерпѣливо весны. Поѣду на Кавказъ. Болѣзнь гонитъ меня въ дальній сей путь, но избавиться невозможно. Не забудь, любезнѣйшій Арсеній, о семъ путешествіи... Я уже давно не засыпаю. Случилось разъ на дорогѣ, но сдѣлалось гораздо хуже и труба уже заливная плохо помогаетъ. Надежда на воды, а гдѣ онѣ лучше какъ на Кавказѣ?

Поклонись отъ меня Коновницыну и поздравь. Порядочно его обработали. Видно привязанъ онъ къ пышнымъ титуламъ. Военный министръ. Громкое дѣло!

Поклонись отъ меня любезному Петру Федоровичу (Желтухину), онъ наказываетъ меня своею деликатностію, я уже и писать къ нему не смѣю.

Завожу процессъ съ *Мамоновымъ* и исполню долгъ мой относительно до Петра Федоровича, которому столько обязанъ.

Прилагаю письмецо къ *В. Р. Марченкѣ*, попроси его чтобы замолвилъ слово о Кутузовѣ. Я боюсь, чтобы доброму сему и бѣдному человѣку не дали худой аренды. Не думаю чтобы можно было болѣе его нуждаться.

О ты, во власти котораго всѣ алмазы міра! Ты украсившій меня оными и удивившій ими отечество мое Орелъ, разсыпь блескъ ихъ и на брата моего Петра Николаевича. Онъ взываетъ къ тебѣ и ждетъ благотворнаго луча для согрѣнія груди его.

Прощай! люби по прежнему

Преданнѣйшаго *Ермолова*.

142.

28-го февраля 1816 г. Орелъ.

Письмо твое получилъ. Одну вещь очень пріятную сказалъ ты мнѣ, что Рт. (Ртищевъ) подалъ въ отставку. Это весьма хорошо, но для меня-ли судьба сберегаетъ сіе счастіе.

По истинѣ скажу тебѣ, что во снѣ грезится та сторона и всѣ прочіе желанія умерли. Не хочу скрыть отъ тебя, что гренадерскій корпусъ меня сокрушаетъ и я боюсь его. Всякій другой вмѣсто его не столько бы страшилъ меня. Не упускай, любезный Арсеній, случая помочь мнѣ и отправить на востокъ; впрочемъ, какъ ты обязанъ наблюдать пользу, то я ни мало роптать не буду, если опредѣлите туда человѣка способнѣйшаго и полезнѣйшаго, по пословицѣ *всякіе люди*

клаевой фамиліи того же добьются. Не худо! Очередь *Дибича* и товарища вашего Толя. Что будетъ Розенъ просить *Мишелю?* Загадка! Прощай! Еще повторяю тебѣ не пиши, не теряй напрасно время. Развѣ что нужно увѣдомь.

Доброму товарищу П. Ф. Желтухину мой поклонъ. Благородный и славный малый!

143.

24-го марта 1816 г. Орелъ.

Дабы не занимать тебя вздоромъ и не отнимать времени, котораго, конечно, лишняго не имѣешь, я въ письмѣ моемъ условился, чтобы ты не писалъ ко мнѣ иначе, какъ что нибудь до меня касаться будетъ, и потому удивляюсь, что ты ни слова не сказалъ мнѣ о томъ, что *Волконскій* объявилъ мнѣ Высочайшую волю, дабы я пріѣхалъ въ Петербургъ. По полученіи сего я тотчасъ бы пустился въ путь, но я весьма болѣнъ. Ко всѣмъ прежнимъ и общимъ съ тобою болѣзнямъ присоединился еще и сильный ревматизмъ, такъ что нѣсколько дней не только ходить ниже не могъ пошевелиться. Я писалъ бумагу къ Волконскому по службѣ, что я болѣнъ и потому не выѣзжаю тотчасъ, но что гораздо прежде окончанія отпуска моего пріѣду. Писалъ также и партикулярно. Боюсь чтобы замедленіе мое мнѣ не повредило. Я прошу тебя, почтенный Мазепа, употребить со своей стороны приличный способъ къ моему извиненію. Ты великое мнѣ сдѣлаешь одолженіе. На святой же недѣли, не взирая ни на здоровье, ни на дорогу, я непремѣнно выѣду. Если же, къ несчастію, мнѣ не нужно уже будетъ ѣхать, то увѣдомьте меня, ибо я напрасно ѣхать и сдѣлать для меня чувствительныя издержки не хочу. Сдѣлай дружбу увѣдомь, что тебѣ скажетъ *Волконскій*. Я успѣю еще получить здѣсь твое письмо. Не оставь просьбы моей въ разсужденіи извиненія моего.

Отдай Каліостро (князю Меншикову?) записочку мою.

144.

18-го ноября 1816 г. Тифлисъ.

Не льстя тебѣ скажу, что въ свободныя минуты моей здѣсь жизни, одно имѣя удовольствіе воспоминать о маломъ числѣ друзей моихъ, знаю я тебя однимъ изъ наилучшихъ, люблю и почитаю тебя душевно.

Скажу тебѣ о путешествіи моемъ и что доселѣ замѣтилъ. Въ Георгіевскѣ прожилъ я болѣе недѣли. Занимался гражданскими дѣлами. Былъ въ судахъ. Не удивляйся нѣкоторымъ безпорядкамъ, ибо они вездѣ почти одинаковы, но досадно мнѣ нерадѣніе, и кажется мнѣ, что я заставилъ себя остерегаться. Гражданскую власть нашелъ въ ссорѣ съ военною, по общему вездѣ порядку, но какъ это не мой порядокъ, старался примирить ихъ.

Войска на линіи, которыя случилось мнѣ видѣть на пути, всѣ прекрасныя, всѣ такова, какія должны быть славной арміи великаго Государя. Начальствующій линіею г. м. Дельпоццо, человѣкъ усердный къ службѣ, самый благонамѣренный и безкорыстный, но такъ старъ и болѣе еще слабъ, что на линіи безпрерывныя случаются происшествія, караульная стража сонная, нерадивая и горскіе народы дѣлаютъ дерзкія нападенія. Я ругаюсь и не люблю потворства, но я ѣду далѣе и будетъ не хорошо, вы увидите. На линіи долженъ быть начальникъ строгій и дѣятельный. Поговори о томъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ), надобно объ этомъ подумать. По мнѣнію моему, очень хорошъ можетъ быть въ семъ мѣстѣ генералъ-лейтенантъ Эмануель, а можетъ быть вы и другого найдете. Дельпоццо надобно однакоже наградить, онъ много сдѣлалъ хорошаго. Крѣпость Владикавказъ, чрезвычайно для насъ нужную, устроилъ почти безъ всякой казнѣ издержки. Выселилъ изъ горъ непріязненные намъ народы, которые обезпокоивали Грузинскую дорогу, а теперь вмѣсто насъ дерутся съ чеченцами.

Мой поклонъ Котляревскому, Адаму Ивановичу, Кондратью Яковлевичу, Красотѣ и Крѣпкой натурѣ. Увѣдомь, получалъ-ли фельдмаршалъ отъ брата Михаила (графа Воронцова) письма.

Обстоятельно вникалъ я въ образъ жизни войскъ на линіи и въ Грузіи. Нимало не удивляюсь чрезмѣрной ихъ убыли. Если нашелъ я вездѣ казармы, то сырыя, тѣсныя и грозящія паденіемъ, въ коихъ можно только содержать людей за преступленіе; но и таковыхъ мало, большею частію землянки, истинное гнѣздо всѣхъ болѣзней, опустошающихъ прекрасныя крѣпкія войска. Какая тяжкая служба офицеровъ, какая жизнь несчастная! Предупредите Государя, что я буду просить денегъ на постройку казармъ и госпиталей и ручаюсь, что кромѣ сохраненія людей, сберегу я и деньги въ другихъ многихъ случаяхъ. Я недавно здѣсь, но вижу возможность уменьшить издержки по продовольствію войскъ. Дайте возвратиться къ Персіи. Богъ будетъ за добрыя мои намѣренія. Ничего столько не желаю какъ мира и спокойствія. Много въ такой сей можно сдѣлать пользы государству. Сегодня принимаю я

посланцовъ ко мнѣ отъ одного народа. Вчера уже говорилъ съ ними, и есть у насъ въ виду богатѣйшая свинцовая руда, каковымъ изобиліемъ можетъ быть нѣтъ равныхъ. Здѣсь все есть, а у меня все время на службу Государя. Нѣтъ ни жены, ни любовницы, никакой страсти, ни развлеченій. Съ утра до вечера за дѣломъ. Какъ рано всѣ встаютъ. Какъ всѣхъ подстрекаю. Въ судахъ сидятъ и при свѣчахъ, безъ моего принужденія, а только грожу посѣщеніемъ.

Провіантская часть съ ума сводитъ. Въ магазинахъ нѣтъ ничего. Денегъ не присылаютъ вò время, присылаютъ мало, и досихъ поръ все почти ассигнаціями, которыхъ здѣсь не берутъ или чрезвычайно невыгодны для казны. Скажи князю П. М. (Волконскому), чтобы третью часть на продовольствіе непремѣнно присылалъ серебромъ, такъ было представляемо и предмѣстникомъ моимъ; я военному министру дѣлаю о семъ представленіе. Теперь въ такомъ безпорядкѣ часть сія здѣсь, что всѣ войска въ Грузіи мѣстными способами довольствуемыя, остаются безъ запасовъ и живутъ отъ одного дня до другого. Ручаюсь вамъ, что сего впредь не будетъ, но не прежде какъ по возвращеніи изъ Персіи, которая, отвлекая меня отсюда, много дѣлаетъ вреда.

Кутузова ожидаю я нетерпѣливо. Ему въ отсутствіе мое надобно командовать здѣсь войсками, но какъ здѣсь есть старшіе, которымъ нельзя того поручить, то надобно чтобы князь Петръ Михайловичъ написалъ мнѣ, что ему поручается начальство какъ старшему. Тогда никто не усумнится, чтобы онъ не имѣлъ права на командованіе. Кавказской же линіи начальнику до прибытія моего преднишу я относиться по службѣ къ князю Петру Михайловичу. Вижу я, какіе здѣсь будутъ безпорядки безъ главнаго здѣсь управленія, но что̀ дѣлать.

Если же вы что лучше придумаете, то поспѣшите чрезъ нарочнаго дать мнѣ знать. Не пренебрегайте симъ обстоятельствомъ. По положенію края сего, оно весьма важно. Прощай!

Дополненіе. Хотѣлъ ограничить себя четырьмя прежними страницами, но никакъ невозможно. Видѣлъ я какъ ты принимаешь длинныя письма. Достается и брату Михайлѣ (графу Воронцову), что любитъ пописать, но пощади мои письма, какъ жителя далекихъ странъ, которому рѣдки случаи скучать любезному Арсенію. Ты можешь припомнить слова Воронцова, обыкновенно на концѣ 8 или 12 страницы: «*Спѣшу кончить, виноватъ, за скорымъ отправленіемъ курьера не могъ на сей разъ ничего сказать, но съ будущимъ напишу обстоятельно*». Едва было и мнѣ не случилось *пилить* тебя двѣнадцатью, но изъ благопристойности я рѣшился стѣснить строки. Не знаю что дѣлаетъ братъ Михайло, но если

до сихъ поръ я того же не дѣлаю, твоя вина. Нѣтъ типографіи, нѣтъ приказовъ, а меня на приказы очень позываетъ. Отъ скуки пустился я въ манифесты къ разнымъ народамъ. Здѣсь мои предмѣстники слабостію своею избаловали всѣхъ *хановъ* и подобную имъ каналью до такой степени, что они себя ставятъ не менѣе султановъ турецкихъ, и жестокости, которыя и турки уже стыдятся дѣлать, они думаютъ по правамъ имъ позволительными. Предмѣстники мои вели съ ними переписку какъ съ любовницами, такія нѣжности, сладости и точно какъ будто мы у нихъ во власти. Я началъ вразумлять ихъ, что безпорядковъ я терпѣть не умѣю, а порядокъ требуетъ обязанности послушанія и что таковое совѣтую я имъ имѣть къ волѣ моего и ихъ Государя, и что я берусь научить ихъ сообразоваться съ тою волею. Всю прочую *мелкую каналью,* дѣлающую намъ пакости и наглыя измѣны, начинаю прибирать къ рукамъ. Первоначально, стравливаю между собою, чтобы не вздумалось имъ быть вмѣстѣ противъ насъ и нѣкоторымъ уже обѣщалъ истребленіе, а другимъ казнь аманатовъ. Надобно по необходимости нѣкоторыхъ удостоить отличнаго возвышенія, то есть висѣлицы. Не уподоблюсь слабостію моимъ предмѣстникамъ, но если хотя немного похожъ буду на князя Циціанова, то ни здѣшній край, ни вѣрные подданные Государя нашего ничего не потеряютъ.

Сдѣлай дружбу, любезный Арсеній, для пользы службы самой прошу, будь при томъ какъ будетъ читать бумаги мои князь Петръ Михайловичъ. Я въ нихъ пишу о такихъ вещахъ, которыя требуютъ непремѣнно скораго исполненія. Я знаю твою настойчивость и она нужна, необходима въ семъ случаѣ.

Я воспользовался отправленіемъ людей въ гвардію, и капитана, который ихъ ведетъ, назначаю для познанія порядка службы. При немъ есть особенный унтеръ-офицеръ и рядовой. Прикажи ихъ славно одѣть на мой счетъ. Мы послѣ разочтемся. Офицера сего возьми подъ свое покровительство и поручи Карлу Бистрому. Пошли за моимъ Ермоловымъ и ему, какъ хорошему офицеру, прикажи, чтобы имъ занимался.

Вспомни, что это сдѣлано *по условію* и выведи изъ сего славную исторію. Скажи, что я сдѣлался совсѣмъ годный человѣкъ, даже люблю фронтъ. Здѣсь нашелъ я войска, похожія на персидскихъ *сарбазовъ.* Но люди прекрасные и молодцы. Народъ храбрый, жаль что миръ необходимо нуженъ. Обманутся *непріятели мои*, думая что я заведу драку. Неправда! Вижу что надобно спокойствіе для пользы нашей, и Богъ свидѣтель, что на всѣ средства пущусь, чтобы выторговать нѣсколько лѣтъ мира. Употреблю кротость, ласку, лесть и всѣ способы-

Но если успѣю, то ручаюсь, что послѣ не по прежнему будемъ оканчивать войну въ здѣшнемъ краю.

Посылаю по службѣ бумагу объ утвержденіи командирами полковъ. Я избралъ лучшихъ офицеровъ. Но здѣсь не въ каждый полкъ достанется молодецъ, ибо надобно дожидаться, чтобы нѣкоторые вышли. Есть ужасная дрянь, которую по тому терпятъ что давно служатъ. Въ послѣднее производство пожалованы полковниками *Ладинскій* и *Дьяковъ*. Не знаю почему обошли вы старшихъ и ихъ обидѣли безвинно. *Ладинскій* мало служилъ, былъ окружнымъ начальникомъ и въ должности коммиссіонера. Не его дѣло командовать карабинернымъ полкомъ. Офицеръ знакомый въ канцеляріяхъ начальниковъ. *Дьяковъ* храбрый весьма человѣкъ, но весьма простой и былъ бы счастливъ имѣть полкъ не гренадерскій, гдѣ бы желательно опредѣлять офицеровъ, которые впередъ что нибудь обѣщаютъ. Сіе служило бы отличіемъ. Въ Херсонскомъ полку подполковникъ Рябининъ, старый офицеръ, но въ томъ полку надобно бы лучшаго командира. Онъ хорошій фронтовой, но внутренность полка несчастная. Весьма было бы справедливо 7-й Карабинерный и Херсонскій полки дать хорошимъ полковникамъ изъ гвардейскихъ. Скажи о томъ князю Петру Михайловичу, чтобы онъ сказалъ желаніе мое Государю. Ладинскому можно дать другой полкъ. Онъ молодъ и подождетъ. Рябинина опредѣляю окружнымъ начальникомъ, гдѣ также надобны надежные офицеры. Нельзя ли выпросить мнѣ подполковника *Пузыревскаго* въ корпусъ. Отличный сей офицеръ мнѣ былъ бы весьма полезенъ, у него и полкъ будетъ хорошъ. Здѣсь есть молодой офицеръ, подполковникъ Абхазовъ, ученикъ Котляревскаго, храбрый и славный человѣкъ, достойно воспоминающій о своемъ наставникѣ, на него имѣю я глаза и у Государя будетъ необыкновенный человѣкъ для здѣшняго края. *Котляревскій* срѣзалъ меня. Онъ таковъ, что его здѣсь никѣмъ не замѣнишь, да и вездѣ подобные ему рѣдки. Про него по истинѣ надобно сказать герой! Я писалъ объ немъ Государю, прося особеннаго воззрѣнія. Скажи о семъ брату его.

Мадатовъ назначенъ главнокомандующимъ въ Карабахъ, мѣсто его рожденія. На меня сердитъ. Говоритъ, что я змѣй и хуже Сабанѣева. Мысль прекраснѣйшая! Прощай.

Пришли, сдѣлай милость, списокъ генеральскій, который я забылъ у тебя въ Петербургѣ и полковничій. Поклонъ моимъ знакомымъ: П. Ф. Желтухину, Каліостро, Киселеву и Орлову.

Меня утѣшаетъ, что я изобрѣлъ такую важную штуку, что *Воронцовъ* самъ лучше не выдумаетъ. А какъ онъ пропечаталъ въ своихъ приказахъ *сотвореніе кваса*, то я пропечатую *созданіе барановъ*. Поживемъ долѣе—не то еще будетъ! Посылаю письмо къ Воронцову, прочти и отправь. Онъ отъ нашихъ шутокъ пришелъ въ ярость, а особливо статья *о законахъ* взяла его за живое и намъ обоимъ досталось порядочно. Я смягчая его еще поддалъ жару, опять пойдетъ въ гору. Однако же, мы счастливы, намъ удалось взбѣсить и онъ не примѣтилъ шутки. Нашъ братъ Исаакій!—вотъ что его зарѣжетъ. Больно какъ люди обыкновенные надуваютъ! *Братъ Михайло (Воронцовъ) тонкій человѣкъ*, но напрасно насъ за простоту пренебрегаетъ. Прочти со вниманіемъ письмо мое къ нему. *Моя тишъ* *) *мастеръ* отправленъ въ Карабагское ханство командовать расположенными тамъ войсками и надзирать за управленіемъ хана. Какое предоброе и безкорыстное созданіе. Тамъ надобенъ такой, ибо *Котляревскій* обворожилъ ихъ своею честностію и безпристрастіемъ. Этотъ человѣкъ не по однимъ способностямъ военнымъ достоинъ почтенія. Его надобно уважать и по строгимъ правиламъ его поведенія. Простой народъ лучшій въ семъ случаѣ свидѣтель. Жаль, что у насъ немного ему подобныхъ! Я доволенъ, что имѣю *Мадатова*. Если случится война, эта *собака* можетъ быть весьма полезна. Жесты его и русскій языкъ еще стали совершеннѣе.

Видѣлъ я въ «Инвалидѣ», что Муромцовъ произведенъ въ полковники въ Кабардинскій полкъ. Тамъ старшій графъ Гудовичъ подалъ въ отставку и на мѣсто его я представилъ другаго. Теперь, если пріѣдетъ Муромцовъ, я не буду знать, что изъ него дѣлать. Ты вѣрно забылъ, что я просилъ при производствѣ назначить его по арміи, ибо онъ маршаломъ при посольствѣ.

Типографія, что ты ко мнѣ отправилъ, сидитъ въ Моздокѣ въ карантинѣ. Говорятъ, что по тягости станокъ не можетъ въ зимнее время перейти чрезъ горы и никто его разобрать не умѣетъ. Если выйдетъ производство въ генералы тѣхъ, о которыхъ спрашивалъ моего мнѣнія, по крайней мѣрѣ, предоставьте мнѣ избрать, кто здѣсь болѣе полезенъ, а не вамъ; но здѣсь не надобныхъ, не оставляя у меня, можно опредѣлить по арміи. Есть изъ прежнихъ на то очень способные.

Мнѣ пришла мысль, по которой ты долженъ ходатайствовать у Государя. *Кутузовъ* по отъѣздѣ моемъ остается здѣсь начальникомъ.

*) Такъ въ оригиналѣ, вѣроятно Мадатовъ.

Здѣшнимъ народамъ, а паче азіятцамъ, весьма дико видѣть начальника безъ значущей декораціи. Доложи же Государю, что я прошу ему *Анненскую ленту* и онъ ея заслужитъ и я за нее заслужу, ибо почту за собственное меня награжденіе. Не оставьте безъ вниманія моей просьбы собственно для пользы службы.

Поклонись брату Василію, прочти ему письмо мое, ибо особенно писать теперь нечего. Скажи мой поклонъ тѣмъ, которые меня еще не забыли. Прощай, почтенное и добрѣйшее созданіе М—па (Мазепа).

Перемѣнилъ намѣреніе и посылаю фельдъегеря, а не эстафетъ.

146.

9-го января 1817 г. Тифлисъ.

Подобно брату Михаилѣ (Воронцову) отъ 4-го числа написалъ я тебѣ предлинное письмо. Но послѣ того пріѣхалъ отъ тебя еще фельдъегерь и я приглашенъ тобою будучи писать, пускаюсь далѣе. Фельдъегерь доставилъ мнѣ новости 12-го числа декабря. Прибавленіе жалованья есть предметъ весьма важный. Достойна почтенія заботливость объ улучшеніи содержанія бѣдныхъ офицеровъ! Государь пріобрѣтетъ большую признательность. Я не понимаю сего дѣла, а потому не знаю возможности уровнять выгоды между служащихъ; но кажется мнѣ, что столовыя деньги, въ значущемъ количествѣ положенныя, не равныя представляютъ выгоды человѣку живущему въ столицѣ или польскихъ губерніяхъ и тому, который въ Малороссіи и во многихъ другихъ дешевыхъ мѣстахъ Государства. То истинное мудрое дѣло, кто бы сего достигнуть могъ. И такъ, повидимому, рѣшена судьба фурштатскихъ баталіоновъ. Простите мнѣ, господа придворные жители (ты не въ семъ числѣ), что я по глупости моей сего испугался. Одно званіе *фурштатскій* приводитъ меня въ содроганіе какъ артиллерійскаго офицера.

У насъ нѣкогда артиллерійскія лошади принадлежали особенному фурштату, а не ротамъ. Слѣдствіе того было одно то, что роты не двигались. Боюсь, по глупости, чтобы не произошло того съ провіантомъ. Мнѣ пришла смѣшная мысль, если случится, что арміи будутъ возвращаться къ провіанту, а не провіантъ будетъ подвозимъ къ войскамъ. Надутъ *Жомини* съ своими сочиненіями; тогда надобно будетъ пригласить фурштатскихъ баталіонныхъ командировъ сочинить новую систему какъ вести войну.

Со вниманіемъ приглядываясь къ положенію здѣшняго края, я на-

хожу невозможность учрежденіе баталіоновъ, и когда дойдетъ до меня повелѣніе о преобразованіи, по должности честнаго солдата, я сдѣлаю представленіе. Не послушаютъ, не моя бѣда!

Вчера пріѣхалъ также фельдъегерь, отправленный съ типографіею, но типографія дошла до горъ и гнушаясь ступить на снѣга Кавказа, ожидаетъ улыбки весны и ковра изъ зелени для торжественнаго ея шествія. Я увѣренъ, что все сдѣлано наилучшимъ образомъ, но по удовольствію ругаться, спрошу васъ, какъ не вошло вамъ въ голову разобрать станокъ и научить кого нибудь какъ его складывать? Вы знали что чрезъ горы, а особенно зимою, ничто кромѣ вьюковъ не проходитъ. Теперь я и дожидаюсь весны и то не знаю какъ сладить. Весна въ горахъ не прежде конца апрѣля. Эта толстая типографическая фигура, любезный Быковъ, надѣлалъ хлопотъ. За наказаніе употреби его вмѣсто пресса. Для чего не распечаталъ ты письмо брата Михайлы, оно прелюбопытное. Онъ досадуетъ, что не понялъ нашей шутки, какъ примѣтно, стыдно ему, что онъ противъ насъ дѣлалъ ужасную вылазку. Я его къ тебѣ посылаю.

Правду ты говоришь, что братъ Михаилъ *перетонилъ*, какъ можно подобное сдѣлать предложеніе? Это не лучшій способъ нравиться! Ему и тѣмъ нельзя оправдаться, что онъ не знаетъ обстоятельствъ. Не простъ! выбралъ лучшую дорогу чрезъ Каподистри. Увидимъ, что успѣетъ! Тогда надобно съ нимъ поступить какъ съ колдуномъ. Я не понимаю, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Ты знаешь его человѣкомъ не только не роскошнымъ, напротивъ весьма бережливымъ. Если это узнаютъ, онъ потеряетъ въ мнѣніи.

Ты желаешь знать какъ я умничаю. Скажу вкратцѣ. Вчера отпустилъ присланнаго отъ наслѣдника персидскаго престола съ поздравленіемъ о прибытіи моемъ. Ртищевъ *низкимъ уваженіемъ* истолковалъ имъ, что они покрайней мѣрѣ равные намъ. Я писалъ учтивое письмо, на словахъ велѣлъ сказать, что жду удовольствія съ нимъ познакомиться, слыша, что онъ во всемъ уподобляется просвѣщеннымъ европейцамъ. Недавно одинъ изъ ихъ знатнѣйшихъ людей прислалъ мнѣ конфектовъ и пишетъ, что онъ желаетъ, чтобы такъ сладка была между нами дружба и что надѣется имѣть добраго во мнѣ сосѣда. Я отвѣчалъ, что я готовъ быть добрымъ пріятелемъ, но что мѣрою дружбы я пріемлю самые поступки, а потому если онъ себя будетъ лучше вести нежели съ *Ртищевымъ*, то мы поладимъ. Получилъ превѣжливый отвѣтъ и всѣ требованія удовлетворяются. Не знаю что будетъ впередъ, но отвѣчаю, что мы удержимъ должное къ намъ уваженіе. У

населяющему. Начнемъ съ знатнѣйшихъ: князья ничто иное есть какъ въ уменьшенномъ размѣрѣ копія съ царей грузинскихъ. Та же алчность къ самовластію, та же жестокость въ обращеніи съ подданными. То же благоразуміе, однихъ въ законодательствѣ, другихъ въ совершенномъ убѣжденіи, что нѣтъ законовъ совершеннѣйшихъ. Гордость ужасная отъ древности происхожденія. Доказательства о томъ почти нѣтъ и требованіе онаго пріемлютъ за оскорбленіе. Духовенство необразованное ..... тѣ же мѣры жестокости употребляемыя въ изученіи истинъ закона; житіемъ своимъ подающіе примѣръ разврата и вскорѣ обѣщевающее надежду, что магометанская вѣра распространится. Многіе изъ горскихъ народовъ и земель принадлежащихъ Портѣ Оттоманской, бывшіе христіане, перестали быть ими и сдѣлались магометанами, безъ всякой почти о томъ заботы. Если наши не такъ скоро ими сдѣлаются, то развѣ потому, что по мнѣнію ихъ весьма покойно быть безъ всякой религіи. Народъ простой, кромѣ состоянія ремесленниковъ, болѣе глупъ нежели одаренъ способностію разсудка; свойствъ болѣе кроткихъ, но чувствуетъ тягость зависимости отъ своихъ владѣльцовъ. Лѣнивъ и праздненъ, а потому чрезвычайно бѣденъ. Легковѣренъ, а потому и удобопреклоненъ ко всякаго рода внушеніямъ. Если бы князья менѣе были невѣжды, народъ былъ бы преданъ нашему правительству; но не понимаютъ первые, еще менѣе могутъ разумѣть послѣдніе, что они счастливы принадлежа Россіи; а тѣ и другіе чрезвычайно неблагодарны и непризнательны. Словомъ, народъ не заслуживаетъ того попеченія, тѣхъ заботъ, которыя имѣетъ о нихъ правительство, и дарованныя имъ преимущества есть *биссеръ, брошенный передъ свиньями.* По несчастію, во время послѣднихъ возмущеній въ Грузіи, слабый *Ртищевъ,* управляемъ будучи мошенниками, многихъ изъ явныхъ бунтовщиковъ хорошихъ фамилій оставилъ покойными безъ наказанія и возвратилъ имъ имѣнія. Они возмечтали, что прощеніе имъ даровано, боясь огорчить дворянство и почитаютъ себя намъ опасными. Я начинаю вразумлять ихъ и наконецъ сдѣлаю, что постигнутъ настоящій смыслъ чего они стоятъ и какъ мало страшны. Мнѣ надобно три года мира, чтобы не быть отвлечену отсюда и образъ мыслей они нехотя перемѣнятъ. Войны боюсь потому, что она всегда сопровождаема внутренними безпокойствами. Въ три года съ ними управлюсь покрайней мѣрѣ столько, что они будутъ разумѣть обязанности свои правительству и Государю слишкомъ для нихъ милосердому. Вотъ тебѣ нѣкоторыя замѣчанія о Грузіи, ты ихъ имѣть желалъ. Можешь прочесть ихъ старику *Петру Ивановичу,* который пишетъ, что вы меня ругаете съ нимъ вмѣстѣ

Будь мнѣ тѣмъ же пріятелемъ душевно мною почитаемымъ.
Прилагаю копію съ отвѣта на рескриптъ о продовольствіи войскъ.

СТИХИ

подполковнику Наумову по случаю пріуготовленія къ празднику въ Новый Годъ.

Любимецъ Марса, Терпсихоры,
Отецъ разводовъ и забавъ,
Котораго проникли взоры,
Различныхъ сихъ вещей въ составъ;
Тебѣ единому возможно,
Соединять въ себѣ не ложно
Толико нужныхъ намъ добротъ.
Дежурствомъ славно управляешь,
Въ парадахъ войска учреждаешь,
И въ играхъ веселишь народъ.

Куда свой взоръ не обращаю,
Вездѣ плоды твоихъ заботъ;
То хитрый вымыселъ встрѣчаю,
То неусыпныхъ слѣдъ работъ.
Одной рукой кроишь мундиры
Другой настраиваешь лиры
И слухъ нашъ ими веселишь.
То обелиски воздвигаешь
Огнями взоры поражаешь
И пальмамъ цвѣсть зимой велишь.

Прости, что слабый гласъ дерзаю,
Къ тебѣ возвысить нынѣ мой
Въ усердьи пламенномъ желаю,
Прославить геній рѣдкій твой;
Хвала тебѣ пусть раздается,
И слава о тебѣ несется,
Къ далекимъ невскимъ берегамъ,
Чтобъ самъ Сипягинъ изумился,
Въ тебѣ собою возгордился,
Дивяся таковымъ дѣламъ.

Сочинилъ .....въ.

147.

26-го января 1817 г. Тифлисъ.

Обѣщавши писать съ каждымъ фельдъегеремъ, хотя недавно отправилъ одного съ безконечнымъ письмомъ, теперь пишу опять.

Я отправилъ списки по 20-й дивизіи и гренадерской резервной бригадѣ для производства на вакансіи. Сдѣлай дружбу, ускори производствомъ. Бѣдность ужасная въ офицерахъ, особливо въ баталіонныхъ командирахъ. При производствѣ нѣкоторые хорошіе выйдутъ въ штабъ-офицеры. Списки 19-й дивизіи доставлю послѣ. За отдаленностію нельзя было достать скоро. Здѣсь есть у меня генералъ-маіоръ *Тихановскій*, старый весьма офицеръ и довольно много служившій, но утомленный службою силы свои нерѣдко укрѣпляетъ такими средствами, которыя ноги ослабляютъ. Нельзя-ли меня избавить отъ него, вызвавъ въ Россію. Или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его по арміи, ибо онъ человѣкъ способовъ для службы весьма ограниченныхъ и я лишась его, ничего не потеряю. Сжальтесь надо мною и безъ него есть у меня генералы ни на что негодные. Въ семъ смыслѣ особенно рекомендую Загорскаго, Мерлини, хорошъ и Пестель. Онъ поѣхалъ въ отпускъ и лично будетъ имѣть честь представить тебѣ свою неспособность. Хотунцовъ у меня умнѣе ихъ многихъ. Онъ отправляетъ должность Имеретинскаго царя. Гордъ какъ великій визирь. Ни съ просьбою, ни съ дѣломъ нѣтъ къ нему доступа. Запасся прекраснѣйшею женою....., а бережетъ, какъ будто одной мало. Сидитъ у самаго входа въ святилище и ничего болѣе не дѣлаетъ! Описалъ бы вамъ другихъ, но боюсь быть увлеченъ строгостію въ обличеніи. Я писалъ къ тебѣ о полковыхъ командирахъ гренадерскихъ полковъ. Если не сдѣлалъ ты никакой еще перемѣны, то останови оную до возвращенія моего изъ Персіи. Изъ нѣкоторыхъ при строгомъ присмотрѣ можно что-нибудь сдѣлать. Если нѣтъ, представлю къ истребленію.

Позволь теперь, любезный Арсеній, собственную мою принесть просьбу. Въ 5-мъ Карабинерномъ полку есть подпоручикъ *Коховскій*, сынъ роднаго брата моего, молодой и весьма хорошо воспитанный юноша. Поговори съ княземъ Петромъ Михайловичемъ, чтобы онъ доложилъ Государю, что я прошу о переводѣ его въ гвардію и опредѣленіи ко мнѣ. Это одинъ ближайшій мнѣ родной и котораго хочется мнѣ сдѣлать способнымъ на службу Государя. Послѣ меня останется онъ, котораго приготовлять я буду какъ сына. Если вы меня находите на что-нибудь

годнымъ, то я ему сообщу мое къ службѣ усердіе и правила. Если невозможно перевесть его въ старые полки гвардіи, то въ молодые. Ежели же и того сдѣлать не захотятъ для меня, то прошу о переводѣ въ 7-й Карабинерный полкъ. Это уже не большая милость, ибо сюда въ Грузію присылаете вы за наказаніе. Постарайся, любезный Арсеній, прошу какъ друга и брата. Кому не удавались подобныя просьбы?

Здѣсь въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку есть разжалованный изъ Кавалергардскаго полка въ солдаты *Розенъ*. Исходатайствуйте ему прощеніе въ память роднаго дяди его покойнаго генерала *Ваврженкаго*, который приверженъ былъ собственно Государю и всегда усердствовалъ пользамъ Россіи. Возвратите его въ гвардію. Богъ свидѣтель, доброе дѣло!

Новое о прибавкѣ жалованья положеніе должно приводить въ отчаяніе артиллерійскихъ генераловъ. Неужели командующіе артиллеріею въ корпусахъ не могли быть сравнены съ бригадными командирами? О нихъ нѣтъ ни слова и нѣтъ имъ столовыхъ денегъ. На Литейной пребываніе артиллеріи, кажется, по сосѣдству. Неужели могла она не прійти на память?

Повторяю просьбу мою о *Кутузовѣ*. Послѣ меня не будетъ ему здѣсь житья безъ ленты. Здѣсь они бывали на ханахъ. Странно будетъ видѣть начальника безъ оной. Я правду говорю! Азіятцевъ поражаютъ наружности! Я какъ представляю предъ нихъ свою фигуру въ 9-ть вершковъ ростомъ и съ широкими плечами, такъ они и думаютъ, что я настоящій начальникъ и что въ назначеніи моемъ не одна была воля Государя, но и самый произволъ небесъ. Прибавь къ сему три звѣзды и пасмурную рожу — все трепещетъ! У *Тормасова* сего послѣдняго не доставало, а съ нѣжною усмѣшкою и румянымъ лицомъ не признаютъ за посланца небесъ. Что-то и въ *Ртищевѣ* нашли сомнительнаго, не знаю!

Въ разсужденіи *Кутузова* я ожидаю, что по первому моему письму вы пришлете мнѣ бумагу, по которой провозглашенъ онъ будетъ сея страны повелителемъ. Это необходимо. Я уже писалъ къ Бѣлому, что именемъ его я учреждаю здѣсь его начальникомъ, хотя есть старшіе. На нихъ, однако же, невозможно положиться, потому что не съ тою доброю волею, не съ тѣмъ жаромъ возьмутся за выполненіе моихъ приказаній послѣ моего отъѣзда. А здѣсь въ томъ и главнѣйшая вина была начальниковъ, что почти каждый поступалъ непремѣнно вопреки намѣреній предмѣстника. По несчастію, послѣ *славнаго Циціанова* былъ *глупый Гудовичъ*, а что еще хуже былъ непримиримый Циціанова непріятель. Не знаю, любезный Арсеній, не надуваешь-ли ты меня, по-

казывая желаніе знать о томъ, что здѣсь происходитъ и что дѣлать я предпринимаю.

Грузія, если Богъ благословитъ насъ необходимымъ миромъ, придетъ мало по малу къ устройству и спокойствію, но меня терзаютъ *мерзавцы чеченцы*, которыхъ по возвращеніи изъ Персіи должно наказать непремѣнно. Отъ Моздока до Кизляра нѣтъ спокойствія на линіи. Безпрерывныя хищничества, увозятъ и убиваютъ людей. Слабое на линіи управленіе избаловало поселенныхъ казаковъ и они нерадиво охраняютъ порученные имъ посты. Пустились въ промыслы, завели пивоварни, мельницы и день-ото-дня дѣлаются похожими на мужиковъ. Дайте мнѣ возвратиться изъ Персіи. Побываю на линіи и приведу ихъ тотчасъ въ порядокъ. Будутъ по прежнему славными казаками. Это не Донскіе казаки, мечтающіе, что они составляютъ особый народъ и котораго вредныя преимущества правительство безпрестанно подтверждаетъ граматами.

Я уже предупредилъ своихъ, что распутства ихъ заставятъ меня дать имъ регулярныхъ войскъ начальниковъ, и что тогда только можно ожидать отъ нихъ порядка и настоящей службы. Это необходимо надобно будетъ привести въ исполненіе. Я по одиночкѣ берусь ихъ перещупать. Въ разсужденіи *чеченцовъ* я не намѣренъ слѣдовать примѣру многихъ господъ генераловъ, которые, нападая на нихъ въ мѣстахъ неприступныхъ и имъ знакомыхъ, теряли множество людей, имъ не наносили вреда, напротивъ, всякій разъ утверждали ихъ въ мнѣніи, что ихъ преодолѣть невозможно, и по сочиненіи *пышной реляціи*, увѣривъ правительство въ геройскихъ своихъ подвигахъ, возвращались, озлобивъ ихъ болѣе прежняго. Я приду на *рѣку Сунжу* въ мѣста прекраснѣйшія и здоровыя. Въ горы ни шагу! Построю редуты и хорошія землянки. Соберу посѣянный ими хлѣбъ и цѣлую зиму не позволю имъ пасти свой скотъ на плоскости. Продовольствіе сыщу у народовъ, называющихся пріязненными намъ, *мирными*. Это злые мошенники подъ личиною друзей, участвующіе во всѣхъ злодѣйствахъ *чеченцовъ*, пропускающіе ихъ чрезъ свои земли и дающіе имъ убѣжище. Останусь до тѣхъ поръ на *Сунжѣ*, пока выдадутъ мнѣ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, заплатятъ деньги за убытки частныхъ людей, или если достану денегъ довольно, то на Сунжѣ заложу порядочную крѣпостцу, въ которой расположу нѣкоторую часть войскъ, теперь на большомъ разстояніи по линіи разсыпанныхъ. Съ будущею весною уже распоряжено у меня построеніе одного сильнаго редута на Сунжѣ отъ стороны Владикавказа, о чемъ просили меня горскіе народы, враги *чеченцовъ*, же-

лающіе выселиться изъ горъ на плоскость для удобнаго хлѣбопашества. Нѣкоторые изъ таковыхъ народовъ уже выселились, въ короткое время разбогатѣли, развели и скотъ хорошій и хлѣбопашество изобильное. Честь сія принадлежитъ собственно генералъ-маіору Дельпоццо, который честностію своею, безкорыстіемъ снискалъ довѣренность у нѣкоторыхъ горскихъ народовъ и умѣетъ съ ними обращаться, когда обстоятельства не требуютъ ни твердости, ни строгости. Жаль мнѣ, что при всѣхъ добрыхъ и почтенныхъ его свойствахъ, онъ слабъ чрезмѣрно.

Вы не обойдетесь безъ того, чтобы перемѣнить его, но надобно старику дать мѣсто, которое было бы довольно почетное и могло вознаградить перемѣну. Не испугайся намѣреніемъ моимъ наказать чеченцовъ. Я ничего не предприниму безъ вѣрныхъ разсчетовъ и безъ себя ничего сдѣлать не позволю. Стыдно намъ платить дань и не умѣть ея избавиться.

Со времени прибытія моего сюда перемѣнились въ турецкихъ смѣжныхъ съ нами областяхъ начальники и поведеніе ихъ въ отношеніи къ намъ гораздо лучше прежнихъ. Сіе удержитъ въ спокойствіи *закубанскіе народы,* которые дѣлаютъ безпрестанныя хищничества на линіи, а болѣе еще въ земляхъ черноморцовъ. Сіи послѣдніе въ командѣ *Ланжерона*, а потому поговори ты съ княземъ Петромъ Михайловичемъ, что къ черноморцамъ надобно непремѣнно поставить одинъ полкъ пѣхоты, дабы держать въ почтеніи закубанцевъ. Казаки одни не сладятъ съ ними, а въ Крыму праздно стоятъ полки. Содержаніе полка на *Таманп* будетъ стоить дешево и черноморцы охранятся отъ утѣсненія горцевъ, которые вредятъ ужасно богатой ихъ промышленности. Хотя сіе не принадлежитъ до меня, но я пишу тебѣ какъ другу.

Подобно брату Михайлѣ (Воронцову) хочу и я напасть на списокъ генеральскій. Въ немъ невѣрно поставлено старшинство генераловъ Я не по себѣ то примѣчаю, но въ генералъ-маіорахъ и мой Кутузовъ надутъ ужасно.

Прощай, почтенный Арсеній. Не сердись, что много пишу, ты желалъ того самъ и я признаюсь, что весьма большое удовольствіе говорить чистосердечно доброму пріятелю.

Братъ Михайло пишетъ къ *Змпю* (Аракчееву) и я отправляю манифестъ. Отошли его, сдѣлай дружбу вѣрнѣе. Это дѣло касающееся обстоятельствъ здѣшняго края. Прощай!

Съ *Тихановскимъ* что хочешь сдѣлай, только лучше, чтобы его здѣсь не было.

Мадатовъ преблагородное существо и мнѣ здѣсь весьма полезенъ.

Онъ должность свою отправляетъ похвальнѣйшимъ образомъ, какъ лучше и не желаю, и увѣренъ, что приказаніе всегда исполнено въ точности. Всегда честно и безкорыстно. По русски еще лучше сталъ говорить и руками важно разводитъ. На сихъ дняхъ жду его къ себѣ.

148.

19-го февраля 1817 г. Тифлисъ.

Письмо твое, почтенный Арсеній Андреевичъ, получилъ и отъ души благодарю тебя. Ты возлагаешь на меня самое пріятнѣйшее порученіе писать къ тебѣ обо всемъ обстоятельно. Это такъ сходно съ собственнымъ желаніемъ моимъ, что не нужно мнѣ подтверждать о томъ.

Всѣ просьбы мои исполнены и такъ скоро какъ никогда прежде не дѣлывалось. Я вижу работу полезнаго и добраго Арсенія. Благодарю за *Пузыревскаго*. Не знаю будетъ-ли онъ благодарить, ибо назначенное ему мѣсто, по совѣсти, несравненно хуже Сибири, но если полкъ такъ устроитъ, какъ я требую, представлю въ полковники за отличіе и увѣренъ, что никто не позавидуетъ. За *Берникова* не благодарю, но знаю, что не твой выборъ и дѣлать нечего. Я признаюсь тебѣ въ ошибкѣ моей, что не представилъ подполковника *Рябинина* въ полковые командиры, и у меня лежитъ это на душѣ, ибо онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ здѣсь командировъ и полкъ Херсонскій гренадерскій, которымъ онъ командовалъ, лучше всѣхъ другихъ. Въ Херсонскомъ полку я для того не желалъ его имѣть, что онъ давно не былъ употребленъ противъ непріятеля, а Херсонскій полкъ не имѣетъ славной репутаціи и оную составлять должно, но всякій другой полкъ онъ лучше многихъ устроитъ. Я представляю его въ командиры Севастопольскаго полка; прошу, почтенный Арсеній, исходатайствовать утвержденія, и если нужно, то скажите даже, что я въ немъ ошибся и признаюсь, однакоже, въ ошибкѣ, ибо я далъ слово ни одной изъ нихъ не скрывать. Благодарю за *Кутузова*, отличный сей офицеръ много мнѣ здѣсь полезенъ; но что вы дѣлаете со мною, что не назначаете его начальникомъ во время моего отсутствія. Вы не воображаете сколько вы дѣлаете мнѣ хлопотъ. Если бы было повелѣніе, никто бы и роптать не сталъ, но я на себя накличу проклятіе старшихъ. Не менѣе, однакоже, если и не получу, я учреждаю его начальникомъ.

О бригадныхъ посылаю представленіе. Вы требуете, чтобы я непремѣнно одного изъ своихъ избралъ въ гренадерскую резервную бри-

гаду. Я повинуюсь; но слезы на глазахъ у меня, что прекраснѣйшую сію бригаду долженъ отдать князю Эристову. Онъ храбрый весьма солдатъ, но чрезвычайный грузинъ..... Не будетъ умѣть обходиться съ офицерами, а здѣсь молодымъ надобно давать воспитаніе. Здѣсь нѣтъ городовъ кромѣ гнуснаго Тифлиса, вообще нѣтъ общества, гдѣ бы молодой офицеръ могъ имѣть добрые примѣры въ наставленіе. Они вѣчно въ землянкахъ, вѣчно между собою. Сверхъ службы никакихъ занятій и большая часть оканчиваетъ карьеру пьянствомъ. Начальнику нѣтъ другаго средства къ поправленію, какъ просить судьбу о чумѣ. Она часто посѣщаетъ край сей, но предмѣстники мои не умѣли воспользоваться благотворительнымъ ея дѣйствіемъ. Я постараюсь обратить ея въ пользу. Производствомъ въ генералы вы мнѣ надавали множество лишнихъ, но я нашелъ всѣмъ мѣсто. Генералъ-маіоръ *Хотунцовъ*, котораго предмѣстникъ мой сдѣлалъ управляющимъ Имеретіею и управленіемъ котораго я не весьма доволенъ, представилъ прошеніе въ отпускъ на годъ. Сдѣлай дружбу, постарайся, чтобы скорѣе отпустили. Я боюсь за фельдмаршала Барклая, чтобы не отнялъ онъ у него команды. Онъ такъ старъ въ генеральскомъ чинѣ. Исходатайствуйте ему жалованье на время его отпуска, ибо онъ человѣкъ бѣдный. Я его не видывалъ, но говорятъ, что онъ весьма не глупый человѣкъ и могущій быть годнымъ на дѣло; но гордъ какъ визирь и золъ какъ чесотка. Сему вояжу онъ мнѣ обязанъ, я порядочно *любезныхъ товарищей* прибираю къ рукамъ. Кромѣ славнаго *Котляревскаго* всѣ прочіе позавелись хуторами, табунами и хозяйствомъ, а полкамъ отъ того ни малѣйшей нѣтъ пользы. *Мерлини* дрянное существо, ни на что для службы не надобное, имѣетъ до тысячи штукъ скота и лошадей. Теперь сдавая полкъ вдругъ пополняетъ всѣхъ недостающихъ въ немъ лошадей, въ одинъ казачій полкъ продалъ онъ 70 и подъ экипажемъ его выходитъ на кавказскую линію слишкомъ 40 лошадей. Вотъ какъ командовалъ онъ полкомъ! но кончились эти счастливыя времена. Теперь, если будутъ какія небольшія выгоды, будутъ и расходы въ пользу полковъ. Я дѣлаю представленіе, коимъ *Мерлини* лишается бригады. Что за снисхожденіе къ дряни! Ее такъ много, что нельзя опасаться всея перевести, а надобно когда-нибудь начать. Если не справедливо отъ каждаго требовать чрезвычайныхъ талантовъ, то, по крайней мѣрѣ, не надобно давать быстраго хода совершенно неспособнымъ, и то еще будетъ мѣра весьма человѣколюбивая. Симъ человѣколюбіемъ одушевленный, представляю я *Загорскаго* въ бригадные командиры. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что онъ дуракъ, по крайней мѣрѣ за него хо-

датайствуетъ долговременное служеніе, и какъ человѣкъ, на котораго навелъ я ужасный страхъ, онъ будетъ слѣпой исполнитель воли. Здѣсь полезно завести институтъ подобныхъ слѣпыхъ, и будетъ! *Курнатовскій* старый офицеръ, храбрый и не глупый, гонимъ будучи *Ртищевымъ*, жилъ въ службѣ безъ пользы: я пріѣхалъ, поддалъ старику охоты и онъ у меня дѣлаетъ чудеса. Его представляю я на мѣсто *Хотунцова* въ бригадные командиры. Объясните Государю, что это потому нужно сдѣлать непремѣнно, что та бригада расположена въ Имеретіи, управленіе которою хочу я возложить на *Курнатовскаго*. Онъ все будетъ дѣлать какъ должно и его тамъ любить будутъ. Если же бы случилось, что негодится (въ чемъ, однакоже, сомнѣваюсь), то онъ, какъ временный начальникъ и Государемъ неутвержденный, тотчасъ будетъ мною истребленъ. *Мадатовъ* служитъ похвальнѣйшимъ образомъ. Заботится о сохраненіи солдатъ; войска у него довольствуются и хорошо и дешевле другихъ. Съ ханомъ умно ладитъ, и я надѣюсь съ пособіемъ со стороны его успѣть ханство Карабагское по смерти хана обратить въ россійскій округъ. Къ сему пріуготовляются тамъ разные люди и, можетъ быть, даже достанетъ бумагу отъ хана, что онъ послѣ себя не допускаетъ никакого наслѣдства, а ханство поручитъ милосердію Государя. Сіе для того нужно, чтобы дать законный видъ дѣйствію моему. Впрочемъ, такъ или нѣтъ, по смерти хана ханству не бывать; у меня готовы другія мѣры и также имѣющія благовидную наружность. Я прилагаю у сего рапортъ мой Государю въ копіи, изъ котораго все увидишь. Доведите до Государя о службѣ *Мадатова*.

Что вы не присылаете сюда губернатора; генералъ-маіоръ Сталь, хорошій весьма офицеръ, человѣкъ очень честный, но не годится быть губернаторомъ и быть имъ не желаетъ; мнѣ весьма нуженъ способный, а паче еще хорошихъ свойствъ человѣкъ, ибо онъ главнѣйшій мнѣ помощникъ и одинъ, который можетъ способствовать къ преобразованію свойствъ грузинъ, весьма . . . . . и гнусныхъ. Господа сіи начинаютъ также понемногу привыкать повиноваться, чего до сихъ поръ не знали. Они попробовали устрашить меня, что неудовольствія могутъ произвести непріятныя слѣдствія, а я имъ толкую, чтобы и не смѣли думать о бунтахъ, что я имѣю единственное средство укрощать ихъ, но что потому только не люблю ихъ, что большею частію страждетъ невинный и глупый, а настоящихъ зачинщиковъ обыкновенно весьма немного и для нихъ не стоитъ проливать кровь. Толкую имъ, что прежде не такъ здѣсь усмиряли бунтовщиковъ, а что я такъ искусно обращать умѣю

къ обязанностямъ, что на сто лѣтъ выбью изъ головъ не только дѣйствіе, но даже самое слово бунта.

Если пять лѣтъ продержите вы меня здѣсь, то ручаюсь вамъ, что будетъ кое-что заведено порядочное и наслѣднику моему передамъ грузинъ шелковыхъ. Въ продолженіе сего времени надѣюсь сладить съ ханами. Я увѣрилъ магометанъ, что я самъ изъ татаръ, что служа Россіи недавно отцы мои перемѣнили законъ. Они рады чрезвычайно и я съ ними важно поступаю. Если бы случилась война, увидишь какъ любезныхъ магометанъ будутъ рѣзать вмѣсто русскихъ. Ежели персіяне имѣютъ глупость помышлять о войнѣ, они не будутъ въ барышахъ. Здѣсь все дѣлалъ одинъ *Котляревскій,* а другіе весьма мало или ничего. У меня нѣтъ *Котляревскаго,* но будутъ дѣлать всѣ, кто что умѣетъ, и общимъ всѣхъ усиліемъ я дамъ порядочную валку. Съ моей стороны будь увѣренъ, почтенный Арсеній, я войны не затѣю, и если возможно пристойнымъ образомъ, то уклонюсь ея. Я замышляю дома большія дѣла, къ которымъ пельзя будетъ приступить, если извнѣ будутъ меня безпокоить. Не бойся, Арсеній, *не посрамимъ земли русской!*

149.

22-го февраля 1817 г.

Что не разрѣшаете вы мнѣ построеніе казармъ и не даете просимыхъ на то мною денегъ? Иначе не достигну я уменьшенія потери солдатъ. Противъ злодѣйскаго здѣсь климата есть нѣкоторыя предосторожности, но доселѣ не строго онѣ соблюдаемы были. Съ выступленіемъ весною въ лагерь, я приказалъ начать испытаніе, и убыль людей въ будущемъ году надѣюсь будетъ менѣе; но когда построю казармы, отвѣчаю честію моею, что вы увидите вдругъ разницу. Доселѣ всѣ почти умирающіе тѣ, которые занемогли въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Это время здѣсь убійственное и котораго наиболѣе остерегаться должно.

Весною у меня движеніе въ войскахъ. 7-й Карабинерный полкъ стоитъ теперь на аванпостахъ. Я привожу его ближе къ Тифлису, чтобы гренадерскую бригаду имѣть вмѣстѣ. На его мѣсто станетъ другой. Расположеніе войскъ соображаю съ удобностію продовольствія. Доселѣ въ нѣкоторыя мѣста перевозка провіанта стоила дороже, нежели самый провіантъ. Въ сихъ послѣднихъ распоряженіяхъ имѣлъ участіе управлявшій при *Ртищевѣ* военною частію оберъ-аудиторъ *Ключинъ*. Вотъ разбойникъ, котораго если не истребишь, Богъ тебя накажетъ! У меня

продовольствіе идетъ важно и никогда такъ дешево не бывало. Провіантскіе находятся на пищѣ святаго Антонія. Подвело бока, рожи постныя и мечъ, висящій надъ главою управляющихъ коммиссіею.

Я очень доволенъ, скажи о томъ *Коновницыну*.

Теперь принимаюсь за коммисаріатъ. Никогда изъ Дмитровскаго депо не присылаютъ во-время аммуниціи, никогда не доставляютъ полной. Ежели пришлютъ сукно, не отпустятъ подкладки. Теперь потому остановлены выбранные изъ Нижегородскаго драгунскаго полка люди, что не пришла аммуниція и одѣть нечѣмъ. Весною отправлю въ самое лучшее для дороги время. Мнѣ хочется изъ крѣпости *Св. Димитрія* перевести коммисаріатскую коммисію *въ Ставрополь*. Тамъ построены новыя казармы для квартировавшихъ нѣкогда драгунъ. Строенія прекрасныя и для войскъ на линіи никогда не будутъ надобны. Жаль, если безъ пользы обрушатся. Въ крѣпости Св. Димитрія коммисаріатъ довольствуетъ весь грузинскій корпусъ, и сверхъ того одни только войска въ Крыму стоящія, которыхъ весьма немного; ихъ можно обратить къ какому-нибудь другому депо и не съ меньшею удобностію. Казнѣ стоитъ чрезвычайно дорого перевозка аммуниціи въ Грузію, а когда будетъ коммисаріатъ въ *Ставрополѣ*, начальникъ войскъ на линіи и губернаторъ, оба подчиненные мнѣ, доставятъ ея и дешевле гораздо и всегда въ удобнѣйшее время. Теперь какъ нарочно идутъ транспорты, когда въ горахъ ужасные снѣга и самыя трудныя сообщенія. Я пишу о семъ военному министру и князю Волконскому. Если найдете мысль мою основательною, прошу поддержать; если нѣтъ, откажите. Я не имѣю глупаго самолюбія думать, что предложеній моихъ не можетъ быть лучше. Только не браните, ибо всегда я ихъ дѣлаю, имѣя въ виду пользу. За ошибку наказывать не должно!

Я помышляю теперь о заведеніи на сто человѣкъ кадетскаго корпуса. О семъ предложено было *Тормасовымъ* и возвращено для соображенія, но не отказано. Нужно сдѣлать нѣкоторыя перемѣны. Здѣсь есть училище для дворянъ самое несчастное. Во время *Ціціанова* при самомъ учрежденіи онаго выходили надежные люди, а послѣ совсѣмъ нѣтъ. Государь по милосердію своему опредѣлилъ на содержаніе училища доходы двухъ провинцій, составляющіе до 13 тысячъ рублей серебромъ. Теперь безъ всякой пользы выходитъ до 10 тысячъ и ученики безъ всякаго образованія остаются тѣми же *грузинами*. Надобно изъ нихъ сдѣлать русскихъ, а иначе нельзя сдѣлать какъ содержа ихъ подобно кадетамъ, то-есть, отлуча отъ родительскаго дома, гдѣ получаютъ они теперь самые гнусные примѣры невѣжества, грубости

и закоснѣлости въ глупыхъ правилахъ. Первоначально ихъ употреблять въ здѣшніе полки на службу, а потомъ понемногу переводить въ Россію. Такимъ образомъ между здѣшнимъ дворянствомъ, современемъ, водворимъ мы такой образъ понятій, какой согласенъ будетъ съ намѣреніями и цѣлію правительства. Иначе они останутся тою же тварью ни на что негодною, какъ и теперь большею частію.

150.

24-го февраля 1817 г.

Надобно сказать тебѣ что-нибудь и о гражданской части. Не берусь я истребить плутни и воровство, но уменьшу непремѣнно; а теперь на нѣкоторое время пріостановилось. За недостаткомъ знанія въ дѣлахъ я расчелъ, что полезно нагнать ужасъ и пока имъ пробиваюсь. На счетъ грабительства говорю рѣчи публично и для удобнѣйшаго понятія въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ. Открылъ нѣсколько достойныхъ людей и посредствомъ ихъ разныя нечистыя дѣла. Уже наложилъ секвестръ на имущество всѣхъ членовъ казенной экспедиціи и произвожу ужасное дѣло въ утраченномъ отъ нерадѣніи казенномъ доходѣ. Учредилъ въ городѣ полицію, которая существовала по имени и наполнена была здѣшнею каналіею. Установилъ квартирную коммисію, которой и не бывало. Дворянство и прочія сословія не хотѣли избрать членовъ въ оную и тѣмъ показать, что можно противиться воли начальства и узаконеніямъ. Дворянство скоро согласилось, ибо ближе ко мнѣ будучи короче узнало мои правила ничего не уступать изъ того, что потребовано. Граждане и купечество, избалованное нелѣпыми преимуществами, имѣли нѣсколько шумныхъ собраній и немного оказали себя дерзкими. Я велѣлъ сказать, что я ихъ запру и не дамъ ѣсть, пока не изберутъ, и нѣкоторыхъ какъ возмутителей посажу въ крѣпость. Но что если они приказаніе мое почитаютъ за угнетеніе, они имѣютъ право жаловаться на меня Государю и что я просьбу ихъ доставлю вѣрнѣйшимъ образомъ. Тотчасъ выбраны были депутаты и все въ наилучшемъ порядкѣ. Теперь бѣдные изъ жителей, которые ужасно утѣснены были, увидѣли свою пользу и благословляютъ, а какъ таковыхъ болѣе нежели богатыхъ, то я имѣю за себя большинство. Квартирная коммисія дѣйствуетъ съ успѣхомъ. Въ бывшей прежде полиціи нашелъ я слишкомъ 600 нерѣшенныхъ дѣлъ и за 12 лѣтъ не разобранныя дѣла и безъ всякой описи. Я избралъ полиціймейстера новаго,

человѣка расторопнаго, двухъ прежнихъ полиціймейстеровъ и секретаря исполнительной экспедиціи, человѣка здѣсь весьма могущаго и плута, посадилъ въ полиціи подъ караулъ и менѣе нежели въ двѣ недѣли дѣла за 12 лѣтъ приведены въ извѣстность, составлена имъ опись, сданы въ архивъ и отдѣлены нерѣшенныя. Сія мѣра произвела здѣсь важное дѣйствіе. До тѣхъ поръ какъ не узнаютъ коротко правилъ моихъ и точнаго намѣренія сдѣлать пользу здѣшнему краю, много будутъ недовольны и дойдутъ вопли до васъ посредствомъ разныхъ армянъ, но вы не бойтесь, всѣ будутъ довольны впослѣдствіи. Я страшусь вашихъ *филантропическихъ правилъ*. Они хороши, но не здѣсь. Въ здѣшнемъ краю и добро дѣлать надобно съ насиліемъ. Не безпокойтесь, все будетъ исправно! Я толкую здѣсь, что, взявъ на себя охраненіе земли и давъ высокое покровительство Грузіи, Россія должна повелѣвать властію, а не просьбами. Что грузины дышутъ могуществомъ Россіи, ни мало его собою не утверждая. Что въ огражденіе ихъ льется кровь наша и въ защиту собственной земли ихъ ни одной капли они не проливаютъ. Что подданные здѣшнихъ странъ народы разной вѣры съ нами никогда противъ Россіи не поднимали оружіе и единовѣрцы грузины не переставали возмущаться. Поученія мои, всегда основательныя и справедливыя, производятъ очевидную пользу; но нѣтъ ничего легче какъ ихъ уничтожить. Пришлите послѣ меня одного подобнаго тѣмъ, какіе были прежде, и я васъ поздравлю съ успѣхомъ.

Посылаю у сего копію предписанія моего къ одному хану. Надобно тебѣ замѣтить, что преступленія его всѣ сдѣланы до моего прибытія и предмѣстнику принесена была жалоба. Были причины, что по ней не сдѣлано изысканія. Одинъ изъ потерпѣвшихъ, услыша о скоромъ моемъ пріѣздѣ, дождался меня, скрываясь въ городѣ, и подалъ мнѣ жалобу. Тебѣ дастъ предписаніе мое нѣкоторое понятіе какъ я здѣсь поступаю. Между тѣмъ, однако же, съ ханами, заслуживающими вниманіе, я пріятель. Есть имѣющіе сильныя связи и партіи, тѣхъ глажу по шерсти до времени, но къ счастію такой одинъ и истинно молодецъ и вѣритъ въ меня какъ въ Магомета. Этого признаюсь, что надулъ исправно. Ты не такихъ обработываешь и даже христіанъ. Грѣхъ передъ Богомъ!!

151.

28-го февраля 1817 г.

Ты разорвешь меня, почтенный Арсеній, требуя отъ меня 40 экземпляровъ отдаваемыхъ здѣсь приказовъ. На первый разъ я посылаю

ихъ такое число; но сдѣлай милость уменьши ихъ въ половину, по крайней мѣрѣ. Бумага дорога очень и грѣхъ истреблять ее на подобныя вещи. Храня экономію, я велѣлъ напечатать ихъ вмѣстѣ за все время до прибытія типографіи. Не забудь приказать, чтобы доставляли ко мнѣ приказы брата Михайлы (графа Воронцова); ты прежде обѣщалъ мнѣ. Извините, что мои письма не краснорѣчивы, я стараюсь въ нихъ употреблять слогъ для солдата вразумительный, а краснорѣчіе обращено на разные манифесты къ ханамъ посылаемые. Тамъ въ восточномъ вкусѣ такая горячка, что и самъ я часто не понимаю. Нѣтъ пощады ни лунѣ, ни солнцу, ни звѣздамъ, достается звѣрямъ и всѣмъ гадамъ. Братъ Михайло завидуетъ, что не можетъ таковыхъ насылать на европейскіе народы. Здѣсь критики нѣтъ, пиши что хочешь, дѣло въ томъ состоитъ, чтобы подвластные цари принимали съ подобострастіемъ. За симъ наблюдается строго. Вы не знаете, жестокіе люди, что приказами нашими истребляете насъ. Доселѣ многіе, подобно мнѣ, съ невинною простотою передавали чувства свои товарищамъ. Теперь какъ приказы дѣлаются извѣстными всѣмъ, мы начнемъ витійствовать и сдѣлаемъ изъ сего особенную науку. Появятся и въ мирное время реляціи, военное законодательство и многое подобное. Вы будете судить о насъ по произведеніямъ нашимъ, а мы въ простотѣ души нашей не будемъ и подозрѣвать того. Иной прямо въ дураки! Но справедлива судьба, отметитъ вамъ за невинность нашу. Будутъ между нами и таковые, которые очаруютъ васъ пленяющимъ слогомъ. Вы повѣрите ихъ высокому уму, мудрымъ распоряженіямъ, усердію, ревности, трудамъ. И что изъ того? Вы надуты, а герой дуракъ дуракомъ! Если бы можно было обязать каждаго клятвою, чтобы чужіе труды не выдавать за свою работу, повѣрилъ бы я, что страшный судъ не послѣ смерти человѣка. Многимъ можно бы было поставить въ преступленіе, что и грамотѣ учились. И въ Петербургѣ былъ бы переборъ. Тогда сказалъ бы я, согласно священному писанію: *изъ дѣлъ твоихъ сужду тя, рабе лукавый.*

Обратимся къ дѣлу! У меня страшный недостатокъ въ офицерахъ. Сдѣлай одолженіе пришли нѣсколько *душъ*. Я никогда не забываю преостроумнаго сего выраженія. Мнѣ кажется, что ихъ сюда и присылать надобно, ибо при словѣ душа, тотчасъ рождается мысль о будущей жизни человѣка, а изъ числа отправляемыхъ сюда душъ, по крайней мѣрѣ, половина тотчасъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную. Можно смѣло адресовать ихъ къ безсмертію. Мнѣ кажется даже, что можно безъ ошибки опредѣлить число, сколько во избѣжаніе казны безполезныхъ издержекъ, должно побивать ихъ въ Петербургѣ при самомъ назначеніи въ

назначу? По моему правилу, люди должны тамъ служить, гдѣ они полезны, а не тамъ только, гдѣ имъ пріятно. За то начальство имѣетъ способы вознаграждать. Иначе это не служба, а условіе. Подумай, любезный Арсеній, нѣтъ-ли у тебя на примѣтѣ кого славнаго человѣка и сообщи мнѣ, а тамъ вмѣстѣ и опредѣлимъ его въ ссылку на Кавказъ.

Прикажи *Красотѣ*, чтобы при отправленіи ко мнѣ фельдъегерей въ проѣздъ ихъ чрезъ *городъ Елецъ* принимали они на мое имя письма отъ старика отца моего, который одинъ сей случай имѣетъ писать ко мнѣ. Я прилагаю о семъ особенную записку.

Ты не обманулся, что льститъ моему самолюбію опредѣленіе моихъ адъютантовъ командирами гусарскихъ полковъ. Спроси собственныя чувства твои на счетъ успѣховъ по службѣ *Красоты* и увидишь, что весьма большое удовольствіе доставитъ Государю вѣрныхъ и способныхъ слугъ. Я радъ безъ памяти и въ душѣ благодарю Государя, когда вознаграждаетъ онъ достойныхъ!

Здѣсь та же какъ и вездѣ странная вещь, что полки егерскіе лучше полковъ линейной пѣхоты. Я дѣлаю представленіе въ 20-й дивизіи два полка обратить въ егерскіе. Прочти его и увидишь причину. Здѣсь войска не можно удержать въ томъ составѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, и покорить тому единообразію, которое такъ удобно въ арміяхъ нашихъ въ Россіи. Здѣсь полки должны быть единообразны, но они могутъ быть различны съ полками въ Россіи. Предупредите Государя, что современемъ представлю я о нѣкоторой перемѣнѣ въ одеждѣ солдата. Я не хочу сдѣлать того безъ собственнаго опыта, но увѣренъ, что достигну способа облегчить солдата для дѣйствія въ знойномъ здѣшнемъ климатѣ, въ землѣ чрезвычайно гористой повсюду. Суди ты, что уже у насъ 22 градуса теплоты на солнцѣ! Что должно быть въ іюлѣ мѣсяцѣ? Вы можетъ быть подумаете, что я, желая вводить новое, представляю о перемѣнахъ. Отъ васъ зависитъ не имѣть уваженія къ моему мнѣнію, даже сказать можете, что я говорю вздоръ и ничего не сдѣлать, но я увѣренъ, что впослѣдствіи времени увидите истину моихъ предположеній, а между тѣмъ уморимъ мы довольно много людей напрасно и выйдетъ, что не я виноватъ, что доселѣ предмѣстники мои или мало обращали на то вниманія, или не смѣли сдѣлать возраженія противъ того, что утверждено вышнею властію. Я по простотѣ моей думаю, что Государь за три тысячи верстъ необходимо долженъ видѣть глазами другихъ, а потому вѣрю, что и моя есть обязанность смотрѣть *На Литейной* дадутъ мнѣ звону за умствованія, но я служу Государю и

служу немного и собственному имени моему. Не наше дѣло помышлять объ огромной славѣ, но крайней мѣрѣ стараться надобно о добромъ имени!

Теперь я не завидую брату Михайлѣ (графу Воронцову), что онъ 42 письма отпустилъ вдругъ. Это немудрено, если только дѣло идетъ о комплиментахъ, можно одно и тоже въ разныхъ представить видахъ, а мое письмо къ тебѣ одно что̀ стоитъ! Однако же, въ оправданіе мое сберегаю письмо твое, въ которомъ приказываешь, чтобы я обо всемъ извѣщалъ тебя обстоятельно. Жалокъ ты мнѣ, если только изъ вѣжливости предложилъ мнѣ о томъ. Замѣть однако же, что сіе сострадание о тебѣ почувствовалъ я только при концѣ 23 страницы и продолжаю далѣе. Всегда вредила мнѣ чрезмѣрная моя чувствительность! Меня весьма удивило, что пріѣхавшій отъ Нессельроде курьеръ не привезъ отъ тебя ни одной строки. Изъ чего заключаю я, что, конечно, отъ тебя скоро отправленъ будетъ фельдъегерь. Я еще ожидаю отъ васъ нѣкоторыхъ разрѣшеній. Ты, Арсеній, любилъ быть справедливъ, а потому возьми въ покровительство фельдъегеря *Грознова*. Онъ въ 12 дней пріѣхалъ, въ томъ числѣ одну станцію въ горахъ шелъ пѣшій по причинѣ чрезвычайно глубокихъ снѣговъ. Пріѣхалъ и, бѣдный, болѣнъ отъ ужасной усталости. Въ минуту пріятную выпроси у Государя ему офицерскій чинъ. По истинѣ молодецъ, и награжденіе дано будетъ лихому курьеру. Во все время ни одинъ сюда такъ не прилеталъ.

Прощайте! Желаю тебѣ, какъ полезному и благороднѣйшему существу, здоровья и счастья.

Письма къ брату Михайлѣ нарочно посылаю открытыя. Можетъ быть разсудишь ихъ прочесть. Я немного его надуваю, но съ нимъ иначе невозможно.

152.

21-го марта 1817 г. Тифлисъ.

Послѣдній фельдъегерь отъ графа Нессельроде не привезъ мнѣ отъ тебя, любезный и почтенный Арсеній Андреевичъ, ни слова, а потому и вздумалось мнѣ, что конечно скоро долженъ отъ тебя пріѣхать другой, но кажется вы меня забыли. На письмо мое къ *Бѣлому* (Царю), о необходимости выстроить казармы для солдатъ и тѣмъ остановить необычайную смертность, нѣтъ отвѣта. Время уходитъ. Здѣсь работы не могутъ продолжаться, какъ въ Россіи, во весь годъ, по причинѣ кли-

мата, и такъ чего не сдѣлаешь весною, надобно ожидать осени, а между тѣмъ полгода какъ не бывало. Въ продолженіе зимы рубилъ я здѣсь лѣсъ и сберегая отъ прочихъ расходовъ экстраординарную сумму, кое-какъ изъ ней заплатилъ рабочимъ за труды. Но большихъ суммъ такимъ образомъ употреблять я не вправѣ и нѣтъ ихъ. И такъ будемъ безъ казармъ и безъ госпиталей. Я просилъ на то лежащихъ здѣсь безъ пользы 100,000 мѣдью на первый разъ. Не даютъ, не я виноватъ, а между тѣмъ бѣдные солдаты мрутъ большею частію отъ сырыхъ убійственныхъ землянокъ, и весьма скромно считаю, если отъ того собственно умираетъ излишнихъ въ годъ 3,000 человѣкъ. Письмо мое могло у *Бѣлаго* заваляться не распечатано или прочтено безъ вниманія. Сдѣлай милость изъ человѣколюбія напомни о томъ князю Петру Михайловичу (Волконскому) или самъ скажи. Я препровождаю формально мое къ нему о томъ сообщеніе; объяснись прежде съ нимъ, и если не будетъ оно принято съ непріятностію, то отдай его; иначе истреби!

Вы представить не можете, какую дѣлаетъ разницу молчаніе по сему предмету. Я ѣду скоро, и хотя даю наставленіе, но не будучи увѣренъ, что утвердится представленіе мое, не могу тѣхъ сдѣлать распоряженій, какія бы сдѣлалъ я получа разрѣшеніе.

Забыли послать представленіе объ утвержденіи командиромъ Севастопольскаго полка подполковника *Рябинина*, и я опасаюсь, чтобы между тѣмъ не назначили вы другаго при производствѣ. Сдѣлай одолженіе помоги ему. Я виноватъ противъ него и онъ здѣсь весьма многихъ лучше, а полкомъ командовать не знаю можетъ-ли кто лучше его. Херсонскій полкъ, который онъ сдавать будетъ, исправнѣе всѣхъ прочихъ. Съ *Кутузовымъ* дѣлаете вы мнѣ ужасныя хлопоты. Въ письмѣ твоемъ ты одобряешь, что начальнику линіи поручаю я относиться къ начальнику штаба Его Величества, дабы не перессорились, изъ чего заключилъ я, что вы соглашаетесь назначить *Кутузова* начальникомъ послѣ меня, но вы молчите. Неужели трудно вамъ то сдѣлать, что я самъ сдѣлать рѣшаюсь?

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы до отъѣзда моего получилъ разрѣшеніе или отказъ на представленія мои. Я поѣхалъ бы совершенно покойнымъ и не мучилъ себя ожиданіями. Я тебѣ какъ истинному другу скажу, что кромѣ ничтожной просьбы моей о племянникѣ моемъ *Коховскомъ*, все прочее прошу я единственно для пользы службы и нѣтъ у меня другихъ видовъ! Я не вижу зла, если бы всѣ такъ заботливы были о должностяхъ своихъ, какъ я, и не вижу причины охлаждать усердія таковыхъ.

Если отзовете его, то дайте кого нибудь *). Мнѣ совершенно опредѣлить не кого изъ здѣшнихъ. Сіе и потому необходимо, что по возвращеніи изъ Персіи, войска изъ *Дагестана* обращу я для наказанія *чеченцовъ*, и хотя безъ себя ничего не позволю я сдѣлать, но какъ не всегда онъ будетъ подъ глазами и невозможно наблюдать за каждымъ шагомъ, то не мѣшаетъ имѣть лучшаго генерала. Жаль! Говорятъ, что смѣлый офицеръ и давно служащій!

Не опасайтесь намѣренія моего наказать *чеченцовъ*. Я безъ пути ничего не предприниму. Противъ разбойниковъ не тщеславіе ведетъ меня. Они не сдѣлаютъ мнѣ военной славы, но сносить невозможно наглости и дерзости ихъ и примѣръ ихъ питаетъ возмутительный духъ въ другихъ народахъ, которые злодѣйства ихъ видя не наказанными, увѣрены въ недостаткѣ средствъ нашихъ и не признаютъ власти. Я такъ сдѣлаю, какъ описывалъ тебѣ прежде. Хочется мнѣ затащить съ собою по нѣскольку войскъ отъ каждаго изъ подвластныхъ намъ владѣтелей, съ тѣмъ чтобы ихъ перессорить съ *чеченцами* и тѣмъ отдалить впредь всякое ихъ съ симъ народомъ соединеніе. Мимоходомъ отъ нѣкоторыхъ народовъ потребую возвращенія нашихъ дезертировъ, которые во множествѣ проживаютъ въ горахъ. Если кротость и милосердіе Государя дѣлаютъ ему безсмертную славу между народами европейскими, то здѣсь снисходительное наказаніе преступленій, народами не просвѣщенными, принимается за слабость. Здѣсь за важныя преступленія необходима казнь, и строгость сія предупредила бы много преступленій. Доложите Государю, что бѣглецовъ нашихъ къ горскимъ народамъ необходимо надобно разстрѣливать. Конечно, не всѣхъ, которые въ руки попадутся, но виновнѣйшихъ изъ нихъ и которые по закоренѣлости въ преступленіи не хотѣли даже воспользоваться всемилостивѣйшимъ манифестомъ, который многимъ изъ нихъ извѣстенъ. На сихъ дняхъ привели ко мнѣ восемь человѣкъ и изъ нихъ нѣкоторые жили въ горахъ по 10 и 15 лѣтъ. По производствѣ надъ ними суда я нарочно пришлю къ тебѣ съ нихъ допросы. Они всѣ населятъ у меня Сибирь, но тѣ кои и тамъ ни на что не надобны, полезно было бы ихъ разстрѣлять, разославъ въ такіе полки, гдѣ примѣръ сей весьма поучителенъ. Не считайте меня жестокимъ. Я хочу, принеся въ жертву справедливому наказанію нѣсколько разбойниковъ, из-

*) Я на мѣсто его придумалъ опредѣлить г.-м. Дренякина, что по квартирмейстерской части. Онъ не мудрый человѣкъ, но офицеръ усердный, поведенія отлично хорошаго и храбрый. Его надобно будетъ сдѣлать бригаднымъ командиромъ.

бавить отъ преступленія невинныхъ, которыхъ вовлечетъ одна надежда мало соразмѣреннаго наказанія. Здѣсь за кражу, грабительство и самое даже убійство одно наказаніе — шпицрутеномъ и сосланіе на поселеніе или работу въ Сибирь. Я учредилъ новый разрядъ преступникамъ. За смертоубійство въ Сибирь въ работу. За все прочее въ солдаты и сибирскіе гарнизоны. Почему имъ не служить, если вина ими сдѣланная можетъ быть заглажена усердіемъ и вѣрностію. Сіе относится до грузинъ, армянъ, магометанъ и вообще всѣхъ народовъ области наши населяющихъ!

Что сказать тебѣ о гражданскомъ моемъ служеніи? По малу все идетъ изрядно. На сихъ дняхъ сидѣлъ я часа по четыре въ уѣздномъ судѣ и уголовной палатѣ, ибо набралось много колодниковъ и дѣла шли нѣсколько медленно. Потомъ забравши съ собою предсѣдателя палаты и уѣзднаго судью, секретарей и журналы, отправился съ ними въ крѣпость, гдѣ содержатся арестанты. Свѣрилъ давно-ли каждаго производится дѣло, за какія именно преступленія и скоро-ли могутъ быть окончены. Нѣкоторыхъ по возможности облегчилъ участь или покрайней мѣрѣ ускорилъ рѣшеніе судьбы.

Посѣщаю иногда присутственныя мѣста. Нагналъ ужасный трепетъ. Дѣлаюсь ужаснѣйшимъ сутягою. Какъ грузины мои начинаютъ повиноваться исправно и не отчего болѣе какъ отъ настоятельнаго требованія исполненія того, что приказано безъ всякой перемѣны приказанія или уступки, какъ прежде сего водилось и чѣмъ слабое начальство пріучило къ ослушанію. Завожу понемногу въ городѣ порядокъ. Недавно надобно было сломать стѣны ветхаго внутри города находящагося кладбища армянскаго. Я предложилъ имъ, но по привычкѣ дѣлать по своему не хотѣли. Я въ память погребеннымъ назначилъ построить часовню, гдѣ ежегодно учреждено будетъ поминовеніе. Кладбище приказалъ засыпать камнемъ и обратить въ площадь. Прахъ усопшихъ остался почтенъ. Стѣны въ одинъ день исчезли и въ городѣ тѣсномъ, неопрятномъ и вонючемъ площадь прекрасная. Всѣ очень довольны, и нѣтъ ропота.

Помилуй, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что̀ дѣлаетъ *братъ Михайло* (графъ Воронцовъ)? Читаю въ газетахъ, что онъ членъ общества Библейскаго и старается о распространеніи слова Божія между командуемыми имъ войсками! Ничего не проронитъ. Мимо ничто не пройдетъ, изъ чего можно извлечь пользу. Если нужно хоть въ стихарь! И фельдмаршалъ упражняетъ мирные свои досуги проповѣданіемъ въ арміи евангельскаго ученія. Также видно изъ газетъ. Хотя братъ Михаилъ и тонкая особа,

но фельдмаршалъ поисправнѣе будетъ въ сей должности, ибо и прежде всегда походилъ на пастора.

Съ симъ фельдъегеремъ, подобно брату Михайлѣ, собственной руки отправилъ я множество бумагъ, но мои болѣе по дѣламъ службы. Чтобы не повторять одно и тоже, прочти мои бумаги къ князю Петру Михайловичу, изъ нихъ увидишь многое относящееся до обстоятельствъ здѣшняго края. Приложи стараніе о исполненіи просимаго мною. Я ничего безъ точной нужды не требую. У сосѣдей моихъ большія пріуготовленія и уже неподалеку появляются войска, которыхъ не было прежде. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что не только не радъ войнѣ, но дамъ три года изъ жизни моей за три года мира. Такъ онъ здѣсь пуженъ! Учини нападеніе на провіантскій истребляющій голодомъ департаментъ. Онъ гроша денегъ не присылаетъ. Поговори о томъ съ министромъ военныхъ, провіантскихъ и коммисаріатскихъ силъ. Они меня убиваютъ! Коммисары—адскія силы недавно только прикрыли наготу нашу. Если они разсчитываютъ на благосклонный климатъ, то хотя нѣтъ у насъ зимъ, но есть дожди и ненастье.

Посылаю тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній, вѣдомость представленій моихъ, на которыя еще не вышло разрѣшенія. Если можно, ты, конечно, ускоришь.

Приготовь мнѣ свой портретъ такой, какъ видѣлъ я у *Сипягина* и пришли. Я къ тебѣ прикомандирую свою рожу, снятую когда въ ярости говорю рѣчи грузинцамъ. Нельзя-ли *съ брата Василія* снять *планъ*. Мнѣ бы очень хотѣлось.

Если фельдъегерю Грознову доставишь чинъ, то будетъ весьма справедливо. Онъ шедши въ горахъ станцію пѣшкомъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ 12 сутокъ. Со времени пребыванія здѣсь россіянъ въ 16 лѣтъ былъ одинъ только подобный случай. Заслуга та его не мала, что онъ успѣлъ застать меня здѣсь, ибо я готовъ былъ выѣхать, передовой мой былъ уже въ Персіи, а совсѣмъ не мѣшаетъ, что я не выѣхалъ. Поклонись всѣмъ твоимъ. Благодарю *Кондратія Яковлевича* за память. Я люблю искренняго и добраго сего жениха и волокиту. *В. Михайловичу, Ад. Ивановичу* мое почтеніе. *Красоту* пріятно поцѣловать. Крѣпкой натурѣ желаю лучшаго дѣйствія слабительныхъ. Живъ-ли *великій Карабанеръ*, ничего не слышу? Фельдмаршалъ, другъ брата нашего Михайлы, будетъ ли генералиссимусомъ, желаю знать. Богъ судья, что его не производите!

Жаль мнѣ чрезвычайно, что милая и ласковая жена *П. Фед. Желтухина* больна и не поправляется. Дайте мнѣ его въ начальники

на линію, онъ со мною не отбажется служить и заслужимъ важно! Поклонись *Орлову* и *Киселеву*. Эти повѣсы для того ко мнѣ не пишутъ, что по русски писать не умѣютъ. Пусть пишутъ по французски, теперь есть у меня народы, могущіе въ отвѣтъ отпустить *министерьяльную ноту*, а я подпишу. Не разъ въ жизни случится каждому изъ насъ чужой трудъ выдать за свой. Я какъ знатный господинъ уже тѣмъ промышляю.

Прощай! Будь тотъ же безподобный Арсеній.

153.

9-го апрѣля 1817 г. Тифлисъ.

Ожидалъ нетерпѣливо отъ тебя письма и наконецъ ты наградилъ меня довольно пространнымъ. Благодарю тебя, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ! По многотруднымъ занятіямъ твоимъ невозможно тебѣ удѣлять много времени на переписку со мною, а потому и предлагаю тебѣ тотъ же способъ, о которомъ говорилъ и прежде. По отправленіи фельдъегеря тотчасъ принимайся опять писать. Каждый день нѣсколько строкъ не отнимутъ у тебя время, а въ продолженіе многихъ дней и выйдетъ цѣлое письмо. Иначе мнѣ бы совѣстно было ожидать отъ тебя писемъ, ибо тебѣ надлежало (бы) похищать нѣсколько у сна твоего.

Радъ былъ я чрезвычайно, что произволу моему предоставлено было ѣхать въ Персію или вмѣсто себя послать другаго. Долго я разсуждалъ о семъ и наконецъ рѣшился ѣхать самъ. По волѣ Государя, объявленной мнѣ графомъ Нессельроде, весьма ясно и обстоятельно поручено тогда только остаться, когда точно удостовѣрюсь я, что Персія имѣетъ непріязненныя намѣренія, и если то въ чемъ либо не нарушитъ дружественныхъ связей между обѣими державами существующихъ. Я доносилъ о пріуготовленіяхъ Персіи и точно они дѣлаются чрезвычайныя, но послѣ донесенія моего прошло три мѣсяца и кажется безъ ошибки вижу, что всѣ пріуготовленія дѣлаетъ страхъ, а не желаніе еще испытать судьбу оружія. Званіе мое главнокомандующаго сосѣдственныхъ земель вселяетъ величайшій ужасъ, чему не мало способствовало пребываніе мое здѣсь шесть мѣсяцевъ и тотъ образъ, какимъ я принялся за дѣла и разныя лица. Тифлисъ наполненъ персіянами, ведущими торгъ, и мнѣ извѣстно, что шпіоновъ множество, которые о малѣйшемъ постукѣ моемъ даютъ извѣстіе.

Недавно случилось мнѣ заболѣть страннымъ образомъ. Сидя весьма

покойно я чхнулъ и тотчасъ послѣ того едва уже дойти могъ до постели и пролежалъ десять дней. Отсюда ту минуту отправлено извѣстіе, что я отчаянно болѣнъ и нѣтъ надежды чтобы былъ живъ. Изъ Персіи ко мнѣ пришли извѣстія, что я умеръ и въ Грузіи бунтъ. Мое счастіе необыкновенное, я увѣренъ, что съ нимъ все кончу какъ надобно и не увѣренъ чтобы кончилъ кто другой, ибо не шутки говорю тебѣ, что меня ужасно боятся. Какъ вѣжливы пограничные начальники, какая услужливость! Исполняются всѣ по дѣламъ случающіяся требованія и я имъ отпускаю благородные рескрипты. Не могу не ѣхать, боюсь чтобы мнѣ не поставили послѣ въ вину, если въ чемъ нибудь не сдѣлается по желанію. Если я въ чемъ не успѣю, скажутъ всѣ, что было невозможно успѣть. Если бы на мѣсто меня поѣхалъ человѣкъ несравненно меня способнѣйшій, его неудачу непремѣнно отнесутъ мнѣ на счетъ, что я ѣхать не захотѣлъ. Еще скажу одну важнѣйшую причину. Кто можетъ болѣе вникнуть въ состояніе Персіи, какъ я, которому судьба на долгое время назначила здѣсь пребываніе. Кому полезнѣе знать сосѣдей, какъ мнѣ, имѣя всегда съ ними необходимыя сношенія? Словомъ я, конечно, съ большимъ стараніемъ буду искать познакомиться съ ихъ способами и средствами. Мнѣ нужно узнать непремѣнно два обстоятельства, имѣющія вліяніе впослѣдствіи на мое въ здѣшнемъ краю управленіе. Первое, можно-ли полагаться на продолженіе дружественныхъ отношеній съ Персіею и постигаетъ-ли она, что въ томъ есть существенная ея выгода? Или Персія, постороннимъ вліяніемъ управляемая, можетъ надѣяться оружіемъ пріобрѣсти выгоды? Второе, если нельзя положиться на прочность связи съ Персіею, то нужно знать до какой степени могутъ велики быть безпорядки и междоусобія послѣ смерти шаха, дабы мнѣ, предавъ ихъ лютости внутреннихъ раздоровъ и растравляя ловкимъ образомъ, имѣть время управиться съ разными народами, населяющими горы въ тылу нашемъ, которые хотя не весьма опасны, но весьма безпокойны. Между ими безпрерывно посѣиваемъ мы вражду и раздоръ, развѣ болѣе преступленія разжечь войну между персіянъ? А мнѣ надобенъ покой со стороны сихъ послѣднихъ, чтобы ловче приняться за своихъ, надобно пожать... грузинъ, еще не внемлющихъ необходимости устройства для собственнаго ихъ блага.

Какъ мнѣ не ѣхать? Изъ Тегерана отъ бывшаго у насъ посла пріѣзжалъ нарочный узнать когда я буду? Ему, конечно, приказано было узнать, а не онъ послалъ изъ одной ко мнѣ дружбы. Отъ Абасъ-Мирзы наслѣдника шахскаго было двое нарочныхъ, изъ коихъ одинъ значущій чиновникъ. Два раза уже приходили войска къ границамъ

наиболѣе стараюсь пріохотить ихъ къ хозяйству. Съ самаго пріѣзда моего сюда, большое довольно количество войскъ, которое прежде довольствовалось привознымъ изъ Россіи хлѣбомъ, я довольствую въ самой землѣ и гораздо дешевле. Магометане лакомы къ деньгамъ и видя, что хлѣбопашество даетъ большія выгоды, привяжутся къ земледѣлію, а чрезъ то въ непродолжительномъ времени ослабнетъ наклонность къ кочевой жизни. Сіе наиболѣе полезно намъ будетъ въ земляхъ границу нашу составляющихъ.

Въ Грузію начинаютъ, по счастію моему, появляться иностранцы для заведенія нѣкоторыхъ фабрикъ. Пріѣхалъ нѣмецъ для стекляннаго завода. Ты не повѣришь, что здѣсь бутылка обыкновенная 20 и 25 копѣекъ серебромъ! Въ домахъ потому бумагою заклеены окошки, что стекла неимовѣрной цѣны. Пріѣхалъ кожевникъ и будетъ заводъ великолѣпный. Теперь не умѣютъ хорошо выдѣлывать кожъ, и у насъ сырыя буйволовыя кожи, могущія доставлять большой доходъ, чрезъ турокъ и грековъ выкупаютъ англичане, впуская за нихъ турецкія шелковыя и бумажныя матеріи и весьма рѣдко деньги. Здѣсь въ ханствахъ шелковичныя заведенія начинаютъ быть въ хорошемъ состояніи. По возвращеніи моемъ изъ Персіи я займусь тѣмъ особенно, а наиболѣе когда (какъ уже писалъ тебѣ) введу въ нѣкоторыхъ наше правленіе, то добьюсь весьма значущихъ выгодъ и богатой отрасли промышленности.

Если Богъ благословитъ меня успѣть въ нѣкоторыхъ предполагаемыхъ мною преобразованіяхъ, то чрезъ пять лѣтъ можетъ быть не будемъ мы вывозить изъ Россіи сюда серебряныхъ и золотыхъ денегъ.

154.

12-го—17-го апрѣля 1817 г. Тифлисъ.

По уваженію къ тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, мнѣ весьма пріятно, что ты одобряешь нѣкоторыя изъ бумагъ моихъ, какъ напримѣръ донесеніе по дѣлу *Эристовыхъ*. Я думаю немного изъ знатныхъ людей сдѣлалъ я себѣ пріятелями, но у меня глупая душа простолюдима, которая и не любитъ вельможъ и не боится. Каждый изъ нихъ можетъ ожидать быть важно атакованъ, лишь бы представился случай. Съ симъ фельдъегеремъ нападаю на морскаго министра, и надобно признаться, что важная дрянь. Я пишу объ немъ и къ князю Петру Михайловичу. Ты увидишь, какъ я сражаюсь противъ гордой его глупости, и твоей прошу помощи! Я надѣюсь тебѣ понравилась и та бумага, что

писалъ я къ Государю и въ которой изобразилъ простосердечно важныя дѣла графа Гудовича и Ртищева и то какъ я берусь истребить одного хана. Я приложилъ тебѣ копію. Теперь прилагаю копію съ одного манифеста къ кабардинскому народу. Я самъ смѣюсь, писавши такіе вздоры, но я разъ сказалъ шутя истину, что здѣсь такіе писать должно и что симъ способомъ скорѣе успѣешь. Ты въ семъ манифестѣ узнаешь слогъ *Бонапарте*, когда въ Египтѣ, будучи болѣнъ горячкою, говаривалъ онъ рѣчи. Я брежу и безъ горячки! Однакоже, какъ бы то ни было, я въ горахъ между непріязненными намъ народами начинаю поселять величайшій ужасъ. Трепещутъ и называютъ хуже *Цицїанова!* А намъ подвластные стараются мнѣ правиться отличными дѣлами. Недавно адресовался я къ аварскому хану, предлагая ему подарокъ деньгами съ тѣмъ, чтобы онъ досталъ *Швецова*. Выкупать, а особливо начальствующему здѣсь не ловко, ибо таковымъ поступкомъ ободришь мошенниковъ къ разбоямъ. Ханъ отвѣчаетъ мнѣ, что, не имѣя собственныхъ денегъ, онъ предлагалъ *чеченцамъ* въ закладъ вещи и оружіе, но они безъ денегъ отдать *Швецова* не согласились, проситъ меня чтобы я приказалъ выдать жалованье его за два года 10 тысячъ рублей серебромъ, что онъ не требуя подарка и денегъ за труды свои выкупаетъ своимъ жалованьемъ, ибо слышалъ онъ, что на выкупъ Швецова собрали деньги офицеры, которыхъ онъ, какъ людей небогатыхъ, не хочетъ лишить знатной суммы. Разумѣется я, послалъ на выкупъ деньги, поблагодарилъ за предложеніе и на него не согласился. Написалъ рескриптъ и чрезъ нѣкоторое время Швецовъ будетъ свободенъ. Каковъ поступокъ? Не каждый изъ просвѣщенныхъ европейцевъ сіе сдѣлаетъ. Предложи любому нѣмцу потерять 10 тысячъ рублей серебромъ—увидишь кислую рожу.

Дельпоццо моимъ начинаю я быть весьма довольнымъ. Я поддалъ ему перцу и онъ важно поступаетъ. Я велѣлъ ему нахватать и посадить въ тюрьму сколько можно болѣе изъ тѣхъ князей, чрезъ земли которыхъ *чеченцы* провели *Швецова* и тѣхъ кои съ сими мошенниками въ дружбѣ и заставить ихъ выкупить *Швецова*. Надлежало сіе сдѣлать моему предмѣстнику, и тотчасъ когда его схватили, но сіе упущено было безъ вниманія, и когда я пріѣхалъ, то немногихъ можно было уже схватить, однакоже, до сего времени 5,500 рублей серебромъ стянулъ съ нихъ и контрибуція продолжается. Деньги годятся на какія нибудь полезныя заведенія, а мошенникамъ то самое чувствительное наказаніе. Имѣю уже извѣстіе и о *чеченцахъ*. Ожидаютъ казни и гнѣва моего и боязнь проложила пути къ ихъ сердцу. Они видятъ, что я

ловко принимаюсь за нихъ. Теперешнею весною устраивается на *Сунжѣ* редутъ новый и выселяются изъ горъ къ нему народы злодѣи *чеченцовъ*. Понемногу буду спускаться по *Сунжѣ* и заложу по возвращеніи изъ Персіи порядочную крѣпостцу. Они мнѣ заплатятъ за издержки съ избыткомъ. Я не оружіемъ намѣренъ наказывать, а подъ покровительствомъ онаго наказывать деньгами! Ничего такъ я не желаю, какъ 3 или 4 года мира. Хочется мнѣ для несчастныхъ здѣшнихъ войскъ выстроить хорошія жилища и улучшить образъ жизни ихъ. Сіе есть единственное средство избѣжать смертности, опустошающей здѣшнія войска. Съ ноября мѣсяца прошу я, чтобы мнѣ отдали въ распоряженіе 100,000 мѣдью, которыя здѣсь находятся безъ употребленія и до сего времени отвѣта не имѣю. Пришло время начать работы и пріуготовленіе разныхъ матеріаловъ, у меня нѣтъ денегъ и не будучи увѣренъ, что ихъ когда нибудь дадутъ мнѣ, не смѣю употреблять большаго количества изъ экстраординарной суммы. Пройдетъ весна, лѣтомъ отъ жаровъ работать невозможно и такъ годъ уже почти и потерянъ. А людей въ лишній годъ столько умретъ безъ нужды, что и всею требуемою суммою не замѣнишь. Сдѣлайте милость, какъ люди близкіе Государю, доложите ему; онъ, безъ сомнѣнія, не сдѣлаетъ не только въ томъ затрудненія, но одобритъ заботливость мою.

Теперь вникнувъ въ службу въ здѣшнемъ краю офицеровъ и солдатъ, вижу я, что въ Россіи о ней понятія не имѣютъ и не отдаютъ ей должнаго уваженія. Представь состояніе офицера. Полки раздроблены мелкими частями. Рѣдко по нѣскольку офицеровъ живутъ вмѣстѣ. Случается, что офицеръ живетъ одинъ въ несчастной землянкѣ, если на границѣ, то непремѣнно въ степи, ибо по причинѣ войнъ жители близкіе къ границамъ мѣста оставляютъ. Но если бы даже и селенія были близки, они такъ бѣдны, что не рѣдко вещей первѣйшей потребности не могли бы доставить нуждающемуся офицеру. Прибавь къ тому незнаніе языка земли. Я не понимаю какъ живутъ офицеры, что могутъ они доставать въ пищу себѣ. Бога ради самаго выпросите у Государя деньги на казармы. У меня рѣдко гдѣ менѣе баталіона будетъ вмѣстѣ, будутъ и по два имѣть непремѣнныя квартиры. Я буду всевозможно избѣгать раздробленій и кромѣ необходимѣйшихъ постовъ не буду отдѣлять войска или по крайней мѣрѣ цѣлою ротою вмѣстѣ и сіи посты будутъ служить школою офицеровъ, въ которой будетъ усматриваться расторопность ихъ, смѣтливость, способность распорядиться и заботливость о сбереженіи людей. На посты сіи будутъ избираемы благонадежнѣйшіе офицеры и посты сіи будутъ крѣпкою заставою, чрезъ ко-

нымъ случаямъ, но не измѣнниковъ или бѣглецовъ. Сіе заставитъ ихъ къ намъ возвратиться, чего теперь они не дѣлаютъ, избѣгая опять попасться въ тягостную въ полкахъ службу. Нагнавъ ужасъ на горы, я начинаю доставать нашихъ дезертировъ и не наказывая ихъ здѣсь, отправляю въ сибирскіе гарнизоны, гдѣ они, по сообщенію моему, будутъ отданы подъ судъ и наказаны. По возвращеніи изъ Персіи я надѣюсь въ одномъ мѣстѣ достать ихъ нѣсколько сотенъ.

Мучитъ меня страшное желаніе въ 20-й дивизіи полки линейной пѣхоты обратить въ егерей, такъ чтобы кромѣ егерской бригады въ обѣихъ прочихъ было по одному егерскому полку, то-есть въ 6-ти полкахъ дивизіи будетъ 4 полка егерскихъ. Сіе необходимо по роду войны въ здѣшнемъ краю, часто малыми частями, всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ егеря гораздо съ большею употребляются выгодою. Вы мнѣ скажете, что также можетъ быть употреблена линейная пѣхота. Я у васъ спрошу: почему же по пропорціи войскъ гораздо болѣе хорошихъ егерскихъ полковъ? Не мало дѣлаетъ ихъ таковыми родъ самаго ученья, а еще болѣе особенный способъ употребленія. Преобразованіе сіе приличествуетъ здѣсь и потому, что для резерва есть гренадерская бригада. Я не дѣлаю еще о семъ формальнаго представленія, дабы по краткости времени не могли вы почесть его неосновательнымъ, и потому что не имѣлъ я случая вникнуть въ обстоятельства, но я увѣряю васъ, что я очень хорошо разсмотрѣлъ того пользу и прошу васъ предложить то Государю на разсужденіе.

Благодарю тебя за обѣщаніе постараться о Семеновскомъ *Ермоловѣ*. Если возможно сдѣлай его по арміи, что поставитъ его въ состояніе заняться дѣлами бѣднаго его семейства. Если нельзя по арміи, то опредѣлите къ старшему въ полкъ, одинъ изъ тѣхъ, что въ Москвѣ или окрестности оной. Онъ приметъ сіе за величайшую милость, а впослѣдствіи можете дать ему полкъ, ибо онъ многихъ весьма не будетъ хуже.

Очень доволенъ, что пустыми письмами моими заставляю васъ иногда смѣяться. Ты увѣдомляешь о томъ, что я писалъ къ князю Петру Михайловичу. Недавно получилъ отвѣтъ его съ *Берниковымъ*. Скажи ему, что я люблю уважать въ немъ добрыя его свойства и чувства прямаго русскаго, дѣлающія ему честь. Я по истинѣ люблю его! Князь Петръ Михайловичъ и ты, любезнѣйшій Арсеній, оба превеличайшіе шуты. Я лью горькія слезы, описывая вамъ моихъ генераловъ и прошу мнѣ дать, хотя нѣсколько годныхъ, а вы присылаете въ насмѣшку списокъ *военной контрабанды* и между ими поручаете

сдѣлать выборъ. Признайтесь, кто изъ васъ сдѣлалъ въ спискѣ злодѣйскія помѣтки? Я могу утвердить, что замѣчены наилучшіе люди, которыхъ совѣстно отнять у васъ и я увѣренъ, что отечество не согласится на сосланіе ихъ въ Грузію подъ начальство жестокаго изъ *проконсуловъ*. Судитъ васъ Богъ, если вы не пріуготовите хорошаго начальника для кавказской линіи на мѣсто Дельпоццо, котораго не знаю почему почитаете вы безсмертнымъ. Тамъ надобно молодца и мѣсто столько важное, что можно бы опредѣлить кого-нибудь изъ лучшихъ дивизіонныхъ командировъ, ибо и команда большая. Будете жалѣть и трудно будетъ поправить. У меня нѣтъ ни одного, кто бы замѣстить могъ его.

Благодарю за приказы *брата Михайлы* (графа Воронцова). Изъ нихъ вижу я, что у него много хлопотъ по продовольстію и таможнямъ. Обѣ части могутъ съ ума свести порядочнаго человѣка. Вижу также, что не мало и побѣговъ и суды безпрерывные. Это предзнаменуетъ, что при выходѣ корпуса изъ Франціи, порядочно *шарахнутся* его легіоны и онъ самъ не мало будетъ тому причиною, ибо многіе приказы прочитываются у него въ ротахъ такіе, о которомъ могъ бы солдатъ и не знать никогда. Я согласенъ съ тѣмъ извѣстіемъ, о которомъ ты пишешь, что у него ослабѣваетъ дисциплина и иногда оказывается непослушаніе. Онъ русскаго солдата трактуетъ на манеръ иностранный. Онъ ударился въ законы и бѣда!

Не правда-ли, что *брата Михайлу* надулъ я баранами? Отпечаталъ важный приказъ, послѣ котораго *квасъ* его хуже уксуса. То-ли будетъ впередъ какъ пущусь печатать. Нужна только равная съ нимъ охота. Не ручаюсь, чтобы не соблазнился. Если ты не шутишь, что съ однимъ курьеромъ прислалъ онъ 42 партикулярныхъ письма, то онъ человѣкъ непостижимый, ибо если полагать его подобнымъ всѣмъ намъ, то я первый признаюсь, что при всей способности писать вздоръ и пустяки, меня не станетъ на 42 письма, развѣ нѣкоторыя изъ нихъ часть *циркуляры* или со вложеніемъ газетъ. Скажи, что за чудная мысль просить прибавленія денегъ на содержаніе? Всѣ разумѣютъ его человѣкомъ имѣющимъ огромное состояніе изъ числа богатѣйшихъ въ государствѣ, или, по крайней мѣрѣ, такое, которое, конечно, не допускаетъ никакой нужды и недостатка. Мнѣ жаль, что подобная неосмотрительность можетъ сдѣлать непріятное на его счетъ заключеніе, ибо первое что представится, что онъ не воздержанъ и чрезъ мѣру роскошенъ, тогда какъ ни того, ни другаго въ немъ нѣтъ. Не всегда въ одинаковыхъ будетъ онъ обстоятельствахъ и проживать столько какъ

теперь. Если бы и случилось сдѣлать нѣкоторый долгъ, возвратясь въ Россію, непродолжительнымъ воздержаніемъ могъ бы поправить.

Я дѣлаю представленіе о выдачѣ нѣкоторой части войскъ мясной и винной порцій, по примѣру того, какъ отпускается войскамъ въ Крыму и Бессарабіи, гдѣ они имѣютъ гораздо лучшій климатъ и несравненно менѣе трудовъ. Число таковыхъ войскъ ограничилъ я сколько возможно и назначилъ тѣ только мѣста, гдѣ безъ сего пособія люди существовать не могутъ и мы гораздо болѣе терять будемъ отказавъ сіе содержаніе, нежели употребя издержку, которая, впрочемъ, не весьма и значительна. Несравненно болѣе сего и даже болѣе нежели въ два раза сохранимъ мы отъ перевозки изъ Астрахани провіанта ежегодно и покупкою провіанта на кавказской линіи, которую учредилъ я по прибытіи моемъ сюда. Представьте о семъ Государю и подкрѣпите вашимъ ходатайствомъ, попроси князя Петра Михайловича отъ меня и если возможно прочтите ему въ подлинникѣ рапортъ мой. Тогда можно будетъ ручаться, что достигнемъ знатнаго уменьшенія потери людей, особливо какъ я предполагаю уничтожить нѣсколько постовъ, которые какъ нарочно расположены въ самыхъ нездоровыхъ и убійственныхъ мѣстахъ. Я намѣренъ всѣ лежащія по берегамъ обоихъ морей укрѣпленія оставить съ самыми малѣйшими гарнизонами единственно для карауловъ, а войска имѣть въ одномъ переходѣ поселенныя въ хорошихъ жилищахъ, откуда они могутъ приспѣвать куда надобность потребуетъ. Иногда нѣсколько далѣе избранное подобное мѣсто можетъ снабжать войсками не одно укрѣпленіе. Хотя съ трудомъ добьюсь, что не будетъ истребляться много людей и даже немного болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ. Прошу васъ самимъ Богомъ доложить Государю, чтобы какъ на построеніе казармъ, такъ и порціи войскамъ отпущены были деньги.

Я надѣюсь ты не упрекнешь мнѣ, что я мало пишу. Между прочимъ, многое попадется, которое тебя совсѣмъ не займетъ или мало, но въ томъ виноватъ ты самъ, ибо поручаешь обо всемъ увѣдомлять что касается до Грузіи и о томъ, что я дѣлаю. Я повинуюсь твоей волѣ.

Письма *брата Михайлы* не присылай ко мнѣ не прочитавши, какъ и прежде мы условились. Мы между собою ничего не пишемъ, чтобы нельзя было прочесть каждому изъ насъ трехъ.

Посылаю тебѣ рожу мою, о которой писалъ прежде; ты найдешь ее чрезвычайно сходною. Сдѣлай дружбу, пришли свой портретъ къ моему возвращенію изъ Персіи.

Отправь письмо мое къ брату Михайлѣ; ему также препровождается рожа взамѣнъ за его портретъ.

Забылъ тебѣ сказать, что съ января мѣсяца ты увидишь нѣкоторое дѣйствіе моей строгости. Вѣдомости о умирающихъ совсѣмъ не тѣ, что прежде. Въ одномъ мѣстѣ много умерло, но невозможно иначе, ибо люди осенью до моего сюда прибытія употреблялись въ тяжелую работу и отъ того размножилась между ими жестокая цынготная болѣзнь.

Прощай. Такъ дѣла много, что неуспѣвши до отъѣзда моего отправить фельдъегеря, беру его съ собою и отправлю съ дороги. Будь здоровъ, поклонись отъ меня брату Василью, не успѣлъ отвѣчать ему на письмо, но онъ прочитаетъ то, что къ тебѣ пишу. Марьѣ Осиповнѣ мое почтеніе.

155.

25-го апрѣля 1817 г. Сел. Каракліса, близъ персидской границы.

Хотя уже, любезный и почтенный Арсеній Андреевичъ, и писалъ я къ тебѣ съ симъ самымъ фельдъегеремъ пространное письмо, но какъ будто зналъ, что нужно еще будетъ писать, взялъ я его съ собою до самой почти границы Персіи и теперь скажу тебѣ странныя случившіяся со мною обстоятельства. Я, приблизившись къ границамъ, не смѣю ѣхать въ Персію и, конечно, никто изъ самыхъ тончайшихъ нашихъ дипломатовъ не отгадаетъ причины. Вотъ она, и я самимъ Богомъ клянусь, что ни мало не виноватъ. Вся Эриванская область взбунтовала, какъ жители, такъ и самыя войска, и ожидаютъ только прибытія моего, чтобы занять крѣпость Эриванскую, представить ко мнѣ персидскаго сардаря (то есть главнокомандующаго) и всю провинцію отдать мнѣ до рѣки Аракса. Дѣло въ томъ только состоитъ, что желаютъ знать, угодно-ли мнѣ живаго или мертваго начальника персидскаго. Баталіонъ новыхъ регулярныхъ войскъ также ожидаетъ моего повелѣнія. Всѣхъ персидскихъ войскъ на первый случай въ совершенной командѣ состоящихъ у меня слишкомъ пять тысячъ человѣкъ, но увѣряютъ, что за рѣкою Араксомъ ожидаютъ только что̀ я сдѣлаю съ Эриванскою областію, чтобы послѣдовать примѣру. Все готово вооружиться и я въ три недѣли могу быть въ Тавризѣ, столицѣ наслѣдника персидскаго, любимаго сына шаха. Сего послѣдняго я бы не сдѣлалъ, конечно, ибо безполезно для Россіи и кромѣ пустаго шума ничего бы не принесло; но признаюсь, что локти кусаю у себя, что

область Эриванскую не могу взять, ибо объявлено мнѣ строжайшее Государя повелѣніе стараться всѣми образами удержать дружественныя съ Персіею связи. Пріобрѣсти богатѣйшую провинцію, границы по Аракъ и безъ выстрѣла, ту самую, которая стоила намъ столькихъ трудовъ, потери столькихъ войскъ! Боже мой! Сердце мое обливается кровью и я не смѣю того сдѣлать! Какая дружба съ коварною и измѣнническою Персіею. Никогда въ жизни не представится такого случая, но я долженъ исполнять волю Государя. Текутъ съ досады слезы мои, свидѣтельствуюсь Богомъ! Я уже трехъ человѣкъ отправилъ въ Эривань убѣждать жителей, чтобы они были покойны и повиновались персидскому правительству, или покрайней мѣрѣ дождались бы моего изъ Персіи возвращенія. Сомнѣваюсь успѣть въ томъ. Они взбунтуютъ, когда я уже буду въ Персіи. Никто не поддержитъ ихъ; правительство персидское отмститъ имъ истребленіемъ ихъ. Эривани мы имѣть не будемъ, потеряемъ довѣренность въ народахъ на насъ уповающихъ, на меня падетъ подозрѣніе Персіи, дружбы ея никакъ тогда я не сыщу и легко быть можетъ, что меня арестуютъ, посадятъ въ тюрьму или даже отравятъ. Вотъ прекрасная перспектива погибнуть и безъ пользы для отечества! Я остановился немного въ ожиданіи отвѣтовъ съ моими посланными, поѣду непремѣнно далѣе. Если остаться, необходимо надобно взять Эривань, ибо и безъ того исчезнетъ дружба съ Персіею. Каково, любезный и почтенный Арсеній, счастіе мое? Лишь только пріѣхалъ сюда, какъ въ пользу нашу перемѣнились обстоятельства, но каково же и несчастіе, что я всѣмъ тѣмъ пользоваться не могу! Не знаю, что изъ меня будетъ, но надобно особенное покровительство судьбы, чтобы я выпутался изъ Персіи. Тогда ставъ на колѣна предъ моимъ счастіемъ, скажу что нѣтъ ему подобнаго!

Я дѣлаю согласно твоему совѣту представленіе о награжденіи Кутузова Анненскою лентою; сдѣлай одолженіе, любезный Арсеній, приложи твое стараніе. Тебѣ никогда не было трудно помогать добрымъ людямъ и въ добрыхъ намѣреніяхъ.

Графъ Нессельроде долженъ будетъ прислать ко мнѣ курьера въ Персію. Сдѣлай дружбу, не пропусти сего случая писать ко мнѣ, ибо уже надолго долженъ я отказать себѣ сіе удовольствіе. Письмо мое къ *Каподистрію* вели доставить вѣрнымъ образомъ, также и къ Нессельроде конверты. Въ нихъ есть интересные рапорты Государю.

Почтеннѣйшему брату Василію поклонись. Я для того не пишу къ нему особенно, ибо онъ прочтетъ письмо мое къ тебѣ.

Не истребляй письма сего. Можетъ быть я не возвращусь изъ

Персіи, [illegible] будетъ служить доказательствомъ, что я предузнавал
участь. Прощай.

156.

15-го августа 1817 г. Султаніэ

Письма твои, пришедшія послѣ моего отъѣзда, я получилъ испр
Не отвѣчаю теперь обыкновеннымъ моимъ порядкомъ на каждую с
особенно, ибо содержаніе оныхъ наиболѣе относится къ дѣламъ
по Грузіи; могу только сказать, что нѣтъ ни одного рѣшенія Гос
относительно до Грузіи, за которое бы не мало было благодари
колѣнахъ. Онъ вырвалъ у меня слезы благодарности за назначе
для продовольствія войскъ мясомъ деньги. Богъ долженъ наказать
если не всѣ употребимъ усилія изыскивать средства доказать, чт
гутъ люди преданные своему Государю. Награжденіе усердствую
и у мѣста разсыпанныя милости оживляютъ духъ моихъ товар
Скажи Государь, что онъ хочетъ, и нѣтъ ничего для насъ тру

Изъ какой дальней пишу я къ тебѣ стороны. Судьба забр
меня сюда для тяжкаго испытанія многихъ непріятностей. Возвра
ты все обстоятельно узнаешь.

Я принятъ здѣсь шахомъ съ изъявленіемъ возможнаго ува
къ званію моему. Шахъ не упускаетъ ни одного случая оказ
глубокое его почтеніе къ Государю. Въ разсужденіи дѣлъ однакож
это здѣсь немного значитъ, ибо симъ шахъ наименѣе занимает
тѣ которымъ онѣ поручены, имѣютъ свой образъ понятія о ве
Имъ кажется, что довольно шаху чего нибудь пожелать, что все
и должно быть сдѣлано, и что тотъ и счастливъ, который ему уг
можетъ, хотя бы и съ потерею чести, которая здѣсь есть нѣчто б
словное. Въ ихъ разумѣніи нѣтъ блага отечества, славы націонал
Все заключается въ рабственномъ угожденіи неограниченной волѣ
Всегдашняя низкая лесть пріучила его сему вѣрить, и мнѣ удивля
что каждое его желаніе не есть для меня священнѣйшимъ зако
Во всеобщемъ понятіи я долженъ быть на ряду съ прочими уг
телями. Довольно для тебя сего!!!..

Со времени выѣзда моего изъ Грузіи, проѣзжая города, имѣ
квартиры, но все прочее время живемъ лагеремъ. Мѣстахъ въ т
или четырехъ закрыты мы были тѣнію садовъ, но въ самые зно
мѣсяцы года мы на чистомъ воздухѣ, съ милліонами гадовъ на з

Нѣтъ ни у кого постели и даже не безъ труда ковры достаемъ мы на подстилку. Если бы не взяли мы съ собою столовъ и стульевъ, то не на чемъ было бы отобѣдать. Недавно увидѣли мы вино, которое можно не считать отравою, а то должны были съ дороги посылать за нимъ въ Тифлисъ. Не хочу занимать тебя многими другими мерзостями.

Вотъ вниманіе, на встрѣчу чрезвычайнаго посольства, о которомъ годъ знали прежде. А въ разговорахъ ежеминутно великій Государь, Царь - Царей, великое государство и изъ снисхожденія равное Россіи; но Богомъ божусь, что въ мнѣніи во всемъ насъ превосходятъ.

Я здѣсь нашелъ *друзей нашихъ* европейцовъ. Какими неистовыми подлостями снискиваютъ они едва примѣтное вниманіе. Вотъ какъ достается золото! Едва-ли изъ кремнистой скалы труднѣе оно достается.

Я здоровъ и огромною своею фигурою многихъ здѣсь поражаю страхомъ. Министерство не имѣло сего въ виду, а увѣряю, что не мало можетъ содѣйствовать успѣху дѣлъ. Божусь, что не говорю въ шутку.

Прощай, завидую жизни крестьянъ послѣдней русской деревни.

157.

15-го августа 1817 г. Султаніэ.

Поклонись отъ меня *Киселеву*. Мнѣ чрезвычайно жаль, что я получилъ письмо его уже здѣсь и недавно, и потому не въ состояніи былъ оказать услугъ моихъ отцу его, находившемуся у водъ на Кавказской линіи. Кромѣ уваженія, которымъ я ему обязанъ, мнѣ бы пріятно было сдѣлать все угожденіе ему собственно по дружбѣ къ Павлу. Не менѣе досадно мнѣ и потому, что онъ не могъ найти ни малѣйшихъ выгодъ во время пребыванія у водъ, ибо въ проѣздъ мой чрезъ Георгіевскъ я былъ тамъ нарочно и ужаснулся страшнаго безпорядка, которому не могъ я помочь по причинѣ скораго отъѣзда моего въ Персію. Что можно было я сдѣлалъ, осмотрѣны воды, сдѣланъ планъ строенію для удобства купающихся и это уже составило значущую сумму, а за покои для жилья и приняться не смѣю, ибо и кустарника нѣтъ, которымъ бы обжигать кирпичъ, не только строить что нибудь изъ дерева, гдѣ одно хорошее бревно стоитъ болѣе 25 рублей. Откуда возьму я деньги и смѣю-ли я просить, когда на необходимѣйшіе предметы прошу я съ осмотрительностію. Однако же по возвращеніи съ пособіемъ вѣрныхъ

нашихъ солдатъ примусь я дѣлать понемногу заготовленія, и можетъ Богъ дастъ мнѣ способъ болѣе предмѣстниковъ моихъ сохранять экстраординарную сумму, изъ которой буду я удѣлять по частицѣ.

Устроеніе водъ въ порядокъ должно бы, однако же, быть занятіемъ правительства, ибо издержки на то употребленныя возвратятся съ выгодою. Сіе заведеніе не менѣе достойно вниманія какъ и инвалиды, на которыхъ всѣ состоянія государства безпрерывныя дѣлаютъ пожертвованія. Я по возвращеніи въ Грузію намѣренъ сдѣлать изъ жалованія моего первое пожертвованіе и сообщить министру полиціи для приглашенія прочихъ желающихъ. Сдѣлай милость, доложи при случаѣ Государю, благоугодно-ли будетъ ему сія мѣра, и дай мнѣ знать къ прибытію моему въ Тифлисъ. У сихъ же водъ израненый солдатъ возобновившій силы на продолженіе вѣрной Отечеству службы, благодарить будетъ за попеченіе о немъ правительства. Здѣсь же несчастное семейство обмоетъ слезы свои, видя сына исцѣлившагося, въ которомъ была единственная его надежда и подпора. Прошу тебя, какъ друга военныхъ, поговорить о томъ Государю и отвѣчать мнѣ.

Удержи письма на имя *Каподистрія* до его возвращенія и не забудь отдать по пріѣздѣ его. Повидайся съ братомъ Василіемъ и отдавъ ему письмо, прочти мое къ тебѣ.

Пишу къ *брату Михайлѣ* (графу Воронцову), величайшему изъ министровъ, военному законодателю. Посмотрѣлъ бы я, чтобы онъ здѣсь сдѣлалъ съ своею ловкостію, а особливо, какъ бы онъ смотрѣлъ *на друзей нашихъ* того почтеннаго народа, между которымъ онъ былъ воспитанъ и гдѣ проведенная молодость приняла многія впечатлѣнія въ пользу его. Они намъ здѣсь важныя оказываютъ услуги, которыя къ утѣшенію моему получатъ они въ свою очередь отъ другихъ. Тутъ бы долженъ онъ былъ похоронить свою къ нимъ привязанность. У насъ прежде бывали между собою жестокія за нихъ схватки и я однако же не всегда бывалъ виноватъ, что съ ребячества ѣдалъ простой хлѣбъ русскій, хотя сіе и не столько благородно по нынѣшнему образу мыслей.

На сей разъ не успѣлъ написать брату Михайлѣ, ибо съ Грузіею съ одною едва могъ отдѣлаться. Вскорѣ другаго отправлю курьера и тогда напишу.

Кланяйся моимъ знакомымъ и Красоту поблагодари за аккуратное исполненіе моего порученія.

Къ Каліостро (кн. Меншикову?) будетъ посланіе послѣ, теперь нѣтъ времени.

158.

25-го сентября 1817 г. Нахичевань въ Персіи.

Съ чудесною скоростію окончивъ дѣла мои въ Персіи и сходно съ волею Государя Императора, возвращаюсь я къ половинѣ будущаго октября въ Тифлисъ. Съ начала приняли было ловко меня персіяне, но окончилось тѣмъ, что я ихъ застращалъ такъ, что отказались отъ конференцій со мною и оставили всѣ свои претензіи на возвращеніе имъ земель нами завоеванныхъ. Я вершка не уступилъ, хотя предоставлено мнѣ было найти возможность сдѣлать шаху угодное. Происходило такъ, что я объявилъ министрамъ персидскимъ, что если малѣйшую увижу я холодность или намѣреніе прервать дружбу, то я для достоинства Россіи не потерплю, чтобы они первые объявили войну, тотчасъ потребую по Араксъ и назначу день, когда приду въ Тавризъ. Надобно замѣтить, что это столичный городъ любимаго сына, назначеннаго наслѣдникомъ. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда говорилъ я о войнѣ, то она принимала на себя выраженіе чувствъ человѣка, готоваго хватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ замѣтилъ я, что они того не любятъ и тогда всякій разъ, когда не доставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, то я дѣйствовалъ звѣрскою рожею, огромною моею фигурою, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ. Когда доходило до шаха извѣстіе, что я человѣкъ-звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ я отпускалъ ему разныя нѣжности и отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не умѣетъ. Не говори братъ Арсеній, а разъ случилось, что я, выхваляя рѣдкія и высокія души его качества и увѣряя, сколько я ему преданъ и тронутъ его совершенствомъ, призвалъ слезу на глаза и шахъ растаялъ отъ умиленія. На другой день только и говорено обо мнѣ и что не было такого человѣка подъ солнцемъ. Послѣ сего не смѣлъ никто говорить противъ меня и я съ министрами поступалъ самовластнымъ образомъ. Чего они не смѣли докладывать, я самъ объяснялъ, и до того довелъ шаха, что онъ шутя и смѣясь разспрашивалъ почему я ему никакой области не отдаю. Сему повѣрить невозможно, чтобы о томъ предметѣ, котораго исполненія ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго могъ онъ разсуждать не только равнодушно, но даже

съ шуткою. Министры удивились сему происшествію и говорили, что я ворожея. Вотъ, сказать по справедливости, надулъ важно, но сіе потому извинительно, что тутъ ничего не возьмешь порядочнымъ образомъ. Теперь нѣкогда, спѣшу отправленіемъ курьера, но изъ Тифлиса буду писать обстоятельнѣе, или если успѣю кончить собственный мой журналъ, то лучше пришлю его, чтобы ты когда свободно прочитывалъ. При немъ будутъ и всѣ мои бумаги, которыя всѣ безъ исключенія писалъ я собственною рукою, дабы никто не могъ взять чего-либо на свой счетъ. Меня отправляли какъ невиннаго юношу и дали мнѣ наставниковъ, а я ихъ оставилъ въ покоѣ и самъ маралъ какъ Богъ положилъ по сердцу. Избави Боже, если бы я послѣдовалъ обыкновенному порядку, то бы мнѣ сѣли персіяне на плечи, а теперь я такого задалъ страху, что думаютъ довольно мнѣ задумать о гибели Персіи, то я сдѣлаю, что и Государь не провѣдаетъ, а его имя дрожатъ. Здѣсь подлые англичане, живущіе на жалованьи у персіянъ, въ угожденіе имъ дѣлали самыя гнусныя на счетъ нашъ внушенія. Разскажи Государю пресмѣшную случившуюся со мною исторію. Я пріѣзжаю въ Тавризъ, одинъ бѣглый французъ, кавалеръ почетнаго легіона, находившійся при лицѣ Наполеона и въ персидской службѣ полковникомъ, осмѣлился двухъ моихъ музыкантовъ, поставленныхъ на квартиру въ домъ гдѣ онъ жилъ, ударить саблею и выгнать вонъ. Я послалъ требовать отъ наслѣдника, чтобы онъ былъ наказанъ за дерзость. Мнѣ обѣщали удовлетвореніе и не сдѣлали. Я среди столицы поставилъ свой караулъ, велѣлъ взять полковника-наполеониста подъ стражу и обиженнымъ музыкантамъ отмстить за обиду. Онъ былъ наказанъ пощечиною и высѣченъ плетьми, а саблю я отослалъ къ наслѣднику и онъ тотчасъ былъ высланъ изъ города. Вотъ какимъ образомъ въ безтолковой сей землѣ поступать надлежитъ или ничего не добьешся! Это не дипломатическій поступокъ, но весьма удачный и рѣшительный. Прощай! Поклонись брату Василью и Кикину, буде онъ въ Москвѣ. Изъ Тифлиса буду ко всѣмъ писать.

159.

22-го октября 1817 г. Тифлисъ.

Фельдъегерь доставилъ мнѣ послѣднее письмо твое. Онъ въ шестой день былъ уже въ Моздокѣ, но снѣгъ ужасный въ горахъ заставилъ его идти пѣшкомъ и онъ сюда не прежде могъ пріѣхать какъ въ одиннадцатый день.

И такъ, любезный братъ, возвратился я изъ Персіи и дѣла мои кончились, благодаря Бога, сходно съ желаніемъ. Я самъ не думалъ, что такъ скоро могу отдѣлаться; но мое счастье богатырское. Съ тобою какъ съ другомъ могу говорить откровенно; вообрази ты положеніе мое! Совсѣмъ не знаю дѣла, никогда не входитъ въ голову военнаго человѣка пріуготовлять себя на подобное препорученіе. Отправляюсь въ такую землю, о которой ни малѣйшаго понятія не имѣю; получаю инструкцію, противъ которой долженъ поступать съ самаго перваго шагу, ибо она основана на томъ же самомъ незнаніи о землѣ. Въ ней поручено мнѣ поступать по общепринятой нынѣ *филантропической системѣ*, которая совсѣмъ здѣсь не приличествуетъ и всякая мѣра кроткая и снисходительная принимается за слабость и робость. Ѣду ко двору извѣстному нестерпимою гордостію и надменностію и что же везу съ собою? Отказъ на возвращеніе областей, которое шахъ ожидаетъ четыре года, а вмѣстѣ съ тѣмъ грамата Государя къ нему и письма графа Нессельроде, объясняющія ему, что на меня возложена обязанность изыскать средство сдѣлать ему угодное. Ко всему тому шахъ и министерство увѣрены, что посольство не можетъ быть отправлено съ другимъ намѣреніемъ, какъ искать высокаго его дружества и съ покорностію поднести требуемыя провинціи.

Призвавъ Бога на помощь и всегда покровительствующее меня счастіе, пускаюсь. На самой границѣ встрѣчаютъ меня чиновники и назначенный ко мнѣ главнымъ приставомъ довольно знатный человѣкъ, бывшій самъ посломъ два года при Наполеонѣ. Встрѣчаю ихъ съ ужаснѣйшею гордостію и первый вопросъ будетъ-ли ко мнѣ на встрѣчу *сердарь эриванскій?* Надобно замѣтить, что это одинъ изъ знатнѣйшихъ людей въ государствѣ, приближенный къ шаху и командующій пограничными провинціями, который терпѣть насъ не можетъ и славится въ Персіи двумя несчастливыми нашими предпріятіями на Эриванскую крѣпость, которую онъ защищалъ противъ насъ. Шахъ уважаетъ его отлично и онъ одаренъ особенною довѣренностію и преимущественными предъ прочими правами. Въ составленномъ для встрѣчи моей церемоніалѣ именно сказано было, что онъ не встрѣчаетъ. Я потребовалъ, прикрикнулъ и онъ исполнилъ мое желаніе. Потребовалъ потомъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и онъ пріѣхалъ первый. Далѣе въ Тавризѣ, гдѣ живетъ наслѣдникъ и скопище нашихъ непріятелей, я не былъ доволенъ пріемомъ, уѣхалъ не простясь и ругалъ какъ каналью перваго его министра, съ которымъ поссорился я съ намѣреніемъ, чтобы онъ не могъ при переговорахъ о дѣлахъ употребленъ

быть непосредственно, ибо я рѣшился требовать, чтобы онъ удаленъ былъ отъ участія. Шахъ узналъ, что я непріятно разстался съ наслѣдникомъ любимымъ его сыномъ и былъ въ отчаяніи, особливо, когда взялъ я на себя трудъ довольно ясно истолковать, что на персидскій престолъ всходить не легко безъ главнокомандующаго въ Грузіи. Понеслись извѣстія къ шаху, что я человѣкъ чрезвычайно гордый, характера звѣрскаго и стараюсь изыскать всѣ причины къ враждѣ. Шахъ высылаетъ ко мнѣ одного изъ любимцевъ своихъ третьяго министра, человѣка весьма умнаго, подъ видомъ будто бы занимать меня, чтобы не скучно было мнѣ до его пріѣзда, который отложенъ былъ на три недѣли, а точное намѣреніе состояло въ томъ, чтобы узнать, которыя изъ провинцій отдать я соглашаюсь и какъ далеко можно простирать требованія. Онъ имѣлъ *полную мочь* вступить со мною въ переговоры. Онъ препроводилъ письменную сію довѣренность и я не прочтя возвратилъ ему обратно, объяснивъ, что я не бухарскій посланецъ, которые къ нимъ пріѣзжаютъ на поклонъ съ шалями; что не имѣвши пріемной у шаха аудіенціи, я ни съ кѣмъ переговоровъ о дѣлахъ не имѣю, но съ нимъ, какъ съ человѣкомъ умнымъ и котораго желаю я пріобрѣсть дружбу, я весьма охотно хочу разсуждать о дѣлахъ не оффиціально, но пріятельски. И такъ все то, чего не могъ бы я говорить какъ министру, я говорилъ какъ пріятелю. Были споры, ссоры, меня стращали войною, я по обстоятельствамъ, то боялся отвѣтственности предъ Государемъ за оную, то самъ вызывалъ, увѣряя, что я душевно желаю оной и что мнѣ въ справданіе предъ Императоромъ только то надобно, чтобы я не былъ причиною. Что, впрочемъ, это желаніе всѣхъ русскихъ. Одно, что было постоянно въ моихъ разговорахъ, это отказъ провинцій. Двадцать дней мучилъ онъ меня скучными повтореніями требованій, но какъ человѣкъ весьма умный замѣтилъ мою рѣшительность и твердость и что нѣтъ никакой на то надежды. Наконецъ отправился онъ на встрѣчу шаху и, конечно, обо всемъ донесъ ему. Шахъ пріѣхалъ и я имѣлъ мой въѣздъ въ Султанію. Онъ былъ пріуготовленъ видѣть во мнѣ ужаснѣйшаго человѣка и самаго злонамѣреннаго. Какъ удивился шахъ, когда съ перваго шагу началъ я ему отпускать такую лесть, что онъ не слыхивалъ въ жизни и всѣ придворные льстецы остались назади. Чѣмъ болѣе я льстилъ и чѣмъ глупѣе, тѣмъ болѣе нравилось и я снискивалъ его довѣренность и до того достигъ, что онъ даже о самыхъ дѣлахъ разсуждалъ со мною, чего по обычаямъ шахъ не дѣлаетъ, а особливо съ иностранцами. Министры ужаснулись, ибо

послѣ того не могли они умничать или что-либо дѣлать вопреки, боясь, чтобы я не пожаловался шаху, говоря обо всемъ свободно.

Шахъ давалъ праздники, забавлялъ меня и всячески старался сдѣлать удовольствіе. Не было разговора обо мнѣ, чтобы онъ не распространился въ чрезвычайныхъ на счетъ мой похвалахъ, поручая вельможамъ своимъ, чтобы они оказывали мнѣ возможное вниманіе. Онъ даже одинъ разъ въ присутствіи ихъ сказалъ, что какъ я имѣлъ счастіе быть удостоинъ довѣренности Императора, то и онъ уполномочиваетъ меня съ своей стороны все то дѣлать, что можетъ служить къ утвержденію согласія между обоими государствами. Можешь представить, что значатъ подобныя слова въ устахъ деспота, произнесенныя рабамъ! Я послѣ сего вельможами уважаемъ былъ какъ будто самъ изъ первѣйшихъ членовъ государства. Иногда я самъ поступалъ съ ними какъ съ невольниками, и если бы нужно было для пользы дѣлъ моихъ потребовать чей-нибудь носъ или уши, то едва-ли бы сдѣлали въ томъ затрудненіе. Вотъ, братъ Арсеній, какъ я шаха надулъ и теперь бѣда тому, кто бы сталъ обо мнѣ говорить худо. Онъ увѣренъ, что я исполненъ удивленія къ высокимъ его добродѣтелямъ и люблю его славу и что преданъ ему душою. Какъ уговаривалъ онъ меня, чтобы я познакомился ближе съ сыномъ его наслѣдникомъ престола и полюбилъ его. Какой строгій былъ посланъ фирманъ, чтобы наилучшимъ образомъ былъ я принятъ въ Тавризѣ и чтобы выѣхалъ довольнымъ. Шахъ, отпуская меня, сказалъ мнѣ при всѣхъ, что языкъ его не хочетъ выговорить, что онъ меня отпускаетъ. Что оставалось мнѣ сдѣлать изъ благодарности? Я навелъ слезы на глаза и шахъ тронутъ былъ моею чувствительностію и чистосердечіемъ. Я при выѣздѣ изъ Султаніэ сдѣлалъ производство въ память россійскаго посольства. Главному приставу, сопровождавшему меня, выпросилъ милостивый фирманъ, и двухъ ужаснѣйшихъ подлецовъ, находившихся при посольствѣ, пожаловали въ ханы лишь только я пожелалъ того. Я выдалъ себя за потомка славнаго *Чингисъ-хана,* покорившаго нѣкогда Персію. Шахъ знаетъ, что въ то же самое время татары владѣли Россіею и что многія провинціи сего народа принадлежатъ нынѣ Россіи, сохраняя законъ свой и обычаи. Мнѣ повѣрили и съ радостію смотрѣли на меня, какъ на человѣка, происходящаго отъ знаменитой крови и мусульманина. Страшные усы мои, которые по обыкновенію азіятскому подкрашиваю я черною краскою, утвердили ихъ въ вѣроятіи, и теперь въ Персіи, если назовешь по фамиліи, немногіе знаютъ; если скажешь потомокъ Чингисъ-хана—всѣ знаютъ непремѣнно.

Государь не подозрѣваетъ, что онъ между подданными своими имѣетъ столько знаменитаго человѣка, предупреди его, хотя для того только, чтобы не взыскано было съ меня за усы, которые пріобрѣли мнѣ великое въ Персіи уваженіе. Легко весьма быть можетъ, что персіяне узнавать будутъ, точно-ли я чингисъ-хановой породы. Я писалъ и къ Каподистрію. Не сказалъ я тебѣ, что шахъ, изъ особеннаго вниманія къ русскимъ, далъ моимъ чиновникамъ свой орденъ *Льва и Солнца* и мнѣ первой степени онаго. Я просилъ князя Волконскаго о позволеніи помѣстить его въ число имѣемыхъ мною орденовъ.

Многіе, любезный Арсеній, изъ завидующихъ моему счастію, взбѣсятся, что дѣла мои кончилъ я столько удачнымъ образомъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы увлеченный желаніемъ начальствовать отдѣльными войсками по собственному произволу, заварилъ я кашу и тѣмъ бы не исполнилъ воли Государя. Обманулись! Я очень знаю, гдѣ польза моя собственная должна молчать предъ пользою моего Отечества, и если бы надобно было и еще бо̀льшія принести въ жертву выгоды, то бы я ни минуты не задумался. Ты далъ мнѣ извѣстіе о *Каподистріи*, что онъ въ пользу мою говоритъ *Самому*. Это происходитъ отъ удовольствія, что простой солдатъ не изгадилъ ихъ плановъ и намѣреній. Я люблю сего человѣка, какъ отлично умнаго, и отдаю ему справедливость, что никто лучше не видитъ пользы политическихъ нашихъ дѣлъ.

Въ письмѣ твоемъ ты говоришь мнѣ, что о замѣщеніи покойнаго Кутузова пишешь ко мнѣ по волѣ Государя, но ты ничего о томъ не прислалъ. Увѣдомь меня, какія вы имѣете намѣренія и кого мнѣ дадите. Едва-ли возможно замѣстить его кѣмъ либо ему подобнымъ. Потерялъ я наилучшаго помощника, столько же усерднаго службѣ, сколько сберегавшаго доброе мое имя. Помоги, любезный Арсеній, пособить бѣдному его семейству, когда буду я просить Государя. Дайте Бога ради кого нибудь годнаго человѣка. Я одинъ сдѣлать ничего не успѣю. Весною надобно мнѣ быть на кавказской линіи и не на кого положиться въ моемъ отсутствіи. Приготовьте также способнаго человѣка на мѣсто Дельпоццо. Въ его лѣта мудрено не дѣлать много вздора и пора думать, давъ ему спокойное мѣсто, его перемѣнить другимъ. Видите вы необходимость въ двухъ хорошихъ генералахъ. Мнѣ надобно часто отлучаться, дабы узнать землю и придумать способы привести ея къ лучшему состоянію. Безъ точныхъ свѣдѣній ничего сдѣлать нельзя и все самому видѣть надобно. Дайте мнѣ способы и вы что нибудь увидите порядочное. У меня все такіе генералы, исключая *Сталя*, что я собралъ ихъ въ Тифлисъ, находя полезнѣе не отпускать ихъ по мѣстамъ.

Кто вамъ вложилъ въ голову сдѣлать *Дренякина* командиромъ 1-й бригады? Съ мѣстомъ симъ соединено начальство надъ *Дагестаномъ*, землею обширною, часто неспокойною и отъ меня отдаленною на 700 верстъ. Тамъ необходимъ человѣкъ умный и смѣтливый, а про него кто же не знаетъ, что онъ человѣкъ ужасно тупой и въ сей должности совершенно негодный. Во всякой другой бригадѣ его терпѣть весьма можно. Вы скоро получите представленіе мое о большой перемѣнѣ мѣстъ между генералами. Какими судьба казнитъ меня товарищами! Надобно поблагодарить тебя, почтенный Арсеній, за *Наумова*. Мы очень хорошо понимаемъ, что онъ тебѣ обязанъ производствомъ, ибо его втащилъ ты на самомъ концѣ. Знаю я и то, что ты же причиною, что *Ховенъ* произведенъ въ генералъ-маіоры. Вотъ достойнѣйшій человѣкъ, котораго бы почелъ за счастіе имѣть здѣсь, если бы не препятствовало бѣдное его семейство. Не худо и тебѣ его присвоить къ себѣ. Доволенъ будешь. Поздравляю васъ съ богатымъ производствомъ въ генералы. Скажи *Орлову* и *Киселеву*, что я весьма радъ. Бѣдняжка простячокъ *Каліостро* важное пригрѣлъ себѣ мѣстечко. Свернетъ онъ голову многимъ изъ коллеговъ своихъ.

Скажи откуда столько нечаянно напало графство на *Мишо?* Неужели Россія не могла безъ того обойтиться? Если же *Папа* производилъ его, то можно позавидовать!

Пришли, сдѣлай дружбу, квартирное росписаніе армій, я ничего не знаю; а какъ то можетъ быть тайна, то я сохраню ея.

Теперь важная предстоитъ просьба. Разбогатѣвши отъ сдѣланныхъ мнѣ въ Персіи подарковъ, вздумалъ я самъ дѣлать подарки, состоящіе въ шаляхъ, которыя мнѣ, солдату, беречь для себя непристойно, ни продавать не приличествуетъ. Выбравши лучшія изъ нихъ, посылаю я царской фамиліи, а прочія знакомымъ. Я пригласилъ здѣсь купечество и оно оцѣнило всѣ сдѣланные мнѣ подарки. Однѣхъ шалей было на 44 тысячи рублей. Я вообще всѣхъ ихъ разослалъ и у меня ни одной не осталось. Прочихъ вещей всякаго вздора было на 28 тысячъ и 9 лошадей, изъ коихъ нѣкоторыя весьма хорошія. Ихъ не отдаю, но заведемъ заводъ и тебѣ конь будетъ добрый. Хочу нѣкоторыхъ отослать въ Россію, ибо здѣсь они меня разорятъ, но боюсь, что не выдержатъ нашего климата, тогда какъ и въ Персіи никакъ минуты не бываютъ онѣ безъ попонъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но весною путешествуютъ они въ любезное отечество—Орелъ. Я прилагаю у сего списокъ, кому посылаю шали. Сдѣлай дружбу, прикажи снять обшивку съ ящиковъ и разошли шали, а царской фамиліи изыщи средство чрезъ

кого нибудь представить. Также посылаю я два ковра графу Аракчееву и князю Петру Михайловичу. Поручи все это Красотѣ Ивану Васильевичу, тебѣ нельзя заняться пустяками. Шали же идущія заграницу, сдѣлай милость отправь съ первыми курьерами.

Тебѣ, почтенный Арсеній, посылаю также шаль. Прими, какъ добрый пріятель бездѣлицу на память.

Не взыщи съ меня, что отсюда отправилъ я фельдъегеря чрезъ Орелъ. Мнѣ хотѣлось старику отцу дать извѣстіе о моемъ возвращеніи.

Свалившійся съ горъ снѣгъ засыпалъ дороги и не могъ я скоро отправить курьера. Обвалы такъ велики, что старики не помнятъ подобныхъ. Болѣе трехъ сутокъ остановилось теченіе Терека и на три версты пространства засыпало дорогу снѣгомъ толстотою на пятьдесятъ саженей и даже болѣе. Намъ иногда пишутъ о снѣжныхъ глыбахъ Швейцаріи, если (писать?) о нашихъ, то никто не повѣритъ.

Фельдъегерь Дешевой пріѣхалъ въ 6-й день въ Моздокъ и очень скоро сюда. Вскорѣ по его проѣздѣ обрушился снѣгъ. Это славный малый и хорошаго поведенія. Не знаю откуда ты достаешь ихъ? Фельдъегерь Матвѣевъ, котораго ты давалъ въ посольство, во время пути въ Персію сходилъ съ ума. Сіе приписали дѣйствію чрезвычайныхъ жаровъ, но вылечили тотчасъ. По возвращеніи въ Тифлисъ повторился тотъ же припадокъ, но бросили кровь и въ одинъ день помогли и прошло совершенно. Докторъ поручилъ ему дѣлать болѣе движенія. Онъ былъ безпрестанно на глазахъ, получилъ жалованье и пропалъ безъ вѣсти. На рукахъ его были вещи посольства, какъ у человѣка особенно честнаго и вѣрнаго. Все совершенно сбережено и даже собственное жалованье его цѣло до копѣйки. Жаль прекраснаго сего человѣка и ты получишь формальную бумагу.

Не забудь обѣщанныхъ мнѣ музыкантовъ изъ военной школы. Здѣсь во всѣхъ полкахъ прежалкіе. Я едва могъ собрать для посольства и теперь ихъ распустить не могу. Здѣсь нельзя не имѣть музыки для наружности, которая между здѣшними народами необходима. Все подобное внушаетъ уваженіе, а здѣсь не рѣдко надобно дѣйствовать на мнѣніе людей, особенно такихъ, которыхъ поражаетъ наружность. При сихъ музыкантахъ намѣренъ я сдѣлать нѣкоторый родъ школы для полковъ, и если дашь ты мнѣ нѣсколько человѣкъ, то они усовершенствовавшись разойдутся по полкамъ. Ты желаешь имѣть мой журналъ, но у меня его нѣтъ, а есть нѣкоторыя пустыя и глупыя записки на все то, что видѣлъ я смѣшнаго въ Персіи. Переписавши ихъ я тебѣ доставлю, и какъ въ нихъ все вздоръ, то можешь ихъ показать кому угодно.

Прощай. Будь здоровъ, ибо я всегда говорилъ тебѣ, что ты человѣкъ полезнѣйшій, присоединяющій къ тому и прекраснѣйшую душу.

Записка о препровождаемыхъ шаляхъ.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.
» Елисаветѣ Алексѣевнѣ.
Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.
Въ особенныхъ ящикахъ за границу.
Ея величеству Екатеринѣ Павловнѣ.
Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ.
» » Аннѣ Павловнѣ.
Его высочеству Константину Павловичу.

Василію Романовичу Марченкѣ.
Петру Андреевичу Кикину.
Александру Васильевичу Казадаеву, въ особенномъ ящикѣ.
Брату Арсенію (Закревскому).

Коверъ графу Аракчееву.
Коверъ князю Волконскому.

160.

5-го ноября 1817 г. Тифлисъ.

Только что пріѣхалъ *Стабушъ* и я сажусь писать къ тебѣ. Благодарю за его производство. Я не знаю человѣка лучшаго поведенія и скромнѣйшаго. Пришли его обратно, мнѣ нужно будетъ послать его въ Персію когда-нибудь, а тамъ надобенъ человѣкъ не лакомый на подарки. Онъ испытанъ мною и точно таковъ. Какое благодѣяніе сдѣлалъ ты возвращеніемъ чина несчастному Розену. Жаль, что въ приказѣ, когда онъ былъ разжалованъ, не было сказано объ орденахъ его и потому въ виду они не были, когда ему отдали чинъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что и ихъ бы возвратили подобно какъ Кавалергардскаго полка офицерамъ.

Какія чудесныя получилъ я съ Стабушевымъ письма. Каподистри и Нессельроде не говорятъ ни слова о моемъ дѣлѣ, такъ точно какъ будто или я не ѣздилъ въ Персію или, по крайней мѣрѣ, все перепортилъ. Если бы оберъ-офицеръ дѣлалъ какое-нибудь пустое слѣдствіе,

то бы и оно обратило болѣе вниманіе. Я вижу изъ писемъ нед
чивость къ здравому моему смыслу и что я только все кончилъ на
вахъ и ни на что нѣтъ доказательства или бумаги. Тебѣ скажу п
съ тѣмъ, чтобы ты не говорилъ никому, что не только есть всѣ ну
бумаги, но посылаю къ Нессельроде и мнѣніе мое, что ему вперед
лать надобно. Послѣ всего того безъ досады приму, если онъ уди
скорому окончанію. Надобно думать, что онъ привыкъ къ медлен
или имѣлъ дѣло съ людьми не весьма расторопными или такими
торые его важно надували. Я не виноватъ, что случилось мнѣ из
хорошій способъ и что меня нѣсколько испугались, что, впрочем
должно быть страннымъ, ибо нужно только дать разумѣть, что̀ I
и Государь Россійскій. Не мнѣ должно упрекать, если другіе не ум
столько сами чувствовать и другихъ заставить, кому они прин
жатъ. Я по дѣламъ политическимъ былъ бы величайшею невѣждо
европейскихъ дворахъ, а въ Азіи послѣ того, какъ присмотрѣлся
мнѣваюсь, чтобы мнѣ нужно было получать наставленіе отъ иностр
коллегіи. Данные мнѣ помощники ничего болѣе меня не знали и ни
меня не научили. Я посылаю письмо къ брату Михайлѣ (граф
ронцову)—онъ меня мучилъ, чтобы я ему написалъ о Персіи. П
его и отправь. Увидишь, что̀ я говорю о любезной ему націи. Б
мнѣ хлопотъ съ нимъ, но за правду и терпѣть можно. На мен
шелъ *столбнякъ*, ибо я тогда только вспомнилъ, что у него сест
англичаниномъ.

Ты увидишь изъ письма вкратцѣ состояніе Персіи. Увидиш
истину на счетъ поведенія тамъ иностранцевъ. Я не былъ бы сер
еслибы о томъ въ точномъ видѣ дойти могло и далѣе. Богъ зн
такъ-ли доходятъ свѣдѣнія?

Мнѣ *Стабушъ* сказывалъ, что ты не очень здоровъ и увѣдо
меня о твоей потерѣ. Жаль, любезный братъ, и не менѣе потому
тебя огорчаетъ.

Михайлова дѣльно вы отваляли и *Дельпоццо старому м*
рону не даромъ помоете голову. Примѣть пакостное намѣреніе,
только я отлучился, то онъ и сдѣлалъ представленіе... Лишь т
весною можно будетъ проѣхать чрезъ горы, тотчасъ отправляю
линію. Надобно уничтожить нѣсколько крѣпостей, которыя хороши
30 лѣтъ назадъ, надобно нѣкоторыя сдѣлать (вновь?). Нужно сдѣлать
женіе линейнымъ казакамъ, которые доведены до ужаснѣйшаго распу
и мошенничествомъ полковыхъ своихъ командировъ несутъ неравны
гости и чрезвычайно терпятъ. Видишь-ли, почтенный Арсеній, что

надобенъ весьма способный человѣкъ для командованія кавказскою линіею. Доложи Государю о томъ. Я одинъ ничего не сдѣлаю безъ помощниковъ. Силъ не станетъ человѣческихъ. Невозможно и изъ Грузіи на долго отлучаться. Весною у меня назначено начертаніе границъ съ Персіею и тутъ не безъ хлопотъ будетъ!

Между тѣмъ наскучили чеченцы и дерзкое поведеніе ихъ даетъ вредный примѣръ другимъ народамъ, которые, смотря на ихъ успѣхи, думаютъ, что мы не въ состояніи усмирить ихъ. Это совершенная правда, что нельзя смирить прежними способами, ходя къ нимъ въ горы и теряя напрасно людей, но какъ я взялся, то смиримъ и не весьма въ продолжительное время. Я объ этомъ напишу къ вамъ по службѣ подробно и прошу пользоваться спокойнымъ временемъ, чтобы въ продолженіе онаго сдѣлать то, что въ другое время сдѣлаться можетъ вреднымъ и помочь будетъ невозможно. Какъ хотите, но дайте мнѣ одинъ полкъ пѣхоты на линію. Будетъ время я и самъ его лишняго имѣть не захочу. Сообразите, сдѣлайте милость, что съ линіи взяты Борисоглѣбскій и Нарвскій драгунскіе полки и уже съ пріѣзда моего отпущены два полка донскихъ казаковъ. Арсеній, другъ любезный, возьми свои мѣры, чтобы мнѣ не сдѣлали отказа и начатое мною распоряженіе занять рѣку Сунжу не осталось бы безъ уваженія. Тогда я брошу сіе предпріятіе и вамъ стыдно будетъ переносить дерзость и нахальство чеченцевъ, которое производитъ весьма худое вліяніе на горскіе народы. Вы получите обстоятельный сему планъ и я хотѣлъ приступить къ тому съ начала весны, когда самъ я буду на линіи, ибо не подъ своими глазами я не хочу сего дѣлать.

Прощай, любезнѣйшій другъ, будь здоровъ. Вскорѣ пришлю я фельдъегеря *Дешеваго* съ разными нужными бумагами, а Стабуша возврати ко мнѣ.

161.

30-го ноября 1817 г. Тифлисъ.

Благодарю тебя за доставленіе отъ Воронцова книгъ и моего портрета, который, впрочемъ, всѣ находятъ непохожимъ. Братъ Михайло точно поступаетъ по-братски, присылаетъ появляющіяся вновь военныя книги и мы иногда почитываемъ ихъ въ скучной нашей жизни. Наливка твоя чудесная и я начинаю подозрѣвать не коснулась-ли ея какая-нибудь прекрасная рука, ибо твоего собственнаго искусства на-

ливки были убійственныя; я очень помню, что онѣ въ глазахъ моихъ производили движеніе подобное *молніеноснымъ содроганіямъ* нашего нѣкотораго пріятеля. Но присланная тобою по истинѣ удивительная. Неужели у тебя произрастаетъ паленица въ томъ самомъ саду, гдѣ всегда цвѣты превращались въ салатъ, гдѣ за нѣжную розу, съ нетерпѣніемъ ожидаемую, награждаемы бывали мы *пушистою крапивою*, или за прелестную лилію, которую каждый изъ насъ желалъ видѣть первый рождающуюся, получали мы *махровый репейникъ*. Признайся, Арсеній, нѣтъ-ли прекраснаго существа, принявшаго на себя труды домашняго устройства?

Сколько ни говори пустаго, надобно, наконецъ, приступить къ дѣлу. Три дня принимался за перо и откладывалъ, не зная что̀ написать тебѣ о моихъ товарищахъ генералахъ. Тифлисъ похожъ сталъ на знаменитую главную квартиру; сюда собралъ я всѣхъ генераловъ и живу между ими. Не подумай, любезный Арсеній, что для того собраны они, что я безъ нихъ обойтись не могу и они нужны мнѣ для наставленія меня по новости. Нѣтъ! Для того, что разослать ихъ къ мѣстамъ я не смѣю. Если бы только лежали на нихъ занятія по званію бригадныхъ командировъ, они были бы терпимы, но мое положеніе тѣмъ непріятно, что на нихъ долженъ я возлагать управленіе областями и не подъ глазами моими, и такъ я рѣшился жить съ ними вмѣстѣ и дѣла производить чрезъ способныхъ штабъ-офицеровъ. Одного изъ генераловъ согласилъ я перейти во внутреннюю стражу и по несчастію онъ изъ числа лучшихъ, но меня понудила къ тому старость его, ибо уже онъ сорокъ два года въ службѣ, а мнѣ здѣсь нужны люди живые и быстрые, а паче теперь, когда бригада его употреблена будетъ противъ чеченцевъ. Сдѣлай дружбу, уважая порядочную и безпорочную его службу, исходатайствуй ему назначеніе во внутреннюю стражу и въ край полуденный, гдѣ ему удобнѣе существовать безъ состоянія. Теперь что̀ дѣлать мнѣ съ *Загорскимъ?* Сего невозможно мнѣ отправить во внутреннюю стражу, ибо онъ совершенно ничего не имѣетъ и умретъ съ голода, а также весьма скоро и онъ сорокъ лѣтъ въ службѣ и невозможно не уважать столько долговременнаго служенія и онъ еще весьма усердный и съ доброю волею служащій человѣкъ. Ты сдѣлаешь и ему и мнѣ благодѣяніе, если бригаднымъ командиромъ переведешь его въ другую дивизію, онъ тамъ будетъ преисправный, а мнѣ, пусть Богъ будетъ свидѣтелемъ, ни на что не надобенъ и достаточно не мудръ! Покойный Кутузовъ надѣлалъ мнѣ хлопотъ своею смертію и я не знаю кого просить на мѣсто его. Придумалъ, наконецъ, генералъ-

лейтенанта *Вельяминова*. Я не искалъ въ немъ фронтовыхъ способностей, ибо здѣсь дивизія расположена на безконечномъ разстояніи и исправность полковъ должна лежать на бригадныхъ командирахъ; но мнѣ полезны будутъ его знанія, ибо онъ отлично хорошо учился. Если однако же затруднительно будетъ его сюда перемѣстить, то въ такомъ случаѣ опредѣлите генералъ-маіора Стали 2-го, котораго, впрочемъ, несравненно лучше имѣть начальникомъ кавказской линіи. Въ немъ нѣтъ того огня, который желалъ бы я имѣть въ чиновникѣ, управляющемъ обширною частію; но взамѣнъ того, я знаю его усердіе и увѣренъ въ честности и благородныхъ его правилахъ. Вы люди чудесные и хотите дать законы самой природѣ и отъ 70-ти-лѣтняго *Дельпоццо* требуете такихъ способностей, какъ отъ человѣка со всею свѣжестію разсудка и съ полною силою души. Онъ устарѣлъ ужасно, слабо смотритъ за линіею; тамъ безпорядки чрезвычайные, между войсками нѣтъ устройства, окружающіе его люди страшныя дѣлаютъ лихоимства и нѣтъ командира казачьихъ полковъ, который бы не платилъ дани. Ко мнѣ безпрерывно приходятъ жалобы, и я очень рано весною ѣду самъ на линію. *Михайловъ*, котораго вы весьма справедливо разжаловали въ солдаты, мошенникъ величайшій; онъ въ вечеръ проигрываетъ по двѣсти и болѣе рублей въ карты и изъ старичишки Дельпоццо, по незнанію его русскаго языка, законовъ земли и самаго порядка службы, дѣлаетъ что хочетъ. Я пишу рапортъ и представляю его за прежнюю службу къ ордену Владиміра 2-го класса. Не пожалѣйте дать его человѣку, который, конечно, одной ленты износить не успѣетъ. При семъ случаѣ можно ловкимъ образомъ отозвать его къ другой должности.

Помоги, любезный Арсеній, моего *Вельяминова* произвесть въ генералъ-маіоры. Онъ, какъ ты знаешь, достойнѣйшій офицеръ и между тѣмъ въ послѣднее производство поступили нѣкоторые не старѣе его и между ими *Кишкинъ* и *Самбурскій*. Послѣ сихъ двухъ рыцарей, я надѣюсь, можно произвесть *Вельяминова*. Онъ у меня совершенно на каторжной работѣ. Не огорчите меня отказомъ, отнимете охоту трудиться. Вѣдь я и здѣсь не въ удовольствіяхъ живу. Еще представляю одного молодца подполковника князя *Севарсемидзева*. Этотъ современемъ заступитъ Котляревскаго, а на Лисаневича и теперь не промѣняю. Меня оскорбляетъ часть путей сообщенія. Я представляю о награжденіи офицеровъ, которые въ безпрерывныхъ трудахъ, а имъ комитетъ сего департамента объявляетъ признательность отъ лица начальствующаго онымъ. Скажи, сдѣлай дружбу, какой хорошій офицеръ станетъ служить изъ благодарности *Деволана?* Прошу дать сему лучшій оборотъ,

или я принужденъ буду съ *водяными* ругаться, а у меня не всегда легко выиграть. Меня побранятъ *свыше,* я перенесу, а какъ *Деволану* слегка скажутъ, то придворную душу параличъ хватитъ. Возьми на себя, почтенный Арсеній Андреевичъ, трудъ просмотрѣть всѣ мои представленія къ Государю. Мнѣ полезно, чтобы ты взглянулъ на нихъ со вниманіемъ. Я многое говорю дѣльное! Надобно подумать о чеченцахъ. Не бойтесь, я не драться съ ними хочу, а просто усмирить. Время мира къ тому удобное. Дайте, ради Бога, одинъ егерскій полкъ. Не дадите, я не возьмусь за дѣло и стыдно будетъ терпѣть срамъ отъ мошенниковъ. Послѣ захотите—поздно будетъ!

Не назначайте моихъ генераловъ именно въ какую бригаду, утверждайте просто бригадными командирами и довольно, а то я не знаю, что дѣлать и кому поручить областей управленіе противъ здѣшнихъ народовъ, а паче, когда сосѣди не перестаютъ подстрекать ихъ, надобно начальниковъ ловкихъ и смѣтливыхъ. Невозможно-ли мнѣ разрѣшить по одиночкѣ ихъ къ вамъ доставить полюбоваться на нихъ. О бригадныхъ я дѣлаю представленіе, и хотя есть у меня *чудаки,* но когда предоставлено мнѣ самому будетъ распредѣлять ихъ, то кое-какъ получше размѣщу ихъ нежели теперь. Взываю къ тебѣ, о, Арсеній! возьми отъ меня *Загорскаго,* но не лиши его существованія, коего способы доставляютъ ему однѣ столовыя деньги. Онъ бѣденъ, но за то честный человѣкъ!

Какъ не пришло въ голову опредѣлить столовыя деньги дежурнымъ въ корпусахъ штабъ-офицерамъ. Когда получаютъ ихъ полковые командиры, то по справедливости можно и имъ дать ихъ также, особливо, когда столько въ маломъ числѣ. Государь, какъ видно изъ приказовъ, объѣзжая корпуса, произвелъ многихъ штабъ-офицеровъ; я также представилъ, кромѣ *князя Севарсемидзева,* еще двухъ, которые вскорѣ должны командовать полками. Я пріуготовляю имъ мѣста.

Со мною были въ Персіи кабардинцы, одинъ изъ князей сынъ знаменитаго человѣка и нѣсколько узденей, изъ которыхъ намѣренъ я впослѣдствіи сдѣлать людей полезныхъ намъ для Кабарды. Князю прошу я поручичій чинъ, а прочимъ чины прапорщиковъ. Если откажутъ, то прекрасно рекомендуютъ меня въ Кабардѣ.

Ты увидишь одну бумагу мою, въ которой доношу я, что издержалъ данную мнѣ въ посольство экстраординарную сумму, состоящую изъ 100 тысячъ рублей ассигнаціями, но что я возвращаю ихъ изъ суммъ положенныхъ на содержаніе. Сіи послѣднія даны мнѣ въ полное распоряженіе и безъ отчета, взамѣнъ также и жалованья, которое я

принять не согласился. Ты вѣрно доволенъ, что подобный тебѣ богатствомъ человѣкъ дѣлаетъ подарки цѣною въ сто тысячъ рублей. Знай нашихъ, братъ Арсеній! Пожалуй, обрати на это вниманіе Государя, не мѣшаетъ, если онъ увидитъ, что въ деньгахъ я не первое поставляю счастье.

Въ Персіи я могъ, по крайней мѣрѣ, взять милліонъ съ Аббазъ-Мирзы, котораго надобно только было признать за наслѣдника престола. Я сіе могъ сдѣлать на основаніи данной мнѣ инструкціи, которая меня разрѣшала, но я видѣлъ въ томъ намъ вредъ и за сто милліоновъ бы не согласился. Много нашлось бы мастеровъ, которые бы и деньги взяли и поступку своему придали похвальный видъ. Меня многіе примутъ за дурака!

Жаль мнѣ будетъ, если ты описаніе всего со мною случившагося принимать будешь за хвастовство съ моей стороны. Мое, божусь, не то намѣреніе, а я признаюсь тебѣ, что мнѣ пріятно сказать о томъ, что въ глазахъ добрыхъ друзей моихъ даетъ мнѣ нѣкоторую цѣну, ибо я дорожу ихъ обо мнѣ мнѣніемъ.

Ты поступилъ со мною злодѣйски, совершенно какъ *М—па* (Мазепа). Зачѣмъ тебѣ было спрашивать вывозить-ли отсюда генералъ-лейтенанта князя Орбеліани. Неужели губернаторъ представитъ что-либо противное моему намѣренію. Цапнули бы, дѣло въ шляпѣ и я правъ! Но теперь когда угодно вамъ знать мое мнѣніе, вотъ оно и съ нѣкоторыми подробностями. *Орбеліани* вызвать надобно, ибо онъ въ командованіе Ртищева будучи совершеннымъ его пріятелемъ дѣлалъ здѣсь что хотѣлъ и имѣлъ большую власть. Многимъ доставлялъ мѣста и важный производилъ поборъ. Теперь удаленъ будучи отъ службы, а отъ меня вмѣсто довѣренности получая одни только комплименты и никакого вліянія на дѣла, онъ очень недоволенъ, жалуется на несправедливость правительства, неуважающаго долговременную его службу и жалобами своими производитъ не хорошее впечатлѣніе. Въ многочисленной фамиліи Орбеліани онъ находитъ многихъ готовыхъ къ неудовольствіямъ, ибо они, принадлежа къ знатнѣйшему сей земли роду, съ огорченіемъ видятъ себя лишенными тѣхъ преимуществъ, которыя давало имъ безпутное царей правленіе и не понимаютъ, что другіе могутъ имѣть равныя съ ними права. Желательно было бы, чтобы вы вызвали его къ какой-нибудь должности, хотя незначущей, а тѣмъ самымъ недовольнымъ не дали бы повода роптать съ основаніемъ. Вызвать его непремѣнно надобно, а теперь и очень ловко, ибо онъ ожидаетъ отвѣта на письмо, писанное имъ къ князю Петру Михайло-

вичу, и ему можно будетъ написать, что потому не было долго отвѣта, что уважая его службу, хотѣли вмѣстѣ извѣстить его и объ опредѣленіи къ должности. Не понимаю, куда опредѣлить можно генералъ-лейтенанта и человѣка, кромѣ личной храбрости никакихъ другихъ способностей не имѣющаго? Соглашусь, что вы мудрецы, если ему и Дельпеццо пріищите мѣсто?

Напиши, любезный Арсеній, по пріятельски, какъ говорятъ о скоромъ моемъ окончаніи дѣлъ въ Персіи? Я боюсь дипломатовъ, ибо солдатомъ будучи, не мудрено, что я имъ можетъ быть не во всемъ угодить умѣлъ. Мнѣ кажется главное дѣло то, чтобы ничего не дать и не возбудить вражды. Это я сдѣлалъ, а болѣе право невозможно и отъ меня требовать не въ правѣ, особливо граматами Государя и письмами перваго министра, давши прежде большія надежды и сказавши даже, что на меня возложена обязанность изыскать средства къ удовлетворенію желаній шаха. Напиши чтобы то ни было, хвалятъ или бранятъ, досадно будетъ если несправедливо, но я не умру съ горя, ибо я не могу имѣть въ предметѣ сдѣлать себѣ имя въ дипломатической карьерѣ.

Я ожидаю отъ тебя любопытныхъ извѣстій въ награжденіе того, что меня не можно упрекнуть лѣностію и потому что весьма долгое время мы съ тобою обстоятельной переписки не имѣли. Скажи мнѣ о твоихъ занятіяхъ по службѣ и въ свободное время, буде его имѣешь. Кто составляетъ твое общество, съ кѣмъ ты иногда проводишь время, какъ иногда бывало въ Петербургѣ? Что нашъ *братъ Василій* дѣлаетъ? котораго я люблю вѣрно болѣе, нежели онъ меня, ибо его добрыя качества скорѣе можно видѣть, нежели то, что во мнѣ есть не худое. Я увѣренъ, что онъ видитъ у тебя мои письма и потому безполезно писать къ нему повторенія. Поклонись *Кикину*, онъ счастливѣе насъ, ибо онъ, будучи въ Москвѣ, можетъ съ должностію согласить пріятности семейной жизни. Съ тобою тоже случится, что и со мною, придетъ непремѣнно на службѣ время, придавитъ дряхлость и не будетъ жены. Я здѣсь чувствую сей недостатокъ, общества нѣтъ, женщины дики, мужья ревнивы и продовольствіе весьма худое. По знатному чину моему требуютъ дорогой платы, и храня пристойность, дѣла сіи прикрываю я такою тайною, каковой у насъ не требуетъ и самая наиболѣе о чести пекущаяся праведница. Пригадкая жизнь! Остерегись, Арсеній!

Прошу еще о *Вельяминовѣ*, и если будетъ онъ произведенъ, то скажи *Красовѣ*, чтобы прислалъ шитье на мундиръ и эполеты, а первый фельдъегерь привезетъ деньги, чего будутъ стоять.

Чтобы тебѣ представить предъ глаза вдругъ, всѣхъ о производствѣ

коихъ я прошу, препровождаю списокъ и прошу подтвердить *Каліостро* (князю Меншикову), чтобы онъ не забылъ о тѣхъ, о коихъ прямо писано къ князю Волконскому.

Я прошу также Государя о полномъ пенсіонѣ *жены Кутузова*, прочти мою бумагу и помоги семейству бѣдному и несчастному. Надобно думать, что у сихъ сиротъ нѣтъ помощи, если я ихъ ходатаемъ! Жена вздумала было везти тѣло его въ Россію, я взбунтовалъ противъ сей мысли, ибо состояніе не позволяетъ дѣлать подобныхъ издержекъ и 24-го числа его здѣсь похоронилъ. Всякій день съ горестью вспоминаю о его потерѣ и никогда, конечно, не замѣню другимъ, который бы столько любилъ меня и усердно помогалъ въ трудахъ моихъ. Я не знаю что̀ дѣлать? Надобно весною быть на линіи, надобно быть здѣсь, ибо начнется начертаніе границъ съ Персіею и въ то же время надобно быть на берегахъ Каспійскаго моря. *Вельяминова* посылалъ во время пребыванія моего въ Персіи на Черное море и теперь могу самъ не быть нѣсколько времени, но кого въ отсутствіе мое оставлять буду въ Тифлисѣ, не понимаю? Дѣла столько, что если не на долго отлучиться, столько наберется, что послѣ сладить невозможно.

Вижу, почтенный Арсеній Андреевичъ, что такъ работая, какъ я, не станетъ силъ моихъ на долгое время и я измучась и съ отчаяніемъ въ душѣ, что ничего не могъ сдѣлать порядочнаго, долженъ буду бѣжать отсюда. Нѣтъ людей способныхъ и совсѣмъ нѣтъ помощниковъ.

Вскорѣ дѣлаю тебѣ представленіе о награжденіи мошенника *аудитора К.*, ибо я видѣлъ изъ приказовъ, что награждены чинами адъютанты *Ртищева*... Неужели въ этомъ нельзя было отказать блаженному *Ртищеву*, который самъ *подлежитъ взысканію*, какимъ онъ образомъ укрался въ генералы отъ инфантеріи. Увѣдомь, пожалуй, правда-ли что ему дали все то содержаніе, какое онъ имѣлъ въ Грузіи! Нѣтъ-ли у васъ тайнаго положенія всѣмъ ..... давать награжденія, не смотря и на то даже, когда они сами порядочно промышляли о снабженіи себя. Я не изъ зависти говорю о томъ, ибо я о денежныхъ наградахъ не думаю и деньги Государевы славно сберегаю. Заставляетъ говорить досада, ибо за что ни возьмусь здѣсь, нѣтъ ничего, ниже первыхъ началъ къ какому нибудь порядку или устройству и по наслѣдству отъ него досталось столько мошенниковъ, бывшихъ подъ покровительствомъ или жены его, или канцеляріи, или адъютантовъ и прочихъ довѣренныхъ особъ.

Пришла въ голову пресчастливая мысль на счетъ опредѣленія *князя Орбеліани*, спѣшу сообщить ея, дабы не вышла изъ памяти. Едва было не забылъ, что въ прошломъ году въ Петербургѣ случилось мнѣ

засѣдать въ совѣтѣ военнаго департамента, гдѣ также присутствуетъ *князь Самповъ*, который столько уже отъ старости сдѣлался неспособенъ, что не лучше *Орбеліани*. Посадите туда же сего послѣдняго, и его уберить можно, что онъ тамъ надобенъ на случай постановленій, дѣлаемыхъ по Грузіи, какъ человѣкъ хорошо край знающій. Онъ будетъ въ восхищеніи, что безъ него правительство обойтись не можетъ. Если же найдетъ онъ въ отставку, сюда его никакъ не пускайте.

Въ представленіяхъ моихъ увидишь о *ген.-маіорѣ Ховенѣ*; сдѣлай дружбу, помоги мнѣ достать его и какъ случиться можетъ, что дрянь жена его нападетъ на него и будетъ препятствовать, то ни слова не говори и не спрашивая его согласія опредѣлите сюда и дайте на проѣздъ нѣсколько денегъ, а я знаю, что онъ будетъ послѣ весьма доволенъ своимъ назначеніемъ. У меня будетъ и честный и толковый губернаторъ, а сія часть у меня весьма немного имѣетъ порядка.

Къ тебѣ явится коллежскій совѣтникъ *Мазаровичъ*, который при посольствѣ назначенъ былъ докторомъ и котораго по способности употребилъ я ранѣе и четыре мѣсяца прежде себя послалъ въ Персію. Если только разумѣть будешь его русскій языкъ, онъ тебѣ много любопытнаго скажетъ о Персіи и весьма подробно о томъ, что со мною тамъ происходило: онъ былъ свидѣтель всего. Приласкай его по дружбѣ ко мнѣ, онъ человѣкъ весьма умный. Я отправилъ его къ *Нессельроде* съ порученіями по дѣламъ съ Персіею.

Вскорѣ пришлю я къ тебѣ вѣдомость о состоящихъ въ полкахъ ружьяхъ, изъ которой увидишь, какихъ многоразличныхъ они калибровъ и сколько такихъ, которыя во всѣхъ прочихъ мѣстахъ уже не въ употребленіи. По расположенію полковъ на большомъ разстояніи нѣтъ никакой возможности передать ихъ изъ одного въ другой. Единое средство состоитъ въ томъ, что ежегодно надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы вы присылали новыхъ ружей на три полка, начиная прежде съ егерскихъ полковъ. Старыя буду я отбирать и сохранять въ крѣпостяхъ, гдѣ ружья всякаго калибра, хотя съ нѣкоторымъ неудобствомъ, быть однако не могутъ. Впослѣдствіи вы получите проектъ мой о сформированіи на здѣшнемъ краю гарнизоновъ совсѣмъ на особомъ положеніи, нежели до сихъ поръ. Сіи гарнизоны могутъ быть вооружены отобранными отъ полковъ ружьями и могутъ служить запасомъ для пополненія въ полкахъ убыли во время войны. Тамъ будучи собраны, разобраны будутъ по сортамъ. Помни, Бога ради, мнѣ въ семъ случаѣ; ты представить себѣ не можешь, въ какомъ ужасномъ они здѣсь состояніи и поправить нѣтъ способовъ, по тому что въ Россіи. Недавно получилъ я росписаніе о

нижнихъ чинахъ, поступающихъ ко мнѣ по уничтоженіи вторыхъ въ полкахъ баталіоновъ. Взгляни, любезный Арсеній, какъ Бога не боятся, что сюда посылаютъ людей изъ Финляндіи. Одно разстояніе и путь въ зимнее время достаточны истребить людей, а еще болѣе разность ужасная климата, а послѣ будете взыскивать за убыль людей. Неужели невозможно было назначить изъ ближайшаго корпуса. Грѣхъ у васъ будетъ на душѣ и я напрасно потерплю непріятность. Вы можете еще перемѣнить сіе распоряженіе весьма удобно. Подумайте о семъ.

Не забудьте по обѣщанію назначить въ бѣдный мой корпусъ нѣсколько музыкантовъ изъ солдатскихъ дѣтей. Ты приказываешь мнѣ подождать и я уже годъ терпѣливо ожидалъ. Я получилъ новое положеніе о казачьемъ Астраханскомъ войскѣ. Все прекрасно и благодарить васъ должно, кромѣ одной непростительной погрѣшности. Какъ можно постановить правиломъ непремѣнно между самимъ войскомъ избирать атамана и полковыхъ командировъ. Вы отнимаете у себя выгоды или опредѣлять людей по способности или изъ самихъ же ихъ, но вмѣняя имъ въ особенное то награжденіе.

Будучи весною на кавказской линіи я вамъ представлю проектъ о поселенныхъ на линіи казакахъ, которые въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ, но я буду просить въ командиры полковъ непремѣнно штабъ-офицеровъ кавалерійскихъ, если собственно изъ нихъ не будетъ молодцовъ и облегчу сіе тѣмъ, что самъ опредѣлю нѣкоторыхъ на мѣста негодныхъ полковыхъ командировъ, которые дѣлаютъ нетерпимыя мошенничества по слабости и неразумѣнію *Дельпоццо*. Эту дрянь надо успокоить!

Фельдъегерь *Дешевой*, скоро весьма сюда пріѣхавшій и здѣсь очень похваляемый за поведеніе, просилъ меня, чтобы я ходатайствовалъ у тебя о присылкѣ его обратно въ Грузію. Онъ симъ ищетъ заслужить ваше вниманіе и, кажется, нѣкоторый проступокъ свой. Я по всей справедливости его одобряю. Онъ молодецъ! Прошу о немъ весьма!

За домашнюю твою наливку ничего не могу я послать домашняго, ибо не можетъ быть болѣе безпорядочнаго хозяйства, но узнавши, что ты любишь орѣхи, посылаю тебѣ произростающихъ въ здѣшней странѣ весьма хорошихъ орѣховъ и плода, называемаго *алибухара;* въ особенномъ ящикѣ найдешь ты конфекты персидскія, вчерашній день полученныя мною въ подарокъ отъ одного изъ знатнѣйшихъ персидскихъ вельможъ. Ты можешь по нихъ судить о ихъ вкусѣ и нѣсколько о роскоши. Не подумай, чтобы я избралъ худшія, но онѣ почти всѣ такого рода и весьма немногія изъ нихъ безъ примѣси бараньяго сала.

Старикъ отецъ мой, описывая мнѣ проѣздъ Государя чрезъ Орелъ и

всю свиту его и тѣ вѣжливости, кои оказаны были ему нѣкоторыми знающими меня, ничего не писалъ о тебѣ. Безъ сомнѣнія, ты, любезный Арсеній, оставался какъ и въ прошломъ году въ Петербургѣ, обремененный своими дѣлами. Конечно, ты бы не потаилъ отъ старика, что мы пріятели.

Прощай! Отошли *Воронцову* письмо мое. Я для того посылаю его запечатаннымъ, что въ немъ одно извѣстное тебѣ описаніе поѣздки моей въ Персію. *Калiостро* покажетъ тебѣ писанное къ нему.

Сохрани ко мнѣ лестную для меня твою дружбу.

Напиши, позволительно-ли мнѣ надѣяться когда-нибудь перевести Коховскаго въ гвардію? Неужели мнѣ одному надобно испытывать отказы относительно до ближайшихъ моихъ.

162.

27-го января 1818 г. Тифлисъ.

Податель письма сего квартирмейстерской части прапорщикъ Воейковъ, находившійся при посольствѣ въ Персіи, какъ достойный молодой офицеръ, заслуживаетъ добрый твой пріемъ, о которомъ я и прошу тебя. Если случится у тебя свободная минута, онъ можетъ разсказать тебѣ кое-что и о путешествіи моемъ въ Персію. Тебѣ хотѣлось имѣть журналъ мой, но какъ я имѣю только пустыя записки, ежедневно мною составляемыя, то и не могутъ онѣ ничего представить тебѣ любопытнаго, которыя для того чтобы не измѣнить привычкѣ моей ничего отъ тебя не скрывать, у сего препровождаю. Когда во время отдохновенія твоего въ вечеру заставишь ты Красоту прочесть ихъ, то обрати ихъ ко мнѣ, ибо довольно взгляда одного на нихъ, чтобы краснѣть мнѣ за такое пустое и вздорное произведеніе. Въ пользу мою есть одно только извиненіе, что я писалъ среди заботъ и скуки, и что въ такомъ состояніи трудно написать что нибудь порядочное. Занимаясь пустяками, я по крайней мѣрѣ отвлекалъ вниманіе мое отъ предметовъ непріятныхъ и сія есть единственная выгода, которую извлекъ я изъ путешествія моего весьма мало забавнаго.

Нынѣшняя почта привезла мнѣ изъ Москвы письма и вмѣстѣ извѣстіе о производствѣ Вельяминова. Совсѣмъ не удивляюсь я, что ты не писалъ ко мнѣ, ибо знаю я твои занятія и сколько мало тебѣ свободы, но скажи по истинѣ, не должно-ли аркебузировать Красоту или Крѣпкую Натуру, за то что не увѣдомили меня о дѣлѣ столько мнѣ

пріятномъ. Благодарю тебя, почтенный Арсеній, за ходатайство, ибо безъ пособія сего, думаю, для меня бы не сдѣлали, хотя есть генералы Киткины, Абамелики и тому подобныя . . . . ., оставляющія испытателей природы въ недоумѣніи, къ которому царству они принадлежатъ.

Прощай! не забывай и люби по прежнему.

163.

12-го февраля 1818 г. Тифлисъ.

Душевно обрадованный производствомъ Вельяминова и прочихъ достойныхъ офицеровъ, благодарю за ходатайство твое. Государь наградилъ людей, которые ему славно служить будутъ и меня не устыдятъ, что я о нихъ старался. Весьма благодаренъ я, что въ 20-ю дивизію назначили Вельяминова. Мнѣ здѣсь не столько нуженъ великій человѣкъ по фронту, ибо по обширности земли и какъ разбросаны полки, онъ ихъ рѣдко видѣть можетъ, но надобенъ умный человѣкъ, которому бы поручить можно всѣ дѣла во время моего отсутствія, а въ семъ смыслѣ я надѣюсь на него. Когда поѣхалъ я въ Персію, роптали на меня старшіе генералы, что я подчинилъ ихъ *Кутузову* и теперь собирался всѣмъ заправлять *Дренякинъ*, яко старшій; но Богъ свидѣтель, что онъ величайшая . . . . . и сколько ни могущественно покровительство (генерала Толя), но отъ того не будетъ онъ способнѣе и умнѣе. Теперь сраженъ онъ внезапнымъ назначеніемъ командира въ 20-ю дивизію, который при томъ выше чиномъ. При семъ посылаю письмо къ Вельяминову, не знаю гдѣ онъ. Это по части *Красоты*, который буде не избаловался въ Москвѣ, отошлетъ куда надобно, такъ равно и письмо къ Граббе, нѣкогда его товарищу.

Я по совѣту твоему писалъ къ князю П. М. (Петру Михайловичу Волконскому) письмо о старикѣ Печерскомъ и сдѣлалъ также представленіе. Помоги старому и честному солдату, а между тѣмъ я буду жалованье давать изъ экстраординарной суммы. Не долженъ я терпѣть, чтобы военный человѣкъ могъ жаловаться на равнодушіе начальства къ его бѣдности; я былъ бы виноватъ за то предъ Государемъ.

Неужели вы чего нибудь не выдумаете лучшаго, нежели опредѣлить Дельпоццо въ Астрахань комендантомъ? но чтобы то ни было дѣлайте скорѣе. Судитъ васъ Богъ, если *Загорскаго* не переведете куда нибудь. Впрочемъ, я человѣкъ весьма сговорчивый, если не его, то *Дренякина*, можетъ быть сей послѣдній будетъ вамъ нужнѣе. А если

въ отдаленности живущимъ, остается только удивляться. Надобно большая привычка къ дѣятельности! Я такъ быстро проскакавши отъ Москвы до Петербурга не пріѣхалъ бы способнымъ на дѣло, а вы тотчасъ сѣли на конь и ну работать! Въ газетахъ описанъ парадъ! Ты нынѣ также искусно маневрируешь, ибо увѣдомляешь, что не сопутствуешь Царю въ Варшаву. Тамъ будутъ горы дѣла.

Съ послѣднею почтою увидѣлъ я изъ газетъ производство Пузыревскаго въ полковники. Это твое дѣло, добрый и благородный Арсеній, и я благодарю тебя, ибо по справедливости онъ офицеръ достойный и должно ободрить человѣка, котораго судьба загнала служить въ страну подобную ссылкѣ. Всякій день благодарю счастіе мое, доставившее мнѣ твою дружбу, ибо ею дѣлаю я добро многимъ отличнымъ людямъ, которые усердіемъ и трудами большую впослѣдствіи принесутъ пользу. Если бы другой былъ на твоемъ мѣстѣ, не могъ бы я имѣть къ нему такой довѣренности. Представленія безъ ходатайства не всегда пріемлютъ благосклонно, а отказы, хотя я и болѣе другихъ къ нимъ равнодушенъ, не дѣлаютъ удовольствія или всеконечно то производятъ, что воздерживаешься отъ представленій, хотя бы они и справедливы были. Я могу привести въ примѣръ, если не совершенно такой, то подобный сему случай моего *Коховскаго*. Видя, что безъ всякаго разбора переводятся офицеры въ гвардію, я не смѣлъ уже писать о немъ, если бы ты не далъ мнѣ на то наставленія. Вотъ дѣйствіе отказовъ; но суди самъ сколько бы еще чувствительнѣе были они, если бы испрашивалъ я награжденіе отличнаго и славнаго офицера! Я представилъ о полковникѣ путей сообщенія *Вороновѣ*, который проситъ увольненія къ водамъ за границу. Онъ имѣлъ несчастіе упасть и повредить раненую свою ногу. Какъ человѣку совершенно безъ состоянія я прошу ему жалованье и пособіе на дорогу. Помоги, почтенный Арсеній, сему усердному, достойному и безкорыстному офицеру. Я много весьма теряю, что онъ оставляетъ Грузію, ибо невозможно найти человѣка болѣе благонамѣреннаго и трудолюбивѣйшаго.

Скажи, зачѣмъ Пивоваріусъ (Пезаровіусъ), издатель «Инвалида», напечаталъ рескриптъ на орденъ Дельпоццо, тогда какъ мнѣ предписано не прежде его послать къ нему, какъ вмѣстѣ съ его новымъ назначеніемъ! Я ожидаю нѣкоторыхъ хлопотъ съ перемѣщеніемъ старика, который, конечно, не будетъ доволенъ, ибо мечтаетъ, что онъ созданъ для командованія.

Что ты не утѣшишь меня переводомъ *Загорскаго* въ другую дивизію въ Россію? Онъ престарательный и усердный человѣкъ, но здѣсь

надобно поумнѣе немного, впрочемъ за бригадою онъ славно смотрѣть можетъ и на всякія уставы преспособный. Не подумай, однакоже, чтобы я хотѣлъ сбыть его съ рукъ, божусь нѣтъ и даже я не менѣе въ состояніи хлопотать, чтобы ты перевелъ *Дренякина*. Этотъ не менѣе глупъ, но никакъ не хочетъ того чувствовать и умничаетъ отъ того, что долго квартирмейстерская часть равнодушно смотрѣла на его неспособность. Избавь меня хотя отъ этого, Богъ свидѣтель тяжелъ очень! Не могу я похвастать и германскимъ рыцаремъ *Пестелемъ*, но онъ у меня изъ лучшихъ и все по службѣ исполняетъ исправнѣйшимъ образомъ. Жаль, что въ немъ нѣтъ живости; онъ также принадлежитъ къ тому числу людей, которыхъ по справедливости уподоблю я Ледовитому полюсу. Мерлини у меня такая рѣдкая ....., что уже грѣхъ кого нибудь снабдить имъ, и всеконечно надобно оставить у меня, ибо я почитаю въ лицѣ его волю Бога меня наказующую. Есть какіе нибудь тяжкіе грѣхи мои! Представь жалостное мое положеніе, что я долженъ еще дать ему бригаду ..... Истолкуй мнѣ, почтенный Арсеній, какой злой духъ понуждаетъ васъ производить подобныхъ генераловъ? Не изобрѣлъ-ли кто системы, доказующей, что генералы суть твари совсѣмъ для войскъ не надобныя и что они могутъ быть болванами, для удобнѣйшей просушки съ золотымъ шитьемъ мундировъ? Это было бы преполезное открытіе, которое бы многимъ простакамъ доказало, какъ грубо доселѣ они ошибались. Сообщи мнѣ о семъ для моего успокоенія, если то не тайна государственная!

Теперь я принимаюсь за инспекторскіе смотры полковъ чрезъ генераловъ и нѣкоторые полки требуютъ большаго поправленія, нѣкоторые думаю самъ буду смотрѣть. Въ войскахъ на Кавказской линіи наибольшее разстройство и изъ всѣхъ прилежнѣйшій офицеръ командиръ 16-го Егерскаго полковникъ Грековъ, который въ скорое время приведетъ полкъ въ то состояніе, какого я желаю. Таковы, по крайней мѣрѣ, доходятъ до меня слухи; тамъ что найду, обо всемъ тебя увѣдомлю.

Предупреди, сдѣлай дружбу, Государя, что мнѣ нужно крайне, по крайней мѣрѣ, три штабъ-офицера кавалерійскихъ славныхъ, которые бы хотя на время сдѣлать командирами полковъ поселенныхъ на линіи казаковъ. Теперь они въ рукахъ собственныхъ офицеровъ и изъ славныхъ казаковъ дѣлаются мужиками. Служба отправляется нерадивымъ образомъ, тягость оной разлагается неуравнительно и падаетъ болѣе на бѣдныхъ, которые отъ того никогда не поправляютъ своего состоянія и на службу выступаютъ неисправными. Теперь боясь меня, нѣсколько уменьшилось зло, а до сего все было продажное, и надобно было за-

платить за дѣла мелочныя своему командиру, а гдѣ власти его было недостаточно,—въ дежурствѣ командующаго на линіи. Начальники вдались въ домоводство, размножились хозяйственныя заведенія, хутора, табуны, и солдаты и казаки принялись за мастерства, а не за ружье, угождая воли начальниковъ.

Предвижу величайшіе хлопоты и труды на линіи и тьму непріятностей.

Я послалъ къ князю Волконскому проектъ о крѣпостяхъ и о снабженіи ихъ обороною, независимо отъ войскъ здѣшняго корпуса, то есть чтобы, какъ прежде, не развлекать на защиту ихъ полковъ изъ корпуса, отъ чего всѣ дѣйствія наши были частныя и нерѣшительныя, хотя многія весьма блистательныя и славныя для оружія.

Увѣдомь, почтенный Арсеній, скоро-ли вы переведете *Дельпоццо* въ Астрахань или куда лучше придумаете, ибо время туда отправить *Сталя*, когда прибудетъ сюда Вельяминовъ. Поспѣшите прислать скорѣе *Ховена*, онъ мнѣ необходимъ, ибо часть гражданская здѣсь въ ужасномъ разстройствѣ. Я ему для того не писалъ, чтобы не дать время толковать съ женою, боясь чтобы она не имѣла на него вліянія своими убѣжденіями. Онъ здѣсь получая хорошее содержаніе можетъ имѣть средства воспитывать дѣтей въ Россіи, и увѣренъ я, что будетъ доволенъ своимъ назначеніемъ.

Доброе дѣло, что вы князя Багратіона опредѣлили по арміи. Онъ здѣсь всѣми неправдами согласилъ казаковъ на выборъ его атаманомъ, и бывшій астраханскій комендантъ *Отто* не мало помогалъ ему. Нужно было бы взглянуть на сихъ казаковъ: говорятъ, что весьма безпутные. Не похожи эти Багратіоны на покойнаго князя Петра Ивановича. Онъ унесъ съ собою въ гробъ умъ и способности всей фамиліи.

Исходатайствуй Арсеній благодарность въ приказахъ полковымъ командирамъ за старательный присмотръ за людьми, ибо въ прошедшемъ 1817 году умершихъ въ половину противъ прежняго времени, бѣжавшихъ въ четвертую долю. Кавказская линія того не заслуживаетъ, ибо тамъ всѣ прежніе безпорядки. Я дѣлаю о семъ представленіе и приказъ мой по корпусу то объясняетъ. Дѣла удерживаютъ меня въ Тифлисѣ и гнусная и безпутная гражданская часть отнимаетъ большую часть моего времени, а я увѣренъ, что если разъ объѣду полки, то они будутъ впередъ исправнѣе и съ людьми лучше будетъ обращеніе.

Я дѣлаю представленіе о нѣкоторыхъ офицерахъ квартирмейстерской части, бывшихъ со мною въ Персіи; помоги доставить имъ нѣкоторыя награжденія, они славно сняли дорогу до Султаніэ, что стоило

труда и осторожности. Ты знаешь полковника Иванова, котораго службою я весьма доволенъ.

Теперь позволь, почтенный Арсеній, поговорить съ тобою о послѣднемъ письмѣ твоемъ, то есть о дѣлѣ собственно до меня относящемся. Ты увѣдомилъ меня, что подстрекаешь нашихъ дипломатиковъ, чтобы они хлопотали о награжденіи меня и что стыдно имъ будетъ, если я безъ онаго останусь. Я удивляюсь, что они до сихъ поръ не получили за дѣла съ Персіею награжденія, а не тому, что мнѣ не даютъ онаго. По части дипломатической это весьма обыкновенно, что они берутъ на свой счетъ и что тотъ кто трудится называется орудіемъ или болваномъ ихъ волею движимымъ. Это правда, что я ничего не сдѣлалъ чрезвычайнаго, но потому больно быть болваномъ ихъ, что я если и успѣлъ что нибудь сдѣлать, то потому, что не слѣдовалъ даннымъ мнѣ наставленіямъ. Они дали мнѣ инструкціи точно какъ бы посланъ я былъ ко двору европейскому, и если бы такъ я поступалъ, то до сихъ поръ можно бы меня наказать за дѣла съ Персіею. Когда нибудь увижу я тебя и ты узнаешь такія вещи, которыя мнѣ теперь сказать тебѣ не ловко. Поблагодаришь меня какъ добрый русскій и пріятель—это дѣлалъ я не по инструкціи! Но какъ бы то ни было, если не заслужилъ я награжденія или по нѣкоторымъ причинамъ дать мнѣ его невозможно, по крайней мѣрѣ, въ четыре мѣсяца надлежало бы уже сказать такъ ли исполнилъ я возложенное порученіе или нѣтъ и дать разрѣшеніе или на представленія мои, которыя не терпятъ отлагательства, или наставленіе какъ исправить ошибки, буде я сдѣлалъ таковыя. Въ четыре мѣсяца ни слова! Что могутъ думать персіяне, что домогавшись всѣми силами утвердить доброе согласіе и связи дружества, шесть мѣсяцевъ какъ уѣхалъ я изъ Султаніэ и нѣтъ обо мнѣ слуха, тогда какъ *шахъ* отъ Государя даже ожидалъ пріятнаго какого нибудь отзыва. Господа дипломаты слишкомъ мудры, если думаютъ, что ошибку ихъ или даже и неблагоразуміе приму я на свой счетъ. Сколько ни мало уважительно мнѣніе персіянъ, но и въ ихъ понятіи не хочу я быть виноватымъ, и такъ я ничего на себя не возьму, а господа дипломаты могутъ меня наказать тѣмъ, что впередъ не сдѣлаютъ мнѣ никакого препорученія и я имъ позволяю считать сіе за казнь и великое для меня несчастіе, а въ самомъ дѣлѣ это мнѣ одолженіе, ибо хорошаго препорученія я не ожидаю, а нехорошія не всегда удобно съ рукъ сходятъ. Замѣть, любезный Арсеній, что *Строгоновъ* въ Константинополѣ не болѣе меня успѣлъ сдѣлать, а награжденіе тотчасъ дали. Я правду тебѣ говаривалъ, что одно изъ преступленій моихъ

то, что я незнатной фамиліи и что начальство знаетъ, что я кромѣ службы другихъ средствъ никакихъ не имѣю.

Ты пишешь ко мнѣ, что, по мнѣнію твоему, чинъ для меня не лишнее и что ты о томъ хлопочешь и спрашиваешь понравится-ли мнѣ то, или бы въ противномъ случаѣ я тебя увѣдомилъ. Смѣшно было бы, если бы вздумалъ я увѣрять тебя, что я весьма равнодушенъ къ тому дадутъ-ли мнѣ чинъ или нѣтъ. Конечно, чинъ есть самое въ моемъ положеніи пріятнѣйшее для меня награжденіе, особливо когда выѣду я изъ сего края, онъ доставитъ мнѣ тѣ выгоды, что всегда надѣяться буду я имѣть команду или, по крайней мѣрѣ, не каждому изъ генералъ-лейтенантовъ дадутъ оную прежде меня и то, что не каждому полному генералу подчинятъ меня подъ начальство. Признаюсь тебѣ, добрый другъ мой Арсеній, что крайне больно мнѣ, что о вознагражденіи меня нужны хлопоты и ходатайство, и что только въ отношеніи ко мнѣ одному начальство не имѣетъ собственной къ тому наклонности, тогда какъ многимъ весьма другимъ за меньшія гораздо заслуги успѣли бы сдѣлать множество пріятностей.

Скажи, если бы въ моемъ положеніи нашелся *братъ Михайло* (гр. Воронцовъ), чтобы ему до сего времени сдѣлали? Я умалчиваю о множествѣ нѣмцевъ, которые, по крайней мѣрѣ, равныя съ нами имѣютъ преимущества. Больно, любезный Арсеній, хотя необыкновенное счастіе мое всегда щедро вознаграждаетъ меня за претерпѣваемыя мною непріятности. Я бы желалъ знать, чѣмъ другимъ можно наградить меня кромѣ чина и потому не нахожу я что̀ отвѣтствовать на вопросъ твой нравится мнѣ или нѣтъ?

Если, первое, дать мнѣ *Владиміра первой степени*, то можно получить его подобно *Яшвилю* при какомъ нибудь смотрѣ войскъ. Выпишите меня къ пріуготовляемымъ вами для короля прусскаго маневрамъ и сего довольно. Второе, дать мнѣ графское достоинство я ручаюсь, что жизни не ради будутъ, ибо подамъ рапортъ, въ которомъ изъясню причины, почему не желаю имѣть его. Довольно для васъ Милорадовичей и Тормасовыхъ, которые отъ подобныхъ пустяковъ безъ памяти, а мнѣ всѣ средства въ службѣ заключающему надобно то, что даетъ право на нѣкоторую команду, единый способъ оказать усердіе къ службѣ и добрую волю къ трудамъ. Я очень хорошо понимаю, что я и въ Грузію не попалъ бы, если бы нашлись другіе желающіе, а въ званіи полнаго генерала не всегда легко обойти безъ особенныхъ причинъ. Третье, если бы хотѣли *дать мнѣ денегъ?* Я самъ далъ сто тысячъ собственныхъ, въ которыхъ никому не обязанъ былъ отчетомъ, ибо они въ мое

собственное даны были распоряженіе въ замѣну жалованья, котораго не принялъ я по званію посла. Конечно, не дали бы мнѣ столько, то и въ награжденіе почесть невозможно, да я если бы служилъ изъ денегъ, то здѣсь умѣлъ бы я достать ихъ и безъ соизволенія на то начальства, а вы взгляните, что я ихъ ежегодно по всѣмъ частямъ управленія сберегаю въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось прежде. И такъ, почтенный Арсеній, дѣлайте, что Богъ вамъ положитъ по сердцу или ничего не дѣлайте, какъ вы заблагоразсудите. Я знаю, что ты не выпустишь изъ виду того, что мнѣ полезно, а если теперь ничего нельзя сдѣлать, то вооружимся терпѣніемъ, ибо это уже не въ первый разъ, а тамъ покровительствующее меня счастіе не оставитъ. Я пишу къ П. И. Миллеру доброму начальнику. Когда увидишься съ нимъ поговори обо мнѣ. Нѣкоторыя слова письма твоего кажутся мнѣ немного удивительными. Ты говоришь, что согласилъ *Петрахана* (князя П. М. Волконскаго) хлопотать о моемъ производствѣ. Неужели онъ противился тому, получа самъ все то, что можно. Я по совѣсти скажу, что не позавидовалъ ему, хотя онъ былъ меня моложе и точно понималъ, что служба близъ Государя и въ его званіи онъ не можетъ быть въ наградахъ подчиненъ общему порядку. Въ чемъ можетъ препятствовать ему мое производство!

Если ты упрекаешь мнѣ лѣнью, то и я похвастать не могу, чтобы и ты съ нѣкотораго времени пускался въ большую переписку, а ты вѣрно болѣе имѣешь сказать мнѣ любопытнаго, нежели я живущій въ ссылкѣ и которому не о чемъ сообщить, развѣ о снѣжномъ обвалѣ въ кавказскихъ горахъ, каковыхъ недавно свалилось три, прервавшихъ почти сообщеніе. О землятресеніи или о сильномъ громѣ бывшемъ 5-го марта? Хотя всѣ сіи происшествія для васъ необыкновенны, но нѣтъ ничего въ нихъ хорошаго. Настаивай и подкрѣпи мнѣніемъ своимъ представленіе мое о устроеніи въ здѣшнемъ краю крѣпостей и сформированіи для нихъ постоянной обороны. Тогда, имѣя свободными нѣсколько войскъ, учрежу я безпрепятственное сообщеніе съ Россіею чрезъ Дербентъ и устрою порядочную дорогу, теперь весьма небезопасную. Весьма непріятно не имѣть вѣрнаго сообщенія и не имѣть возможности надѣяться на доставленіе необходимыхъ для войскъ потребностей. Сформированіе крѣпостей для защиты я предлагаю самымъ хозяйственнымъ образомъ, распредѣливъ на сроки. Можетъ быть негодовать будутъ на меня, что я нахожу нѣкоторыя вещи въ одеждѣ солдата несвойственными здѣшнему климату и представляю о перемѣнѣ ихъ, но я не виноватъ, что здѣсь солнце болѣе согрѣваетъ, нежели у васъ, и что здѣсь природа если не большимъ трудамъ подвергаетъ солдата, то всѣ ко-

нечно совсѣмъ другаго рода. Я вижу возможность сдѣлать одно постановленіе для войскъ по всему пространству Россіи, ибо оно у насъ существуетъ, но одной высочайшей воли недостаточно, чтобы оное равно было удобно для Камчатки и Грузіи. Вотъ мое оправданіе!

Похлопочи о производствѣ представленныхъ мною квартирмейстерскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Персіи. Я писалъ о нихъ также князю Петру Михайловичу, которому должна быть пріятна заботливость моя о его подчиненныхъ, особливо когда разборчивъ я въ испрашиваемыхъ имъ наградахъ.

Не отказывайте мнѣ въ представленіяхъ моихъ, ибо, конечно, рѣдко скромнѣе или лучше сказать скупѣе меня, тогда какъ каждые приказы должны бѣсить порядочнаго человѣка безстыдными многихъ представленіями. Напримѣръ, Глазенапъ старичишко корпуса своего дежурнаго штабъ-офицера представилъ за отличіе, а онъ будучи на Кавказской линіи дежурнымъ Портнягина вмѣсто имени своего *Гаврило* назывался *Грабило* и сей произведенъ! Отличныхъ людей ни въ одномъ вѣкѣ столько не бывало, а особливо нѣмцевъ. По простотѣ нельзя не подумать, что у одного *Барклая* фабрика героевъ! Тамъ расчислено, кажется, на сроки и каждому нѣмцу позволено столько времени занимать мѣсто, сколько онаго потребно для отысканія другаго нѣмца, сверхъ ежегодно доставляемаго *Квочкою* изъ Лифляндіи приплода. Приготавливай, любезный Арсеній, нѣмецкую типографію, не одни военныя узаконенія, но и самые приказы скоро не будетъ армія понимать на русскомъ языкѣ. Толстому Быкову будетъ подрывъ развѣ искусится въ божественномъ языкѣ.

Прочти, сдѣлай дружбу, *Духа журналовъ* нынѣшняго года въ книжкѣ 6-й статью о конскрипціи въ прусскихъ владѣніяхъ. За это можно вступиться, ибо тамъ одежда солдата по образцу нашему. Я уже не говорю, что по свойству можно бы защищать нѣкоторую невинную наклонность къ наградамъ. Если такіе злые будутъ сатиры, то хотя запирай экзерциргаузы и сколько должно погибнуть знаменитыхъ мужей симъ искусствомъ прославившихся. Прахъ Клейнмихеля содрогнется!

Для разныхъ здѣсь казенныхъ строеній поручено купить столярный инструментъ въ Петербургѣ. Къ тебѣ явится человѣкъ, у котораго будетъ записка Вельяминова, чтобы онъ къ тебѣ ихъ представилъ. Прикажи, почтенный Арсеній, хотя по частямъ сей инструментъ сюда доставить.

Сію минуту признался *Мадатовъ*, что онъ къ тебѣ писалъ разныя обо мнѣ мерзости, что я отъ скупости берегу казенныя вещи и только дарю одними футлярами. Онъ первый испыталъ сію умѣренность въ

расходахъ надъ собою, ибо ему отпускается столько прогоновъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ половину дороги ходитъ пѣшкомъ, и уже въ пищѣ ограниченъ или скромнымъ завтракомъ изъ сорочинскаго весьма дешеваго здѣсь пшена или нѣкоторымъ количествомъ производимаго здѣшнимъ краемъ шафрана.... У него нѣтъ гроша денегъ и онъ продаетъ свои эполеты, чтобы имѣть обѣдъ раза два въ недѣлю.

Воейковъ квартирмейстерскій офицеръ, думаю, доставилъ уже тебѣ мои о Персіи записки. Я предупредилъ тебя, что онѣ ничего дѣльнаго въ себѣ не заключаютъ и изъ нихъ ничего не узнаешь ты о Персіи, но ты хотѣлъ имѣть ихъ и я тебѣ повиновался.

Время кончать, ибо и дѣло и вздоръ все я переговорилъ. Прощай! Пиши, если достанетъ у тебя время, ибо читая твои письма я могу сказать одно имѣю пріятное время. Несносна здѣсь жизнь и отягчена большими заботами, не долго можно пробыть здѣсь человѣку, который все время свое любитъ употреблять на службу, не станетъ силъ и возьметъ чортъ. Фельдъегерь прапорщикъ Яковлевъ пріѣхалъ сюда судя по состоянію дороги чрезвычайно скоро и во все время здѣсь прекрасно велъ себя. Ободри его какимъ нибудь награжденіемъ или ласкою.

165.

26-го марта 1818 г. Тифлисъ.

Отлагаю писать къ тебѣ пространнѣе до другаго фельдъегеря и съ симъ пишу только нѣсколько строкъ, но отложить не могу благодарности моей не за одно увѣдомленіе о моемъ производствѣ, но и за то, въ чемъ ты по деликатности твоей не признаешься: за стараніе и хлопоты о томъ. Можно-ли благороднѣе и великодушнѣе сдѣлать поступокъ того, что ты писалъ съ фельдъегеремъ къ старику отцу моему? Мнѣ казалось, что я коротко тебя знаю, но я безпрестанно открываю новыя качества благороднѣйшей души твоей, которыя почитать обязанъ, и если бы отдалъ тебѣ душу мою, едва-ли бы жертва соразмѣрна была дружбѣ твоей и одолженіямъ, почтеннѣйшій Арсеній! Мнѣ сказывалъ фельдъегерь, что ты сдѣлалъ съ старикомъ моимъ. Онъ плакалъ и смѣялся въ одно время, а въ письмѣ ко мнѣ говоритъ, что онъ къ семейству своему мысленно причислилъ и тебя, любезный Арсеній, но похищаетъ у меня безцѣнное наименованіе брата, ибо таковымъ тебя называетъ.

Благодарю теперь за себя и вижу весьма какія преодолѣли вы трудности. Пожалованный мнѣ чинъ исполнилъ всѣ мои желанія и я признаюсь, что я не совсѣмъ твердую въ томъ имѣлъ надежду, предполагая не безъ основанія многія препятствія и со стороны старшихъ и со стороны завиствующихъ счастію моему, которыхъ судьба ко мнѣ благосклонная пріуготовила мнѣ во множествѣ. Съ будущимъ фельдъегеремъ пишу обо всемъ обстоятельно и къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и къ Каподистрію. Я на сихъ дняхъ ѣду на Кавказскую линію и въ самое ужасное время. Надобно нѣкоторое счастіе, чтобы проѣхать горы безопасно, но дѣлать нечего, а ѣхать вокругъ и время потеряешь много безъ пользы и поздно приняться надобно будетъ за дѣла на линіи. Прощай.

166.

17-го апрѣля 1818 г. Моздокъ.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ писалъ я къ тебѣ нѣсколько словъ, надѣясь вскорѣ за нимъ отправить другаго, но трудный чрезъ горы проѣздъ и вдругъ скопившееся множество бумагъ умедлили отправленіе его. Теперь отвѣчаю на письмо твое, которому ты далъ наименованіе *грознаго*, но мнѣ кажется ты не совсѣмъ справедливо винишь меня. Иногда возстаю я противъ нѣкоторыхъ замедленій въ разрѣшеніи представленій моихъ, но можно-ли винить противу нетерпѣнія моего, когда служба есть единственная цѣль моя. Ты скажешь, что много и безъ меня дѣлающихъ представленія и ожидающихъ разрѣшеній — правда! Но невозможно тебѣ не согласиться, что большая часть изъ таковыхъ не находится въ томъ положеніи, что все надобно начинать съ первыхъ основаній и за что ни возмешься, оно выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ и требуетъ особеннаго начальства или разсмотрѣнія или постановленія. Всѣ же прочіе, подобные мнѣ, корпусные командиры мало скучаютъ вамъ дѣлами своими, которыя, хотя и въ большомъ количествѣ стекаются у васъ, но за то по большей части, покорствуя обыкновенному ходу, удобнѣе разрѣшаются. Не вини меня, другъ почтеннѣйшій Арсеній, что я иногда тороплюсь немного, божусь, хочется что-нибудь успѣть здѣсь сдѣлать, а такъ много предметовъ требующихъ улучшенія, что по которому истребую разрѣшеніе, то я счастливъ,—и приступаю къ другому, и сія есть истинная причина моего иногда нетерпѣнія.

расходахъ надъ собою, ибо ему отпускается столько прогоновъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ половину дороги ходитъ пѣшкомъ, и уже въ пищѣ ограниченъ или скромнымъ завтракомъ изъ сорочинскаго весьма дешеваго здѣсь пшена или нѣкоторымъ количествомъ производимаго здѣшнимъ краемъ шафрана.... У него нѣтъ гроша денегъ и онъ продаетъ свои эполеты, чтобы имѣть обѣдъ раза два въ недѣлю.

Воейковъ квартирмейстерскій офицеръ, думаю, доставилъ уже тебѣ мои о Персіи записки. Я предупредилъ тебя, что онѣ ничего дѣльнаго въ себѣ не заключаютъ и изъ нихъ ничего не узнаешь ты о Персіи, но ты хотѣлъ имѣть ихъ и я тебѣ повиновался.

Время кончать, ибо и дѣло и вздоръ все я переговорилъ. Прощай! Пиши, если достанетъ у тебя время, ибо читая твои письма я могу сказать одно имѣю пріятное время. Несносна здѣсь жизнь и отягчена большими заботами, не долго можно пробыть здѣсь человѣку, который все время свое любитъ употреблять на службу, не станетъ силъ и возьметъ чортъ. Фельдъегерь прапорщикъ Яковлевъ пріѣхалъ сюда судя по состоянію дороги чрезвычайно скоро и во все время здѣсь прекрасно велъ себя. Ободри его какимъ нибудь награжденіемъ или ласкою.

165.

26-го марта 1818 г. Тифлисъ.

Отлагаю писать къ тебѣ пространнѣе до другаго фельдъегеря и съ симъ пишу только нѣсколько строкъ, но отложить не могу благодарности моей не за одно увѣдомленіе о моемъ производствѣ, но и за то, въ чемъ ты по деликатности твоей не признаешься: за стараніе и хлопоты о томъ. Можно-ли благороднѣе и великодушнѣе сдѣлать поступокъ того, что ты писалъ съ фельдъегеремъ къ старику отцу моему? Мнѣ казалось, что я коротко тебя знаю, но я безпрестанно открываю новыя качества благороднѣйшей души твоей, которыя почитать обязанъ, и если бы отдалъ тебѣ душу мою, едва-ли бы жертва соразмѣрна была дружбѣ твоей и одолженіямъ, почтеннѣйшій Арсеній! Мнѣ сказывалъ фельдъегерь, что ты сдѣлалъ съ старикомъ моимъ. Онъ плакалъ и смѣялся въ одно время, а въ письмѣ ко мнѣ говоритъ, что онъ къ семейству своему мысленно причислилъ и тебя, любезный Арсеній, но похищаетъ у меня безцѣнное наименованіе брата, ибо таковымъ тебя называетъ.

Благодарю теперь за себя и вижу весьма какія преодолѣли вы трудности. Пожалованный мнѣ чинъ исполнилъ всѣ мои желанія и я признаюсь, что я не совсѣмъ твердую въ томъ имѣлъ надежду, предполагая не безъ основанія многія препятствія и со стороны старшихъ и со стороны завиствующихъ счастію моему, которыхъ судьба ко мнѣ благосклонная пріуготовила мнѣ во множествѣ. Съ будущимъ фельдъегеремъ пишу обо всемъ обстоятельно и къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и къ Каподистрію. Я на сихъ дняхъ ѣду на Кавказскую линію и въ самое ужасное время. Надобно нѣкоторое счастіе, чтобы проѣхать горы безопасно, но дѣлать нечего, а ѣхать вокругъ и время потеряешь много безъ пользы и поздно приняться надобно будетъ за дѣла на линіи. Прощай.

166.

17-го апрѣля 1818 г. Моздокъ.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ писалъ я къ тебѣ нѣсколько словъ, надѣясь вскорѣ за нимъ отправить другаго, но трудный чрезъ горы проѣздъ и вдругъ скопившееся множество бумагъ умедлили отправленіе его. Теперь отвѣчаю на письмо твое, которому ты далъ наименованіе *грознаго*, но мнѣ кажется ты не совсѣмъ справедливо винишь меня. Иногда возстаю я противъ нѣкоторыхъ замедленій въ разрѣшеніи представленій моихъ, но можно-ли винить противу нетерпѣнія моего, когда служба есть единственная цѣль моя. Ты скажешь, что много и безъ меня дѣлающихъ представленія и ожидающихъ разрѣшеній — правда! Но невозможно тебѣ не согласиться, что большая часть изъ таковыхъ не находится въ томъ положеніи, что все надобно начинать съ первыхъ основаній и за что ни возмешься, оно выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ и требуетъ особеннаго начальства или разсмотрѣнія или постановленія. Всѣ же прочіе, подобные мнѣ, корпусные командиры мало скучаютъ вамъ дѣлами своими, которыя, хотя и въ большомъ количествѣ стекаются у васъ, но за то по большей части, покорствуя обыкновенному ходу, удобнѣе разрѣшаются. Не вини меня, другъ почтеннѣйшій Арсеній, что я иногда тороплюсь немного, божусь, хочется что-нибудь успѣть здѣсь сдѣлать, а такъ много предметовъ требующихъ улучшенія, что по которому истребую разрѣшеніе, то я счастливъ,—и приступаю къ другому, и сія есть истинная причина моего иногда нетерпѣнія.

На мнѣ сидятъ также министры ваши, отъ которыхъ надобно отдѣлываться. Сей фельдъегерь везетъ кучи бумагъ къ Нессельроде и Каподистрію. Моя политика какъ-то не встрѣтилась съ нынѣшними правилами благочестія, основаннаго на священномъ законѣ; надобно было пространное объясненіе. Предложенія мои не годились и я по даннымъ мнѣ наставленіямъ долженъ дѣла мои съ Персіею вести на точномъ духѣ христіанства и истинъ библейскихъ. Кто хотя мало знаетъ персіянъ, никакъ согласиться на сіе не можетъ. Я знаю обязанность повиновенія и въ строгомъ смыслѣ буду поступать какъ приказываютъ, но дабы не упрекнули, что я не сказалъ своихъ мыслей и желая оправдать свое впредь поведеніе, я написалъ мое мнѣніе, смиривъ сколько возможно перо мое, которое нерѣдко слѣдуетъ за кипящимъ моимъ характеромъ. Будь остороженъ, любезный Арсеній, и не говори, что я тебѣ о семъ пишу, мнѣ можетъ сіе много повредить.

Благодарю за поздравленіе меня съ чиномъ, но я по справедливости долженъ еще болѣе благодарить тебя за старанія въ пользу мою. Мнѣ старикъ П. И. Миллеръ все обстоятельно пишетъ, что ты какъ истинный другъ не могъ бы болѣе принимать участія для роднаго брата. Скажи, Арсеній, что ты за пречудесное созданіе, и когда могу я заслужить дружбу твою?

Вы важную одержали побѣду надъ супостатами разныхъ племенъ и закона. Все попалось подъ одинъ почеркъ!

Я воображаю, какими смотрѣли на васъ глазами всѣ обиженные. Нельзя было имъ не догадываться, что ты и Петраханъ (кн. П. М. Волконскій) мнѣ благопріятствовали. Вы по должности своей слишкомъ выставлены на виду, чтобы дѣйствія ваши были непримѣтными и ты, почтеннѣйшій Арсеній, сколько, впрочемъ, ни *М—па* (Мазена), вѣрно въ семъ случаѣ никого не надулъ, ибо любя меня показалъ удовольствіе и радость. Какъ нарочно всѣ старшіе *нькогда товарищи мои*, нынѣ подчиненные *) собрались въ Москву, чтобы торжествовать мое производство, и вы не хотѣли трудовъ ихъ сдѣлать напрасными, вы ихъ утѣшили! Я представляю длинныя рожи, дрожащіе голоса, рожи плачевныя! Вижу угрозы оставить службу, вижу упреки отечеству неблагодарному! Вижу *Яшвиля*, который отвергаетъ возможность, чтобы кто другой удостоился награжденія, когда онъ не имѣлъ случая заслужить его.

Я могу большимъ числомъ считать умножившихся друзей моихъ,

*) Каково мы нынѣ говоримъ? Совсѣмъ не гордо и простосердечно! Прим. Ермолова.

ибо не противъ однихъ только виноватъ я старшихъ, но и противъ тѣхъ, которые превосходятъ меня рожденіемъ, воспитаніемъ, знатными связями, извѣстностію у двора и проч. и проч. Тутъ входятъ всѣ завидующіе, которые на старшинство не смотрятъ. Но какъ бы то ни было я восхищенъ милостію Государя и признателенъ и тебѣ, какъ истинному другу. Признаюсь, что радостію моею много обязанъ я тому, что Государь наградилъ во мнѣ простаго солдата, усерднаго къ службѣ его и не остановился за тѣмъ, что имя мое не столько знакомо общему слуху или не такъ пріятно звучитъ въ ушахъ, какъ имя воспоминающее знаменитыя заслуги или происшествія, то-есть, что Государь не основывается на томъ, что достоинства праотцевъ должны быть непремѣнно наслѣдіемъ потомковъ, а смотритъ на дѣла каждаго. Иначе и тебѣ и мнѣ, какъ и подобнымъ намъ, доставались бы въ удѣлъ большіе труды и весьма малыя пріятности.

По совѣту твоему отпустилъ важныя письма къ *Петрахану* (князю П. М. Волконскому) и *Каподистрію* и благодарю тебя какъ друга, что сообщилъ мнѣ мысль свою, а ты, сдѣлай мнѣ одолженіе, скажи Петру Ивановичу (Меллеру-Закомельскому?) какъ я благодаренъ ему за его старанія. По истинѣ говорю, что я въ этомъ человѣкѣ имѣлъ и начальника достойнѣйшаго и благодѣтеля, который всегда желалъ мнѣ добра и давалъ полезные совѣты.

Ты увѣдомляешь меня объ описаніи военныхъ 1812 года дѣйствій, составленномъ фельдмаршаломъ Барклаемъ и не прежде соглашаешься доставить оное ко мнѣ, какъ взявъ прежде отъ меня слово, что я не пущусь въ дружескую съ нимъ переписку. Если сочиненіе сіе не печатное и не выпущенное въ публику, а только имъ самимъ раздаваемое нѣкоторымъ особамъ по довѣренности, то я и не смѣю тебя выдавать нескромностію моею; если же печатное дойдетъ до меня и тогда противъ тебя я не погрѣшаю и могу возражать какъ Богъ по сердцу положитъ мнѣ. Во всякомъ случаѣ могу тебя увѣрить, что мнѣ теперь заниматься симъ нѣкогда и время на то терять я не стану. Долженъ однако же я замѣтить, что Барклай не прежде взялся за сочиненіе, какъ пріобрѣлъ въ семейство свое людей писать умѣющихъ. И какъ вся фамилія засядетъ писать, то не дай Господи съ ними и связаться, а собственныя его способности сочинять тебѣ лучше каждаго извѣстны. И такъ, присылай сіе достопамятное твореніе, а мы станемъ любоваться.

Описаніе или лучше сказать весьма глупыя и пустыя записки о вояжѣ моемъ въ Персію, я отправилъ къ тебѣ въ Москву съ прапорщикомъ квартирмейстерской части *Воейковымъ*, но его, по мудрому

распоряженію *Вязмитинова*, такъ долго держали во всѣхъ карантинахъ, что онъ не засталъ тебя уже въ Москвѣ и не знаю что съ ними сдѣлалъ. Онъ, какъ слышалъ я, возвращается опять въ Грузію и если не отослалъ онъ ихъ къ тебѣ, то получа отъ него обратно, пришлю съ фельдъегеремъ. Теперь у меня остается кромѣ Стабуша одинъ фельдъегерь Силинъ, то присылай какого-нибудь еще, ибо по отправленіи буде потребуютъ обстоятельства Силина, останется Стабушъ, котораго я берегу на случай послать въ Персію, какъ человѣка весьма скромнаго и отлично благороднаго въ поступкахъ. Дубининъ прекраснаго поведенія и какъ красная дѣвушка, возьми его на благосклонное замѣчаніе, онъ благонадежный молодой человѣкъ.

Сію минуту раскрылъ конвертъ, содержащій вопросъ: можно-ли Астраханскій гарнизонный полкъ обратить во внутреннюю стражу? Я буду отвѣчать вамъ о причинахъ, по коимъ сіе невозможно и я къ несчастію вижу, что сіе обстоятельство оставляетъ на рукахъ моихъ *Дельноццо*. Ради Бога и службы возьмите сего человѣка, я уже на сей сторонѣ кавказскихъ горъ, тамъ, гдѣ онъ командуетъ, слѣдовательно еще основательнѣе говорю вамъ, что онъ здѣсь не надобенъ. Не прими, почтеннѣйшій братъ Арсеній, сіе за сѣтованіе мое. Я бы желалъ, чтобы ты его видѣлъ и только пять минутъ и, конечно, онъ долѣе бы не числился въ здѣшнемъ мѣстѣ.

Прощай, о всемъ что здѣсь дѣлать буду, кромѣ должныхъ донесеній, буду тебѣ писать какъ другу. Не обвиняй меня, если немного буду строгъ въ искорененіи закоснѣлыхъ на линіи мошенничествъ и потребую истребленія разбойниковъ. Зло такъ уже велико, что требуетъ крутыхъ и сильныхъ мѣръ. Развращеніе отъ слабости и корыстолюбія многихъ начальниковъ въ верховной степени. Прошу помогать въ истребленіи и не ослабѣть отъ состраданія. Люби по прежнему вѣрнаго и преданнаго по смерть *А. Ермолова*.

Прибавленіе. По приказанію твоему препровождаю у сего вѣдомость представленныхъ мнѣ, на кои не послѣдовало еще отвѣта. Вижу восхищеніе твое, что по частямъ тобою управляемымъ почти нѣтъ ни одной бумаги безъ отвѣта, и ежели находятся нѣкоторыя, то потому, что тебѣ нужно по онымъ объясненіе и толкованіе съ другими. Просмотри, сдѣлай дружбу, сію вѣдомость и порадуйся на вашего министра. Я помню слова твои и право думать начинаю, что съ именемъ военнаго министра неразлучна черная книга, извѣстная подъ именемъ *Оматъ*. Онъ не виноватъ—это уже судьба такая! Есть, братъ Арсеній, и за *Потемкинымъ* (кн. П. М. Волконскимъ) залеглыя бумаги, да теперь

уже и дѣлать нечего, имъ, я думаю, кружать голову разными пирами и торжествами. Съ симъ вмѣстѣ представляю я о увольненіи отъ службы 9-го егерскаго полка командира полковника Якимова за болѣзнію, и объ утвержденіи на мѣсто его подполковника *Реутта*, славнѣйшаго и рѣдкаго офицера. Исходатайствуй, другъ любезный, первому, какъ хорошему и бѣдному офицеру, просимое мною денежное награжденіе. Я для облегченія сего нарочно прошу деньги изъ экстраординарной моего распоряженія суммы.

Въ 9-мъ егерскомъ полку есть по списку полковникъ *Анненковъ*, но онъ отправляетъ должность коменданта въ Тифлисѣ, а ему можно будетъ отыскать другой современемъ полкъ, а въ егерскомъ надобенъ офицеръ, знающій землю, родъ войны и сосѣдей. Я не посылаю просьбы Якимова, но за симъ не затрудняйся, и если надобно необходимо, то я послѣ доставлю. Если же безъ того невозможно его уволить отъ службы, то, по крайней мѣрѣ, за болѣзнію его и отсутствіемъ отъ полка, утвердите Реутта командиромъ, а между тѣмъ, придетъ чрезъ нѣсколько времени и его просьба. Онъ въ Карабагѣ сдаетъ полкъ и далеко.

Раскрываю письмо для того, чтобы сказать, что сейчасъ отъ тебя прибылъ фельдъегерь и привезъ мнѣ два письма, которыя едва успѣлъ я пробѣжать и готовлю себѣ удовольствіе прочитывать со вниманіемъ, когда буду на свободѣ и дадутъ мнѣ покой *пилильщики*. Фельдъегеря не задержу. Прощай.

167.

Получено 13-го мая 1818 года.

Два письма твои отъ 29-го марта и 4-го апрѣля получилъ.—Ты знаешь, что господствующая страсть моя есть служба и потому въ чувствахъ моихъ принадлежитъ тебѣ благодарность во-первыхъ за то, что вообще дѣлаешь ты для службы и мнѣ вспомоществуешь быть полезнымъ, ибо по дѣламъ военнымъ имѣю я разрѣшенія и скорыя и удовлетворительныя; во-вторыхъ, благодарю тебя за письма; ты, какъ добрый другъ, отнялъ у себя время малаго своего отдохновенія. Люблю тебя, Арсеній, и всякій разъ болѣе научаюсь почитать благороднѣйшія свойства твои, которыя рѣдко природа сотворяетъ. Это написалъ бы я тебѣ кровью моею! правдѣ Богъ свидѣтель!

По условію, то есть не по порядку и что пришло въ голову.

Скажи, Арсеній, какой злой духъ изощрилъ тебя искусству наду-

вать меня! ты, кажется, сочеталъ меня вѣчнымъ союзомъ съ *Дренякинымъ* и *Загорскимъ*? Отдѣлался отъ меня шутками и одно даешь мнѣ утѣшеніе, что подобными обогащены и прочіе корпуса. Какое могущественное средство къ успокоенію! Скажи правду, другіе подобные мнѣ начальники вопіютъ-ли на злую участь свою какъ я? Если нѣтъ, то отдай мнѣ справедливость, ибо молчаніе въ такомъ случаѣ есть верхъ гордости потому, что они думаютъ недостатки другихъ дополнить своими способностями, а я лучше хочу признаться, что мнѣ нужны помощники и на часть каждаго удѣливъ труды, отдать и то что принадлежитъ ихъ достоинствамъ. Правда, что весело взглянуть въ списокъ генеральскій, кажется счастіе для всѣхъ было одинаково щедро.

Назначеніе Дренякина *гевальдигеромъ* въ Персидскую армію такъ чудесно, что думаю я и *Толь* лучше бы не придумалъ.

Печерскій весьма хорошій старикъ. По новому внутренней стражи росписанію видно, что получилъ мѣсто; но ты получишь мнѣніе мое на счетъ Астраханскаго гарнизоннаго полка и внутреннихъ баталіоновъ въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи и онъ будетъ опять безъ мѣста. Ты найдешь мнѣніе мое справедливымъ и поддержи его.—Признаніе въ ошибкѣ моей совсѣмъ необыкновенно, но для службы полезное, чтобы я не скрылъ оную. Пестель у меня въ отличныхъ людяхъ, но шутки въ сторону я доволенъ тѣмъ, что онъ вѣрный исполнитель и боясь меня какъ чумы дѣлаетъ что можетъ точнѣйшимъ образомъ. Какъ вы по секрету отпустили фельдмаршала за границу и въ приказѣ не хотѣли отдать, а болтливыя газеты всему свѣту тайну сію сообщили? Скажи Петру Михайловичу, что я объ отбытіи героя узналъ и что теперь некого уже поставить противъ меня. Вотъ благопріятствующая минута и я уже начинаю забирать въ плѣнъ старика *Дельпоццо* съ его сонным войскомъ. На первый случай и то не худо!

Полкъ 8-й егерскій подоспѣлъ во-время, жаль только что молодъ и не видывалъ непріятеля. Сего бы и Барклай одолѣлъ! Но шутки въ сторону, онъ такъ молодъ, что боясь чтобы не растащили его чеченцы или черкесы, я на первую зиму располагаю его въ квартирахъ сколько можно далѣе отъ границы. Полковникъ старательный молодой офицеръ и полкъ уже около Георгіевска и приведенъ въ порядокъ.

Чеченцы друзья наши, кажется, уже надуты. По пріуготовленіямъ думалъ я, что они оставятъ ближайшія селенія и разбѣгутся, но они лучше сдѣлали, они въ совершенной безпечности, что я по примѣру прежнихъ на линіи начальниковъ дождусь глубокой осени и когда лѣсъ обнажится отъ листьевъ, пойду пожигать ихъ селенія, изъ которыхъ

обыкновенно удалятъ они своихъ женъ и лучшее имущество и наши рыцари придутъ, пожгутъ пустые дома, потеряютъ множество людей и всѣ подвиги заключатъ лживыми и пышными реляціями.

Я, напротивъ, прикинулся не желающимъ другаго какъ оградить себя отъ хищничествъ и разбоевъ, увѣряю ихъ, что они люди честные, не мѣшаю въ сельскихъ ихъ работахъ и занятіяхъ, а посѣянный ими хлѣбъ возьму на себя трудъ жать солдатами и сѣно ихъ скошу въ пользу войскъ. Теперь, чего никогда еще здѣсь не бывало, открываю подряды на перевозку къ Сунжѣ провіанта и нѣкоторое количество берутся ближайшія чеченскія деревни перевозить за плату, которая не выше будетъ той, что даемъ мужикамъ нашимъ. Въ нынѣшнемъ году не успѣлъ я занять всей Сунжи, а въ будущемъ нѣкоторыя изъ деревень, кои называются *мирными* и кои дѣлаютъ намъ ужаснѣйшій вредъ, получатъ благосклонное приглашеніе удалиться въ горы и оставить прекраснѣйшія земли свои въ пользу стѣсненныхъ казаковъ нашихъ и вѣрныхъ намъ и добрыхъ нагайцевъ, около Кизляра живущихъ. Удалиться въ горы значитъ на пищу св. Антонія. Не надобно намъ употреблять оружія, отъ стѣсненія они лучше насъ другъ друга истреблять станутъ. Вотъ вѣрнѣйшій планъ, котораго если бы держались мои предмѣстники давно бы мы были покойнѣе на линіи. Ты слегка говори объ немъ, почтенный Арсеній Андреевичъ, ибо я и безъ того слыву уже человѣкомъ, для котораго нѣтъ затрудненія въ выборѣ способа. Однако-же со всѣмъ тѣмъ сегодня имѣю рапортъ, что одинъ весьма богатый кизлярскій купецъ, недавно схваченный и за выкупъ котораго просили 10,000 серебромъ, возвращенъ и намъ не стоитъ ни гроша. Я тоже употребилъ средство, какъ для *Швецова*, велѣлъ посадить въ крѣпость нѣсколько богатыхъ кунаковъ чеченскихъ и секвестровать скотъ—и армянинъ тотчасъ доставленъ. Не мудрая, но спасительная тактика, ея здѣсь знать не хотѣли!

Жаль почтеннаго старика Петра Ивановича, котораго должна убивать смерть его сына и смерть въ глазахъ благомыслящаго человѣка не оставляющая по себѣ сожалѣнія.

Напиши, когда узнаешь истинную тому причину. Я предполагаю любовь, ибо молодой сей человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необычайно воздержаный, не могъ, кажется, быть подверженнымъ другой страсти. Петръ Ивановичъ увѣдомляетъ, что онъ получилъ по службѣ пріятность, но не говоритъ какую. Напиши о семъ также, ибо я почитаю старика ко мнѣ постоянно благорасположеннаго.

Я посылаю тебѣ формальную бумагу о необходимости дать здѣшнимъ казакамъ хорошихъ полковыхъ командировъ регулярной кавалеріи.

ибо безпорядки достигли до неимовѣрной степени. Поторопитесь прислать ихъ, потому что во время моего здѣсь пребыванія казаки все сдѣлаютъ что только я хочу, безъ меня не такъ ловко будетъ. Великая была бы твоя дружба, если бы въ числѣ сихъ присланъ былъ маіоръ или подполковникъ *Петровъ*, служащій въ Александрійскомъ гусарскомъ полку, онъ мнѣ здѣсь былъ бы полезенъ въ полку на границѣ чеченской. Я знаю его способности и умъ. Не мѣшало бы, если бы съ ними присланы были хотя по одному хорошему оберъ-офицеру.

Нельзя видѣть безъ досады, въ какомъ разстройствѣ славные казаки. Прежніе здѣсь многіе начальники кромѣ *Дельпоццо*, человѣка честнаго, требовали отъ казачьихъ начальниковъ непозволительныхъ угожденій, какъ то и лошадей и скота изъ полученной добычи и даже изъ воровства части и за все, то надобно было сквозь пальцы смотрѣть на ихъ безпутства, а потому теперь средствами обыкновенными поправить невозможно.

Благодарю за прекрасную рѣчь, говоренную новымъ царства Польскаго подданнымъ. Счастливы поляки толикимъ о нихъ попеченіемъ и гордость сродная надменному сему народу питается тѣмъ, что они впослѣдствіи должны служить намъ примѣромъ. Судьба на дала имъ другаго рода торжества надъ нами, по крайней мѣрѣ льститъ имъ со стороны образованности и просвѣщенія. Это не относится вообще къ народу, который несравненно глупѣе нашего, но собственно касается возвышеннаго класа онаго, то есть дворянства. Это намъ привѣтствіе! Ты требуешь на сіе откровенныхъ моихъ мыслей, онѣ конечно не будутъ различествовать отъ твоихъ.

Я думаю судьба не доведетъ насъ до униженія имѣть поляковъ за образецъ и все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны. Въ Польшѣ классъ дворянства издавна истребилъ въ понятіи и чувствахъ простаго народа свободу и поселянинъ заключаетъ ея въ одномъ томъ смыслѣ, когда безпрепятственно можетъ онъ въ корчмѣ жида пропивать свое благосостояніе. Въ Польшѣ простой народъ, если бы и разсуждалъ о предметахъ, то безпутнымъ долгое время существовавшимъ правленіемъ, провождаемъ будучи отъ одного измѣненія къ другому, можетъ ожидать въ перемѣнѣ выгодъ, но онъ не разсуждаетъ, а допускаетъ всегда дѣйствовать одно дворянство. У насъ народъ удобенъ разсуждать исключительно въ свою пользу, которую весьма понимаетъ и по малому еще образованію не допускаетъ совмѣстность пользъ другаго состоянія людей, а потому власть дворянства есть необходимая сила для удержанія равновѣсія и выгода правителя состоитъ въ точномъ опредѣленіи сей

силы, ибо чрезмѣрность съ той или другой стороны лишаетъ его власти ему приличествующей и которая по свойству народа, по обширности земли, по многосложному составу разнообразныхъ частей, необходима въ той степени, которая для всякаго другаго народа была бы излишнимъ и тягостнымъ. Напрасно думаютъ, что дворянство въ Россіи много потеряетъ отъ перемѣны: оно сыщетъ способъ извлечь пользу изъ своего положенія по мѣрѣ той надобности, которую имѣетъ простой народъ, не въ состояніи будучи найти въ себѣ самомъ всѣ способы, замѣнить его по непросвѣщенію своему, а потеряютъ одни правители, лишась дворянства яко подпоры, ибо оное соединя близко свои выгоды съ народомъ, найдетъ пользу быть съ его стороны и въ рукахъ правителя останется одна власть истребленія, то есть силою оружія заставлять покорствовать народъ своей волѣ, когда законы запрещаютъ раболѣпствовать предъ нею! Вотъ мои мысли, и я очень вѣрю, что при моей жизни не послѣдуетъ никакой перемѣны, то есть Государь при жизни своей оной не пожелаетъ.

Я заболтался и также сокращу какъ ты.

Копіи съ шести писемъ въ 1812 году въ большой мнѣ вредъ изобрѣтенныхъ я не имѣю, ибо тебѣ извѣстна привычка моя писать на бѣло. Я самъ желалъ бы имѣть ихъ теперь, какъ памятникъ пылкости и можетъ быть неблагоразумія тогдашнихъ моихъ лѣтъ и хотѣлъ бы сдѣлать повѣрку такъ-ли бы теперь я видѣлъ вещи. Я ни минуты не замедлилъ бы прислать ихъ тебѣ, если бы у меня хотя одна строчка была.—Въ одномъ изъ нихъ важно надулъ я брата *М—ну* (Мазепу), и теперь вспоминаю съ восхищеніемъ о томъ, ибо я сказалъ правду и съ наилучшимъ намѣреніемъ. Не понимаю, какъ тогда живши всегда вмѣстѣ не могъ я показать тебѣ. Сему не могло быть другой причины, какъ и твои и мои тогдашніе хлопоты, ибо подобнаго письма не могъ я имѣть выгоды скрывать отъ тебя и на твое же свидѣтельство ссылаясь. Скажи, Арсеній, не упоминаетъ-ли чего о томъ *Барклай* въ своихъ запискахъ, ты какъ-то подозрительно меня спрашиваешь. Если догадки мои справедливы, то онъ хватилъ насъ обоихъ *ножичкомъ*. А ты взялъ съ меня обѣщаніе не возражать. Погубилъ ты меня!

Когда нибудь отъищемъ нѣкоторыя о 1812 годѣ записки. Теперь онѣ разбросаны и замараны, а тебѣ какъ другу я ихъ со временемъ непремѣнно сообщу.

Ты увѣдомляешь, что *Воейковъ* доставилъ тебѣ записки о поѣздкѣ моей въ Персію. Я сказалъ тебѣ, что я писалъ ихъ для смѣха, и хотя въ нихъ все справедливо, но представлено въ шуточномъ видѣ, но когда

увидимся, я покажу тебѣ что я писалъ пообстоятельнѣе. Теперь ты самъ отъ меня ихъ не потребуешь. Когда прочтешь ихъ, сдѣлай дружбу пришли ихъ обратно, ибо у меня остались клочки и въ такомъ безпорядкѣ, что я ихъ собрать не могу.

Ты шутишь на счетъ проекта моего о крѣпостяхъ и оборонѣ оныхъ независимо отъ войскъ корпуса. Ты, какъ истинный русскій, долженъ употребить весь свой кредитъ для поддержанія проекта сего, въ немъ первое достоинство то, что нѣтъ ни малѣйшей пользы для составившаго оный, ибо невозможно, чтобы въ странѣ сей пробылъ я столько времени, что построятся и въ совершенномъ порядкѣ учредятся крѣпости; что гарнизоны, кои первоначально употребятся на работу, успѣютъ потомъ быть въ приличномъ воинственномъ видѣ. Столько времени при моей дѣятельности я не вынесу. А къ тому скажу тебѣ, какъ другу, что въ три и четыре года сосѣди наши не придутъ еще въ такое состояніе, чтобы были для насъ весьма опасными, да къ тому я не даромъ былъ въ Персіи, *ибо тамъ нашелъ способы, какъ вредить ей болѣе, нежели нашими крѣпостями,* но и то скажу тебѣ, *что заступившій мое мѣсто, сихъ способовъ можетъ быть имѣть не будетъ.* Я современемъ дамъ тебѣ объясненіе сихъ подчеркнутыхъ строкъ, а ты и самъ смѣкать умѣешь. *Бога ради молчи о семъ!*

Видишь-ли, почтенный Арсеній Андреевичъ, что я хлопочу не за себя, а за того, кто будетъ послѣ. Увидите, что по быстрому ходу всѣхъ воинственныхъ въ Персіи учрежденій, ему не такъ уже легко будетъ, и что потерявъ теперешнее время, поздно будетъ помышлять о семъ послѣ. Не дожить бы до стыда, не зная другаго, кромѣ славы! Еще повторю: употреби свой кредитъ и взгляни со вниманіемъ на сроки, которые положилъ я на составленіе гарнизоновъ и ты еще болѣе убѣдишься, что я не въ свою собственную пользу толкую. Не будѣте имѣть ни одного на моемъ мѣстѣ, который бы такъ мало помышлялъ о войнѣ, какъ я. Къ моимъ проектамъ можно быть довѣрчивѣе. Скажи мнѣ не шутя мысли свои о семъ проектѣ, не говоря о перемѣнѣ амуниціи, за которую можетъ быть и побранятъ, но она не составляетъ важнаго пункта, а я лишь бы сказалъ правду, брани не боюсь!

Успокой Петрахана (кн. П. М. Волконскаго), я право начинаю вѣрить, что онъ иногда чортъ знаетъ что обо мнѣ мыслитъ, а какъ еще подумаешь, что ему маршировать вмѣсто Барклая, то прощай всѣ мои проекты. Съ нимъ можно примириться тѣмъ, что прежде могутъ выступить Витгенштейнъ и Милорадовичъ!!! О назначеніи перваго изъ сихъ во 2-ю армію ты писалъ ко мнѣ о носящемся слухѣ, но скажи, что второй

значитъ въ представительномъ правительствѣ, въ новомъ нашемъ царствѣ? Помнится мнѣ, что ни въ одной конституціи въ свѣтѣ нѣтъ особеннаго законоположенія о шутахъ. Зачѣмъ выпустили вы его въ Варшаву, на немъ Андреевская лента и сердце мое обливается кровью, вспоминая *о чинѣ его*. Примѣчаешь-ли, что я уже о семъ весьма забочусь. Какъ не завидовать генералъ-лейтенантамъ, имъ нѣтъ никакой нужды быть неравнодушными. Исторія производства моего чрезвычайно интересна. Ты, почтенный Арсеній, и самъ поступалъ и другихъ подстрекалъ важно. Какъ отчаянно дѣйствовалъ Петраханъ, скажи не задалъ-ли ты ему шпанскихъ мухъ!

Совершенно справедливо мнѣніе твое, что съ чиномъ никакого награжденія сравнивать нельзя, но что благоволительный рескриптъ гораздо лучше и лестнѣе 1-го Владиміра. Симъ послѣднимъ вы бы меня исправно рѣзанули.

По дружескому твоему совѣту я благодарилъ Петрахана и Каподистрія, но слегка, ибо письма ихъ могутъ быть прочитаны, я боялся сдѣлать имъ самимъ вредъ. Теперь прилагаю у сего по запискѣ каждому, которыя удержи у себя и отдай самъ, какъ они возвратятся.

Весьма непріятно мнѣ было прочесть то, что пишешь о братѣ Михайлѣ (графѣ Воронцовѣ). Какъ онъ съ чудесною своею дѣятельностію не успѣлъ достать ко времени ремонты? Но впрочемъ, если и чувствительно было получить о томъ указъ, лучше было бы признаться въ неосмотрительности, нежели писать, что онъ примѣчаетъ дѣлаемыя ему неудовольствія. Подобное письмо можетъ быть причиною непріятнаго на счетъ его заключенія и недостойно его, ибо кто согласится съ нимъ, чтобы имѣли въ виду огорчать его при его способностяхъ, при его рвеніи въ службѣ, которую предпочитаетъ онъ всѣмъ прочимъ занятіямъ, при заслугахъ имъ оказанныхъ? Кто не понимаетъ, что Государю пріятно и даже удобно благотворить такому человѣку, котораго достоинства подкрѣпляемы и знатною породою и извѣстнымъ именемъ и памятію заслугъ праотцевъ. Многіе подумать могутъ, что онъ человѣкъ недовольный! Ты, почтенный Арсеній Андреевичъ, долженъ остерегать его, какъ человѣка тебя душевно любящаго и при подобныхъ указахъ предупредить, что ему дѣлать, особливо зная его характеръ. Онъ всеконечно будетъ тебѣ благодаренъ, а то съ нимъ случится, что со всѣми, имѣющими завистниковъ, что воспользуются обстоятельствами и будутъ искать вредить. Говоря съ тобою откровенно, могу сказать, что до сего доводитъ брата Михайлу чрезмѣрная его тонкость и онъ, конечно, рѣшившись послать письмо, имѣлъ что-нибудь въ предметѣ, что мы съ тобою оба не понимаемъ. Зачѣмъ

ему необыкновенныя средства, онъ имѣетъ столько выгодъ съ своей стороны, что ему довольно одной прямой дороги?

Прелюбопытно описаніе воинскаго поселенія, но я трудно его понимаю, ибо оно совсѣмъ измѣнилось противъ прежняго предположенія. Тамъ выгоняли поселянъ на кочевье, чтобы воспользоваться ихъ землею, а теперь поселяне кажется хотятъ бросить землю, но ихъ бѣжать не пускаютъ. Не зная постановленій, не могу ничего сказать; я письмомъ прошу графа Аракчеева прислать мнѣ узаконенія о семъ новомъ совершенно учрежденіи. Нельзя не удивиться, какія орудія избраны для приведенія въ исполненіе сего труднаго и многосложнаго плана. Лисаневичъ, Виттъ, Княжнинъ и Александровъ не самые благонадежные залоги въ успѣхѣ. Я постигаю возможность здѣсь сдѣлать хорошія заведенія, но совсѣмъ въ другомъ родѣ и здѣсь они не представляютъ ни малѣйшей опасности, ибо поселяне, угрожаемые отъ сосѣдей опасностію, весьма близки къ воинственному состоянію и знакомы съ оружіемъ, то истинная перемѣна будетъ состоять болѣе въ званіи или имени нежели въ самой вещи, но и къ сему не иначе приступить должно, какъ съ чрезвычайною осторожностью. Я о семъ буду думать и составлю замѣчаніе; теперь собственно изъ осторожности запасаюсь разными свѣдѣніями.

Не можно-ли, почтенный Арсеній Андреевичъ, достать въ дѣлахъ бывшей военной коллегіи постановленіе о поселеніи гусарскихъ полковъ изъ сербовъ и молдаванъ на Днѣпровской линіи. Оно, кажется, мнѣ проектировано было генераломъ (Алексѣемъ Петровичемъ) Мельгуновымъ въ 1764 или близкихъ годахъ. Сдѣлай дружбу, прикажи порыться въ бумагахъ, а между тѣмъ я пишу на удачу къ екатеринославскому губернатору, нѣтъ-ли тамъ какихъ слѣдовъ онаго. Кто сей молодецъ, который бы отыскалъ въ военной коллегіи планъ *графа Захарія Григорьевича Чернышева* о поселеніи войскъ и противъ коего Екатерина II возразила однимъ тѣмъ только, что въ такомъ большомъ количествѣ соединенные военные люди могутъ быть опасными внутреннему спокойствію государства. Извѣстно тебѣ, что человѣкъ сей былъ одинъ изъ умнѣйшихъ, каковыхъ производитъ природа, и легко быть можетъ, что у него найдемъ мы лучшее основаніе учрежденіямъ, которыя мутятъ теперь головы и нерѣдко заставляютъ поступать ощупью тамъ, гдѣ можно бы идти съ большею вѣрностью при свѣтѣ опытности. Не заставляй отыскивать своего собственнаго Княжнина, онъ сообщитъ другому, подъ мудрымъ коего наблюденіемъ процвѣтаютъ нынѣшнія поселенія,

мы вызовемъ сильную вражду и препятствія разнаго рода, если когда надобно будетъ приняться за дѣло.

Спасибо за прапорщика Яковлева, что ты простилъ его поступокъ. То, что другіе дѣлаютъ строгостію, ты имѣешь даръ исправлять великодушіемъ. Одно другаго гораздо лучше! Старикъ нашъ графъ Беннигсенъ, какъ ты говоришь, идетъ въ отставку. Жаль было бы еще болѣе достойнаго сего человѣка, если бы ему двадцатью годами было менѣе, теперь и онъ уже мало способенъ. Но со всѣмъ тѣмъ вы его не вознаградили Витгенштейномъ. Совсѣмъ не удивляюсь, что *Рудзевичъ* съ симъ послѣднимъ служить не намѣренъ, человѣкъ такъ хорошо извѣстный не потерпитъ безпутства, еще менѣе взять ихъ на свой счетъ.

Формальная бумага моя покажетъ тебѣ какимъ образомъ укомплектовывается мой корпусъ людьми изъ вторыхъ баталіоновъ 1-й арміи. Ты представить не можешь, какія поступаютъ каррикатуры, но на сіе роптать не имѣю права, ибо гдѣ бы то ни было, они будучи еще годными, служить должны. Но ко мнѣ поступило и въ числѣ способныхъ, все дряхлое, вялое, неопрятное и даже бывшіе нестроевыми. Какъ можно требовать отъ сихъ людей дѣятельной и живой службы, здѣсь по истинѣ не менѣе необходимой, какъ и въ 1-й арміи. Послѣ сего удивляться будутъ, что впослѣдствіи много людей оказываться будутъ неспособными и вѣчно требовать пополненіе. Я самъ осматривалъ каждаго неспособнаго порознь со вниманіемъ, многихъ не показалъ таковыми и теперь заваливаю ими и госпитали и полковые лазареты. Сими вторыми баталіонами приказано было пополнить недостатокъ въ двухъ дѣйствующихъ, но люди мнѣ показали, что въ баталіонахъ перемѣняли наличныхъ людей. Доведи о семъ въ разговорѣ до свѣдѣнія Государя, за что здѣшній корпусъ долженъ быть вмѣстилищемъ всѣхъ мерзостей 1-й арміи. Новый главнокомандующій вашъ *Дибичъ* поступилъ не честно и не знаетъ, что дѣлалось въ полкахъ.

Прощай! люби по прежнему душевно тебя почитающаго

А. Ермолова.

Еще вторительно благодарю тебя за племянника моего Коховскаго. Если бы не настоятельность твоя, почтенный Арсеній Андреевичъ, можетъ быть и ничего бы не было, а ты Петрахана (кн. П. М. Волконскаго), такъ сказать, изнасильствовалъ. Если затрудняетъ тебя къ которому изъ Вельяминовыхъ назначить его въ адъютанты, то напиши къ моему, то-есть начальнику штаба, у него по недавности въ чинѣ еще нѣтъ онаго. Я воображаю, какую это сдѣлаетъ радость отцу его, который, имѣя его одного сына, отдалъ на службу въ армейскій полкъ унтеръ-офице-

ромъ. Хорошо, что тогда можно было скоро выпросить въ прапорщики, а могъ бы и долго не быть имъ. Онъ содержится у меня въ страхѣ Божіемъ. Ему внушается, что онъ бѣдный человѣкъ и незнатной породы и что ему надобно трудиться, чтобы службою достать что-нибудь. Переводъ въ гвардію есть такое для него счастіе, которое, конечно, онъ не ожидалъ, да и я не совсѣмъ смѣлъ на то надѣяться и пока благодѣяніе, что назначаете адъютантомъ; онъ по недостатку не могъ бы содержать себя въ гвардіи и долженъ бы лишиться пріобрѣтенныхъ переводомъ выгодъ. Благодарю тебя, почтеннѣйшій Арсеній.

Если Самойлову, который у меня, не мѣшаетъ чинъ подпоручика, то сдѣлай его адъютантомъ ко мнѣ. Онъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Если же мѣшаетъ, то въ должность адъютанта. Мнѣ бы не хотѣлось прекраснаго сего молодаго человѣка отлучать отъ себя и его мать того желаетъ. Онъ принадлежалъ къ посольству, какъ кавалеръ онаго, и я его удерживаю—не знаю почему. Сдѣлай дружбу, присвоеніе его мною сдѣлай законнымъ. Я былъ нѣкогда облагодѣтельствованъ отцомъ его и былъ его адъютантомъ; мнѣ пріятно было бы, въ свою очередь, быть полезнымъ его сыну. Ты вѣрно одобришь сіе чувство и намѣреніе. Дождись Государя и тогда сіе сдѣлай. Я представляю о переводѣ штабсъ-капитана Попова изъ Казанскаго полка въ 15-й егерскій. Сдѣлай дружбу, переведи, офицеръ хорошій и въ полку гонимъ командиромъ и уже много потерпѣлъ, такъ что хотя и важно надулъ я командира, но ему въ полку никакъ остаться невозможно. Скажи, что въ 15-мъ егерскомъ нужны офицеры, ибо полкъ почти весь расположенъ по-ротно и важные занимаетъ посты. Не откажите, Бога ради, боюсь пропадетъ хорошій офицеръ, а у меня таковыхъ немного.

168.

31-го мая 1818 г. лагерь на р. Сунжѣ.

Послѣднее письмо твое получилъ съ фельдъегеремъ Ивановымъ и радъ чрезвычайно, что съ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ мнѣ разсказать нѣкоторыя подробности о твоей жизни. Не можешь представить, любезный братъ Арсеній, какъ въ сторонѣ такой, какъ я живу, радостно слышать добрую вѣсть о хорошемъ пріятелѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что чудесное устройство управляемыхъ тобою частей даетъ уже тебѣ возможность иногда послѣ обѣда быть свободнымъ и помышлять о нѣкоторыхъ прогулкахъ. Простое сіе замѣчаніе имѣетъ однакоже основа-

тельность, ибо онъ же въ продолженіе многаго времени могъ видать тебя столько занятаго, что и на сонъ едва-ли доставало времени.

Всѣхъ лучше *Ив. Алекс.* Вельяминовъ могъ, какъ человѣкъ умный, разсуждать о томъ успѣхѣ въ устройствѣ, котораго достигъ ты неимовѣрными трудами твоими и терпѣніемъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что давши и быстрый и порядочный всему ходъ, ты даже не упустилъ изъ виду и самую типографію твою сдѣлать общимъ удивленіемъ. Желалъ бы я хотя минуту все это видѣть и сему, любезный Арсеній, надобно случиться, конечно не будущую зиму, но слѣдующій годъ мнѣ можетъ быть необходимымъ взглянуть на васъ хотя мигомъ. Сего можетъ потребовать польза самой службы. Я обниму тебя, какъ истиннаго друга, и ты увидишь еще большее почтеніе, которое имѣю я къ благороднѣйшимъ свойствамъ рѣдкой души твоей.

Болтливая молва донесла и въ дальній мой край слухъ о твоей женитьбѣ и любящіе тебя увѣдомляютъ меня о томъ, а ты скрываешь отъ меня и не говоришь ни слова. Мало у тебя близкихъ, кого же можешь ты болѣе меня тѣмъ обрадовать? Я забочусь о женѣ, но увѣренъ, что и ты изберешь и судьба справедливая дастъ тебѣ жену достойную. Не менѣе знаю, что не безполезно и хорошее состояніе, ибо ты и нужное у себя отъемля, умѣлъ надѣлять нуждающихся. Прошу Бога отъ сердца чистаго о твоемъ счастіи, но ты скрываешь отъ меня и не говоришь ни слова.

Теперь и я скажу тебѣ о томъ, что здѣсь происходитъ.

Переправясь чрезъ возвысившіяся весьма воды Терека, я съ 24-го числа нахожусь на Сунжѣ. Предшествовавшій явленію ужасной рожи моей слухъ обо мнѣ еще ужаснѣйшій содержитъ чеченцевъ въ страхѣ и трепетѣ. Ближайшіе изъ нихъ, которыхъ постигнуть можетъ казнь, чрезвычайно покорны, возятъ мнѣ въ лагерь хворостъ и 500 повозокъ съ Терека перевозятъ мнѣ провіантъ безденежно. Живущіе за Сунжею присылали уже старшинъ просить позволенія жить безмятежно и въ безопасности. Отвѣтъ мой: отдайте всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и тогда стану я говорить съ вами и можете надѣяться пощады и милости. Я успѣлъ увѣрить ихъ, что не Сунжа есть главнымъ моимъ предметомъ, но что въ сердцѣ земли ихъ устрою я крѣпость. Между тѣмъ, бѣгутъ изъ-за Сунжи многія деревни, женъ и дѣтей увозятъ въ горы, бросаютъ хозяйство и въ душѣ отчаяніе. Я готовъ весьма на то, что мнѣ плѣнныхъ не отдадутъ, особливо такихъ, которые уже перемѣнили законъ, обженились и имѣютъ дѣтей и сему причиною будетъ надежда ихъ на высокія въ Сунжѣ воды и на лѣсъ густымъ листомъ покры-

радъ былъ бы душевно, если бы онъ избралъ какое мѣсто въ Грузіи, ибо онъ сокровище, а такъ много мѣстъ гдѣ бы онъ былъ нуженъ.

По приказанію твоему сообщать тебѣ обо всемъ до здѣшняго края относящемся, я препровождаю тебѣ нѣсколько копій съ письма и бумагъ моихъ къ Государю. Ты изъ нихъ увидишь планъ новой линіи лѣваго фланга, которую необходимо учредить надобно. Письмо же объяснитъ тебѣ состояніе здѣсь гражданской части; о семъ послѣднемъ не говори ради Бога никому, ибо мошенники легко могутъ предупредить и отвратить дѣйствіе онаго. Вотъ проклятая часть, отъемлющая у меня большую часть времени. Одна бумага, которою требую я права лишать чиновъ офицеровъ иррегулярныхъ войскъ по приговорамъ военнаго суда, также равно иновѣрцевъ чины офицерскіе имѣющихъ. Я теряю симъ преимущество, которое надъ многими начальниками я имѣю, то есть привязанность ко мнѣ офицеровъ, но меня къ тому понудила самая необходимость. Здѣсь безъ страха ничего не сдѣлаешь, а надобно только весьма небольшое число строгихъ примѣровъ. Вѣрь, любезный другъ, что сколько я ни строгъ, но не легко однакоже мнѣ дѣлать несчастливыхъ, ибо я сдѣлалъ надъ собою самимъ полезный опытъ, какъ тяжко переносить несчастье.

Старика Дельпоццо огорчило его назначеніе, ибо онъ принимаетъ оное за неблаговоленіе Государя и онъ меня весьма тронулъ, ибо прискорбно видѣть старика слишкомъ гораздо 70 лѣтъ, отчаявающагося въ милости Государя въ преддверіи почти гроба. Если по порядку тебѣ лучше извѣстному, возможно исходатайствовать ему рескриптъ за собственноручнымъ подписомъ, въ которомъ упомянуть, что за безкорыстіе жалуются ему, яко человѣку недостаточному, столовыя деньги, тѣ о коихъ я прошу, то ты отпустишь старика счастливымъ на тотъ свѣтъ и онъ еще при жизни будетъ въ раю. Сдѣлай сіе благодѣяніе и меня успокоишь, ибо хотя скромный старикъ не говоритъ мнѣ, но кажется обвиняетъ меня въ несчастіи, а я терплю за васъ, ибо просилъ ему другаго мѣста!

Какъ благодарить тебя за Коховскаго? Онъ благополученъ свыше моего ожиданія. Я признаюсь, что я потому только повѣрилъ глазамъ моимъ, читая о переводѣ въ Егерскій гвардейскій полкъ, что зналъ о твоемъ для меня стараніи.

Ты чрезвычайно тронулъ меня письмомъ твоимъ, почтеннѣйшій Арсеній, въ отвѣтъ на то, которымъ благодарилъ я тебя за обрадованіе отца моего извѣстіемъ о моемъ производствѣ. Скажи, благороднѣйшій Арсеній, какъ мнѣ не любить и не почитать тебя какъ брата? Прочти въ душѣ моей и, конечно, будешь мнѣ другомъ!

За что убиваешь ты меня производствомъ *барона Вреде* въ генералъ-маіоры! Неужели недовольно горести и несчастія моего отъ кончины Загорскаго? Представь, что тотъ, котораго въ низкихъ чинахъ не истребили палочные удары, въ полученіи коихъ онъ хвастливо признавался; тотъ, котораго въ степеняхъ вышнихъ не сокрушила и самая язва, нынѣ палъ подъ слабыми обыкновенной болѣзни усиліями...

Поблагодари Марью Осиповну Марченкову за наливку. Я вѣрю, что она должна была быть чрезвычайная, судя по одной оставшейся бутылкѣ, ибо прочія, къ сожалѣнію, разбились въ дребезги. Какого лишенъ наслажденія человѣкъ живущій въ лагерѣ! Однакоже я не менѣе благодарю сестру. Братъ Василій не забылъ меня и писалъ изъ *Варшавы*.

Государя я не видалъ, ибо въ то самое время переправлялъ я войска за Терекъ и не смѣлъ отлучиться, впрочемъ онъ былъ въ Черкаскѣ только сутки и слѣдовательно въ суматохѣ.

169.

9-го іюля 1818 г., лагерь на Сунжѣ.

Наконецъ и въ наши страны отдаленныя достигъ слухъ о кончинѣ фельдмаршала! Съ робостію ожидалъ я, что вѣсть сія произведетъ отчаяніе въ войскахъ, но мало здѣсь служившихъ подъ его знаменами, мало весьма нѣмцевъ и потому мало слезъ. Я думалъ не горесть-ли стѣснившая ихъ сердца остановила теченіе ихъ; ожидалъ и нѣтъ ни капли! Растерзанный печалію, которая тѣмъ тягостнѣе, что никто ея не раздѣляетъ, я обратился, наконецъ, къ Виртембергской моей колоніи. Неблагодарные! они говорятъ, что не одна земля произвела ихъ съ героемъ. Не знаютъ, что великіе люди принадлежатъ вообще всѣмъ народамъ. Неужели судьба жестокая возложитъ всю печаль на однихъ лифляндцевъ!

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ ничего не сказалъ я тебѣ о замѣчаніяхъ его на кампанію 1812 года, которыя ты мнѣ съ такими ужасными условіями доставилъ. Не знаю съ какимъ намѣреніемъ онъ ихъ писалъ! Ошибки не преступленія и въ нихъ не было нужды оправдываться, а что съ честію и усердіемъ служилъ онъ, то и самые непріятели его не сомнѣваются. Не дай Господи и оправдываться такимъ человѣкомъ образомъ! Онъ многихъ насъ старался обработать. Мнѣ напрасно далъ наименованіе интригана, ибо я весьма явнымъ образомъ признавался, что я въ немъ ничего не видалъ, кромѣ человѣка весьма

обыкновеннаго и даже посредственнаго. Какъ примѣтна злоба его на меня за приверженность мою къ Великому Князю и за то, что я привязанъ былъ къ покойному князю Багратіону. Мѣщанская холодная нѣмецкая душа незнакома съ чувствами благодарности. Я до смерти не забуду благодѣяній перваго и память послѣдняго почту искреннѣйшимъ воспоминаніемъ. И рижскій мѣщанинъ хотѣлъ, чтобы я измѣнилъ священнѣйшимъ обязанностямъ! Часто помню я разсужденія твои о свойствахъ души умершаго и вижу справедливость. Довольно двухъ страницъ для человѣка, которому и двухъ строкъ нельзя посвятить безъ упрека совѣсти!

Теперь о дѣлѣ.

Ты увидишь рапортъ мой о смерти полковника барона Шульца. Надобенъ на мѣсто его хорошій командиръ для полка совершенно молодаго, о которомъ онъ заботясь много, сыскалъ общую всѣхъ привязанность и оплакиваемъ всѣми. Я мало видалъ столько молодой полкъ. и по несчастію въ немъ есть не мало опредѣленныхъ изъ бродягъ, которые даютъ всякіе развратные примѣры; бѣжавшіе также нерѣдко случаются. Старайся, почтенный Арсеній, чтобы полковой командиръ былъ съ нѣкоторымъ состояніемъ, ибо полкъ весьма бѣденъ и здѣсь при средствахъ весьма малыхъ, не будетъ онъ въ томъ состояніи устройства, который даетъ позволительный избытокъ.

Жаль мнѣ, что бывшій въ Егерскомъ гвардейскомъ полку Ермоловъ подпалъ подъ гнѣвъ Государя. Здѣсь его настоящее мѣсто. Онъ неблагопристойно счастливъ былъ по службѣ и потому надобно еще то заслуживать; весьма молодъ и нѣсколько проведенныхъ здѣсь лѣтъ можетъ еще не считать потерею, на что, конечно, многіе не рѣшатся, ибо отказаться надобно отъ всѣхъ въ жизни удовольствій, которыя молодыми людьми ставятся въ большой очень цѣнѣ. Имѣетъ состояніе, которое здѣсь ни на что не надобно, если не употреблять его на пользу службы или въ помощь бѣднымъ офицерамъ. Я, любезный Арсеній, хотѣлъ только сказать мое мнѣніе, впрочемъ, не прошу тебя ходатайствовать за Ермолова, онъ долженъ самъ заслуживать доброе замѣчаніе и имѣвши такое воспитаніе какъ онъ и такъ хорошо учившись, рано или поздно увидятъ, что онъ весьма годенъ. Служба наша не слишкомъ богата мудрецами! При мнѣ есть братъ, служившій въ Семеновскомъ полку—не опредѣлите его какъ-нибудь. Онъ человѣкъ весьма бѣдный и будучи старшимъ въ семействѣ, имѣетъ семь человѣкъ на своихъ рукахъ; его сіе назначеніе погубитъ. Онъ можетъ быть весьма хорошій полковой командиръ, но я буду послѣ просить ему полкъ въ

Россіи, гдѣ можетъ онъ имѣть нѣкоторый присмотръ и за бѣднымъ своимъ семействомъ. И Хотунцевъ умеръ! Еслибы не гордость въ немъ турецкаго султана и злобный характеръ, за который ненавидѣли его подчиненные и который наклонялъ его къ большимъ несправедливостямъ, я бы жалѣлъ его, какъ лучшаго изъ здѣшнихъ генераловъ. По старшинству въ чинѣ его я не зналъ, что изъ него дѣлать и смерть большія разрѣшила затрудненія. Хорошо, что онъ умеръ въ Россіи, а то подозрительно, что я по малу сбываю съ рукъ.

Горе заставило просить о производствѣ полковника *Краббе*. Онъ изъ старшихъ полковниковъ, конечно, лучшій, но не мѣшало бы, еслибы на мѣсто его дали мнѣ лучшаго, но гдѣ они у васъ въ излишествѣ и кто захочетъ жить въ Дагестанѣ, въ сравненіи съ которымъ и Грузія есть уже земля просвѣщенная. Стану на колѣни, если дадите мнѣ молодца для Дагестана. Земля сія издавна служитъ убѣжищемъ измѣнникамъ и всѣмъ злонамѣреннымъ людямъ, которыхъ Персія употребляетъ какъ орудіе для возмущенія горскихъ противъ насъ народовъ, гдѣ могутъ стать большія противъ насъ силы и народовъ болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ согласныхъ.

До сего времени продолжительныя возмущенія въ Грузіи, предмѣстникомъ моихъ при малыхъ ихъ средствахъ заставляли ихъ ласкать сіи народы и смотрѣть сквозь пальцы на разныя злодѣйства ихъ и злоумышленія, а иногда по необходимости даже и быть снисходительными въ самыхъ преступленіяхъ. Теперь видятъ они, что нельзя всего того дѣлать, что прежде и что многіе изъ управляющихъ сими народами теряютъ отъ того власть свою и большія выгоды, они стараются тѣснѣйшею соединиться дружбою и возбудивъ глупый народъ внушеніями, что вѣра магометанская угрожаема опасностію, пріуготовить его возстать на насъ всѣми силами, когда внѣшняя война будетъ къ тому благопріятствовать. Тебѣ какъ другу вѣрному скажу, что я вижу сіи замыслы и собирающуюся грозу.

Притворяюсь до времени, что я того не примѣчаю и многихъ изъ самыхъ мошенниковъ увѣряю въ дружбѣ и признательности за ихъ вѣрность. Хотѣлъ осенью быть въ Дагестанѣ, но думаю, что здѣшнія обстоятельства не допустятъ. Весною же буду непремѣнно и замысламъ злодѣевъ—ударъ. Тотчасъ между ими родится ссора, явятся предатели и ничего не будетъ сокровеннаго. Не изъ хвастовства скажу тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній, что здѣсь одно имя мое замѣняетъ нѣсколько баталіоновъ; трепетъ ужасный! Между здѣшними народами невозможно поступать иначе. Если все силою и оружіемъ, у Государя не

станетъ солдатъ. Я былъ бы съумасшедшій, еслибы думалъ Дагестанъ удерживать силою; тамъ у меня четыре баталіона весьма не комплектныхъ и самыхъ скверныхъ полковъ, которые теперь только и весьма еще мало начинаютъ поправляться. Дагестанцевъ двадцать и болѣе тысячъ легко собраться могутъ. Не шутя найдите молодца или мнѣ надѣлаете хлопотъ. Доложи Государю, что я знаю способнаго для того человѣка полковника *Николая Столыпина*, командира Оренбургскаго уланскаго полка. Онъ офицеръ неустрашимый, что необходимо надобно; безкорыстный, что не менѣе нужно, ибо многіе бывшіе тамъ начальники не могли симъ похвастать и имени русскому немного сдѣлали чести. Если произведутъ его въ генералъ-маіоры, онъ можетъ имѣть 1-ю бригаду 20-й пѣхотной дивизіи и управлять Дагестаномъ, а горскихъ народовъ управленіе я возьму на себя и буду помогать ему, что и теперь дѣлаю не менѣе. Краббе можетъ имѣть другую въ той же дивизіи бригаду, а произведенный недавно изъ артиллеріи *баронъ Вреде* можетъ быть при дивизіонномъ командирѣ. Чтобы Великій Князь не прогнѣвался, что я прошу офицера изъ кавалеріи безъ его соизволенія, я пишу о томъ къ Курутѣ, которое письмо прошу приказать ему доставить. Я живу въ лагерѣ на Сунжѣ. Чеченцы, на лѣвомъ берегу сея рѣки живущіе, начинаютъ понемногу пріучаться къ необходимости покорствовать намъ и къ удивленію въ полтора мѣсяца пребыванія здѣсь войскъ оказываютъ нѣкоторое усердіе, конечно, изъ страха, ибо хлѣбъ ихъ и скотъ весь на нашей сторонѣ. Родственныя и мошенническія связи всѣ за рѣкою, гдѣ жители, защищенные густыми лѣсами и трудными проходами, намъ противятся, и удаливъ въ лѣса женъ, дѣтей и имущество, всѣ подъ ружьемъ ожидаютъ моего прибытія, которому весьма вѣрятъ и не подозрѣваютъ, что я и въ помышленіи того не имѣю. Не смѣютъ приняться за сѣнокосы и уборку хлѣба, который хотя на той сторонѣ рѣки, но по близости отъ нашего лагеря. Между тѣмъ многія уже деревни ищутъ примиренія и даютъ аманатовъ, но я предлагаю условія, которыя имъ не нравятся. Я въ томъ нахожу довольно вѣрный счетъ, ибо не соглашаясь содержу ихъ въ опасности, отвлекаю отъ домашнихъ работъ, а въ продолженіе того приближится осень и листъ обнажа лѣса, теперешнюю ихъ твердыню, покажетъ имъ, что противиться долѣе невозможно и я получу то, что требую или, по крайней мѣрѣ, конечно, въ будущемъ году того достигну. Мнѣ надобны всѣ схваченные ими въ плѣнъ русскіе люди, а паче бѣглые и уже принявшіе законъ ихъ. Сіи два обстоятельства наитруднѣйшія, но необходимо нужныя, дабы солдаты наши воздержались отъ побѣговъ, видя,

что чеченцы укрывать ихъ не могутъ. Въ семъ можетъ быть и не успѣю скоро, но возвратить плѣнныхъ, которые закона не перемѣнили и у нихъ не оженились, въ семъ не откажутъ и уже есть къ тому готовность. Теперь непреклонность ихъ происходитъ отъ того, что они ожидаютъ помощи отъ сосѣдственныхъ лезгинъ, жителей горъ, въ которыя не проникало оружіе наше. Мнѣ жаль, что они обманутся въ надеждахъ своихъ и столько не получатъ помощи какъ ожидаютъ. Можетъ быть они осмѣлились бы выдти изъ засадъ своихъ и тогда чеченцевъ и лезгинъ можно бы было задушить однимъ разомъ для сокращенія хлопотъ.

Не можешь представить себѣ, какую скучную веду я жизнь на Сунжѣ; если бы не дѣла, которыхъ множество, можно сойти съ ума. Копаю крѣпость, которую при освященіи наименовалъ *Грозною*. Конечно, она не дастъ покойнаго сна чеченцамъ, стоя близъ большихъ самыхъ дорогъ и удобнѣйшихъ самыхъ бродахъ, чрезъ которые обыкновенно переправлялись они для нападеній на кавказскую линію, куда потому уже не такъ свободенъ доступъ, что возвращеніе не столько, какъ прѣжде, безопасно.

Будущій годъ съ удовольствіемъ увижу большія во многомъ перемѣны, особливо когда порядочно примусь за самозванцевъ-князей, живущихъ по самому Тереку, которые подъ именемъ мирныхъ, дѣлали наивеличайшія злодѣйства. Я скажу тебѣ объ одномъ изъ главнѣйшихъ сихъ князей-мошенниковъ и по какому праву пользуется онъ прекраснѣйшею землею и довольно значущимъ отъ нефти доходомъ. Командовавшій на линіи (и потомъ въ Грузіи) генералъ Кноррингъ, любилъ весьма женщинъ; трое братьевъ-князей сихъ достали ему дѣвку, укравши оную отъ семейства; братъ сей дѣвки, мстя за похищеніе, убилъ одного изъ трехъ князей. Кноррингъ, опасаясь, чтобы будучи причиною смерти не сдѣлался самъ жертвою ихъ злобы, въ удовлетвореніе ихъ далъ имъ землю прекраснѣйшую, на самомъ берегу Терека, противъ станицы Моздокскаго казачьяго полка, у котораго земли и недостаточно и та гадкая.

Подобными симъ правами многіе пользуются здѣсь снисхожденіемъ нашего начальства. Меня и дѣвкою пріобрѣсть невозможно; ни подаркомъ, ни лошадей не беремъ, другъ любезный, и мошенникамъ пришла жизнь плохая...

Не шутя о женщинахъ, имѣю я одинъ полезный планъ. Мнѣ кажется, что тифлисскій внутренній баталіонъ не худо было бы обратить въ поселеніе или здѣсь или въ Грузіи и дать ему женъ изъ вдовъ, оставшихся послѣ солдатъ въ россійскихъ деревняхъ. Они бы въ пустыхъ

мѣстахъ развели хорошія селенія, современемъ нѣкоторыя заведенія, какъ, напримѣръ, суконную въ Грузіи фабрику, и если не брать отъ нихъ дѣтей въ службу, то можно современемъ завести фабрики и ситцевъ или другихъ бумажныхъ матерій. Здѣсь и шерсть и бумага весьма хорошія. Поселеніе сіе можно произвести раздѣля роты, особенно смотря по удобности, и если правительство можетъ имѣть въ предметѣ размноженіе сихъ селеній или таковыхъ, откуда бы дѣти поступали въ военную службу *), то можно причислять къ нимъ изъ полковъ тѣхъ солдатъ, которые по неспособности и безъ того поступили бы во внутреннюю стражу. Напиши мнѣ о семъ твое мнѣніе и что на то скажутъ, если ты сообщишь оное знакомымъ изъ людей дѣловыхъ.

Если (что я ожидаю) неудобно давать въ замужество солдатскихъ вдовъ, то нельзя-ли на первый случай баталіонъ пополнить при будущемъ наборѣ женатыми рекрутами, а тамъ отъ нихъ будутъ дѣти и между собою переженятся.

Человѣкъ, служившій солдатомъ, рѣдко можетъ быть хорошимъ хлѣбопашцемъ. Его трудно увѣрить, чтобы земледѣлецъ не былъ состоянія низшаго, нежели человѣкъ несшій оружіе за отечество. Кромѣ того и сама долговременная отвычка уничтожаетъ уже способность. Здѣсь, въ Грузіи, фабрики могутъ придать ему охоту къ занятіямъ, ибо отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, щедро платить за трудъ возможно, или если и безъ фабрикъ будутъ нѣкоторыя селенія, то виноградные сады вознаградятъ съ избыткомъ всякое другое воздѣланіе земли и въ понятіи простаго человѣка не уничтожатъ его занятіемъ сохою.

Фабрика стеклянная дастъ казнѣ такой доходъ, которому повѣрить невозможно, ибо въ Грузіи бутылка 25 копѣекъ серебромъ стоитъ, немного порядочнѣй—рубль серебромъ. Я писалъ къ министру финансовъ, чтобы прислали съ казенной петербургской фабрики мастера осмотрѣть удобство и какъ устроить заводъ, онъ отвѣтствуетъ, что нѣтъ мастера свободнаго.

Адресовался я къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы пригласить людей партикулярныхъ, онъ даетъ мнѣ знать, чтобы я самъ ихъ вызвалъ. Вотъ отвѣты, достойные министровъ страшнѣйшей въ свѣтѣ монархіи, вотъ пособія, преподаваемыя усердному и пламенному ревнителю пользы!

Въ приказахъ Барклая, апрѣля 17 сего года, за № 67, упоми-

*) Таковые не должны быть въ Грузіи, развѣ только на линіи, ибо въ Грузіи полезнѣе будутъ они работниками при фабрикахъ, а солдатъ можно имѣть другихъ.

нается о какомъ-то наставленіи для обученія карабинерныхъ и егерскихъ полковъ, также и состоящихъ стрѣлковъ въ гренадерскихъ и пѣхотныхъ полкахъ. Говорится также и о «правилахъ разсыпнаго строя, или наставленіи о разсыпномъ дѣйствіи пѣхоты».

Прикажи, сдѣлай дружбу, мнѣ оныя доставить поскорѣе. Я, ничего о семъ не зная, но по свойству земли и образу войны здѣшнихъ народовъ, симъ уже занимаюсь, а еще лучше, ежели и сіи постановленія можно употребить въ пользу.

Прикажи прочесть сей приказъ Барклая и по оному все мнѣ доставить.

Поручи также кому нибудь изъ твоихъ адъютантовъ всѣ подобныя до войскъ относящіяся новости доставлять ко мнѣ, ибо иначе я ни о чемъ не услышу. Пусть присылаетъ онъ и то, что составлено будетъ въ Дибичевой арміи или въ какомъ-нибудь изъ корпусовъ, все равно, что хорошее изобрѣтается, гдѣ бы то сдѣлано ни было, а послѣдовать доброму всегда полезно.

Я послалъ къ тебѣ съ послѣднимъ фельдъегеремъ письмо, которое писалъ я Государю въ разсужденіи безпорядковъ въ Кавказской губерніи и просилъ ревизора изъ сенаторовъ также и для Астрахани. Что, думаешь ты, сдѣлалось съ симъ письмомъ? Конечно, не угадаешь. Его принялъ онъ какъ донесеніе и отправилъ въ копіи въ комитетъ министровъ. Вотъ твой способъ внушить въ меня довѣренность. Такимъ образомъ можно только заставить молчать и о самой правдѣ, какая выгода можетъ быть поссорить меня со всѣмъ свѣтомъ.

Давно чрезвычайно не имѣю я писемъ отъ брата Михаила (графа Воронцова); намедни въ двухъ только словахъ увѣдомилъ, что ожидаетъ Михаила Павловича. Прикажи отправить мое къ ему письмо о пребываніи на Сунжѣ. Онъ знаетъ старую сію мысль, но не знаетъ новаго къ тому дополненія моего. Еслибы и онъ здѣсь командовалъ, то бы, конечно, не пренебрегъ бы симъ планомъ. Скажи, часто-ли ведетъ онъ съ тобою переписку? Неужели охладѣлъ ко мнѣ?

Производство мое не можетъ быть тому причиною. Онъ слишкомъ благородный человѣкъ, я же былъ его старѣе въ чинѣ и безъ несправедливости нельзя было обойти меня, когда нѣтъ случая сдѣлать что-нибудь полезное.

Скажи, продолжаются-ли слухи о конгрессѣ и когда поѣдетъ Государь? Ты, почтенный Арсеній, пустишься-ли также странствовать или дѣла твои прикуютъ тебя въ Петербургѣ? Признайся въ женитьбѣ хотя нѣсколькими словами, никто болѣе меня тебѣ добра не пожелаетъ!

Грусть мучительная безпрестанно приводитъ на память Барклая. Кто назначается на его мѣсто? Сакенъ, конечно, по всему праву того ожидаетъ, не собирается-ли Милорадовичъ, не надѣется-ли Раевскій? Одного претендента вы уже помѣстили и весьма хорошо, а иначе пришлось бы теперь дать ему большую армію. Или дабы заставить молчать зависть, будетъ Дибичъ начальствовать арміею именемъ Барклая, дабы сего послѣдняго такимъ хотя образомъ сдѣлать безсмертнымъ. Это мысль премудрая! Старшіе генералы повинуясь ему собственно, отъ сего не получили облегченія, что онъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ или сіе званіе не допускаетъ никакого разсчета во времени службы!

Не шутя, увѣдомь меня; я, право, не знаю, а часто и отъ невѣдѣнія погрѣшаешь.

Прощай, почтеннѣйшій Арсеній. Прежде завоюютъ меня чеченцы, нежели я измѣню чувствамъ искренней моей къ тебѣ привязанности и почтенія, и то и другое равно невозможно!

P. S. Прочти письмо мое къ Воронцову, ты увидишь краткую картину земли здѣшней *).

170.

10-го августа 1818 г., лагерь на Сунжѣ.

По справедливости долженъ я начать письмо мое удивленіемъ, что при всей торжественной и праздничной вашей суматохѣ, при множествѣ хлопотъ, съ такою скоростію разрѣшаете вы мои представленія. Ты насмѣшливымъ образомъ называешь ихъ предписаніями, но мнѣ до того нужды нѣтъ и я безъ смѣха скажу тебѣ, благороднѣйшій Арсеній, что нерѣдко и самыя предписанія такъ быстро не исполняются и я все-таки къ тебѣ, какъ источнику необычайной дѣятельности, обращаюсь съ благодареніемъ. Ей-Богу, чудесно! Скажи мнѣ, не ругаете-ли вы меня за безконечныя мои представленія? Но что мнѣ дѣлать, когда всѣ нужды представляются заботливому человѣку, у котораго служба Государю одно занятіе. Не имѣю я права негодовать, что нѣкоторыя изъ представленій остаются безъ исполненія, ибо знаю хорошо, что многія могутъ или не приличествовать обстоятельствамъ, которыя отъ меня сокрыты, или могутъ быть уважены впослѣдствіи времени.

*) Письмо это напечатано въ «Архивѣ князя Воронцова», книга XXXVI, стр. 208.

Мнѣ вы должны въ непремѣнную поставить обязанность дѣлать всякаго рода представленія, ибо можетъ на мѣстѣ моемъ быть столько же усердный и даже гораздо способнѣйшій офицеръ, которому легче уже будетъ усовершенствовать и сообразить вещь, когда о ней сдѣлано уже предложеніе, нежели начинать съ первыхъ основаній. Такимъ образомъ, одинъ другому можетъ служить указателемъ полезныхъ предметовъ, а способнѣйшему дастъ счастіе честь исполненія! Но въ то же время должны вы мнѣ позволить одно желаніе, чтобы на всякое мое представленіе сказано мнѣ было: 1) оставлено по обстоятельствамъ безъ исполненія. 2) Можетъ быть приведено въ исполненіе современемъ. 3) Не можетъ быть уважено по причинамъ; но сіи должны быть точно основательныя и весьма уважительныя. И наконецъ разныя другія, которыя всегда начальство удобно находитъ и подчиненному заграждаетъ уста. Сему учить ни котораго изъ начальниковъ не должно.

За Пятерикова вы меня побранили, но лучше за нѣкоторое снисхожденіе, нежели за неуваженіе полковника и болѣе 40 лѣтъ службы. Я не сердитъ! а за хорунжаго не стоило бы дать выговора. Правда, что я присвоилъ нѣкоторую власть, но это не болѣе странно, нежели командовать арміею именемъ умершаго. Развѣ однимъ нѣмцамъ могутъ приличествовать такія чудеса?

Какъ я разумѣю тебя, почтенный Арсеній Андреевичъ, ты слова не напишешь о томъ, что тебѣ собственно за меня непріятно, но почему же ты не посмѣялся данному мнѣ уроку, какъ писать по формѣ рапорты или для смѣха не доставало, чтобы прислать образецъ прописи, которой долженъ я сообразоваться и въ самомъ почеркѣ? Деликатность твоя удержала руку отъ начертанія на объявленіи нумера, но ты тоже виноватъ противъ могущественной формы!

Признаюсь, что не безъ благодарности прочелъ я мнѣніе твое, что представленіе объ оборонѣ крѣпостей и потому нужно, что войскъ по обширности земли весьма немного. Это я весьма чувствую по обстоятельствамъ, въ которыхъ теперь нахожусь. Нарочно рапортъ мой къ князю Петру Михайловичу (князю Волконскому) препровождаю въ твоемъ конвертѣ, чтобы ты прочелъ его. Я знаю, что онъ закричитъ противъ меня, но пусть что-нибудь найдетъ въ опроверженіе.

Тебѣ могу я говорить откровенно, что если хотятъ, чтобы въ короткое время учредилъ я здѣсь нѣкоторый порядокъ и далъ ему основанія прочныя, то надобно непремѣнно усилить мой корпусъ, пока спокойствіе и миръ съ Персіею продолжаются и пока внутреннее ея состояніе весьма далекое отъ тишины тому способствуетъ.

Теперь нужно войскъ на время и не такъ много; послѣ будете давать болѣе, но поздно, ибо не принесутъ такой пользы. Сколько у васъ праздныхъ ничего недѣлающихъ внутри Россіи войскъ, которыхъ и продовольствіе немного дешевле здѣшняго, а можетъ быть и дороже. У меня они, по крайней мѣрѣ, сдѣлали бы дороги, помогли бы дѣлать строенія, чего я войсками корпуса, повсюду разбросанными, конечно, сдѣлать не успѣю.

Твой голосъ силенъ какъ человѣка благоразумнаго, представь имъ основательность моихъ желаній, ибо когда буду я оправдываться, что не успѣлъ въ томъ или другомъ, примутъ-ли въ оправданіе, что я не имѣлъ способовъ? Не всѣ-ли говорить будутъ, что мнѣ ни въ чемъ не отказывали и что я все изгадилъ моею неспособностію и только что хвасталъ и писалъ?

Я знаю, что не дадутъ мнѣ большихъ способовъ, но думаю, что весьма справедливо корпусъ мой составить изъ трехъ дивизій пѣхоты, то-есть въ резервную бригаду прибавить одинъ полкъ егерскій и два линейной пѣхоты, но не включать 8-й егерскій полкъ въ то число, который я возвращу по окончаніи новой учреждаемой линіи, какъ случая экстраординарнаго. Прибавленіе сихъ войскъ весьма умѣренно и нужно только до совершеннаго сформированія обороны крѣпостей. Тогда многіе изъ войскъ корпуса будутъ свободны и уменьшить будетъ возможно. Если бы прибавили полки, нужно двѣ роты легкой артиллеріи, ибо здѣсь пушки замѣняютъ весьма большое число людей и не требуютъ дорогаго содержанія. Если бы не пушки, мнѣ бы и здѣсь не легко было бы удержаться или конечно до сего времени имѣлъ бы я чрезвычайную въ людяхъ потерю. Сихъ двухъ ротъ можно бы тотчасъ сдѣлать назначеніе и безъ потери времени, они могутъ быть осенью нужны.

Рапортъ мой встревожитъ Петрахана (князя П. М. Волконскаго), но если только малѣйшее обратятъ вниманіе, то нѣтъ ни малѣйшей въ немъ неосновательности и труда удовлетворить его! Ты можешь о семъ при случаѣ отпустить слово Бѣлому. Не пренебреги симъ средствомъ для самой службы.

За что братъ Михайло (графъ М. С. Воронцовъ) къ намъ не чистосердеченъ? Какъ справедливо говоришь ты, что намъ въ немъ кромѣ дружбы его ничто не надобно. Не думаю, чтобы могъ онъ найти людей болѣе его любящихъ и желающихъ ему счастія. Неужели вина наша, что въ обоихъ насъ не находитъ онъ равной ему знатности, но, впрочемъ, въ отношеніи къ нему, конечно, ничѣмъ другимъ упрекнуть намъ невозможно!

Добрая и милая и окружающіе васъ будутъ любить безъ памяти, а я точно какъ у родныхъ буду въ домѣ.

Въ 19 (1819) году послѣдуя твоему совѣту пріѣду зимою въ Петербургъ. По дѣламъ здѣшняго края нужно было бы въ нынѣшнемъ году, но не знаю можно-ли мнѣ будетъ по нѣкоторымъ здѣсь безпокойствамъ; впрочемъ, кажется мнѣ, что и ты въ письмѣ своемъ говоришь не о будущей зимѣ, а о дальнѣйшей. Напиши, сдѣлай дружбу, какъ я понимать долженъ?

Благодарю, что отдалъ мои записочки Петрахану (князю Волконскому) и Каподистрію. Онѣ написаны по твоему совѣту и потому ты долженъ производить надуваніе.

О поселеніи военномъ въ здѣшнемъ краю я точно подумаю и оно здѣсь чрезвычайно полезно быть можетъ, но если не будетъ оно уподобляться теперешнему и, сверхъ того, если разсматриваемо будетъ на *Литейной* *), то можетъ быть и смѣшается съ грязью; но я сердиться не буду, ибо такія вещи и впослѣдствіи могутъ находить защитниковъ, а я правъ буду, что сдѣлаю представленіе. Я досталъ изъ Екатеринославской губерніи о томъ свѣдѣнія.

Самый жестокій критикъ не можетъ не одобрить съ удовольствіемъ изданія военной типографіи объ отличіяхъ войсками полученныхъ. Изданіе роскошное! Достойно было бы твоей типографіи изданіе исторіи всѣхъ войскъ въ Россіи съ самаго начала учрежденія каждой части, съ объясненіемъ всѣхъ происшедшихъ въ оныхъ перемѣнъ и съ точнымъ описаніемъ походовъ или отличныхъ дѣлъ. Есть уже, сколько помню, что-то сему подобное, но не обстоятельное и о весьма небольшомъ числѣ войскъ. Скажи, почтенный Арсеній, свое о семъ мнѣніе! Желалъ бы я хотя на одинъ день впустить моего Наумова въ твои департаменты, дабы научиться порядку и хотя весьма въ маломъ видѣ оному уподобиться. Я не знаю безцѣннѣе человѣка для устройства и точности, и хотя великій Синягинъ не благоволилъ къ нему, опасаясь въ немъ счастливаго соперника, но я знаю, что ты бы весьма дорого далъ за сего трудолюбиваго и благороднѣйшаго офицера.

Хотя и сбитъ, какъ ты говоришь, *великій человѣкъ* съ поля славы, однакоже вижу я, что онъ сохранилъ свою коммуникацію съ Всеволожскимъ и это изъ ретирадъ, конечно, не весьма худая.

Правду и весьма правду говоришь, почтеннѣйшій братъ Арсеній Андреевичъ, что письмо мое зло и тебѣ не должно нравиться; но кто

---

*) На Литейной жилъ графъ Аракчеевъ.

могъ ожидать предательскаго способа, каковымъ съ нимъ поступлено. Послѣ сего станутъ еще сомнѣваться, что простосердечіе мое не вредитъ мнѣ. Конечно, послѣ сего и самую правду буду я говорить сквозь зубы, если за нее долженъ я покупать себѣ злодѣевъ, которыми и безъ того очень изобилую. Воображаю, какъ на меня дуются министры и какія готовы дѣлать мнѣ пакости, но я не буду сердиться и ихъ въ свою очередь буду сколько возможно истреблять, хотя весьма увѣренъ я, что сраженія не всегда будутъ въ мою пользу. Жалѣю, но поздно, другъ любезный, о семъ письмѣ и признаюсь, что не надѣялся такого поступка. Не знаю что за Гельмерсенъ, но знаю очень, что Саблинъ не бритва. Однакоже я и за ними смотрѣть буду и нарочно послѣ нихъ буду самъ осматривать въ подробности всѣ суды. Я не пощажу!

Хотѣлось бы взглянуть на почтеннаго и постояннаго камрада Сабанѣева. Я люблю и умъ и правила сего достойнаго человѣка.

Любопытенъ знать кто будетъ командиромъ Литовскаго корпуса и отгадать не умѣю. Не Ожаровскій ли?

Важный придворный маневръ учинили вы съ Голицынымъ, а Васильчиковъ искусно въ семъ случаѣ фланкировалъ. Братъ Михайло (графъ Воронцовъ) будетъ въ восхищеніи отъ Сакенова корпуса, но я нахожу, что гренадерскій еще бы болѣе ему приличествовалъ, ибо войско отборное и онъ молодецъ!

Жалѣю, что не сохранилъ копій съ писемъ, писанныхъ въ 812 году къ извѣстному пріятелю. Теперь онъ такъ занимается и зарытъ въ дѣлахъ, что у него оныхъ не добьешься.

Воображаю, какъ замучили васъ праздники, почти не прерывавшіеся для короля прусскаго. Извинитъ его прусское величество, если усумнимся мы, чтобы у него могло что нибудь быть лучше, нежели что онъ видѣлъ. Совершеннѣйшее, что онъ имѣлъ, красавицу дочь его, и та въ землѣ нашей!

Любопытно постановленіе о намѣстникахъ, но если и они, подобно губернаторамъ, будутъ рабами каждаго изъ министровъ, то это никуда не годится и лучше стараго безпутства не умножать новымъ. Иначе будутъ они весьма непристойнымъ Государя изображеніемъ.

Послалъ я къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) представленіе о назначеніи брата моего полковника Ермолова командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка на мѣсто умершаго полковника Дьячкова. Если возможно постарайся, чтобы не отказали, ибо въ Херсонскомъ полку Берниковъ ни въ чемъ ему не равенъ. Если же онъ не будетъ

удостоенъ, то дайте поскорѣе кого вамъ угодно. У меня одинъ полковникъ Анненковъ, но сему достаточно и не гренадерскаго полка.

Не слыхалъ-ли ты чего о егерскомъ моемъ Ермоловѣ? Долго-ли будетъ онъ наказываемъ, ибо видѣлъ я, что всѣ прочіе офицеры, бывшіе подъ наказаніемъ, возвращаются въ гвардію. Неужели ему никогда не дадутъ полка? Зарѣзалъ его Бистромъ самымъ злодѣйскимъ образомъ!

Наборъ съ 500 по два безъ труда предвидѣть возможно было, ибо по малому числу во вторыхъ баталіонахъ людей невозможно пополнить убыли въ полкахъ. Можетъ быть и ко мнѣ попадутся не уроды, какими обезображенъ мой корпусъ.

Не забудь меня, любезный Арсеній, при укомплектованіи. Божусь честью, что такіе люди здѣсь только умножаютъ бѣглецовъ у нашихъ злодѣевъ, ибо между ими всѣ люди наигнуснѣйшаго поведенія соединены вмѣстѣ.

Чеченцы мои умничаютъ и призвавъ въ помощь толпы горскихъ народовъ, участниковъ ихъ злодѣйствъ противъ насъ, думаютъ понудить меня къ снисходительнѣйшимъ условіямъ, къ каковымъ пріучила ихъ непростительная слабость многихъ моихъ предмѣстниковъ. Нерѣдко нападаютъ они на мои транспорты и одинъ разъ осмѣлились приблизиться къ самому лагерю, но какъ одна конница была безъ пѣхоты, то и ушла поспѣшно и безъ большой потери. Гдѣ однакоже случается, ихъ всегда бьютъ сколько возможно.

Ты увидишь рапортъ мой къ Волконскому о происшествіяхъ. Я надѣюсь, что меня не упрекнутъ драчливостію. Прикажи разсказать фельдъегерю, какъ я здѣсь живу и какъ наметаны у меня войска. Каждый день предъ свѣтомъ всѣ на линейкахъ и я передъ фрунтомъ, музыка играетъ и пѣсни повсюду. Противъ здѣшнихъ народовъ самое опаснѣйшее время утренняя заря и нѣтъ ихъ способнѣе для внезапнаго нападенія. Прощай! Не забывай душевно преданнаго и почитающаго по смерть *А. Ермолова.*

Прикажи, почтенный Арсеній, Красотѣ нашей подписаться за меня на полученіе картинъ, издаваемыхъ генералъ-адъютантомъ Сипягинымъ знаменитыхъ боевъ прошедшей войны. Красотѣ пришлю я деньги, а теперь нѣтъ со мною гроша. Одной изъ сихъ картинъ видѣлъ уже я описаніе въ «Военномъ журналѣ». Я видѣлся съ ротмистромъ Александрійскаго гусарскаго полка Петровымъ и прошу его опредѣлить. Я ему готовлю самый распутный полкъ казачій и знаю что онъ поправитъ. Писалъ я къ тебѣ о Верзилинѣ, но узналъ послѣ, что онъ уже въ отставкѣ. Если возможно дайте мнѣ еще Александрійскаго гусарскаго

полка ротмистра Ефимовича. Онъ со мною охотно будетъ служить и я его весьма съ хорошей стороны знаю. Если надобенъ на сіе отъ меня рапортъ, то я его пришлю заднимъ числомъ, а между тѣмъ составьте записку отъ моего имени и по оной исходатайствуйте опредѣленіе, дабы не терять времени.

Фельдъегерь, податель сего, не взирая на то, что имѣлъ множество развозить посылокъ, пріѣхалъ чрезвычайно скоро. У меня живетъ фельдъегерь Силинъ, сокровище поведеніемъ и скромностію и бѣденъ до крайности.

171.

17-го августа 1818 г. Лагерь на Сунжѣ.

Съ чудесною дѣятельностію твоею, другъ любезный, дѣла мои разрѣшаются съ неимовѣрною быстротою.

Благодарю за указъ о казачьихъ офицерахъ; увѣряю тебя, что я только на первый разъ употреблю его силу и потомъ сколько можно рѣдко, ибо надѣюсь дѣлать много страхомъ и совсѣмъ не желаю дѣлать несчастливыхъ, если можно исправлять ихъ другимъ образомъ.

Какъ могу я благодарить тебя за егерскаго Ермолова, ты угадалъ желаніе мое и точно онъ того достоинъ. Видѣлъ я изъ приказовъ, что въ одно съ нимъ время выписанные изъ полка офицеры всѣ возвращены въ гвардію, слѣдовательно не могу нѣкоторой не допустить надежды, чтобы и ему отказали милость. Но всѣ тебѣ будемъ и я и онъ обязаны, а для 8-го егерскаго полка по истинѣ нѣтъ приличнѣйшаго командира.

Столыпинымъ меня надули, но весьма понимаю, что невозможно во всѣхъ непремѣнно успѣть желаніяхъ и я ни мало не ропщу, только простительно мнѣ удивляться, что не хотятъ разумѣть, гдѣ офицеръ принести можетъ бо́льшую пользу службѣ. Жаль, что подобныя назначенія не зависятъ отъ любезнаго моего Арсенія, всегда бы встрѣтились мыслями относительно до пользы нашего Государя. Изъ моихъ генераловъ, конечно, лучшій для Дагестана Краббе, но все не таковъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Изъ вашихъ не знаю кого попросить? Попадешь на героя, вамъ будетъ надобенъ въ бригадные, или такого выберешь, что сядетъ на шею, какъ Дренякинъ.

Представленіе мое объ уничтоженіи тифлискаго баталіона легло въ черный портфель. Ты въ своемъ письмѣ подчеркнулъ сіи слова и я уразумѣлъ, что сіе значитъ, а особливо не забывъ прежняго тобою

даннаго названія, омутъ. Змѣй (графъ Аракчеевъ) забунтуетъ противъ сего, по крайней мѣрѣ уже вновь не сдѣлаютъ баталіона въ Имеретіи, если отъ сего безполезнаго не избавятъ.

Планъ мой о вдовахъ солдатскихъ важно ты отдѣлалъ и люблю, ибо основательно и я тотчасъ же его выбросилъ изъ головы, потому что несчастный по истинѣ. Я прошу, почтенный Арсеній, всегда такъ говорить мнѣ, ибо я не перестану всегда спрашивать твоего мнѣнія. Рекрутъ на укомплектованіе весьма полезно дать сюда женатыхъ, но какъ же доставятъ такъ далеко женъ ихъ? Если не такъ велики затрудненія, то весьма одолжишь, если прикажешь. Я начинаю замѣчать, что здѣсь не мало причиною побѣгамъ то, что солдаты живутъ вѣчно безъ женщинъ, особливо между мусульманками, гдѣ женщинъ скрываютъ тщательнѣйшимъ образомъ... Я предлагалъ укомплектовать баталіонъ внутренней стражи только одинъ разъ женатыми рекрутами и то въ такомъ случаѣ, если баталіонъ назначено было поселить или обратить на фабрики. Иначе я знаю, что сіе выходитъ изъ обыкновеннаго порядка.

Радъ я душевно, что братъ Михаилъ (графъ М. С. Воронцовъ) возобновилъ по прежнему съ тобою переписку, но я по любви его къ тебѣ всегда того ожидалъ, а нѣкоторое время точно онъ казался перемѣнившимся единственно отъ грусти, ибо письмо его ко мнѣ доказываетъ, что онъ имѣетъ какое-то огорченіе и не скрываетъ, что онъ чрезвычайно недоволенъ чѣмъ-то по службѣ. Онъ весьма принимаетъ къ сердцу и его столько это трогаетъ, что онъ говоритъ объ отставкѣ и даже о смерти. Не знаю, что̀ могло его до такой степени огорчить? Ты мнѣ ничего не говоришь о томъ, а онъ пишетъ, что не хочетъ описаніемъ того наводить мнѣ скуки. Жаль было бы, однако же, если бы основательно имѣлъ онъ причину негодовать. Такого молодца, какъ братъ Михаилъ, надобно сберегать и нѣжить всѣми способами, ибо во всѣхъ отношеніяхъ ему мало подобныхъ и можетъ даже быть, что и совсѣмъ нѣтъ таковыхъ. Я надѣюсь, что возвратясь обратно изъ Франціи и получа, какъ ты говоришь, 3-й корпусъ, онъ успокоится и будетъ совершенно доволенъ и пройдетъ грусть его. Онъ ко мнѣ такѣе долго не писалъ, но теперь пишетъ совершенно по прежнему и я люблю его душою!

И такъ рѣшено уже, что нынѣшній годъ союзныя войска оставятъ Францію. Она, кажется, не выпускаетъ изъ виду составленія армій и и о крѣпостяхъ заботится.

Я, сидя здѣсь въ отдаленіи, отъ сердца желаю ей счастія, ибо надобна узда на несносную надменность нѣмцевъ, особливо новой нашей

родни и на всемірныхъ ростовщиковъ Пудинговъ (англичанъ), которые не къ добру себѣ начали вылѣзать на твердую землю. Затмившійся блескъ оружія возвращается обыкновеннымъ средствомъ побѣдою, и это сдѣлаетъ Франція подобно другимъ народамъ, но я ожидаю гораздо большаго, когда мстить она будетъ претерпѣнныя ею въ послѣдніе три года наглости и оскорбленія. Тутъ пойдетъ работа!

Весьма любопытенъ слухъ о раздѣленіи на 12 намѣстничествъ. Отличныя мѣста сіи, по крайней мѣрѣ, ту принесутъ пользу, что почетнымъ образомъ можно удалить нашу братію изъ арміи. А какъ мы и за сіи должности возьмемся съ усердіемъ, то современемъ уподобимся сенату! Впрочемъ, если будутъ люди способные, то, конечно, могутъ принести пользу.

Благодарю за доставленіе новостей, выходящихъ въ арміи и корпусахъ, а егерскіе маневры Сабанѣева ожидаю съ нетерпѣніемъ, и извлекши изъ нихъ, что въ здѣшнемъ краю можетъ быть полезно, буду держаться правилъ сего отличнаго и достойнаго офицера. До сего времени нѣтъ ничего постояннаго о егеряхъ, а мы здѣсь только ими и дышемъ. Вотъ великое сдѣлаемъ дѣло, если успѣемъ умножить въ здѣшнихъ войскахъ егерей, обратя въ оныхъ полки линейной пѣхоты. Дѣло почти свыше силъ человѣческихъ, но предвидѣть нельзя, чтобы непремѣнно не могло исполниться.

Увѣдомь меня, какое произвелъ дѣйствіе на Петрахана (князя П. М. Волконскаго) рапортъ мой о нѣкоторыхъ въ Дагестанѣ безпокойствахъ и что я не могъ въ семъ случаѣ двинуть болѣе двухъ баталіоновъ пѣхоты и ясно излагаю ему, что войскъ, по обширности здѣшняго края, чрезмѣрно мало. Подумайте со вниманіемъ о семъ предметѣ, не должно смотрѣть на сіе равнодушно. Если вы прибавите, какъ я писалъ тебѣ, три полка, дабы съ 3-мъ Гренадерскимъ было три дивизіи пѣхоты и еще двѣ роты легкой артиллеріи, то я много сдѣлать успѣю, а по мѣрѣ составленія обороны крѣпостей, ихъ можно обратить въ Россію, ибо точно они безъ нужды были бы въ тягость. Сдѣлай наблюденія свои о семъ важномъ для меня предметѣ, ибо иначе буду я мучиться, растерзаюсь и въ десятую долю не буду полезенъ государству, какъ бы я могъ и какъ умѣю.

Хорошо, что вы въ запасъ приголубливаете Раевскаго. Но что за участь, что мы безпрестанно должны оплакивать вождей нашихъ? Жаль, однако же, что болѣзни одолѣваютъ Сакена, ибо онъ достойный и умный начальникъ (кромѣ нѣкоторой слабости, что обыкновенно имѣетъ онъ къ окружающимъ). Сіи частыя перемѣны всегда происходить

будутъ, когда въ командующіе арміями непремѣнно должны поступать старые обветшалые люди. Витгенштейнъ и Раевскій, какъ люди довольно молодые, дадутъ вамъ надолго роздыхъ! Что скажетъ Милорадовичъ? Правда, что вы благоразумныя принимаете мѣры заблаговременно сдѣлать изъ него Вязьмитинова. Я нахожу тутъ нѣчто въ честь Васильчикова, ибо искуснымъ его маневромъ отрѣзанъ отъ гвардіи князь Голицынъ и брошенъ на 2-й корпусъ. Теперь, кажется, сбиваетъ онъ съ позиціи и Милорадовича, которую надолго займетъ онъ торжественно! Сего искусства не предполагалъ я въ военномъ человѣкѣ!!

Вотъ, почтенный Арсеній, несравненно тончайшіе люди, а меня, или мнѣ подобныхъ колпаковъ, нерѣдко обвиняютъ въ тонкости. У нихъ учиться надобно со всѣми жить ладно, никому не досадить, всѣмъ угодить и общимъ всѣхъ пособіемъ идти со всѣми пріятностями и удовольствіями къ своей цѣли! А я и счетъ уже потерялъ моимъ непріятелямъ и въ самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ находить долженъ возможныя препятствія и радость общую о неудачѣ!

Кого-то изберетъ Великій Князь въ литовскій корпусъ? Это загадка, но я думаю не обманусь назначая Дибича! О немъ и Царя и Царевича мнѣніе самое наилучшее и общее всѣхъ согласуется съ ними, а къ тому же помню слова твои, что Сакенъ и прежде не очень съ нимъ ладилъ.

Это будетъ вѣрный шагъ и къ чину и къ командованію арміею. Но только запасайте мѣсто и своему генералъ-квартирмейстеру, если хотите быть покойными, а не то быть бѣдѣ! Вы недаромъ провозгласили ихъ въ Петергофѣ главнокомандующими и мы поняли, что это должно служить предуготовленіемъ насъ къ будущему. Быть по сему и дѣло въ шляпѣ.

Ты требуешь, чтобы я не скупился и чаще присылалъ курьеровъ, но развѣ ты не примѣчаешь, что сіе было бы безполезно, ибо, конечно, нѣтъ возможности писать болѣе меня, и братъ Михайло (графъ Воронцовъ) того не можетъ, а только рѣдкія строки растягиваетъ на нѣсколько листовъ; я же отъ чистаго сердца сыплю мелкимъ бисеромъ. Одна мысль утѣшаетъ меня, что и самый умный человѣкъ, не умѣлъ бы столько писавши, обойтись безъ вздора, какъ и я дѣлаю, а потому и продолжаю смѣло!

Писаревъ прислалъ мнѣ свое сочиненіе о кампаніи 812 года. Чего тамъ не написано, даже и для меня нашлось мѣсто! Вотъ удивительное трудолюбіе! Нѣтъ ни одной книги, упоминающей о сей достопамятной войнѣ, которую бы онъ или не прочелъ или бы не пробѣжалъ. Вижу,

однако же, что не легко писать о нашей войнѣ отечественной и что то не одного человѣка дѣло, ибо доселѣ выходятъ все отрывки или частныя описанія и нѣтъ ни одного объемлющаго общую связь кампаніи 1812 года. То же дѣлаетъ Сипягинъ, собирая отъ каждаго частныя дѣла, а Толь подъ своимъ именемъ слово въ слово напечаталъ мою реляцію о кульмскомъ дѣлѣ, которую я представилъ графу Остерману, поручившему мнѣ написать другую и отъ его имени. Я ожидаю, что при бородинскомъ дѣлѣ также попадетъ моя реляція о взятой мною батареѣ, которой овладѣніе насильно приписываютъ другимъ и никто еще не отнесъ на счетъ мой, кромѣ Барклая. Тогда появиться должны и мои записки, которыя написаны будутъ какъ оправданіе въ щедрыхъ наградахъ, которыя разсыпалъ на меня Государь въ своемъ милосердіи.

Тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній, пришлю я ихъ непремѣнно, но заклинаю тебя именемъ твоей чести никому ихъ не показывать, ибо я пишу по большей части о томъ, что непосредственно до меня относилось въ 1812 примѣчательнѣйшемъ году въ моей жизни, или о томъ, что случилось мнѣ самому видѣть или слышать и тутъ иногда многіе изъ героевъ являются на сценѣ не въ точномъ видѣ великихъ людей. Ты найдешь много вздора и нѣчто смѣшнаго, которое вмѣшивалъ я, чтобы иногда прерывать единообразное и сухое описаніе происшествій, весьма нерѣдко между собою сходствующихъ, которымъ одно только искусное перо умѣетъ придавать видъ различный, не терзая читателя томительными повтореніями, не казня его за терпѣніе и не выпрашивая со слезами снисхожденія, безъ чего ни одинъ нашъ братъ писачка не можетъ обойтись. Чуръ, слово честное никому не показывать. Жаль мнѣ, что братъ нашъ Василій не въ ладахъ со Змѣемъ (Аракчеевымъ); я боюсь, чтобы сіе не повредило его службѣ, особливо съ его бѣднымъ состояніемъ и съ большимъ семействомъ. Сего я не ожидалъ никакъ, ибо и вѣрность его и честность ручались за противное.

Государь, какъ есть слухи, ѣдетъ на конгрессъ; дай Богъ счастливо и кончить безъ шуму, въ которомъ нѣтъ намъ пользы и весьма не мѣшаетъ спокойствіе. А Императрицы зачѣмъ ѣдутъ? Кто же будетъ у насъ князь Салтыковъ?

Скажи, не отъ того-ли не ѣдетъ ко мнѣ Ховенъ, что вы ничего не дали на подъемъ? Онъ совершенно бѣдный офицеръ и по истинѣ ему нечѣмъ будетъ подняться. Выпроси, Бога ради, ему пособіе.

Послѣ всѣхъ твоихъ одолженій, послѣ чудесно скораго на многія представленія мои разрѣшенія, не долженъ бы я, кромѣ благодарности,

ничего другаго и говорить, но по приказанію твоему кое-о-чемъ привожу тебѣ на память.

Не имѣю отвѣта:

1) На представленіе мое о ружьяхъ въ корпусѣ, при коемъ вѣдомость по калибрамъ отъ войскъ въ Грузіи отъ меня; о тѣхъ, что на линіи, прямо отъ Дельпоццо. Я просилъ давать нѣкоторую часть новыхъ, дабы тѣмъ поровнять прочія по невозможности передавать изъ одного полка въ другой, по причинѣ разстояній. Здѣсь на линіи нашелъ я множество гнуснѣйшихъ ружей.

2) Представленіе о жалованьи Дельпоццо, ибо я для успокоенія старика долженъ былъ увѣрить его, что не въ примѣръ ему назначенъ трактаментъ дивизіоннаго. Большая была бы милость, если бы дали ему рескриптъ.

3) Представленіе объ атаманѣ въ Астраханское казачье войско. Я принужденъ удерживать отъ того ни на что не надобнаго князя Багратіона.

4) Изъ комитета гг. министровъ не послѣдовало разрѣшенія о представленномъ штатѣ для полеваго грузинскаго управленія.

5) Слезное прошеніе мое о производствѣ по прежнему жалованья всѣмъ чинамъ грузинскаго корпуса по курсу, утверждаемому главными здѣсь начальниками въ комитетѣ гг. министровъ.

6) Представленіе мое рапортомъ Государю, мая отъ 18 числа, съ Кавказской линіи о выдачѣ мнѣ указа для занятія новой линіи лѣваго фланга отъ рѣки Сунжи чрезъ Аксаевскія и Андреевскія селенія до рѣки Сулака, для огражденія поселенныхъ по Тереку казачьихъ полковъ и города Кизляра. Указъ потому нуженъ, что при нынѣшнемъ урожаѣ долженъ я сдѣлать заготовленіе въ Саратовѣ провіанта и прочія снабженія учредить къ раннему весеннему времени, каковая операція по здѣшнему краю довольно многосложна и надобно приступать заблаговременно.

Прощай, люби по прежнему вѣрнаго и душевно преданнаго *А. Ермолова.*

172.

Получено 30-го декабря 1818 г.

Никогда, почтеннѣйшій и любезный Арсеній Андреевичъ, не случалось мнѣ такъ долгое время не писать къ тебѣ, но теперь обо всемъ случившемся обстоятельно тебя увѣдомлю.

Начинаю по порядку происшествій.

особливо когда еще между тѣмъ два баталіона 8-го егерскаго полка, составленные изъ дѣтей, никогда еще не видывали непріятеля, не весьма забавно пуститься на какое нибудь предпріятіе, но нечего было дѣлать, и я прибылъ въ Андреевскія владѣнія 30-го числа и слѣдующій день далъ войскамъ на отдохновеніе. Здѣсь отовсюду получилъ слухи, что лезгины въ большихъ весьма силахъ нѣсколько дней сряду дрались съ Пестелемъ и что онъ вышелъ изъ Башлы, что въ окрестныя селенія привезены уже убитые въ сраженіи лезгины. Тутъ же получилъ свѣдѣніе, что Шамхала Тарковскаго владѣнія взбунтовали противъ насъ, кромѣ одного города Тарки, и что самъ Шамхалъ вѣрный Императору находится съ Пестелемъ. Съ симъ послѣднимъ прервано уже было сообщеніе и всѣ предписанія мои оставались въ Тарки.

Дабы получить о Пестелѣ обстоятельнѣйшее свѣдѣніе рѣшился я идти въ Тарки и сблизиться съ мятежниками. Проливные дожди задержали меня девять дней въ Тарки, которое время употребилъ я на приготовленіе провіанта. Наконецъ получилъ я рапортъ генералъ-маіора Пестеля, что лезгины и въ помощь имъ пришедшіе изъ горъ народы въ числѣ болѣе 25,000 человѣкъ, раздѣлились на двѣ части, изъ коихъ одна атаковала его въ Башлы, другая ожидая послѣдствія сраженія готова была броситься на Кубинскую нашу провинцію; что три дня сряду дрались они съ жестокостію въ Башлы, гдѣ занималъ Пестель замокъ и прилежащіе къ оному дома, приготовленные имъ къ оборонѣ; что онъ, опасаясь движенія непріятеля на Кубу и будучи уже отрѣзанъ отъ Дербента, откуда не могъ получать ни провіанта, ни снарядовъ, и что сверхъ того началъ непріятель малый отрядъ его окружать окопами, рѣшился онъ оставить городъ Башлы и отошелъ на прежній свой лагерь, не доходя Дербента. Непріятель на пути два раза его атаковалъ и былъ отбитъ съ урономъ. Надобно отдать справедливость Пестелю, что онъ противъ непріятеля въ восемь разъ превосходящаго его силами выдержалъ упорнѣйшее сраженіе и имѣлъ мужество его дождаться, ибо иначе непріятель возгордился бы и, безъ сомнѣнія напалъ на Кубу. Потеря непріятеля его остановила и нашъ уронъ по образу здѣшней войны весьма чувствителенъ, ибо убитыми и ранеными простирается за 370 человѣкъ, что весьма необычайно. Я говорилъ съ чиновниками Шамхала, бывшими въ сраженіи съ нашей стороны, и они всѣ единогласно говорятъ, что никогда такой храбрости войскъ нашихъ они не видывали.

Постарайся, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, ходатайствовать о вознагражденіи храбрыхъ сихъ войскъ, ибо если въ такомъ случаѣ не поощрить ихъ достойно, то не въ состояніи я буду требовать, чтобы

горсть людей сражалась противъ тысячъ. Здѣсь прежде меня за многія ничтожныя дѣла во время бунта въ Кахетіи даны были важныя награжденія.

Въ Таркахъ дождался я лучшей погоды и что проливные дожди прекратились. Я выступилъ къ городку Параулъ, мѣсту рожденія и жительству Аварскаго хана, измѣнника предводительствовавшаго мятежниками, который торжественно объявилъ имъ, что онъ охотно оставляетъ и чинъ генералъ-маіора и 5,000 серебромъ жалованья. Трудная въ горахъ дорога и ужасная грязь дали время непріятелю занять дефиле, которое долженъ былъ я проходить. Усталыя войска и растянувшійся обозъ заставили меня расположиться у подошвы горы лагеремъ и день кончился нѣсколькими пушечными выстрѣлами и небольшимъ ружейнымъ огнемъ. Непріятель разными ругательствами изъявлялъ радость, что отнялъ у насъ дорогу. Въ десять часовъ вечера въ темное весьма время приказалъ я одному баталіону обойти гору и нечаянно напасть на непріятеля. Сіе такъ удачно исполнено было, что мятежниковъ застали у огней въ разныхъ веселостяхъ и поющихъ ругательныя собственно на имя мое пѣсни. Вдругъ залпъ и «ура»! такъ испугали мошенниковъ, что многіе бѣжали оставивши ружья, другіе заколоты были не сдѣлавъ выстрѣла, а нѣкоторые оставили и штаны и обувь. Такимъ образомъ овладѣли мы высотою и спускомъ съ оной, которые уже непріятель не защищалъ.

Цѣлыя сутки подымалъ я артиллерію и обозъ на гору и пришелъ въ Параулъ, изъ котораго бѣжалъ и Аварскій ханъ и жители.

На другой день пошелъ я къ городку Дженгутаю,—мѣсту всегдашняго пребыванія мошенника брата Аварскаго хана. Армія моя была уже гораздо слабѣе, ибо оставлена была часть у прикрытія тягостей въ Тарки, гдѣ и паркъ запасный. Дженгутай нашелъ я защищаемый непріятелемъ, который довольно въ большихъ силахъ расположенъ былъ въ окопахъ по крутымъ высотамъ. Огонь ружейный былъ весьма силенъ, а распространившійся густой туманъ способствовалъ намъ подойти весьма близко, и въ короткое время окопы взяты были на штыкахъ съ весьма малою со стороны нашей потерею.

Но тотъ же самый туманъ непріятелю далъ средство къ отступленію, ибо въ шестидесяти шагахъ нельзя было видѣть человѣка. Мятежники бѣжали самымъ спѣшнымъ образомъ, какой намъ неизвѣстенъ живущимъ въ Европѣ. Селенія Дженгутай, Большой и Малый, прекраснѣйшія и лучшія нежели многіе изъ уѣздныхъ нашихъ городовъ, истребилъ я до основанія. На другой день послѣ разбитія всѣ не только

окрестныя селенія, но даже въ горахъ лежащія, куда почти нѣтъ дороги, пришли просить пощады и помилованія. Всю фамилію мошенника Аварскаго хана я разорилъ до конца. Лучшую часть владѣній брата его отдалъ въ вознагражденіе Шамхалу Тарковскому, генералъ-лейтенанту, сохранившему вѣрность Государю и находившемуся при Пестелѣ. Въ числѣ сихъ и Параулъ столица Аварскаго хана. Нѣсколькимъ селеніямъ объявилъ свободу и что они не принадлежатъ никому кромѣ Императора, и тутъ современемъ учрежду особеннаго пристава, ибо впослѣдствіи можетъ здѣсь быть наилучшее сообщеніе кавказской линіи съ Дербентомъ. Здѣсь никогда еще не бывали русскія войска и прекраснѣйшія мѣста здѣшнія были намъ незнакомы. Здѣсь послѣдняя долина и далѣе лежатъ горы неприступныя. Владѣя сими мѣстами лучше нежели оружіемъ можно покорить горы, ибо у жителей горъ нѣтъ земли и богатѣйшее скотоводство, ихъ единственное имущество, сохраняется въ сихъ долинахъ, которыя сверхъ того снабжаютъ ихъ хлѣбомъ.

Не думалъ я, чтобы въ такое короткое время могъ я успокоить довольно обширный край и весьма многолюдный, и найти столько готовности и покорности нашей власти. Здѣсь, какъ примѣчаю я, народъ скорѣе многихъ другихъ пріобыкнетъ къ нашему правленію, и не малую со временемъ можетъ принести намъ пользу. Не хочу обманывать себя, чтобы все сдѣлалъ я однимъ оружіемъ; мнѣ много способствовало и время, ибо уже здѣсь зима и жители съ женами и дѣтьми и скотомъ не могутъ въ лѣсахъ укрываться, а въ деревняхъ боятся жить, дабы не подвергнуться истребленію. Тебѣ по пріятельски могу я сказать, что здѣсь вселяетъ ужасъ и мое имя, ибо я имѣю совсѣмъ другое поведеніе, нежели мои предмѣстники, которые ласкою и подарками такъ избаловали здѣшнихъ мошенниковъ, что они получали ихъ какъ дань имъ принадлежащую, и сего въ доказательство могу тебѣ сказать одинъ примѣръ: недавно весьма Аварскій ханъ писалъ ко мнѣ, что злодѣй братъ его и другой мошенникъ родственникъ его желаютъ быть подданными Государя, но хотятъ знать напередъ какую получатъ отъ него милость? Представь, другъ любезный, что подлецы думаютъ, что Государь покупаетъ подданныхъ и что они съ нимъ могутъ торговаться! Вотъ плоды управленія моихъ предмѣстниковъ, и мнѣ, несчастному, надобно преодолѣвать и перемѣнить сіи затрудненія. Божусь, что минуты не имѣю я покоя.

Но самыхъ сихъ торговавшихся мошенниковъ допустилъ меня Богъ наказать жестоко и лишить совершенно всѣхъ ихъ владѣній. По рас-

поряженію моему выступившій вторично изъ Дербента Пестель разорилъ до основанія городъ Башлы, для спасенія котораго весь Дагестанъ вооружился. Я зналъ, что пребываніе мое въ горахъ не допуститъ мошенниковъ помышлять о его защитѣ.

Не думай, другъ любезный, что симъ довершилъ я успокоеніе обширнаго Дагестана. Еще остается сильный весьма народъ акушинцы, нѣсколько болѣе прочихъ воинственный, гордый прежними своими подвигами и имѣющій связи съ горцами. Сей народъ возмутилъ весь Дагестанъ въ глупомъ мечтаніи, что отниметъ у насъ путь съ линіи до Дербента. Его непремѣнно надобно наказать или вѣчныя будутъ безпокойства въ Кубинской и прочихъ нашихъ провинціяхъ, ибо у него прибѣжище всѣмъ врагамъ нашимъ. Теперь по быстротѣ движенія моего не могъ онъ собраться противъ меня, и если бы точно не зналъ я о томъ, я не рѣшился бы идти въ горы. Не безъ основанія могъ бы я просить не малаго числа войскъ для усмиренія сихъ злодѣевъ, но теперь, познакомясь съ землею, нахожу, что могу сдѣлать съ десятью тысячами войскъ и потому прошу трехъ полковъ и двухъ ротъ легкой артиллеріи. Полки разумѣю я въ три баталіона. Надобно, чтобы 8-й егерскій полкъ не былъ включенъ въ то число и оставался здѣсь на нѣкоторое еще время. Прошу тебя и честію оружія нашего заклинаю способствовать къ исходатайствованію сего у Государя. Если откажутъ, я потеряю всѣ плоды пріобрѣтенные внушеннымъ теперь страхомъ, и Боже избави, если впадутъ злодѣи въ Кубу, ибо затѣмъ неминуемо послѣдуетъ возмущеніе въ ханствахъ, изъ коихъ въ Ширванскомъ было уже оно весьма близко.

Доселѣ власть наша была здѣсь уважаема, и я лучше соглашусь потерять мое мѣсто, нежели такъ занимать его какъ мой предмѣстникъ. Поговори о семъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ). Тебѣ, какъ другу, безъ всякаго самохвальства скажу, что тяжело будетъ послѣ меня другому и поздно уже если не воспользуемся теперешнимъ мирнымъ временемъ. Поспѣшите, ради Бога, дать мнѣ знать откажутъ или нѣтъ въ моей просьбѣ, ибо необходимо заблаговременно сдѣлать распоряженіе въ разсужденіи продовольствія, которое требуетъ времени. Тогда безъ всякой огласки можетъ быть и здѣсь найду я купить нѣкоторую часть продовольствія и не весьма дорогою цѣною.

30-го ноября войска перешли обратно Терекъ и такъ счастливо, что черезъ два дня пошелъ густой ледъ и нѣсколько дней не было переправы.

Я посылаю моего Попова курьеромъ съ донесеніемъ. Похлопочи,

почтенный и любезный Арсеній, чтобы награждены были рекомендованные мною. Богъ свидѣтель, что войска молодцы и офицеры готовы всюду. Надобно ободрить ихъ, ибо здѣсь прежде награждались по протекціямъ и много весьма храбрыхъ. которые ничего не получили. Я представляю число умѣренное, но такихъ, которымъ нѣтъ ничего труднаго. Адъютантовъ своихъ не представляю ни одного и никого мнѣ принадлежащаго. Я не хочу уподобиться предмѣстникамъ моимъ, которые на нихъ предпочтительно обращали награды, но по пріятельски скажу тебѣ, что я былъ бы доволенъ, если бы Попову дали Владимірскій крестъ, ибо онъ пламенной храбрости. Ему принадлежалъ онъ за Парижъ, но Таубе при многихъ признался мнѣ, что онъ потому его не представилъ, что почиталъ его подъ покровительствомъ Сухозанета. Это извѣстная исторія! Достань ему крестъ за привезенное извѣстіе и ты на меня можешь сослаться, что я одобряю его храбрость.

Нашъ Мадатовъ, по извѣстіямъ, дошедшимъ въ Тифлисъ, былъ посланъ генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ, чтобы пройти на помощь Пестелю, котораго думали окруженнаго и непремѣнно близкаго къ погибели. Онъ пріѣхалъ въ Дербентъ и былъ въ отчаяніи, что нашелъ уже Пестеля тамъ. Писалъ ко мнѣ прегорькое письмо, что Пестель былъ выгнанъ, что бѣжалъ, что непріятели теперь ободрятся и видя со стороды нашей подобную трусость и что отъ того должны быть величайшія слѣдствія; что напрасно приказалъ я вторично идти Пестелю изъ Дербента, что съ нимъ войска непремѣнно должны погибнуть. Примѣчаешь-ли, что Мадатовъ въ отчаяніи, что ему не случилось схватиться съ лезгинами и ему тоска отъ праздности. Нетерпѣливо желаю его видѣть и руки будутъ въ чрезвычайной работѣ. Боже, если Пестель получитъ ленту, которую точно надобно дать за чудесное сопротивленіе съ горстью людей противъ силъ ужасныхъ и за непонятное отступленіе, въ которомъ не оставилъ онъ даже ни одного раненаго. У него былъ маіоръ Износковъ 1-й, какъ я слышалъ, совершенно такой храбрости, какъ описываются древніе герои.

У меня кровь остановилась въ жилахъ, когда услышалъ я, что такія пошли лезгинъ силы. Прочти рапортъ мой Государю и донесеніе обстоятельное князю Петру Михайловичу, но за то какъ гора свалилась съ плечъ, когда разсѣявши измѣнниковъ вышелъ я изъ горъ обратно.

Похлопочи, Бога ради, о ружьяхъ; въ иныхъ полкахъ такія гадкія и столько разныхъ калибровъ, что невозможно принимать изъ парковъ готовыхъ патроновъ...

Дня черезъ два собираюсь въ Грузію; ужасно наскучила жизнь кочующая. Представь: семь мѣсяцевъ не видать крышки!

Теперь надобно сказать тебѣ и о сенаторахъ. Они здѣсь осматривать губерніи вознамѣрились на повозкахъ. Повсюду они пробыли короткое время и нельзя не видать, что получили приказаніе находить все въ хорошемъ видѣ болѣе нежели есть въ самомъ дѣлѣ. Ко всему придираются, чтобы сколько возможно извинить безпорядки, словомъ примѣтно, что ищутъ сдѣлать представленіе противное тому, какъ говорилъ я о здѣшнихъ гражданскихъ разбойникахъ.

Нельзя при царствующихъ нынѣ министрахъ, при дремлющемъ инвалидномъ Сенатѣ достигнуть правосудія!

Гермесъ я вижу посланъ былъ въ надеждѣ на чуму или на горячку, по крайней мѣрѣ, но какъ ужасно обманулся, еще возвращается онъ навозить землю русскую!

Мертваго весьма умный человѣкъ, но чувствуетъ недавно еще нанесенное пораженіе и кажется знаетъ десницу его каравшую, боится повтореній! И онъ не выступитъ на бой. Не знаю зачѣмъ посылаютъ сихъ господъ? Гораздо лучше послать перваго плацъ-адъютанта, который простымъ порядкомъ ордонансъ-гауза найдетъ истину.

Я радъ чрезвычайно, что съ ними не случилось мнѣ видѣться, я бы откровененъ былъ на ихъ счетъ и если бы долженъ былъ почесть въ нихъ званіе, то я бы объяснился на счетъ весьма неблагонамѣреннаго ихъ къ безпутствамъ снисхожденія и какъ солдатъ подвелъ бы законъ военный, по которому у насъ наказываются смертію тѣ вины, отъ которыхъ они искусствомъ и изворотами только развѣ подвергнутся слабому замѣчанію. Трудно повѣрить мнѣ, что сенаторы уѣхали 23-го ноября, а отъ 30-го ноября поступилъ мнѣ ужаснѣйшій доносъ на злоупотребленія гражданскаго начальства. А изъ Астрахани, въ то время какъ они тамъ находятся, доносъ чрезъ военное тамъ начальство представляется ко мнѣ. Изъ сего должно заключить или доступу къ нимъ нѣтъ, или они не принимаютъ жалобъ, или примѣтя виновное ихъ снисхожденіе не смѣютъ къ нимъ адресоваться. Какъ бы то ни было ожидать должно, что правительство отъ подобныхъ ревизоровъ ничего обстоятельнаго не узнаетъ, а думать будетъ, что все ими исправлено. Признаюсь, что если со мною еще подобнымъ образомъ разъ нѣсколько поступлено будетъ, я донесу Государю. Сенату, похитившему имя столь знаменитое и столь мало ему приличествующее, все опишу и брошу службу. Пусть судитъ Богъ, если можно быть гнуснѣйшему безпорядку. Я попробывалъ бы говорить правду Государю—но какъ представлено ему

то будетъ? Назовутъ меня дерзкимъ, строптивымъ и когда буду я просить одного взгляда на злодѣйства и беззакопія, въ то время отвратятъ вниманіе отъ жалобъ моихъ и не будетъ мнѣ довѣрія. Не мнѣ дѣлаютъ обиды и угнетенія. Обязанъ я доводить до Государя стонъ угнетаемыхъ!

Сдѣлай дружбу, отошли къ брату Михайлѣ (графу Воронцову) письмо мое и одну шаль, которую попроси его, чтобы онъ отправилъ въ Парижъ. У меня на Сунжѣ былъ извѣстный Жубертъ и я получивъ отъ него новаго изобрѣтенія инструментъ, посылаю шаль въ подарокъ женѣ его. Другую шаль и письмо прикажи отправить въ Варшаву. Это одной старой женщинѣ, въ домѣ которой въ Краковѣ принимаемъ я былъ весьма дружественнымъ образомъ и мужъ которой извѣстный человѣкъ и рѣдкихъ добродѣтелей, весьма любилъ меня. Боюсь, что брата Михайлу найдетъ письмо далеко отъ Франціи и онъ затруднясь доставить его въ Парижъ, меня погубитъ.

Повѣдай, почтенный Арсеній, что слышно о представленіи моемъ въ разсужденіи учрежденія въ Грузіи крѣпостей, приказано-ли разсмотрѣть его или нѣтъ?

Вельяминову моему прошу я Анненскую ленту, поддержи твоимъ мнѣніемъ, у насъ часто явятся завидующіе и будутъ противорѣчить. Надобно знать труды, наваленные на сего человѣка и знать его способность. Онъ будетъ нуженъ и потому не надобно останавливать! У насъ такихъ людей нѣтъ лишнихъ. Потяни на сторону достойнаго!

Болѣзни нынѣшнее лѣто здѣсь ужаснѣйшія и гибло чрезвычайно много всякаго народа, досталось и бѣднымъ войскамъ, кромѣ бывшихъ на Сунжѣ. Вы назначили мало весьма рекрутъ, постарайся сіе поправить, ибо великъ недостатокъ.

Прощай, вѣрный по смерть. *А. Ермоловъ.*

Позволь теперь собственно въ разсужденіи себя объясниться по дружески. Боюсь, чтобы не вздумали обидить меня какимъ нибудь награжденіемъ за труды нынѣшняго года. Мнѣ будетъ стыдно, ибо похоже будетъ на то, что я не долженъ дѣлать одного шага, не получая за то платы. Чина мнѣ хотѣлось ужасно и я не стыжусь признаться, но также долженъ сказать правду, что если случится мнѣ оказать нѣсколько важную услугу, то и тогда не надобно помышлять о моемъ награжденіи. Сдѣлай мнѣ одолженіе, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, прошу тебя какъ брата, внуши сіе князю Петру Михайловичу (Волконскому), и если бы могла быть мысль сія, то помоги сдѣлать по моему желанію и отврати то, чтобы меня краснѣть заставило. Ради Бога, прошу тебя о томъ! Если бы былъ я такъ знакомъ съ княземъ Петромъ Михайло-

вичемъ, чтобы могъ говорить ему о собственныхъ дѣлахъ моихъ, то я бы самъ писалъ къ нему о томъ, а по сей причинѣ и не скрывай отъ него, что я прошу тебя.

О испрашиваемыхъ мною наградахъ похлопочи въ пользу храбрѣйшихъ офицеровъ и войскъ. Здѣсь вѣчные имъ труды, нѣтъ удовольствій и даже нѣтъ покоя.

Непріятель, конечно, не весьма страшный, но мира нѣтъ никогда!

Ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ скажи мое совершеннѣйшее почтеніе и иногда напоминай обо мнѣ, ибо я увѣрилъ себя, что жена благороднаго Арсенія будетъ расположена ко мнѣ какъ добрая родная, а потому и не могу не желать, чтобы предварительно была предупреждена, по крайней мѣрѣ, на счетъ моей странности.

Прощай, будь мнѣ тотъ же добрый пріятель, котораго люблю я какъ брата.

173.

с » февраля 1819 г. Тифлисъ.

Два письма твои, отъ 3-го декабря и 3-го января, съ послѣднимъ фельдъегеремъ получилъ, изъ которыхъ вижу, что прибытіе Государя еще болѣе умножило твои занятія, съ которыми и прежде могла сладить одна твоя дѣятельность.

Вы начали новый годъ весьма весело, производствомъ множества генераловъ, и ты, Арсеній, не забылъ трудящихся съ тобою. Наконецъ успокоили и Яшвиля, или справедливѣе сказать себя успокоили, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ кричалъ противъ непризнательности вашей къ отличнымъ его достоинствамъ и думаю даже укорялъ въ неблагодарности. Не знаю я почему болѣе испугались вы его шуму, нежели маркиза Паулуччи, который, конечно, не менѣе кричать будетъ. Не говорю я о графѣ Штейнгелѣ, но за прочихъ благодарю судьбу, что не вмѣстѣ меня возвысила, ибо я не нахожу ничего худаго, что произведенъ прежде ихъ, на всякій случай, если когда уважаемо будетъ старшинство. Можно васъ поздравить, что вы обогатились полководцами, приготовляйте одного изъ нихъ на мое мѣсто, ибо если вы для благоустройства здѣшняго края откажете мнѣ въ трехъ полкахъ пѣхоты (которые здѣсь не болѣе потеряютъ, какъ у васъ отъ парадовъ), по чести говорю тебѣ, что я не хочу здѣсь служить какъ Тормасовъ и Ртищевъ, и не могу понимать, чтобы власти могущественнаго Го-

сударя могли не повиноваться мошенники. Прошу тебя собственно для пользы Государя довести сіе до его свѣдѣнія. Я не хлопочу о своихъ выгодахъ, ибо все лучше проживу моихъ предмѣстниковъ, не затѣю безполезныхъ безпокойствъ и еслибы они могли случиться, не кончу ихъ хуже. Но боюсь я, что мы не воспользуемся мирнымъ расположеніемъ сосѣдственныхъ земель и не укротимъ внутреннихъ безпорядковъ, а когда случится война внѣшняя, то всѣ горскіе народы и сядутъ намъ на шею. Желаю я, чтобы сего не случилось, но вы не давъ войскъ, тому много будете способствовать. Чтобы, впрочемъ, вы ни сдѣлали я долженъ идти и еще осенью пойду въ Дагестанъ, и если не буду имѣть средствъ укротить народъ акушинскій, о которомъ есть мое по службѣ донесеніе, то долженъ, по крайней мѣрѣ, наказать разбойниковъ за то, что нѣтъ проѣзда изъ Дербента на Кавказскую линію и грабятъ купцовъ и большіе съ товарами караваны. Сего, по крайней мѣрѣ, намъ допускать неприлично. Я вмѣстѣ съ симъ пишу письмо къ Государю, а ты со стороны своей способствуй мнѣ полезнымъ внушеніемъ.

Ты пишешь, что многіе по расположенію ко мнѣ важно говорятъ о моихъ здѣсь дѣлахъ и что тебѣ даже досадно. Перестань негодовать, не только я, но рѣдкій изъ людей необыкновенныхъ кто-либо избѣгалъ молвы ядовитой. На мой счетъ и потому многое говорить будутъ, что вопреки желанію злословящихъ, счастіе не устаетъ благотворить мнѣ. Посмотримъ молодца на моемъ мѣстѣ и посмотримъ на дѣла! Не шутя говорю, пріуготовляйте кого-нибудь изъ хвастуновъ. Сюда дошли слухи о преобразованіяхъ по части гражданской. Вы какъ будто беременны ею, что всѣ ожидаютъ разрѣшенія, дай Богъ благополучно, но иногда бываютъ и несчастливыя родины, которыхъ, впрочемъ, нельзя вамъ опасаться, ибо ничего не будетъ хуже теперешняго.

Нельзя-ли сдѣлать, чтобы судьи не воровали, или бы не воровали столько безбожнымъ образомъ? Будетъ чудо!!!

Бумагу для рисунковъ получилъ, но живописецъ мой такъ болѣнъ, что все лучшее время осени пролежалъ и ничего не успѣлъ сдѣлать. Я его удерживалъ здѣсь съ намѣреніемъ сдѣлать нѣсколько видовъ здѣшняго края для Государя, но и онъ подпалъ всеобщей прошлаго года болѣзни, которая ни одного состоянія не пощадила. Здѣсь въ корпусѣ самихъ лекарей умерло болѣе десяти человѣкъ и недостатокъ въ нихъ ужаснѣйшій. Поговори, сдѣлай всѣмъ намъ милость, чтобы Виллье назначилъ въ полки лекарей и сколько можно менѣе изъ Москвы, ибо тамъ они никакой практики не имѣютъ.

Неумѣста былъ я чрезвычайно скроменъ и выпросилъ только на два полка въ годъ новыхъ ружей, но сего чрезмѣрно мало, ибо въ большей части полковъ оружіе скаредное и, конечно, нѣтъ возможности имѣть въ исправности то, которое служитъ со временъ Екатерины. Вы не повѣрите сему, но точно не мало есть таковаго. Невозможно-ли прибавить еще на два полка въ годъ или право стыдно видѣть оружіе, особливо между здѣшними народами, которые тѣмъ однимъ только и хвастаютъ. Военный министръ справлялся, что станетъ доставленіе на цѣлый корпусъ, какъ ты писалъ ко мнѣ прежде, слѣдовательно нѣтъ у васъ недостатка въ оружіи! Постарайся, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, а мы изъ благодарности первый выстрѣлъ изъ оныхъ сдѣлаемъ въ честь тебѣ.

Поповъ мой доставилъ вамъ обстоятельнѣйшее донесеніе мое о дѣлахъ и происшествіяхъ здѣшняго края, но Дагестанъ опять угрожаемъ безпокойствами, и сильный народъ акушинскій, о которомъ я писалъ, производитъ величайшія возмущенія и подкрѣпляетъ тѣхъ измѣнниковъ, которыхъ наказалъ я и выгналъ. Онъ нападаетъ на владѣльцевъ сохраняющихъ вѣрность Государю, и если не укротить его, то легко произойти можетъ, что владѣльцы, лишенные защиты, найдутъ выгоды свои измѣнить вѣрности. Я ожидаю, что будущее лѣто народъ сей, вспомоществуемый горцами, не только будетъ вредить намъ всѣми мѣрами, но можетъ напасть и на Кубинскую нашу провинцію, въ которую и прежде дѣлали они набѣги, и тогда не такъ ловко быть можетъ. Вотъ почему и прошлаго года приказывалъ я выступить впередъ *Пестелю*, ибо опасался безпокойствъ внутри и въ землѣ не весьма намъ приверженной.

Сію минуту входитъ ко мнѣ старшій Вельяминовъ и показываетъ письмо, полученное имъ изъ Могилева, въ которомъ увѣдомляютъ его о слухахъ, дошедшихъ до *нѣмецкихъ остатковъ безсмертнаго Барклая*, что въ Грузіи войскамъ нанесено ужасное пораженіе и что соединившіеся горскіе народы принудили оставить Тифлисъ. Вотъ слухи, доказывающіе глупѣйшее невѣжество на счетъ здѣшняго края, простирающееся до непозволенной степени! И такимъ образомъ судятъ генералы! Не напрасно-ли дѣлаете вы, что производите ихъ десятками? Это не лучшій способъ придать уваженіе сему званію! Изъ всѣхъ послѣдняго тисненія генераловъ я позавидовалъ счастію *Тухолки* и *Айгустова*, *ибо съ трудомъ* согласиться можно признавать перваго за человѣка, *а ему повѣрили*, что онъ и генераломъ быть можетъ. О послѣднемъ же *можно* въ дѣлахъ 1-й арміи отыскать рапортъ мой, въ коемъ ясно

изображено, что онъ трусъ естественный и сіе чистосердечное со стороны моей признаніе послѣдовало вотъ какъ: онъ жаловался, что остался не награжденнымъ за сраженіе при Маломъ-Ярославцѣ. У генерала Дохторова спрошено было отъ чего то произошло? Онъ спросилъ у меня, такъ какъ полки въ городѣ бывшіе дрались подъ моимъ распоряженіемъ; я ему письменно отвѣчалъ, что когда Либавскому пѣхотному полку приказалъ я ударить въ штыки, поручивъ при атакѣ находиться самому генералъ-маіору Талызину, у коего въ бригадѣ былъ полкъ, то лишь вошелъ полкъ въ городъ и вступилъ въ драку, гдѣ отличалъ себя блистательнымъ образомъ, *Айгустовъ* оставивъ при себѣ одинъ взводъ, спрятался въ первомъ саду ближайшемъ на пути и не впдалъ непріятеля. Тогда же о семъ донесено было г.-м. Талызинымъ. Отвѣтъ мой генералу Дохторову препровожденъ былъ къ Барклаю, какъ отъ самаго Дохторова я узналъ. И такъ, поздравляю васъ съ героемъ.

Скажи, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, не имѣете-ли вы на худомъ замѣчаніи бывшаго адъютанта моего *фонъ-Визина*, что онъ не произведенъ въ послѣдній разъ въ генералъ-маіоры? Не могу теперь ничего сказать въ пользу его, но знаю, что онъ прехрабрѣйшій офицеръ, умный весьма человѣкъ и учился отличнымъ образомъ. Знаю, что онъ и фронтовой необыкновенный. Отвѣчаю вамъ, что и въ прежнихъ и пожалованныхъ вновь у васъ немного лучшихъ и далѣе вы сами то увидите. Увѣдомь меня о немъ по-пріятельски.

Съ егерскимъ *Ермоловымъ*, котораго просилъ я опредѣлить сюда въ корпусъ, прекрасно поступилъ Великій Князь. Неблагосклоннымъ отзывомъ замаралъ его въ мнѣніи Государя, представя и лѣнивымъ и неблагодарнымъ и что онъ не удостоенъ даже къ командованію баталіономъ. Самымъ непріятнымъ образомъ сообщилъ мнѣ о томъ оффиціально князь Петръ Михайловичъ (Волконскій) и не прошло послѣ того одной недѣли, какъ самъ же Великій Князь далъ ему полкъ и полкъ разстроенный, съ тѣмъ, чтобы онъ его поправилъ. Если это сдѣлано для того, чтобы не выпустить его изъ Литовскаго корпуса, то довольно сказать было, что мнѣ не дадутъ его, и это бы ему не повредило.

Братъ Михайло (графъ М. С. Воронцовъ) говоритъ въ письмѣ своемъ, что послѣднее время пребыванія его во Франціи такъ ему наскучило, что имѣло даже вліяніе на его здоровье и что онъ радъ до безконечности, что войска оттуда выходятъ и онъ ѣдетъ отдохнуть въ Англію. Увѣдомляя меня о полученномъ награжденіи, онъ говоритъ: «теперь ты не скажешь, чтобы я былъ счастливѣе тебя». Изъ всего вижу я, что ему хотѣлось быть произведеннымъ не менѣе какъ мнѣ хотѣлось

того некогда. Я признаюсь, изъ опыта, сколько желаніе сіе безпокойно. Теперь я пришелъ въ благополучное состояніе ничего не желать болѣе, какъ чрезъ нѣкоторое время вырваться отсюда, чего, впрочемъ, и отказать не можно! Охотники на мое мѣсто избавятъ отъ затрудненія.

Некогда говорилъ я съ тобою, почтеннѣйшій Арсеній, что мнѣ нужно побывать въ Петербургѣ, и я точно вижу того необходимость, но я отнюдь не хочу, чтобы мнѣ почли то за отпускъ, ибо я никакой не имѣю нужды по собственнымъ дѣламъ, а единственно по дѣламъ службы. И такъ надобно, чтобы мнѣ приказали пріѣхать и не назначая времени, ибо не всегда мнѣ можно отлучиться и мнѣ по обстоятельствамъ легче самому избрать время и то еще весьма непродолжительное, почему и не должно удерживать меня въ Петербургѣ напрасно.

Если сіе не противно порядку вещей, то ты это распоряди и пріуготовь какъ за благо разсудишь и меня ни о чемъ не спрашивай. Не пренебрегайте здѣшнимъ краемъ, ради Бога! Прикажи обстоятельно увѣдомить меня о литографіи, мнѣ необходима она для народовъ мусульманскихъ, ибо и способъ легокъ и издержки умѣреннѣе, нежели завести типографію; кстати о семъ: вспомнилъ я *о Быковѣ*, котораго ты прислалъ сюда. Онъ довольно дерзкій болтунъ и столько похожъ на гвардіи капитана, какъ я на епископа. Проѣзжая Москву, онъ сказывалъ старику тестю твоему, что здѣсь войска наши вырѣзаны и что обо мнѣ нѣтъ слуху. Я не знаю почему онъ не убилъ меня, ибо по здѣшнимъ слухамъ, въ самомъ Тифлисѣ сочиняемымъ, я непремѣнно всегда убитъ, и даже иногда и не выѣзжая изъ города. Мнѣ досадно, что у *старика Быкова* сынъ не имѣетъ его головы.

У насъ зима жесточайшая, каковой никто не помнитъ и въ Тифлисѣ около двухъ мѣсяцевъ лежитъ снѣгъ и весьма холодно. Рѣка Кура была покрыта льдомъ, стали всѣ мельницы, такъ что нельзя было молоть нѣсколько времени провіанта. Стали всѣ подвозы, особливо у насъ, гдѣ все дѣлается быками, а на лошадяхъ только на разбой ѣздятъ.

Прощай, скажи мое совершеннѣйшее почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ.

Я подробно разспрашивалъ, какъ ты живешь, и знаю, что ея благодарить надобно, что свободныя отъ трудовъ минуты проводишь ты пріятнѣйшимъ образомъ. Бывало и у насъ четверть часа свободы передъ тѣмъ какъ ложиться спать, какъ вели мы жизнь монашескую и бывало *побранимъ, побранимъ* кто попался и ляжемъ, но это однакоже не самое лучшее дѣло! Душевно любящій и преданный *Ермоловъ*.

174.

20-го мая 1819 г. Тифлисъ.

Наконецъ, возвратился Поповъ, но заболѣвши на дорогѣ остался въ Георгіевскѣ и до меня не доѣхалъ, и такъ чтобы на словахъ могъ пересказать, я ничего не знаю.

Скажу безъ сердца, но не безъ сожалѣнія, что я не воображалъ посылать его за лентою Пестеля и нѣкоторыми другими мелочными наградами и не думалъ, чтобы сіи разрѣшенія такъ долго могли его удерживать.

Теперь могу сказать тебѣ, какъ истинному другу, что я ничего не предприму по дѣламъ здѣшняго края, а буду только того избѣгать, чтобы не пришли взять за горло. Ты правду говоришь, что за здѣшніе народы принялся я иначе, нежели было до сего времени, но если увидятъ они недостатокъ моихъ средствъ и уразумѣютъ, что нѣтъ причинъ меня бояться, тогда не безъ хлопотъ здѣсь будетъ и, конечно, не я буду имѣть безразсудность того дожидаться. Жаль, что мы упускаемъ мирное время и внутреннее неустройство сосѣдей и сими не пользуемся обстоятельствами. Послѣ будемъ жалѣть и поздно!

Ты увѣдомляешь меня, что реляціи и списки доселѣ не разсмотрѣны. Сдѣлайте милость, исходатайствуйте рѣшеніе по онымъ, ибо съ тѣми же войсками надобно мнѣ нынѣшнее лѣто работать и осенью драться въ Дагестанѣ. Совѣстно предъ офицерами, которые служатъ славно и всегда награждаемы худо. Если и теперь при справедливомъ стараніи моемъ о нихъ ничего они получить не удостоятся, то чего имъ ожидать возможно будетъ! Здѣсь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, надобно ободрять несчастныхъ офицеровъ.

На счетъ прибавленія войскъ я по письму твоему потерялъ совсѣмъ надежду. Государь намѣревается о семъ написать ко мнѣ. Трудъ напрасный! ибо отъ того не будетъ отказъ менѣе непріятнымъ, ни дѣла не пойдутъ успѣшнѣе. Дерзости непріятелей я не укрощу, и если теперь не будетъ она имѣть вредныхъ очень слѣдствій, то при случаѣ внѣшней войны, мы весьма ея почувствуемъ. Отъ недостатка средствъ долженъ я буду оставить многія изъ предпріятій и столько же мало сдѣлать пользы, какъ и мои предмѣстники. Не знаю, какіе важнѣйшіе виды заставили не дать трехъ полковъ, когда столько многочисленны наши арміи? Еще менѣе для меня понятно, какая крайность могла заставить отвратить рекрутъ при большомъ недостаткѣ людей въ корпусѣ. Я ду-

малъ, что нужны они для укомплектованія по границѣ расположенныхъ войскъ, но увидѣлъ, что назначены они въ Московскій корпусъ. Намѣреніе весьма хитро скрытое! Однакоже, тысячи двѣ рекрутъ, не взирая на распоряженіе, успѣли прорваться и кажется еще одна партія успѣетъ тоже сдѣлать. Отнятіе рекрутъ могъ бы я почесть за насмѣшку надо мною, особливо когда прошу я прибавленія войскъ, но думаю, что какъ не очень забавны могутъ быть слѣдствія, то, конечно, не насмѣшка была въ предметѣ.

Вельяминова важно обработали орденомъ. Въ тѣхъ же газетахъ данъ онъ многимъ пресѣдателямъ уголовныхъ палатъ. Сравненіе для него выгодное и обдуманное!

Жалѣю, что Попову не могъ выхлопотать креста, который никому изъ ординарцевъ не отказывался. Конечно, я одинъ изъ генераловъ, который думалъ прежде о награжденіи строевыхъ офицеровъ нежели адъютантовъ, но и сіе не заслужило уваженія.

Говоришь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, о лентѣ *Мадатову*. Я службою его весьма доволенъ и нынѣшняго лѣта предназначается онъ на важныя довольно занятія, и если по справедливости заслужитъ онъ ленту, я не вижу причины почему не поступить съ нимъ какъ съ Вельяминовымъ, которому менѣе справедливо отказать оную, хотя и говоришь, что не уйдетъ отъ него. Точно не уйдетъ!

Сенаторы славно обозрѣвали губерніи, и какъ Мертваго по справедливости слыветъ за умнаго человѣка, то не должно по той же справедливости отнимать у него достойнства быть отличнымъ изъ п..... Я уже развѣдалъ кому въ угожденіе хвалили они губернаторовъ! Они возвратясь въ Петербургъ задрали меня бумагою, поданною князю Лобанову и дошедшею до Государя. Я посылаю копію съ бумаги, писанной мною къ князю Лобанову по тому предмету. Отдай ее кому нибудь изъ людей скромностію подобныхъ газетамъ. Надобно, чтобы знали поступки сенаторовъ!

Не смѣю вѣрить слухамъ, которые можетъ быть разглашаетъ клевета, но говорятъ будто они въ Астрахани счастливо играли въ карты. Узнаю вѣрно и тебя увѣдомлю. Жалѣю, что не имѣю копіи съ партикулярнаго письма моего къ князю Лобанову о нихъ.

Хорошо, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) женится. Жена красавица и не худо, что богата. Теперь важно заправитъ теща его имѣніемъ. Постниковъ долженъ готовиться къ отчету, ибо съ нею не легче имѣть дѣло, какъ съ *Мемельскою коммиссіею*. Можно безбоязненно и самому *шурину* поручить въ управленіе часть хозяйственную!!!

Жаль весьма, что братъ Михайло имѣетъ по службѣ непріятности. Надобно беречь подобныхъ ему людей; у васъ нѣтъ таковыхъ излишнихъ! Не по дружбѣ къ нему, но по самой строгой справедливости оцѣните его и, безъ сомнѣнія, найдете, что люди съ его достоинствами рѣдки. Прибавьте и ту выгоду, что онъ молодъ и государство долго можетъ пользоваться его услугами.

Во всемъ свѣтѣ люди на высокія степени по большой части восходятъ поздно. Тѣмъ лучше, что человѣкъ способный можетъ достигнуть ихъ въ молодости! Я очень люблю Киселева, но кто не согласится со мною, что не онъ долженъ замѣнить брата Михайлу. Киселевъ не чувствуетъ, что мнѣ обязанъ своимъ мѣстомъ, ибо я первый отвалилъ камень съ дороги въ начальники штаба арміи. Я признаюсь, что былъ менѣе его неустрашимъ, чувствовалъ, что надобно было готовиться къ сему званію и отъ него отказывался. Свидѣтели тому самъ Государь и графъ Аракчеевъ. Я не обманулъ ихъ, ибо послѣ меня выгнали, конечно, не для того, чтобы испытать затрудненіе кѣмъ замѣнить меня. Досадно, если и ложи массонскія могли способствовать непріятностямъ. Онъ, конечно, учредилъ ихъ съ хорошимъ намѣреніемъ, но неужели не можно было безъ нихъ обойтись? Это дѣло не его ума и во Франціи эти ложи и еще менѣе надобны были. Хорошо, любезный Арсеній, что намъ случилось избѣжать сихъ вздоровъ. Много разъ старались меня вовлечь въ общество массоновъ, я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но разсуждаю какъ простой человѣкъ, что общество, имѣющее цѣль полезную, не имѣетъ необходимости быть тайнымъ. Сипягинъ для тона былъ массонъ и вѣрно ложа не столько имѣла въ немъ надобности, какъ генеральный штабъ гвардейскаго корпуса. Отдаленіе отъ столицы, уменьшая его занятія, рѣдко представитъ случай отличиться, а намъ остается вопрошать: *како паде сей сильный?*

Наконецъ, дошло время и до представленія о крѣпостяхъ Грузіи, то есть, что изъ портфеля князя Петра Михайловича (Волконскаго) перейдутъ они въ безчисленныя кипы бумагъ, лежащихъ въ кабинетѣ Государя. Смѣю думать, что полезнѣе было прежде отдать ихъ на разсмотрѣніе инженернаго департамента, который съ своими замѣчаніями и сократя скучную бумагу менѣе бы затруднилъ въ прочтеніи. Теперь, по крайней мѣрѣ, годъ ожидать надобно рѣшенія.

Сей губительной медленности подвержено, кажется, представленіе мое о ружьяхъ, и я слѣдуя совѣту твоему, почтенный Арсеній Андреевичъ, дѣлаю оное вновь и прошу перемѣны въ два года.

О лекаряхъ также представлю, у насъ въ нихъ величайшій не-

Взгляните, что съ того времени не одинъ уже дежурный штабъ-офицеръ перемѣнился въ гвардіи, а я перемѣнять Наумова и не помышляю. Прошу тебя, какъ друга и какъ брата, пристроить его къ мѣсту по военному департаменту, когда я выѣду изъ Грузіи; ты жалѣть о томъ не будешь! Вамъ усердные, дѣятельные и безкорыстные люди надобны. Не думай, другъ почтеннѣйшій, чтобы о выѣздѣ изъ Грузіи говорилъ я по самолюбію, то есть, допуская мысль, что я могу быть нуженъ въ другомъ мѣстѣ. Пусть накажетъ меня Богъ за такое помышленіе, но я не только безъ всякой досады и ни малѣйшихъ не имѣя по службѣ непріятностей, напротивъ, имѣя выгоды виднаго весьма мѣста, думаю его занимать не долго, ибо совѣстно пользоваться милостями Государя и никакой не приноситъ пользы. А оттуда выѣхавши я васъ собою обременять не буду и вы если вздумаете на что употребить меня, хорошо; если же не употребите, и то не худо, ибо послѣ пребыванія здѣсь и на такой какъ я работѣ, отдохновеніе весьма будетъ нужно. Одно желаніе мое было сдѣлать здѣшній край покойнымъ и покорнымъ и ввести хотя начало устройства. Съ тѣми средствами, которыя я имѣю, успѣть въ томъ невозможно, а напрасно жить здѣсь или жить подобно моимъ предмѣстникамъ, не нахожу счета (разсчета?) и не съ моимъ характеромъ пачкаться и страмиться.

Согласенъ съ тобою, любезный Арсеній, что мнѣ нужно быть въ Петербургѣ по дѣламъ службы и я просить буду позволеніе, но если мнѣ предоставлено будетъ въ видѣ отпуска, то я въ немъ нужды не имѣю и чувствительныхъ для меня издержекъ дѣлать не намѣренъ. Теперь о томъ бумаги не посылаю, ибо хочу еще посмотрѣть на обстоятельства, пришлю когда буду на линіи.

Благодарю за Дренякина и Мерлини, которыхъ, какъ бы то ни было, хочешь взять отсюда. Признаюсь, что оба они ни на что здѣсь не надобны.

13-го числа отправилъ я *Вельяминова* на линію и какъ провіантъ скоро станетъ прибывать изъ Астрахани, велѣлъ поспѣшно собираться войскамъ, дабы идти къ селенію Андреевскому, гдѣ въ нынѣшнемъ году, если не помѣшаетъ Дагестанъ, намѣренъ я построить крѣпостцу.

Между народами Дагестана сдѣлана общая противъ насъ присяга и уже они собираются. Боязнь моя за Кубинскую прекраснѣйшую провинцію, гдѣ мало весьма войскъ. Если они туда обратятся, то мнѣ и помышлять о работахъ нельзя будетъ, а надобно тотчасъ вступить въ горы, откуда близко находиться буду. Одна надежда на скотскую глупость дагестанцевъ и мое счастіе. Персіяне посылаютъ къ нимъ деньги, которыя

доставляютъ ханы наши подданные и я долженъ притворствовать, что того не примѣчаю. Если и впредь столько же мало давать будете мнѣ средствъ, то дождемся чего нибудь худаго. Васъ бѣдныхъ три полка пѣхоты и двѣ роты артиллеріи сдѣлаютъ весьма слабыми и поставятъ въ политическую зависимость въ Европѣ. А здѣсь я ими все бы сдѣлалъ. Ты говоришь, чтобы я не настаивалъ на прибавленіи войскъ. На моемъ мѣстѣ ты настаивалъ бы конечно, ибо требуетъ того польза Государя, и въ такомъ случаѣ оба мы молчать не умѣемъ. Даю тебѣ, какъ офицеръ, честное слово, что я въ послѣдній разъ иду въ Дагестанъ, ибо теперь если бы и даны были мнѣ полки, чрезъ мѣсяцъ они прибыть не успѣютъ, а чрезъ мѣсяцъ могутъ найти меня непріятели и потому обязанъ я употребить все, что отъ меня зависитъ. Я кончу нынѣшній годъ какъ умѣю, а далѣе, честное даю слово, что не служу и вамъ выгоднѣе найти человѣка, который лучше меня все сдѣлаетъ. Прошу сохранить сіе между нами, ибо не надобно утѣшать симъ моихъ непріятелей, а въ Петербургѣ будучи, я объявлю о томъ оффиціально. Я не былъ лѣнивъ на службу и не всѣ повѣрятъ, что вдругъ сдѣлался неспособнымъ. Какъ хотите! Не подумай, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, чтобы говоря вообще, могъ я тебя заключать вмѣстѣ.

Спрашиваешь меня о Толстомъ. Я прежде писалъ къ тебѣ о немъ и теперь пріятно мнѣ повторить, что онъ преблагородный человѣкъ и наилучшихъ свойствъ. Я надѣюсь, что онъ не захочетъ со мною разстаться. Надобно, Арсеній Андреевичъ, подумать перевесть его въ гвардію и ускорить ходъ его по службѣ, иначе ото всѣхъ отстанетъ. Дагестанъ дастъ мнѣ случай его рекомендовать, а твое будетъ дѣло хлопотать — Мнѣ многое въ немъ нравится, а къ тому еще и сходство въ состояніи должно сближать насъ. Намъ обоимъ терять, кажется, немного Признаюсь, что я люблю, когда знатныя фамиліи хотя чѣмъ нибудь с нами равняются.

Скажи совершеннѣйшее мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ. Я знаю что, по дружбѣ твоей ко мнѣ, она хочетъ видѣть что я за человѣкъ котораго ты любишь? Что нужды, что я *чудакъ*, но она увидитъ, что я привязанъ къ тебѣ какъ къ брату. Предупреди ее, что я не живалъ въ столицѣ и что она должна извинить нѣкоторыя неловкости человѣка привыкшаго къ лагерной жизни.

175.

1-го іюня 1819 г. Тифлисъ.

Вельяминовъ мой встрѣтился во Владикавказѣ съ ѣдущимъ отъ тебя *Дешевымъ*. Ему извѣстно было, что я отправляю къ тебѣ фельдъегеря и потому приказалъ онъ Дешевому возвратить его въ Тифлисъ, если попадется на дорогѣ. Такъ точно и сдѣлалось, и я весьма радъ, что могъ перемѣнить нѣкоторыя бумаги, ибо разрѣшенія съ Дешевымъ полученныя совсѣмъ дали другой видъ дѣламъ моимъ. И такъ податель сего отправляется въ другой уже разъ!

Теперь, любезнѣйшій другъ, начинаю письмо совсѣмъ съ другимъ духомъ. Предисловіемъ къ радости была милость Государя въ награжденіи офицеровъ, которые по истинѣ достойны и, конечно, не можетъ быть храбрѣйшихъ.

Прибавленіемъ войскъ вы въ первый разъ дали мнѣ чувствовать, что проживу здѣсь съ пользою и безъ стыда. Начиналъ я терять надежду и устрашали меня упреки. Ты знаешь мой характеръ огненный и къ несчастію моему я еще болѣе нетерпѣливъ, когда дѣло идетъ о службѣ. У меня многіе замыслы и безъ хвастовства скажу тебѣ, дѣльные и довольно обширные. Теперь есть возможность привести многіе въ исполненіе и я щадить трудовъ не буду.

Замирало сердце князя Петра Михайловича (Волконскаго), когда рѣшили дать мнѣ войска; онъ вѣрно думалъ, что я заварю какую нибудь кашу. Напротивъ, я только усмирю мошенниковъ дагестанскихъ, которыхъ пріязненная Персія возбуждаетъ противъ насъ деньгами, а тамъ все будетъ покойно! Правда, что многочисленны народы, но быть не можетъ у нихъ единодушія и болѣе сильны они въ мнѣніи. Здѣсь всѣ думаютъ, что они ужасны и привыкли видѣть ихъ таковыми, ибо въ прежнія времена въ здѣшней странѣ не происходило ни одной войны или набѣга, въ которыхъ бы они не участвовали и всегда въ силахъ. Многолюдство давало имъ сіи выгоды! Съ того времени вселили они ужасъ. Я довольно хорошо познакомился со свойствами здѣшнихъ народовъ и знаю, что не столько оружіемъ смирить ихъ удобно (ибо они убѣгаютъ), какъ пребываніемъ между ими войскъ, чѣмъ угрожается ихъ собственность, состоящая большею частію въ табунахъ и скотоводствѣ, которые требуютъ обширныхъ и открытыхъ мѣстъ. А въ сихъ-то мѣстахъ войска наши, хотя и въ умѣренномъ числѣ, но всегда непобѣдимы. Въ два года Дагестанъ, повсюду гдѣ есть путь войскамъ, будетъ поря-

теперешняя дорога требуетъ ежегодно значительныхъ издержекъ и трудности едва преодолимы!

Вотъ намѣреніе, могу безъ хвастовства сказать, счастливое и стоитъ труда безъ сожалѣнія.

Указъ о умноженіи войскъ написанъ довольно темно и нельзя благодарить того, кто взялъ на себя трудъ такого сочиненія. Я сидѣлъ съ грифелемъ, чтобы не обмануться въ разсчетѣ людей и кажется меня имъ не надули. Князю Петру Михайловичу донесеніе мое покажетъ, что я остороженъ. Тебѣ нужно просмотрѣть его со вниманіемъ. Рапортъ мой Государю не въ собственныя руки и прошу прочесть какъ объяснился я, что мнѣ не нужны *побочнымъ образомъ* предувѣдомленія. Не знаю почему угодно ему считать меня шпіономъ? Кажется я и открыто не боюсь говорить мои мысли? Признаюсь, что мнѣ непріятно было подобное обо мнѣ заключеніе, равно какъ и о тѣхъ, которые могутъ быть со мною въ сношеніи. Видно еще не хорошо я извѣстенъ.

Я пишу Государю *о Мадатовѣ!* Ему ханъ карабагскій, какъ уроженцу Карабага, даетъ хорошія помѣстья и проситъ меня объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія о принятіи оныхъ. Мадатовъ усердный служивый, храбрый, бѣдный и честный, а потому и надобно помогать ему и на твою долю также.

Похлопочите достать мнѣ о семъ повелѣніе поскорѣе.

Прекрасный способъ награждать безъ всякой казны потери. Онъ заживетъ господиномъ! Многіе будутъ завидовать, что не татары подобные Мадатову, а права его, по истинѣ, точно столько же основательны какъ мои на Римскую Имперію! Не надобно упускать случая, ибо Мадатовъ въ томъ же ханствѣ Карабагскомъ за то заслужитъ, а время недалеко, чтобы избавиться глупаго и гнуснаго правленія хановъ. Тутъ Мадатовъ будетъ надобенъ!!!

Нынѣшнее лѣто Мадатовъ будетъ у меня употребленъ съ отрядомъ въ Дагестанѣ и уже конечно хуже *Пестеля* ничего не сдѣлаетъ. Сего спасъ Богъ отъ гибели, но видно съ перепугу онъ еще сталъ безтолковѣе. Препровождается на линію къ бригадѣ и ему сдѣлано особенное и важное порученіе *ни во что совершенно не мѣшаться!* Иначе свяжетъ онъ *Грекова,* который служитъ съ отличною пользою.

Доселѣ чрезвычайно доволенъ я поведеніемъ *барона Вреде* въ Кубинской провинціи и все дѣлаетъ онъ съ толкомъ. Теперь начинаю я узнавать, что онъ способнѣе всѣхъ почти здѣшнихъ генераловъ. Сжальтесь надъ *Мерлини,* ему нечего ѣсть и онъ какъ медвѣдь сосетъ уже лапу. Худое командованіе полкомъ происходило отъ добродушія съ при-

мѣсью нѣкоторой глупости, но отнюдь не отъ недостатка усердія къ службѣ. Не шутя прошу тебя сыскать ему мѣсто гдѣ бы не умеръ онъ съ голоду. Онъ честенъ и можно поручить ему интересныя дѣла, гдѣ надобна вѣрность!

О Дренякинѣ безъ зазрѣнія совѣсти скажу, что какъ ни по тирански я съ нимъ поступаю, его никогда безъ твоего пособія не сбуду съ рукъ. Скоро долженъ будетъ отправляться и любезный мой Курнатовскій, который похожъ дряхлостью на Глазенапа. Этотъ моей фабрики, ибо я свидѣтельствовалъ о немъ, но обманула меня продолжительная его служба и безкорыстіе, которыя почиталъ я себя обязаннымъ уважать. Справедливо совершенно, что онъ точно таковъ, но за то уже какъ и неспособенъ! Его въ управленіи Имеретіи замѣщу Пузыревскимъ, которому приказано уже собирать о ней свѣдѣнія. Офицеръ сей расторопный, умный и дѣятельный, надѣюсь перемѣнитъ видъ Имеретіи и конечно въ короткое довольно время!

Посылаю тебѣ записку о несчастномъ лишенномъ дворянскаго достоинства унтеръ-офицеръ Рыкѣ. Если можно при случаѣ что нибудь ему сдѣлать, не упусти онаго изъ сожалѣнія.

Не браните меня за приказъ, которымъ предписываю я въ полкахъ обучать по нѣскольку человѣкъ услугѣ при артиллеріи. Здѣсь безъ сего никакъ невозможно! Впрочемъ, я не думаю, чтобы это было худо! Съ удовольствіемъ могу тебѣ сказать, что войска здѣсь совсѣмъ перемѣняютъ свой видъ, а до сего были въ ужаснѣйшемъ запущеніи и на солдатъ едва походили, кромѣ храбрости, которою всегда отличались. Я запрещаю много занимать ихъ ученьемъ, ибо повсюду большіе караулы, довольно тяжелая работа и близость границъ, привлекающая къ побѣгамъ, но со временемъ и терпѣніемъ будутъ въ хорошемъ состояніи.

Получилъ о полковыхъ обозахъ письмо и постараюсь выполнить какъ совѣтуешь.

Съ фельдъегеремъ посылается сабля, которую знаменитый здѣшній оружейникъ представляетъ Великому Князю Константину Павловичу. Два года назадъ представлена имъ сабля Императору.

Прочти со вниманіемъ и съ прежнимъ участіемъ во всемъ томъ, что до меня касается записку мою подъ названіемъ *добавленіе С.* Прощай, почтеннѣйшій и благороднѣйшій изъ людей.

176.

2-го іюня 1819 г. Тифлисъ.

Добавленіе С. Объясни мнѣ, сдѣлай милость, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, смыслъ указа о умноженіи войскъ въ корпусѣ.

Долженъ-ли я разумѣть, что корпусъ впредь комплектоваться по новому числу людей будетъ? Меня приводятъ въ недоумѣніе два мѣста въ указѣ, которыя при семъ слово въ слово выписываю:

1-е. «Я могу *временно* выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать *единожды* надежнымъ образомъ Грузинскій корпусъ».

2-е. «Такимъ образомъ корпусъ вамъ ввѣренный, конечно, можетъ имѣть *всегда* подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50,000 человѣкъ».

«Симъ же средствомъ равномѣрно можетъ быть выполнено предположеніе ваше о назначеніи *непремѣнной обороны для крѣпостей*».

Изъ сего ясно, что Государь назначаетъ новый комплектъ полковъ Грузинскаго корпуса прочнымъ на будущее время.

Но выраженіе укомплектовать *единожды надежнымъ образомъ* чрезвычайно непонятно.

Въ концѣ самаго указа весьма внятно сказано:

«Сими распоряженіями вы будете имѣть средство *единожды навсегда* устроить превосходнымъ образомъ Грузинскій корпусъ *въ надлежащую силу*».

Взгляни на тотъ пунктъ указа, гдѣ сказано прислать изъ здѣшнихъ полковъ кадры; вотъ содержаніе онаго:

«Изъ оныхъ предоставляю вамъ перевесть въ корпусъ вамъ ввѣренный всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коихъ служба и опытность признана будетъ вами полезна въ Грузіи и на линіи. Вы пришлите имъ списки съ означеніемъ, въ которые полки они будутъ вами переведены. Симъ же самымъ образомъ вы укомплектуете по лишнему офицеру въ роту».

Сего я совершенно не понимаю, ибо я съ кадрами разумѣю должно возвратить тѣхъ самыхъ офицеровъ, которые прибудутъ изъ Россіи съ полками, а не изъ Грузинскаго корпуса, гдѣ офицеровъ всегда недостатокъ, слѣдовательно мнѣ и посылать съ кадрами некого, а по той самой причинѣ и выбирать также не изъ кого.

Не могу я думать, чтобы я долженъ былъ оставить здѣсь офицеровъ, которые прибудутъ съ полками, ибо что дѣлать мнѣ со всѣми полковыми командирами и множествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ?

Не можетъ также быть полезно для службы перемѣнить офицеровъ, то есть съ кадрами послать здѣшнихъ и взять такихъ, которые не знаютъ здѣшняго края.

Я боюсь надѣлать глупостей отъ невиннаго недоразумѣнія; знаю также, что именныхъ указовъ толковать не позволено, а потому сдѣлайте милость спасите меня отъ непріятностей и дайте объясненіе на всѣ пункты моихъ сомнѣній.

Я рапортомъ требую отъ князя Петра Михайловича (Волконскаго) нѣкоторыхъ по предметамъ состоявшагося указа наставленій и при семъ случаѣ мнѣ весьма удобно предписать все то, что необходимо для объясненій. Будучи, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что я надѣлаю большихъ ошибокъ, которыя легче вамъ отвратить нежели исправлять послѣ. Пока успѣю я новымъ посѣтителямъ Грузіи путевое продовольствіе, я не получу приказанія о выступленіи войскъ изъ теперешняго ихъ расположенія, а потому прежде нежели они сюда придутъ успѣете вы прислать фельдъегеря съ нужными наставленіями. Убѣждаю васъ войти въ мое избавленіе, особливо на счетъ офицеровъ, что крайне меня затрудняетъ! Попроси отъ меня князя Петра Михайловича, онъ, конечно, не съ удовольствіемъ приметъ, если я надѣлаю глупостей. Прощай, вѣрный до смерти *А. Ермолов*.

Не могъ ранѣе отправить какъ завтра поутру!

177.

27-го іюня 1819 г. Моздокъ.

Наконецъ пріѣхалъ я на линію и по прежнему принимаюсь за дѣло. Нынѣшній годъ, думаю, еще болѣе у меня будетъ заботъ и потому, что не могъ ранѣе приняться за работу. Прошедшая жестокая зима, рано открывшаяся, охватила льдомъ въ устьяхъ Волги шедшія туда съ провіантомъ и я не могъ получить онаго прежде какъ возстановилось моремъ сообщеніе, а на раннюю весну не имѣлъ зерна въ запасѣ.

Не могу изобразить тебѣ, сколько вреда сдѣлало мнѣ то, что долгое время не разсмотрѣны были мои представленія. Я не могъ предузнать, что дано мнѣ будутъ войска, а потому въ продолженіе зимы не могъ сдѣлать покупки провіанта въ Воронежѣ, который былъ бы здѣсь на мѣстѣ. Теперь совсѣмъ нѣтъ хлѣба и въ Кавказской губерніи оказался худой весьма урожай. На одно путевое продовольствіе вой-

скамъ, идущимъ изъ Россіи, не могъ я купить одной четверти, и я готовъ былъ на нынѣшній годъ отказаться отъ войскъ, еслибы не сельскіе магазины, изъ которыхъ взялъ я заимообразно необходимое количество.

Теперь были бы войска у меня, а они не прежде придутъ какъ чрезъ полтора, а нѣкоторые и чрезъ два мѣсяца, тогда какъ непріятель собирается между тѣмъ въ большихъ силахъ и можетъ напасть на прекраснѣйшую Кубинскую провинцію, гдѣ головы также татарскія наклонныя къ безпокойствамъ. У меня нѣтъ тамъ войскъ достаточнаго числа и некѣмъ было ихъ умножить. Тебѣ какъ другу говорю я всѣ мои чувства. Государь не могъ милостивѣе рѣшить моихъ представленій, я не долженъ былъ ожидать, ни желать даже, лучшаго онымъ успѣха, ибо все то утверждено, что нужно, но нельзя принять безъ нѣкоторой досады, что я на счету такихъ пустыхъ людей, которыхъ бумаги можно не читать четыре или пять мѣсяцевъ. Такъ сдѣлано со мною, а отъ сего и произошло, что я впалъ въ излишнія затрудненія и почти на годъ надобно отсрочить то, чтобы я теперь же сдѣлалъ. Прочти мою бумагу къ князю Петру Михайловичу о здѣшнихъ происшествіяхъ и видя поведеніе мошенника хана Ширванскаго, уразумѣешь, легко-ли мнѣ притворствовать лишній годъ, тогда какъ онъ самъ долженъ чувствовать, что поведеніе его слишкомъ явно и непримѣчаемо быть не можетъ.

Когда повѣрите вы мнѣ, что здѣшній край многихъ не хуже я знаю и что донесенія мои заслуживаютъ нѣкоторое уваженіе?

Изъ доставленныхъ мною извѣстій усмотришь поведеніе шахскаго сына Аббасъ-Мирзы. Въ бытность мою въ Персіи нѣсколько трудно мнѣ было отдѣлаться отъ признанія его наслѣдникомъ, хотя въ инструкціи дано мнѣ было на то право. Я видѣлъ злобу противъ насъ и черную гнуснѣйшую его душу; видѣлъ съ неудовольствіемъ во всемъ его умѣренность и что будучи шахомъ, теперь накопленныя сокровища и доходы государства все обратитъ онъ на регулярныя войска и на учрежденіе разныхъ заведеній, пригласитъ искусныхъ иноземцевъ и персіяне будутъ приходить въ цвѣтущее состояніе, тогда какъ ненавистныя свойства сего презрительнаго народа должны по справедливости удерживать его во всякомъ родѣ безпорядка, безпутства и междоусобіяхъ. Мнѣ скажутъ, что желать сосѣдямъ послѣдняго невеликодушно и далеко человѣколюбивыхъ правилъ нынѣшняго времени. А я скажу, какъ простолюдинъ, что при всѣхъ нынѣшнихъ мудрыхъ и утонченныхъ средствахъ не видалъ я, чтобы медвѣдей привязывали розовою лентою, а не

[illegible] довольно до-
[illegible] мнѣ, чтобы
[illegible] было видѣть, какой
[illegible] честь моя по-
[illegible] о семъ ни-
[illegible] къ своему
[illegible] себя оскорбленнымъ.
[illegible] Но такъ какъ ты
[illegible] другъ любез-
[illegible] ради того, чтобы
[illegible] что я не изъ
[illegible] политикомъ, осо-
[illegible] столько же извѣстна
[illegible].

[illegible] Петру Михайловичу
[illegible] и прошу
[illegible] что не такъ я
[illegible] есть еще время, пока
[illegible] полное разрѣшеніе.
[illegible] вы меня бранить
[illegible] Сурійскомъ полку и
[illegible] которые тотчасъ по новомъ
[illegible]. Ружей съ прибывшими
[illegible] старыхъ по счету моему
[illegible] въ комплектъ по прежнему
[illegible] 12 тысячъ ружей. Посему можете вы
[illegible] времени надобно будетъ при-
[illegible] Сіи самыя ружья дѣлаютъ мнѣ большую
[illegible] негодныхъ, которыя не могутъ
[illegible].

[illegible] Арсеній Андреевичъ, о сдѣланномъ мною
[illegible] теперешняго полеваго провіантскаго при

корпусѣ управленія. Оно никакъ существовать не можетъ и по причинѣ чрезвычайной обширности земли, и паче по затруднительнымъ сообщеніямъ производитъ величайшія запутанности. Я препроводилъ статьи новаго предлагаемаго мною управленія раздѣленнаго на двѣ части, Грузинскую и Кавказскую, подъ наблюденіемъ и отчетностію состоящаго при корпусѣ оберъ-провіантмейстера. Каждый день испытываю я неудобства теперешняго управленія, и кто не согласится со мною, что таково должно оно быть, когда изъ Тифлиса должно управлять дѣйствіями коммиссіонеровъ, производящихъ главнѣйшія закупки въ Воронежѣ и Саратовѣ. Каждая малѣйшая перемѣна, всякое ничтожное приказаніе не иначе послѣдовать можетъ какъ изъ Тифлиса. Поспѣшите сдѣлать разрѣшеніе и избавить меня отъ теперешняго порядка, который долго я не вводилъ, но и терплю ужасно!

Андреевцы, куда назадъ тому дней пять прибылъ отрядъ войскъ нашихъ, показывали наклонность къ возмущенію, но люди богатые и купцы не воины и потому безъ труда и безъ шуму все приходитъ въ должный порядокъ и покорность. Такимъ образомъ въ короткое время будетъ и во многихъ мѣстахъ. По Сунжѣ нынѣшній годъ никакихъ не будетъ производиться работъ, ибо полки придутъ поздно, а до того совсѣмъ нѣтъ войскъ, что весьма жаль, ибо они отъ одной ничтожной *Грозной* весьма перемѣнились и даже нѣсколько присмирѣли. *Кабардинцы* продолжаютъ свои шалости съ тою только разницею, что дѣлаютъ мелочныя, а большихъ опасаются; но я принялъ до сего весьма удачныя мѣры; за украденный скотъ требую у нихъ уплаты скотомъ же или деньгами, за похищенныхъ или убитыхъ людей всякаго состоянія,— ловлю людей. Теперь требую нѣсколькихъ убійцъ и знаю, что мнѣ ихъ не представятъ, данъ срокъ и знаю, что пройдетъ безъ всякаго успѣха. Чрезъ мѣсяцъ человѣкъ десять годныхъ въ солдаты отправляю на службу въ Россію. Солдаты будутъ славные, но только подалѣе, дабы не могли уйти. Кабардинцы еще не видали подобныхъ случаевъ и можетъ быть примѣръ полезно на нихъ подѣйствуетъ! Не сдѣлаешь шагу здѣсь, чтобы не встрѣтить въ душѣ непріятеля, съ которымъ трудно примиреніе, ибо звѣрскій, а паче худо толкуемый законъ разжигаетъ его злобу противъ насъ.

Ты удивился, получа два мои письма съ послѣднимъ фельдъегеремъ, а сколько различно обоихъ ихъ содержаніе. Первое писано въ не наилучшемъ расположеніи духа. Пришли мнѣ положеніе поселяемыхъ войскъ, я о нихъ не имѣю ни малѣйшаго понятія и каждый о томъ разсказываетъ по своему. Изъ числа находящихся у меня фельдъеге-

рей, *Стабушъ*, какъ человѣкъ самый вѣрный и отлично честный, употребляется на разныя порученія и важныя слѣдствія. *Лащевскій* посланъ съ предписаніями о выступленіи полкамъ; *Дешевой* такъ сильную имѣетъ грудную боль, что не могъ бы доѣхать до Петербурга и я принужденъ отправить его лечиться къ минеральнымъ водамъ. Затѣмъ долженъ я былъ послать пятидесятника, не имѣя никакого другаго, прошу имѣть вниманіе, что то сдѣлалъ я по необходимости. Я хотѣлъ послать эстафету, но по новому положенію стоитъ отсюда 702 рубля и я испугался, а пятидесятника можешь или отправить обратно при фельдъегерѣ или отдать адъютанту моему для препровожденія персидскаго хана. Ему надобны люди.

Толстой твой—сокровище, онъ ѣздитъ со мною на телѣгѣ, я ему не даю спать, иногда ѣсть и мы все путешествуемъ благополучно. Солнцемъ нажгло намъ обоимъ уши, они распухли какъ подушки, лѣзетъ кожа и кажется безъ оскорбленія не останутся и прелестныя наши лица. Толстой на все рѣшается и сегодня обыкновеннымъ порядкомъ продолжаемъ путь нашъ далѣе!

178.

6-го августа 1819 г. Лагерь при Андреѣ.

Послѣднее письмо твое доставилъ мнѣ фельдъегерь Соболевъ. Справедливо выговариваешь мнѣ, что я со всѣмъ свѣтомъ перебранился, и что непріятелей у меня число несмѣтное.

Слушаю твоего дружескаго совѣта и начинаю смягчаться.

Ты не знаешь, что съ министромъ юстиціи пріятельская переписка; правда, что чрезвычайно рѣдко. Съ министромъ полиціи самыя сладкія привѣтствія взаимно. Финансы неблагосклонны, но если то отъ гордости, то не будетъ ему пощады, и я знаю то, что самое счастливѣйшее царствованіе Александра ничѣмъ не сдѣлаютъ его лучше того, что онъ есть и о уваженіи къ нему (министру) нельзя отдать въ приказѣ. Впрочемъ, какъ онъ самъ тебѣ жалуется на меня, то увѣрь его, что, конечно, несправедливо внушаютъ ему обо мнѣ. Я повинуясь тебѣ и ему даже пишу комплименты и всему достохвальному его семейству, то-есть графу Нессельроде, который точно человѣкъ прекраснѣйшій, но я не виноватъ, что имѣю съ нимъ дѣло какъ съ министромъ. На обѣдѣ, завтракѣ при устрицахъ я всегда ему пріятель; по службѣ Государя я требую не одной любезности!

Быть по волѣ твоей! Не буду сердиться за медленность разрѣ-

шевій и не бранясь буду только дѣлать повторенія, а вы дѣлайте, что за благо вамъ разсудится, лишь на мнѣ не взыскивайте.

Теперь скажу о моихъ дѣлахъ.

Нынѣшній годъ тяжелъ для меня чрезвычайно. Въ татарскихъ областяхъ, называемыхъ здѣсь дистанціями, едва было не сдѣлалось возмущенія и примѣру ихъ многіе бы послѣдовали. Въ Имеретіи бунтъ, но благодаря Бога, кажется, обойдется безъ пролитія крови. Причиною сему пожалованный вновь митрополитомъ Ѳеофилактъ, человѣкъ рѣдкаго ума и необыкновенныхъ достоинствъ, но недавно награжденный за пріумноженіе церковныхъ доходовъ, разсчелъ, что за нихъ же еще можно получить и Андреевскій орденъ. Онъ началъ неистовымъ образомъ собирать деньги и сіе произвело бунтъ, ибо онъ коснулся и частныхъ имуществъ самымъ несправедливымъ и наглымъ образомъ. Народъ возмутившійся сталъ возвращаться къ спокойствію, когда онъ выѣхалъ изъ Имеретіи: столько всѣми былъ онъ тамъ ненавидимъ. Надобно замѣтить, что умножаетъ онъ церковный доходъ мѣрами чрезвычайно утѣснительными. Еслибы обстоятельства бунта потребовали употребленія оружія, я не зналъ бы что дѣлать, ибо въ двухъ полкахъ, находящихся къ сторонѣ Чернаго моря, такой недостатокъ въ комплектѣ, что въ самой Имеретіи нѣтъ и 2,000 человѣкъ. Я весьма обязанъ благоразумію и хладнокровію старшаго Вельяминова. Впрочемъ, я и самъ, не взирая на огненный характеръ мой, долженъ бы былъ смириться. Жаль мнѣ очень, что до крайности слабое здоровье Вельяминова не допуститъ его долго служить въ здѣшнемъ краю, а то съ его трудолюбіемъ и до того познакомясь съ обстоятельствами и народами, онъ могъ быть весьма годнымъ здѣсь начальникомъ. За моего Вельяминова отвѣчаю, что когда по чину можно ему будетъ командовать, то не надобно вамъ будетъ искать другаго, ибо я такимъ образомъ употребляю его на службу, что онъ совершенно на все готовъ будетъ.

Въ Кубинскую прекраснѣйшую провинцію готовы были вступить горцы и воспрепятствовало одно ихъ несогласіе. Тамъ было нѣсколько сообщниковъ извѣстнаго бѣглаго дербентскаго хана, которые въ пользу его возмущали противъ насъ народъ. Я приказалъ схватить ихъ и они путешествуютъ моремъ въ Астрахань, учиться вѣрности своему Государю, послѣ чего стало спокойно чрезвычайно. Командующимъ тамъ генералъ-маіоромъ барономъ Вреде я отлично доволенъ и онъ какъ поведеніемъ благоразумнымъ, такъ и совершенною честностію пріобрѣтаетъ довѣренность народа. Я нашелъ его болѣе способнымъ нежели ожидалъ. Но за то какая мокрая курица у меня Курнатовскій.....

долго и самыми успѣхами не вознаградится. Изъ рапорта къ князю Петру Михайловичу (Волконскому) ты увидишь, съ какою страшною стою я здѣсь арміею и ожидаю тучи непріятелей. Поздно извѣщенъ будучи о прибавленіи войскъ къ корпусу, затрудненъ я былъ въ пріуготовленіи для нихъ продовольствія и потому одинъ самый ближайшій полкъ не прежде еще будетъ какъ чрезъ десять дней, хотя и ускорилъ я его маршъ. Всѣ прочіе придутъ гораздо послѣ. Фельдъегерь посланный отъ меня нашелъ нѣкоторые полки недошедшими до квартиръ, назначенныхъ имъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся люди въ караулахъ въ большомъ разстояніи и даже цѣлыми баталіонами, которыхъ полки дожидаясь не выступаютъ въ предписанное время. Двѣ роты артиллеріи, назначенныя въ корпусъ, находятся въ Полтавѣ, и когда отыскалъ ихъ фельдъегерь, то онѣ не имѣли лошадей, слѣдовательно изъ такого отдаленія скоро-ли придти могутъ? Вотъ положеніе моихъ дѣлъ и, конечно, не самое лучшее! Въ предписаніи ко мнѣ сказано, что въ 10-ти полкахъ пѣхоты, идущихъ изъ Россіи вмѣстѣ съ 8-мъ егерскимъ здѣсь находящимся, состоитъ людей до 26 тысячъ человѣкъ. Теперь получаю я отъ полковъ рапорты и рѣдкій изъ нихъ въ двѣ съ небольшимъ тысячи человѣкъ, но многіе гораздо менѣе, а объ одномъ уже извѣстно, что пяти комплектныхъ ротъ не составляетъ. Я думаю, что съ прорвавшимися четырьмя тысячами рекрутъ не будетъ даже до 26 тысячъ. Полки идутъ обремененные заручною отъ расформированныхъ 2-хъ баталіоновъ и недостающихъ въ комплектъ людей аммуниціею, и я не знаю, что дѣлать; полкамъ на свозъ оной не отпущено ни малѣйшей коммиссаріатской суммы и они вѣрно разбросаютъ ея по дорогѣ, и тѣ ружья, которыхъ ожидалъ столько нетерпѣливо.

Не подумай, другъ любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, что я говорю тебѣ съ огорченіемъ. Оно безполезно, и теперь знаю я кто дѣлалъ распоряженіе, слѣдовательно не укорять хочу кого-нибудь. Но желаю, чтобы ты зналъ, какъ другъ мой, какъ все то дѣлается и какъ не во-время всѣ получаю я пособія, впрочемъ, по справедливости чрезвычайныя. Послѣ сего прошу судить о затрудненіи, въ которомъ я находиться долженъ и мудрено-ли, если ошибусь я въ нѣкоторыхъ разсчетахъ.

Ты пишешь, что прислали вы объясненія на мои вопросы, но кажется, нужны еще будутъ нѣкоторыя на тѣ вопросы, что отправилъ я съ урядникомъ казачьимъ, изъ Моздока.

Фельдъегерь твой Лащевскій ведетъ себя прекраснѣйшимъ образомъ, но чрезвычайно попрашивался въ Петербургъ, однако, по при-

казанію твоему пришлю я его нѣсколько выдержавши; Дешевому есть легче, но здоровье его неблагонадежно, а за то Силинъ занемогъ лихорадкою жестокою въ проклятомъ Моздокѣ, гдѣ находится онъ съ вещами. Не знаю, откуда берешь ты фельдъегерей, но я не видалъ еще ни одного, котораго бы поведеніе не заслуживало одобреніе.

Принеси совершеннѣйшее мое почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ.

Толстой твой часъ отъ часу лучше. Нельзя быть скромнѣе, осмотрительнѣе и осторожнѣе какъ онъ, и для военнаго времени долженъ онъ быть человѣкъ безцѣнный; я его люблю душевно!

Прощай, продолжи мнѣ несравненную твою дружбу.

179.

28-го августа 1819 г. Кр. Внезапная.

Послѣдній фельдъегерь вашъ привезъ мнѣ многія разрѣшенія, облегчающія меня въ не малыхъ затрудненіяхъ, но какъ я ничего столько не боюсь, какъ не угадать воли начальства, то хотя и буду казаться вамъ скучливымъ, рѣшаюсь однакоже еще сдѣлать нѣкоторые вопросы, о коихъ посылаю оффиціальныя бумаги.

По привычкѣ увѣдомлять тебя обо всемъ со мною случающемся я пишу обо всемъ, что приходитъ мнѣ въ голову.

Противъ меня въ заговорѣ всѣ возможныя затрудненія, и я не понимаю, какъ изъ нѣкоторыхъ я выпутываюсь. Въ прошломъ году, какъ тебѣ извѣстно, замерзъ мой провіантъ при устьяхъ Волги; теперь, по удивительной дѣятельности астраханскаго губернатора, провіанта у меня множество, но отъ пристани развозить нечѣмъ. На линіи скотскій падежъ ужаснѣйшій, и нагайцы, которыхъ самъ я пригласилъ къ перевозкѣ, даже и то количество, которое они поставлять обязаны, перевезть не въ состояніи, а мнѣ надобно двойное. Тутъ я сталъ въ пень! Отъ сего можетъ не состояться мой походъ на Дагестанъ, который намѣревался я сдѣлать приходящими изъ Россіи войсками до ихъ по полкамъ распредѣленія, ибо когда разойдутся по назначенію, то опять трудно мнѣ будетъ собрать достаточное для дѣйствій количество. Вотъ, другъ почтеннѣйшій, досадныя встрѣчи и которыхъ никакая не въ силахъ отвратить дѣятельность, хотя ты во мнѣ находилъ оную.

Посмотримъ, что будетъ, если не злодѣйскимъ Дагестаномъ, то займусь ближайшими сосѣдями чеченцами, которые дѣлаютъ наглѣйшія

шалости. Одна въ прошедшемъ году построенная крѣпость Грозная, оказывая намъ величайшія услуги, не можетъ однакоже смирить сильный народъ и избалованный. Другая такая познакомитъ ихъ съ голодомъ, а лѣвый флангъ линіи отдохнетъ отъ бѣдствій.

Я теперь въ Андреевѣ. Неимовѣрною скоростію строющіяся укрѣпленія въ такое приведены состояніе, что я ожидаю горцевъ спокойно и даже въ маломъ числѣ моихъ войскъ нахожу излишество. Сообщенія мои не самыя только вѣрныя, но скоро придетъ 42-й егерскій полкъ, тогда и о томъ заботиться не буду.

Лезгины соединились съ чеченцами и всѣ почти подвластные андреевскихъ владѣльцевъ съ ними въ заговорѣ. Жители самаго города Андреева разбѣжались, боясь будто приближенія непріятеля, тогда какъ достовѣрно знаю я, что они сами приглашали измѣнника хана Аварскаго придти для ихъ освобожденія отъ русскихъ.

Глупымъ народомъ населяющимъ Андреевъ управляютъ нѣсколько злодѣевъ старшинъ и сіи то желали бы весьма, чтобы нога русскихъ не была на землѣ ихъ. Я притворствую, что вѣрю страху ихъ, не удивляюсь, что жители разбѣжались, нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ возмутителей удерживаю особыми ласками, ожидая, что, увѣрясь въ простотѣ моей, соберутся они въ большемъ количествѣ и тогда въ одно прекрасное утро я ихъ *цапну*. Увидятъ бѣдные и невинные, что наказаны возмущавшіе ихъ, и получатъ къ намъ привязанность.

Мадатовъ нашъ командуетъ пречудеснымъ войскомъ, съ нимъ собранные съ ханства татары и весьма мало войскъ нашихъ. Ему строго приказано не только не раздражать сильныхъ непріятелей, но даже показывать, что ни малѣйшаго о нихъ не имѣетъ помышленія. Сдѣлай одолженіе, для общаго пріятеля, постарайся, чтобы графъ Нессельроде вошелъ къ Государю съ докладомъ по моему представленію, въ разсужденіи имѣнія возвращаемаго ему ханомъ Карабагскимъ. Мадатовъ служитъ похвальнѣйшимъ образомъ, и мнѣ по обстоятельствамъ необходимо, что онъ пріобрѣлъ довѣренность хана. Я боюсь, чтобы графъ Нессельроде, сердясь на меня, не повредилъ ему. Для тебя онъ все сдѣлаетъ, а меня крайне бы огорчило, если бы оставили мое представленіе. Я знаю состояніе и нужду семейства Мадатова, у него жива еще мать старуха, о которой онъ заботится.

Спроси князя Петра Михайловича (Волконскаго), гдѣ назначитъ онъ мѣста, куда бы могъ я посылать отсюда на службу разные народы? У меня здѣсь столько шалуновъ, возмущающихъ спокойствіе людей, готовыхъ быть добрыми подданными Государя. Хотѣлъ я че-

чепцевъ и кабардинцевъ отправлять въ Сибирь въ войска, но не знаю, почему оттуда посланные даже въ работу уходятъ безъ большихъ затрудненій. Въ одномъ ханствѣ шекинскомъ имѣю я таковыхъ недавно возвратившихся изъ Сибири 22 человѣка. Есть въ Персіи и даже здѣсь въ Андреѣ былъ одинъ. Они проходятъ чрезъ киргизцовъ, а бухарцы, какъ единовѣрцевъ, принимаютъ хорошо и даютъ всякое пособіе—въ прошедшемъ году нѣсколько чеченцевъ отправилъ я въ Камчатку изъ предосторожности отъ побѣговъ, но я самъ знаю, что это худое средство, ибо многіе современемъ могли бы быть годными, а не каждый вынести дальній путь можетъ. Нельзя-ли на островъ Эзель, въ Финляндію или Архангельскъ? Здѣсь есть разные *беки*, *беи*,—то есть владѣльцы, которые почитаютъ храбростью и удальствомъ собственными руками убивать своихъ подвластныхъ. Нельзя наказывать ихъ какъ преступниковъ, пока законы наши не будутъ распространены на нихъ, особливо когда между здѣшними народами подобныя дѣянія пріемлются отличіемъ, но нельзя вразумить ихъ, что то преступленіе, иначе какъ нѣкоторымъ смиреніемъ и таковыхъ, по мнѣнію моему, надобно опредѣлять въ службу унтеръ-офицерами, какъ людей принадлежащихъ высшему состоянію или здѣшнему дворянству. У меня теперь уже сидитъ одинъ въ крѣпости ребенокъ едва въ 18 лѣтъ возраста и уже убившій двухъ человѣкъ, о чемъ никто не сказалъ ни слова, какъ о происшествіи весьма обыкновенномъ. Онъ изъ владѣльцевъ и хорошей фамиліи и отправится съ кадрами въ Россію. И такъ мнѣ надобно разрѣшеніе, куда въ дальнія мѣста отправлять *простолюдиновъ* въ солдаты, и куда не столько далеко отправлять людей *лучшаго* происхожденія въ унтеръ-офицеры. Пригласи, сдѣлай милость, князя подумать о семъ обстоятельно.

Въ Имеретіи происходитъ у меня величайшее смятеніе, благодаря распоряженіямъ главнаго здѣшняго духовенства, которое всякими и даже не самыми обстоятельствамъ приличествующими средствами хочетъ умножить церковные доходы. Едва было не дошло до оружія и мы не могли бы угасить мятежъ и скоро и достойнымъ образомъ; а въ такихъ случаяхъ невыгодно показать недостатокъ способовъ. И такъ, я, соблюдая возможную умѣренность, рѣшился поступкамъ моимъ давать видъ сожалѣнія къ заблужденію народа и всю наружность великодушія. Нельзя было въ семъ случаѣ лучшаго имѣть поведенія, какъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й, который все распорядилъ въ мое отсутствіе изъ Грузіи и до сего времени не было ни одного выстрѣла. По послѣднимъ оттуда извѣстіямъ начинаютъ не съ прежнимъ жаромъ составляться скопища мятежниковъ и нѣкоторые изъ главныхъ возмутителей не ту

шалости. Одна въ прошедшемъ году построенная крѣпость Грозная, оказывая намъ величайшія услуги, не можетъ однакоже смирить сильный народъ и избалованный. Другая такая познакомитъ ихъ съ голодомъ, а лѣвый флангъ линіи отдохнетъ отъ бѣдствій.

Я теперь въ Андреевѣ. Неимовѣрною скоростію строющіяся укрѣпленія въ такое приведены состояніе, что я ожидаю горцевъ спокойно и даже въ маломъ числѣ моихъ войскъ нахожу излишество. Сообщенія мои не самыя только вѣрныя, но скоро придетъ 42-й егерскій полкъ, тогда и о томъ заботиться не буду.

Лезгины соединились съ чеченцами и всѣ почти подвластные андреевскихъ владѣльцевъ съ ними въ заговорѣ. Жители самаго города Андреева разбѣжались, боясь будто приближенія непріятеля, тогда какъ достовѣрно знаю я, что они сами приглашали измѣнника хана Аварскаго придти для ихъ освобожденія отъ русскихъ.

Глупымъ народомъ населяющимъ Андреевъ управляютъ нѣсколько злодѣевъ старшинъ и сіи то желали бы весьма, чтобы нога русскихъ не была на землѣ ихъ. Я притворствую, что вѣрю страху ихъ, не удивляюсь, что жители разбѣжались, нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ возмутителей удерживаю особыми ласками, ожидая, что, увѣрясь въ простотѣ моей, соберутся они въ большемъ количествѣ и тогда въ одно прекрасное утро я ихъ *цапну*. Увидятъ бѣдные и невинные, что наказаны возмущавшіе ихъ, и получатъ къ намъ привязанность.

Мадатовъ нашъ командуетъ пречуднымъ войскомъ, съ нимъ собранные съ ханства татары и весьма мало войскъ нашихъ. Ему строго приказано не только не раздражать сильныхъ непріятелей, но даже показывать, что ни малѣйшаго о нихъ не имѣетъ помышленія. Сдѣлай одолженіе, для общаго пріятеля, постарайся, чтобы графъ Нессельроде вошелъ къ Государю съ докладомъ по моему представленію, въ разсужденіи имѣнія возвращаемаго ему ханомъ Карабагскимъ. Мадатовъ служитъ похвальнѣйшимъ образомъ, и мнѣ по обстоятельствамъ необходимо, что онъ пріобрѣлъ довѣренность хана. Я боюсь, чтобы графъ Нессельроде, сердясь на меня, не повредилъ ему. Для тебя онъ все сдѣлаетъ, а меня крайне бы огорчило, если бы оставили мое представленіе. Я знаю состояніе и нужду семейства Мадатова, у него жива еще мать старуха, о которой онъ заботится.

Спроси князя Петра Михайловича (Волконскаго), гдѣ назначитъ онъ мѣста, куда бы могъ я посылать отсюда на службу разные народы? У меня здѣсь столько шалу[illegible] людей, готовыхъ быть добрыми [illegible]

нцевъ и кабардинцевъ отправлять въ Сибирь въ войска, но не знаю,
чему оттуда посланные даже въ работу уходятъ безъ большихъ за-
удненій. Въ одномъ ханствѣ шекинскомъ имѣю я таковыхъ [illegible]
звратившихся изъ Сибири 22 человѣка. Есть въ Персіи и [illegible]
Андреѣ былъ одинъ. Они проходятъ чрезъ киргизцовъ, а [illegible]
къ единовѣрцевъ, принимаютъ хорошо и даютъ всякое пособіе—въ
ошедшемъ году нѣсколько чеченцевъ отправилъ я въ [illegible]
едосторожности отъ побѣговъ, но я самъ знаю, что это худое сред-
во, ибо многіе современемъ могли бы быть годными, а не каждый
нести дальній путь можетъ. Нельзя-ли на островъ Эзель, въ Фин-
ндію или Архангельскъ? Здѣсь есть разные беки, ханы,—[illegible]
льцы, которые почитаютъ храбростью и удальствомъ собственными ру-
ми убивать своихъ подвластныхъ. Нельзя [illegible]
упниковъ, пока законы наши не будутъ [illegible]
обливо когда между здѣшними народами [illegible]
личіемъ, но нельзя вразумить ихъ, что то преступленіе [illegible]
ѣкоторымъ смиреніемъ и таковыхъ, по [illegible]
ть въ службу унтеръ-офицерами, какъ людей [illegible]
ему состоянію или здѣшнему дворянству. [illegible]
инъ въ крѣпости ребенокъ едва въ 16 лѣтъ [illegible]
ухъ человѣкъ, о чемъ никто не сказалъ [illegible]
віи весьма обыкновенномъ. Онъ [illegible]
отправится съ кадрами въ Россію. [illegible]
да въ дальнія мѣста отправлять [illegible]
столько далеко отправлять людей [illegible]
ицеры. Пригласи, сдѣлай милость [illegible]

Въ Имеретіи происходитъ у [illegible]
споряженіямъ главнаго [illegible] пишу
самыми обстоятельствами [illegible]
ть церковные доходы. [illegible] ивъ лез-
угасить мятежъ [illegible] ченцами и
ихъ невыгодно [illegible] ѣкъ. Укрѣп-
зможную умѣренность [illegible] ложеніемъ, но
льнія въ заблужденіи [illegible] встрѣчу. Двѣ
ло въ семъ случаѣ [illegible] льшія силы, но
ить. Большими [illegible] ольшимъ остерве-
Грузіи и [illegible] кую схватку рѣдко
мъ оттуда [illegible] заплатили за дер-
ойница [illegible] хъ за возвышеніемъ

уже имѣютъ силу въ народѣ. Богъ дастъ все обойдется скромнымъ образомъ и точно мы обязаны симъ *Вельяминову*. Между разговорами старайся довести о семъ до свѣдѣнія съ хорошей стороны и упомяни о *Сысоевѣ*, который тамъ употребленъ теперь и командуетъ войсками.

Я получилъ письмо отъ бывшаго адъютанта моего полковника фонъ-Визина, которымъ убѣждаетъ онъ меня, чтобы я просилъ тебя, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, о переводѣ его въ Грузинскій корпусъ. Не знаю почему надѣется онъ на сихъ дняхъ произведенъ быть генералъ-маіоромъ, но признаюсь тебѣ, что въ чинѣ генерала онъ здѣсь еще болѣе мнѣ нуженъ. Постарайся, сдѣлай милость, перевесть его, все равно будетъ-ли онъ произведенъ или нѣтъ, я посылаю къ тебѣ оффиціальную о томъ бумагу, употреби ходатайство твое у Государя.

Вы совсѣмъ загоняли меня упреками, что я пишу очень рѣзко, такъ что я уже и безъ желанія писать рѣзко не знаю какъ составлять мои по службѣ бумаги, а потому тебѣ только дружески скажу, что полки идущіе сюда изъ Россіи совсѣмъ не въ томъ числѣ людей какъ сказано въ указѣ. Не знаю кому было выбрать приказано полки, но выборъ по истинѣ чрезвычайный. Есть такіе, что не сильнѣе одного баталіона по здѣшнему новому положенію, но идутъ со множествомъ офицеровъ, ведутъ лошадей и тьму нестроевыхъ людей, которые фуражомъ и провіантомъ разорятъ меня совершенно.

Въ 45-мъ егерскомъ полку какая-то дрянь изъ гвардіи полковникъ, который безпрестанно пишетъ рапорты на офицеровъ, а они на него жалобы, и я не видавъ еще на грошъ отъ нихъ пользы, долженъ уже начинать арестами и военнымъ судомъ.

42-й егерскій полкъ теперь у меня находящійся точно весь выпущенъ изъ школы, начиная съ самихъ офицеровъ, между коими три или четыре имѣютъ видъ человѣческій; солдаты же всѣ дѣти и только что довольно одѣты чисто, но о настоящей службѣ понятія не имѣютъ. Командующій имъ ожидаетъ чина генеральскаго. Онъ точно старый офицеръ, но, кажется, нѣтъ въ немъ большой нужды.

Апшеронскій полкъ хвалятъ и я его вскорѣ сюда ожидаю; когда прибудетъ, тебя подробно увѣдомлю. Я не сомнѣваюсь, что онъ въ порядкѣ, ибо братъ Михайло (графъ Воронцовъ) доставлялъ командирамъ весьма большія выгоды и стыдно было бы имъ не имѣть полковъ въ исправности.

43-й егерскій полкъ, какъ я слышалъ, состоитъ весь изъ рекрутъ и пренесчастный.

Вообще въ полкахъ множество людей неспособныхъ къ службѣ,

нѣкоторыхъ надлежало бы освидѣтельствовать и сюда не засылать далеко понапрасно.

По большому въ полкахъ недостатку людей множество заручной аммуниціи долженъ я былъ приказать оставить въ вѣдѣніи коммиссаріата и съ тѣмъ вмѣстѣ остались ружья, которыми бы нужно перемѣнить негодныя въ здѣшнихъ полкахъ, но я не знаю когда и какъ въ состояніи буду ихъ перевезть. Словомъ, я не понимаю какимъ образомъ я укомплектуюсь и какъ слажу съ ужаснѣйшими хлопотами собственно отъ образа укомплектованія происходящими. Не прими, другъ любезнѣйшій, сіе за жалобу, тебѣ одному говорю о томъ и въ десятую долю не напишу оффиціально. Увидите только какъ велика погрѣшность ваша въ исчисленіи людей и какъ за тѣмъ великъ будетъ въ людяхъ недостатокъ, который необходимо должно будетъ пополнять рекрутами. Не откажите мнѣ ихъ въ будущемъ году, ибо мнѣ и дѣйствовать и работать надобно!

Хотѣлъ еще продолжать письмо и отправить фельдъегеря, но останавливаю его до моего возвращенія. Завтра иду противъ лезгинъ, которыхъ собралъ измѣнникъ Аварскій ханъ довольно въ большихъ силахъ и почитая меня слабымъ и занимающимся строеніемъ крѣпости, осмѣлился подойти довольно близко. Вскорѣ увѣдомлю я тебя о послѣдствіи и до того фельдъегерь не поѣдетъ.

Не прощаюсь, буду писать болѣе.

180.

10-го сентября 1819 г. Андрей.

Я сдержалъ свое слово и не долго остановивъ фельдъегеря пишу къ тебѣ.

Предъ разсвѣтомъ 29-го числа августа пошелъ я противъ лезгинъ, которыхъ измѣнникъ Аварскій ханъ, соединивъ съ чеченцами и другими горскими народами, имѣлъ не менѣе 6 тысячъ человѣкъ. Укрѣпленіе ихъ было въ мѣстахъ чрезвычайно твердыхъ положеніемъ, но они съ нѣкоторыми силами имѣли глупость выдти на встрѣчу. Двѣ роты нашихъ егерей два раза опрокинули гораздо бо̀льшія силы, но должны были уступить, когда въ третій разъ съ большимъ остервененіемъ бросились они въ кинжалы и сабли. На такую схватку рѣдко пускаются здѣшніе народы и въ семъ случаѣ дорого заплатили за дерзость. Непріятель не могъ видѣть расположенныхъ за возвышеніемъ

семи ротъ Кабардинскаго полка, изъ числа которыхъ двѣ врѣзались въ самую толпу штыками, и когда хотѣлъ непріятель бѣжать въ сторону, встрѣтилъ три роты того же полка, зачѣмъ и послѣдовало такое поспѣшное бѣгство, что только можно было успѣть преслѣдовать двумя егерскими ротами, дравшимися прежде, и двумя кабардинскими, опрокинувшими всю толпу, къ коимъ присоединились спѣшенные казаки, ибо съ такой высоты сброшенъ былъ непріятель, что не безъ труда и пѣхота могла спуститься. Непріятель послѣ сего засѣлъ въ пріуготовленныхъ окопахъ, конечно, ожидая, что преслѣдующія войска наши бросятся въ оные, но я, напротивъ, собралъ войска, расположилъ ихъ въ долинѣ довольно покойнымъ лагеремъ и только передовыми постами и артиллеріею стѣснилъ въ ущельи непріятеля и отрѣзалъ ему сообщеніе съ долиною, гдѣ отъ неблагонамѣренныхъ намъ жителей получалъ онъ продовольствіе. Въ семъ положеніи продержалъ я его четверо сутокъ, въ продолженіе коихъ хотя и получилъ онъ сикурсы, но только могла переправиться одна конница, ибо вода въ рѣкѣ Сулакѣ слишкомъ высока была для пѣхоты. Въ ночи на 3-е число непріятель побѣжалъ и разсѣялся совершенно. Я сдѣлалъ одинъ маршъ въ горы такими мѣстами, что войска наши ужаснулись и жители земли теперь вѣрятъ тому съ изумленіемъ. Я не встрѣтилъ ни одного человѣка, и слибы не призывали меня работы въ крѣпости Внезапной, я могъ бы пройти въ горахъ куда хотѣлъ и едва-ли бы больше нашелъ препятствіе, развѣ отъ самой природы!

Не вообразишь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, какое особенное счастіе представило (?) мнѣ сихъ глупыхъ лезгинъ. Предводитель ихъ, измѣнникъ Аварскій ханъ, взялъ со всѣхъ присягу на истребленіе русскихъ, повсюду разосланы были возмутительныя прокламаціи, глупые мусульманскіе муллы возбуждали закономъ, представляя его угрожаемаго паденіемъ и что хуже колебались подвластные намъ народы, а нѣкоторые и измѣнили. Разсѣяніе непріятеля сдѣлало всѣхъ услужливыми и мягкими, а распространившійся ужасъ приготовилъ мнѣ добрыхъ слугъ, которые на походъ мой въ Дагестанъ будутъ исправно возить мнѣ провіантъ, котораго не находилъ я средства транспортировать, и я не заплатя за то ни гроша, за величайшее милосердіе выставлю то, что я пощадилъ ихъ и даже даровалъ жизнь. Жаль мнѣ, что не зная здѣшнихъ народовъ, не примутся въ настоящемъ видѣ здѣшнія дѣла, ибо важность оныхъ привыкли мы оцѣнивать количествомъ нашей потери. При моей осторожности сего не должно случиться, развѣ силы непріятеля будутъ чрезвычайно превосходны, но и

тогда употреблю я всѣ отъ меня зависящія средства и на успѣхъ оныхъ не могу не надѣяться!

Сдѣлай дружбу, постарайся, чтобы представленные мною офицеры были награждены; я выбралъ число весьма малое, а собственно мнѣ принадлежащихъ я назначилъ тѣхъ только, напримѣръ: князя Бековича и Самойлова, которымъ за дѣла прошлаго года я ничего не просилъ и, конечно, всякій бы другой имъ доставилъ. Ты можешь судить о скупости моей въ сихъ случаяхъ потому, что я молчу о твоемъ *графѣ Толстомъ*, котораго я люблю много. Я нарочно не представляю о немъ, что у меня въ виду экспедиція на чеченцевъ и по средствамъ, которыя имѣю я теперь несомнѣнныя; тогда упомянувъ о службѣ его въ теперешнемъ случаѣ и въ новомъ буду просить о переводѣ его въ гвардію. Ему нечего уже давать и надобно его подвинуть впередъ. Изъ него будетъ добрый, старательный чрезвычайно и осмотрительный офицеръ, съ которымъ не долженъ я разстаться, пока я здѣсь самъ. Между тѣмъ, прошу поставить на видъ стороною, что будучи тебѣ истиннымъ другомъ, ничего, однакоже, для дружбы не дѣлаю. Это принесетъ большую пользу и теперешнимъ и будущимъ моимъ представленіямъ и мнѣ легче будетъ ободрять службу достойныхъ офицеровъ. Имѣй уваженіе къ сему моему намѣренію. Мои адъютанты важно служатъ: *Бековичъ* въ свалкѣ съ лезгинами изрубилъ собственною рукою двухъ человѣкъ, а графъ Самойловъ изъ пистолета застрѣлилъ одного. Столько каждый изъ служащихъ желаетъ отличиться. У всѣхъ много доброй воли, и я долженъ сказать о Кабардинскомъ полку, что онъ храбростію своею стоитъ тысячей и чрезвычайно хорошо знаетъ родъ здѣшней войны. Если встрѣтится важный случай я не обойдусь безъ сего полка и буду просить ему Георгіевскихъ знаменъ. У него есть Мальтійскія знамена покойнымъ Императоромъ пожалованные за храбрость.

Если случится разговоръ, то скажи слово о семъ полку. Досадно, что, по описаннымъ мною въ рапортѣ обстоятельствамъ, полкъ сей долженъ перемѣнить свое имя, въ которомъ оказалъ онъ отличныя заслуги и я не знаю, что дѣлать съ его жалованными знаменами?

Пришелъ, наконецъ, и Апшеронскій полкъ, о которомъ говорилъ я тебѣ въ первомъ письмѣ. Я незнакомъ еще съ нимъ коротко, кажется, что долженъ быть исправенъ. Оружіе у него прекраснѣйшее и аммуниція. Людей подъ ружьемъ немного, въ числѣ ихъ до 150 человѣкъ неспособныхъ, частію поступившихъ изъ милиціи старыхъ и не мало отморозившихъ пальцы на ногахъ во время пребыванія ихъ въ Москвѣ. Таковыхъ не надлежало бы посылать сюда для того только,

чтобы сдѣлавъ дальній путь показать мнѣ то, что должны были видѣть начальники до ихъ отправленія. Еще повторяю тебѣ, что полки приходятъ сюда въ весьма маломъ числѣ людей и вы увидите какой будетъ недостатокъ въ людяхъ по новому комплекту.

Я копаюсь съ своими крѣпостями, которыя занимаютъ чрезвычайно много время, но безъ которыхъ нельзя никакъ здѣсь обойтись. Нынѣшній годъ также свирѣпствуютъ здѣсь болѣзни; жары большія и ночи весьма холодныя. Простуда у насъ одолѣваетъ и больныхъ ужасно много. Для сохраненія людей я перевелъ войска на квартиры въ Андреевскую деревню и ожидаю, что число больныхъ много уменьшится.

Повторяю просьбу мою о фонъ-Визинѣ: сдѣлай милость постарайся о его переводѣ въ грузинскій корпусъ. Онъ вамъ не столько нуженъ и, конечно, Государь не захочетъ отказать мнѣ офицера, который служилъ мнѣ адъютантомъ. Уважьте мою бѣдность въ генералахъ, а онъ, если бы и не былъ еще произведенъ, то по старшинству своему займетъ мѣсто онаго справедливо. Онъ самъ того желаетъ и очень проситъ. Я думаю, что онъ просить тебя самъ о томъ будетъ. До сихъ поръ офицеровъ, которыхъ видѣлъ я съ пришедшими полками, то не многихъ я здѣсь оставлю, а прочіе возвратятся въ Россію съ кадрами. Не знаю, что въ тѣхъ полкахъ, которые прямо пошли въ Грузію? Видно однакоже, что и у васъ не великій избытокъ въ славныхъ офицерахъ.

Засвидѣтельствуй мое совершеннѣйшее почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ; хотѣлъ было пуститься писать къ ней на французскомъ языкѣ, но не могъ ничего выдумать, ибо для меня это не такъ легко.

Напиши, сдѣлай дружбу, о братѣ Михайлѣ (графѣ Воронцовѣ). Н. Н. Раевскій увѣдомлялъ меня, что его вскорѣ ожидаютъ въ Россію. Онъ пишетъ, что онъ сдѣлался еще интереснѣе прежняго и увѣряетъ, что много весьма выигралъ своею женитьбою. Здѣсь былъ у меня Франкъ и сказывалъ, что то сдѣлалось совсѣмъ неожиданнымъ образомъ и братъ Михайло прежде о томъ не помышлялъ. Теперь не заманишь его въ Грузію, а я, право, думалъ, что онъ скоро явится смѣнить меня. Онъ занимается здѣшнимъ краемъ и не мудрено, если воспоминаешь о немъ съ пріятностію, ибо онъ былъ во времена славнаго по истинѣ Цицianова.

Прощай, другъ почтеннѣйшій, прикажи вѣрнѣе доставить письмо мое старику Петру Ивановичу. Я отправилъ къ Государю славнѣйшую персидскую лошадь и она должна нѣкоторое время побыть на конюшнѣ

старика, чтобы отдохнуть съ дороги. Нельзя-ли, когда приведутъ ее, предупредить, чтобы не вздумали мнѣ платить за нее, ибо я не съ тѣмъ послалъ намѣреніемъ, чтобы стащить деньги или какой-нибудь подарокъ. Меня бы это обидѣло!

Еще есть усерднѣйшая до тебя просьба, чтобы ты отклонилъ отъ меня всякую награду за здѣшнія дѣла. Я божусь самимъ Богомъ, что и за важнѣйшія, если случатся, мнѣ досадно будетъ получить что-нибудь, ибо столько доволенъ я своимъ положеніемъ, что безсовѣстно было бы желать чего-нибудь болѣе.

Прощай, люби меня попрежнему и вѣрь вѣчной моей приверженности.

Не забудь попросить *графа Нессельроде*, чтобы доложилъ Государю объ имѣніи, которое отдаетъ князю Мадатову ханъ Карабагскій. Можетъ быть сердясь на меня онъ и ему сдѣлаетъ вредъ, а съ тобою будучи въ хорошемъ отношеніи онъ не испортитъ. А нынѣшнюю зиму надобно *тиѣ мастеру* и лента! Онъ, право, молодецъ.

181.

30-го сентября 1819 г. Кр. Внезапная.

Ты не перестаешь быть другомъ, въ которомъ я всегда болѣе познаю и душу прекраснѣйшую и свойства благородныя. Спрашиваешь скоро-ли могу я быть въ Петербургѣ и желаешь, чтобы я у тебя остановился въ домѣ. Мнѣ приказываетъ о семъ и Аграфена Федоровна, чему я и не удивляюсь, ибо отъ многихъ слышалъ я, что у тебя и жена любезностію и добротою чудесная. Ты весьма угадалъ, что мнѣ не мало двухъ небольшихъ комнатъ, но мнѣ тебѣ не должно обманывать и потому скажу тебѣ, что мнѣ казаться будетъ, что я васъ безпокою. Если я и въ ближайшемъ стану трактирѣ, то я всегда буду у тебя, ибо я не намѣренъ бѣгать по городу, и гдѣ такіе знакомые, у которыхъ было бы мнѣ лучше нежели у моего достойнѣйшаго Арсенія Андреевича? Во всякомъ случаѣ прежде февраля мѣсяца мнѣ никакъ пріѣхать невозможно, ибо необходимо долженъ я идти зимою въ Дагестанъ. Зима—то время, въ которое не все однимъ оружіемъ пріобрѣтается успѣхъ, слѣдовательно, и съ меньшею гораздо потерею, по той причинѣ, что народы въ одномъ скотоводствѣ имѣющіе все свое богатство и за него страшатся, особливо когда овладѣю я плоскими мѣ-

стами, гдѣ непремѣнно стада должны находиться или погибнуть непремѣнно отъ стужи.

Въ бумагѣ твоей сказано, что не прежде могу я воспользоваться позволеніемъ ѣхать въ Петербургъ какъ по укомплектованіи корпуса. Я надѣюсь, однакоже, что ты сіе передѣлаешь или мнѣ нынѣшнюю зиму совсѣмъ не ѣхать. Я посылаю на сей счетъ оффиціальную бумагу, изъ коей увидишь причины и сдѣлай милость постарайся. Презатруднительное укомплектованіе меня губитъ, и я вижу величайшія непріятности за медленное отправленіе отсюда кадровъ, но и на сей предметъ есть къ тебѣ отношеніе, которое совершенно меня оправдываетъ. Я боюсь ужасно неудовольствій, когда нѣтъ ни малѣйшей вины со стороны моей. Ты говоришь мнѣ, чтобы я не опасался Петербурга. Морозъ по кожѣ подираетъ! развѣ снисходительны будутъ къ неловкости жителя Азіи, иначе я пропалъ! Однакоже, столько власти, любезнѣйшій другъ, имѣютъ надо мною твои совѣты, что я по новой системѣ не отчаяваюсь успѣть во многомъ. Благодарю за графа Нессельроде, онъ весьма благородный человѣкъ и мнѣ самому жаль, что я противъ него дѣйствовалъ наступательно. Я еще пишу къ нему и мы поладимъ! У меня и съ финансами давно нѣтъ спора и мы находимся въ пресладкихъ вѣжливостяхъ, но точно мутятъ его душою, иначе имѣлъ бы я въ ней уголокъ, изъ Петербурга не выѣду не занявъ въ ней постоя. Полно воевать, особливо всегда здѣсь злодѣйствуя совсѣмъ отвыкнешь отъ мирнаго обращенія.

За что раздираешь ты мнѣ сердце воспоминая, что никогда не избавлюсь я Дренякина и Мерлини. Сего послѣдняго мнѣ уже и жаль. Онъ безъ столовыхъ денегъ состоитъ на пищѣ св. Антонія, и похудѣлъ до крайности. Не примутъ-ли худо, если я ему отыщу такую бригаду, которой онъ почти и видѣть не будетъ, слѣдовательно будетъ годенъ. Если изъ человѣколюбія позволятъ сіе сдѣлать, то напиши ко мнѣ, а въ Россіи, божусь, онъ могъ бы быть бригаднымъ командиромъ. Тамъ не поручаются области и народы въ управленіе и слишкомъ хорошъ надзоръ, чтобы можно быть негоднымъ!

Вредѣ не зналъ я хорошо, и по веселому характеру почиталъ его шутомъ, но онъ умный человѣкъ и совершенно безкорыстный, знаетъ здѣшніе народы и будетъ полезенъ. Я весьма доволенъ имъ!

Курнатовскаго скоро выкурю, но долженъ уважать храбрость сего офицера и долговременную службу. Ему ничѣмъ нельзя упрекнуть, кромѣ чрезмѣрной слабости. Если дадите вы мнѣ *фонъ-Визина*,

то я буду имѣть славнаго частнаго начальника, умнаго и способнаго. Не откажите, ради Бога.

Вельяминовы у меня золото: 1-й—человѣкъ умный, строгой честности и самый усерднѣйшій слуга Государя; жаль только, что наклонность къ жизни уединенной отдаляетъ его отъ людей. Мнѣ онъ помощникъ удивительный. Я веду жизнь кочующую и за Грузію совершенно покоенъ; какъ бы ни продолжительно было мое отсутствіе, онъ ничего не просмотритъ! 2-й—офицеръ рѣдкихъ способностей и благороднѣйшихъ свойствъ и будетъ надобный человѣкъ Государю, но хотя ты и говоришь, любезный другъ, что онъ и безъ меня полезенъ будетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ съ теперешнимъ его званіемъ, однако, скажу тебѣ, что я его буду просить съ собою куда бы вы меня ни бросили. Я имѣю въ немъ пріятеля и отъ того вдвойнѣ онъ мнѣ полезенъ на службу Государя, и мнѣ нечего опасаться сдѣланной къ нему привычки. Нѣтъ, любезный Арсеній, съ нимъ не разлучатъ *и за келью* сказать можно, что вы мнѣ никѣмъ другимъ его не замѣните.

У меня теперь сынъ Н. Н. Раевскаго, и я часто говорю съ нимъ о братѣ Михаилѣ (графѣ Воронцовѣ). Раевскій привязанъ къ нему и хорошо его знаетъ. Онъ говоритъ, что господствующая страсть его служба, что нѣтъ никакихъ другихъ и потому заключаю я, что онъ не имѣетъ намѣренія оставить службу. Признаюсь, что мнѣ казалось бы странною мысль сія и если бы видѣлъ я его, то имѣлъ бы съ нимъ схватку. Я люблю его и слишкомъ люблю пользу Государя, чтобы не стараться побороть такую дикую мысль. Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитаніе, его счастливыя способности всегда уважаемы будутъ достойно и, конечно, никто затмить его не въ состояніи. Ты какъ хорошій ему пріятель старайся устыдить его подобною мыслію, но, впрочемъ, я не думаю, чтобы столько могъ онъ быть неосновательнымъ. Со времени женитьбы его, онъ уже не писалъ ко мнѣ, но сему думаю то причиною, что онъ по почтѣ писать не хочетъ. Если пріѣдетъ онъ въ Петербургъ, какъ бы желалъ я съ нимъ встрѣтиться! Но если бы и не случилось того, то къ твоимъ убѣжденіямъ присоедини и мое мнѣніе, и скажи ему, что я просилъ о томъ тебя. Меня здѣсь въ отдаленіи мучитъ, что выдаютъ его за недовольнаго и огорченнаго. Я бѣшенный и самый опрометчивый человѣкъ, но знаю, что эта роль не самая выгодная, и не желаю ему оной!

Ты говоришь, что Клейнмихель произведенъ можетъ быть 12-го декабря, слѣдовательно, будетъ производство и другихъ также. Я прошу тебя взглянуть на старшинство артиллеріи полковника Базилевича. Есть

уже младшіе произведены и даже по артиллеріи, что весьма обидно хорошему офицеру, а особенно когда тѣ ничѣмъ не лучше.

Я писалъ намедни къ тебѣ о командирѣ 42-го егерскаго полка полковникѣ Ляховичѣ; теперь короче узнавши его скажу, что полкъ содержитъ онъ въ исправности и уважаемъ мною за прекрасную въ полку нравственность. Стоитъ въ квартирахъ между татарами съ отличною скромностію.

Меня жестокая погода и холодныя ночи загнали въ квартиры и я наказываю кѣтреннихъ жителей Андрея постоемъ, къ чему еще въ прошломъ году началъ я пріучать дагестанцевъ и чего не смѣли прежде. Удивиться надобно какъ скоро привыкаютъ и какая тишина! Лавки открыты и торгъ производится покойнѣйшимъ образомъ. Мнѣ кажется, что смѣлыя женщины дадутъ средство перемѣнить и породу измѣнниковъ.

Какъ обрадовалъ ты меня извѣстіемъ о Граббе. Жаль бы было потерять и храбраго офицера и рыцаря въ благородствѣ. Какіе глупые слухи и они-то всегда разсказываются съ правдоподобіемъ. Если ты коротко знаешь его, то вѣрно нашелъ его достойнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ.

Вижу, что поселенія ваши хуже идутъ нежели мои Виртембергскія колоніи; у васъ идутъ войска для усмиренія, а я своихъ главныхъ вольнодумцевъ и зачинщиковъ безпорядка просто посадилъ въ крѣпость и вмѣсто того, чтобы мучить продолжительнымъ судомъ и отвлекать отъ семействъ, лишая оныя пропитанія, просѣкъ немного розгами и все благополучно! Незавидное положеніе Гр. Ар. (графа Аракчеева) усмирять оружіемъ согражданъ. Я подобное дѣло почелъ бы величайшимъ для себя наказаніемъ. Надобно думать, однакоже, что не шутка, ибо онъ ведетъ нѣсколько полковъ. Доселѣ не понимаю тайны, какъ селить конницу!

Съ того времени какъ ты женатъ, нападаешь на меня, чтобы и я женился также. Между нами въ семъ случаѣ есть нѣкоторая разница. Мнѣ уже перешло за сорокъ, ты молодъ; мнѣ еще надобно выбирать жену и Богъ знаетъ на какую попаду, а тебѣ онъ уже далъ и молодую и хорошую и любезнѣйшую, которая тебя любитъ. Итакъ, другъ любезнѣйшій, тебѣ хорошо толковать, а я буду искать удовольствія, радуясь счастію друзей моихъ, между которыми станетъ на первомъ мѣстѣ мой благороднѣйшій Арсеній Андреевичъ.

Жаль мнѣ, что я старѣю, а то взялся бы я за дѣтей вашихъ и имъ приносить пользу было бы большимъ наслажденіемъ. Ты говоришь о потомствѣ. До такой степени не простираю я моего самолюбія. Графъ

Румянцовъ былъ не я—и что послѣ него осталось? Молодой Суворовъ съ наилучшими качествами его не замѣнилъ бы безсмертнаго отца своего! Много-ли у насъ отличныхъ людей изъ фамилій знаменитыхъ, а отцы ихъ заботились о потомствѣ, ибо фамиліи существуютъ. Дай Богъ свой вѣкъ прожить порядочно, не заботясь будетъ-ли сынъ мой *пачкать* имя мое или возобновитъ его въ памяти другихъ. Было время, что не помышляя о потомствѣ имѣлъ бы я его, ибо весьма близокъ былъ отъ женитьбы, но скудное состояніе съ моей стороны и ея бѣдность не допустили меня затмиться страстію. Чтобы изъ меня теперь вышло? Я, какъ и ты, имѣю правило ничего не просить, а дать мнѣ можетъ быть не догадались бы и я теперешнюю свободу промѣнялъ бы на всегдашнее сѣтованіе. Теперь нѣтъ богатѣйшаго человѣка въ мірѣ! Итакъ, другъ любезный, дай нѣкоторую цѣну тому, что я люблю тебя какъ брата и прости мнѣ, что не будетъ у меня сына, который бы любилъ тебя столько же!

Тебѣ, имѣющему вниманіе на все до меня относящееся, скажу о здѣшнихъ обстоятельствахъ: разсѣявши лезгинъ и другіе горскіе народы, приходившіе съ измѣнникомъ Аварскимъ ханомъ, я совершенно покоенъ. Повсюду распространился ужасъ и я именемъ великодушнаго Государя даю уже многимъ прощеніе.

Къ числу помилованныхъ всегда у меня принадлежатъ тѣ, которыхъ не могу я наказать теперь же, имѣя въ предметѣ другія занятія, но какъ здѣсь всѣ народы склонны къ измѣнѣ или могутъ дать причины къ основательнымъ неудовольствіямъ, то прощеніе есть отсрочка наказанія; а иногда они и исправляются. Еще снискиваютъ помилованіе тѣ, которые пособіями отъ нихъ получаемыми могутъ быть мнѣ полезными для наказанія другихъ. Тѣ народы, которыхъ посѣтилъ я въ прошедшемъ году въ Дагестанѣ, участвовали въ безпокойствахъ и теперь уже прячутъ въ лѣса женъ и дѣтей своихъ, страшась истребленія. Я умножаю ужасъ сколько возможно и они не воображаютъ снискать прощеніе. Они будутъ прощены и примутъ за благодѣяніе, что я возьму у нихъ скота на порцію войскамъ и дадутъ мнѣ подводы подъ провіантъ, которыхъ здѣсь ни за какія деньги достать невозможно. Съ сими способами пойду я противъ другихъ или иначе ни шагу впередъ.

Многіе завидуя дѣятельной моей жизни, можетъ быть возразятъ противъ употребляемыхъ мною средствъ, но я уже познакомился съ землею и знаю, что всякія другія мѣры не успѣшны. Къ симъ средствамъ долженъ прибѣгнуть каждый начальникъ и даже во сто разъ меня способнѣйшій.

Мадатовъ служитъ похвальнѣйшимъ образомъ и дѣлаетъ невѣроятные успѣхи. У него до сихъ поръ только два раненыхъ казака и вся потеря въ однихъ татарахъ. О немъ получите вы донесеніе. Посылаю также рапортъ о Сысоевѣ. Онъ имѣлъ чрезвычайно горячее дѣло съ чеченцами, штурмовалъ деревню, въ которой жители защищались отчаянно до послѣдняго. Ихъ вырѣзано не менѣе 500 человѣкъ, исключая женщинъ и дѣтей, взято въ плѣнъ только 14 мужчинъ въ совершенномъ обезсиленіи, нѣсколько женщинъ и дѣтей. Сами женщины, закрывъ одною рукою глаза, бросались съ кинжаломъ на штыки въ толпы солдатъ. Мужья убивали женъ и дѣтей, чтобы намъ не доставались. Здѣсь не было подобнаго происшествія и я сдѣлалъ съ намѣреніемъ сей примѣръ съ самыми храбрѣйшими изъ чеченцевъ, дабы устраша ихъ избѣжать впослѣдствіи потери, ибо нигдѣ уже впередъ не найдемъ мы женъ, дѣтей и имущества, а безъ того никогда чеченцы не дерутся съ отчаяніемъ. Небольшой отрядъ нашъ дрался съ невѣроятною храбростію и по справедливости заслуживаетъ отличное награжденіе. Мой графъ Толстой командовалъ въ семъ дѣлѣ частію пѣхоты и казаковъ, и велъ себя достойно уваженія. Онъ и теперь съ Сысоевымъ посланъ чрезъ крѣпость Грозную въ Чечню, гдѣ на сихъ дняхъ будетъ дѣло и я самъ иду отъ Андрея на селенія чеченскія, называемыя качкалыкскими. Толстой служитъ не такъ какъ адъютантъ, и я прошу не оставить безъ уваженія представленія моего о немъ. Я умѣлъ не рекомендовать его прежде, но теперь не вправѣ того дѣлать, ибо по самой строгой справедливости надлежитъ наградить его.

Сысоевъ самъ раненъ пулею въ ногу, но славный сей офицеръ по двумъ словамъ моимъ, какъ товарищъ и пріятель, не говоритъ мнѣ о ранѣ и идетъ въ Чечню. Не могу безъ чувствительности сказать тебѣ съ какою вѣрностію и усердіемъ служатъ всѣ Государю отъ солдата до генерала. Сысоевъ уже смѣненъ другимъ генераломъ, пришедшимъ съ донскими полками, но я оставилъ его на походъ въ Дагестанъ, ибо онъ мнѣ весьма нуженъ. Доложи о семъ Государю, чтобы за сіе не было мнѣ непріятности; поговори также объ отличной его службѣ. Я ему и Мадатову прошу ленты. Сдѣлай такъ, чтобы могло дойти, что я прошу сего за особенную милость, ибо и стыдно мнѣ и грѣшно, если оба сіи храбрѣйшіе офицера останутся безъ награды, а имъ кромѣ лентъ и дать нечего, ибо все прочее имѣютъ. Ты обоихъ знаешь и со стороны твоей надобно ходатайство. Меня огорчили отказомъ Вельяминову, который обремененъ у меня трудами; можно бы было князю Петру Михайловичу при семъ случаѣ между словъ напомнить. О Ма-

датовѣ и Сысоевѣ можно сказать, что у нихъ впереди еще тяжелая въ Дагестанѣ служба и что наградою за теперешнюю надобно ободрить ихъ къ трудамъ.

Теперь къ тебѣ какъ доброму другу отношусь и съ собственною просьбою. Можетъ быть за хлопотливую жизнь мою и нѣкоторые встрѣчающіеся труды вздумаютъ чѣмъ нибудь наградить меня, сдѣлай милость употреби стараніе, чтобы того не дѣлали, ибо совѣстью божусь, что я чрезвычайно доволенъ моимъ положеніемъ и ничего не желаю болѣе. Если хотятъ искренней благодарности моей, то пусть наградятъ представленныхъ офицеровъ: свыше сей милости нѣтъ для меня, ибо тѣ труды, каковыхъ требую я отъ войскъ, то надобно, чтобы они видѣли мое о нихъ попеченіе. Сдѣлай милость, похлопочи обо мнѣ собственно и не огорчите меня награжденіемъ, право оно будетъ не у мѣста!

Писалъ я къ тебѣ прежде и теперь прошу испросить разрѣшеніе, куда на службу отправлять мнѣ разные отсюда народы. Всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ изъ чеченцовъ и прочихъ годныхъ въ солдаты. На рудокопные заводы еще приличнѣе назначеніе, но не всякій туда дойти можетъ и жаль терять людей.

Вскорѣ за симъ отправлю я другого фельдъегеря, а между тѣмъ долженъ сказать, что я ни одного изъ сихъ господъ не видѣлъ, чтобы не былъ отличнаго поведенія и справедливо принадлежитъ имъ всякая похвала. Лащевскій ведетъ себя чрезвычайно хорошо и за симъ онъ уже присланъ будетъ. Здѣсь онъ порядочно выдержанъ. Силинъ великій рыцарь, но болѣнъ лихорадкою въ Моздокѣ, это прехорошій молодой человѣкъ.

Прощай, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, не прошу тебя о продолженіи дружбы, ибо не съ твоими свойствами перемѣниться возможно. Вѣрь непоколебимой моей привязанности.

P. S. Милостивой государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ прошу принесть мое совершеннѣйшее почтеніе и поцѣловать ручку за позволеніе пріѣхать въ домъ вашъ. Столько обязательное предложеніе показываетъ мнѣ, какъ я долженъ быть благодаренъ.

182.

11-го ноября 1819 г. У переправы чрезъ Сулакъ.

Долго не имѣлъ я отъ тебя никакого извѣстія, наконецъ, пріѣхалъ фельдъегерь Гусевъ, но и тутъ едва было не лишенъ я былъ твоихъ

писемъ, ибо онъ проѣзжая земли Донскія потерялъ чемоданъ, въ которомъ и твои письма и бумаги по службѣ находились. Чемоданъ вскорѣ былъ отысканъ, ибо похитившій оный, воспользовавшись нѣкоторыми посылками, бросилъ его въ воду, гдѣ найдены всѣ бумаги кромѣ нѣсколькихъ утратившихся. Тебѣ, думаю, далъ о семъ знать оффиціально атаманъ донской, ибо увѣдомилъ меня, задержавъ фельдъегеря до отысканія чемодана.

Ты пишешь о глупыхъ слухахъ на счетъ здѣшнихъ происшествій. Не понимаю, кто изобрѣтаетъ ихъ, но думать надобно, что люди, неразумѣющіе здѣшнихъ обстоятельствъ, ибо то что говорятъ никогда случиться не можетъ, если даже предположить, что я безразсудный и неосмотрительный человѣкъ. Напримѣръ: я хожу въ горы и, конечно, между народовъ несравненно сильнѣйшихъ насъ, но я хожу съ пушками, а здѣсь съ ними, если уже куда прошелъ, то онѣ же и назадъ путь отворяютъ свободный, слѣдовательно отрѣзать или окружить невозможно. И такъ все что случиться можетъ въ томъ состоитъ, что или не достигнешь предназначенной цѣли и тотчасъ замѣнишь другимъ столько же полезнымъ предметомъ, или имѣя горячую схватку потеряешь лишнихъ до ста человѣкъ, но столько нанеся вреда, что отнимешь охоту нападенія. Ты видишь, почтеннѣйшій другъ, до какой степени вѣрить слухамъ возможно! Теперь допусти ты тотъ еще разсчетъ, что я не совсѣмъ безразсуденъ и нѣсколько осмотрителенъ, то какія должны быть со стороны моей выгоды? Замѣть, что я хожу въ такое время, когда зима препятствуетъ удобному народовъ соединенію, ибо завалены снѣгами горы и почти невозможны сообщенія, слѣдовательно силы противъ меня несовокупны. Солдату нашему холодное время отдыхъ и не такъ переносятъ его здѣшніе народы или, по крайней мѣрѣ, лучше быть желаютъ покойными. Я нахожу фуражъ готовый и не раздробляю силъ для собиранія онаго. Всѣ у меня вмѣстѣ и всѣ въ минуту подъ ружьемъ. Солдаты и офицеры храбрые, всюду готовые и меня любятъ. Не мнѣ въ здѣшнемъ краю испытывать неудачи, и счастіе покровительствующее мнѣ сдѣлало имя мое страшилищемъ здѣшнихъ народовъ. Причина сему самая простая: я самъ повсюду и никакъ не увѣришь народы, чтобы съ главнымъ начальствомъ не были силы ужасныя. Нынѣшній годъ я опоздалъ, но за то идущими впереди страхомъ и трепетомъ пріуготовлены уже народы къ покоренію и я безъ большихъ затрудненій дойду до гордаго акушинскаго народа. Здѣсь встрѣчу большія силы, но имѣю за себя мѣстоположеніе, разобью ихъ и возвратясь запру имъ выходы на плоскость, гдѣ зимою пасутъ они скотъ

свой, главнѣйшее ихъ богатство. На плоскости войска наши непобѣдимы и я буду по-очереди отдѣлять полки въ Кубу для сформированія войскъ въ новый комплектъ, ибо иначе потребовалось бы время весьма продолжительное. Не безпокойся, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, а только наблюдай дѣйствія мои. Лѣтомъ я не пойду въ горы, а въ сентябрѣ сдѣлалъ я одинъ трудный чрезвычайно маршъ почти мѣстами непроходимыми, но я знаю, что значитъ здѣшній непріятель разъ уже разбитый и тому доказательство, что я вышелъ изъ горъ не потерявъ человѣка.

Непріятна предмѣстникамъ моимъ дѣятельная и подвижная жизнь моя, тогда какъ или обстоятельства не выпускали ихъ изъ Грузіи, или пріятнѣе находили они пребываніе въ Тифлисѣ, нежели въ лагерѣ, гдѣ провожу я большую часть года. Конечно, ни Тормасову, ни Ртищеву не сдѣлаютъ удовольствія мои успѣхи, но я когда и терять буду способности мои, хуже ихъ не буду.

Недавно схватилъ было я порядочную горячку, но воздержаніе и силы въ пять дней дали болѣзни оборотъ, только возвращеніе силъ было нѣсколько медленно, теперь однакоже я оправился и сегодня выступаю въ походъ въ Дагестанъ. Сегодня же въ Тарки (за четыре отсюда перехода) вступаютъ четыре баталіона и 13 орудій артиллеріи, которые поспѣшилъ я отправить, ибо мошенники акушинцы хотѣли напасть на семейство Шамхала, наилучшаго и вѣрнаго Государю подданнаго, чего они теперь сдѣлать не посмѣютъ. У насъ дня три лежитъ снѣгъ въ Андреѣ, что весьма необыкновенно и начавшіеся холода смирятъ нашихъ злодѣевъ. Мадатовъ ведетъ себя чрезвычайно благоразумно и грѣхъ не наградить его службы. Ты давно говорилъ о лентѣ, теперь справедливо можно дать оную и я сдѣлалъ представленіе о двухъ храбрыхъ: о немъ и Сысоевѣ. Рана сего послѣдняго совершенно легкая, но по болѣзни ему приключившейся, долженъ я былъ отпустить его на Донъ, а Мадатову предстоитъ еще служба не легкая.

Сей разъ пишу я къ тебѣ противъ обыкновенія моего чрезвычайно мало. Долго не будете вы имѣть отъ меня извѣстія, ибо вошедши въ горы сообщенія мои съ линіею не будутъ безопасны, но прошу не безпокоиться и не вѣрить слухамъ.

Принеси мое совершеннѣйшее почтеніе твоей Аграфенѣ Федоровнѣ. Прощай, будь всегда добрымъ моимъ другомъ и которому не имѣю я подобныхъ.

183.

20-го декабря 1820 г. Тифлисъ.

Недавно весьма писалъ я къ тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, но какъ отправляется фельдъегерь, не долженъ пропустить случая и еще пишу.

Не поздравить-ли тебя послѣ 12-го числа, дня радостнаго? И по сердцу было бы для меня пріятно и по трудамъ твоимъ и заслугамъ справедливо! Вижу повсюду щедрыя награды, а трудовъ болѣе твоихъ нѣтъ! Надѣюсь и я пріѣду къ тебѣ радоваться. Ты въ пользу свою имѣешь общее мнѣніе и твои одни лишь успѣхи не возбуждаютъ зависти.

Доволенъ я чрезвычайно, что моего Горчакова произвели въ генералъ-маіоры. Я поспѣшилъ представленіемъ, ибо, кажется, уже произведены нѣкоторые съ меньшимъ старшинствомъ. Онъ офицеръ достойный и новое мѣсто его открыло въ немъ способности, которыхъ я не подозрѣвалъ въ такой степени. Онъ современемъ будетъ весьма полезнымъ службѣ.

Изъ приказовъ вижу я еще какую-то исторію въ гвардейской артиллеріи противъ полковника Давыдова и нѣсколькихъ офицеровъ наказанными. Какія непріятныя и досадныя происшествія! Какъ начальники не умѣютъ сыскать въ своихъ подчиненныхъ, чтобы они берегли ихъ? Даже въ армейскихъ полкахъ, гдѣ, конечно, быть не можетъ такого выбора офицеровъ, но подобные рѣдко встрѣчаются случаи. Присылайте виновныхъ ко мнѣ, у меня молодые люди не шалятъ, а многіе можетъ быть и поправятъ свои ошибки службою.

Нетерпѣливо желаю, почтеннѣйшій братъ, къ вамъ ѣхать, навезу дѣла кучу, и если васъ мало буду *пилить*, то министрамъ не безъ хлопотъ со мною будетъ.

Правду не разъ писалъ ты ко мнѣ, что необходимо нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ. Меня одно страшитъ, что безъ всякой нужды долго меня задержатъ, а здѣсь и дѣла много и не хорошо, чтобы отсутствіе мое было продолжительно. Бога благодаря, начинаетъ у меня многое приходить въ тотъ видъ, отъ коего можно ожидать пользы и вновь необходимо строгое наблюденіе, а здѣсь вѣрятъ всѣ, что я человѣкъ весьма страшный и отъ моего здѣсь пребыванія многіе обучаются быть покойными.

Еще повторю мою просьбу, чтобы предупредилъ ты о моемъ пріѣздѣ. Не знаю, почему думаю я, что на меня разсердятся, что поль-

зуюсь позволеніемъ прошлаго года и не просилъ новаго позволенія. Во-первыхъ, надобно сего избѣжать, а потомъ совокупно станемъ работать, чтобы не подумали, что я пріѣхалъ похлопотать о чемъ-нибудь въ свою пользу. Тебѣ, какъ истинному другу, и прежде сказалъ я, что, будучи совершенно моимъ положеніемъ доволенъ, я ничего не могу желать.

Поздравь отъ меня Красоту съ производствомъ въ полковники, но горе мнѣ, если не найду его въ Петербургѣ. Онъ чудесный коммиссіонеръ, а какъ я намѣренъ быть отчаяннымъ щеголемъ, то я безъ него пропалъ и разные проекты останутся безъ исполненія.

Напомни, сдѣлай милость, Кикину о дѣлѣ брата моего Коховскаго, онъ знаетъ, что надобно и даже хорошо бы сдѣлалъ, если бы сказалъ о немъ министру финансовъ. Если самъ я просить буду, могу испортить.

Мадатовъ нашъ возвратился изъ Ширванской провинціи и едва не умеръ; теперь понемногу поправляется. Сталъ менѣе разводить руками, но за то чудесно говоритъ по-русски. Въ отчаяніи, что нѣтъ рѣшенія по представленію моему о Карабагскомъ его имѣніи, и я самъ удивляюсь, что нѣтъ никакого отвѣта. Вели ловкимъ образомъ развѣдать, что̀ происходитъ по сему дѣлу, или попало оно въ *оматъ?* Жаль, что ему отказываютъ, а то бы много мнѣ способствовало проложить путь къ бѣгству послѣднему хану, каковыхъ, сколько возможно скорѣе, надобно избавиться.

Лично лучше объясню тебѣ, какія здѣсь въ короткое время произошли большія перемѣны и я понемногу подбираю разныя земельки въ казенное управленіе, что и народъ вскорѣ сдѣлается довольнымъ нами и доходъ казны знатно умножается. Надѣюсь, что начальство должно быть симъ довольно, ибо прежнею методою долго бы до того не достигнуть!

Представь мое совершеннѣйшее почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ. Прощай!

184.

3-го февраля 1821 г. Орелъ.

Едва выбралъ время вырваться изъ скучной страны моей, гдѣ зима одна даетъ нѣкоторое спокойствіе, и поспѣшилъ къ вамъ, какъ пріѣхавъ въ Орелъ къ старику отцу моему узналъ изъ газетъ, что конгрессъ перенесенъ въ Лайбахъ. Этого одного достаточно было меня

разстроить, не зная времени возвращенія Императора, но къ тому еще изъ партикулярныхъ извѣстій слышу, что конгрессъ перейдетъ въ Италію и что Государь не прежде мая мѣсяца возвратится въ Россію. Долго не рѣшался я, что̀ мнѣ дѣлать, но проѣхавъ уже такъ далеко, вознамѣрился продолжать путь мой въ Петербургъ и повидаться съ вами, то-есть съ тобою, болѣе нежели съ кѣмъ-нибудь. Представить себѣ не можешь, какъ мучитъ меня, что выѣхалъ я изъ Грузіи, не дождавшись обстоятельнѣйшихъ извѣстій, впрочемъ невозможно было сего предвидѣть, и я всего болѣе полагался на твои письма, въ которыхъ давно уже толковалъ ты мнѣ, сколько необходимо мнѣ пріѣхать въ Петербургъ.

Большую бы ты мнѣ сдѣлалъ милость, если бы, получа отъ меня фельдъегеря, предупредилъ меня, что такъ долго еще не возвратится Государь, и я остановился бы на линіи, не предпринимая дальнѣйшаго пути. Теперь возвратиться было бы весьма странно для народовъ мною управляемыхъ и я между невѣждами далъ бы поводъ къ различнымъ невыгоднымъ толкамъ. Такъ и быть, ѣду къ вамъ, почтеннѣйшій и любезный другъ, твое дѣло будетъ стараться, чтобы не сдѣлали мнѣ за то непріятности. Пробывъ здѣсь весьма немного времени, я отправляюсь.

Прощай, принеси совершеннѣйшее почтеніе мое ея превосходительству Аграфенѣ Ѳедоровнѣ.

185.

Получено 3 апрѣля 1821 г.

Прочелъ всѣ бумаги и вижу, что Государь не скоро будетъ — мнѣ только и надобно знать.

О себѣ не нашелъ ни слова, вѣрно полагаютъ меня въ дорогѣ.

О взятіи Неаполя нѣтъ ни слова и не вижу, чтобы австрійцы все уже сдѣлали. Арміи наши идутъ.

Разспроси фельдъегеря, ему какой-то проѣзжій сказывалъ, что Ожеровскій утонулъ. Эта вѣсть непріятная и хуже того, что бумаги съ нимъ пропали.

Чрезмѣрно неосторожно, что на письмѣ Волконскаго забыли положить печать и оно открытое было всю дорогу у фельдъегеря, а въ немъ многое написано тайное.

Какой Ипсилантій? Прощай, ожидать меня болѣе нечего: ѣду далѣе.

186.

7-го апрѣля 1821 г.

Быть можетъ дѣла въ Италіи и безъ насъ обойдутся и дай Боже. Это было бы счастливо для Россіи по средствамъ ея небогатымъ. Но что-то не совсѣмъ вѣрю я, чтобы все утихло отъ одного повелѣнія выступить войскамъ. Это лесть министровъ. Выступить и прибыть не все равно. Что̀ скажетъ Франція? Но одни австрійцы и Италіи не удержатъ, не оставить бы и тамъ брата Михаила (графа Воронцова). Рано Волконскій заготовилъ квартиру, а я еще и до Великихъ-Лукъ не дотащился. Весьма нездоровъ и дорога измучила. Правду онъ думаетъ, что будетъ разсказовъ и увѣреній и не то еще, а я ихъ *заговорю*. Прощай, спѣшить я не буду, ибо легко случится, что и возвратятъ. Опять позволь къ тебѣ.

Поцѣлуй ручку у ангела жены твоей.

187.

11-го апрѣля 1821 г. м. Орша.

Не ѣду, мучусь! не рѣдко въ день не болѣе 50 верстъ и болѣнъ. Представь мое отдохновеніе, я ѣду въ перекладной повозкѣ для того, чтобы выиграть нѣсколько часовъ, ибо коляска, не взирая на то, что весьма легка, нѣкоторыя станціи дѣлаетъ по 8 или 10 часовъ. Въ Бѣлоруссіи жиды, содержатели почтъ, встрѣтили меня извѣстіями, что я назначенъ главнокомандующимъ. Какъ они люди самые достовѣрные, то я и не смѣлъ усумниться въ истинѣ! И такъ тебѣ, любезный другъ, остается меня поздравить.

Какъ ни забавны эти глупости, но меня въ отчаяніе приводитъ злодѣйская дорога. Я думаю, что она можетъ сносною казаться одному спасающемуся отъ висѣлицы, но ни для какого благополучія нельзя дѣлать ее терпѣливо.

Письмо сіе заготовилъ я въ ожиданіи проѣзжаго фельдъегеря. Поздравляю тебя съ праздникомъ, и я, какъ добрый христіанинъ, отслушалъ заутреню и обѣдню въ Витебскѣ и послѣ пустился въ путь.

Поцѣлуй ручки у Аграфены Федоровны и какъ по выѣздѣ изъ Петербурга не успѣлъ я поблагодарить ее, то скажи, сдѣлай милость, что я отъ самаго чистаго сердца признателенъ ей за обязательный

пріемъ, котораго удостоила она меня въ своемъ домѣ, заставивъ пріятнымъ и милымъ обращеніемъ своимъ забыть, что я не въ домѣ самой любезной родной моей. Если бы смѣлъ я, то назвалъ бы ее милою сестрою моею.

Прощай! Не знаю, какъ поѣду далѣе, но стращаютъ меня дорогою между Брестомъ и Краковымъ и быть можетъ, хотя и не былъ намѣренъ, пущусь черезъ Варшаву.

188.

15-го апрѣля 1821 г. Брестъ-Литовскій.

Благодарю за письмо съ послѣднимъ фельдъегеремъ. Какую кучу бумагъ прислалъ ты ко мнѣ, пришедшихъ изъ Грузіи. Есть и пріятныя и также не безъ досадныхъ, однако же, Бога благодаря, все тамъ покойно, а Грековъ мой дѣлаетъ чудеса съ чеченцами. Открыты дороги въ самыя твердыя и послѣднія ихъ убѣжища и все безъ выстрѣла. Одинъ казакъ только раненъ измѣннически мошенникомъ, но никто другой виновнымъ не былъ. Теперь повсюду намъ путь, куда безъ большихъ потерь никогда войска не хаживали. Это и мнѣ, знающему край, кажется удивительнымъ.

Генералъ-маіоръ князь Эристовъ стоитъ съ малымъ отрядомъ около селенія Чары (Джары), гдѣ во время князя Циціанова убитъ генералъ Гуляковъ и 700 человѣкъ солдатъ. Нѣтъ выстрѣла, даютъ намъ въ большомъ количествѣ хлѣбъ, въ которомъ въ Грузіи величайшій недостатокъ. Вотъ что значитъ нагнанный страхъ, но я боюсь, чтобы не исчезъ онъ, когда вы меня оттуда удалите. Объ этомъ даже пишетъ ко мнѣ мой Вельяминовъ!

Здѣсь отъ Великаго Князя было повелѣніе принять меня съ величайшими почестями, но я, въѣхавъ въ городъ и увидѣвъ пріуготовленія, выскочилъ изъ коляски и скрылся въ жидовскіе переулки. Едва меня отыскали и я тогда возвратился въ квартиру, какъ уже ни одного не было часоваго. Великому Князю пошелъ эстафетъ о законопротивныхъ моихъ поступкахъ. Ту же встрѣчу приказано мнѣ сдѣлать въ Люблинѣ и также спасусь я бѣгствомъ. Чрезвычайно странно, что во всѣхъ уже газетахъ названъ я главнокомандующимъ. Великій Князь встрѣчалъ Канкрина, думая, что я ѣду и я одинъ о томъ не долженъ ничего знать. Это шутка презабавная, но и я отшутить надѣюсь порядкомъ!

Благодарю, почтеннѣйшій братъ, за сохраненіе моихъ сокровищъ.

Панцырь и шишакъ отошли Денискѣ Давыдову, онъ для него привезенъ. Вели всѣ открыть пистолеты и если присланы французскіе, то прикажи отдать ихъ хорошему мастеру въ починку и послѣ отослать къ Вельяминову, ибо они принадлежатъ экстраординарнымъ вещамъ. Азіятскіе пистолеты мои прикажи сохранять при твоихъ вещахъ, равно какъ и сабли, отъ Павлова доставленныя. Тюкъ съ шалями прикажи отдать подъ росписку служащему въ кабинетѣ господину *Летошинскому*, который былъ отправленъ съ подарками въ Персію. Онѣ посылаются къ нему отъ одного персіянина посредствомъ нашего Мазаровича и при семъ къ нему препровождаю письмо. Все это можетъ сдѣлать мой А. И. Рыхлевскій.

Вотъ распоряженіе всѣхъ сокровищъ.

Въ иностранныхъ газетахъ есть, что 40 тысячъ французскихъ войскъ собирается къ сторонѣ Піемонта и будто Лудвигъ XVIII сложилъ съ себя корону. Если это неправда, то довольно и первое нехорошо!

Поцѣлуй ручки у жены твоей чудесной и премилой.

Забылъ сказать вамъ, почтенный другъ Арсеній Андреевичъ, что меня мучило всю дорогу: написали-ли вы повелѣніе объ отправленіи изъ моихъ рекрутъ одной партіи не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ въ Ставрополь? Они тамъ необходимо нужны, и потому, если еще не дали вы повелѣнія, то прикажите поскорѣе. Новый начальникъ резервной арміи можетъ быть сдѣлаетъ затрудненіе въ конвоѣ, но оный непремѣнно нуженъ до города Ставрополя, что, впрочемъ, не такъ далеко, но мнѣ послать за нимъ самому, ей-Богу, некого, до такой степени заняты всѣ вообще войска.

Назначеніе начальника въ резервную армію меня не мало удивило, но онъ, конечно, предупрежденъ былъ, ибо говорилъ мнѣ о предположенномъ составленіи сей арміи. Давай Боже счастья!

Я думаю, вы замѣтили, сколько на имя его было конвертовъ съ собственноручною подписью съ послѣднимъ фельдъегеремъ. Я удивился, когда станетъ на то время. Было письмецо и къ *Мещерской*. Теперь при крестообразномъ поклоненіи обо всемъ будетъ знать. Дорогою обо всѣхъ передумалъ и нѣтъ по сердцу начальника главнаго штаба, добраго помощника!

Прикажи съ первою почтою отправить конверты мои въ Грузію и на Кавказскую линію. Многое успѣлъ написать, всю ночь ни на минуту не ложась спать. *Вольскій* въ восхищеніи будетъ отъ подобнаго желѣзнаго здоровья.

189.

16-го апрѣля 1821 г.

Не смѣлъ распечатывать конверты на твое имя и потому письма Волконскаго не видалъ. Теперь ѣду безъ извѣстій, какъ въ потемкахъ, и какъ я угадывалъ, то глупые слухи на каждомъ шагу, что ужасно мучительно. Прощай, я черезъ Варшаву не поѣхалъ.

190.

22-го апрѣля 1821 г. Вишау. 4 мили отъ Брюна и гораздо ближе отъ Аустерлица.

Едва пробрался я мучительною дорогою отъ Бреста прямо на Краковъ. Какія гнусныя дороги, какія скаредныя лошади въ царствѣ безподобномъ! Прочелъ послѣднее письмо Волконскаго и въ восхищеніи! Кажется, что все уже и безъ насъ кончено, и если еще двигаются войска къ границамъ, то вы не торопясь все успѣете сдѣлать въ порядкѣ и матушкѣ Россіи не столько будетъ стоить какъ пустой походъ заграничный. Не можешь себѣ вообразить, какъ я радъ и я думаю первый еще главнокомандующій съ такими чувствами. Люблю, другъ почтенный, пользу моего отечества и о своей не помышляю.

Видишь-ли, что тебѣ ни минуту не оставаться въ Петербургѣ, если бы дѣла пошли поважнѣе немного и признаюсь, мнѣ это пріятно было прочесть. Боюсь я, любезный братъ, чтобы и мнѣ не приказали жить гдѣ нибудь въ Россіи, пока еще войска наши будутъ на границѣ и будетъ продолжаться сія демонстрація.

Въ Италіи во всѣхъ газетахъ я пропечатанъ начальствующимъ войсками, слѣдовательно подумаютъ, что меня не ловко отпустить въ Грузію. По разсчету моему я встрѣчу Государя на дорогѣ и вѣрно мнѣ сказано будетъ возвратиться въ Петербургъ, и такъ, поцѣловавши ручку у милой хозяйки, проси, чтобы *пріемыша* приняла опять въ домъ, впрочемъ не дѣлай церемоніи и если нельзя, то прикажи нанять тѣ комнаты, гдѣ жилъ *Рыхлевскій* и я ежеминутно буду у тебя.

Довольно скучную сдѣлалъ я прогулку и Волконскій безбожно поступаетъ, что ни слова и никогда мнѣ не написалъ.

Прощай!

27-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Вчера пріѣхалъ я сюда во время обѣда и въ тотъ же день приказано мнѣ къ вечеру представиться Государю. Онъ занятъ былъ дѣлами съ Меттернихомъ до 10 часовъ, и съ того часу до половины перваго по полуночи позволилъ мнѣ быть у себя. Главнѣйшій разговоръ, что Государь взялъ на себя трудъ изобразить мнѣ картину положенія политическихъ дѣлъ и я признаюсь, что я ни отъ кого болѣе и яснѣйшихъ понятій не могъ бы имѣть. Мнѣ Государь изволилъ объяснить о моемъ назначеніи начальникомъ арміи и о причинахъ къ тому побудившихъ, и хотя, для блага нашего, радъ я, что мы уклонились дѣйствій, но изъ основательнаго разсужденія его вижу, что они были необходимы. Государь ко мнѣ по обыкновенію милостивъ и въ званіи главнокомандующаго, хотя, впрочемъ, мнимаго, удостоилъ меня нѣсколько бо̀льшей, нежели прежде, степени довѣренности. Успѣлъ о многомъ разспросить относящемся до края, гдѣ я живу и свѣдѣніями объ этомъ показалъ, что онъ имѣетъ большое на дѣла онаго вниманіе.

Болѣе на первый случай не могу тебѣ сказать, и кажется ничего уже болѣе и не будетъ, ибо Государь весьма занятъ дѣлами и скоръ отъѣздъ его отсюда, а мое здѣсь пребываніе не продолжится долѣе трехъ сутокъ.

Поцѣлуй ручку у милой твоей Аграфены Федоровны.

Скажи моимъ народамъ, что чрезъ мѣсяцъ я возвращусь къ нимъ.

192.

5-го мая 1821 г. Вѣна.

Послѣднія бумаги твои получилъ и не знаю, какъ благодарить тебя. Я здоровъ, отдыхаю въ *Вѣнѣ* и между тѣмъ доканчиваютъ коляску, которую долженъ я былъ здѣсь купить.

Посылаю бумаги, чрезвычайно для меня важныя, прикажи ихъ тотчасъ отправить по адресу, паче въ Грузію скорѣе!

Въ половинѣ іюня я предъ вами, и поговорить есть многое, и правды и падуванія. Теперь спѣшу ужасно и минуты нѣтъ времени.

193.

27-го мая 1821 г. Варшава.

Съ 20-го мая я здѣсь и прежде 2-го іюня выѣхать не надѣюсь, ибо Великому Князю угодно, чтобы я видѣлъ вступающую 1-го числа въ лагерь польскую армію. Здѣсь бываю я всякій день, или на ученьи или у развода или осматриваю какого нибудь рода заведенія, весьма любопытныя, и радъ очень, что такъ проходитъ время, ибо скука въ городѣ смертельная. Всѣ разъѣхались по деревнямъ и городъ ужасно пустъ.

Скажи, сдѣлай дружбу, князю Петру Михайловичу (Волконскому), о продолженіи моего здѣсь пребыванія, и что если къ 10-му числа іюня я не пріѣду въ Петербургъ, какъ я доложилъ Государю, то потому единственно, что здѣсь пробуду я сверхъ предположенія моего долго. Великій Князь говоритъ, что Государь приказалъ меня удержать сколько ему угодно. Въ Вильнѣ нужно мнѣ повидаться съ роднымъ братомъ, съ которымъ въ 15-ть лѣтъ я почти не видался. Боюсь, что по состоянію твоего здоровья я тебя не застану и буду въ отчаяніи, если уже ты уѣхалъ отдыхать отъ трудовъ твоихъ.

Поцѣлуй ручку у жены твоей. Прощай!

Когда буду я въ Грузіи, не знаю?

194.

1-го іюня 1821 г. Варшава.

Я зажился здѣсь гораздо болѣе нежели предполагалъ, ибо такъ угодно Великому Князю; надѣюсь, однакоже, что по вступленіи войскъ въ лагерь мнѣ дозволено будетъ отправиться. Давно не видалъ я моего брата или лучше сказать въ 15-ть лѣтъ видѣлъ его не болѣе двухъ недѣль, а здѣсь скучаю смертельно и время теряю напрасно!

Безчеловѣчно насылаетъ на меня тучи бумагъ сотрудникъ мой Вельяминовъ, самъ могъ бы по многимъ дѣлать исполненіе и даже рѣшать, у меня ни канцеляріи нѣтъ для справокъ, ниже переписчика и Самойловъ мой остался больной въ Вѣнѣ. Ты, другъ почтеннѣйшій, при множествѣ твоихъ занятій, обременяющихъ сильно уже разстроенное твое здоровье, разбираешь съ дружескимъ вниманіемъ кучи моихъ бумагъ и отъ многихъ меня избавляешь. Теперь видишь разнообразіе

моихъ занятій и мудрено-ли, что я часто обращаюсь къ вамъ съ вопросами?

Еще многія обстоятельства удаляетъ отъ васъ моя рѣшительность. Надобно быть страстну къ службѣ, чтобы желать подобнаго моему мѣста, а я похожъ на сумасшедшаго, что разъ выѣхавши изъ Грузіи, желаю туда возвратиться.

Не умѣю сказать тебѣ, какъ желаю тебя видѣть. Боюсь, чтобы худое состояніе здоровья не заставило тебя скоро выѣхать изъ Петербурга. Я соскучу тогда ужаснѣйшимъ образомъ!

Кажется, 4-го числа я отсюда выѣду, пробуду нѣсколько у брата и 20-го іюня я у васъ! Не подумайте, что здѣсь я живу, бѣгая за увеселеніями. Не въ моемъ положеніи о нихъ думать и здѣсь же скука смертная. Прикажи разослать мои бумаги и въ Грузію сколько можно поспѣшнѣе!

Поцѣлуй за меня ручку почтенной жены твоей. Поклонись почтенному старику Петру Ивановичу. Нетерпѣливо желаю тебя видѣть!

195.

8-го октября 1821 г. Орелъ.

Грустно весьма было разстаться съ вами, живши такъ долго вмѣстѣ, и какъ съ наилучшими родными быть съ вами сдѣлалось для меня необходимостію.

Прими благодарность мою, почтенный другъ, за пріятнѣйшее и обязательное твое ко мнѣ расположеніе; никогда не забуду дружбы твоей всегда одинаковой и постоянной, умѣю знать ей цѣну и при всѣхъ странностяхъ моихъ судьба не отказала мнѣ въ чувствительности!

Я пріѣхалъ въ Орелъ, нашелъ отца здороваго, но уже старость примѣтно разрушаетъ его силы и кажется свиданіе мое съ нимъ уже послѣднее.

Я здѣсь живу праздно и нѣтъ разсѣяній, могущихъ отвлекать мысль мою отъ моихъ пріятелей, и такъ ты первый въ головѣ, какъ наилучшій изъ оныхъ.

Размышляя о положеніи вашемъ объ устроеніи хозяйства, не забылъ я, что тебѣ надобно сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ образѣ твоей жизни, то-есть: такъ расположить твои занятія по службѣ, чтобы имѣть нѣсколько часовъ для себя всякій день. Это дастъ тебѣ средство сдѣлать знакомство пріятное и для тебя и для хозяйки. Молодой женщинѣ

нужно общество и нѣкоторыя забавы. Для чего не потанцовать и не порѣзвиться? Невозможно всегда сидѣть одной дома, не всегда прилично безпрестанно бѣгать со двора, еще менѣе пристойно имѣть общество однихъ молодыхъ людей. Зачѣмъ давать поводъ къ разнымъ заключеніямъ, которыя тогда только не вредятъ, когда уничтожаетъ ихъ твердо основанная репутація. Хозяйка при всѣхъ наилучшихъ склонностяхъ, при сердцѣ прекраснѣйшемъ, такъ еще молода, что подобной репутаціи основать не имѣла времени и потому должна остерегаться наружностей, которыя могутъ быть толкованы невыгоднымъ образомъ. Лучшее ручательство въ поведеніи есть хорошее знакомство, а для женщины и еще болѣе оное необходимо.

Исполняя противъ тебя обязанности вѣрнаго пріятеля, долженъ напомнить тебѣ, что хозяйкѣ надобно съ бо̀льшимъ приличіемъ почитать память покойной ея матери, ибо многіе знаютъ, что она небольшую имѣла къ ней привязанность. Нѣтъ выгоды размножать на свой счетъ слухи злорѣчивые; общимъ мнѣніемъ пренебрегать не должно. Не менѣе и тебѣ, любезный другъ, должно исполнять послѣднюю волю тещи. Я надѣюсь, что ты не забылъ, что ей угодно было, чтобы ты отпустилъ англичанку. Не мое дѣло разсуждать, до какой степени права покойная, но я то знаю, что о репутаціи дочери никто не можетъ заботиться болѣе, какъ мать и вѣрно есть какая-нибудь причина, что она желала удаленія миссъ. Я любилъ англичанку, но на мѣстѣ твоемъ, повинуясь волѣ родителей, отпустилъ бы ее тотчасъ. Представляю себѣ, какъ недовольна будетъ мнѣніемъ моимъ хозяйка, но я всегда скажу мысли мои, и потому, что я привязанъ къ ней, долженъ быть чистосердечнымъ. Она не можетъ усумниться, что я люблю ее какъ сестру и обоихъ васъ счастіе близко къ моему сердцу. Она не должна сердиться.

Прощай, буду еще писать отсюда.

196.

14-го октября 1821 г. Орелъ.

Тебѣ, участвующему во всемъ до меня касающемся, скажу я и о домашнихъ дѣлахъ моихъ. Старика моего нашелъ я слабымъ, имѣніе наше не только управляемое худо, но почти безъ надзора. Въ первый разъ обстоятельно узналъ я, въ чемъ заключается состояніе наше и теперь открыто мнѣ, что, раздѣливъ съ сестрою имѣніе, не болѣе будетъ у меня семи тысячъ годоваго дохода. На имѣніи есть довольно

значительный казенный долгъ, слѣдовательно и при самой строгой умѣренности моей, едва буду я имѣть способы существованія и тогда даже, какъ присоединю я принадлежащее мнѣ по законамъ за 30-лѣтнюю въ офицерскомъ чинѣ службу половинное жалованье и получаемый за Георгіевскій крестъ пенсіонъ. Повѣришь-ли, другъ любезный, что при всемъ ничтожномъ состояніи семъ покупаю я подъ Москвою деревню. Вотъ разрѣшеніе загадки.

У меня есть алмазные знаки Александра, есть три перстня, пожалованные Императорскою фамиліею, ихъ я продаю; есть до двадцати тысячъ рублей денегъ, все обращаю на покупку деревни. Мнѣ даютъ родные въ добавокъ сумму за самые умѣреннѣйшіе проценты, сами выбираютъ и покупаютъ имѣніе, имъ управляютъ и изъ доходовъ платятъ проценты и ежегодно нѣкоторую часть капитала. Ты не удивишься, что въ числѣ домовъ, росписанныхъ подъ постой въ Москвѣ, назначена и у тебя квартира. Мнѣ по состоянію нельзя имѣть собственно въ Москвѣ дома и потому буду я пріѣзжать и жить у родныхъ и друзей моихъ. Я постоялецъ покойный и неприхотливый, и конечно никому не наскучу.

Съ первымъ фельдъегеремъ пришлю я мои вещи и прошу тебя отдать ихъ *Сергію Ивановичу Комарову*, который уже отъ меня предупрежденъ лично. Деньги по полученіи отошли къ *Хрущовымъ*, живущимъ въ Москвѣ.

Скажи мнѣ, любезный другъ, что̀ мнѣ дѣлать съ табакеркою, пожалованною Государемъ. И жаль мнѣ снять съ нея брилліанты и боюсь того сдѣлать, но на что̀ она бѣдному человѣку, у котораго ничто ей соотвѣтствовать не будетъ?

Долго оспаривалъ я желаніе многихъ оставить службу для присмотра за имѣніемъ, но скажи мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать, чтобы не лишиться скуднаго моего состоянія? Неужели и отпускъ мнѣ отказанъ будетъ?

Если еще судьба допуститъ меня продолжать службу, прошу тебя, почтенный другъ, какъ человѣка, имѣющаго честь служить при Государѣ, слѣдовательно у источника милостей, употребить стараніе въ случаѣ, если и на меня обратится вниманіе, чтобы мнѣ не дано было или аренды или денежной награды. Не меньшимъ почелъ бы я наказаніемъ, еслибы пожаловали меня и графомъ. Не есть это дѣло невозможное, ибо столько есть ихъ и не все люди чрезвычайные въ нихъ попадаютъ; я также прошу тебя употребить ходатайство, дабы отвратить отъ меня сію награду, ибо я ни минуты не останусь служить

и не приму сего титла, хотя бы и самое наказаніе испытать должно было.

Вотъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, моя исповѣдь и самыя душевныя тайны мои. Прощай!

197.

15-го октября 1821 г. Орелъ.

Какой чудакъ нашъ Денисъ (Давыдовъ)! Всякій день бывали мы вмѣстѣ и никогда ни слова не сказалъ онъ о дѣлѣ, о которомъ не безполезно было бы и посовѣтоваться вмѣстѣ. Надобно намѣреніе его разсмотрѣть во многихъ отношеніяхъ и тѣмъ мнѣніе мое должно быть рѣшительно менѣе прочихъ, что оно не безпристрастно, ибо съ Денисомъ желаю я служить вмѣстѣ и могъ бы изъ способностей его извлечь большую себѣ помощь. Если Котляревскій откажется служить, я сдѣлаю о Денисѣ представленіе, ты будешь въ Петербургѣ и подкрѣпишь своимъ кредитомъ, и я не знаю почему не успѣть въ томъ? Но если будетъ война съ турками, что̀ будетъ дѣлать Денисъ на линіи, гдѣ предполагаю я дѣйствія ничтожныя и одинъ важнѣйшій пунктъ *Анапу*. Денисъ будетъ разрываться съ досады и справедливо и въ то самое время равные ему въ чинѣ и весьма не равные въ способностяхъ, но служа въ дѣйствующихъ войскахъ и можетъ быть подъ глазами Государя, достигнутъ выгодъ, которыхъ онъ лишенъ будетъ.

Въ одно мирное время, когда у насъ повсюду одно упражненіе въ обученіи солдатъ, или лучше сказать парадное истребленіе войскъ, начальствованіе на линіи, конечно, лучшее мѣсто, ибо можно сдѣлать много полезнаго, но и тутъ, думаю, Денисъ въ нѣкоторый введетъ разсчетъ то, чтобы служить со мною вмѣстѣ. Ты самъ знаешь мое намѣреніе, и что въ Грузіи болѣе двухъ лѣтъ я никакъ не пробуду и можетъ быть менѣе. Сдѣлай дружбу, поговори съ нимъ обо всемъ обстоятельно и меня увѣдомь. Скажи ему отъ меня, что онъ и себя и меня мало знаетъ, что не хотѣлъ сказать ничего въ бытность мою въ Москвѣ. Я самъ для того не пишу къ нему.

Здѣсь нашелъ я пустоту ужасную. *Корфъ* при иноземныхъ цѣлительныхъ водахъ укрѣпляетъ разрушенныя годами его прелести. *Кретовъ* въ Курскѣ плѣняется увѣреніями одной женщины, что еще можно слушать его безъ скуки и будто видѣть безъ отвращенія. Пьетъ и лесть и вино до насыщенія. Ершовъ пріѣхалъ при мнѣ и изощряетъ

кирасиръ на истребленіе враговъ на площадяхъ городскихъ. Но, кажется, разумѣютъ кирасиры настоящее назначеніе свое пожирать всѣ средства истощенной голодомъ Орловской губерніи. Одинъ Евдокимъ Давыдовъ прекрасно проводитъ свое время и малый любезный. Съ нимъ большое дѣлаютъ *свинство*, что не даютъ бригады, тогда какъ есть многіе бригадиры въ поношеніе человѣчества.

Братъ Михайло (графъ Воронцовъ) напрасно боится, чтобы ему предпочли *Рота*. Это быть не можетъ и потому, что онъ и по фронту даже превзойдетъ его и потому, что можетъ угодить начальству. И Сакенъ не забудетъ, что въ немъ имѣлъ онъ сильнаго защитника. Братъ Михайло немного дѣлаетъ себѣ пользы, шатаясь въ чужихъ краяхъ, будто мы въ Россіи не годимся и для жены его необходимы пособія врача иностраннаго.

Успокойся на счетъ Васильчикова; я твоего мнѣнія, что нѣсколько поцѣлуевъ усладятъ его и онъ смягчится. Дибичу сдѣлается колика, но кончится тѣмъ, что онъ воцарится въ гвардіи и тогда-то начнутся счастливые дни *Бѣлаго*. Пропалъ тогда Петраханъ (князь П. М. Волконскій), ибо онъ и его оттереть успѣетъ и нѣмецкая гибкость положитъ себѣ пути неизвѣстные. Вотъ будетъ нѣмцамъ масляница. Однакоже и изъ сего можно будетъ ту извлечь пользу, что скорѣе возненавидятъ сихъ фигляровъ.

Отошли, сдѣлай милость, письмо мое къ Хрущову и къ сестрѣ. Будь къ роднымъ моимъ благосклоненъ, имъ судьба не предопредѣлила никакой защиты и меня лишила средствъ быть имъ полезнымъ.

Поцѣлуй за меня ручку у милой хозяйки, поклонись Аннѣ Александровнѣ.

Письмо твое посредствомъ почтъ-директора можетъ дойти ко мнѣ вѣрнѣйшимъ образомъ, слѣдовательно, можешь не ожидать фельдъегеря и писать ко мнѣ.

198.

15-го октября 1821 г.

Посылаю при семъ письмо по условію составленное, которое, если разсудишь, можно показать будетъ. Въ немъ сказалъ я тебѣ все, что у меня на душѣ и точныя намѣренія мои. Между тѣмъ, точно пришлю я вещи, которыя отдай Комарову. Табакерку я не пришлю въ Каби-

нетъ, дабы не возбудить противъ себя неудовольствія, ибо когда увидятъ письмо твое, вѣрно послѣ возьмутъ свѣдѣнія. Съ сею почтою посылаю Хрущову вѣрющее письмо на покупку подмосковной.

Благодарю тебя, почтенный другъ, за великодушное попеченіе о сестрѣ моей. Здѣсь все я употребилъ, дабы склонить старика отца къ прощенію и все безуспѣшно. Раздираютъ сердце мои домашнія обстоятельства и ничто меня не утѣшаетъ.

Большое сдѣлаешь благоволеніе, если достанешь мѣсто Павлову, ибо и теперешнее званіе ты же ему доставилъ; но колеблюсь и даже не желаю, чтобы для того, что жена его сестра моя, что нибудь ей дано было. Я не хочу быть обязанъ никакимъ благодѣяніемъ. Скорѣе дамъ я все, что имѣю мнѣ принадлежащее, но отнюдь не соглашусь, чтобы за меня дано было сестрѣ моей, безъ малѣйшихъ заслугъ ея мужа. Можетъ быть уже до того времени я служить не буду и тогда пусть даютъ и дѣлаютъ что хотятъ, я и знать о томъ не хочу! Пусть Павловъ попробуетъ доставать своими трудами, какъ дѣлали и ты, и я.

Радъ я, что вы безъ приключеній возвратились изъ Царева, могла бы возобновиться болѣзнь ея.

Теперь хочу сказать тебѣ одно дѣло, но беру честное слово, что ты даже не дашь вида, что я открылъ тебѣ о томъ, что скрывать обѣщался. Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы старикъ тесть твой сказалъ мнѣ и такъ благородно, чтобы я тебѣ не сообщилъ и никому изъ служащихъ при тебѣ, что лишь пріѣдетъ онъ въ Петербургъ, то сдѣлаетъ духовную и имѣніе, ему принадлежащее, отдаетъ тебѣ именно, но не дочери своей. Онъ добавилъ сими словами: «къ вамъ напишутъ о семъ и дочь моя и зять мой и при семъ случаѣ скажу я имъ, что я еще въ Москвѣ открылъ вамъ мое намѣреніе, какъ доброму другу дѣтей моихъ».—Видишь-ли, почтенный Арсеній Андреевичъ, что ты обязанъ не только молчать, ниже дать чувствовать, что я изъ привязанности къ тебѣ не хотѣлъ сохранить тайну. Тебѣ пріятно должно быть, что я заслужилъ довѣренность твоего тестя и столько же жаль будетъ, если замѣтитъ старикъ, что за оную заплатилъ я нескромностію Признаюсь тебѣ, что весьма уважаю сіе благородное его намѣреніе и радуюсь, что онъ такъ хорошо узналъ тебя. У тебя и друзей много, которые лучше тебя знать не умѣютъ!

Не у мѣста было бы мнѣ совѣтывать тебѣ ласкать старика, ибо поведеніе его само по себѣ того достойно; слѣдовательно, ты будешь дѣлать должное! Но хочу сказать тебѣ, что надо бы старика взять съ собою и если бы обѣщалъ онъ послѣ пріѣхать и скоро, безъ себя не

оставлять его одного въ Москвѣ. Я, какъ истинный другъ, прошу васъ о семъ и имѣю на то причины!

Павловъ адъютантъ пріѣхалъ и сказывалъ, что ты 6-го ноября отправишься въ Петербургъ. Боюсь я прошлой твоей должности и того, что ты не имѣлъ ни малѣйшаго отдохновенія. Прощай!

199.

16-го октября 1821 г. Орелъ.

Совсѣмъ неожиданнымъ образомъ А. П. Красовскій, отъѣзжая по приглашенію твоему, далъ мнѣ случай писать къ тебѣ. У меня было готово письмо для отправленія по почтѣ и потому теперешнія нѣсколько словъ есть прибавленіе къ оному. Совѣсть зазрѣла, что ничего не написалъ къ хозяйкѣ. Отдай ей прилагаемую у сего записку.

Повторяю просьбу мою отослать письмо къ сестрѣ и Хрущову. Сіе послѣднее заключаетъ вѣрющее письмо на покупку деревни. Не повѣришь, почтенный другъ, какъ возрастаетъ во мнѣ охлажденіе къ службѣ и за какую несносную потерю почитаю я возвращеніе въ Грузію. Теперь единственное желаніе, чтобы не было войны съ турками, которая могла бы удержать меня.

Разрѣшаю я слишкомъ долго продолжавшееся заблужденіе мое, что безъ службы существовать невозможно.

Пиши, ради Бога, это одно утѣшеніе въ моемъ отдаленіи. Увѣдомь, какое дѣйствіе произведетъ письмо мое, которое покажешь ты ловкимъ образомъ *Петрахану* (князю П. М. Волконскому) по возвращеніи въ Петербургъ. Увѣрь ты ихъ, что я ни о чемъ не помышляю, кромѣ отпуска, то-есть, необходимаго мнѣ отдохновенія. Старайся убѣдить, что причиною удаленія моего отнюдь не есть неудовольствіе или негодованіе; мнѣ весьма низкою кажется роль человѣка недовольнаго. Отдаю въ руки твои, какъ наилучшаго изъ друзей, дѣло самое для меня деликатное.

Здѣсь отыскалъ я людей и между прочими Красовскаго весьма знакомаго Котляревскому, и меня увѣряютъ, что онъ не въ силахъ возвратиться къ дѣятельной службѣ. Скажи мнѣ свое мнѣніе на счетъ *Дениса* (Давыдова) по пріятельски, и то что онъ скажетъ тебѣ на письмо мое. Его легко остановить можетъ то, что не намѣренъ я долго пробыть въ Грузіи. По способностямъ *Дениса* каждый изъ начальниковъ будетъ

къ нему хорошъ, но не мѣшаетъ однакоже имѣть въ начальникѣ хорошаго пріятеля.

Прощай, люби по прежнему, никогда не забуду я твоихъ одолженій и заслужить ихъ не въ состояніи.

Не забудь прислать мнѣ портретъ твой, обдѣланный въ черную простую табакерку, ибо я хочу носить его.

Прочти мое письмо къ хозяйкѣ и отдай, но чтобы читалъ *Красота*, а не другой.

200.

9-го ноября 1821 г. Ставрополь.

Наконецъ, я на своей сторонѣ доѣхалъ съ ужаснымъ трудомъ, по гнусной и несносной дорогѣ и времени. Былъ въ войскѣ Черноморскомъ. Непостижимое распутство въ сей толпѣ не войска, но можно сказать *бурлаковъ*. Прочти о семъ партикулярное письмо мое къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и довольно.

Въ Грузію не знаю какъ проберусь; дорога, какъ тебѣ извѣстно, разрушенная Терекомъ, не успѣла быть исправлена, а теперь завалена ужаснѣйшими снѣгами. Вьюги страшныя встрѣчаютъ повелителя Кавказа и я чрезъ нихъ дѣйствую пѣшкомъ!

Мой донской генералъ-маіоръ Власовъ важно отработалъ злодѣевъ закубанцевъ. Турки ихъ противъ насъ подстрекаютъ, но сами въ здѣшней странѣ чрезвычайно безсильны и каналью можно бы было проштрафовать. Англичане къ Персіи дѣлаютъ намъ накости и успѣли прекратить военныя дѣйствія персіянъ противъ турокъ.

Прощай, послѣ буду писать обстоятельно.

Поцѣлуй ручку милой хозяйки.

201.

21-го ноября 1821 г. Георгіевскъ.

Получилъ съ фельдъегеремъ письмо твое. Благодарю душевно за попеченіе о родныхъ моихъ, великодушное и могу сказать благодѣтельное. Сестра моя умѣетъ знать полную тому цѣну. Не знаю, что изъ Павлова будетъ, но служба, кажется, единое средство. Какъ не глупый человѣкъ, если будетъ прилеженъ, успѣть можетъ. Отъ тебя

не скрою, но мнѣ кажется онъ въ дѣлахъ своихъ не акуратенъ и едва-ли еще не мотоватъ.

Кто стыдится бѣднаго своего состоянія и, бѣдность закрывая, дѣлаетъ долги, тотъ не *мой человѣкъ*. Жить соразмѣрно способамъ, хотя бы, впрочемъ, и скудно, никогда не безчестно. Такъ я приближился къ старости моей и мнѣ бѣдностію не упрекали! Еще и отъ души благодарю тебя, почтенный другъ, за великодушіе твое въ отношеніи къ нимъ!

Мнѣ досадно, что старикъ вашъ куралеситъ и пустился въ распутство. Онъ человѣкъ слабый характеромъ и сею наклонностію могутъ воспользоваться проворные мошенники. Ни подъ какимъ видомъ не оставляйте его одного и долго. Каталогъ въ Петербургѣ еще удобнѣе дѣлать и можно туда перевезти библіотеку. Мнѣ замыслы его ужасно не нравятся и его могутъ сбить съ толку!

Весьма благородно сдѣлалъ онъ, что далъ тебѣ вѣрющее письмо и сіе необходимо для спасенія имѣнія отъ его распоряженій. Не даромъ покойница въ руки ему его не отдавала. Важно бы управилъ! Пора и тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, устраивать въ запасъ пристанище. На службѣ твоего рода не мудрено, что когда-нибудь измѣнятъ силы, ты небержливо съ ними поступаешь!

Хозяйка пишетъ мнѣ горькое письмо объ англичанкѣ, но рѣшилась отпустить ее, сколько ей ни прискорбно. Еще больше убѣдился я въ отличной добротѣ ея сердца, ибо не взирая на то, что я былъ тутъ дѣйствующимъ лицомъ, она безъ всякаго на меня огорченія пишетъ и говоритъ, что готова исполнить волю матери. Даже выговариваетъ мнѣ за то, что я предполагалъ, что она на меня разсердится и увѣряетъ, что она не можетъ не уважить полезнаго совѣта. При занятіяхъ твоихъ умѣй удѣлить время, чтобы доставить ей нѣкоторыя веселости и точно молодой женщинѣ вѣчныя бумаги твои могутъ наводить тоску.

Теперь рѣчь о посторонихъ дѣлахъ.

Васильчиковъ въ Совѣтѣ! Мѣсто однакоже почетное и значительное. Можно было удалену быть отъ гвардіи и безъ сего вниманія. Не ожидалъ-ли онъ, что его удерживать будутъ? Къ чему служило ему, если онъ не хотѣлъ остаться, истреблять столько народа, чтобы дѣйствовать на просторѣ? Не думаю, чтобы онъ оставилъ по себѣ много плачущихъ въ гвардіи, развѣ Сухозанета и подобныхъ. Великая слава! Не разсердись, какъ добрый ему пріятель, но не такіе люди называются отличными! Вѣрю въ душѣ, что Дибичъ будетъ на его мѣстѣ и тому

202.

6-го января 1822 г. Тифлисъ.

Просидѣвъ долгое время во Владикавказѣ и не дождавшись ни хорошей дороги, ни хорошей погоды, пустился я далѣе и съ большимъ трудомъ переправился пѣшкомъ чрезъ горы. Снѣгъ ужаснѣйшій выпалъ давно уже ранѣе обыкновеннаго.

13-го числа я пріѣхалъ въ Тифлисъ и не знаю, другъ любезнѣйшій, продолжительная-ли дорога причиною или усталость, но здѣсь скучнѣе мнѣ прежняго. Не хочу примѣчать, но, кажется, начинаетъ спокойствіе имѣть для меня нѣкоторыя пріятности. Не здѣсь, впрочемъ, возможно находить его, и если повсюду служба требуетъ дѣятельности, то здѣсь большей степени оной.

До прибытія моего сюда распространялись слухи, что я не возвращусь и надежды сіи не весьма малому числу были пріятны; были однакоже и таковые, которые безъ меня тотчасъ бы оставили Грузію и сіи не будутъ худшіе люди, слѣдовательно начальству удаленіе ихъ должно быть чувствительно. Нельзя угадывать обстоятельствъ, но если бы встрѣтились таковыя, которыя отзовутъ меня къ другому назначенію, мнѣ нужно будетъ имѣть съ собою начальника корпуснаго штаба Вельяминова 3-го, а потому повтори просьбу мою князю Петру Михайловичу, чтобы прислали сюда полковника князя Горчакова, находящагося въ корпусѣ генерала Раевскаго, или Воронцова. Офицеръ сей съ отличными способностями и прежде здѣсь бывшій, тотчасъ познакомится съ обстоятельствами края и замѣнитъ Вельяминова.

Не отнесите просьбы сей къ тому, чтобы хотѣлъ я перемѣнить мое мѣсто или бы желалъ дать о томъ чувствовать. Божусь, не имѣю сего въ мысляхъ, ибо угасли пламенные мои замыслы и многое уже кажется мнѣ химерою; но въ то же самое время знаю, что увлеченъ могу быть обязанностями и долженъ буду продолжать службу, но въ такомъ случаѣ не скрою я, что мнѣ не весьма пріятны будутъ нѣмцы, каковыми уже снабженъ я былъ въ Италію и которыхъ такъ не трудно замѣнить другими. Ни одинъ изъ тѣхъ не стоитъ Вельяминова.

Подумай о семъ обстоятельнѣе.

Не знаю, что у васъ происходитъ съ турками, здѣсь они лучшаго теперь поведенія, нежели когда нибудь. По недостатку у насъ продовольствія продавали намъ хлѣбъ изъ карсскаго пашалыка и даже требовали, чтобы войска наши взяли на себя препровожденіе онаго, ко-

Не попеченіе правительства, но просто одно состраданіе должно перемѣнить сего полка положеніе. Неужели можетъ сему воспрепятствовать одно то только, что полкъ по составу дивизій будетъ излишнимъ, если изъ гарнизоннаго сдѣлается полевымъ? Если же сего никакъ сдѣлать невозможно, то хотя офицерамъ, въ сравненіе съ полками армейскими, положите добавочное жалованье подъ именемъ *столовыхъ денегъ*. Это уже улучшитъ ихъ состояніе! Сдѣлайте что-нибудь или откажите на бумагѣ, чтобы могъ я оправдаться въ глазахъ подчиненныхъ моихъ, что я ходатайствую о воздаяніи за труды ихъ. Императоръ отказомъ можетъ не огорчить; мое равнодушіе къ нуждамъ — подчиненнаго оскорбляетъ.

У меня недостаетъ одного генерала въ корпусѣ на мѣсто выбывающаго *Дренякина*. Не опредѣляйте, сдѣлайте милость, никого, ибо отличныхъ и у васъ немного, а въ худомъ и мнѣ нѣтъ нужды. Я къ производству могу представить полковника и молодца, а медлю только потому, что на него возложено порученіе и по окончаніи онаго производство можетъ быть наградою. Лучше не даромъ! Бога не боитесь, что дали мнѣ *Шабельскаго*. Сей скороспѣлый герой принадлежалъ бы лучше главной квартирѣ Витгенштейна, въ которой и прижитъ онъ генераломъ *Довре* 1812 года въ Полоцкѣ, у коего будучи адъютантомъ, стяжалъ онъ всю славу. Полковникъ, не имѣющій полка, когда даются оные многимъ подполковникамъ, худо себя рекомендуетъ. Жалѣю, что не удостоилъ я князя Чавчавадзева: онъ, всеконечно, лучше его несравненно.

Лежитъ передо мною бумага князя П. Михайловича (Петра Михайловича Волконскаго) *объ Эртелѣ* и отвѣчать на оную оффиціально не легко. Если это шпіонъ за мною—безполезно; если онъ долженъ меня заступить здѣсь—не болѣе полезно! Ежели не надобно, чтобы я здѣсь былъ, то безъ околичностей сказать о томъ и я удалюсь безъ сожалѣнія. Я не ставлю себя въ число тѣхъ людей, которые въ претензіи на нѣжности и потому мнѣ услажденія не надобны. Узнай о семъ, любезнѣйшій другъ, и увѣдомь.

Между дѣломъ и вздоръ идетъ въ голову: прикажи сдѣлать мнѣ ту чудесную трубу, на коей унтеръ-офицеръ Измайловскаго полка игралъ на театрѣ концертъ въ Великій постъ. Присоедини къ сему и то одолженіе, чтобы одинъ изъ военныхъ воспитанниковъ, знающій ключъ сего инструмента, былъ сюда присланъ, дабы обучить насъ. Ты мнѣ обѣщалъ сіе.

Посылаю, почтеннѣйшій другъ, всѣ мои сокровища, состоящія въ

204.

11-го января 1822 г. Тифлисъ.

Письмо было уже къ тебѣ готово, но пріѣхалъ фельдъегерь и я принимаюсь за другое.

Онъ сказывалъ, что встрѣтилъ тебя близко Новгорода, изъ чего заключаю я, что болѣзнь хозяйки долго въ Москвѣ тебя задержала. Мнѣ объ оной писала сестра моя. Увѣдомь, что съ нею случилось и я готовъ думать, что неосторожность тому причиною.

Въ отсутствіе твое много сдѣлалось перемѣнъ въ гвардіи и *Желтухинъ* достигъ желаемаго, не переставая говорить, что онъ, презирая суетности міра и находя одно блаженство въ прилѣпленіи къ Богу, ничего уже не хочетъ въ жизни. А мнѣ кажется, не безполезно пока и къ гвардіи прилѣпиться!

Неужели суждено *Депрерадовичу* до фельдмаршальскаго чина быть командиромъ Кавалергардскаго полка?

Преважное назначеніе *Бенкендорфа*, но доволенъ-ли онъ таковымъ? и *Мартьяновъ* весьма у мѣста и лента, конечно, не мало его подкрасила, что не безполезно!

Ты, другъ любезный, и братъ мой *Дениска* (Давыдовъ), изрядно надуты назначеніемъ *Уварова*, вы оба думали на *Дибича* и право жаль что ошиблись, ибо лучше его для потѣшной команды изобрѣсти невозможно. Нѣмцы вѣрно въ горести, ибо отъ того нѣсколько менѣе быстръ ходъ ихъ, на глазахъ будучи удобнѣе испрашивать милости.

Ожидаю срочнаго фельдъегеря отъ 1-го января и извѣстія о наградахъ 12-го декабря, о которыхъ, конечно, многіе вздыхаютъ. Чинъ полнаго генерала не мало мучитъ, и между друзьями нашими есть претенденты. Ты съ *Васильчиковымъ*, а я съ *Воронцовымъ;* всѣхъ же благонадежнѣе *Паулуччи* съ могущественнымъ покровительствомъ. Нельзя-ли еще дать что нибудь *маркизу Траверсе?* Какъ любезный *Петраханъ* (Князь П. М. Волконскій) безъ ленты Андреевской? Когда уже *Селявинъ*, только что секретарь одной части обширнаго управленія его, изукрасился въ продолженіи небольшаго времени. Грызетъ нашего *Каліостра* досада, но вы безъ 2-го Владиміра отъ него не отдѣлаетесь! и онъ правъ! Истреби, почтеннѣйшій другъ, письмо сіе, и безъ того мало у меня пріятелей; дѣлай тоже и со всѣми отъ меня получаемыми, какъ ты по дружбѣ и обѣщалъ мнѣ. Не долго суще-

205.

23 февраля 1822 г. Тифлисъ.

Давно уже не имѣю я отъ васъ извѣстій и послѣднее письмо, по причинѣ болѣзни глазъ твоихъ, было весьма сокращенное. Непріятно жить въ такомъ отдаленіи, особливо когда сближаемся мы со временемъ, въ которое должны случиться важныя происшествія. Все такъ медленно доходитъ до нашей страны отчужденной! Не знаю, что сдѣлаете вы съ турками, но, кажется, не легко избѣжать войны. Иностранные кабинеты, особенно англійскій, стараются о возстановленіи нашихъ съ Портою сношеній. Имъ выгодно продолжить время, ибо они истощаютъ малыя средства всѣмъ свѣтомъ оставленныхъ грековъ и насъ виновною терпѣливостію и бездѣйствіемъ поставляютъ предъ всѣми народами въ невыгодномъ видѣ. Кончится тѣмъ, что въ грекахъ, намъ приверженныхъ, оставимъ мы справедливое на насъ озлобленіе! Я, какъ тебѣ извѣстно, весьма несчастный политикъ и, конечно, о политикѣ говорю вздоръ, но и безъ дипломатическихъ глубокихъ знаній можно чувствовать свое достоинство. И я не даромъ принадлежу народу могущественному! Никогда въ такомъ родѣ не писалъ я къ тебѣ чепухи, но прости говорящему сердцу.

Долго ты, любезный другъ, зажился въ Москвѣ и по обыкновенному ходу зависти, уже пріуготовляла молва другого на твое мѣсто. Монашествующій *Желтухинъ*, столько чуждый суетѣ міра, думаю и совсѣмъ былъ оскорбленъ сею молвою. Онъ безъ всякихъ видовъ смиренно, принялъ бы трудъ сей въ пользу отечества, но полагая заставилъ бы попросить себя прежде и согласіе свое выставилъ бы на малымъ пожертвованіемъ! Ты возвращеніемъ своимъ разрушилъ мечты его, впрочемъ и теперешнимъ положеніемъ можно быть еще ему довольнымъ. Къ какому назначенію пріуготовляете вы *Криднера*; я видѣлъ, что онъ уже флигель-адъютантъ. Неужели онъ вамъ такъ необходимъ?

Сію минуту пришла странная мысль въ голову и не могу не сообщить ея. Тебѣ необходимо ѣхать надобно весною къ водамъ. Воды кавказскія по справедливости чудесныя и точно роду болѣзни твоей приличествующія, подумай о нихъ! Мы бы тебя успокоили и носили на рукахъ! Я одно вижу препятствіе—милую хозяйку, которой весьма основательнымъ образомъ захочется лучше пріятно провести время въ чужихъ краяхъ, нежели ѣхать въ край скучный и пустой. Но если бы

знала она, какъ ей воды наши полезны! Какою бы отрадою могъ быть намъ *Денисъ* (Давыдовъ), если его опредѣлятъ на линію. О немъ что-то молчитъ Петраханъ (князь П. М. Волконскій) и я изъ сего не самыя хорошія извлекаю заключенія. Впрочемъ онъ потому, что былъ уже начальникомъ корпуснаго штаба и собственно по старшинству въ чинѣ можетъ занять сіе мѣсто.

Не знаю, будетъ-ли соизволеніе на разныя мои представленія, посланныя съ прежними фельдъегерями. Я просилъ произвести Грекова въ генералъ-маіоры, Эристову и Власову 3-му—Анненскія ленты. Неужели можно отказать, когда дали оную великому адмиралу Карцову!

Съ теперешнимъ фельдъегеремъ идетъ штатъ провіантскій къ военному министру, по утвержденному прежде преобразованію здѣшняго провіантскаго управленія. Я составилъ его сколько возможно бережливымъ образомъ, хотя противъ прежняго сумма умножена гораздо. Попроси старика Петра Ивановича, чтобы скорѣе представилъ къ разсмотрѣнію и Мордѣ (Абакумову) скажи, чтобы по прежнему не дѣлалъ помѣшательствъ, ибо я ругаться съ нимъ стану. Теперешняя провіантская часть у меня въ жалостнѣйшемъ положеніи!

Сдѣлай милость, подобно какъ перевели капитана *Шишкова*, переведи 41-го егерскаго полка *маіора Маркова* въ который нибудь изъ полковъ въ Россіи. Здѣсь ведетъ онъ себя гнуснѣйшимъ образомъ, такъ напроказилъ, что неизбѣжно могъ быть солдатомъ. Онъ племянникъ родной Евгенію Ивановичу Маркову, весьма не глупый и способный офицеръ и мнѣ совѣстно было подвергнуть его несчастію, когда дядя его, мнѣ его рекомендовавшій, всегда былъ моимъ начальникомъ и желалъ мнѣ добра. Не пренебреги моей просьбы!

Прошу я о переводѣ квартирмейстерской части полковника Верховскаго командиромъ въ Куринскій пѣхотный полкъ; постарайся, чтобы князь Петръ Михайловичъ не воспрепятствовалъ. Въ рапортѣ моемъ сказалъ я всѣ истинныя причины и мнѣ въ семъ случаѣ отказать не должно.

Вы вѣрно удивитесь, получая рапорты объ убыли людей. Отъ прошлаго года остались намъ свирѣпыя болѣзни и смертность не только въ войскахъ, но и между самыми жителями ужаснѣйшая. Не отнесите потери къ недостатку попеченія о людяхъ или къ худому состоянію госпиталей. Все соблюдается строжайшимъ образомъ, а въ полкахъ лазареты по истинѣ заслуживаютъ одобренія. Но при всей потерѣ нашей мы еще счастливы въ сравненіи съ сосѣдями нашими персіянами, у коихъ въ Эриванской области не собрано половины съ полей

хлѣба за болѣзнію поселянъ, а въ Индіи считаютъ болѣе полутора милліона убыли людей. Многіе думаютъ, что въ самомъ воздухѣ были причины къ зарожденію сихъ болѣзней и мы не менѣе подпали сему бѣдствію. Впрочемъ замѣтить должно, что большая смертность началась со времени прибытія рекрутъ и едва-ли не причиною тому два года совершенный неурожай въ Россіи хлѣба, доводящій людей до изнуреннаго положенія. Рекруты, поступившіе въ арміи, въ Россіи расположенныя, небольшой подверглись разницѣ въ климатѣ и могли перенести оную, а сюда прибывшіе не выдерживаютъ оной.

Полковникъ квартирмейстерской части *Муравьевъ*, извѣстный тебѣ поѣздкою его въ Хиву, проситъ также о переводѣ его въ армію и я весьма охотно предлагаю ему полкъ. Я предупредилъ о семъ князя Петра Михайловича письмомъ, но если ты не замолвишь, то онъ въ состояніи сдѣлать пакость отказать мнѣ. Ему можешь откровенно сказать, что для теперешней службы *Муравьевъ* особенныхъ дарованій не имѣетъ, но что въ арміи будетъ онъ штабъ-офицеръ и командиръ полка отличнѣйшій и что, конечно, полезно распредѣлять чиновниковъ по способностямъ.

Скажу тебѣ по пріятельски, что я перемѣняю имъ командира 41-го егерскаго полка подполковника Авенаріуса, бывшаго старшимъ адъютантомъ въ 1-й арміи. Его вызвалъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й... Старикъ и прекрасный человѣкъ Вельяминовъ, когда я назначался въ Италію, готовился быть здѣсь корпуснымъ командиромъ и уже проговаривалъ, по слабости человѣческой, о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ и намѣревался перемѣнить многихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, многимъ кажется, что можно дѣлать и поступать лучше другаго! А между нами сказать, и прошу тебя не сообщать никому, что здѣсь надобно другаго начальника, ибо онъ весьма нелюбимъ по странному образу его обращенія и по удивительной застѣнчивости, имѣя, впрочемъ, всѣ наилучшія качества.

Пришли мнѣ, изъ любопытства прошу, вѣдомость за 1820 и 1821 года о числѣ умершихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вообще войскъ въ 1-й и 2-й арміяхъ, означивъ убыль каждаго мѣсяца особенно. Мнѣ хочется знать, чѣмъ мы болѣе убиваемъ народа, а паче противъ 2-й арміи, у которой есть часть войскъ въ Бессарабіи, мѣстахъ очень нездоровыхъ.

Прощай, отдай записочку мою милой хозяйкѣ.

12-го марта 1822 г. Тифлисъ.

Письмо сіе пишу, ожидая, что оно уже тебя не застанетъ и даже того желаю, ибо до сего времени пребываніе твое въ Петербургѣ не иначе могло бы продолжиться, какъ по болѣзни. Ты вѣрно поспѣшилъ послѣднимъ зимнимъ путемъ проѣхать по крайней мѣрѣ до границъ нашихъ и вмѣстѣ съ весною вступить въ земли чужія. Я полагалъ, что ты нѣсколько пробудешь въ Варшавѣ, но теперь не знаю, видя что Великій Князь у насъ въ гостяхъ; надѣюсь, однако же, что предъ отъѣздомъ ты меня увѣдомишь, какъ располагаешь путь свой и пребываніе заграницею. Для меня весьма продолжительнымъ покажется твое отсутствіе по многимъ причинамъ и собственно по служебнымъ дѣламъ, коихъ ходъ ускорялъ ты чрезвычайно и не менѣе по всему тому, что относилось до здѣшняго корпуса. Примѣчаю, другъ любезнѣйшій, что уже прималчиваютъ на нѣкоторыя изъ бумагъ моихъ и даже ничего не выходитъ по сдѣланнымъ о наградахъ представленіямъ, тогда какъ оныя не отказываются и менѣе трудящимся. Какой лучше примѣръ адмирала начальствующаго флотомъ у Каменнаго острова, впрочемъ, конечно, исправнѣйшею частію морскихъ нашихъ ополченій.

Сказать тебѣ новаго ничего не имѣю; снѣгами завалены горы и со стороны сосѣдей покойно, внутри дѣлаются шалости въ надеждѣ, что война съ турками займетъ наши силы и бунтовать удобно будетъ, но до того еще времени ихъ порядочно смиряютъ. Не знаю, что со стороны вашей покажетъ весна? Дипломатики наши молчатъ и оставляютъ меня въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи объ обстоятельствахъ, но думаю, что и они немного знаютъ болѣе, когда за нихъ англичане и австрійцы работаютъ въ Константинополѣ. Мы прекрасныхъ и вѣрныхъ имѣемъ стряпчихъ. Между тѣмъ греки, оставленные всѣмъ міромъ безъ помощи, одни несутъ на себѣ неистовства ожесточенныхъ мусульманъ и тогда возстановимъ мы переговоры съ Портою, когда не о чемъ переговаривать будетъ.

Исторія прославитъ наше время и намъ собственно отдастъ должную похвалу. Уже годъ цѣлый, какъ лютость турокъ христіанскія державы насыщаютъ кровію грековъ и, кажется, недовольно!

Важно обработанъ въ приказахъ несчастный князь Вадбольскій, а офицеръ отличнѣйшій. Напиши, что за происшествіе; я очень его уважаю. Неужели нельзя наказывать не посрамляя?

Я съ нѣкотораго времени нездоровъ; кажется, привезъ изъ любезнаго отечества ревматизмы. Растравляю болѣзнь свою множествомъ хлопотъ и служба смертельно начинаетъ скучать мнѣ. Не долго могу я подобнымъ образомъ упражняться. Приводи къ счастливому окончанію дѣла мои, другъ любезнѣйшій, и отправляй къ Хрущовымъ милліоны, если Кабинетъ не отказываетъ принять моихъ сокровищъ.

Поцѣлуй ручку милой хозяйки, не оставь по прежнему благотворить семьѣ моей и люби меня, какъ всегда.

207.

29-го апрѣля 1822 г. Тифлисъ.

Пишу и воображаю, что письмо мое въ Петербургѣ уже не застанетъ тебя. Какъ грустно думать, что долгое время не буду имѣть о тебѣ извѣстій.

Благодарю, почтенный другъ, за хлопоты о моихъ сокровищахъ и за отосланіе къ *Хрущову* денегъ. Ты скрылъ отъ меня, но я случайно узналъ, что ты ѣздилъ нарочно къ министру финансовъ, чтобы упросить его взять въ казну мои перстни. Странно, что онъ тебѣ отказалъ, а мнѣ я зналъ, что онъ ничего пріятнаго сдѣлать не захочетъ. Впрочемъ, и сумма ужасная 12,000 ассигнаціями, которой не сыскалось.... Перстни всегда сего стоютъ и мы сбережемъ ихъ до времени. Пришли ихъ ко мнѣ обратно, можетъ быть въ Москвѣ набѣжитъ какая нибудь щеголиха.

Отработали Граббе препорядочно и отличный сей офицеръ остается безъ пропитанія. Ему дѣлать нечего какъ идти въ иностранную службу. Я боюсь, что и сіе почтется за вольнодумство, когда ничто иное есть какъ совершенная крайность. Наказать надобно непремѣнно, но не слѣдовало бы выпускать его изъ службы, или покрайней мѣрѣ чрезъ нѣкоторое время выгнать и Васильчикова, совершенно ни на что не надобнаго.

Понемногу являются въ газетахъ награды по моимъ представленіямъ, но нѣтъ ничего о генералъ-маіорѣ Власовѣ, о которомъ просилъ я прежде всѣхъ послѣ пріѣзда моего сюда. Благодарю тебя отъ души за стараніе объ ономъ; не забудь предъ отъѣздомъ твоимъ приказать и о прочихъ напомнить Петрахану (князю П. М. Волконскому).

Весьма хорошо, что не докладывано о князѣ Горчаковѣ: онъ только что женился и это бы его ужасно разстроило. Да и нѣтъ въ томъ

нужды, ибо кажется, что уже отсюда ни на какую не попаду я службу, слѣдовательно и Вельяминовъ мой не будетъ мнѣ надобенъ. Боже мой, до какой степени мнѣ все наскучило, невѣроятно!

Перепугались, что войска мои были въ границахъ турецкихъ, а турки благодарили за милость. Попроси у Петрахана посланный мною къ нему рапортъ одного полковника и увидишь! Теперь просили турки, чтобы прислалъ я войска, но мнѣ запрещено, а потому персіяне вошли въ Карсскій пашалыкъ и его разоряютъ до основанія. На случай войны и у меня такія же впереди степи какъ въ Молдавіи. Что за мысль, что меня обманутъ? Мнѣ нельзя о себѣ хвастать и потому не знаютъ на какомъ счету людей и здѣсь, и что, конечно, болѣе извѣстенъ я моимъ сосѣдямъ нежели правительству своему.

На счетъ положенія дѣлъ нашихъ съ Турціею у насъ дѣлаютъ великую тайну, а въ газетахъ говорятъ о томъ, и какъ нарочно, весьма основательно. Мы поступаемъ прекрасно и съ большою для себя честію. Невѣроятно, чтобы поѣздка Татищева въ Вѣну повела къ чему-нибудь рѣшительному, кажется непремѣнно есть намѣреніе отдѣлаться отъ войны, хотя, впрочемъ, турки дѣлаются чрезвычайно несносными.

Огорчили меня отказомъ Дениса (Давыдова) и весьма несправедливо, если имѣютъ о немъ прежнія невыгодныя мысли. Поговори Петрахану (князю П. М. Волконскому), что они лишаютъ дѣятельности человѣка способнаго, и что не весь генеральскій списокъ наполненъ людьми нужнѣйшими. Я ему пишу довольно ясно.

Если правда, какъ пишутъ, что на мѣсто старика Петра Ивановича возьмете вы старшаго Вельяминова, то и еще буду просить у васъ генерала; посмотримъ кого мнѣ дадутъ?

Наконецъ достали вы старика, который нѣсколько въ Москвѣ пришаливалъ. Этого не было примѣтно, чтобы онъ былъ такимъ нѣжнымъ любовникомъ. Однакоже, я весьма его уважаю за благородный его съ тобою поступокъ, и дѣлаетъ ему честь, что въ семъ случаѣ была одна собственная его воля и никакое постороннее внушеніе. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ, но извини, что не имѣлъ я время отвѣчать и чтобы старикъ не разсердился.

Важно обработали дѣла въ твое отсутствіе, если надобно было сидѣть по утру и послѣ обѣда нѣсколько недѣль. Я воображаю, что будетъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ! Ты ни слова не сказалъ о пребываніи у васъ Великаго Князя; такъ ли онъ расположенъ къ тебѣ, какъ и прежде?..

Какъ хорошо ты дѣлаешь, что сожигаешь мои письма и мнѣ

жаль твоихъ чрезвычайно, но я съ ними дѣлаю тоже. Будемъ оба постоянно исполнять обѣщанное.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ; теперь я не пишу ничего. Но готовъ вступить въ переписку на русскомъ языкѣ, и она несправедлива будетъ, если потребуетъ языка французскаго, на которомъ я столько же искусенъ какъ она на русскомъ. Но съ симъ она познакомится скоро, а того я не выучу никогда. Вотъ разница!

Завтра выѣзжаю я на линію. Кабардинцы дѣлаютъ большія пакости по наущенію закубанцевъ, которые, партіями приходя къ нимъ въ помощь, нападаютъ на линію. Я пять лѣтъ терпѣлъ, на многое смотрѣлъ сквозь пальцы, ибо занятъ былъ въ другомъ мѣстѣ, но теперь пришла ихъ очередь и я намѣренъ порядочно уже проучить ихъ, и если успѣю, то даже хочу перемѣнить и положеніе прежней линіи, которая имѣетъ величайшіе недостатки. Доведи о семъ до свѣдѣнія выше... *).

208.

8-го октября 1822 г. Тифлисъ.

Съ удовольствіемъ воображаю, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что письмо придетъ къ самому времени твоего возвращенія, если только ты не замедлишь. Какое продолжительное твое отсутствіе! Хорошо, если воды принесли тебѣ облегченіе, чего, впрочемъ, по роду болѣзни твоей, непремѣнно я ожидаю, какъ и того, что неумѣренныя занятія твои опять могутъ тебя разстроить. Неужели не съ большею какъ прежде осмотрительностію будешь ты располагать твоими трудами? Послѣдуй, почтенный другъ, моему замѣчанію, что надобенъ тебѣ другой въ отправленіи дѣлъ порядокъ, и чтобы не все на тебѣ одномъ обрушивалось. Умножь число помощниковъ или чтобы объясняли тебѣ словесно нѣкоторую часть дѣлъ, а ты сдѣлаешь распоряженіе. Это можно будетъ и не сидя вѣчно дѣлать и даже при нѣкоторомъ отдохновеніи. Тебѣ вредитъ твоя неподвижность.

Я представляю себѣ какъ теперь засядешь. Быть не можетъ, чтобы все такъ шло, какъ ты желалъ; случится даже, что и не всѣ дѣла обработаны, а я знаю твою привычку хотѣть все вдругъ поправить и ты возвратишься вдругъ къ прежнимъ трудамъ, а съ ними

*) Точки въ оригиналѣ.

вмѣстѣ возвратиться могутъ и прежнія болѣзни! Горестно въ лѣта твои прибѣгать къ пособіямъ водъ и лекарствъ. Нельзя-ли тебѣ сдѣлать конвенцію, чтобы въ каждый годъ имѣть два мѣсяца для разъѣзда. Можно бросить взглядъ на дѣла хозяйственныя и сего времени половину употребить въ пользу службы, обозрѣвая части военному управленію подчиненныя.

Какъ досадно, что я говорю напрасно; вижу, что все сдѣлается иначе!

Пришли мнѣ твой журналъ путешествія и всѣхъ твоихъ замѣчаній. Если нужно, я сохраню въ непроницаемой тайнѣ. Ты не откажешь, ибо я ничего не скрывалъ отъ тебя.

Что я скажу тебѣ, другъ любезнѣйшій? Скучаю ужасно, обстоятельства безпрерывно рождаютъ дѣла новыя, многое не ладится, многое улучшается чрезмѣрно медленно, не согласуясь съ нетерпѣливымъ моимъ усердіемъ, съ моимъ пламеннымъ характеромъ. Употребляю усилія возможныя, но успѣхи самымъ постояннымъ трудамъ не соотвѣтствуютъ. Какая жизнь несносная! Въ продолженіе отсутствія твоего, Петербургъ былъ для меня иностраннымъ городомъ; рѣдко отъ кого придетъ письмо; замолкло и малое число пріятелей моихъ.

Красота Иванъ Васильевичъ почти одинъ, но и тотъ весьма не часто писалъ ко мнѣ.

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) со времени возвращенія изъ-за границы не пишетъ ко мнѣ и не увѣдомилъ даже о пріѣздѣ. Кто нибудь, конечно, старался насъ поссорить, я писалъ къ нему чрезъ Красоту недавно и просилъ чтобы объяснилъ причину молчанія. Ты можешь узнать отъ Лонгинова. Что можетъ поселять между нами непріязнь, положеніе насъ обоихъ столько между собою различно и если позволительно допустить чувство зависти, то, конечно, не со стороны его должна она имѣть доступъ. Увѣдомь, что дѣлаетъ старикъ вашъ и доволенъ-ли былъ ты имъ въ путешествіи? Лучше-ли здоровье милой хозяйки? Конечно, съ удовольствіемъ видѣла она земли для нея новыя и послѣ нашей не могли онѣ ей не правиться. Обо всемъ, почтенный другъ, напиши обстоятельно. Все до тебя касающееся, мнѣ чрезвычайно любопытно.

Прощай! Сохрани мнѣ прежнюю твою безцѣнную для меня дружбу.

P. S. Съ фельдъегеремъ посылаю принадлежащее графу Толстому жалованье. Доставь его къ нему и напиши что дѣлаетъ чудакъ сей?

жаль твоихъ чрезвычайно, но я съ ними дѣлаю тоже. Будемъ оба постоянно исполнять обѣщанное.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ; теперь я не пишу ничего. Но готовъ вступить въ переписку на русскомъ языкѣ, и она несправедлива будетъ, если потребуетъ языка французскаго, на которомъ я столько же искусенъ какъ она на русскомъ. Но съ симъ она познакомится скоро, а того я не выучу никогда. Вотъ разница!

Завтра выѣзжаю я на линію. Кабардинцы дѣлаютъ большія пакости по наущенію закубанцевъ, которые, партіями приходя къ нимъ въ помощь, нападаютъ на линію. Я пять лѣтъ терпѣлъ, на многое смотрѣлъ сквозь пальцы, ибо занятъ былъ въ другомъ мѣстѣ, но теперь пришла ихъ очередь и я намѣренъ порядочно уже проучить ихъ, и если успѣю, то даже хочу перемѣнить и положеніе прежней линіи, которая имѣетъ величайшіе недостатки. Доведи о семъ до свѣдѣнія выше... *).

208.

8-го октября 1822 г. Тифлисъ.

Съ удовольствіемъ воображаю, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ —, что письмо придетъ къ самому времени твоего возвращенія, если только —0 ты не замедлишь. Какое продолжительное твое отсутствіе! Хорошо, если —1 воды принесли тебѣ облегченіе, чего, впрочемъ, по роду болѣзни твоей — непремѣнно я ожидаю, какъ и того, что неумѣренныя занятія твои — опять могутъ тебя разстроить. Неужели не съ большею какъ прежде — осмотрительностію будешь ты располагать твоими трудами? Послѣдуй, почтенный другъ, моему замѣчанію, что надобенъ тебѣ другой въ отправленіи дѣлъ порядокъ, и чтобы не все на тебѣ одномъ обрушивалось. Умножь число помощниковъ или чтобы объясняли тебѣ словесно нѣкоторую часть дѣлъ, а ты сдѣлаешь распоряженіе. Это можно будетъ и не сидя вѣчно дѣлать и даже при нѣкоторомъ отдохновеніи. Тебѣ вредитъ твоя неподвижность.

Я представляю себѣ какъ теперь засядешь. Быть не можетъ, чтобы все такъ шло, какъ ты желалъ; случится даже, что и не всѣ дѣла обработаны, а я знаю твою привычку хотѣть все вдругъ поправить и ты возвратишься вдругъ къ прежнимъ трудамъ, а съ ними

*) Точки въ оригиналѣ.

вмѣстѣ возвратиться могутъ и прежнія болѣзни! Горестно въ лѣта твои прибѣгать къ пособіямъ водъ и лекарствъ. Нельзя-ли тебѣ сдѣлать конвенцію, чтобы въ каждый годъ имѣть два мѣсяца для разъѣзда. Можно бросить взглядъ на дѣла хозяйственныя и сего времени половину употребить въ пользу службы, обозрѣвая части военному управленію подчиненныя.

Какъ досадно, что я говорю напрасно; вижу, что все сдѣлается иначе!

Пришли мнѣ твой журналъ путешествія и всѣхъ твоихъ замѣчаній. Если нужно, я сохраню въ непроницаемой тайнѣ. Ты не откажешь, ибо я ничего не скрывалъ отъ тебя.

Что я скажу тебѣ, другъ любезнѣйшій? Скучаю ужасно, обстоятельства безпрерывно рождаютъ дѣла новыя, многое не ладится, многое улучшается чрезмѣрно медленно, не согласуясь съ нетерпѣливымъ моимъ усердіемъ, съ моимъ пламеннымъ характеромъ. Употребляю усилія возможныя, но успѣхи самымъ постояннымъ трудамъ не соотвѣтствуютъ. Какая жизнь несносная! Въ продолженіе отсутствія твоего, Петербургъ былъ для меня иностраннымъ городомъ; рѣдко отъ кого придетъ письмо; замолкло и малое число пріятелей моихъ.

Красота Иванъ Васильевичъ почти одинъ, но и тотъ весьма не часто писалъ ко мнѣ.

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) со времени возвращенія изъ-за границы не пишетъ ко мнѣ и не увѣдомилъ даже о пріѣздѣ. Кто нибудь, конечно, старался насъ поссорить. я писалъ къ нему чрезъ Красоту недавно и просилъ чтобы объяснилъ причину молчанія. Ты можешь узнать отъ Лонгинова. Что можетъ поселять между нами непріязнь, положеніе насъ обоихъ столько между собою различно и если позволительно допустить чувство зависти, то, конечно, не со стороны его должна она имѣть доступъ. Увѣдомь, что дѣлаетъ старикъ вашъ и доволенъ-ли былъ ты имъ въ путешествіи? Лучше-ли здоровье милой хозяйки? Конечно, съ удовольствіемъ видѣла она земли для нея новыя и послѣ нашей не могли онѣ ей не нравиться. Обо всемъ, почтенный другъ, напиши обстоятельно. Все до тебя касающееся, мнѣ чрезвычайно любопытно.

Прощай! Сохрани мнѣ прежнюю твою безцѣнную для меня дружбу.

P. S. Съ фельдъегеремъ посылаю принадлежащее графу Толстому жалованье. Доставь его къ нему и напиши что дѣлаетъ чудакъ сей?

209.

« » ноября 1822 г. Тифлисъ.

Два письма твои получилъ я вдругъ: одно изъ Францбруна и послѣднее изъ Вѣны. Благодаря Красотѣ, онъ хотя и не часто, но увѣдомлялъ меня о тебѣ и я уже зналъ, что теплицкія воды не сдѣлали тебѣ пользы. Не знаю почему кажется мнѣ, но я увѣренъ, что здѣшнія воды тебя бы исцѣлили. Легко быть можетъ, что по многотрудной должности твоей, не скоро уже вырвешься изъ Петербурга, но не мѣшало бы испытать дѣйствіе ихъ и отсутствіе отъ мѣста не столько нужно продолжительное какъ за границу.

Жаль, что здоровье хозяйки требуетъ пребыванія въ чужихъ краяхъ, но лучше разъ излечиться порядочно, нежели временно получать облегченіе. Нельзя пренебрегать болью въ боку и еще довольно уже продолжающеюся. Не мало разстроитъ домашнія дѣла твои ея путешествіе, ибо она не весьма сильна въ экономіи, но дѣлать нечего! Все до тебя относящееся любопытно мнѣ знать и потому скажи мнѣ пріятельски — что тебѣ стоитъ твоя поѣздка вообще? Увѣдомь, какъ по возвращеніи найдешь дѣла. Точно лучше нельзя было сдѣлать, какъ поручить ихъ доброму старику Петру Ивановичу. Лѣность его могла только не дать довольно быстраго хода бумагамъ и могли дѣла залежаться не рѣшенными, но онъ сохранилъ порядокъ прежній теченія ихъ и не сдѣлалъ никакой перемѣны, которыя по большей части производятъ болѣе путаницы, нежели пользы. Твоя чудесная дѣятельность, постоянный и строгій надзоръ, привычка къ тебѣ твоихъ отличныхъ чиновниковъ придастъ всему прежній успѣхъ.

Если и не совсѣмъ тебѣ пріятно, но благоразумно сдѣлано, что на время отсутствія Государя приказано тебѣ возвратиться въ Петербургъ. Не всѣ непремѣнно таланты могли достаться въ удѣлъ Милорадовичу и Уварову. Сакенъ слишкомъ старъ, чтобы исправлять должность надзирателя надъ ними! Развѣ и тутъ поможетъ ему Дибичъ!

Весьма хорошее дѣло, что согласился ты заѣхать къ брату Михайлѣ (графу Воронцову) въ Бѣлую церковь. Посмотришь, какъ живетъ среди польской родни своей въ очарованномъ замкѣ? А теща его точно волшебница и его, конечно, обворожила. Слышу ото всѣхъ, что жена достойная и чрезвычайно любезная женщина. На меня, кажется, братъ Михайла сердитъ, ибо по возвращеніи его въ послѣдній разъ въ Россію, даже и не увѣдомилъ меня. Вѣрно кто-нибудь старался насъ поссорить,

хотя бы, впрочемъ, надлежало прежде объясниться. Я писалъ къ нему чрезъ Красоту и думаю, что, по крайней мѣрѣ, изъ вѣжливости отвѣчать будетъ, а сего довольно, чтобы увидѣть продолжать-ли или прекратить переписку.

Неужели братъ Михаилъ, человѣкъ въ наисчастливѣйшемъ положеніи, можетъ въ чемъ-нибудь мнѣ завидовать? Какъ во всемъ различно состояніе наше! Онъ можетъ имѣть минутныя неудачи, но несправедливо было бы не пользоваться его способностями и достоинствами и онъ всегда будетъ человѣкомъ надобнымъ. Его привязанность къ службѣ извѣстна и она составляетъ главнѣйшую его наклонность. О себѣ скажу тебѣ откровенно: не могу я не чувствовать нѣкоторыхъ въ себѣ къ службѣ способностей, дѣятельность моя имѣетъ кругъ довольно обширный и можетъ быть замѣчаема, но служба не только уже не есть, какъ прежде, господствующею моею страстью, но я начинаю совершенно къ ней охлаждаться.

Человѣку трудящемуся для возбужденія дѣятельности или возобновленія, такъ сказать, силъ, надобны желанія и цѣль. Нѣтъ у меня другаго желанія, какъ жизнь свободная и покойная! Я думаю, что не былъ бы я и здѣсь такъ долго, если бы не удерживали меня нѣкоторыя дѣла или неполучившія еще надлежащаго вида, или которымъ не успѣлъ я дать прочнаго основанія, а мнѣ не хочется, чтобы занятія, стоющія заботъ и усилій, могли уничтожены быть произволомъ моего наслѣдника. Вотъ какъ день-ото-дня проходитъ время мое и я зажился въ странѣ здѣшней. Повторяю тебѣ, почтеннѣйшій другъ, прежнія слова мои: ужасно наскучила мнѣ служба и мои упражненія и отдохновеніе мнѣ необходимо!

Изъ сего ты видишь, что если бы и могъ я быть соперникомъ по службѣ брату Михайлѣ, то я оставляю ему поле широкое и на немъ ему не встрѣчусь, а напротивъ охотно признаюсь, что не имѣю равныхъ ему способностей и состояніе бѣдное не могло доставить мнѣ равныхъ способовъ воспитанія.

Удивляюсь, что онъ не имѣетъ нѣкотораго терпѣнія и усильно хочетъ получить мѣсто. Мѣсто Ланжерона точно видное и полезное, особливо когда мирное время не представляетъ лучшихъ занятій, и я нахожу весьма благоразумнымъ сіе его желаніе, но неужели можно отказать ему въ томъ, что не затруднились предоставить Ланжерону? Не позволительно столько мало справедливости въ отношеніи къ брату Михайлѣ! Зачѣмъ однакоже искать сего и чрезъ Кочубея. Вотъ непростительный шагъ и менѣе всего ему приличествующій! Могущественный

Дибичъ не соизволяетъ на предоставленіе корпуса. Время нѣмцевъ, и Ротъ, конечно, надобенъ!

Весьма огорчаетъ меня несчастная исторія Граббе. Какъ за ничтожнаго Васильчикова долженъ пострадать офицеръ достойнѣйшій? Хорошо что ты меня объ немъ обстоятельно увѣдомилъ, а я едва было на счетъ его не отозвался къ князю Волконскому. Ему бы я не помогъ и на себя навлекъ неудовольствіе. Хорошо, если бы мнѣ его отдали, онъ нигдѣ не былъ бы столько полезенъ.

Любопытно весьма, что̀ произведетъ конгрессъ? Великодушно намѣреніе Государя сохранить въ Европѣ миръ и тишину, и желательно, чтобы онъ успѣлъ въ томъ. Но преданіе грековъ на истребленіе сохранитъ-ли наше достоинство? Черное пятно сіе не изгладится изъ исторіи нашей и нынѣшняго царствованія. Кто не видитъ, что мы теряемъ существенныя наши выгоды? Какую боязнь внушаетъ Англія, народъ совсѣмъ не страшный. Вся бѣда, что рѣдокъ у насъ будетъ сахаръ и кофе и щеголихъ юбки не будутъ англійскія. Дѣла Италіи и Испаніи намъ очень нужны и конгрессу до нихъ дѣло! Испанцы и знать не хотятъ о конгрессѣ, а колпака короля не выпустятъ. Не вздумаютъ-ли героя Веллингтона на нихъ направить, но Англія имѣла въ Испаніи соперникомъ Наполеона ей опаснаго, а смирять испанцевъ для того, чтобы возвратить королю утѣснительную прежнюю власть и отдаться въ руки глупаго человѣка, она не найдетъ своихъ выгодъ и народъ свободный похищать у другаго не станетъ. Англійскому купеческому народу надобны торговыя выгоды и Испанія ихъ не представляетъ!

Греки не выходятъ мнѣ изъ головы, и признаюсь, что, если бы случилось дорваться до турокъ, я бы припомнилъ ихъ поступки порядочно. Вотъ была бы война чудесная, особенно въ здѣшней сторонѣ; развѣ бы употребили турки силы чрезвычайныя, иначе ихъ валять можно въ гробъ, ибо даже самые персіяне умѣютъ не весьма уважать ихъ!

О Денисѣ (Давыдовѣ) не ожидаю никакого благосклоннаго отзыва, хотя я въ послѣднихъ числахъ августа еще писалъ къ Петрахану (князю П. М. Волконскому). Теперь по новому образованію управленія Кавказской области мнѣ еще болѣе нуженъ начальникъ дѣятельный, и генералъ-маіоръ Сталь 2-й совершенно не годится. Не понимаю, почему на счетъ Дениса столь несправедливое предубѣжденіе? Неужели вѣчно продолжается молодость человѣка безъ перемѣны? Сталю можно бы дать кавалерійскую или даже пѣхотную дивизію и онъ будетъ очень годенъ.

Старикъ Петръ Ивановичъ губитъ меня, требуя, чтобы повѣсу сына его, который у Левенштерна, взялъ я къ себѣ въ адъютанты. Самъ

признается, что онъ лѣнивъ, всегда былъ тупъ въ наукахъ и что онъ ожидаетъ только, что онъ будетъ офицеръ храбрый. Ты знаешь, что я всегда хвасталъ адъютантами и что точно много было у меня молодцовъ, но сей мнѣ чести не сдѣлаетъ. Не понимаю, какъ отъ него отдѣлаться? Не поможешь-ли ты мнѣ въ семъ случаѣ? Старику можно представить, что его уважая, не буду я къ сыну взыскательнымъ, что не употреблю надъ нимъ довольной строгости и онъ еще болѣе своевольствовать станетъ. Старикъ обѣщалъ мнѣ другаго изъ сыновей, котораго я беру чрезвычайно охотно и прошу только прямо опредѣлить ко мнѣ. Если почтешь за нужное, то признайся, что я откровенно къ тебѣ пишу на сей счетъ. Старикъ благоразумнѣйшій человѣкъ, конечно, на меня не разсердится, а я боюсь взять сына къ себѣ, чтобы не вышло какой-нибудь непріятной исторіи. Ты знаешь причины, что мнѣ менѣе нежели кому другому можно имѣть у себя адъютантомъ шалостливаго молодаго человѣка. Не я буду виноватъ, но многіе захотятъ вину отнести на мой счетъ.

Странно, что Константинъ Павловичъ ничего не говорилъ тебѣ обо мнѣ. Видно уже и къ тебѣ не та довѣренность! Я слышалъ отъ драгунскаго Розена, который былъ на водахъ, что ко мнѣ уже не благоволитъ. Вотъ совершенно не знаю причины!

Тебѣ уже вѣрно извѣстно, что я получилъ рескриптъ на перенесеніе, по предложенію моему, Кавказской линіи. Я надѣюсь, что скоро увидятъ сей перемѣны выгоды. Кабардинцамъ не нравится, что за ними учреждается ближайшій присмотръ. Многіе уже бѣжали за Кубань и многіе бѣжать собираются. Имъ бы хотѣлось, чтобы мы по прежнему снисходительны были къ ихъ измѣнамъ и разбоямъ. Видно давно надобно было такимъ образомъ за нихъ приняться. Представить себѣ не можешь, какая прекраснѣйшая земля и какой здоровый климатъ! Военные люди и поселяне Кавказской линіи будутъ мнѣ благодарны!

Мадатовъ мой часъ отъ часу лучше, ловчѣе и искуснѣе въ русскомъ языкѣ. Теперь онъ по особеннымъ порученіямъ отправленъ въ ханствы, гдѣ пребываніе его нужно и потому едва-ли нынѣшнею зимою можно отпустить его въ отпускъ; но мнѣ кажется, что ему, какъ состоящему по арміи и неимѣющему команды, можно дать увольненіе и лѣтомъ, что я и намѣренъ сдѣлать, только увѣдомь, позволительно-ли сіе по установленному порядку. Впрочемъ, если только не очень бранить будутъ, то по усердію Мадатова я на сіе пущусь. Онъ очень хорошо служитъ и въ сію минуту бьется объ умноженіи въ одной провинціи казеннаго дохода.

Какъ до сихъ поръ Желтухинъ не генералъ-адъютантъ? Я думаю онъ кричитъ противъ неблагодарности и что не видятъ заслугъ его. Я помню, что онъ готовился на твое мѣсто. Однакоже появился Криднеръ и, конечно, Желтухинъ имѣетъ въ немъ опаснаго соперника. Каково-то идетъ его набожность и ѣздитъ-ли онъ поститься въ Финляндію? Что, еслибы Криднеръ пошелъ по сей дорогѣ и по душеспасительнымъ назиданіямъ знаменитой госпожи сего имени, онъ бы еще былъ опаснѣе. Не догадался!.. *) Говоритъ-ли Желтухинъ о суетности міра и что онъ ничего на землѣ не желаетъ?

Пишешь, что въ Австріи не любятъ Каподистрія. Вѣроятно, но за то, безъ сомнѣнія, любятъ Нессельроде. Теперь Меттерниху праздникъ! Мнѣ кажется, что немного опасенъ ему и великій Татищевъ. Думать надобно, что не богаты вы людьми, когда сей господинъ вышелъ въ великіе герои! Посмотримъ, каково пойдутъ дѣла наши на конгрессѣ? Весьма часто повторяютъ цари сіи дипломатическія прогулки, которыя, конечно, не дешево стоютъ. . . . . .

Старшаго Вельяминова, какъ говоришь ты, помышляли опредѣлить на мѣсто Петра Ивановича. Я по истинѣ скажу, что онъ для сей должности человѣкъ единственный, ибо честности примѣрной, дѣятельности и точности удивительной. Онъ жестокій гонитель воровства и смотрѣлъ бы за тѣмъ самымъ бдительнымъ образомъ. Я увѣренъ, что вскорѣ замѣтили бы порядокъ въ дѣлахъ его и бережливость. Если когда коснется до него разговоръ, скажи мое мнѣніе, а для пользы службы и то думаю, что въ званіи военнаго министра не мѣшало бы допустить его вліяніе и на генералъ-индендантовъ обѣихъ армій, ибо онъ не просмотритъ и тамъ за выгодами казны. Впрочемъ, не всегда быть ему здѣсь и современемъ надобно помышлять дать ему корпусъ. Нельзя, думаю, отказать ему, когда командовалъ Гельфрейхъ, командуютъ князь Шаховской, Ротъ и даже Волковъ. Но я бы предпочелъ мѣсто министра! Кого-то назначите вы на мѣсто Коновницына? А когда-нибудь нужно приняться, чтобы въ корпусахъ не одному обучались ружью и фронту. Отъ сего десятый не выходитъ офицеромъ полезнымъ. Неужели не примѣчается сей недостатокъ? Перемѣна, которую дѣлаю я въ Кавказской линіи, Государемъ утверждена и уже въ половину приведена въ исполненіе. Скоро примѣтите вы, какъ умѣренна будетъ потеря въ войскахъ въ новыхъ сихъ мѣстахъ расположенныхъ и какъ удобна будетъ земли оборона. Я уже успѣлъ построить нѣсколько укрѣп-

*) Точки въ подлинникѣ.

леній и временныя на зиму жилища. Какъ доволенъ я войсками, и ты, другъ любезнѣйшій, не повѣришь, какіе труды они переносили въ самое ненастное время и жестокіе жары. Менѣе двухъ мѣсяцевъ были они въ движеніи и сдѣлали 1,400 верстъ всегда съ веселою рожею и съ пѣснями. Мнѣ можно сказать тебѣ, какъ другу, и ты не почтешь наглымъ хвастовствомъ, что войска ко мнѣ привязаны и негодуютъ на то только, что я переношу труды наравнѣ съ ними. Не разъ говорили: «зачѣмъ ходишь самъ, прикажи намъ, мы все сдѣлаемъ!»

Благодарю, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, за великодушное намѣреніе имѣть попеченіе о моемъ Павловѣ. Не знаю, какого добивается онъ мѣста, но я также примѣтилъ, что онъ умѣреннымъ пользоваться не умѣетъ. Какъ мучитъ меня сихъ несчастныхъ положеніе, но не изыскиваю средствъ наклонить отца къ прощенію и никто не въ состояніи уговорить его. Такъ, кажется, продолжится до смерти. Желалъ бы я лучше, чтобы Павловъ получилъ мѣсто въ губерніи и не жилъ бы въ столицѣ. Ты лучше успѣешь его вразумить, а по званію его можно дать мѣсто порядочное. Если же безразсудно захочетъ онъ быть вице-губернаторомъ, то сіе непристойно и тебѣ не приличествуетъ помогать ему.

Ты утѣшаешь меня извѣстіемъ, что твой старикъ поступаетъ съ тобою хорошо и благородно. Весьма полезно, что вы съ собою его провозили и тамъ не доставало ему времени на любовныя дѣла. Я въ удовольствіе тебѣ буду ему охотно писать, пусть что-нибудь напишетъ. Заведу и съ милою хозяйкою великую корреспонденцію и по возвращеніи твоемъ ты уже нашелъ письмо мое къ ней. Я признаюсь тебѣ, что пишу рѣдко не отъ лѣни, но мнѣ французскій языкъ не такъ знакомъ и потому не безъ труда обходится. Хорошо, еслибы пустились мы на русскомъ.

Ты удивишься, почтенный Арсеній Андреевичъ, что едва успѣлъ ты появиться, какъ уже нападаю я на тебя съ просьбою. Это о двоюродномъ братѣ моемъ прапорщикѣ Ермоловѣ. Я на особенной бумагѣ прилагаю у сего, чтобы ты могъ показать князю Волконскому. Увидишь обстоятельства просьбы и, конечно, по возможности, не откажешь помочь ему.

Прощай. Желаю, чтобы здоровье твое не разстроило то множество дѣлъ, которыми обремененъ ты безпрерывно и вспомни, что не разъ я говаривалъ сколько нужно иначе расположить твои занятія.

Съ сею почтою получилъ отъ тебя бумагу о твоемъ возвращеніи. Отъ брата Михайла (графа Воронцова), что съ тобою видѣлся и будто

много обо мнѣ говорили. Раевскій увѣдомляетъ, что ты проѣхалъ. Братъ Коховскій пишетъ, что просилъ тебя объ опредѣленіи дежурнымъ штабъ-офицеромъ (въ корпусъ Раевскаго) сына его, служащаго адъютантомъ у графа Сакена главнокомандующаго. Если это возможно, то я прошу тебя покорнѣйше, но съ тѣмъ, чтобы не перевели его изъ гвардіи, ибо тогда потерялъ бы онъ выгодную карьеру. Впрочемъ, примѣры сіи не рѣдки и такимъ образомъ былъ у меня полковникъ Наумовъ, принадлежавшій гвардіи.

Замѣть, какъ я радъ возобновленной перемѣнѣ. Какъ бисеромъ нанизываю каждую страницу и все еще конца нѣтъ!

210.

« » ноября 1822 г.

Ноября 14-го получилъ эстафету твою.

Жалѣю, почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, что ты оставилъ хозяйку, ибо не сдѣлалъ бы того, если бы не было разстроено ея здоровье и достаточно помогли ей воды. Я думаю, однако же, что болѣе самихъ водъ принесетъ ей пользу то, что проведетъ она зиму въ кроткомъ климатѣ. Гдѣ она въ Италіи жить намѣревается, или будетъ переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто?

Прелюбопытное сообщилъ ты мнѣ о братѣ Михайлѣ (графѣ Воронцовѣ) свѣдѣніе. Я увѣренъ былъ, что онъ обворожитъ волшебницу свою тещу, но не думалъ, чтобы до такой степени, а если уже, говоря о немъ, пускаетъ она слезы и онъ также отъ умиленія плачетъ, къ тому же, какъ ты замѣтилъ, началъ онъ любить деньгу, то великій наслѣдникъ графъ Браницкій долженъ быть осторожнымъ! Мнѣ казалось и прежде, что бережливъ онъ былъ въ деньгахъ, а теперь тѣмъ оправдывать будетъ привязанность къ деньгамъ, что сохраняетъ ихъ въ пользу дѣтей. Однако же, какъ вижу изъ письма твоего, онъ уже не столько, какъ прежде, къ тебѣ откровененъ, ибо не сказалъ, какъ былъ принятъ въ Петербургѣ и что желалъ мѣсто Ланжерона. Также и ко мнѣ пишетъ, что не хотѣлъ корпуса и надѣется надолго отъ него избавиться. Онъ, кажется, обоихъ насъ надуваетъ. Къ чему это ему надобно, или дѣлаетъ то по привычкѣ. Тебя же ему и обмануть не легко, ибо ты живешь въ Петербургѣ у самаго источника и подобныя обстоятельства не могутъ укрыться отъ твоего свѣдѣнія. Хорошо мнѣ разсказывать, живущему въ глуши.

Ты забавно описываешь, какъ Сакенъ дѣйствуетъ съ Милорадовичемъ, но больно видѣть, что Государь не можетъ свести двухъ человѣкъ вмѣстѣ, чтобы они не перессорились. Неужели въ личной враждѣ нельзя не вмѣшивать службу? Кажется, что это двѣ вещи совершенно разныя. Какія странныя свойства людей и сіи выставлены будучи на первѣйшія степени государства, находясь на виду, даютъ собою другимъ примѣръ весьма развратный.

Какъ часто у насъ люди не на своихъ мѣстахъ, и, ей Богу, нельзя требовать отъ насъ такого ослѣпленія, чтобы мы даже того и не видали. Почувствуешь или увидишь, тотчасъ же запишешься въ карбонари! Счастливы люди свободные, никакими должностями не обязанные. Вотъ чего я добиваюсь всѣмъ сердцемъ.

Происшествіе въ академіи (художествъ) прелюбопытно. Такимъ образомъ, въ члены оной попасть не весьма пріятно. Однако же, Лабзинъ весьма дерзокъ и подобное поведеніе, по справедливости, заслуживаетъ наказанія. Хорошо платитъ г. Лабзинъ за особенныя милости Государю. Вотъ примѣръ, который научитъ долженъ съ большею осмотрительностію избирать людей. Поступокъ сей ближе всего къ карбонарству и замѣтить надлежитъ, что происходитъ отъ людей, которыхъ таковыми не почитали. Многихъ еще дождемся подобныхъ происшествій, ибо то же повторю, что многіе не у мѣста и что многіе избалованы неприличествующимъ уваженіемъ и наградами, которыхъ никакими заслугами недостойны. Посмотримъ, какой конецъ будетъ имѣть сія исторія?

За инструменты отъ Бетанкура доставленные благодарю что заплатилъ деньги, которыя при семъ же посылаю. О трубѣ, которую для меня дѣлали, писалъ я Красотѣ и держу съ нимъ баталію, ибо въ такомъ прислана ящикѣ, что она разбилась совершенно и негодна на употребленіе. Ему посылаю долгъ мой и назначенные тобою сто рублей Шелгунову. Отдай ему письмо мое.

Боюсь, чтобы то же не послѣдовало и съ математическими инструментами, которые ты намѣренъ отправить. Прикажи ихъ уложить хорошо и чтобы ящики были крѣпки. Въ Петербургъ пріѣдетъ Похвиснѣвъ, служившій у Константина Булгакова въ московскомъ почтамтѣ. Если можешь оказать ему милость, меня одолжишь чувствительно. Онъ человѣкъ весьма хорошій и ты самъ опредѣлилъ сына его въ инженерную школу.

Мадатовъ, не думаю, чтобы нынѣшнюю зиму успѣлъ быть въ Петербургѣ, ибо онъ мнѣ весьма нуженъ здѣсь по обстоятельствамъ.

Мерзости, которыя, какъ тебѣ извѣстно, мнѣ писали, я оставилъ, чтобы не уничтожить человѣка въ его чинѣ. Онъ самъ только тѣмъ виноватъ, что не остановилъ ихъ, когда дѣлалъ его ближайшій родственникъ. А если бы ты зналъ, что за родня его? Есть ужаснѣйшія канальи и подлецы. Впрочемъ, его, какъ состоящаго по арміи, могу я отпустить и лѣтомъ. Прощай.

211.

15 декабря 1822 г. Тифлисъ.

Пишу потому, что отправляю фельдъегеря, но такъ писалъ много съ послѣднимъ, что теперь почти сказать нечего.

Кажется забылъ объясниться по поводу приглашенія твоего сообщить замѣчанія мои на такъ называемую *желтую книгу*, которой недостатки намѣреваетесь вы исправлять всѣмъ соборомъ начальниковъ главныхъ и прочихъ штабовъ. Скажу тебѣ откровенно, что я такъ давно не заглядывалъ въ оную, что почти совсѣмъ незнакомъ съ нею, слѣдовательно надлежало бы нѣсколько разъ перечитывать, чтобы въ состояніи быть сдѣлать на нея примѣчанія, а у меня нѣтъ лишняго времени, или же, конечно, лучше можно употребить его, нежели на *желтую книгу*. Впрочемъ, при исправленіи ея нужно имѣть въ соображеніи военныя постановленія прочихъ государствъ, которыя могутъ заключать въ себѣ полезные примѣры, а здѣсь ничего таковаго имѣть я не могу, слѣдовательно и взялся бы я за работу, которую не могу сдѣлать порядочно. И такъ *да мимо меня идетъ чаша сія!* Я, напротивъ, прошу тебя, любезнѣйшій другъ, если бы у кого изъ генераловъ и спросили по сему предмету мнѣніе, отъ меня его не требовать. Пустаго я дать не пожелаю, а порядочное займетъ много времени и я не возьмусь за него. Отказъ же со стороны моей можетъ мнѣ навлечь непріятности. Такимъ образомъ, о семъ ни слова болѣе!

Скажу о себѣ:

Разъѣзжаю по разнымъ мѣстамъ Грузіи, которая по безпрерывнымъ занятіямъ моимъ, доселѣ была совершенно мнѣ незнакома. Вскорѣ ѣду осматривать ханства, которыя поступили въ управленіе наше по разнымъ случаямъ, какъ-то: послѣ смерти или бѣгства хановъ. Недавно ханъ Карабагскій, одной изъ прекраснѣйшихъ провинцій, бѣжалъ въ Персію, оставя намъ пріятную заботу управлять его владѣніемъ и собирать въ казну доходъ. Я безъ негодованія принялъ его поступокъ

и даже не завидую, что онъ жить будетъ въ Персіи, сколько, впрочемъ, не лестно быть шуриномъ его величества шаха, за коимъ въ замужествѣ сестра его. Признаюсь, давно хотѣлось мнѣ, чтобы сей царекъ отправился, ибо живетъ на границѣ и перешептываетъ съ персіянами. Мадатовъ въ семъ случаѣ не мало помогалъ мнѣ; теперь заправляетъ въ Карабагѣ въ ожиданіи моего пріѣзда. Онъ важно заслуживаетъ милость, которую сдѣлалъ ему Государь позволеніемъ принять отъ хана имѣніе. Не худо было бы довести до свѣдѣнія въ разговорахъ, что я службою его здѣсь очень доволенъ. Не можетъ ничто быть выгоднѣе для Правительства нашего здѣсь, какъ удаленіе сихъ хановъ. Въ нихъ никогда не было къ намъ приверженности и предоставленныя имъ права не допускали власть начальства дѣйствовать рѣшительно. Теперь, почтенный другъ, кажется уже и бѣжать некому, ибо всѣ земли, которыя должны быть нами управляемы, всѣ у насъ въ рукахъ. Здѣсь въ короткое время произошли чрезвычайныя перемѣны и вамъ на мѣсто мое надобно избирать, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ я, счастливаго начальника. Не прими за хвастовство слова мои, а меня въ семъ случаѣ оправдаютъ всѣ, которые только захотятъ сказать истину.

Недавно истребился также одинъ изъ сильныхъ владѣтелей, изгнанный мною въ 1820 году и не перестававшій дѣлать намъ нѣкоторыя пакости. Его искусно поссорили съ однимъ изъ приверженныхъ намъ людей и сей по враждѣ убилъ его. Такъ исчезаютъ непріятели наши! Не скучай, другъ любезный, что о всякой подробности пишу къ тебѣ, ибо иначе чтобы сказать могъ тебѣ при жизни моей здѣсь столько однообразной.

Теперь кончился уже конгрессъ, общее всѣхъ любопытство привлекающій и мы въ отдаленности живущіе не менѣе другихъ желаемъ знать о послѣдствіяхъ. Если что сдѣлается извѣстнымъ, сдѣлай дружбу, увѣдомь! Меня терзаетъ участь грековъ, и горько будетъ, если не смирятъ звѣрскихъ поступковъ турокъ. Они привыкнутъ позволять себѣ неуваженіе къ требованіямъ нашимъ и, наконецъ, не обойдется безъ непріятностей. Не великій я дипломатъ, но кажется мнѣ, что если бы въ прошедшемъ году корпусъ Сабанѣева появился на Дунаѣ, Молдавія и Валахія не были бы пустынями, бѣдные обитатели оныхъ не подверглись бы безчеловѣчнымъ истязаніямъ злодѣевъ, и если въ общей политической системѣ нельзя допустить совершенной свободы грековъ, то уже бы рѣшена была ихъ участь, они избѣгли бы продолжительныхъ бѣдствій. Посмотримъ, что сдѣлаютъ съ Испаніею, но случиться

можетъ, что кортесы и народъ не почтутъ себя въ обязанности исполнять волю конгресса. Лишь бы не насмѣялись!

Пришли мнѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, копію съ указа покойной Екатерины II, изданнаго по случаю отобранія въ казну церковныхъ имѣній. Хочу и я предложить сдѣлать здѣсь тоже и, конечно, не въ состояніи изыскать основательнѣйшихъ резоновъ, каковые въ указѣ тамъ описаны. Не прилично имъ (духовнымъ?) управлять имѣніями и я плюсь на самыя отдаленныя времена, что не было болѣе алчной, какъ сія ..... Она все бы старалась присвоить, если бы тому не поставляли препятствій. Сколько здѣсь съ церковью тяжбъ, въ какія вдается она безсовѣстныя ябеды, сего представить невозможно. На меня озлоблена будетъ священная ....., но я пренебрегаю и самимъ оной проклятіемъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ копіи сего указа.

Получилъ отъ Дениса (Давыдова) увѣдомленіе, что вновь еще по просьбѣ моей отказано его сюда назначеніе. Конечно, уже не стану говорить о немъ впередъ, но это не заставитъ меня не примѣчать, что съ нимъ поступаютъ весьма несправедливо. Впечатлѣніе, сдѣланное имъ въ его молодости, не должно простираться и на тотъ возрастъ его, который ощутительнымъ весьма образомъ дѣлаетъ его человѣкомъ полезнымъ. Такимъ образомъ можно лишать службы людей весьма годныхъ и это будетъ или капризъ, или предубѣжденіе. Признаюсь, что это мнѣ досадно, а князь Волконскій даже и не отвѣчаетъ на письмо. Словомъ, насмѣхаются нашимъ братомъ. Подобнаго успѣха ожидаю я и по прочимъ просьбамъ. Не я теряю, ибо человѣкъ моего состоянія не рискуетъ лишиться кредита, имъ никогда не пользовавшись, но служба не найдетъ своихъ разсчетовъ, удаляя достойныхъ.

Я посылаю Стабуша съ тѣмъ, чтобы онъ легче могъ достигнуть намѣренія своего—перейти въ статскую службу. Возьми его, почтенный другъ, въ свое покровительство и, какъ человѣку отличнаго поведенія и честности, не откажи сдѣлать помощь. Онъ будучи довольно давно капитаномъ, можетъ получить при отставкѣ чинъ ассессора и опредѣлиться на службу въ Грузію, куда за пріѣздъ дадутъ ему чинъ надворнаго совѣтника. Все сіе въ порядкѣ вещей обыкновенныхъ, но гораздо легче сдѣлаться можетъ, когда ты замолвишь за него слово. Ему приказано *пилить* тебя.

Ты прислалъ мнѣ отзывъ полеваго оберъ-священника Державина, на представленіе мое къ наградѣ одного протоіерея. Въ своихъ отвѣтахъ и я прошу сдѣлать извѣстнымъ оффиціальный отзывъ мой по сему предмету. Дѣло бы г. министра, князя Голицына, не терпѣть

неприличныхъ отвѣтовъ Державина, но онъ сего не разумѣетъ, ибо собственнаго достоинства не чувствуетъ.

Ты писалъ мнѣ о Лабзинѣ и съ нѣкотораго времени есть извѣстія, что уже ему приказано выѣхать изъ столицы. Весьма справедливо наказана дерзость и ему-ли позволительно быть неблагодарнымъ? Вотъ что значитъ расточать милости недостойнымъ! Какія заслуги могли его поставить на ряду съ людьми полезными?

Недавно писалъ я къ Красотѣ, чтобы прислалъ мнѣ новоизобрѣтенный инструментъ (трубу), которую доставили ко мнѣ совсѣмъ изломанною. Скажи ему, чтобы кромѣ укладки въ прочномъ ящикѣ, который бы выдержалъ дорогу, надобно, чтобы она лежала на мягкомъ и таковымъ же была обложена. Иначе опять придетъ въ обломкахъ. Изъ музыки моей, весьма немногочисленной, убыло нѣсколько человѣкъ; не можешь-ли, почтеннѣйшій другъ, какъ прежде, дать мнѣ обученныхъ нѣсколько кантонистовъ? Въ квартирмейстерскомъ депо издаются картины сраженій послѣдней войны. Ежели есть на то подписка, прикажи за меня подписаться и дай на то деньги. Если же просто продаются, прикажи купить вышедшія и доставь ко мнѣ.

Спроси изъ любопытства, не вышло-ли сколько-нибудь гравированныхъ портретовъ генераловъ, на которые и я, между прочими, сдѣлалъ г. Дову подписку.

Сію минуту пришла мнѣ преглупая мысль въ голову, читая въ газетахъ объ отсрочкѣ графа Головина лотереи, чтобы взять *два* билета. Прикажи взять ихъ на счастье и я съ благодарностью прилагаю у сего сто рублей. Въ такомъ количествѣ натурально можно надѣяться на выигрышъ, особливо когда въ подобныхъ случаяхъ и прежде я ни булавки не выигрывалъ. Мадатовъ взялъ нѣсколько билетовъ; я такъ вѣрю въ постоянное его счастье, что непремѣнно ожидаю, что онъ что-нибудь пріобрѣтетъ важное.

Князь Волконскій не отвѣчаетъ уже на мои письма, вѣрно потому, что чрезвычайно занятъ конгрессомъ. Какъ туда еще не потребованъ Уваровъ? Недавно появилось въ журналѣ «*Благонамѣренный*» великолѣпное описаніе сего послѣдняго рыцаря, гдѣ онъ расхваленъ какъ бы и о Суворовѣ сказать болѣе невозможно было. Не полѣнись, просмотри статью сію, она любопытна очень! Это, конечно, Смирновъ, который сочинилъ жизнь и военныя дѣла (или приличнѣе назвать похожденіе) графа Платова.

Если увидишься съ любезнымъ Константиномъ Булгаковымъ, напомни ему о часахъ моихъ, которые отправлены въ Парижъ къ Бре-

гету для постановленія всего хода на камни. Какое имѣетъ о нихъ извѣстіе? Я тебя мучу такими мелочами и бездѣлицами, что если ты хотя мало справедливъ, то долженъ скоро плюнуть мнѣ въ рожу.

Помню упреки твои, что я скупъ на фельдъегерей. Остерегись, чтобы тѣмъ же я тебя не упрекнулъ. Сюда иногда изъ жалости надобно присылать ихъ, ибо мы въ такой глуши, что ничего не знаемъ. Боже, какая жизнь скучная!!!

Я отпустилъ въ отпускъ моего Попова, который не зналъ, что старикъ отецъ его умеръ. Еслибы вздумалъ онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, остаться въ Россіи, не допусти его къ тому, ибо онъ можетъ тѣмъ повредить себѣ на службѣ и я желалъ бы, чтобы онъ былъ здѣсь, потому что любимъ въ полку и имъ хорошо весьма командуетъ.

Замѣть, что большая часть изъ бывшихъ моихъ адъютантовъ исчезли:

Граббе, офицеръ достойнѣйшій—несчастливъ.

Фонъ-Визинъ, съ отличными способностями,—кажется не на хорошемъ замѣчаніи.

Поздѣевъ, исправнѣйшій полковникъ, умеръ.

Не говорю о другихъ, менѣе заслуживающихъ вниманіе. Остаются Поповъ, который будетъ полезнымъ слугою и дастъ себя замѣтить.

Самойловъ, который не знаю, когда перестанетъ быть повѣсою. Но впрочемъ въ походѣ нынѣшній годъ въ Кабардѣ сдѣлалъ я его дежурнымъ по отряду, и въ исправности, заботливости и порядкѣ ни одинъ изъ офицеровъ, болѣе его опытныхъ, съ нимъ не могъ сравниться. Онъ таковъ, что и тебѣ аккуратнѣйшему изъ людей, конечно, умѣлъ бы поправиться.

Увѣдомь меня, что будетъ съ Граббе и можно-ли мнѣ послать ему нѣкоторое пособіе? Я бы сдѣлалъ осторожно, ибо препроводилъ бы къ губернатору письмо мое незапечатанное, слѣдовательно никому не подверженное подозрѣнію. Отвѣчай мнѣ скорѣе по сему предмету, ибо мнѣ совѣстно, что до сего времени я не писалъ къ нему.

Прощай, будь здоровъ и умѣреннѣе въ твоихъ занятіяхъ. Одному человѣку всего не передѣлать. Вѣрный по смерть *Ермоловъ*.

Что успѣлъ ты сдѣлать по просьбѣ моей отклонить старика Петра Ивановича отъ намѣренія дать мнѣ въ адъютанты повѣсу его сына? Меня мучитъ мысль, что мнѣ не ловко отказать ему въ сей просьбѣ. Избавь меня!

212.

2-го марта 1823 г. Тифлисъ.

Получилъ письма твои отъ 31-го декабря и января отъ 8-го, а послѣднее съ эстафетою отъ 25-го числа. Первымъ изъ нихъ ты хотѣлъ кажется наградить меня за весь прошедшій годъ, ибо столько большаго письма никогда отъ тебя не получалъ. Хорошо, если бы могъ я по оному заключать, что ты имѣешь болѣе свободнаго времени, нежели прежде, но едва-ли сему долженъ я вѣрить и скорѣе думаю, что на однихъ словахъ у тебя новое распредѣленіе твоего времени, которымъ однажды ты мнѣ похвасталъ. Вижу, что мучатъ тебя занятія, ибо не даромъ желаешь ты опять ѣхать заграницу. Жаль мнѣ сего, но, другъ почтеннѣйшій, прежде нужно здоровье, а съ нимъ всегда надобенъ ты будешь службѣ. Не разъ о семъ мы съ тобою говаривали! Всему есть время, нельзя отъ человѣка требовать совершеннаго отъ всѣхъ удовольствій отреченія, ты не одинокій и потому болѣе у тебя обязанностей. И мнѣ, бобылю, скучаютъ мои упражненія!

Кажется чрезвычайная деликатность твоя заставляетъ тебя говорить, что по возвращеніи нашелъ ты дѣла свои въ порядкѣ. Быть не можетъ, чтобы не потребовали они трудовъ, пока далъ ты имъ прежнее теченіе. Кто замѣнить могъ твою ужасную дѣятельность? Хотѣлъ бы я на сей счетъ испытать самыхъ хвастливыхъ!

И такъ въ маѣ мѣсяцѣ ты ѣдешь въ Карлсбадъ и оттуда возвратишься съ любезною хозяйкою. Проведенная ею зима въ Италіи, безъ сомнѣнія, поправила ея здоровье и вѣрно не нужно будетъ продолжительное пребываніе въ Карлсбадѣ.

Вижу изъ письма твоего, что не малозначущихъ издержекъ стоитъ ихъ путешествіе. Хозяйкѣ нельзя упрекнуть большею бережливостію и ты чрезвычайно хорошо сдѣлалъ, поручивъ домашніе разсчеты графу Андрею; нельзя требовать, чтобы занялась она всѣми мелочами и точно не стало бы и большаго терпѣнія. Но никакъ не думалъ я, чтобы старикъ такой былъ мотъ, что не взираетъ на самую запутанность домашнихъ дѣлъ.

Какъ при начальномъ описаніи имѣнія твоего худо знали разстроенное его положеніе. 450,000 рублей долгу тяжело при томъ, какъ ты необходимо проживать долженъ много, и по занятіямъ твоимъ, не можешь удѣлить времени на приведеніе въ порядокъ хозяйства, требующаго по сложности своей большой бдительности. При таковомъ состояніи

дѣлъ старикъ слишкомъ прихотливо назначилъ себѣ часть доходовъ, можно бы менѣе! Я не полагалъ долговъ и половины и тогда часть его была бы умѣрена! Жаль, что я не имѣю и надежды съ нимъ увидѣться, а то далъ бы баталію. Ты шутишь, что онъ меня прибаивается, но хорошо бы, безъ шутокъ, чтобы онъ нѣсколько боялся и мы общими силами нѣсколько бы его смирили. Я точно ожидаю, что въ Италіи надѣлаетъ онъ долговъ; тамъ столько предметовъ и въ его наклонностяхъ. На всякій случай, однако же, по наставленію твоему пишу къ нему письмо. Со стариками надобно и дѣло говорить шуткою.

Грустно было изъ письма твоего видѣть болѣзненное состояніе почтеннаго старика Петра Ивановича, но недавно получилъ бумаги за его подписаніемъ, слѣдовательно миновалась опасность. Его положеніе не блистательное и по огромности семейства его, паче по свойству шалуновъ дѣтей, смерть его будетъ причиною большихъ домашнихъ безпорядковъ. Не на долго будетъ пособіемъ жалованье, которое получитъ онъ при отставкѣ, а болѣе мудрено.

По совѣту твоему о сынѣ Петра Ивановича пишу я къ Петрахану (князю П. М. Волконскому), а ты постарайся, чтобы отвѣчалъ онъ мнѣ, что адъютантомъ ко мнѣ опредѣлить его невозможно и старикъ менѣе огорчится. Сдѣлай милость устрой сіе получше.

Мадатовъ начинаетъ здѣсь скучать и помышляетъ о Россіи, что и неудивительно, ибо онъ почти уже семь лѣтъ здѣсь. Впрочемъ, онъ затѣваетъ разныя въ имѣніи своемъ заведенія, какъ-то: строенія, суконную фабрику, имѣетъ у себя умнаго человѣка иностранца, который за всѣмъ присматриваетъ, и мнѣ кажется, что нѣкоторое время невыгодно было бы ему оставить край сей. Побывать однакоже ему у васъ надобно и кажется онъ мною недоволенъ. Я тебѣ скажу по дружески и прошу не сообщать ему. Онъ до крайности самолюбивъ, ему кажется недостаточно награжденъ онъ за службу и во снѣ видитъ генералъ-лейтенантскій чинъ, почитая меня въ обязанности доставить ему оный и ни мало не разсуждая, что и при стараніи съ моей стороны успѣть въ томъ невозможно, особенно когда знаю я хорошо, что подобное производство многихъ и справедливо бы обидѣло. Тебя не мало удивитъ, что мы и въ правилахъ не совсѣмъ съ нимъ сходны. Прошу на сіе молчанія!

Смѣшную весьма вещь разсказываешь ты о приказахъ Уварова. Жаль, что запрещено печатать ихъ въ журналахъ и молодые люди лишены хорошихъ образцовъ. Я читалъ уже одинъ изъ приказовъ въ иностранныхъ газетахъ.

Почему Желтухинъ, предавшійся христіанской кротости, чуждый суетъ міра и прилѣпившійся къ Богу, не умѣетъ съ нимъ поладить? Онъ измѣняетъ тому, чѣмъ казаться желаетъ. Ничего не хочетъ, ничего не ищетъ кромѣ душевнаго спокойствія, а для будущей вѣчной жизни и ему въ семъ мірѣ, кажется, нужно званіе генералъ-адъютанта. Трудно нынѣ заставить смѣтливыхъ людей видѣть вещи не съ настоящей стороны.

Благодарю, почтеннѣйшій другъ, за стараніе о моемъ двоюродномъ братѣ. Его можетъ достигнуть старость въ прапорщичьемъ чинѣ и я право не такъ самолюбивъ, чтобы думалъ, что лучшая карьера принадлежать должна человѣку моей фамиліи, но жаль офицера способнаго. Переводъ его въ пѣхотную гвардію его подвинетъ впослѣдствіи, но я прошу оставить его при мнѣ или при кавказскомъ корпусѣ. Онъ здѣсь работать будетъ. Въ С.-Петербургѣ трудно или невозможно существовать ему по бѣдности. Не разорите! Благодарю за письмо къ брату Коховскому о его сынѣ. Ты побѣдилъ его твоею чудеснѣйшею вѣжливостію. Немногіе сіе сдѣлаютъ для человѣка, живущаго въ неизвѣстности. Онъ одинъ сынъ у него и отецъ разумѣетъ твое благосклонное попеченіе!

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) возобновилъ со мною переписку и иногда, по великодушію, прикидываетъ нѣсколько комплиментовъ. Онъ тебя уважаетъ, ибо во всякомъ письмѣ не упускаетъ сказать, какъ пріятно было ему, что ты къ нему заѣзжалъ въ Бѣлую церковь. А Браницкому зѣвать не должно.

Но сказать можно не шутя, что положеніе брата Михаила пресчастливое. Жена характера прелестнаго и умная, есть дѣти и состояніе огромное. Всякаго ли судьба симъ надѣляетъ? а у меня ничего изъ того не будетъ. За что онъ мнѣ завидуетъ?

Математическіе инструменты довезены въ совершенной исправности и словомъ ничто не повредилось. Увѣренъ, что Красота также и трубу уложить прикажетъ. Мнѣ уже жаль, что ты ему далъ баталію, онъ преакуратнѣйшій молодой человѣкъ и коммиссіонеръ чудесный. Въ отсутствіе твое я много обязанъ ему за извѣстія о тебѣ и люблю его много.

Нѣтъ намъ удачи съ Денисомъ (Давыдовымъ) и больно видѣть, что неосторожность и нѣкоторыя шалости въ молодости могутъ навсегда заграждать путь человѣку способному. Это несправедливо и почему теперь не хотятъ взглянуть на образъ его жизни. Онъ лучшею можетъ быть порукою! Нечего дѣлать и я прекращаю мои домогательства до лучшаго вре-

мени. Ты говоришь, что можно Сталю дать дивизію въ 1-й арміи. Это нужно, но кого дадите вы мнѣ начальникомъ на Кавказскую линію? Надобенъ и солдатъ хорошій и вмѣстѣ разумѣющій дѣла гражданскія. Много-ли у васъ таковыхъ, а еще добавьте къ тому, что жить надобно на линіи, которая есть нѣкоторый родъ ссылки. Кто не предпочтетъ мѣста въ Россіи и жизни пріятной?

Ты прислалъ мнѣ *два билета* на лотерею Головина. Безъ сомнѣнія, при таковомъ количествѣ билетовъ можно надѣяться на выигрышъ. Но какъ бы я гордъ былъ, если бы что нибудь мнѣ досталось, ибо я булавки въ жизни мою не пріобрѣталъ.

Изъ списка выгравированныхъ портретовъ генераловъ вижу, что Довъ пустился на предпріятіе, отъ котораго можетъ быть въ накладѣ. Я ожидаю когда умножится число оныхъ и сдѣлаю изъ нихъ выборъ. Я уже подписался на нѣсколько оныхъ. О моемъ портретѣ тебѣ сказала *Е. А.*, что сердитъ написанъ. Это немного справедливо и мнѣ кажется, что самъ Довъ по свойству лица моего пріискивалъ приличное ему выраженіе. Его я точно плѣнилъ, ибо иначе нельзя хотѣть дѣлать и бюстъ мой и портреты въ разныхъ видахъ. Но при семъ могу сказать тебѣ откровенно, что весьма бы не худо сдѣлалъ ты, если бы прислалъ мнѣ свой гравированный портретъ, ибо прежнимъ твоимъ я недоволенъ и находилъ чрезвычайное сходство въ портретѣ, который писалъ Довъ. Сего-то мнѣ и хочется. Жду съ первымъ курьеромъ!

Саблукова къ удивленію постоянна въ своихъ чувствахъ, но она, какъ тебѣ извѣстно, весьма нужная намъ особа, ты долженъ иногда дѣлать ей нѣжности, только не отъ моего имени...

Жаль мнѣ моего Граббе и хотя совсѣмъ не вѣрю сдѣланному о немъ замѣчанію, но, впрочемъ, таково его положеніе, что я не смѣю вызваться съ моимъ пособіемъ. Весьма грустно, что участь такая постигла отличнаго молодаго человѣка. Вижу, наконецъ, изъ приказовъ и отставку фонъ-Визина. Теперь мнѣ некого терять, ибо у меня только два адъютанта еще весьма незамѣтные. Хочу изъ армейскихъ выбрать молодца офицера, незнатнаго и бѣднаго и не нахожу. Надобно думать, что таковыхъ не весьма у насъ много. Самойловъ мой дѣлаетъ небольшія повѣсничества, но чрезвычайно перемѣнился и, кажется, писалъ я тебѣ, что въ походѣ былъ онъ у меня за дежурнаго, каковыхъ у меня и не бывало прежде заботливостію и дѣятельностію. Онъ перебѣсившись славнѣйшимъ будетъ офицеромъ и полкъ у него будетъ отличный.

Точно, какъ говоришь, выходятъ мои представленія и рѣдко бы-

ваютъ отказы. Но, другъ любезнѣйшій, отдай справедливость безкорыстію моихъ просьбъ. Я ходатайствую за людей или усердно и вѣрно служащихъ, или по способностямъ обѣщающихъ быть полезными. Хвалю-ли я кого по собственнымъ разсчетамъ и видамъ? Люблю людей Государю и землѣ нашей надобныхъ. По сему не я теряю въ дѣлаемыхъ мнѣ отказахъ. Ты меня знаешь и то, что самому мнѣ ничего не надобно. Завтра не понравится мнѣ что нибудь и завтра я не служу, ибо ничего не домогаюсь. Имѣю самолюбіе исполнять обязанности мои столько хорошо, сколько разумѣю и дѣйствую всѣми отъ меня зависящими средствами. Плата за сіе принадлежитъ помогающимъ мнѣ сотрудникамъ. За нихъ мои старанія и Богъ споспѣшествуетъ моимъ усиліямъ. Вижу, однакоже, что съ медленностію идутъ занятія, ибо представленія мои выходятъ не по обыкновенію, но клочками. Петраханъ (князь П. М. Волконскій) не щеголяетъ дѣятельностію и способности его старѣютъ. Доклады твои по аудиторіату наиболѣе то свидѣтельствуютъ. Или овладѣла имъ еще бо̀льшая прежняго робость. Теперь еще ты во многомъ способствуешь, но поѣдешь заграницу и тогда хотя и не пиши. Въ концѣ письма прибѣгну съ просьбами и только на твое содѣйствіе возлагаю надежду. Не знаю почему кажется мнѣ, что онъ ничего для брата моего не сдѣлаетъ. По его же милости переведенъ онъ былъ въ гвардейскій генеральный штабъ, но только годомъ позднѣе, потому что забылъ о письмѣ моемъ и отъ того произошло, что онъ не попалъ въ производство, а до сего времени состоитъ въ высокомъ званіи прапорщика уже пять лѣтъ.

Получилъ виды баталій, за которые благодарю, но оные по роду рисованія мнѣ не нравятся и потому болѣе прошу ко мнѣ не присылать. Труба доставлена и въ совершеннѣйшей цѣлости, какъ будто съ мѣста тронута не была. Теперь остается Красотѣ прислать нѣсколько хорошихъ для оной нотъ.

Стабушъ выгодою своею по службѣ обязанъ будетъ единственно твоей милости.

Хорошо сдѣлалъ, что отсрочилъ князю Горчакову; точно, по случаю женитьбы ему сіе необходимо. Я съ своей стороны доволенъ тѣмъ, что молодой человѣкъ, имѣя средства жить съ удовольствіемъ, пренебрегаетъ сими выгодами и соглашается ѣхать въ край несноснѣйшій, на службу трудную, собственно уважая довѣренность, которую я къ нему имѣю. Мнѣ нельзя не быть обязаннымъ подобнымъ сотрудникамъ, а Горчаковъ еще столько мнѣ нуженъ, что мнѣ и замѣстить его некѣмъ. Не менѣе готовъ я на отсрочку моему Попову, ибо онъ славно заправ-

ляетъ полкомъ и малый предостойный! Сюда таковыхъ заманить не легко и сіе можетъ только принадлежать моему счастью!

Противъ выбора людей въ гвардію, я уже и не возражаю; вижу, что безъ нихъ русская армія слаба будетъ. Пресмѣшное дѣло, что въ подобныхъ распоряженіяхъ не смотрятъ на издержки и на недостатокъ людей въ здѣшнемъ корпусѣ. И того и другого должно быть достаточно для отмѣны сей нелѣпости.

Какъ наконецъ согласились вы усмотрѣть, что графъ Штейнгель ни на что не надобенъ. А что давно полезно было бы удалить его, мы всѣ знали! Толь не откажется на его мѣсто и онъ таковъ, что не проронитъ своихъ выгодъ. Въ семъ смыслѣ онъ жесточайшій нѣмецъ.

Не знаю радъ-ли Кутузовъ своему мѣсту, но если все управленіе корпусами зависитъ отъ Варшавы, то едва-ли лучше прежняго они будутъ. А не богаты мы славными офицерами и откуда вы доставать ихъ будете, непонятно!

Надобно сказать тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что я выбралъ наконецъ время объѣздить и осмотрѣть провинціи наши бывшія ханствами. Не знаю скоро-ли можетъ въ провинціяхъ сихъ водвориться порядокъ, но онѣ дадутъ большія выгоды; народъ татарскій удобенъ уразумѣть обязанности вѣрныхъ подданныхъ, если любить будетъ правительство, и гораздо прежде можно на него будетъ положиться, нежели на единовѣрцевъ нашихъ въ сихъ странахъ обитающихъ. Вотъ люди примѣрно неблагодарные и кажется ....., ничего нѣтъ хуже подъ солнцемъ во многихъ отношеніяхъ. Какія богатыя и прелестныя мусульманскія наши области; какой народъ воинственный! Жаль что не ранѣе достались онѣ въ руки правительства. Если-бы имѣлъ я для управленія ими людей способныхъ и нѣсколько таковыхъ, кои бы разумѣли нѣкоторыя искусства въ хозяйствѣ необходимыя, можно бы извлечь величайшую пользу, но въ семъ отношеніи повѣрить нельзя до какой степени мало у меня средствъ.

Я жителями повсюду былъ принятъ хорошо, но замѣтилъ, что не мѣшаетъ имѣть имя вселяющее нѣкоторый страхъ. Моя малѣйшая ласка идетъ за награду. Въ Карабагѣ жители города и старшины управляющіе въ провинціи подносили мнѣ саблю съ великолѣпною надписью. Это можетъ служить доказательствомъ, что провинція не огорчена бѣгствомъ хана и ожидаетъ счастья своего отъ россійскаго правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ко мнѣ имѣетъ довѣренность. Подобное чувство въ жителяхъ земли пограничной, гдѣ персіяне всегда стараются имѣть партію, весьма для насъ пріятно. Въ разговорѣ упомяни о семъ *въ при-*

личномъ мѣстѣ, ибо пріятно, чтобы знали мое здѣсь поведеніе и не подумали, что я собираю подарки. Сабля стоитъ *пятьдесятъ червонцевъ*. Ты совѣтывалъ мнѣ быть осторожнымъ въ моемъ путешествіи. Я точно поступаю согласно съ характеромъ народовъ и для того по обѣимъ сторонамъ Кавказа поведеніе мое различно. На Кавказской линіи мало кому я вѣрю, здѣсь есть многіе, въ которыхъ сомнѣнія не имѣю. Теперь у меня и караулъ и конвой были татарскіе, и затѣмъ они, конечно, болѣе боялись. Я знаю, что не могу здѣсь быть любимымъ и для самыхъ сосѣдей, я не весьма любезный человѣкъ. Но вѣрь, все будетъ благополучно.

Ты, почтенный Арсеній Андреевичъ, изъ постоянной дружбы твоей ко мнѣ, хвалишь многія изъ моихъ предпріятій, занимаешься тѣмъ, что я сдѣлалъ, съ удовольствіемъ смотришь на труды мои и нѣкоторые успѣхи, но сколько ни лестны мнѣ твои одобренія, я вижу, что иногда ты на счетъ мой не безпристрастенъ и ты свыше справедливости иногда меня одобряешь. Ты хочешь, чтобы я здѣсь былъ и что будто это нужно для нѣкоторыхъ моихъ предположеній. Не согласуешься, чтобы мыслилъ я объ отдохновеніи. Я уважаю твое мнѣніе и грустно мнѣ, что оно одинаково съ моимъ. Безъ самолюбія признаюсь, что здѣсь надобенъ послѣ меня начальникъ дѣятельный и могущій внушить къ себѣ почтеніе, что уже сдѣланы многія начала и во многихъ случаяхъ нужно только слѣдовать проложенному пути, не увлекаясь желаніемъ измѣненій. По сей единственной причинѣ донынѣ одинъ разрушалъ труды другого и почти не оставалось признаковъ ни малѣйшаго улучшенія. Скоро будетъ семь лѣтъ моего здѣсь пребыванія и оные будучи проведены съ трудолюбіемъ много должны облегчить моихъ наслѣдниковъ. А мнѣ, другъ почтеннѣйшій, по справедливости, скоро можно будетъ удалиться на нѣкоторый покой!

Разными средствами выживаю я отсюда людей безполезныхъ и между таковыми генералъ-маіора барона Вреде. Онъ по нѣмецкой своей породѣ слишкомъ любитъ выгоды и праздненъ до такой степени, что кромѣ собственныхъ дѣлъ ничѣмъ не занимается. Постарайся о скорѣйшемъ разрѣшеніи просьбы его объ отпускѣ за болѣзнію съ отчисленіемъ по арміи.

Я представляю къ производству за отличіе полковника Ермолова. Досадно, если подумаютъ, что я забуду о немъ какъ о родственникѣ. Ему шесть лѣтъ въ чинѣ, а изъ полковниковъ, по обыкновенному порядку, производятъ въ семь лѣтъ. Онъ офицеръ способный, имѣетъ въ здѣшнемъ краю выгоду опытности. Вы мнѣ, конечно, лучшаго не дадите!

На мѣсто его представляю Петрахану (князю П. М. Волконскому) въ командиры полка артиллеріи полковника Копылова, и въ то же время рапортомъ просилъ Его Высочества фельдцейхмейстера, чтобы опредѣленію его не препятствовалъ. Если случится, скажи ему о семъ между словъ.

Если же онъ откажетъ, то получишь мою бумагу, чтобы командиромъ назначить подполковника графа Симонича, а того полка полковника князя Чавчавадзе прошу опредѣлить при мнѣ для особыхъ порученій, ибо ему рано еще дать полкъ.

Повторяю просьбу объ отчисленіи по арміи командира 41-го егерскаго полка подполковника Авенаріуса. Несправедливо отказать то, что сдѣлано для другого, напримѣръ командира 7-го карабинернаго полка Ладинскаго.

Тебѣ скажу откровенно, что я его здѣсь имѣть не желаю, по особенному къ нему расположенію генералъ-лейтенанта Вельяминова 1-го и предпочтенію, которое другихъ оскорбляетъ. Онъ же не умѣлъ вести себя съ офицерами. На мѣсто его въ командиры представилъ подполковника Понеровскаго, тобою опредѣленнаго въ корпусъ. Онъ также не орелъ, но давно весьма служитъ и его испытать должно!

Пишу опять Нижегородскаго драгунскаго полка о Якубовичѣ, офицерѣ совершенно отличномъ. Государя воля не переводить его въ гвардію, но за службу хотя другую награду отказывать непристойно!

Употреби по всѣмъ симъ просьбамъ моимъ свое благосклонное ходатайствованіе и прикажи, у Петрахана отыскавъ многія другія мои представленія, дать имъ ходъ, ибо давно нѣтъ на нѣкоторыя отвѣта.

Старикъ Петръ Ивановичъ предлагаетъ мнѣ купить для Тифлиса его библіотеку. Онъ заключаетъ въ себѣ отличный выборъ книгъ и многоразличные предметы, слѣдовательно дорого, а потому не приличествуетъ Тифлису. Предложеніе сіе означаетъ, конечно, недостатокъ, а потому нельзя-ли будетъ сказать, что прилично купить такую библіотеку для котораго нибудь изъ учебныхъ заведеній, какъ-то: Пажескаго корпуса, Лицея и проч. Я сообщилъ ему, что къ тебѣ писалъ о семъ. Увѣдомь что сдѣлаешь?..

Ты пишешь, что я сживаю Вельяминова, рекомендуя его въ военные министры. Отнюдь нѣтъ! вотъ истина: у васъ другого способнѣйшаго на сіе мѣсто, конечно, нѣтъ, по его точности и чудесной дѣятельности, но у меня вы отнимите такого помощника, каковаго, конечно, у меня не будетъ. Онъ занимается чрезвычайно и уже много пріобрѣлъ опытности для здѣшняго края. Я рекомендовалъ его потому,

что самъ здѣсь долго не пробуду, но начальникомъ здѣсь, конечно, могъ бы другой быть и не съ меньшею для края пользою. Впрочемъ, какъ сами хотите!

Не знаю чего уже не написалъ я къ тебѣ, и потому благопристойно и кончить когда нибудь. Прощай, другъ почтеннѣйшій. Мадатовъ сидитъ и тебѣ приказываетъ сказать разныя привѣтствія; всѣ эти дни писалъ къ тебѣ. Вотъ рукописи, которыя сохранять надлежитъ, а мои, сдѣлай дружбу, предавай истребленію, какъ ты и обѣщалъ мнѣ.

Прикажи приложенныя письма доставить съ вѣрностію.

213.

10-го марта 1823 г. Тифлисъ.

Послѣднее письмо твое, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, по эстафетѣ отъ 12-го февраля получилъ.

Отправленіе людей въ гвардію остановилъ и весьма распоряженіемъ симъ доволенъ, ибо они мнѣ не малую дѣлаютъ разницу, особливо когда въ нынѣшнемъ году употреблю я всѣ усилія ускорить производимыми работами, ибо безъ особенныхъ мѣръ, по множеству предметовъ, едва какіе либо примѣтны успѣхи.

Пишешь, что подозрѣваешь у старика Петра Ивановича водяную въ груди. Если точно такова болѣзнь его, то напрасно доктора отправляютъ его сюда къ водамъ, онѣ только ускорить могутъ смертію.

Поговори Петрахану (князю П. М. Волконскому), чтобы сколько можно вѣжливѣе отказали мнѣ сына его въ адъютанты, онъ менѣе огорченъ будетъ. Но мнѣ кажется, что онъ угадываетъ, что я его не желаю.

Въ разсужденіи отсрочки Попову по 1-е мая для чего не прислалъ ты бумаги, а то въ мѣсячномъ рапортѣ будутъ его показывать въ просрочкѣ. Не забудь приказать о семъ въ инспекторскомъ департаментѣ, чтобы не поставляли на видъ, точно продолженіе отпуска необходимо!

Какой нелѣпый врутъ вздоръ французскія газеты, но я не менѣе благодаренъ за присланную выписку. Я примѣчаю, что съ нѣкотораго времени сдѣлался весьма интересною особою для иностранцевъ. Недавно одинъ пропечаталъ въ книгѣ и въ числѣ исполнителей обширныхъ Россіи замысловъ (которыхъ не существуетъ) на востокѣ, именованъ *le fier Yermoloff*—гордый Ермоловъ. Видишь-ли какъ коротко меня

знаютъ! Такимъ обо мнѣ мнѣніемъ заставятъ наконецъ полагать меня чего нибудь стоющимъ и нѣкоторое имѣть ко мнѣ уваженіе.

Но сколько все сіе ни смѣшно, на меня будутъ сердиться ваши главнокомандующіе, что меня почитаютъ достойнымъ равной съ ними довѣренности начальствовать арміею. Развѣ ихъ успокоитъ Дибичъ, который *въ совѣщаніяхъ* истолкуетъ нелѣпость подобныхъ разсужденій и мое ничтожество. Сильный за нихъ ходатай и который никогда впереди себя не дастъ мнѣ мѣста. Давайте ему армію въ Гишпанію и куда хотите! безпрекословно онъ болѣе имѣетъ навыка ею командовать, ибо кто не видитъ, что не Сакенъ, а онъ давно ею начальствуетъ? Завидная жизнь Чернышева, онъ подобно намъ, азіятцамъ, можетъ имѣть женъ сколько хочетъ и праздненъ не бываетъ. Хорошо, что истребили разбойника Болгарскаго, но если онъ въ Петербургѣ, опять овладѣетъ его душою. На Дону многіе будутъ помнить его благодѣянія!

Брату Михайлѣ (графу Воронцову) писалъ. Ему бы, по страсти къ законодательству, хорошо бы тамъ быть и я увѣренъ, что онъ не оставилъ бы недовольныхъ. Пишу къ нему и у сего письмо посылаю. Напиши что дѣлаетъ онъ у васъ и каково ему жить?

Каковъ Демидовъ, что и Штейнгель мѣста его не желаетъ. Не тоже-ли армія въ предметѣ, но онъ Дибичу столько же какъ и я мало опасенъ.

Посылаю открытыми письма (запечатай облаткою послѣ прочтенія) мои къ старику графу и милой хозяйкѣ; хочу, чтобы ты прочелъ ихъ. Старику писалъ по твоему желанію, но самъ не рѣшился бы; впрочемъ, я увѣренъ, что за такое письмо онъ сердитъ быть не можетъ. Я, однакоже, на счетъ небережливости ясно выразился. Въ самомъ дѣлѣ, другъ любезнѣйшій, надобно подумать о долгахъ твоихъ, но болѣе еще объ устройствѣ имѣнія и присматривать за старикомъ, чтобъ не моталъ. Весьма выгодно безъ всякихъ трудовъ, ничего не дѣлая, брать 60,000 рублей, тогда особенно, какъ по разстройству дѣлъ составляетъ половину всего дохода. Но дѣлать долги весьма не великодушно! Я воображаю, какъ обманываютъ его въ Италіи и какого онъ накупилъ вздора и за цѣну дорогую!

Ты пишешь, что если не помогутъ тебѣ воды за границею, то пріѣдешь къ кавказскимъ. Съ симъ условіемъ я отрекаюсь отъ удовольствія тебя видѣть. Но полезно тебѣ собственно по службѣ дѣлать проѣздки. О братѣ моемъ Ермоловѣ поручилъ тебѣ Петраханъ (князь П. М. Волконскій) сказать мнѣ, что онъ, служа въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, ничего не потеряетъ. Я на сей предметъ прилагаю тебѣ особенно небольшую записку съ намѣреніемъ, чтобы ты показалъ

наторы Болгарина (Болгарскаго), величайшаго изъ разбойниковъ, который, по старой привычкѣ, грабилъ и на Дону.....

Весьма искусно развели Толя съ Дибичемъ, но лучше еще, что дали ему званіе генералъ-адъютанта, ибо покрайней мѣрѣ будетъ онъ себѣ подобныхъ болѣе уважать и во дворцѣ воздержится ругаться непристойно.

Хорошо замѣнили и Желтухина. Нейдгартъ точно офицеръ отличный, а понравиться умѣетъ не менѣе предмѣстника, имѣя сверхъ того ту неоцѣненную выгоду, что онъ нѣмецъ и любимецъ Дибича. Теперь только прочнымъ образомъ основалось царство нѣмцевъ и, конечно, попользуются они случаемъ.

Тебѣ угодно, какъ доброму пріятелю, спросить мнѣнія моего, прилично-ли оставаться при теперешней должности, если кн. Волконскій не возвратится къ своему мѣсту?

Признаюсь, почтенный Арсеній Андреевичъ, странно было бы видѣть тебя докладывающаго Дибичу. Болѣе сіе было бы сносно, если бы онъ не въ одномъ съ тобою былъ чинѣ, чего, впрочемъ, весьма скоро ожидать надлежитъ, но и совсѣмъ тѣмъ, какая необходимая нужда домогаться тебѣ безконечными трудами истребить послѣднія силы твои. Если по какимъ либо видамъ желаешь ты продолжать непремѣнно службу, то неужели нѣтъ другихъ должностей? Подумай о семъ и скажи мнѣ какія будутъ твои мысли?

Многіе одолжены назначеніемъ Дибича, и если благоволеніе къ нему предуготовляетъ главнѣйшія мѣста въ государствѣ, то занимаемое имъ теперь могло бы приличествовать кому нибудь изъ русскихъ.

Изъ уменьшенія во 2-й арміи войскъ расформированіемъ 2-хъ баталіоновъ, вижу, что мы рѣшительно войны уклонились. По многимъ причинамъ сіе чрезвычайно полезно, но жаль, что турки, увѣрившись въ томъ, умножатъ несносную свою гордость.

Всякій баронъ имѣетъ свою фантазію, и я позволяю себѣ думать, что лучше было бы цѣлый корпусъ около Москвы расположенный обратить въ кадры, нежели на границахъ стоящую армію. Экономія не менѣе была бы соблюдена! Съ досадою читаемъ въ иностранныхъ газетахъ, что туркамъ объявилъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, что союзные монархи оставляютъ грековъ въ полномъ ихъ распоряженіи и рѣшительно безъ помощи. Сіе великодушіе восхвалятъ будущія времена и свое возьметъ исторія!

И такъ, любезнѣйшій другъ, я почитаю тебя уже выѣхавшимъ изъ Петербурга, хотя послѣднія отъ тебя бумаги были 21-го апрѣля.

Жаль, что къ тому понуждаетъ разстроенное твое здоровье, которое, какъ кажется, порядочно ты обработалъ твоею несносѣйшею должностію. Возвратись скорѣе и привези милую хозяйку; пора вамъ заняться устройствомъ домашнихъ дѣлъ. Нужно ускромить старика или онъ надѣлаетъ вамъ кучу долговъ, ибо весьма не худо ничего не дѣлая, никакихъ заботъ на себя не пріемля, получать хорошій доходъ и даже проживать свыше онаго. По пріятельски могу сказать тебѣ съ откровенностію, что ты долженъ построже съ нимъ обходиться въ разсужденіи его издержекъ. Онъ по добротѣ своей слушаться будетъ!

Позволь поблагодарить за помощь и ходатайство по моимъ представленіямъ. Почти всѣ уважены и только остается мнѣ жалѣть, что отказываютъ несчастнымъ, которыхъ вины долговременнымъ служеніемъ заглаждаемыя, могли бы наклонить къ нѣкоторому снисхожденію. Музыкантами великую сдѣлалъ ты намъ помощь, и хотя не ожидаю я изъ нихъ людей чрезвычайныхъ, но намъ они необходимы.

Портретъ твой похожъ чрезвычайно, и хотя г. Довъ весьма экономически ихъ гравируетъ, ибо родъ гравированія не высокій, но вообще сдѣлано съ искусствомъ. Я чувствительно благодарю, что ты прислалъ мнѣ оный и я изгналъ прежній тобою доставленный, котораго въ сравненіи съ симъ терпѣть невозможно. Вели истребить всѣ экземпляры.

Теперь позволь, другъ почтеннѣйшій, поговорить о собственныхъ дѣлахъ.

Съ положеніемъ сестры моей что̀ дѣлать не придумаю, и если тебѣ прислалъ Павловъ письмо, которое не дѣлаетъ чести его чувствамъ, то я, въ свою очередь, получилъ отъ сестры письмо престранное. Она почти упрекаетъ мнѣ равнодушіемъ къ ея бѣдственному состоянію. Весьма ясно даетъ мнѣ разумѣть, что я долженъ просить у Государя ей помощи и что сіе есть единственное средство спасти ея. Обращусь къ безпристрастному сужденію твоему въ семъ случаѣ. Какъ просить мнѣ чего либо, когда нѣтъ у меня другого помышленія какъ оставить службу сколько можно скорѣе. Принявъ награду, а паче выпросивъ ея, справедливо навлеку я на себя наименованіе неблагодарнаго, если не заплативъ за оную трудами, удалюсь отъ службы. Или долженъ я принести въ жертву свободу мою, угождая прихотливой и неразсчетливой жизни любезнаго зятя. Что отъ меня зависѣло, или могъ я сдѣлать собственными средствами, я исполнилъ. Теперь предлагаю сестрѣ удѣлять ежегодно отъ моего жалованья отъ полутора до двухъ тысячъ рублей, соглашая ея жить у брата нашего Коховскаго или

родной теткѣ, одинокой, живущей спокойно недалеко отъ Москвы въ небогатой деревушкѣ. Ближайшіе родные сіи будутъ ей весьма рады и найдутъ удовольствіе въ ея бесѣдѣ. Кажется мнѣ, что лучшаго предложенія сдѣлать я не могу, но всеконечно не соглашу на оное. Оба они не престаютъ твердить, что *сестрѣ моей* не приличествуетъ быть въ состояніи столько бѣдномъ. Нарочно подчеркнулъ я слова *сестрѣ моей*, чтобы дать тебѣ замѣтить сколько самолюбиво и нелѣпо подобное разсужденіе. Я доказывалъ имъ, что случайно послужившее мнѣ счастіе не сдѣлало меня богатымъ, не вывело насъ изъ состоянія въ коемъ мы рождены. Что не можетъ лежать на правительствѣ забота о благосостояніи семейства каждаго изъ служащихъ, что подобной обязанности не могутъ возлагать на него даже великіе люди отечества нашего, не только я отличныхъ заслугъ и подвиговъ не оказавшій. Итакъ, *самъ я* и *сестра моя*, не выходя изъ класса людей обыкновенныхъ, должны, уклонясь неумѣстнаго самолюбія, почитать себя въ равныхъ правахъ съ прочими.

Сверхъ того, припомнилъ я Павлову, что онъ долженъ былъ ожидать встрѣтиться съ нуждами, избирая жену въ семействѣ небогатомъ, чего нельзя было ему не предвидѣть.

Знаю, другъ любезнѣйшій, что сколько разсужденіе мое ни основательно, но оно возбудитъ негодованіе.

П. А. Кикинъ, съ которымъ я хорошій пріятель, уже горячо упрекаетъ мнѣ, что я не хочу помочь ближайшимъ роднымъ и называетъ поведеніе мое *самолюбіемъ* и *эгоизмомъ*. Между нами сказать онъ не судья въ подобныхъ обстоятельствахъ, ибо брату своему, человѣку нигдѣ не служащему, напротивъ если и извѣстному, то не съ лучшей стороны, выпросилъ онъ заимообразно и значительную весьма сумму.

Такъ поступить я не въ состояніи и не могу иначе понимать, что каждому трудами своими доставать должно. Мнѣ жаль, что въ отсутствіе твое могутъ довести *выше* о бѣдности ихъ положенія и не въ настоящемъ видѣ, чтобы склонить къ себѣ вниманіе. Я увѣренъ, что средство сіе употреблено будетъ и некому объяснить настоящаго! При таковомъ случаѣ можно и на счетъ мой быть недовольно справедливыми. Вотъ, другъ любезный, непріятное положеніе и неудовольствіе отъ ближнихъ есть вещь самая тяжелая!

Отъ твоего великодушія ожидаю, что ты ему достанешь мѣсто, но и тутъ боюсь, что онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, когда ты готовишься въ путь. Слышу стороною, что онъ изъ Москвы выѣхалъ, но самъ бо

мнѣ не пишетъ. Тебѣ благотворящему ему предвижу будутъ хлопоты отъ неумѣренности его желаній.

Отъ сына старика Петра Ивановича, кажется, я отдѣлался, ему пишу я, что отъ Волконскаго не получилъ отвѣта. Объ отъѣздѣ Волконскаго жалѣю, ибо не успѣлъ онъ ничего сдѣлать брату моему Ермолову, вѣчному прапорщику гвардейскаго генеральнаго штаба. До возвращенія его нечего ему ожидать! Впрочемъ и то случиться можетъ, что сдѣлается привычка къ отсутствію его и онъ болѣе уже надобенъ не будетъ. Я не имѣю ни малѣйшей причины быть имъ недовольнымъ, собственно въ отношеніи ко мнѣ и потому мнѣ его жаль. Всеконечно не съ такою пріятностію можно съ Дибичемъ имѣть дѣло какъ съ нимъ, и я, сколько можно, буду избѣгать сихъ случаевъ. По совѣту твоему, посылаю чрезъ Красоту письмо къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и тѣмъ болѣе хочу, чтобы онъ видѣлъ, что я не по мѣсту его только оказывалъ ему уваженіе.

Прощай, почтеннѣйшій и родной другъ, желаю, чтобы здоровью твоему принесло пользу твое путешествіе. Поправь его и все прочее будетъ тебѣ принадлежать по справедливости. Поклонись отъ меня милой твоей хозяйкѣ и возвращайтесь къ намъ скорѣе.

215.

12-го января 1824 г. въ Дагестанѣ.

Прошло время безконечное, что я не писалъ къ тебѣ, ибо иначе какъ съ вѣрнымъ случаемъ я того не дѣлаю, теперь же фельдъегери давно уже рѣдки.

Я не отвѣчалъ тебѣ на письма отъ 10-го августа изъ Пирмонта; 6-го и 31-го октября изъ Москвы, которыя пришли одно послѣ другаго немного спустя времени.

И такъ, ты въ новомъ своемъ мѣстѣ! Я скажу только, что досадно могло тебѣ быть, что послѣдовало назначеніе до возвращенія твоего изъ чужихъ краевъ и что Государь чиновника близкаго и давно при немъ служащаго могъ бы опредѣлить о томъ предупредивши. Но ты изъ объясненія видѣлъ, что о томъ заботился человѣкъ сильный. Съ основательностію могъ Государь предполагать, что съ небольшимъ удовольствіемъ служилъ бы ты подчиненнымъ Дибича и лучшаго, конечно, не было средства развести васъ. Теперь скажу о мѣстѣ: важное, почетное и прекрасное! Правительство само много выигрываетъ,

опредѣляя тамъ начальника съ твоими правилами и честностію, а я сверхъ того думаю, что должность столько обширна, что займетъ трудолюбіе твое и дѣятельность. Предмѣстникъ твой немногое, думаю, сдѣлалъ; а слишкомъ много къ стыду дѣлала дражайшая его супруга. Великолѣпнымъ и превозносящимъ до небесъ рескриптомъ сего не закроешь!

Совсѣмъ не мѣшаетъ, что съ важною должностію ты соединяешь званіе отдѣльнаго корпуса командира. Я увѣренъ, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) не почелъ бы лишнимъ имѣть корпусъ и отдѣльный! Я скажу по дружески, что напрасно хочешь ты ограничить малымъ временемъ свое въ теперешнемъ мѣстѣ служеніе.

Если можешь ты найти человѣка, который бы, подъ руководствомъ твоимъ, завелъ нѣкоторый порядокъ въ хозяйственныхъ твоихъ дѣлахъ, то не оставляй твоего мѣста, послушай меня! На прежнемъ остаться тебѣ было уже невозможно, или бы кончилъ ты совершеннѣйшею потерею твоего здоровья. Ничего нѣтъ пріятнаго часто ѣздить на минеральныя заграничныя воды! Ты самъ говоришь, что нельзя избрать мѣста удовлетворительнѣе честолюбію служащаго, слѣдовательно нѣтъ причины оставить. Я вижу одно неудовольствіе, незнаніе языка, но это встрѣтилось бы съ большею частію генераловъ, ибо тамъ знать надобно или земли языкъ или нѣмецкій, а сего послѣдняго мало мастеровъ. Удаленіе твое отъ прежней должности истолковало мнѣ, что Петрахану (князю Волконскому) не бывать въ прежнемъ мѣстѣ и назначеніе Дибича членомъ совѣта, кажется, не менѣе то доказываетъ. Власть нѣмецкая, повидимому, на прочномъ утвердилась основаніи!

Чудесный выборъ сдѣланъ въ Потаповѣ, посмотримъ, на долго-ли!

Слатвинскій весьма хорошій офицеръ и я желаю ему всякаго добра, но, кажется, забытъ Монтрезоръ. Напрасно не взялъ онъ у меня въ корпусѣ драгунскаго полка? Я былъ бы доволенъ и онъ можетъ быть не потерялъ.

Возвращаюсь опять къ твоему новому мѣсту. Ты намѣреваешься пробыть въ ономъ до сентября будущаго года и потомъ смотрѣть, что будетъ надобно дѣлать? Обѣщаешь однакоже спросить моего на то совѣта. Ожидаю! Чувствительнѣйшимъ образомъ тронулъ ты меня, почтеннѣйшій другъ, требуя моихъ совѣтовъ и называя меня вторымъ отцомъ твоимъ. Доселѣ любилъ я тебя какъ брата и не понимаю, что еще прибавить могъ къ моей привязанности, но чувствую, что довѣренностію твоею ты болѣе сдѣлалъ меня тебѣ преданнымъ. Божусь тебѣ, что всегда сердцемъ откровеннымъ скажу тебѣ мысль мою и,

конечно, самому себѣ лучшаго ничего не пожелаю. Люби ты меня попрежнему, давнее наше знакомство не укрыло отъ тебя свойствъ моихъ и, конечно, тебѣ не тѣмъ я кажусь, какъ обо мнѣ думаютъ многіе!

Благодарю искренне за стараніе доставить *Павлову* мѣсто. Я не далъ ему подозрѣнія, что знаю отъ тебя какъ онъ писалъ о старикѣ отцѣ моемъ. Признаюсь, что я не знаю что мнѣ дѣлать? Сестра, имѣющая нравъ ангельскій и та пишетъ мнѣ оскорбительныя вещи. Говоритъ, что я будучи въ положеніи счастливомъ, не могу чувствовать горести ихъ и бѣдности. Не зналъ я, что можно завидовать богатому моему состоянію. Неужели неизвѣстно ей, что жалованье есть единственное мое достояніе и что если не даетъ ей отецъ довольно, то я и совсѣмъ ничего отъ него не получаю?

Не повѣришь до какой степени мучатъ меня дѣла моихъ ближнихъ. Братъ мой Коховскій, человѣкъ отлично умный, также разстроенный въ состояніи своемъ, вздумалъ женить сына своего не болѣе имѣющаго 22 лѣтъ, на дѣвушкѣ совершенно безъ всякаго средства существованія. И всѣ думаютъ, что я долженъ вѣчно служить и что мнѣ вѣчно благотворить будутъ.

Согласенъ ты съ мнѣніемъ моимъ, что Павлову не мѣсто жить въ столицѣ. А теперь въ тебѣ потеряли они и послѣднюю помощь, ибо ни отъ кого другаго получать оную непристойно!

Ты желаешь, почтенный другъ, знать, справедливы-ли доходящіе до тебя слухи, что я намѣренъ удалиться изъ Грузіи? Вотъ чистосердечное помышленіе мое: въ 1825 году хочу я поѣхать на минеральныя воды, тамъ возьму курсъ, сдавъ прежде формально команду старшему, и потомъ подамъ рапортъ, что разстроенное здоровье требуетъ лучшаго пользованія и успокоенія. Къ тому времени, кажется, будетъ сорокъ лѣтъ службы по формуляру, разумѣется, со включеніемъ унтеръ-офицерской въ гвардіи, и я попрошу отпуска съ полнымъ жалованьемъ, ибо иначе мнѣ нельзя существовать. Между тѣмъ, сдѣлай дружбу, поручи Красотѣ, чтобы онъ приказалъ отыскать формуляръ въ артиллеріи, гдѣ во время Екатерины II служилъ я капитаномъ, ибо послѣ того не приказано было помѣщать въ формулярахъ унтеръ-офицерской службы. Красота все отыщетъ, ибо ему въ томъ не откажутъ!

Не думаю, чтобы хотѣли удержать меня противъ воли, особливо, когда будутъ охотники на мое мѣсто. Не повѣрю, чтобы то сдѣлать было возможно!

Трудно мнѣ будетъ прожить первый годъ, сдѣлавъ привычку къ жизни дѣятельной, но, конечно, второй послѣ того и всѣ послѣдующія

не будетъ помышленія моего о службѣ. У меня два сына и не въ глазахъ отца, но по мнѣнію постороннихъ, молодцы преумные; третій въ готовности! Они составятъ занятіе мое, ибо намѣренъ я воспитать ихъ важно и сдѣлать понадобнѣе себя. Возьми къ себѣ одного, когда наслаждаться будешь жизнію покойною и свободною. Къ тому времени можетъ быть дастъ тебѣ Богъ сына и мой татаринъ имѣть будетъ любезнаго товарища. Ты увѣдомляешь, что Цесаревичъ спрашивалъ у тебя обо мнѣ? Не то уже ко мнѣ его расположеніе и.... весьма жаль, безъ вины, потерять расположеніе человѣка и желавшаго и дѣлавшаго мнѣ добро долгое время. Не упрекнетъ онъ мнѣ неблагодарностію, какъ бы онъ ни поступилъ впредь со мною.

Дениса Давыдова мнѣ не дали и онъ писалъ ко мнѣ, что не имѣя болѣе надежды получить мѣста, гдѣ бы могла быть видна его дѣятельность, намѣревается оставить службу. Жаль будетъ человѣка весьма способнаго!

Меня увѣряли, будто замѣтили во время бытности *Меньшикова* на водахъ, что онъ желалъ бы получить мѣсто начальника на Кавказской линіи. Онъ пріятель моему Вельяминову, но однакоже о томъ ничего не говорилъ! Тебѣ скажу по дружески, что при всѣхъ его счастливыхъ способностяхъ, онъ здѣсь способнѣе *Дениса* не будетъ!

Важно умножается Государственный Совѣтъ и думать надобно, что большой въ людяхъ недостатокъ, если и Сукинъ сдѣлался необходимымъ! Не знаю, чего нельзя достигнуть терпѣніемъ и низкопоклонностію? Здѣсь пронесся слухъ, что Петрахану (князю П. М. Волконскому), московскому Голицыну, Толстому и Уварову даны Андреевскія ленты. Но потомъ слухи сіи не подтвердились. Это право жаль!

Мадатовъ, наконецъ, собирается ѣхать въ отпускъ и я писалъ Вельяминову, чтобы онъ не задержалъ его. Письмо твое къ нему отправилъ и сверхъ того писалъ, что ты желаешь, чтобы онъ пріѣхалъ къ тебѣ въ Финляндію. Весьма не дурно, еслибы онъ женился и я увѣренъ, что, по армянскому его счастію, онъ сыщетъ жену достойную. Но думаю я, что онъ намѣренія сего не имѣетъ, ибо здѣсь влюбленъ смертельно въ одну замужнюю женщину грузинку. Не понимаю, что его привязываетъ. Она только что не дурна, но глупа до крайности и кажется весь умъ ея въ томъ состоитъ, что она ему не поддается и человѣкъ рожденный въ здѣшнемъ палящемъ климатѣ, готовъ на все рѣшиться. Не сказывай ему, что я писалъ о семъ, ибо онъ готовъ разсердиться на вѣки! На счетъ поведенія и службы Мадатова долженъ отозваться справедливо, что я имъ доволенъ!

216.

23-го января 1824 г. въ Дагестанѣ.

Давно готово было письмо къ тебѣ, но я задержалъ фельдъегеря и теперь имѣю случай еще писать.

Не заботься о формулярѣ моемъ. Недавно отправляя срочныя бумаги, видѣлъ къ досадѣ моей, что въ 1825 году не будетъ мнѣ сорока лѣтъ службы и что я могу лишиться полнаго жалованья, на которое я разсчитывалъ. Это горько, но въ здѣшнемъ заботливомъ мѣстѣ я дотягивать не намѣренъ.

Я не отчаяваюсь получить отпускъ съ жалованьемъ, но когда просить буду о совершенномъ увольненіи, то и потеряю на жалованье право, ибо за вычетомъ времени отпуска, тотъ же будетъ до 40 лѣтъ недостатокъ.

Я въ состояніи буду дослуживать при какомъ нибудь оружейномъ или пороховомъ заводѣ или въ совѣтѣ военнаго министерства на мѣсто выбывшаго *Сукина*. Ты, я вижу, смѣешься, но мнѣ право не шутки!

Мадатовъ долженъ быть уже въ дорогѣ, скачетъ безъ памяти. Близокъ великій постъ, охота жениться смертная! Я искренно совѣтовалъ ему сіе сдѣлать и хотя безъ стыда лжетъ онъ на счетъ лѣтъ своихъ, но видно, что уже вянетъ красота его. Теперь долженъ сказать тебѣ о немъ по истинѣ. Ты помнишь, что по полученнымъ въ бытность мою въ Петербургѣ изъ Грузіи письмамъ, я былъ имъ недоволенъ, но возвратясь въ Грузію и до сего времени я не только не имѣлъ тѣни неудовольствія на него, напротивъ, по ханству Карабагскому сдѣлалъ онъ для службы великую весьма пользу, ибо умѣлъ искусно сжить съ рукъ хана. И вообще долженъ я похвалить его служеніе. Изъ имѣнія, которое онъ получилъ, я для облегченія жителей уменьшилъ доходы и онъ безъ ропота на то согласился. Ты можешь сказать ему какъ о немъ я отзываюсь.

Дошли, наконецъ, и до насъ извѣстія о милостяхъ, ознаменовавшихъ 12-ое декабря. Вижу *Петрахана* (князя П. М. Волконскаго) въ восхищеніи, но не видать ему прежняго его мѣста и уже иностранныя газеты возвѣщаютъ о новомъ его назначеніи, которое если не совсѣмъ справедливо, то, по крайней мѣрѣ, весьма правдоподобно придумано.

Въ какихъ попыхахъ вижу *Уварова*, но это не послѣдняя степень возвышенія.

Въ полныхъ генералахъ, надобно думать, большая была нужда.

Долголѣтіемъ всего достигнуть возможно! и Сукинъ дождался. Однакоже, онъ и Эртель даютъ надежду на вожделѣнный миръ. Теперь изъ благопристойности надобно дать имъ соотвѣтствующія мѣста. Неужели въ семъ чинѣ можно быть комендантомъ и полиціймейстеромъ арміи? Ты скажешь, что есть калиточка, въ которую выходятъ въ генералъ-губернаторы. Правда! Но это, кажется, не лучшій способъ обезпечить порядокъ внутренняго управленія государства.

Я радъ многимъ получившимъ награду, но болѣе всѣхъ, конечно, *Сабанѣеву*, какъ человѣку прекраснѣйшему и полезному. Жаль, что графъ Паленъ вышелъ въ отставку, вотъ еще человѣкъ отличнѣйшій!

Но если произведенъ *Бахметьевъ*, почему лишенъ того *Обрѣзковъ?*

Признаюсь, что послѣ подобныхъ наградъ можно надѣяться всего достигнуть, но уваженіе къ чинамъ симъ не умножится!

Отъ брата Михайлы недавно получилъ письмо, въ которомъ описываетъ труды свои и занятія. Онъ точно со времени опредѣленія своего мало былъ на мѣстѣ, и если такъ продолжать будетъ, то сдѣлаетъ много полезнаго. Мнѣ жаль, что съ горестію приметъ онъ, что не попалъ въ такое всеобъемлющее производство. Его можно бы было потѣшить симъ, какъ человѣка, по способностямъ его, примѣчательнаго и котораго весьма многими изъ произведенныхъ нынѣ, замѣнить, конечно, невозможно, даже и великимъ пріятелемъ твоимъ Васильчиковымъ.

Я на сихъ дняхъ ѣду по разнымъ провинціямъ, кончивши дѣла мои здѣсь наилучшимъ образомъ. Мнѣ удалось взять аманатовъ отъ народовъ, которые не только не покорствовали намъ, но надѣясь на крѣпкія мѣста ими обитаемыя, куда пути непроходимы, вели себя весьма гордо и возмущали намъ повинующихся, а въ прошедшемъ году дрались противъ войскъ нашихъ. Аманатовъ взялъ я безъ выстрѣла, дѣлая небольшія войсками демонстраціи. Это мнѣ не мало сдѣлало удовольствія, ибо понуждая къ тому оружіемъ могъ бы подвергнуться чувствительной потерѣ. Хорошо сдѣлать однимъ страхомъ, котораго прежде здѣсь не знали удаленные отъ насъ обитатели горъ.

Теперь повсюду сдѣлался я ихъ сосѣдомъ! Далеко ходятъ войска и препятствія преодолѣваютъ съ твердостію. Не хвастаю, тебѣ другъ любезный и рѣдкій, но скажу, что никогда прежде войска такой довѣренности сами къ себѣ не имѣли. Теперь нѣтъ труднаго! Вчера получилъ послѣднее письмо твое отъ 2-го января, которое привезъ фельдъегерь.

Новый годъ почти никакими не отличенъ милостями или малымъ числомъ оныхъ. Какъ будто 12-го декабря ихъ истощило. Я ожидалъ

нѣсколькихъ генералъ-лейтенантовъ, ибо многіе есть и достойные и въ чинахъ старые генералъ-маіоры.

По совѣту твоему пишу къ Петрахану (князю Волконскому) и радъ весьма, что возвращается утѣшаннымъ наградою. Я ожидаю, что многіе были бы довольны, если бы занялъ прежнее мѣсто. Я самъ кладу бѣлый шаръ въ пользу его и признаюсь, что со времени отъѣзда его я чувствовалъ въ сношеніяхъ моихъ нѣкоторыя непріятности.

Не скрою я, что небольшой охотникъ я до нѣмцевъ и не перестану думать, что не въ такомъ мѣстѣ быть имъ приличествуетъ, ибо нѣтъ пользы знакомить чужеземца, и даже еще неподданнаго Россіи, со всѣми внутренними нашими средствами. Это никому не пришло въ голову, а кажется не бездѣлица! Если не повредитъ мнѣ, скажи сіе замѣчаніе мое Петрахану. Внуши ему, что я ему всего добраго желаю. Ты упоминаешь мнѣ о разговорѣ твоемъ въ разсужденіи Швеціи. Этого ты, конечно, и ожидалъ по прежнему ходу дѣлъ и, безъ сомнѣнія, сіе не совсѣмъ согласно съ твоимъ образомъ мыслей, *но знаютъ про то пирші́е* (?). Къ сему обязанъ ты приноровиться и исполнять по желанію.

Я все не престаю мѣсто твое разумѣть прекраснѣйшимъ и важнымъ и смотрю на него какъ на ступень, проводящую къ обширнѣйшимъ порученіямъ. И ты какъ отъ друга требуя отъ меня мнѣнія, заставляешь меня сказать тебѣ, чтобы ты не скучалъ твоимъ назначеніемъ, ибо съ твоимъ трудолюбіемъ, съ твоею постоянною дѣятельностію, безкорыстіемъ, ты будешь любимъ въ землѣ, а военные тамъ заброшенные обрадуются тебѣ безъ памяти.

Я имѣю предчувствіе, что тебѣ не долго тамъ заживаться, а между тѣмъ ты поправить можешь здоровье, ибо занятіямъ твоимъ давъ болѣе правильности, ты будешь имѣть время и для отдохновенія и для удовольствій. И такъ, ступай, почтенный другъ, тебѣ и жить долго въ Петербургѣ непристойно. На всякій случай къ тебѣ письма, хозяйкѣ и новому сенатору отправляю особенно къ Ивану Васильевичу. Пиши какъ пріѣдешь ты въ новое герцогство, въ какомъ положеніи найдешь дѣла, кто будетъ главными твоими помощниками; кого избралъ ты правителемъ гражданской твоей канцеляріи? Меня все къ тебѣ относящееся интересуетъ, ибо я уже испыталъ трудности гражданскихъ дѣлъ.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, болѣе писать къ тебѣ нечего.

Забылъ сказать тебѣ, что по отъѣздѣ твоемъ заграницу, потерявъ надежду вывести брата моего *Ермолова* изъ прапорщиковъ, долженъ я былъ, сколько ни тяжело, просить о немъ Дибича и онъ соизволилъ на мое прошеніе!

а мнѣ какъ человѣку истинно къ тебѣ привязанному нельзя не страшиться и того, чтобы не навлекъ ты себѣ непріятность. И у тебя, конечно, есть завистники, которые намѣреніямъ твоимъ дадутъ несправедливое истолкованіе и представятъ недовольнымъ.

Не въ наилучшемъ положеніи нашелъ ты управленіе земли, но сіе потому для тебя выгодно, что каждому о томъ извѣстно и о поступкахъ хищническихъ супруги твоего предмѣстника, слѣдовательно будутъ знать и о томъ, когда смиришь ты лихоимство и злоупотребленія.

Рѣдко случается, чтобы за 70 лѣтъ человѣкъ могъ быть способнымъ, а предмѣстникъ твой можетъ быть и въ самой молодости имѣлъ способности не гражданскаго человѣка. Зачѣмъ было такъ долго его удерживать какъ необходимаго. При тебѣ, почтенный другъ, остались его чиновники; пока отыщешь лучшихъ, сихъ остерегайся, ибо слышно, что плуты величайшіе. Чѣмъ скорѣе съ рукъ, тѣмъ лучше!

Я воображаю, что и самая жизнь не весьма пріятна и общество твое должно быть изъ нашихъ чиновниковъ, которыхъ тамъ чрезвычайно мало. Болѣе еще скучать должна твоя хозяйка, но ты не допускай ея склонять тебя оставить мѣсто, ибо можно по близости столицы пользоваться ея увеселеніями нѣкоторое въ году время и думаю даже не каждый годъ непремѣнно, лучше нежели оставить службу для того, чтобы жить въ Москвѣ.

Не можешь-ли ты избрать благонадежнаго человѣка, который бы умѣлъ войти въ разсмотрѣніе, какія лучшія средства устроить твое хозяйство, а можетъ быть даже и продать что нибудь изъ менѣе нужнаго. Ты же можешь самъ поумѣрить между тѣмъ издержки въ домѣ и вѣроятно въ Финляндіи удобно сіе сдѣлать и, конечно, твой предмѣстникъ не роскошествовалъ, къ чему, впрочемъ, жители и по собственному состоянію не привыкли.

И такъ, другъ любезный, дѣла Петрахана (князя П. М. Волконскаго) кончены такимъ образомъ, какъ онъ, самъ ты и многіе другіе не ожидали. Теперешнее положеніе его незавидно. Восторжествовали пришельцы и помощію *могущественнаго* (Аракчеева) прочно утвердятся. Разсчетъ дальновидный и весьма не безвыгодный! Хочу не сомнѣваться, что все пойдетъ въ наилучшемъ порядкѣ и намъ приведется полюбоваться, но кажется издали, ибо мнѣ служба перестала уже представлять удовольствія и вотще ожидать я буду пріятностей. Точно хотѣлъ бы я въ 1825 году отправиться отсюда; но случиться могло бы, что лишній одинъ годъ пробуду для окончанія нѣкоторыхъ предположеній и основанія довольно важныхъ предметовъ, какъ-то: проложенія выгоднѣйшей

чрезъ Кавказъ дороги, къ чему собраны мною многія нужнѣйшія свѣдѣнія и часть дороги даже осмотрѣна. Но не ручаюсь, чтобы не выгнали меня непріятности прежде, ибо по дѣламъ не рѣдко встрѣчаются таковыя, особенно съ гг. министрами мнѣ не благоволящими. Нельзя чтобы не дѣлалъ я ошибокъ и по множеству занятій моихъ, а иногда и по малому свѣдѣнію въ нѣкоторыхъ предметахъ, всякая таковая ошибка выставляется въ бо́льшемъ гораздо видѣ и пользуются случаемъ вызвать противъ меня неблаговоленіе. Извѣстно мнѣ, что самую нравственность мою и даже образъ жизни подвергаютъ строгой рецензіи.

Каждый изъ осуждающихъ меня неужели безъ упрека и неужели осужденъ я въ каждомъ видѣть совершенства, тогда какъ отказано мнѣ и малѣйшее съ ними сходство.

Такъ, любезный и рѣдкій другъ, не долго наслужишь безъ неудовольствія, а могутъ сдѣлать обиду, вызвать на поступокъ неосторожный и воспользовавшись онымъ придать самому оскорбленію видъ справедливости. Сего дожидаться не благоразумно! Я работаю какъ поденьщикъ и служба потеряла для меня прежнее могущественное очарованіе. Изъ-за андреевской ленты не сдѣлаю я ни одного лишняго шагу. Ея могли многіе получить легко, могли долго не давать Мордвинову, конечно достойному человѣку, а я и безъ ней могу прожить очень довольнымъ, когда и теперешнія декораціи мои, при моемъ состояніи, будутъ мнѣ тягостными въ отставкѣ. И такъ болѣе о семъ и никогда ни слова!

Съ чувствительностію принялъ я дружеское предложеніе твое взять одного изъ сыновей моихъ на воспитаніе. Поступокъ со стороны твоей великодушенъ и какъ я тебя знаю, то оному и не удивился, а потому и не покраснѣю принять предложеніе. Благодарю искреннѣйшимъ образомъ и воспользуюсь симъ пособіемъ для меня во многихъ отношеніяхъ важнымъ. Порадовался бы я, если бы далъ ты сыну моему хорошаго *товарища*. Воображаю какъ бы тебя сдѣлало сіе счастливымъ, а особливо когда наконецъ прибѣгнешь и ты подъ кровъ жизни свободной и спокойной! Благодарю за домикъ, который намѣреваешься выстроить для меня на Москвѣ-рѣкѣ. Точно имѣя собственный и потому что планъ онаго тобою мнѣ предоставляемый, будетъ въ размѣрѣ весьма скромномъ, онъ не разоритъ тебя, но теперь о семъ не будемъ мы заботиться, ибо на нѣкоторое время послѣ удаленія моего отъ службы мнѣ нужна жизнь безвѣстная и я располагаю имѣть пребываніе въ Крыму, гдѣ благодаря доброму *Попову*, нѣкогда моей собственности, нынѣшній годъ будетъ домъ выстроенъ. Первое время въ Москвѣ мнѣ

жить неприлично, ибо мнѣ придадутъ видъ недовольнаго, а это мнѣ невыгодно и сверхъ того несправедливо. Впослѣдствіи мы снесемся между собою и я отъ домика на Москвѣ-рѣкѣ не прочь!

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) вправѣ роптать, что онъ не произведенъ послѣ большаго и, конечно, необходимаго производства, ибо достоинства его дѣлаютъ его для службы и полезнымъ и нужнымъ, а произведенные многіе никогда таковыми не будутъ. Что за страсть у него къ Гурьеву, которому хлопоталъ онъ достать ленту. Впрочемъ, кто же нынѣ оной не имѣетъ!

Денисъ (Давыдовъ) долженъ былъ надѣть фракъ, жаль только, что онъ и охоту служить имѣлъ и способенъ, но что же оставалось ему дѣлать?

Доволенъ я, что *Мадатовъ* въ Петербургѣ велъ себя хорошо, онъ весьма не простъ натурально, но и ты равно какъ и я не знали, что великій армянинъ и деньгу любитъ ужасно. Прежняя расточительность была изъ выигрышныхъ, слѣдовательно не собственныхъ денегъ, теперь знаю я его совсѣмъ иначе и послѣдняя моя поѣздка чрезъ нѣкоторыя ханства точнѣйшее дало мнѣ о немъ понятіе.

Давно грызетъ его страсть генералъ-лейтенантства и онъ никакъ не допускаетъ, что нельзя произвести его безъ обиды другихъ. Самолюбіе у насъ безпредѣльное! Производство *Эртеля* и подобныхъ не даетъ права смирять самолюбіе прочихъ и даже нельзя не снисходить оному, а Мадатовъ и не того еще желаетъ.

Павловъ, извѣстивъ меня о разныхъ тебѣ извѣстныхъ вещахъ, удивилъ меня присланнымъ отъ архимандрита *Фотія* образомъ. Я никогда не былъ знакомъ съ нимъ и мы одинъ другаго даже не видали. Нельзя не почесть его монаҳомъ весьма храбрымъ, ибо сражается противъ клеветы многочисленными непріятелями моими изобрѣтаемой и не скрываетъ добра, которое желаетъ мнѣ. Дѣло не легкое! Надпись на данной тебѣ имъ печати имѣетъ смыслъ значительный и, конечно, служитъ предостереженіемъ. Мнѣ видно уже не достаточно осторожности и онъ однѣми молитвами ищетъ оградить меня.

Хорошо, что взялся *Павловъ* за набожность, ибо она открыла ему путь къ мѣсту и сестрѣ не безполезна оная, ибо ею, конечно, снискано знакомство съ графинею *Орловой*, которая предложила ей домъ свой въ Москвѣ и все нужное. Посмотримъ, что Павловъ сдѣлаетъ далѣе, но какъ я говорю, доселѣ было бы выгоднѣе ему быть за кухмистерскимъ столомъ, нежели за оберъ-прокурорскимъ!

Мѣсяцъ уже какъ возвратился изъ моей поѣздки. Объѣхалъ нѣ-

которыя провинціи, гдѣ нуженъ былъ взглядъ мой и успѣлъ кое-что сдѣлать. Чрезъ мѣсяцъ опять ѣду, буду въ Кабардѣ, заѣду на воды посмотрѣть начинающіяся строенія и что дѣлается въ назначенномъ мною новомъ для полковъ расположеніи и все кончивши можетъ быть, при началѣ осени, если не воспрепятствуютъ особенныя обстоятельства, пройду и чрезъ Кавказъ, гдѣ быть новой въ Россію дорогѣ. Если успѣю сдѣлать сіе я много уже пріуготовлю отъѣздъ мой отсюда.

Прощай, принеси совершенное почтеніе мое Аграфенѣ Федоровнѣ. Я чрезвычайно доволенъ былъ узнавъ, что вы поѣхали вмѣстѣ, ибо здѣсь былъ слухъ, что она по причинѣ болѣзни въ Петербургѣ осталась. Здѣсь я нашелъ портфель съ ея портретомъ, но прежде нежели могъ я открыть его, уже вышло стекло, которымъ покрытъ портретъ и я ожидалъ, что испорчена живопись, однакоже, непонятнымъ образомъ, сохранилась оная. Я нахожу весьма много сходства, хотя артистъ, конечно, былъ не превосходный!

Скажи милой хозяйкѣ, что я воображаю ея говорящею чрезъ переводчика и что такая пріятная бесѣда, конечно, не приглашаетъ къ словоохотливости. Я съ собою всякій день сіе испытываю и прекрасныя грузинки потому не большіе слышатъ комплименты. Однакоже, весьма похвально терпѣніе, съ которымъ она привыкаетъ къ новому роду жизни и вѣроятно находятся люди и пріятные и уваженія достойные.

Прощай, писать болѣе нечего и тебѣ наскучилъ бы мелочами. Будь здоровъ и благоразумно умѣряй труды, которые всегда допускалъ ты свыше силъ и платилъ за то здоровьемъ.

Благодарю, почтеннѣйшій другъ, за деньги *тысячу рублей*, данныя *Павлову*. Я для доставленія ихъ тебѣ препроводилъ къ Красотѣ Ивану Васильевичу. Знаю, что ими ссудилъ ты тогда, какъ у самого тебя весьма мало было!

Забылъ поговорить о *Калиостро* (князѣ Меншиковѣ). Знаю весьма, что онъ не хотѣлъ и не могъ, по званію его, быть въ корпусѣ начальникомъ штаба, но онъ весьма ясно давалъ уразумѣть, что онъ принялъ бы мѣсто генералъ-маіора Сталя 2-го, т. е. командующаго войсками на Кавказской линіи и областнаго начальника и сіе можетъ казаться правдоподобнымъ, ибо мѣсто видное.

218.

8 марта 1824 г. Георгіевскъ.

Давно ничего не знаю о тебѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, и послѣдній срочный фельдегерь ничего не привезъ отъ тебя и ни строки отъ Красоты. Я подозрѣваю, что и сіе средство переписки не сдѣлалось-ли уже невѣрнымъ. Такъ мало у меня близкихъ, немного таковыхъ, съ кѣмъ имѣю переписку, что лишиться сего удовольствія крайне досадно! Красота скроменъ и ничего не скажетъ, но такъ мнѣ кажется. Отъ тебя онъ не утаитъ. Не знаю, какъ живешь ты на сѣверѣ, слышу, что множество, благодаря предмѣстнику, имѣешь заботъ и упражняешься въ трудахъ и дѣятельности подобныхъ прежнимъ. Ласкаю себя мыслями, что мѣста твоего не оставишь, какъ о томъ помышлялъ прежде и какъ убѣждалъ я тебя неоднократно того не дѣлать для общей и твоей собственно пользы. Воображаю не весьма веселою жизнь твою, но знаю, что къ таковой и прежде не привыкалъ ты и что занятія уменьшаютъ скуку.

Ты дружески позволялъ мнѣ говорить тебѣ мои мысли и я не измѣняя чувствъ моихъ желать тебѣ добра, еще повторю, что полезной службы твоей ты оставлять не долженъ и хотя дѣла хозяйственныя терпятъ отъ того разстройство, лучше на время изобрѣсти средство нѣкотораго улучшенія, но для сего предмета не удаляться отъ службы.

Часто случаются въ глазахъ нашихъ перемѣны и почему ты не можешь ожидать, что и тебя приблизятъ обстоятельства и что получишь бо́льшую удобность направлять устройство твоихъ домашнихъ дѣлъ и успокоить (?) долги, много тебя досадующіе. Все это случиться можетъ!

И такъ, Петраханъ (князь П. М. Волконскій) успѣлъ устраниться отъ новой своей должности. Не мудрено, что послѣ прежней не кажется она занимательною. Уничтоженъ онъ могущественнымъ наслѣдникомъ безвозвратно. Сей подставилъ подъ себя твердыя подпоры и поколеблется развѣ при случаѣ чрезвычайномъ. Онъ дѣйствуетъ съ вѣрнѣйшимъ разсчетомъ. Но *Пе—ханъ* поступилъ благоразумно, если не грызетъ его желаніе знатности. Есть несчастные, которые преслѣдуемы ненасытимостію онаго.

Я здоровъ, перехожу отъ однихъ хлопотъ къ другимъ. Недавно укрощалъ мятежъ въ Дагестанѣ, теперь потушаю бунтъ въ Абхазіи. Сюда пріѣхалъ по множеству призывающихъ меня дѣлъ и надобно

было случиться тому еще, что генералъ-маіоръ Сталь умеръ и линія Кавказская остается безъ начальника.

Не знаю, кого мнѣ дадутъ, но сомнѣваться нельзя, что не дадутъ хорошаго. Ты вспомнишь, любезный другъ, что не разъ просилъ я *Дениса* (Давыдова). Теперь былъ онъ мнѣ наилучшимъ и дѣятельнымъ помощникомъ. Столько же, какъ и другой, былъ бы онъ новъ по гражданской части, но онъ умѣлъ бы заставить и пріохотить людей знающихъ усердно помогать ему, а сего многіе другіе не сдѣлаютъ. Хотя не разъ мнѣ отказано, хотя Денисъ въ отставкѣ, но я рѣшаюсь писать о немъ *чрезъ Дибича*. Посмотрю что будетъ?

Недавно получилъ отъ него письмо, изъ котораго вижу, что не такъ легко можетъ онъ привыкнуть къ спокойной и недѣятельной его жизни.

Тоже и съ тобою, а можетъ быть даже и болѣе случиться можетъ, по большему твоему къ трудамъ навыку. Утѣшаю себя, что съ человѣкомъ моихъ лѣтъ, по силамъ уже утомленнымъ, произойти сего не можетъ.

Не забываю, другъ любезнѣйшій, чувствительнаго для меня обѣщанія твоего взять нѣкогда одного изъ дѣтей моихъ на воспитаніе подъ твоимъ надзоромъ. Начинаю уже помышлять о томъ и вижу, что въ одолженіи твоемъ имѣть буду нужду. Старшій мой взростаетъ отлично умнымъ и предобрѣйшимъ. Мнѣ не сдѣлаетъ онъ стыда и тебя не заставитъ краснѣть, что облаготворишь его твоимъ о немъ попеченіемъ.

Увѣрь въ совершенномъ почтеніи моемъ милую твою хозяйку. Съ удовольствіемъ слышу, что пребываніе въ Финляндіи не находитъ она непріятнымъ. Желаю сего отъ всего сердца и не сомнѣваюсь, что если только захочетъ она, то найдетъ въ ономъ нѣкоторыя удовольствія и если небольшое, но можетъ составить пріятное довольно общество.

Прощай, люби по прежнему.

219.

10 декабря 1824 г. Тифлисъ.

Довольно уже давно не имѣю я отъ тебя извѣстія и съ послѣднимъ курьеромъ не получилъ. Красота всегда о тебѣ увѣдомляетъ. Знаю, любезнѣйшій другъ, какія непріятности сопровождаютъ служеніе

твое и что ты почти уже рѣшился оставить службу. Можетъ быть письмо мое найдетъ тебя къ тому приступившимъ. Жаль весьма и для службы и для тебя, ибо непродолжительное со стороны твоей терпѣніе, можетъ быть дало бы другой видъ дѣламъ твоимъ. Понравилась мнѣ приведенная Красотою на память пословица: въ годъ воды много утечетъ.

Впрочемъ, если уже палъ жребій, то могу я себѣ обѣщать, по крайней мѣрѣ, удовольствіе скоро тебя видѣть. Не можно мнѣ долго здѣсь оставаться, ибо не достаетъ силъ и занятія безпрерывныя меня утомили. Хотѣлось бы дотянуть до 40 лѣтъ службы, каковой срокъ весьма не отдаленъ, ибо по состоянію моему нельзя пренебрегать пенсіономъ, который я даже скуднымъ не почитаю. На большее ни на что я права не имѣю, но жалованье доставитъ нѣкоторое пособіе для воспитанія дѣтей. Я обогатился ими. Трое на лицо и готовится четвертый! У меня всегда сыновья и это еще счастье!

Ты меня порадовалъ мыслію построить для меня маленькій домикъ подъ Москвою. Я принимаю то за величайшее одолженіе и, конечно, имъ воспользуюсь. Неужели внѣ службы нѣтъ для человѣка удовольствій? Ты молодъ и по свойствамъ имѣешь нужду въ дѣятельности, а потому одни занятія по дѣламъ домашнимъ могутъ не наполнить всего времени. Я гораздо старѣе тебя и мнѣ кромѣ упражненій хозяйственныхъ, по состоянію моему, весьма ограниченныхъ, есть заботы воспитанія дѣтей, слѣдовательно совершенно празднымъ не буду я, но и занятій найдется достаточно.

Старикъ мой, какъ слышу я, жизнію не довольно разсчетливою порядочно поразстроилъ состояніе и умножилъ долги, слѣдовательно на первое время я и не безъ хлопотъ буду. Я тебѣ никогда не говорилъ о семъ, ибо матерія не самая пріятная, да и самъ не хотѣлъ тому вѣрить. Какъ нерѣдко случается, что люди старые возвращаются къ погрѣшностямъ молодости.

Научи меня, какъ приступить мнѣ къ испрошенію дѣтямъ моимъ дворянскаго достоинства и какой-нибудь фамиліи? Чрезъ кого я долженъ дѣйствовать? Весьма недавно были примѣры и, между тѣмъ, сдѣлали то для генералъ-лейтенанта Талызина. Неужели мнѣ-то откажутъ? Я ожидать буду обстоятельнаго отъ тебя увѣдомленія.

Ты, конечно, уже знаешь великодушный поступокъ графини Орловой съ моею сестрою. Это великое благодѣяніе, дающее сестрѣ средства безбѣднаго существованія. Какъ восхищенъ я тѣмъ и что не было крайности прибѣгнуть къ другимъ способамъ. Благодарю Бога, что не

былъ я въ положеніи просить для нихъ. Тягостно принять благодѣяніе, не имѣя на оное права, не оказавъ заслугъ. Еще благотворящая судьба до того не допустила!

Я воображаю тебя въ Петербургѣ свидѣтелемъ большихъ перемѣнъ, новыхъ на сценѣ лицъ! Такъ, другъ почтенный, все перемѣняется. Такъ прешедшими увидимъ мы могущественнѣйшихъ!

Я, благодаря Бога, мнѣ милосердаго, здоровъ; лѣта смиряютъ кипящій мой характеръ и я ко всему привыкаю! Въ столицѣ по прежнему сильные не благоволятъ мнѣ. Пріучаюсь къ отказамъ, хотя себѣ собственно ничего не прошу. Знакомлюсь съ неудовольствіями и не долженъ роптать, ибо, конечно, не одинъ я имъ подверженъ.

Прощай, пиши ко мнѣ; все до тебя касающееся меня занимаетъ. Люби меня по прежнему, ибо не для привѣтствія скажу, что нѣтъ у меня ближайшаго къ сердцу человѣка.

Скажи мое почтеніе милой хозяйкѣ и поцѣлуй у нея за меня ручку.

220.

20-го января 1825 г. Тифлисъ.

Раздѣляющее насъ разстояніе сдѣлало переписку нашу весьма рѣдкою. Почти никого не вижу я кромѣ срочныхъ фельдъегерей, и если кто пишетъ ко мнѣ, въ каждомъ замѣчаю ту же осторожность, какъ бы и по почтѣ. Держится и Красота сего правила, и такъ я одинъ никакихъ извѣстій не имѣю и только отъ другихъ нѣчто слышу. Скучно жить подобнымъ образомъ въ такомъ отдаленіи.

Что дѣлаешь ты, любезный другъ, съ собою? Знаю намѣреніе твое оставить теперешнее мѣсто и смотрю въ приказы, кто назначается на оное? Бенкендорфъ случившимся въ пользу его наводненіемъ, кажется, сблизился съ Финляндіею. Думаю, я не ошибаюсь, ибо сыпятся милости на все ему принадлежащее!

Исчезъ со сцены Уваровъ и, воображаю, сколько было готовящихся на его мѣсто. Но, конечно, никому не приходилъ въ голову теперешній начальникъ!

Отпускъ Раевскаго, кажется, продолжительнымъ и едва-ли, по состоянію здоровья его, возвратится онъ на службу. Для военнаго времени имѣлъ онъ весьма полезныя способности. До меня дошелъ слухъ о какихъ-то будто бы потерпѣнныхъ непріятностяхъ, но вѣрнаго не знаю.

Въ послѣднее производство не попалъ братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) и сего жаль очень. Онъ большія дѣлаетъ у себя перемѣны и хищниковъ настойчиво преслѣдуетъ. Но сильно и многочисленно сіе сословіе и одолѣть его невозможно. Разумѣетъ онъ, что Дибичъ долго его въ семъ чинѣ не задержитъ.

Сабанѣевъ нашъ, какъ умный человѣкъ и славный офицеръ, какъ слышу, важно заправлялъ дѣлами и въ строгомъ порядкѣ. Теперь изъ людей знатныхъ возвратился въ наше состояніе. Полезно, что его лучше узнали. Есть о Красотѣ слухи, что идетъ въ отставку. Жаль сего, и какъ онъ слушается тебя, я на твоемъ мѣстѣ воспретилъ бы ему, ибо онъ для сей должности человѣкъ отлично способный и по службѣ надѣяться можетъ на хорошую перспективу. Слышу, будто не расположенъ къ нему дежурный генералъ, но весьма хорошо знаетъ его и уважаетъ Дибичъ; слѣдовательно, терять онъ ничего не можетъ.

Такимъ образомъ небольшое число знакомыхъ моихъ въ Петербургѣ еще уменьшится.

Успѣшно-ли идетъ строеніе твое на *Трехъ горахъ?* Мнѣ полезно знать о семъ, ибо тамъ есть и для меня уголъ, какъ по дружески обѣщалъ ты мнѣ. Нѣкогда заживемъ мы въ пріятной свободѣ и безпечности. Тебѣ много представятъ занятій разстроенныя дѣла твоего хозяйства, а мнѣ предлежитъ забота о воспитаніи взростающихъ рыцарей.

Скажи мнѣ, какими путями испрашивается фамилія и дворянское достоинство *воспитанникамъ*, чему есть многіе примѣры и еще весьма недавно сдѣлано то для генералъ-лейтенанта Талызина, человѣка не чрезвычайно знаменитаго. Можетъ быть и мнѣ не откажутъ. Я ожидаю твоего наставленія и никому о томъ не говорилъ.

Я здоровъ, живу въ той же скукѣ, въ тѣхъ же заботахъ. Прошедшій годъ богатъ былъ разными досадными происшествіями и сопровождался многими непріятностями. Болѣзни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произвели ужасныя опустошенія. И у насъ было наводненіе и на берегахъ Мингреліи разбило небольшое военное наше судно.

Милой супругѣ твоей приношу мое совершенное почтеніе. Воображаю, какъ мало станетъ она жалѣть, когда разстанешься ты съ прелестнымъ твоимъ краемъ. Не думаю, чтобы большими весьма удовольствіями сопровождалось ваше тамъ существованіе, — я по себѣ сужу, ибо по одному жестокому климату, я бы туда не пошелъ въ цари.

Прощай, продолжи мнѣ безцѣнную твою дружбу.

Изыщи случай доставить мнѣ списанныя для тебя *записки мои кампаніи 1812 г.* Я сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя поправки и даю

тебѣ слово прислать копію. Я прежде писалъ тебѣ о семъ, но ты не отвѣчаешь и меня досадуетъ твоя недовѣрчивость. Здѣсь мало мнѣ свободнаго времени, но я также успѣлъ намарать нѣкоторыя для памяти записки и намѣреваюсь въ свободной нѣкогда жизни привести ихъ въ порядокъ для воспоминанія о пребываніи моемъ здѣсь и занятіяхъ его сопровождавшихъ.

221.

12-го іюля 1825 г Тифлисъ.

Отвѣчаю на письмо твое съ Павловымъ отъ 13-го марта и кажется большаго не надобно доказательства, какъ рѣдка наша переписка и сколько на прежнюю не похожа. Мало вѣрныхъ случаевъ, съ которыми бы можно было писать и Красота собственнымъ примѣромъ осторожности научилъ меня быть осмотрительнымъ.

Съ какимъ удовольствіемъ прочелъ я, что готовится домъ на *Трехъ горахъ*, и что въ немъ будетъ и для меня уголъ. Не заставлю я повторить о семъ извѣстіи, ибо такъ велико мое желаніе тѣмъ воспользоваться.

Надобно, другъ любезнѣйшій, чтобы когда нибудь насъ соединила жизнь свободная. Почему не желать намъ жить для себя нѣкоторое время? Ты приведя въ устройство твое имѣніе, на службу еще можешь возвратиться, если спокойствіе тебѣ наскучитъ. Умѣренныя лѣта твои допустятъ то сдѣлать и, между тѣмъ, поправится потерпѣвшее здоровье.

Не въ томъ положеніи я, ибо уже къ старости клонятся мои лѣта и мнѣ уже почти не принадлежитъ удовольствіе. Не по силамъ были труды мои и утомленіе призываетъ болѣзни. Прошу Бога, чтобы могъ разстаться со службою безъ большихъ оскорбленій.

Скоро возростутъ дѣти и потребуютъ воспитанія, вотъ въ праздности мои занятія. Кажется, они даютъ хорошую надежду и не заставятъ жалѣть о употребленныхъ на нихъ трудахъ.

Ты не чувствуешь какое благодѣяніе мнѣ оказываешь, желая взять одного изъ сыновей. Кому лучше могу я его ввѣрить и чье будетъ великодушнѣе о немъ попеченіе? Не малымъ одолженіемъ почитаю я и то, что буду облегченъ въ издержкахъ, чего равнодушно нельзя принимать по моему состоянію, коего я не имѣю средствъ улучшить, ибо служба мнѣ ничего не доставитъ.

Пособіе, которое я отъ тебя одного соглашусь принять, дастъ мнѣ способъ безъ нужды воспитать другихъ дѣтей и я тогда по справедливости назову себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.

Воображаю какъ гордо я живу на Трехъ горахъ, ибо ни въ комъ не имѣю нужды. Не думаю, чтобы было трудно разстаться съ суетною жизнью, особливо какъ оставишь съ нею вмѣстѣ преслѣдованія досады и горести. Не отмѣни твоего намѣренія взять моего сына, это меня много успокоиваетъ и утѣшаетъ.

Нѣтъ мнѣ времени самому смотрѣть за нимъ, а ты можешь его поручить кому нибудь изъ приверженныхъ тебѣ людей, чего я не могу сдѣлать. Я ѣду скоро на линію, увижу тамъ Сабанѣева, который уже давно пріѣхалъ къ водамъ, увижу Кикина и спрошу, что его заставляетъ куртизанствовать?

Братъ Михайло (графъ Воронцовъ), кажется, прекрасно обработалъ свои дѣла. У него все идетъ какъ по маслу, и онъ, конечно, доволенъ. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ много хорошаго. Разоряетъ управляемый имъ край греческая война, ибо пресѣклась торговля. Дорого намъ это стоитъ и отзовется впослѣдствіи.

Здѣсь я сосѣдъ турокъ, и слышу, что обстоятельства ихъ не въ лучшемъ положеніи. Богъ, удаливъ отъ грековъ помощь царей христіанскихъ, взялъ ихъ дѣла въ свою опеку.

Павловъ мой пріѣхавъ на линію заболѣлъ, и потому не могъ мнѣ ничего сообщить, и о тебѣ ничего не знаю. Изъ приказовъ вижу, что ты объѣзжалъ управляемый тобою край и корпусъ. Вотъ всѣ извѣстія.

Я живу въ тѣхъ же заботахъ и хлопотахъ, спорю съ персіянами за границы и потому еще не на линіи, гдѣ ожидаетъ меня множество дѣлъ. Немного у меня было помощниковъ, но мнѣ дали еще Лисаневича, который самыхъ обыкновенныхъ понятій не имѣетъ и послѣ сего будутъ кричать, что я въ дѣлахъ не имѣю успѣха. Послѣ смерти Сталя, я просилъ о Денисѣ (Давыдовѣ), но мнѣ отказано такимъ образомъ, что я и рта не могу болѣе разинуть. Жаль, что его хорошо не знаютъ и остаются его способности безполезными.

Скажи мое совершеннѣйшее почтеніе милой хозяйкѣ, я воображаю ея скучную жизнь въ вѣчныхъ льдахъ твоего края. Прощай, желаю тебѣ здоровья и успѣха. До Трехъ горъ прощай! Душевно любящій и вѣрный *Ермоловъ*.

Слышу, что Тимковскій опредѣляется къ брату Михаилу, жаль если о немъ онъ будетъ говорить столько же мерзостей, какъ обо мнѣ. Здѣсь онъ ничего не дѣлалъ, не желалъ занятій, которыя я ему пред-

лагалъ, любилъ праздность, весьма любилъ вино, а послѣ ругаетъ, что онъ напрасно много времени потерялъ. Прекрасныя свойства!

222.

13-го декабря 1825 г. Кавказская линія.

Не имѣя случая, не отвѣчалъ я тебѣ на послѣднее письмо, теперь пользуясь отъѣзжающимъ фельдъегеремъ скажу нѣсколько словъ. Я выѣхалъ въ концѣ іюля изъ Тифлиса, въ началѣ августа былъ болѣнъ безъ всякой надежды, и отказался отъ всякихъ лекарствъ, ибо не было спасенья кромѣ Бога, и я выздоровѣлъ. Едва поднялся на ноги, я пустился противъ мятежниковъ. Не было почти никакихъ дѣлъ, а я и выстрѣла не слыхалъ до сего дня, но присутствіе главнаго начальника, съ которымъ здѣшніе народы предполагаютъ всегда ужасныя ополченія, безпрерывныя движенія, къ которымъ понуждали меня мои весьма небольшія силы и чего мятежники не разумѣютъ, заставили ихъ смириться и обуздали ихъ предпріимчивость. Явившійся между ними пророкъ потерялъ много довѣренности и переставъ прорицать успѣхи, сдѣлался по прежнему дуракъ дуракомъ!

Недавно начавшаяся худая погода обратила мои легіоны подъ крышку на Кавказскую линію, однакоже не на долго, ибо вскорѣ намѣреваюсь идти не для усмиренія уже, но для наказанія.

Что будутъ дѣлать чертоги, устроенные *на Трехъ горахъ*, *гдѣ*, по дружбѣ, ты мнѣ назначилъ уголокъ. Думаю, что обстоятельства измѣнятъ твои намѣренія, и мы Богъ знаетъ когда увидимся. Но ты не измѣнишь твоего дружескаго ко мнѣ расположенія и великодушнаго намѣренія взять на воспитаніе одного изъ моихъ сыновей. Онъ не опоздалъ, ибо ему только недавно пять лѣтъ, но я хочу его отправить въ будущемъ году. Не знаю, какъ ты его пристроишь и кому поручишь на руки? Нѣтъ-ли у кого изъ твоихъ друзей учащихся дѣтей, вмѣстѣ съ ними было бы всего лучше, но тебѣ не должно забыть, что мой сынъ не имѣетъ моей фамиліи, ибо жаль было бы, еслибы онъ съ самаго младенчества почувствовалъ препебреженіе къ нему.

Мало людей чуждыхъ предразсудковъ.

Подумай о семъ, какъ мой добрый и постоянный другъ!

Ты спрашиваешь о родѣ воспитанія. На сіе скажу въ отвѣтъ: пусть имѣетъ хорошія правила и будетъ честный человѣкъ. Надобно

твердить ему, что происхожденіе и бѣдность его могутъ вознаградить одни достоинство и способность. Одинъ для него путь, военная служба! Дѣтямъ буду просить дворянское достоинство: многимъ оное дали, неужели откажутъ мнѣ одному.

Приближающаяся старость истолковываетъ обязанность ускорить ихъ образованіемъ, ибо, кажется, сіе одно останется наслѣдіе.

Принеси мое совершенное почтеніе милой хозяйкѣ Аграфенѣ Федоровнѣ.

Будь здоровъ и благополученъ. Прощай!

223.

12 января 1826 г. Кавказская линія.

Проживая на Терекѣ, въ казачей станицѣ, въ глуши ужаснѣйшей, конечно, не о чемъ писать тебѣ, но пишу для того, чтобы сказать тебѣ, что я здоровъ, и симъ отвратить какіе-нибудь изобрѣтательные на мой счетъ слухи.

О насъ обыкновенно говорятъ, что мы всѣ вырѣзаны, все истреблено и линіи уже не существуетъ. Я въ короткое время по нѣсколько разъ убитъ или раненъ.

Могутъ тебя по дружбѣ подобные слухи безпокоить, и если ты въ десятую повѣришь долю, то уже довольно будетъ по разсказамъ!

Я, шатавшись болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ будто для того возвратился на линію, чтобы услышать о кончинѣ Императора и въ то время, когда предупрежденъ будучи многими извѣстіями, что Императрица Елисавета Алексѣевна намѣрена пріѣхать къ минеральнымъ здѣшнимъ водамъ, послалъ я въ Таганрогъ нарочнаго съ письмомъ къ князю Волконскому, дабы въ томъ удостовѣриться и успѣть сдѣлать нужныя къ веснѣ пріуготовленія. Представь, какъ должно было поразить внезапное извѣстіе!

Съ братомъ Михайлою (графомъ Воронцовымъ) давно мы взаимно замолкли, но ему, конечно, не мало было хлопотъ по случаю печальнаго происшествія въ областяхъ его управленія. Спасибо Свиньину, онъ пропечаталъ, что для меня купилъ онъ дачу въ Крыму и въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Писатель обнаружилъ его деликатность и можетъ быть лишилъ удовольствія сдѣлать какой-нибудь *сюрпризъ!*

Примѣчаешь-ли ты, любезный другъ, что совсѣмъ не воображая, дѣлаюсь я обладателемъ разныхъ увеселительныхъ замковъ. Таковой

и также въ Крыму строитъ мнѣ Поповъ и помнится о намѣреніи и на *Трехъ горахъ* устроить для меня пребываніе. Не знаешь-ли ты чего-нибудь о семъ? Признаюсь, что довольно выгодно имѣть столько попечительныхъ пріятелей! Доселѣ распоряжаю я чужими средствами, своей собственности не имѣя, кромѣ той, въ которой ты со мною обѣщалъ подѣлиться, и распоряжаю, кажется, довольно благосклонно!

Прощай, поклонись отъ меня милой хозяйкѣ. Когда мы увидимся?

224.

25 февраля 1826 г. Кр. Грозная.

Душевно поздравляю тебя съ полученною отъ Государя наградою. Восхитительна подобная справедливость, когда не забыты многіе другіе.

Не менѣе радъ, что есть причина, долженствующая удержать тебя въ службѣ, чего всегда я желалъ для пользы оной.

Я здоровъ, таскаюсь по чеченской землѣ, наказываю злодѣевъ за гнусную измѣну, наказываю строго!

Живу на бивуакахъ, союзница моя зима строгая, она не менѣе караетъ ихъ! Всѣ укрываются въ лѣсахъ, страждутъ семейства, страхъ распространился ужаснѣйшій.

Надобенъ примѣръ наказанія непокорныхъ! Въ злодѣйской странѣ здѣшней всегда много готовыхъ на возмущеніе.

Думаютъ, что я не тѣ употребляю мѣры, которыя надобны, хотятъ евангельской кротости. Жду мудреца на мое мѣсто.

До васъ доходятъ слухи по большей части несправедливые, можетъ быть съ намѣреніемъ вредить мнѣ; слухи всегда не въ пользу нашу.

Ты по дружбѣ ко мнѣ безпокоишься таковыми, но я для того пишу, чтобы ты зналъ нелѣпость ихъ.

Не думай, другъ любезнѣйшій, обо мнѣ. Неужели въ десять лѣтъ моего здѣсь пребыванія, я не познакомился съ землею, съ народами и не знаю, что они могутъ сдѣлать и что для меня возможно.

Пусть умствуютъ завиствующіе, я все дѣлаю, что умѣю и дѣлаю усердно.

Клевета противъ меня все истощила и мнѣ худшаго ожидать нельзя.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ. Прощай!

225.

31-го марта 1826 г. Кавказская линія.

Получилъ письмо твое отъ 11-го марта.

Прежде всего скажу сколько обрадованъ я извѣстіемъ о беременности Аграфены Федоровны и воображаю восхищеніе твое. И такъ будетъ у тебя рыцарь, а если на первый случай и красавица, то и ею можно любоваться.

Это маленькое существо,—удовольствіе вашей домашней жизни сдѣлаетъ несравненно пріятнѣйшимъ.

Попеченія о ней доставятъ любезной супругѣ твоей восхитительныя занятія, и я отъ всего сердца могу тебя поздравить.

Наконецъ успокоился ты на мой счетъ и увидѣлъ, что увеличенные разсказы о происшествіяхъ въ здѣшней странѣ такъ же мало достойны были вѣроятій, какъ вымышляемые до сего.

Была на мой собственно счетъ молва довольно оскорбительная, но, конечно, таковая принята была тобою за нелѣпую. Я уже пересталъ трогаться подобными! Вѣрь, другъ любезнѣйшій, что ничѣмъ постыднымъ не заставлю краснѣть моихъ пріятелей! Ты знаешь лучше другихъ мои правила и что меня даже и то бѣситъ, когда я вижу поступки другихъ преступными.

Благодарю за приказаніе прислать моего старшаго рыцаря. Я помню твое обѣщаніе и полагаюсь на твою дружбу. Не разумѣю обѣщанія иначе какъ милостію, но чтобы не оскорбить твою деликатность, я соглашаюсь признавать милостію для юноши. Воспитаніе дашь ты ему приличествующее военному человѣку, а если противны тому будутъ его наклонности, онѣ не скроются и покажутъ направленіе, которому слѣдовать выгоднѣе. Пусть изъ него будетъ то, что судьбѣ угодно, одно лишь необходимо, чтобы онъ имѣлъ хорошія правила, во всякомъ состояніи весьма уважительныя!

Ты пишешь, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) болѣнъ, но я не зналъ о семъ, хотя изъ ближайшихъ къ нему по разстоянію. Впрочемъ, говоришь однакоже, что скоро будетъ въ Петербургѣ, слѣдовательно болѣзнь не можетъ быть опасною.

Ты разрушилъ благополучіе мое, подозрѣвая, что Свиньинъ поетъ хвалу одной крымской дачѣ, но не мнѣ принадлежащей. Сразилъ ты меня, ибо не знаю почему мечталъ я, что я обладатель сего сокровища?

А легко быть можетъ и кажется правдоподобнѣе, что если дача

прелестна, то барона Дибича, ибо *даровавшій* оную имѣлъ нѣкоторые способы. Когда пріѣдетъ братъ Михайло, удостовѣрься въ семъ.

Совсѣмъ бы не мѣшало имѣть мнѣ тамъ пристанище, ибо съ давняго времени жизнь въ тепломъ климатѣ, особенно же послѣднія десять лѣтъ здѣсь, полуденный край сдѣлался мнѣ необходимою на старость потребностію.

Пишешь о желаніи оставить Финляндію. Не удивляюсь сему, хотя мѣсто весьма важное и видное. Но радъ я, что, до нынѣшняго времени, не успѣлъ ты оставить службы и торжествую, что я всегда былъ того мнѣнія, что тебѣ удаляться не должно.

Что старикъ твой пустился въ мотовство? Неужели надъ нимъ не имѣете вы никакой силы убѣжденія? Жаль однакоже, что онъ сдѣлалъ много долговъ и поставляетъ тебя въ необходимость приступить къ раздѣлу имѣнія. Чѣмъ виноваты несчастные, которые попадутся въ его управленіе и не лучше-ли бы было сдѣлать другое какое-либо распоряженіе? Жаль, что я давно не видался съ прихотливымъ старикомъ, я думаю, что я устыдилъ бы его расточительностію. Нѣкогда онъ слушался моихъ внушеній. Ты съ деликатностію своею ничего не сдѣлаешь!

Меншиковъ проѣхалъ, и я собственно для пользы здѣшняго края и даже для моего спокойствія желаю ему успѣха.

Шрёдеръ возвратилъ мнѣ мои часы, но въ нихъ не сдѣлано, что я желалъ. Видно человѣкъ аккуратный! Кто мнѣ ихъ возвратилъ я не знаю, ибо даже записки при нихъ не было.

(Приписка). Могу поздравить васъ, милая хозяйка, чуть было не сказалъ отъ радости прямо какъ желалъ, но поправился и скажу, что съ праздникомъ, ибо къ сему точно времени пріѣдетъ фельдъегерь. Однакоже я вижу, что вы не разсердитесь, если говорить стану и о беременности. Молодой женщинѣ это украшеніе и въ глазахъ каждаго дѣлаетъ ее интересною. Первая мысль матери имѣть дочь, а я успѣлъ уже пожелать вашему мужу солдата. Я и потому сего желаю, чтобы не лишиться удовольствія, когда я пріѣзжаю, жить у васъ по прежнему въ домѣ, иначе вы, конечно, не допустите, чтобы я, молодой человѣкъ и женихъ, жилъ въ одномъ домѣ съ дѣвушкою. Злословіе дастъ мѣсто вымысламъ! И такъ право лучше солдата!

Прощайте, милая хозяйка, вы сто разъ будете мнѣ милѣе и безцѣннѣе, сдѣлавъ счастіе истиннаго и рѣдкаго моего друга.

Прочти, почтенный Арсеній Андреевичъ. Прощай.

226.

30 мая 1826 г. Станица Червленная.

Благодарю за письмо, которымъ обрадовалъ ты меня, извѣщая о твоемъ выздоровленіи. Я ничего не зналъ, ибо давно весьма не было отъ тебя ни строки. Воображаю восхищеніе твое беременностію Аграфены Федоровны и точно ты въ семейной жизни твоей познаешь такое удовольствіе, о которомъ не имѣлъ ты понятія.

Ты отослалъ ее въ Москву, полагая, что и самъ скоро туда поѣдешь, но теперешнія обстоятельства должны тебя отдалить отъ нее на нѣкоторое время, а весьма нужно бы предъ родами имѣть за нею наблюденіе, ибо едва-ли будетъ она довольно осторожна.

Не вообразишь, какъ я желаю, чтобы у тебя былъ сынъ, ибо моему хорошо бы было при немъ жить и впослѣдствіи даже учиться. Моему только 6-й годъ, слѣдовательно сколько-нибудь еще времени случиться имъ сидѣть вмѣстѣ за книгою.

Ты пишешь, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) купилъ для меня въ Крыму дачу и даже въ прелестномъ мѣстоположеніи. Онъ хочетъ предложить мнѣ ее въ подарокъ, но со всѣмъ тѣмъ, что сіе не разоритъ его, ибо говоришь ты, что стоитъ 5000 руб., но я не рѣшаюсь принять безъ твоего на сей счетъ мнѣнія. Скажи мнѣ его чистосердечно, ибо ни отъ кого другаго я онаго не потребую.

Я непремѣнно желаю имѣть въ Крыму небольшое пристанище, ибо по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ, негдѣ мнѣ помѣстить моего семейства, если случится мнѣ выѣхать отсюда къ другому назначенію или вовсе удалиться отъ службы. Но при всемъ томъ я въ состояніи заплатить столько умѣренную цѣну, о какой ты пишешь. Можно сдѣлать сіе такимъ образомъ, что братъ Михайло не обидится. Придумай ты, какъ это сдѣлать и, наконецъ, вотъ средство послѣднее: ты сію дачу возьми для себя и даже упроси его, чтобы прикупилъ къ ней лѣсу, какъ онъ самъ предлагаетъ. Быть не можетъ, чтобы нуждался онъ въ суммѣ, что все это стоить будетъ, слѣдовательно денегъ тотчасъ отъ тебя не потребуетъ, а я въ продолженіе нынѣшняго еще года вышлю къ тебѣ деньги и за лѣсъ и за дачу вмѣстѣ.

Не думай, почтеннѣйшій другъ, чтобы это сколько-нибудь меня разстроило. Ты знаешь, что у меня есть нѣсколько денегъ, а къ тому еще кочующая моя жизнь, почти каждый годъ, доставляетъ мнѣ средства сберечь нѣкоторые остатки. Таковыхъ на все слишкомъ будетъ

достаточно и я уже, на сей собственно предметъ, приказалъ требовать изъ казенной палаты столовыя мои деньги по Кавказской области. И такъ, я уже не ожидаю никакихъ затрудненій. Между тѣмъ Поповъ строитъ мнѣ небольшой домикъ въ своемъ имѣніи, который охотно я принимаю, гдѣ на первый случай будетъ убѣжище моей семьѣ, пока приведется въ порядокъ дача.

Все, благодаря Бога, устроится и меня сіе не мало успокоиваетъ. Пиши ко мнѣ.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ. Я не пишу къ ней, ибо не знаю, какъ доставить отвѣтъ.

Богъ знаетъ, когда мы увидимся?

Я возвратился изъ *Чечни* и, кажется, за мятежъ, за убіеніе нашихъ генераловъ, отомщено порядочно злодѣямъ.

Желалъ бы я дать имъ чувствовать болѣе, но всѣ бѣгутъ, скрываются въ лѣсахъ, и страхъ, повсюду распространившійся, не допускаетъ ихъ схватиться съ нами съ твердостію. Словомъ, всѣ мы не узнаемъ чеченцевъ, которые имѣли репутацію быть здѣсь изъ храбрѣйшихъ.

Черезъ мѣсяцъ я въ Тифлисѣ. Прощай!

227.

19 іюня 1826 г. Екатериноградъ.

Слышу, что твоя болѣзнь продолжается и жалѣю, что такъ долго не можешь отъ нея отдѣлаться.

Недавно писавши къ тебѣ, ничего не остается сказать, развѣ мою догадку, что, конечно, за скорымъ отъѣздомъ брата Михайла (графа Воронцова) ты не успѣлъ переговорить съ нимъ о дачѣ на берегу Чернаго моря. Онъ, конечно, уступилъ бы ее тебѣ, если же обидится тѣмъ, что я не хочу отъ него принять оной, а иначе нельзя получить ее, то я соглашусь принять, особливо же судя по весьма умѣренной и, можно сказать, ничтожной цѣнѣ ея, что она не прихотлива, я его не разорю и буду еще въ состояніи поквитаться какимъ-нибудь образомъ. Жаль только, что это будетъ пустошь и никакого на ней пріюта.

Впрочемъ Поповъ выводитъ меня изъ затрудненія, какъ прежде тебѣ писалъ.

Надобно когда-нибудь подумать о хозяйствѣ. Лѣта моего отца не

молодыя,—когда мнѣ уже 50-й годъ,—слышу, что слабѣетъ примѣтнымъ образомъ, домашнія дѣла въ совершенномъ разстройствѣ и небольшое состояніе обременяется долгами.

Десятилѣтнее здѣсь пребываніе и мой вѣкъ сократило. Меня уже начинаютъ посѣщать болѣзни, съ которыми не бывалъ знакомъ прежде. Два года уже скоро, какъ смотрю въ очки, и силы, прежде неистощимыя, ощутительно измѣняютъ.

Когда остановлю мысль на положеніи моемъ, съ какимъ чувствомъ благодарности принимаю одолженіе твое, что берешь на воспитаніе одного изъ дѣтей моихъ. Боялся оскорбить тебя и потому вмѣсто благодѣянія, написалъ нехотя одолженіе.

Теперь надобно къ совершенной моей радости, чтобы милая хозяйка твоя родила сына и тогда мой, пятью годами старѣе, по природѣ весьма скромный, совсѣмъ не рѣзвый и не похожій на возрастъ свой, будетъ за твоимъ наблюдателемъ.

Изъ моего, какъ я сказалъ прежде, сдѣлай добраго человѣка и это не трудно будетъ по его наклонностямъ и сдѣлай военнаго. У него не будетъ ничего и онъ все доставать долженъ трудами и службою.

Ты пишешь, что надѣешься быть въ Москвѣ; мнѣ крайне жаль, что не могу пріѣхать на коронацію, ибо неприлично отлучиться отсюда, пока князь Меншиковъ не кончилъ переговоровъ своихъ съ Персіею. Не сомнѣваюсь, что все сдѣлаетъ онъ наилучшимъ образомъ, но не менѣе того я долженъ ожидать окончанія. Если бы не такъ скоро была коронація, я непремѣнно просилъ бы позволенія пріѣхать. Завтра, если успѣю, отправлюсь въ Грузію, но прежде осмотрю проложенную чрезъ Кабарду новую отъ Владикавказа дорогу.

Скоро уже годъ, какъ я изъ Тифлиса и время сіе провелъ самымъ скучнымъ и безпокойнымъ образомъ.

Прощай, почтеннѣйшій другъ и не забывай меня.

228.

13-го іюля 1827 г.

Давно чрезвычайно не писалъ я тебѣ, но теперь начну благодарностію за сына моего. Ты дѣлаешь благодѣяніе юношѣ, который вступитъ въ свѣтъ безъ всякаго покровительства и съ единственнымъ наслѣдствомъ толпы непріятелей моихъ, никакихъ другихъ правъ не имѣя. Будь милостивъ къ нему, любезнѣйшій другъ! Я предувѣдомлю тебя,

когда его отправлю, но, конечно, не прежде будущей весны. Сдѣлай къ тому времени твое распоряженіе. Ученіе его прикажи учредить такимъ образомъ, чтобы онъ зналъ иностранные языки нужные и пріуготовленъ былъ къ военной службѣ, если не обнаружится другихъ рѣшительныхъ наклонностей. Всего прежде нужно, чтобы онъ былъ добрый человѣкъ и непоколебимыхъ правилъ чести. Можетъ быть сіе послѣднее небольшія принесетъ выгоды въ жизни, но онъ будетъ умѣть находить утѣшеніе, если природа надѣлитъ его дарованіями.

Я 15-го числа прошедшаго іюня пріѣхалъ въ деревню къ старику отцу моему, которому придало силы мое присутствіе. Старикъ съ неописаннымъ великодушіемъ принялъ дѣтей моихъ и называетъ ихъ сиротами. Я живу весьма покойно и сія жизнь кажется мнѣ не безъ пріятностей. Давно нужно мнѣ было отдохновеніе, къ которому впрочемъ могъ я перейти не такимъ образомъ. Но, почтеннѣйшій другъ, чиста у меня совѣсть и не оставитъ судьба безъ наказанія враговъ моихъ, оклеветавшихъ меня предъ Государемъ. Что дѣлали со мною въ Грузіи! Какой ..... ябедникъ Паскевичъ, непостижимо! Когда нибудь увидѣвшись переговоримъ. Желтухинъ заѣзжалъ ко мнѣ на нѣсколько часовъ и мнѣ любопытно было его посѣщеніе.

Теперь прошу тебя объяснить мнѣ, какимъ образомъ пожаловано мнѣ 5,000 рублей серебромъ столовыхъ денегъ? Государь и безъ сей новой милости пожаловалъ мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира, чѣмъ я совершенно былъ доволенъ и чего (ничего) болѣе не могъ желать. Теперь, если 5,000 рублей серебромъ отмѣняютъ прежнее назначеніе, то я въ накладѣ, ибо сего послѣдняго дара, если и не смѣлъ я отказать, то, по крайней мѣрѣ, не обращу въ свою пользу, что увидишь изъ прилагаемой у сего копіи письма моего графу Дибичу. Я не долженъ былъ поступить иначе и, конечно, ты ожидалъ отъ меня сего. Угадываю, что непріятели и самую милость Государя будутъ умѣть истолковать во вредъ мнѣ. Скажутъ, что мнѣ заплачено за удаленіе меня изъ службы и обнаруженіе негоднымъ. И по истинѣ такова наружность сей награды. Увѣдомь меня, сохранятъ-ли мнѣ прежнее жалованье и столовыя деньги, указомъ 4-го апрѣля министру финансовъ данныя?

Я теперь занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ моей библіотеки, которая не будучи весьма большою, довольно однакоже хороша. Ѣзжу верхомъ, дабы сохранить прежнюю подвижность и по возможности продолжить какого либо рода дѣятельность. Не вѣрь, почтеннѣйшій другъ, распускаемой на счетъ мой лжи, что будто я облѣнился, сдѣлался празд-

нымъ и лишился прежней способности. Все это изобрѣтено злобою и ты увѣришься въ томъ при свиданіи. Вѣрь, что я не потерялъ правъ на прежнюю твою дружбу.

Находясь въ 12-ти верстахъ отъ Орла, я тамъ еще не былъ и у меня нѣтъ тамъ знакомыхъ, какъ будто въ иностранномъ городѣ. Зимою, однакоже, надобно жить тамъ, ибо въ деревнѣ домъ изъ щепокъ и нѣтъ ни одной печи. Желалось бы побывать зимою въ Москвѣ, но не знаю удастся-ли; впрочемъ, жалованье даетъ средства. Не подумай, что я говорю о 5,000 руб. серебромъ, я не коснусь ихъ! Что если бы домашнія дѣла твои привели тебя въ Москву и могли бы мы пожить нѣсколько времени вмѣстѣ? Сомнѣваюсь я въ семъ и кажется забавляю себя пустою надеждой. Напиши, однакоже, будетъ ли сіе возможнымъ.

Прощай, любезный другъ, узнай какъ будетъ *новымъ графомъ* принято письмо мое, которое я съ тѣмъ писалъ, чтобы по оному было доложено Государю. Мнѣ можетъ быть одно и осталось преимущество не казаться корыстолюбивымъ и сего не намѣренъ я лишиться.

Здѣсь слышу, что братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) скоро возвратится. Напомни ему о дачѣ на полуденномъ берегу Крыма. Быть можетъ онъ забылъ о семъ, но теперь было бы сіе весьма приличво и я не отказалъ бы.

Продолжи мнѣ лестную свою дружбу.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія съ письма Ермолова къ графу Дибичу отъ 13-го іюля 1827 года.

Спѣшу отозваться на почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, извѣщающее о новой наградѣ, которою Его Императорское Величество Всемилостивѣйше ущедрять меня изволитъ, назначая 5,000 рублей серебромъ въ годъ столовыхъ денегъ.

Исполненный вѣрноподданническихъ чувствъ признательности принялъ я прежнюю милость Государя, которою опредѣлено мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира. Милость сія, оказываемая другимъ въ однихъ со мною чинахъ, въ одинаковомъ положеніи,—столько, по образу жизни моей, велика для меня, что всякій другой даръ содѣлываетъ излишнимъ. Но не осмѣливаясь уклониться новой награды, дабы не умножить неблаговоленія Его Императорскаго Величества, которое имѣю несчастіе явно носить на себѣ, я, пріемля оную, буду чувствовать обязанность мою щедроту Монарха употребить достойнымъ ея образомъ, ничего не отвращая въ пользу свою.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью.

229.

6-го августа 1827 г. Орелъ.

Такъ рѣдки вѣрные случаи писать, что я оставляю тебя на счетъ мой въ совершенной почти неизвѣстности и столько же мало знаю о тебѣ. Податель сего г. Мазаровичъ перескажетъ тебѣ обстоятельно все до меня относящееся. Приласкай его, какъ человѣка десять лѣтъ постоянно ко мнѣ расположеннаго. Ты съ любопытствомъ услышишь о послѣднемъ времени моего пребыванія въ Тифлисѣ, о коемъ скажу самъ вкратцѣ.

Графъ Дибичъ соблюдалъ со тщаніемъ всѣ наружности въ обращеніи со мною. При самой первой встрѣчѣ сказалъ мнѣ, что поведеніе его докажетъ мнѣ совсѣмъ противное общей молвѣ, что онъ мнѣ непріятель и что ко враждѣ между нами не существуетъ никакихъ причинъ. Въ началѣ думалъ онъ поладить насъ съ Паскевичемъ, далѣе говорилъ мнѣ, что онъ весьма хорошо видитъ, что намъ вмѣстѣ быть невозможно и не менѣе четырехъ разъ утвердительно говорилъ, что Паскевичъ отозванъ будетъ непремѣнно. Паскевичъ долгое время сказывался больнымъ и не показывался; я работалъ какъ невольникъ, дабы пріуготовить все къ войнѣ нужное, и скажу тебѣ какъ честный человѣкъ, что сдѣлалъ все, что въ тамошней странѣ физически возможно.

Дибичъ долженъ былъ признаться, что онъ какъ войска, такъ существующій въ нихъ духъ и дисциплину нашелъ противными тому, какъ было донесено; видѣлъ выступавшія войска въ авангардѣ съ Бенкендорфомъ въ новой совершенно одеждѣ и съ весьма исправными обозами. Не знаю, какъ онъ доносилъ, но примѣтно было, что хвалить для него тягостно было, ибо надлежало говорить вопреки Паскевича, которому Государь оказывалъ особенную довѣренность и благоволеніе и вопреки Бенкендорфа, у коего братъ человѣкъ могущественный и близкій. И такъ, думаю, Дибичъ, въ придворной премудрости своей, опредѣлилъ принести меня въ жертву. Онъ не переставалъ повторять, что медленныя дѣйствія, не согласующіяся съ желаніемъ Государя, который ожидаетъ возможной быстроты, его прогнѣваютъ, и я подвергнусь непріятностямъ. Никакія разсужденія не принимались и только подтверждаемо было: скорѣй, скорѣй! Такъ безъ всякаго толку посланъ былъ Бенкендорфъ съ авангардомъ въ самое гнусное время и по непроходимой дорогѣ и вскорѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи, ибо доставлять его въ слѣдъ было невозможно. Пусть спросятъ войска, что они терпѣли и

что сдѣлали? Бенкендорфъ, столько же великій генералъ, какъ и великій министръ, дѣлалъ одну ошибку за другою и, наконецъ, отправлено было ложное донесеніе объ одержанной имъ побѣдѣ, которая ничто иное была, какъ ничтожная перестрѣлка. Донесено было, что онъ разбилъ непобѣдимыхъ куртинцевъ. Въ Тифлисѣ всѣ знали подробности сей мнимой побѣды, Дибичъ еще не выѣзжалъ и я также, онъ могъ узнать обо всемъ достовѣрно, но согласился, однакоже, сдѣлать хвастливое и несправедливое донесеніе. Онъ могъ бы употребить тѣхъ же самыхъ шпіоновъ, коихъ вѣрилъ клеветѣ на счетъ мой и они бы не смѣли не довести объ общей молвѣ въ народѣ, о побѣдѣ.

Конечно, по его же донесенію напечатано было въ газетахъ, что лишь только принялъ Паскевичъ команду надъ войсками, тотчасъ отправлены были войска подъ начальствомъ Бенкендорфа, дабы войти въ непріятельскую землю. Не могъ онъ забыть, что инструкція Бенкендорфу составлена была съ общаго моего и его согласія и повелѣніе о выступленіи мною подписано. Вскорѣ послѣдовавшая перемѣна не даетъ, однакоже, права распоряженіе сіе относить на счетъ Паскевича.

Потомъ распустили молву о недостаткахъ въ продовольствіи и что нѣтъ къ войнѣ никакихъ пріуготовленій. Еще въ бытность Дибича, согнали въ Тифлисъ купленныхъ мною быковъ для провіантскихъ транспортовъ, не было даже признака подножнаго корма и между ими открылся падежъ. Вотъ плоды неумѣстной скорости, и со всѣмъ тѣмъ великій вождь Паскевичъ, по изгнаніи моемъ, не прежде умѣлъ выдти изъ Тифлиса, какъ почти чрезъ полтора мѣсяца, не взирая на всѣ пособія Дибича съ его могущественною и всеразрѣшающею властію. Отъ чего же во мнѣ только найдена была медленность и недѣятельность и десятилѣтняя моя опытность почтена ни во что? Дибичъ долженъ былъ лучше употреблять довѣренность Государя!

Больно, достигнувши званія моего, службою довольно продолжительною и довольно усердною, быть неизвѣстнымъ до той степени, что принимались противъ меня самые гнусные доносы, по которымъ производились самыя низкія розысканія. Выслушивались съ довѣренностію презрительнѣйшіе мерзавцы и никого не спрашивали изъ людей порядочныхъ. Таково было поведеніе п..... и злобнаго Паскевича, который говорилъ, что онъ непримиримый врагъ мой за то, что я отнялъ у него славу покорить Тавризъ, послѣ одержанной имъ побѣды, и такъ поступалъ графъ Дибичъ! Словомъ, для истребленія моего, нельзя было избрать лучшихъ орудій.

Бенкендорфъ, не взирая на ограниченныя способности свои, игралъ

также не маловажную роль. Паскевичъ, многія ябеды свои передавалъ чрезъ него, могущественному его брату, дабы придать имъ болѣе вѣроятія и быть самому въ сторонѣ. Нашъ Бенкендорфъ всему вѣрилъ и все казалось ему возможнымъ, а дабы удерживать его въ благородномъ расположеніи вредить мнѣ, отъ Паскевича приставлены были къ нему генералъ-лейтенантъ Красовскій, у котораго въ понятіи всѣ средства позволительны, и походный атаманъ Василій Дмитріевичъ Иловайскій, котораго Бенкендорфъ радъ былъ найти глупѣе себя, а потому думалъ, что онъ ничего не скажетъ изъ хитрости. Вотъ шайка, составившаяся противъ меня, въ которой Паскевичъ былъ главою. Онъ пріуготовлялъ себѣ мое мѣсто, но тѣ и со мною ничего бы не потеряли, Бенкендорфу братъ все доставитъ и безъ заслугъ. Красовскому доставитъ Дибичъ, имѣющій о немъ высокое весьма понятіе и не безъ удовольствія выслушивающій низкую его лесть. Онъ разъ сказалъ ему: «Васъ судьба привела въ Грузію для ея спасенія, немного послѣ, было бы уже поздно!» Паскевичу въ его очередь также расточали лесть, за обѣдомъ пивши его здоровье генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ сказалъ ему, что онъ отецъ избавитель Грузіи. Жаль, что не истолковалъ, отъ меня-ли избавилъ ее или отъ непріятеля, и Паскевичъ не нашелъ комплимента лишнимъ!

Множество есть пресмѣшныхъ вещей, о которыхъ перескажу увидѣвшись. Покажи письмо сіе Кикину и брату Василью, которые ничего обо мнѣ не знаютъ и можетъ быть упрекаютъ мнѣ, что ихъ не извѣщаю.

Я здоровъ, живу въ деревнѣ съ моимъ старикомъ, весьма уже слабымъ. Занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ небольшой моей библіотеки. Въ городѣ былъ два раза, но ни съ кѣмъ не видался. Приступаю къ построенію великолѣпнаго каменнаго дома, имѣющаго въ фасадѣ до шести саженей и въ два этажа. Тутъ будутъ у меня три комнаты для жилья и двѣ довольно большія для книгъ. Я, благодаря Бога, нахожу средства быть довольнымъ моимъ положеніемъ, сколько то можно! Понемногу взростаютъ мои рыцари и, кажется, не глупы будутъ. Не забудь о старшемъ и благодѣтельствуй всѣмъ!

Скажи мое совершеннѣйшее почтеніе милостивой государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ.

Прощай, продолжи мнѣ расположеніе свое, всегда для меня лестное.

230.

« » октября 1827 г. Орелъ.

Получилъ письмо твое, за которое душевно благодарю. Знаю изъ него, что ты долженъ уже быть въ Петербургѣ и уже о пріѣздѣ твоемъ подтвердила сестра моя, недавно сюда пріѣхавшая. Ты получишь письмо, въ которомъ подробно объяснилъ я тебѣ все происшедшее со мною. Судить можешь какъ со мною поступлено, и что если бы я былъ чистъ, какъ Христосъ, я все былъ бы брошенъ, ибо говорятъ, что прежде отъѣзда своего изъ Петербурга Дибичъ не скрывалъ, что я смѣненъ буду и Паскевичъ, которому онъ доброжелательствуетъ, пріѣхалъ съ полною увѣренностію, что займетъ мое мѣсто. Слѣдовательно, все было улажено прежде и мнѣ избѣжать было невозможно. Жалѣю, что не могу долго имѣть отвѣта твоего на мое письмо, мнѣ полезно было бы твое разсужденіе и замѣчанія, съ ними во многомъ бы я сообразоваться желалъ.

Какъ великодушенъ графъ Дибичъ, заботясь доставить мнѣ 5,000 рублей серебромъ. Это плутни, которыми хотѣлъ онъ закрыть поступки свои противъ меня. Можетъ быть имѣлъ даже мысль, что можно платить мнѣ деньгами за оскорбленіе!

Мнѣ жаль, что Государь обманутъ на счетъ мой до такой степени и что хуже, что перемѣна моя доселѣ не принесла никакой пользы. Меня упрекали медленностію, но теперь въ чемъ же видна особенная быстрота? Она, кажется, не соотвѣтствуетъ той нетерпѣливости, съ какою отъ меня требуемо было. Слышно даже, что дѣла въ Персіи не совсѣмъ идутъ хорошо. Самыя реляціи, по которымъ зная землю, могу я судить, обнаруживаютъ ходъ дѣлъ и, кажется, неудачи. Персіяне никогда не были столько дерзкими, и во всякое другое время произошли-бы уже между ними несогласія и измѣны. Я начинаю подозрѣвать, что они познали Паскевича, и что войска, еще съ нимъ не познакомившіяся, не имѣютъ всей довѣренности къ его распоряженіямъ.

Надобенъ тамъ будетъ геній Дибича, который мечтаетъ, что отъ одного взгляда его все пойдетъ хорошо. Посмотрю я, однакоже, какъ они заставятъ персіянъ заплатить издержки войны, особливо если между тѣмъ послѣдуетъ разрывъ съ турками. Тогда не Паскевичевой головѣ управлять дѣлами тамошняго края. Дибичъ не промѣняетъ своего мѣста на его.

Слышно, что Паскевичъ пустился на Тавризъ. Его онъ займетъ

безъ труда, ибо, конечно, персіяне не станутъ защищать города и онъ въ немъ кромѣ однихъ бѣдныхъ жителей никого не найдетъ. Распишетъ пышную реляцію, которая насъ можетъ утѣшить и долженъ будетъ скоро оставить городъ, ибо персіяне могутъ дѣйствовать въ силахъ на его коммуникаціи и не пропускать продовольствія. Я увѣренъ, что они это сдѣлаютъ! Странно, что о взятіи Эривани ничего не слышно, кажется Сипягинъ давно уже доставилъ туда осадную артиллерію.

Забылъ тебѣ сказать, что Красовскій, которому ты всегда благопріятствовалъ, есть величайшій ..... Ты не можешь представить, что онъ дѣлалъ въ угожденіе Паскевичу и Бенкендорфу! Какую гнусную лесть онъ расточалъ предъ Дибичемъ и какъ старался мнѣ вредить.

Благодарю тебя, почтеннѣйшій другъ, за сына моего и за постоянное намѣреніе благотворить ему. Онъ возрастаетъ и уже время начинать учить его, а у меня, какъ ты знаешь, средствъ немного и еще менѣе они будутъ, когда возьму я отставку, ибо вѣроятно мнѣ ничего не дадутъ. Просьбу объ отставкѣ я намѣренъ чрезъ мѣсяцъ отправить.

Скажи мнѣ, кому поручишь ты принять моего сына, и если не привезу я его съ собою зимою въ Москву, то весною отправлю непремѣнно. Поручи его въ хорошія и строгія руки. Ему надобно ко всему привыкать, ибо по рожденію не имѣя ни на что правъ, онъ долженъ будетъ доставать все способностями своими и трудами.

Будь благодѣтелемъ его и дай ему тщательное воспитаніе. Надѣюсь, что за него ты краснѣть не будешь!

Ты, котораго никакія обстоятельства не измѣняютъ противъ меня, выполни, прошу тебя, мою о сынѣ просьбу. Гдѣ хочешь помѣсти его, въ Петербургѣ или Москвѣ, мнѣ все равно. Я могу не видать его, но лишь бы только учился хорошо, лишь бы не избаловался! Послѣ сего я буду покоенъ и ничего не пожелаю. Я привыкаю къ новой жизни моей, съ нетерпѣніемъ ожидаю *фрака*, знаменія свободы и совершенно простился со всѣми мечтами и тщеславіемъ.

Желаю тебѣ, любезный другъ, здравія и благополучія.

(Приписка). Я слышалъ, что Каліостро (кн. А. С. Меншиковъ) на счетъ мой выпускаетъ разныя шуточки, которыя дѣлаютъ мнѣ вредъ. Не пользуясь средствами общими, онъ, какъ умный человѣкъ, могъ бы изобрѣсти свое собственное, и я потому только жалѣю о семъ, если правда. Не взирая на то, однакоже, скажи ему отъ меня, что онъ также имѣетъ непріятелей, между коими Паскевичъ и за-Аракскій Бенкендорфъ, которые, соединясь вмѣстѣ, не будутъ дѣлать ему добра.

Дибичъ освѣдомлялся о всемъ случившемся съ нимъ въ Персіи и, какъ кажется, не имѣетъ къ нему большой нѣжности, но умѣетъ то скрывать и мнѣ говорилъ даже величайшія о немъ похвалы. Тѣже два мудреца совсѣмъ и не скрываютъ неудовольствія.

231.

19-го декабря 1827 г. Орелъ.

Давно не писалъ я тебѣ, не имѣя вѣрнаго случая и потому не благодарилъ за предложеніе имѣть мѣсто въ московскомъ твоемъ домѣ. Г. Коризна, по приказанію твоему, тотчасъ отозвался ко мнѣ съ предложеніемъ. Весьма чувствительно принимаю я вниманіе твое, но кажется мнѣ, что въ моихъ обстоятельствахъ не долженъ я воспользоваться твоимъ позволеніемъ. Я буду въ Москвѣ на короткое весьма время и остановлюсь у брата моего двоюроднаго, Ермолова, котораго ты знаешь, гдѣ намѣренъ я прожить сколько возможно неизвѣстнымъ. Живши особенно я не могъ бы не принимать нѣкоторыхъ знакомыхъ, но я и этого не хочу.

Итакъ, почтеннѣйшій другъ, я въ отставкѣ и уже не долженъ возбуждать злобу моихъ непріятелей. Можетъ быть теперь не станутъ язвить меня клеветою, ибо не будетъ завидующихъ нѣкогда моему счастію.

Ты спрашиваешь о состояніи отца моего и въ какомъ онъ положеніи. Я хорошо его не знаю, но кажется могу видѣть безъ ошибки, что доходы съ имѣнія могутъ простираться до 12,000 или 13,000 рублей въ годъ, но и то, чтобы годъ былъ хорошій, а не такой скудный урожай, какой мы въ нынѣшнемъ имѣли. Есть казенный долгъ и хозяйство въ величайшемъ разстройствѣ, на возстановленіе котораго надобно употребить деньги. Словомъ, состояніе, при коемъ иначе какъ бѣдно жить невозможно, особливо когда имѣю я намѣреніе удѣлить сестрѣ половину, когда отецъ мой предоставитъ мнѣ управленіе имѣніемъ, котораго, впрочемъ, я теперь не имѣю. Старость отца, препятствовавшая заниматься хозяйствомъ, довела оное до совершеннаго безпорядка. Нѣтъ въ деревнѣ дома, хотя бы изъ четырехъ комнатъ удобныхъ, нѣтъ сарая, амбара, скотнаго двора, словомъ ничего! Есть много лишнихъ лошадей, на которыхъ уже съ октября покупаю я сѣно.

Вотъ истинная картина моего состоянія, которое улучшить я способовъ не имѣю. Не знаю, въ чемъ состоитъ предоставленное мнѣ при

отставкѣ жалованье, но если обыкновенное окладное, то можешь представить себѣ, что я не весьма разбогатѣю. Впрочемъ, я не смѣю ожидать большаго. Если же бы сверхъ чаянія дали мнѣ болѣе, то я нахожу выгоду не взять на себя хлопотъ управлять ничтожнымъ имѣніемъ, а буду жить пенсіономъ. Безпокоютъ меня дѣти, но неужели не будетъ великодушныхъ людей, которые бы у меня ихъ взяли и дали имъ воспитаніе?

Я въ семъ случаѣ надѣюсь и на брата Михаила (графа Воронцова). Онъ пишетъ мнѣ о дачѣ въ Крыму и я намѣренъ воспользоваться его предложеніемъ. Мнѣ приличествуетъ пребываніе уединенное или по крайней мѣрѣ на время полезно туда удаляться по сдѣланной привычкѣ къ теплому климату.

Прошеніе мое объ отставкѣ посылалъ я къ Дибичу, который всегда желая мнѣ добра, и въ семъ случаѣ по разсчету моему доставилъ мнѣ отставку менѣе нежели въ двое сутокъ по полученіи просьбы. Все зло, которое я потерпѣлъ, конечно имъ сдѣлано. Ни во что поставлена довольно изрядная моя служба и еще оклеветанъ я самымъ гнуснѣйшимъ образомъ. Неужели могущество его будетъ вѣчнымъ? Есть правосудіе Божіе!

Ничего не пишешь ты, почтеннѣйшій другъ, о моемъ сынѣ; куда ты его намѣренъ отдать учиться и что ты придумалъ? Ему только семь лѣтъ, слѣдовательно, ему нужны начала и внимательное наблюденіе за нравственностію. Ты знаешь, что ..... однѣ способности должны дать ему дорогу, слѣдовательно, надобно учить хорошо.

Сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ по сему предмету. Признаюсь тебѣ, что я почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы не было у меня дѣтей. Преслѣдуетъ меня судьба!

Хотѣлось бы мнѣ современемъ и не весьма отлагая, побывать въ Петербургѣ. Что ты о семъ скажешь, чистосердечно?

Прощай, любезный другъ, скажи мое совершеннѣйшее почтеніе милостивой государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ. Продолжи мнѣ прежнее твое расположеніе, которое не должно перемѣнить теперешнее мое положеніе. Не хочу думать, чтобы ты повѣрилъ гнуснымъ клеветамъ на меня вымышленнымъ. Прощай, будь благополученъ.

232.

10 марта 1828 г. Москва.

Видѣвши Казначеева я былъ радъ узнать, что ты здоровъ и благополученъ, чего желаютъ тебѣ всѣ почитающіе тебя.

Скажу о себѣ:

Передъ самою масляницею пріѣхалъ я сюда и началъ съ того, что заплатилъ дань лютой зимѣ простудою, отъ чего и теперь лѣчусь.

Одичавъ въ отдаленной странѣ и давно ничего не видавши, я былъ въ благородномъ собраніи. Я удивляюсь множеству людей, убранству и щегольству красавицъ, хотя, по увѣренію здѣшнихъ, собранія совсѣмъ не похожи на прежнія. У всѣхъ однѣ причины: что мало денегъ, худы урожаи, низки цѣны на хлѣбъ и прочее.

Я вытвердилъ это какъ деревенскій житель безъ всякой, впрочемъ, нужды, ибо щедрая награда Государя поставила меня выше всѣхъ недостатковъ и, по образу моей жизни, я могу справедливо себя назвать весьма богатымъ человѣкомъ. Не только могу я жить, ни въ чемъ не нуждаясь, но есть средства даже тщательно воспитывать моихъ дѣтей. Это по истинѣ благодѣяніе и ты можешь судить, какъ я благодаренъ.

Не понимаю, какъ это сдѣлалось и не перестану признавать, что я не могъ имѣть на то права.

Награду въ половину я бы почелъ бы величайшею милостію! Меня сіе сдѣлало весьма интереснымъ въ глазахъ здѣшнихъ жителей и на меня смотрѣли съ немалымъ любопытствомъ.

Я почти нигдѣ не бываю, кромѣ моихъ родныхъ, которыхъ собралось довольно много и съ которыми, можно сказать, я начинаю знакомство, ибо прежде видалъ ихъ рѣдко, будучи отвлекаемъ службою. Бесѣду нашу оживляетъ Денисъ (Давыдовъ), который, однако же, часто бываетъ болѣнъ и уже не такъ веселъ, какъ прежде. Съ прежними знакомыми, вообще, встрѣчаюсь рѣдко и съ такою осторожностію, которою ты былъ бы доволенъ. Словомъ, на меня можно изобрѣсти клевету, но, по справедливости, нельзя мнѣ вредить.

Москва, подобно прежнему, изобилуетъ новостями и, кажется, сама ихъ сочиняетъ. Здѣсь прервали мирные переговоры съ Персіей, и Паскевича, утомленнаго уже побѣдами, ведутъ къ новымъ завоеваніямъ. Ему не даютъ ни гроша денегъ вмѣсто милліоновъ, которыхъ ожидалъ. Будто Аббасъ-Мирза трактовалъ о мирѣ, не имѣя на то полно-

мочія шаха, а сей намѣревается продолжать войну. Словомъ, разсказываютъ неимовѣрные вздоры и какъ будто персіяне могли обмануть Паскевича! Нелѣпости!

Мнѣ кажется, что нѣкоторое замедленіе въ извѣстіяхъ есть лучшее доказательство, что будетъ миръ, ибо вѣроятно, судя по времени, во всѣхъ главныхъ статьяхъ успѣли согласиться, но Паскевичъ ожидаетъ прибытія денегъ для окончательнаго утвержденія и сія предосторожность не лишняя съ коварными персіянами. Предусмотрительность сія дѣлаетъ ему много чести.

Москва не такъ озлоблена противъ турокъ.

Я люблю, что здѣсь не только войны объявляются, но иногда даже и начальники назначаются. Между прочимъ и для графа Витта была составлена какая-то резервная армія въ 90 т. человѣкъ.

Разсуждать не мое дѣло, но забавляюсь, слушая разные вздоры, справедливымъ признаю одно только могущество графа Дибича! По опыту!

Въ началѣ марта, какъ помѣщикъ, по послѣднему пути, отправляюсь въ деревню, гдѣ займусь построеніемъ себѣ хижины, ибо нѣтъ пристанища. Городъ украшаю великолѣпнымъ зданіемъ въ два этажа, которое на шести саженяхъ въ фасадѣ представляетъ мнѣ весьма роскошное помѣщеніе даже вмѣстѣ съ моими книгами, которыя теперь въ состояніи умножать полезнѣйшими. Маленькіе мои подростаютъ и, кажется, не будутъ дураками. Словомъ, мое положеніе, по милости Божіей, не могу иначе признавать, какъ весьма счастливымъ.

Скажи мое совершенное почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ.

Продолжи мнѣ безцѣнную дружбу твою и покажи рѣдкій примѣръ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, что могутъ не перемѣниться люди.

IV. Письма графа Ѳедора Васильевича Растопчина къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1824 гг.

233.

1812 г. безъ мѣсяца и числа.

Благодарю васъ за дурное извѣстіе. Если армія пойдетъ назадъ, то я сожгу и село и домъ мой здѣсь. Пусть то мѣсто, гдѣ я счастливо жилъ восемь лѣтъ, не достанется злодѣямъ на ругательство и не осквернится ихъ пребываніемъ. Прощайте.

234.

21 ноября 1812 г. Москва.

Пріятно для меня было, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, получить письмо ваше, но еще пріятнѣе будетъ, когда вы мнѣ напишите, что вы генералъ-маіоръ и ѣдете къ Сабанѣеву. Я сужу потому, что знаю на опытѣ: въ войнѣ и вездѣ единодушіе производятъ успѣхъ. Довольно и вашей похвалы, чтобы я взялъ въ адъютанты г. Кромина, а къ тому и Михайло Богдановичъ (Барклай-де-Толли) имѣетъ право отъ меня требовать слабыхъ заслугъ, одолжая человѣкомъ опытнымъ и съ достоинствами. Вы себѣ представить можете, сколько мнѣ дѣла и какъ теперешнее мое положеніе еще заботливѣй и труднѣй лѣтняго. Тогда все было въ чаду, жару и бреду, а теперь, въ естественномъ положеніи, все на погахъ. Но здѣсь многіе могутъ умереть съ голоду и холоду и все у меня на рукахъ. Жаль мнѣ, что графъ Воронцовъ не генералъ-лейтенантскаго покроя, что можетъ быть современемъ и фельдмаршаломъ. Пожалуйста отпишите, что подѣлывается, я болтанію Куту-

зова не болѣе вѣрю, какъ тысячи одной ночи, а онъ и днемъ спитъ. Сынъ въ Твери, очень горячится и хочетъ на войну, а я сомнѣваюсь, чтобы на тотъ годъ была кампанія. Прощайте. Прилагаю письмо и прошу доставить къ Михайлѣ Богдановичу. Будьте здоровы, сего желаетъ вамъ истинно почитающій и проч.

P. S. Небольсинъ съ ополченіемъ идетъ въ Глуховъ; пора бы это ополченіе отпустить по домамъ.

235.

16 января 1813 г. Москва.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, чувствительную и отцовскую благодарность за участіе, пріемлемое вами въ графѣ Сергѣѣ Ѳедоровичѣ (Растопчинѣ). Я совершенно вашего мнѣнія и это было мое желаніе, чтобы онъ былъ адъютантомъ у Михаила Богдановича (Барклая-де-Толли). Если вы поѣдете черезъ Москву, какъ пишетъ сынъ, то я надѣюсь, что вы избавите полицію отъ труда отводить вамъ постой, въѣхавъ прямо ко мнѣ на дворъ и принявъ по-русски нашу хлѣбъ соль. Кроминъ ѣдетъ также въ армію; я похваляю его намѣреніе и приверженность къ прежнему начальнику. Мнѣ кажется, что вы нынѣшнее лѣто будете гулять по сѣверной Германіи, развѣ Гданскъ осаждать станете. Вы себѣ представить не можете, какое дурное дѣйствіе произвели въ народѣ 40 пудовъ серебра, отосланнаго Кутузовымъ въ Казанскій соборъ. Онъ же самъ говоритъ, что оно съ образовъ; за что грабить еще Москву. Хорошъ и кумъ Матвѣй (Платовъ). Не знаю, какъ устроится начальство. Михаилъ Богдановичъ не охотно, я думаю, пойдетъ служить подъ команду этой старой придворной собаки. Я не очень здоровъ и отъ прошедшаго и отъ настоящаго. Впрочемъ, воля Божія! Прощайте. Забылъ вамъ сказать, зная, сколь вы любите друзей, что Н. А. Небольсинъ прошелъ Тулу съ своимъ полкомъ и идетъ въ Малороссію.

236.

17 марта 1813 г. Москва.

..... Я ѣздилъ объѣзжать четыре уѣзда и былъ на Бородинскихъ поляхъ. Тамъ все истреблено и, страшно сказать, труповъ людскихъ

прежнихъ впечатлѣній и отъ разглашеній сиротъ Смоленскаго. Пожалѣйте объ Авдотьѣ Селивестровнѣ: у нея сгорѣлъ самый большой ея заводъ и убытку много очень; но теперь вѣкъ страданій. Кажется, что и Бонапарте довольно сдѣлалъ, но есть прибавленія. Прощайте, я страдаю почти всякій день головою и въ ней сидитъ и дѣйствуетъ 1812 годъ. Богъ съ вами.

239.

3-го іюля 1813 г. Москва.

Два письма ко мнѣ и одно къ Булгакову хотя и успокоили меня на счетъ жизни сына, но приводятъ въ безпокойство о здоровьи. Я съ удовольствіемъ читалъ въ приказахъ, что адъютанты Михаила Богдановича произведены за отличіе ..... Возьмите на себя трудъ поблагодарить почтеннаго генерала Сабанѣева о попеченіи его о сынѣ. Если за то, что я не зная его лично давно почитаю какъ русскій русскаго, честный честнаго, то я совершенно имѣю право на его дружбу и прошу его съ перваго раза отпустить и довѣренность и любовь. Очень обрадовался, узнавъ, что онъ занимаетъ важнѣйшее въ арміи мѣсто. Дай Богъ, чтобы у насъ умолкъ ропотъ глупыхъ и вранье недовольныхъ, а въ послѣднія войны, особливо Кутузовъ, ввели Цесарское маранье бумагъ и самохвальство. Мнѣ казалось, читая реляціи Чернышова и компаніи, что они поютъ:

Самъ себѣ дивуюся
Съ пробщемъ *) цѣлуюся.

Здѣсь много слуховъ и разглашеній, но очень всѣ боятся мира. Такъ какъ я ни одной минуты не надѣялся ни на цесарцевъ, ни на шведовъ, то и не очень огорченъ событіемъ происшествій, гдѣ они могли играть блистательную роль. Я все держусь того мнѣнія: выгони французовъ изъ Россіи, истреби внутри грабежи, стань на своей границѣ и спи спокойно.

Не можно-ли сыну влѣпить что нибудь прусское, и кажется Merite прусскій нерѣдокъ. Поздравьте отъ меня Кромина съ чиномъ. Я видѣлъ здѣсь его брата. Прощайте, пожалѣйте объ Авдовьѣ Селиверстовнѣ, у нея сгорѣлъ въ Тамбовской деревнѣ заводъ и убытки на 50,000 руб. Васъ истинно почитающій и проч.

*) Это слово написано неразборчиво.

240.

13-го іюня 1813 г. Москва *).

. . . . . Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстія по окончаніи послѣдняго перемирія, и можетъ быть вчера вы уже дрались. Не жаль крови, если она купитъ славный миръ; но тяжело, если пролита будетъ какъ въ Бородинѣ. Я послалъ, между прочимъ, представленіе, чтобы изъ суммъ, кои я успѣлъ спасти отъ общаго грабежа въ теченіе зимы, мнѣ позволено было на томъ мѣстѣ, гдѣ была батарея у дороги на центрѣ позиціи, построить церковь, гдѣ бы цѣлый годъ служили панихиды по убіеннымъ 24-го и 26-го чиселъ.

Мнѣ жаль, если сыну не дадутъ чина какъ Кромину; я думаю, что и онъ свое дѣло также дѣлалъ. Прошу васъ г. Сабанѣеву отъ меня сказать, что я ему вѣчно обязанъ за участіе въ сынѣ, и если останусь долго живъ, то найду вѣрно случай доказать ему, что я болѣе дѣлаю, чѣмъ говорю.

Москва строится и одумавшись очень изволитъ гнѣваться на безсмертнаго воеводу Михаила (Кутузова).

241.

31-го января 1814 г. Москва.

Письмо ваше, почтенный Арсеній Андреевичъ, отъ 23-го декаб[illegible]я, изъ Фрейбурга, я получилъ и очень благодарю васъ за всѣ хоро[illegible]ія извѣстія. По моему мнѣнію, къ марту все должно кончиться или н[illegible]изложеніемъ тирана рода человѣческаго или гнуснымъ для него миро[illegible]мъ. Тутъ много вѣроятно будетъ политическихъ препонъ; но это все е[illegible]сть дѣло обрадовать того, кто умѣлъ въ 14 мѣсяцевъ истребить 700,0[illegible]00 непріятелей и попрать Наполеона. Не могу понять съ кѣмъ онъ буде[illegible]сть сопротивляться и людей собрать трудно. Но выучить канонеръ и ка[illegible]ва-леристовъ невозможно. Это будетъ парижская Маркова сила, котор[illegible]ую я къ вамъ отправилъ въ Бородино. Желательно получить скорѣе [illegible]из-вѣстіе, что армія Наполеонова разбита и что его нѣтъ въ живыхъ. Не знаю, почему мнѣ часто приходитъ въ голову, что злодѣй кончитъ ка[illegible]къ Пугачевъ и будетъ выданъ своими. Тутъ онъ получитъ въ награ[illegible]ду

*) Пропуски въ письмахъ Растопчина относятся до семейныхъ дѣлъ, не им[illegible]ющихъ значенія.

сходство судьбы съ бородатымъ самозванцемъ. Русскій погибнулъ отъ того, что не шелъ въ Москву, а французскій, что зашелъ въ Москву.

Мнѣ очень жаль, что Ефимъ у сына умеръ; онъ былъ добрый, усердный и вѣрный слуга. Я посылаю сыну 150 червонцевъ съ Вольфомъ. Здоровье мое тихо поправляется, потому что крѣпко разстроено было и я очень жду лѣта, чтобы въ случаѣ нужды съѣздить къ липецкимъ водамъ.

Москва завеселилась отъ баловъ, театровъ, маскарадовъ. Этотъ городъ никто разорить не можетъ; вы молоды и увидите черезъ пять лѣтъ что здѣсь выростетъ. Я прилагаю здѣсь записку о Носовѣ, коего я представлялъ и представляю еще къ себѣ въ адъютанты, а Обрѣзковъ мой въ подагрѣ и въ брачномъ союзѣ. Чуйкевичъ на возвратномъ пути былъ у меня. Хорошо слѣдствіе о госпиталяхъ! Тысячи съ голоду поморили. Я кидаюсь какъ собака, то на коммисаріатскихъ, то на провіантскихъ, штукъ съ десять засудилъ по одному пункту—по воровству. За одного вступясь мнѣ писали слѣдующее въ облегченіе его судьбы: «*онъ несчастливъ уже тѣмъ, что отецъ ему подалъ дурной примѣръ и послѣдовалъ общей наклонности нашего вѣка*».

Прощайте, обнимаю васъ русскимъ сердцемъ. Письмо къ счастливому отцу вашему навѣрно доставлено. Богъ съ вами; когда онъ насъ сведетъ поговорить и побесѣдовать.

Вольфъ вручитъ вамъ 100 червонныхъ, для врученія сыну, когда востребуется нужда.

242.

28-го апрѣля 1814 г. Москва.

Я знаю, что вы въ Парижъ въѣзжали здоровый и очень сему радъ. Наконецъ злодѣйство кончилось въ гнусномъ твореніи Бонапарта, а французское возмущеніе — возвращеніемъ законныхъ государей! Дай Богъ, чтобъ нашъ, облагодѣтельствовавшій Европу и цѣлый свѣтъ, поскорѣе возвратился на Русь и прекратилъ не ночной, а дневной разбой. Нынѣ, тотъ кто не крадетъ, почитается дуракомъ. Мы крѣпко праздновали занятіе Парижа и для васъ прилагаю при семъ описаніе. Не забыты и раненые воины и еще скоро доставлю для нихъ кой-что. Мнѣ сказывали, что по входѣ во Францію, вы обыкновенно бывали при Михаилѣ Богдановичѣ (Барклай-де-Толли). Я и за него радъ, а больше признаюсь тому, что мой сынъ имѣлъ случай быть у васъ на глазахъ.

Я посылалъ курьеровъ по тремъ дорогамъ съ извѣстіемъ о занятіи Парижа; одинъ возвратился, ѣздившій въ Тулу, въ Орелъ и въ Курскъ. Судите какъ обрадовались, что онъ привезъ 3,600 рублей деньгами и четыре золотыя табакерки. Здоровье мое немного поправилось и я переѣзжаю скоро на дачу и просился у Государя на два мѣсяца въ Липецкъ. Если же къ зимѣ не выздоровлю, то принужденъ буду ѣхать въ чужіе края, а Москва по многимъ причинамъ мнѣ огадилась. Здѣсь страсть безпрестанно все ругать.

Авдотья Селиверстовна въ подмосковной и сокрушается то о братѣ, то о племянникѣ. Прощайте, я радъ, что Михаилъ Богдановичъ фельдмаршалъ. Государь съ процентами ему выплатилъ старый долгъ. Обнимаю васъ отъ души и здѣсь и вездѣ вашъ преданный.

P. S. Я получаю въ сію минуту письмо ваше отъ 23-го марта. Поздравляю отъ души съ Анненскою лентою, а еще больше радъ за вашего батюшку, что онъ такого имѣетъ достойнаго сына. Прощайте; письмо ваше въ Зубцовъ доставлено будетъ исправно.

243.

29 декабря 1816 г. Парижъ.

Пользуясь отъѣздомъ курьера графа Воронцова отправляю сіе письмо и намѣренъ вамъ нѣчто сказать о семъ вавилонскомъ сто[творе]ніи. Я здѣсь полтора мѣсяца и намѣренъ еще пробыть до апр[ѣля]. Мнѣ нуженъ покой и хотя нервическія болѣзни и унялись, но вмѣ[сто] того геморрой мучаетъ очень часто, не смотря на единообразную жиз[нь], ѣду и занятія. Здѣсь все волнуется, все кружится, все поетъ и [все] боится. Французъ отмѣнно учтивъ и скроменъ, но французы вздор[ны] и дерзки, до сихъ поръ непобѣдимы и новыя есть утѣшительныя до-казательства. Въ 1812 году холодъ помѣшалъ окончить завоева[ніе] Россіи; въ 1813 году отверженіе саксонцевъ подъ Лейпцигомъ зас[та]вило отступить; въ 1814 году союзники были въ Парижѣ по причи[нѣ] измѣны фельдмаршаловъ, а въ 1815 году опять пришли въ Пари[жъ] оттого, что Бонапарте потерялъ голову.

Я очень здѣсь хорошо принятъ и извѣстенъ на улицахъ, ка[къ] адмиралтейскій шпицъ въ Петербургѣ. Всякій день съ Воронцовымъ[ъ] изъ русскихъ часто вижу Орлова, Стренкевича (Старынкевича?) и Св[ѣ]чину. Не могу привыкнуть къ часу обѣда и ѣмъ дома въ четы[ре] часа. Я надѣюсь, что сынъ къ апрѣлю получитъ свой отпускъ къ

водамъ и пріѣдетъ къ іюню ко мнѣ; а въ концѣ лѣта надѣюсь соединиться и со всею своею семьею. Здѣсь мой пріятель Лисаневичъ. Вотъ французскія извѣстія. Пожалуйста одолжите меня присылкою календаря на 1817 годъ; безъ него я какъ Козодавлевъ безъ переднихъ, Пестель безъ Пукалова, а Пукаловъ безъ просителей. Прошу приложенные два пакета отослать къ Калинину и къ графу Головину. Съ Понкратьевымъ я еще къ вамъ писать буду, также и къ сыну, а теперь очень усталъ, дурно спалъ и по дворянскому расположенію надѣваю колпакъ, помолясь Богу и объ васъ, пойду спать. Это самое невинное занятіе, коимъ, я думаю, вы не по волѣ пользуетесь.

Прощайте. Арсеній Андреевичъ. Меня здѣсь всякое утро мучаютъ родные за мерзкихъ французовъ, коихъ отыскиваютъ мерзкіе стихотворцы и милыя... кои съ рекомендаціями являются на работу. Но у меня носъ малъ, самолюбіе много и силы не въ комплектѣ. Итакъ, я раздѣлываюсь любезностію и комплиментами, что нравится при входѣ и навлекаетъ при исходѣ на меня брань и проклятіе. Богъ съ вами. Вамъ преданный.

P. S. Горчаковъ вралъ здѣсь пять недѣль и поѣхалъ врать по разнымъ нѣмецкимъ дворамъ. При отъѣздѣ выпросилъ у короля аудіенцію, дабы спросить: «не изволите-ли чего приказать Государю». Жаль, что его выпустили за границу. Сказываютъ, что Витгенштейна онъ довелъ въ Лондонѣ до отчаянія, не давая ему сказать ни единаго слова и Цицеронъ военной коллегіи замазалъ ротъ спасителю Петрова града.

244.

1-го января 1817 г. Парижъ.

Новаго въ теченіе сутокъ нѣтъ, только то, что французы отъ мороза заплясали и дуютъ въ кулаки, что напоминаетъ мнѣ побѣдоносную ретираду Наполеона въ 1812 году и славный фланговый маршъ безсмертнаго князя Михайлы (Кутузова), иже въ Казанской.

О славномъ мужѣ семъ, нельзя сказать инова,
Слѣпое счастіе напало на кривова.

Прощайте. Прошу не оставить сына касательно его намѣренія проситься къ водамъ, чтобъ въ приказѣ не ввернули чего по милости друзей, коихъ въ землѣ и на землѣ у меня довольно.

страдальный Іовъ, а Михайло Кутузовъ отдыхаетъ въ Казанской на спинѣ, ползавъ весь вѣкъ на брюхѣ. Я ѣздилъ въ Мобежъ и тамъ познакомлся съ братомъ вашимъ.

Или я ничего не понимаю или Воронцова корпусъ весьма близокъ къ совершенству: порядокъ, присмотръ и строгость привели Воронцова въ любовь и въ почтеніе какъ у подчиненныхъ, такъ и у жителей. Авдотья Селиверстовна пропала; писала изъ Флоренціи, что ѣдетъ сюда уже тому два мѣсяца, но съ тѣхъ поръ и слуху о ней нѣтъ. Вотъ мои извѣстія. Прошу васъ приложенный при семъ пакетъ и ящичекъ отослать повѣрнѣе къ Адаму Фомичу Брокеру, который полиціймейстеромъ въ Петербургѣ. Затѣмъ пожелавъ вамъ здоровья и веселья пребуду съ искреннею дружбою вамъ преданный.

246.

12-го (24-го) сентября 1818 г. Парижъ.

Весьма для меня пріятно было, почтенный Арсеній Андреевичъ, письмо ваше исправно ко мнѣ доставленное. Поздравляю васъ отъ души съ рѣшительнымъ основаніемъ судьбы. Знаю очень тестя вашего, служа нѣкогда съ нимъ въ одномъ полку, а о невѣстѣ вашей чрезвычайно много наслышался отъ графини и дочерей, которыя ее поздравляютъ. Булгаковъ писалъ мнѣ изъ Петербурга, что вы вмѣстѣ ѣдете въ Москву, гдѣ исполнится бракъ вашъ. Возьмите его въ примѣръ и постарайтесь ежегодно отпускать для Россіи по маленькому Закревскому. Я сему въ противномъ смыслѣ столько же буду радоваться какъ бездѣтію Аракчеева, Козодавлева, Лобанова и прочимъ симъ подобнымъ. Дай Богъ, чтобы и впредь таковые великіе мужья остались съ холостымъ потомствомъ.

Я принужденъ еще зиму провести здѣсь. Геморрой столь сдѣлалъ меня чувствительнымъ къ движенію, что я съѣздивъ въ Мобежъ мѣсяца два страдалъ. Притомъ графъ Сергѣй Федоровичъ требуетъ большаго вниманія; теперь его лечитъ докторъ Галь, но припадки его хотя и слабѣе прежняго, но приходятъ такъ вдругъ, что нельзя подвергнуть его опасности дальняго пути, какъ я предполагалъ ѣхать въ Италію. Мы живемъ здѣсь спокойно; французы, не знаю за что, но меня любятъ (по своему) и называютъ просто губернаторомъ. Теперь уже собралось довольно русскихъ и все разнаго калибра, какъ-то: Чичаговъ, Лунинъ, Куракинъ, Пассекъ. Авдотья Селиверстовна опять пропала; ѣдетъ во второй разъ въ Парижъ и все не доѣзжаетъ, а мы ждемъ.

[illegible] и правительство испытан [illegible] Божіей, зная, что перемелится [illegible] въ Европѣ. Министры наши у чу [illegible] для насъ чужіе. Я отдалъ [illegible] превосходительству Поццо-ди-Борго. Н [illegible] государскія, а свои славно и н [illegible] дѣтей на выучку. Онъ такъ ловк [illegible] что ни кладя ни копѣйки сво [illegible] миллионовъ французскихъ. Корпус [illegible] долго о немъ помнить будутъ [illegible] что онъ много имѣетъ не- [illegible] человѣка и его образъ [illegible] человѣкомъ. Онъ намѣренъ [illegible] Рейнъ, потомъ учредя дѣла [illegible] къ отцу, коему 76 лѣтъ [illegible]. Вотъ вамъ часть ста- [illegible] и черезъ девять мѣ- [illegible] Живите спокойно, сомнѣ- [illegible] что я навсегда васъ люблю, по- [illegible].

[illegible]

[illegible] марта 1819 г. Парижъ.

[illegible] привыкли говорить, что привычка есть вто- [illegible] по наслышкѣ вѣрю и вамъ доказываю, что васъ [illegible] что у васъ ни минуты свободной нѣтъ, [illegible] письмами, увѣренъ бывъ, что они дой- [illegible].

[illegible] въ Парижѣ въ одно утро все пришл [illegible] головы на нѣсколько дней заразились лю [illegible] иные уничтожить, другіе удержать за [illegible] депутатовъ. Министерство глупое, вольнодум [illegible] негодныхъ ни на что Бурбоновъ. Корол [illegible] наперсникъ Его Величества план [illegible] графа Дартуа и его сыновей и, провоз [illegible] регентомъ Богарне. Не смотря на высоко [illegible] наблюденіе рыжаго генія Нессель

роде вліянія посторонняго нѣтъ, и Деказъ съ одной, а либеральные съ другой стороны идутъ быстрыми шагами къ разрушенію всего зданія союзныхъ царей, плодовъ конгрессовъ и тишины, водворенной трехлѣтнимъ пребываніемъ войскъ иностранныхъ во Франціи. Но пока что нибудь рѣшится жители сей вѣтреной столицы забавляются и надо всѣмъ смѣются, начиная съ Бога и кончая Поццомъ.

Вы получите извѣстіе о женитьбѣ гр. Воронцова; выборъ прекрасный. Дай ему Богъ счастія! Мнѣ жаль того, что тутъ много польскаго языка. Потоцкихъ кучи и нельзя откровеннѣй другъ друга ненавидѣть, какъ русскіе и поляки, съ тою разницею, что первые вторыхъ презираютъ, а вторые первыхъ боятся. Прощайте, почтенный Арсеній Андреевичъ. Меня пугаетъ ревматизмъ и сынъ больной, не получая облегченія отъ прежней болѣзни, очень худѣетъ и не въ состояніи предпринять путь. Все это не придаетъ духа радости, да правду сказать мало есть чему радоваться. Что-то будетъ на томъ свѣтѣ? а здѣсь я вамъ преданный.

248.

20-го іюля (1-го августа) 1820 г. Парижъ.

Давно я къ вамъ не писалъ не отъ лѣни или равнодушія, еще менѣе отъ забвенія, но единственно по той причинѣ, чтобы васъ не принудить отвѣчать, и не отнять у васъ четверть часа свободнаго отъ занятій время. При семъ препровождаю къ вамъ порученныя мнѣ для доставленія два письма: одно отъ фельдмаршала Віонденіля, другое отъ англійскаго капитана, который въ 1814 году былъ при Сеславинѣ и напоминаетъ о себѣ сему достойному русскому генералу, безъ дѣятельности котораго Бонапарте въ 1812 году пробрался бы безъ препятствія рубежомъ Калужской губерніи въ Вильну, не смотря на остальной слабый глазъ безсмертнаго и многорѣчиваго князя Кутузова.

Я совсѣмъ изготовился ѣхать въ Италію и провести зиму во Флоренціи, но послѣднія происшествія въ Неаполѣ принуждаютъ меня отдалить отъѣздъ отсюда и переселиться осенью въ Брюссель. Судьба Италіи зависитъ отъ поспѣшности двора вѣнскаго и вѣрности сардинской арміи. Сіи два послѣдніе бунта, въ Испаніи и въ Неаполѣ, должны заставить государей заняться будущимъ, ибо паденія правительствъ начинаютъ концомъ и производятся первою подпорою царской власти — вооруженною силою. Дѣло не въ томъ, чтобы заниматься погашеніемъ

сажи, коя выметается изъ трубы, но должно передѣлать печи и удалить нынѣшнихъ истопниковъ. Я держусь того мнѣнія, что если теперь не будутъ приняты сильныя мѣры, къ возстановленію прежняго порядка вещей, то черезъ двадцать лѣтъ большая часть европейскихъ державъ, пройдя сквозь ужасныя потрясенія, падетъ подъ иго самодержавнаго военнаго правленія и вотъ истинные плоды просвѣщенія, хода вѣка и направленія не умовъ, а мозговъ нынѣшняго поколѣнія..... *). Французы, изъ самолюбія, страха и корысти, поставляютъ ихъ блаженствомъ въ распространеніи безбожныхъ и мерзкихъ правилъ, коими они столь много зла навлекли на свое отечество. Но сего чувства любви къ отечеству, я не въ одномъ французѣ не открылъ, и они совсѣмъ силою не опасны, бывъ отдалены отъ единодушія, занятіемъ каждаго собою. ... **).

Здоровье мое разстроенное становится хуже прежняго и геморрой, который мучилъ меня пять лѣтъ закрывшись, теперь разслабѣваетъ потерею слишкомъ крови. Хотя мнѣ и 55 лѣтъ, но жилъ много и принимая слишкомъ все къ сердцу, скоро доѣхалъ до погоста.

Прощайте, я ѣздилъ на мѣсяцъ въ Лондонъ, для свиданія съ графомъ Воронцовымъ и нашелъ, что и тамъ болѣзнь сумасшествія заразила многихъ, не смотря на глубокій англійскій разсудокъ и тяжелый умъ. Будьте здоровы и спокойны. Первое главное, но второе почти невозможно и предоставляется четвероногимъ и двуногимъ скотамъ. Вамъ преданный.

249.

3-го января 1824 г. Москва.

Очень васъ благодарю, почтенный Арсеній Андреевичъ, за п[illegible]вѣщеніе объ отпускѣ меня на волю, а я строго буду наблюдать тре[illegible]у мое воинскимъ артикуломъ, т. е. буду брить бороду и ходить въ [illegible] мецкомъ платьѣ. Его сіятельство графъ Аракчеевъ изъ вниманія ко [illegible] или себѣ на потѣху, но не замедлилъ при письмѣ сообщить мнѣ с[illegible] сокъ съ указа въ Совѣтъ о моей отставкѣ.

Мнѣ очень хочется, чтобы вы не ѣздили въ Финляндію, а к[illegible] нибудь остались во градѣ Петра. Здѣсь погода такъ мѣняется, что [illegible] десно и мы сутокъ въ двое пробѣгаемъ градусовъ по 50, съ точки

*) Нѣсколько словъ не разобрано.

**) Далѣе нѣсколько строкъ, относящихся до семейныхъ дѣлъ.

28 и потомъ обратно на точку. Доктора и аптекари очень довольны симъ временемъ и имъ работы довольно. У меня больница не перестаетъ. Лиза еще не выѣзжаетъ, хотя ей и лучше, но въ маѣ она ѣдетъ съ матерью въ теплыя земли, а я намѣренъ побывать въ Крыму. Наталья Федоровна на пятый день отъѣзда мужа въ Одессу лишилась меньшаго сына, ребенка полутора года прекраснаго.

Хотя я въѣхалъ въ Москву и не въ понедѣльникъ, но несчастливо и всѣ неудовольствія въ три мѣсяца не прибавили любви моей къ сей огромной и пустой во всѣхъ отношеніяхъ столицѣ. Она весьма занята, ибо кромѣ вѣчныхъ ея правъ бранить начальниковъ и преосвященнаго, очень заботится возвращеніемъ князя Петра Михайловича (Волконскаго) и разбираетъ тарифъ. Я уже встрѣтился съ одной забытой смертію старухой, которая осудила Канкрина въ Сибирь за то, что цѣна прибавлена на мускатный орѣхъ, безъ коего она жить не можетъ. Должно сказать по истинѣ, что здѣсь народу много, а людей мало. Прощайте; поживайте, гдѣ судьба приведетъ, и сносите погоду, труды, скуку и родъ человѣческій, отъ коего и ему самому не есть спасенія. Вамъ преданный.

V. Письма графа (впослѣдствіи князя) Михаила Семеновича Воронцова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1825 г.г.

250.

19-го мая 1812 г. Луцкъ.

Мы перемѣняемъ квартиры, любезный Арсеній Андреевичъ, и при-
ближаемся къ вамъ, чему я очень радъ, ибо чѣмъ кучнѣе тѣмъ вѣри-
какъ они ни хитри, а надо дойти до штыковъ, тогда увидимъ. Бо-
только, что тамъ будетъ голодно. Ежели только простая будетъ стоян-
то жаль оставить Волынь, земля прекрасная.

Графъ Сенъ-При будетъ къ вамъ писать о Митюшѣ Нарышки-
Научите, Бога ради, какъ бы можно его причислить къ намъ, кажет-
что въ главной арміи штабъ, его требовать можно подъ какимъ нибу-
предлогомъ, а право надо бы его имѣть здѣсь, мальчикъ славный и
него будетъ путь.

Скажите, какъ вамъ не стыдно не давать намъ ни одного по-
дочнаго артиллерійскаго генерала. Вѣдь это не шутка, у васъ ихъ т-
Кутайсовъ, Яшвиль и Ермоловъ, вольно вамъ изъ послѣдняго (луч-
артиллерійскій офицеръ въ Россіи) сдѣлать пѣхотнаго гвардейскаго. — У
насъ по этой части все уроды: Аракчеевъ, Сиверсъ, а теперь слыш-
будетъ Левенштернъ, одинъ другаго хуже. Хоть бы Бастіани (?) *) и-
Молдавіи выписать, а этакъ у насъ по этой части въ день сраженія по-
детъ дурно. Вообще у насъ въ Россіи всегда жалуются, что нѣтъ люд-
а тѣхъ которые есть не употребляютъ. Скажите, не грѣшно ли В-
нова, Остермана не имѣть въ службѣ, когда предстоитъ война, отъ к-
зависитъ судьба наша. Теперь, напримѣръ, Ламберта у насъ взя-

*) Фамилія написана весьма неразборчиво.

можетъ быть онъ и случая не будетъ имѣть служить, какъ въ другомъ мѣстѣ, а онъ изъ первыхъ людей для кавалеріи, какихъ только желать можно.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта объ офицерахъ, которыхъ я просилъ въ полкъ. Это будетъ для меня большое благодѣяніе и я тогда буду совершенно спокоенъ на счетъ онаго.

Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ. Марковъ увѣрилъ было насъ, что миръ съ турками подписанъ, но мы начинаемъ сомнѣваться.

Податель сего письма, графъ Витъ, будетъ имѣть съ вами дѣло, и проситъ, чтобы я его съ вами познакомилъ. Онъ человѣкъ умный и съ большими свѣдѣніями, особливо обо всемъ, что у французовъ завелось и заводится.

251.

10-го іюля 1812 г. На маршѣ близъ Ст.-Быхова.

Благодарю васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше. Сенъ-При присылалъ мнѣ то, что вы къ нему писали и которое весьма для насъ было интересно. Позвольте мнѣ, только, вамъ сказать, что вы меня мало знаете, ежели думаете, что могу занимать то мѣсто въ 1-й арміи, про которое вы упоминали. Сверхъ того, что я никакъ бы не могъ взять на себя отвѣтственность столь важнаго мѣста, тутъ надо много такого чего у меня нѣтъ, да и сверхъ того надо умѣть жить при дворѣ, а вы знаете каковъ я придворный, одна безпрестанная форма убьетъ меня и здоровье у меня не такое чтобъ день и ночь быть на ногахъ. Во фронтѣ какъ бы форсировано не шли, а все есть время отдыховъ, а въ такомъ мѣстѣ по моему сужденію о покоѣ и думать нельзя. Благодарите Бога, что у васъ теперь Ермоловъ, нельзя было лучше выбрать по всѣмъ отношеніямъ, да сверхъ того и артиллерійскія его достоинства теперь пропадшими не будутъ, ибо въ день сраженія онъ уже разставитъ многочисленную нашу артиллерію совсѣмъ иначе, какъ обыкновенно у насъ водится.

Какой-то Мещерскій изъ Желтухина полка, подалъ прошеніе чрезъ графа Сенъ-При и говорятъ, что ко мнѣ въ полкъ. Бога ради, не дѣлайте сего, моимъ только что обида, а этотъ Мещерскій пьяница и негодяй. Сенъ-При не знаетъ куда онъ просился и не читалъ его прошенія. Сдѣлай милость, любезный Арсеній Андреевичъ, не принимайте никого ко

мнѣ безъ моего согласія. Вы мнѣ отказали тѣхъ, коихъ я просилъ, по крайней мѣрѣ, не давайте такихъ, которыхъ я и знать имя не хочу. Бога ради, прикажите въ канцеляріи записать имя капитана Громбау, чтобы тогда какъ произведутъ его въ маіоры, его бы не выписали въ другой полкъ, а оставили бы у меня. Онъ самый надежный офицеръ и 20 лѣтъ въ полку. Хотѣлось еще много о чемъ поговорить, но нельзя, надо идти, а мы маршируемъ форсировано.

Прощайте, любезный другъ.

252.

Любезный Арсеній Андреевичъ, скажите Бога ради, какъ у васъ дѣла идутъ. Надо держаться въ Смоленскѣ до послѣдняго, мы всѣ рады умереть здѣсь. Непріятель можетъ пропасть, истребляя лучшую свою п[illegible] хоту. Онъ отъ упрямства часто рисковалъ, но никогда столько какъ [illegible]е-годня, ибо уйти ему будетъ трудно.

Мы всѣ здѣсь готовы васъ подкрѣпить. Ради Бога, чтобъ ар[illegible]іи наши не расходились и составляли бы одну, какъ теперь. Я бы жела[illegible]лъ и еще ближе быть.

Бога ради, или атаковать его, или держаться въ городѣ. Напи[illegible]ши два слова. Преданный тебѣ М. Воронцовъ.

Пожалуйста покажи офицеру, гдѣ Вильсонъ.

253.

22-го сентября 1812 г. С. Андреевское.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, ежели, какъ ты мнѣ пишеш[illegible]шь, ты поѣдешь въ Петербургъ сдавать бумаги. Андреевское, будучи на [illegible] до-рогѣ, я надѣюсь, что мимо насъ не проѣдешь. Есть кое объ чемъ [illegible], и поговорить и потужить и порадоваться.

Государь непреклонно рѣшился никакъ о мирѣ не думать [illegible] и драться до послѣдняго, а лучше сего и не надобно. Все поправится [illegible]я и война должна кончиться въ нашу пользу.

Вы пишите, что даже казаковъ не посылаютъ въ задъ и флан[illegible]нги непріятеля, а здѣсь увѣряютъ насъ, что наши партіи безпрестан[illegible]нно бываютъ на Смоленской дорогѣ, что Дороховъ тамъ такъ и стоитъ [illegible] и что безпрестанно таскаютъ у непріятеля плѣнныхъ, обозы и пр. Н[illegible]да-

пишите, пожалуйста, о семъ и зачѣмъ цѣлая армія наша не переходитъ гораздо ближе къ Смоленской дорогѣ или совсѣмъ на оную, тогда французамъ никакъ уже въ Москвѣ остаться нельзя бы.

Ежели есть ко мнѣ письма, пожалуйста, отдайте подателю сего и также велите спросить въ канцеляріи фельдмаршала, нѣтъ-ли тамъ чего на мое имя.

Прощайте, любезный другъ. Преданный вамъ М. Воронцовъ.

P. S. Михайло Богдановичъ (Барклай-де-Толли) дурно дѣлаетъ, что просится въ отставку; служба его нужна, первое для государства, второе же и для него самого. Разныя трудныя обстоятельства обратили на него отъ многихъ негодованіе. Это пройдетъ какъ все усмирится, и ему во многомъ отдадутъ справедливость. Выходя же въ отставку, онъ дѣлаетъ то, что непріятели его желаютъ, а прочимъ покажется еще больше виноватымъ. Повѣрь мнѣ, что, наконецъ, меньше будутъ думать о Дриссѣ, объ оставленіи Смоленска и пр., нежели о томъ, что ему мы обязаны тѣмъ укомплектованіемъ, коимъ арміи нашѣ теперь держатся и даже что онъ первый и онъ одинъ причиной, что послѣдовали роду войны, которой со всѣми ошибками и со всѣми несовершенствами въ исполненіи есть одинъ, который могъ насъ спасти и долженъ наконецъ погубить непріятеля. М. Б. (Михайло Богдановичъ) и во фронтѣ и въ совѣтахъ можетъ быть полезенъ отечеству и теперь такое время, что никто отъ своего мѣста отходить не долженъ.

Сенъ-При къ вамъ послѣ завтра хочетъ ѣхать, а я дней черезъ 10 или 15.

254.

14-го октября 1812 г.

Арсеньевъ пріѣхалъ изъ арміи съ подробностями сраженія 6-го числа, которыя вамъ почти всѣ извѣстны. Пріѣздъ вашего фельдъегеря будетъ гораздо любопытнѣе, ибо тогда въ арміи будетъ извѣстно, что Москва оставлена. О Витгенштейнѣ ничего не знаю, но Чичаговъ точно идетъ на Борисовъ.

Ссора между Кутузовымъ и Беннигсеномъ еще умножилась по случаю 6-го числа, ибо сей послѣдній жалуется, что его выдали. Хороши они всѣ.

Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Михайлѣ Богдановичу (Барклаю-де-Толли). Извѣстій вашихъ жду съ нетерпѣніемъ.

1-й арміи награжденія уже всѣ въ приказѣ, нашей надняхъ будутъ. Платовъ, кажется, еще никуда не посланъ. Ермоловъ маратъ вторую армію какъ можно хуже. Хороша душа, его прежде не знали.

255.

17-го октября 1812 г.

Любезный Арсеній Андреевичъ. Нарышкинъ пріѣхалъ изъ Москвы. Вы можетъ уже знаете, что Винцингероде попался французамъ и съ нимъ Левушка Нарышкинъ, наканунѣ выхода французовъ. Теперь тамъ командиръ Иловайскій 4-й. Объ арміи ничего не знаютъ. Въ Москвѣ взяли французовъ: раненыхъ 3.000, здоровыхъ 1.000. Они говорятъ, что Бонапарте идетъ прямо на Нѣманъ. Цесарскій Императоръ умеръ, Карлъ регентомъ и политика перемѣняется. Надѣюсь, что Чичаговъ, не имѣя въ виду непріятеля, со всей своей арміей станетъ на дорогу г. Бонапарте и тогда посмотримъ каково ему будетъ. Мнѣ кажется, что собакѣ конецъ неизбѣжный. Александръ Афанасьевичъ на словахъ еще вамъ разскажетъ. Бога ради, присылайте поскорѣе извѣстія изъ арміи, также изъ Петербурга. Мое нижайшее почтеніе Михайлѣ Богдановичу.

256.

17-го (29-го) февраля 1816 г. Мобежъ.

Я вижу по новому распредѣленію военнаго министерства, что часть судная, между прочимъ, или аудиторіатъ досталась къ тебѣ въ руки, любезный Арсеній Андреевичъ, и сіе меня побуждаетъ переговорить нѣсколько съ тобою о семъ весьма важномъ, но забытомъ въ нашей службѣ пунктѣ.

Я часто занимался судопроизводствомъ нашимъ въ арміи, видѣлъ и размышлялъ объ образѣ теченія онаго, и жалѣлъ сердечно, что эта часть такъ далека отъ той степени, до коей дошли почти всѣ прочія въ арміи нашей.

Мнѣ случилось быть въ двухъ судахъ ассессоромъ, а въ 3-мъ президусомъ; первые два длились нѣсколько лѣтъ, я не видалъ ни начала ни конца оныхъ, да и врядъ былъ-ли въ нихъ членъ, который бы во все теченіе оныхъ присутствовалъ; въ послѣднемъ же хотя мы и скоро рѣшили, но дѣло ни лучше, ни яснѣе не окончено, хотя вѣрно совѣсть

была у меня чистая. Я долго думалъ, что это происходило отъ недостатка у насъ по сей части законовъ и правилъ. Занявшись же недавно здѣсь книгами до того касающимися и особливо сравнивая вмѣстѣ изображенія процессовъ (изъ артикула Петра Великаго) и желтую книгу, я нашелъ съ удивленіемъ и радостію, что то, что я почиталъ порокомъ военныхъ нашихъ уложеній, было ничто иное, напротивъ того, какъ упущеніе правилъ оными изложенныхъ и что сіе упущеніе происходило и происходитъ больше всего отъ аудиторовъ нашихъ. Вмѣсто того, чтобы быть законниками, они у насъ всѣ пережалованы изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ.

Петръ Великій основатель всего у насъ и виновникъ величія Россіи, говоря о военныхъ судахъ, признаетъ, что офицерамъ нельзя имѣть большихъ свѣдѣній о законахъ, ибо другимъ должны заниматься искусствомъ, но за то говоритъ, должны быть при арміи аудиторы, кои должны быть *хорошіе юристы* и знать совершенно *всѣ права и законы!*

Какая критика на нашихъ аудиторовъ! Вмѣсто того, чтобы имѣть юриста понимающаго, какъ общія права, такъ и духъ и смыслъ законовъ, у насъ аудиторъ, а иногда въ отсутствіи оныхъ (что, впрочемъ, все равно) фельдфебели и унтеръ-офицеры изъ крестьянъ, чуть-чуть читать и писать умѣющіе, и привыкшіе думать, а часто и *чувствовать,* что палка есть единственный законъ и управленіе роты верхъ человѣческаго искусства. Какое варварское противорѣчіе! Откуда взялось оное и отчего могли аудиторіаты наши допустить до такого зла? Какой вредъ для арміи и какое убѣжище для виновныхъ, имѣющихъ способъ продлить дѣланныя надъ ними слѣдствія! Военные законы вездѣ, а особливо у насъ, довольно строги, чтобы виноватый при самомъ законномъ и порядочномъ судопроизводствѣ былъ въ полной мѣрѣ наказанъ, сей же порядокъ всегда бы оправдалъ невиноватаго; теперь же сей послѣдній никакъ не можетъ надѣяться на справедливость и всякій шельма чрезъ медленность, запутанность и незнаніе судей можетъ надѣяться или быть оправданнымъ или чрезъ долгое время истребить всю ненависть къ винѣ своей и сдѣлаться предметомъ соболѣзнованія, а не укоризны публики. Отъ сего-то неравенства, отъ сихъ-то злоупотребленій происходитъ у насъ слово *несчастный,* которое вообще дано всѣмъ осужденнымъ и которое несправедливо, какъ скоро справедливъ судъ его обвинившій.

Не знаю моего-ли ты на сей счетъ мнѣнія; ежели нѣтъ, то напиши свои разсужденія, я радъ ихъ слушать и чему-нибудь вы-

учиться—ежели же ты то самое думаешь, что и я, то постарайся, Бога ради, обратить на сіе вниманіе Государя, и сколько можешь съ своей стороны пекись о преобразованіи аудиторовъ и о соблюденіи правилъ всѣми народами принятыхъ и въ нашихъ же уложеніяхъ начертанныхъ. Въ разсужденіи аудиторовъ надобно: 1) не производить въ чинъ сей изъ унтеръ-офицеровъ за храбрость или за безпорочную 12-ти-лѣтнюю службу, сопряженную съ умѣніемъ грамоты, ибо сіи качества, хотя почтенныя, не имѣютъ никакого отношенія съ должностію указателя и блюстителя законовъ; 2) поставить аудиторовъ на лучшую ногу и дать имъ больше жалованья. Сіе не только нужно, какъ скоро они будутъ люди порядочные, а не капралы, но и во всякомъ случаѣ необходимо. Мы имѣемъ по части медицинской живой примѣръ, что̀ дѣлаетъ перемѣна къ лучшему въ состояніи людей и снабженіе ихъ способами жить честно и хорошо. Ты помнишь, каковы были у насъ лекаря и госпитали прежде аустерлицкой и прусской кампаніи. Посмотри каковы они теперь, отними у нихъ хорошее жалованье, отнимешь и возможность вести себя честно и прилежанье къ ремеслу и болѣе всего помѣшаешь порядочнымъ людямъ входить въ эту службу. Тоже самое и съ аудиторами, имѣйте ихъ меньше, двухъ въ дивизіи весьма довольно, но чтобы были люди порядочные и чтобы имѣли чѣмъ жить безъ нужды и безъ искушеній.

Посылаю при семъ тебѣ правила *), кои я выдалъ для судопроизводства въ своемъ корпусѣ, разумѣется, что я не могъ и не смѣлъ бы въ такомъ случаѣ написать что-нибудь своего, все взято изъ законовъ и изъ тѣхъ законовъ, коими въ арміи судиться должны, но многаго аудиторы наши не примѣтили. Три вещи по моему всего нужнѣе, чтобы поправить у насъ сіе дѣло: 1) чтобы все шло на словахъ; 2) чтобы во всякомъ случаѣ былъ показатель вины или потому что онъ самъ жалуется или доноситъ или хоть и наряженный для сего посторонній офицеръ, ибо судъ не долженъ отыскивать вины, а выслушавъ показаніе оной и оправданіе подсудимаго судить виноватъ-ли или нѣтъ; 3) чтобы всѣ суды были публичны, тогда мало-по-малу все приведется въ порядокъ, и суды пойдутъ плавно, ясно и справедливо.

Всѣ эти три вещи по моему необходимыя находятся въ законѣ нашемъ, только стоитъ отъ нихъ не отдаляться. Напиши мнѣ свое мнѣніе о моемъ проектѣ, и ежели найдешь оной хоть отчасти справед-

*) Приложеній при письмѣ нѣтъ.

ливымъ, то старайся съ своей стороны производить въ дѣйствіе, то что ты думаешь можетъ быть полезнымъ.

При сихъ же правилахъ посылаю тебѣ копію съ циркуляра моего о томъ же къ дивизіоннымъ командирамъ.

Прощай, любезный другъ, я еще тебѣ буду писать въ другомъ письмѣ, такъ какъ сіе и такъ уже длинно и чтобы не мѣшать матеріи.

257.

4-го (16-го) сентября 1816 г. Мобежъ.

Благодарствуй, любезнѣйшій другъ, за письмо твое отъ 2-го августа; оно поздно дошло, ибо иностранный департаментъ удержалъ фельдъегеря еще 10 дней.

За двѣ части собранія законовъ и постановленій, да части военнаго управленія и пр. весьма благодаренъ и на первый случай прошу за меня собственно подписываться на два экземпляра, изъ коихъ одинъ прошу оставлять всегда въ нашемъ домѣ у Лонгинова, а другой присылать ко мнѣ. Изъ корпуса многіе подпишутся и я объявляю о томъ предложеніи въ приказѣ. Въ самую минуту полученія твоего о томъ письма и самой книжки, всѣ присутствующіе въ комнатѣ кинулись съ жадностію на оную и всѣ кричали: «Военные законы! Военныя постановленія! Надо подписаться, надо!» Но вдругъ, вообрази несчастіе, отворяютъ книгу и какъ будто нарочно на листкѣ, который при семъ прилагается, а именно, что запрещается изъ за галстуха показывать рубашки—приказъ Волконскаго, всѣ охладѣли, повернулись и никто не подписывается. Я ихъ уговариваю, обращаю вниманіе на вещи еще важнѣе сего, но всѣ какъ глухіе мнѣ и не отвѣчаютъ, ужасно упрямый народъ.

Твои старанія о всемъ семъ, о порядкѣ въ дѣлахъ тебѣ порученныхъ, въ типографіи и проч., меня ни мало не удивляютъ и на тебя похожи. Нельзя-ли настоять еще на одномъ, чтобъ печаталось все у васъ на лучшей бумагѣ. Право стыдно; конечно, оно дешевле, но сію малую экономію можно-ли сравнить съ тѣмъ, что даже чужимъ показывать нельзя то что у васъ печатается. Ни въ одномъ государствѣ, ни въ одномъ городѣ въ Европѣ теперь таковой бумаги не употребляютъ, она пахнетъ XVII столѣтіемъ.

Вода, о коей ты просилъ, чтобъ купить на 100 франковъ, будетъ доставлена съ будущимъ курьеромъ.

Нумера ротамъ артиллерійскимъ такъ часто перемѣняютъ, что это все равно, какъ когда при Павлѣ назывались именами; неужто и въ нумерахъ нуженъ ранжиръ или форма. По этому надо бы и полки въ дивизіяхъ по алфавиту росписать, въ первой начинающіяся съ а, какъ Апшеронскій, во второй—Бѣлевскій и прочіе.

На бумагу о запросѣ, какъ Ванниковъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, я отвѣчаю тебѣ оффиціально, но Алексѣевъ проситъ, коли возможно, объ этомъ промолчать. Онъ его произвелъ подъ Мецомъ, за храбрость, не зная, что онъ былъ разжалованъ и его ужь разъ бранилъ за то фельдмаршалъ, такъ этого, кажется, и довольно. Постарайся, пожалуйста, чтобъ это дальше не шло. Впрочемъ, кажется, что сей Ванниковъ находится на запискѣ, которую ты мнѣ оставилъ при отъѣздѣ и по коей я все возможное сдѣлалъ.

Гудовичу двойная радость: произведенъ въ полковники и родился у него сынъ.

У насъ будетъ большой смотръ всего корпуса между Рокроа (Косгоу) и Мобежъ Фонтенъ, о коемъ обстоятельно тебѣ писать буду. Между тѣмъ мы праздновали Государевы именины какъ можно громче и веселѣе. Солдаты сами по себѣ освѣтили здѣсь всѣ казармы, какъ нельзя лучше, да и французы праздновали, какъ бы и русскіе. Столовыхъ денегъ своихъ, серебромъ, брать не рѣшусь, ибо для себя я казенными деньгами никогда располагать не буду, что и съ начала здѣсь дѣлалъ, ибо положивъ столовыхъ денегъ дивизіоннымъ командирамъ, по 25 франковъ, я себѣ не назначилъ ни копѣйки, но впослѣдствіи этого нельзя выдержать, ибо я разоряюсь и коли надо здѣсь остаться, то принужденъ буду просить у Государя войти въ мое состояніе и назначить что нибудь, по примѣру всѣхъ оставленныхъ въ подобныхъ случаяхъ начальниковъ.

Посылаю тебѣ при семъ два пакета, въ этомъ же письмѣ, для того чтобы въ случаѣ ежели найдешь, что докладывать нельзя, то или на время остановить или переслать назадъ ко мнѣ.

За перья ты мнѣ долженъ 15 червонцевъ и за книги 70 франковъ, которые и отдай Лонгинову, взявъ, что нужно, чтобы подписаться за меня на выходящую у васъ книгу.

Дмитріева прошу ко мнѣ поскорѣе прислать обратно, ему и прогоны даны на оба конца. Я съ нимъ отправляю и Бенжамина, который по дружбѣ къ намъ взялся за дѣла дома нашего въ Петербургѣ и близъ лежащаго тамъ имѣнія. Для сего я далъ изъ своихъ денегъ Дмитріеву на третью лошадь, а Бенжамину 100 червонцевъ, чтобъ ѣхать изъ Варшавы.

Въ послѣднія три недѣли прибыли сюда изъ Россіи по крайней мѣрѣ 6 или 7 офицеровъ, переведенные или просто прикомандированные по протекціи сюда, для того только чтобъ пользоваться здѣшнимъ содержаніемъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ Государю напомнили, что это онъ, а не французы, кои за это платятъ, ибо суммы получаемъ мы, и ежели что не издержано, то оно остается въ казнѣ, а этакъ скоро этихъ суммъ и не станетъ. Помните, что всякій штабъ-офицеръ стоитъ здѣсь Государю ежегодно отъ 8 до 14,000 рублей. Прислали Витгенштейна, коему, по его же словамъ, нельзя ничего поручить и подполковникъ. Прислали Шарлемана, чтобъ лечиться въ отпуску и все получать какъ будто бы служитъ и проч. и проч., это не хорошо. Прощай, любезный Мазепа, будь здоровъ и люби любящаго тебя душевно.

Письма прошу разсылать какъ можно вѣрнѣе.

258.

5-го (17-го) ноября 1816 г. Мобежъ.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный Мазепа, ты на меня сердишься за двѣ вещи. Первое, за то, что я писалъ на твой счетъ Ермолову и здѣсь должно мнѣ замѣтить, что хотя писано это ему, я все-таки не думалъ, что отъ тебя это скрыто будетъ. ибо я зналъ, что онъ тебѣ это или покажетъ или напишетъ, да притомъ же я всегда готовъ сказать другу, то что я думаю. Человѣку, котораго не люблю и не уважаю, я безъ нужды не открою своего объ немъ мнѣнія, тебѣ же всегда скажу все, что на душѣ лежитъ. ибо разница въ образѣ видѣть въ нѣкоторыхъ только пунктахъ, не можетъ имѣть сравненія съ чувствами дружбы и того уваженія, безъ коего дружба состоять не можетъ, и вліянія на оное также не имѣетъ. Покойнаго твоего благодѣтеля (графа Н. М. Каменскаго) я почиталъ, былъ ему душевно преданъ и, покуда живъ, останусь благодарнымъ за милости мною отъ него и чрезъ него полученныя, но сіе не мѣшаетъ мнѣ имѣть свободное свое мнѣніе о нѣкоторыхъ чертахъ его характера, а еще пуще о характерѣ отца и брата его; слѣдственно я и могъ сказать, что онъ принадлежитъ нѣкоимъ образомъ къ роду тиранскому. Потомъ могу я ошибаться, но позволено мнѣ воображать, что человѣкъ воспитанный отцомъ такимъ, каковъ былъ графъ Михаилъ Федотовичъ, видѣвши ежедневно поступки своего отца съ солдатами, съ слугами, съ крестьянами, поступки варварскіе и которые, наконецъ, довели его до извѣстнаго всѣмъ конца, позволено мнѣ ду-

Нумера ротамъ артиллерійскимъ такъ часто перемѣняютъ, что это все равно, какъ когда при Павлѣ назывались именами; неужто и въ нумерахъ нуженъ ранжиръ или форма. По этому надо бы и полки въ дивизіяхъ по алфавиту росписать, въ первой начинающіяся съ а, какъ Апшеронскій, во второй—Бѣлевскій и прочіе.

На бумагу о запросѣ, какъ Ванниковъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, я отвѣчаю тебѣ оффиціально, но Алексѣевъ проситъ, коли возможно, объ этомъ промолчать. Онъ его произвелъ подъ Мецомъ, за храбрость, не зная, что онъ былъ разжалованъ и его ужь разъ бранилъ за то фельдмаршалъ, такъ этого, кажется, и довольно. Постарайся, пожалуйста, чтобъ это дальше не шло. Впрочемъ, кажется, что сей Ванниковъ находится на запискѣ, которую ты мнѣ оставилъ при отъѣздѣ и по коей я все возможное сдѣлалъ.

Гудовичу двойная радость: произведенъ въ полковники и родился у него сынъ.

У насъ будетъ большой смотръ всего корпуса между Рокроа (Rocroy) и Мобежъ Фонтенъ, о коемъ обстоятельно тебѣ писать буду. Между тѣмъ мы праздновали Государевы именины какъ можно громче и веселѣе. Солдаты сами по себѣ освѣтили здѣсь всѣ казармы, какъ нельзя лучше, да и французы праздновали, какъ бы и русскіе. Столовыхъ денегъ своихъ, серебромъ, брать не рѣшусь, ибо для себя я казенными деньгами никогда располагать не буду, что и съ начала здѣсь дѣлалъ, ибо положивъ столовыхъ денегъ дивизіоннымъ командирамъ, по 25 франковъ, я себѣ не назначилъ ни копѣйки, но впослѣдствіи этого нельзя выдержать, ибо я разоряюсь и коли надо здѣсь остаться, то принужденъ буду просить у Государя войти въ мое состояніе и назначить что нибудь, по примѣру всѣхъ оставленныхъ въ подобныхъ случаяхъ начальниковъ.

Посылаю тебѣ при семъ два пакета, въ этомъ же письмѣ, для того чтобы въ случаѣ ежели найдешь, что докладывать нельзя, то или на время остановить или переслать назадъ ко мнѣ.

За перья ты мнѣ долженъ 15 червонцевъ и за книги 70 франковъ, которые и отдай Лонгинову, взявъ, что нужно, чтобы подписаться за меня на выходящую у васъ книгу.

Дмитріева прошу ко мнѣ поскорѣе прислать обратно, ему и прогоны даны на оба конца. Я съ нимъ отправляю и Бенжамина, который по дружбѣ къ намъ взялся за дѣла дома нашего въ Петер[illegible] близъ лежащаго тамъ имѣнія. Для сего я далъ изъ [illegible] тріеву на третью лошадь, а Бенжамину 100 чер[illegible] изъ Варшавы.

Въ послѣднія три недѣли прибыли сюда изъ Россіи по крайней мѣрѣ 6 или 7 офицеровъ, переведенные или просто прикомандированные по протекціи сюда, для того только чтобъ пользоваться здѣшнимъ содержаніемъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ Государю напомнили, что это онъ, а не французы, кои за это платятъ, ибо суммы получаемъ мы, и ежели что не издержано, то оно остается въ казнѣ, а этакъ скоро этихъ суммъ и не станетъ. Помните, что всякій штабъ-офицеръ стоитъ здѣсь Государю ежегодно отъ 8 до 14,000 рублей. Прислали Витгенштейна, коему, по его же словамъ, нельзя ничего поручить и подполковникъ. Прислали Шарлемана, чтобъ лечиться въ отпуску и все получать какъ будто бы служитъ и проч. и проч., это не хорошо. Прощай, любезный Мазепа, будь здоровъ и люби любящаго тебя душевно.

Письма прошу разсылать какъ можно вѣрнѣе.

258.

5-го (17-го) ноября 1816 г. Мобежъ.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный Мазепа, ты на меня сердишься за двѣ вещи. Первое, за то, что я писалъ на твой счетъ Ермолову и здѣсь должно мнѣ замѣтить, что хотя писано это ему, я все-таки не думалъ, что отъ тебя это скрыто будетъ, ибо я зналъ, что онъ тебѣ это или покажетъ или напишетъ, да притомъ же я всегда готовъ сказать другу, то что я думаю. Человѣку, котораго не люблю и не уважаю, я безъ нужды не открою своего объ немъ мнѣнія, тебѣ же всегда скажу все, что на душѣ лежитъ, ибо разница въ образѣ видѣть въ нѣкоторыхъ только пунктахъ, не можетъ имѣть сравненія съ чувствами дружбы и того уваженія, безъ коего дружба состоять не можетъ и вліянія на оное также не имѣетъ. Покойнаго твоего благодѣтеля (графа Н. М. Каменскаго) я почиталъ, былъ ему душевно преданъ и, покуда [illegible] останусь благодарнымъ за милости мною отъ него и чрезъ него [illegible] ныя, но сіе не мѣшаетъ мнѣ имѣть свободное свое мнѣніе о [illegible] чертахъ его характера, а еще пуще о характерѣ отца и брата его. [illegible] ственно я и могъ сказать, что онъ принадлежитъ [illegible] роду тиранскому. Потомъ могу я [illegible] жать, что человѣкъ воспитанный [illegible] Михаилъ Федотовичъ [illegible] датами, съ слугами [illegible] наконецъ, довели [illegible]

нами не спорныя. Въ разсужденіи столовыхъ денегъ, дѣло уже рѣшено и я писалъ съ Раевскимъ къ Государю. Ежели за это будутъ сердиться, я все-таки не буду себя чувствовать виноватымъ и это меня утѣшитъ. Всякій вправѣ объяснить Государю, какъ отцу своихъ подданныхъ, справедливую нужду, и чтобы Государь послѣ ни рѣшилъ, Его воля святая. и по оной и будетъ, но до того глупо бы было съ моей стороны не попробовать выйти изъ положенія, въ которомъ я себя разоряю, дѣлаю долги и найду себя потомъ, или принужденнымъ оставить службу, или разстроить имѣніе на всю жизнь. Ежели это можетъ дать Государю обо мнѣ дурное мнѣніе, какъ ты говоришь, то видно, что и теперь мнѣніе сіе не весьма авантажное. Я умѣю волѣ Его повиноваться, но покамѣстъ оное мнѣ еще неизвѣстно, сдѣлалъ то, что не только полагаю позволительнымъ, но даже должнымъ.

Посылки сюда офицеровъ, для излеченія ранъ и проч. весьма почтенны и я имъ радуюсь, но только чтобъ послѣ не удивлялись, что суммъ не достанетъ для содержанія корпуса, ибо здѣсь все положено по штату скупому и безъ лишнихъ чиновниковъ, а каждый штабъ-офицеръ беретъ здѣсь не далеко отъ 10,000 рублей въ годъ. Медалей на свой счетъ дѣлать я никакъ не намѣренъ, и то число, про которое мы писали, точно отъ васъ не послано. Люди будутъ безъ медалей, вотъ и все. Во мнѣ уже совсѣмъ отбили охоту для службы употреблять свое.

Письма твои всѣ разосланы по надписямъ, помада и духи куплены и при семъ посылаются, подъ видомъ мѣсячныхъ рапортовъ, но не знаю повѣрятъ-ли на таможнѣ. Что стоитъ, напишу съ будущимъ курьеромъ.

Здѣсь слышно, что у насъ новое росписаніе арміи и что у Бенингсена подъ командою Великаго Князя Константина Павловича будутъ всѣ войска, квартирующія въ польскихъ провинціяхъ.

Ты знаешь Лезера, съ нимъ странный теперь случай; онъ плутъ и интригантъ, однако, человѣкъ способный. Оставленный здѣсь по волѣ фельдмаршала, онъ почти противъ воли моей все жилъ въ Нанси, подъ предлогомъ, что дѣла подрядовъ по 7-му корпусу еще не кончены были. Жалобы были на его счетъ, я ему совѣтовалъ оттуда выѣхать и городу писалъ, что онъ тамъ какъ партикулярный человѣкъ по денежнымъ дѣламъ и чтобы его, какъ партикулярнаго человѣка и трактовали. Такъ какъ у французовъ вездѣ партіи, и одни противъ другихъ, то онъ тутъ въ эти сплетни вмѣшался и, наконецъ, правительство имъ занялось. Дюкъ де-Ришелье писалъ ко мнѣ оффиціально, прося объ избавленіи отъ Лезера, и я радъ сего случая, чтобы отправить его къ фельдмаршалу.

мать, что человѣкъ видящій все это и кромѣ того еще и самъ отцомъ симъ *битый*, легко могъ имѣть въ разсужденіи подобныхъ поступковъ понятія и привычки, несходныя съ мыслями людей, непривыкшихъ къ подобнымъ примѣрамъ и даже имѣющихъ къ онымъ величайшее омерзеніе. Что я писалъ о графѣ Ник(олаѣ) Мих(айловичѣ) есть именно на счетъ привычки и воспитанія, ибо въ настоящей, дѣльной и справедливой строгости, не только я не думаю, чтобъ онъ оную слишкомъ употреблялъ, но можетъ быть иногда и не довольно и скажу тебѣ, совсѣмъ не утверждая, впрочемъ, себя правымъ, что я бы можетъ быть охотно за рущукскій штурмъ велѣлъ судить и по приговору разстрѣлять двухъ или трехъ штабъ или оберъ-офицеровъ за трусость и почелъ бы сіе законной и нужной строгостію и справедливостію, а никакъ бы не могъ рѣшиться прогонять сквозь строй, безъ суда и до *смерти* нижнихъ чиновъ за невыполненіе приказовъ, наканунѣ только отданныхъ и кои, конечно, до нихъ еще не дошли. Вотъ что я называю не строгость, а жестокость и тиранство.

Довольно о сей матеріи, я изъяснилъ тебѣ мысль мою, она можетъ быть пустая, но оставимъ ее въ покоѣ и съ нею вмѣстѣ память человѣка, который, какъ и всѣ прочіе, не могъ быть безъ погрѣшностей, ибо совершенства на свѣтѣ нѣтъ; но который имѣлъ великія качества, былъ настоящій и патріотъ (рѣдкая вещь), и коего горжусь называть своимъ благодѣтелемъ, какъ я то часто дѣлалъ и при людяхъ его ненавидящихъ.

Второй пунктъ твоего негодованія, есть на счетъ книги, что у васъ издается подъ названіемъ *военныхъ законовъ*. Признаюсь, что хотя зналъ, что съ авторами объ ихъ сочиненіяхъ шутить нельзя, не ожидалъ я, что ты вступишься какъ авторъ и такъ горячо за сочиненіе, которое ничто другое, какъ приказы и постановленія, выдаваемые по арміи и у васъ сшитые вмѣстѣ. Впрочемъ, я о пользѣ сего собранія никакъ спори[illegible] не намѣренъ, но невинная шутка на счетъ названія *закономъ*, при[illegible] о непоказываніи за галстухомъ бѣлой рубашки, кажется, не есть [illegible] криминальная и примѣчаніе твое о нашемъ здѣсь просвѣщеніи [illegible] или другомъ какомъ вѣкѣ, также тутъ кстати, какъ сѣдло ко[illegible] казательство, что все это было ничто иное какъ шутка, ес[illegible] вслѣдъ за тѣмъ я тебѣ прислалъ большой списокъ именъ, [illegible] шихся на сію книгу, которая не только нужна, но и нео[illegible] видишь по сему, что напрасно такъ окрысился и цѣлыя [illegible] сердитыя страницы.

Оставимъ эту матерію и станемъ говорить о вещ[illegible]

Братъ твой здоровъ, мы теперь отдыхаемъ отъ маневровъ, но я завожу два раза въ недѣлю походъ отъ 15 до 25 верстъ, чтобы люди не болѣли отъ лежанія.

Прощай, будь здоровъ и люби любящаго тебя душевно.

P. S. Великій Князь Николай Павловичъ, на возвратномъ пути изъ Англіи, заѣдетъ къ намъ въ Мобежъ.

259.

4-го (16-го) января 1817 г. Мобежъ.

Поздравляю тебя отъ всей души съ новымъ годомъ, любезный Мазепа, и желаю тебѣ всякаго счастія и благополучія. Я пріѣхалъ изъ Парижа сюда 30-го числа, а фельдъегерь, пріѣхавшій сюда, въ это время уѣхалъ въ Парижъ и хоть вѣрно по дорогѣ могъ узнать, что я проѣхалъ обратно сюда, но не воротился, оставивъ бумаги по дежурству здѣсь всѣ, партикулярныя и проч., и, между прочимъ, письмо отъ тебя увезъ съ собою; наконецъ, третьяго дня къ вечеру пріѣхалъ и отдалъ мнѣ письмо. Твое письмо немного сердито и я еще болѣе тебя согласенъ на то, чтобы объ этомъ болѣе не говорить (то-есть на счетъ графа Ник. Мих. (Каменскаго), хотя разница въ мнѣніяхъ у насъ не велика, но долженъ, однако, для оправданія себя тебѣ сказать, что ты худо прочелъ мое письмо, когда понимаешь, что я говорю про людей загнанныхъ сквозь строй за рущукскій штурмъ. Видно, или ты читать позабылъ, или я писать разучился, скорѣе послѣднее, ибо я чувствую, что рука у меня всякій день больше портится, а когда спѣшу, то и слогъ весьма плохъ, но въ письмѣ моемъ я говорю, что лучше бы было казнить за трусость подъ Рущукомъ, нежели въ другихъ случаяхъ гнать сквозь строй безъ суда и до смерти, а это было (по крайней мѣрѣ вся армія это говорила) нѣсколько разъ между Силистріей и Шумлою. Теперь, сдѣлай милость, бросимъ это, мнѣ должно было изъяснить тебѣ, что я тебѣ писалъ, но больше говорить про это не буду и отвѣчать не буду, ежели и ты будешь писать. Я не могу понять, какъ это мы теперь мѣсяца два на бумагѣ ссоримся, тогда какъ столько лѣтъ никогда другъ на друга и не покосились.

Коммиссій твоихъ на сей разъ исполнить не могъ, ибо былъ въ Парижѣ такъ занятъ дѣлами, о коихъ пониже напишу, а потомъ разстроенъ болѣзнею батюшки, что не имѣлъ свободной минуты, да и не имѣлъ Дмитріева, который лучше всѣхъ знаетъ, гдѣ достать лучшіе

ные эскадроны. Неужели въ разсужденіи отца нельзя будетъ особо просить о нихъ Государя? Онъ вѣрно не откажетъ.

За цвѣты, теперь посылаемые, я заплатилъ 50 франковъ, кои и прошу записать въ нашъ съ тобою счетъ. За духи же, прежде присланные, забылъ, что заплатилъ, но узнаю въ Парижѣ и послѣ напишу.

Бумаги о Боркѣ и объ Арсеньевѣ поручаю въ дружеское твое покровительство. Доставленіемъ первому желаемаго имъ назначенія ты сдѣлаешь угодное Императрицѣ.

260.

6-го (18-го) февраля 1817 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Январскій курьеръ вашъ еще сюда не прибылъ. Не понимаю, отчего онъ такъ опоздалъ, но это большая разстройка для нашихъ текущихъ дѣлъ. Ты бы долженъ настоять, чтобы курьеръ съ обыкновенными бумагами всегда былъ отправленъ аккуратно, а потомъ ежели есть что важное, то небольшая мудрость послать другаго.

На сей разъ посылаю Лобанова, будь къ нему такъ же милостивъ, какъ былъ къ Нарышкину и Раевскому. Я пишу съ нимъ Государю о рѣшенномъ уже здѣсь уменьшеніи союзной арміи и ты изъ рапорта моего увидишь, что мудрые министры наши не почли меня достойнымъ знать это дѣло, хотя я все время и все зналъ отъ Веллингтона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не вздумали напомнить въ нашу пользу и замѣтить разницу между прусскими войсками, которыя, будучи во Франціи, все-таки на своихъ границахъ и нашими, которые отдѣлены какъ бы на другомъ свѣтѣ. Мнѣ кажется, что можно бы было симъ случаемъ воспользоваться, чтобы весь корпусъ русскій взять назадъ, но ежели этого не хотятъ, то частнаго уменьшенія не должно бы дѣлать потому, что оное разстроитъ корпусъ, а нѣкоторыя мелкія нѣмецкія дружины могли бы замѣнить это уменьшеніе и именно король Виртембергскій, который желаетъ своихъ взять назадъ и распустить. Ежели же непремѣнно хотятъ взять отсюда части, то я бы охотнѣе отдалъ изъ драгунъ бригаду Каблукова и изъ пѣхоты бригаду Полторацкаго, т.-е. вторую изъ 9-й дивизіи и на тотъ случай, что берутъ бригады, но другія, посылаю тебѣ письмо отъ себя къ Волконскому, въ коемъ о семъ прошу. Ты отдай оное только въ томъ случаѣ, что оно можетъ

подѣйствовать для назначенія бригадъ, ибо разрѣшеніе могло бы еще успѣть, коли послать оное просто по почтѣ, не дожидаясь курьера.

Фельдъегеря я отдалъ Поццо-ди-Борго и я думаю, что оный уже къ вамъ посланъ, съ нимъ ты получишь перья женскія. О бронзовыхъ часахъ и проч. я сдѣлалъ уже справки и могу доставить тебѣ славные, но надо, чтобы деньги были сюда присланы чрезъ банкира, своихъ у меня мало, да сверхъ того по курсамъ не могли бы разсчитаться. Пришли деньги тѣхъ, кои дали тебѣ коммиссіи и сколько будетъ прислано, на то число будетъ куплено желаемыхъ вещей и будутъ отправлены, какъ вы хотите, на фрегатѣ или на купеческомъ суднѣ. Повторяю просьбу мою на счетъ Раевскаго и Митюши Нарышкина, въ случаѣ ежели произведутъ ихъ въ полковники, т.-е. чтобы оставили ихъ при мнѣ, какъ было съ Арсеньевымъ, и потомъ я ихъ со временемъ и когда будетъ случай, представлю въ полковые командиры. Славные будутъ изъ нихъ люди, я тебя увѣряю.

Прощай, любезный Мазена, будь здоровъ и люби любящаго тебя.

261.

21-го іюня (3-го іюля) 1817 г. Кале.

Какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ — сегодня всѣ войска на эскадрѣ посажены и можетъ вечеромъ въ море пойдутъ, однако безпокойства было довольно, вчера особливо, такой былъ штормъ, что опасность была не шуточная. Дай Богъ, чтобъ все прошло хорошо. Тѣмъ по крайней мѣрѣ можно похвастаться, что во всѣхъ частяхъ идущихъ въ Россію войскъ, не было во все время ни одного бѣжавшаго, это мнѣ кажется доказываетъ, что мы здѣсь не совсѣмъ избаловались.

Къ тебѣ идутъ посылки, но о цѣнѣ и векселя пошлю съ будущимъ курьеромъ.

О Мену (?) *) пишу обстоятельно Волконскому, сдѣлай милость постарайся тоже о немъ. Судъ, мнѣ кажется, рѣшилъ какъ должно, впрочемъ, конфирмаціи я не положилъ, а представилъ Государю, ибо по мнѣ такъ и суду не слѣдовало быть.

Прощай, будь здоровъ.

---

*) Фамилія написана такъ, что разобрать трудно.

262.

2-го (14-го) декабря 1817 г. Мобежъ.

Письмо твое, любезный Арсеній Андреевичъ, отъ 31-го октября, съ курьеромъ Поццо-ди-Борго я получилъ и весьма благодаренъ за всѣ извѣстія, въ ономъ мнѣ данныя. Думаю ждать съ нетерпѣніемъ, что вышло по справкѣ, сдѣланной вами въ канцеляріи князя Волконскаго о представленіи мною иностранныхъ чиновниковъ. Это дѣло не одна личность, но по здѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужно знать, что по таковымъ представленіямъ дѣлается. За предложеніе, что ты мнѣ дѣлаешь, заняться отыскиваніемъ тѣхъ изъ моихъ бумагъ, которымъ нѣтъ еще отвѣта, я весьма благодаренъ и буду онымъ пользоваться по формѣ, вами присланной. Впрочемъ, послѣ шести мѣсяцевъ и по доброжелательству ко мнѣ вашего начальника, мало надежды, что по тогдашнему представленію что нибудь будетъ сдѣлано: по крайней мѣрѣ я хотѣлъ бы знать, что по подобнымъ случаямъ будетъ сдѣлано впередъ. Дѣла сіи не мои, а государевы, и хотя бы я и выучился сносить личныя непріятности, я не долженъ молчать, когда служба терпитъ.

Ты говоришь, что тебѣ прискорбно, что я сравниваю тебя съ моими офицерами въ разсужденіи посылокъ, что они болѣе посылаютъ, нежели есть на твое имя и что фельдъегери охотно для тебя будутъ возить. О семъ послѣднемъ я не токмо никогда не сомнѣвался и даже о сю пору давалъ имъ все то, что ты меня просилъ тебѣ посылать. За совѣтъ приказать офицерамъ менѣе посылать, я весьма тебѣ благодаренъ; но такъ какъ я сего имъ никогда не позволялъ, то и противнаго имъ приказать не могу; все, что я могу сдѣлать, это что приказать, чтобы въ спискѣ изъ дежурства никакихъ посылокъ не вписывать, а ежели они будутъ посылать съ согласія фельдъегерей и на рискъ, то я этого знать не могу и не хочу. Ты видишь посему, что я тебя никогда не сравнивалъ съ офицерами, посылки коихъ мнѣ совершенно чужды, но признаюсь, что я былъ душевно радъ, чтобы вся контрабанда, чья-бы ни была, была на таможнѣ конфискована и чтобы люди знатные не давали фельдъегерямъ примѣра того самаго, за что ихъ послѣ наказываютъ.

Бала Чернышеву я никогда не дѣлалъ, а призвалъ его на балъ, который я давалъ англійскимъ дамамъ изъ Камбре. Дружбы ему показывать не могъ, потому что оной не чувствую; учтивость же должна быть оказана каждому, а особливо человѣку, котораго отличаетъ Государь.

Десять экземпляровъ портрета Ермолова по желанію твоему при семъ посылаю. Деньги буду давать тѣмъ, которые письменно мнѣ объявятъ, что имѣютъ отъ тебя препорученія и буду переводить векселями. Прежнюю коммисію, про которую ты говоришь, я бы съ радостію исполнилъ, но сколько ни искалъ въ твоихъ письмахъ, ничего не нашелъ такого, чего уже бы прежде не исправилъ. Ежели ты говоришь о трехлистной запискѣ, которую я получилъ прошлаго года, то исполнивъ третью часть оной, я тогда же просилъ тебя о прочемъ послать мнѣ новую записку, потому что нѣкоторую часть исполнялъ за тебя Березовскій, и я боялся послать что нибудь вдвойнѣ.

Фельдъегеря Визгалова я послалъ къ Поццу, который меня о томъ просилъ, а такъ какъ Казначеевъ весьма желаетъ побывать въ Россіи и видѣть отца своего, то я и радъ былъ дать ему сей случай.

Фонъ-Визинъ недѣли черезъ двѣ къ вамъ отправится. Письмо сіе пишетъ за меня Нарышкинъ, потому что я третьяго дня обрѣзалъ себѣ палецъ.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, какъ бы ты противъ меня не перемѣнился, я не могу тебя не любить, и какъ прежде тебѣ писалъ, больно терять старыхъ друзей тому, кто не любитъ заводить новаго знакомства.

Пакеты къ Сабанѣеву и Ермолову, сдѣлай милость, отошли.

Прощай, живи здорово и весело. Весь твой.

263.

4-го (16-го) мая 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Письмо твое отъ 1-го апрѣля я получилъ, за которое весьма тебѣ благодаренъ. Курьеровъ буду отсылать въ положенное время и прямо въ Петербургъ. О Бутурлинѣ вышелъ отказъ, стало и рапортъ мой о немъ, сдѣлай милость, истреби.

Что ты мнѣ говоришь о моихъ письмахъ въ Варшаву, доказываетъ мнѣ твою дружбу и участіе, что ты берешь въ моихъ дѣлахъ, и потому меня обрадовало сердечно, но ты меня слишкомъ хвалишь и съ другой стороны не хочешь признаваться, что меня гонятъ. Я сужу потому что̀ со мною дѣлаютъ, по бумагамъ что̀ я получаю и по своимъ чувствамъ. Съ тѣхъ поръ что я здѣсь, я ни одного слова пріятнаго не получилъ, и въ теченіе послѣднихъ 10 мѣсяцевъ почти безпрестанно какая нибудь непріятность до того, что при пріѣздѣ каж-

262.

2-го (14-го) декабря 1817 г. Мобежъ.

Письмо твое, любезный Арсеній Андреевичъ, отъ 31-го октября, съ курьеромъ Поццо-ди-Борго я получилъ и весьма благодаренъ за всѣ извѣстія, въ ономъ мнѣ данныя. Думаю ждать съ нетерпѣніемъ, что вышло по справкѣ, сдѣланной вами въ канцеляріи князя Волконскаго о представленіи мною иностранныхъ чиновниковъ. Это дѣло не одна личность, но по здѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужно знать, что по таковымъ представленіямъ дѣлается. За предложеніе, что ты мнѣ дѣлаешь, заняться отыскиваніемъ тѣхъ изъ моихъ бумагъ, которымъ нѣтъ еще отвѣта, я весьма благодаренъ и буду онымъ пользоваться по формѣ, вами присланной. Впрочемъ, послѣ шести мѣсяцевъ и по доброжелательству ко мнѣ вашего начальника, мало надежды, что по тогдашнему представленію что нибудь будетъ сдѣлано: по крайней мѣрѣ я хотѣлъ бы знать, что по подобнымъ случаямъ будетъ сдѣлано впередъ. Дѣла сіи не мои, а государевы, и хотя бы я и выучился сносить личныя непріятности, я не долженъ молчать, когда служба терпитъ.

Ты говоришь, что тебѣ прискорбно, что я сравниваю тебя съ моими офицерами въ разсужденіи посылокъ, что они болѣе посылаютъ, нежели есть на твое имя и что фельдъегери охотно для тебя будутъ возить. О семъ послѣднемъ я не токмо никогда не сомнѣвался и даже о сю пору давалъ имъ все то, что ты меня просилъ тебѣ посылать. За совѣтъ приказать офицерамъ менѣе посылать, я весьма тебѣ благодаренъ; но такъ какъ я сего имъ никогда не позволялъ, то и противнаго имъ приказать не могу; все, что я могу сдѣлать, это что приказать, чтобы въ спискѣ изъ дежурства никакихъ посылокъ не вписывать, а ежели они будутъ посылать съ согласія фельдъегерей и на рискъ, то я этого знать не могу и не хочу. Ты видишь посему, что я тебя никогда не сравнивалъ съ офицерами, посылки коихъ мнѣ совершенно чужды, но признаюсь, что я былъ душевно радъ, чтобы вся контрабанда, чья-бы ни была, была на таможнѣ конфискована и чтобы люди знатные не давали фельдъегерямъ примѣра того самаго, за что ихъ послѣ наказываютъ.

Бала Чернышеву я никогда не дѣлалъ, а призвалъ его на балъ, который я давалъ англійскимъ дамамъ изъ Камбре. Дружбы ему показывать не могъ, потому что оной не чувствую; учтивость же должна быть оказана каждому, а особливо человѣку, котораго отличаетъ Государь.

Десять экземпляровъ портрета Ермолова по желанію твоему при семъ посылаю. Деньги буду давать тѣмъ, которые письменно мнѣ объявятъ, что имѣютъ отъ тебя препорученія и буду переводить векселями. Прежнюю коммисію, про которую ты говоришь, я бы съ радостію исполнилъ, но сколько ни искалъ въ твоихъ письмахъ, ничего не нашелъ такого, чего уже бы прежде не исправилъ. Ежели ты говоришь о трехлистной запискѣ, которую я получилъ прошлаго года, то исполнивъ третью часть оной, я тогда же просилъ тебя о прочемъ послать мнѣ новую записку, потому что нѣкоторую часть исполнялъ за тебя Березовскій, и я боялся послать что нибудь вдвойнѣ.

Фельдъегеря Визгалова я послалъ къ Поццу, который меня о томъ просилъ, а такъ какъ Казначеевъ весьма желаетъ побывать въ Россіи и видѣть отца своего, то я и радъ былъ дать ему сей случай.

Фонъ-Визинъ недѣли черезъ двѣ къ вамъ отправится. Письмо сіе пишетъ за меня Нарышкинъ, потому что я третьяго дня обрѣзалъ себѣ палецъ.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, какъ бы ты противъ меня не перемѣнился, я не могу тебя не любить, и какъ прежде тебѣ писалъ, больно терять старыхъ друзей тому, кто не любитъ заводить новаго знакомства.

Пакеты къ Сабанѣеву и Ермолову, сдѣлай милость, отошли.

Прощай, живи здорово и весело. Весь твой.

263.

4-го (16-го) мая 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Письмо твое отъ 1-го апрѣля я получилъ, за которое весьма тебѣ благодаренъ. Курьеровъ буду отсылать въ положенное время и прямо въ Петербургъ. О Бутурлинѣ вышелъ отказъ, стало и рапортъ мой о немъ, сдѣлай милость, истреби.

Что ты мнѣ говоришь о моихъ письмахъ въ Варшаву, доказываетъ мнѣ твою дружбу и участіе, что ты берешь въ моихъ дѣлахъ, и потому меня обрадовало сердечно, но ты меня слишкомъ хвалишь и съ другой стороны не хочешь признаваться, что меня гонятъ. Я сужу потому что̀ со мною дѣлаютъ, по бумагамъ что̀ я получаю и по своимъ чувствамъ. Съ тѣхъ поръ что я здѣсь, я ни одного слова пріятнаго не получилъ, и въ теченіе послѣднихъ 10 мѣсяцевъ почти безпрестанно какая нибудь непріятность до того, что при пріѣздѣ каж-

даго фельдъегеря руки не поднимаются распечатывать пакетъ и ежели подъ вечеръ, то оставляю до утра, дабы какой нибудь выговоръ не помѣшалъ сну. Что это за состояніе, и почему долженъ я присудиться на оное на всю жизнь свою? Чѣмъ заслужилъ я это? Ежели въ чемъ есть погрѣшимости, то надо ихъ свѣсить положа и съ услугами. Ежели за одно бранятъ, то пусть за другое объявятъ удовольствіе. Ежели Полторацкаго бригада и въ самомъ дѣлѣ такъ дурна, что я заслуживаю за оную строгій выговоръ, то пусть бы дали оный, но также пусть бы что нибудь сказали и за то, что въ три года почти здѣсь пребыванія, корпусъ остался совершенно русскимъ, люди сбережены, умершихъ и больныхъ почти нѣтъ, дисциплина такая что жители насъ любятъ. Какое же это правосудіе? За дурное безъ разбору бранятъ, за хорошее не хвалятъ, на письма справедливыя и покорныя не отвѣчаютъ, и ты хочешь послѣ этого, чтобъ я все былъ покоенъ, увѣренъ въ милости и остался бы навсегда въ таковомъ положеніи; нѣтъ, любезный, я это не въ силахъ сдѣлать. Я совсѣмъ не думаю, чтобъ я нуженъ былъ службѣ, напротивъ, она мнѣ нужна, потому что я къ оной привыкъ, что проведши въ оной лучшее время жизни моей, всякое другое состояніе мнѣ сперва покажется скучно; но нельзя съ нею не растаться, когда она сопряжена съ униженіемъ, и мнѣ лучше будетъ не только быть внѣ оной, но хоть въ пустынѣ, нежели всякій день ждать непріятность и быть трактованнымъ какъ послѣдній человѣкъ. Слава Богу, осенью будетъ Государь сюда, худо-ли мнѣ будетъ или хорошо, но отставки кажется отказать нельзя, а можетъ быть и не дождутся просьбы, чтобы уволить. Я все употреблю, чтобы показать корпусъ какъ должно и съ тѣхъ поръ какъ печатное ученіе есть, то у насъ учатся всякій день по оному, но за малую или большую ошибку ручаться нельзя, и будетъ со мною что было съ Петромъ Кириловичемъ Эссеномъ подъ Вертю. Ежели же будетъ удача, то я буду просить въ награжденіе то, чего не досталось въ видѣ наказанія.

Теперь мы ждемъ Великаго Князя Михаила Павловича, онъ долженъ смотрѣть корпусъ и донести объ этомъ Государю. По вышеозначеннымъ причинамъ я буду ждать его сужденія съ почтеніемъ, но приготовясь къ худшему.

Вотъ, мой истинный и любезный другъ, чистыя мои чувства, о коихъ я ни съ кѣмъ не говорю, потому что оное ни къ чему не служитъ, да я притомъ же того мнѣнія, что покамѣстъ человѣкъ еще не уволенъ, онъ не долженъ подавать примѣръ, что можно въ военной службѣ показывать неудовольствіе на высшую власть.

немъ учился. Я же тебя увѣряю, что по моему ежели-бъ не по вышеприписанной причинѣ, я бы скорѣе показалъ ученье изъ 2-й бригады или изъ 41-го полка. Съ тѣхъ поръ, какъ книги печатныя объ ученьяхъ присланы, всѣ полки натурально должны были утвердиться въ оныхъ и мнѣ кажется, что ежели въ Петербургѣ вѣрили (а что вѣрили, въ томъ и сомнѣнія нѣтъ), что я здѣсь завожу татарщину и не занимаюсь предписаннымъ, то должно бы меня тотчасъ смѣнить, ибо положимъ, чтобы у меня и были мысли въ разсужденіи ученья несогласныя съ предписаннымъ, все-таки надо мнѣ быть сумасшедшему или пошлому дураку и скотинѣ, чтобы думать и смѣть дѣлать въ войскахъ государевыхъ, не по повелѣнію Государя, а по моей головѣ. Сумасшедшему же или пошлому дураку, кажется, не должно давать команду надъ корпусомъ и еще въ чужой землѣ, гдѣ есть еще и кромѣ ученій нѣкоторыя обязанности и хлопоты. Паскевичъ и Алединскій мнѣ сказали, что они ждали найти корпусъ въ безпорядкѣ. Неужели Паскевичъ, служившій со мною четыре года вмѣстѣ, могъ сему повѣрить на мой счетъ; какіе же должны быть на мой счетъ у васъ толки? И какія должны быть мои чувства, когда я вижу подобное возмездіе за усѣрдіе и стараніе, коимъ нѣтъ свидѣтеля кромѣ Бога. Не могу описать тебѣ, сколь мнѣ отвратительно объ этомъ думать и сколь я болѣе и болѣе чувствую, что остаться служить не могу и не долженъ. Ежели при узнаніи правды и сказали бы спасибо, то эти два года мученія и униженія не изгладятъ, и я только сплю и вижу, когда бы это все кончилось и когда послѣ проклятой сей коммиссіи можно мнѣ быть на волѣ и независимымъ отъ злости и интригъ. Смерть фельдмаршала (Барклая-де-Толли), которую видимъ въ газетахъ, также еще подкрѣпляетъ мое намѣреніе. Онъ былъ дѣйствительно одинъ покровитель мой въ арміи и всегда былъ ко мнѣ милостивъ.

Я знаю, что у васъ его мало чтили, но современемъ увидишь, что его замѣстить не легко, да еще дай Богъ, чтобы порядокъ имъ заведенный въ арміи не былъ скоро разстроенъ.

При семъ найдешь ты рапортъ на имя Государя, въ разсужденіи Нашебургскаго полка, на счетъ коего я долженъ войти въ нѣкоторыя объясненія. Полковникъ сего полка Жоховъ, есть человѣкъ, который не умѣлъ себѣ пріобрѣсть почтеніе офицеровъ и кромѣ того придерживается немного горячимъ напиткамъ (сіе остается между нами); впрочемъ, на него жаловаться не могу, и полкъ держалъ всегда въ исправности, особливо по хозяйственной части. При послѣднемъ смотрѣ, бригаднымъ командиромъ сдѣланномъ, два штабъ-офицера сего полка

представили генералу, что полковой командиръ часто бываетъ при фронтѣ пьянъ и никакого почтенія къ себѣ не вселяетъ. Дивизіонный командиръ хотѣлъ было сперва сіе дѣло остановить и кончить безъ шуму; но такъ какъ съ обѣихъ сторонъ не хотѣли мириться и кончилось бы слѣдствіемъ, а можетъ быть и военнымъ судомъ, то уговорили, наконецъ, съ большимъ трудомъ на слѣдующее:

Жоховъ самъ почувствовалъ, что ему остаться въ семъ полку нельзя и просится во внутреннюю стражу. Я же дабы не ободрять доносы противъ начальниковъ, хотя даже и справедливые, обоихъ маіоровъ, подавшихъ жалобу бригадному командиру, прикомандировалъ къ другимъ полкамъ, и теперь о переводѣ ихъ въ оные представляю. Въ полковые же командиры, вмѣсто Жохова, представляю подполковника Врангеля, стараго и преотличнаго офицера во всѣхъ частяхъ, т. е. для мира, для войны и для ученья. Сдѣлай милость, помоги о семъ переводѣ и коли нужно, то и скажи сколько захочешь изъ содержанія письма сего.

Теперь о другомъ и совершенно о партикулярномъ дѣлѣ: такъ какъ оно можетъ быть дошло бы и безъ того, то лучше, чтобы ты зналъ всю правду.

Съ послѣднимъ курьеромъ я доносилъ Государю, что м..... Мордвинова Тверскаго полка отсылаю въ резервный эскадронъ; послѣ перваго сдѣланнаго по сему слѣдствія, онъ напалъ на Каблукова не позволительнымъ манеромъ за то, что будто слѣдствіе о его дѣлѣ не хорошо сдѣлали; Каблуковъ, разумѣется, лучше бы сдѣлалъ когда его арестовавъ, мнѣ о томъ представилъ, онъ вмѣсто того, только велѣлъ слѣдствіе снова сдѣлать, и какъ по оному открылось, что первое было справедливо и что точно онъ жестокостію своею былъ причиною смерти эскадроннаго закройщика, то я приказалъ отправить его въ резервный эскадронъ. Теперь я узналъ, что такъ какъ Каблуковъ счелъ его вышедшимъ изъ подъ его команды, то за грубое его обхожденіе послѣ перваго слѣдствія, вызвалъ его на дуэль. Они дрались на пистолетахъ и Мордвиновъ раненъ въ ногу.

Я пишу Алексѣеву, чтобы какъ скоро рана позволитъ ему отправиться, онъ бы непремѣнно былъ отправленъ какъ наискорѣе къ своему мѣсту.

Прощай, любезный другъ, рекомендую тебѣ приложенныя письма; братъ твой здоровъ; у насъ слышно, что ты женишься; дай Богъ, чтобы это была правда и чтобы ты надѣлалъ маленькихъ Закревскихъ, которые бы современемъ были такіе же честные люди, какъ и ты.

Объ исполненіи по сему прошу тебя постараться для пользы полка того, оно не въ одолженіе ни мнѣ, ни другому кому, а единственно для выгоды службы. Что же касается до представленій о милостяхъ, то теперь и въ корпусѣ мало кто о нихъ думаетъ, ибо знаютъ, что по моимъ представленіямъ не выходятъ и что весь корпусъ не въ милости. Нѣтъ зла безъ добра, и отъ сего и я въ ожиданіи скораго конца всей исторіи, самъ спокойнѣе и не боюсь всегда непріятныхъ отказовъ.

О назначеніи Сакена узнали мы чрезъ Казначеева, не знаю какъ теперь сладятъ съ Витгенштейномъ, ежели онъ найдетъ, что 2-я армія мала, и съ Дибичемъ, ежели начальникомъ штаба не захочетъ быть у Сакена. Впрочемъ, мѣсто начальника штаба таково, что непремѣнно должна быть не только довѣренность, но и привычка между онымъ и командующимъ, безъ чего дѣла не могутъ идти плавно.

Батюшка пишетъ ко мнѣ, что получилъ отъ тебя отношеніе о формулярѣ своемъ, но не имѣвъ онаго со времени, что оставилъ военную службу и не знавъ формы какъ отвѣчать, онъ просилъ меня приготовить ему письмо къ тебѣ, въ коемъ онъ тебѣ скажетъ все, что по сему помнитъ. Съ будущимъ курьеромъ оно будетъ отправлено.

Прощай, любезнѣйшій другъ, мнѣ на дняхъ придется съѣздить въ Парижъ для требованія законнаго сужденія, по всей строгости, шельмовъ дуанщиковъ, кои опять застрѣлили казака. Правда и казаки несносны, ихъ уже и наказывали и сквозь строй гнали, и все-таки изрѣдка кто нибудь да пускается на контрабанду. Правда, живутъ на границѣ, и если они мужиками подговорены бываютъ купить табаку или сахару, то ужасно трудно увѣрить людей, что въ этомъ есть грѣхъ. Все это, однако, не извиняетъ дуанщиковъ, ибо по законамъ они не могутъ стрѣлять иначе какъ въ свою собственную защиту, а сіи казаки были безъ оружія и даже не останавливались.

Въ Парижѣ я похлопочу и все узнаю про твои коммиссіи и во всемъ возможное сдѣлаю.

Коли можешь дай знать, когда намъ здѣсь должно ждать Государя, ежели какъ пишутъ, онъ только въ сентябрѣ с. с. (стараго стиля) выѣдетъ, то не скоро же будетъ—мы же думали, что въ октябрѣ намъ походъ.

266.

8-го (20-го) сентября 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ.

Курьера сего мѣсяца отправить прежде не могъ, потому что у насъ много было смотровъ, а именно: большой англійскій вмѣстѣ съ саксонцами, датчанами и ганноверцами, потомъ нашей пѣхотѣ, казакамъ и артиллеріи въ присутствіи герцога кентскаго, сына англійскаго короля. Завтра же ѣду на саксонскій праздникъ, куда меня звали, почему и не успѣю много писать.

Лобанова посылаю въ Ахенъ съ бумагами о предполагаемыхъ моихъ распоряженіяхъ на случай похода, для утвержденія Государя.

Остается желать одно, а именно: чтобы Государь пріѣхалъ къ намъ сюда до выступленія нашего; нѣкоторые люди думаютъ, что онъ не будетъ и я почту сіе за совершенное несчастіе, ибо какъ бы ни удалось показать корпусъ, худо или хорошо, но все Государь бы увидѣлъ, что оный не испорченъ и буду ли я еще служить или нѣтъ, но крѣпко желаю, чтобы Государь мой и соотечественники знали, что корпусъ въ рукахъ моихъ не испортился и не офранцузился. Ежели же, къ несчастію, Государь оный не увидитъ, то я не предвижу конца ни непріятностямъ, ни фальшивымъ толкамъ, корпусъ разойдется и въ настоящемъ видѣ никогда уже не явится.

Дай Богъ, чтобы съ будущимъ курьеромъ я могъ тебя увѣдомить, что корпусъ былъ представленъ и что мое дѣло кончено.

Лонгинова можетъ быть скоро увижу—тебя я думаю не скоро еще, какъ бы лично сего не желалъ.

Коммиссіи твои всѣ въ работѣ и я пекусь о нихъ, какъ о своихъ. Прощай, любезнѣйшій другъ, будь здоровъ и люби истинно тебя любящаго.

267.

19-го (31-го) октября 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, наконецъ смотръ корпуса нашего кончился благополучно. Изъ приказа, отданнаго Государемъ, и изъ писемъ, что ты вѣрно получишь, ты увидишь, что насъ нашли въ совершенномъ порядкѣ и устройствѣ, что Государь нѣсколько разъ

повторялъ; одно только примѣчаніе было на счетъ того, что люди недовольно вытягиваютъ внизъ носки

Мнѣ пожалована владимірская лента и, что лучше того, Алексѣеву, Понсету и Лисаневичу даны аренды. За сіе я несчетно благодаренъ Государю, ибо сіи почтенные и заслуженные люди почти не имѣютъ чѣмъ жить. Что же касается до меня, то признаюсь тебѣ какъ другъ, что послѣ примѣровъ Ермолова, Волконскаго и Коновницына мнѣ казалось, что я могъ надѣяться на полученіе чина, ибо въ мирное время никакого случая нельзя найти подобнагот ому, который представился (бы) въ мою пользу, и потерявъ теперь и остатки куража и надежды не могу не видѣть особливое противъ меня неблаговоленіе. Совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ, корпусъ поддерживалъ въ теченіе трехъ лѣтъ и даже возвысилъ честь имени русскаго, притомъ остался совершенно русскимъ, не потерялъ ни въ чемъ ни привычекъ, ни обычаевъ своей родины; люди всѣмъ довольны, одѣты, смертности такъ мало, что и примѣра тому никогда не было, бѣглыхъ почти нѣтъ, суммы такъ сбережены, что при всемъ скудномъ положеніи отъ Канкрина и при богатомъ и полномъ удовольствованіи всѣхъ чиновъ на будущій годъ, я представилъ слишкомъ два съ половиною милліона экономіи. Въ добрый часъ и людямъ, которымъ при дворѣ хорошо, сія статья одна бы доставила владимірскую ленту, особливо коли помнить, что, кромѣ того, я имѣлъ разрѣшеніе употребить еще въ пользу офицеровъ по 500,000 въ годъ, изъ коихъ ни гроша не употребилъ и за три года, вмѣстѣ съ прежде сказанной экономіей, это составляетъ 4 милліона, которые я сберегъ для казны. Я знаю, что я не старъ и что производствомъ многихъ бы обошелъ, но коммиссія, которую я здѣсь имѣлъ, была такова, что по счастливому окончанію оной, производство мое никого бы не удивило, и даже Паленъ и Сабанѣевъ врядъ бы обидѣлись, ибо знаютъ, что эти три года за дѣйствительную службу могли бы считаться. Не знаю, былъ-ли бы того же мнѣнія Васильчиковъ, но при всемъ моемъ душевномъ къ нему почтеніи за его службу въ 1812 году, я знаю также, что я, по крайней мѣрѣ, служилъ кампаніи пять лѣтъ больше, нежели онъ, и обойти его мнѣ бы совсѣмъ не было совѣстно.

За одну личную ко мнѣ милость я очень благодаренъ, а именно, что мнѣ разрѣшено оставить корпусъ въ Германіи, когда почту приличнымъ, и ѣхать въ отпускъ, на сколько я захочу, къ батюшкѣ. Потерявъ куражъ и ревность къ службѣ, буду, по крайней мѣрѣ, наслаждаться покоемъ между родными, далеко отъ зависти, отъ злобы и отъ заботъ.

Съ Волконскимъ я объяснился весьма хорошо и, кажется, что онъ теперь меня не гонитъ. Великіе Князья (особливо Михаилъ Павловичъ) весьма ко мнѣ были милостивы. Чернышевъ и Ожаровскій и даже толстякъ Потоцкій не скрывали ко мнѣ злость и она была примѣтна на лицахъ у нихъ. Лонгиновъ былъ здѣсь и вчера уѣхалъ въ Парижъ, куда и я ѣду завтра дня на три. Мы много говорили о тебѣ, хотя оно уже и не нужно было, но онъ еще болѣе успокоилъ и увѣрилъ меня въ твоей ко мнѣ дружбѣ. Гдѣ бы я ни былъ и чтобы я ни дѣлалъ, она будетъ для меня всегда драгоцѣнна и лестна и вѣрь, что я тебя всегда буду любить душевно.

Больше писать сегодня не могу, ибо дѣла много, нѣкоторые полки уже выступили. Корпусная квартира выступила 6-го (18-го) октября.

Прощай, любезнѣйшій другъ. Приложенное письмо, сдѣлай милость, доставь.

268.

12-го (24-го) ноября 1818 г. Ахенъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, благодарю тебя отъ всего сердца за письмо отъ 21-го октября. Поздравляю тебя съ вступленіемъ въ новый и, конечно, лучшій родъ жизни и желаю обоимъ вамъ благополучія, коимъ въ семъ свѣтѣ пользоваться можно.

Что я тебѣ сказалъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ про брата твоего, къ несчастію оказалось справедливымъ. Государь много милостей намъ въ корпусѣ сдѣлалъ, многихъ пожаловалъ, но въ производствѣ нѣкоторыхъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, между коими и братъ твой находился, никакъ нельзя было успѣть и вышелъ отказъ.

Нечего дѣлать и вотъ попозже можно будетъ еще попробовать. Черезъ нѣсколько дней еще писать буду, а курьера за ноябрь отправлю, я думаю, изъ Касселя, ибо въ походѣ полки на большихъ дистанціяхъ и не могутъ въ обыкновенное время доставлять рапорты.

Прощай, Богъ съ тобою.

(Приписка). Вы уже вѣрно знаете про заговоръ, сдѣланный противъ Государя, это точно справедливо и кабы недостатокъ въ деньгахъ не принудилъ ихъ адресоваться къ людямъ, кои ихъ предали, эти шельмы можетъ быть бы успѣли въ ужасномъ намѣреніи своемъ, пагубномъ для Россіи и для Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безполезномъ и для нихъ самихъ. Но люди, кои не имѣютъ ни совѣсти, ни состоя-

нія, всегда готовы на шумъ и несчастіе, ибо терять имъ нечего, а выиграть что-нибудь всегда надѣятся.

Государь принялъ все это со свойственной ему твердостію и хладнокровіемъ и даже трудно было его уговорить, чтобы Веллингтонъ могъ велѣть взять нужныя мѣры предосторожности на дорогѣ отъ Ахена въ Брюссель.

269.

2-го (14-го) декабря 1818 г. Витценгаузенъ, близъ Касселя.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! По неимѣнію подъ рукой обыкновенной бумаги, пишу на большой, однако прошу не пугаться, письмо отъ этого длиннѣе не будетъ.

Курьеръ сей съ октябрскими рапортами отправленъ поздно, но все еще прежде Государя будетъ въ Петербургѣ.

Имѣю отвѣчать на два письма твои, отъ 21-го октября и 3-го ноября. Въ разсужденіи коммиссій твоихъ не надо меня благодарить, ибо я болѣе имѣю удовольствія, когда могу тебѣ сдѣлать пріятное, нежели когда для себя хлопочу самого. Все возможное по твоимъ приказаніямъ сдѣлалъ и надѣюсь, что многое тобою получено и въ хорошемъ видѣ. Два тюка еще остались въ Мобежѣ, которые пойдутъ весною и я ихъ снабжу листами для провоза чрезъ таможню безъ хлопотъ и не спрашивая ни у кого, то же самое и съ тѣми, кои будутъ еще въ Парижѣ. Третьяго дня въ Касселѣ получилъ я письмо твое, 27-го октября, съ новой коммиссіей о блондахъ и кружевахъ, теперь стало нельзя было по оной исполнить, но по возвращеніи въ Парижъ имѣю намѣреніе ѣхать въ Англію чрезъ Мобежъ и Брюссель. Я самъ эту коммиссію исполню и съ первымъ тогда курьеромъ отъ Великой Княгини къ тебѣ отправлю.

Передъ тѣмъ, какъ оставлю корпусъ, я еще буду писать къ тебѣ подробно и пошлю рапорты ноябрскіе, также нѣкоторыя общія свѣдѣнія о возвращающихся войскахъ.

Мы идемъ благополучно, и по трехлѣтнемъ пребываніи въ землѣ французской, при оставленіи оной, изъ 30-ти тысячъ не оставили 15-ти дезертировъ, изъ коихъ еще большее число изъ людей найденныхъ во Франціи и по наказаніи записанныхъ въ наши полки. Такого счастья признаюсь что я и не ожидалъ, и хотя надѣялся, что бѣглыхъ будетъ

Съ Волконскимъ я объяснился весьма хорошо и, кажется, что онъ теперь меня не гонитъ. Великіе Князья (особливо Михаилъ Павловичъ) весьма ко мнѣ были милостивы. Чернышевъ и Ожаровскій и даже толстякъ Потоцкій не скрывали ко мнѣ злость и она была примѣтна на лицахъ у нихъ. Лонгиновъ былъ здѣсь и вчера уѣхалъ въ Парижъ, куда и я ѣду завтра дня на три. Мы много говорили о тебѣ, хотя оно уже и не нужно было, но онъ еще болѣе успокоилъ и увѣрилъ меня въ твоей ко мнѣ дружбѣ. Гдѣ бы я ни былъ и чтобы я ни дѣлалъ, она будетъ для меня всегда драгоцѣнна и лестна и вѣрь, что я тебя всегда буду любить душевно.

Больше писать сегодня не могу, ибо дѣла много, нѣкоторые полки уже выступили. Корпусная квартира выступила 6-го (18-го) октября.

Прощай, любезнѣйшій другъ. Приложенное письмо, сдѣлай милость, доставь.

268.

12-го (24-го) ноября 1818 г. Ахенъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, благодарю тебя отъ всего сердца за письмо отъ 21-го октября. Поздравляю тебя съ вступленіемъ въ новый и, конечно, лучшій родъ жизни и желаю обоимъ вамъ благополучія, коимъ въ семъ свѣтѣ пользоваться можно.

Что я тебѣ сказалъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ про брата твоего, къ несчастію оказалось справедливымъ. Государь много милостей намъ въ корпусѣ сдѣлалъ, многихъ пожаловалъ, но въ производствѣ нѣкоторыхъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, между коими и братъ твой находился, никакъ нельзя было успѣть и вышелъ отказъ.

Нечего дѣлать и вотъ попозже можно будетъ еще попробовать. Черезъ нѣсколько дней еще писать буду, а курьера за ноябрь отправлю, я думаю, изъ Касселя, ибо въ походѣ полки на большихъ дистанціяхъ и не могутъ въ обыкновенное время доставлять рапорты.

Прощай, Богъ съ тобою.

(Приписка). Вы уже вѣрно знаете про заговоръ, сдѣланный противъ Государя, это точно справедливо и кабы недостатокъ въ деньгахъ не принудилъ ихъ адресоваться къ людямъ, кои ихъ предали, эти шельмы можетъ быть бы успѣли въ ужасномъ намѣреніи своемъ, пагубномъ для Россіи и для Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безполезномъ и для нихъ самихъ. Но люди, кои не имѣютъ ни совѣсти, ни состоя-

нія, всегда готовы на шумъ и несчастіе, ибо терять имъ нечего, а выиграть что-нибудь всегда надѣятся.

Государь принялъ все это со свойственной ему твердостію и хладнокровіемъ и даже трудно было его уговорить, чтобы Веллингтонъ могъ велѣть взять нужныя мѣры предосторожности на дорогѣ отъ Ахена въ Брюссель.

269.

2-го (14-го) декабря 1818 г. Витценгаузенъ, близъ Касселя.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! По неимѣнію подъ рукой обыкновенной бумаги, пишу на большой, однако прошу не пугаться, письмо отъ этого длиннѣе не будетъ.

Курьеръ сей съ октябрскими рапортами отправленъ поздно, но все еще прежде Государя будетъ въ Петербургѣ.

Имѣю отвѣчать на два письма твои, отъ 21-го октября и 3-го ноября. Въ разсужденіи коммиссій твоихъ не надо меня благодарить, ибо я болѣе имѣю удовольствія, когда могу тебѣ сдѣлать пріятное, нежели когда для себя хлопочу самого. Все возможное по твоимъ приказаніямъ сдѣлалъ и надѣюсь, что многое тобою получено и въ хорошемъ видѣ. Два тюка еще остались въ Мобежѣ, которые пойдутъ весною и я ихъ снабжу листами для провоза чрезъ таможню безъ хлопотъ и не спрашивая ни у кого, то же самое и съ тѣми, кои будутъ еще въ Парижѣ. Третьяго дня въ Касселѣ получилъ я письмо твое, 27-го октября, съ новой коммиссіей о блондахъ и кружевахъ, теперь стало нельзя было по оной исполнить, но по возвращеніи въ Парижъ имѣю намѣреніе ѣхать въ Англію чрезъ Мобежъ и Брюссель. Я самъ эту коммиссію исполню и съ первымъ тогда курьеромъ отъ Великой Княгини къ тебѣ отправлю.

Передъ тѣмъ, какъ оставлю корпусъ, я еще буду писать къ тебѣ подробно и пошлю рапорты ноябрскіе, также нѣкоторыя общія свѣдѣнія о возвращающихся войскахъ.

Мы идемъ благополучно, и по трехлѣтнемъ пребываніи въ землѣ французской, при оставленіи оной, изъ 30-ти тысячъ не оставили 15-ти дезертировъ, изъ коихъ еще большее число изъ людей найденныхъ во Франціи и по наказаніи записанныхъ въ наши полки. Такого счастья признаюсь что я и не ожидалъ, и хотя надѣялся, что бѣглыхъ будетъ

мало, но не могъ думать, что во всемъ корпусѣ будетъ меньше, нежели въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ ротахъ въ 1814 году. Я послѣ о семъ подробно же донесу. Теперь мы идемъ по ужаснымъ дорогамъ и проходя по 4 и по 5 нѣмецкихъ миль, но все я утѣшаюсь тѣмъ, что вывелъ столь счастливо ввѣренный мнѣ россійскій корпусъ изъ чужой и не благословенной земли. Когда меня здѣсь оставили, то такого успѣха не ждали, впрочемъ я зналъ, что за это спасибо не скажутъ, хотя въ случаѣ противномъ вся отвѣтственность легла бы на меня.

Ты писалъ мнѣ о Голицынѣ, а онъ уже былъ тогда переведенъ въ гвардію, что меня весьма обрадовало, ибо онъ славный офицеръ, съ способностями, воспитаніемъ и преблагородныхъ правилъ. Вообще я чувствую, что ежели меня не хотѣли наградить, по крайней мѣрѣ много показали милостей представленнымъ мною и еще меня тѣмъ болѣе обрадовало, что безъ этого мнѣ бы стыдно было разстаться съ корпусомъ и ежели надо уже бы было выбирать изъ двухъ одно, т.-е. чтобы наградили одного меня, а другимъ отказъ, или чтобы меня забыть, а довольное число товарищей моихъ наградить, то я бы, конечно, выбралъ послѣднее, ибо на чтобы мнѣ и чинъ, коли и съ онымъ мнѣ было бы стыдно показаться сослуживцамъ моимъ? Внѣ же службы всѣ чины почти равны.

Не думай, впрочемъ, оттого, что я почитаю себя достойнымъ непремѣнно производства и что я мало чту владимірскую ленту. Ежели бы не примѣры Ермолова, Волконскаго и пр. я бы не могъ ожидать производства, хотя моя коммиссія здѣсь была особая и что еще въ 1815 году мнѣ говорили люди, коимъ можно было вѣрить, что въ случаѣ благополучнаго исполненія сего препорученія, я могу надѣяться быть произведеннымъ. Съ Ермоловымъ въ достоинствахъ и въ пользѣ, которую онъ, конечно, принесетъ въ Грузіи, я равняться не могу и сіе говорю по совѣсти и какъ передъ Богомъ, но коли его за одно посольство произвели, то я могъ ждать того же и долженъ видѣть и чувствовать, что меня не хотятъ произвести по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ. Что же мнѣ теперь ждать? Случая никогда подобнаго бы нельзя выдумать и я оставленъ въ то время, когда другихъ производятъ, стало завтра можетъ быть произведутъ Поццо-ди-Борго или Чернышева или другаго, коему дадутъ препорученіе и я бы долженъ это видѣть, чувствуя, что имѣлъ также препорученіе особливо важное и необычайное и за которое не награжденъ, хотя оное исполнено коли не искусствомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ особымъ счастіемъ. А ты знаешь, что въ исполненіи важныхъ коммиссій въ нашемъ ремеслѣ не надо очень раз-

бирать, между этими двумя способами, и я хоть бы чувствовалъ, что у меня все было счастіе, а не искусство, но вы мнѣ сего доказать не можете. Вотъ, мой любезный другъ, что во мнѣ убиваетъ всякую охоту и склонность къ службѣ и заставляетъ думать о тысячи непріятныхъ вещахъ, ибо для меня всѣ планы, не сопряженные со службою, какъ бы ни выгодны по многимъ отношеніямъ, безъ привычки и сначала, кажутся скучными. Ежели бы я былъ женатъ, то скорѣе бы привыкнулъ, но сего не будетъ, пока не встрѣчу невѣсты точно по склонности и знакомству и, слѣдовательно, не скоро еще будетъ, а между тѣмъ, служить какъ будто подъ наказаніемъ, безъ всякой по совѣсти причины, никакъ не могу.

Говоря про награды въ корпусѣ, нѣкоторые только не доставали, чтобы меня совсѣмъ утѣшить и, между прочимъ, производство нѣкоторыхъ штабъ-офицеровъ, между коими и братъ твой. Не мудрено, мнѣ въ семъ не повѣрили, но на примѣръ смѣло могу сказать, что у Государя нѣтъ въ арміи лучше, способнѣе и почтеннѣе полковаго командира, какъ Врангель, коего я просилъ произвесть въ полковники, и что нѣтъ человѣка, коего полезнѣе бы было одобрить. Лисовскаго то же право грѣшно не произвесть, тогда какъ въ глазахъ нашихъ производятъ Брашныхъ и другихъ, кои меньше лѣтъ въ службѣ, нежели Лисовскій въ одномъ полковничьемъ чинѣ.

Письма твои къ Желтухину исправно отданы и отъ него къ тебѣ посылка при семъ посылается.

Софьѣ Алексѣевнѣ Раевской прошу изъявить мое нижайшее почтеніе и сказать, что сына ея я отправлю по желанію Николая Николаевича въ Кіевъ, откуда ему легко будетъ поѣхать въ Петербургъ и коли нужно, то Сакенъ не откажетъ позволенія.

Приложенный пакетъ на имя Бенжемини прошу покорнѣйше отослать въ нашъ домъ. Фельдъегерь твой въ Парижъ поѣхалъ.

Прощай, любезнѣйшій другъ, будь здоровъ и веселъ и люби того, который вѣкъ любить тебя будетъ.

P. S. Я забылъ тебѣ сказать или лучше сказанное повторить, что во все время, что я имѣлъ близкія сношенія съ Волконскимъ, онъ не только меня не гналъ, но во всякомъ случаѣ оказывалъ помощь и дружеское расположеніе, за что я ему истинно благодаренъ. То же самое долженъ сказать и про Меншикова.

Волконскій уже мнѣ сказалъ, что просилъ Государя о моемъ производствѣ. Немилость идетъ видно свыше.

Хотѣлъ было писать меньше, но написалъ много, въ чемъ и

прошу прощенія. Когда пишу къ другу обо всемъ откровенно, то не умѣю въ пору остановиться.

270.

9-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Любезный Арсеній Андреевичъ, письмо твое изъ Москвы я вчера получилъ и весьма за оное тебя благодарю. Каждый знакъ твоей ко мнѣ дружбы и памяти, сердечно меня радуетъ, ибо ты мнѣ старый другъ, я тебя люблю душевно, познакомились мы не въ передникъ и не на вахтъ-парадѣ, а тамъ, гдѣ людей узнаютъ и гдѣ связи основываются твердыя, ибо начало оныхъ, смѣю сказать, взаимное уваженіе. Ты меня спрашиваешь, что я намѣренъ дѣлать? Планы мои почти тѣ же о сію пору, что были прежде пріѣзда моего сюда.

Государь меня принялъ весьма милостиво и ежели ему непріятно, чтобы я пошелъ въ отставку, то я не пойду, но служить также я не расположенъ и не гожусь и потому воспользуюсь, я думаю, позволеніемъ быть и жить, гдѣ по здоровью и по домашнимъ обстоятельствамъ мнѣ лучше. Здѣсь многіе думали, что иду въ отставку отъ того, что не производятъ, правда, во Франціи я могъ сего ждать и желать, теперь же и думать о томъ нельзя мимо Васильчикова. Мнѣ бы самому было стыдно съ нимъ встрѣтиться, а я, слава Богу, еще не стыдился никогда полученныхъ награжденій по службѣ. Стало быть эта причина не могла дѣйствовать, а склонили меня другія, о коихъ ты вѣрно могъ догадаться и о коихъ мы поговоримъ, когда ты здѣсь будешь. Съ нетерпѣніемъ буду тебя ждать, любезный другъ, и также съ большимъ нетерпѣніемъ буду ждать пріѣзда Ермолова.

Прощай, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, мое почтеніе твоей супругѣ Жена благодаритъ тебя за память и вамъ обоимъ кланяется. Мы здѣсь остаемся до мая мѣсяца, слѣдовательно еще съ вами здѣсь поживемъ.

271.

26-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Любезный Арсеній Андреевичъ, послѣ послѣдняго моего къ тебѣ письма, я имѣлъ разговоръ съ Государемъ, который поступилъ со мною

такъ милостиво, что мнѣ нельзя уже продолжать проситься въ отставку. Отпускъ у меня остается и въ чужіе края на полтора года, послѣ чего я готовъ служить гдѣ угодно Его Величеству, только просилъ милости, чтобы это было въ южныхъ провинціяхъ, что угодно было Государю и обѣщать.

Что больше всего меня обрадовало, это рескриптъ, который ты уже видѣлъ въ газетахъ и въ коемъ Его Величество столь лестно говоритъ на счетъ корпуса и всѣхъ мѣръ мною взятыхъ для выполненія препорученности на меня возложенной. Сей рескриптъ совершенно долженъ успокоить и меня и товарищей моихъ, имѣвшихъ причину думать, что нами Государь былъ недоволенъ. Его Величество еще лично мнѣ изволилъ сказать, что поведеніе всѣхъ полковъ, возвратившихся изъ Франціи, вездѣ есть отличное и что всѣ корпусные командиры оные весьма хвалятъ. Все сіе дѣлаетъ, что мнѣ не стыдно будетъ съ старыми товарищами встрѣтиться, ежели служба когда-нибудь меня къ тому приведетъ, я больше и желать не былъ въ правѣ.

Въ разсужденіи адъютантовъ, Государь также изволилъ, чтобы они при мнѣ остались даже и въ отсутствіи въ чужіе края, прикомандируя ихъ на то время въ другіе корпуса, для того, чтобы быть при ученьяхъ и маневрахъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ тебя здѣсь, я остаюсь въ Петербургѣ до мая мѣсяца. Жена, я думаю, черезъ недѣлю родитъ. Дай Богъ, чтобы было счастливо. Супругѣ твоей отъ насъ обоихъ низкій поклонъ. Прощай, будь здоровъ, пріѣзжай и привези къ намъ Ермолова.

272.

8-го января 1826 г. Одесса.

Еще изъ Таганрога хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, но безпрестанныя печальныя тамъ занятія и невозможность, по слабости глазъ моихъ, писать самому, мнѣ въ томъ помѣшали. Теперь тѣмъ болѣе спѣшу побесѣдовать съ тобою, что имѣю пріятный долгъ поздравить тебя съ полученіемъ Александровской ленты. По перепискѣ твоей съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ) узналъ я о твоемъ намѣреніи быть въ Петербургѣ, но что ты былъ задержанъ присягою Его Высочеству Константину Павловичу, потомъ настала пріятнѣйшая присяга Николаю Павловичу. И такъ я полагаю, что ты не могъ прежде привести въ дѣйствіе намѣреніе свое, какъ тогда, когда

всѣ твои чухонцы присягнули на вѣрность сему новому Государю, Богомъ намъ данному, какъ единственное утѣшеніе послѣ ужаснаго несчастія насъ постигшаго. Мое намѣреніе было проситься въ Петербургъ, дабы присутствовать и отдать послѣдній долгъ во время похоронъ покойнаго нашего Благодѣтеля; но проклятая чума, появившаяся не у насъ, но въ Молдавіи и въ самыхъ Яссахъ, заставляетъ меня быть на мѣстѣ и въ готовности для предупрежденія, сколько возможно, зла сего въ наши предѣлы. Надѣюсь, что Богъ дастъ все будетъ хорошо, и что чрезъ нѣсколько времени опасность минуетъ. Напиши мнѣ, что дѣлаешь и что ты дѣлать хочешь? Я воображаю удивленіе и злость твою, когда услышалъ о предпріятіяхъ въ Петербургѣ 14-го декабря; надѣюсь, что это не кончится безъ висѣлицы и что Государь, который столько собою рисковалъ и столько уже прощалъ, хотя ради насъ, будетъ теперь и себя беречь и м..... наказывать. Изъ окрестностей Тульчина отправили порядочную партію мудрецовъ 2-й арміи; при нихъ есть и отставные, между коими Александръ Раевскій. Сожалѣю о немъ, и еще болѣе объ отцѣ его; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее времена я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что пересталъ почти съ нимъ и говорить.

Прощай, любезный другъ! Сабанѣевъ два раза болѣлъ; теперь ему, слава Богу, лучше.

273.

3-го ноября 1826 г. Любомъ.

Давно хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, но все что-нибудь мнѣ въ семъ мѣшало, а болѣе всего невозможность писать самому, къ чему я еще никакъ не могу привыкнуть. Сегодня увидя въ кабинетѣ Браницкаго портретъ твой, я поклонился оному, и тотчасъ сказалъ, что сегодня же буду къ тебѣ писать. Чрезъ два дня я буду за границею, и потому тѣмъ болѣе прошу тебя не забывать меня и дать о себѣ иногда извѣстіе. Нетерпѣливо хочу знать, какъ ты раздѣлаешься съ своими чухонцами, и будешь-ли, наконецъ, на такомъ мѣстѣ, гдѣ при пользѣ службѣ и тебѣ самому будетъ пріятно; надѣюсь однакоже, что при такой перемѣнѣ ежели она сбудется, на твое мѣсто все-таки пошлется русскій, ибо безъ того Финляндія сдѣлается еще болѣе для насъ чужимъ краемъ.

Я надѣюсь, что ты былъ доволенъ концомъ переговоровъ нашихъ

въ Аккерманѣ; воля Государя во всемъ исполнена, и честь великой Имперіи ни въ чемъ не упущена. Проѣздомъ чрезъ Бердичевъ, я узналъ, что ратификаціи повезены уже въ Петербургъ.

У Алексѣя Петровича (Ермолова) дѣлаются чудеса, персіяне съ ума сошли и зачали бой неравный безъ причины и безнадежный. Одного еще не понимаю, это—какъ Ермоловъ могъ послать Паскевича впередъ, въ самую важную минуту, и самъ остаться назади; онъ упустилъ изъ рукъ лучшій цвѣтокъ въ сей операціи и можетъ быть потерялъ возможность воспользоваться успѣхомъ, болѣе нежели можетъ Паскевичъ и потому что сей не имѣетъ той же власти и кромѣ одной храбрости и тѣхъ же достоинствъ. Всѣ сіи событія для меня странны и не понятны. По возвращеніи изъ Крыму, я писалъ Ермолову о приготовленномъ мною для него кускѣ на южномъ берегу; онъ получитъ оное, когда только захочетъ и, я надѣюсь, будетъ имъ доволенъ.

Я видѣлъ Сабанѣева по возвращеніи его съ карлсбадскихъ водъ, которыя ему помогли, но не совершенно вылѣчили и ему надобно будетъ еще разъ съѣздить. Между тѣмъ, пріятель твой Желтухинъ, во время его отсутствія, командуетъ его корпусомъ и дѣлаетъ всякія пакости. Богъ тебѣ проститъ, если такъ Его милосердію угодно; но я тебѣ никогда не прощу, что ты меня заставилъ въ Парижѣ представить сего ..... къ награжденію.

Прощай, любезный другъ, будь здоровъ, цѣлую ручки у жены твоей, а моя Лиза вамъ обоимъ кланяется. Остаюсь на вѣкъ.

VI. Письма Дениса Васильевича Давыдова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1831 гг.

274.

1-го мая 1815 г. Новомосковскъ.

Любезный и милый другъ, Арсеній Андреевичъ. Наши сонные и робкіе корпусные *командующіе*, Кернъ и Эмме, то боятся, то забываютъ отсылать просьбы объ отставкѣ несчастныхъ офицеровъ, у которыхъ можетъ каждый часъ уносить по ломтю насущнаго хлѣба. Такъ какъ ты не изъ того класса, который въ колыбели валяется на розовыхъ листахъ, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ не сходитъ съ атласнаго дивана, а изъ нашихъ братьевъ перешедшихъ на диванъ (и то кожаный, и по милости Царя и вѣрной службы) съ пука соломы, то я смѣло рѣшаюсь опять безпокоить тебя моею просьбою о Маріупольскаго гусарскаго полка корнетѣ Гориголовѣ, причемъ посылаю и всѣ нужныя для его отставки бумаги. Одолжи, братъ любезный, будь покровителемъ безпокровному, чѣмъ крайне обяжешь твоего вѣрнаго друга *Дениса Давыдова.*

P. S. Такъ какъ въ Александрійскомъ гусарскомъ полку есть много подполковниковъ, то я боюсь, чтобы тѣхъ, которыхъ я и полковой командиръ этого полка желаемъ имѣть, не перевели въ другіе полки. Если это отъ тебя зависитъ, любезный другъ, то сдѣлай милость оставь мнѣ подполковниковъ Гейльфрейха и Давыдова, а Филипьева, который около 40 лѣтъ слуга отечества, и Лукичъ, который очень будетъ доволенъ снова служить у г. Ламберта, предаю на вашу волю. Такъ какъ вамъ только нужно равенство въ чинѣ штабъ-офицеровъ, то слѣдственно вамъ все равно будетъ тѣ или другіе будутъ переведены. А очень одолжишь меня, если Гейльфрейха, Веселовскаго и Да-

выдова у меня оставишь. Я бы и отъ Лукича не прочь—онъ хорошій офицеръ,—но надо жертву; въ случаѣ нужды я прибавлю и Веселовскаго.

275.

1-го іюня 1815 г. Варшава.

Милый другъ Арсеній Андреевичъ. Вотъ дѣло о чемъ идетъ: я ѣхалъ, скакалъ, спѣшилъ къ своему мѣсту, то-есть въ Ахтырскій полкъ, но проѣзжая чрезъ Варшаву остановленъ Великимъ Княземъ подъ предлогомъ, что онъ имѣетъ повелѣніе останавливать всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, ѣдущихъ изъ отпусковъ въ армію. Между тѣмъ всѣ проѣзжаютъ, а я живу и имя мое слышать не хочетъ, говоритъ только—я не смѣю, я имѣю на то повелѣніе. Я писалъ о семъ князю Петру Михайловичу Волконскому,—къ Дибичу. къ Ермолову, рапортъ къ фельдмаршалу, но ни на что не имѣю отвѣта. Такъ какъ ты мой старый другъ и другъ. на котораго я болѣе увѣренъ, нежели на кого-нибудь, то прошу тебя войти въ мое положеніе и употребить всѣ старанія вытащить меня отсюда. Я одно слово скажу тебѣ: способенъ-ли я для парадовъ и формировкѣ?—и каково мнѣ терпѣть, когда другіе идутъ драться. Къ тому же за прошедшую войну не получилъ даже спасибо. Сдѣлай милость, постарайся, милый другъ, и поспѣши мнѣ выхлопотать на сіе ордеръ или отъ Императора или отъ фельдмаршала.

Прости, твой другъ вѣрный *Денисъ*.

276.

17-го іюня 1815 г. Варшава.

Неужели и ты откажешься, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, помочь мнѣ? Я писалъ, писалъ, просилъ. просилъ, чтобы вытащили меня изъ этой пропасти — ни откуда не имѣю отвѣта, а кажется многаго не прошу—право не чужой, а свой лобъ хочу подставить и право не прошу и не буду просить за это награжденія. Напомни, милый другъ. князю П. М. Волконскому о письмѣ, которое я писалъ къ нему—медлить нѣкогда; и что мнѣ здѣсь дѣлать? Резервами командовать не способенъ, а формировать еще менѣе—да къ тому же я не при резервахъ, просто послѣднія деньги проживаю въ Варшавѣ, когда могу коман-

довать полкомъ въ передовомъ корпусѣ. Неужели же у васъ такъ много молодцовъ, что и безъ меня обойтиться можно? Вѣрьте, что въ семъ случаѣ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну, что не только у Волконскаго, но у другихъ кои нужны, ты мнѣ поможешь. Ермоловъ писалъ обо мнѣ Великому Князю и убѣдительно просилъ, чтобы меня отпустить въ полкъ—и хотя онъ въ большой милости, но всѣ труды были напрасны. Постарайся, другъ любезный, и тѣмъ крайне обяжешь твоего друга *Дениса Давыдова*.

277.

15-го іюля 1815 г. Варшава.

Милый другъ, Арсеній Андреевичъ, хотя я писалъ тебѣ съ недѣлю тому назадъ и благодарилъ за скорый отвѣтъ, но еще тебя намѣренъ бомбардировать другимъ письмомъ. Если ты откажешься помочь мнѣ исторгнуть меня изъ пропасти, въ которой я теперь, то уже не къ кому мнѣ будетъ прибѣгнуть. Ради Бога, любезный другъ, постарайся; я получилъ письмо отъ Дибича, который мнѣ говоритъ, что при всемъ желаніи мнѣ помочь фельдмаршалъ не имѣетъ права на офицеровъ, которые въ резервахъ. Но я не въ резервѣ, а просто удержанъ Великимъ Княземъ подъ предлогомъ, что будто онъ имѣетъ бумагу отъ фельдмаршала, дабы останавливать всѣхъ офицеровъ, ѣдущихъ въ армію. Этой бумаги не существуетъ, я это навѣрное знаю, и ты можешь велѣть справиться; да къ тому же почему Великій Князь всѣхъ пропускаетъ, кромѣ меня, котораго держитъ даромъ въ Варшавѣ. Сдѣлай милость, постарайся за меня или чтобы мнѣ отдали чинъ, который, сказано въ бумагѣ, оставленъ впредь до разрѣшенія, или чтобы позволили ѣхать въ полкъ мой, гдѣ я старшій—вѣдь куда-нибудь да надо меня приписать. Я увѣренъ въ твоей дружбѣ и остаюсь покоенъ. Прости, боюсь тебѣ надоѣсть моими письмами, тѣмъ паче, что у тебя вѣрно тьма работы.

278.

1-го сентября 1815 г.

Почтеннѣйшій другъ, Арсеній Андреевичъ! Мнѣ непремѣнно нужна отсрочка до 23-го мая 1816 года; срокъ мой шестимѣсячный исходитъ

23-го ноября, я писалъ о томъ Ларіону Васильевичу (Васильчикову) и просилъ его постараться выхлопотать мнѣ продолженіе отпуска. Похлопочи, любезный другъ, я въ твоей дружбѣ и аккуратности увѣренъ.

Жаль, что тебя здѣсь не засталъ, такъ же какъ и Васильчикова, и съ горя удалился въ деревню, гдѣ теперь живу въ покоѣ и уединенно. Пишу, что я видѣлъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ и уже кончилъ первую часть, то-есть до занятія Москвы. Занимаюсь теперь отступленіемъ — обширное поле *брани!!!* Есть гдѣ погулять на чужой счетъ!

Простите, ваше превосходительство! надѣясь на вашу дружбу, вѣчно вамъ душевно преданный.

279.

8-го сентября 1815 г. Варшава.

Любезный, милый и почтенный другъ, Арсеній Андреевичъ! Письмо твое отъ 1-го августа я получилъ; благодарю, братъ, что не забываешь своихъ вѣрныхъ пріятелей, жаль только, что не можешь вытащить меня изъ этого проклятаго омута. Ей-Богу, не для веселья хотѣлъ бы быть въ Парижѣ. Но ты знаешь мои обстоятельства — вотъ ровно годъ, что я сверхъ особыхъ притѣсненій, не знаю что̀ я полковникъ-ли или генералъ? Пора рѣшить меня или уже вовсе вытолкнуть изъ службы.

И потому я рѣшился написать къ Царю письмо, которое подъ открытой печатью посылаю къ тебѣ какъ къ другу, на котораго я надѣюсь совершенно. Во всемъ полагаюсь на тебя, прочти его, ты увидишь, что оно написано просто и представляетъ мою исторію, необыкновенную, очень обыкновеннымъ образомъ. Надписи я не поставилъ — прошу тебя ея написать, ибо я не знаю какъ пишется. Только умоляю тебя, доказать мнѣ еще разъ твою дружбу доставленіемъ онаго письма Императору и быть ходатаемъ по сему дѣлу. Мнѣ бы пріятно быть болѣе тебѣ обязану, нежели другому. Болѣе писать тебѣ нечего. Скажу только, что по отъѣздѣ моего тюремщика, я надѣялся безпрепятственно также ѣхать къ вамъ, полагаясь на обѣщаніе, сдѣланное мнѣ на сей счетъ Миллеромъ, но увы *всѣ люди Степаны!* теперь онъ не смѣетъ выпустить меня противъ воли Великаго Князя! и зачѣмъ меня держутъ? Всѣ полки, баталіоны и эскадроны имѣютъ своихъ начальниковъ — я совершенно лишній. Но надо тѣснить, потому что старшіе тѣснятъ!

Прости, милый другъ; повторяю еще просьбу и увѣреннымъ въ твоей дружбѣ остаюсь твой вѣрный другъ *Денисъ*.

Всѣмъ *нашимъ* кланяйся.

280.

21-го сентября 1815 г. Москва.

Почтенный другъ, Арсеній Андреевичъ. Искренно благодарю тебя за письмо твое, такая *аккуратность* удивила бы меня, еслибы я зналъ тебя менѣе, но чѣмъ болѣе имѣю это удовольствіе, тѣмъ яснѣе вижу, что ты (какъ я уже прежде говаривалъ) составъ всѣхъ добродѣтелей союзныхъ армій. Сердце твое русское, твердость англійская, а *аккуратность* нѣмецкая, единственное доброе качество сей націи. Ты мнѣ совѣтуешь принять полкъ, но если я буду произведенъ въ гене— ралы, то къ чему мнѣ снимать сію обузу на нѣсколько дней, чтобы опять сваливать ее на другаго и можетъ статься запутать себя или по добродушію своему или по невѣжеству сей части. Если же не буду произведенъ, то намѣреніе мое непоколебимо, я оставлю службу, дабы избѣгнуть въ другой разъ быть батракомъ ласкателей сильныхъ. Я увѣренъ, что ты, разсуждая безпристрастно, похвалишь мое намѣреніе. Что же касается до отпуска, я о семъ писалъ къ Сабанѣеву и просилъ его постараться подъ какимъ-нибудь предлогомъ отсрочить отпускъ. На сей почтѣ о томъ же пишу и Горчакову. Если мои просьбы останутся втунѣ, то я рапортуюсь больнымъ и до тѣхъ поръ останусь дома, пока не отдадутъ мнѣ должнаго, то-есть чинъ и Георгія 3-го, къ коимъ я представленъ.

Вотъ, любезный другъ, мои намѣренія. Сочиненія мои теперь къ тебѣ не присылаю, ибо они еще у Карамзина, но только что отберу ихъ, то непремѣнно выполню твое желаніе. Прости, желаю тебѣ удовольствія, если оно въ Петербургѣ, потому что я недавно видѣлся съ нимъ въ моемъ смиренномъ уединеніи.

281.

13-го октября 1815 г. Москва.

Сейчасъ получилъ я письмо твое, милый и любезный Арсеній Андреевичъ, за которое много и много благодаренъ. Я вижу, что разстояніе,

время и обстоятельства тебя не перемѣняютъ противъ друзей твоихъ, между коими прошу тебя считать меня до конца жизни моей. Ты похваляешь, что я отговариваюсь принять полкъ по извѣстнымъ тебѣ обстоятельствамъ—и я былъ въ этомъ увѣренъ, но не извѣщаешь меня на сколько времени отсрочилъ мнѣ князь Горчаковъ отпускъ? Сдѣлай милость, доставь мнѣ оное позволеніе какъ можно скорѣе, чѣмъ крайне меня обяжешь.

Наконецъ, ты пишешь, что еслибы не армейскіе наши товарищи, то бы умеръ отъ скуки въ Петербургѣ, къ коего большому свѣту ты пріучить себя не можешь—вѣрю, братъ, и похваляю! И я такъ же здѣсь живу, вижусь съ одними короткими, а вельможь и знать не хочу. Желалъ бы повидаться съ тобою, Сипягинымъ и Желтухинымъ, но Богъ знаетъ, случится-ли это! Между тѣмъ, пожалуйста отъ меня имъ кланяйся. Звалъ бы васъ сюда на зиму *жениться*, да что-то невѣстъ мало! Я и самъ за замужней пустился отъ нечего дѣлать волочиться. Однакоже скажи Сипягину, что если у него нѣтъ ленты, то чтобы сюда и не ѣздилъ—здѣсь непремѣнно нужно, хоть пеструю съ фольговою звѣздою, но все ленту и звѣзду—право, пріѣзжайте! Какъ не вертись, а развязку комедіи нашей жизни совершить надо. Посмотри-ка на Кикина! вотъ какъ дѣла дѣлаютъ.

Я тебѣ пишу съ Николаемъ Николаевичемъ, который нынче ѣдетъ въ Петербургъ, съ нимъ калмыкъ Темировъ, который, какъ кажется, хочетъ войти въ иностранную коллегію. Эта одна служба еще ему неизвѣстная! Итакъ, прости милый и любезный другъ, постарайся отсрочку переслать поскорѣе.

282.

23-го января 1816 г. Кіевъ.

Почтенный и милый другъ, Арсеній Андреевичъ, я къ тебѣ писалъ по почтѣ недавно, и еще пишу съ Пяткинымъ, что, кажется, и вѣрнѣе и скорѣе. Мнѣ сказывали, что я назначенъ въ 1-ю драгунскую дивизію; нельзя-ли сіе какъ-нибудь передѣлать? Служа цѣлый вѣкъ по легкой, за что меня назначаютъ въ это пресмыкающее войско? Я надѣюсь на тебя, милый другъ,—ради Бога, постарайся, чтобы меня переписали въ какую-нибудь легкую дивизію, тѣмъ легче оное сдѣлать, что довольное число генераловъ выходитъ въ отставку. Но уже если судьбою я назначенъ служить въ драгунахъ, то, по крайней мѣрѣ,

перепишите меня въ ту дивизію, которая во Франціи. На все это буду ожидать отвѣта твоего въ Кіевѣ и по немъ расположу, что мнѣ дѣлать. Прости, любезный Арсеній Андреевичъ, боюсь тебѣ помѣшать въ твоихъ занятіяхъ,—я отсюда вижу тебя зарытаго въ бумагахъ.

283.

5-го мая 1819 г. Москва.

Давно не получалъ отъ тебя ни слова, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и хотя видѣлъ въ «Инвалидѣ» и благодарность и рескриптъ, но нѣкоторые слухи о тебѣ едва меня не поразили, еслибы я не узналъ источникъ откуда они проистекли. Нѣкто пріѣзжій изъ Петербурга, нѣкогда командующій фельдъегерями, выпустилъ слухъ здѣсь, что ты едва не лишился мѣста своего по старанію А... (Аракчеева?) Это меня страхъ какъ огорчило, и только тогда я успокоился, какъ узналъ сочинителя оной новости.

Хотя отсрочка моя до 1-го мая, но сборы задержутъ меня до 12-го. Повѣрить не можешь сколько хлопотъ женатому; я говорю, повѣрить не можешь, ибо ты ѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ все достать можно, а я въ такое мѣсто, гдѣ почти ничего нѣтъ хорошаго.

По приказамъ вижу я, что почти всѣ начальники штаба, кромѣ меня и Орлова, переведены въ квартирмейстерскую часть; я не хочу и совѣстно мнѣ мучать письмами князя Петра Михайловича (Волконскаго), но крайне меня обяжешь, возставши противъ перевода моего въ сію часть, если когда-нибудь о семъ возмечтаютъ, иначе, право, лишатся добраго начальника штаба, или чтобы формально позволено мнѣ было носить усы и саблю въ квартирмейстерскомъ мундирѣ. Ты смѣешься... *) но даю тебѣ честное слово, что минуты не останусь начальникомъ штаба, если вздумаютъ лишить сихъ остатковъ моего партизанства—особенно усовъ, которые я ношу съ тѣхъ поръ, какъ они пробиваться стали. Къ тому же самъ Государь сказалъ мнѣ, проѣзжая чрезъ Бѣлицу (когда я только-что былъ переведенъ изъ драгунской дивизіи въ легкую кавалерію): «что? усы при тебѣ остались?» я ему отвѣчалъ: «Государь, я къ нимъ привязанъ какъ къ чести». Онъ на это сказалъ: «Ну! они при тебѣ навсегда останутся». Это можетъ быть забыто, но я очень помню. Ради Бога, любезный другъ, спаси меня

*) Точки въ подлинникѣ.

отъ посрамленія! довольно и того, что я сбрилъ бороду. Неужели же положено меня посвятить въ кастраты, и лишить вывѣски силы и мужества. Постарайся также и о братѣ Львѣ. Ты ему обѣщалъ полкъ егерскій—очень бы одолжилъ, еслибы поскорѣе это сдѣлалъ.

Прости, другъ любезный, вѣрь въ непоколебимой дружбѣ душою тебѣ преданнаго *Дениса*.

P. S. Мнѣ Бутурлинъ писалъ, что онъ уже давно отдалъ «Опытъ о партизанахъ» мой князю П. М. Волконскому; и что не имѣетъ о немъ ни слуху, ни духу. Я вторично писалъ и просилъ князя поднести его Государю, но не имѣю отвѣта. Пожалуйста, постарайся объ этомъ и увѣдомь, какъ будетъ онъ принятъ Царемъ.

284.

18-го мая 1819 г. Москва.

Я получилъ письмо твое, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, въ одно время съ пріѣздомъ Евдокима. Ты мнѣ пишешь, чтобы я увѣдомилъ тебя, когда я оставлю Москву, и увѣряешь, что усы при мнѣ останутся. На первое отвѣчаю тебѣ, что я выѣзжаю 23-го, если какія-нибудь необыкновенныя препятствія не остановятъ меня; ты знаешь сколько хлопотъ женатому человѣку! а за послѣднее благодарю тебя отъ всей души: я усы ни за что не сбрѣю! Еще ты пишешь мнѣ, что «Партизаны» мои завалились къ Волконскому и оттуда не выходятъ. Ради Бога, постарайся, чтобы онъ подалъ Государю, за что же труды мои пропадутъ? Ну, ежели и впрямь они могутъ быть полезны арміи? Пожалуйста, постарайся, а я даю честное слово, не только самъ не буду никакой мысли, никакого мнѣнія подносить къ престолу, но отговаривать отъ того каждаго трудящагося для пользы общей. Пусть выдумываетъ Клейнмихель, Вельяшовъ и комитетъ министровъ, и пусть восхищаются ихъ выдумками! Если такое будетъ поощреніе нашей братьи, то многаго не узнаютъ! Къ слову пришло, я увѣряю тебя безъ малѣйшаго хвастовства, что никто еще не писалъ объ употребленіи легкихъ войскъ, какъ я писалъ въ извѣстномъ тебѣ *опытѣ*, и всѣ, которые читали его, увѣряли меня, что онъ достоинъ Монаршаго воззрѣнія, особенно въ такое время, какъ (когда?) миръ даетъ намъ время приводить всѣ части арміи въ порядокъ.

Ради Бога, постарайся, чтобы князь Петръ Михайловичъ поднесъ мое сочиненіе Императору, что̀ ему стоитъ это сдѣлать? Я же ничего не прошу за него, кромѣ вниманія.

Евдокимъ разсказывалъ мнѣ о глупости или вѣтренности своей выдти въ начальники штаба, я и былъ и есмь его мнѣнія совершенно! Онъ всегда служилъ во фронтѣ въ кавалеріи и знаетъ это дѣло, тогда какъ понятія не имѣетъ въ той части и какъ ему ужиться съ милымъ для насъ съ тобою, но ярымъ со всѣми Сабанѣевымъ? и гдѣ же? въ бессарабскихъ степяхъ!

Онъ просилъ Васильчикова о возвращеніи своемъ опять или въ гвардію или къ Особѣ Императора просто. Сказывалъ мнѣ, что и тебѣ о томъ говорилъ—пожалуйста, другъ любезный, постарайся. Ни службѣ ни ему выгоды не будетъ, если онъ останется начальникомъ штаба. Экій вѣтренникъ! въ его-ли лѣта пить уксусъ, чтобы нравиться женщинамъ, и переходить изъ мѣста въ мѣсто не обдумавшись! Пожалуйста, постарайся исправить его глупости, чѣмъ крайне одолжишь тебѣ душою преданнаго *Дениса Давыдова.*

Жена моя тебѣ кланяется, хотя еще съ тобою лично незнакома, также и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой я свидѣтельствую мое почтеніе.

285.

10-го іюня 1819 г. Кременчугъ.

Любезный другъ, Арсеній Андреевичъ—я пріѣхалъ сюда въ первыхъ числахъ сего мѣсяца и хлопочу съ утра до вечера: клею, мажу и штукатурю. Вотъ что значитъ обабиться. Бывало кроватью *матерь сыра земля,* а кровлею синее небо. а нынѣче... О роскошь! ты погубила Римъ!

Такъ какъ я вижу, что «Партизаны» мои не подвигаются, и что князю Петру Михайловичу (Волконскому) неугодно ихъ представить Государю, то прошу тебя. любезнаго друга, исторгнуть ихъ изъ кипъ бумагъ его сіятельства и переслать сюда ко мнѣ. Я пошлю ихъ по почтѣ прямо или по командѣ, какъ ты мнѣ присовѣтуешь, авось-ли они будутъ счастливѣе. Пожалуйста, немедли присылкою, я ихъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ.

Жена моя кланяется Аграфенѣ Федоровнѣ.

Если увидишь Бутурлина, скажи ему, что стыдно забывать просьбы друзей и такъ долго не присылать черной тетради «Партизановъ» моихъ.

286.

17-го іюня 1819 г. Кременчугъ.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, до чего промедлилъ князь Петръ Михайлъичъ Волконскій представленіемъ опыта моего о «Партизанахъ». Толь, его письмо при семъ прилагаю, назначенъ сочинять о дѣлѣ, котораго ъ не понимаетъ и, почерпнувъ изъ сочиненія моего все что нужно, лаетъ всѣ труды мои *хоть брось*. Посылаю къ тебѣ копію съ отга моего. Увѣдомь доволенъ-ли ты будешь имъ? Тутъ помазано по амъ, съ маленькимъ щелчкомъ по носу.

Ради Бога постарайся, если князь никакъ не захочетъ уже поть самъ Государю сочиненія моего, то постарайся его *исторгнуть* ъ рукъ его и перешли поскорѣе сюда—я пошлю по почтѣ. Или пусть ріонъ Васильевичъ (Васильчиковъ) подастъ, такъ какъ я имъ былъ ланъ партизаномъ и всю войну считался въ полку его. Я ему писъ объ этомъ и просилъ его. Прости, любезный другъ—мы приготовмся къ смотру главнокомандующаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо барона К. Ф. Толя—Д. В. Давыдову.

29-го мая 1819 г. № 6. С.-Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ поручить мнѣ сочиненіе правилъ о службѣ передовыхъ постахъ, и вообще во всѣхъ малыхъ отрядахъ. Будучи извѣстенъ о знаніяхъ вашихъ и опытности по сей части, которыя вы довольно уже показали достопамятный походъ 1812 года и узнавъ стороною, что вы даже издали въ тъ сочиненіе о малой войнѣ, покорнѣйше прошу васъ снабдить меня однимъ экземпляромъ онаго. Я увѣренъ, что сочиненіе ваше не мало облегчитъ трудъ мой и можетъ съ лучшею пользою выполнить порученіе Высочайше на меня возложенное.

II.

Письмо Дениса Васильевича Давыдова барону Карлу Федоровичу Толю.

Безъ мѣсяца и числа.

Почтенное письмо вашего превосходительства, наполненное лестнѣйшими для меня выраженіями, я имѣлъ честь получить, и буду также говорить откровенно, какъ говорилъ я въ незабвенномъ 1812 году, единственному совѣщателю спасителя оте-

чества (князю Кутузову). Мы всѣ живемъ для славы, милостивый государь Карлъ Федоровичъ, слѣдовательно ваше сердце пойметъ чувствованія моего и проститъ благородной его слабости.

Правда, я написалъ нѣчто объ отрядахъ, гдѣ отстранивъ все то чему учатся опытомъ, а не на бумагѣ, первый изложилъ стратегическія правила партіямъ и согласилъ дѣйствіе ихъ съ дѣйствіями главной арміи,—вотъ мысль которую не хотѣлось мнѣ видѣть въ чужомъ сочиненіи; и потому, если вамъ угодно удостоить нѣкоторыя наблюденія мои помѣщеніемъ ихъ въ сочиненіе, Государемъ Императоромъ на ваше превосходительство возложенное, то покорнѣйше прошу отмѣчать мысли мои сими словами: *изъ сочиненія партизана Дениса Давыдова.*

Сей подвигъ справедливости будетъ приличенъ душѣ вашей и удовлетворителенъ для моего честолюбія.

Требуемый вашимъ превосходительствомъ экземпляръ моего сочиненія переписывается и коль скоро будетъ готовъ представлю къ вамъ его.

287.

20-го сентября 1819 г. Кременчугъ.

Вотъ случай, въ которомъ я ни къ кому не хочу адресоваться какъ къ тебѣ, ни отъ кого не требую совѣта какъ отъ тебя.

Забудь на время, что ты государственный человѣкъ, забудь на время уставомъ вашей братіе предписанные отвѣты, болѣе: обозри мое заключеніе мое окомъ чуждымъ призраковъ и скажи мнѣ, какъ истинный другъ, не потеряю-ли я впослѣдствіи чрезъ просьбу отпуска до излеченія болѣзни за границу? Замѣть, что намѣреніе мое основано единственно на томъ, чтобы возвратясь считаться по кавалеріи и выдти изъ начальниковъ штаба.

Причина сему та, что я пробовалъ себя и удостовѣрился что нѣтъ мѣста для меня въ мирное время. Я былъ два года бригаднымъ командиромъ—что же я былъ? Телеграфъ, который передавалъ повелѣнія дивизіоннаго командира полковымъ командирамъ и рапорты сихъ послѣднихъ первому, но отвѣчать долженъ былъ какъ сѣдельникъ за ремешки, какъ слесарь за пряжки, какъ закройщикъ за мундиры, какъ берейторъ за верховую ѣзду гусаръ и пр. и пр. Скажи, любезный другъ, мое-ли это дѣло?

Увидя Михаила Орлова начальникомъ штаба я за честь почелъ стать на ряду съ симъ отличнымъ человѣкомъ, и смѣю сказать, что мы подняли цѣну званія, прежде насъ доставшееся въ удѣлъ Волконскимъ, Языковымъ, Бергамъ и прочимъ нищимъ въ дарованіяхъ; уже многіе извѣстные по службѣ своей бригадные генералы искали для

себя мѣста начальниковъ штаба—что же вышло? Назначили Киселева начальникомъ главнаго штаба арміи, а полковниковъ Давыдова и Гурко начальниками корпусныхъ штабовъ, и званіе наше опять упало! Но это бы ничего не значило, если-бъ права начальниковъ штаба сами собою были бы уважительны — скажи по совѣсти что я въ существѣ службы моей? не правитель-ли канцеляріи корпуснаго командира? Горчаковъ уѣдетъ въ отпускъ, я иди съ бумагами къ Роту,—Ротъ уѣдетъ, я иди къ Ушакову, не такъ-ли?

Какія же бумаги проходятъ чрезъ мои руки? Стоютъ-ли онѣ взгляда умнаго человѣка? требуютъ-ли онѣ хоть минуты размышленія?

Между тѣмъ я 19-й годъ въ службѣ и ни минуты не имѣлъ своей! Гдѣ я убилъ и убиваю послѣдніе дни лучшей части жизни моей? Въ не просвѣщенныхъ провинціяхъ, въ степяхъ, въ городкахъ и деревняхъ; еще коли бы я тѣмъ приносилъ пользу отечеству; но какая польза ему, что я подписываю: «*къ свѣдѣнію, справиться тамъ-то* и *предписать* и *донести о томъ-то?*» Во сто разъ глупѣе меня человѣкъ не то-ли сдѣлаетъ? И такъ, скажи прямо, любезный другъ, не правъ-ли я, что оставляю честнымъ образомъ нынѣ занимаемое мною мѣсто? и неужели за то въ военное время не употребятъ меня? Кажется я не изъ тѣхъ генераловъ, которыми можно пренебрегать въ рѣшительныя минуты? Если же пренебрегутъ то имъ же хуже.

Прежде нежели я получу отъ тебя отвѣтъ, я ничего не предприму — но коль скоро ты согласишься въ мысляхъ моихъ, то начну дѣйствовать—дѣло только въ томъ, прямо-ли проситься до излеченія болѣзни за границу—или прежде просто ѣхать въ отпускъ и оттуда проситься за границу?

Поспѣши своимъ отвѣтомъ и благослови Владыко!—я жду письма твоего съ нетерпѣніемъ.

Жена моя напоминаетъ себя Аграфенѣ Федоровнѣ и свидѣтельствуетъ ей свое почтеніе.

Я такъ застращалъ тобою Херсонское отдѣленіе, что комендантъ по сіе время относится ко мнѣ, опасаясь, чтобы я чрезъ тебя не истребилъ его—я тѣмъ пользуюсь, даю ему совѣты, и по мѣрѣ возможности помогаю отдѣленію. Недавно на мой счетъ ѣздилъ въ Кіевъ инженерный офицеръ Воронецкій, чтобы совершенно дать тотъ-же ходъ ученію и въ Херсонскомъ отдѣленіи. Киселевъ говорилъ мнѣ, что хочетъ назначить туда Бурцова—онъ человѣкъ отличный, но имѣетъ другія обязанности и потому будетъ дѣлать туда одни наѣзды, что неудовлетворительно. Пожалуйста, держись инженернаго подпоручика Воронецкаго,

котораго ты опредѣлилъ туда по моему представленію, онъ отличныхъ познаній, молодъ и изъ кожи лезетъ отъ честолюбія. Позволь ему также прямо къ тебѣ адресоваться въ случаѣ необходимой нужды по учебной части отдѣленія. Прилагаю при семъ письмо его ко мнѣ, ты увидишь въ чемъ онъ нуждается.

288.

15-го марта 1820 г. Москва.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Ничего не имѣю болѣе сказать тебѣ какъ то, что съ нетерпѣніемъ жду свободы моей—ради Бога срывай съ меня оковы! Нѣтъ случая, который-бы могъ измѣнить мое намѣреніе! Мнѣ все такъ огадилось, что если я не совсѣмъ сбрасываю ливрею, то это потому что неравно война... Еще кровь кипитъ! Но еслибы хотѣли отказать мнѣ отпустить за границу, я и ливрею къ чорту. Нѣтъ, силъ недостаетъ! Прости, любезный другъ, жду твоего отвѣта какъ Мессію ждутъ жиды. Прости, твой вѣрный другъ *Денисъ*.

Формальную просьбу я послалъ въ главную квартиру, но нельзя-ли безъ нее обойтиться?

289.

23-го марта 1820 г. Москва.

Крайне ты меня обрадовалъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, письмомъ твоимъ! Хотя я привыкъ къ доказательствамъ твоей дружбы, но всякое новое доказательство меня болѣе и болѣе привязываетъ къ тебѣ, да идетъ мимо тебя чадъ придворный, отъ котораго угорѣли такъ много мнѣ извѣстныхъ и нѣкогда почитаемыхъ мною людей! Будь что ты есть и будешь единственнымъ!

Наконецъ, я свободенъ: учебный шагъ, ружейные пріемы, стойка, размѣръ пуговицъ изгоняются изъ головы моей! Шварцы, Мартыновы, Гурки и Нейдгарты торжествуйте, я не срамлю ваше сословіе! Слава Богу, я свободенъ! Едва не задохся: теперь я на чистомъ воздухѣ!

Но отчего Петраханъ (князь Петръ Михайловичъ Волконскій) такъ долго кобянится съ тобою, касательно доклада обо мнѣ? Что ему во мнѣ? Любой прапорщикъ гвардіи способнѣе меня въ нынѣшнее время быть начальникомъ штаба. Мнѣ хотѣлось бы знать, что ему сказано при

докладѣ, и именно потому, что если загремятъ въ полѣ—какъ приняться мнѣ, чтобы не быть забытымъ; я только въ куклы играть не хочу, и не хочу быть куклою, но отъ дѣла я не только не прочь, а изъ кожи готовъ лѣзть. Какъ ты думаешь, трудно мнѣ будетъ войти, или легко войду въ *дѣйствующіе*, когда двинутся впередъ?

Ты пишешь о Ермоловѣ и ждешь его, но въ послѣднемъ письмѣ его къ сестрѣ, онъ рѣшительно говоритъ, что не будетъ. Впрочемъ, ты долженъ знать это еще вѣрнѣе, если послалъ эстафету къ нему. Кстати о Ермоловѣ: кому ты давалъ читать на домъ, или кто у тебя украдкой переписалъ послѣднее письмо его къ тебѣ? (то, что я читалъ въ кабинетѣ у тебя) Знаешь-ли, что копіи его слово въ слово ходятъ по Москвѣ, пробѣги оригинальное письмо и ты увидишь, что есть статьи *о братѣ Михайлѣ* (графѣ Воронцовѣ), *о Нессельроде*, и пр. и пр., которые сдѣлаютъ ему непріятности. А потому не напишешь-ли ты Шульгину и Волкову, чтобы они секретнымъ и осторожнымъ маневромъ постарались бы перехватить эти копіи и уничтожить. Я, между тѣмъ, и самъ имъ скажу, а еще лучше, чтобы это предложеніе отъ тебя воспослѣдовало.

Еслибы ты зналъ какъ я благодаренъ тебѣ за свободу! Куда-то Евдокимъ дѣнется, когда произведутъ его? Я бы на его мѣстѣ взялъ бригаду, по крайней мѣрѣ, на годъ или два. Боюсь, чтобы онъ не попалъ въ (число) тѣхъ генераловъ по кавалеріи, которые ѣздятъ въ экзерциргаузъ и ..... вседневно!

Прости, другъ почтенный и душевный, вѣрь искренней привязанности *Дениса Давыдова*.

P. S. Скажи, пожалуйста, можно-ли отставному Измайловскаго полка полковнику войти въ службу съ тѣмъ, чтобы считаться по арміи?

190.

3-го мая 1820 г. Москва.

Любезный другъ, Арсеній Андреевичъ! увѣдомь меня, сдѣлай милость, откровенно, можно-ли мнѣ чрезъ Л. В. Васильчикова поднести Царю *Опытъ* мой *о Партизанахъ?* Тотъ, который у тебя въ канцеляріи переписывали, видно завалялся въ бумагахъ князя Петра Михайловича (Волконскаго), такъ о немъ и нечего говорить; у меня есть другая тетрадь, которую я дополнилъ и набѣло переписалъ. Причина отчего я

хочу поднести Государю сочиненіе сіе, основывается на желаніи пресѣчь совершенно путь сочиненію Толя,-- это сказано между нами. Пожалуйста, увѣдомь, возьмется-ли Ларіонъ Васильевичъ за сіе; пока я былъ начальникомъ штаба, то, конечно, мнѣ нельзя было идти мимо князя Петра Михайловича, но теперь я по кавалеріи, слѣдовательно, командировъ не имѣю, а такъ (какъ) сочиненіе мое ничто какъ слѣдствіе опытовъ, полученныхъ мною въ партизанской службѣ, во время которой я считался въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, коего шефомъ былъ Ларіонъ Васильевичъ, то я увѣренъ, что независимо благосклонности его ко мнѣ, по одному сему резону онъ не откажется отъ моей просьбы. Пожалуйста, поскорѣе увѣдомь меня обо всемъ и вѣрь истинной дружбѣ твоего вѣрнаго друга *Дениса Давыдова*.

P. S. Въ бытность твою въ Москвѣ, я говорилъ тебѣ о двоюродномъ братѣ моемъ Александрійскаго гусарскаго полка подполковникѣ Давыдовѣ, который былъ раненъ двумя штыками подъ Кульмомъ и двумя пиками подъ Лейпцигомъ и взятъ былъ въ плѣнъ. Онъ ѣздилъ лечиться на Кавказъ и въ Карлсбадъ, но отъ ранъ не имѣетъ облегченія, а такъ какъ ему продолжать фронтовой службы нельзя до совершеннаго излеченія ранъ, которое требуетъ времени, то онъ просится быть причислену по кавалеріи. Ты мнѣ сказалъ, что это можно будетъ сдѣлать и чтобы онъ подалъ просьбу по командѣ—онъ ее теперь подалъ и она, если не у тебя, то скоро придетъ. Сдѣлай милость, употреби свое стараніе помочь ему, ты меня тѣмъ на вѣкъ обяжешь, и прибавишь къ тысячи одолженіямъ твоимъ новое.

291.

10-го мая 1820 г. Москва.

Ты мнѣ пишешь, любезный другъ, что тебѣ нужны оффиціальныя бумаги отъ брата Льва, чтобы причислить его по арміи, но увѣдомь, какого рода должна быть сія оффиціальная бумага? Если писанная рапортомъ, то она не можетъ идти отъ него прямо къ тебѣ, а слѣдуетъ быть подана имъ тому подполковнику, котораго избрали блюстители субординаціи командиромъ двухъ полковниковъ; если просто письмомъ, то онъ уже писалъ къ тебѣ чрезъ кавалергардскаго Львова 2-го, гдѣ просилъ тебя причислить его по арміи или вовсе отставить, о чемъ и я покорнѣйше прошу тебя. Вотъ пришло время! подполковнику даютъ въ команду двухъ полковниковъ, и сверхъ сего противозаконія, рав-

няютъ того, который едва могъ черезъ четыре года вытащить изъ ляжки пулю съ кускомъ кости, съ тѣмъ, который выписанъ за наказаніе! Что на это скажутъ вербовщики и хвалители нынѣшней нашей военной службы? Сдѣлай милость, другъ любезный, постарайся безъ оффиціальной просьбы удовлетворить неоффиціальную! Крайне ты насъ обоихъ обяжешь!

Я не могу довольно нарадоваться моей свободы! Надняхъ покупаю себѣ деревню въ 70 верстахъ отъ Москвы въ мѣстахъ прелестныхъ, съ домомъ, садомъ и со всѣми принадлежностями; туда я уклоню буйную мою головушку, и оттуда буду съ улыбкою глядѣть на вашу братію, рабовъ труда и безпокойства! Но оттуда тоже, готовъ сѣсть на конь и явиться на *настоящую службу*, а *не въ кукольную комедію*, во время которой поживу для себя.

Какимъ образомъ Вельяшевъ, который мостилъ сундуки свои червонцами, вымостилъ себѣ ленту? Неужели послужила къ сему та дорога, которую онъ намостилъ шалями для прохода Пуколовой къ Аракчееву?

Изъ Тулы мнѣ пишутъ (какъ все нынѣче занимается наружностью), что графъ Васильевъ вмѣсто того, чтобы войти въ дѣла губерній, хлопочетъ о дѣланіи тротуаровъ и крашеніи домовъ; у одного бѣднаго жителя велѣлъ полиціи разломать домъ потому, что тотъ не въ состояніи былъ передѣлать фасадъ его, и сей несчастный живетъ въ шалашѣ, собранномъ изъ бревенъ разбросаннаго дома. Если это правда, то врядъ-ли въ Турціи можно найти подобный примѣръ!

Ты спрашиваешь какой Андреевскій женится? Неужели ты еще не знаешь, что это Николай? по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ сказывалъ Степанъ. Онъ женится на княжнѣ Щербатовой, а какой, не знаю. Я ее видѣлъ раза два съ Масаловой.

Изъ Владиміра мнѣ пишутъ (только, пожалуйста, чтобы это было между нами), что Гурко въ холодныхъ сношеніяхъ съ Горчаковымъ, а съ дивизіонными въ совершенной распрѣ и что словамъ его: *я и Государь Императоръ* нынѣ уже не вѣрятъ, и что онъ хочетъ выходить вонъ. Какъ ошибутся, если подумаютъ, что я это мѣсто желаю, или приму, когда подумаютъ мнѣ предложить его! Загремятъ въ полѣ,— бросьте меня куда хотите, только не въ резервъ—вездѣ готовъ. А покамѣсть *да здравствуетъ свобода!*

Игнатьевъ опять къ *мамы* бросился—ты знаешь, что когда ребенку не даютъ чего онъ хочетъ, тогда онъ кричитъ *мама!* и бросается къ кормилицѣ, а Игнатьева кормилица Витгенштейнъ. Что за

несчастье этому человѣку: полвѣка просватался, краска уже не беретъ бѣлые волоса, а все неудача!

Прости, другъ любезный, сейчасъ ѣду на окончательный торгъ деревни, и оттого кончаю письмо. Прошу тебя еще разъ постараться о братѣ Львѣ, о братѣ Васильѣ Давыдовѣ, о которомъ я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, и увѣдомить меня на счетъ вопроса моего объ «*Опытѣ о Партизанахъ*». Прости, будь здоровъ, и люби преданнаго тебѣ друга *Дениса Давыдова*.

Скажи мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ, жена моя ей кланяется, и готовится родить, а вамъ стыдно!

292.

3-го іюня 1820 г. Москва.

Увѣдомляю тебя, любезный другъ, что 31-го мая, въ 11 часовъ утра, Богъ мнѣ далъ дочь Елисавету. Жена слава Богу здорова, только ребенокъ немного слабъ, но авось все будетъ хорошо.

Письмо чрезъ Евдокима получилъ—и такъ никто не берется представить Государю сочиненіе, хотя не столь полезное какъ разсужденіе о выпушкѣ на погонахъ и о цвѣтѣ темляковъ, но также не пустое, какъ объ немъ великіе наши преобразователи думаютъ!

Очень радъ, что мнѣ развязали руки, я его отдаю въ печать и никому не подношу. И впрямь, съ моей-ли рожею подносить что-нибудь великимъ въ мірѣ? Прости, любезный другъ, болѣе писать нѣкогда. Скажи мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ, посылалъ къ батюшкѣ и матушкѣ ея объявлять о моей радости, но они уже въ деревнѣ.

293.

6-го іюня 1820 г. Москва.

Очень ты меня обрадовалъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, увѣдомленіемъ о назначеніи Михаила Орлова командиромъ 16-й дивизіи. Если бы все такихъ людей подвигали впередъ, то, право, не раскаялись бы!

Вотъ теперь мнѣ досадно, что я оставилъ мѣсто начальника штаба 3-го корпуса; при семъ случаѣ ничего бы не стоило перевести меня въ 4-й корпусъ, но кто же могъ сіе предвидѣть? Ты правду говорилъ,

что если бы мнѣ и предлагали подобное мѣсто, то мнѣ не должно принимать его прежде конца сего года; да правду тебѣ сказать, мнѣ-таки нельзя этого и сдѣлать, надо поправить не физическое, но моральное мое здоровье, то-есть доходы.

Секретно. Если бы ты могъ сдѣлать, чтобы до весны мѣсто начальника штаба 4-го корпуса оставить вакантнымъ, какъ оно остается до сего времени въ 3-мъ корпусѣ, съ тѣмъ, чтобы весною меня туда назначить, куда бы обязалъ меня.

Признаюсь, что мнѣ очень хочется послужить съ Николаемъ Николаевичемъ (Раевскимъ), мнѣ дураки и изверги надоѣли. Увѣдомь, можно-ли на это надѣяться и возьмешься-ли ты для меня побороться съ Волконскимъ и съ судьбою, чтобы защитить это мѣсто отъ тѣхъ, кои наступать на него будутъ прежде весны? Отстаивай его, любезный другъ, всѣми силами и всѣми хитростями, если ты меня любишь и подари имъ меня, какъ время придетъ.

Я писалъ къ Раевскому, чтобы узнать, будетъ-ли онъ доволенъ, если я поступлю на это мѣсто? Это проформа—я въ отвѣтѣ увѣренъ. Благодарю тебя за Петригина и за брата Льва. Добрый ты человѣкъ и заслуживаешь данное мною тебѣ названіе *покровитель безпокровныхъ*. Да приклеили-ли Петригина къ мѣсту? Вѣрь, онъ бѣденъ какъ церковная крыса, до сего времени онъ хоть жалованьемъ жилъ, а безъ жалованья на полковничій чинъ ни штановъ, ни сухаря не купишь.

Нѣтъ, братъ, радости безъ горя, женѣ каждый день лучше и лучше, но ребенокъ не пережилъ трехъ дней; горько мнѣ очень, но ежели необходимо чѣмъ-нибудь заплатить судьбѣ за счастье, которымъ я пользуюсь, то еще хорошо отдѣлался.

За что ты мнѣ попрекаешь, что я далъ отрывокъ дневника моего Свиньину. Я не Свиньину его далъ, а помѣстилъ въ «Отечественныя Записки». Ты говоришь, что такія сочиненія должно однимъ пріятелямъ читать, а я думаю напротивъ. Благо есть что про себя сказать, почему не говорить? Особенно въ такое время, въ которое стараются предать забвенію и событія и людей, ознаменовавшихъ сію великую эпоху, коей слава есть собственность Россіи.

Мы уже видимъ портреты Чаликова и Каблукова готовыми перейти въ потомство и по усамъ Чаликова и по рожѣ Каблукова не мудрено, что оно (потомство?) отдастъ славу партизанства имъ, а не мнѣ, ни Сеславину, ни Фигнеру, ни Кудашеву, надо открыть глаза и представить и Чаликова и Каблукова на Царицыномъ лугу, а не на равни-

нахъ Вязьмы и Краснаго. Вотъ причина, отъ чего я бросилъ отрывокъ мой въ журналъ и готовлюсь весь дневникъ мой напечатать.

Прости, любезный другъ, пожалуйста отвѣчай на это письмо безъ замедленія, очень меня одолжишь.

Скажи мое и жены моей почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ.

294.

17-го октября 1820 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ, присланное тобою письмо Федору Американцу исправно, въ тотъ же часъ, какъ получилъ, доставлено. Ты мнѣ пишешь, что не забудешь похлопотать обо мнѣ, коль скоро загорится заграницами и наши ребята двинутся, но что по сію пору нѣтъ о томъ слуховъ. У насъ, однако, очень поговариваютъ, что Воронцовъ съ корпусомъ идетъ въ Галицію. Пожалуйста, увѣдомь поаккуратнѣе, правда-ли это? Хотя я прошу Бога о мирѣ и клянусь, что не хочу войны, но если загремятъ въ полѣ, ради Бога постарайся, чтобы меня употребили въ авангардѣ, хотя бы командовать авангардомъ постами или чѣмъ хотятъ. Я ужь на тебя, какъ на каменную стѣну надѣюсь!

Ты пишешь, что рекрутскій наборъ никого не повеселилъ; здѣсь такъ перепугались четыремъ съ 500, что уже выдумали, будто двухъ еще прибавили, и я хоть сему не вѣрю, но ни мало не удивлюсь, если случится.

Мнѣ прислали изъ Грузіи благодарный приказъ Ермолова войскамъ Мадатова, писанный, какъ все пишется Ермоловымъ. Какъ-то Мадатовъ прочиталъ его? Право, я бы совѣтовалъ завести ланкастерскую школу для нѣкоторыхъ генераловъ, какъ Мадатова, Делянова, Гундіуса и пр. Будетъ-ли нынѣшнюю зиму Ермоловъ въ Петербургѣ? Увѣдомь, я боюсь, чтобы его навсегда не зарыли бы въ Грузіи. Это мѣсто, конечно, хорошо и блистательно, но не такъ, чтобы въ немъ зарыть такія достоинства, каковы Ермолова. Для такого человѣка, какъ онъ, оно должно бы быть подножіемъ къ вышнимъ степенямъ, то-есть къ мѣсту главнокомандующаго главною нашей арміею. Право, я боюсь, чтобы добрые люди не заковали на немъ Ермолова, какъ въ баснословное время боги заковали Прометея на вершинахъ Кавказа.

Какъ ты не говори, а ..... здорово. Посмотри на Воронцова, опять пошелъ въ гору. Когда вы ожидаете Царя?

Прости, любезный другъ. вѣрь искренней и нелицемѣрной дружбы вѣрнаго друга *Дениса Давыдова*.

295.

15 ноября 1820 г.

Получилъ я твое письмо, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и очень радъ, что слухи о движеніи Воронцова корпуса несправедливы. Еще бы пріятнѣе мнѣ было узнать, что слухи, о которыхъ ты умолчалъ мнѣ, такого же рода, какъ и первые; но ты что-то скромничаешь, и отъ этого болѣе наводишь сомнѣніе.

Съ нѣкотораго времени Сипягинъ съ женою въ Москву пріѣхалъ на свадьбу Всеволодскаго, который женился третьяго дня. Мы съ нимъ всякій день видимся и живемъ очень близко одинъ отъ другаго. Сынишка у него малый хоть куда, да мнѣ кажется и другой готовъ. Ты мнѣ пишешь о Ермоловѣ такимъ образомъ, что какъ будто у тебя готова и невѣста. Увѣдомь, кто такая? Я не прочь женить его, но какъ его уломаешь и кто осмѣлится ѣхать съ нимъ въ Грузію?

Бумаги, которыя я обѣщалъ тебѣ, то-есть обозрѣніе мое 1812 года и стихи мои, переписываются для тебя. Медленности сей причиною было то, что насилу я нашелъ здѣсь писаря: хорошіе заняты, а дрянные такъ пишутъ, что прочесть нельзя. Смотри, сдержи и ты свое слово касательно бумагъ Багратіона 1812 года и журнала графа Н. Мих. Каменскаго въ Финляндіи и въ Турціи. Если будетъ время, мнѣ хочется хотя слегка написать о сихъ двухъ герояхъ нашихъ, которые упадаютъ въ забвеніи отъ лѣни нашей, или лучше сказать отъ равнодушія нашего ко всему великому. Если бы можно отыскать что-нибудь о Суворовѣ и всѣ бумаги касающіяся до Багратіона, ты бы меня крайне одолжилъ.

«*Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія въ Россіи*» я совершенно перекроилъ и онъ уже готовъ. Мнѣ хочется печатать его у тебя въ типографіи. Увѣдомь, можно-ли это сдѣлать и для сего долженъ-ли онъ предварительно пройти чрезъ жестокія руки цензоровъ.

Въ случаѣ, если мнѣ захочется въ рукописи доставить его Царю, то какъ за это взяться, чтобы онъ опять не завалялся въ канцеляріи князя Петра Михайловича (Волконскаго). Пожалуйста, объ всемъ этомъ увѣдомь. Какъ ты думаешь, нужно мнѣ будетъ на будущую весну съѣздить заграницу? Боюсь, чтобы не разсердились на меня за то, что

отпросясь въ отпускъ для излеченія болѣзни за границу, я живу въ Россіи, или объ этомъ не вѣдаютъ? Прости, любезный другъ, вѣрь искренней и вѣчной дружбѣ.

Поцѣлуй за меня ручку у Аграфенѣ Федоровнѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ ей свое душевное почтеніе.

296.

12-го іюня 1821 г. С. Пріютово.

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ Арсеній Андреевич[illegible]чъ; этому причина та, что я давно уже живу въ деревнѣ. Что буду [illegible] писать? Жизнь моя единообразна, встаю рано, пишу, роюсь въ огород[illegible]одѣ, скачу по полямъ за зайцами, покоенъ и счастливъ, болѣе нежели ож[illegible]жидалъ когда нибудь быть столько счастливымъ! Къ этому всему запр[illegible]претилъ даже и газеты присылать сюда; изрѣдка, очень изрѣдка прор[illegible]рываются письма друзей, которые пишутъ болѣе о чувствахъ, нежели [illegible]и о новостяхъ, иногда слышу что въ нѣсколько верстахъ отъ меня п[illegible]проѣзжаютъ генералъ-адъютанты, ѣдущіе въ Коломну или Рязань... и [illegible]и я благодарю Бога что въ мирное время онъ избавилъ меня отъ занятій [illegible]тій, которыхъ я не люблю и не понимаю—и спасъ отъ неудовольствій, [illegible] которыя бы заслужилъ, какъ и другіе, взявшись не за свое дѣло!

Надняхъ отпечаталось сочиненіе мое «*Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія,*» и на дняхъ экземпляръ одинъ явится къ тебѣ. У[illegible]вѣдомь, пожалуйста, могу-ли я хорошо переплетенный экземпляръ поднес[illegible]сти Царю чрезъ Волконскаго? и какъ это сдѣлать. Увѣдомь также, гдѣ п[illegible]очтенный нашъ Проконсулъ (Ермоловъ), въ Петербургѣ-ли? или пр[illegible]мо проѣхалъ *во царствіе свое?* Прости, вѣрь непоколебимой дружбѣ *Дениса Давыдова*. Адресуй письма по старому черезъ Волкова.

297.

22-го іюля 1821 г.

Любезный и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ. По твоему [illegible]вѣту посылаю письмо къ Императору и къ князу Волконскому, т[illegible]же и экземпляры имъ назначенные. Сдѣлай милость, постарайся, е[illegible]примутъ благосклонно книгу мою, чтобы не вздумали мнѣ сдѣлать к[illegible]кого нибудь подарка; я какъ огня этого боюсь, и доволенъ буду тѣмъ

что не осердятся, ибо хотя цензура и пропустила сочиненіе, но находятся въ немъ нѣкоторыя выходки и слова, на которыя можно ощетиниться,—это я между нами говорю, не повторяй сихъ словъ, чтобы они не открыли глаза.

Впрочемъ, прежде нежели пускать книгу сію въ горніе предѣлы и даже по бѣлу-свѣту, одолжи меня, прочти ее внимательнѣе и рѣши самъ можно-ли ее подносить Государю и распускать въ публику безъ опасности. Я до твоего отвѣта удержу всѣ экземпляры у себя, и тогда только раздавать буду, когда ты увѣдомишь, что можно раздавать ихъ. Ежели же ты не найдешь ничего чрезвычайно дерзкаго и перекрестясь подашь прямо, то я думаю лучше сдѣлаешь. Повторяю, все отдаю на твою волю.

При семъ прилагаются экземпляры: тебѣ, брату Алексѣю Петровичу (Ермолову), Л. В. Васильчикову, Толю и Бутурлину.

298.

28 іюля 1821 г.

Любезный и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ! Ты долженъ уже получить посланные мною тебѣ семь экземпляровъ моего «*Опыта*». Признаюсь тебѣ, любезный другъ, что чѣмъ болѣе размышляю я о нѣкоторыхъ выходкахъ въ сей книгѣ, тѣмъ болѣе опасаюсь, чтобы мнѣ за нихъ недосталось. И потому, пожалуйста, прочти все со вниманіемъ, и если будешь моего мнѣнія, то останови подавать экземпляры Царю и Волконскому назначенные, такъ же и другіе (кромѣ твоего и Проконсульскаго (Ермолова), и увѣдомь, что нужно перемѣнить; я въ осторожность остановилъ переплетаніе до твоего отвѣта. Странно было бы получить отставку отъ военной службы за военное сочиненіе.

Полагаюсь во всемъ на тебя и на почтеннаго брата Алексѣя Петровича. Разсудите и рѣшите, я во всемъ буду слѣдовать мнѣнію вашему безпрекословно.

299.

15-го августа 1821 г.

Я получилъ письмо твое, почтенный и милый другъ Арсеній Андреевичъ, писанное въ самый день рожденія моей дочери Софьи, т. е.

8-го сего мѣсяца. Рекомендую тебѣ и Аграфенѣ Федоровнѣ мою мосечьку.

Теперь не могу не поблагодарить тебя за совѣтъ твой—напрасно ты думаешь, что послѣ онаго я еще буду держаться прежняго моего намѣренія. Ты воплощенное благоразуміе! Твои слова такъ справедливы, что нѣтъ отговорокъ. И потому я все дѣлаю что ты совѣтуешь, т. е. дожидаюсь тебя и по твоимъ мыслямъ перемѣню то, что слѣдуетъ перемѣнить. Покамѣсть я никому не далъ ни одного экземпляра, кромѣ того, что ты отдалъ Проконсулу (Ермолову), а я Киселеву послалъ. Но это такъ мало, что нечего о томъ и говорить. Признаюсь, что только по словамъ нѣкоторыхъ я увидѣлъ, что я занесся во многихъ мѣстахъ, что̀ дѣлать? Этотъ проклятый огонь невидимо и не чувствительно изъ меня изрыгается! Теперь буду осторожнѣе. Мое счастье въ томъ, что при всѣхъ залетахъ моихъ какое-то разнородное со мною благоразуміе велѣло мнѣ съ тобою посовѣтоваться, иначе бы я попалъ въ просакъ. Благодарю тебя, милый и единственный другъ, за твой совѣтъ, я чувствую что онъ меня спасъ отъ многихъ неудовольствій. Вѣрь непоколебимой и душевной привязанности вѣрнаго твоего друга *Дениса Давыдова.*

P. S. Пришли или привези съ собою книги и письма, которыя я къ тебѣ послалъ.

300.

30-го августа 1821 г.

Благодарю тебя душевно, любезный и почтенный другъ Арсе[illegible] Андреевичъ, за участіе, которое ты берешь во всемъ что до меня [illegible] сается. Но слухи, которые дошли до тебя на счетъ моей нескромнос[illegible] вовсе несправедливы. Ежели бы я что и совралъ, то никто бы пе[illegible] сказать не могъ мною совранное, ибо я совершенно никуда не выѣзж[illegible] и никого не принимаю. Я знаю, какъ и другіе, что Москва не ме[illegible] Петербурга наводнена людьми, которыхъ я не опасался-бы, если-бъ [illegible] доносили о томъ что слышатъ, но чего не сочинитъ мерзавецъ [illegible] того чтобы выслужиться? Къ тому же (горькая истина!), какая х[illegible] брая служба, какая благородная жизнь перевѣсить можетъ донось б[illegible] дяги, продавшаго честь свою полиціи? Послѣ того, любезный другъ, [illegible] будетъ не токмо не скромничать, но даже въ свѣтѣ показываться? [illegible] до меня касается, я живу какъ схимникъ, и такъ счастливъ въ мое[illegible] семействѣ, что, право, жаль удѣлять минуты на критику чего нибу[illegible]

Не опасайся, любезный и почтенный другъ, за меня. Ежели что и дойдетъ до тебя на мой счетъ, говори прямо: *неправда* и скажешь правду. Отъ ложныхъ доносовъ человѣкъ не можетъ спасти себя, но отъ справедливыхъ я себя спасъ.

301.

26-го декабря 1821 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ. У насъ очень поговариваютъ о войнѣ съ турками. Я боюсь, чтобы не подумали обо мнѣ, что я хочу укрыться отъ войны чрезъ помѣщеніе себя на кавказскую линію. Почему прошу тебя, любезнаго и почтеннаго моего друга, не терять сего изъ вида и дѣйствовать по обстоятельствамъ. Отдаю на волю твою куда меня бросить, на Кавказъ или на Балканъ: дѣло въ томъ (что) я хочу, въ мирное время избѣгнуть гусинаго шага, а въ военное, покоя и бездѣйствія.

Сдѣлай же дружбу, не спѣши помѣщеніемъ меня на кавказскую линію, пощупай мнѣніе обо мнѣ, и употреби меня туда, гдѣ ты думаешь, что и мнѣ и службѣ будетъ полезнѣе.

Жду рѣшенія судьбы моей съ нетерпѣніемъ. Правду тебѣ сказать, что мнѣ очень прискорбно будетъ сидѣть на Кубани, когда другіе будутъ драться. Впрочемъ, дѣлай что ты хочешь, я такъ увѣренъ въ дружбѣ твоей, что ни спорить, ни прекословить не буду.

302.

27-го февраля 1822 г. Москва.

Любезный и почтеный другъ Арсеній Андреевичъ! Сейчасъ получилъ письмо твое, писанное отъ 20-го сего мѣсяца. Не удивляюсь отказу, такъ быть должно. Если будешь писать къ Проконсулу (Ермолову), то увѣрь его сколько мнѣ прискорбно лишиться случая показать ревность мою человѣку, коего одобреніе для меня выше всего на свѣтѣ, да сверхъ того быть невиннымъ виновникомъ перваго ему отказа; чтобы избавить его отъ послѣдняго, я не знаю чего бы я не далъ!

Прошу тебя, ежели поѣдетъ экстренный фельдъегерь въ Грузію, велѣть ему ко мнѣ заѣхать, срочнаго же дожидаться долго, и потому я буду писать также и по почтѣ... разумѣется не на крѣпкомъ

бульонѣ. Чувствуя до куда простираются дарованія мои, я желалъ мѣста сего единственно для того, чтобы быть полезнымъ. Я отказался бы отъ лентъ, сихъ красивыхъ помочей, на коихъ водятъ честолюбцевъ, и отъ чиновъ, сихъ мыльныхъ пузырей, за коими они гоняются. Не говорю о корыстолюбіи; ты меня знаешь пятьнадцать лѣтъ, слѣдовательно нечего марать себя даже и разговоромъ о сей гнусности, которая не послѣдняя статья на кавказской линіи. Но дѣло сдѣлано и я отринутъ!

Теперь пусть дружба твоя, которая есть единственная моя опора, отыскиваетъ способы дать мнѣ блистательную команду (ибо я другой не возьму) при начатіи войны съ турками, ежели война сія откроется прежде сентября; ибо, въ противномъ случаѣ, я рѣшился подать въ отставку 1-го числа онаго мѣсяца. Я не Булатовъ—у меня на совѣсти ничего нѣтъ кромѣ нѣсколькихъ роптаній за несправедливости, понесенныя мною въ теченіе 20-ти лѣтней. смѣю сказать, залетной и молодецкой службы.—Богъ имъ судья!

303.

16-го марта 1822 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, я получилъ письмо твое вчера съ фельдъегеремъ, ѣдущимъ въ Грузію. Благодарю тебя за дружественный совѣтъ, я въ немъ вижу истинно любящаго меня человѣка и принимающаго дѣла мои къ сердцу. Но, любезный другъ, ты ошибаешься, если думаешь, что намѣреніе мое было служить на Кавказѣ только при Ермоловѣ и выдти, когда онъ выйдетъ. Ежели бы таковы были мои виды, то точно я подалъ бы поводъ говорить на мой счетъ, что я *хотѣлъ только служить съ роднею и выхожу когда родня выходитъ*. Нѣтъ, я намѣренъ былъ остаться на семъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ года три, не смотря на перемѣну главноуправляющихъ. Причина сему та, что въ этомъ краѣ я могъ бы показать дарованія мои или ничтожество мое въ полномъ видѣ, ибо тамъ и созидать и разрушать—всего довольно. Къ тому я хотѣлъ, вышедши оттуда, имѣть уже мѣсто на что-нибудь похожее, а не быть телеграфомъ, то-есть бригаднымъ командиромъ или балетмейстеромъ, то-есть начальникомъ штаба. Все это рушилось. Такъ и быть! *Честь предложена, убытка Богъ избавилъ*, говоритъ русская пословица, и я остаюсь бригадирствовать въ Москвѣ съ вольнопрактикующимъ Марковымъ и на подножный кормъ

пущеннымъ Алексѣевымъ. Прости, любезный другъ, жена моя кланяется милой твоей хозяйкѣ и я у ней ручки цалую.

P. S. Какъ жаль милаго нашего Петра Ивановича! Да какой это Голицынъ убилъ его сына? Я никакого Голицына въ Тульчинѣ не знаю. Теперь, такъ какъ всѣ проекты мои пошли ко дну, то я опять обращаюсь къ тебѣ съ просьбою прислать мнѣ обѣщанные тобою приказы Павла. Только, сдѣлай милость, отъ 6-го ноября 1796 года до 12-го марта 1801 года. Пожалуйста, не забудь, любезный другъ. Знаешь-ли, что я подмосковную мою продалъ за 118 тысячъ, а покупаю другую на Москвѣ-рѣкѣ, въ 55 верстахъ отъ Москвы и на безподобномъ мѣстѣ. Е.....ву (Ермолову) по сію пору не могутъ найти порядочной подмосковной.

304.

2-го апрѣля 1822 г. Москва.

Возвратясь вчера изъ Кіева, я нашелъ письмо твое, милый мой и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ. Съ нимъ вмѣстѣ и пакетъ съ копіями писемъ Ермолова. За все это благодарю тебя очень и очень. Деньги къ безподобной твоей хозяйкѣ должны уже быть получены. Вотъ все, что я могу сказать въ отвѣтъ на письмо твое. Теперь скажу тебѣ на счетъ моего опредѣленія на кавказскую линію: работай и рѣшай дѣло. Пора! Я рѣшился, не смотря на войну съ турками, принять это мѣсто. Чѣмъ болѣе я разспрашивалъ, чѣмъ болѣе я получалъ свѣдѣнія о семъ краѣ, тѣмъ болѣе нахожу, что могу быть полезенъ тамъ, слѣдовательно, медлить теперь не къ чему. Я писалъ къ тебѣ изъ Кіева о братѣ Васильѣ Давыдовѣ, а изъ Орла о Евдокимѣ. Сдѣлай дружбу, помоги имъ: одного чтобы скорѣе отставили за ранами, а другого, чтобы не переводили въ другую дивизію. Ты меня симъ крайне обяжешь. Да увѣдомь, пожалуйста, писалъ-ли Ермоловъ о подполковникѣ Бѣгичевѣ для опредѣленія его атаманомъ въ астраханское казачье войско?

Читалъ я выговоръ Вадбольскому, жестоко! Истинно скажу тебѣ, что ежели бы со мною это было, я бы бросилъ все и взорвалъ бы черепъ Роту. Что сей послѣдній дѣлаетъ, это описать нельзя! Я былъ въ смежности съ его дивизіею... Людей ѣстъ! Напрасно думаютъ, что лишняя строгость нестерпима, нѣтъ; нестерпимо несправедливое варварство, капризы и пристрастія, вотъ что нестерпимо! А Ротъ этого

дѣла мастеръ. Прости. Кончаю отъ того, что боюсь распространить[illegible] на сей счетъ, ибо право волосъ дыбомъ становится, какъ подумаеш[illegible] о несчастныхъ, ему пожертвованныхъ.

P. S. У милой хозяйки милліонъ разъ цѣлую ручки. Анну Ал[illegible]ксандровну цѣлую въ шейку, которая прекрасная—это я давно пр[illegible]мѣтилъ, но по сродной мнѣ застѣнчивости, не смѣлъ говорить словесн[illegible] а говорю письменно. Жена моя свидѣтельствуетъ свое почтеніе тво[illegible] женѣ и тебѣ, также и курносая моя Сонечка.

305.

13-го ноября 1822 г. Москва.

Наконецъ я получилъ письмо отъ тебя, почтенный и любезн[illegible] другъ Арсеній Андреевичъ. Въ немъ увидѣлъ и рѣшеніе на вторичн[illegible] представленіе Ермолова. Кажется, совѣсть моя мнѣ упрекать не можетъ: я хотѣлъ служить, и служить въ такомъ краю, который, большею частію военнослужащихъ нашихъ, почитаемъ ссылкою. Признаться долженъ, что будучи обремененъ семействомъ, и я не безъ побѣды надъ собою рѣшился стяжать сіе мѣсто. На сіе побудило меня, съ одной стороны, страхъ, чтобы не истратить плодороднѣйшую часть моего вѣка, для собственной только пользы, а съ другой, увѣренность, что я былъ бы полезнѣе для Россіи на Кавказѣ, нежели на площадяхъ, протоптанныхъ учебнымъ шагомъ. Что дѣлать! Надо повиноваться судьбѣ, успѣхъ и неудача въ ее власти! И такъ, я снова обращаюсь къ сохѣ, ибо ни за что на свѣтѣ не приму здѣсь ни начальства штаба, ни бригады, ни дивизіи. Мѣста сіи сдѣлались весьма опасными: они между своевольствомъ, вкравшемся въ классъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и неограниченной власти главнокомандующаго. Самъ Ротъ, коего нельзя упрекнуть въ человѣколюбіи, самъ Ротъ сноситъ отъ подначальствующихъ своихъ оскорбительныя поруганія, и если еще не раздавленъ главнокомандующимъ за неприведеніе къ субординаціи команды своей, то сему причиною обстоятельства, о коихъ умолчу. Тогда какъ я, за одну изъ ста исторій, случившихся въ его корпусѣ, давно лишился бы и команды, и чести, пріобрѣтенной цѣною 22-хъ-лѣтней боевой и безпорочной моей службы. Сохрани меня Богъ разглашать сіи мысли, я тебѣ говорю какъ другу, да и тебя прошу сжечь письмо сіе. Любя славу Царя и отечества, сердце разрывается видѣть армію нашу въ такомъ положеніи! Въ ней грубость начальниковъ и непо-

слушаніе подчиненныхъ замѣнили благородное обхожденіе первыхъ и субординацію послѣднихъ. Впрочемъ, я пишу тебѣ не новое, ты не хуже меня сіе знаешь.

Теперь обратимся ко мнѣ. Мнѣ хочется идти въ чистую отставку. Какъ ты мнѣ присовѣтуешь? По какимъ причинамъ подать оную? Я думаю по причинѣ той же болѣзни, для излеченія которой я былъ отпущенъ въ отпускъ. Жду на сіе твоего отвѣта. Скучно. Полно служить!

На-дняхъ получилъ я изъ инспекторскаго департамента форму подписки, что я отказываюсь отъ *братій масоновъ*. А такъ какъ я не былъ, не есть и не буду ни въ масонскихъ, ни въ какихъ другихъ тайныхъ обществахъ и въ томъ могу подписаться кровью, то эта форма для меня неприлична. Прошу прислать другую, или не написать-ли мнѣ просто о томъ рапортъ? Я о семъ отъ тебя жду разрѣшенія.

Какъ бы мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою лично! Бумага терпитъ все, но многіе не терпятъ то, что на бумагѣ написано. Хотя то, о чемъ я говорить съ тобою хочу, относится единственно къ частнымъ лицамъ и совершенно чуждо политики и правительства; но есть и частныя лица, которыя могутъ быть опасны. Въ Турціи тарантулы кусали насъ не за то, что мы ступили на турецкую землю, а единственно для нанесенія вреда и смерти; страсть данная имъ природою.

Другъ любезный! Съ какимъ нетерпѣніемъ жду весны! Уѣду въ деревню и еще нелюдимѣе буду, нежели теперь. Теперь я еще бываю въ театрѣ, раза три въ году на обѣдѣ графа Петр. Ал. Толстаго или военнаго генералъ-губернатора, но какъ скоро сниму эполеты, полно! Соха, коса, деревня, жена и дѣти. Вотъ что будетъ единственное мое занятіе! И такъ прости. Пожалуйста, сожги письмо, тутъ много вздора.

306.

6-го марта 1824 г.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Очень ты меня огорчилъ извѣстіемъ о твоей болѣзни; неужели все та же, отъ коей ты два года отбиваешься? Если все головныя боли, то увѣряю тебя, что онѣ усилятся съ прибавленіемъ хлопотъ и занятій въ Финляндіи. Нѣтъ другого средства быть здоровымъ тебѣ, какъ нѣсколько-лѣтній покой и свобода. Повѣрь мнѣ, пока будешь застегнутъ какъ чемоданъ, и пока

на головѣ носить будешь треугольную шляпу, нѣтъ тебѣ здоровья, сбрось это долой, и я ручаюсь, что черезъ годъ себя не узнаешь.

Сипягинъ сегодня отправляется въ свою дивизію. Путята также скоро ѣдетъ обратно въ Питеръ. У Никол. Ив. Демидова былъ, но не засталъ дома; онъ былъ у меня и также неудачно. Постараюсь сегодня съ нимъ увидиться.

Что тебѣ еще сказать? Да, и забылъ самое важное:

Сдѣлай милость, постарайся за Баратынскаго, разжалованнаго въ солдаты; онъ у тебя въ корпусѣ. Гнетъ этотъ онъ несетъ около восьми лѣтъ или болѣе, неужели не умилосердятся? Сдѣлай милость, другъ любезный, этотъ молодой человѣкъ съ большимъ дарованіемъ и вѣрно будетъ полезенъ. Я приму стараніе твое, а еще болѣе успѣхъ въ семъ дѣлѣ за собственное мнѣ благодѣяніе. Увѣдомь, пожалуйста, о братѣ Алексѣѣ (Ермоловѣ), что съ нимъ дѣлается? Ни слуху, ни духу! Письмо, приготовленное къ нему съ фельдъегеремъ, и по сію пору у меня лежитъ. При тебѣ этого не дѣлалось!

Я надѣюсь, что письмо сіе застанетъ тебя еще въ Петербургѣ и потому адресую его чрезъ Шатилова. Прости, поцѣлуй ручки у милой Аграфены Федоровны, которой жена моя и Сонька кланяются.

P. S. Что сдѣлалось съ Меншиковымъ! Такъ похудѣть я не видовалъ человѣка. Живъ-живъ курилка, а у курилки ножки тоненьки.

307.

23-го іюня 1824 г. Москва.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ. Я получилъ письмо твое отъ 3-го іюня въ Москвѣ, куда переѣхалъ для пользованія фаворитки милой Аграфены Федоровны. Благодарю тебя, что сердце твое не застываетъ ко мнѣ и подъ созвѣздіемъ медвѣдицы. Жаль, что ты не можешь отбиться отъ своей болѣзни; вѣрь, что одно тѣлесное и душевное спокойствіе могутъ прекратить недуги твои. Въ самый тотъ день, какъ я пріѣхалъ сюда изъ деревни, прибылъ изъ Петербурга князь Петръ Михайловичъ (Волконскій) проѣздомъ въ Тамбовъ и Саратовъ, такъ онъ мнѣ сказывалъ. Между прочимъ, говорилъ онъ мнѣ, что давно отъ тебя не имѣетъ (извѣстій?), а такъ какъ я ему сказалъ, что надняхъ получилъ отъ тебя, то онъ весьма интересовался знать о твоемъ житьѣ-бытьѣ, я ему разсказалъ все то, что ты мнѣ пишешь. Ѣздивъ всегда съ Государемъ, для коего и украдкой отъ коего, не смотря на *рабочее*

время, губернаторы выгоняютъ цѣлыя губерніи для работы дорогъ, Волконскій теперь увидѣлъ во всей наготѣ тѣ дороги, по коимъ мы, грѣшные, ѣздимъ или лучше сказать тѣ, кои мы, грѣшные, объѣзжаемъ, ибо по нимъ ѣздить нѣтъ возможности! Словомъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Суханово верхомъ и то на 7-й верстѣ была поставлена для него перемѣнная лошадь.

Мое намѣреніе въ началѣ іюня сдѣлать большой вояжъ. Я ѣду въ Симбирскую губернію, а оттуда чрезъ Оренбургскую, Казанскую, Нижне-Новгородскую, домой. Нѣтъ силъ терпѣть! Хотя я первый годъ только принялся за управленіе своего имѣнія, и тутъ увидѣлъ кражу: надо ударить иныхъ по шеѣ, другихъ по рожѣ.

Повторяю о Баратынскомъ, повторяю опять просьбу взять его къ себѣ. Если онъ на замѣчаніи, то вѣрно по какой-нибудь клеветѣ; впрочемъ, молодой человѣкъ съ пылкостію можетъ врать—это и я дѣлалъ, но ручаюсь, что нѣтъ въ Россіи приверженнѣе меня къ Царю и отечеству; еслибы я этого и не доказалъ, то поручатся за меня въ томъ всѣ тѣ, кои меня знаютъ; таковъ и Баратынскій. Пожалуйста, прими его къ себѣ. И такъ, прости, другъ любезный, кланяйся отъ меня Петру Григорьевичу Сократову и вѣрь въ совершенной преданности вѣрнаго твоего друга *Дениса*.

Пока ты пріѣдешь въ Ивановское много разродится фруктовыхъ деревьевъ; пока напиши Коризнѣ, что ты мнѣ даришь деревъ пятокъ персиковыхъ и грушевыхъ, весьма одолжишь.

308.

10-го декабря 1825 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Я давно не писалъ къ тебѣ, ибо давно уже не слѣзалъ съ лошади. Теперь *порошки* кончились, нѣсколько десятковъ зайцевъ, лисицъ и волковъ затравлено, и я отъ враговъ моихъ обращаюсь къ друзьямъ моимъ. Но что тебѣ писать? Общая горестная новость летаетъ изъ устъ въ уста, изъ города въ городъ, слѣдовательно нечего и писать тебѣ о ней, ибо ты не только о ней извѣщенъ, но подобно намъ, конечно, уже и присягнулъ новому Императору.

Сипягинъ уѣхалъ въ дивизію свою; Коризна твой поскакалъ подряжаться на вино въ Пензу, я завожу мериносовъ, у брата Алексѣя (Ермолова) шло плохо, но теперь все приходитъ въ прежде бывшій порядокъ, такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Адъютантъ твой князь

—очень болѣнъ, я боюсь, чтобы онъ не рехнулся, повидимо
ого не избѣжать. Жалко на бѣднаго смотрѣть! Вотъ тебѣ
новости. Ты, конечно, будешь на коронацію; съ какимъ у
вѣмъ я ожидать буду этой минуты; еслибы къ намъ соединил
братъ Алексѣй, то счастье мое дошло бы до высшей степе
Мой *протеже* Баратынскій здѣсь, часто бываетъ у меня, ко
лѣнъ, ибо здоровье его незавидное. Онъ жалокъ относительно обст
ствъ его домашнихъ, ты ихъ знаешь—мать полоумная и слѣдо
но дѣла идутъ плохо. Ему надо непремѣнно идти въ отставку,
му совѣтовалъ и онъ совѣтъ мой принялъ. Сдѣлай же милость, одол
ня, позволь ему выдти въ отставку и когда просьба придетъ, то рѣ
орѣе—за что я въ ножки поклонюсь тебѣ, ты меня этимъ на вѣ
яжешь.

309.

23-го декабря 1825 г. Москва.

Сто лѣтъ какъ не имѣю отъ тебя ни слова, любезнѣйшій дру
Арсеній Андреевичъ! Недавно писалъ къ тебѣ и жду отвѣта. Пока ска
тебѣ, что я какъ солдатъ воскресилъ свои надежды. Царь у насъ
лодой и молодецъ, авось-ли будетъ какая-нибудь *войнишка* и мы
работаемъ вѣрой и правдой. Эта мысль заставила меня предста
желаніе вступить обратно въ службу. Говорятъ, что онъ чрезвыча
свѣдущъ въ военномъ искусствѣ, тѣмъ лучше, будутъ побѣды и
старые инвалиды, душою и саблею поддержимъ его предпріятія
ропа затрепещетъ! Увѣдомь, что ты дѣлаешь? Не будешь-ли сю
коронацію? Куда бы я радъ былъ съ тобою увидѣться, я совер
оставилъ свѣтъ, хотя живу въ Москвѣ—все дома, да дома сред
моей; мальчишка старшій подростаетъ и всякій день милѣе, ма
также поправляется; вотъ всѣ мои новости. И такъ, прости
любезный, поцѣлуй ручки у милой Аграфены Федоровны и вѣ
колебимой дружбѣ вѣрнаго друга *Дениса Давыдова*.

310.

9-го января

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! При восшест
столъ нынѣшняго Государя, я захотѣлъ служить и писалъ

Ларіону Васильевичу Васильчикову. Не знаю, какъ это письмо съ нимъ разъѣхалось. Желаніе мое тоже, да къ тому же и мѣсто открылось для меня пріятное: начальникъ штаба гренадерскаго корпуса Столыпинъ умеръ. На мѣсто это будетъ много охотниковъ; если ты имѣешь способъ сдѣлать такъ, чтобы меня приняли въ службу по кавалеріи и немедленно назначили бы начальникомъ штаба въ гренадерскій корпусъ, то сдѣлай милость употреби на это твое стараніе. Надо спѣшить, я было хотѣлъ дождаться пріѣзда Ларіона Васильевича, но будетъ поздно. Болѣе писать нечего, поцѣлуй ручки у Аграфены Федоровны за вѣрнаго твоего друга *Дениса*.

311.

16-го февраля 1826 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Сто лѣтъ отъ тебя ничего не имѣю и узналъ только по газетамъ, что ты въ Петербургѣ, почему и пишу тебѣ съ братомъ Львомъ, котораго тебѣ препоручаю, увѣренъ, что все то, что только можно сдѣлать для него, ты сдѣлаешь. Впрочемъ, желанія его не чрезвычайны, распространяться о нихъ не буду, онъ живая грамота и все тебѣ самъ разскажетъ. Благодарю тебя отъ души за отставку Баратынскаго, онъ веселъ какъ мѣдный грошъ и считаетъ это благодѣяніе твое не менѣе перваго.

Я просилъ Л. В. Васильчикова *записать* меня въ службу, и удивляюсь, что по сіе время ничего не выходитъ. Мнѣ хотѣлось быть начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса, а если этого нельзя, то быть приняту по кавалеріи, гдѣ я могу оглядѣться и выбрать мѣсто по своимъ способностямъ. Сдѣлай дружбу, постарайся объ этомъ.

Въ случаѣ, если меня и назначатъ начальникомъ штаба въ гренадерскій корпусъ, то мнѣ очень пріятно было бы, чтобы это было безъ перевода въ квартирмейстерскую часть, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. Я вижу, что уже ты улыбаешься—и догадываешься, что это желаніе сохранить *усы*. Точно!

Увѣдомь, пожалуйста, будешь-ли ты въ Москвѣ на коронацію; если будешь, какой для меня праздникъ! Я имѣю извѣстіе о братѣ Алексѣѣ (Ермоловѣ), онъ пошелъ въ Чечню и здоровъ. И такъ, прости, другъ любезный, не забывай и вѣрь неколебимой дружбѣ вѣрнаго твоего друга *Дениса*.

312.

Получено 26-го марта 1826 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Пока продолжалось печальное приготовленіе для отданія послѣдняго долга покойному Государю — я ожидалъ терпѣливо рѣшенія о принятіи меня въ службу; но погребеніе кончилось 13-го числа. а теперь уже 22-е и я ничего еще не имѣю на счетъ мой! Ты есть единственная моя подпора во всѣхъ случаяхъ, и если я не чрезъ тебя приступилъ къ этому дѣлу, то потому что тебя тогда не было въ Петербургѣ. Но такъ какъ ты теперь тамъ, то сдѣлай милость употреби свое стараніе, чтобы мнѣ сказали *да* или *нѣтъ*. Я надѣюсь, что скажутъ *да*, да зачѣмъ такъ медлить? На счетъ 2-й конно-егерской дивизіи то можно такъ сдѣлать, что, не назначая меня дивизіоннымъ начальникомъ, дать мнѣ оную дивизію, опредѣля одного изъ бригадныхъ въ бригаду другой дивизіи (только не Ольшевскаго, съ которымъ всякій благородный человѣкъ не желаетъ жить и умереть), а меня пока оставишь *командующимъ*. Поговори о томъ, пожалуйста, графу Орлову-Денисову. Повторяю тебѣ, пусть вспомнятъ, что Царь нашъ и молодъ и молодецъ, неужто долго будемъ топтаться въ экзерцисъ-гаузахъ?—Авось-ли Богъ дастъ и грянемъ; тогда надо будетъ людей закаленныхъ въ огнѣ, а я, слава Богу, закаливался не годъ, а 8 лѣтъ сряду, и кузнецомъ былъ Наполеонъ. Пожалуйста, почтеннѣйшій другъ, постарайся о сей дивизіи, а если уже нельзя, то *пока* пусть причислятъ меня по кавалеріи, тогда я огляжусь и найду другое мѣсто. Я обо всемъ этомъ писалъ Ларіону Васильевичу, къ нему же послалъ и форменную просьбу и письмо къ Императору. Но я не знаю, отчего дѣло не двигается впередъ. Пожалуйста, поговори ему объ этомъ, и постарайся за меня.

Мнѣ братъ пишетъ, что ты по уши въ бумагахъ, и болѣе занятъ нежели когда нибудь—въ чемъ ему вѣрю, ибо никогда такъ долго не былъ безъ писемъ отъ тебя. Винокуренный заводчикъ! говорятъ, что будетъ вольная продажа. Правда-ли? Если правда, то мы всѣ будемъ Бога благодарить, и не одни заводчики, но и другіе помѣщики и самые крестьяне, ибо хлѣбъ будетъ дороже и какъ отъ насъ, такъ и отъ нихъ недоимокъ не будетъ, да и хлѣбъ, который теперь гніетъ, будетъ въ ходу. Эта статья важная, увѣдомь ради Бога, вся Россія воспрянетъ съ радостію и прибавитъ новыя благодаренія къ благодареніямъ Монарху.

Если увидишь П. А. Кикина, поблагодари его за меня — онъ знаетъ за что.

313.

30-го марта 1826 г.

Я не знаю какъ благодарить тебя, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, за твое дружеское, истинно дружеское вниманіе. — Я заранѣе знаю, что ежели я жду чего пріятнаго для себя, то вѣрно ты первый, который о томъ меня увѣдомишь, сверхъ старанія, которое ты употребляешь, чтобы это пріятное со мною случилось. Повѣрь, что я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ твою пятнадцатилѣтнюю неизмѣнную дружбу.

Я отъ тебя перваго получилъ извѣстіе о принятіи меня въ службу третьяго дня. Мнѣ жить невозможно было въ отставкѣ, я крѣпился долго, нѣтъ это было не по мнѣ, кровь еще слишкомъ быстро кругообращается, и хотя мнѣ уже 42-й годъ, но я еще слишкомъ молодъ для сохи и мыслями и чувствами. Надо покрайней мѣрѣ еще лѣтъ пять и двѣ или три войны, тогда только укатаютъ бурку крутыя горки, какъ говоритъ пословица.

Я теперь по кавалеріи — этого мнѣ нужно для устройства дѣлъ моихъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ буду искать мѣсто, а если бы и теперь представилось хорошее, то не прочь. Мнѣ говорятъ, что мѣсто начальника штаба гренадерскаго корпуса обѣщано Герману; если это правда, то нечего о томъ думать, но если неправда куда бы хорошо мнѣ оное дать. Поговори о томъ, другъ любезный, съ кѣмъ можно и съ кѣмъ должно, авось-ли успѣешь. Мнѣ о Германѣ давно уже говорили, и если бы это было справедливо, то онъ давно былъ бы туда назначенъ. Если нужно, чтобы попасть на сіе мѣсто, присутствіе мое въ Петербургѣ, то увѣдомь; я сейчасъ явлюсь, но увѣдомь такъ, чтобы не даромъ мнѣ ѣздить, ибо дѣлъ и хлопотъ у меня много, а денегъ мало. И такъ, прости, другъ любезный.

314.

Понедѣльникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенія.
Получено 23-го апрѣля 1826 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ. По послѣднему письму твоему и по письму брата Льва, я узналъ, что ты опять болѣнъ — долго-ли

тебѣ торопиться къ старости? Увѣряешь, что меня моложе, а не можешь отдѣлаться отъ болѣзней. Право, я думаю, что это твоя сидячая жизнь тому причиною; да неужели ты не можешь выгодать хотя часа два для моціону? Повѣрь мнѣ и я по опыту говорю, что одно движеніе, а не лекарство, поставятъ тебя на ногу. Я знаю, что ты послѣ обѣда любишь также *заниматься*, и это нехорошо, давай своей головѣ работу, да не отнимай и у ногъ имъ принадлежащее, а ночь достаточно для отдыха, особенно при сидячей жизни. Ты будешь смѣяться, что цѣлая страница письма моего заключаетъ въ себѣ рецептъ противъ твоей болѣзни, но этотъ рецептъ самый лучшій—повторяю тебѣ ходи, ходи и ходи, по крайней мѣрѣ часа два въ день, ѣшь досыта, и спи 6 часовъ въ сутки; повѣрь мнѣ что совсѣмъ другимъ будешь. Я ожидаю сильнаго возраженія, но впередъ говорю, что какъ бы оно логически не было выражено—я никакъ не соглашусь, ибо по себѣ знаю что я правъ.

Я къ тебѣ писалъ о мѣстѣ начальника штаба гренадерскаго корпуса. Меня два мѣсяца тому назадъ увѣряли, что это мѣсто обѣщано Герману, но по сіе время ничего нѣтъ въ приказѣ, почему я полагаю, что слухи, дошедшіе до меня, несправедливы. Сдѣлай милость, употреби свое стараніе, чтобы это мѣсто мнѣ дали. Ежели ревность и неусыпность достаточны для сего званія, то мною будутъ довольны, а я служить хочу и не для того надѣлъ мундиръ, чтобы таскать его по Москвѣ. Пожалуйста, другъ любезный, постарайся, чѣмъ чрезвычайно одолжишь меня, вѣрнаго твоего друга *Дениса*.

Увѣдомь, вѣрно-ли будешь на коронацію въ Москву и не знаешь-ли будетъ-ли тамъ же и братъ Алексѣй (Ермоловъ)?

315.

5-го января 1827 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Если ты въ претензіи на меня за мое долговременное молчаніе, то напрасно. Ты знаешь, сколь почты и фельдъегеря невѣрны, можно-ли имъ другое поручать какъ водяныя письма, а въ водяныхъ письмахъ какой прокъ? Вотъ почему я къ тебѣ не писалъ отъ самаго отбытія моего изъ Москвы. Теперь возвратясь домой и пользуясь отъѣздомъ Бутурлина, я посылаю къ тебѣ письмо полное жизнію, а не скелетъ безчувственный. Теперь слушай же:

средства отличиться и считая себя довольно богатымъ 35-лѣтнею отличною службою — пожертвовалъ собою и вмѣсто себя отправилъ Паскевича, а на мѣсто Вельяминова – меня; послѣдствія ты знаешь.

Между тѣмъ, прибытіе Паскевича въ качествѣ корпуснаго командира, хотя съ оговоркою *подъ начальствомъ Ермолова*, произвело болѣе зла, нежели десять побѣдъ надъ персіянами могутъ принести выгоды. Народы обитаемые въ Грузіи суть народы хитрые, и къ интригамъ падкіе, также и въ войскахъ нашихъ есть *двулички* и *лукавки*, какъ говорилъ Суворовъ, ибо въ семьѣ не безъ урода. Все раздѣлилось на партіи и если двойное сіе командованіе продолжится, то я предвижу много худаго. То что одинъ вкоренилъ уже, то другой явно находитъ въ томъ неудобство, говоритъ о томъ громко, порочитъ. Кажется эта не мысль Царя нашего, онъ прислалъ Паскевича помощникомъ и подкомандующимъ, а не командиромъ Ермолову, и какое войско можетъ сохранить долго порядокъ съ двумя начальниками, почти другъ отъ друга независимыми! Ибо зависитъ-ли Паскевичъ отъ Ермолова, когда онъ смѣетъ явно и гласно критиковать его и пишетъ мимо его къ самому Государю. Не знаю, кто посовѣтовалъ послать въ Грузію Паскевича съ такою огромною довѣренностію, но тотъ кто это сдѣлалъ, плохой слуга Царю, онъ отъ вражды къ Ермолову пожертвовалъ пользою отечества и славою Царя. Вся моя надежда на необычайный умъ Алексѣя Петровича, авось-ли онъ уладитъ все до конца какъ сладилъ сначала, но человѣкъ все не Богъ, иногда и терпѣнія не достанетъ. Тѣмъ болѣе, что въ началѣ Паскевичъ обходился со всѣми очень хорошо и съ Алексѣемъ Петровичемъ былъ на ногѣ пріятельской. Теперь какая-то фаланга или скорпіонъ укусили его, онъ открылъ двери наушникамъ и всѣмъ вѣритъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Тифлиса, Ермолова еще тамъ не было, онъ находился въ *Чарахъ* (Джарахъ) и вводилъ порядокъ въ разстроенныя персіянами ханства, а Паскевичъ четыре дня уже кутилъ и мутилъ въ Тифлисѣ, не оставилъ ни одного чиновника, кому не сдѣлалъ бы неудовольствія, даже грубости, гласно порочилъ Ермолова во всемъ, забралъ всѣ дѣла и давалъ на нихъ рѣшенія вдоль и поперегъ. Грустно, право, видѣть это всякому преданному общей пользѣ! Еслибы я былъ человѣкомъ близкимъ къ Царю, я палъ бы къ ногамъ его и просилъ рѣшительно что-нибудь сдѣлать, или отозвать Ермолова или Паскевича, ибо, какъ говорилъ Наполеонъ, лучше имѣть одного дурнаго командира въ арміи, нежели двухъ хорошихъ. Алексѣй Петровичъ не знаетъ еще о явномъ открытіи ему войны Паскевичемъ и не смотря на обширный умъ его, боюсь, чтобы

при пріѣздѣ его въ Тифлисъ чего-нибудь дурнаго не воспослѣдовало. Да сохранитъ Богъ этотъ корпусъ, а съ нимъ вмѣстѣ и славу Царя и русскаго оружія.

Главная причина отчего Паскевичъ взбѣшенъ на Ермолова (это онъ самъ мнѣ говорилъ и я всѣми силами старался успокоить и разувѣрить его и водворить между ними дружбу) состоитъ въ томъ, *зачѣмъ такъ мало о немъ говорятъ въ газетахъ*. Какъ будто Ермоловъ редакторъ газетъ, издаваемыхъ подъ надзоромъ иностранной коллегіи? Правда, что статьи о немъ выбираются изъ донесеній Ермолова — но тамъ есть и собственныя донесенія Паскевича, посылаемыя имъ самимъ мимо Ермолова, чѣмъ же тутъ Ермоловъ виноватъ? Да еслибы и такъ было, долгъ подкомандующаго спросить о томъ у него наединѣ, а не явно и не громогласно порочить его при всѣхъ и во всемъ. Что скажетъ онъ, когда тоже съ нимъ сдѣлаетъ подкомандующій его? Чтобы имѣть право требовать повиновенія отъ другихъ, надо самому примѣръ подавать повиновенія къ старшему, иначе нельзя служить. А тѣ господа, которые торжествуютъ въ Петербургѣ, что прославъ Паскевича въ Грузію съ такою огромною довѣренностію и посѣя трудами своими междоусобіе и двоеначаліе, въ народахъ и войскѣ, неужели не чувствуютъ, что тоже и съ ними сдѣлаютъ враги ихъ, когда по какимъ-либо обстоятельствамъ имъ препоручится армія? Неужели не видятъ, что они сами на себя куютъ оружіе?

Между тѣмъ Ермоловъ, какъ Эльборусъ, стоитъ непоколебимо и всѣ тучи попираетъ пятою, но долго-ли это будетъ, не знаю? Ибо всему есть мѣра. Что же касается до Паскевича, мы его съ тобою знаемъ 20 лѣтъ и знаемъ за человѣка бѣшено-храбраго, простаго, непросвѣщеннаго и добродушнаго; такъ мы его знали до генералъ-лейтенантскаго чина. Съ новымъ званіемъ *средніе два недостатка* выразились яснѣе, и еслибы не горесть видѣть какъ общая польза пожертвована враждѣ противъ Ермолова, еслибы не предвидѣніе мое, что сіе двоеначаліе причиною будетъ большаго несчастія, то я хохоталъ бы что есть силы, по теперь, право, не до того, грустно и грустно!

Теперь, любезный другъ, я скажу тебѣ о самомъ себѣ. Я заплатилъ дань грузинскому губительному климату. Занемогъ лихорадкой, и когда? Наканунѣ выступленія моего на сердаря эриванскаго и на Гассанъ-хана. Боясь остаться въ постелѣ, я на конѣ и на бивакахъ ѣлъ хину какъ хлѣбъ, т.-е. вдвое и втрое болѣе нежели слѣдуетъ. Отъ этого лихорадка меня оставила, за то посѣтила другая болѣзнь, еще болѣе и мучительная: абструкція. И такъ, разстроенное мое здо-

ровье и состояніе принудили меня отпроситься въ отпускъ до начатія дѣйствій, авось-ли къ тому времени я буду готовъ. Теперь я въ Москвѣ, куда насилу доѣхалъ, сижу между четырехъ стѣнъ и лечусь, дай Богъ скорѣе освободиться отъ этой мучительной болѣзни и быть опять на ратномъ полѣ при первой пѣснѣ жаворонковъ. Ты скажешь, охота тебѣ таскаться! Другіе получаютъ награжденія, а тебѣ никогда ничего нѣтъ. Правда, и разсудокъ часто совѣтуетъ мнѣ бросить избранное мною поприще, но какая-то необоримая сила, какая-то, могу сказать, чертовщина влечетъ меня туда, гдѣ дерутся. Что дѣлать? Всякій имѣетъ свой пунктъ сумасшествія,—это мой, и дорого далъ бы, чтобы кто-нибудь отъ онаго излѣчилъ меня!

Однако, сколько я ни равнодушенъ къ наружнымъ награжденіямъ, что доказываетъ, смѣю сказать, военная репутація моя въ сравненіи съ оберъ-офицерскими крестишками, которые я ношу такъ давно—при всемъ томъ меня весьма огорчаетъ невниманіе Государя къ моему дѣлу съ Гассанъ-ханомъ. Всѣ награждены, а я какъ обсѣвокъ въ полѣ. Неужели находятъ что дурнаго въ этомъ дѣлѣ? До моего принятія отряда, опредѣленнаго для закрытія Тифлиса, персіяне дѣлали набѣги почти до окрестностей города; спроси Меншикова. Я пошелъ на нихъ, побилъ ихъ, первый вступилъ въ предѣлы непріятеля; и съ тѣхъ поръ не только наѣзды не были, но ни одинъ персіянинъ не подъѣзжалъ къ границѣ нашей, которая болѣе 200 верстъ отъ Тифлиса. Что же тутъ дурнаго? Видно замѣчаніе на пословицу справедливо: за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадали *бы, еслибы между тѣмъ и другимъ не было у насъ посредниковъ*.

Помнишь-ли я говорилъ тебѣ о желаніи моемъ, чтобы Государь продолжилъ мнѣ аренду мою? Л. В. Васильчиковъ говорилъ ему о томъ и онъ сказалъ, что согласенъ, только надо знать, продолжалъ онъ, не отдана-ли эта аренда другому. Теперь мнѣ сказываютъ, что она будто отдана, но кому? и когда? Не извѣщаютъ, даже и извѣстіе, что она отдана, не совершенно основательно.

Я знаю, что мало есть людей на свѣтѣ, которые мнѣ болѣе тебя желаютъ добра. Я же теперь чрезъ поѣздку въ Грузію, чрезъ тамошнее житье и отъ неполученія нѣсколько лѣтъ достаточнаго дохода совершенно разстроилъ мое состояніе; мнѣ необходимо нужна помощь Царская. Сдѣлай милость, другъ любезнѣйшій, препоручи кому-нибудь, не теряя времени и немедленно, узнать вѣрнѣе и аккуратнѣе, точно-ли аренда моя отдана другому, кому и когда? Если въ случаѣ она еще не отдана, то поговори о томъ съ Ларіономъ Васильевичемъ, какимъ

образомъ сдѣлать, чтобы мнѣ опую продолжили еще на 12 лѣтъ. Я знаю, ты чрезъ Дибича сдѣлать ничего не можешь, но у тебя есть другія связи, постарайся, другъ любезный, нельзя-ли чрезъ князя Петра Михайловича (Волконскаго), который всегда былъ ко мнѣ благосклоненъ. Это дѣло надо только скорѣе дѣлать, ибо я боюсь совершенно разориться.

Ради Бога, прикажи немедленно освѣдомиться о моей арендѣ и куй желѣзо. Совершенно надѣясь на тебя какъ на истиннаго друга, буду ожидать письма твоего на сей счетъ съ несказаннымъ нетерпѣніемъ.

316.

8-го января 1827 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Ты видишь, что нечего тебѣ жаловаться, коль скоро предстоитъ мнѣ вѣрная оказія писать къ тебѣ. Сегодня ѣдетъ маленькій абхазскій князь въ Пажескій корпусъ, я его привезъ до Москвы и вручаю ему это письмо, чтобы онъ оное отдалъ тебѣ изъ рукъ въ руки.

Я тебѣ писалъ уже, что я въ Москвѣ, болѣнъ и лечусь. Но недавно дошла до меня вѣсть непріятная: будто бы *свыше* мною недовольны, зачѣмъ я отпущенъ въ отпускъ Алексѣемъ Петровичемъ (Ермоловымъ) и зачѣмъ я симъ отпускомъ воспользовался. Неужто это правда? Я не могу этсму повѣрить! Я болѣнъ и очень болѣнъ съ самаго моего прибытія къ отряду, которымъ я командовалъ; но зная необходимость остаться тамъ, я все перенесъ до того времени, какъ отрядъ мой распустили, какъ отрядъ Паскевича вступилъ на зимнія квартиры, и какъ я удостовѣрился, что до конца апрѣля не будетъ никакихъ военныхъ дѣйствій. Видя себя ненужнымъ въ Грузіи до того времени, зная, что все равно для общей пользы житье мое въ Тифлисѣ или въ Москвѣ, я рѣшился выпроситься у Ермолова въ отпускъ. Къ тому же, боясь усиленія и даже такого положенія болѣзни, въ которомъ она теперь, дабы отъ того со всѣмъ рвеніемъ моимъ не лежать въ постели, я увѣренъ былъ, что лучше я пожертвую антрактомъ, нежели самимъ дѣйствіемъ. Вотъ почему я здѣсь, лечусь и сижу между четырьмя стѣнами. Если подумаютъ, что я отбылъ отъ того, что не награжденъ за мирагское дѣло — это напрасно, ибо я привыкъ къ этому. Мнѣ только прискорбно и очень прискорбно невниманіе Императора. Я такой чело-

вѣкъ, что если дурно дѣлаю, готовъ на наказаніе, а если хорошо, то скажи хоть спасибо, *не въ приказахъ*, ибо это дѣлается за строй и за маневры, а своеручнымъ письмомъ и это будетъ для меня свыше всѣхъ лентъ и крестовъ; но зачѣмъ же обижать слугу преданнѣйшаго и вѣрнѣйшаго! Впрочемъ, да будетъ воля Его!

Увѣренъ на тебя, какъ на каменную стѣну. Прошу тебя, ради Бога, узнать, не сердятся-ли точно на меня и за что (неужели за отпускъ?) и увѣдомить немедленно объ этомъ. Сдѣлай милость, другъ любезнѣйшій, не откажи скорѣйшимъ на сей счетъ меня увѣдомленіемъ.

Между тѣмъ долженъ увѣдомить тебя, что меня пользуетъ здѣсь докторъ Шнаубертъ и мнѣ лучше, такъ что думаю недѣли черезъ двѣ выѣхать изъ дома, а черезъ двѣ недѣли послѣ этого отправиться обратно. Можетъ быть одна страсть моя къ войнѣ, которая даетъ мнѣ сію надежду, но думаю, что это я могу предпринять, если хуже не будетъ. Ты меня знаешь и всѣ тѣ, кои меня знаютъ, вѣрно поручатся, что если только слезу съ постели, то буду на конѣ и на своемъ мѣстѣ, и что только хотя немного отойдетъ завалъ въ боку, то не останусь въ постелѣ. Пожалуйста, увѣрь въ этомъ тѣхъ, кои меня не знаютъ. Все это, какъ извѣщеніе, о коемъ я просилъ тебя, такъ и это, препоручаю твоей непоколебимой и горячей дружбѣ.

317.

10-го августа 1827 г. Москва.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! По милости Божіей и Царской я дома. Огорченія, причинившія мнѣ серьезную болѣзнь, заставили меня оставить Грузію и отбыть къ минеральнымъ водамъ, а тамъ я получилъ Высочайшее разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Воды меня спасли отъ убійственной одышки и водяной болѣзни, мнѣ уже угрожавшей; но я еще слабъ, что, однако, безъ сомнѣнія, исправится спокойною и уединенною жизнію. Вотъ чѣмъ кончилось, любезный другъ, и труды и рвеніе мое, могу сказать и служба моя. Прошедшаго года, за нѣсколько дней передъ коронаціею, самъ Царь избираетъ меня въ Грузію, тогда находившуюся въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Ты знаешь, какъ я мало избалованъ на сей счетъ начальствомъ, сей выборъ мнѣ голову смутилъ отъ гордости, отъ восхищенія. Я бросаю все, и беременную жену, и разстроенное и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разрушающееся состояніе, и дѣтей,

и всю сладость семейной жизни, лечу въ Грузію, являюсь туда, принимаю команду и, какъ кажется, ни мало не осрамляю выборъ, столь высоко поднявшій мое самолюбіе, ибо до меня персіяне дѣлали набѣги за 50 верстъ отъ Тифлиса, а послѣ разбитія мною ихъ при Мирагахъ, преслѣдованія и вступленія въ ихъ предѣлы, не одинъ уже не являлся даже за черту нашей границы. Я говорю о томъ, что дѣлалось на той сторонѣ, гдѣ я командовалъ. Послѣ сего я занемогъ, съѣздилъ въ Москву и еще не оправившись, прискакалъ за мѣсяцъ до срока къ своему мѣсту, чрезъ горы и долы, по снѣгамъ и ростопели, дабы не опоздать къ начатію кампаніи. Что же изъ этого вышло? Не только мнѣ не дали никакой команды, но дали самую блистательнѣйшую команду генералу тремя годами меня младшему. Я увидѣлъ, что меня хотятъ спровадить и просился прочь, это приняли съ восхищеніемъ, отъ неимѣнія ко мнѣ довѣренности. Какъ будто при перемѣнѣ начальника Царь и честь моя не тѣ же? Я уѣхалъ, но несправедливость сія такъ потрясла всю нравственную систему мою, что я занемогъ и серьезно; тутъ, братъ, и старинная философія моя ни къ чему не послужила. Славу Богу теперь мнѣ получше, Богъ дастъ, что современемъ и совсѣмъ оправлюсь, а быть можетъ, что въ другой войнѣ и докажу, что могъ быть не лишнимъ и въ войну противъ персіянъ, какъ считали люди высокаго полета. Заслужу еще выборъ Царскій лихо, только чтобы меня употребили въ другой войнѣ, если, впрочемъ, получу облегченіе отъ недуговъ, ибо хворому, какъ старому, служить не можно.

Я къ тебѣ не писалъ потому, что водяныхъ писемъ не люблю писать, и это хотя порядочно водяно, но пишу для того, чтобы тебѣ дать знать, что я живъ и что я въ Москвѣ, или лучше сказать, въ подмосковной. Надѣюсь, что ты будешь по старинному отвѣчать, только, ради Бога, не водяными письмами, какъ ты дѣлалъ въ прошедшій пріѣздъ мой въ Москву, за то какъ я на тебя сердился, какъ я тебя мысленно ругалъ!

Я проѣздомъ былъ у брата Алексѣя (Ермолова), онъ здоровъ, твердъ и веселъ, часто говорили о тебѣ, ибо онъ тебя любитъ истинно, какъ брата, и уважаетъ болѣе всѣхъ.

И такъ, прости, любезнѣйшій и почтеннѣйшій, поцѣлуй за меня ручку у Аграфенѣ Федоровнѣ, а маленькую поцѣлуй въ губки. Какой хватъ у меня родился (четвертый сынъ), такъ это чудо! Имя ему Ахиллъ—нельзя быть не героемъ. Прости, напиши о себѣ хотя словечко.

солдатъ сожалѣлъ, что гадкое чувство гадкаго человѣка лишило меня чести раздѣлять славу моихъ товарищей и оправдать выборъ Великаго моего Монарха, выборъ, который я, однако, не осрамилъ прошедшею кампаніею, изгнавъ непріятеля изъ предѣловъ нашихъ и вступя первый въ его предѣлы.

Теперь давно что-то нѣтъ молебствій, почему я полагаю, что эти мерзавцы персіяне бѣгутъ и нигдѣ не смѣютъ драться: дай Богъ въ добрый часъ и послѣднее молебствіе за взятіе Тавриза! Судя по времени, наши войска, безъ сомнѣнія, уже близко сего гнѣздилища разврата.

И такъ прости, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ, напиши хотя строчку, гдѣ ты и что ты дѣлаешь?

319.

10-го ноября 1827 г. Москва.

Письмо твое, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, писанное отъ 14-го октября, я получилъ на одрѣ смерти. — Я такъ былъ болѣнъ воспаленіемъ въ кишкахъ отъ взволнованія желчи, что уже готовъ былъ на переселеніе изъ здѣшняго міра въ другой, Богу извѣстно лучшій или худшій! Надняхъ только я сталъ оправляться и вотъ причина почему я такъ долго не отвѣчалъ тебѣ.

Ты напоминаешь мнѣ слова твои при отъѣздѣ моемъ въ Грузію; помню ихъ, любезный другъ, и очень помню, но тогда я въ рвеніи моемъ ничему вѣрить не хотѣлъ, да и какъ мнѣ подумать, что, будучи избранъ милостію Царя, я буду удаленъ недоброхотствомъ Паскевича? Пословицу русскую, которая говоритъ что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ, надо бы передѣлать такъ: за Богомъ молитва не пропадаетъ, а за Царемъ служба не пропа*дала бы, если бы между нимъ и нами не было посредниковъ;* этотъ-то народъ все и портитъ. Но что объ этомъ говорить, дѣло прошлое, и если я въ дуракахъ, то по крайней мѣрѣ совѣсть моя чиста, ибо я всѣ умственныя и душевныя способности употребилъ на то, чтобы быть достойнымъ Высочайшаго выбора. Не повезло! что дѣлать? я къ этому привыкъ, всѣ 14 кампаній мною прослуженныхъ основаны на неудачахъ не противъ непріятеля, а относительно къ пріятелямъ.

Я прошлаго года пріѣхалъ въ Грузію, которая была не въ томъ положеніи, какъ въ началѣ нынѣшняго года—свободная отъ непріятеля и полная войсками,—а пріѣхалъ я въ самый кипятокъ обстоя-

вамъ отрядомъ, объявляетъ вамъ Высочайшее свое благоволеніе, о чемъ и состоялся уже Высочайшій приказъ.

О таковой Монаршей волѣ, сообщенной мнѣ г. дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества отъ 13 іюля сего года № 6719-й, увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащаго свѣдѣнія.

Генералъ отъ инф. ген.-адъютантъ *Паскевичъ*.

3-го сент. 1827 г. № 262.
Въ лагерѣ при Эриванѣ.

320.

6-го августа 1828 г. С. Мышецкое возлѣ Москвы.

Ровно сто лѣтъ какъ я ничего не знаю о тебѣ иначе какъ по указамъ и газетамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Доходятъ до меня слухи, что ты занятъ болѣе даже нежели бывалъ занятъ, бывъ дежурнымъ генераломъ; что даже вечеромъ нѣкогда и въ вистъ поиграть! И такъ ты изъ омута въ омутъ. Да когда же ты успокоишься? Когда, подобно мнѣ, съ посошкомъ въ рукахъ, будешь управлять стадомъ мериносовъ, сѣять, жать, косить и въ свободныя минуты писать *записки*, *воспоминанія* и *анекдоты*, случившіеся во время твоего дѣйствія на сценѣ свѣта, — а тебѣ есть что, или лучше сказать, будетъ что написать!

Ты вѣрно знаешь, что я не выдержалъ и просился на битвы— но мнѣ добрые люди, коимъ я препоручилъ о томъ стараться, даже и не *отвѣчали!* Богъ съ ними, дѣла хорошо идутъ и безъ нашей братьи сѣдыхъ усовъ, дай Богъ въ добрый часъ, а намъ пора и на покой! Какъ я помню слова твои при отъѣздѣ моемъ въ Персію, но я имъ тогда не хотѣлъ вѣрить, бывъ исполненъ пламени и восторга! Что дѣлать? Такова судьба моя! А послужилъ бы лихо, и право ни въ чемъ не уступилъ бы придворнымъ героямъ, нынѣ дѣйствующимъ! Увѣдомь, ради Бога—въ минуту досуга—здорова-ли Аграфена Федоровна и твоя малютка. У меня четыре сына по милости Божіей и пятый готовится предстать на позорище свѣта.

Теперь ты министръ внутреннихъ дѣлъ, слѣдственно никакой губернаторъ не посмѣетъ ни въ чемъ отказать тебѣ, но прошедшую зиму знаешь-ли что я выхлопоталъ что-то такое для Ивановскаго твоего? Коризна былъ въ отсутствіи и управляющій твой, Иванъ Сергѣевъ, боясь прямо адресоваться къ губернатору, ко мнѣ адресовался—и я не-

миссію подтверждать вездѣ мнѣніе, что ты ужасной строгости человѣкъ, умѣешь награждать, но умѣешь и карать жестоко.

Мнѣ хотѣлось потолковать съ тобою о другихъ предметахъ, между прочимъ, и о недовершенной и какой-то темной побѣдѣ Дибича надъ визиремъ, подъ Шумлою. Что это за побѣда? Турецкая армія *истреблена,* а взято только 1,500 плѣнныхъ! Къ тому же въ нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что султанъ получилъ извѣстіе или донесеніе отъ визиря о разбитіи Дибича... Это вздоръ, ибо, какъ кажется, что визирь точно былъ побитъ, но не *разбитъ,* что необходимо должно было случиться, еслибы Дибичъ вмѣсто пяти дней употребилъ бы только три дня на проходъ отъ Силистріи къ Шумлѣ (72 версты) или прибывъ въ *Мадеру* (Мадарду) немедленно двинулся бы всѣми силами на визиря, склоняясь мало-по-малу къ Марашу. Но видно *Мадера* есть вещь слишкомъ упоительная для силезскаго героя и онъ не любитъ ее скоро оставлять. По реляціи видно, что вмѣсто того, чтобы ему идти всѣми силами, онъ послалъ отрядъ Отрощенки, который былъ задавленъ всѣми силами визиря. Видя неудачу, онъ послалъ другой отрядъ на выручку Отрощенки, все оставаясь самъ при *Мадерѣ* (Мадардѣ). Это было причиною, что нашъ уронъ такъ огроменъ, а визирь, пользуясь временемъ, пока подавленныя войска наши отступали къ главной арміи въ смятеніи (что въ реляціи поставлено временемъ отдыха, никогда въ сраженіяхъ небывающаго, а для Дибича непростительнаго, ибо для него каждая минута должна быть дорога), потянулся на Марашъ никѣмъ не занятый и ушелъ въ Шумлу, оставя 40 пушекъ, безъ сомнѣнія, не полевыхъ, а чугунныхъ, которыми онъ осаждалъ Праводы. Вотъ какъ я разумѣю это дѣло. Могу ошибаться, но кажется такъ было. Нельзя не отдать справедливости, что движеніе отъ Силистріи было весьма хорошо обдумано, но исполненіе оному не соотвѣтствовало, а одно безъ другаго идти не можетъ и тутъ-то и видѣнъ талантъ полководца. Послѣ этого сраженія Дибичъ далъ мѣру своимъ дарованіямъ. Визирь былъ въ рукахъ, но вырвался и вырвался такъ, что, нанеся намъ чувствительную потерю, ушелъ туда, куда не ожидали, ибо Паленъ былъ отряженъ въ преслѣдованіе за нимъ къ Марковцамъ и Праводамъ, полагая, что онъ туда отступилъ, тогда какъ уже онъ былъ въ Марашѣ и въ Шумлѣ, т.-е. совсѣмъ въ противной сторонѣ той, по коей полагали его отступленіе. И это сраженіе сравниваютъ въ газетахъ съ Кагуломъ и Рымникомъ!...

Увѣряютъ, или слухи есть, что Силистрія сдалась; не знаю, правда-ли, но сомнѣваюсь.

Какъ мнѣ досадно, что я не могъ дождаться въ Москвѣ брата Алексѣя (Ермолова)! Ты вѣрно его видѣлъ и не разъ; увѣдомь что-нибудь о немъ. Повторяю тебѣ, ты можешь писать *начисто* и доставить письмо твое двоюродному брату моему Владиміру Алексѣевичу Блохину, который ко мнѣ перешлетъ его съ нарочнымъ, *а не по почтѣ*. Блохинъ живетъ отъ тебя верстахъ въ 30-ти въ с. Шукшѣ, между почтовыми станціями Вазерки и Кутля, на берегу Суры, въ трехъ верстахъ отъ большой саратовской дороги. Далъ-ли ты какой-либо совѣтъ брату Алексѣю? Ему надобенъ добрый совѣтъ. Я полагаю, что если кампанія кончится по сю сторону Балкана и безъ мира, то ему должно будетъ зимою съѣздить въ Питеръ съ старшимъ сыномъ для помѣщенія его въ какое-нибудь училище. Такимъ образомъ можно будетъ воспользоваться и имѣть свиданіе глазъ-на-глазъ, а этого будетъ довольно, чтобы ему очистить себя къ мнѣніи и опровергнуть козни его злодѣевъ; въ случаѣ что не примутъ глазъ-на-глазъ, есть отговорка помѣщеніемъ сына. Какъ думаешь? вѣдь это можно сдѣлать. Мнѣ сказывали, что ты задалъ важный балъ на Трехъ-Горахъ въ день рожденія твоей малютки. Сожалѣю, что меня не было на немъ. Такъ какъ я не пляшу, то и на балѣ твоемъ не плясалъ бы, но такъ какъ еще пью, то выпилъ бы бокалъ шампанскаго за здравіе твоей милой новорожденной, тебя, милаго друга, и любезнѣйшей Аграфены Федоровны.

Нужно-ли мнѣ увѣрять тебя въ моей дружбѣ и привязанности къ тебѣ, продолжавшихся болѣе 20 лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія? Кажется не нужно! И потому такъ какъ все, что до тебя касается, я принимаю къ сердцу точно такъ, какъ бы это касалось до меня собственно, то долженъ сказать тебѣ, что тебя здѣсь ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Такъ какъ истинный твой другъ, позволь мнѣ дать совѣтъ тебѣ: если ты захочешь въ краткое пребываніе твое открыть всѣ неисправности и даже несправедливости, то ты ихъ не откроешь и *потеряешь во мнѣніи*, а надо схватить или ухватиться за самые громогласные, для сего поговори съ уѣзднымп предводителями, особенно съ *Левинымъ*, онъ, или они, тебѣ представятъ множество; избери важнѣйшіе и хвати! Однако, надо сказать и то, что такъ какъ все почти дворянство ожесточено на губернатора, то и оно можетъ отъ ненависти быть несправедливымъ. Не мое дѣло впутываться въ дѣла до меня не касающіяся, но о дѣлѣ, гдѣ гибнетъ невинность, не могу умолчать. Вотъ оно: во время маневровъ при *покойномъ*, потоптали засѣянныя поля у казенныхъ мужиковъ, не помню какого-то села близъ Пензы. Государь приказалъ за это заплатить, деньги выданы и какъ

водится не дошли до крестьянъ—они просили Горголія—ихъ осудили въ непослушаніи и хотятъ сѣчь плетьми за несправедливый доносъ. Спаси несчастныхъ, если это правда!

322.

23-го сентября 1829 г. Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, с. Маза.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Письмо твое, писанное во время пребыванія твоего въ Муратовкѣ и посланное чрезъ двоюроднаго брата моего Блохина, я получилъ исправно. Досадно мнѣ очень, что я не могъ тебя видѣть ни въ Пензѣ, ни въ Муратовкѣ; хотѣлъ было ѣхать въ Нижній, чтобы тебя тамъ застать, но проклятыя хозяйственныя дѣла не позволили, и такъ Богъ знаетъ, когда мы съ тобою увидимся! Развѣ когда я сниму наплечныя золотыя кандалы и прикроюсь фракомъ и круглою шляпою, ибо въ мундирѣ я не ѣздокъ въ Питеръ. Я полагаю, что когда ты получишь письмо это—все у васъ будетъ въ радости на празднествѣ мира. Нечего сказать, а блистательная кампанія, нельзя сказать славная, ибо для славы *надо крови побольше*, а что блистательна такъ блистательна, въ этомъ согласится всякій злодѣй графа Дибича. Ура наша! Я полагаю, что Веллингтонъ и Меттернихъ надѣнутъ трауръ, да и новые французскіе министры не въ розовыхъ кафтанахъ будутъ ходить не малое время.

Что тебѣ сказать про себя? Я живу въ степяхъ, въ уединеніи, занимаюсь хозяйствомъ; отъ скучнаго этого занятія развлекаю себя книгами и охотою, иногда ѣзжу въ даль. Такъ, напримѣръ, мѣсяцъ тому назадъ я былъ въ Саратовѣ въ гостяхъ у Голицына, гдѣ я провелъ нѣсколько дней и сожалѣлъ отъ всей души, что ты не могъ изъ Пензы побывать тамъ, ты, который любишь справедливость, дѣятельность, строгость, порядокъ и чистоту. Я бывалъ въ мой вѣкъ во многихъ, или лучше сказать, во всѣхъ почти европейскихъ россійскихъ губерніяхъ, но подобно Саратовской не видывалъ. Что за канцелярія, это будуаръ женскій по чистотѣ! Какъ все въ порядкѣ! Какая дѣятельность! Да и нельзя быть иначе, ибо Голицынъ платитъ прибавку жалованья изъ собственныхъ своихъ денегъ; какой губернаторъ это дѣлаетъ? За то какіе и чиновники! Надо видѣть чистоту и порядокъ въ губернскомъ правленіи; надо видѣть пожарную команду, которая при поднятіи флага на дворѣ губернаторскомъ прискакала къ дому его

менѣе чѣмъ въ четыре минуты; что за лошади, что за упряжь, это чудо! Признаюсь я въ совершенномъ восторгѣ былъ въ Саратовѣ и вмѣстѣ съ Голицынымъ сожалѣлъ, что обстоятельства не позволили тебѣ побывать тамъ, увѣренъ, что ты раздѣлилъ бы мой восторгъ, ибо увѣренъ, что ни въ одной губерніи ты того не видалъ, что увидѣлъ бы въ этой. Какъ дѣла идутъ успѣшно или нѣтъ, это ты лучше знаешь, ибо я говорю только о наружности и могу сказать о томъ, что всѣ жители, кромѣ дурныхъ людей, имъ весьма довольны, ибо онъ строгъ, справедливъ и желаетъ общей пользы, а какъ онъ это приводитъ въ исполненіе, повторяю тебѣ, что ты лучше меня о томъ извѣстенъ.

На дняхъ я получилъ письмо отъ моего Бѣгичева, не знаю, что у васъ съ нимъ было, но онъ въ изступленіи восторга отъ твоего съ нимъ обращенія и откровеннаго, безъ всякихъ околичностей, предложенія вступить подъ твое начальство. Онъ ни мало не колеблясь ввѣряетъ тебѣ въ полной мѣрѣ судьбу свою и надѣется съ Божіею помощью доказать на опытѣ, что онъ умѣетъ быть благодарнымъ и цѣнить достоинства такихъ людей какъ ты. Что касается до его трудолюбія и честности, въ томъ я и братъ Алексѣй (Ермоловъ) кровью тебѣ подпишемъ; могу сказать, что по чистотѣ нравственной и знанію своего дѣла, также и дѣятельности мало такихъ людей на свѣтѣ; впрочемъ, ты самъ узнаешь его на дѣлѣ, слѣдовательно мнѣ нечего говорить о немъ заранѣе.

Какъ мнѣ грустно, что такіе люди какъ Бутурлинъ и Вельяминовъ удалились изъ арміи, безъ сомнѣнія, отъ какихъ-либо нестерпимыхъ непріятностей. Они не дюжинные и могли бы быть впередъ полезны отечеству, но они еще живы и судьба измѣнчива, слѣдовательно они могутъ еще быть опять на поприщѣ. А кого мнѣ неизъяснимо жаль — это Бурцова; онъ уже безъ возврата пропалъ для службы. Это былъ необыкновенныхъ дарованій и учености офицеръ!

Ты я думаю удивляешься, что я говорю о происшествіяхъ такъ давно вамъ извѣстныхъ, но я живу въ такой глуши, что недавно только получилъ о томъ извѣстіе. Я уподобляюсь Головнину, бывшему плѣнникомъ у японцевъ, который въ 1814 году, т.-е., когда мы вступали въ Парижъ, узналъ только о вступленіи Наполеона въ Москву; я точно въ томъ же положеніи.

И такъ, прости, другъ любезнѣйшій. Цѣлую ручки у милой Аграфены Федоровны и ножки у малютки твоей.

323.

16-го октября 1829 г. Симбирской губерніи Сызранскаго уѣзда, село Мала.

Поздравляю съ миромъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! До насъ, отдаленныхъ жителей столицъ и городовъ, только-что недавно дошло оффиціально о томъ извѣстіе. Каковы турки и каковъ султанъ! Вотъ какъ все въ моральномъ мірѣ кажется огромнымъ въ отдаленности, вопреки закона физической перспективы. Полагали Турцію гранитною горою, пощупали и нашли, что она ничто иное, какъ яблочный пирогъ, надутый пузырь, и все тутъ!

Должно ожидать, что новые фельдмаршалы помѣстятся по званію ихъ: старшій будетъ командовать первою арміею, а младшій—второю. Кого-то назначатъ на мѣсто эриванскаго? Не Емануэля-ли?

Секретно. Знаешь какая мысль мнѣ пришла опять въ голову? Мнѣ подъ Паскевичемъ служить нельзя; тебѣ извѣстно, что я съ нимъ сойтиться не могу, не взирая на его моральную огромность—но подъ всякимъ, кто на его мѣсто назначенъ будетъ начальникомъ кавказскаго корпуса, я служить готовъ, т.-е., я принять готовъ одно мѣсто, а именно: *начальника Кавказской области.* Такъ какъ это мѣсто все сколько-нибудь состоитъ подъ веденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, хорошо бы ты сдѣлалъ, еслибы, въ пылу перемѣщеній великихъ особъ, ты меня двинулъ на это мѣсто. А я за себя отвѣчаю, что я не воръ и не дуракъ, къ тому же, ручаюсь, что изъ кожи полѣзу въ работѣ и, конечно, не отстану ни отъ одного изъ самыхъ лучшихъ твоихъ губернаторовъ. Сверхъ того, я въ этой области провелъ довольно времени узнавая обо всемъ и знаю, что̀ надобно въ ней дѣлать, а между тѣмъ пріятно и то, что все-таки въ годъ раза два просвиститъ пуля мимо уха. Независимо того, что ты самъ бы могъ приступить къ этому дѣлу какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, ты много можешь сдѣлать и по вліянію твоему на людей и сношенію съ тѣми изъ нихъ, отъ кого оно непосредственно зависитъ. Ты этимъ большое мнѣ добро сдѣлаешь и повторяю тебѣ, что краснѣть за меня и раскаиваться не будешь. У меня не будетъ *ни конскихъ заводовъ, ни мельницъ, ни дачъ собственныхъ,* а буду хорошій областный начальникъ, въ чемъ увѣряю честію до 45 лѣтъ жизни, чистою отъ пятна не только чернаго, но даже сѣренькаго.

Эту мысль, вошедшую мнѣ въ голову сейчасъ, я предлагаю тебѣ

на твое разсужденіе и на твою добрую волю и твоему дружеству. Если можно, сдѣлай; если нельзя, то оставь оную подъ спудомъ, *не объявляя о ней никому*. Другаго мѣста по обстоятельствамъ взять не могу, ибо и этого хочу потому что оно лестно—всѣ начальники сей области, кромѣ князя П. Горчакова, были или олухи или воры, а одинъ изъ нихъ и то и другое, слѣдовательно есть что тамъ дѣлать; поджавши руки сидѣть не будешь съ честолюбіемъ и съ самолюбіемъ.

Я читалъ программу «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». этотъ журналъ долженъ быть весьма любопытенъ, *подари* мнѣ годовое изданіе и вели пересылать въ Симбирскую губернію, Сызранскаго уѣзда, въ село Мазу. Я увѣренъ, что ты въ этомъ подаркѣ мнѣ не откажешь, чѣмъ весьма одолжишь меня.

Поздравь отъ меня Шатилова полу-генералъ-адъютантомъ или генералъ-флигель-адъютантомъ. Онъ меня недавно насмѣшилъ. Зная, что я бивачный солдатъ и вѣкъ не употреблялъ ни помадъ, ни духовъ, рѣдко бывалъ въ Петербургѣ и то наскокомъ, онъ вторично адресуетъ мнѣ оффиціальную эпистолу о заплатѣ 500 руб. живущей въ Петербургѣ какой-то итальянкѣ, торгующей духами и прилагаетъ счетъ, весь наполненный этой дрянью. Я ему отвѣчалъ рапортомъ о семъ предметѣ. Пожалуйста, вели ему показать этотъ рапортъ и посмѣйся.

Прочитавъ письмо это—на меня напала совѣсть, что я утруждаю тебя *собою*, но такъ какъ это въ первый разъ, и такъ какъ просьба эта адресуется истинному другу, то такъ и быть! Пускаю ее какъ она есть, увѣренъ, что если можно и если отъ тебя зависитъ, ты все сдѣлаешь—если нѣтъ, то скажешь нельзя, никому не объявишь о моей просьбѣ и дѣло кончено. Право, не рѣшился бы на нее, еслибы не увѣренъ былъ, что могу быть полезенъ въ этомъ краѣ: не нужно большаго самолюбія, чтобы дать себѣ преимущество надъ многими управляющими губерніями и областями.

Прости, другъ любезнѣйшій, вѣрь непоколебимой дружбѣ вѣрнаго друга *Дениса*.

324.

17-го іюля 1831 г. м. Куровъ.

Любезнѣйшій другъ, графъ Арсеній Андреевичъ! Давно я къ тебѣ не писалъ, но этому причину ты самъ угадаешь: безпрерывныя движенія и безпокойства биваковъ, такіе, что я часто по десяти дней не

мылся и бѣлья не перемѣнялъ и только что изрѣдка успѣвалъ писать письма по двѣ строчки женѣ—вотъ что отвлекало меня по сіе время напомнить о себѣ старинному и почтеннѣйшему моему другу. Теперь найдя случай, хотя и на бивакахъ, писать къ тебѣ, я пользуюсь онымъ и увѣдомляю тебя, что я живъ и здоровъ. Что касается до службы моей, то ты вѣрно читалъ уже въ газетахъ о владимірскомъ моемъ дѣлѣ, за которое я представленъ къ Георгію 3-му еще въ концѣ апрѣля—и объ участіи, которое я имѣлъ въ побѣдѣ нашей за Вепржемъ 7-го іюня, побѣда, за которую я представленъ къ перемѣнѣ чина, носимаго мною уже 17-й годъ. Надо правду сказать, что независимо отъ сраженій и стычекъ, въ коихъ я находился, я самъ себѣ удивляюсь, какъ въ мои лѣта я могъ перенести тѣ труды, которые я перенесъ—именно, и ты знаешь, что я не люблю хвастаться, а служилъ я важно; можешь спросить у всякаго.

Конечно, всего пріятнѣе, когда совѣсть чиста и ни въ чемъ не упрекаетъ, но что за странность, когда служишь хорошо, когда начальники довольны и представляютъ къ награжденіямъ, когда я слышу, что и Царь благоволитъ за службу—что за странность, что по сіе время мнѣ еще не присланъ Георгій 3-го класса, тогда какъ представленіе объ ономъ пошло изъ главной квартиры вотъ уже два мѣсяца съ половиною! Надо моему несчастію для этого, ибо люди гораздо хуже меня служившіе и представленные мѣсяцъ тому назадъ къ награжденіямъ получили оные съ первыми курьерами! Вотъ что значитъ служить безъ протекціи! Если можешь, узнай, другъ любезный, будетъ-ли этотъ крестъ и скоро-ли? Что касается до чину, то такъ какъ я представленъ къ нему недавно, т.-е. въ половинѣ іюня, это награжденіе Богъ знаетъ когда будетъ и видно мнѣ эту кампанію протянуть подъ начальствомъ многихъ тѣхъ, которые два года тому назадъ были полковниками, а теперь произведены въ генералъ-лейтенанты.

Нельзя-ли также вторично написать тебѣ харьковскому губернатору Коховскому, ибо отвѣтъ его на первую твою (записку?) былъ весьма неудовлетворителенъ и таковой какой пишутъ всегда гражданскіе чиновники, желающіе прикрывать беззаконныя дѣла. Что кажется мудренаго взыскать 6,000 руб., которые мнѣ должны (заемное письмо передано мною титулярному совѣтнику Тимофѣеву, единственно для хожденія за дѣломъ) около восьми лѣтъ! Мужъ занялъ, жена порукою, первый не имѣетъ никакого имѣнія, жена богата—кому платить? И этого по сіе время не можетъ самъ Сенатъ принудить губернское правленіе привести въ исполненіе; наконецъ, ты пишешь и тебѣ отвѣчаетъ губер-

наторъ фразами присяжными. Сдѣлай милость, другъ любезнѣйшій, прикрикни на него, какъ ты умѣешь прикрикивать когда должно, и я увѣренъ, что разомъ будетъ все сдѣлано. Извини, что такъ связно пишу—пишу на бивакахъ и вѣтеръ вырываетъ бумагу изъ подъ пера. Прости, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ; поцѣлуй ручки отъ меня у графини Аграфены Федоровны, а Лидиньку расцѣлуй.

325.

13-го ноября 1831 г. Москва.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ! Послѣднее письмо твое я получилъ передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ арміи и потому не могъ писать тебѣ до пріѣзда въ Москву. Здѣсь я нашелъ Императора, который удостоилъ меня весьма милостивымъ принятіемъ, и нашелъ семью мою, среди которой я всѣ эти дни провелъ въ радости такой, что едва теперь могу опомниться; вотъ почему я нѣсколько промедлилъ писать тебѣ и изъ Москвы. Какъ я счастливъ, что дома и какъ я счастливъ, что всѣхъ моихъ нашелъ здоровыми! Къ постоянному блаженству привыкаешь—надо иногда отрываться отъ онаго, чтобы чувствовать всю цѣну семейной жизни. Я теперь чувствую это вполнѣ и молю Бога, чтобы сія жизнь продолжалась какъ можно болѣе. Что тебѣ сказать про Москву? У насъ балы слѣдуютъ за балами, театры, концерты и всѣ шумныя удовольствія не прерываются. Я гляжу на нихъ издали, ибо домашній мой спектакль, жена и дѣти, отвлекаютъ меня совершенно отъ публичныхъ спектаклей.

Я здѣсь нашелъ брата Алексѣя Петровича (Ермолова) въ эполетахъ, что меня очень удивило и обрадовало; мы съ нимъ ежедневно видимся. По сіе время я еще не былъ ни у Небольсина, ни у одного изъ нашихъ пріятелей, а видѣлъ вчера старика Ивана Антоновича. Когда устроюсь и возьму осѣдлость, то поѣду по всѣмъ Христа славить.

Когда-то мы съ тобой увидимся! Богъ знаетъ какъ хочется обнять тебя, старинаго и любезнѣйшаго друга, послѣ не столько давней разлуки, какъ разлука, которая могла бы продолжиться на вѣки-вѣковъ—ибо война была горячая. Слава Богу, что я опять отдѣлался отъ опасностей, невредимъ и еще можетъ быть здоровѣе чѣмъ поѣхалъ. Одно меня безпокоитъ, это ушибъ мой: я, при преслѣдованіи корпуса Ружицкаго, ночью, обрушился съ лошадью въ ровъ; съ тѣхъ поръ у меня сильно болитъ поясница и грудь.

Ты уже знаешь, что я получилъ Анненскую ленту и чинъ, а сверхъ того, представленъ къ Владиміру 2-й степени; къ несчастію, все-таки Георгія 3-го нѣтъ какъ нѣтъ! Крестъ, за который бы я отдалъ и двѣ звѣзды и руку или ногу и къ которому я былъ представленъ, но покойный фельдмаршалъ перемѣнилъ и вмѣсто онаго представилъ къ лентѣ. Впрочемъ, всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ.

Прости, любезнѣйшій другъ—будь здоровъ и не забывай на вѣкъ преданнаго и вѣрнаго друга *Дениса.*

VII. Письма Ивана Васильевича Сабанѣева къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1828 гг.

326.

20-го іюля 1815 г. Нанси.

Кто не чувствуетъ милости Божіей, тотъ ея и не стоитъ. Я со времени удаленія моего отъ начальства главнаго штаба не могу не чувствовать благословенія небесъ. Въ мірѣ, особенно въ такомъ пакостномъ вѣкѣ, да и во всякомъ, не безъ заботъ (да стыдно бы было и желать невозможнаго), но, по крайней мѣрѣ, я теперь не въ числѣ *Неронов*ъ—имя невинно, даже отъ добрыхъ пріятелей заслуженное. Сообщаю тебѣ, любезный старый camarade, чувства мои, читай, если досугъ, а нѣкогда такъ брось; только прошу сказать почтенному молодому человѣку Казначееву, что я истинно знаю ему цѣну и чту его достойно, а притомъ прошу поручить ему потрудиться отыскать въ Парижѣ нѣкоего Grobert capitain d'artillerie directeur au muséum d'artillerie, гдѣ лежатъ всякаго рода артиллерійскія и другія огнестрѣльныя древнія и новыя оружія. Это близко бывшей прошлаго года нашей съ фельдмаршаломъ квартиры. М-г. Grobert приносилъ ружье новаго изобрѣтенія графу. Отыскавъ его отдать прилагаемое у сего письмо.

Я боюсь смотра какъ огня, не потому чтобы я не умѣлъ кричать передъ фронтомъ, но потому что аммуниція, требуемая въ реквизицію, скоро не можетъ быть готова. Сукно, которое здѣсь сбиралось по лоскутамъ, Канкринъ велѣлъ отправить въ Парижъ. Слѣдовательно, я еще ни лоскута не получилъ, а голыхъ много.

Артиллерія и ружья чинятся и будутъ въ совершенствѣ, но кто на это посмотритъ? На витишкеты, кивера, гренады и проч. мелочи дѣ-

лается подрядъ отъ Алопеуса, но скоро-ли можно кончить эдакую пропасть, хотя Алопеусъ дѣйствительно дѣлаетъ для меня все, что только можно. Но я по старому дуракъ, принимаюсь всегда сперва за полезное прежде, а потомъ за красивое. Я знаю, что мнѣ достанется, но коли слишкомъ больно, такъ нечего и служить, а коли побранятъ на единѣ, такъ что же дѣлать, хотя не весело, но терпѣть должно.

Прощай, дружище.

Еслибы m-r. Grobert потребовалъ денегъ на покупку книгъ или пересылку моделей, я прошу получить оныя отъ Рыкова—все это поручаю попеченію Алекс. Ивановича Казначеева.

327.

4-го августа 1815 г. Нанси.

Вообрази себѣ, почтенный дружище, въ какихъ я заботахъ въ разсужденіи смотра. Артиллерія, ружья и сытые люди—вотъ моя забота, за это головою отвѣчаю. Но для смотра надо блеснуть. Ну, куда мнѣ слѣпому?

Скажи, пожалуйста, буде знаешь и не тайна, которую я знать не хочу: 1) Когда ожидать можно смотръ? 2) Когда домой? 3) Оставятъ здѣсь кого? Я, какъ сирота, пожалуй, остаться желалъ бы, но не одинъ. И такъ далѣе, что вздумаешь. Я, благодаря Бога и добрымъ людямъ, живу порядочно. Прошусь въ Парижъ на минуту за дѣломъ, когда будетъ можно. Я знаю, что Государь ко мнѣ не благоволитъ. Ну, да, Богъ бы съ нимъ, я Ему все-таки служу вѣрою. Боюсь смотра какъ огня—боюсь и въ Парижъ пріѣхать, потому что Государь гнѣвается, придворные не любятъ и примутъ меня какъ собаку. Служа 26 лѣтъ, горестно безъ вины заслужить гнѣвъ Царскій. Впрочемъ, я вѣдь не виноватъ и служу какъ могу и умѣю, слѣдовательно не добиваясь ничего легко себя утѣшаю, вѣдь, не правда-ли? Кто Бога боится, тотъ никого не боится.

Я недавно послалъ Казначееву письмо, адресованное одному французскому артиллеристу; сдѣлай дружбу, спроси, отдалъ-ли онъ его или въ суетахъ между дѣломъ забылъ бездѣлье. Это вещь возможная и позволительная.

Не видалъ-ли Воронцова? Пришли, братъ, хорошаго бордо дюжину—здѣсь нѣтъ, а деньги пришлю или отдамъ при свиданіи.

328.

7-го августа 1815 г. Нанси.

Боже мой! Боже мой! Съ этимъ смотромъ такая суматоха, что не знаешь за что ухватиться. Теперь только получилъ, что адъютанты имѣютъ особые мундиры, а какъ образца нѣтъ, то и долженъ послать въ Парижъ, какъ за образцомъ, такъ и за тѣмъ, чтобы спросить, касается-ли эта перемѣна до бригадныхъ и полковыхъ адъютантовъ. Сдѣлай дружбу, научи посланнаго, и если нужно какое шитье, заплати Христа ради; ему поручено купить, я тебѣ послѣ на ревю съ благодарностію отдамъ.

329.

2-го (14-го) сентября 1815 г. Orbaix.

Какъ солнце ясно, мой любезный дружище, что я ничего для себя выпросить не умѣю, слѣдовательно зачѣмъ же ѣхать въ Парижъ. Разсудокъ съ безпристрастіемъ согласились на слѣдующее:

1) Дабы отъ послѣдствій стараго распутства не сдѣлаться инвалидомъ во всѣхъ отношеніяхъ, рѣшился, дойдя съ дивизіею до Рейна, рапортоваться больнымъ и безсильнымъ слѣдовать далѣе; потомъ отправиться къ чудотворнымъ висбаденскимъ водамъ, а оттуда къ своему мѣсту, а потомъ, буде обстоятельства позволятъ, взглянуть на родину свою.

2) Прилагаемымъ у сего письмомъ прошу у Государя 20 тысячъ рублей взаймы съ процентами и вычетомъ оной суммы изъ получаемаго мною пенсіона.

Просить Государя объ отпускѣ показалось мнѣ слишкомъ нахально, несовмѣстно съ порядкомъ службы, а можетъ быть, показалось бы непріятно фельдмаршалу, чего отнюдь не ищу дѣлать; но просить милости у Государя вольно всякому, и какъ на это нѣтъ никакого права, кромѣ надежды на милость Царскую, а слѣдовательно и мольба идетъ не по командѣ безъ формы, гербовой бумаги и пошлины. А потому въ семъ случаѣ я думаю быть безгрѣшенъ. Положимъ, наконецъ, что Государь не внялъ бы всеподданнѣйшей моей просьбѣ, и не далъ ни шелега, что, конечно, будетъ знакомъ Его ко мнѣ гнѣва, но что же дѣлать? Вѣдь мы живемъ не въ тѣ вѣка, когда ангелъ Господень смѣшалъ

даромъ мутную воду, исцѣлявшую недуги вѣрующихъ. Теперь надобны деньги, деньги и деньги. Гнѣвъ Царскій безъ преступленія, а награда безъ заслуги суть близнецы.

Дружба твоя не позволяетъ мнѣ сомнѣваться, чтобы письмо мое не было доставлено, и буде бы оно было по твоему департаменту, закинь словцо за меня, грѣшнаго.

Еслибы опытъ мой былъ удаченъ, то сдѣлай дружбу, дополни чашу спасенія, состряпай, чтобы повелѣно было отпустить деньги изъ интендантскаго казначейства и мнѣ о таковой радости чрезъ нарочнаго увѣдомь (разумѣется на счетъ мой).

Благослови тебя Богъ на помощь.

Письмо Государю отдай самъ какъ знаешь и буде не такъ состряпано, можешь распечатать и переписать.

330.

16-го января 1816 г. Дубно.

Наконецъ, совершилось желаніе мое, и я отправился въ путь, только не заграницу, а въ Москву и домой; хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, но денежныя обстоятельства и время не позволили.

Прилагаемыя у сего бредни мои хотѣлъ было представить Государю, но представленія такого рода безъ личныхъ объясненій не служатъ ни къ чему. Посылаю ихъ тебѣ, дѣлай что хочешь.

Прощай, мой любезный дружище.

P. S. Весьма ощутительно съ 22,000 жалованья за границею получаемаго, спуститься на 2,700, и съ назначеніемъ въ корпусные потерять 2,000 инспекторскихъ и 7,200 столовыхъ въ годъ.

331.

18-го февраля 1816 г. Орелъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Орелъ встрѣтилъ я здѣсь стараго своего знакомаго, отставнаго генералъ-маіора Хитрово, котораго ты, почтенный сотоварищъ, вѣрно помнишь по Молдавіи. Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше, такъ и вручитель сего, по истинѣ человѣкъ преблагороднѣйшій и предобрѣйшій. Полагая меня, не знаю по какому-то почти общему предубѣжденію, человѣкомъ сильнымъ и на горизонтѣ даже придворномъ значущимъ, адресовался ко мнѣ. Я ничего не на-

шелъ лучше какъ поручить его твоему покровительству и помощи, любезный Арсеній. Сдѣлай дружбу, помоги ему въ чемъ можешь. Просьба его весьма основательная и справедливая. Служа безпорочно 36 лѣтъ и не имѣть куска хлѣба; человѣку въ лѣтахъ, обремененному семействомъ, нельзя не искать помощи и грѣшно ему не помочь. Вся претензія его состоитъ въ томъ, чтобы имѣть какое-нибудь комендантское мѣсто или другое какое-нибудь, хотѣлъ по статской службѣ въ полуденномъ краю, т.-е. Одессѣ или другомъ какомъ, хотя и въ Бессарабіи. Это для климата, но не для другихъ разсчетовъ. Онъ, бѣднякъ, семьянинъ, бѣденъ и хворъ. Помоги же, братъ, ему сколько можешь. Богъ тебѣ заплатитъ за пособіе, которое ты ему сдѣлаешь. Гартингъ въ параличѣ, вотъ бы ему это мѣстечко во всѣхъ отношеніяхъ даже и для службы, было бы прилично. Кобле набилъ карманъ весьма плотно, можно бы и уступить такое теплое мѣстечко другому, впрочемъ, онъ даже и въ Овидіополь согласится. Словомъ, поговори съ нимъ, онъ самъ лучше разскажетъ, что ему надобно.

Я до Святой располагаю прожить въ Ярославлѣ и Москвѣ. Если хочешь ко мнѣ писать, присылай на имя Александра Булгакова. Въ концѣ апрѣля думаю пуститься на Кавказъ, куда собирается и Ермоловъ. Съ Кавказа же непремѣнно въ корпусъ. Скажи, пожалуйста, кому я обязанъ этой милостію, по ходатайству или самъ Государь вспомнилъ о Сабанѣевѣ. Такъ или такъ, я все весьма доволенъ и буду Ему служить вѣрою и правдою до послѣдняго издыханія или до тѣхъ поръ, пока служба моя будетъ Ему угодна.

Ну, братъ, чуть было я не попался бабѣ въ когти. Въ Нанси былъ смертно влюбленъ, и подлинно чудесная женщина. Вотъ отчего не пріѣхалъ къ вамъ въ Люневиль. Она провожала, или лучше сказать, я везъ ее до Франкфурта, куда намѣренъ былъ возвратиться, но время все истребляющее истребило и страсть мою. Слава Богу!

Прощай, мой другъ, сдѣлай дружбу, не презри мольбѣ почтеннаго вручителя. Наставь его на путь истинный.

332.

13-го октября 1816 г. Бендеры.

Благодаренъ, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, весьма благодаренъ за присылку кавалерійскаго устава и прочаго. У насъ въ свѣдѣніяхъ такого рода большая нищета и ты или, по крайней мѣрѣ, *я*,

учусь во всю мочь фронтовой службѣ, понеже азъ есмь четыредесяти лѣтній отрокъ, а не-могу-знайка. Прошу снабдить пѣхотнымъ уставомъ.

Желаешь, чтобы я чаще къ тебѣ писалъ, ну, да объ чемъ писать? Полно, братъ, пустое говорить, ужели скажешь, что тебѣ еще бумага не надоѣла? Не хочу тебя мучить. Прощай, будь здоровъ, волочись счастливо и помни преданнаго душевно.

333.

8-го ноября 1816 г Ольвіополь.

Сдѣлай дружбу, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, помоги, не грѣша противъ правды, новому пріятелю моему Малороссійскаго полка подполковнику Брандту. Вотъ и записка чего онъ желаетъ. Да прошу тебя сдѣлать одолженіе увѣдомить меня, какимъ образомъ поступать съ бѣдными сиротами, кои останутся послѣ служившихъ въ корпусѣ моемъ штабъ и оберъ-офицеровъ? Какое на то законное постановленіе? Также является много и постороннихъ, какой имъ давать совѣтъ—не знаю. Хотя я и не люблю людей за ихъ злобу и лукавство, но нельзя не пожалѣть о бѣдныхъ птенцахъ, которые, получа худое или совсѣмъ никакого образованія, сдѣлаются еще злѣе. И такъ, сдѣлай дружбу, увѣдоми меня, какъ имъ помогать, а такихъ въ пространствѣ корпусомъ моимъ занимаемомъ весьма много, которые ни о милостивомъ намѣреніи Царскомъ, ни объ учрежденіяхъ на предметъ тотъ ничего не знаютъ, да и пользоваться не умѣютъ или не могутъ.

334.

27-го ноября 1816 г. Бендеры.

За все, за все премного благодаренъ любезнѣйшему доброму старому камараду Арсенію Андреевичу, въ особенности за присылку собранія законовъ и генеральскихъ списковъ. Конечно, прекрасно, что всѣ военныя постановленія собраны въ одно мѣсто, а то, бывало, ищемъ, ищемъ и сыскать ничего не можемъ. Теперь не худо бы полкамъ послать штаты, буде есть вновь утвержденные, ибо противъ старыхъ много сдѣлалось перемѣны, да и тѣ во многихъ полкахъ въ прошедшую кампанію растеряны.

Жаль, если Бурманъ оставитъ службу, и еще есть такой же Симбирскаго полка Рындинъ, который тоже отъ бѣдности идетъ въ отставку.

Знаешь, какая это потеря, мой любезнѣйшій? Оба прекраснѣйшіе полковые командиры, послѣдній идетъ отъ того, что не въ состояніи командовать полкомъ. Представь себѣ, мой любезный, такая противоположность вредная для службы, напримѣръ, тамъ, гдѣ провіантъ и фуражъ дешевы и продовольствіе въ порядкѣ натурою. Словомъ, гдѣ солдатъ сытъ и лошади накормлены, тамъ полковые командиры разоряются и дѣйствительно полковъ содержать не въ состояніи безъ собственности. У насъ же, напримѣръ, гдѣ подрядчики сдѣлывались деньгами, полковые командиры деревни наживали на счетъ солдатскаго брюха. Вотъ какой порядокъ нынѣшней службы. Хорошій полковой командиръ себѣ возьметъ и на полкъ положитъ, а дрянь все еще будетъ плакать. Новый порядокъ продовольствія войскъ ничѣмъ не лучше стараго. А торги въ казенныхъ палатахъ настоящая пантомима, гдѣ дѣйствующія лица не говорятъ ни слова, а зрители толкуютъ о вещахъ посторонних. Въ Херсонѣ даже никто не явился къ торгамъ. Полковыхъ командировъ, кои прежде назначались по одобренію, теперь опять начали давать, кажется, по очереди. Ахти какіе есть! Посудите, мой любезный, какой вредъ для службы! Терять Бурмана и Рындина, а оставлять всякую всячину. А кто командуетъ ротами? Подпоручики и даже прапорщики. Чинъ, конечно, ничего не значитъ, потому что есть и капитаны хуже прапорщиковъ, но какой же хотѣть отвѣтственности (?) *) отъ первыхъ. Вотъ предметы, о коихъ надобно бы барамъ въ Государственномъ Совѣтѣ потолковать, спрося прежде мнѣнія отъ насъ, служащихъ генераловъ, напримѣръ, отъ корпусныхъ, и потомъ судить и разсмотрѣть, что можно и что нельзя. Три предмета: *полковой командиръ, ротный командиръ и продовольствіе.* Не худо бы и объ одеждѣ и о жалованьѣ, но первой Государь не перемѣнитъ, а послѣдняго прибавить не изъ чего, однакоже чѣмъ-нибудь помочь нужно.

Сдѣлай дружбу, перешли приказъ мой, къ тебѣ прежде доставленный, Воронцову. Вотъ и письмо мое къ этой собакѣ. Зачѣмъ, зачѣмъ его не произведутъ: вотъ бы кстати 12-го декабря, и чтобы Алексѣй нашъ не обижался—обоихъ; вѣдь они оба и по мѣстамъ и по достоинствамъ главнокомандующіе. Другіе надуются ....., а я порадуюсь.

Объ Арсеньевѣ я недавно сдѣлалъ представленіе и прежде полученія письма твоего, мой любезный другъ.

Я просилъ считать его по арміи, но не знаю, представитъ-ли

*) Слово это написано весьма неразборчиво.

главнокомандующій, только я писалъ не по болѣзни, а потому что онъ командуетъ въ Аккерманѣ, то чтобы не занимать вакансію въ полку. Въ коменданты мнѣ его и представить было нельзя потому, что коменданты всѣ подчинены Бахметьеву, а не мнѣ.

335.

15-го декабря 1816 г. Бендеры.

На прошедшей почтѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, отправилъ я рапортъ объ опредѣленіи ко мнѣ на вакансію въ полки аудиторовъ. По истинѣ чиновники весьма нужные, каковыхъ у меня, во-первыхъ, нѣтъ комплекта, да и выбрать не изъ кого; во-вторыхъ, тѣ, кои есть, никуда не годятся по совершенному незнанію своего дѣла, и часто бываютъ такія судопроизводства, что ужасно. Дѣлъ судныхъ тьма и есть довольно важныя и запутанныя; а между тѣмъ, всякое почти дѣло раза два, три долженъ возвращать назадъ для пересужденія, потому что какъ рѣшеніе, такъ и самое производство дѣла ни на что не похоже. И если бы не оберъ-аудиторъ, человѣкъ благороднѣйшій и честный Креневъ, то надобно бы было или самому дѣла разсматривать, или дѣлать приговоръ противъ закона и совѣсти. Вотъ, мой любезнѣйшій, въ какомъ положеніи эта важная часть. Я думаю и вездѣ тоже.....

336.

8-го февраля 1817 г. Бендеры.

Зная изъ опыта, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, сколь мало свободныхъ минутъ имѣешь, могу-ли претендовать, если не на всѣ мои докуки отвѣчаешь.

Мысль о солдатѣ у тебя уже была и ты ее читалъ; впрочемъ, если хочешь опять пришлю когда спишутъ.

Куска хлѣба теперь просить нужды не имѣю. Слава Царю и Богу.

Жестокости, тиранство и всякое самоуправіе законамъ противное истреблю. Не знаю, почему кажется тебѣ поступокъ мой въ семъ случаѣ снисходительнымъ? Преступникъ подъ судомъ, въ кою же мѣру мѣрилъ возмѣриться и ему, чего же болѣе? Всѣ знаютъ и онъ наказанъ быть долженъ.

Продовольствіе было плохо и не могло быть иначе по чрезвычайно низкимъ выпрошеннымъ подрядчиками цѣнамъ.

Рудзевичъ человѣкъ добрый и почтенный, ни мало не виноватъ. Теперь надѣяться должно лучшаго продовольствія съ 1-го января.

Говорятъ, будто есть указъ, что выпускаемые изъ разныхъ гимназій студенты имѣютъ право послѣ шестимѣсячнаго служенія на чинъ офицерскій. Указа сего не находится въ собраніи законовъ. Сдѣлай дружбу, братъ, увѣдомь Бога ради. У меня есть одинъ изъ студентовъ таковыхъ, человѣкъ предостойный. Иду на ученье. Здѣсь у меня собранъ учебный баталіонъ, все дѣлаю что могу и желаю угодить всею душою; но Государь, привыкнувъ видѣть гвардію, не можетъ быть доволенъ оборышами.

P. S. Вотъ еще покорнѣйшая просьба. Бывшій однополчанинъ мой Каменскій, изрубленный безчеловѣчно подъ Шумлою, живетъ здѣсь и едва не умираетъ съ голоду; долженъ получить золотую шпагу, на которую и рескриптъ имѣетъ. Сдѣлай милость, дружище, выхлопочи ему за нее деньги и доставь ко мнѣ. А дабы пристроиться ему къ мѣсту, коего онъ по службѣ своей достоинъ, сегодня же писалъ я бумагу въ вашъ комитетъ.

337.

13-го февраля 1817 г. Бендеры.

За пересылку устава, любезнѣйшій камарадъ, Арсеній Андреевичъ, много благодаренъ. До сихъ поръ ходили мы во тьмѣ и учились по преданіямъ. Теперь возсія свѣтъ на ны. Прежде это было таинство—теперь откровеніе. У меня до сихъ поръ былъ собранъ баталіонъ въ корпусную квартиру для ученья офицеровъ. Служившій въ гвардіи полковникъ Пущинъ (малый рѣдкій, умный, честный, усердный, словомъ, прекраснѣйшій) былъ профессоромъ сей фронтовой тактики; но какъ и онъ давно уже изъ Петербурга, то можетъ и самъ ошибиться. Теперь мы всѣ профессора по дружбѣ твоей. Кто бы не хотѣлъ узнать то, чего требуетъ Царь? Онъ хозяинъ, воля Его, рады стараться,—словомъ, за выдумку напечатать уставы и планы спаси васъ Богъ! Пришли, братъ, для полковъ, да выгоните Талызина изъ Питера, время-ли теперь отлучаться отъ дивизіи?

За отставку Анша *) и Корочекова *) всѣ благодарятъ, кто имѣлъ

*) Фамиліи эти написаны весьма неразборчиво.

случай узнать ихъ. Да и самому почтеннѣйшему нашему старику сдѣлали вы большое добро удаленіемъ ихъ отъ него. Такого любезнѣйшаго и добраго начальника должны окружать люди честные. Касательно Рудзевича, скажи мой любезный, что ему дѣлать? Можетъ-ли онъ отвѣчать за то, что утвердитъ главнокомандующій и можетъ-ли онъ остановить утвержденное имъ же? Я самъ былъ на мѣстѣ Рудзевича, истинно такое мѣсто, гдѣ всегда безъ вины виноватъ. Что можетъ начальникъ главнаго штаба? Говорить главнокомандующему истину? Онъ то и дѣлалъ, и не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, т.-е. на бумагѣ подалъ прожектъ о продовольствіи. Но что же дѣлать, если онъ не только не одобренъ, но въ отсутствіи его совсѣмъ передѣланъ. Не мудрено обвинять, мой любезный, а, право, быть на мѣстѣ Рудзевича я бы скорѣе хотѣлъ быть солдатомъ.

Пришли же, сдѣлай дружбу, уставъ для полковыхъ.

Могу-ли я быть въ претензіи, если ты мнѣ не регулярно отвѣчаешь на мои пустыя письма. Нѣтъ, мой любезнѣйшій, старый товарищъ, Богъ меня забудетъ, буде я на тебя пожалуюсь.

Дайте, Христа ради, солдатскихъ дѣтей, истинно грамотныхъ нѣтъ, писанья пропасть, а писать некому.

Перешли, сдѣлай дружбу, письмо Винтенштету (Витгенштейну?).

338.

27-го марта 1817 г. Бендеры.

При осмотрѣ корпуса, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, находилъ я во всѣхъ полкахъ не совсѣмъ позволительныя статьи расходовъ изъ солдатской собственности, однакоже не изъ артелей, но изъ экономическихъ суммъ.

Сіе довольно важное обстоятельство прошу сдѣлать дружбу выслушать со вниманіемъ.

1-я статья экономіи суть зарабатываемыя деньги. 16-я дивизія не сдѣлала почти никакого новаго приращенія потому, что еще до пріѣзда моего въ корпусъ, Талызинъ по неопытности своей счелъ, что солдатъ чрезъ то опускается и деретъ аммуницію, и потому не изволилъ отпускать на работу. Я послѣ хотя и разрѣшилъ, но уже было поздно. 13-я дивизія вырабатывала много денегъ, коими нижніе чины поравнивались въ артелѣ и остальное отдавали имъ на руки, чего и я требовалъ, почитая заработанныя деньги ихъ собственностію. Галицкій

полкъ, стоящій въ Одессѣ, держится единственно симъ средствомъ, безъ коего отъ проклятыхъ, мерзкихъ, сырыхъ и нездоровыхъ казармъ пропалъ бы, еслибы дѣйствительно отеческимъ попеченіемъ полковаго командира и вырабатываемыми деньгами не былъ поддержанъ.

2-я статья экономіи—есть провіантъ. Вотъ по сей-то части ужасное зло, на которое, однакоже, и я смотрю сквозь пальцы. Напримѣръ, полковые командиры отъ подрядчиковъ стараются получить деньгами, на что и подрядчики охотно соглашаются. Жители кормятъ какъ-нибудь, полковые командиры удовлетворяютъ ихъ чѣмъ-нибудь, а сіи послѣдніе кормятъ тоже чѣмъ-нибудь. Нерѣдко гражданское правительство требуетъ, чтобы жители удовлетворены были провіантомъ въ натурѣ или деньгами, но по такой-то цѣнѣ, разумѣется, изъ усердія къ своему карману. Вотъ и пошелъ дѣлежъ и все *на счетъ солдатскаго брюха*. Хотя я и запретилъ денежныя сдѣлки за провіантъ, но все тоже дѣлается, что и прежде потому, что иначе содержать полкъ нѣтъ возможности. Напримѣръ: представь себѣ, что я самъ испыталъ и могу тебя увѣрить, что это такъ: за киверъ отпускается отъ казны безъ прибора 1 р. 68 к., а киверъ стоитъ 5 р. 46 к., вотъ на каждомъ киверѣ 3 р. 78 к., а на 3,000 киверовъ около 5,000 руб. на одни кивера. Сколько же теперь на краги, ремни, ранцы и пр. Гдѣ же ихъ взять? И потому вижу зло, а молчать долженъ. Сталъ взыскивать, стали многіе входить рапортами и разсчетами о невозможности содержать полковъ безъ экономіи, а экономія беззаконная. Что же съ этимъ дѣлать? Представлять по командѣ о такихъ вещахъ нахожу неприличнымъ, ибо правительство и само о томъ знаетъ. Хорошо бы объяснить о томъ Государю на словахъ и о многомъ другомъ, если Ему угодно, но когда я Его увижу? Пріѣхать не смѣю, дожидаться Его пріѣзда, Богъ знаетъ когда Онъ будетъ, а и тогда хорошо, если угодимъ, хотя и стараемся сколько силъ нашихъ есть, но истинно на такомъ пространствѣ не только мнѣ, но и дивизіоннымъ усмотрѣть трудно. Представь себѣ, что полки разбросаны по Бессарабіи на 200 верстъ и болѣе. Здѣсь же проклятыя крѣпостныя работы отвлекаютъ людей отъ настоящаго ихъ занятія. А что это за крѣпости, если ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни одного жилаго покоя, ни магазиновъ, ни арсеналовъ. Словомъ, дрянь, которая стоитъ Государю много, а толку ни на грошъ, кромѣ изнуренія бѣдныхъ солдатъ.

И такъ, я считаю необходимымъ: 1) указать именно, въ чемъ должна состоять и какимъ образомъ пріобрѣтается солдатская экономія. 2) Гдѣ солдатъ хорошо отъ крестьянина довольствуется и послѣдній

захочетъ подарить провіантъ въ томъ подъячему народу не мѣшать. 3) Войска въ Бессарабіи (если политическія обстоятельства не требуютъ) слишкомъ много, а въ Елисаветградскомъ и Ольвіопольскомъ уѣздахъ и Кіевской губерніи по препорціи мало. Можно бы 13-ю дивизію подвинуть къ Елисаветграду, Украинскую къ Умани, а 16-ю перевести на лѣвый берегъ Днѣстра, оставя полка два около Измаила; и можно также оставить въ Хотинѣ, но тогда должны уничтожиться днѣстровскіе совершенно ничтожные карантины. Словомъ, какъ началъ писать, такъ не скоро и кончилъ.

Увѣдомь, кого берутъ отъ Воронцова, и что это значитъ, что отъ него болѣе мѣсяца ничего не имѣю.

339.

15-го августа 1817 г. Тирасполь.

Охотникъ я или не охотникъ до таковыхъ посланниковъ какъ Киселевъ, дѣлать нечего! Воля Царская, мой любезный старый товарищъ! Намѣренія Государя въ семъ случаѣ мнѣ скрыты, и потому о пользѣ таковыхъ инспекторовъ никакого заключенія сдѣлать не могу; а вредъ для службы величайшій. Всякій изъ подчиненныхъ моихъ видитъ въ Киселевѣ того человѣка, который можетъ дать цѣну его заслугамъ. Что же я? Мнѣ вольно только кричать, взыскивать, наказывать и пр. Изъ того родится неуваженіе и болѣе. Если Киселевъ только для фронтоваго обозрѣнія, чего однакоже я никакъ не полагаю, то ужель этой пустой грамотѣ (фронту) даютъ такую цѣну, что (до которой?) мы обыкновенные люди подняться не можемъ. Я и тому не вѣрю, чтобы такъ думали, и знаю свое дѣло во всѣхъ отношеніяхъ не только лучше Киселева (чѣмъ и гордиться не хочу), но и многихъ другихъ. Кто не пойметъ устава? Тотъ, кто русской грамоты не знаетъ. Довѣренность Киселеву уничтожаетъ насъ всѣхъ до одного. Напримѣръ: я смотрѣлъ и нѣкоторыхъ хвалилъ, какъ они и дѣйствительно того стоятъ, а Киселевъ находитъ, что у нихъ все дурно и это все онъ видитъ въ четверть часа. Ты спросишь меня, отчего же это? Изволь, я тебѣ растолкую. Напримѣръ, я говорю хорошо, потому что лучше прошлогодняго, а не потому, что совершенно, и осмотря полкъ объявляю мои замѣчанія, что̀ именно и въ чемъ и какъ поправить должно. При будущемъ смотрѣ вижу успѣхъ или упущеніе, чего Киселевъ видѣть не можетъ. Мнѣ теперь никого похвалить нельзя, а похвала моя ничего не значитъ. Не

сдѣлай одолженіе, научи, какъ бы его перевести. Я ожидаю твоего отвѣта.

Киселевъ на сей разъ или, лучше сказать, до сихъ поръ, ведетъ себя прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ молодой, не безъ способностей, поощренъ Государемъ какъ нельзя болѣе, получилъ опытность и будетъ полезенъ. Кому же и служить какъ не такимъ. Съ полною Царскою довѣренностію, извѣстною всѣмъ и каждому, все сдѣлать можно. Напримѣръ, требованія его исполняются гораздо скорѣе и безъ всякаго прекословія, нежели кого другого, потому что боятся, зная доступъ его къ престолу. Такимъ чиновникамъ такъ и быть подобаетъ. Мы, грѣшные, иное дѣло,—такъ и быть должно потому, что начальниковъ штаба только двое, а насъ какъ собакъ.

Ну, братъ, поддѣли меня съ арендой, представить себѣ не можешь, что это за дрянь. Болѣе 5 тысячъ бумажекъ не даетъ въ годъ, потому что хлѣбъ подешевелъ, а серебро упало. Вотъ какъ надежны министерскія обѣщанія. Это значитъ Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Богъ съ ними! Я по милости Божіей съ голоду не умру и для меня не нужно милліоновъ, но обидно, крайне обидно противъ другихъ.

Бабѣ Комнина дано земли, за которую даютъ ей 90,000 рублей—за какія услуги? Доложилъ грекъ: бѣдная вдова, ей надобно воспитывать дѣтей, а у ней двѣ дочери замужемъ, да сынъ въ службѣ, кого же воспитывать? Какъ захотятъ, такъ и Царя обмануть не остановятся. Виноватъ! Я тебѣ надоѣлъ! Какъ же быть? Чиномъ объѣхали, арендой наградили такою, что и не въ моемъ чинѣ получаютъ гораздо выгоднѣйшія, совсѣмъ отобьютъ охоту къ службѣ, а дѣваться некуда, ну, такъ, хоть пожалуюсь. Прощай.

241.

14-го февраля 1821 г. Тирасполь.

Письмо твое, почтеннѣйшій товарищъ, Арсеній Андреевичъ, отъ 1-го сего мѣсяца получилъ, изъ коего вижу, что слухи въ Петербургѣ на счетъ мой не весьма благопріятны, вотъ же и тебѣ откровенное мое на то объясненіе.

Не могу равнодушно видѣть уныніе и изнуреніе войскъ русскихъ, измученныхъ безконечнымъ и безпрестаннымъ ученьемъ, примѣркой и передѣлкой аммуниціи и проч. Всѣ обратились единственно къ симъ предметамъ, забывъ священнѣйшія обязанности свои. Всѣ готовятся къ

смотру и дѣлаютъ только то что при смотрѣ Государь видѣть можетъ. Ученье день и ночь, даже со свѣчами. Солдаты не имѣютъ ни минуты отдохновенія. Отъ того побѣги, отъ того смертность, отъ того никто не выслуживаетъ указанныхъ лѣтъ. Вообрази, что у меня въ корпусѣ, состоящемъ только изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, кои никогда не были комплектны съ 1816 до 1821 года, выбыло однихъ неспособныхъ 4,115 человѣкъ, изъ коихъ выслужило срокъ только 53 человѣка. Умершихъ (полагая одинаковое число съ нынѣшнимъ годомъ) 3,600, бѣжавшихъ столько же; всѣхъ же нижнихъ чиновъ съ деньщиками, полагая комплектное число (котораго никогда не было), 43,106 человѣкъ, слѣдовательно въ теченіе пяти лѣтъ убыло болѣе $^1/_4$ части и, конечно, близко $^1/_3$.

Изъяснивъ тебѣ откровенно въ какомъ положеніи армія, скажу съ тою же откровенностью, что сдѣлаю я для уменьшенія сего столь яснаго для Государя и отечества вреда? Писалъ, говорилъ, писать и говорить буду: первая мысль, будто бы Государь требуетъ доведенія войскъ по фронту съ пожертвованіемъ ихъ здоровья и украшенія полковъ на счетъ геройскаго ихъ желудка—есть истинное оскорбленіе Величества; 2) сперва сберечь, потомъ выучить; 3) внушить солдату обязанности его; 4) за грубости, ослушанія не наказывать безъ суда и отнюдь такихъ преступленій не прощать и пр.

Вотъ мои правила: они заключаются всѣ въ извѣстныхъ тебѣ военныхъ уложеніяхъ, приказахъ моихъ и наставленіяхъ полковымъ и другимъ частнымъ командирамъ. Съ такими правилами и съ помощію Божіею не уроню дисциплины и не дождусь исторіи семеновской, кексгольмской и пр.; войска будутъ сбережены по возможности и выучены не хуже другихъ. Нѣтъ, мой любезный товарищъ, не я уроню дисциплину, а тѣ, кто готовитъ войска только къ смотру, кто хочетъ заслужить милость Государя съ пожертвованіемъ всѣхъ Его и государственныхъ интересовъ. Не я дамъ отчетъ Богу и Государю въ небреженіи священнѣйшихъ обязанностей моихъ. Не я буду искать благоволенія Царскаго на (по) пути Шварца и другихъ ему подобныхъ. Если служба моя Государю не угодна—воля Его Величества, я готовъ быть жертвою у судіи моего ко благу общему: «блаженни изгнанїи правды ради, яко тѣхъ есть царствіе Божіе». Пренебрегаю клеветою и стыжусь оправдаться въ томъ, чѣмъ ты меня упрекаешь (?). Какая надобность мнѣ толковать съ подчиненными, что полезно и что безполезно, если я не въ правѣ перемѣнить того, что требуетъ начальство. Глупые, лѣнивые или, наконецъ, злые люди толкуютъ слова мои

какъ хотятъ. Если я говорю, что небреженіе стрѣльбы въ цѣль непростительно, что это важнѣе плутоножной пальбы, что начальникъ не долженъ казаться тираномъ въ глазамъ его подчиненныхъ, но отцомъ, попечителемъ о ихъ благосостояніи, что служба не каторга и пр. Такъ развѣ это грѣхъ? Спроси у своей совѣсти! Вотъ мое признаніе.

За списокъ генераловъ усердно, другъ, благодарю.

Вотъ тебѣ копія съ письма, оставленнаго однимъ бѣжавшимъ солдатомъ на квартирѣ фельдфебеля. Оно, конечно, глупо; но не менѣе того все то справедливо, на что онъ жалуется.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо бѣжавшаго рядоваго 31-го Егерскаго полка.

Желаю тебѣ служить на многія лѣта
А на вопросъ мой не надо другого отвѣта:
Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Знать судьба наша такая,
Что обижаютъ насъ до края.
Всегда мучаютъ и бьютъ
И спокою не даютъ.
Хоть и самъ того не смыслитъ,
А по зубамъ небось славно чиститъ.
Не за дѣло, а напрасно.
Со стороны смотрѣть ужасно.
Ты стоишь вѣдь не ладно
Думаешь время провести прохладно.
Дай ко палками принудить
Вѣрно такъ добра не будетъ.
Или зубы вотъ почищу,
Вы напрасно жрете пищу.
Увидѣлъ чуть пошатнулся,
Вотъ, говоритъ, ты ужь натянулся.
А онъ же три дня хлѣба не видалъ
И ученьемъ всѣхъ замучилъ
Принужденъ стоять не благополученъ.
Когда сдѣлалъ подъ прикладъ,
То замучить совсѣмъ радъ.
Когда взялъ кто подъ курокъ
Нутко выдь, братъ, ты впередъ,
Завалика ты ему горячихъ пятьдесятъ въ спину
Анъ впередъ не будетъ дѣлать ту причину.
Однако полно мнѣ здѣсь прохлаждаться.
Надо въ ночь укладаться.

Заслужены вещи взять съ собою
И ружье для отбою.
Есть въ артели денегъ рублей двадцать пять
Ружье справьте опять.
Хоть все то я испорчу,
Да на томъ желаньи кончу.
Не отъ добраго идешь, отъ напасти,
Но не здѣсь только пропасти.

342.

22-го апрѣля 1821 г. Одесса.

Благодаренъ, весьма много благодаренъ за присылку росписанія арміи.

Посылаю старому другу приказъ мой относительно нравственнаго образованія солдата. Не странно-ли, что до сихъ поръ между множествомъ вновь вышедшихъ военныхъ постановленій нѣтъ ни одного о предметѣ столь важномъ. Рекрутъ, обремененный горестью разлуки со всѣмъ, что есть у него драгоцѣннѣйшаго, съ цѣпями поднимаетъ руку и едва-ли повторяетъ читаемую священникомъ присягу, и это называемъ мы клятвою. Всякій изъ насъ знаетъ, что онъ присягалъ, но много-ли такихъ, которые бы понимали данную имъ клятву? Я спрашивалъ не у одной тысячи и не нашелъ ни одного. Это поразило меня удивленіемъ собственной безпечности моей.

Прощай, почтеннѣйшій товарищъ.

343.

16-го мая 1821 г. Одесса.

За отвѣтъ на письмо мое о переводѣ штабсъ-капитана Пантелѣева много благодаренъ почтеннѣйшему старому товарищу. Теперь все по прежнему и переводъ не нуженъ. Все по прежнему, кромѣ гвардіи, изгнанной изъ Петербурга куда и зачѣмъ? Богъ и Государь о томъ знаютъ.

Въ Италіи все кончено, но мнѣ кажется (какъ говорилъ Суворовъ) недорубленный лѣсъ опять выростетъ. Преграда дѣйствій во власти сильнаго, преграда воли—не въ предѣлахъ земной власти.

Полученныя мною сейчасъ извѣстія о грекахъ при семъ посылаю, прошу сообщить ихъ П. М. Лонгинову. За справедливость сихъ извѣ-

стій не ручаюсь, особенно числу войскъ басурманскихъ не вѣрю. Побѣда, однакожь, подтверждается еще и другими полученными здѣсь извѣстіями.

На-дняхъ я былъ въ Скулянскомъ карантинѣ, видѣлъ тысячи испуганныхъ молдаванъ.

Пора Царю нашему домой, давно пора! Дома нездорово! Семеновская исторія недорубленный лѣсъ. Причины, возродившія сію гидру, не уничтожены. Вотъ дѣло по истинѣ достойное попеченій царскихъ.

Не забывай стараго своего сослуживца и преданнаго душевно.

344.

13-го іюля 1821 г. Кишиневъ.

Письмо твое, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 29-го іюня изъ Царскаго Села, я теперь только получилъ и отвѣтъ на оное намѣреваюсь отправить чрезъ Киселева, котораго ожидаемъ сюда съ главнокомандующимъ послѣ завтра. Если же курьеръ изъ арміи будетъ уже отправленъ, то пошлю чрезъ почту.

Изъ письма твоего заключаю, что я еще не совсѣмъ уничтоженъ въ мысляхъ земнаго владыки. Радъ случаю оправдать преданность мою Государю и отечеству. Усердіе мое къ нимъ не измѣнилось. Богъ помощникъ мой. Вотъ въ короткихъ словахъ мнѣніе мое на счетъ предстоящей войны.

Я думаю, что надобно имѣть двѣ арміи: одну противъ турокъ, собравшихся нынѣ въ Молдавіи, и занятія дунайскихъ крѣпостей, а другую для наступательныхъ дѣйствій въ направленіи къ Царьграду. Первая изъ 60 т., а другая изъ 150 т.

По извѣстіямъ, какія я по малымъ способамъ моимъ имѣть могъ, турки запасаютъ провіантъ въ Яссахъ и Текучѣ и снабжаютъ онымъ крѣпости. Если начнемъ съ нынѣшняго лѣта, то магазины Ясскій и Текучскій должны принадлежать намъ, если ихъ не сожгутъ. Хлѣба, оставшагося отъ бѣжавшихъ бояръ, довольно, но надобно предупредить, чтобы турки всего его не вывезли. На посѣвъ нынѣшняго года и на урожай будущаго надѣяться нельзя, ибо жители всѣ почти разбѣжались; хлѣба собрать не успѣли и хотя вѣроятно, что со вступленіемъ войскъ нашихъ и они возвратятся, но ожидать будущаго будетъ долго. Слѣдовательно, съ начатіемъ войны вся надежда на отня-

тіе собраннаго турками. Въ Бессарабіи урожай плохой, да и перевозка сухопутная самъ знаешь какова, особенно въ зимнее время.

Флотилія на Дунаѣ доставила бы по предмету транспортированія снарядовъ и припасовъ величайшую выгоду, но для сего надобно имѣть, по крайней мѣрѣ, Исакчу и Браиловъ.

Понтоны наши для переправы чрезъ Дунай не годятся, слѣдовательно по всему въ нынѣшнемъ году ничего нельзя болѣе сдѣлать, какъ занять Молдавію и Валахію, да и то не надобно бы медлить. Зимняя кампанія самъ знаешь, какъ трудна была всегда, а теперь при недостаткахъ и малолюдствѣ будетъ еще труднѣе.

Вотъ въ краткихъ словахъ мое мнѣніе. Добавлю еще, что армія, дѣйствующая въ направленіи къ Царьграду, не должна полагать на сообщеніе съ Болгаріею и Валахіею по переходѣ чрезъ Балканы, но флотъ долженъ ей содѣйствовать подвозомъ припасовъ и снарядовъ въ Бургасъ, который необходимо укрѣпить должно и отъ Адріанополя и Бургаса начать операціи къ Константинополю. Сербовъ и болгаръ вооружить.

Я не знаю, какой приказъ мой угодно тебѣ имѣть. А впредь буду присылать тѣ изъ нихъ, кои особенно относятся къ образованію нравственному, къ сбереженію, къ обязанностямъ начальниковъ и пр. Я думалъ, что всѣ приказы мои посылаются въ Петербургъ, такъ говорилъ мнѣ Киселевъ и потому предписано мнѣ всѣ ихъ посылать въ главную квартиру. Признаюсь, что мнѣ было это прискорбно, ибо пахло подозрѣніемъ, коего я, кажется, не заслуживаю.

Сдѣлай дружбу, любезнѣйшій camrade, перешли прилагаемое у сего письмо и посылку Воронцову. Постоянно и душевно преданный.

345.

10-го августа 1821 г.

Берегись, почтеннѣйшій товарищъ Арсеній Андреевичъ, берегись привести машину въ разслабленіе, особенно избѣгай душевныхъ волненій и занятій отяготительныхъ, не входи въ тѣсный союзъ съ аптекою. Вѣрь мнѣ, что лекарства палліативныя въ болѣзняхъ хроническихъ и особенно въ нервныхъ припадкахъ полезны болѣе для медиковъ и аптекарей, нежели для болящихъ. Послушайся друга, который истинно интересуется твоимъ здоровьемъ, поѣзжай будущею весною на Кавказъ. Живущій въ Москвѣ докторъ Гасъ (кажется при Голи-

цинской больницѣ) знаетъ чудесные источники Кавказа и можетъ быть въ семъ случаѣ весьма полезнымъ наставникомъ. Я былъ два раза на Кавказѣ и пользовался его наставленіями по книгѣ, слѣдовательно говорю по опыту. Ради Бога, не упускай времени, не слушай докторовъ, не знакомься съ латинскою кухнею, будь болѣе на открытомъ воздухѣ, ищи разсѣянія въ кругу друзей и родныхъ, убѣгай шумныхъ сборищъ, дѣлай болѣе движенія, безъ аппетиту не ѣшь, ложись спать ранѣе полуночи (если это въ Москвѣ возможно), вставай не позже шести часовъ и, наконецъ, весною *маршъ на Кавказъ!*

Мерзавцы сосѣди наши дѣлаютъ свое дѣло, продолжаютъ грабежи, убійства, насилія, не позволяютъ снимать хлѣба, снабжаютъ крѣпости запасами и приводятъ ихъ въ лучшее оборонительное состояніе, усилили гарнизоны. Словомъ, пользуются временемъ и уроками прошедшей войны и, наконецъ, говорятъ (но сіе извѣстіе не есть еще утвердительное, хотя и весьма вѣроятное), будто турки намѣрены вывести молдаванъ въ Азію, съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ магометову вѣру или, въ случаѣ непокорности, истребить. Въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ могли бы мы быть на Дунаѣ и безъ труда овладѣть крѣпостями и устьемъ Сулинскимъ, необходимымъ для флотиліи. Тогда, остановясь по Дунаю до Черноводъ, а оттуда до Кюстенджи по Троянову валу, можно бы заставить турокъ говорить по-русски. Теперь! Теперь! Какая разница! Тогда всѣ выгоды были на нашей сторонѣ, теперь всѣ неудобства, и чѣмъ позже, тѣмъ хуже.

Говорятъ Канкринъ полководецъ. Не спорю, мундиръ военный, да къ тому же Deutschmann, чего же болѣе.

Прости, братища, не пренебрегай совѣтами преданнаго тебѣ всею душою.

346.

5-го ноября 1821 г. Тирасполь.

Съ новою Царскою милостью почтеннѣйшаго товарища поздравляю. Но воздаяніе заслугъ обязываетъ насъ продолжать служеніе, а для службы потребно здоровье и потому совѣтую, не теряя времени, ѣхать къ водамъ.

Сосѣди наши живутъ съ нами мирно, но молдаванъ тѣснятъ ужаснѣйшимъ образомъ. Никто изъ бояръ къ намъ выѣхавшихъ, въ Молдавію не возвратился, но изъ валахскихъ, выѣхавшихъ къ австрій-

цамъ, поѣхалъ одинъ изъ первѣйшихъ Барбушань Вакареско съ нѣкоторыми другими бѣдными и, какъ говорятъ, въ большомъ раскаяніи, хотя первый изъ нихъ и сдѣланъ вистіаромъ.

Требованія турокъ отъ земли столь велики, что нѣтъ почти возможности удовлетворить. Наглость и своеволіе ужасныя. Словомъ, Молдавія и Валахія погибли, даже и самое вступленіе нашихъ войскъ (если бы сіе случилось) вовлечетъ ихъ въ неминуемую гибель и разореніе. Турки при первомъ о томъ извѣстіи начнутъ истреблять все огнемъ и мечомъ.

По извѣстіямъ въ Молдавіи и Валахіи, турокъ до 40 т. Съ помощію Божіею эту дрянь можно подушить съ одною дивизіею и нѣсколькими казаками, но гдѣ способы продовольствія? У турокъ! И потому быстрота и тайна предпріятія—безъ того успѣха ожидать нельзя.

О капитанѣ Грумбахѣ повторяю прежнюю мою просьбу, съ присовокупленіемъ таковой же о переводѣ маіора Спиридова въ Екатеринбургскій полкъ изъ Саратовскаго. Сей офицеръ отличныхъ способностей не имѣетъ тамъ даже баталіона, когда у меня некого назначить въ баталіонные командиры. Я знаю Спиридова коротко, ибо онъ былъ у меня дежурнымъ штабъ-офицеромъ и выбылъ потому только, что полкъ вышелъ отъ меня въ первую армію.

Спрашиваешь меня, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, весело-ли я живу? Какія веселости для человѣка уничтоженнаго, заслужившаго нѣвинно гнѣвъ Государя? Признаюсь тебѣ, какъ старому пріятелю и сослуживцу моему, что видимое нерасположеніе ко мнѣ Царя укрощаетъ вѣкъ мой, но никакъ не перемѣнить правилъ моихъ. Я готовъ умереть на службѣ изъ обязанности быть полезнымъ отечеству и признательности къ прежнимъ милостямъ Государя. Никогда не буду угождать Его Величеству со вредомъ для Него, никогда не буду льстить Ему и обманывать изъ собственной корысти, какъ другіе. Пусть будутъ они Его временщиками, но я ни за какія милости не хочу измѣнить обязанности моей, не хочу обманывать Его нигдѣ, ни въ чемъ и готовъ терпѣть все.

На-дняхъ получили мы приказъ начальника штаба Его Императорскаго Величества, коимъ вмѣняется въ обязанность полковыхъ командировъ егерскихъ полковъ передѣлать котлы и патронные ящики во всей пѣхотѣ. Знаешь-ли, мой любезный, что это будетъ стоить каждому не менѣе шести тысячъ руб. Никто не въ состояніи дѣлать издержекъ столь значительныхъ (изъ своего кармана), каковыя безпрестанно требуются отъ полковыхъ командировъ. Все падетъ на бѣднаго солдата и

самой казны. Долго-ли правительство будетъ само себя обманывать и давать поводъ къ привелигированному воровству. Мнѣ кажется, до сихъ поръ вся сія зловредная система основывалась единственно на словѣ: *благоразумная позволительная экономія*. Мечта неопытности! Не угодно-ли Государю узнать покороче, какіе способы употребляются къ пріобрѣтенію сей мнимой экономіи? Тогда увидитъ Онъ, что нѣтъ ни одного позволительнаго, но все воровство и притѣсненіе Его арміи. Льстецы скажутъ, какъ не быть экономіи! Жители уступаютъ провіантъ. Полковые командиры покупаютъ деревни и пр. Все это правда, но не всегда и не вездѣ. Деревни отъ провіанта купить нельзя. Есть и кромѣ того множество источниковъ, но всѣ они суть ничто иное, какъ наглое воровство и ужаснѣйшее притѣсненіе. Я бы хотѣлъ, чтобы меня о томъ спросили и другихъ, кто посѣдѣлъ на службѣ и хочетъ говорить нелестно.

Котлы всегда возились за ящиками и никогда на людяхъ не были. Давно придуманъ способъ облегчать несчастныхъ легко-пѣхотинцевъ, на коихъ нагрузили, какъ на верблюдовъ. Слѣдовательно, передѣлка будетъ безполезная. Ящики всѣ будутъ сдѣланы изъ сыраго дерева, слѣдовательно, вездѣ будетъ одна только блестящая наружность. Другой полковой командиръ заготовлялъ или хлопоталъ строить новый обозъ, и только лишь кончилъ, вдругъ перемѣна. Закружатся головы поневолѣ, надобно подниматься на выдумки о пріобрѣтеніи экономіи, какими бы то средствами ни было. Не лучше-ли бы позволить новые ящики строить по новой формѣ, не передѣлывая старыхъ, да и самая укладка въ новыхъ никуда не годится, ибо патронъ, поставленный пулею вверхъ, будетъ давить порохъ.

Желтухинъ подъѣхалъ съ выдумкою и небось восхищается своею премудростію. Никто не смѣетъ сказать Государю правды. Не можетъ быть ничего хуже.

Прости, мой почтеннѣйшій другъ, дай Богъ тебѣ здоровья, сего душевно желаетъ преданный тебѣ навсегда.

У меня спрашиваетъ живописецъ Дове, когда я пріѣду въ Петербургъ для снятія рожи моей и помѣщенія въ Эрмитажъ. Какъ можно мнѣ ѣхать, когда отпуски запрещены, да и съ чѣмъ, и потому пришлю мой портретъ, похожій на меня, какъ двѣ капли воды.

У сего прилагаю образчикъ, какимъ образомъ пріобрѣтается экономія. Прошу, ради Бога, чтобы это осталось между нами.

347.

12-го марта 1822 г. Тирасполь.

Писалъ бы и чаще, мой любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, но знаю изъ опыта сколько людямъ озабоченнымъ несносны пустыя письма. Теперь считаю нужнымъ отвѣчать тебѣ на письмо твое отъ 27-го февраля.

Сосѣди наши надняхъ выжгли въ Яссахъ въ одну ночь 452 дома. Прежній ихъ паша умеръ, и съ кончиною его начались опять грабежи, насильства и всякаго рода самоуправства. Несчастные жители въ ужаснѣйшемъ положеніи и въ случаѣ открытія войны съ турками въ началѣ нѣтъ возможности считать на пособіе Молдавіи и Валлахіи. Но впослѣдствіи, при хорошей администраціи, поправиться могутъ, только, разумѣется, не надобно повторять прежнихъ ошибокъ въ управленіи.

Здѣсь пронесся площадный слухъ, что австрійцы 15-го сего мѣсяца вступятъ въ Молдавію. Еще-ли проклятая эта нехристь недовольна грабительствомъ цѣлой почти Италіи? Впрочемъ, это не по моему департаменту, что приказано будетъ, то и выполню.

Безъ денегъ о войнѣ думать нельзя. Бѣда деньги родитъ.

Богъ васъ знаетъ, куда посланъ Татищевъ. Мы въ глуши здѣсь ничего не знаемъ, впрочемъ, за нами дѣло не станетъ, прикажутъ— готовы.

Я никакихъ вѣрныхъ доводовъ нерасположенія ко мнѣ Государя не имѣю; но, во-первыхъ, я обойденъ, во-вторыхъ, обхожденіе его со мною весьма перемѣнилось и, наконецъ, знаю, что ему дуютъ въ уши, что я не занимаюсь тѣми мелочами службы, за коими другіе все забываютъ. Говорятъ можетъ быть и болѣе, но я правъ. Говорилъ, говорю и говорить буду. *Служба Государева не каторга. Есть время и ученью и отдохновенію.* Я никому не только не мѣшаю исполнять требуемаго, но не хочу, чтобы убивали людей и ссылались въ томъ на волю Царскую. Впрочемъ, правила мои тебѣ извѣстны.

Для меня страненъ твой вопросъ о камчатской исторіи. Вѣдь вамъ вѣрно было о томъ донесено. Происшествіе мерзкое и постыдное, но оно имѣло причины. Рѣшеніе главнокомандующаго рѣшительно и благоразумно. Не знаю, что писали вы съ фельдъегеремъ о семъ дѣлѣ, не знаю какъ объяснить вамъ донесеніе, но надѣюсь, что точно въ томъ видѣ какъ было. Происшествіе сіе открыто мною случайно. Чего смотрѣли дивизіонные, спросите у главнокомандующаго. Мнѣ мимо (его)

все говорить нельзя. Дастъ Богъ пріѣдетъ Государь. Пусть спросить, кого Ему угодно; Ему, конечно, никто ничего не утаитъ.

Я сегодня пріобщился святыхъ тайнъ. Я христіанинъ. Всевышній видитъ мысли мои и сокрушеніе сердца.

Прости мой любезнѣйшій — некому ввѣрить мыслей моихъ бумагѣ.

348.

18-го марта 1822 г. Тирасполь.

Сдѣлай милость, почтеннѣйшій старый товарищъ Арсеній Андреевичъ, спаси отъ напасти молодаго шалуна, который за шалость свою другой годъ сидитъ на гауптвахтѣ въ Петербургѣ. Это выпущенный изъ корпуса прапорщикъ Ушаковъ. Онъ будучи отправленъ изъ Петербурга въ Грузію, возвратился назадъ съ первой станціи и въ Петербургѣ встрѣченъ во фракѣ дежурнымъ, которому и нагрубилъ. Виноватъ и оправдывать не смѣю; но сидитъ другой годъ. Дайте ему средство заслужить преступленіе. Ради самаго Бога спаси несчастнаго молодаго человѣка если можно. Онъ мнѣ хотя не ближайшій, но родственникъ—одолжи на вѣки. Здѣсь толкуютъ опять о конгрессѣ во Флоренціи. Опять Государь уѣдетъ, а какъ бы мнѣ хотѣлось Его видѣть—пріѣздъ Его много дѣлаетъ хлопотъ, но, по крайней мѣрѣ, много иногда и добра сдѣлать можно.

Сосѣди наши готовятся къ войнѣ и у нихъ сіе объявлено уже фирманомъ. По извѣстіямъ изъ Константинополя война объявлена за вѣру и по собраніи чрезвычайнаго совѣта и даже съ согласія самаго ихъ первосвященника (муфти). Французскій посланникъ выѣхалъ изъ Константинополя. Англичане объявили Портѣ нейтралитетъ, и что они, по случаю неизбѣжной войны между турками и Россіею, считаютъ необходимымъ усилить войска свои въ островахъ Іоническихъ. Вотъ здѣшнія новости. А у насъ ничего не слышно, мы все еще въ томъ же невѣдѣніи какъ и прошедшаго года.

Прощай, мой любезнѣйшій другъ, не оставь моей просьбы.

349.

Получено 19-го іюня 1822 г. въ Карлсбадѣ.

Послѣднее письмо твое, мой почтенный товарищъ Арсеній Андреевичъ, отъ 15-го апрѣля получилъ. Я правилъ моихъ по службѣ пере-

[illegible] не в состояніи при исходѣ службы, и потому пока служу, [illegible] не перестану. Могу сдѣлать упущенія, могу какъ человѣкъ подлежать подъ взысканіе, но въ намѣреніяхъ моихъ всегда готовъ [illegible] отчетъ самому Богу.

Здѣсь меня безпрестанно дѣлаютъ то херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, то намѣстникомъ бессарабскимъ. Молдаване перетрусились [illegible] и вдругъ никогда у меня не бывая, стали мучить визитами, [illegible] которыхъ я, какъ ты знаешь, большой охотникъ и знаменитый компанистъ.

Поступокъ мой по исторіи Камчатскаго полка отдаю на судъ цѣлаго свѣту, но подобное происшествіе не могло не огорчать меня. Государь сказалъ Государь, еслибы дошло о томъ какъ-нибудь стороною, [illegible] мнѣ, посѣдѣвшему на службѣ Царской, потерять все заслуженное потомъ и кровью было бы слишкомъ больно, да какъ и теперь Государю представлено не знаю. Можетъ быть я и попалъ на замѣчаніе, за что же? За неопытность и неудачные опыты Орлова.

Прошу о покровительствѣ погибающему въ началѣ службы бѣдному молодому человѣку Ушакову.

Я объ эстампахъ никогда не писалъ, а писалъ о конвертахъ изъ толстой бумаги, и просилъ ихъ мнѣ купить.

Дай Богъ тебѣ не потерять напрасно времени въ Карлсбадѣ. Впрочемъ, развлеченіе и свобода сдѣлаютъ, безъ сомнѣнія, много пользы. Прошу тамъ пить . . . . . [1]) вино и привезти мнѣ хоть дюжину бутылокъ сего нектара, если возможно.

Лошадь боевая будетъ, а парадной не знаю гдѣ достать.

350.

18-го ноября 1822 г. Тирасполь.

Шесть недѣль ровно жилъ я въ 32-мъ егерскомъ полку для извѣстнаго дѣла Раевскаго, производимаго по Высочайшей волѣ подъ надзоромъ моимъ. Дѣло ясное, но свидѣтельства слабыя, словомъ, многосложное сіе дѣло требуетъ многихъ изустныхъ объясненій, особливо по предмету союза и приглашенія за Днѣстръ къ Вознесенску. Боюсь и самъ впасть въ подозрѣніе въ послабленіи производимаго надъ Раевскимъ дѣла; но я увѣренъ, что всякій другой и того бы не сдѣлалъ,

[1]) Одно слово не разобрано.

что я сдѣлалъ. А потому и прошу у тебя дружескаго совѣта, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ: скажи, что мнѣ дѣлать? Кромѣ обыкновеннаго заключенія моего при донесеніи, я, для собственнаго моего оправданія, желалъ бы объяснить дѣло изустно, но поѣздка въ Петербургъ при моемъ состояніи сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разстройку. Нельзя-ли тебѣ объяснить сего обстоятельства князю Петру Михайловичу (Волконскому), и доложить ему, что если рѣшеніе теперешняго суда покажется недовольно полнымъ, то пусть бы прислали кого-нибудь для объясненія тѣхъ статей, кои покажутся сомнительными, или пусть меня потребуютъ въ Петербургъ; но сіе послѣднее, какъ и выше сказалъ, будетъ для меня весьма чувствительно. Впрочемъ, если необходимо нужно что же дѣлать? Сдѣлай же дружбу, увѣдомь меня заблаговременно, чтобы я могъ успѣть заготовиться необходимымъ капиталомъ, изъ числа находящихся въ коммерческомъ одесскомъ банкѣ 50 тысячъ рублей. Здѣсь занять негдѣ, да и на что занимать, имѣя свои деньги.

Прости, мой любезный другъ. Желаю тебѣ чего ты самъ себѣ желаешь

P. S. Лучше, еслибы кого прислали, съ кѣмъ бы я могъ объясниться, или поручили бы Киселеву, или кому угодно.

351.

Получено 19-го января 1823 г.

Ради самого Бога поѣзжай на Кавказъ. Употреби кисло-сѣрную ванну и потомъ желѣзныя воды съ употребленіемъ внутреннимъ кислыхъ водъ. За успѣхъ головой отвѣчаю. Что вашъ Карлсбадъ и пр. и пр. и пр., все дрянь! Если поѣдешь, напиши мнѣ. Когда не будетъ войны, то и я готовъ ѣхать, лишь бы отпустили.

Повѣрь совѣту искренняго друга твоего, который понимаетъ тебя лучше эскулаповъ, изъ собственнаго опыта своего.

P. S. Выѣхать изъ Москвы надо въ началѣ мая.

Прошу при случаѣ помочь бѣдному страдальцу ген.-маіору Тучкову. Онъ по дѣлу всѣми коммиссіями оправданъ, но все благодѣяніе состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе кончить его судъ.

352.

16-го февраля 1823 г. Тульчинъ.

По всѣмъ слухамъ я назначаюсь, какъ говорятъ всѣ, военнымъ министромъ. Господи Боже мой! Мнѣ, право, жить не долго, и если кому-нибудь нужно мое мѣсто, то пусть опредѣлятъ меня куда хотятъ только не въ министры. Мнѣ-ли, грѣшному, старому инвалиду фигурировать на узорчатомъ паркетѣ? Какую пользу принесу я, занявши такой постъ? Умоляю тебя, какъ истиннаго моего друга, сдѣлай милость, увѣдомь меня о томъ. Знаю, чѣмъ обязанъ я Царю и царству. Готовъ былъ умереть солдатомъ, но если высшей власти то неугодно, то буду просить заблаговременно увольненія, ибо при полученіи уже назначенія просьбу объ отставкѣ справедливымъ образомъ сочтутъ за упрямство. И потому представь себѣ какое сдѣлаешь ты мнѣ одолженіе, когда увѣдомишь въ свое время.

Къ осени ожидаемъ Государя, по словамъ начальника генеральнаго штаба, хлопотъ бездна, а министерство отнимаетъ руки: какъ вспомню, что надобно разстаться, такъ и сердце кровью обливается. Посуди, любезный, вотъ уже 36 лѣтъ живу съ солдатомъ, и, наконецъ, въ преклонныхъ лѣтахъ вмѣсто покоя назначаютъ министромъ! Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта.

Киселевъ мнѣ этого не говорилъ, но я думаю онъ сполитиковалъ по придворному.

Петръ Ивановичъ старѣе меня, да былъ министромъ, но Петръ Ивановичъ почтеннѣйшій Петръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровья, вѣкъ свой провелъ въ Петербургѣ, а я въ полѣ. Если думаютъ, что я дряхлой генералъ, такъ вѣдь у Государя мѣстъ много,—да пускай взглянутъ и на другихъ лучшихъ.

353.

20-го марта 1823 г. Тирасполь.

Я хотѣлъ быть въ Петербургѣ по дѣлу Раевскаго для того только, что изустное объясненіе лучше всякаго другого, а притомъ хотѣлъ сказать, что съ удаленіемъ Раевскаго истинно нѣтъ никакой опасности, ибо нижніе чины, привыкшіе къ слѣпому повиновенію, не постигали его помѣренія, и какъ мнѣ кажется многаго не понимали. Дѣло кончено

и на слѣдующей почтѣ будетъ отправлено. Оно мнѣ кажется довольно ясно и выведено все обстоятельно, слѣдовательно, мнѣ ѣздить въ Петербургъ, ожидая въ августѣ прибытія Государя къ намъ, была бы совершенно пустая и безполезная издержка. Особенно въ теперешнее время, когда надобно заняться корпусомъ, да и тощему карману моему было бы накладно.

Благодарю любезнѣйшаго друга за успокоеніе относительно назначенія меня военнымъ министромъ. Я отъ этого проклятаго слуха покоя лишился. Готовъ служить Богу и Государю, покуда силы позволяютъ, но служить тамъ, гдѣ могу употреблять способности мои съ пользою. Такіе слухи и совершенное забвеніе, въ какомъ я нѣсколько лѣтъ прожилъ, допускаютъ поравняться со мною многихъ, которыхъ я въ теперешнемъ моемъ чинѣ зналъ гвардіи офицерами, крайне огорчительны, но дѣлать нечего. Терпи казакъ атаманомъ будешь; былъ и на нашей улицѣ праздникъ, увидимъ, что покажетъ нынѣшній смотръ. Всѣ силы всѣхъ вообще устремлены къ тому, чтобы угодить, но свыше возможнаго требовать нельзя. А мое дѣло смотрѣть, чтобы лишній задоръ былъ безъ вреда службѣ. Я не хочу покупать милостей Царскихъ разореніемъ и кровію другихъ, но единственно моимъ и сотоварищей моихъ усердіемъ и трудами.

Не знаю можетъ-ли Тучковъ писать Государю въ собственныя руки, развѣ только потому что онъ начальства не имѣетъ, слѣдовательно, можетъ адресоваться прямо.

Сдѣлай, братъ Арсеній Андреевичъ, дружбу, купи мнѣ для будущаго смотра хорошую, т.-е. хорошей..... *) шляпу безъ петлицъ и знаменитый султанъ рублей во 100. Что будетъ стоить, я съ благодарностію пришлю.

Дай Богъ тебѣ здоровье и благополучіе.

354.

19-го августа 1824 г. Тульчинъ.

Наконецъ, любезный другъ и старый товарищъ Арсеній Андреевичъ, вспомнилъ крикуна Сабанѣева, который никогда тебя не забывалъ, а не писалъ то отъ лѣни, то отъ хлопотъ, то отъ невѣдѣнія, гдѣ тебя искать. Молчалъ, но все-таки любилъ и помнилъ.

*) Одно слово неразобрано.

Желаешь-ли знать о моемъ житьѣ-бытьѣ, изволь, братъ, скажу все и со всею откровенностію; начну съ обветшалой моей физики. Сѣдъ какъ лунь, иногда прихварываю, но еще довольно бодръ и на службу покуда годенъ. Душевно покоенъ. По службѣ, сижу на военоводствѣ въ Тульчинѣ, бранюсь всякій день, особенно съ интендантствомъ и коммиссіями. Богатъ по старому: голоднаго накормить, жаждущаго напоить, нищему подать милостыню, могу. У бабы сарафанъ, у меня мундиръ, сюртукъ, шинель и пр. имѣются, но когда пришибетъ старость, когда одолѣютъ недуги, головы преклонить некуда. Въ резервѣ ничего. Вотъ обстоятельство довольно важное, но я, какъ и въ старину, живу день до вечера и мало о томъ думаю.

Жалѣю крайне, если повредилъ Буткову, котораго даже и не знаю, а слышалъ только отъ Воронцова, что ему египетская глазная болѣзнь знакома и онъ ее лечилъ; а какъ здѣшніе доктора писали только диссертаціи, а между тѣмъ, люди лишались зрѣнія, то и я написалъ въ Петербургъ, чтобы прислали Буткова. Я думаю, что и всякій бы на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ тоже.

У насъ здѣсь лѣто было прекрасное, урожай на все чудесный, кромѣ однакоже нѣкоторой части Херсонской губерніи, части Бессарабской области и всей Таврической губерніи, гдѣ ничего нѣтъ. Засуха была ужаснѣйшая. Саранча была почти по всѣмъ мѣстамъ, но вреда сдѣлала мало. Теперь время здѣсь удивительное, не жаркое, не холодное, вотъ климатъ для тебя преполезный. На твое мѣсто можно бы послать какого (нибудь) нѣмца, а тебя къ намъ поближе. Вотъ бы дѣло-то и въ шляпѣ. Воронцовъ такъ же сѣдъ какъ и я; мы живемъ съ нимъ по сосѣдству, и нерѣдко видимся. Онъ, бѣднякъ, схватилъ нынѣшняго лѣта лихорадку въ Крыму, однакоже по послѣднему письму, которое отъ него имѣю, ему лучше. Что за удивительный человѣкъ, дай Богъ такихъ людей болѣе, но и имъ недовольны. Кто же можетъ угодить? Никто, да и не надо угождать. Иди по чистой совѣсти и по стопамъ заповѣди, вотъ и все искусство управлять людьми, т.-е. для управленія людьми надобно сперва умѣть управлять собою.

Прости, мой любезнѣйшій дружище, обнимаю тебя отъ всей души.

Я пришлю тебѣ свѣжихъ орѣховъ воложскихъ.

P. S. Здѣсь пронесся слухъ, что camarade нашъ Ермоловъ болѣнъ грудною водянкою. Жаль какъ товарища и какъ человѣка, по истинѣ государственнаго. Дай Богъ, чтобы то было солгано.

355.

15-го сентября 1824 г. Брацлавль.

Сейчасъ получилъ извѣстіе весьма важное, которое вмѣстѣ съ симъ старому другу и товарищу посылаю.

Здѣсь собрана почти вся 2-я армія для примѣрной войны. Сейчасъ ѣду на поле кровопролитной брани.

Толстая собака Гудовичъ предстоитъ предо мною и тебѣ кланяется такъ низко, сколько брюшище допускаетъ наклониться.

Прости, мой любезный другъ, вѣчно твой.

356.

Получено 31-го октября 1824 г.

Спасибо старому товарищу, что вспомнилъ прежняго однослуживца своего. Сдѣлай дружбу, давай мнѣ порученія, если тебѣ что изъ обѣтованной нашей земли доставить нужно. Калифатство мое кончилось, и я здѣсь только до разрѣшенія рапорта главнокомандующаго, коимъ доноситъ онъ о прибытіи своемъ къ арміи.

Благодарю Бога, командованіе мое, кажется, оканчивается благополучно. Происшествій и замѣчаній Богъ избавилъ. По смѣтѣ убавлено до 1.300,000 рублей, да противъ прошлогодней смѣты на одномъ фуражѣ съ 1-го сентября по 1-е января болѣе 300 тысячъ; да если торги на провіантъ и фуражное продовольствіе продолжатся съ такимъ же успѣхомъ, то надѣюсь, что и противъ смѣты на будущій годъ будетъ экономіи еще болѣе милліона. И такъ можетъ быть до $2^1/_2$ милліоновъ. Заплатилъ Царю за Его милости ко мнѣ. Здоровье плохо, болѣе недѣли не выхожу изъ комнаты. Наливку надѣюсь получить и выпью за твое здоровье всенародно.

Въ Питерѣ нужно бы побывать, да, вѣдь, ты знаешь, какой я дикарь. Я на своемъ мѣстѣ именно здѣсь, а въ Петербургѣ никуда не гожусь. А притомъ признаться долженъ, что и финансовые мои способы не въ цвѣтущемъ положеніи. Хотя я теперь и женатый человѣкъ, но все по старому, по солдатски. Ѣзжу въ брыкѣ, сплю на тюфякѣ и пр. и пр.

Скажи, пожалуйста, да скажи же откровенно, за что забылъ меня старый дружище собака-дипломатъ Булгаковъ. Не только не пишетъ,

то я за мои письма не [illegible]. Я думаю отъ хлопотъ, коими онъ [illegible] забоченъ.

Воронцовъ будетъ въ Питерѣ и хочетъ отправиться въ концѣ [illegible]ября. Не повѣришь какъ онъ посѣдѣлъ. Какъ лунь бѣлый! Правду сказать и меня не скоро разберешь какой я масти, но Воронцовъ передо мною [illegible]. Ему будетъ уже 52 года, а ему, я думаю, не болѣе 43. [illegible] что мы съ нимъ пожили и кой-чего поѣли. Какъ-то [illegible] [illegible] старъ или молодъ? Дряхлъ или бодръ? Въ парикѣ или еще не [illegible]?

Гудовича [illegible] и поклонюсь ему отъ тебя; его разнесло горою, и Александрина [illegible] толстѣетъ, всякій годъ съ брюшкомъ. И другая [illegible] бывшая Мантейфель, тещинька (?) Гудовича здѣсь же въ сосѣдствѣ. Я у ней бываю довольно часто. Къ толстому Гудовичу пріѣхалъ гость его, старый б..... Григорьевичъ. Надежда, Вѣра Оболенскія и всѣ собрались на свадьбу. Отдаютъ Софью за Энгельгардта, за брата бывшаго у насъ хромаго Энгельгардта; богатый женихъ, но счастье не въ богатствѣ.

Прощай, мой любезный Орестъ. Вѣчно твой.

[illegible] Энгелева ожидаютъ здѣсь въ началѣ ноября.

357.

28-го ноября 1824 г. Тирасполь.

[illegible] почтеннѣйшій другъ мой Арсеній Андреевичъ. Я [illegible] поскакать изъ Тульчина, какъ курьеръ на встрѣчу съ [illegible] въ Измаилѣ. Вотъ тебѣ отдыхъ. Поскакалъ въ Измаилъ [illegible] тамъ двѣ недѣли на бивакахъ, покуда все объясни[illegible] зависитъ устроилось. Воронцовъ и я хотѣли ѣхать [illegible] и теперь до окончанія открывшейся въ Измаилѣ чумы [illegible] отлучиться отъ своего мѣста не простительно. [illegible] разсчелъ, что мнѣ гораздо лучше опредѣленныя на [illegible] употребить на вспоможеніе [illegible] во время [illegible] явленія. Помощь моя, конечно, незначительна, но на [illegible] трехъ тысячъ не могъ, впредь охотно пожертвую и [illegible] Года 24-е не лучше 22-го. Тогда жертвовали [illegible] не откажется [illegible] состояніемъ.

[illegible] любезнѣйшій [illegible] исполнена будетъ.

[illegible] болѣе всего интен-

дантство. Ты знаешь правила мои на сей счетъ, знаешь и обычай интендантствъ, слѣдовательно, можешь посудить, каково мнѣ было съ ними управляться, особенно будучи калифомъ на часъ.

Главнокомандующій нашъ получилъ весьма лестный рескриптъ, коимъ Государь изволитъ вручать ему командованіе арміей, а мнѣ за всѣ мои старанія пріобрѣтенія и пр. ни полслова. Вотъ ясное доказательство, что заслуги безъ подпоры остаются безъ вниманія. Мнѣ все равно, ничего не нужно, особенно при теперешнемъ несчастіи, постигшемъ Царя и столицу; напротивъ, я готовъ свое отдать, и отдать съ истиннымъ душевнымъ утѣшеніемъ. Но таковое равнодушіе къ службѣ ревностной (если находятъ командованіе мое таковымъ) службѣ вредно, а мнѣ унизительно. Такъ и быть. Покуда смогу служить, буду я съ тою же ревностію какъ и всегда.

Собака-дипломатъ человѣкъ, конечно, честный, то-то и досадно, что онъ меня забылъ, и забылъ безъ причины. Заботъ у него всегда было не менѣе, но все-таки хоть изрѣдка да писалъ и отвѣчалъ, а теперь хоть тресни. Что нибудь да не даромъ. Ну, Богъ съ нимъ. Я, право, передъ нимъ ни въ чемъ не виноватъ, если бы кто другой, а не Булгаковъ меня забылъ, то я бы не замѣтилъ.

Прощай, мой любезный, будь здоровъ и веселъ. Вѣчно твой.

P. S. Вицманъ тебѣ кланяется. Чупруновъ, я думаю, къ тебѣ уже пріѣхалъ. Я еще до отъѣзда изъ Тульчина сдѣлалъ мое представленіе.

358.

Получено 31-го декабря 1824 г.

Поздравляю тебя, любезный Арсеній Андреевичъ, съ хорошимъ помощникомъ. Вручитель сего ген. Чупруновъ сдѣлался мнѣ извѣстнымъ въ продолженіе командованія моего 2-ою арміею. Я имѣлъ случай испытать его дѣятельность. Онъ весьма радъ, что будетъ служить подъ твоимъ начальствомъ, съ чѣмъ тебя, стараго дружища, и поздравляю.

Мнѣ бы нужно побывать въ Питерѣ, да, во-первыхъ, здоровье, а во-вторыхъ, финансы дѣлаютъ двѣ важныя преграды таковому намѣренію. Ну, какъ опять также будетъ трудно вырваться изъ Петербурга какъ въ прошломъ 1818 году, то слуга покорнѣйшій. Я не могу жаловаться на недостаточное состояніе. Нѣтъ! У меня отъ расходовъ остается въ годъ тысячъ до трехъ, но вояжъ въ Петербургъ и необходимость побывать въ Москвѣ, будутъ стоить, конечно, до шести тысячъ.

Это уже надобно взять изъ капитала, т.-е. изъ 80 тысячъ, вотъ мое состояніе.

Въ Петербургѣ нужно бы побывать для того, что здѣсь во время смотра Дибичъ говорилъ, что я рѣдко ѣзжу въ Петербургъ, а какъ мнѣніе начальника штаба есть мнѣніе Государя, то и нельзя ему противиться; впрочемъ, Богъ знаетъ, я съ дворомъ незнакомъ.

Прощай, любезный товарищъ, дай Богъ тебѣ здоровья. Душевно преданный

359.

19-го іюня 1826 г. Карлсбадъ.

Много благодаренъ старому товарищу, что не забываетъ хвораго Сабанѣева. По увѣренію эскулаповъ здѣшнія воды особенно приличны въ моихъ припадкахъ, и я въ надеждѣ на помощь Всемогущаго ожидаю съ нетерпѣніемъ спасительнаго дѣйствія оныхъ. Говорятъ, что сего ожидать должно по окончаніи полнаго курса. Между тѣмъ вышло уже болѣе 60 камней желчныхъ, изъ коихъ нѣкоторые не признаны таковыми многими изъ медиковъ. Я думаю послѣ завтра съѣздить въ Дрезденъ, посовѣтоваться съ знаменитымъ Крейцигомъ и показать ему спорные камни. Ничего такъ не желаю, какъ отслужить новому милостивому Царю за незаслуженное ко мнѣ благорасположеніе. Продли, Господи, Его Царствованіе, даруй Ему, Боже, мудрость Соломонова. Кто не почувствуетъ великодушіе Его съ преступниками-злодѣями; но опасно, чтобы милость къ подобнымъ злодѣямъ не была во вредъ. Ко мнѣ возвратили двухъ молодцовъ, ахти не надежныхъ. Одинъ нѣмецъ, служилъ по квартирмейстерской части, а другой — принадлежалъ первому корпусу. У меня, благодаря Бога, этой дряни нынѣ не открылось оттого единственно, что я ихъ придушилъ еще въ 1822 году. Симъ обязанъ я Орлову.

Не смотря на многолюдство, грустно по отчизнѣ. Хотѣлось бы еще разъ прежде смерти взглянуть на родину и родныхъ, коихъ съ 1818 года не видалъ. Болѣзнь разстроила всѣ мои планы и состояніе. Государь хотя изволилъ предложить мнѣ пособіе, но я принять онаго безъ новыхъ заслугъ не согласился. Пусть Онъ будетъ у меня въ долгу, а не я у Него.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, если ты будешь постоянно жить въ Петербургѣ, то можетъ быть увидимся зимою. Я обязанъ пріѣхать поклониться новому Государю, если болѣзнь не помѣшаетъ.

360.

14-го іюля 1826 г. Карлсбадъ.

Худо, братъ, Арсеній Андреевичъ. Болѣе нежели когда-нибудь чувствую обязанности служить, но лихая немочь гнетъ въ дугу Царскаго слугу. Дорого расплачиваюсь за старые грѣхи. Покоряюсь воли Всемогущаго Творца и безъ роптанія переношу мучительные припадки, коимъ и конца не вижу.

Государь, увольняя меня, изволилъ, вѣроятно, узнать о скудномъ положеніи моихъ финансовъ, и потому приказалъ спросить, не имѣю-ли я надобности въ какомъ особенномъ пособіи, которое Его Величество съ удовольствіемъ готовъ сдѣлать. Таковое милостивое предложеніе безъ особенныхъ заслугъ моихъ, тѣмъ болѣе заставило меня отказаться отъ новыхъ милостей Царскихъ, что онѣ обязывали меня продолжать службу, а какъ я не увѣренъ въ возможности сего, то и не могъ рѣшиться принять онаго. Идти въ отставку, пристанища не имѣю. Вотъ положеніе стараго товарища твоего, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; плохо и тѣмъ болѣе плохо, что пособить нечѣмъ. Воды выпилъ пропасть, а пользы не вижу, обѣщаютъ впослѣдствіи. Что будетъ увидимъ.

Весьма хотѣлось быть въ Петербургѣ, поговорить и посовѣтоваться съ добрыми пріятелями какъ лучше, потомъ, если возможно, объясниться съ самимъ Государемъ. Но если будетъ война,—остаюсь на мѣстѣ, пусть доколачиваютъ разсохшуюся мою машину, она никуда болѣе не годится. Если же роковой пули не найду, то все-таки послѣ буду имѣть болѣе права на милости Царскія. Вотъ мои виды—виды всѣхъ смертныхъ, похожіе на мыльные пузыри. Орловъ отдѣлался весьма счастливо для него, но не знаю, правъ-ли онъ по совѣсти. Говорятъ, что онъ уже шесть лѣтъ какъ отказался отъ тайнаго общества, но тому только три года какъ затѣивалъ новыя чудеса въ 16-й дивизіи.

Съ Васильемъ Александровичемъ Пашковымъ мы сходимся всякій день играть въ вистъ къ Бистрому, исключая тѣхъ дней, въ которые пришибетъ меня лихая немочь.

Прости, старый артельщикъ, не забывай душевно и постоянно преданнаго *И. Сабанѣева.*

P. S. Не повѣришь въ какомъ я затруднительномъ положеніи,—не хочу скучать тебѣ моимъ горемъ. Господи, спаси Царя! Богъ и Государь, вотъ моя надежда!

361.

28-го октября 1826 г. Тирасполь.

По всѣмъ отношеніямъ мнѣ должно бы быть въ Петербургѣ, но дряхлая моя машина и думать о томъ не позволяетъ. Карлсбадскія воды, хотя и сдѣлали нѣкоторое облегченіе, но по общему мнѣнію всѣхъ эскулаповъ повтореніе еще одного курса карлсбадскихъ водъ признается необходимымъ. Чувствую, что повтореніе одной и той же просьбы третій годъ сряду, по принятому правилу, не позволяетъ надѣется, чтобы оставили меня на службѣ, хотя главнокомандующій и взялся быть моимъ ходатаемъ. Воля Государя моего со мною. Но если отчислятъ меня по арміи или уволятъ за болѣзнію, не оставя при мнѣ ни жалованья, ни столовыхъ, ни деньщиковъ, тогда останусь безъ пристанища, и даже безъ прислуги. Не боюсь козней, надѣюсь на милость Божію и справедливость Царскую. Помоги, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, нельзя-ли найти случай объяснить Государю мое положеніе. Оно заключается въ слѣдующемъ:

Состояніе здоровья моего требуетъ еще одного послѣдняго опыта карлсбадскими водами, если и затѣмъ здоровъ не буду, тогда и самъ буду просить увольненія.

Состояніе мое заключается въ арендѣ, съ которой получаю только 2,000 серебромъ въ годъ и 60 тысячъ капитала. Аренда оканчивается чрезъ пять лѣтъ.

Служу 39 лѣтъ, — въ будущемъ январѣ кончится 40. Имѣю три раны огнестрѣльныя и четвертую штыковую, — вотъ мои права на милость Царскую.

Не считаю себя въ правѣ безпокоить Государя исключительными милостями, въ сравненіи съ прочими удостоившимися таковыхъ, но прошу того, что всѣмъ даютъ, — отпуска съ жалованьемъ до 1-го августа, или отчисленія по арміи, также съ жалованьемъ, деньщикомъ и столовыми.

Знаю, что самому мнѣ бы нужно и полагаю возможно было объяснить положеніе мое Государю, но съ моимъ-ли здоровьемъ пуститься въ такой дальній путь, въ страну Гиперборейскую, въ лютые морозы быть въ мундирѣ Генерь и сдѣлать сего не въ силахъ. Припадки хотя бываютъ и временно и продолжаются послѣ водъ не болѣе однѣхъ или по большой мѣрѣ двухъ сутокъ, но малѣйшая неосторожность въ пищѣ или простуда здоровъ не проходятъ, какъ же уберечься въ такую дальную дорогу, да и въ самомъ Петербургѣ?

Радъ бы всей душою взять Бакунина въ адъютанты, но вакансіи теперь нѣтъ, а кажется скоро будетъ, ибо одинъ изъ моихъ адъютантовъ собирается въ отставку. Коль скоро онъ подастъ, и самъ я изъ службы выгнанъ не буду, увѣдомлю.

362.

9-го февраля 1827 г. Тирасполь.

Незавидное положеніе стараго товарища твоего, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Вѣкъ мой провелъ въ войнѣ и въ Тирасполѣ. Настала хворость, всѣ виды исчезли, и старый инвалидъ безъ пристанища. 70 тысячъ капиталу и 5 тысячъ пустой степи въ Бессарабіи составляютъ все мое достояніе. Необходимость ѣхать въ Карлсбадъ заставила просить помощи у Государя, помощи, которую Его Величество самъ изволилъ мнѣ предлагать въ прошломъ году, и которой я изъ деликатности, безъ особыхъ заслугъ, не принялъ, не предвидя надобности опять ѣхать за границу. Но теперь, когда вижу надобность повторить тотъ же вояжъ, крайне затрудняюсь въ способахъ. Главнокомандующій, взявшійся хлопотать, привезъ только отпускъ, о пособіи же молчитъ, слѣдовательно, не хочетъ только сказать, что Высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Не могу думать, чтобы Государь, соизволя самъ вызваться въ прошломъ году на пособіе, въ нынѣшнемъ отказалъ; но что же это значитъ? Я рѣшился бы и самъ писать къ Государю, но, во-первыхъ, съ трудомъ могу рѣшиться просить денегъ, не видя возможности заслужить; во-вторыхъ, не имѣя вѣрнаго отказа, новая просьба законно можетъ почесться докукою и жадностію къ деньгамъ. Прошу твоего совѣта, что мнѣ дѣлать. Сдѣлай милость, увѣдомь, и если думаешь, что писать нужно, позволь мнѣ письмо послать чрезъ тебя, т.-е. нельзя-ли тебѣ его отдать замолвя словечко. Вотъ, братъ, каково не беречь денежку про черный день. Если бы я копилъ деньги до сихъ поръ, имѣлъ бы чѣмъ безбѣдно дожить вѣкъ, не докучая никому—что же дѣлать? Будетъ война—готовъ служить, а не будетъ, то необходимо взять на нѣкоторое время отдыхъ отъ всѣхъ дѣлъ. Истинно не въ моготу.

Что сдѣлалъ я старому собакѣ-дипломату (К. Я. Булгакову)? За что онъ меня совершенно забылъ? Если только отъ заботъ, я охотно ему прощаю и даже прошу безъ нужды не писать. но кажется онъ мнѣ на нѣкоторыя письма мои, т.-е. прежде даже не отвѣчалъ. Это на него

не похоже. Развѣ онъ на придворномъ паркетѣ не тотъ же милый, любезный Костикъ (Константинъ), что былъ доселѣ въ Бухарестѣ. Досадно, если и такимъ людямъ, какъ нашъ Булгаковъ, не совсѣмъ довѣрять можно. Но я все-таки еще не вѣрю столь чудесному превращенію характера.

Если будетъ война, ни денегъ, ни отпуска не прошу. Заслужу или не буду имѣть ни въ чемъ земномъ нужды.

Сдѣлай милость, напиши. Съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Сейчасъ читаю, что Желтухинъ 2-й назначенъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Вотъ что̀ значитъ служить по гвардіи и служить на Прутѣ и Дунаѣ. Здѣсь охраняй царство, отвѣчай за всякаго казака, и никто службы не цѣнитъ, и даже не знаютъ, а въ Питерѣ все на чеку. Мѣсто Желтухина было бы и мнѣ, инвалиду, по сердцу. Климатъ и городъ все было бы кстати. Чувствую необходимость предстать предъ Царемъ Бѣлымъ, но что же дѣлать, когда силы не позволяютъ. Я и здѣсь мерзну, а у васъ и говорить нечего. Одна дорога замучитъ. Ѣхать надо въ Карлсбадъ, а оттуда, если Богу угодно, проѣду и въ Питеръ, какъ войны не будетъ.

363.

10-го мая 1827 г. Кавк. мин. воды.

Милости Государя превзошли ожиданія мои, поченнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Лестные отзывы Его Величества на счетъ мой налагаютъ на меня священнѣйшую обязанность служить Ему до гроба.

Съ сердечнымъ сокрушеніемъ разстаюсь съ моими сослуживцами. Десятилѣтнее командованіе 6-мъ корпусомъ познакомило меня съ нимъ коротко; оставляю его по совершенной необходимости и можетъ быть въ такую минуту, когда открываются надежды къ войнѣ, которая одна могла вознаградить десятилѣтніе труды мои и скуку тираспольской жизни. Но что дѣлать!—повинуюсь волѣ Всемогущаго Творца.

Здоровье мое до сихъ поръ въ прежнемъ положеніи, я потерялъ всю довѣренность къ медицинѣ и къ прозелитамъ, потерялъ, потому что третій годъ на испытаніи эскулаповъ, которые доселѣ не только мнѣ не помогли, но и болѣзни не узнали. Послѣдній, кажется, годъ прибѣгаю къ минеральнымъ водамъ, если и за симъ облегченіе не будетъ, поѣду въ Англію или Францію совѣтоваться съ тамошними докторами. Но коль скоро получу хотя малѣйшую возможность продолжать службу,

не замедлю представиться Государю. Да будетъ воля Его со мною. Онъ мой Царь и благодѣтель. Я Его вѣрнѣйшій подданный, обязанный благодарностію.

Оттуда предполагаю ѣхать въ Кіевъ, гдѣ и намѣренъ я поселиться, дабы въ случаѣ старости и дряхлости имѣть пристанище, коего до сихъ поръ нигдѣ не имѣлъ.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, узнай будутъ-ли мнѣ во время отпуска производить выдачу жалованья и столовыхъ денегъ. Объ этомъ въ приказѣ не отдается, а ко мнѣ ничего никто о томъ не пишетъ.

Одолженія твои цѣню весьма дорого и не забуду ихъ до гроба.

P. S. До августа прошу писать ко мнѣ на Кавказъ, а позже сего въ Кіевъ, съ надписью ожидать туда моего прибытія. Я избралъ Кіевъ для климата, который по умѣренности своей въ болѣзненномъ еще состояніи моемъ болѣе мнѣ приличествуетъ. Когда сколько-нибудь поправлюсь въ моемъ здоровьи, лежать даромъ не буду. Я прежде писалъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, о генералъ-губернаторствѣ, или о мѣстѣ подобномъ мѣсту Петра Желтухина. Это только по причинѣ слабаго моего здоровья, которое въ мои лѣта не весьма надежно совершенно возстановиться можетъ. Впрочемъ, военную службу ни на какую другую не промѣняю, тѣмъ болѣе, что она мнѣ совершенно знакома, да и по состоянію, которое съ мѣстомъ генералъ-губернатора не совсѣмъ въ гармоніи.

Но будь воля Государя отца и благодѣтеля со мною, я обязанъ, обязанъ служить Ему.

Правда-ли, что Бахметьевъ идетъ въ отставку. Вотъ бы для тебя хорошій постъ, по моему мнѣнію. Но, право, по четыре и пять губерній на одного человѣка взваливать на плечи, значитъ требовать выше силъ. Мнѣ кажется, двѣ или три по самой большой мѣрѣ есть крайняя мѣра.

364.

26-го августа 1827 г. Одесса.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ смотрю на пріуготовленія къ походу, но дѣлать нечего.

Здоровье такъ плохо, такъ плохо, что и подумать служить нельзя.

Я поселился здѣсь въ Одессѣ, готовъ по возможности силъ моихъ быть твоимъ коммиссіонеромъ.

Стыдно мнѣ брать даромъ жалованье и столовыя. Пусть бы сдѣлали меня хотя попечителемъ здѣшняго лицея, на мѣсто графа Вита, который, вѣроятно, пойдетъ на войну, да и безъ того у него дѣла, я полагаю, много, а я бы въ свободное отъ болѣзни время могъ иногда присмотрѣть за симъ прекраснымъ, но, какъ говорятъ, весьма запущеннымъ заведеніемъ.

P. S. Вручитель сего человѣкъ благороднѣйшій. Помоги ему.

365.

24-го января 1828 г. Одесса.

Худо мнѣ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, очень худо. Не взирая на то, не могу жаловаться на судьбу мою: многимъ подобнымъ мнѣ страдальцамъ гораздо хуже. Я въ болѣзни моей имѣю нѣкоторые промежутки; припадки не всегда бываютъ смертельные; словомъ, я привыкъ къ страдальческому моему состоянію; я хотя не въ изобиліи, но не нуждаюсь въ необходимомъ; не всякій нашъ братъ инвалидъ похвалиться тѣмъ можетъ. То-ли дѣло какъ я былъ егерскимъ штабъ-офицеромъ, начиная съ войны итальянской до окончанія финляндской? Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ссылаюсь на всѣхъ тогдашнихъ моихъ начальниковъ и товарищей. Гдѣ что дѣвалось? Уже нѣтъ меня и половины, немощи уничтожили здоровье, притупили и самыя способности. Но въ семъ тлѣнномъ мірѣ всему есть конецъ.

Съ священнымъ благоговѣніемъ и слезами читалъ я указъ о пенсіонахъ, давно мы подобныхъ указовъ не читывали. Теперь рѣдкая почта не привезетъ какихъ-либо всенародныхъ милостей. Напримѣръ, указъ о гильдіяхъ, или лучше сказать, измѣненія по гильдейскимъ постановленіямъ кому не ощутительны? Въ указѣ о пенсіонахъ чего не придумано, по мнѣнію моему, есть даже мѣста, кои слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ образомъ ограничить, напримѣръ § 40. «Выходящіе въ отставку по разстроенному совершенно здоровью или неизлѣчимымъ болѣзнямъ»... произведетъ: 1) Никто не выйдетъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ, но всѣ по разстроенному на службѣ здоровью, и это будетъ стоить не болѣе какъ отъ 100 до 500 рублей, смотря по чину. 2) Казна найдется въ невозможности покрывать всѣ потребные по предмету сему расходы. 3) Военное честолюбіе, или такъ сказать, военная гордость исчезла въ арміи нашей съ тѣхъ поръ, какъ мы выключены изъ числа непобѣдимыхъ. Большая часть ищетъ тепленькаго мѣстечка, до сихъ поръ много шло въ отставку, теперь пой-

дутъ еще болѣе; развѣ Богъ и Государь возведутъ насъ опять на прежнюю степень непобѣдимыхъ, служба содѣлается пріятнѣйшею; на все будетъ свое время, т.-е. время службы и время отдохновенія, словомъ, состояніе военнаго сословія улучшится, иначе побѣгутъ всѣ въ отставку.

Справедливо-ли сравнивать человѣка, потерявшаго здоровье на службѣ, напримѣръ, квартирующаго въ Измаилѣ отъ свирѣпствующихъ тамъ лихорадокъ, съ тѣмъ, который на службѣ же потеряетъ носъ отъ .....? Послѣдній, по мнѣнію моему, достоинъ сожалѣнія, но не долженъ равняться съ первымъ. Указъ ни того, ни другого не лишаетъ права на пенсіоны.

Я собираюсь ѣхать за границу, ожидаю только лучшаго времени. Здѣсь зима необыкновенная и несчастные степные жители лишаются скота еще болѣе нежели въ прошломъ 1824 году. Зима стала въ половинѣ ноября и держится постоянно до сихъ поръ. Въ половинѣ февраля хотѣлось бы выѣхать, дабы долѣе прожить у Крейциха въ Дрезденѣ.

Намѣреваюсь купить здѣсь домишко и симъ пристанищемъ обязанъ буду Его Величеству. Продаю послѣдній участокъ бессарабской земли, но такое безденежье, что никто не покупаетъ; увѣдомь, сдѣлай милость, не покупаетъ-ли казна, и въ чемъ принимаются десятина подъ залогъ въ банкѣ, только ради Бога, это между нами, я не хочу, чтобы Государь о томъ зналъ, иначе это будетъ похоже на лукавую просьбу, на хитрость, словомъ, на безсовѣстный поступокъ.

Прости, мой любезный другъ, не забывай твоего инвалида.

P. S. Война загорается, и мы здѣсь печемъ сухари, и я какъ гражданинъ Одессы беру въ томъ участіе. Тошно и даже стыдно быть праздным, но что же дѣлать? Если бы не ѣхать за границу, то можно бы мнѣ поручить хотя резервные баталіоны. Теперь предполагаю возвратиться изъ-за границы не прежде осени. Куда меня дѣвать въ моемъ чинѣ? Развѣ въ неслужащій инвалидъ.

366.

5-го (17-го) августа 1828 г. Карлсбадъ.

Сейчасъ утѣшенъ полученіемъ письма твоего, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 19-го іюля.

Страданія мои кончатся развѣ съ жизнію, но что обо мнѣ говорить, я инвалидъ навсегда.

Ты—почтенный нашъ министръ, занимая столь обширный кругъ государственнаго управленія, начинаешь уже жаловаться головною и глазною болью. Послушай совѣта истинно преданнаго тебѣ человѣка. Очищать запущенныя дѣла предмѣстникомъ твоимъ, конечно, нужно, но всему есть вѣсъ и мѣра. Я бы на мѣстѣ твоемъ вотъ что сдѣлалъ: я бы просилъ у Государя позволенія объѣхать, по крайней мѣрѣ, внутреннія губерніи Россіи, и нашъ Новороссійскій край, дабы познакомиться ближе, какъ съ народными потребностями, такъ и чиновниками въ министерствѣ твоемъ состоящими. Всѣ гг. министры знакомы съ Россіею по пересказамъ и донесеніямъ. Сіе путешествіе кромѣ ощутительной пользы службы было бы собственно и для тебя полезно. Дѣла текущія могутъ присылать къ тебѣ съ курьерами. Взгляни на своихъ губернаторовъ (образчики которыхъ и въ Петербургѣ можно видѣть), взгляни и полюбуйся, что за народъ; не терпи долго вакансіи губернаторовъ; я видѣлъ, какое зло отъ того происходитъ, да еще гдѣ же? у Воронцова, или лучше сказать, у благороднѣйшаго и благонамѣреннаго Палена, когда Тимковскій выпивалъ по котлу всякой всячины, начиная съ водки и выкуривалъ по 60 трубокъ. Вѣришь-ли, что я Тимковскаго ни разу не видалъ Тимковскимъ, и весьма занимательный говорятъ, онъ человѣкъ умный, я такимъ не видалъ его ни разу. Не одинъ Тимковскій, есть и въ другомъ родѣ милые ребята. Полюбуйся на полиціймейстеровъ, особенно присылаемыхъ изъ комитета. Словомъ, увидишь всю свою часть и тогда садись работать. Вели составить государственную статистику буде ее нѣтъ. Наконецъ, пріѣзжай въ Одессу къ старымъ друзьямъ твоимъ, Сабанѣеву и Воронцову. Если меня не будетъ, то хозяйка моя поставитъ щей горшокъ, а дочка по-русски попляшетъ. Вотъ что называется служить съ пользою и удовольствіемъ. Если я попалъ на твою мысль очень радъ, а не попалъ такъ и бѣги въ воду. Можно и въ Питерѣ не надсѣдаться: опредѣли часы занятія и часы отдохновенія.

Если бы я тебя всею душою не любилъ, то не намаралъ бы такого пространнаго письма.

Куда бѣдному Бистрому ѣхать до Петербурга, я не знаю, какъ онъ дотащится до Дрездена, гдѣ мы съ нимъ оба останемся зимовать, но на землѣ или въ землѣ Богъ вѣдаетъ.

Прости, мой любезнѣйшій другъ. Обнимаю тебя со всею искренностію солдатскаго моего сердца.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

Абакумовъ, провіантмейстеръ. 387.
Абашелиъ, князь. 101. 102. 263.
Аббасъ-Мирза, наслѣдникъ персидскаго престола. 229, 335, 336, 458, 543, 552.
Абрамовъ. Дорофей. рядовой. 112.
Абхазовъ, подполковникъ. 199.
Авенаріусъ, подполковникъ 388. 414.
Аверинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. 61. 324.
Августовъ. генералъ. 320, 321.
Алединскій. 494.
Алексинскій, рядовой. 39, 72. 129. 141. 143.
Александра Ѳеодоровна. Великая Княгиня. 251.
Александровъ. генералъ. 284.
Александръ I. Императоръ. IV, VI. 330. 338.
Алексѣевъ. генералъ. 482, 487, 495. 499. 533.
Алопеусъ, посланникъ. 79. 565.
Анна Павловна. Великая Княгиня. 251.
Апшеронъ. полковникъ. 277. 303.
Андреевскій. полковой командиръ. 64.
Андреевскій, Николай. 523.
Андрикіевичъ. генералъ-маіоръ. 46. 60. 137. 147. 149.
Апшъ 572.
Аракчеевъ. графъ. VIII. 12. 20. 91. 94. 97, 122. 173. 176. 177. 182. 196. 211, 250, 251, 284, 301, 305, 308, 325, 326, 354. 430, 469, 472. 474, 514, 523.
Арсеньевъ. 11, 145, 477, 487, 488, 489. 570.
Ашъ, баронъ. 34. 120.

Багратіонъ. князь. 267, 291. 309. 527.
Базилевичъ. полковникъ. 353.
Бакунинъ. 599.
Балашовъ. генералъ. 36, 122.
Баратынскій. поэтъ. 536. 537. 538. 539.
Барклай-де-Толли. Михаилъ Богдановичъ, князь, фельдмаршалъ. IV. V. VI. VII. 5. 188. 195. 213. 234. 271. 275. 278. 281, 282. 295. 296. 297. 308. 320. 321. 378. 460. 461. 462. 465. 468. 477. 494.
Баталинъ. докторъ. VI.
Бахметьевъ. 3. 427. 571. 601.
Башуцкій. генералъ. 10. 13.
Безлеръ. 496.
Безсоновъ. 108.
Бековичъ. князь. 349.
Бенкендорфъ. повѣренный графа Воронцова. 482. 503.
Бенигсенъ. Леонтій Леонтьевичъ. графъ 3. 7. 47. 149. 285. 477. 485.
Бенкендорфъ. генералъ. 12. 21. 22. 114. 115. 117. 384. 437. 451. 452. 455.
Беренгорстъ. подполковникъ. 151.

Бергъ, начальникъ штаба. 518.
Берниковъ. 212, 235, 302.
Берхманъ. 32.
Бетанкуръ. 385, 401.
Бибиковъ, старшій адъютантъ, потомъ флигель-адъютантъ. 10, 12, 13, 41, 51, 55, 60, 63, 76, 101, 145, 149, 153.
Бистромъ, генералъ-маіоръ. 146, 198, 303, 597, 604.
Бланковъ, рядовой. 22, 39, 111, 129, 141.
Блохинъ, Владиміръ Алексѣевичъ. 554, 556, 557.
Блудовъ, графъ. 104.
Бобринская, графиня, XIV.
Бобровскій, каптенармусъ. 38, 52, 128, 140.
Богарне, Евгеній, 16, 470.
Болгарскій, дѣйствит. стат. сов. 416, 417, 418.
Болховской, поручикъ. 57, 141.
Бонапарте. 8, 16, 232, 462, 463, 465, 466, 468, 471, 478. См. также Наполеонъ I.
Бороздинъ, генералъ. 15.
Брагинъ, фельдфебель. 28, 126, 147.
Брандтъ, подполковникъ. 569.
Браницкій, графъ. VII, 400, 409, 506.
Брашный, генералъ. 503.
Брегетъ, часовщикъ. 405.
Брискорнъ. 29.
Брозинъ, генералъ. 121.
Брокеръ, Адамъ Фомичъ, московскій полиціймейстеръ. 469.
Булатовъ, генералъ. 532.
Булгаковъ, Александръ. 568.
Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ. 66, 81, 82, 83, 89, 90, 91, 92, 92, 93, 94, 98, 158, 159, 179, 180, 182, 385, 401, 405, 463, 469, 593, 595, 599, 600.
Бурманъ, командиръ полка. 569.
Бурцовъ, полковникъ. 519, 558.
Бутковъ, докторъ. 592.
Бутлеръ. 189.
Бутурлинъ, графъ. 64, 86, 111, 174, 491, 515, 516, 529, 542, 558.
Бушъ. 99.
Буяльскій, докторъ. 108.
Быковъ, начальникъ военной типографіи. 6, 39, 52, 141, 203, 271, 322, 487.
Быковъ, Кондратій. 206.
Бѣгичевъ, подполковникъ. 533, 558.
Бѣляевъ, оберъ-аудиторъ. 118.

Ваврженцкій, генералъ. 209.
Вадбольскій, князь. 389, 533.
Вадковскій, офицеръ Семеновскаго полка. 77.
Вакареско-Барбушань. 584.
Вальмоденъ. генералъ. 53.
Валѣевъ. 42.
Вандамъ, генералъ. 8.
Ваниковъ, унтеръ-офицеръ. 482.
Варинецкій, адъютантъ гр. Ожаровскаго. 45.
Варшавскій, князь, графъ Паскевичъ Эриванскій. 104, 105.
Васильевъ, бомбардиръ. 58, 148, 156.
Васильевъ, графъ, 523.
Васильевъ, флейщикъ. 149.
Васильчиковъ, Иларіонъ Васильевичъ, генералъ. 8, 19, 22, 23, 27, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 42, 44, 45, 48, 50, 51, 56, 57, 58, 60, 65, 66, 67, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 117, 120, 121, 125, 127, 129, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 147, 149, 153, 154, 156, 158, 179, 302, 307, 373, 377, 384, 390, 396, 427, 499, 504, 511, 516, 517, 521, 529, 539, 546.
Вахрушевъ. 15.
Веллингтонъ, герцогъ. 488, 501, 557.
Вельяминовъ 1-й, генералъ-лейтенантъ. 3, 255, 263, 287, 315, 320, 324, 327, 329, 339, 345, 346, 353, 356, 368, 383, 388, 398, 414, 424, 558.
Вельяминовъ, Алексѣй Александровичъ, генералъ-маіоръ. 3, 255, 258, 259,

262, 263, 264, 271, 285, 364, 365, 379, 391, 424, 543, 544.
Вельяшевъ, 515, 523.
Вендишгрецъ, князь. 100.
Верзилинъ, ротмистръ. 300, 303.
Верховскій, полковникъ. 387.
Веселицкій, генералъ-маіоръ. 56, 131, 146, 156.
Веселовскій, офицеръ. 508, 509.
Взмѣтневъ, 417.
Визгаловъ, фельдъегерь. 491.
Визинъ-фонъ, генералъ-маіоръ. 33, 120, 132, 321, 326, 346, 350, 352, 406, 410, 491.
Вилламовъ, Г., секретарь Императрицы 29, 35, 94.
Виллье, лейбъ-медикъ. 52, 95, 319, 326.
Вильсонъ, англичанинъ. 20, 476.
Винцингероде, генералъ-адъютантъ. 300, 478.
Вистенгаузенъ. 77.
Витгенштейнъ, графъ. 5, 6, 10, 54, 70, 72, 75, 162, 164, 282, 285, 307, 381, 467, 477, 483, 497, 523, 573.
Витгенштейнъ, графиня. 51, 150.
Виттъ, графъ. 16, 284, 459, 475, 602.
Вицлебенъ, генералъ. 73.
Вицманъ, докторъ. 576, 595.
Віельгорскій, графъ, адъютантъ князя Трубецкаго. 137, 147.
Віонденіль, фельдмаршалъ. 471.
Владимиреско. 57.
Власовъ, генералъ-маіоръ. 376, 387, 390.
Войековъ, прапорщикъ. 262, 272, 275, 281.
Волковъ, московскій комендантъ. 11, 111, 138, 148.
Волковъ, бригадиръ. 50.
Волковъ, оберъ-аудиторъ. 117.
Волковъ. 398, 518, 521, 528.
Волконскій, князь, Петръ Михайловичъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ Главнаго Штаба. VIII, 1, 2, 8, 11, 13, 14, 15, 17, 24, 29, 33, 41, 45, 47, 52, 58, 61, 68, 70, 83, 99, 109, 195, 196, 197, 206, 216, 248, 251, 259, 263, 264, 267, 270, 273, 274, 275, 276, 282, 285, 298, 299, 301, 302, 303, 306, 314, 317, 321, 325, 329, 336, 342, 344, 362, 363, 366, 368, 373, 375, 378, 381, 384, 387, 390, 391, 396, 399, 404, 405, 408, 411, 414, 415, 416, 417, 418, 421, 422, 424, 425, 426, 428, 430, 434, 442, 473, 481, 488, 489, 490, 499, 500, 502, 503, 505, 509, 510, 514, 515 516, 517, 520, 521, 525, 527, 528, 529, 536, 537, 547, 589.
Вольскій. 79, 365.
Вольфъ. 465.
Воиновъ, генералъ. 36, 122, 474.
Воронецкій, инженерный офицеръ. 519.
Вороновъ, фельдъегерь. 78.
Вороновъ, полковникъ путей сообщенія 265.
Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, графъ (впослѣдствіи князь) 2, 4, 7, 8, 18, 64, 94, 129, 176, 182, 196, 197, 201, 202, 211, 219, 222, 226, 236, 242, 252, 253, 262, 269, 283, 296, 297, 299, 300, 302, 305, 307, 317, 321, 324, 340, 346, 350, 353, 363, 373, 379, 384, 393, 394, 399, 400, 409, 416, 417, 422, 425, 432, 438, 440, 442, 444, 446, 447, 450, 457, 460, 466, 469, 470, 471, 474, 476, 477, 521, 526, 527, 565, 570, 575, 576, 582, 592, 594, 604.
Врангель, подполковникъ. 495, 503.
Вреде, баронъ, генералъ-маіоръ. 290, 293, 331, 339, 352, 413.
Всеволожскій. 301.
Всеволодскій. 527.
Вязмитиновъ, графъ. 276, 307,

Гагаринъ, князь. 152, 191.
Галь, докторъ. 469.
Гартингъ, генералъ. 568.
Гассанъ-Ханъ. 545, 546.
Гасъ, докторъ. 582.

Гелфрейхъ, генералъ. 21, 72, 75, 162, 398.
Гельманъ, генералъ. 74.
Гельмерсенъ. 302.
Гельфрейхъ, подполковникъ. 508.
Гербо, купецъ. 91.
Германъ, адъютантъ. 156, 541, 542.
Гермесъ, сенаторъ. 316.
Геруа, генералъ. 24, 118.
Гладкій, генералъ-маіоръ. 13.
Глазенапъ, генералъ. 271, 332.
Гогель, генералъ. 13, 20.
Голицынъ, Алексѣй Николаевичъ, князь. 51.
Голицынъ, Дмитрій Васильевичъ, князь. 11, 424.
Голицынъ, Василій Сергѣевичъ, князь. 85.
Голицынъ, князь. 71, 110, 149, 160, 162, 164, 302, 307, 404, 502, 533, 557, 558.
Голицынъ 5-й, князь, генералъ-лейтенантъ. 147.
Головинъ. генералъ-маіоръ. 154.
Головинъ, графъ. 405, 467, 558.
Головинъ. 410.
Головкинъ, графъ. 74.
Горголи, полиціймейстеръ. 111, 557.
Горчаковъ, князь. 12, 360, 467, 512, 513, 519, 523, 560.
Горчаковъ, князь, полковникъ. 379, 390, 411.
Гошотъ. 36.
Граббе, полковникъ. 263, 341, 354, 390, 396, 406, 410.
Грековъ, полковникъ. 94, 266, 331, 364, 387.
Грибовъ, фельдъегерь. 80.
Григоловъ, корнетъ. 508.
Гроберъ, французскій капитанъ. 564, 565.
Грозновъ, фельдъегерь. 222, 227.
Громкау, капитанъ. 476.
Грумбахъ, капитанъ. 584.
Гудовичъ, графъ. 201, 204, 209, 232, 593, 594.
Гудовичъ, полковникъ. 482.
Гуляковъ, генералъ. 364.
Гундіусъ, генералъ. 526.
Гурко, полковникъ. 519, 520, 523.
Гурьевъ, графъ, министръ финансовъ. 4, 54, 73, 152, 417.
Гурьевъ, генералъ. 425, 432.
Гусевъ, фельдъегерь. 43, 145, 357.

Давыдовъ, Василій. 524, 533.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ, партизанъ. 365, 375, 378, 383, 384, 387, 391, 396, 404, 409, 424, 432, 435, 440, 458, 508, 510, 516, 517, 518, 522, 524, 527, 528, 530, 538, 552.
Давыдовъ, Евдокимъ. 373, 533.
Давыдовъ, подполковникъ. 360, 508, 509, 519, 522.
Дадіанъ, князь. 40, 141.
Дартуа, графъ. 470.
Дебу, генералъ. 263.
Деволанъ, генералъ. 255, 256.
Деказъ, министръ. 470, 471.
Дельпоццо, генералъ-маіоръ. 196, 211, 220, 232, 236, 248, 252, 255, 258, 261, 263, 265, 267, 276, 278, 280, 289, 309.
Деляновъ, генералъ. 526.
Демидовъ, генералъ-лейтенантъ. 49, 140, 416.
Демидовъ, Никол. Ив. 536.
Депрерадовичъ, генералъ. 12, 384.
Державинъ, оберъ-священникъ. 404, 405.
Дешевой, фельдъегерь. 205, 253, 261, 329, 338, 343.
Дибичъ, Ив. Ив., баронъ (потомъ графъ). 4, 45, 46, 49, 61, 80, 82, 170, 172, 173, 174, 176, 184, 195, 285, 296, 297, 307, 373, 377, 384, 394, 396, 416, 417, 418, 421, 422, 428, 435, 438, 445, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 459, 497, 509, 510, 547, 555, 557, 596.
Дивовъ, 162.

Дидотъ, французъ. 19, 129.
Дмитріевъ, фельдъегерь. 482, 486.
Дове, живописецъ. 405, 410, 419, 585.
Довре, генералъ. 381.
Дороховъ, генералъ. 476.
Дохторовъ, генералъ. 321.
Дренякинъ, генералъ-маіоръ. 19, 225, 249, 263, 266, 278, 290, 304, 327, 332, 339, 352, 381, 382.
Дружининъ, 417.
Друцкой, князь, отставной штабсъ-капитанъ. 41, 142.
Дубининъ, 276.
Дьяковъ, полковникъ. 199.

Екатерина Михаиловна, великая княжна. 106.
Екатерина Павловна, королева. 251.
Екатерина II, императрица. 284, 320, 404, 423.
Елена Павловна, великая княгиня. 106.
Елисавета Алексѣевна, императрица. 93, 96, 149, 184, 251, 442.
Емануэль, генералъ-лейтенантъ. 196, 220, 559.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, генералъ. 1, 3, 5, 14, 17, 18, 19, 39, 40, 53, 54, 55, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 84, 94, 99, 100, 106, 128, 129, 141, 144, 153, 154, 155, 158, 166, 182, 188, 189, 190, 193, 276, 285, 303, 309, 317, 322, 334, 335, 406, 415, 440, 450, 474, 475, 478, 483, 487, 491, 499, 502, 504, 505, 507, 509, 510, 521, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 536, 537, 539, 542, 543, 544, 545, 547, 549, 550, 556, 558, 562, 568, 592.
Ермоловъ, прапорщикъ. 40, 206, 399, 416, 421, 428.
Ермоловъ, полковникъ. 198, 235, 291, 302, 304, 321, 413, 456.
Ершовъ. 372.
Ефименковъ, коллежскій совѣтникъ. 49. 139.
Ефимовичъ, генералъ-маіоръ. 103.
Ефимовичъ, ротмистръ. 304.

Желтухинъ, Петръ Федоровичъ, генералъ. 4, 37, 66, 129, 130, 133, 134, 137, 140, 147, 156, 191, 193, 195, 199, 227, 384, 386, 398, 409, 418, 449, 475, 503, 507, 513, 585, 600, 601.
Желѣзнякъ. 4.
Жомини, генералъ. 2, 202.
Жоховъ, полковникъ. 494, 495.
Жубертъ, французъ. 317.
Жуковскій, подполковникъ. 49, 138, 142, 162.

Загорскій, генералъ. 208, 213, 254, 256, 263, 265, 278, 290.
Закревскій, Арсеній Андреевичъ, графъ. I, II, VI, IX, X, XI, XII, XV, 1, 24, 47, 109, 188, 190, 194, 202, 206, 251, 257, 460, 469, 474, 508, 564.
Запольскій, генералъ. 40.
Захаржевскій, генералъ. 20.
Зубковъ, подпоручикъ. 151.

Ивановъ, оберъ-квартирмейстеръ. 190.
Ивановъ, полковникъ. 268.
Ивановъ, фельдъегерь. 286.
Ивановскій. 553.
Ивашкинъ, бывшій московскій оберъ-полиціймейстеръ. 150.
Ивашовъ. 28.
Игнатьевъ. 20, 523.
Измайловъ, издатель журнала «Благонамѣренный». 75.
Износковъ 1-й, маіоръ. 315.
Иловайскій, Василій Дмитріевичъ, походный атаманъ. 453, 478.
Имбергъ. 60, 157.
Ипсилантій, князь. 57, 156, 362.

Каблуковъ. 488, 495, 525.
Кавеньякъ, генералъ. 101.
Казадаевъ, Александръ Васильевичъ. 251.

Казнаковъ, полковникъ. 120.
Казначеевъ, Алексѣй Ивановичъ. 12, 458, 491, 496, 497, 564, 565.
Калининъ, почтъ-директоръ. 467.
Каменскій, Н. М. графъ, II, III, IV, VII. 483, 486, 527.
Каменскій. 572.
Канкринъ, генералъ-интендантъ. 63, 324, 364, 417, 473, 499, 564, 583.
Капнистъ, офицеръ л.-гв. Измайловскаго полка. 154.
Каподистри. 203, 239, 242, 248, 251, 273, 274, 275, 283, 301, 398, 425.
Капцевичъ, генералъ. 341.
Карамзинъ, исторіографъ. 512.
Кармановъ, фельдфебель. 112.
Карповъ. 56, 156.
Карцовъ, адмиралъ. 387.
Кастеляновъ, поручикъ. 188.
Каховскій, подпоручикъ. 3, 208, 223, 262, 264, 265, 285, 289, 361, 400, 409, 419, 423.
Квочка, лифляндецъ. 271.
Келлеръ, графиня, XIV.
Кернъ, корпусный командиръ. 508.
Кикинъ, Петръ Андреевичъ. 244, 251, 258, 361, 420, 440, 453, 513, 541.
Киселевъ, П. Д., генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ). 5, 8, 10, 18, 40, 48, 59, 60, 66, 67. 78, 139, 146, 149, 157, 199, 228, 241, 249, 325, 462, 519, 530, 575, 576, 577, 581, 582, 589, 590, 594.
Киткинъ, генералъ. 263.
Кишкинъ, генералъ. 255.
Клейнмихель, графъ. 13, 107, 220, 271, 326, 340, 353, 382, 515.
Ключинъ, оберъ-аудиторъ. 215.
Кноррингъ, генералъ. 294.
Княжнинъ, генералъ. 7, 10, 12, 13, 33, 62, 131, 163, 284.
Кобле. 568.
Кожинъ, племянникъ кн. П. М. Волконскаго. 86.
Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. 467, 468, 469.
Кокошкинъ, каммергеръ. 13.
Комаровскій. 11.
Комаровскій, графъ. 340.
Комаровъ, Сергій Ивановичъ. 371, 373.
Константинъ Павловичъ, Великій Князь. VII, 12, 96, 185, 251, 332, 397, 485, 505.
Коновницынъ, П. П., военный министръ. 188, 193, 216, 398, 499.
Константинъ Николаевичъ, великій князь. 107.
Копыловъ, полковникъ. 414.
Коризна, управляющій графа Закревскаго. 456, 537, 553.
Корсаковъ, полковникъ. 45, 51, 60, 136, 147, 149.
Корфъ. 372.
Котляревскій, генералъ. 196, 199, 201, 206, 213, 215, 255, 288, 372. 375, 378.
Коховскій, харьковскій губернаторъ. 561.
Кочубей, графъ. 28, 34, 39, 70, 72, 124, 129, 132, 139, 141, 159, 395.
Краббе, полковникъ. 292, 293, 304.
Красовскій, генералъ-лейтенантъ. 375, 453. 455, 550, 554.
Красота, Иванъ Васильевичъ, полковникъ. 196, 206, 221, 227. 242, 250, 258, 262, 263. 303, 361, 376, 393, 394, 395, 401, 405, 409, 411, 417, 421, 423, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439.
Крейцигъ, докторъ. 596, 603.
Криднеръ. 386, 398.
Кроминъ. 460, 461, 463, 464.
Крейцъ, генералъ-маіоръ. 45, 137.
Кремповскій. 63, 153.
Кретовъ. 372.
Куракинъ, князь. 90, 469.
Курнатовскій. 214, 332, 339, 352.
Курута, генералъ. 293.
Кутайсовъ, графъ. V, VI, 474.
Кутузовъ, генералъ-маіоръ. 30, 191, 193, 197, 201, 209, 211, 212, 220, 223, 230, 234, 239, 248. 254, 259, 263.

Кутузовъ, смоленскій, князь, Михаилъ Илларіоновичъ. 460, 461, 463, 464, 467, 469, 471, 477, 518.
Кудашевъ, князь, партизанъ. 525.

Лабзинъ, секретарь Академіи художествъ. 401, 405.
Лабордъ, французъ, покушавшійся на жизнь Александра I. 8.
Ладинскій, полковникъ. 199, 414.
Ламбертъ, графъ. 189, 474, 508.
Ланжеронъ, графъ. 5, 189, 211, 395, 400, 417.
Лаптевъ, генералъ. 46, 137, 138.
Лацинскій, фельдъегерь. 124.
Лащевскій, фельдъегерь. 39, 141, 338, 342, 357.
Левашовъ, генералъ. 4, 86, 87, 126, 179.
Левенштернъ, генералъ-лейтенантъ. 49, 139, 396, 474.
Левинъ, уѣздный предводитель дворянства. 556.
Левицкій, 141.
Лезеръ. 485.
Летошинскій, чиновникъ Кабинета Его Величества. 365.
Ливенъ, графиня. 8.
Лисаневичъ, генералъ. 94, 255, 284, 440, 467, 499.
Лисовскій, полковникъ. 503.
Лихардовъ, подполковникъ. 88.
Лобановъ, князь. 324, 469.
Лобановъ, офицеръ. 488, 498.
Ловичъ, княгиня. 92.
Ломоносовъ. 85.
Лонгиновъ, 95, 97, 393, 481, 482, 487, 498, 500, 580.
Лудвигъ XVIII. 365.
Лукененко, фельдъегерь, 63, 64.
Лунинъ, 469.
Лукьяненковъ, подпоручикъ. 155.
Лутковская, Анна. 4.
Львовъ 2-й, офицеръ Кавалергардскаго полка. 522.
Львовъ, князь, адъютантъ Закревскаго. 538.
Ляховичъ, полковникъ. 354.

Мадатовъ, князь. 14, 17, 199, 201, 211, 214, 224, 271, 315, 324, 331, 344, 356, 357, 359, 361, 397, 401, 403, 405, 408, 415, 424, 426, 432, 526.
Мазаровичъ, коллежскій совѣтникъ. 260, 365, 451.
Маккъ, маіоръ. 46, 147.
Максимовъ, почтовый чиновникъ. 51, 149.
Малаховъ, докторъ. 576.
Малининъ, штабсъ-капитанъ. 48, 146.
Мамоновъ, графъ. 191, 193.
Марія Павловна, Великая Княгиня. 71, 73, 251.
Марія Ѳеодоровна, Императрица. 8, 96, 130, 153, 251.
Марковъ. 11, 464, 475, 532.
Марковъ, маіоръ. 387
Марковъ, Евгеній Ивановичъ. 387.
Мартосъ, художникъ. 160.
Мартыновъ, 19, 520.
Марченкова, Марья Осиповна. 290.
Марченко, Василій Романовичъ. 193, 194, 251.
Мартьяновъ, генералъ. 384.
Матвѣевъ, фельдъегерь. 250.
Маторовъ, рядовой, 149.
Медвѣдевъ, офицеръ. 340.
Медоксъ, адъютантъ генерала Вельяминова. 383.
Мейендорфъ, штабсъ-капитанъ. 12.
Мекленбургскій, принцъ. 157.
Меллеръ Закомельскій, адъютантъ генерала Левенштерна. 139.
Мельгуновъ, генералъ. 284.
Меньшиковъ, А. С. князь. 9, 20, 36, 88, 195, 199, 242, 249, 259, 262, 424, 433, 445, 448, 455, 503, 536, 546.
Мерлини, генералъ. 208, 213, 266, 327, 331, 339, 352.
Мертваго, сенаторъ. 316, 324.
Меттернихъ, князь. 367, 398, 557.
Мещерскій, князь. 35, 121, 136, 475.
Миллеръ, П. И. 20, 270, 274, 511.

Милорадовичъ, графъ. 38, 42, 45, 50, 58, 70, 110, 111, 112, 128, 134, 135, 139, 140, 141, 146, 159, 164, 269, 282, 297, 307, 394, 401, 462.
Миннина, Настасья. 97.
Михайловъ, разжалованный въ солдаты. 252, 255.
Михаилъ Павловичъ, Великій Князь. I, XIII, 20, 21, 30, 65, 105, 153, 185, 492, 500.
Мишо, полковникъ. 249.
Монтрезоръ, 422.
Мордвиновъ, 78, 431, 495.
Моцениго, графъ. 59, 157.
Муравьевъ, генералъ-маіоръ. 56, 65, 69, 155.
Муравьевъ, полковникъ. 388.
Муромцовъ, полковникъ. 201, 206.
Мустафа, генералъ лейтенантъ, ханъ-Ширванскій. 204.
Мухановъ. 7.
Мыловъ, слѣдственный приставъ. 31, 35, 58, 148.

Навалихинъ, фельдфебель. 147.
Нарышкинъ, гофмаршалъ. 10.
Нарышкинъ, Алексѣй Львовичъ. 83, 84.
Нарышкинъ. 474, 478, 488, 491.
Нарышкинъ, Леонтій. 478.
Нарышкинъ, Дмитрій. 487, 489.
Наполеонъ. III, 244, 245, 464, 467 540, 544. см. Бонапартъ.
Наполеонъ II. 470.
Наумовъ, полковникъ. 220, 249, 301, 326, 327, 400.
Небольсинъ, П. А. 461, 562.
Нейдгардъ, генералъ. 55, 64, 153, 418, 520.
Нессельроде, графъ. XV, 2, 106, 222, 224, 228, 230, 239, 245, 251, 252, 260, 274, 335, 336, 338, 344, 351, 352, 398, 470, 521.
Нессельроде, графиня. 105.
Николай Павловичъ, Великій Князь. 29. 139, 143, 161, 486, 505.
Новицкій, генералъ-маіоръ. 62.
Ноинскій, правитель-канцеляріи дежурнаго генерала. 139, 175.
Носовъ, офицеръ. 465.

Оболенская, Вѣра, княжна. 594.
Оболенская, Надежда, княжна. 594.
Оболенскій, князь, пажъ. 12.
Обрѣзковъ. 417, 427, 465.
Обрѣзковъ, полковникъ. 26, 32, 53, 150.
Ожаровскій, графъ. 4, 45, 56, 63, 146, 155, 302, 362.
Олениинъ, статсъ-секретарь. 49, 71, 139.
Ольшевскій, генералъ, бригадный командиръ. 540.
Опперманъ, генералъ. 65.
Оранскій, принцъ. 173.
Орбеліани, князь, генералъ-лейтенантъ. 257, 259, 260.
Орлова, графиня. 432, 436.
Орловскій, скульпторъ. 71, 160, 165.
Орловъ-Денисовъ, графъ, генералъ. 149, 540.
Орловъ, Алексѣй. 19, 163.
Орловъ, М. Ѳ., генералъ. 4, 8, 30, 39, 57, 146, 149, 156, 199, 228, 249, 466, 514, 518, 524, 588, 596, 597.
Осиповскій, медикъ. 108.
Остерманъ, графъ. 4, 11, 12, 308, 474.
Отрощенко, генералъ. 555.
Отто, бывшій астраханскій комендантъ. 267.

Павелъ I, Императоръ. 482, 533.
Павловъ, зять А. П. Ермолова. 155. 365, 374, 375, 376, 399, 419, 420, 423, 432, 433, 439, 440.
Паленъ, графъ. 427, 499, 555, 604.
Палицынъ, командиръ полка. 65, 75, 166.
Пальменъ, переводчикъ. 166.
Панкратьевъ. 467, 487.
Пантелѣевъ, штабсъ-капитанъ. 580.
Панютинъ, генералъ-адъютантъ. 104.
Паркачовъ, фельдъегерь. 41, 142, 155.
Паскевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи. 190, 449, 451, 452, 453, 454, 455, 458, 459, 493, 494, 507, 543, 544,

545, 547, 551, 552, 553, 554, 559. См. Варшавскій, князь.
Пассекъ. 469.
Паулуччи, маркизъ, генералъ. 51, 56, 72, 150, 156, 204, 318, 384.
Пашкова, Додо. 59, 86, 155, 179.
Пашковъ, Василій Александровичъ. 597.
Пере, неаполитанскій генералъ. 53.
Перенъ. 20.
Перовскій, полковникъ. 186.
Пестель, генералъ-маіоръ, сибирскій губернаторъ. 208, 224, 264, 266, 278, 310, 311, 313, 314, 315, 320, 323, 331, 467, 468, 469.
Петригинъ. 525.
Петровъ, подполковникъ. 13, 280.
Петровъ, ротмистръ. 300, 303.
Петръ Великій. 479.
Печерскій, генералъ. 263, 278.
Пезаровіусъ. издатель «Русскаго Инвалида». 265.
Пиже, французъ. 8.
Пикаръ, Николай, курьеръ. 74, 167.
Писаревъ, генералъ. 307.
Плаксинъ. 26.
Платовъ, графъ. 405, 461, 478.
Плуталовъ. 72, 112, 141.
Поджіо, декабристъ. IX.
Поздѣевъ, полковникъ. 406.
Полторацкій, генералъ. 11, 488, 492.
Понеровскій, подполковникъ. 382, 414.
Понсетъ. 499.
Поповъ, штабсъ-капитанъ. 259, 286, 314, 315, 320, 323, 324, 340, 406, 411, 415, 431, 443, 447.
Портнягинъ, генералъ. 271, 326.
Постниковъ. 324.
Потаповъ, генералъ. 82, 171, 422.
Потемкинъ, генералъ. 3, 67.
Потоцкая, Софья. 139, 149.
Потоцкій, графъ. 2, 111.
Похвисневъ. 401.
Поццо-ди-Борго. 64, 65, 84, 468, 470. 471, 489, 490, 491, 502.
Пугачевъ. 464.
Пузыревскій, подполковникъ. 199, 212, 265, 332.
Пукаловъ. 467.
Пущинъ, полковникъ. 572.
Путята. 176, 536.
Пятериковъ. 298.
Пяткинъ. 513.

Радецкій, графъ, австрійскій фельдмаршалъ. 100, 102, 103.
Раевская, Софья Алексѣевна. 503.
Раевскій, генералъ. 57, 119, 146, 148, 156, 297, 306, 307, 350, 353, 379, 400, 437, 485, 487, 488, 489, 525, 588, 590.
Раевскій, Александръ. 506.
Ранцевичъ, фельдъегерь. 25.
Растопчинъ, графъ, Ѳедоръ Васильевичъ. 460, 464, 487.
Растопчинъ, графъ, Сергѣй Ѳедоровичъ. 461.
Рахманиновъ, подпоручикъ. 144.
Рейманъ, докторъ. 37, 39, 46, 50, 137, 139, 150, 174.
Рембелинскій, маршалъ сейма. 18.
Репнинъ, князь. 60, 417.
Реуттъ, подполковникъ. 277.
Ришелье, дюкъ. 5, 485.
Розенъ, генералъ. 67, 194, 195, 397.
Розенъ, солдатъ. 209, 251.
Росси, архитекторъ. 15, 18.
Ротъ, генералъ. 264, 396, 398, 519, 533, 534.
Ртищевъ, Н. Ѳ., генералъ, главнокомандующій въ Грузіи. 193, 203, 204, 205, 209, 214, 215, 232, 257, 259, 318, 359.
Рубцовъ, корнетъ. 57, 141.
Рудзевичъ, генералъ. 54, 285, 493, 572, 573.
Ружицкій, польскій генералъ. 562.
Румянцовъ, графъ. 355.
Русановъ, капитанъ. 112.
Рыковъ. 565.
Рыкъ, унтеръ-офицеръ. 332.

Рындинъ офицеръ Симбирскаго полка. 569.
Рыхлевскій, А. И. 365, 366.
Рябининъ, подполковникъ. 199, 212, 223.

Сабанѣевъ, Иванъ Васильевичъ, генералъ. 77, 166, 194, 199, 302, 306, 403, 427, 438, 440, 460, 463, 464, 487, 491, 493, 499, 506, 507, 512, 516, 564, 568, 591, 596, 597, 604.
Саблинъ. 302.
Сазоновъ, командиръ л.-гв. Сапернаго баталіона. 24, 118.
Сакенъ, генералъ. 10, 49.
Сакенъ, графъ. 164, 297, 302, 306, 307, 373, 394, 400, 401, 416, 497, 503.
Салаговъ, князь. 260.
Салтыковъ, князь. 308.
Самбурскій, генералъ. 255.
Самойловъ. 286, 349, 368, 406, 410.
Самойловъ, графъ. 349.
Свиньинъ, издатель «Отечеств. Записокъ». 442, 444, 525.
Севарсемидзе, князь, подполковникъ. 255, 256.
Селявинъ, генералъ-маіоръ. 14, 15, 18, 36, 55, 84, 153, 154, 163, 384.
Сенъ-При, графъ. 474, 475, 477.
Сеславинъ, партизанъ. 165, 471, 525.
Сиверсъ, генералъ. 474.
Силинъ, фельдъегерь. 276, 304, 343, 357.
Симборскій, поручикъ. 57.
Симоничъ, графъ, подполковникъ. 414.
Сипягинъ, генералъ адъютантъ. 12, 40, 207, 227, 301, 303, 308, 325, 326, 455, 513, 527, 536, 537, 554.
Скалонъ. 63, 154.
Скоти, художникъ. 18.
Слатвинскій, полковникъ. 166, 422.
Смирновъ, чиновникъ особыхъ порученій при гр. Уваровѣ. 74, 75, 405.
Слюняевъ, полковникъ. 190.
Соболевъ, фельдъегерь. 338.
Сократовъ, Петръ Григорьевичъ. 537.
Соллогубъ, графъ. 60.
Соломка, вагенмейстеръ. 143.
Солнцева, Анна I.
Спиридовъ, маіоръ. 584.
Стабушъ, фельдъегерь. 65, 251, 252, 253, 276, 338, 404, 411, 417.
Сталь 2, генералъ-маіоръ. 214, 248, 255, 267, 383, 396, 410, 433, 435, 440.
Стасовъ, архитекторъ. 7.
Стеллингъ, дежурный штабъ-офицеръ. 156.
Степановъ, рядовой. 58.
Степановъ, писарь. 135, 144, 148.
Столыпинъ, Николай, полковникъ. 293, 304, 539.
Столяровъ. 141.
Стренкевичъ (Старынкевичъ). 466.
Строгоновъ. 268.
Стюрлеръ, командиръ л.-гв. Гренадерскаго полка. 118.
Суворовъ, князь. 355, 405, 527, 544, 580, III.
Сукинъ, комендантъ. 147, 424, 426, 427.
Сухозанетъ, генералъ. 315, 377.
Сысоевъ, генералъ. 346, 356, 357, 359.

Талызинъ, генералъ-маіоръ. 20, 321.
Талызинъ, генералъ-лейтенантъ. 436, 438, 572, 573.
Татищевъ. 173, 391, 398, 586.
Таубе, полковникъ. 194, 315.
Тельшевскій. 26, 119.
Темировъ, калмыкъ. 513.
Терентьевъ, оберъ-аудиторъ. 156.
Тимковскій, статскій совѣтникъ. 155, 440, 604.
Тимофѣевъ, титулярный совѣтникъ. 561.
Тихановскій, генералъ-маіоръ. 208, 211, 224.
Толстая, Агриппина, графиня. XII.
Толстой, графъ, генералъ. 21, 87, 150, 328, 338, 343, 349, 356, 393, 424.
Толстой, Петръ Ал., графъ. 535.

Толстой, Ѳедоръ Андреевичъ, графъ. XII.
Толь, баронъ, Карлъ Федоровичъ, генералъ. 84, 149, 163, 195, 263, 278, 308, 412, 418, 517, 522, 529.
Торвальдсонъ, художникъ. 71.
Тормасовъ. 216, 230, 269, 318, 359.
Траверсе, маркизъ. 384.
Трефуртъ, генералъ. 14.
Трубецкой, князь. 30, 46, 137.
Тургеневъ, старшій адъютантъ. 35, 121.
Турчаниновъ, генералъ-маіоръ. 6.
Тухолка, генералъ. 320.
Тучковъ, генералъ-маіоръ. 589, 591.

Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, генералъ. 26, 27, 74, 119, 123, 162, 163, 167, 384, 394, 405, 408, 424, 426, 437.
Удомъ, Иванъ Федоровичъ, генералъ-маіоръ. 37, 41, 50, 57, 60, 124, 140, 143, 146, 147, 149, 156.
Усачевъ. 4, 37.
Ушаковъ, прапорщикъ. 519, 587, 588.

Федоровъ, Петръ, каптенармусъ. 112.
Фигнеръ, партизанъ. 525.
Филипьевъ, подполковникъ. 508.
Фотій, архимандритъ. 432.
Франкъ, адъютантъ графа Воронцова. 2, 350.

Хатовъ, генералъ. 163.
Хитрово, отставной генералъ-маіоръ. 567.
Хованскій, князь. 49,
Ховенъ, генералъ-маіоръ. 249, 260, 267, 308.
Хотунцовъ, генералъ-маіоръ. 208, 213, 214.
Храповицкій, генералъ-маіоръ. 16.
Хрущовъ. 371, 373, 374, 375, 382, 390.

Циціановъ, П. Д. князь. 198, 209, 216, 232, 350, 364.

Чаадаевъ, адъютантъ. 24, 110.
Чавчавадзе, князь, полковникъ. 381, 414.
Чаликовъ. 64, 154, 525.
Чебышевъ. 99.
Чернышевъ, генералъ-адъютантъ (потомъ князь). 4, 15, 52, 64, 104, 416, 417, 463, 490, 502.
Чернышевъ, графъ, Захарій Григорьевичъ. 284.
Четвертинскій, князь. 107.
Чичаговъ, адмиралъ. 469, 477, 478.
Чубаровъ. 11.
Чуйкевичъ. 465.
Чупруновъ. 595.

Шабельскій. 381.
Шабо, француженка. 8.
Шалашниковъ. 12.
Шарлеманъ. 483.
Шарлотта, принцесса. 173.
Шатиловъ, полковникъ. 75, 84, 160, 171, 175, 179, 536, 554, 560.
Шаховской, князь. 398.
Шварцъ, полковникъ. 22, 23, 109, 113, 115, 116, 119, 134, 149, 520, 578.
Швецовъ, маіоръ. 232, 279.
Шелгуновъ. 401.
Шенингъ. 111.
Шеншинъ, 166.
Шереметевъ, графъ, поручикъ. 150.
Шиповъ, полковникъ. 156.
Шишковъ, капитанъ. 387.
Шлыковъ, правитель канцеляріи Московскаго генер. губернатора. XIV.
Шнаубертъ, докторъ. 548.
Штейнгель, графъ. 9, 82, 318, 412, 416.
Шубертъ, генералъ-квартирмейстеръ. 55, 64, 153.
Шуваловъ, графъ. 173.
Шульгинъ. 11, 101, 521.
Шультенъ. 288.
Шульцъ, баронъ, полковникъ. 291.

Эйме, генералъ. 508.
Энгельгардтъ. 594.
Эристовъ, князь, генералъ-маіоръ. 213, 231, 364, 387.

Эристовъ, князь, генералъ-лейтенантъ. 453.
Эртель, генералъ. 378, 381, 427, 432.
Эссенъ, генералъ. 11, 12, 13, 18, 61, 156, 158, 234.
Эссенъ, флигель-адъютантъ. 19.
Эссенъ, Петръ Кириловичъ. 492.

Юзефовичъ. 64, 154.
Юшкевичъ. 15.

Языковъ. 518.
Якимовъ, полковникъ. 277.
Яковлевъ, прапорщикъ, фельдъегерь. 272, 285.
Якубовичъ, офицеръ. 414.
Янушевичъ. 72, 163.
Яшвиль, князь. 20, 269, 274, 318, 474.

Ѳеофилактъ, митрополитъ. 339.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИДЕСЯТИ-ВОСЬМИ ТОМОВЪ СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ I. Уставъ Русскаго Историческаго Общества. — Рескрипты и письма им. Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщ. кн. Н. А. Орловымъ и изд. подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова. — Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщ. изъ Государственнаго Архива К. К. Злобинымъ.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца им. Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщ. княземъ П. А. Вяземскимъ.—Бумаги изъ дѣла о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма им. Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщ. А. Ѳ. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи Іезуитскаго новиціанта. Князя М. А. Оболенскаго и пр. Цѣна 2 руб.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія имп. Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ.—Записка графа Поццо-ди-Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ѳ. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ им. Екатериной II съ 1762 по 1769 годъ. Сообщ. графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченіе изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщ. княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя, о пребываніи его въ Россіи и пр..... Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поповымъ.—Записка графа І. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщ. изъ Государственнаго Архива въ С.-Петербургѣ. — Отвѣтное письмо графа І. Каподистріа Петро-Бею, вождю Спартанцевъ.—Инструкція, данная им. Екатериною II фонъ-Ребиндеру. Сообщ. А. Х. Бекомъ.—Письма имп. Александра I къ княгинѣ З. А. Волконской. Сооб. княземъ А. Н. Волконскимъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, профессоромъ Э. Германомъ..... Цѣна 3 р.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ кн. М. П. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1776 г. Сообщено А. Н. Поповымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива, въ Дрезденѣ, Э. Германомъ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну гр. Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письмо адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ.— Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщ. кн. Н. В. Репнинымъ.—Записка князя А. А. Чарторижскаго имп. Александру I, 26 іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно). Часть I.....Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ IX. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ 1782 г. Сообщен. кн. П. А. Вяземскимъ; документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. 2) Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. 3) Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765 и 1771 гг. 4) Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5) Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ м. и. д., съ 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II.....Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ и извлеченные изъ архива Прав. Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть I.... Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ Госуд. архивѣ м. и. д., съ 1771—1774 г., изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III..... Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2) Донесеніе барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3) Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства..... Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. П. И. Костомаровымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесеніе графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ Англійск. Госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть II.... Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1) Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2) Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3) Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено Имперскимъ Канцлеромъ Княземъ Бисмаркомъ и Госуд. Канцлеромъ Княземъ А. М. Горчаковымъ. 4) Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5) Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 6) Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7) Записка Государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8) Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го марта 1877 г., въ Аничковскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9) Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXI. 1) Донесенія А. И. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг. 2) Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву, 1811 г. 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву, 1809 г. 4) Донесенія имп. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцеву, 1811 и 1812 г. 6) Письмо графа П. А. Шувалова имп. Александру I, 1811 г. 7) Донесенія бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщено А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ Госуд. архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ, представленный имп. Александру I, 1801 г., М. М. Сперанскимъ. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ. 1) Донесеніе гр. Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г. 2) Шесть приложеній къ донесенію гр. Сольмса королю отъ 15 (26) октября 1766 г. Сообщено изъ Берлинскаго Госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ Госуд. архива мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академик. Я. К. Гротомъ. Ц. 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ Нидерландскаго Государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ.... ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева (1704—1722 гг.). Съ портретомъ имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ. Ц. 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 г. Томъ I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ Госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1774 по 1788 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ 1788—1799 гг. Т. II..... Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I..... Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т II..... Цѣна 4 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напеч. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича Часть IV. . . . . Ц. 3 р.

Томъ XXXIII. 1) Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II съ приложеніями. 2) Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику Герману Кейзерлингу. 3) Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями, напеч. подъ наблюденіемъ Я. К. Грота и Г. Ѳ. Штендмана..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива мин. иностр. дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1482 года. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть V..... Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Сообщено изъ Берлинскаго Государственнаго архива. Издано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XXXVIII. Документы, касающіеся сношеній Россіи съ Англіею съ 1581 по 1601 г. Документы эти получены изъ Московскаго архива Мин. Инос. Дѣлъ Ю. В. Толстовымъ и начаты печатаніемъ подъ его надзоромъ; послѣ же его смерти изданіе окончено проф. Бестужевымъ-Рюминымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ Англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть III..... Цѣна 3 р.

Томъ XL. Донесенія французскаго консула въ С.-Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1719 по 1722 г., изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Нагайскою ордами и съ Турціей. Т. I (съ 1487 по 1533 г.). Напеч. подъ наблюд. Г. Ѳ. Карпова..... Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ Госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1788 по 1796 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V..... Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть VI..... Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напечат. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота..... Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. II. Ц. 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II..... Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова, съ 1779—1798 г. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесеніе ихъ императрицѣ. Собраны и изданы Н. Ф. Дубровинымъ..... Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1762—1764 г. Ч. I. Томъ изданъ барономъ Ф. А. Бюллеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго..... Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ С.-Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 г. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III..... Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1708 — 1712 г. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IV..... Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ф. А. Бюллеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго..... Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV. Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, съ 1533—1558 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова ..... Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ Императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами.—Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова. Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 г. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина. Ч. I. (февраль—іюль 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, 1726—1730 г. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина. Ч. II. (іюль—декабрь 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1766—1767 г. Ч. III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра Ульяницкаго ..... Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. (Ч. V). Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова ..... Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, для составленія русскаго біографическаго словаря. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана Часть I. Буквы А—Л ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ, съ 1711—1719 гг. Ч. V. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества А. А. Половцова ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, для составленія русскаго біографическаго словаря. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина. Ч. III. (январь—іюль 1727 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна за 1726 и 1727 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г. Изданы профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ. Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728—1733 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VI ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II съ 1767—1768 гг. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Ч. VII ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1-го іюля по конецъ декабря 1727 года. Часть IV. Изданы подъ редакціею И. Ф. Дубровина ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть 1-я, 1880—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго... Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560 — 1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова ..... Цѣна 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка Прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

Stanford University Libraries
3 6105 026 281 175

CECIL H. GREEN LIBRAR
STANFORD UNIVERSITY LIBR
STANFORD, CALIFORNIA 943C
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE